

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 89.

1 ЯНВАРЯ 1861.

У Триюнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тхоржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—На новый годъ—Кончина князя Сергія Петровича Трубецкаго—Говеніе христіанъ панскихъ,
христіанами полицейскими—Тимашевъ и Бейсть.

НА НОВЫЙ ГОДЪ.

Газеты и толки говорятъ, что 1го Января 1861 года, выйдетъ указъ объ освобожденіи крестьянъ. Можетъ быть онъ уже торжественно станетъ читаться на площадяхъ и въ церквахъ, когда этотъ скромный листъ *Колокола* дойдетъ до Россіи. Много работы, много вопросовъ требуютъ широкаго развитія; но время дорого, минута слишкомъ важна; надо разомъ оглядѣться кругомъ, обозначить настоящее положеніе, цѣли и пути,—иначе становится жутко.

Какъ будетъ принято народомъ это освобожденіе?.... освобожденіе личное, съ правомъ на пользованіе землею и на розги, съ правомъ на выкупъ по добровольнымъ соглашеніямъ, при невозможности достигнуть ни соглашенія ни выкупа, съ правомъ остаться на барщину и на оброкъ, съ правомъ подчиниться вновь изобрѣщеннымъ управительствомъ и судопроизводствамъ, болѣе сложнымъ и запутаннымъ чѣмъ когда нибудь, словомъ освобожденіе канцелярское?... Какое бы оно ни было — въ первой день оно приметъ съ восторгомъ. Не одинъ шкаликъ откупнаго вина разоплетъ въ честь свободы... Но день пройдетъ—всѣ оглянутся и увидятъ, что и вино поддѣльное, и свобода поддѣльная. Наступитъ пора страшнаго молчанія, отъ котораго много лицъ поблѣднѣетъ; а потомъ люди очнутся, жизнь взойдетъ въ свои права и станетъ искать себѣ выхода.

Кто, очнувшись отъ перваго впечатлѣнія, останется довольнымъ?—Никто.

Крестьяне увидятъ, что они такіе же крѣпостные какъ были; только ихъ права, ихъ собственность, ихъ работа, всѣ ихъ отношенія къ помѣщику изъ неопредѣленности по отсутствію правилъ — перешли въ неопредѣленность по безчисленности правилъ; а между тѣмъ слово *свобода*—вылетѣло изъ клѣтки, и его съизнова въ клѣтку не упрячешь. Малѣйшее приѣсненіе со стороны помѣщика, прежде проходившее незамѣченнымъ, теперь приметъ крестьяниномъ хуже самыхъ звѣрскихъ помѣщичьихъ продѣлокъ. Надо поднимать судъ, а судъ хотя и мировой, не выйдетъ изъ рамки канцелярскихъ росписей объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ крестьянамъ, росписей возможныхъ на бумагѣ, но невозможныхъ въ примѣненіи... Судъ также мало удовлетворитъ

крестьянъ, какъ и ихъ новое управительство, которому будетъ вѣнено въ обязанность окрасить общинное самоуправленіе въ канцелярскую краску, къ нему непристающую. И спросить крестьянинъ: гдѣ же выходъ? А онъ нуженъ, потому что силъ много; надо или отпереть ворота, или все зданіе разорвется.

Таже неопредѣленность отношеній отъ безконечности правилъ поставить въ тупикъ помѣщика. Онъ не будетъ знать что онъ можетъ требовать отъ крестьянина, чего не можетъ. Слово свобода произвела свое дѣйствіе, крестьянинъ не слушается. Помѣщикъ идетъ въ судъ. Судъ разсматриваетъ канцелярскіе распредѣленія; въ нихъ и тяжущіеся и судья запутываются. Время длится, работа ускользаетъ, помѣщикъ раззоряется*.

Помѣщикъ видитъ, что выкупъ былъ бы для него выгоднѣе, тѣмъ болѣе, что земля все же въ пользованіи у крестьянина; крестьянинъ видитъ что земля у него въ пользованіи, но все же не его, и что онъ все же не свободенъ, и крестьянинъ видитъ что выкупъ для него былъ бы выгоднѣе; но у крестьянина нѣтъ денегъ, въ займы никто не дастъ, общей нитки для выкупа нѣтъ; стало отдѣльнымъ, случайнымъ выкупъ невозможенъ, какъ ни соглашайся добровольно. Смотрятъ другъ на друга помѣщикъ и крестьянинъ и чувствуютъ, что они оба раззоряются въ нухъ. Смотритъ на нихъ судья и боится: рѣшить на право—крестьяне взбунтуются; рѣшить на лѣво—помѣщикъ подастъ на него жалобу; и въ томъ и въ другомъ случаѣ правительство останется имъ недоволено, пришлетъ выговоръ, отставитъ, отдастъ подъ судъ. Почти что ужъ и не до взятокъ. Бѣжать бы куда нибудь.

Такъ и чиновники будутъ недовольны?

Безъ всякаго сомнѣнія. Столкновенія мелкихъ чиновниковъ съ окружающимъ безпорядкомъ будутъ страшно трудны. Помѣщикъ потребуетъ земскую полицію для наказаній; выйдетъ бунтъ. Правительство накажетъ земскую полицію или за то что пересѣкла, или за то что недосѣкла; бунтъ поставятъ ей въ вину. Тутъ ужъ не до взятокъ, а между тѣмъ и высшее начальство не переставетъ требовать обычной

* И за все раззореніе ни крестьянинъ, ни помѣщикъ, ни самъ судья—не имѣютъ даже въ вознагражденіе увѣренности, что нѣтъ безъ суда не арестуютъ и не сошлютъ.

подати съ мелкаго чиновничества, да и своя привычка попользоваться Ни судъ, ни полиція не будутъ довольны.

Между тѣмъ въ промышленности число рукъ не прибавится, какъ бы оно было при немедленномъ освобожденіи съ землею на основаніяхъ выкупа. Государственные крестьяне ждали новыхъ заработковъ; ихъ не будетъ, потому что помѣщику принять работника со стороны, имѣя своего неотчуждаемаго, не лзя. Фабрикантъ ждалъ новыхъ работниковъ; ихъ не будетъ, потому что освобожденный крестьянинъ еще обязанъ, т. е. не освобожденъ и не можетъ располагать собою. Купецъ ждалъ сильной дѣятельности, ея не будетъ; полевая и заводскія работы въ помѣщичьихъ имѣніяхъ застряли; у покупателей помѣщиковъ нѣтъ денегъ, у покупателей крестьянъ нѣтъ денегъ; товаръ остается на рукахъ; да и у правительства нѣтъ денегъ; внутри государства неоплатныя бумаги, заграничный курсъ невыносимъ; купецъ разоряется.

Правительство, хотя и принимаетъ платежи и подати кредитными билетами по цѣнѣ, которая на нихъ написана; но оно и платитъ ими по той же цѣнѣ; а ихъ никто, между собою, по этой цѣнѣ не принимаетъ. Платитъ ли правительство проценты, на нихъ убытокъ, потому что эти проценты неоплатныя бумажки. Капиталистъ разоряется. Взять капиталъ обратно, — но онъ придетъ въ этомъ же бумажномъ видѣ, таже потеря при всякомъ размѣнѣ или покупкѣ. Платитъ ли правительство за подряды, — какъ ни возвышай цѣны, не разочтешь на сколько упадутъ кредитныя билеты. Капиталисты, поставщики разоряются.

Ремесленники не получаютъ заказовъ, или работаютъ въ долгъ, а долговъ никто не платитъ; работа дорога, но не въ пользу рабочему. Мѣщаче разорены, не платятъ податей, полиція ихъ преслѣдуетъ; а взять не откуда, жить не вачто.

Сверхъ того, государственные крестьяне, безъ заработковъ, безъ продажи своихъ произведеній за недостаткомъ покупателей, платя за все бумажными деньгами въ три дорого, — имѣютъ въ виду утѣшеніе, что хотя крѣпостныхъ и обманули мнимымъ освобожденіемъ, но за то правительство съ особеннымъ усердіемъ старается ихъ самихъ обратить окончательно себѣ въ крѣпостные. Раздраженіе усиливается; то что отъ чиновника выносилось, становится нестерпимымъ; а жаловаться некому, да еслибъ кто и принималъ жалобы, то обвинилъ бы ихъ, а не чиновника. Жутко крестьянамъ, но плохо и чиновникамъ, тѣмъ болѣе, что со дня на день взятки брать страшнѣе — не ради наказаній отъ начальства, а по раздражительности обнищалаго народа; а между тѣмъ жалованье идетъ по нарицательной цѣнѣ, а жизнь впятеро дороже.

Ну! да пусть всѣ они недовольны — и помѣщикъ, и купецъ, и ремесленникъ, и освобожденный помѣщичій, и укрѣпостный государственный крестьянинъ, и губернской и уѣздныхъ чиновникъ; но лишь бы объ этомъ не говорили, не писали. Надо прижать литературу, надо усилить цензуру, надо запретить писать... А иной разъ, ради собственнаго спасенія, правительство не можетъ не позволить, не хотѣть чтобъ говорили. А у насъ говорить только начинаютъ, никто не усталъ; говорить хочется обо всемъ, да и нужда заставляетъ. Попробуй запретить печатать — станутъ говорить въ рукописяхъ; а оно почти также быстро какъ печать, но

за то дѣйствуетъ вдвое страстнѣе, стало вдвое сильнѣе, и вдвое опаснѣе для правительства, потому что пробирается подземнымъ ходомъ и не увидишь гдѣ и какъ придетъ къ взрыву и землетрясенію. Стало какъ же тутъ быть? Позволить писать, всѣ скажутъ какъ они недовольны; запретить писать — еще хуже: у связаннаго языка душа злобая.

Сверхъ того всѣ хотятъ учиться, потому что хотятъ мыслить и разсуждать о своихъ интересахъ и своемъ положеніи. Запретить учиться — не лзя; говоръ пойдетъ, назовутъ скотами, всѣ станутъ еще недовольнѣе; а начать самому мыслить, — правительству не приходитъ въ голову; а это одно бы и примирило всѣхъ. Недовольны и литература и школа: а въ преслѣдованіяхъ выгоды нѣтъ. Что за радость посадить въ сибирку какого нибудь гимназиста, между тѣмъ какъ крестьяне....

Ужъ не позвать ли поповъ благословлять солдатъ на усмиреніе бунтовъ?

Развѣ православные монахи, которымъ хотѣлось бы поддержать монастырское приволье и тунеядство, дадутъ благословеніе на палачество... но и то равнодушно; приношенія богомольцевъ скудны, да и тѣ бумажныя. Сельскіе священники не охотно станутъ проповѣдывать избіеніе крестьянъ; они поставлены къ нимъ слишкомъ близко; иной съ испугу не станетъ проповѣдывать противъ нихъ, другой — потому что былъ съ ними за панибрата. Даже, если мужикъ былъ и раскольникъ, священникъ съ нимъ не ссорился, имѣлъ отъ него свою поживу и не мѣшалъ ему вѣрить какъ знаетъ. Вдругъ начать проповѣдывать палачество?... оно и не богоугодно, да и правительство — приказать прикажетъ, а заплатить за это не заплатитъ, да и нечѣмъ.... Духовенство, обнищавшее вмѣстѣ съ народомъ, омоетъ себѣ руки и не вмѣшается въ дѣло, между тѣмъ какъ его сыновья, сдавленные и недокормленные въ семинаріяхъ и духовныхъ академіяхъ, пойдутъ всюду, гдѣ надо ломать, потому что они все ненавидятъ.

Да и поможетъ ли войску благословеніе на палачество?... Говорятъ, что 4му и еще какому то корпусу былъ данъ приказъ идти къ австрійской границѣ и ждать дальнѣйшаго распоряженія о переходѣ черезъ границу. Генералы рапортовали, что въ случаѣ помощи Австріи, они не надѣются ни на духъ солдатъ, ни на духъ офицеровъ и подадутъ въ отставку. Не знаемъ правда ли это; но то, что объ этомъ говорятъ — уже имѣетъ огромное значеніе. Стало часть офицеровъ и солдатъ внутренно не хотѣли помогать Австріи душиить Славянъ и Венгровъ; иначе этотъ слухъ не распространился бы. Неужели же у нихъ хватить усердія на избіеніе крестьянъ? И у кого у нихъ? У солдатъ, которыхъ отцовъ и братьевъ обманули мнимымъ освобожденіемъ, у которыхъ задерживаютъ жалованье, которыхъ плохо кормятъ и хорошо бьютъ; у солдатъ, изъ которыхъ много раскольниковъ, а ихъ единовѣрцевъ — чиновники Александра Николаевича сбьютъ и грабятъ, а Константинъ Николаевичъ ласкаетъ; у офицеровъ, которымъ раззоренные родители не дадутъ денегъ, да и на тѣ, что дадутъ, не лзя жить, — а между тѣмъ въ нихъ пробуждается иное чувство чести, не чести знамени, а той чести гражданина, которая мѣшаетъ марать руки колотя подчиненныхъ, и марать собственное достоинство, вынося всю наглость нѣмецкаго капральства, доказавшаго, въ крымскую войну, свою неспособность и вредность.

Сгало ктожь недовольные? Всѣ.

Съ одной стороны стоитъ вся масса населенія имперіи — недовольная; съ другой нѣмецкое правительство съ своими канцелярскими формами, по которымъ ему хочется вырѣзывать изъ государства маленькія регулярныя фигурки и играть ими въ игрушки. Правительство сосредоточено изъ всего бездарнаго, невѣжественнаго, своекорыстнаго и непонимающаго ни русской жизни, ни русскихъ потребностей. Глядя въ Россію большими глазами, оно ничего не видитъ, не видитъ даже, что оно страшно слабо и проваливается на собственныхъ догнивающихъ подмосткахъ; оно не видитъ, что оно чужое всѣмъ и вдобавокъ нищее, и не понимаетъ что по канцелярскимъ формамъ можно вырѣзывать бумаги и бумажки, но не лзя вырѣзывать народное тѣло, если оно живо; а оно живо—вопреки всему начальствующему и доктринерствующему, невѣжественному и заучившемуся, грабящему и тупоумствующему.

Но кто же *всѣ* и кто правительство?

Всѣ во-первыхъ—вся Россія, а правительство только оффиціальныи міръ.

Изъ кого же состоитъ этотъ оффиціальныи міръ? Въ Петербургѣ изъ нѣсколькихъ стариковъ, выжившихъ или недожившихъ до ума; изъ нѣсколькихъ крупныхъ грабителей, которые отстаиваютъ свою безнаказанность: изъ нѣсколькихъ честолюбцевъ, централизаторовъ изъ подлости; изъ нѣсколькихъ централизаторовъ по пристрастію къ канцелярскому облагодѣтельствуванію народа, этихъ не Петровъ великихъ, а Петровъ маленькихъ, чернилоточивыхъ, замѣнившихъ здравый смыслъ переписываніемъ иностранныхъ учреждений, и наконецъ изъ нѣсколькихъ лицъ, которымъ по наслѣдству, по породѣ, династически досталась страсть къ формѣ, и которые ни въ военномъ, ни въ гражданскомъ устройствѣ—никогда ничего не понимали кромѣ мертвой формы и мертвой буквы, а живая мысль и живое дѣло проходили мимо ихъ.

Въ губерніяхъ оффиціальныи міръ состоитъ изъ губернаторовъ и чиновниковъ по крупнѣ, да и то доля изъ нихъ не вѣрить ни въ нравственный смыслъ чиновничества, ни въ его незыблемость передъ настоящимъ отпоромъ; изъ нѣсколькихъ архіереевъ и соборныхъ поповъ, изъ правителей консисторій, которымъ жадность туманитъ глаза до поры до времени. Мелкое чиновничество, на которое столько нападаетъ общество и литература, потому что нападкамъ на крупное мѣшаетъ цензура, мелкое чиновничество, хотя и принадлежитъ къ оффиціальному міру, но всего менѣе прочно, всего скорѣе отшатнется, когда пойметъ, что ему пропадать изъ за крупнаго невыгодно.

Многіе къ оффиціальному міру относятъ и большинство помѣщиковъ, и не только большинство, но и большую часть меньшинства, основываясь на томъ, что въ крестьянскомъ вопросѣ у нихъ преобладаетъ слѣпое стремленіе сохранить себѣ земли въ собственность и право распоряжаться, управлять. Это еще менѣе прочно, чѣмъ мелкое чиновничество. Помѣшничество, въ крестьянскомъ вопросѣ, въ три года пережило огромныя перемены въ собственномъ образѣ мыслей. Сначала оно вовсе не хотѣло уничтоженія крѣпостнаго права и стояло далеко позади требованій оффиціальнаго міра; потомъ оно привыкло къ слову освобожденія, и помѣшничество стало говорить, что надо освободить крестьянъ, но только безъ земли и все стояло ниже оффиціальнаго міра. Потомъ оно согласи-

лось на отпускъ съ землею, но безъ переходнаго положенія и съ сохраненіемъ права управленія. Тутъ оно долею стало выше оффиціальнаго міра, долею сравнялось. Вопросъ въ сущности сталъ на томъ—кто будетъ управлять помѣшничество или чиновничество, чисто татарское начало или татаро-нѣмецкое. Между тѣмъ всегда чувствуемый, но неопредѣлимый уровень общественнаго сознания попотомъ подсказывалъ: не можетъ управлять — ни то ни другое. Отнынѣ помѣшничеству поставится задача такимъ образомъ: для того, чтобы имъ и народомъ не управлялъ татаро-нѣмецкій оффиціальныи міръ, падо чтобы оно само отказалось отъ управленія. Мы и не думаемъ, что большое большинство и большинство меньшинства дворянства захотѣло бы поступать съ самопожертвованіемъ Рыбѣва и съ безкорыстіемъ апостола; оно, изъ чувства самохраненія съ одной стороны, и изъ собственной выгоды съ другой — вынуждено будетъ стать выше оффиціальнаго міра и соединиться съ народомъ. Чтобы избѣжать бунтовъ и не потерять, а увеличить свое достояніе, оно будетъ вынуждено искать разумной нити для выкупа крестьянами земель, методы, которая основывала бы выкупъ не на случайныхъ соглашеніяхъ, а на правильномъ разчетѣ, для обоихъ сторонъ выгодномъ. Этотъ разчетъ не вынесетъ канцелярской формы; этимъ разчетомъ дворянство сохранитъ свою жизнь и свое достояніе и подорветъ оффиціальныи міръ, что для дворянства гораздо выгоднѣе сохраненія какихъ то привилегій олигархо-шляхетнаго управленія, которое несбыточно, потому что оставить ихъ всегда безъ денегъ, а на десять въ шести случаяхъ безъ головы. Вотъ почему не только большинство меньшинства, но и самое кровное большинство неслужащаго дворянства не принадлежитъ къ оффициальному міру; пужда двигаетъ въ извѣстное направленіе не меньше чѣмъ безкорыстное убѣжденіе.

Гдѣ же сила у оффиціальнаго міра?

Она есть, потому что всѣ ея составныя части, какъ ни плохи, но держатся. Но держатся не спокойно; онѣ колеблятся. Очевидно *всѣ*, т. е. Россія, должны перетянуть оффиціальныи міръ. Для этого, какъ всюду, есть путь положительный и путь отрицательный. Положительный путь постояннаго развитія народныхъ экономическихъ началъ, народнаго, общественнаго кредита и народнаго самоуправленія; и путь отрицательный постояннаго обезсиленія оффиціальнаго міра.

Но мнѣ скажутъ: “позвольте! Ну а если правительство соединится со всѣми: это было бы гораздо лучше!...” Не спорю; это было бы дѣло великое; но оно не соединится ни съ кѣмъ, потому что оно не только иностранно, но оно бездарно.

“Ну! а если оно сдѣлаетъ уступки, дастъ и оградить нѣкоторыя права?”—Берите и пользуйтесь, но цѣли изъ виду не теряйте.

Для общей финансовой мѣры выкупа крестьянскихъ земель правительство оказалось бездарно. Это можетъ и къ лучшему. Дворянство, ради собственной выгоды, должно подумать уже не о правительственномъ кредитѣ, а объ общественномъ. Это заставитъ его образовывать мѣстные банки, да несловные земскіе банки, переведенные съ нѣмецкаго; а банки съ участіемъ всѣхъ, съ поземельнымъ кредитомъ для крестьянъ не менѣе чѣмъ для помѣшиковъ, что составляетъ единственное условіе правильнаго выкупа; банки гдѣ всѣ вкладчики, гдѣ помѣшники и самые крестьяне разомъ вкладчики и заемщики,

гдѣ дивидендъ приходится на всѣхъ,—такіе мѣстные банки спасутъ дворянство и народъ, и соединятъ ихъ и ихъ выгоды. Круговая порука должна быть общою. Богатые куницы первые примутъ участіе въ образованіи мѣстныхъ банковъ, и участіе по безкорыстному побужденію, потому что между ними и народомъ живая питка не порвалась, какъ ни уродливо шло до сихъ поръ ихъ развитіе. Если въ одной губерніи образуется мѣстный банкъ на десять, даже на пять тысячъ душъ, изъ соединенныхъ крестьянъ, помѣщиковъ и другихъ сословій, то къ нему примкнетъ все окольное и онъ разовьется въ областной банкъ, управляемый выборными отъ мѣстныхъ банковъ; и областные банки образуютъ центры вездѣ, гдѣ образуются области. Помѣшать образованію мѣстныхъ банковъ, правительство не можетъ, не поднявъ руки на самого себя, т. е. не возстановивъ противъ себя разомъ всѣхъ, потому что мѣшать единственному средству спасенія нельзя безнаказанно; самые трусливые окрысятся. Да и нельзя правительству остановить разъ завязавшагося торговаго и кредитнаго дѣла, не разрушивъ окончательно самого себя.

Между тѣмъ образованіе областныхъ банковъ приведетъ къ своимъ необходимымъ послѣдствіямъ.

Во-первыхъ необходимость участія въ общемъ кредитѣ государственныхъ крестьянъ и слѣдственно освобожденія ихъ отъ казеннаго управленія и отъ крѣпостной принадлежности правительству. Это одна изъ краеугольныхъ потребностей русскаго народа; только ея осуществленіе дастъ возможность крестьянамъ не различать себя на помѣщичьи и государственныя и соединяться въ волости безъ промежутокъ. Черезполосность волостей составила бы такую уродливую нелѣпость, при которой никакое устройство невозможно.

Общины и волости, освобожденные отъ помѣщичьяго и казеннаго управленія, не могутъ не потребовать свободнаго выбора старшинъ, судей, вообще свободнаго выбора суда и полиціи, не требующаго утвержденія свыше. Дворянство и другія сословія не могутъ имѣть отдѣльныхъ выборовъ; областные выборы не могутъ быть не общими. Выгоды дворянства совпадаютъ съ выгодами народа въ томъ, что съ свободою общихъ областныхъ выборовъ исчезаетъ управленіе оффиціальнаго міра, замѣняясь управленіемъ выборными; чиновничество и нѣмецкія игрушечки ранговъ и мѣсть, отъ будочника до губернатора, замѣняются распорядителями, избранными областно и отвѣтственными передъ обществомъ, которое смѣняетъ ихъ, если недоволено. Судъ и управленіе становятся гласными. Европа очень хорошо чувствуетъ все зло, гнетущее ее потому, что выборное начало, даже съ *suffrage universel*, падаетъ только на депутатовъ въ парламентъ, о которыхъ масса населенія не имѣетъ понятія и выбираетъ ихъ равнодушно или при подкупѣ, выбираетъ, не зная для чего, съ неопредѣленною цѣлью,—между тѣмъ какъ администрація и суды зависятъ отъ правительства и наблюдаютъ не интересы общественныя, а интересы правительства. Пора сознать, что выборъ хорошъ только мѣстный, потому что тутъ всякій знаетъ кого и за чѣмъ выбираетъ. Община знаетъ своего старосту, городъ знаетъ кого выбрать для смотрѣнія за порядкомъ и чистотой; выборные отъ общины, волостей и сословій, сходясь на областные выборы будутъ знать кто способенъ наблюдать за порядкомъ въ области, кто способенъ разсудить угодное дѣло, кто способенъ распоря-

жаться общественными работами. Но далѣе размѣра области, управленіе ускользаетъ отъ непосредственнаго выбора; ни личность, ни кругъ дѣйствія избираемаго неизвѣстны массамъ. Для массъ доступенъ выборъ только мѣстнаго управленія. Выборъ центрального управленія возможенъ только черезъ посредство выборныхъ областныхъ.

Соединеніе въ области становится необходимой задачею, безъ разрѣшенія которой управленіе, ускользая отъ выборности и отвѣтственности, всегда будетъ уродливымъ, всегда упадетъ въ ложное соединеніе разнородныхъ частей, и создавая ненужное соединеніе огромнаго пространства подъ одну власть, пожертвуетъ этому огромному призраку свободой и благосостояніемъ народонаселенія.

Русская имперія естественно распадается на области, частію по географическимъ и промышленнымъ условіямъ, частію по племенамъ. Географическое положеніе и промышленный интересъ, одинакое земледѣліе вслѣдствіе климатическихъ условій, и одинакій сбытъ—неволью потянуть сѣверное народонаселеніе образовать Бѣломорскую область; точно также естественныя условія необходимо образуютъ Прибалтійскую область, (причемъ однако нѣмцы должны будутъ подчиниться общимъ требованіямъ и уступить крестьянамъ земли за выкупъ). Бѣлоруссія, по племенному условію, сплотится въ свою область, точно также какъ Литва въ свою. Средняя или кровная Великороссія, по всѣмъ условіямъ племени и одинакихъ промышленныхъ, преимущественно фабричныхъ интересовъ, составляетъ естественно свою область. Уральское народонаселеніе сосредоточится около Камы и Уральского Заволжья; Прикаспійское народонаселеніе съ своимъ степнымъ хозяйствомъ и своимъ транзитнымъ положеніемъ, между Закаспійской и Закавказской Азіей — и остальной Россіей, соединяется въ область одинаковостью интересовъ. Донское казачество, Малороссія и Новороссія, вмѣстѣ, или раздѣльно—составляютъ одну, или три Черноморскія области. Сибирь громоздится въ свои области по направленію къ Тихому Океану. Мы и не говоримъ собственно о Польшѣ. Она отъ Познани и до Галиціи включительно—захочетъ сплотиться въ свободную Польшу, но тѣмъ не менѣе въ нѣсколько областей. Раздѣлъ по областямъ кончаетъ безплодный споръ о границахъ, который составляетъ такую страстную заботу старопольскаго, шляхетско-рыцарскаго поколѣнія, и съ каждымъ днемъ становится диче для новаго польскаго поколѣнія, предпочитающаго идеалъ сильнаго развитія производительныхъ силъ и общаго бессословнаго самоуправленія—идеалу пана съ длинными усами, въ контушѣ и съ шапкой на бекрени; похоронимте эти допотопныя идеалы вмѣстѣ съ идеаломъ русскаго боярина въ желтыхъ сапогахъ — и давайте трудиться о свободномъ соединеніи людей въ области, на основаніи свободнаго самоуправленія общинъ и областей.

Но намъ скажутъ, что это раздѣленіе на области совершенно вводитъ насъ въ міръ удѣльнаго, или до удѣльнаго періода нашей исторіи. Можетъ быть! Даже весьма вѣроятно. Мы скажемъ болѣе — это даже совершенно справедливо и естественно. Удѣльный міръ образовался когда племена бродили и занимали земли. Они и заняли земли и соединились въ княжества по естественнымъ племеннымъ и географическимъ условіямъ. Эти условія остались и теперь; только, успокоившись стѣ бродяжничества и усѣвшись на мѣстѣ, теперь

намъ нечего входить въ удѣльные распр.; драться никому нѣтъ охоты; а устроивъ областныя самоуправленія, всѣ увидятъ необходимость подать другъ другу руку на общіе интересы и соединиться въ федерацію, въ общій союзъ славяно-русскихъ областей, въ которомъ области управлялись бы каждая сама собою, на основаніяхъ выборнаго самоуправления, надѣленія землею всѣхъ и каждого, съ своимъ областнымъ банкомъ, а для общихъ дѣлъ союза каждая область присылала бы своихъ выборныхъ для соглашеній въ устройствѣ путей сообщенія, общихъ расходахъ, и наконецъ для составленія общаго банка союза, управляемаго выборными отъ всѣхъ областныхъ банковъ.

Еслибъ правительство поняло эту живую струну и живую связь,— оно осталось бы въ главѣ движенія; но оно не пойметъ, потому что оно бездарно.

Еслибъ оно поняло—конечно, все пошло бы легче. Оно само способствовало бы устройству областныхъ банковъ, которые мирно совершили бы выкупъ крестьянскихъ земель; оно само передало бы имъ финансовую инициативу и способствовало бы къ преобразованію правительственнаго кредита въ кредитъ общественный; но оно не пойметъ—и банкамъ надо будетъ учреждаться по немногу, дѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ, разпространеніемъ сознанія ихъ необходимости. И банки все же учредятся, но вмѣсто того чтобъ спокойно перевести правительственный кредитъ въ общественный,—они подорвутъ правительственный кредитъ, потому что съ каждымъ шагомъ впередъ въ ихъ кредитъ, правительство будетъ утрачивать свой, и банковые билеты опрокинутъ правительственные бумажки,

Еслибъ правительство поняло живую струну,—оно само способствовало бы замѣнить управительственное чиновничество—выборнымъ началомъ. Но оно не пойметъ, и тактика останется одна: отстраняться отъ официального міра, выходить изъ чиновничества, оставлять въ немъ одну бездарность и недобросовѣстность; и усиливать число людей для образованія банковъ, число людей въ промышленности, число людей въ литературѣ, и наконецъ число образованныхъ русскихъ офицеровъ, такъ чтобъ правительственная бездарность не могла опираться на штыки и рассчитывать на пушки. Если одивъ полкъ откажется стрѣлять по народу, то всѣ откажутся; потому что солдатъ по приказу можетъ еще и пошелъ бы на мужика, но противъ солдата—въ наше время—онъ уже ни за что не пойдетъ, и голосъ ловкаго русскаго офицера будетъ для него понятнѣе голоса бездарныхъ нѣмецкихъ генераловъ.

Еслибъ правительство поняло живую струну, оно перестало бы тѣснить литературу и люди договорились бы до требуемаго общественнаго устройства путемъ мирнымъ.

Мы не говоримъ уже о гласности суда; это одна изъ тѣхъ необходимостей, которую и самое отчаянное тупоуміе не можетъ не признать, и только трусость тупоумія и его своекорыстіе могутъ задерживать.

Но не только гласность суда и печати, не только свободное преподаваніе въ школахъ, не только свободное учрежденіе областныхъ банковъ и выборнаго самоуправления, не только дарованіе свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, но и самое свободное разпредѣленіе народовъ на области,—правительство допустило бы, еслибъ поняло живую струну, потому что

оно поняло бы, что стоять во главѣ свободнаго славяно-русскаго союза по шире, по славнѣе, чѣмъ подписывать канцелярскія протоколы и учить гвардію въ манежѣ.

Какъ бы то ни было — пойметъ-ли оно, или не пойметъ, ново всякомъ случаѣ новый указъ о крестьянахъ будетъ не конецъ крѣпостнаго состоянія, а начало русскаго освобожденія.

Чувствуя всю важность этого начала, мы предлагаемъ людямъ русскимъ на размышленіе рядъ вопросовъ, которымъ пора приходитъ. Мы конечно посвятимъ имъ впослѣдствіи нашъ посильный трудъ, при тѣхъ малыхъ средствахъ, которыя у насъ, на чужой сторонѣ, найдутся подъ рукою; но нашъ трудъ далеко не можетъ быть достагочнымъ. Пусть тѣ, которые живутъ дома, у которыхъ возлѣ всѣ средства для изученія, для живыхъ наблюденій и для живаго дѣйствія, работаютъ надъ задачами русской общественной жизни неутомимо, безбоязненно, согласно, съ твердостью, преданностью и свѣтлымъ пониманіемъ. Сила обстоятельствъ такъ велика, что само правительство коснулось многихъ вопросовъ, но совладать съ ними не сможетъ; съ перваго взгляда кажется что оно ихъ создало, между тѣмъ какъ оно ихъ только сказало, частью потому что они уже были въ воздухѣ, частью—потому что не сказать ихъ еще страшнѣе чѣмъ сказать. Но сказать ихъ и совладать съ ними—дѣло розное. Одно—дѣло необходимости, другое—дѣло пониманія и искренности, въ которыхъ вся гражданская мощь. Правительство было такъ неспособно и неискренно, что оно представило не силу, а робость. Оно не умѣло даже назвать вещей по имени. Освобожденію оно дало кличку улучшенія быта; гласность суда и отвѣтственность администраціи—свелись на учрежденіе судебныхъ слѣдователей, которымъ уже теперь губернскія власти, напр. въ Харьковской губерніи, продаютъ мѣста по 1000 руб. сер.* Правительство не могло приступить къ постановкѣ вопросовъ—искренно, потому что его интересъ не общественный, а семейный, династическій; оно не могло приступить къ нимъ съ отчетливымъ и живымъ пониманіемъ отъ того, что его роль въ исторіи идетъ къ концу, а передъ концомъ здравость мозга больше чѣмъ сомнительна. Правительство во всѣхъ предпринятыхъ преобразованіяхъ было только робко, потому что оно свиду *начинало*, а въ сущности только *неохотно подчинялось* необходимости. Отъ этого оно и не поняло своего счастливаго положенія, самаго счастливаго, въ какомъ когда либо было какое нибудь правительство. Отсюда естественный ходъ данныхъ предусмотрѣть не трудно: робость не перейдетъ въ силу дѣйствія, а разовьется въ силу страха, т. е. правительство будетъ не совершать преобразованія, а мѣшать имъ. По неволѣ и со скорбію общество прійдетъ къ заключенію: “*Отъ правительства ждать нечего, станемте на свои ноги.*” И общество будетъ вынуждено отдѣлаться отъ правительства и не допускать, чтобы оно мѣшало развитію тѣхъ общественныхъ данныхъ, которыя существуютъ, сознаются и вошли въ движеніе. Общество будетъ вынуждено работать не вмѣстѣ съ правительствомъ, и покорить его власть власти общественной. Общество вынуждено составлять свои центры дѣйствія и упорству династическаго страха противопоставлять мощь общественнаго развитія. Образуются-ли эти центры понемногу

* Мы получили запросъ: “*Правда-ли, что правители канцелярій губернаторовъ Харьковскаго и Полтавскаго объявили таксу по 1000 р. с. за новыя мѣста судебныхъ слѣдователей?*”

и тихо, или быстро и явно,—это зависит от силы обстоятельств, от силы людей, от силы их сближения и согласия. Как-бы они ни образовались, но они, по необходимости, должны образоваться: иначе не лзя идти вперед, а остановиться невозможно.

Но возвратимся къ нашему перечню вопросов:

1. Общинное поземельное владѣніе въ Великороссіи, поземельное владѣніе для всѣхъ вездѣ, общинное и общественное самоуправленіе.

Общинное поземельное владѣніе необходимо влечетъ за собою свои экономическія основанія и свою экономическую будущность. Для соглашения партій оно влечетъ необходимость общиннаго выкупа крѣпостныхъ земель за круговую поруку, что обуславливаетъ необходимость общиннаго крестьянскаго долгосрочнаго кредита, основаннаго не на системѣ ипотеки (залоговъ), а на учрежденіи правильныхъ опекъ для педомщиковъ и общественнаго застрахованія платежей. Оно влечетъ необходимость уничтоженія правительственнаго крѣпостнаго права и соединенія государственныхъ и освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ одно сословіе, съ правомъ государственныхъ крестьянъ на такой же кредитъ, и учрежденіе, на тѣхъ же основаніяхъ, выкупа государственныхъ податей и образованія общественныхъ капиталовъ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, при постепенномъ погашеніи всякаго рода налоговъ. Тѣ же экономическія основанія влекутъ къ необходимости, и для частнаго помѣщичьяго поземельнаго кредита, учрежденія круговой поруки съ системой правильныхъ опекъ, и къ образованію кредита безсословнаго, т. е. всесословнаго, посредствомъ мѣстныхъ сельскихъ банковъ. Мѣстные сельскіе банки для своего начала требуютъ согласія двухъ-трехъ помѣщиковъ между собою и съ крестьянами на долгосрочный выкупъ посредствомъ годовыхъ взносовъ, и согласія двухъ-трехъ капиталистовъ принять крестьянскія и помѣщичьи процентныя обязательства къ учету, и принимать, въ условленномъ между собою порядкѣ и размѣрѣ, свои временныя безпроцентныя расписки къ обмѣну на товаръ и деньги. Слѣдственно въ образованіи мѣстныхъ сельскихъ банковъ соединяются капиталисты, (а въ послѣдствіи и всѣ мелкіе капиталы) помѣщики и крестьяне. Для собственной выгоды мѣстные банки должны способствовать развитію земледѣлія и потому снабжать общины, съ платой отъ нихъ за пользованіе, полевыми, машинами и орудіями; не смотря на раздѣльность участковъ, крестьянскія поля прирѣзаны хлѣбъ къ хлѣбу, и, при пособіи паровыхъ и иныхъ орудій, крестьяне могли бы обрабатывать всѣ участки сплошь, что естественно, изъ общиннаго землевладѣнія разовьетъ общинный трудъ, и это можетъ вызвать образованіе поземельныхъ общинъ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ землевладѣніе только личное. Образованіе многихъ мѣстныхъ общинныхъ банковъ влечетъ за собою образованіе областнаго банка; образованіе областныхъ банковъ влечетъ за собою добровольное распредѣленіе Россіи на свободныя области и соединеніе ихъ въ общій союзъ. Такимъ образомъ развитіе экономическихъ данныхъ ведетъ къ конфедеративному устройству.

Общинное самоуправленіе требуетъ, чтобы выборъ всѣхъ лицъ пужныхъ для сельскаго управленія, былъ свободенъ, т. е. производимъ и утверждаетъ только міромъ, безъ всякаго согласія высшаго начальства; чтобы соединеніе сель въ волости было рѣшаемо добровольно, на общихъ сходкахъ выборныхъ отъ каждаго міра, дѣйствующихъ по мірскому приказанію. Также свобода выбора въ волостныя должности должна быть сохранена и на волостныхъ сходкахъ. Свобода выбора составляетъ тоже неотъемлемое право городовъ, выбирающихъ людей въ городскія должности, безъ различія сословій избирателей и избираемыхъ. По роду землевладѣнія, частныя землевладѣльцы (помѣщики) будутъ въ общины и могутъ примкнуть къ ней только въ нѣкоторыхъ случаяхъ (на пр. мелкопомѣщные) по собственному желанію и обоюдному согласію; но по праву гражданскому частныя землевладѣльцы, на равнѣ съ другими членами волости или города, должны быть избираемыми и избирателями. Выборность общиннаго, волостнаго и городскаго хозяйственнаго и полицейскаго управленія влечетъ необходимость выборности, для общихъ имъ всѣмъ потребностей, общаго областнаго управленія избираемаго посланцами отъ волостныхъ и городскихъ сходокъ безъ различія сословій. Слѣдственно и вопросъ общиннаго самоуправленія ведетъ къ самоуправленію областному, къ необходимости добровольнаго распредѣленія государства на самостоятельныя области и соединеніе ихъ въ общій союзъ. Развитіе самоуправленія ведетъ къ конфедеративному устройству. Но первый шагъ на этомъ пути ставитъ слѣдующій вопросъ:

2. Не только уничтоженіе чиновъ, но совершенное упраздненіе чиновничества, назначаемаго правительствомъ, и замѣна

его управленіемъ выборнымъ отъ общества, гдѣ каждый выбраппый обязанъ передъ своими избирателями дать отчетъ и держать отвѣтъ совершенно гласный равно изустно и печатно.

Упраздненіе чиновничества влечетъ за собою утрату того значенія городовъ, которое они имѣютъ теперь, т. е. собранія населенія около присутственныхъ мѣстъ. Для того, чтобы извѣстныя селенія становились торговыми центрами, нѣтъ никакой надобности переводить общины на городское положеніе. Развитие путей сообщенія должно усилить число временныхъ торговыхъ центровъ, т. е. ярмарокъ и базаровъ, служащихъ для равномернаго развоза промышленныхъ произведеній гораздо болѣе, чѣмъ притокъ всѣхъ производительныхъ силъ къ постояннымъ центрамъ, т. е. городамъ, поглощающимъ эти силы равно въ ущербъ населенію городскому, образу избытокъ населенія, — и населенію сельскому, производя недостатковъ въ немъ. Если развитіе путей сообщенія должно служить къ повсюдному уравновѣшиванію произведеній, то оно должно также служить и къ уравновѣшиванію рабочихъ силъ и числа потребителей; иначе развитіе путей сообщенія будетъ выгодно только для сильныхъ міра сего. Ни въ какомъ случаѣ не лзя допустить назначеніе какихъ бы то ни было торговыхъ центровъ по приказанію начальства и правительства; лишь бы правительство не мѣшало, торговые центры образуются естественно, вслѣдствіе мѣстныхъ условий и потребностей.

Упраздненіе казеннаго чиновничества влечетъ за собою упраздненіе казенной полиціи и учрежденіе полиціи выборной, отвѣтственной передъ избирателями; полиціи охраняющей, а не грабящей, не преслѣдующей, не шпионствующей, какою всегда и вездѣ является казенная полиція. Само собою разумѣется, что съ нею вмѣстѣ уничтожается III Отдѣленіе и всякое тайное жандармство, равно позорное и для правительства, которое въ немъ нуждается, и для общества, которое его выносить.

3. Уничтоженіе тѣлеснаго наказанія всякаго рода.

4. Гласность суда и уголовный судъ присяжныхъ.

Безъ сомнѣнія на первомъ планѣ непркосновенность лица и дома, уничтоженіе всякихъ произвольныхъ арестовъ безъ судебного разрѣшенія, гласность слѣдствія, т. е. допросовъ обвиняемаго и свидѣтелей.

5. Гражданскій судъ—третейской.

Всѣ частныя споры и тяжбы о правѣ владѣнія и правахъ семейныхъ происходятъ отъ недоразумѣнія спорящихъ сторонъ. Государство не можетъ входить въ разбирательство частныхъ недоразумѣній; разбирательство недоразумѣнія можетъ быть только третейское. Законы гражданскіе должны быть ясно изложены, сообразно мѣстному и сословному обычаю (на пр. право наследства) и сообразно повымъ общественнымъ потребностямъ; но особыя присутственныя мѣста для разбирательства частныхъ споровъ, писколько нигдѣ и никогда не служили и не служатъ ни къ примиренію спорящихъ, ни къ правильному рѣшенію, а только къ запутыванію и замедленію тяжбныхъ дѣлъ. Разводъ мужа и жены, и выходъ совершеннолѣтнихъ изъ семейства—составляютъ неотъемлемое право лицъ и не подлежатъ судебному разбирательству; при разводѣ и раздѣлѣ судъ можетъ только разбирать право каждаго лица на владѣніе или на пособіе. Расходы по третейскому суду падаютъ на тяжущихся; образованіе касты адвокатовъ, этой язвы западной Европы, было бы для насъ несчастіемъ; каждый можетъ избирать повѣреннаго кого пожелаетъ.*—Маклерская часть (совершеніе актовъ, довѣренностей и пр.) конечно должна быть отдѣльною отъ судовъ, и маклеры могутъ быть только выборные отъ общества.

6. Сводъ законовъ гораздо болѣе подлежитъ уничтоженію и замѣну новымъ, чѣмъ исправленію.

IX Томъ (о состояніяхъ) естественно исчезаетъ. Въ уголовного свода едва ли одна статья можетъ уцѣлѣть.

7. Полная свобода печати.

Это единственный способъ мирно договориться до всякихъ улучшеній и преобразованій. Разумѣется за личныя оскорбленія предоставляется право жалобы и судебного иска. Но правительство не должно имѣть права ни запрещать, ни останавливать какихъ бы то ни было изданій.

8. Свобода вѣроисповѣданія и совѣсти.

* Правительство имѣетъ проектъ (который мы въ скоромъ времени напечатать) учредить касту адвокатовъ, такъ что по мимо лицъ, ее составляющихъ, никто не будетъ въ правѣ избрать повѣреннаго. Это разомъ возвыситъ судебныя расходы и отдастъ простыхъ обывателей въ лапы законниковъ.

9. Свобода преподаванія.

Приказанное преподаваніе мѣшаетъ развитію; только конкуренція мнѣній подвигаетъ его, и потому никакое стѣсненіе преподаванія не можетъ имѣть мѣста. Общество должно составлять капиталы для учрежденія школъ, гимназій, университетовъ и пецись о воспитаніи и ученіи бесплатно, равно для мужскаго и женскаго пола; по отпюдь не стѣснять свободы преподаванія и преподающаго. Частныя учебныя заведенія могутъ учреждаться безпрепятственно. Сословныя учебныя заведенія, слѣдствепло и семинаріи, не могутъ имѣть мѣста; всѣ учебныя и воспитательныя заведенія должны быть равно доступны всѣмъ сословіямъ. Допущеніе женщинъ къ университетскому образованію необходимо. Учрежденіе странствующихъ учителей для сельскаго и рабочаго народонаселенія не менѣе важно чѣмъ учрежденіе народныхъ школъ.

10. Свобода торговли.

Уничтоженіе гильдій, такъ мало приносящихъ доходу городамъ и правительству, и право каждому торговать вездѣ и чѣмъ угодно,—условіе безъ котораго развитіе промышленности невозможно. Городскіе доходы и расходы должны быть обсуживаемы городскими обществами, смотря по мѣстнымъ средствамъ и выгодамъ. Учрежденіе городскихъ банковъ, составленіе городского капитала изъ погашеній городскихъ сборовъ,—гораздо болѣе помогутъ благосостоянію городовъ и ихъ обывателей, чѣмъ всѣ законы стѣсняющіе торговлю.

11. Уничтоженіе паспортовъ.

Уничтожьте паспорта—и общины, волости и городскія общества опредѣлятъ свои отношенія къ лицу, вислолько не разрушая круговой поруки. Вдобавокъ система паспортовъ никому не мѣшала укрываться отъ платежа податей, а всегда способствовала мошенничеству, полицейскому покровительству мошенничества и полицейскому стѣсненію жизни честнаго человѣка, и только. Правильныя опеки также сдѣлаютъ невужными укрывательства отъ платежа податей и систему паспортовъ, какъ и систему залоговъ по долгосрочному кредиту. Люди же, переставутъ считаться бѣглецами, и будутъ только перемѣняющими мѣсто жительства. Times (18 Декабря 1860) въ превосходной статьѣ объ уничтоженіи паспортовъ между Франціей и Англіей, говоритъ, что “никогда не чувствуется такъ ясно все безуміе дурнаго учрежденія, какъ послѣ его уничтоженія, когда мы видимъ, какъ легко безъ него обходиться.”

12. Измѣненіе системы рекрутства.

Мы не можемъ принять войны и постоянного войска иначе, какъ за неизбежное зло. У насъ рекрутство—большее общественное и личное несчастье чѣмъ гдѣ нибудь. Мы должны придти къ тому, чтобы, въ мирное время, опредѣленное число здоровыхъ людей отъ 20 до 30-лѣтняго возраста, безъ различія сословій поступало въ войско на шесть мѣсяцевъ, что совершенно достаточно для выучки полезнаго, а не параднаго, солдата; а послѣ шести мѣсяцевъ возвращались бы домой къ обычнымъ занятіямъ. Это приучило бы все народонаселеніе къ военному ремеслу и никого не стѣснило бы. Безъ сомнѣнія, тѣлесныя наказанія въ полкахъ и во флотѣ не должны имѣть мѣста; укрывательство отъ рекрутства, дезертирство и система паспортовъ, при этомъ устройствѣ, окажутся бесполезными. Опредѣленное число войска должно быть набрано и стоять въ своей области и не переводиться, въ мирное время, изъ края въ край. Только тогда солдатъ будетъ знать, что онъ защитникъ родины, а не папачъ, поставленный какой то чужеземной властью.

13. Уничтоженіе вмѣшательства какой бы то ни было военной власти въ дѣла управленія и судопроизводства, и недопущеніе назначать военныхъ людей, пока они въ военной службѣ, къ какимъ бы то ни было гражданскимъ должностямъ, административнымъ, судебнымъ или полицейскимъ.

14. Войско должно быть содержано на общественныя деньги, посредствомъ областныхъ управленій.

15. Областное управленіе получаетъ на областныя расходы деньги изъ областныхъ казначействъ, въ которыя поступаютъ суммы изъ областного банка по сметѣ, утвержденной областной думой. Областной банкъ получаетъ надлежащія податныя суммы изъ мѣстныхъ банковъ, куда они поступаютъ отъ сборщиковъ податей, избираемыхъ міромъ въ каждой общинѣ, и городскимъ обществомъ въ городахъ. Тѣже сборщики

собираютъ въ общинахъ платежи, слѣдующія по долгосрочнымъ крестьянскимъ займамъ. Дѣйствія банковъ совершенно независимы отъ казначействъ.

16. Для разсмотрѣнія и утвержденія областныхъ потребностей и расходовъ учреждается областная законодательная дума, члены которой избираются на областныхъ выборахъ отъ всѣхъ сословій.

17. Для разсмотрѣнія и утвержденія междуобластныхъ потребностей и расходовъ учреждается государственная союзная дума изъ посланныхъ отъ всѣхъ областныхъ думъ.

18. Управленіе междуобластными финансами принадлежитъ государственному банку, управляемому выборными отъ областныхъ банковъ. Суммы нужныя для расходовъ по дѣламъ союза, банкъ препровождаетъ въ государственное казначейство; но въ дѣйствіяхъ своихъ отъ казначейства совершенно не зависитъ.

19. Управленіе дѣлами союза, собственно администрація междуобластныхъ работъ и завѣдываніе порядкомъ междуобластныхъ отношеній, и отношеніями союза къ иностраннымъ государствамъ—называется *правительствомъ*.

20. Правительство не можетъ привести въ исполненіе ни одного закона, неутвержденнаго государственной союзной думой, и ни въ какомъ случаѣ не нарушаетъ областныхъ правъ и законодательствъ.

21. Правительство не можетъ вступать съ иностранными державами ни въ какіе секретные переговоры. Дипломатическія отношенія подлежатъ той же гласности какъ и внутреннее управленіе.

Отъ русскихъ императоровъ зависитъ, рядомъ разумныхъ уступокъ и дарованіемъ областямъ свободы, самостоятельности и самоуправленія, и признаніемъ ихъ правъ, стоять во главѣ движенія и мирно достигать до тѣхъ идеаловъ, къ которымъ Россія невольно будетъ стремиться. Иначе достиженіе ихъ будетъ стоить много смуть и ненужнаго кровопролитія; а остановить, упорствомъ со стороны правительства, ничего не лзя: существующія данныя не могутъ не требовать себѣ естественнаго исхода и развитія, и возьмутъ верхъ по очень простой причинѣ—у нихъ для движенія больше силы, чѣмъ у правительства для застоя.

На первыхъ порахъ постановка крестьянскаго вопроса, т. е. освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, приводимая въ исполненіе правительствомъ такъ, что ни одна сторона не останется спокойною, требуетъ сильной работы. Общественныя толки, сближеніе лицъ, составленіе центровъ, образованіе мѣстныхъ банковъ для правильнаго выкупа крестьянскихъ земель,—и слово, и печать, и дѣло все должно быть употреблено для мирнаго и прочнаго развитія жизни.

Мы думаемъ, что всѣмъ порядочнымъ людямъ отстраняться отъ чиновничества и вступать въ настоящую дѣятельность—было бы лучшимъ средствомъ и начать настоящее дѣло, и обезсилить управленіе. Едва ли можно будетъ имѣть что нибудь общаго съ чиновничествомъ, которое напоследкахъ, какъ пламя сильнѣе вспыхивающее передъ потуханіемъ, стапеть грабить невѣроятнымъ образомъ, особенно чиновничество, которое покрупнѣе и по ближе къ престолу. Но предрѣшать способы дѣйствія мудрено. Вобщемъ полезнѣе оставлять службу и помогать людямъ безъ средствъ находить иные пути для обезпеченія своего существованія, иную работу.

Но можетъ иногда полезно внести свое вліяніе и въ служебную дѣятельность?... Это понятно только на мѣстѣ и при случаѣ. Можетъ быть полезнѣе сосредоточить всѣ силы въ одной губерніи; можетъ лучше разнести ихъ всюду. Истинный дѣятель долженъ *чуять* въ данную минуту, что дѣлать и куда направить силы.

Въ одномъ мы не можемъ разубѣдиться: надо умножать число образованныхъ офицеровъ, чтобы войско не было употреблено противъ крестьянъ. Это единственное средство избѣгнуть кровопролитія, сдѣлать помѣщиковъ сговорчивыми, дать возможность начать рациональное экономическое преобразование и сберечь силы на остальное.

Еще разъ повторимъ: умноженіе образованныхъ офицеровъ нужно и для того, чтобы не мѣшать Польшѣ освободиться. Насильственный союзъ Польши и Россіи по крайней мѣрѣ столько же вреденъ для Россіи сколько для Польши. Правительство останавливаетъ русское развитіе изъ боязни польскаго либерализма, содержитъ въ Польшѣ ненужное войско на счетъ Россіи, и поддерживаетъ тяжелый духъ племенной вражды, которая ни Россіи ни Польшѣ, ни даже самому нѣмецкому правительству, не приноситъ выгоды. Ксожалѣнію, между Русскими еще встрѣчаются (все рѣже и рѣже) люди, которые думаютъ, что не лзя уступить Польшѣ Польшу, потому что мы проливали кровь подъ Варшавой. Да развѣ потому, что мы, тридцать лѣтъ назадъ, повинувшись правительству, имѣли глупость и варварство бесполезно проливать русскую и польскую кровь подъ Варшавой, развѣ изъ этого слѣдуетъ что мы должны теперь отдавать наши трудовыя копѣйки для поддержанія той же глупости и того же варварства? Или Польша приноситъ доходъ Россіи,—тогда это со стороны Россіи гнусный грабелъ; или Польша ничего не приноситъ,—тогда насильственный бракъ бесполезенъ; или Польша намъ въ убытокъ, (а это всего правдоподобнѣе),—тогда этотъ насильственный бракъ просто безконечно глупъ. Лучше покаяться въ глупости и варварствѣ, и не мѣшать, а помогать польскому освобожденію; оно слишкомъ тѣсно связано съ нашимъ собственнымъ.

Въ этомъ перечнѣ, конечно, мы не могли поставить всѣхъ вопросовъ, и давно не могли развить ихъ. Мы только хотѣли сдѣлать первую попытку—поставить заголовки, или вехи, указать цѣли... На сколько мы успѣли—не знаемъ. Если эти страницы хотя въ немногихъ возбуждаютъ сочувствіе, мы довольны. Трехъ человекъ было достаточно, чтобы измѣнить хлѣбные законы въ Англіи, и двѣнадцать человекъ распространили христіанство въ цѣломъ мірѣ. Если для русскаго развитія найдется дюжина дѣятелей,—оно не погибнетъ. Въ заключеніе мы только напомнимъ, что обстоятельства дѣлаются людьми, а не сами собою по волѣ невѣдомыхъ судьбъ; что не лзя желать преобразования и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывать въ опочиваніи, сквозь сонъ бравить настоящее, и—по лѣни и трусости—не дѣлать ни шагу для будущаго, которое требуетъ не героизма во снѣ, а просто людей бодрствующихъ, подвижныхъ и не боящихся побезпокоиться. Мы напомнимъ очень простую вещь: для того, чтобы что нибудь сдѣлалось—надо чтобы люди дѣлали.

Новый годъ, новый путь, новая жизнь... Впередъ силы русскія!

Н. ОГАРЕВЪ

КНЯЗЬ СЕРГІЙ ПЕТРОВИЧЬ ТРУБЕЦКОЙ,
возвращенный изъ Сибири, скончался въ Москвѣ.

— *Гоненіе христіанъ папскихъ — христіанами полицейскими.* Въ мѣстечкѣ *Клещеляхъ*, Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губерніи крестьяне перестали ходить въ *полицейскую* церковь. Квартальный священникъ *Гоюлевскій*, донесъ объ этомъ дивизионному архіерею *Желявскому*, но и его бого-полицейское увѣщаніе не удалось. Тогда самъ Гродненскій епископъ и губернаторъ *Шнееръ* (какого исповѣданія невѣстно), явился въ должности апостола, проповѣдая церковь поддерживаемую розгами, и Симашками. Уніаты не поддались, честь имъ и слава, какая бы религія ни была, горе человѣку позволяющему до нея дотрогиваться земскимъ ярыгамъ и царскимъ холопамъ. Такъ какъ это было передъ пріѣздомъ государя, то преосвященнѣйшій *Шнееръ* (неизвѣстнаго вѣроисповѣданія), замаялъ дѣло, отославъ *зачинщиковъ* въ духовныя сѣбзи называемыя православными монастырями.

Объ этомъ дѣлѣ въ Бѣловцѣ производится слѣдствіе. Просимъ убѣдительно Гродненскихъ читателей увѣдомить насъ, какимъ сѣченіемъ окончится торжество святыхъ и православныхъ церкви.

— *Тимашевъ, сидите дома какъ Бействъ, не ѣздите какъ Гейнау!* Будущій графъ и настоящій но не безкорыстный защитникъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, шатается по Европѣ, распросирая запахъ шпионства, застѣвка, орудій пытки и проч. Говоритъ что онъ былъ здѣсь—много-ли видно въ щели, хорошо-ли слышно за дверьми?

Вотъ тоже графъ, да еще настоящій, графъ Гейнау былъ однажды въ Лондонѣ и какъ настоящій нѣмецъ, сходилъ на поклоненіе мѣсту зачатія пива и портера, въ Берклееву пивоварню—и вышелъ оттуда *усомъ* меньше....

Молодой человекъ, III отдѣленія человекъ—да послужить сей *односторонній* примѣръ внушительнымъ назиданіемъ “для собственной вашей пользы”, какъ выражался достойный предлушникъ вашъ Леонтій Васильевичъ Дуббельтъ. Сидите дома и кланяйтесь отъ насъ Лужину.

Какъ только заговоришь о шпионахъ и палачахъ, такъ въ голову и идетъ нашъ добрый, почтенный, бидерманъ, *Kreuzbraver Бействъ*. Представьте положеніе этого почтеннаго бидермана—король его служить въ австрійскихъ шпионахъ, ну ему и приходится играть роль шиндериухта. Такъ какъ они въ 1849 году выдали нашего Бакунина, такъ теперь передали графа Телеки, въ Вѣну своимъ господамъ. *Король-шпионъ!* это совершенно новое сочетаніе должностей. Зачѣмъ же Тимашеву въ графы, ему уже прямо въ короли Саксонскіе.

Какое постоянство въ злодѣйствѣ, и какое... терпѣніе у этого нѣмецкаго народа—*zu christlich!*

печатаются:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II. П. ОГАРЕВА.

СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ кн. II.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ кн. II, выйдеть на дняхъ.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1861 годъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 90.

15 ЯНВАРЯ 1861.

У Трибнера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Тюржевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—К. С. Аксаковъ—Циркуляръ питейнаго министерства—Варварство на “Пластунъ”—Профессоръ П. В. Павловъ и Тимашевка—
Смѣсь: Еще о г. Глушковѣ—Строгоновѣ и Александрѣ II. противъ азбуки—Уральская пѣсня—Тимашествующій Чевкниъ—
Семейныя добродѣтели Николаевцевъ—Фишеръ въ парке—Покореніе Колокола—Приглашеніе.

КОНСТАНТИНЪ СЕРГѢВИЧЪ АКСАКОВЪ.

Вслѣдъ за сильнымъ бойцемъ Славянства въ Россіи, за
А. С. Хомяковымъ—угасъ, одинъ изъ сподвижниковъ его,
одинъ изъ ближайшихъ друзей его Константинъ Сергѣевичъ
Аксаковъ скончался въ прошломъ мѣсяцѣ.

Равно умеръ Хомяковъ, еще раньше Аксаковъ; больно
людямъ, любившимъ ихъ, знать, что нѣтъ больше этихъ
дѣятелей благородныхъ, неутомимыхъ, что нѣтъ этихъ про-
тивниковъ, которые были ближе намъ многихъ своихъ. Съ
нелѣпой силой случайности спорить нечего, у ней нѣтъ ни
ушей, ни глазъ, ее даже и обидѣть нельзя, а потому со слезой
и благочестіемъ, закрывая крышку ихъ гроба, перейдемъ къ
тому что живо и послѣ нихъ.

Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ—сдѣлали свое дѣло;
долго ли, коротко ли они жили, но закрывая глаза, они могли
сказать себѣ съ полнымъ сознаніемъ, что они сдѣлали то, что
хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдгерской
тройки, посланной Петромъ, и въ которой сидитъ Биронъ и
колотить ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ
людей—то они остановили увлеченное общественное мнѣніе
и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей.

Съ нихъ начинается переломъ русской мысли. И когда мы
это говоримъ, кажется намъ нельзя заподозрить въ пристрастіи.

Да, мы были противниками ихъ, но очень странными.
У насъ была одна любовь, но не одинакая.

У нихъ и у насъ, западо съ раннихъ лѣтъ одно сильное
безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они
принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество—чувство
безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ
русскому народу, къ русскому быту, къ русскому складу ума.
И мы какъ Янусъ, или какъ двуглавый орелъ, смотрѣли въ
разныя стороны, въ то время какъ сердце билось одно.

Они всю любовь, всю нѣжность, перенесли на угнетенную
мать. У насъ воспитанныхъ внѣ дома, эта связь ослабла.
Мы были на рукахъ французской гувернантки, поздно узнали
что мать наша не она, а загнанная крестьянка, и то мы
сами догадались по сходству въ чертахъ, да потому что ее
пѣсни были намъ роднѣ водевилей; мы сильно полюбили ее,
но жизнь ея была слишкомъ тѣсна. Въ ея компактѣ было

намъ душно; все почернѣлые лица изъ за серебряныхъ окла-
довъ, все попы съ причегомъ пугавшіе несчастную, забитую
солдатами и писарями женщину; даже ея вѣчный плачь объ
утраченномъ счастьи, раздиралъ наше сердце; мы знали что
у ней нѣтъ свѣтлыхъ воспоминаній—мы знали и другое что
ея счастье впереди, что подъ ея сердцемъ бьется зародышъ,
—это нашъ меньшій братъ, которому мы безъ чечевицы
уступимъ старшинство. А пока—

Mutter, Mutter lass mich gehen
Schweifen auf die wilden Höhen!

Такова была наша семейная разлада, лѣтъ пятнадцать
тому назадъ. Много воды утекло съ тѣхъ поръ, и мы встрѣ-
тили горный духъ остановившій нашъ бѣгъ, и они вмѣсто
міра мощей, натолкнулись на живые русскіе вопросы. Счи-
таться намъ странно, патентовъ на пониманье нѣтъ; время,
исторія, опытъ сблизили насъ, не потому чтобъ они насъ
перетянули къ себѣ, или мы ихъ, а потому что и они и мы,
ближе къ истинному воззрѣнію теперь, чѣмъ были тогда,
когда безопадно терзали другъ друга въ журнальныхъ
статьяхъ, хотя и тогда я не помню чтобы мы сомнѣвались въ
ихъ горячей любви къ Россіи или они въ нашей.*

На этой вѣрѣ другъ въ друга, на этой общей любви
имѣемъ право и мы поклониться ихъ гробамъ, и бросить
нашу горсть земли на ихъ покойниковъ, съ святымъ жела-
ніемъ, чтобъ на могилахъ ихъ, на могилахъ нашихъ—
разцвѣла сильно и широко молодая Русь!

И—ръ.

1/13 Января 1861.

* Разъ только Н. Языковъ “стягулъ” оскорбительно Чаадаева, Грановскаго
и меня. К. Аксаковъ не вынесъ этого, онъ отвѣчалъ поэту своей парти рѣзкими
стихами въ нашу защиту. (У Пол. Зв. стр. 137). Аксаковъ такъ и остался
вѣчнымъ восторженнымъ и безпредѣльно благороднымъ юношей, онъ увлекался,
былъ увлекаемъ, но всегда былъ чистъ сердцемъ. Въ 1844 году когда наши
споры, дошли до того, что ни Славяне, ни мы не хотѣли больше встрѣчаться,
я какъ то шелъ по улицѣ, К. Аксаковъ ѣхалъ въ саняхъ. Я дружески поклонился
ему. Онъ было проѣхалъ, но вдругъ остановилъ кучера, вышелъ изъ
саней и подошелъ ко мнѣ. “Мнѣ было слишкомъ больно, сказалъ онъ,
проѣхать мимо васъ и не проститься съ вами. Вы понимаете что послѣ
всего, что было между вашими друзьями и мной, я не буду къ вамъ ѣздить;
жаль, жаль, но дѣлать нечего. Я хотѣлъ пожать вамъ руку и проститься.”
Онъ быстро пошелъ къ санямъ, но вдругъ воротился; я стоялъ на томъ же
мѣстѣ, мнѣ было грустно; онъ бросился ко мнѣ, обнялъ меня и крѣпко поца-
ловалъ. У меня были слезы на глазахъ. Какъ я любилъ его въ эту минуту
ссоры!

ЦИРКУЛЯРЪ КАЗЕННЫМЪ ПАЛАТАМЪ

ОТЪ МИНИСТЕРСТВА ФИНАНСОВЪ.

(Департаментъ разныхъ податей и сборовъ, отдѣленіе 3, столъ 2,
16 Ноября, 1860 года, No. 2,226).*О доставленіи свиденій о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ необходимо имѣть казенные склады вина въ 1863 году.*

Высочайше утвержденнымъ 26 мѣсяца Октября мѣсяцемъ государственнаго совѣта, постановлено ввести въ Россіи, съ 1 Января 1863 года, т. е. со времени окончанія нынѣ дѣйствующихъ питейныхъ откуповъ, одну общую чисто акцизную систему питейныхъ сборовъ, и при этомъ, между прочимъ, положено: *право на винокурение оставить за лицами тѣхъ сословій, которымъ оно нынѣ предоставлено, на основаніи существующихъ постановленій, дозволить заводчикамъ продавать оплаченные акцизомъ вино или спиртъ кому и гдѣ пожелаютъ, по условленнымъ съ покупателями цѣнамъ; оптовую и дробную продажу питей на выносъ и распивочно, причислить къ предметамъ свободной торговли; въ случаѣ отдаленности винокуренныхъ заводовъ отъ городовъ, мѣстечекъ и торговыхъ селеній, могущей затруднить пріобрѣтеніе вина, дозволить винокуреннымъ заводчикамъ и купцамъ въ размѣрѣ, допускаемомъ торговымъ уставомъ, учреждать на свой счетъ въ сихъ мѣстахъ склады вина, оплаченнаго акцизомъ, для оптовой продажи онаго; мѣста для складовъ отводить въ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ селеніяхъ не иначе, какъ съ согласія министерства государственныхъ имуществъ, департамента удѣловъ и владѣльцевъ имѣній.*

При этомъ государственный совѣтъ разсуждалъ, что въ привилегированныхъ губерніяхъ уже и нынѣ взимается акцизъ съ вина при выпускѣ его съ заводовъ. Промышленники, занимающіеся раздробительною продажей вина, сами пріобрѣтаютъ его на заводахъ, число которыхъ въ каждой губерніи и уѣздѣ столь значительно, что не встрѣчается ни какаго препятствія къ снабженію края виномъ. Такимъ образомъ вся торговля виномъ въ означенныхъ губерніяхъ производится какъ частный промыселъ, который не только не можетъ разстроиться, но напротивъ того долженъ еще оживиться съ устраниемъ откуповъ.

Въ великороссійскихъ губерніяхъ винокуренные заводы и винная промышленность находятся въ другомъ положеніи. Здѣсь число заводовъ не столь значительно, какъ въ привилегированныхъ губерніяхъ, и каждый заводъ выкуриваетъ только то количество вина, которое запрягаетъ у него казна, выдающая сверхъ того заводчикамъ задатки; самые заводы большею частію значительныхъ размѣровъ и устроены для полученія дохода отъ сбыта вина, а не для поддержанія сельскаго хозяйства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ преобладаютъ малые заводы. Вслѣдствіе такого положенія винокуренныхъ заводовъ въ великороссійскихъ губерніяхъ, можетъ, на первое время, возникнуть опасеніе, что съ введеніемъ тамъ акцизной системы, безъ принятія какихъ либо предосторожностей, нѣкоторые заводчики съ прекращеніемъ заводовъ вѣцъ отъ казны и не имѣя задатковъ, на которыхъ покупался нужный для винокурения хлѣбъ, остановятъ винокурение, не найдя на сбытъ вина частнымъ покупателямъ, которыхъ дологъ у нихъ не было. Кромѣ того можетъ

случиться, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, для конья вино готовится пылѣ казною изъ дальнихъ губерній, окажется недостатокъ въ винныхъ запасахъ, единственно потому, что оптовая торговля виномъ, какъ частный промыселъ, въ настоящее время не существуетъ.

Эти опасенія по всей вѣроятности не осуществятся, такъ какъ находящіеся въ великороссійскихъ губерніяхъ винокуренные заводы по своимъ размѣрамъ могутъ выкуривать гораздо болѣе вина, нежели они выкуриваютъ пылѣ. Съ усугубленіемъ же откуповъ и съ предоставленіемъ полной свободы винному промыслу, съ одной стороны многіе помѣщики побуждаемые къ тому сколько выгодами отъ продажи вина, столько, а быть можетъ еще и болѣе, потребностью, поддержать сельское хозяйство, могутъ устроить новыя винокуренные заводы, а съ другой стороны не замедлятъ явиться торговцы, которые заведутъ въ разныхъ мѣстахъ склады вина, достаточные для удовлетворенія мѣстной въ немъ потребности. Наконецъ торговцы могутъ войти въ сношеніе съ заводчиками о закупкѣ у нихъ вина заблаговременно, т. е. до наступленія 1863 года, коль скоро сдѣлается извѣстнымъ новое положеніе объ акцизѣ.

Но не смотря на все сіе, государственный совѣтъ не могъ оставить безъ вниманія изъясненныя выше опасенія, тѣмъ болѣе, что признана нужнымъ заготовка и продажа казною вина изъ ея магазиновъ въ губерніяхъ: Астраханской, Вологодской, Архангельской, Олонекской, Ставропольской и Сибирскихъ, гдѣ или мало или вовсе нѣтъ собственнаго винокурения, а потому и предоставилъ мнѣ, при составленіи проекта положенія объ акцизѣ съ нитей, сообразить: не представится ли надобности на первое время завести казенные склады вина и въ другихъ мѣстностяхъ, кромѣ губерній вышеименованныхъ.

Вслѣдствіе сего, предлагаю казеннымъ палатамъ, по внимательному соображенію мѣстностей, гдѣ находятся винокуренные заводы, а также разстояній городовъ и селеній отъ заводовъ и самой доставки вина въ болѣе отдаленныя мѣста, представить мнѣ въ самомъ непродолжительномъ времени и не позже 15 Генваря 1861 года подробныя свиденія, по прилагаемой формѣ, о тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ признается необходимымъ имѣть казенные склады вина, для отвращенія могущаго встрѣтиться, на первое время по введеніи акцизной системы, недостатка въ ономъ.

При составленіи означенныхъ соображеній должно имѣть въ виду, что закупка вина казною для продажи изъ ея магазиновъ можетъ быть полезна и въ томъ отношеніи, что это не дастъ возможности нынѣшнимъ откупщикамъ захватить винную торговлю въ свои руки, еслибъ они вздумали обратиться на нее свои капиталы. Но съ другой стороны необходимо при этомъ избѣгать и противоположной крайности, а именно, чтобы казенною продажей вина не остановить развитія частной промышленности, что повело бы къ подрыву акцизной системы во вредъ казны и частныхъ лицъ, и ко всѣмъ неудобствамъ неразрывнымъ съ казеннымъ управленіемъ такимъ промысломъ, который долженъ быть достояніемъ частной промышленности. Во всякомъ случаѣ казенные склады должны будутъ допускать въ продажу вино только тогда, когда будетъ въ немъ дѣйствительный недостатокъ, или когда окажется необходимымъ положить предѣлъ произвольному возвышенію цѣнъ продавцами.

На семъ основаніи тамъ, гдѣ по мѣстнымъ обстоятельствамъ, можно предвидѣть недостатокъ въ винѣ, казна должна будетъ сама заготовлять и продавать изъ своихъ магазиновъ вино всѣмъ желающимъ, но не иначе какъ оптомъ, и по взносѣ покупателемъ установленнаго акциза, а также и стоимости вина, которая на каждый годъ будетъ опредѣляема и заранѣе будетъ объявлена; въ тоже время не будетъ воспрещено и частнымъ лицамъ имѣть въ тѣхъ же мѣстахъ оптовые склады вина и торговать изъ нихъ, а казна будетъ прекращать заготовленіе и продажу вина по мѣрѣ развитія въ губерніи виннаго промысла. Подписали: министръ финансовъ А. Няжевичъ; скрѣпилъ директоръ Переверзевъ; вѣрно столоначальникъ Д. Прилуцкій.

РАЗСЧЕТЪ.

Министерство финансовъ полагаетъ акцизъ въ 3 р. с. съ ведра, т. е. не менѣе, а болѣе откупной пошлины, слѣдственно цѣны будутъ слѣдующія:

Покупка у заводчиковъ	1 р. (плюс 90 к.)
Провозъ, усыника, утечка, приготовленіе и очистка	60 к.
Акцизъ казѣ	3 р.
Платежъ и заемъ помѣщеній, жалованье продавцу, полиція и разныя взятки.	60 к.
% на капиталъ, взятіе барыша	
Продаваться будетъ не менѣе	5 р. 50 к.

Отъ редакціи: Мы не можемъ оставить этого циркуляра минист. финансовъ безъ коротенькаго разбора, и начнемъ его съ самаго начала. Требовалось уничтоженіе откуповъ. Почему требовалось? Потому что откупа падали невѣроятнымъ налогомъ долею на производителей вина, и совершенно на потребителей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и производители первоначальнаго матеріала для вина, т. е. зерноваго хлѣба; слѣдственно откупа падали налогомъ на все, на промышленность и жизнь большинства, или лучше сказать, почти всего народонаселенія; кромѣ того, какъ мопополь, которыхъ нельзя было поддерживать иначе какъ мошеннически-полицейскими средствами, откупъ опирался на развратъ чиновничества и притѣсненіи народа, что падало новымъ налогомъ и на карманы и на личную безопасность обывателей отъ полиціи. Слѣдственно, что требовалось при уничтоженіи откуповъ? Требовалось уничтоженіе, или по крайней мѣрѣ сбавка налога на вино, свободное производство вина и свободная виноторговля; стало требовалось, чтобы, вслѣдствіе этой сбавки налога съ вина, правительство для пополненія государственныхъ доходовъ, частію отыскало иные источники дохода, частію—такъ какъ государственные доходы нужны для расходовъ—сократило бы государственные расходы. Въ этомъ видѣ задача трудна, но возможна. Но что же дѣлаетъ правительство? Оно ставитъ задачу такимъ образомъ: уничтожить откупа, но сохранить весь налогъ на вино, какъ онъ былъ при откупной системѣ, а если можно—то и увеличить. Очевидно такая постановка задачи невозможна; задача становится безвыходною, и всякая перемѣна въ этомъ смыслѣ выйдетъ только перемѣна названій безъ малѣйшей перемѣны дѣла. продолженіе зла во всей его громадности, но въ другой формѣ.

Еслибы задача поставлена была рационально, то министръ финансовъ могъ бы, изъ собственнаго всеподданнѣйшаго отчет. при вступленіи въ управленіе, усмотрѣть, что откупной доходъ доставляетъ казнѣ 87,553,102 руб. сер., что въ то же

время расходъ по арміи составляетъ 97,172,555 р. (а по болѣе достовернымъ свѣденіямъ до 113,000,000 р.), что расходъ по министерству двора доходитъ до 23,992,140 р., что слѣдственно войско и министерство двора вмѣстѣ расходуютъ 121,164,695, (а можетъ и 136,992,140) р. и слѣдственно превышаютъ откупный доходъ на 33,611,593 или на 49,439,038 р. сер. А между тѣмъ содержаніе лишняго войска также положительно вредно для государства, какъ содержаніе псарни для помѣщичьяго хозяйства, и также какъ псарня составляетъ помѣщичью забаву, а не хозяйственную потребность, такъ и лишнее войско составляетъ царскую игру въ солдаты, а не государственную необходимость; изъ двадцати же трехъ милліоновъ дворцовыхъ расходовъ половина расходуется на чиновничій грабежъ, а три четверти не нужны. Соображая, что государственные расходы не могутъ быть основаны на такихъ ребяческихъ основаніяхъ, министръ финансовъ долженъ былъ предложить государю сокращеніе арміи и дворцовыхъ расходовъ такъ, чтобы и половины откупной суммы было для нихъ достаточно; такимъ образомъ налогъ на вино могъ бы быть пониженъ вполвину. А изыскивая другіе источники дохода (какъ на пр. правильная кадастрація поземельной подати и прямой налогъ съ доходовъ), министръ финансовъ могъ бы достигнуть до того, чтобы акцизъ на вино или вовсе былъ устраненъ, или замѣненъ пошлиною, не раззорительною ни для производителей, ни для потребителей. Но какъ мы сказали—задача министра финансовъ оказывается пная: сохранить всѣ вредные и ненужные расходы и всѣ стѣснительные доходы, составляющіе ограбленіе народа правительствомъ, перемѣнивъ названія доходныхъ статей, подобно той барынѣ, которая приказала Кузьмѣ называться Васильемъ.

Для разрѣшенія этой невозможной задачи относительно откуповъ министръ финансовъ принимаетъ самыя странныя мѣры:

1. Винокуреніе сословное, т. е. "право на винокуреніе только лицамъ тѣхъ сословій, которымъ оно нынѣ предоставляется", т. е. дворянству. Полезно ли это для дворянства? Нисколько. Помѣщикъ, который охотно бы продалъ, или сдалъ свой заводъ челоуѣку изъ другого сословія,—не въ правѣ этого сдѣлать. Помѣщикъ, вообще хромающій со стороны оборотнаго капитала, взялъ бы себѣ товарища изъ другого сословія,—по не въ правѣ. Слѣдственно тутъ остановленъ всякій успѣхъ въ производствѣ винокуренія, и совсѣмъ не въ помощь, а въ стѣсненіе дворянству.

2. Дозволеніе заводчикамъ продавать вино, *оплаченное акцизомъ*. Заводчикъ платитъ акцизъ не съ того вина, которое онъ продалъ, а съ того, которое онъ продастъ. Скажутъ, что это совпадаетъ. Не совсѣмъ. Заводчикъ, при этомъ положеніи, не можетъ продать вино иначе, какъ срывщику, который заплатитъ ему акцизъ впередъ; онъ не можетъ продать его въ разныя руки, и продавъ, заплатитъ акцизъ; онъ будетъ въ рукахъ срывщиковъ, какъ былъ въ рукахъ казенныхъ палатъ. Собственно акцизъ падаетъ на право продажи; онъ только взыскивается съ заводчика, а дѣйствительно платитъ его срывщикъ, т. е. тотъ же откупщикъ: но будучи капиталомъ, онъ держитъ въ рукахъ заводчика, вноситъ акцизъ будто бы за него и ставитъ его въ необходимость заподражать ему вино, а не продавать въ разныя руки въ разномъ количествѣ и вносить акцизъ по продажѣ. За

тѣмъ оптовая и дробная продажа причислены къ предметамъ *свободной торговли*. Я думаю! заплативши акцизъ *подъ фирмой заводчика*, оптовая торговля *освободилась* отъ дальнѣйшихъ платежей; но ей это выгодно—это откупъ въ новой формѣ, гдѣ откупной взносъ *лицемѣрно*, или по дѣтскому смѣшенію понятій, взыскивается съ производства. При этомъ откупъ сохранилъ свое существованіе, а заводчики остались *подъ прежнимъ угнетеніемъ*. Слѣдственно, не смотря на сословное, дворянское винокурение, заводчики-помѣщики, при новой системѣ теряютъ, а потребители-народъ, не выигрываютъ. Ктожь выиграетъ? Откупщики переодѣтые въ срывщиковъ, чиновничество при новыхъ способахъ грабежа, и правительство, грабящее налогъ на расходы—или ненужные, или положительно вредные для государства.

3. Дозволеніе учреждать склады. При дѣйствительно свободной торговлѣ, эти склады учредились бы сами собой, безъ всякаго особаго дозволенія.

4. Казенные заповяды въ великороссійскихъ губерніяхъ.

Дѣтское разсужденіе государственнаго совѣта и младенческое поученіе министра финансовъ казеннымъ палатамъ—изумительны. Государственный совѣтъ полагаетъ, что винокуренные заводы въ Великороссіи существуютъ не для поддержанія сельскаго хозяйства, какъ въ западныхъ губерніяхъ, потому что они большіе, а въ западныхъ губерніяхъ малые. Государственному совѣту не угодно было замѣтить, что при стѣснительныхъ казенныхъ заповядахъ, заведеніе малыхъ заводовъ въ Великороссіи для мелкихъ помѣщиковъ было невозможно; заводили заводы только крупныя помѣщики, отъ этого и заводы большіе. Крупныя заводы выгадывали на количествѣ, дешевизнѣ крѣпостной работы и т. п. все съ одной цѣлью—сбыть свой хлѣбъ, которому иного сбыта не было. Доказательствомъ этому служить то, что очень немногіе заводчики выигрывали, половина раззорялась отъ казеннаго заповяда, а большая часть рисковала производить винокурение по низкой цѣнѣ только, чтобъ сбыть свой хлѣбъ по умѣренной, а не по ничтожной цѣнѣ. Еслибы съ уничтоженіемъ откуповъ не вводилось владычество срывщиковъ, малые заводы возникли бы естественно и опасаться за недостатокъ вина было бы совершенно излишней заботой. Срывщики, при вновь предполагаемомъ акцизѣ, не могутъ быть не крупныя; мелкимъ срывщикамъ, равно какъ и мелкимъ заводчикамъ, пути заперты. И не смотря на младенческое поученіе министра финансовъ казеннымъ палатамъ, что *торговцы не замедлятъ явиться*, торговцы явятся только крупныя. Но все-же явятся—и потому опасеніе государственнаго совѣта и министра финансовъ за недостатокъ вина опровергается его собственнымъ мнѣніемъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ опровергается и необходимость казенныхъ заповядовъ. Между тѣмъ запросъ министра о мѣстностяхъ, гдѣ будутъ нужны казенныя склады и слѣдственно заповяды,—вызоветъ согласіе на учрежденіе ихъ почти ото всѣхъ казенныхъ палатъ Великороссіи, потому что это составитъ выгоды чиновничества. Взятки по заповядамъ, новыя виды корчемства, новыя прижимки, и новыя вымогательства..... да это прямо кладъ для всего чиновничества. Просто съ уничтоженіемъ откупа оно бы обнищало, и крупному петербургскому чиновничеству не изъ чего было бы очень мирволить губернскому; а тутъ все пойдетъ по старому, также будутъ драть съ уѣздовъ и оплачиваться выше въ святую святыхъ правительственнаго

грабежа. И все это имѣетъ видъ государственной *постепенности*, чтобъ Россія не погибла отъ внезапнаго уничтоженія откуповъ. И чегоже такъ испугался министр, что въ цѣкоторыхъ мѣстностяхъ вина или бы не достало, или торговцы стали бы продавать слишкомъ дорого? Стоило только не палатать такого уродливаго налога на вино—и опасенію за чрезмерную доровизну не было бы мѣста, а конкуренція, не признающая корчемства, свела бы высшую таксу на естественную цѣну; но при налогѣ въ 3 р. — какія мѣры ни бери—дороговизна все же будетъ *чрезвычайная*.

И такъ мы имѣемъ въ виду акцизъ съ торговли, взимаемый съ фабриканта, и кромѣ того казенныя заповяды, и все это чтобъ *не дать возможности нынѣшнимъ откупщикамъ захватить винную торговлю въ свои руки*. А въ чьи же руки она попадетъ при этомъ акцизѣ и при казенной продажѣ вина оптомъ, т. е. тѣмъ же откупщикамъ? Что это—лицемѣріе или тупоуміе? Плутство или глупость?

Потребители заплатятъ тотъ же, если не большій налогъ. Возьмемъ высшую цѣну хлѣба: 4 р. четверть. Она дастъ не менѣе 7 ведръ вина. Производство по высшей цѣнѣ будетъ стоить 30 коп. съ ведра. Капиталь употребленный на заводъ въ 10,000 ведръ — 10,000 р. сер. Считая по 6% причислимъ къ расходу заводчика 6 коп. на ведро и 6 коп. съ ведра на разные провозы, да приложимъ 10% барыша. Слѣдственно ведро стоитъ:

Хлѣбомъ	57 1/7 коп. сер.
Работа	30
% съ капитала	6
Провозъ	6
Барышъ почти	10

Вся высшая цѣна 1,09 1/7 или 1 р. 10 коп.

А продаваться оно будетъ не менѣе 5 р. 50 коп. Слѣдственно потребители заплатятъ пошлины по крайней мѣрѣ 500%, или 5 р. на рубль.

Заводчики, какъ мы уже показали, потеряютъ.

Откупщики, подъ именемъ торговцевъ или срывщиковъ, останутся тѣже; откупъ, подъ видомъ акциза, останется тотъ же.

Корчемство явится въ новой усиленной формѣ. Прежде помѣщики корчемствовали потихоньку отъ откупа; теперь они будутъ корчемствовать вмѣстѣ съ срывщиками, чтобъ не платить акциза. Чиновничество получить новый источникъ преслѣдованій и взятокъ. Сверхъ того сосуществующая казенная продажа вина произведетъ новый родъ обкрадыванія казны.

Народъ останется по прежнему ограбленнымъ.

Хорошо преобразование!

СОБСТВЕННОЕ СОЗНАНІЕ О ВЗРЫВѢ “ПЛАСТУНА”.

Мы собирались помѣстить разсказъ о томъ, какъ чудовищное обращеніе съ матросами, довело до умышеннаго взрыва клипера. Но видя что *Морской Сборникъ*, признался въ этомъ, мы беремъ официальный разсказъ, безъ комментарій,—все это такъ гнусно и гадко, особенно сентиментальное мнѣніе аудиторіата, хранящаго драгоценную память—казненныхъ матросомъ злодѣевъ, что комментарій не нужно.

Жаль невинно погибшихъ, а хорошо бы было еслибъ матросы помогли Константину Николаевичу, бросить за бортъ или поднять на воздухъ, всѣхъ этихъ “затыкающихъ рты”, и морскихъ чудовищъ—сѣкущихъ гардемаринновъ и стариковъ съ крестами.

“Въ умышленномъ произведеніи взрыва никто изъ чиновъ команды клипера, кромѣ артиллерійскаго кондуктора Федорова, подозрѣнія не изъявилъ; послѣдній же думаетъ, что учиненіе взрыва надо отнести къ умышленному дѣйствию артиллерійскаго содержателя Савельева. По словамъ Федорова, Савельевъ могъ быть озлобленъ на командира: *обращеніе съ командой вообще было худое, а съ Савельевымъ еще хуже*; его очень часто били, какъ самъ командиръ, такъ и старшій офицеръ Розенбергъ; однажды Савельевъ, по приказанію старшаго офицера, за пачистоту въ крютъ-камерѣ былъ привязанъ на бакъ къ бушприту, руки назадъ. Разъ ему дали пять линьковъ за то, что въ кубрикѣ, за которымъ онъ смотрѣлъ, валялась матроская шинель. Федоровъ тѣмъ болѣе полагаетъ объ умышленности взрыва со стороны Савельева, что старшій офицеръ велѣлъ Савельеву по окончаніи работъ въ крютъ-камерѣ, идти на бакъ, и слышалъ, что приказано было приготовить линьковъ для наказанія его. Савельевъ же во время работъ былъ замѣтно выпивши: выпилъ двѣ чарки рома, а хмѣльный онъ былъ отчаянный и не слушалъ въ то время даже офицеровъ, но трезвый онъ былъ смирный. Пьянствовать началъ Савельевъ по выходѣ изъ Николаевска, и въ Шербургѣ купилъ у матроса Макарова за мѣсяць впередъ винную порцію.

Нижніе чины, въ числѣ 18 человекъ, объяснили по сему предмету: что командиръ и старшій офицеръ, по приказанію нѣкоторыхъ изъ нихъ, *часто, а по объясненію одного, каждый день били Савельева по лицу, наказывали его линьками, ставили на ванты и сажали на бакъ*; боцманмать Ларіоновъ сказалъ что онъ, по приказанію начальства, два раза наказывалъ Савельева линьками. Матросъ Алексѣевъ говоритъ, что передъ взрывомъ старшій офицеръ спросилъ Савельева: скоро ли онъ кончитъ работу и приказалъ ему, по окончаніи ея отправиться на бакъ.

О характерѣ и поведеніи Савельева, нижніе чины дали вообще одобрительный отзывъ, показывая, что Савельевъ былъ человекъ хорошей и даже выпивши не бывалъ задорнымъ, не спорилъ и не бранился, а только дѣлался веселѣе, пилъ иногда двѣ чарки, но пьянству не предавался; о томъ же былъ ли Савельевъ выпивши въ день взрыва, отозвались незнаніемъ.

Офицеры, какъ спасшіеся съ клипера “Пластунъ”, такъ и прежде служившіе на ономъ, въ числѣ четырехъ человекъ, показали, что Савельевъ былъ тихаго нрава, но лѣнивъ и безпеченъ, почему ему не рѣдко дѣлали выговоры, сажали на бакъ, ставили на ванты, или на лишнюю вахту, *но не помнятъ!* чтобы на вахтахъ ихъ наказывали его тѣсно; пьянымъ Савельева не замѣчали, а хотя онъ и бывалъ иногда въ хмѣльномъ видѣ, но не дѣлался чрезъ то дерзкимъ; при чемъ мичманъ Кноррингъ прибавилъ, что онъ не замѣтилъ, чтобы Савельевъ въ день взрыва былъ въ хмѣльномъ видѣ, иначе не отдалъ бы ключей отъ крютъ-камеры.

Что касается до обращенія вообще съ командой, то артиллерійскій кондукторъ Федоровъ показалъ, что командиръ не былъ любимъ командой, онъ обращался жестоко: за всякую малость, если даже *кто плюнетъ на палубу, давалъ по сту линьковъ*.

Однажды старшій офицеръ потребовалъ уксусу отъ баталера, и когда тотъ отвѣтилъ ему: “вы не пустили меня на берегъ безъ приказанія командира, то я безъ приказанія

командира не могу вамъ дать и уксусу”, старшій офицеръ подалъ рапортъ командиру и баталеру дали 328 *линьковъ*.

Нѣсколько нижнихъ чиновъ подтвердили, что баталеръ дѣйствительно былъ наказанъ при фронтѣ, по показанію однихъ за отказъ въ уксусѣ старшему офицеру, по показанію другихъ неизвѣстно за какую именно вину. При этомъ одинъ изъ нижнихъ чиновъ выразился, что баталеръ былъ наказанъ линьками “порядочно больно”, другой, что было дано “линьковъ 100”, третій, что “жестоко, по задней части тѣла”, четвертый, “жестоко линьками по голому тѣлу куда попадетъ”, и что баталера сѣкъ боцманмать Ларіоновъ.

Боцманмать Ларіоновъ отозвался, что баталера сѣкли, но за какую именно вину и сколько было дано линьковъ не помнитъ.

Два нижнихъ чина показали, что на палубу запрещалось плевать, и что матросу Рикорду (погибшему) дали по приказанію командира 100 линьковъ за то, что тотъ плюнулъ на палубу; наказывалъ Рикорда боцманмать Ларіоновъ.

Ларіоновъ показалъ, что онъ приводимаго случая не помнитъ, при чемъ присовокупилъ, что на палубу плевать не запрещалось; обращеніе начальства съ командой было хорошее и на сколько ему извѣстно, командира и старшаго офицера любили.

Кочегаръ Ушаковъ и мичманъ Березинъ показали, что обращеніе начальства съ командой было хорошее, послѣдній, что слухи о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, были *ложны*; (хорошъ мичманъ Березинъ!)

Изъ мнѣнія слѣдственной комиссіи.

Къ заключенію же объ умышленности взрыва могутъ приводить слѣдующіе факты: Савельевъ, кромѣ прямой своей обязанности, исполнялъ должность палубнаго и долженъ былъ смотрѣть за порядкомъ въ кубрикѣ, на который, повидимому, командиръ и старшій офицеръ особенно налегали. Савельевъ былъ человекъ лѣnivый, безпечный и не совсѣмъ трезвый. Строгость же командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что кромѣ тѣлесныхъ наказаній, ставили его на ванты, привязывали къ бушприту и били по лицу, такъ, что рѣдкій день могъ пройти ему безъ обидъ. Понятно, что такая жизнь въ продолженіе трехъ лѣтъ могла довести человека до отчаянія; передъ самымъ же взрывомъ старшій офицеръ приказалъ ему идти на бакъ для наказанія по окончаніи работъ. Савельевъ же, съ нѣкотораго времени предавшійся излишнему употребленію вина, и какъ должно полагать, въ утѣшеніе отъ испытываемыхъ имъ взысканій, въ этотъ день также выпилъ двойную порцію рома, и хотя послѣ того прошло уже пять часовъ, но работая въ душной и тѣсной крютъ-камерѣ, подверженный побоями и угрозами до крайности, онъ, подъ вліяніемъ предстоявшаго наказанія, могъ, при своей безхарактерности и малодушіи, въ минуту досады, рѣшиться положить всему конецъ, лишивъ себя жизни вмѣстѣ со всѣми сослуживцами на клиперѣ. Нельзя однако же не замѣтить, что большинство сослуживцевъ его отвергаетъ возможность этого умысла, предполагаемаго только кондукторомъ Федоровымъ.

Изъ заключенія морскаго генералъ-аудиторіата.

Слѣдственная комиссія, пришла между прочимъ къ предположенію, что взрывъ могъ быть произведенъ умышленно артиллерійскимъ на клиперѣ содержателемъ кондукторомъ Савельевымъ...

“ Нельзя не придти къ убѣжденію, что человѣкъ не съ *людскими наклонностями* можетъ рѣшиться на подобное злое дѣло не иначе какъ въ минуту совершеннаго опьяненія, доходящаго до самозабвенія, или какъ въ порывѣ яростнаго умоизступленія, затмѣвающего всякое сознаніе о своемъ дѣйствіи, но ничто въ настоящемъ дѣлѣ не даетъ повода къ предположенію, чтобы кондукторъ Савельевъ находился въ такомъ состояніи. Федоровъ говоритъ, что Савельевъ предавался вообще пьянству, а въ день взрыва выпилъ двѣ чарки рому и могъ быть въ опьяненіи, но изъ дѣла оказывается что Савельевъ занимался уже въ кютъ-камерѣ работами болѣе двухъ часовъ, а само собою разумѣется, что еслибы онъ былъ въ нетрезвомъ видѣ, то не могли бы не замѣтить сего старшій офицеръ и исправлявшій обязанности ревизора мичманъ Леманъ и не оставили бы его при тѣхъ занятіяхъ; далѣе Федоровъ показываетъ, что Савельевъ, бывавши пьянъ, становился отчаяннымъ, но слова эти опровергаются показаніями, какъ офицеровъ, такъ и всѣхъ другихъ нижнихъ чиповъ, утверждающихъ, что Савельевъ былъ права тихаго, кроткаго и никогда не доходилъ до буйственности, даже когда бывалъ и въ пьяномъ состояніи; наконецъ всѣ безъ излятія нижніе чины, спрошенные по поводу объявленнаго Федоровымъ подозрѣнія, не допускаютъ рѣшительно возможности умысла въ семь случаевъ отъ Савельева. При такомъ отсутствіи *всякой причины* къ подозрѣнію Савельева * въ умышленномъ взрывѣ и при отсутствіи какого либо указанія на подобное намѣреніе со стороны его, морской генераль-аудиторіатъ, имѣя въ виду, что не только участь подсудимаго, но и память умершаго человѣка должны *быть дорою для судящихъ*,† положилъ: устранить всякое подозрѣніе на погибшаго кондуктора Савельева въ учиненіи умышеннаго взрыва. Тѣмъ не менѣе важность сего подозрѣнія обязываетъ вникнуть въ самыя причины, по коимъ могло возродиться оное, и въ этомъ отношеніи морской генераль-аудиторіатъ не можетъ не обратить особеннаго вниманія на слѣдующія слова изъ заключенія слѣдственной комиссіи: “ строгость командира и старшаго офицера нерѣдко доходила до того, что кроуѣ тѣлесныхъ наказаній ставили Савельева на ванты, привязывали къ бушприту и били по лицу, такъ что рѣдкій день могъ пройти ему безъ обидъ.” Дѣйствительно, изъ дѣла обнаруживается, что обращеніе командовавшаго клиперомъ и старшаго офицера съ командою вообще, а съ кондукторомъ Савельевымъ въ особенности, не отличалось человѣческою обходительностію и, сопровождаясь превышеніемъ власти, заслуживаетъ всякаго порицанія. Такъ изъ совокупности показаній надо заключить, что командовавшій клиперомъ и старшій офицеръ считали побой своими руками дѣломъ обыкновеннымъ, тогда какъ подобное взысканіе не только не дозволяется положеніемъ объ исправительныхъ наказаніяхъ, но въ виду достоинства службы, въ виду собственного достоинства офицеровъ и въ предупрежденіе дурныхъ послѣдствій, строго воспрещается начальствомъ и никогда флотскій офицеръ, истинно-понимающій начальническій свой долгъ, не долженъ обращаться къ подобному способу изліянія своего неудовольствія, такъ — независимо отъ побоевъ кондуктора Савельева по лицу, часто повторявшихся, онъ былъ подвергаемъ и наказанію линьками.

* А то что подорванные мерзавцы его мучили всякой день—это не причина? Что это глупость или укрывательство?

† Какой септентивальный аудиторіатъ — а спива и лицо живаго человѣка не должны быть дороги.

и поставленію на ванты, тогда какъ унтеръ-офицерское званіе его и возложенныя на него обязанности артиллерійскаго содержателя, каковая должность требуетъ непременно для усерднаго исполненія оной нѣкотораго нравственнаго поощренія человѣка, обязывали командовавшаго клиперомъ не допускать какого бы то ни было униженія Савельева въ глазахъ всей команды; такъ наконецъ, приводимый Федоровымъ примѣръ о дачѣ баталеру 328 линьковъ, подтверждаемый и другими нижними чинами, показавшими, что наказанъ былъ онъ линьками жестоко—свидѣтельствуетъ о противозаконныхъ дѣйствіяхъ командовавшаго клиперомъ въ обращеніи съ нижними чинами. Въ сихъ-то причинахъ, могшихъ поселить нелюбовь и непріязненные чувства въ нижнихъ чинахъ къ командовавшему клиперомъ и старшему офицеру и заключается, по мнѣнію морскаго генераль-аудиторіата, объясненіе того, почему появилась мысль о возможности умышеннаго взрыва со стороны кондуктора Савельева.

“ По всѣмъ вышеизложеннымъ основаніямъ морской генер.-аудиторіатъ полагалъ гибель клипера “Пластунъ” отпести къ несчастію по неосторожности по содержанію артиллерійской части.”

Ну и какъ слѣдуетъ — “ быть по сему,” а потомъ дѣтскія игры съ колпачками, перышками, угольками, въ которыхъ участвовали *Иванфиловъ, Бутаковъ, Мецериновъ, Керкъ, Мартыновъ, Штофрегенъ и Римскій-Корсаковъ.*

ПРОФЕССОРЪ П. В. ПАВЛОВЪ И ТИМАШЕВКА.

14 Февраля 1860 г. жандармскій полковникъ *Раклевъ* арестовалъ бумаги профессора П. В. Павлова и тогда-же запрещено было ему выѣзжать изъ Петербурга, до окончанія дѣла Харьковскихъ студѣнтовъ, къ которому, говорятъ немилый Тимашевъ прицѣпилъ Павлова единственно въ угоду своему пріятелю *Гессе*, Киевскому гражданскому губернатору, который постоянно былъ нерасположенъ къ Павлову, *подозривая*, будто онъ пересылаетъ въ *Колоколъ* документы, обличающіе гнусныя дѣянія г. Гессе. По окончаніи дѣла студѣнтовъ, Павлова требовали нѣсколько разъ въ III Отдѣленіи и результатомъ этихъ требованій было разрѣшеніе ему выѣзжать изъ Петербурга; но конечно строжайшій надзоръ остался во всей силѣ, а бумаги остались въ III Отдѣленіи (другіе говорятъ, что возвращена была только часть бумагъ, и то самая незначительная). Между тѣмъ Тимашевъ обратился къ принцу Петру Ольденбургскому(1), попечителю училища Правовѣденія, въ которомъ Павловъ читалъ лекціи всеобщей и русской исторіи. Тимашевъ совѣтовалъ Принцу удалить Павлова изъ училища, какъ опаснаго по своему образу мыслей преподавателя. Принцъ призывалъ къ себѣ профессора, долго бесѣдовалъ съ нимъ и потомъ, говорятъ, отозвался, что нашель въ немъ “человѣка прямаго, съ честнымъ образомъ мыслей”. Вскорѣ послѣ того е. в. изволило быть на лекціи у Павлова и одобрило его чтеніе. Казалось все кончилось. Но немного времени спустя къ Павлову былъ посланъ инспекторъ училища Правовѣденія *О. О. Витте* съ совѣтомъ, отъ имени Принца оставить училище; онъ также получилъ порученіе предложить Павлову, по недостаточности средствъ, въ видѣ вознагражденія единовременное пособіе, изъ половиннаго оклада жалованья, “ ибо профессоръ добросовѣстно исполнялъ свои обязанности и

былъ полезенъ для юношества". Павловъ долженъ былъ немедленно выйти въ отставку, а отъ единовременнаго пособія отказался.

Воспитанники училища, узнавъ о случившемся, хотѣли письменно протестовать передъ совѣтомъ училища, но ихъ уговорили не дѣлать этого, чтобы не повредить Павлову. Тогда они хотѣли подарить на память своему бывшему профессору серебряный кубокъ, однако начальство училища сдѣлало все возможное, чтобы не допустить ихъ исполнить это намѣреніе.

Языковъ, директоръ училища Правовѣденія, распустилъ слухъ, что бывший Кіевскій, нынѣ Петербургскій митрополитъ Исидоръ(2)—настоящій виновникъ удаленія Павлова изъ училища. Знакомые Языкова утверждаютъ, что митрополитъ вслѣдствіи старался склонить Приппа не терпѣть Павлова въ училищѣ, какъ человѣка неотличающагося особенною набожностію. Знающіе-же Исидора утверждаютъ, что онъ возстаетъ противъ этого обвиненія. Всего вѣрнѣе, что однимъ изъ главныхъ виновниковъ въ этомъ дѣлѣ надо считать самого Языкова, друга г. Тимашева (пріятеля Гессе)(3).

Въ заключеніе замѣтимъ, что по слѣдствію комиссіи, подъ предѣлательствомъ кн. Голицына, оказалось, что Павловъ "къ тайному, харьковскому, политическому обществу (!) отношенія не имѣетъ, по что, будучи профессоромъ исторіи и древностей въ Кіевскомъ университетѣ, выражалъ мысли, противныя порядку существующаго правленія въ Россіи(4)".

Примѣчанія. Одинъ изъ просматривавшихъ эту замѣтку, нашель нужнымъ снабдить ее слѣдующими примѣчаніями:

(1) Принцъ Ольденбургскій, извѣстный переводчикъ Шиллеровской Перчатки и пѣсни о Колоколѣ, сочиняющій для дѣвицъ русскія пѣсни, сдѣлавшись недавно главнымъ начальникомъ институтовъ (вмѣсто Гофмана), представилъ въ министерство внутр. дѣлъ проектъ объ обложеніи акцизнымъ сборомъ содержательницъ домовъ вольнаго обращенія.

(Вотъ что значить переводить Колоколъ! ред.)

(2) Вседора, до назначенія, хвалили и ожидали отъ него самаго хорошаго, особенно послѣ такого фаватка какъ покойный Григорій. Жаль что теперь и объ немъ начинаютъ ходить дурные слухи, какъ на пр. что онъ подвергъ высканію священника, дозволившаго провезти тѣло Мартынова къ театру.

(3) Его превосходительство А. П. Языковъ подалъ Игнатьеву остроумную мысль о введеніи особыхъ шапокъ для арестантовъ. (Такъ вотъ, изобрѣтатель-то!—ну съ этимъ можно идти въ храмъ безсмертія! Впрочемъ съ вкусахъ и цвѣтахъ спорить нельзя; безумное и пошлое изобрѣтеніе масокъ, поправилось одному почтенному господину, упрекающему насъ въ своемъ письмѣ, за наши строки. Мы очень жалѣемъ, но онъ насъ не убѣдилъ. ред.)

Этотъ-же самый Языковъ, въ прошедшемъ году, писалъ "о русскомъ государственномъ цвѣтѣ", первообразъ и основаніе коего нашель въ цвѣтахъ верстовыхъ столбовъ, шлагбаумовъ и будокъ. Въ подтвержденіе теоріи своей онъ замѣтилъ, что Николай Павловичъ проѣзжая мимо одной будки, сдѣлалъ выговоръ инженерному департаменту за то, что будка не была украшена всеми государственными цвѣтами, ибо значились только "свѣжія" краски, бѣлая и черная, но красной не было. Отъ государственнаго цвѣта, вышедшаго изъ будки, недалеко переходъ до арестантскихъ шапокъ, изъ училища Правовѣденія и до содержательницъ домовъ вольной любви, изъ институтовъ. Какая строгая логическая послѣдовательность!

(4) Директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія Ребиндеръ хотѣлъ рекомендовать Павлова в. к. Маріи Николаевнѣ въ наставники исторіи для Николая Максимиліановича, но Языковъ отговорилъ его.

С М Ъ С Ъ .

— Г. Ф. Левестамъ, просить насъ помѣстить его объяснительное письмо въ отвѣтъ защитникамъ г. Глушкова—письмо г. Левестама слишкомъ длинно, мы помѣщаемъ одну существенную часть его.

"Въ 80 листѣ *Колокола*, вы напечатали нѣсколько словъ объ И. И. Глушковѣ, полученное вами отъ неизвѣстнаго

корреспондента, который желая защищать г. Глушкова писать, что будто бы въ *Колоколѣ* была помѣщена статья, по которой обвинялся г. Глушковъ, что онъ взялъ, для закрытія казенной фабрики 50,000 руб., при чемъ онъ защищаетъ высокую честность бывшаго начальника провіантскаго департамента. Какъ защитникъ г. Глушкова говорить о предметѣ не мною сообщенномъ и никогда не напечатанномъ въ издаваемомъ вами *Журналѣ*, то я почелъ эту защиту, за новую аллегорическую истину—о высокой честности начальника провіантскаго департамента, которымъ И. И. Глушковъ никогда не бывалъ. Но въ послѣднихъ номерахъ 87 и 88 *Колокола*, является новый защитникъ г. Глушкова и вамъ угодно было прямо сослаться на несправедливость статьи, сообщенной мною (*Колоколъ* 65—69), при чемъ вы сообщаете читателямъ вашу боль, что нѣсколько словъ, помѣщенныхъ о Глушковѣ, могли нанести неприятность ему и его друзьямъ—къ послѣднимъ должно быть принадлежать, купецъ Саврасовъ и Сухозанеть."

За тѣмъ г. Левестамъ обращается къ намъ съ слѣдующими вопросами.

"Купцу Саврасову была предоставлена поставка сапоговъ, безъ торговъ; почему ему выдано 100,000 руб. впередъ, когда прямо законъ говорить, что всякій купецъ, взявшій подрядъ, долженъ представить казнѣ въ видѣ залога 20,000 подрядной суммы; а безъ залога, да еще съ выдачею казенныхъ денегъ, всякій можетъ взять подрядъ. Почему Глушковъ и Сухозанеть такъ сильно хлопотали, чтобы Московская комиссія приняла товаръ Саврасова? Почему Глушковъ отдаленъ отъ должности?"

— *Строгоновъ Одесскій учитель грамотности.* — Недавно, въ Одессѣ, нѣсколько человѣкъ предположили учредить общество для распространенія грамотности въ народѣ.

Казалось бы правительство должно не только не ставить препятствій такому предпріятію, но всячески поощрять такую полезную инициативу частныхъ людей, потому что безсиліе самаго правительства, на пути распространенія грамотности, давно доказано нашими сельскими школами. Но не такъ думаетъ мудрый правитель Повороссійскаго края съ Ко, т. е. съ Гирсомъ, Мисмахеромъ и прочими русскими нѣмцами. Учредители общества напечатали въ *Одесскихъ Вѣдомостяхъ* проектъ устава, для публичнаго его обсужденія и за тѣмъ предполагали созвать собраніе наличныхъ членовъ, которыхъ явилось въ теченіи 3 недѣль болѣе 600, такъ велико сочувствіе публики къ полезному дѣлу распространенія грамотности, и представить проектъ устава на утвержденіе правительства.

Строгоновъ и Ко. объявили учредителямъ, что они не имѣютъ права сзывать собранія, ибо нѣтъ закона, который разрѣшалъ бы это. Но вѣдь нѣтъ же и такого закона, который запрещалъ бы подобное собраніе. Видно правительство, признаетъ учить народъ грамотѣ—вреднымъ.

Вотъ имена почтенныхъ особъ задумавшихъ это превосходное дѣло.

А. Богдановскій.
Н. Мипаковъ.
И. Милицкій.
Р. Орбинскій.
С. Поярковъ.
М. Шугуровъ.

УРАЛЬСКАЯ ПЬСНЯ*.

Какъ по рѣченькѣ
По мутненькой
Неснащенное
Судно плавало.
Какъ снесло его
Путемъ не путемъ,
А мутной струей,
Въ море синее.
Поперекъ и вдоль
Все исплывало,
Попламя съ горемъ
Все извѣдало.

Поразшатаанный
Руль навѣсили,
Позаплатанный
Парусъ подняли,
А на ту бѣду
Съ зари утрепей,
Злая непогода,
Необходная
Ни косымъ реемъ
И не веслами....
Прирело ко дну
Двойнымъ якоремъ.

Много вынесло
Бурь, пезгодушекъ ;
Горекъ былъ пастой
Соляной воды.
Ждетъ погодушки,
Что не жауясь
На судьбу свою
Горемычную ;
Часть волюшки,
Что не радуясь,
Глядя въ зеркало
Моря мутнаго.

Отдало свои
Всѣ подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.
Расплылись они
По всѣмъ рѣчушкамъ,
Разбрелись вдоль
По мутненькимъ :
По Дибру, Дону,
Волгѣ—матушкѣ,
По Золотну—дну
По Горыничу.

То не воропы
Отъ обиль зорь
На гребцовъ пали
Тучей червою :
Цари-кормщики,
Императоры,
Рулевые ихъ
Губернаторы.
Не сизой орель
Изъ-за тучи той
Змеей—мошней
Снесся на корму,

И собралъ, созвалъ
Милыхъ дѣтушекъ
Подъ свое крыло
Неразрывное :
То вспорхнулъ орломъ
Вѣчевой вашъ духъ,
И палъ на корму
Мировой вашъ кругъ.
И слылися въ кругъ
Всѣ подчалочки,
Боевой жизни
Все подарочки.

Опъ однимъ крыломъ
Бился съ тучею,
А другимъ съ волною
Все кипучею,—
И суднышко
Всею грудью крыль
И подчалочки—
Межъ шпорокхъ крыль.
Уходила
Туча черная,
Уходила
Волна бурная.

Засвѣтилася
Заря алая,
И суднышко,
Тихо плавая,
Все плетъ впередъ,
Не торопится,
На стоявщице
Не воротится :
Все нажитое
Не взято заимомъ,
А прожитое
Поросло быльемъ.

— *Тимашествоующій Чевкинъ.*— Воспитанники Строительнаго Училища подали директору онаго генераль-маіору Лишину прошеніе о преобразованіи училища въ открытое заведеніе ; онъ къ Чевкину—бунтъ ваше превосходительство ! Чевкинъ въ училище, собралъ воспитанниковъ и произнесъ имъ назидательную рѣчь, но когда одинъ воспитанникъ спрошенный имъ какъ онъ думаетъ о своемъ и своихъ товарищехъ поступкѣ—сказалъ, что надо понимать дѣло какъ оно есть, то ораторъ быстро перешелъ къ запаху сѣрой шпнели. За тѣмъ дѣло о бунтѣ доведено до свѣденія е. в. и два воспитанника отпращены на два года въ губерніи чертежниками.

* Говорятъ что эту пѣсню поетъ народъ на Уралѣ.—Ред.

— *Семейный очагъ патриарховъ и патрициевъ незабвеннаго Николая.*— Мы получили разсказъ о новыхъ романахъ въ Петербургскомъ high life, мы не рѣшаемся ихъ передать—только Де Садъ въ Юстинѣ имѣлъ отвагу печатать такіа эксцентрическія любезности !

Ништо имъ—въ срамѣ, въ позорѣ пусть погубнута ихъ имена и гербы !

— *Полъ парке въ гимназіи и потолокъ въ мозгу Фишера.* Директоръ Ларинской гимназіи Фишеръ на просьбу о дозволеніи открыть воскресную школу въ этой гимназіи, отвѣчалъ : “Нельзя, грязные мальчишки съ улицы, паркетные полы испортить.”

— *Тифлисъ и покореніе Колокола.* Намъ пишутъ : “Ни въ Колоколѣ, ни въ Подъ Судъ не является изболительныхъ статей съ Кавказа. Жители Тифлиса видя множество злоупотребленій и не видя изболителія ихъ, убѣждены, что Бяратинскій купилъ Колоколъ за большую сумму денегъ. Такое мнѣніе мнѣ приходилось неоднократно слышать въ Тифлисѣ. Такъ какъ я не раздѣляю этого мнѣнія, то намѣренъ сообщить вамъ нѣсколько извѣстныхъ мнѣ фактовъ, и пр.”

Мы помѣщаемъ это письмо съ улыбкой. Тифлисское предположеніе, даже не обидѣло насъ. Мы еще не въ положеніи Шамиля и въ плѣчь князю Бяратинскому не садимся,—предпочитая рѣшительно Лондонскій пудингъ—Калужскому гѣсту. Пусть почтенный корреспондентъ, присылаетъ статьи, мы ихъ помѣстимъ, если онѣ интересны, и просимъ извинить насъ, если мы не найдемъ ихъ такими—и все это совершенно даромъ !

ПРИГЛАШЕНІЕ

Докторъ Юліусъ Алтаусъ проситъ насъ передать, русскимъ врачамъ, въ особенности въ Петербургѣ и Москвѣ, приглашеніе медицинскаго журнала въ Лондонѣ “Medical Times”, присылать свѣденія о медицинскихъ предметахъ, наблюденіяхъ и пр., относящихся прямо къ Россіи. Всего желательнѣе была бы періодическая переписка, (на пр. въ шесть педѣль писъмо). Сверху безденежной присылки г. корреспонденту Журнала, будетъ назначена плата за статьи въ немъ помѣщаемыя.

Адресоваться—Dr. J. ALTHAUS, 18 Bryanston Street, Portman Square, London. (Писъма должны быть непременно франкированы).

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, книжка II.—Предисловіе Пискарева. Собственноручныя писъма императора Павла I, къ Атаману Донскаго войска, генер. отъ кавалеріи Орлову I. Извлеченіе изъ приказовъ по армии, отданныхъ императоромъ Павломъ I. Подражаніе Ломоносову—Мариинъ (стихотвореніе). Смерть Павла I. Нѣкоторыя выписки изъ бумагъ М. Давилевскаго. Изъ записокъ А. О. Воейкова. Изъ записокъ князя П. М. Волконскаго. Отрывки изъ записокъ Л. Н. Энгельгардта. Смерть Милорадовича. Два писъма А. П. Ермолова. Мнѣніе г. Мордвинова объ Эмбисскихъ рыбныхъ ловляхъ. О правѣ государственномъ Фонъ-Визина. Государственная Уставная Грамота Россійской Имперіи. А. П. Ермоловъ. О происхожденіи императора Павла I. Докладъ генераль-аудиторіата о гит. сов. Буташевичъ-Петрашевскомъ и другихъ лицахъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЬ (1855—1860) Часть II. П. Огарева.
СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ кн. II.
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1861 годъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 91.

1 ФЕВРАЛЯ 1861.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewskiego,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Провинціальныя Университеты—Нарвская революція и рукопашный Кавапьякъ—Смирновъ—Прошепіе студентовъ Кіевскомъ

АКАДЕМІИ. Суть : Злодѣяства Долгорукова—Крайне нужно—Одесскую и Ошзю—Императрица Марія Александровна—Донось.

Прошло сто лѣтъ....
И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царцей
Порфиросная вдова.

Прошло еще и не сто лѣтъ, а *четверть* вѣка, и *новой царлицы* кажется скоро придется склониться и не передъ порфиросной соперницей... а передъ цѣлымъ хоромомъ дальнихъ сродницъ, не богатыхъ, не важныхъ по происхожденію и скорѣе степныхъ... чѣмъ великосвѣтскихъ.

Вездѣ на Русь закупаютъ жизнь, вездѣ обнаруживается дѣятельность, иногда нескладная, но здоровая, молодая и самобытная.

Петербургъ, какъ глава Россіи, какъ средоточіе умственной и гражданской дѣятельности, не можетъ пережить Петровскую эпоху, ея мысль истощилась. Петербургъ можетъ оставаться правительственнымъ городомъ — по той мѣрѣ, по которой правительство пойдетъ врозь съ народомъ. Сила захваченная, собранная имъ велика, она можетъ безъ сомнѣнія поддержать власть и задержать развитіе частей. Борьба бюрократіи, поддерживаемой штыками и поддерживающей централизацію — противъ областной самобытности — имѣетъ за себя много шансовъ. Мы обращаемъ вниманіе на живые зародыши, а вытравить ихъ мать или пѣтъ—это вѣдь нашей физиологіи.

Вотъ что мы видимъ издали. Какъ только пахнетъ свѣжимъ воздухомъ, здоровымъ, обѣщающимъ весну, то это навѣрное съ Урала или изъ Казани, изъ Кіева или изъ Харькова, изъ Малороссіи или изъ Сибири, но не изъ Петербурга и не изъ Москвы. Стоитъ читать наши русскіе журналы и нѣсколько брошюръ вышедшихъ за границей, чтобъ видѣть какъ рядомъ съ олигархическими притязаніями потомковъ столбовыхъ петербургскихъ писцовъ, перемѣшавшихся съ флигель-адъютантами—дѣйствуетъ Тверской комитетъ съ Унковскимъ и съ Европеусомъ, съ выработанной мыслию, съ проектомъ Земскаго банка, съ готовностію освободить крестьянъ и отдать имъ ихъ землю; какъ рядомъ съ Котошихинскими князьями, боярами и воеводами первопрестольной столицы, дошедшими до того, что самъ государь пристыдилъ ихъ за упорную отсталость—Владимірской адресь, который пристыдилъ государя до несправедливаго поступка.

Годъ V.

И люди пріѣзжающіе изъ дальнихъ мѣстъ Россіи — эпергичьяе, юцѣе, безъ петскаго отчаянія, безъ большихъ нервъ и сломанности, безъ московскаго столпчнаго провинциализма, они имѣютъ больше своихъ чертъ. Иногда они наивны, иногда ошибаются, но имъ не до такой степени страшны какъ Петербуржцу—вельможы и генералы отъ III отдѣленія, и они не до такой степени подавлены авторитетомъ савоиниковъ Московскаго журнализма и Англійскаго клуба.

Все это заставляетъ насъ думать, что будущность Россіи не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Конецъ Петербургомъ пачатаго дѣла — *освобожденія крестьянъ* — будетъ началомъ *освобожденія областной жизни*. Петербургскій періодъ можетъ только продолжаться *періодомъ Николаевскимъ*.

— Но отчего же и вдовствующая столица должна съ нимъ вмѣстѣ сойти со сцены?

Мы этого не говоримъ. Такія средоточія народонаселенія, дѣятельности и торговли, не сходятъ со сцены такъ быстро. Мы говоримъ о ихъ значеніи метрополіи, о ихъ нравственномъ самодержавіи, въ которомъ въ сущности и нужды нѣтъ никакой. Вопросъ — почему эта власть не переходитъ въ Москву—трудень. Но факты передъ глазами.

Возьмемъ одинъ очень не важный, но близкій намъ. Какъ ни молодъ *Колоколь*, но онъ уже имѣетъ свою хронику, свои наблюденія и выводы. Изъ самыхъ дальнихъ концовъ Россіи мы получаемъ—dann und wann—письмо, слово симпатіи, рассказъ, вопль негодованія; на Петербургъ тоже жаловаться нельзя, хотя отъ его общественнаго положенія и можно было бы больше требовать, (въ невозможность посылать, ни мы не вѣримъ, ни Тимашевъ,) все же изъ Петербурга посылаютъ.

Изъ Москвы почти никогда, ни строки, цѣлые годы проходятъ безъ вѣсти. Москва любитъ поболтать, писать не охотница, да и не досугъ, время скоро идетъ, пора обѣдать, а тутъ тяжесть, такая усталъ, да ищи какъ послать, хлопоты...

Спите, братцы, почивайте!

И отчего Москвѣ не отдохнуть? Самъ Христосъ, только *одинъ* разъ воскресалъ, и то не надолго. Москва, совершила свой второй подвигъ. Она была во все продолженіе несчастнаго тридцатилѣтія воспитательнымъ домомъ Россіи, послѣднимъ убѣжищемъ мысли, науки, человѣческихъ убѣжденій. Она обучала иногда гайкомъ отъ отца, какъ жена

Людвика XI. Въ Москвѣ вспыхла, развилась, расщепилась и возмужала современная русская мысль, качаясь въ своей колыбели между протестомъ Чаадаева и возрѣніемъ славянофиловъ. И если впоследствии *исполнительная* часть литературы, ея прилавокъ, перешелъ въ Петербургъ, то ея тема, мысль, задача — изъ Москвы, то ея люди — изъ Москвы. Лермонтовъ, Бѣлинскій, Тургеневъ, Кавелинъ, — все это наши товарищи студенты Московскаго университета.

Этотъ каѳедраальный соборъ новаго русскаго образованія, былъ больше чѣмъ кѣмъ нибудь оцѣненъ императоромъ Николаемъ. Онъ, мнительный и трусъ, ясновидѣніемъ непамясти, понялъ, что значать эти бѣдныя каѳедры, на которыя всходили люди, изуродованные *малиновыми* воротниками на фракѣ, и которыхъ слушали какіе то юноши, одѣтые копноегерскими юнкерами. Онъ чувалъ что въ этихъ аудиторіяхъ, какъ пѣюгда въ римскихъ катакомбахъ, есть молодые учителя крестившіе безшумно, наукой и свѣтомъ истины, одно поколѣніе за другимъ, и что эти ставленники ихъ ежегодно рассыпались во вся четыре стороны. Юбилей Московскаго университета праздновался всей Россіей, и читая рѣчи произнесенныя въ губернскихъ городахъ, у насъ вдали сильно билось сердце.

Чтобъ понять все различіе живой цистерпы, въ которую каждая вена торопится снести свою кровь, и изъ которой черпаетъ каждая артерія, съ искусственной поддѣлкой органа, не срастающагося съ тѣломъ, но иногда полезнаго ему, стоитъ вспомнить, рядомъ съ Московскимъ университетомъ—*Петербургскую академію наукъ*. Безъ сомнѣнія академики, во всѣ времена были гораздо ученѣе Московскихъ профессоровъ, но почему эта академія *Русская*? Перевезите ее въ Пекинъ, въ Испанію, въ Александрію, ничего не перемѣнится; вмѣсто Владиміра, имъ будутъ давать Льва и Солнца, вмѣсто портрета Александра Николаевича—портретъ Китайскаго императора, и сердце ихъ также будетъ тронуту. Палласу и Гмелину вовсе не нужно было быть Петербургскими академиками для того, чтобъ совершить свое путешествіе. Гумбольдту, Гакстгаузену и Тенгоборскому также мало было надобности, для ихъ изученій Россіи, чтобъ па Васильевскомъ острову, былъ академическій скитъ, какъ Ливингстону, чтобъ въ Африкѣ была какая нибудь Кафрская Сорбона.

Московскій университетъ соотвѣтствовалъ возникшей народной потребности образованія; тоже должно сказать о всѣхъ остальныхъ русскихъ университетахъ. Петербургская академія была вызвана потребностью орнаментировки цивилизующаго самодержавія, какъ циркуль и глобусъ, который ваятели прибавляли къ статуямъ самодержцевъ. Въ XVIII столѣтіи, вельможи, богатыри, проходившіе спальней Екатерины II, любили заводить себѣ, на заработную плату, малороссійскіе и великороссійскіе Версали, и при нихъ непременно “избранную бібліотеку”, при которой содержался французъ бібліотечарь, являвшійся на большихъ выходахъ безграмотнаго барина, для вяшшаго благолѣпія. На томъ же основаніи, зазвали въ Петербургъ нѣсколько иностранцевъ ученыхъ и бездомовниковъ (Лейбницъ не бось не поѣхалъ!), для того, чтобъ они тѣ ученые вещи, которыя бы писали въ Геттингенѣ или Тюбингенѣ, писали бы на Васильевскомъ острову. Каковы были эти колонисты науки, про то знаетъ М. В. Ломоносовъ. Заведеніе это съ тѣхъ поръ такъ и осталось

и какъ всѣ нѣмецкія заведенія, на пр. Зимній Дворецъ, не только не обрусѣло, но онѣмечило всѣхъ русскихъ, случайно попадавшихъ въ храмъ Мипервы—*Германики*.

Второй вѣкъ идетъ съ ея открытія, но она такъ и осталась какой-то баркой, на которой плывутъ эмигранты-эксперты изъ любви къ наукѣ и къ злату, гдѣ нибудь въ Калифорніи, нисколько не заботясь, ни о берегахъ, ни о мутной водѣ около нихъ.

Если Россія когда нибудь придетъ въ себя подъ бременемъ своего креста и скажетъ академикамъ между прочимъ, отирая кровавый потъ: “Ученые Пѣмцы, что вамъ до меня, я васъ не знаю, и вы меня не знаете. Изучайте меня, живите, пишите, наблюдайте, считайте—но за что же мнѣ платить то вамъ за это?” Она будетъ права!

Былъ ли со стороны академіи наукъ хоть одинъ протестъ, хоть одна слабая попытка защитить слово, образованіе, мысль, во все время Николаевской Аракчеевщины. Что она сдѣлала для народа, кромѣ изданія мѣсяцослова? Мы знаемъ имя того Дерптскаго ректора, который не хотѣлъ склонить своей головы подъ фельдфебельское иго. Мы знаемъ, профессора иностранца высланнаго изъ Московскаго университета за то, что онъ сочувствовалъ Германскому движенію. Укажите академика, пострадавшаго отъ чего нибудь, кромѣ гемороя, укажите живое слово, живой интересъ, человѣческое сочувствіе академіи... ей было не до насъ.

Нынѣшнимъ лѣтомъ академикъ *Якоби*, посланный министерствомъ финансовъ въ Германію, по экономическому дѣлу, съ такимъ усердіемъ занялся “платиной,” что предложилъ обобщая свое порученіе, и притомъ княжевичу, которому дѣла нѣтъ до этого, устроить *плотину* противъ *распространенія* книги кн. П. Долгорукова въ Германію. Химикъ находилъ это броженіе *zu gefährlich* для русско-нѣмецкихъ соединеній.

Если это правда, (можетъ академія напечатаетъ это въ своихъ *Pulletins*), то это единственный случай извѣстный, въ которомъ академія сдѣлала что нибудь для русской гражданственности.

Переходя снова къ Московскому университету, и признавъ его огромное значеніе, мы должны сознаться, что онъ пережилъ свою героическую эпоху, свою исключительную гегемонію просвѣщенія. Его юбилей былъ его лебединой пѣсней, съ похороиъ Грановскаго онъ не оправлялся. Но въ то самое время какъ его уровень мельчаетъ, уровень провинціальныхъ университетовъ подымается выше и выше, и подымается безъ малѣйшаго содѣйствія правительства, бросающаго деньги на одни вредныя и ненужныя школы, въ родѣ школы *ольденбургскаго правопѣденія*, юнкерскаго марководства и проч.

Провинціальные университеты забыты, министерство Ковалевскаго съ *нартъчикомъ* Мухановымъ, заняты не тѣмъ. Ковалевскій, напр. видѣлъ своими глазами, что въ Казанскомъ университетѣ *восемь* пустыхъ каѳедръ и не меньше *пустыхъ* профессоровъ,* и чтоже сдѣлалъ? тотчасъ сталъ хлопотать объ арендѣ, не Казанскому университету, *а себѣ*. Учители гимназій въ Петербургѣ и Москвѣ не идутъ въ провинціальные университеты, потому что оклады малы. Провинціальные

* Намъ рассказывалъ одинъ бывший Казанскій студентъ, о составѣ нѣхъ медицинскаго факультета... тѣмъ Побѣдовосцева и тѣмъ Котельницкаго, Иваловскаго, Ульрикса (отца, сынъ тоже нѣмецъ, но служить по тайной исторіи, а не по всеобщей и читаетъ не лекціи по Шреку, а дужіе письма по Шпектеру) гордо

профессора напротивъ при первой возможности переходятъ въ столицы. И совсѣмъ съ этимъ, духъ этихъ университетовъ, духъ молодыхъ профессоровъ и студентовъ—превосходенъ.

Каждая новость изъ дальнихъ университетовъ, проникнута свѣжей жизнью аудиторіи. Сколько юной страсти къ наукѣ, педагогованія за скверное преподаваніе, какъ бьются эти молодые люди, чтобъ замѣнить бездарныхъ, тупыхъ, остальшихъ преподавателей—людьми свѣжими и молодыми мыслию, какъ дружно протестуютъ они, какъ составляютъ свои братскіе кружки для выписки книгъ, журналовъ. Этого развитія скоро не искоренятъ ни сыщики Тимашева à la Лужинъ, ни сродники бывшего дядьки наследника à la Зиновьевъ, ни золотушная язва нѣмецкихъ вѣчно-цѣховыхъ ремесленниковъ науки, съ ихъ русскими подмастерьями на манеръ цѣмекій. Тамъ гдѣ жизнь круто завязывается, она чрезвычайно упорна, и дѣлай что хочешь, она найдетъ себѣ и щель къ свѣту и дорогу впередъ, противъ нея ни преступная небрежность министерства, ни преступное вниманіе шпионства, ничего не сдѣлаютъ. Университетъ учитъ столько же, или еще больше аудиторіей, сколько кафедрой, юнымъ столкновениемъ, горячимъ обменомъ мыслей. Если есть два-три доцента, умѣющіе возбудить вопросы, научить ихъ ставить, умѣющіе указать что дѣлаетъ наука на волѣ, то и довольно!

Если разсудить, то почти лучше что правительство ничего не дѣлаетъ для провинціальныхъ университетовъ. Оно ихъ завело изъ хвастовства и поддерживаетъ настолько, чтобъ стѣны не упали *отъ стыда*. Пусть же молодежь пробивается сама, учится сама; за лишній трудъ она пріобрѣтетъ великое *право неблагодарности*, у ней не будетъ одолженій Петербургу, она себѣ и молодымъ труженикамъ науки, будетъ обязана своимъ образованіемъ.* Пусть же она отрясетъ прахъ со своихъ ногъ, и приметъ нашъ братскій совѣтъ—идти, не останавливаясь на препятствіяхъ, впередъ и впередъ!

Отъ души, съ глубокой любовью привѣтствуемъ мы изъ нашей дали, новыя фаланги будущей Руси, идущія намъ на смѣну; ихъ дружескія слова долетаютъ до насъ, снимаютъ много тяжелаго и скорбнаго, мы себя чувствуемъ съ ними какъ-то снова молодыми.

И—ръ.

НАРВСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ

и

рукопашный каваньякъ-Смирновъ.

“Теперь перехожу къ повѣствованію о томъ, какъ реформы правительства проводятся въ среду крестьянскихъ общинъ въ Петербургской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ о судѣ, произведенномъ съ 13 по 15 минувшаго Ноября надъ крестьянами Ямбургскаго уѣзда, Итовской вотчины,

взыбался, пронеслись мимо насъ. Отъ генерала (отъ хирургіи) и плантатора Франца Иосифовича Гелачича (такъ и почесло Австріей) занимающагося накожной хирургіей съ своими мужиками, и вовсе незанимающагося университетомъ, до Егора Іоакимовича Блосфельда, называющаго микроскопическія наблюденія *опанія moralis* (Господи, что же послѣ этого телескопическія наблюденія, развѣ *sodoma sideralis*?) и отъ Блосфельда, до пѣвца изъ Казанкиль уроженцевъ Соколовскаго, говорящаго что критика теперь не въ модѣ, что ее даже вѣтъ и за границей!” (Должно быть она какъ Плія пророкъ взята на небо,)—все такъ и просится на исключеніе изъ университетскаго вѣдомства и на опредѣленіе къ другимъ дѣламъ и должностямъ.

* Одно рекомендовали бы мы молодымъ ученымъ провинціальныхъ университетовъ, они должны оставаться въ своемъ краю, въ родной средѣ, а не тотчасъ переѣзжать по первому зову въ Петербургъ или Москву. Можетъ это и не совсѣмъ выгодно, но теперь не до домашней экономіи.

Петербургскимъ губернаторомъ Смирновымъ. Итовская вотчина, принадлежавшая до сего графу Несельроде, была продана имъ купцу Байкову, вслѣдствіе чего крестьяне отошли въ вѣденіе министерства Государственныхъ Имуществъ; а Байковъ съ своей стороны великодушно надѣлилъ ихъ землею, но при этомъ надѣли такъ умно распорядился, что крестьяне, проходя на свои земли, должны были идти землею Байкова и тѣмъ мять его посѣвы. Вслѣдствіе сего г. Байковъ заключилъ съ крестьянами договоръ, въ силу котораго они, за взятый посѣвъ обязывались работать на него три дни въ недѣлю, въ противномъ случаѣ онъ предоставлялъ крестьянамъ право, летать на ихъ пашни по воздуху; но согласившись на договоръ крестьяне дѣлались уже барщинными, а г. Байковъ помѣщикомъ *de facto*. Вскорѣ по заключеніи этого великодушнаго договора, вышло какое-то новое положеніе для этихъ крестьянъ, въ силу котораго они обязаны были избрать изъ среды себя, пятидесятниковъ, сотниковъ и голову. Положеніе это и было торжественно прочтано крестьянамъ, кѣмъ слѣдовало на российскомъ діалектѣ, по при этомъ было выпущено изъ виду одно ничтожное обстоятельство, но повлекшее за собою кровавое послѣдствіе, а именно: Итовская вотчина населена Чухнами, изъ коихъ 5/6 только смотрѣла глубоко-мысленно на процессъ чтенія, не понимая ни слова по русски, а остальная 1/6, хотя и объявлялась съ горемъ по полямъ по русски, но какъ ни проникнута глубоко духомъ пашей словесности, а канцелярской въ особенности, осталась въ томъ же положеніи какъ и ихъ товарищи,—тоже не поняла ни бельмеса, что бываетъ и съ нашими православными, не только Чухнами. Какой-то отставной писарь объяснилъ имъ это положеніе тѣмъ, что они опять дѣлаются барщинными крестьянами; они почесавъ затылокъ разбрелись по избамъ, принявъ это извѣстіе къ свѣденію.

“Гдовскій исправникъ, отставной маіоръ Адеркасъ, узнавъ, что распоряженія начальства не приводятся въ должное исполненіе, поскакалъ вразумить непокорныхъ розгами. Крестьяне же видя бѣду неминуемую со стороны Адеркаса, а со стороны Байкова неплатежъ имъ заработанныхъ денегъ, увѣровали вполне, что онъ снова дѣлается крѣпостнымъ, а потому, боясь попасть на глаза неумолимому исправнику со свитою, бросились искать себѣ спасенія въ лѣсъ. Эгого поступокъ былъ принятъ за рѣшительное возстаніе, о чемъ и дано знать въ Петербургъ по телеграфу, откуда воспослѣдовало обратное предписаніе, состоящее въ слѣдующемъ: послать на усмиреніе мятежниковъ 3 роты Австрійскаго и 3 роты Прусскаго полковъ со взводомъ казаковъ, и всей этой арміи руководствоваться существующими на подобный казусъ законами. А чтобы не сдѣлано было послабленія, и для мѣръ болѣе энергическихъ поскакалъ на судилище и самъ начальникъ губерніи г. Смирновъ.”

“Солдаты окруживъ всѣ деревни, такъ что ни одна собака не могла выскочить, въ деревню же впускали великодушно всякаго крестьянина, не только изъ другой волости, но даже другой губерніи, это было рѣшительно все равно, никого не выпускали, ничего не принимали во вниманіе, лишь бы только былъ крестьянинъ. 14 Ноября при довольно холодной погодѣ пріѣхалъ на четверкъ почтовыхъ самъ Смирновъ, за нимъ слѣдовали полковыя командиры Австрійскаго и Прусскаго полковъ. Поздоровавшись съ солдатами, въ средину коихъ были согнаны всѣ наличные крестьяне, какъ то:

слѣпые, хромые, разные калѣки, старики и мальчишки, г. Смирновъ приказалъ одному изъ чиновниковъ читать бумагу вышеизъясненнаго содержанія; но чиновникъ, будучи отъ природы заика, возбудилъ гнѣвъ Смирнова. Обругавъ публично писаря, онъ вырвалъ у него бумагу и прочелъ самъ бунтовщикамъ, и опять таки на русскомъ языкѣ. Крестьяне остались въ невѣденіи—новаго или стараго содержанія прочитали имъ бумагу. Смирновъ, видя ихъ недоумѣніе, велѣлъ принести розогъ, и когда это было исполнено, спросилъ: какъ они смѣли ослушаться воли начальства? Крестьяне вылутили глаза и молчали; одинъ какой то смѣльчакъ, старикъ лѣтъ 70, лѣшь только разинулъ ротъ для объясненія, какъ Смирновъ, по старой привычкѣ, схватилъ его за бороду и давай валять, во что ни попало крича съ пѣною у рта. “ты то и есть первый бунтовщикъ” и поваливъ его на землю сталъ бить и топтать ногами, а въ заключеніе велѣлъ пороть розгами, нещадно. Сигналъ былъ данъ и тутъ началось чудовищное побоище: всякій билъ кого и какъ хотѣлъ, кто палкой (командиръ прусскаго полка), кто кулакомъ и чѣмъ ни попало, а потомъ началась порка розгами. Управляющій конторою или имѣніями государственныхъ имуществъ Гюне вздумалъ было сдѣлать замѣчанія палачамъ, что безъ суда едва ли можно такъ поступать, на что получилъ отвѣтъ, что онъ еще молодъ, чтобы давать наставленія и что самъ Смирновъ за все отвечаетъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и сотрудникомъ Смирнова въ этой кровавой драмѣ былъ Ямбургскій предводитель дворянства баронъ Врангель, который показалъ усердіе къ службѣ страшнымъ неистовствомъ и побоями. Кончилось все это тѣмъ, что у всѣхъ драчуновъ-чиновныхъ распухли руки, крестьянъ же заковали и отправили: ивыхъ въ смиренный домъ, иныхъ въ уѣздныя тюрьмы.”

Это дѣлается возлѣ Петербурга, возлѣ помойной ямы Долгорукова, возлѣ добраго старика Ланского. Когда же это русской народъ отдѣлается отъ этой сволочи?

ПРОШЕНІЕ СТУДЕНТОВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ*.

САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ, ГОСУДАРЬ ВСЕМПЛОСТИВѢЙШІЙ!

Просятъ студенты XX и XXI курсовъ Кіевской духовной Академіи. А о чемъ наше прошеніе тому слѣдуютъ пункты.

1. Современное положеніе Кіевской духовной академіи по всѣмъ ея частямъ учебной, экономической и административной таково, что мы нижеподписавшіеся студенты находимъ себя вынужденными довести о немъ до свѣденія высшаго начальства.

2. Собранные сюда мудрыми видами правительства изъ разныхъ концовъ Россіи для полученія возможности служить потомъ пользамъ отечества въ одномъ изъ его важнѣйшихъ сословій, мы къ удивленію и прискорбію нашему находимъ, что такая подготовка здѣсь невозможна. За исключеніемъ немногихъ лицъ, здѣсь царствуетъ полная холодность и невниманіе къ нашему образованію. Со стороны начальства, особенно

* Мы обещали въ 86 л. Колокола помѣстить это прошеніе. Мы не вездѣ довольны его тономъ, но оно даетъ понятіе о томъ какъ идетъ преподаваніе—аптекарскаго чина; по этому мы печатаемъ его цѣлкомъ.—Ред.

ректора академіи архимандрита Израиля(1), почти не обращается никакого вниманія на ходъ нашихъ учебныхъ занятій. Посѣтивъ въсколько разъ классы во время чтенія лекцій, онъ не выслушивалъ ихъ, а являлся съ своими замѣчаніями, часто совершенно посторонними, только препятствовавшими вниманію студентовъ и отнимавшими у нихъ время. Профессоры, не получая одобрительныхъ поддержекъ со стороны начальства, холодѣютъ болѣе и болѣе къ своимъ ученымъ занятіямъ. Рядомъ съ прекрасными и, къ сожалѣнію, немногочисленными лекціями(2), на которыя впрочемъ нельзя намъ обращать исключительнаго вниманія по характеру нашего образованія, мы получаемъ на лекціяхъ свѣденія о вещахъ болѣе или менѣе извѣстныхъ мальчишкамъ по выходѣ ихъ изъ уѣздныхъ училищъ. Такъ на классѣ существеннѣйшаго предмета въ курсѣ духовнаго образованія—догматическаго богословія, читаемаго ректоромъ архимандритомъ Израилемъ, послѣ пяти лекцій, возбуждавшихъ невольный смѣхъ и тѣмъ оскорблявшихъ святость и высоту предмета, читаются студенческія сочиненія, безъ всякой критики, или съ критикой направленной исключительно противъ употребленія иностранныхъ словъ(3), противъ грамматическихъ ошибокъ и механическихъ описокъ. (Объ этомъ свидѣтельствуютъ студенты XX курса). А между тѣмъ вотъ уже прошло около половины учебнаго года. Другой важнѣйшій предметъ духовнаго академическаго образованія—изъясненіе священнаго писанія, порученъ бакалавру Гуляеву, взятому въ прошломъ году съ исторической кафедры Кіевской семинаріи. Незнакомый по этому съ порученнымъ ему предметомъ, и занявъ притомъ тотчасъ же должность эконома академіи, онъ, по собственному его сознанию не можетъ работать двумъ господамъ(4), и беретъ для своихъ лекцій сырые матеріалы изъ доступныхъ ему и не всегда здравыхъ иностранныхъ критикъ священнаго писанія, или представляетъ скатый перечень буквального содержанія книгъ св. писанія, что не только оставляетъ насъ въ невѣдѣніи духа и значенія св. писанія, но охлаждаетъ и самую любовь къ нему, такъ что болѣе ревностные къ дѣлу своего призванія студенты должны или совсѣмъ не посѣщать лекцій или записываться во время лекціи чтеніемъ болѣе полезныхъ, чѣмъ эти лекціи, книгъ(5). Теперь же, послѣ будто бы оскорбленія, нанесеннаго ему студентами, бакалавръ Гуляевъ официально чрезъ инспектора академіи объявилъ студентамъ, что не станетъ болѣе читать лекцій и дѣйствительно не читаетъ. Новаго наставника по св. писанію намъ не назначаютъ(6), и главнѣйшій предметъ духовнаго образованія останется вполнѣ неизвѣстенъ намъ, потому что ветхій завѣтъ, за выбитіемъ разныхъ наставниковъ и назначеніемъ новыхъ(7) въ прошед-

(1) Архимандритъ Израиль былъ ректоромъ съ конца Іюля 1858 по 1860 г. Съ самаго начала 1860 года вступилъ на ректуру Іоаннѣй, ректоръ семинаріи Кіевской.

(2) Разумѣются лекціи, по преимуществу, профессора Юркевича по исторіи, философіи новой и по логикѣ.

(3) Преслѣдовались даже и такія выраженія, которыя вообще употребляются въ современной литературѣ русской, и приличны даже богословско-философскимъ разсужденіямъ, но почему нибудь еще неосвященные употребленіемъ у корифеевъ богословской литературы.

(4) Въ концѣ 1859 года Гуляевъ оставилъ экономію, но чтеніе лекцій не улучшилось отъ того.

(5) Обыкновенно не всѣ студенты ходятъ въ классъ, а тѣ которые ходятъ, берутъ съ собою какія нибудь книги и читаютъ, чтобы не скучать и не спать.

(6) Узнавъ о прошеніи, Гуляевъ опять началъ читать лекціи и продолжаетъ доселѣ читать.

(7) При поступленіи XX курса въ академію, проф. св. писанія былъ архим. Филаретъ, ильи ректоръ Кіевской семинаріи; по уѣздѣ его въ Казань, лекціи

шемъ учебномъ курсѣ, остался почти совсѣмъ необъясненнымъ для студентовъ XX класса, а новый не читается теперь ни для XX, ни для XXI курсовъ(8). Вообще же, касательно лекцій все предоставлено случайностямъ личнаго безвозмезднаго усердія профессоровъ(9). А между тѣмъ простое присутствіе на лекціяхъ даже безъ всякаго вниманія къ нимъ, имѣеть большое вліяніе при распредѣленіи ученыхъ степеней и наставническихъ мѣстъ(10).

3. Отъ студентовъ въ учебномъ отношеніи требуется, а) подать четыре или пять сочиненій въ треть; б) сдать полугодовой, годичный и курсовой экзаменъ. За признанною и очевидною невозможностію — написать порядочно столько сочиненій, наставники обращаютъ вниманіе на точность въ выполненіи количества ихъ. Требуется лишь бы написать что нибудь безъ изученія взятаго предмета, потому что это облегчаетъ и трудъ профессоровъ, которымъ рѣшительно невозможно и читать хорошія лекціи и вмѣстѣ прочитывать серьезныя разсужденія въ такомъ огромномъ количествѣ. Отъ того приобрѣтается студентами привычка не давать себѣ отчета ни въ одномъ предметѣ разсужденія, мыслить и говорить въ общихъ фразахъ, при чемъ оказывается нерѣдко полное отсутствіе убѣжденій. Рядомъ съ множествомъ сочиненій нужно заниматься многими совершенно разнородными предметами, изъ которыхъ и одинъ изучить не достало бы половины академическаго курса(11). Отъ того студенты ничего серьезно не изучаютъ. Экзамены являются простою формою и отнятіемъ драгоценнаго времени. На экзамены представляются нерѣдко конспекты по такимъ отдѣламъ науки, какихъ мы совсѣмъ не слушали. Такъ бакалавръ Гуляевъ въ прошедшемъ году, прочитавшій студентамъ XX курса кое-что изъ св. библіологій до книги прор. Іереміи, означилъ въ конспектѣ прочитаннымъ весь Ветхій Заветъ, такъ что многіе студенты должны были на экзаменѣ отдѣливаться невольною ложью,

двѣ прочиталъ іером. Меодій, а потомъ взялъ на себя эти лекціи арх. Іоаннѣи, по за множествомъ обязательныхъ лекцій, онъ не могъ читать намъ св. писанія. Классы большею частію оставались праздыми. Наконецъ въ концѣ 1859 года поступилъ Гуляевъ.

(8) Теперь для облегченія профессора оба курса сходятся въ одинъ классъ, но и то не лучше.

(9) Кромѣ означенныхъ, стоить еще упомянуть о профессорѣ патрологіи Скворцовѣ, который пользуется репутаціею рыбы за свои отличныя чтенія по печатному; о профессорѣ греческаго языка Бобровницкомъ, который самъ едва понимаетъ грамматику и съ трудомъ переводитъ при помощи лексикона съ греческаго на русскій. Почему онъ обыкновенно ограничивается грамматическимъ разборомъ и буквальнымъ переводомъ, или какъ здѣсь говорятъ — перевозомъ съ греческаго на русскій языкъ.

(10) Профессоръ встрѣчая въ классѣ чаще какого нибудь студента, обыкновенно ставитъ его выше другихъ и подаетъ свои голоса въ пользу его на конференціяхъ. Можно себѣ представить какіе люди могутъ стоять во главѣ курса и потомъ во главѣ профессовъ науки.

(11) Вотъ на примѣръ программа предметовъ преподаваемыхъ студентамъ академіи въ высшемъ отдѣленіи, по преимуществу философскомъ: исторія философіи древней и новой, логика, психологія, метафизика, умственное богословіе, цѣнка, теорія словесности съ риторикою, эстетикою и философскою грамматикою русскаго языка, исторія литературы, русская гражданская исторія, математическая и физическая географія, греческій и латинскій языки, римскія древности, изъ новѣйшихъ языковъ — французскій или нѣмецкій — одинъ. Наконецъ въ низшемъ отдѣленіи для одной половины, по собственному желанію, обязательна всеобщая исторія, а для другой алгебра, геометрія, тригонометрія, аналитика и физика. Въ высшемъ отдѣленіи — собственно богословскомъ: богословіе — догматическое, нравственное съ аскетикою, общительное, пастырское, церковное право, библейская и церковная исторія, исторія русскои церкви, библейская археологія, церковное краснорѣчіе, древности еврейскія, исторія русскаго раскола и еврейскій языкъ. Общи обопмъ отдѣленіямъ — ученіе объ отцахъ церкви, т. е. патрологія, руководство къ познанію св. писанія и греческій языкъ.

представляя подъ видомъ академическихъ свѣденій недоста- точныя свѣденія изъ воспоминаній семинарскаго курса. При экзаменахъ въ присутствіи ректора Израіля разсказываются студентами вещи неслыханныя и вполнѣ лживыя, особенно по предметамъ ему незнакомымъ. Профессоры же не отличаютъ лжи, чтобы поддержать студента и избѣжать непріятностей. И такъ студенты не изучаютъ ничего серьезно, а время идетъ, самое дорогое время жизни!

4. Далѣе, изучать что нибудь серьезно нѣтъ никакой возможности потому, что библіотека Академіи, богатая литературою среднихъ вѣковъ имѣеть очень мало книгъ солиднаго и современнаго содержанія(12), такъ что мы остаемся въ полномъ невѣденіи на счетъ требовацій общества, для служенія котораго воспитываемся и боремся съ мифіями господствовавшими до конца XV вѣка (13). Вновь вышедшія лучшія книги выписываются рѣдко, и никогда почти не бывають въ рукахъ студентовъ, потому что оставаясь долгое время по полученіи въ канцеляріи правленія, онѣ до поступленія въ библіотеку забираются еще начальниками и наставниками и остаются у нихъ до неопредѣленнаго времени(14)!

(12) Въ годъ выписывается книгъ пять-шесть, да журналовъ хорошихъ три-четыре. Когда въ 1855 произошла демонстрація студентовъ, конференція рѣшила, что причины ея были въ чтеніи современныхъ журналовъ, и потому по предложенію помощника секретаря Бобровницкаго, на 1859 годъ количество выписываемыхъ журналовъ еще уменьшено, такъ что выписывались "Отечест. Записки" и "Сынъ Отечества". Правда чрезъ редакцію "Воскреснаго Чтенія", находящагося при здѣшней Академіи, въ замѣнъ экземпляровъ сего журнала присылается нѣсколько другихъ журналовъ. Но кто ихъ читаетъ и куда они поступаютъ — неизвѣстно. Говорятъ впрочемъ, что по истеченіи года они поступаютъ въ академическую библіотеку, но это только говорятъ.

(13) Это само собою понятно. Въ руководство и пособие какой нибудь науки даются обыкновенно книги старыя. Студентъ занимаясь сочиненіемъ и разбирая какія нибудь возраженія, безъ сомнѣнія можетъ имѣть въ виду только приводимыя авторамъ, которыхъ онъ могъ читать. Нужно еще замѣтить здѣсь, что въ виду предохраненія студентовъ отъ увлеченія какимъ нибудь неправославнымъ ученіемъ, ректоръ Антоній приказалъ собрать всѣ, такъ называемыя, запрещенныя сочиненія — Спинозы, Гегеля, Канта, Фихте и запечатать ихъ въ особыя ящики, и вообще теперь строго слѣдитъ попечительное око за чтеніемъ студентами книгъ. Каждый желающій получить книгу изъ библіотекъ, долженъ представить на запискѣ нумеръ заглавія ея — дежурному старшему. Дежурный въ концѣ недѣли представляетъ ее ректору. Ректоръ передаетъ въ библіотеку и уже чрезъ нѣсколько дней студентъ можетъ надѣяться, что получитъ книгу, если она еще не была взята никѣмъ изъ библіотеки. Присовокупите къ этому немѣнне вѣрнаго и полаго каталога книгъ входящихъ въ библіотеку, по которому студенты могли бы отыскивать нужныя книги; (по рукамъ ходятъ только остатки изорванныхъ стародавнихъ каталоговъ съ невѣрнымъ означеніемъ имени автора и нумера библіотеки), недостатокъ книгъ или расходъ ихъ по рукамъ и задерживаніе до неопредѣленнаго срока, кратковременныя и рѣдкіе періоды выдачи книгъ (два раза въ недѣлю съ 9 по 11 часовъ во время классовъ), наконецъ ничѣмъ неограничиваемый произволъ и прихоти библіотекарей, и вы поймете какъ легко достается студентамъ чтеніе книгъ и какъ своевременно должно быть это чтеніе. Студенты употребляютъ всѣ возможныя усилія, чтобы имѣть чтеніе книгъ и современныхъ журналовъ за довольно значительную для нихъ плату въ книжныхъ городскихъ магазинахъ.

(14) Въ канцелярію доставляются книги для записыванія въ журналъ и попадаютъ обыкновенно въ руки секретаря внутренняго правленія Бобровницкаго для прочтета. Потомъ переходятъ въ руки ректора инспектора, библіотекаря и т. д. Отъ нихъ часто достаются въ руки ихъ знакомыхъ, и книга путешествуетъ по городу иногда цѣлыя мѣсяцы и годы. Да и кромѣ того есть обычай профессоровъ заирать всѣ книги и журналы относящіяся къ ихъ специальности и держать ихъ въ продолженіе всего своего пребыванія въ Академіи, при чемъ книга только по усиленной просьбѣ и на короткое время можетъ достаться студенту изъ рукъ профессора. Нѣкоторыя книги такъ и исчезаютъ въ чьи руки, и замѣняются при выбытіи наставниковъ (разумеется монаховъ, которыхъ часто передвигаютъ съ мѣста на мѣсто) самыми вздорными и бесполезными книгами. Въ примѣръ можно указать хоть на бакалавра Троицкаго, который уже около двухъ лѣтъ какъ отдалъ куда-то на сторону взятый имъ единственный въ нашей библіотекѣ экземпляръ сочиненій Гоголя, и доселѣ не возвращаетъ.

5. Все эти причины приводят насъ къ тому горькому заключенію, что, по выходѣ изъ высшаго духовнаго заведенія, мы окажемся несоотвѣтствующими видамъ церкви и правительства, растрчивающихъ однакоже на наше образованіе церковныя и общественныя средства. Молодые наставники семинарій и даже академіи являются совершенно незнакомыми съ предметомъ ихъ профессіи, если по случайной случайности не прійдется имъ попасть на любимый предметъ, что бываетъ очень рѣдко.

6. Экономія во все время нашего пребыванія въ академіи (за исключеніемъ частныхъ случаевъ, какъ на пр. посѣщенія въ Октябрѣ прошлаго года чиновникомъ при св. синодѣ г. Соломономъ), во всѣхъ ея частяхъ (стола, содержанія дома, продовольствія студентовъ одеждою и мытья бѣлья) была и есть крайне неисправна и долѣ невыносима.

7. Столъ, которымъ пользуемся мы состоитъ изъ трехъ блюдовъ въ обѣдѣ и одного въ ужинѣ; болѣе никакихъ дополнительныхъ провизій (какъ на пр. чаю и вообще завтрака) мы не получаемъ. Блюда всегда дурнаго и грязнаго приготовленія изъ гнилыхъ и вредныхъ матеріаловъ, приготовляются въ пелуженыхъ котлахъ и всегда съ насѣкомыми. Для стола въ постные дни употребляется гнилая капуста, гнилой картофель, гнилые огурцы и, изрѣдка, попортившаяся рыба. Вообще столъ такъ неисправенъ, что иногда студенты принуждены бываютъ выходить изъ столовой, не дотронувшись до приготовленныхъ блюдовъ и вообще всегда дополняютъ скудость и недостатокъ стола своими собственными средствами(15). Столъ для больныхъ рѣдко готовится по назначенію доктора, а зависитъ больше отъ произвола ректора, эконома, а иногда даже комиссара(16).

8. Постоянная нечистота и тѣснота помѣщенія, испорченный воздухъ въ комнатахъ и вонючій въ корридорахъ(17).

Нынешній ректоръ Іоанникій, бывший прежде инспекторомъ, при переходѣ своемъ въ семинарію, объявилъ затерянными нѣсколько лучшихъ книгъ и предложилъ замѣнить ихъ старыми Часословами, Обиходами, какою-то раскольническою рукописью и подобнымъ вздоромъ. Правленіе безъ сомнѣнія согласилось на такую предѣлку. Кстати припомнимъ, что у ректора Израіля была довольно значительная своя библиотека книгъ, составленныхъ изъ статей вырѣзанныхъ изъ разныхъ попадавшихъ въ его руки журналовъ. Такъ окрадываются студентъ своими начальниками и наставниками по просвѣщенію; такъ ускользаютъ изъ академической библиотеки все лучшія книги!

(15) Каждый студентъ, не смотря на то, что повидимому имѣетъ все казенное, тратитъ не менѣе 40 рублей, если только имѣетъ откуда. И эта сумма идетъ лишь на пополненіе стола, на чай, сахаръ, булки и вообще съѣстное. Понятно, какъ должна быть обременительна для родныхъ такая поддержка сына или родственника въ академіи.

(16) Впрочемъ доггоръ такъ хорошо приаровнялся къ методѣ дѣйстванія нашихъ монаховъ, что едва-ли не за малѣйшимъ распоряженіемъ обращается къ ректору и инспектору. Можно бы удивляться, что докторъ, лицо по видимому стороннее, совершенно независящее отъ академическаго начальства, имѣющее притомъ въ основѣ своихъ дѣйствій право защищать больныхъ, — это лицо стѣсняется въ своихъ распоряженіяхъ властью академическаго начальства. Но это само собою понятно, когда обратимъ вниманіе на то, что поступленіе на должность академическаго врача и пребываніе въ ней, а равно награды за разные заслуги и доступъ ко всемъ духовнымъ лицамъ-знатнымъ, можетъ зависеть именно отъ этого угодничества монахамъ.

(17) Особенно въ настоящее время эта тѣснота простерлась до *per plus ultra*. Студентовъ обоего курсовъ, XX и XXI насчитывается до 100 человекъ, и все они стѣснены въ какихъ нибудь 15-18 комнатахъ, изъ коихъ въ самыхъ большихъ можетъ удобно помѣститься не больше 4 человекъ, потому что, кромѣ постелей, должны установиться здѣсь столы для занятія, табуреты, (стулья у насъ роскошь дозволяемая лишь большимъ по особенной просьбѣ), шкафъ для платья, для посуды, комодъ для бѣлья и книгъ. И вотъ при такомъ количествѣ необходимой мебели, въ комнатахъ въ 12-16 квадратныхъ сажени помѣщаются теперь по 6, рѣдко по 5 человекъ. А между тѣмъ такъ называемый старшій корпусъ, гдѣ наверху классныя комнаты, внизу заняты столарями, переплет-

недостатокъ въ количествѣ и качествахъ мебели, нерѣдко недостатокъ освѣщенія(18), (для освѣщенія комнатъ употребляются свѣчи изъ зловоннаго сала), неисправность и грубость со стороны прислуги, не только лишаютъ возможности спокойно предаваться студенческимъ занятіямъ, но нерѣдко сопровождаютъ вреднымъ вліяніемъ на здоровье. Больница расположена рядомъ съ чернымъ дворомъ, гдѣ сосѣдство многолѣтнихъ навозныхъ кучъ и отхожихъ мѣстъ дѣлаетъ въ ней воздухъ несстерпимымъ, такъ что заболѣвающие студенты лечатся въ комнатахъ. Последнее тѣмъ болѣе необходимо, что въ больницѣ нѣтъ необходимыхъ для больного: платья, бѣлья, посуды, прислуги и проч. Содержаніе академической церкви таково, что она не отопляется зимой за отсутствіемъ въ ней печи; двойныхъ рамъ также нѣтъ въ ней(19).

9. Наконецъ самое присутствіе въ академическомъ корпусѣ не безопасно, потому что съ Октября прошлаго года по Ноябрь настоящаго было два пожара большихъ, на которыхъ присутствовала пожарная команда, и два малыхъ, скоро замѣченныхъ и прекращенныхъ домашними средствами, и не разъ обваливалась штукатурка въ такихъ размѣрахъ, что это могло сопровождаться опасностію жизни. Не безопасно и со стороны сохранности нашихъ вещей, потому что отъ недостатка надзора за комнатами и нерѣдко отъ недостатка дверныхъ замковъ, часто пропадаютъ студенческія вещи.

10. Кромѣ шинели, которая дается намъ одна на все чиками, редакціей Воскреснаго Чтенія и еще какими-то прихвостнями академіи, имѣющими кажется никакого отношенія къ ней. Не говоримъ уже, что новый корпусъ, назначенный собственно для житья студентовъ и наставниковъ, (все семейные наставники, со включеніемъ эконома, живутъ въ этомъ корпусѣ. Ректоръ, впрочемъ, живетъ въ отдѣльномъ монастырскомъ домѣ), вмѣщаетъ еще библиотеку, кабинетъ физическихъ инструментовъ, правленіе академіи съ канцеляріей. Тутъ же жилища комиссара, комнатныхъ служителей и т. п. Понятно какой можетъ быть здѣсь воздухъ и какаа чистота въ комнатахъ, вабитыхъ людьми въ корридорахъ имѣющихъ свободное сообщеніе съ испареніями отхожихъ мѣстъ. Въ нижнемъ этажѣ половина комнатъ расположена надъ погребомъ съ съѣстными запасами. При худости пола, во многихъ мѣстахъ проѣденаго крысами, смѣло рыскающими по комнатамъ, изъ погреба проходятъ удушливые газы, причиняющие постоянную головную боль.

(18) Свѣчи выдаются поодѣльно въ количествѣ назначаемомъ по числу студентовъ (на трехъ, рѣдко на двухъ одна свѣча и то не каждыи день, а дня на два, на три), безъ отношенія къ ихъ занятіямъ и потребленію. Отъ того хотя въ нѣкоторыхъ комнатахъ свѣчи остаются, въ другихъ чувствуется большой недостатокъ въ нихъ. На просьбы прибавить свѣчей, обыкновенно отвѣчаютъ удивленіемъ, почему данныхъ свѣчей не достало, и большею частью предлагаютъ студентамъ самимъ покупать недостающее количество.

(19) Богослуженіе въ академической церкви совершается не болѣе 10 разъ въ годъ въ дни академическихъ праздниковъ (8 Мая, 26 Сентября, въ день Благовѣщенія или храма, при началѣ и концѣ ученія, и еще въ нѣкоторые дни, зачатые преданіемъ). Въ прочее же время студенты обыкновенно ходятъ въ церкви монастыря Братскаго, при коемъ существуетъ академія. Въ прошедшемъ году, 1859, студенты пожелали, чтобы богослуженіе совершалось въ академической церкви. После долгихъ сопротивленій со стороны ректора Израіля, терпящаго, чрезъ это отдаленіе студентовъ и собственно ихъ хора отъ монастыря, часть своихъ доходовъ, — ихъ желаніе было уважено самимъ митрополитомъ. Богослуженіе съ Ооминон недѣли продолжалось до Октября мѣсяца. При наступленіи холодовъ, студенты просили поставить въ ихъ церкви печь и дѣлать двойныя рамы. Но на это отвѣчали недостаткомъ академической и церковной суммы, имѣи безъ сомнѣнія въ виду заставить студентовъ ходить въ монастырскую церковь. Нужно при этомъ замѣтить, что хотя монастырь имѣетъ большія выходы отъ стеченія народа на вечернія богослуженія, разрѣшаемыя только въ учебныхъ заведеніяхъ, но за хожденіе студентовъ въ эту церковь всегда выдавалось монастырю изъ академической экономіи сажени по 20 дровъ для отопленія церкви!.. Въ этомъ году, студентъ опять просилъ нынѣшняго ректора Іоанникія, чтобы богослуженіе совершалось въ своей церкви по примѣру прошлаго года; но онъ, вѣрный оберегатель своихъ выгодъ, конечно не могъ согласиться на эту просьбу, выставя на видъ, что это отдаленіе студентовъ отъ монастыря будетъ соблазномъ для многихъ и даже расколомъ!!! Студенты принуждены ходить въ монастырь.

четыре года и дѣлается на деньги выдаваемые семинаріями, намъ дается одинъ сюртукъ суконный и одни суконные брюки на два года изъ матеріала невыдерживающаго иногда и мѣсячной носки. Въ настоящемъ году, по причинѣ поздняго заключенія контракта о пошитиіи одежды, многіе студенты принуждены посѣщать классы и церкви съ опасностію простудиться или вовсе не посѣщать ихъ. На бѣлье и другія вещи (дѣтнее платье, фуражки, галстухъ, подтяжки, носовые платки чулки, манишки и проч.) выдается единовременно въ годъ 12 или 13 р. что по кievскимъ цѣнамъ едва окунаетъ и одно бѣлье умѣреннаго качества и необходимѣйшаго количества. Шитье сапогъ, не провашивающихся мѣсяца, вводитъ въ постоянныя непріятныя столкновения съ саножникомъ, при чемъ нерѣдко выслушиваются грубости. Вообще продовольствіе одеждою таково, что многимъ студентамъ случается быть буквально раздѣтыми и приходится превращаться въ портныхъ для починки своихъ ветхихъ одеждъ.

11. Черное бѣлье, сбрасываемое нами, остается по мѣсяцамъ подъ койками (спальни у насъ неотдѣлены отъ занятыхъ комнатъ) и заражаетъ воздухъ вредными миазмами. Прачкою оно возвращается иногда чрезъ цѣлый мѣсяцъ послѣ взятія, иногда сгнившее, всегда дурно вымытое и постоянно съ потерями или вовсе невозвращающимся, или вознаграждающимся замѣною старыхъ и худшихъ вещей. Столовое бѣлье всегда грязно, изорвано и вонюче до отвращения; ручныя салфетки подаются одна на нѣсколько студентовъ.

12. вмѣсто того, чтобы вести экономію законными подрядами, она ведется у насъ домашнимъ образомъ, при чемъ неизбежны безчисленныя злоупотребленія со стороны лицъ служащихъ при экономіи. Въ прошедшемъ году заключенъ былъ, по настоятельнымъ просьбамъ студентовъ, подрядъ на столъ, но неудачный для насъ. И когда подрядчикъ пересталъ выполнять условія подряда, его терпѣло начальство до тѣхъ поръ, пока новыя настоятельныя просьбы студентовъ не заставили отказать ему. Новый подрядъ, неизвѣстно почему, не заключается и на всѣ просьбы студентовъ, вынужденныхъ къ тому крайнимъ упадкомъ домашней экономіи, отвѣчали обѣщаніями и наконецъ предложеніемъ студентамъ самимъ отыскать подрядчика. Когда же одинъ приглашенный студентами явился въ правленіе, ему отказали. Для наблюденія за экономіей по уставу должна быть у дежурныхъ студентовъ книга экономическая; но намъ ее теперь не даютъ и на просьбы объ ней отвѣчаютъ намъ, что это не наше дѣло. Упадокъ экономіи нерѣдко извиняется нашимъ начальствомъ предъ студентами покражею казенной суммы, совершившеюся въ Декабрѣ прошлаго года, и еще какою то затратою суммъ случившеюся прежде когда-то(20).

13. Въ теперешней администраціи академіи замѣчается произволъ, шпіонство и совершенное невниманіе къ нуж-

(20) Эти оправданія намъ приходилось слышать изъ устъ самаго архимандрита Іоанникія; тогда какъ извѣстно, что въ концѣ прежняго года, въ видѣ благодарности за надзоръ надъ экономіей, ему же поднесенъ подарокъ на рубль, рубль въ 200 изъ экономической суммы!... Покража суммы въ 4½ тысячи рублей, произведена изъ особенной кладовой, въ которой хранилась она при академіи вопреки законнымъ постановленіямъ. Для необходимухъ издержекъ тогда эта сумма была занята у конвенторіи. Теперь она требуется къ возвращенію и ректоръ Іоанникій объявилъ, что нужно сократить расходы на содержаніе студентовъ, для пополненія этой суммы, разумѣется пополненію этому не будетъ означено предѣловъ ни въ количествѣ, ни во времени!... и студентамъ снова грозятъ голодъ и нужда.

дамъ студентовъ. Со времени поступленія студентовъ въ академію вся судьба ихъ зависитъ отъ личныхъ отношеній къ начальникамъ академіи, при чемъ нерѣдко приносится въ жертву личное достоинство студента. Ученые степени даются какъ награды, или отнимаются въ наказаніе за выявленіе или невыявленіе экономическихъ нуждъ. Такъ напр. студентъ XIX курса, Григоревскій, за то что добросовѣстно высказалъ инспектору экономическія нужды, лишенъ должнаго мѣста и потомъ доведенъ до охлажденія къ учебнымъ занятіямъ(!) Студентъ XX курса, Ивановъ, за объясненіе съ начальствомъ по тому же поводу, представленъ инспекторомъ запискою въ правленіе академіи, какъ невнимательный къ богослуженію; а онъ студентъ самый религіозный и внимательный къ богослуженію, по признанію всѣхъ его товарищей и прежнихъ рекомендацій самого начальства. Когда онъ попросилъ объясненія у инспектора Валеріана(21), объ основаніи такой отмѣтки, онъ сослался на помощниковъ инспектора будто бы допосланныхъ ему. Помощники въ свою очередь спрошенные отказались отъ этого, и наконецъ самъ инспекторъ извинился предъ нимъ въ ошибочности своей записки. При всякомъ общемъ заявленіи своихъ нуждъ, какъ болѣе опасномъ для лицъ совмѣщающихъ въ себѣ правственные надзоръ, заботы по экономіи и учебную часть академіи, всегда отыскиваются личности, какъ возмутители общественнаго порядка. За недостаткомъ доказательствъ обвиненіе падаетъ на угадъ, что показываетъ неудачная записка на студента Иванова, а вмѣстѣ съ нимъ еще на двохъ студентовъ XX курса. Обвиненіе на нихъ пало за общее требованіе студентами XX курса экономическихъ улучшеній, бывшее въ Октябрѣ прошлаго года. Студенты вынужденные крайностію подали тогда формальное прошеніе въ правленіе академіи. Начальствующіе: ректоръ академіи Израиль, тогдашній инспекторъ архимандритъ Іоанникій, принявъ это прошеніе почему то за личное дѣло противъ нихъ, подали въ правленіе отъ себя рапорты въ бунтѣ будто бы возникшемъ въ академіи, о покушеніи студентовъ на жизнь инспектора, объ открытіи между студентами масонскаго общества, помѣтивъ эти рапорты задними числами (предупреждающими время подачи прошенія студентовъ). Такимъ угрозамъ, а съ другой стороны обѣщаніями исполнить все просимое студентами, они заставили студентовъ взять прошеніе назадъ, равно и сами назадъ взяли свои рапорты, въ чемъ и росписались во входящей книгѣ. Но обѣщанія перестали выполняться чрезъ недѣлю и началось преслѣдованіе студентовъ, такъ или иначе обратившихъ на себя вниманіе при обстоятельстве подачи прошенія(22). (Объ этомъ свидѣтельствуютъ студенты XX курса). Подчиняясь такому произволу намъ приходится унижаться только, а не развиваться нравственно, и достигать степеней и мѣстъ практическою уклончивостію характера, что и бываегь нерѣдко, но чего намъ не хотѣлось бы! Такой характеръ управленія заставилъ уже нѣсколькихъ изъ студентовъ XX курса, не желавшихъ подчиняться произволу и нравственному униженію, уволиться для поступленія въ университетъ.

(21) Инспекторъ Валеріанъ былъ инспекторомъ съ конца 1853 по конецъ 1859 года. За нетрезвое поведеніе онъ былъ отправленъ изъ академіи въ одинъ Харьковскій монастырь.

(22) Преслѣдованіе это продолжается и доселѣ, потому что ректору Іоанникію на память еще тѣ требованія студентовъ, которыя онъ выслушивалъ отъ нихъ еще въ бытность свою инспекторомъ. При поступленіи своемъ на ректоръ, онъ въ кругу своихъ братій монаховъ торжественно далъ обѣщаніе возстановить миръ и тишину въ академіи, хотя бы половиною числа студентовъ.

14. Не имѣя желанія узнать студентовъ лично по стороны нравственнаго ихъ характера, начальство академіи допускаетъ и пользуется доносами шпионовъ, по преимуществу служителей. Такъ служители, подмѣчая въ столовой требовательность какого либо студента, доносятъ объ этомъ эконому, экономъ доноситъ инспектору, а инспекторъ пользуется этими доносами при оцѣнкѣ поведенія студентовъ. Самъ не имѣетъ и возможности лично знать студентовъ, потому что когда и является къ нимъ, то большію частію въ петрезвомъ видѣ. Свидѣтельству старшихъ онъ не довѣряетъ столько, сколько доносамъ служителей, (въ чемъ самъ высказался предъ старшими), и призываетъ ихъ къ себѣ развѣ за тѣмъ иногда, чтобы пасказать оскорбительныхъ словъ и даже ругательствъ.

15. Наконецъ, что касается до могущихъ представиться нашимъ нуждъ въ настоящее время и обратиться намъ уже некуда. Ректоръ отсылаетъ къ инспектору, инспекторъ къ ректору, который опять ссылается на эконома, въ свою очередь отсылающаго къ ректору. А всѣ вообще не хотятъ и выслушивать нашихъ просьбъ и даже оскорбляются ими. Такъ мы нѣсколько разъ приглашали эконома въ столовую, чтобы высказать ему лично безчисленные недостатки эконома, но получили отъ него полный отказъ. Тогда мы вынуждены были объясниться съ нимъ въ классѣ, тотчасъ по прочтеніи имъ лекцій, (онъ вмѣстѣ и профессоръ), но онъ принялъ это за личное оскорбленіе и съ этихъ-то поръ отказался читать лекціи по св. писанію. Не разъ обращались мы къ ректору Израилю съ просьбою купить печь въ академическую церковь, (кирпичной печи почему-то не хотѣли сдѣлать) и получили послѣ многихъ уклончивыхъ обѣщаній такой отвѣтъ: нельзя найти хорошей чугунной печи.

16. Вообще можно сказать, что начальствующіе наши знаютъ только свои права и глухи къ обязанностямъ въ отношеніи къ студентамъ. Думая что такое положеніе академіи во всѣхъ ея частяхъ, нисколько не соотвѣтствуетъ цѣлямъ высшаго начальства, мы считаемъ своею священнѣйшею обязанностію довести это до его свѣденія съ всепокорнѣйшею просьбою, по изслѣдованіи дѣла, зависящими отъ него мѣрами замѣнить существующій порядокъ въ академіи другимъ законнѣйшимъ. При чемъ покорнѣйше просимъ имѣть въ виду, что подписавшіеся здѣсь студенты дѣйствительно сознаютъ все изложенное въ прошеніи.

17. Посему всеподданнѣйше просимъ, дабы всемилостивѣйше повелѣно было сіе наше прошеніе разобрать и надлежащую по немъ резолюцію учинить.

1859 г. Ноябри 18 дня.

СМѢСЬ.

— *Злодѣйство Долгорукова.* К. Долгорукій—жандармъ подалъ государю докладъ, что воскресныя школы—зародышъ огромнаго тайнаго общества (ужъ не огромный-ли тайный это...вождь Тимашевъ придумалъ?) Государь сейчасъ за Ковалевскимъ. “Какъ, говоритъ, тайное общество въ воскресныхъ школахъ?”— Никакого тайнаго общества въ воскресныхъ школахъ нѣтъ, отвѣчаетъ Ковалевскій,—а что, говоритъ, есть точно надзоръ тайной полиціи, больше де никакой тайны нѣтъ, а то-же министерство народнаго просвѣщенія и министерство внутр. дѣлъ за ними присматриваютъ, явно только. Но Долгорукій закусилъ удила и снова съ доносомъ на школы.

Тимашевъ на этомъ *хочетъ зашибить графа.* (Тимашевъ—графъ Школинскій!) Результатъ этого тотъ, что слабѣйшіи Ковалевскій сдѣлалъ разныя затрудненія при открытіи воскресной школы за Шлюссельбургской заставой, наконецъ разрѣшилъ по *оригинальному* ходатайству одного чиновника; а начальникъ корпуса духовныхъ жандармовъ—митрополитъ не велѣлъ открывать школы раньше 12 часовъ. Бѣдный русскій народъ, ведалеко уйдти тебѣ съ такими пастухами!

— *Крайне нужно.* Колоколъ собираетъ небольшой алмапахъ подъ за главіемъ *Скотный Дворъ* или *Отечественная Фауна*. Одно изъ главныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ тому почтенному просвѣтителю Бѣгородскихъ дѣвпцъ, о которомъ говоритъ *Le Nord* отъ 18 Января, скрывая экземпляръ подъ буквой S. S. Этотъ, сохранившій во всей чистотѣ породу русскаго барина, въ которой соединено такъ прочно и уютно все рабское татарина и все дерзкое пѣмецкаго лакея, оборвалъ г. Казанскаго за куреніе сигаретки въ присутствіи его особы; породистому S. помогали еще двое. Каждый зоологъ пойметъ съ какимъ нетерпѣніемъ мы желаемъ получить имена этихъ неподдѣльныхъ сыновъ пространнаго отечества нашего.

— *Одесную и Ошую.* Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу раздѣлился на двѣ партіи: первая, за мнѣнія редакціонной комиссіи: Констанциъ Николаевичъ, Блудовъ и Чевкинъ; вторая партія противъ надѣла земель—пріятно знать, что въ этой враждебной русскому народу партіи находятся люди, совершенно достойные ея: жандармъ *Долгорукій*, репетиторъ *Муравьевъ* и извѣстный *Павелъ Гагаринъ*. Между этими крайними партіями есть щель—ее въ длину занимаетъ *Ланинъ* и съ нимъ престарѣлый вождь финансовъ *Княжевичъ*. Этотъ съ чего?

— Императрица Марія Александровна препроводила экземпляръ русскаго перевода Библии въ Духовную Академію, съ примѣчаніемъ чтобъ Академія торопилась съ своимъ переводомъ. Таковое поощреніе обязываетъ русскую типографію въ Лондонѣ искренно благодарить е. и. в.

— *Доносъ* (разумѣется Тимашеву). *Графъ!* мы хотимъ съ вами мириться и, въ доказательство нашего исправленія, посылаемъ вамъ доносъ. Говорятъ, что вы ищете кто эти *содержательницы* магазиновъ или чего-то такого галантерейнаго, о которыхъ было въ С. П. Вѣдомостяхъ,—ну знаете на счетъ швецъ, сыновней любви и впечатныхъ послѣдствій.

Видите, это совсѣмъ не содержательницы магазиновъ, а государственные сановники женскаго пола: одна изъ нихъ *Дароганъ*, сдавшая магазинъ, а другая *Замяткина*, принявшая его.

P. S. Назначенные за доносъ деньги, просимъ выслать черезъ Ульрихса его высокопр. *Бейсту* (Dresde. poste restante); мы ихъ жертвуемъ этому мученику шпионства, пострадавшему за Телеки.

печатаются:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II. Н. ОГАРЕВА.

СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ кн. II.

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1861 годъ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенса. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 92.

15 ФЕВРАЛЯ 1861.

У Трубнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Сто пятнадцать офицеровъ—Просьба Петрашевскаго. Смѣсь: Севастскія арестантскія роты—И Михаилъ Николаевичъ
принимается за дѣло—Каковъ поэтъ, таковъ и приходъ—Уничтоженіе правъ дарованныхъ Остзейскимъ губерніямъ—
Козель и осель—Клоповникъ—Воронежской помѣщикъ.

СТО ПЯТНАДЦАТЬ БЛАГОРОДНЫХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

Россія можетъ радоваться и гордо смотрѣть на свою молодежь. Въ одномъ военно-учебномъ заведеніи — нашлось *сто-двадцать-шесть* офицеровъ, которые предпочли обрушить на себя всяческія гоненія военнаго начальства, испортить свою карьеру, чѣмъ молчать передъ негѣпными поступками начальства. Только *одинадцать* раскаялись. Не даромъ мы, съ такой теплой надеждой, смотримъ на молодое поколѣніе военныхъ. Честь имъ и слава!

Въ академіи осталось теперь—*двадцать человекъ*. Закрывать бы ее, а юному, но не подающему никакихъ надеждъ генералу фельдцейхмейстеру—заняться бы въ ней, съ братцемъ, воспитаніемъ голубей и куръ (цесарскихъ).

Странное свойство этой *плющильной* машины, называемой русскимъ правительствомъ; оно не правитъ, а все на свѣтѣ дѣлаетъ *плоскимъ*. Чѣмъ бы ни попало подъ его валъ, выйдетъ, по другую сторону передней Зимняго Дворца, не только обложенное, но и сплюснутое въ ленту.

Приказъ который мы печатаемъ, говорятъ будто писанъ подъ редакціей *Толбена*, послѣ зрѣлыхъ и глубокомысленныхъ совѣщаній съ *Милютинымъ*, *Васильчиковымъ*, *Путятой*, *Шарнгорстомъ*... Первые то двое могли бы лучше писать, а главное—лучше думать.

Всѣхъ офицеровъ относительно этого дѣла Приказъ дѣлится на три *каттегоріи*, (какое обиліе *твердости* — ужъ не думаютъ-ли они что слово каттегорія, происходитъ отъ слова *Каттегатъ*): 1) Офицеры подавшіе просьбы по убѣжденію, 2) подавшіе (безъ убѣжденія?) и раскаявшіеся, 3) *вовсе не участвовавшіе*. Стало и мы принадлежимъ къ третьей каттегоріи?... Это напоминаетъ тотъ старинный анекдотъ,—какъ скрипачъ Жерновикъ сказалъ королю Георгу III, отвратительно игравшему на скрипкѣ, на вопросъ: “что вы думаете о моей игрѣ?”—“Вы, ваше величество принадлежите ко второму разряду” (Жерновикъ Канта не читалъ и потому слово каттегорія не употреблялъ). “Кого же вы еще причисляете?”—“В. В., сказалъ Жерновикъ, весь родъ человѣческой относительно скрипичной игры дѣлится на три разряда. Первый составляютъ съ дюжину музыкантовъ превосходно играющихъ; ко второму принадлежатъ очень много музыкантовъ дурно играющихъ, а къ третьему — всѣ остальные люди, совсѣмъ неиграющіе.”

Годъ V.

ПРИКАЗЪ ГЛАВНАГО НАЧАЛЬНИКА ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Въ С. Петербургѣ, Января 11-го дня, 1861 года, No. 2834.

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года, обучающіеся въ Николаевской-виженерной академіи офицеры, за исключеніемъ 9-ти человекъ, всѣ, почти одновременно, представили начальству рапорты объ ихъ отчисленіи отъ академіи, не объявивъ однако побудительныхъ къ тому причинъ.

Признавая такое дѣйствіе офицеровъ цѣлою массою противнымъ порядку службы и желая знать тому причину, я приказалъ сдѣлать изслѣдованіе, по коему обнаружено:

Обучающійся въ практическомъ классѣ академіи военный инженеръ подпоручикъ Никоновъ, позволилъ себѣ неумѣстное объясненіе съ преподавателемъ. Начальникъ училища, узнавъ объ этомъ, предложилъ подпоручику Никонову извиниться предъ преподавателемъ въ своихъ неумѣстныхъ выраженіяхъ, предупредивъ его, что, въ противномъ случаѣ, онъ будетъ представленъ къ отчисленію отъ академіи; но подпоручикъ Никоновъ сего не исполнилъ. При этомъ товарищи его по классу соглашались между собою: въ случаѣ представленія Никонова къ отчисленію, подать всѣмъ рапорты также объ отчисленіи ихъ отъ академіи.

По свѣденіямъ, дошедшимъ до начальства академіи, самое дѣятельное участіе въ соглашеніи принималъ военный инженеръ-подпоручикъ Лебедевъ; а потому начальникъ училища считалъ нужнымъ приказать инспектору классовъ полковнику Паукеру предупредить подпоручика Лебедева, что объ участіи его въ неисполненіи Никоновымъ требованій начальника училища — извѣстно, и что, если онъ не будетъ вести себя скромнѣе, то рискуетъ подвергнуться отчисленію отъ академіи. Подпоручикъ Лебедевъ спросилъ полковника Паукера: на чемъ основано такое мнѣніе? и получилъ въ отвѣтъ, что оно основано на свѣденіяхъ, полученныхъ отъ начальниковъ офицерскихъ отдѣленій, нѣкоторыхъ профессоровъ и на собственныхъ его, полковника Паукера, соображеніяхъ.

Между тѣмъ товарищи Никонова, какъ представители отъ класса, въ тотъ же день извинялись за него предъ преподавателемъ, который призналъ себя такимъ извиненіемъ удовлетвореннымъ и, за тѣмъ, дѣло это считалось оконченнымъ.

На другой день, явившись въ академію, подпоручикъ Лебедевъ снова обратился къ полковнику Паукеру съ слѣдую-

щими словами: "Вы мнѣ вчера сказали, что считаете меня зачинщикомъ въ неисполненіи подпоручикомъ Никоновымъ требованія начальника училища, на основаніи того, что вамъ доложили начальники офицерскихъ отдѣленій; я спрашивалъ при свидѣтеляхъ обоихъ начальниковъ отдѣленій и они мнѣ сказали, что никакихъ фактовъ противъ меня вамъ не сообщали;—то прошу васъ сказать мнѣ: отъ кого вы имѣете это свидѣніе."

Полковникъ Паукеръ, тотчасъ прекративъ это неумѣстное объясненіе, довелъ о немъ до свѣденія начальника училища. Находя такой поступокъ подпоручика Лебедева дерзкимъ и противнымъ правиламъ дисциплины, по которымъ ни въ какомъ случаѣ позволить нельзя подчиненному требовать отчета въ мнѣніи начальника и производства надъ нимъ, какъ бы слѣдствія, ген.-маіоръ фонъ-Кауфманъ объявилъ это Лебедеву и, за тѣмъ, представилъ его къ отчисленію отъ академіи.

Тогда между обучающимися въ академіи офицерами, находившими такое распоряженіе неправильнымъ, послѣдовало соглашеніе, имѣвшее явную цѣлю воспрепятствовать привести это распоряженіе въ исполненіе и выразившееся подачею, почти одновременно, 126 офицерами рапортовъ объ отчисленіи ихъ отъ академіи. Соглашеніе это возникло сперва въ практическомъ классѣ, офицеры коего, вслѣдствіе переговоровъ о мнѣніи стѣстительномъ положеніи ихъ въ академіи (ничѣмъ по изслѣдованію неоправданномъ), увлекли своимъ примѣромъ и классъ теоретическій, рассчитывая остановить распоряженіе начальства, увеличивъ число офицеровъ выражающихъ противудѣйствіе.

Большинство офицеровъ подавшихъ рапорты объ ихъ отчисленіи утверждаетъ, что поступили такъ по собственному убѣжденію, при которомъ и остались.

Такимъ образомъ обучающіеся офицеры, представивъ рапорты объ отчисленіи ихъ отъ академіи, сдѣлали важный противъ военной дисциплины проступокъ, намѣренаясь, совокупностью дѣйствія, воспрепятствовать начальнику училища приводить въ исполненіе законныя мѣры къ водворенію порядка и дисциплины, тогда какъ всякій начальникъ военной части имѣетъ несомнѣнное право ходатайствовать объ удаленіи офицеровъ, которые, по мнѣнію его, вредны для ввѣренной ему части.

По соображеніи обстоятельствъ сего дѣла, хотя и слѣдовало бы, основываясь на 272 ст. части V, книги I, Св. Военныхъ Постановленій (пзд. 1855 года), всѣхъ обучающихся въ Николаевской инженерной академіи офицеровъ, подавшихъ рапорты объ отчисленіи ихъ, предать военному суду,—но принимая въ уваженіе засвидѣтельствованіе о молодости и неопытности большей части офицеровъ, еще не бывшихъ на дѣйствительной службѣ и несовершенно знаніе ими всей строгости и важности воинскаго порядка,—я всеподданнѣйше повергалъ на высочайшее государя императора благоусмотрѣніе слѣдующее мое мнѣніе:

1) Всѣхъ офицеровъ обучающихся въ Николаевской инженерной академіи раздѣлить на три категоріи: къ 1-й отнести офицеровъ подавшихъ рапорты объ ихъ отчисленіи по собственному убѣжденію, при которомъ они и остались; къ 2-й отнести офицеровъ, которые хотя также рапорты подали, но, впоследствии, изъявили о томъ сожалѣніе и раскаяніе; и къ 3-й категоріи отнести офицеровъ, которые рапортовъ объ отчисленіи ихъ отъ академіи не подавали.

2) Офицеровъ 1-й категоріи, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, лит. А. поименованныхъ, кромѣ военнаго инженеръ-подпоручика Лебедева, отчислить отъ академіи: а) гвардейскихъ поступившихъ въ академію изъ фронта, равно и тѣхъ, которые имѣли право на производство въ гвардію прямо изъ заведеній,—въ свои полки и команды; б) поступившихъ въ гвардейскіе пѣхотные полки изъ кадетскихъ корпусовъ и Константиновскаго военнаго училища, съ прикомандированіемъ къ академіи,—въ армейскіе полки и баталіоны соответствующими чинами, по назначенію инспекторскаго департамента военнаго министерства; в) инженерныхъ, — съ переводомъ въ саперные баталіоны, по назначенію его императорскаго высочества генералъ-инспектора инженеровъ; г) артиллерійскихъ,—въ полевую артиллерію, по назначенію генералъ-фельдцейхмейстера; д) армейскихъ, въ свои полки и баталіоны. Всѣхъ ихъ обойти чиномъ одинъ разъ при производствѣ на вакансію; е) корпуса корабельныхъ инженеровъ подпоручика Евдокимова отчислить и дальнѣйшее взысканіе съ него предоставить распоряженію его императорскаго высочества генералъ-адмирала; и ж) военнаго инженеръ-подпоручика Лебедева, оказавшагося виновнымъ въ неумѣстномъ требованіи объясненій отъ начальства, за такой дерзкій поступокъ, перевести въ армию тѣмъ же чиномъ, по назначенію инспекторскаго департамента, съ отчисленіемъ отъ академіи.

3) Офицеровъ 2-й категоріи, въ прилагаемомъ при семъ спискѣ, лит. Б, поименованныхъ, оставить въ академіи для окончанія курса, со всѣми правами существующими постановленіями предоставленными, но всѣхъ ихъ арестовать на трое сутокъ съ содержаніемъ на гауптвахтѣ.

4) Офицерамъ отнесеннымъ къ 1-й категоріи дозволить вновь поступить въ академію на общихъ основаніяхъ для приѣма въ академію существующихъ, но не ранѣе: отчисленнымъ изъ теоретическаго класса 1862 года, а изъ класса практическаго 1863 года.

Государь императоръ такое мнѣніе мое, въ 9-й день сего Января, высочайше соизволилъ утвердить.

Объявляю о семъ по военно-учебнымъ заведеніямъ для свѣденія, а штабу моему по управленію сими заведеніями и Николаевской инженерной академіи для надлежащаго, въ чемъ слѣдуетъ, исполненія.

Подписалъ: *генералъ-фельдцейхмейстеръ* Михаилъ.

Съ подлиннымъ вѣрно. *Начальн. штаба ген. ад.* Путята.

ПРОСЬБА М. В. ПЕТРАШЕВСКАГО

Е. В. ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

Поселенца Михаила Васильева сына Буташевича - Петрашевскаго

ПРОШЕНІЕ.

24 Февраля 1860 года, подавая въ Иркутскій губернский судъ апелляціонную жалобу, на неправильное и несогласное съ законами рѣшеніе Иркутскаго и Верхотурскаго окружнаго суда, дѣла объ искѣ моемъ съ титулярнаго совѣтника Пермикина, я лично удостовѣрился, что въ ономъ судѣ, къ дѣйствительному отправленію судейскихъ обязанностей допущенъ г. надворный совѣтникъ Мееодій Молчановъ, въ званіи товарища предсѣдателя сего суда. Отъ г. Молчанова (по личнымъ его

отношеніямъ ко мнѣ, проистекающимъ отъ соучастія его въ такъ называемой дуэли между гг. Беклемишевымъ и Неклюдовымъ) не могъ я ожидать безпристрастнаго разсмотрѣнія и рѣшенія дѣла моего на основаніи закона; почему, для огражденія себя отъ несправедливости съ его стороны, я рѣшился воспользоваться предоставленнымъ законами всѣмъ тяжущимся правомъ: *Отвода судей по подозрѣнію* и именно на слѣдующихъ основаніяхъ: г. Молчановъ по соучастію его въ дѣлѣ умерщвленія г. Неклюдова находился и нынѣ еще находится подъ судомъ, по сему уголовному дѣлу. Нахожденіе какого либо лица подъ слѣдствіемъ или судомъ, за явное уголовное преступленіе, совершенно лишаетъ его права на отправленіе не только судейскихъ обязанностей, но и вообще какой бы то ни было должности въ государственной службѣ, по крайней мѣрѣ во все время нахожденія его подъ слѣдствіемъ или судомъ за такое его преступленіе. Вслѣдствіе чего г. Молчановъ (не извѣстно въ силу чего допущенный къ отправленію судейскихъ обязанностей) *въ смыслѣ юридическомъ былъ* не только *лицемъ не способнымъ* къ разсмотрѣнію и рѣшенію моего дѣла; но и вообще *къ формальному отправленію какой бы то ни было должности на службѣ государственной*. Кромѣ сего, еще и того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что присутствіе г. Молчанова въ судѣ и отправленіе имъ дѣйствительно судейскихъ обязанностей, при означенныхъ выше условіяхъ его къ тому incompetence, *было по существу своему, новымъ нарушеніемъ имъ закона*, или его преступленіемъ т. е. *сознательно совершеннымъ имъ поруганіемъ закона*, учиненнымъ имъ въ томъ самомъ мѣстѣ, которое по закону надлежитъ считать въ губерніи высшимъ святилищемъ закона!

Нравственный характеръ, этого явленія, оригинальность такового личнаго состава суда—въ юридическихъ лѣтописяхъ благоустроенныхъ государствъ безпримѣрная, замѣчательная особенно тѣмъ что преступникъ, судимый за уголовное преступленіе, въ самомъ судѣ его осудившемъ является однимъ изъ важнѣйшихъ его членовъ, заключали въ себѣ уже не мало оснований, чтобъ побудить меня полагать, что рѣшеніе по дѣлу моему въ ономъ судѣ не можетъ воспослѣдовать иное, какъ не согласное съ законами; тѣмъ болѣе, что при такомъ личномъ составѣ иркутскаго губернскаго суда, *въ смыслѣ юридическомъ совершенно не приличномъ, самый судъ дѣлается какимъ то страннымъ ненормальнымъ явленіемъ, совершенно потерявшимъ характеръ законный судебного учрежденія*.

Устраненіе г. Молчанова отъ должности, или воспрещеніе ему присутствовать и заниматься дѣлами суда въ званіи его дѣйствительнаго члена, возвращало суду, уничтожаемый присутствіемъ въ немъ г. Молчанова, характеръ законнаго учрежденія, вмѣстѣ съ тѣмъ, оно до нѣкоторой степени служило къ обезпеченію меня въ томъ, что дѣло мое будетъ рѣшено съ соблюденіемъ закона и не вопреки справедливости. Руководствуясь такимъ моими соображеніями (болѣе видами общественной пользы нежели моими личными), я почелъ нужнымъ, вслѣдъ за подачею апелляціонной моей жалобы, подать въ иркутскій губернскій судъ прошеніе объ отводѣ г. Молчанова, т. е. объ устраненіи г. Молчанова отъ участія въ разсмотрѣніи и рѣшеніи моего дѣла. Въ этомъ прошеніи изложилъ я причины, на основаніи которыхъ г. Молчановъ былъ не способенъ къ дальнѣйшему отправленію имъ судейскихъ обязанностей.

Копію съ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова, просилъ я моего повѣреннаго г. губернскаго секретаря Ивана Дмитриевича Подлѣснаго выслать вашему высокопревосходительству, дабы по оному вы могли судить о мѣрѣ пренебреженія, оказываемаго къ законамъ тѣми самыми лицами, которыхъ высочайшее довѣріе облекло въ званіе ихъ блюстителей.

Прошеніемъ моимъ объ отводѣ г. Молчанова, юридически мотивировалось, не только устраненіе его отъ занимаемой имъ должности, но и обуславливалось въ извѣстной степени удаленіе отъ должности и прочихъ лицъ сопричастныхъ къ дѣлу умерщвленія Неклюдова, хотя быть можетъ мѣра ихъ отвѣтственности и была, какъ слышно умалена и ослаблена отъ того, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій, умерщвленіе Неклюдова въ донесеніи своемъ къ его императорскому величеству, назвалъ дѣломъ чести, (т. е. дуэли) вопреки очевидности т. е. всѣмъ общеизвѣстнымъ въ Иркутскѣ обстоятельствомъ сего событія, исключаящую всякую логическую возможность подобнаго возрѣнія на фактъ смерти г. Неклюдова.

Означенное прошеніе мое объ отводѣ г. Молчанова не могло не возбудить противу меня тѣхъ лицъ, для которыхъ поруганія законовъ, оказываніе къ нимъ совершеннаго пренебреженія, не совчерашняго дня, стало *дѣломъ чести своего рода*. Въ прошеніи моемъ объ отводѣ г. Молчанова содержащееся напоминовеніе о нравственныхъ гражданскихъ, положительныхъ требованіяхъ закона, о его ограничительной силѣ — для прихотливаго административнаго произвола (сдѣланнаго лицомъ, въ смыслѣ юридическомъ, безправнымъ) не могло не показаться одною изъ тѣхъ оскорбительныхъ для самолюбія дерзостей, за которую *всякаго рода мщеніе* позволительно. Вотъ почему, въ нравственныхъ правилахъ, ни сознание общественныхъ благоприличій, ни служебныхъ или гражданскихъ обязанностей, не могли уже воздержать ихъ отъ противузаконной рѣшимости употребить противу меня, находящуюся въ ихъ распоряженіи административную власть, какъ силу или средство къ отмщенію мнѣ за такое мое дерзновеніе *т. е. сдѣлать ее недостойнымъ орудіемъ своего произвола для моего унетенія*. Быть можетъ въ новомъ злоупотребленіи власти, въ новомъ нарушеніи закона, т. е. въ новомъ преступленіи они искали новаго и полнѣйшаго удовлетворенія своимъ противузаконнымъ тенденціямъ. Угнетеніемъ моимъ они можетъ быть надѣялись подавить въ себѣ то неловкое чувство смущенія, которое навело на нихъ нежданное напоминовеніе о нравственномъ и положительномъ смыслѣ закона, о существованіи котораго имъ вовсе не хотѣлось помнить! Прошеніе же мое объ отводѣ г. Молчанова заставляло ихъ—его невольно признать.

Личность моя была для нихъ соблазнительнѣе всякой другой, такъ какъ въ отношеніи къ ней произволъ былъ, (какъ они предполагали), былъ менѣе стѣсненъ и ограниченъ, отсутствіемъ для нея тѣхъ юридическихъ гарантій, которыя существуютъ по закону для полноправнаго гражданина. Кромѣ сего, юридически недѣйствительный приговоръ 1849 года, и повины надо мною тяготящій своими послѣдствіями, дѣлалъ изъ меня для нихъ особенно удобную жертву. Имъ на мнѣ, какъ на лицѣ наименѣе гарантированномъ закономъ противъ чужаго произвола, было всего удобнѣе выказать безграничность ихъ произвола и самую ихъ власть—самовластительно:

поступить со мною такъ, какъ бы всѣ верховныя права верховной, самодержавной власти имъ фактически принадлежали, ни мало не смущаясь опасеніями за это подвергнуться *надлежащей* отвѣтственности. Они въ семъ случаѣ могли быть явно несправедливыми съ полной увѣренностію въ совершенной за то ихъ безнаказанности...

Макіавелизмъ во внутренней администраціи, производитъ тѣже послѣдствія какъ и въ политикѣ...

Благодаря сему, мнѣ было снова суждено, къ моему великому прискорбію и не одному стать въ положеніе весьма незавидное ягненка въ баснѣ “Волкъ и Ягненокъ” собственно потому только, что его сіятельство графъ Муравьевъ-Амурскій заблагодарсудилъ *объявить официально дуэлью—убійство, вопреки очевидности.*

На третій день послѣ подачи мною апелляціонной жалобы и прошенія объ отводѣ, г. генераль-маіоръ Корсаковъ, по распоряженію графа Муравьева-Амурскаго, исправляющій должность предсѣдательствующаго въ совѣтѣ главнаго управленія восточной Сибири, гласно назначенный имъ въ генераль губернаторы восточной Сибири, потребовалъ меня къ себѣ 27 Февраля въ 12 часовъ дня, когда я къ нему явился онъ мнѣ объявилъ: “что такъ, какъ до слуха его дошло, что я неприлично велъ себя въ присутственномъ мѣстѣ, то онъ приказываетъ мнѣ отправиться подъ арестъ въ полицію.” Вслѣдъ за тѣмъ г. Корсаковъ (не слушая моихъ объясненій т.е. просьбы моей о приказаніи произвести формальное слѣдствіе о неприличныхъ моихъ поступкахъ въ присутственномъ мѣстѣ мнѣ неизвѣстныхъ, и о наказаніи меня за то, если окажусь виновнымъ по суду и согласно закону) обратившись къ г. Иркутскому полицмейстеру, подполковнику Сухотину (тому самому, который вмѣсто принятія мѣръ къ предупрежденію умерщвленія Неклюдова—фактъ его совершенія созерцалъ въ зрительную трубу съ высоты колокольни Успенской церкви, и ѣхалъ вмѣстѣ съ Беклемишевымъ нѣкоторое время къ мѣсту такъ называемой дуэли), приказалъ посадить меня въ полицію въ такъ называемую *секретную*, и никого не допускать къ свиданію со мною. Рассказывая объ этомъ обстоятельстве, я не могу не упомянуть о томъ, что въ семъ случаѣ г. Корсаковъ явился только исполнителемъ той программы, (которая за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ, была составлена участниками въ такъ называемой дуэли), наказанія тѣхъ, которые дерзали не одобрять ихъ поступковъ... Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до прибытія въ Иркутскъ графа Амурскаго назначено было имъ г. Корсакову (разумеется не безъ душевнаго и сердечнаго его на то согласія), быть ея исполнителемъ. Относительно меня было первоначально рѣшено распорядиться слѣдующимъ образомъ: призвать меня къ себѣ, и не входя со мною ни въ какія объясненія, приказать мнѣ сѣсть въ заранее приготовленную кибитку для увоза меня изъ Иркутска въ Туруханскъ. Г. Корсаковъ, какъ изъ вышеписаннаго видно, въ отношеніи ко мнѣ выполнилъ эту программу, незначительно измѣнивъ ее самопроизвольно. Важнѣйшее отступленіе отъ этой программы, въ отношеніи ко мнѣ состоитъ въ назначеніи г. Минусинска вмѣсто Туруганска, мѣстомъ моей новой ссылки въ ссылкѣ.

Лицо, сдѣлавшее это измѣненіе въ мѣстѣ назначенія моей ссылки, имѣетъ несомнѣнное право на мою за то благодарность и признательность. Но такъ, какъ истинные благодѣтели всегда бываютъ скромны, любятъ оставаться неизвѣстными, то я не рѣшаюсь смущать ихъ цѣломудренную скромность,

и смѣю надѣяться, что эта причина *непоименованія* ихъ въ моемъ настоящемъ прошеніи будетъ принята *и вашимъ* высокопревосходительствомъ въ уваженіе.

Вслѣдствіе отступленія г. Корсакова отъ первоначальной программы совершенія моего увоза изъ Иркутска, *эффекта въ сценическомъ или въ театральномъ отношеніи* оказалось мнѣ чѣмъ было рассчитано, но мѣра злоупотребленія власти и мѣра вреда, мнѣ причиненнаго, осталась — совершенно таже.

Эта програма преслѣдованій и гоненій не меня одного, и не на мнѣ первомъ начатыхъ, какъ слышно съ благоразумной постепенностью и рассчитанной послѣдовательностью, неуклонно приводится въ исполненіе въ Иркутскѣ.

Такъ какъ у меня было слишкомъ много данныхъ для того, чтобъ полагать, что неизбежнымъ послѣдствіемъ для меня подачи апелляціонной жалобы моей и особенно прошенія объ отводѣ г. Молчанова, будетъ удаленіе меня изъ Иркутска, то желая хотя нѣсколько обезопасить, отъ вреднаго дѣйствія такой физической случайности, мои матеріальные интересы, (о которыхъ въ разныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, находящихся въ г. Иркутскѣ, производилось и нынѣ еще производится разбирательство), я, на другой день по подачѣ мною въ Иркутскій губернскаго суда вышеозначенныхъ бумагъ, выдалъ довѣренность на ходатайство по всѣмъ дѣламъ касающимся моей личности и имущества г. Подлѣсному. Самыя слова довѣренности моей, засвидѣтельствованной тогдаже въ Иркутскомъ губернскомъ правленіи, могутъ удостовѣрить въ томъ, что въ это время въ удаленіи моемъ изъ Иркутска я былъ совершенно увѣренъ, такъ въ ней между прочимъ сказано: „что я покорнѣйше прошу г. Подлѣснаго принять на себя ходатайство по дѣламъ моимъ въ случаѣ отбытія моего изъ Иркутска *по причинамъ отъ меня независимымъ*”. Говоря о моемъ увозѣ изъ Иркутска, я не могу не сказать что я никакъ не ожидалъ, чтобъ мое удаленіе изъ Иркутска было совершено столь поспѣшно и столь для меня угнетательно, т. е. именно такъ, какъ оно было произведено на самомъ дѣлѣ.

Между выдачею мною довѣренности г. Подлѣсному и моимъ арестованіемъ не протекло и сутокъ, и какъ я по причинѣ другихъ запятій, нетерпѣвшихъ отлагательства, въ теченіи этого времени пользованія свободою въ Иркутскѣ, протекшаго послѣ подачи мною выше означенныхъ бумагъ въ Иркутскій губернскаго суда, не могъ успѣть передать г. Подлѣсному ни нужныхъ по дѣламъ моимъ бумагъ, ни сообщить ему многоихъ свѣденій, лично мнѣ извѣстныхъ, необходимыхъ для разъясненія тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ упоминается въ моей апелляціонной жалобѣ; почему какъ только прибылъ въ полицію съ г. Сухотинимъ, просилъ его передать г. Корсакову просьбу мою о разрѣшеніи г. Подлѣсному свиданія со мною, по вышеозначенной причинѣ.

Сія законная просьба моя осталась неудовлетворенной къ явному ущербу моему въ моихъ дѣлахъ.

Вечеромъ тогоже дня въ 11 часовъ ночи, по требованію г. частнаго пристава 1 части Мацкевича, вмѣстѣ съ нимъ отправился въ квартиру г. Полицейстера, откуда неизвѣстно по чьему распоряженію и былъ увезенъ тогдаже ночью подъ карауломъ казаковъ: сотника Разгильдѣва и казака Нарцина въ Шушипскую волость Минусинскаго округа.

Основываясь на словахъ г. Разгильдѣва, могу предполагать,

что тайный увозъ меня изъ Иркутска былъ учиненъ по распоряженію Корсакова, но сего не могу утверждать положительно, ибо такое распоряженіе о тайномъ увозѣ моемъ изъ Иркутска никѣмъ мнѣ по сіе время формально не объявлено.

Въ ст. 805. Т. XIV свод. зак. гражд. устава о ссыльныхъ, изд. 1857 года, между прочимъ сказано: "Если ссыльно-поселенецъ, по какимъ либо причинамъ, лично губернатору или генералъ-губернатору извѣстнымъ, признается подозрительнымъ и опаснымъ, то подвергается переселенію въ другіе, и особенно малолюдные округа тойже или иной губерніи.

Судя по смыслу и буквѣ этой статьи, причина моего тайнаго и насильственнаго увоза меня изъ Иркутска должна быть по крайнѣй мѣрѣ лично извѣстна г. Корсакову, или другому административному лицу о ней сдѣлавшему распоряженіе. Во всякомъ случаѣ эта причина должна быть дѣйствительной, а не вымышленной, и она не можетъ и не должна быть для меня тайной или недоступнымъ административнымъ секретомъ, хотя бы она и принадлежала къ области вымысла, и была чужда всякаго основанія въ дѣйствительности.

Это столь ясно, что доказательствъ не требуетъ.

Но такъ, какъ такового объявленія о ней, мнѣ и по настоящее время формально не сдѣлано, не взирая на то, что уже протекло болѣе двухъ мѣсяцевъ, съ почи насильственнаго и тайнаго моего увоза изъ Иркутска въ село Шушу, то я, какъ причину моего удаленія изъ г. Иркутска, такъ и самое о немъ распоряженіе, по сіе время никѣмъ мнѣ формально не объявленное, не могу не считать принадлежащимъ къ разряду такихъ, которые по свойствамъ своимъ боятся письменнаго обнаруженія, публичнаго оглашенія или обнародованія.

Самая сила гнетущихъ обстоятельствъ заставляетъ меня всепокорнѣйше просить ваше высокопревосходительство истребовать отъ неизвѣстной мнѣ власти объясненія причины моего насильственнаго и тайнаго увоза изъ Иркутска въ Шушу; я совершенно убѣжденъ, что для этой власти, для оправданія себя въ такомъ ея поступкѣ, нѣтъ возможности привести что либо дѣйствительное и справедливое, что либо такое, что можно было не грѣша противъ совѣсти вашему высокопревосходительству, принять хоть въ нѣкоторое уваженіе! Клевета и ложь, одни только и могутъ послужить содержаніемъ такового объясненія на вашъ формальный запросъ.

Начала общественнаго благоустройства недопускаютъ, чтобъ какое бы то ни было лице было предаваемо безусловно въ жертву чьей бы то ни было прихоти, или чьему бы то ни было прозволу. Смѣю думать, что теперь не то мрачное для Россіи время, въ которое, какъ это прежде бывало, конфиденціально или секретно сообщенная клевета, однимъ членомъ администратіи другому, имѣла безконтрольно силу судебного безъ апелляціоннаго приговора для лица имѣвшаго несчастіе возбудить чѣмъ либо антипатію къ себѣ какого либо администратора; ибо мы живемъ подъ благимъ правленіемъ Александра II, публично и формально объявившаго, что онъ желаетъ: "чтобъ правда и справедливость царствовала въ судахъ, и была для всѣхъ руководительнымъ началомъ,"—и дѣлами своими подтверждающаго искренность и правдивость этихъ словъ.—Судя по отчету вашего высокопревосходительства по министерству внутреннихъ дѣлъ за 1856 г. я не могу не быть убѣжденнымъ, что вы стоите въ рядахъ истинныхъ сподвижниковъ его на поприщѣ преобразованій и улучшеній быта общественнаго, потому и пишу эти строки въ полной

увѣренности, что вышензложенная покорнѣйшая просьба моя будетъ исполнена, и что ваше высокопревосходительство съ объясненія причинъ моего удаленія изъ г. Иркутска которое представлено или будетъ представлено Иркутской администраціей, благосклонно прикажете сообщить мнѣ копію.

Не зная его содержанія, я себя однакожь считаю въ правѣ сказать заранѣе, что малѣйшая тѣнь, какого бы то ни было подозрѣнія на меня въ немъ паброшенная—чтобъ оправдывать совершенное надо мною насиліе, будетъ лишена всякаго основанія, и безъ всякаго преувеличенія она можетъ быть названа низкой клеветой или инусной ложью. Предполагать такой случай возможнымъ, (онъ есть только естественное послѣдствіе противузаконнаго распоряженія о моемъ тайномъ и насильственномъ увозѣ) есть дѣйствительное основаніе въ надобности чѣмъ нибудь оправдываться въ противузаконномъ моемъ угнетеніи и въ злоупотребленіи власти.

Вредъ отъ такой конфиденціальной, секретно переданной клеветы можетъ быть для меня особенно великъ, какъ въ настоящемъ такъ и въ будущемъ!... Чтобъ на такую клевету смотрѣть, какъ на злорѣчіе частнаго человѣка, нужно слишкомъ много самолюбія и слишкомъ мало себялюбія; но на нее какъ на злорѣчіе частнаго человѣка нельзя отвѣчать однимъ гордымъ презрѣніемъ. Всякая подобнаго рода клевета требуетъ непремѣннаго ея изобличенія.

Лишеніе кого бы то ни было всѣхъ нужныхъ способовъ къ изобличенію клеветы подобнаго рода, особенно же лица юридически беззащитнаго, нельзя не считать, однимъ изъ инуснѣйшихъ видовъ юридическаго или политическаго убійства.... Такія дѣла не должны и не могутъ чернить благого правленія Александра II. Вслѣдствіе чего и пишу теперь въ полной увѣренности, что вашимъ высокопревосходительствомъ будетъ дана мнѣ возможность воспользоваться естественнымъ, неотъемлемымъ общечеловѣческимъ правомъ изобличенія той клеветы, которая можетъ быть для меня пагубна. Кромѣ сего я совершенно увѣренъ, что особенность, какъ сего дѣла, такъ и моего настоящаго положенія, не будетъ оставлена вашимъ высокопревосходительствомъ безъ надлежащаго вниманія,—и что я изъ за моей только гражданской неполноправности не буду осужденъ чрезмѣрно претерпѣвать отъ чьей бы то ни было несправедливости или прихотливаго произвола.

Сообщеніе вашему высокопревосходительству, такового объясненія Иркутской администраціи, вашимъ высокопревосходительствомъ мнѣ, для дачи по оному надлежащаго объясненія, или отвѣта должно раскрыть истину дѣла, и можетъ дать заключеніямъ и рѣшеніямъ вашего высокопревосходительства, по этому дѣлу такую положительность, которая одна только и можетъ удовлетворить требованіямъ законности и справедливости, а для меня, не взирая на мою юридическую неправость, замѣнить тѣ гражданскія гарантіи, которыя не существуютъ для меня, по принадлежности моей къ сословію весьма непочетному и отъ мѣстной администраціи мало почитаемому ссыльно-поселенца.

Въ силу сихъ причинъ и нравственныхъ основаній обращаюсь къ вашему высокопревосходительству, какъ къ официальному блюстителю внутреннаго общественнаго благоустройства, какъ къ высшему охранителю спокойнаго пользованія личными и имущественными правами, всѣхъ живущихъ въ Россіи, и повторяю мою всепокорнѣйшую просьбу: При-

казать съ вышеозначеннаго объясненія Иркутской администраціи причинъ моего тайнаго и противузаконнаго увоза мнѣ сообщить формально копию.

Тайный и насильственный увозъ меня въ Шушинскую волость Минусинскаго округа изъ г. Иркутска, сдѣланный какъ кажется по распоряженію или съ вѣдома и одобренія г. Корсакова, въ смыслѣ административномъ *есть распоряженіе противузаконное*, ибо оно совершено съ нарушеніемъ установленнаго на сей предметъ порядка, и именно оно противно примѣчанію къ ст. 805 т. XIV устава о ссыльныхъ изд. 1857 г. въ которомъ не безъ цѣли сказано: “назначенія самыхъ округовъ въ кои ссыльно-поселенцы должны быть переселяемы на основаніи сей статьи дѣлается министромъ внутреннихъ дѣлъ по спомощіямъ съ главными управленіями.” На основаніи сего закона г. Корсакову надлежало сдѣлать представленіе вашему высокопревосходительству о моемъ переселеніи, и безъ утвержденія его вашимъ высокопревосходительствомъ не дѣлать подобнаго распоряженія, а тѣмъ болѣе превращать переселеніе въ какой-то странный, таинственный и насильственный увозъ меня изъ Иркутска. Черезъ несоблюденіе сего установленнаго порядка, совершено Иркутской администраціей: — или превышеніе власти ей принадлежащей, или сдѣлаво присвоеніе власти принадлежащей вашему высокопревосходительству, или оказано пренебреженіе къ правамъ вашего высокопревосходительства, какъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такой характеръ имѣло бы распоряженіе г. Корсакова, еслибъ я принадлежалъ къ разряду обыкновенныхъ поселенцевъ; но мѣра противузаконности распоряженія г. Корсакова, о моемъ тайномъ увозѣ изъ Иркутска усиливается слѣдующимъ обстоятельствомъ, которое не должно остаться невѣдомымъ и его императорскому величеству. Высочайшимъ империальнымъ повеленіемъ отъ 26 Августа 1856 г. вмѣстѣ съ освобожденіемъ меня на поселеніе изъ каторжной работы, предоставлено мнѣ было право самому избрать мѣсто моего жительства: объявленіе о такомъ выборѣ и было мною сдѣлано. Вслѣдствіе чего выселеніе мое изъ избраннаго мною мѣста жительства, не могло иначе воспослѣдовать, какъ въ силу новаго высочайшаго, именнаго повелѣнія, лишаящаго меня сего права, или въ силу судебного приговора. Распоряженіе г. Корсакова объ увозѣ меня изъ г. Иркутска нарушившее высочайшее повелѣніе, есть противузаконное дѣйствіе за которое опредѣляется взысканіе ст. 371 т. XV свд. зак. уголовныхъ изд. 1857 года 1 части.

Вслѣдствіе чего вышеозначенное распоряженіе г. Корсакова, о увозѣ моемъ изъ Иркутска, какъ превышающее предѣлы власти ему предоставленной закономъ, и какъ отмѣняющее высочайшее именное повелѣніе, я въ правѣ, по закону, считать для меня юридически не обязательнымъ, и видѣть въ немъ не актъ законной-власти, но *дѣло личнаго произвола, самоуправства, простое физическое насиліе*, которое принадлежитъ по свойствамъ своимъ, къ одному изъ тѣхъ видовъ лишенія свободы, за которое учинившіе такового рода дѣяніе лица, подлежатъ отвѣтственности на основаніи ст. 2104, т. XV часть 1 св. зак. уголовн. изд. 1857 года.

На основаніи нѣкоторыхъ весьма достовѣрныхъ данныхъ я могу заключить, что г. Корсаковъ сдѣлалъ вышеозначенное противузаконное распоряженіе для удовлетворенія желаній или по настояніямъ тѣхъ лицъ, о предосудительныхъ дѣйствіяхъ

и тяжкихъ по закону злоупотребленіяхъ, которыхъ было упомянуто въ моей апелляціонной жалобѣ Иркутскому губерпскому суду, и при оной нѣкоторыя, изъ документовъ удостоверяющихъ въ томъ были туда-же представлены. Что это обстоятельство и было дѣйствительной причиной тайнаго и насильственнаго удаленія меня изъ г. Иркутска, въ этомъ ваше высокопревосходительство можетъ убѣдиться изъ рассмотрѣнія моей апелляціонной жалобы, засвидѣтельствованную копию съ которой я и поручилъ моему повѣренному выслать вашему высокопревосходительству.

Если даже человѣкъ богатый при переселеніи своемъ и по своему желанію не можетъ избѣгать многихъ неудобствъ, сопряженныхъ со всякимъ перемѣщеніемъ на новое мѣсто жительства; если и простой переѣздъ съ одной квартиры на другую и въ большомъ городѣ, гдѣ удобствъ для всего болѣе, не обходится безъ потерь или ущерба въ хозяйствѣ, то такія потери въ значительной степени возрастаютъ тогда, когда переселеніе чинится не по доброй волѣ переселяющихся. — а по чужому приказу, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда заранѣе опредѣленъ срокъ переселенія, и назначено довольно продолжительное время, въ теченіи котораго переселяющійся можетъ или долженъ приготовиться къ отбытію своему въ новое мѣсто жительства. Сколь-же стѣснительно, угнетательно и раззорительно должно быть неожиданное поспѣшное и насильственное перемѣщеніе изъ постояннаго мѣста жительства, въ мѣсто отдаленное, чело-вѣка недостаточнаго, въ такое мѣсто гдѣ все сулитъ ему претерпѣвать нужду, и *когда такому лицу не дается даже и часа времени* на его приготовленіе къ тому его отправленію или перемѣщенію! Выразить это словами трудно. Надо самому быть въ такомъ положеніи, чтобъ имѣть ясное представленіе объ угнетательномъ свойствѣ подобнаго дѣйствія, о мѣрѣ его оскорбительности для нравственнаго чувства и достоинства человѣческаго. Я считаю излишнимъ распространяться въ изясненіи этого, ибо совершенно увѣренъ, что одно простое указаніе на эту сторону подобнаго дѣйствія относительнаго меня, не можетъ не возмутить сердца вашего высокопревосходительства, и не воспроизвести въ немъ тѣхъ тягостныхъ ощущеній, которыя не могутъ не смущать души всякаго человѣка, не лишенаго истиннаго благородства чувствъ и гуманности, при видѣ какого бы то ни было оскорбленія или униженія достоинства человѣческаго, совершеннаго съ изощренною злобою варварски-грубымъ насиліемъ!...

Такія перемѣщенія могутъ казаться нормальнымъ явленіемъ, даже и у насъ въ Россіи, только *присяжными курьерами* или при воззрѣніи администраціи на всѣ гражданскія и экономическія отношенія общественной жизни съ *курьерской точки зрѣнія*.” Еслибъ такому воззрѣнію, по странной игрѣ случая, суждено было стать руководительнымъ началомъ гдѣ либо въ администраціи, то можно думать, что такое воззрѣніе породило бы не мало оригинальныхъ, и своеобразныхъ явленій неизвѣстныхъ въ благоустроенномъ обществѣ.

Чтоже сказать, о такомъ курьерскомъ перемѣщеніи частнаго недостаточнаго лица, изъ того мѣста, гдѣ онъ въ трудѣ, по способностямъ, находитъ средства къ безбѣдному содержанію, въ такую мѣстность гдѣ его способности должны оставаться безъ производительнаго для него и другихъ употребленія; въ то самое время когда присутствіе его въ томъ самомъ мѣстѣ, откуда его тайно, противузаконно и насильст-

венно увозить, особенно необходимо ему по дѣлу могущему доставить ему въ извѣстной степени матеріальное обезпеченіе, такое, которое можетъ его совершенно вывести изъ тягостнаго положенія неимущаго пролетарія. Развѣ такое перемѣщеніе, по существу своему, по производимымъ имъ послѣдствіямъ, не есть обдуманно совершаемое его раззорѣніе!...

Даже и съ курьерскимъ воззрѣніемъ на общественныя отношенія, оно не можетъ быть логически оправдано.

Вслѣдствіе этого я могу полагать, что желаніе лишить меня матеріальныхъ средствъ въ жизни, какъ въ настоящее время, такъ и средство къ моему обезпеченію въ будущемъ, есть одна изъ дѣйствительныхъ причинъ удаленія меня изъ г. Иркутска, лично извѣстная неизвѣстной мнѣ административной власти имъ распорядившейся. Такія дѣйствительныя причины не удобны для ихъ формальнаго объявленія, и ихъ необходимо замѣнять заимствованными изъ области вымысла. — Въ сихъ особенныхъ случаяхъ *конфиденціальныя или секретныя* сообщенія, замѣняютъ всѣ другіе юридическіе и легальные акты. Та же личность, до которой ихъ содержаніе касается, облакалась прежде обыкновенно въ званіе жертвы осужденной безмолвствовать, и противъ своихъ угнѣтателей нигдѣ не находить ни суда законнаго, ни справедливой расправы..... Этотъ обычай состоялъ въ числѣ охранительныхъ мѣръ общественнаго порядка—въ старое время!.... Хотя, не только духъ настоящаго времени ему противенъ, но и самымъ направленіемъ дѣятельности высшаго правительства онъ осужденъ положительно, но такъ, какъ въ старости съ привычками и обычаями всякому тяжело раставаться, то естественно думать что Иркутская администрація, какъ состоящая изъ плоти и крови, не могла совершенно отъ нихъ отстать и не пытаться имъ слѣдовать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это можетъ казаться полезно и выгодно. Вслѣдствіе этого я не могу не думать, чтобъ современно съ тайнымъ увозомъ меня изъ Иркутска не было Иркутской администраціей не сдѣлано такого рода *конфиденціальное - секретное* сообщеніе вашему высокопревосходительству. *Если таковое сообщеніе было ею представлено, то всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство сообщить мнѣ съ него копию, для представленія на оное, такою объясненія, какое можетъ потребовать самое содержаніе онаго сообщенія.*

По слуху дошедшему до меня въ Минусинскъ поспѣшность и таинственность моего увоза изъ Иркутска (фактъ удаленія моего отсюда былъ рѣшенъ моею апелляціею и прошеніемъ объ отводѣ) была мотивирована слѣдующими извѣстіями тогда распространившимися въ г. Иркутскѣ 1) что на дняхъ *должна прибыть коммисія для производства новаго слѣдствія объ умерщвленіи г. Неклюдова*, слухъ объ этомъ не разъ приводилъ власти въ смущеніе, и былъ источникомъ смѣшнаго.—Такъ, какъ я былъ изъ лицъ, по сему дѣлу собиравшихъ свѣденія съ самаго начала этого дѣла, то въ видахъ предупрежденія открыты истины сего дѣла, нельзя было не признать за необходимое немедленно удалить меня изъ г. Иркутска подалше и въ сторону отъ главнаго почтового тракта. 2) что въ С. Петербургѣ назначена и должна быть въ непродолжительномъ времени, *слѣдственная коммисія для ревизіи управленія В. Сибири за послѣднія 10 лѣтъ*, съ спеціальной инструкціей для разсмотрѣнія дѣлъ внутренняго управленія, состоящихъ въ связи съ приобрѣте-

ніемъ Амура и его заселеніемъ, и для того, чтобъ взглянуть на благосостояніе козачества не съ офицерской точки зрѣнія и декоративнаго искусства и т. п.... такъ, какъ мнѣніе мое, основанное на фактахъ, о неудовлетворительности многихъ и “блестательныхъ” административныхъ мѣръ было слишкомъ извѣстно, *ибо я его и передъ графомъ Амурскимъ тогда не скрывалъ*. Лестивыя же хвалы вредныхъ для общественнаго благосостоянія ошибокъ, хоть и выгодныя, — для меня болѣе чѣмъ для другаго были предосудительны.... Это обстоятельство вмѣстѣ съ слухомъ о томъ, что высшее правительство рѣшилось принять мѣры, къ отысканію дѣйствительныхъ средствъ къ удовлетворенію потребностей сего края, *какъ бы позабытаго*, и что ими предназначено *положить конецъ возможности систематически ими жертвовать для эффектвъ*, тоже было не безъ вліянія на мое удаленіе, какъ и еще 3) слухъ о томъ, что г. Корсакову — *не быть генералъ-губернаторомъ* въ В. Сибири, хотя на эту должность его сіятельство графъ Амурскій гласно его предназначилъ, но что его величествомъ назначенъ новый г. генералъ-губернаторъ въ В. Сибирь, *который уже и ѣдитъ*, что ему поручено *анархическое* состояніе администраціи привести въ порядокъ; прирѣзать въ В. Сибирь, широко разкинувшіеся вѣтви nepотизма и *фаворитизма*, даже провѣрить: лица въ В. Сибири, по представленіямъ изъ оной удостоенныя высочайшихъ наградъ, имѣютъ ли дѣйствительное право на оныя своими заслугами и что недостойныхъ положено судебными рѣшеніями, поставить въ то положеніе, котораго они окажутся достойными; что также рѣшено устранить отъ должностей не имѣющихъ право по закону ихъ занимать.—Однимъ словомъ, по народному говору, новому генералъ губернатору было предписано, установить *правомѣрность* воевѣхъ отношеній, и мѣстныя административныя тенденціи привести въ соотвѣтственность съ гуманнымъ истинно прогрессивнымъ направленіемъ высшаго правительства.

Эти слухи можетъ быть и были не вѣрны, но они весьма замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ выражается сознаніе дѣйствительныхъ общественныхъ нуждъ и потребностей,—ибо гласъ народа, во многихъ случаяхъ (особенно сихъ) есть гласъ Божій, могущій иногда предварять правителей и правительства (разумѣется только тамъ гдѣ нѣтъ Парламентовъ) о томъ, что имъ надлежитъ дѣлать, или о томъ, чего имъ не слѣдуетъ совершать.

Если этимъ пророчаніямъ народнаго голоса суждено исполниться, то отъ этого выиграетъ: какъ благосостояніе цѣлой страны, такъ и самое правительство, возвращая закону утраченную имъ здѣсь силу, новые источники государственныхъ доходовъ откроются, существованіе которыхъ нельзя было и подозрѣвать при хаотическомъ состояніи дѣлъ.

Изъ вышесказаннаго и безъ дальнѣйшихъ подробнѣйшихъ объясненій для всякаго можетъ быть ясно, а тѣмъ болѣе для вашего высокопревосходительства, которому дѣла подобнаго рода и должны быть извѣстны, что удаленіе меня изъ г. Иркутска *есть ничто иное, какъ дѣло личной вражды, ненависти тѣхъ*, о злоупотребленіяхъ которыхъ я дерзнулъ упомянуть въ моей апелляціи, и что лице распорядившееся моимъ удаленіемъ изъ Иркутска, было некоррѣчнымъ орудіемъ ихъ страстей, страховъ и ихъ кичливаго произвола.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ.)

СМѢСЬ.

— *Сенатскія арестантскія роты (осужденный Переверзевъ)*. Директоръ департамента Податей и Сборовъ Переверзевъ, обвиненный наконецъ самимъ Княжевичемъ, который все терпитъ и все любитъ, взяточниковъ и откупщиковъ— былъ осужденъ въ исправительныя сенатскія роты. Панинъ, сосредоточивъ все вниманіе на уменьшеніе земли крестьянамъ, въ разсѣянности поступилъ почти хорошо—и полагая, что почтенный директоръ больше заслуживаетъ въ смиренный домъ, чѣмъ въ смиренный сенатъ—отказалъ. Но государь, съ той ненавистью, которую имѣютъ всѣ самодержцы къ сенату (смѣшивая его разумѣется съ римскимъ сенатомъ временъ Сципіона Назики), сказалъ Княжевичу, “что онъ проситъ Панина объ этомъ.” Когда человекъ, который можетъ послать своего ближняго не только на каторгу, но къ Тимашеву въ застѣпокъ— проситъ, какъ - то не деликатно отказать. Панинъ отослалъ тотчасъ Переверзева въ сенатскія исправительныя роты, съ тѣмъ чтобы онъ не присутствовалъ. Топильскій, Михаилъ Ивановичъ! если вы это выдумали, примите нашу искреннюю благодарность. Это просто прелесть! и напоминаетъ какъ Фридрихъ II назначилъ за деньги (тоже па руку былъ не чистъ) какого - то еврей-банкира тайнымъ совѣтникомъ, но для испытанія умѣетъ-ли онъ хранишь тайны, не велѣлъ ему никому объ этомъ сказывать. А прогос, усмиритель Нарвскихъ крестьянъ Каваньякъ-Смирновъ (см. Кол. л. 91), тоже за неспособность быть губернаторомъ, сдѣланъ членомъ исправительнаго сената.

— *И Михаилъ Николаевичъ принимается за дѣло*. Передъ послѣднимъ Рождествомъ, два казаки мальчика: изъ юнкеровъ Уральскаго гвардейскаго дивизіона: *Лошиновъ* и *Бреминъ* встрѣтились на Невскомъ, въ числѣ безпрестанно проходящихъ, въ безчисленномъ множествѣ, офицеровъ, великаго князя Михаила Николаевича, исправляющаго должность Михаила Павловича и не успѣли сдѣлать ему военную честь; за это они были наказаны безочереднымъ и безсмысленнымъ стояніемъ, за рядовыхъ, на часахъ, на открытомъ воздухѣ, у полковой фуры, въ теченіе 10 сутокъ: по 8 часовъ въ сутки: въ морозъ отъ 15—20 градусовъ!

— *Каковъ попъ, таковъ и приходъ*. Звѣрская свирѣпость, къ которой приучаютъ мальчишекъ, получающихъ военно-казарменное воспитаніе, приноситъ свои плоды, даже въ Японіи. Какой-то вѣроятно гардемаринъ (англичанинъ не могъ объяснить) по имени *Крашиловъ*, съ корветы “Японецъ” (капит. лейт. *Скоттъ*) опоздавши на корвету, требовалъ чтобы Японскій лодочникъ его подвезъ. Море было неспокойно; лодочникъ отказался, тогда гардемаринъ, или кадетъ выхватилъ револьверъ—и преспокойно выстрѣлилъ въ голову Японца. Японцы требовали суда (у Русскихъ суда! бѣдныя, какъ они мало знаютъ географію). Капитанъ-лейтенантъ вступился за невиннаго юношу—онъ и офицеры дружески сдѣлали складчину, собрали 690 р. и дали *взятку* Японскимъ чиновникамъ; вотъ имъ и урокъ, что значитъ Судъ въ Россіи.

— *Уничтоженіе правъ дарованныхъ Остзейскимъ губерніямъ*. Въ прошломъ Октябрѣ Рижскій комендантъ, генераль-майоръ Шуцъ, обругавъ засѣдателя земскаго суда *Грюнберга*, поднявшаго шляпъ на мосту по распоряженію начальства, для пропуска парохода, и обругавши посадилъ подъ арестъ, за то, что еслибъ его “Шуца фамилія упала въ воду, то могла бы

утонуть.” Говорятъ, что этотъ комическій поводъ выдуманъ только для того, чтобы показать Остзейцамъ, что они лишены всѣхъ правъ (кромѣ притѣсненія Финновъ разумѣется).

— *Козелъ и Оселъ*.—Бывшій митрополитъ Кіевскій, нынѣ школоборецъ Исидоръ, отправляясь въ прошломъ году въ С. Петербургъ на очередь, для присутствованія въ синодѣ, съѣхался на одной изъ почтовыхъ станцій съ генераль-адъютантомъ Ржевускимъ, который видя, что послѣднихъ лошадей запрягаютъ подъ экипажи его высокопреосвященства и что ему генераль-адъютанту приходится ждать на станціи, справедливо разсердился на смотрителя и въ порывѣ гнѣва громко сказалъ: “Лошадей! Не сидѣть-же мнѣ на станціяхъ для всякаго козла!”

Исидоръ, который кушалъ чай въ сосѣдней комнатѣ услышавъ это восклицаніе, вышелъ и сказалъ съ христіанскимъ смиреніемъ: “Такихъ козловъ какъ я—въ Россіи всего трое, а такихъ ословъ какъ ваше превосходительство—очень много.”

Отвѣтъ понравился, en hauts lieux и козла назначили митрополитомъ въ С. Петербургъ, на мѣсто въ Бозѣ почившаго Григорія, прославившагося своимъ крестовымъ походомъ противъ журнальныхъ картинокъ. Ну чтобы козла-то за его остроуміе сдѣлать генераль-адъютантомъ, а его противника митрополитомъ!...

— *Клоповникъ (не растительнаго царства, а царства русской полиціи)*. Потаповъ вступилъ въ должность Московскаго оберъ-полицейстера. Вѣроятно ему пріятно осмотрѣть всѣ историческіе памятники своего вѣдомства и еще пріятнѣе начать съ чего нибудь путнаго. Это не мѣшаетъ потомъ воротиться къ игнатьевскимъ маскамъ и пр. Знаетъ-ли онъ, что при Ямѣ (да чуть-ли нѣтъ чего-то подобнаго и въ острогѣ) есть клоповники, особыя копуры, въ которыя бросаютъ колодниковъ, по усмотрѣнію тюремнаго начальства—на сѣденіе клопамъ; точно такъ, какъ въ Римѣ христіанъ отдавали на терзаніе другимъ свирѣпымъ звѣрямъ, крупнѣйшаго роста, но безъ сквернаго запаха. Языческое наказаніе это, совершающееся въ виду Успенскаго Собора, тѣмъ хуже, что животныя, которымъ травятъ русскихъ, не имѣютъ религіозныхъ чувствъ львовъ въ пещерѣ Давіида, ни чувствъ благодарности Андроникова льва. Въ нихъ нѣтъ благородныхъ порывовъ. Они—какъ русскій чиновникъ, какъ русскій полицейскій—кусаютъ постоянно, сосутъ кровь понемногу и отвратительно пахнутъ всегда.

P. S. Вѣроятно Сѣчинскій будетъ противъ этого—это личность; онъ не можетъ просить погребальный звонъ колокола объ несчастной дѣвушкѣ, замученной имъ изъ дружбы къ почтенной матронѣ Маріи Бредау.

— Въ 21 приложеніи къ “Allg. Zeit.” рассказано чисто русское помѣщичье дѣло. Какой-то плутъ Воронежской губ. Богучарскаго уѣзда отпустилъ крестьянъ съ землей будто бы за 120,000 р. сер., взялъ половину денегъ, укралъ на основаніи права помѣщичьяго разбоя и продалъ имѣніе. Крестьяне разумѣется протестовали, крестьянъ разумѣется пересѣкли.—“Allg. Zeit.” говоритъ, что по этому дѣлу впрочемъ теперь производится слѣдствіе по высочайшему повелѣнію. Просимъ имена, и подробности дѣла, если оно справедливо.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 93.

1 МАРТА 1861.

У Трубера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—На канунъ—Проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ—Просьба М. В. Петрашевскаго (оковчаніе). Смѣсь : Вѣрвые исполнители
высочайшей воли—Переселеніе крестьянъ на болото—Послѣднее убѣжище изгнанниковъ закрыто—Заговоръ противъ имп. австрійскаго—Донось С. П. Вѣдомостей
на Морской Сборникъ—Фрегатъ Генераль-Адмираль и швабра—Черный архіерей и бѣлый араповъ въ пензѣ—Харьков. студентамъ—Салическій законъ
въ Моск. Университетѣ—Изъ Тифлиса—Языковъ дирек. правовѣденія—Ценсурные Зуавы—Еще о крестьянскомъ дѣлѣ—ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

НА КАНУНЪ.

Пришла великая суббота, скоро ударить колоколъ къ заутрени.... а на душѣ страшно и тяжело. Зачѣмъ намъ отравляютъ эту праздничную минуту? И мы, какъ наши бѣдные крестьяне, стоимъ въ раздумьи, съ неполной вѣрой, съ глубокимъ желаніемъ любви, и съ непреодолимымъ чувствомъ ненависти.

Еслибъ можно было еще разъ сказать, “Ты побѣдилъ Галилеянина!” какъ громко и какъ отъ души сказали бы мы это, и пусть какойнибудь односторчатый доктринеръ, неподвижный фрунтовикъ школьной науки, издѣваясь надъ нами вывелъ бы на справку, что мы не все *одно и тоже* твердимъ.

Столько для Россіи никогда не стояло на картѣ, ни въ 1612, ни въ 1812 году.

И хорошо, что въ день смерти Николая, похоронять и Петровскую эпоху. Спасибо ей за тяжелую науку, и забвеніе злу причиненному ею! сказали бы мы. Но для этого зло должно умереть, а оно не умерло въ преступныхъ, нечистыхъ старикахъ, нераскаянныхъ въ стяжаніи и алчности.

Иностранные журналы, говорятъ уже объ плантаторской оппозиціи инвалидовъ. Тяжела будетъ могила этимъ сѣдымъ скопцамъ, если имъ удастся изуродовать нарождающуюся Русь. Вѣдь это не просто взятки, не просто грабежь, это ножъ воткнутый въ будущее. Смотрите Муравьевы и Гагарины, двойные измѣнники народа—который грабите, и царя—котораго обираете, если вы и успѣете перебраться на болотистыя петербургскія кладбища, родъ вашъ* будетъ отвѣчать передъ русскимъ народомъ.

Есть святые, торжественныя минуты въ жизни людей и народовъ, въ которыя обиды не прощаются!

И—рѣ.

* Мы хотѣли сказать въ сыновьяхъ, но въ сыновьяхъ они уже ваказаны. Россія знаетъ, кто такое Рязанскій губернаторъ Муравьевъ, о которомъ въ “Материалахъ по дѣлу объ освобожденіи,” сказано: “одинъ изъ подлѣйшихъ людей и сквернѣйшихъ губернаторовъ,” (стр. 265); а кто такое Гагаринъ, бывшій Пензенскій вице-губернаторъ, знаютъ читатели “Колокола” (лис. 35).

ПРОЕКТЪ ПОЛОЖЕНІЯ

ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.

Ст. 1. При судебныхъ мѣстахъ учреждаются должности особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые въ дѣлахъ поручаемыхъ имъ по желанію и выбору тяжущихся дѣйствуютъ въ судѣ отъ имени сихъ послѣднихъ.

2. Въ городахъ уѣздныхъ присяжные повѣренные приписываются къ уѣзднымъ судамъ, въ городахъ губернскихъ къ гражданскимъ палатамъ, въ столицахъ къ первымъ департаментамъ сихъ палатъ.

3. Тяжущіеся сохраняютъ право являться въ судѣ лично, подавать просьбы и другія бумаги и объяснять свои дѣла и требованія, не обязываясь избирать присяжныхъ повѣренныхъ; но отнынѣ впрредъ могутъ давать довѣренности на хожденіе по тяжбынымъ дѣламъ ихъ, въ судахъ того города, гдѣ состоятъ присяжные повѣренные, только принадлежащимъ къ числу сихъ повѣренныхъ.(1)

Примѣчаніе. Впрочемъ довѣренности на подачу прошенія (ст. 162 уст. гр. суд.) могутъ быть выдаваемы и лицамъ къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ не принадлежащимъ.

4. Въ общей кому либо довѣренности, составляемой на основаніи статей 2291, 2293 и 2294 Т. X, Ч. I Свода Гр. Зак. вѣритель можетъ уполномочить своего повѣреннаго между прочимъ и на избраніе присяжныхъ повѣренныхъ, для хожденія въ судахъ по означенному именно въ сей довѣренности дѣлу, или вообще по всѣмъ его дѣламъ.

Примѣчаніе. До учрежденія присяжныхъ повѣренныхъ во всѣхъ городахъ Имперіи, министерство юстиціи ежегодно объявляетъ въ какихъ именно городахъ и при какихъ судахъ они уже учреждены и вступили въ отправленіе должности своей.

5. Присяжными повѣренными не могутъ быть:

1) недостигшіе полного по закону совершеннолѣтія (двадцати лѣтъ съ годомъ) и всѣ находящіеся по какимъ либо причинамъ подъ опекою, или попечительствомъ;

2) лица, состоящіа на службѣ отъ правительства или по выборамъ;

(1) У насъ это ограниченіе къ выборѣ повѣреннаго подниметь расходы по дѣлопроизводству въ одинъ день на 20%. И это при безгласности и безсловесности суда!

3) лица духовнаго званія ;

4) лица, занимающіяся торговлею по свидѣтельствамъ ;(2)

5) лица, лишенные по судебнымъ приговорамъ всѣхъ, или нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ ;

6) лица, кои, бывъ преданы суду за преступленія, подвергавшія наказаніямъ, соединеннымъ съ означеннымъ въ предшедшемъ 5-омъ пунктѣ сей статьи лишеніемъ, или ограниченіемъ правъ, освобождены отъ сихъ наказаній всемілостивѣйшими манифестами, или же за прекращеніемъ дѣлъ по силѣ такихъ манифестовъ, если они не будутъ оправданы установленнымъ для судебныхъ дѣлъ порядкомъ ; а равно и тѣ, кои по суду оставлены въ подозрѣніи ;

7) лица, исключенныя по суду изъ службы ;

8) лица, состоящія подъ надзоромъ полиціи въ слѣдствіе формальныхъ судебныхъ приговоровъ и всѣ тѣ, кои за противузаконныя поступки именно воспрещено хожденіе по дѣламъ другихъ лицъ.

6. Въ присяжные повѣренныя опредѣляются предпочтительно имѣющіе аттестаты университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ окончаніи съ успѣхомъ курса учения или въ выдержаніи экзамена въ юридическихъ наукахъ, и служившіе по судебному вѣдомству не менѣе трехъ лѣтъ.

Примѣчаніе. Доколь не будетъ достаточнаго числа кандидатовъ, соединяющихъ въ себѣ означенныя въ предшедшей 5-ой статьѣ условія, присяжные повѣренныя могутъ быть назначаемы изъ желающихъ поступить въ сіе званіе отставныхъ, или же имѣющихъ намѣреніе выдти въ отставку чиновниковъ, свободныхъ, благонадежныхъ(3) и имѣющихъ достаточныя по части судебныхъ гражданскихъ дѣлъ свѣденія, хотя лишь одною практикою пріобрѣтенныя.

7. Въ каждомъ городѣ, гдѣ будетъ не менѣе десяти присяжныхъ повѣренныхъ, они избираютъ изъ среды своей, для управленія всѣми состоящими въ томъ городѣ и приписанными къ суду или палатѣ повѣренными, особый совѣтъ, коего предсѣдателемъ призывается по закону : въ уѣздномъ городѣ — уѣздный стряпчій, въ губернскомъ и въ столицахъ — прокуроръ гражданской палаты.

Примѣчаніе. До учрежденія сего совѣта, всѣ возлагаемыя на оный пастоящимъ положеніемъ обязанности исполняются судомъ, къ коему присяжные повѣренныя приписаны.

8. Число членовъ cadaго совѣта повѣренныхъ опредѣляется особымъ губернскимъ присутствіемъ, составляемымъ изъ предсѣдателей судебныхъ палатъ, губернскаго предводителя дворянства, совѣтнаго судьи, прокурора и городского головы, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи.

9. Къ кругу дѣйствій совѣта присяжныхъ повѣренныхъ принадлежать :

1) первоначальное разсмотрѣніе прошеній лицъ, желающихъ приписаться къ числу повѣренныхъ ;

2) разсмотрѣніе жалобъ тяжущихся на дѣйствія повѣренныхъ и наблюденіе за точнымъ ими исполненіемъ законовъ, установленныхъ правилъ и всѣхъ принимаемыхъ ими на себя обязанностей, сообразно съ желаніемъ и пользою ихъ довѣрителей ;

(2) Это на какомъ основаніи? Мой сынъ торгуетъ въ Москвѣ по свидѣтельству ; у меня въ Москвѣ дѣло ; мой сынъ даже учился въ Университетѣ, въ юридическомъ отдѣленіи, и я изъ провинціи не имѣю права поручить ему хожденіе по моему дѣлу !

(3) Благонадежныхъ слишкомъ мало, а свободныхъ нѣтъ вовсе ; благонадежный чиновникъ — рѣдкость, а свободный чиновникъ non sens.

3) выдача повѣреннымъ свидѣтельствъ въ томъ, что они не подвергались ни въ чемъ осужденію совѣта и представленіе сихъ свидѣтельствъ на утвержденіе суда ;

4) назначеніе повѣренныхъ для хожденія по дѣламъ лицъ, пользующихся въ судахъ правомъ бѣдности ;

5) опредѣленіе количества вознагражденія повѣренному, въ случаѣ несогласій по сему предмету между имъ и тяжущимся.

10. Совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ имѣетъ право своею властію подвергать ихъ за нарушеніе принятыхъ ими на себя обязанностей :

1) выговорамъ

и 2) денежнымъ взысканіямъ до ста рублей серебромъ.(4)

11. О преданіи присяжныхъ повѣренныхъ суду уголовному совѣтъ представляетъ, чрезъ посредство суда, при коемъ повѣренный состоитъ, на утвержденіе губернскаго присутствія (ст. 7-ая).

12. Желаящій поступить въ присяжные повѣренныя подаетъ о томъ просьбу въ совѣтъ повѣренныхъ, который представляетъ оную, съ своимъ мнѣніемъ, въ тотъ судъ, къ коему повѣренный желаетъ приписаться.

13. Судъ сей, по разсмотрѣніи просьбы и мнѣнія совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, представляетъ оную, съ своимъ заключеніемъ въ губернское присутствіе (ст. 7-ая), которое обращаетъ особенное вниманіе, не только на условія означенныя въ ст. 4-ой, 5-ой и 6-ой сего положенія, но и на нравственныя качества желающаго поступить въ должность присяжнаго повѣреннаго и за тѣмъ утверждаетъ окончательно причисленіе его къ суду, или же въ томъ отказываетъ ему.(5)

14. Количество вознагражденія повѣренныхъ за хожденіе ихъ по дѣламъ зависитъ отъ обоюднаго ихъ соглашенія съ тяжущимися. Когда возникнетъ какое-либо несогласіе между повѣреннымъ и тяжущимся касательно сего вознагражденія, количество онаго опредѣляется совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ.

15. Жалобы на постановленія сего совѣта, какъ отъ тяжущихся, такъ и отъ самихъ повѣренныхъ, подаются суду высшему надъ тѣмъ, къ коему приписаны присяжные повѣренныя.

16. Присяжный повѣренный, по вступленіи въ сіе званіе, приводится въ полномъ присутствіи суда къ присягѣ, какъ въ точномъ соблюденіи законовъ и установленныхъ правилъ, такъ и въ томъ, что онъ будетъ добросовѣстно исполнять припимаемыя имъ на себя обязанности во всѣхъ дѣлахъ, по коимъ онъ будетъ имѣть хожденіе по добровольному взаимному согласію съ тяжущимся, или же по распоряженію суда, или совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.(6)

17. Присяжные повѣренныя, хотя и не считаются въ дѣйствительной службѣ, не получаютъ жалованья отъ казны и не имѣютъ права ни на пенсію, ни на производство въ чины и награды орденами, но пользуются всѣми прочими преимуществами служащихъ.(?)

18. Присяжный повѣренный, по оставленіи сего званія, можетъ по желанію поступить въ службу, при чемъ если онъ представитъ утвержденное судомъ свидѣтельство совѣта въ

(4) Первый сословный судъ, въ обиховеннаго суда.

(5) Очевидно мѣста повѣренныхъ будутъ покупаться.

(6) Присяга, какъ электричество, войдя черезъ руку сложенную триперство, черезъ опущенную руку уйдетъ въ землю ; но только совершенно безопасно для влывопреступника, и не подумаетъ убить его.

томъ, что онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности повѣреннаго не менѣе десяти лѣтъ, не подвергаясь во все продолженіе сего времени ни въ чемъ осужденію совѣта, то ему засчитывается все время бытности повѣреннымъ въ дѣйствительную службу и предоставляются всѣ тѣ чины, которые слѣдовали бы ему за выслугу лѣтъ, если бы онъ состоялъ на службѣ по опредѣленію отъ правительства и на которые онъ можетъ имѣть право по классу той должности, къ каковую будетъ назначенъ при поступленіи въ службу. (7)

19. Присяжный повѣренный, если, онъ найдетъ явно неправымъ искъ тяжущагося, избравшаго его, можетъ отказаться отъ предъявленія въ судъ требованій сего тяжущагося, но обязанъ въ тоже время *донести о томъ* совѣту повѣренныхъ, который поручаетъ защиту сего тяжущагося другому повѣренному или же предоставляетъ тяжущемуся имѣть по сему дѣлу ходеніе въ судъ самому, или избрать въ свои повѣренные исключительно въ семь одномъ лишь случаѣ, лицо къ числу присяжныхъ повѣренныхъ неприсписанное. (8)

20. Присяжные повѣренные, состоящіе при одномъ изъ судовъ какого либо города, имѣютъ право дѣйствовать и во всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстахъ того же города; но не могутъ взять на себя ходенія по дѣламъ, производящимся въ другомъ городѣ. На семь основаніи присяжные повѣренные состоящіе при палатахъ, могутъ дѣйствовать по дѣламъ и въ уѣздномъ судѣ того же города, а состоящіе при палатахъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ и по дѣламъ въ сенатѣ.

21. Присяжный повѣренный начинаетъ свои дѣйствія въ судѣ не иначе, какъ въ слѣдствіе письменнаго, или словеснаго объявленія тяжущагося суду о избраціи имъ сего повѣреннаго по сему именно дѣлу.

22. Въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право приять на себя ходеніе по своему дѣлу, или же избрать другого присяжнаго повѣреннаго. О такомъ намѣреніи онъ обязанъ объявить суду. Со времени сего объявленія вновь избранный повѣренный вступаетъ во всѣ права прежняго.

23. За пропущеніе узаконенныхъ сроковъ и всякое другое нарушеніе правилъ и формъ, по виду присяжнаго повѣреннаго, тяжущійся имѣетъ право, если онъ потерпѣлъ отъ сего какой либо ущербъ или убытокъ, взыскать свои убытки съ повѣреннаго установленнымъ на то порядкомъ. (9)

24. За умышленные ко вреду тяжущихся дѣйствія, присяжные повѣренные могутъ, по жалобѣ тяжущихся, быть подвергнуты уголовному суду.

25. Присяжные повѣренные не могутъ въ одно и тоже время быть повѣренными обѣихъ спорящихъ сторонъ.

26. Присяжный повѣренный не можетъ дѣйствовать въ судѣ, какъ повѣренный, противъ жены своей, или же своихъ родственниковъ до четвертой, и свойственниковъ до второй степени включительно.

27. Присяжнымъ повѣреннымъ воспрещается пріобрѣтать тяжбы своихъ довѣрителей. За нарушеніе сего правила они предаются суду, и всѣ сдѣлки ихъ по сему предмету признаются недействительными.

(7) Это равняется тому, что повѣренные получаютъ чины, и предыдущій параграфъ оказывается глупою шуткой.

(8) Въ Россіи эта *captatio malevolentiae*, равняется доносу, который противная партія всегда постарается купить.

(9) Какимъ же порядкомъ? жалобой сословный судъ (совѣтъ) присяжныхъ повѣренныхъ (*conseil de discipline*), или обыкновеннымъ судомъ?

28. Каждый присяжный повѣренный обязанъ вести особый списокъ дѣлъ ему порученныхъ и представлять сей списокъ въ совѣтъ повѣренныхъ по первому онаго востребованію.

29. Предсѣдатель того суда, въ коемъ производится тяжба, а въ департаментахъ сената первоприсутствующій, имѣетъ право своею властію сдѣлать присяжному повѣренному выговоръ, удалить его изъ присутствія и подвергнуть денежному взысканію не превосходящему ста рублей серебромъ. (10)

30. Наказаніямъ и взысканіямъ болѣе строгимъ, присяжные повѣренные подвергаются не иначе, какъ по судебному приговору, установленнымъ въ законахъ для дѣлъ уголовныхъ порядкомъ.

31. Присяжные повѣренные подвергаются исключенію также не иначе, какъ по приговору уголовного суда.

32. Въ случаѣ смерти повѣреннаго, или же тяжелой надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованной болѣзни, препятствующей ему имѣть ходеніе по дѣлу своего довѣрителя, судъ немедленно сообщаетъ о томъ тяжущемуся, и сообразно съ разстояніемъ мѣста его жительства отъ мѣста гдѣ находится судъ, назначаетъ ему срокъ для избранія новаго повѣреннаго, или же объявленія, что онъ намѣренъ самъ имѣть ходеніе по своему дѣлу. До истеченія назначеннаго судомъ срока ходъ дѣла приостанавливается.

33. Лица, находящіеся за границею, или хотя и въ Россіи, но въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ суда, въ которомъ должно производиться ихъ дѣло, могутъ просить совѣтъ присяжныхъ повѣренныхъ, или состоящаго при судѣ прокурора, или стряпчаго, или же предсѣдательствующаго въ судѣ, о назначеніи вмѣсто ихъ—присяжнаго повѣреннаго для ходенія по сему дѣлу.

по поводу этого проекта.

Редакція *Колокола* сочла обязанностью напечатать этотъ документъ; это способъ спасти его изъ бездонной пропасти архива, куда онъ нырнулъ бы безслѣдно, потому что ходу онъ, кажется, не имѣлъ. Обычная ли канцелярская медленность не допустила его до государственнаго совѣта, или само министерство юстиціи испугалось, замѣтивъ его несостоятельность,—во всякомъ случаѣ Россія спаслась отъ его осуществленія... но навсегда-ли, или только не на долго? Этотъ вопросъ заставляетъ взглянуть на дѣло серьезнѣе. Присяжные адвокаты неминуемо образуются въ касту. Присяжные, или лучше—правительствомъ и совѣтомъ адвокатовъ утверждаемые адвокаты, вслѣдствіе историческихъ данныхъ, естественно развились въ древнемъ Римѣ, и съ римской цивилизаціей перешли къ романскимъ и германскимъ народамъ и опредѣлились всего рѣзче у племенъ, у которыхъ гражданская жизнь всего рѣзче опредѣлилась, т. е. у Французовъ, и Англичанъ. Эти присяжные адвокаты составляютъ-ли такую непреложную истину во всякой народной жизни, что ихъ надо непременно, хотя бы насильственно, завести въ Россію, гдѣ ихъ нѣтъ, гдѣ они не могли развиться изъ историческихъ данныхъ, гдѣ и теперь они естественно возникнуть не могутъ, а развѣ учредятся указомъ сверху, и то только по статьямъ переведеннымъ изъ иностранныхъ кодексовъ? Да и какъ переведеннымъ! Еще бы пашъ ученый доктринаризмъ переложилъ ихъ на русскіе

(10) Второй судъ въ обыкновеннаго суда, это уже не столько сословный, сколько пачальническій, которымъ можно хватить безъ предварительнаго изслѣдованія дѣла.

правы — может оно вышло бы также забавно какъ *le règne de la débutante* въ ролѣ Льва Гурьича Синичкина; но и этого не будетъ; онѣ переведутся Павинымъ съ Топильскимъ, т. е. иностранные кодексы наваяются русской жизни, пройдя черезъ размягченіе мозга министерства юстиціи. Это ужасно! Но прежде чѣмъ мы покажемъ какъ министерство переводить иностранные кодексы, попробуемъ отвѣчать на нашъ основной вопросъ: составляютъ-ли присяжные адвокаты такую непреложную истину въ народной жизни, что ихъ надо завести въ Россіи во что бы ни стало.

Республиканскій Римъ росъ среди юридическаго аристократизма. Около патрона собирались кліенты; патронъ имъ покровительствовалъ и хлопоталъ о ихъ дѣлахъ, вовсе ничѣмъ не пользуясь или пользуясь отъ нихъ пособіями и привошеніями, болѣе какъ знакомъ должнаго уваженія и благодарности, чѣмъ какъ платою за трудъ. Патроны были люди, сверхъ того принимавшіе участіе въ общемъ государственномъ законодательствѣ, не столько ради личной корысти, сколько съ цѣлью организовать республику; отъ этого они и были юристы по складу ума; они одни и были юристы, потому что только въ ихъ средѣ и составлялись законы, опредѣляющіе, кромѣ государственныхъ обязанностей, и самыя отношенія лицъ между собою, права семейныя, права гражданскія, права собственности. Остальной людъ не былъ законодателемъ и не былъ юристомъ. Естественнѣе патронъ становился адвокатомъ своихъ кліентовъ (не по имени, а по дѣлу; имя адвоката явилось позже). Между тѣмъ цвѣтущее время республики было время возбужденности всѣхъ живыхъ силъ народа: страшная энергія употреблялась на вѣдшее сетлерство, мощное, но уродливое сетлерство — не съ цѣлью заселить землю *ничию* (*res nullius*), а съ цѣлью подчинить республикѣ всѣ народы. Сетлеры — были завоеватели; юристы — были ораторы. Съ имперіей все постепенно измѣняется; сетлерство установилось, дальше идти не куда, приходится только поддерживать завоеваніе; войско становится военщиной, энергія замѣняется буйствомъ, имперія распадается. Внутри — законодательство принадлежитъ цезарю; патрицій не закона датель, а придворный, — не организаторъ, а только роскошникъ; *plebs romanus* — только чернь. Патронатъ переходитъ въ наемную адвокатуру; ораторы обратились въ риторовъ. Если еще въ силу преданія, юридическое поприще такъ уважается, что сами императоры иногда являются защищать подсудимаго передъ судомъ, напоминая патроновъ, — это только отблескъ прошедшаго, это призракъ. Въ общественной жизни требуется иное. Наемные адвокаты расплодился, ихъ надо какъ нибудь замкнуть въ сословіе, сосчитать, ограничить ихъ число при судахъ; они обманщики, имъ нѣсколько разъ попробуютъ ограничить плату за дѣлодесятью большими сестерціями, попробуютъ да и махнуть рукой; они невѣжды — ихъ станутъ принимать въ званіе за поручительствомъ, подъ присягой, двухъ уважаемыхъ юристовъ; они до такой степени риторы, что имъ попробуютъ ограничить время, назначить сколько часовъ они могутъ говорить и не болѣе. Но обществу самому не полюбились бы всѣ эти ограниченія, еслибы они были дѣйствительны; у него есть и адвокаты сверхъ комплектные, и адвокаты подъ другими названіями (*procuratores et defensores*)*. Оно знаетъ, что адвокатъ

станетъ говорить за и противъ, ложь и правду, смотря по обстоятельствамъ; но общество само давно не уважаетъ правды, ему нужна клауза подъ прикрытіемъ формы, и абстрактная утонченность пандектовъ вмѣсто живаго взгляда на фактъ и здороваго пониманія дѣла, подлежащаго суду. Имперская цивилизація разнообразнѣе прежней; частныя отношенія усложнились, хотя и не сдѣлались нравственнѣе; а съ ними *усложнилась* или инымъ ученнымъ словомъ: *развилась* юридическая наука и разрослась адвокатура; но во всемъ этомъ не достаетъ двухъ вещей: гражданской свободы и человѣческой правды.

Европейскія государства унаслѣдовали отъ римской цивилизаціи конечно не республиканскій патронатъ, а наемную адвокатуру. Галлія и Британія покорены какъ разъ передъ имперіей; имъ могло передаться только имперское законодательство. Съ приходомъ варваровъ римская цивилизація, много-ли мало-ли она развилась въ этихъ странахъ — вѣроятно болѣе въ ближней Галліи и менѣе въ далекой Британіи — римская цивилизація должна была померкнуть, тлѣть подземнымъ огнемъ, изъ состоянія развитія съѣжиться до состоянія зародыша, котораго судьбы еще впереди, который оживетъ опять, но иначе, по направленію измѣненному всѣми вновь вошедшими данными. Возьмемъ Францію. Феодалный завоеватель всего менѣе былъ юристъ; онъ не создавалъ Рима, а только забиралъ чужое. Остальному людю, болѣе или менѣе рабу, приходилось отъ него отбояриваться, то откупаясь, выпрашивая правъ и отставая ихъ, то прибѣгая, въ своихъ простолудинныхъ спорахъ за обиду и имущество, къ его высокому покровительству, стараясь склонить его на ту или другую сторону, чтобы онъ которую нибудь прихлопнулъ своимъ рѣшеніемъ. Покровитель былъ не патронъ, а бичъ. Очевидно адвокатура не могла возникнуть въ высшемъ слоѣ общества, въ слоѣ феодалномъ, и очевидно, нужды ради, должна была возникнуть въ низшихъ слояхъ и развиваться смиренно, мало по малу распрямляя станъ и поднимая голову. Разумѣется тѣ, кто посильнѣе, стали впереди. Первый юридическій голосъ подаю духовенство. Древняя адвокатура примкнулась къ новымъ церквамъ; адвокаты (*defensores ecclesiarum, pastores laici*) возникли для защиты церковныхъ и монастырскихъ правъ. Потомъ и города, и провинціи захотѣли имѣть своихъ адвокатовъ. Наконецъ и феодалное сословіе стало нуждаться въ нихъ: не лзя было всякое дѣло рѣшать судомъ божьимъ и остриемъ меча, тѣмъ паче дѣла по отношеніямъ къ неравнымъ, къ людямъ низшаго разряда, съ которыми рѣзаться унижительно. Съ возникновеніемъ судовъ (парламентовъ) — въ VIII столѣтіи — значеніе адвокатовъ выросло, число ихъ стало умножаться. Въ XIV столѣтіи Филиппъ Валуа уже приказываетъ адвокатамъ Парижскаго округа (*avocats du Chatelet de Paris*) присягать при полученіи званія и записываться въ особыя росписи. Съ установленіемъ постоянного парламента на мѣстѣ, адвокаты, блуждавшіе по городамъ и провинціямъ, укореняются, примыкаютъ къ парламентамъ. Въ XV столѣтіи (1490) Карлъ VIII приказываетъ, чтобы адвокатами были только люди, учившіеся въ университетѣ. Учрежденіе присяги доказываетъ развитіе ябеды. Законы учреждаются по нуждѣ: не будь ябеды — никто не вздумалъ бы о присягѣ. Форма присяги (указъ

* Мнѣ кажется, что роль этихъ повѣренныхъ, отлѣненная отъ адвокатуры, та-же что *avoue* во Франціи и *solicitor* въ Англии; рѣзкую черту провести

трудно, какъ и во всѣхъ переходныхъ, пограничныхъ формахъ, какъ въ вопросѣ куда отнести плѣсень — къ животнымъ или къ растениямъ.

парламента 11 Марта 1344) ясно доказывает, что адвокатура становится лихоимствующей, иначе не нужно было бы включать въ присягу высшую плату за какое бы то ни было дѣло — 30 парижскихъ ливровъ. Прикрѣпленія адвокатовъ къ судебному округу и условіе университетскаго образованія, въ то время — увы! такого схоластическаго, что имъ не лзя похвастаться, это имѣетъ свое значеніе. Оно, какъ и въ римской жизни, при подобныхъ условіяхъ, повторило ту же потребность — обуздать слишкомъ расплодившуюся адвокатуру; но оно повторитъ и другой результатъ: адвокатура сплотится въ сословіе, надѣнетъ особый мундиръ, особую тогу, станетъ судиться своимъ сословнымъ судомъ, словомъ перейдетъ въ привилегированную касту, которая въ началѣ послужитъ обществу будто бы огражденіемъ отъ произвольной ябеды, а съ развитіемъ упрочитъ за собой законное право на веденіе ябеды. Въ XVI столѣтіи (съ 1573 года) высшая адвокатура становится покупною: король продаетъ ее за деньги. Тѣмъ не менѣе адвокатура растетъ въ значеніи и силѣ, именно потому, что она сосредоточилась въ касту. Эта каста захватитъ всѣ судебныя должности. Эдиктъ 1679 года и поясненіе къ нему 1680 сдѣлаютъ обязательнымъ, что-бы судейскія мѣста (Bailli, prévôt, chatelain ou autres chefs de justice seigneuriale) были замѣщаемы адвокатами. Въ XVIII столѣтіи она не только сохраняетъ свое личное дворянство (noblesse personnelle), но и получаетъ разныя привилегіи наследственнаго дворянства, право на оное съ поступленіемъ въ судейское званіе, или какую другую должность, сопряженную съ подобными правами (Echevinage dans les villes, office de secretaire du roi). Но не смотря на эти привилегіи каста, по своему возникновенію и развитію, чужда феодальному слою и примыкаетъ къ среднему сословію. Стало она приметъ участіе въ движеніи средняго сословія, раздѣлитъ судьбы парламентовъ и будетъ играть огромную роль въ первой революціи. Величавое дуновеніе этой революціи охватитъ адвокатуру духомъ безкорыстія патронновъ-созидателей Рима — но только на минуту. Какъ скоро это дуновеніе ослабнетъ, адвокатура вспомнитъ, что она каста, да еще каста буржуазная и въ добавокъ только что достигшая настоящей силы, — и отъ революціоннаго дуновенія останется развѣ тотъ слѣдъ будто благородства, что maximumъ платы за труды замѣнится, въ императорскомъ декретѣ 14 Декабря 1810 года, статьей 43, которая отдастъ на совѣсть адвоката назначеніе себѣ платы отъ тяжущагося или подсудимаго, и въ крайнемъ случаѣ возложить опредѣленіе этой платы на рѣшеніе *сословнаго суда адвокатовъ* (conseil de discipline) хотя съ правомъ аппеляціи на это рѣшеніе, передъ обыкновеннымъ судомъ; но замѣйте, что обыкновенный судъ замѣщенъ лицами, выросшими изъ касты и составляетъ съ нею одно цѣлое, и что слѣдственно неизбежно — каста судитъ сама себя. Императорскій декретъ поодиночю вынесетъ реставрацію и двѣ буржуазныхъ революціи; въ немъ есть все, что нужно для буржуазной адвокатуры и буржуазнаго общества. Даже форма присяги торжественно пройдетъ черезъ всѣ смуты, съ ничтожными измѣненіями, гдѣ вмѣсто имперіи назовутъ королевство; но сущность останется, т. е. адвокатъ присягнетъ, “что не станетъ защищать ни одного дѣла, котораго бы по совѣсти не считалъ справедливымъ.” А впрочемъ — если за какое дѣло, хотя бы по его несправедливости, ни одинъ адвокатъ не возьмется, то совѣтъ адвокатовъ назначитъ адвоката *ex officio*, который

слѣдственно станетъ дѣйствовать противъ присяги; какъ примирить это противурѣчіе, за это мы не беремся. Но ни общество, ни присягающій заранѣе не вѣрятъ въ искренность присяги; довольно того, что тутъ есть все что имъ надо: дана возможность фальшь объяснить ошибкой, формализмъ присяги избавляетъ отъ нравственности убѣжденія, совѣсть спокойна, остается только выработать себѣ jargonъ краснорѣчія и утолять жажду стяжанія. Дуновеніе революціи, шедшей на организованіе государства, выдвинуло было изъ юридической среды — ораторовъ; оно улеглось — и адвокатура не выступитъ изъ плоскодоннаго риторства и присягнувшаго наѣмничества. Но декретъ 1810 года пришелся по плечу мѣшавскому обществу, и онъ останется. Онъ сверхъ того имѣетъ ученую физиономію римскаго законодательства, это удовлетворитъ и людей науки. Въ немъ найдется и цезарское благоволеніе къ адвокатурѣ, и римскія формы, и даже римскія выраженія; только та огромная разница съ Римомъ, что римская адвокатура, составляла касту сама по себѣ, въ массѣ безразборныхъ гражданъ; а французская адвокатура составитъ касту при кастѣ, адвокатуру при буржуазіи; она станетъ защитникомъ буржуазныхъ интересовъ, и усложняясь съ ихъ развитіемъ, приметъ къ сердцу всѣ потребности, и формы самой разнообразной цивилизаціи; только двухъ вещей въ ней не достанетъ: гражданской свободы и человѣческой правды.

Физиологическій признакъ франко-галльской породы — на сколько овъ франкскій, на сколько галльскій мы не беремся рѣшить, вѣроятно болѣе галльскій чѣмъ франкскій — но мы не можемъ не подтвердить его какъ фактъ, подмѣченный наблюденіемъ — этотъ физиологическій признакъ: стремленіе къ административной централизаціи, вытекающее изъ какого-то завистливаго пониманія равенства. Этотъ физиологическій элементъ такъ постоянно усиливался въ теченіи вѣковъ, что первая революція слала, съ понятіемъ свободы, разрушеніе всѣхъ провинціальныхъ прязвъ, и подведеніе всего подъ одну администрацію; съ революціей палъ не только феодализмъ, но окончательно пала и провинціальная самостоятельность, уже сильно подточенная развитіемъ королевской власти. Отъ перваго социалиста Морелли (Code de la nature 1755) и отъ перваго искренняго республиканца Дантона — цѣль всѣхъ стремленій — административная централизація и нивеляція, уравненіе подъ гдѣ личностей. Это стремленіе дѣйствительно только физиологическій признакъ породы, потому что оно бессознательно. Сознательно никакъ не лзя дойти до результата, гдѣ равноправіе лицъ было бы основано не на развитіи ихъ свободы, а на ихъ подчиненіи центральному деспотизму, который все равно деспотизмъ какъ и пазови его — *comité du salut public* или императорство, или икарія. Республиканская централизація, при гражданской энергіи, могла спасти Францію отъ вѣшняго врага, но конечно не могла разрѣшить задачи, разъ на всегда ложно поставленной. Экономическія данныя взяли свое реальное преимущество надъ бессознательно выросшимъ абстрактнымъ идеаломъ равенства подъ централизаціей. Съ паденіемъ феодализма, форма земельна дѣлія, основа всей экономической жизни народа, перешла въ раздробленность земельной собственности. Множество мелкихъ раздѣленныхъ земельныхъ собственниковъ не противурѣчили духу нивеляціи, но не были въ состояніи сами себя поддерживать, и земли были завоеваны капиталистами въ видѣ залоговъ, въ то время какъ люди, которые даже не

земельные собственники, а бездомные работники, были такъ сказать лично завоеваны капиталистами. Капиталы росли по мѣрѣ усиленія нужды земледѣльца и работника, и Франція стала изобиловать свободными капиталами, этими указателями грубо распределеннаго національнаго богатства, но нисколько не народнаго благосостоянія. Капиталъ всплылъ надо всѣмъ и сталъ всемогущимъ. Что же оставалось дѣлать централизациі? Продолжать свое существованіе во имя капитала. Такъ оно и было. По дорогѣ къ равенству съ централизацией, Франція достигла централизациі буржуазной; нелогичный идеалъ былъ опровергнутъ роковой логикой экономическаго развитія, и осталась всемогущая биржа — все равно орлеанская или императорская. Адвокатура, какъ каста при буржуазіи, интересамъ которой служить централизациія, примкнула къ централизациі и стала слугой всякаго правительства. *Battonier des avocats Durin*, вѣчно льстившій Луи-Филиппу, преспокойно занялъ кресло предсѣдателя высшаго апелляціоннаго суда имперіи и *battonier* Шезъ д'Экстанжъ съ любовью усладилъ медомъ рѣчи своей императорскую власть, потому что интересъ централизациі — интересъ касты.

Иначе, хотя подобно, устроилась адвокатура въ Англіи.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впрѣдъ).

ПРОСЬБА М. В. ПЕТРАШЕВСКАГО

Е. В. ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

*Поселенца Михаила Васильева
сына Буташевича - Петрашевскаго*

ПРОШЕНІЕ.

(Обновчаніе).

Если 27 Февраля удаленіе меня изъ Иркутска, вслѣдствіе незаконно сложившихся обстоятельствъ, могло показаться для Иркутской администраціи чѣмъ то въ родѣ *Иркутской государственной необходимости*, мѣрой безусловно необходимой для поддержанія обаятельности блеска своей власти, для впушенія городу страха къ себѣ, при создаваемомъ ею самою недостаткѣ нравственныхъ правъ на общее уваженіе. Если 27 Февраля, по личнымъ своимъ свойствамъ Иркутская администрація, могла себя считать потрясенной легально, сущностью содержанія моего прошенія объ отводѣ г. Молчанова, потому что имъ, сверхъ удаленія отъ должности г. Молчанова, юридически обуславливалось удаленіе отъ должностей и прочихъ соучастниковъ сего дѣла какъ напр. гг. Беклемишева, Анпенкова, Гурьева, Сухотина, Шелихова, Извольскаго и другихъ. Не могу думать, чтобъ иркутская администрація, какъ она пренебрежительно ни смотрѣла на законъ, и какъ ни обращалась съ нимъ *барствено*, она не могла не почувствовать надъ собою нравственнаго гнета юридическихъ послѣдствій, которые какъ грозные для нея призраки представлялись ей смѣло возстающими изъ словъ прошенія моего объ отводѣ г. Молчанова. Эти послѣдствія хотя и не обуславливались вовсе ни моею личностью, ни фактомъ моего пребыванія въ г. Иркутскѣ, но тѣмъ ложнымъ положеніемъ, въ которое она поставила себя въ отношеніи къ обществу, закону, высшему правительству и даже верховной власти, своими противузаконными дѣйствіями во всемъ, что только соприкасалось къ дѣлу объ убійствѣ Неклюдова... Мое неожиданное напоминаніе

о требованіяхъ закона, смутивши ихъ, вѣроятпо тоже подѣйствовало на ихъ воображеніе достаточно сильно, такъ что имъ представилось, что *будто отъ меня собственно и зависитъ заставить ихъ блюсти пренебреженныя ими законы!!*. Отъ этого не трудясь переходъ къ мысли и положительному убѣжденію въ томъ, что для того чтобъ избѣжать этого стоитъ только меня удалить изъ г. Иркутска... и тогда... безпокойный призракъ закона исчезнетъ!... Взрослые и разумные люди улыбаются не безъ грусти, если видятъ что худо воспитанный ребенокъ бьетъ тотъ предметъ, о который ему довелось ушибиться... Если же подобно этому поступаетъ администрація? Что о ней тогда слѣдуетъ думать?... Рѣшеніе этого вопроса предоставляю вашему высокопревосходительству, ибо у васъ, какъ у министра внутреннихъ дѣлъ, должны находиться въ рукахъ всѣ нужныя къ тому данныя.

Я не могу думать, чтобъ вопросъ объ incompetентности соучастниковъ въ дѣлѣ умерщвленія г. Неклюдова къ отправленію ими должностей, *столь формально и категорически* мною поставленный, не былъ уже теперь (въ теченіи столь продолжительнаго времени) разрѣшенъ подлежащимъ по закону образомъ ни глав. управленіемъ В. Сибири, ни предсѣдательствующимъ въ совѣтѣ глав. управ. В. Сибири. Если же его разрѣшенія и по сіе время не послѣдовало, то можно ли считать въ Иркутской губерніи права личности и собственности обеспеченными властью отъ всякихъ произвольныхъ нарушеній?... Если такъ это на дѣлѣ, то разумное правительство знаетъ что ему надлежитъ дѣлать. Печатныя изобличенія — не есть еще уничтоженіе злоупотребленій, но только на него указаніе, не дѣло — но приступъ къ дѣлу.

Положимъ, что Иркутской администраціи нужно было 27 Февраля удаленіе мое изъ Иркутска, для того чтобъ поразительно и блистательно проявить свое всемогущество; можно думать, что *эта политическая или нравственная цель моего удаленія* имъ вполне уже достигнута, и ее долженъ успокоить тотъ матеріальный вредъ, который учиненъ мнѣ удаленіемъ моимъ изъ Иркутска, и изъ него болѣе чѣмъ двухъ мѣсячнымъ отсутствіемъ... нынѣ уже нѣтъ вышеозначенныхъ препятствій для моего пребыванія въ Иркутскѣ, имъ никакъ уже нельзя на это ссылаться, какъ и отрицать того, что я никогда и нигдѣ въ г. Иркутскѣ буйство и безчипство не дѣлалъ. Еслибъ нужно было въ этомъ удостовѣреніе, то я совершенно увѣренъ, что многе изъ Иркутскихъ обывателей, чиновниковъ и даже полицейскія власти не откажутся объ этомъ письменно и формально засвидѣтельствовать... Почему мое пребываніе въ Иркутскѣ ни въ какомъ отношеніи нельзя считать опаснымъ для общественнаго спокойствія и противнымъ порядку или благочпнію. Точно также Иркутской администраціи нельзя отрицать, что мнѣ по дѣламъ (по нѣкоторымъ по ея неблагорасположенію противузаконно лишены должнаго удовлетворенія) необходимо быть въ г. Иркутскѣ, для приведенія ихъ въ порядокъ, для устраненія хотя нѣкоторой части тѣхъ убытковъ, которые претерпѣваю вслѣдствіе тайнаго и насильственнаго увоза моего изъ Иркутска въ Миусунскій округъ. Этотъ увозъ повергнулъ меня въ крайность: не могу думать, чтобъ именно мое разореніе чрезъ удаленіе изъ Иркутска, или мое небытіе въ немъ было необходимымъ условіемъ или залогомъ преуспѣянія административныхъ дѣлъ въ Иркутскѣ, для удачи дипломатической въ сношеніяхъ съ Японіей или Китаемъ, для того, что изобличенная г. Завалп-

шиннымъ ложь, стала для кого нибудь истинной, а правдивыми такими указаниями могло пренебрегать высшее правительство или допускать себя кому либо явно и нагло обманывать!

Вслѣдствие всего вышеизложеннаго *всепокорнѣйше прошу* ваше высокопревосходительство *распоряженіе г. Корсакова* или другого лица о моемъ удаленіи изъ Иркутска, какъ противузаконное и лишенное всякаго для себя основанія въ дѣйствительности, но для меня раззорительное и угнетательное — *отменить, и мнѣ разрѣшить прибыть въ Иркутскъ для приведенія дѣлъ моихъ въ порядокъ*. Личное мое присутствіе необходимо сверхъ того для членія записки изъ дѣла моего въ Иркутскомъ губернскомъ судѣ, для рукоприкладства на оной объявленія на рѣшеніе удовольствія или неудовольствія, чего кромѣ меня никто не можетъ удовлетворительно выполнить. Рассмотрѣніе моей апелляціонной жалобы въ томъ можетъ удостовѣрить—ваше высокопревосходительство; почему о такомъ разрѣшеніи вашимъ высокопревосходительствомъ прибытія моего выпѣ же *всепокорнѣйше прошу сообщить мѣстному Начальству для надлежащаго исполненія, т. е. предписать о непрпятствованіи мнѣ отправиться въ Иркутскъ и тамъ находиться до приведенія тѣлѣбныхъ и исковыхъ моихъ дѣлъ въ окончательное положеніе*.*

Послано М. В. Д. 9 Мая, 1860 г. изъ Явусивска.

СМѢСЬ.

ВѢРНЫЕ ИСПОЛНИТЕЛИ ВЫСОЧАЙШЕЙ ВОЛН.

Декабря 7, минувшаго 1860 года м. в. д. послалъ, по высочайшему повелѣнію, циркуляръ начальникамъ губерній съ предписаніемъ немедленно образовать и открыть особыя губернскаго присутствія для принятія предварительныхъ мѣръ ко введенію въ скоромъ времени ожидаемаго крестьянскаго положенія. Губернскаго присутствія, подъ предсѣдательствомъ губернатора, должны состоять изъ слѣдующихъ членовъ: губернскаго предводителя дворянства, управляющаго п. г. н., четырехъ помѣщиковъ, изъ коихъ два по назначенію отъ правительства и два по выбору уѣздныхъ предводителей, и наконецъ изъ губернскаго прокурора. Вслѣдъ за тѣмъ другимъ циркуляромъ, секретнымъ, объяснено губернаторамъ ближайшимъ образомъ дѣль и назначеніе губернскихъ присутствій, которыя впоследствии, по введеніи новаго положенія, должны быть обращены въ высшую инстанцію по дѣламъ помѣщиковъ съ крестьянами. При этомъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность начальниковъ губерній, чтобы они, при представленіи о помѣщикахъ, вмѣющихся быть назначены отъ правительства, имѣли въ особенности въ виду, чтобы лица эти вполне сочувствовали видамъ правительства и могли быть надежными проводниками и защитниками предположенныхъ по крестьянскому дѣлу мѣръ и распоряженій.

Вслѣдствие сего получены между прочимъ слѣдующія представленія отъ начальниковъ губерній:

С. Петербургской—Смирнова, нынѣ сенатора, представляетъ списокъ, въ коемъ помѣщены между прочимъ: помѣщикъ Денъ, одинъ изъ яростныхъ крѣпостняковъ, бывшій членъ губернскаго комитета; Ямбургскій предводитель *Врангель*, крѣпостнякъ, тотъ самый, который недавно, при экзекуціи, произведенной Смирновымъ надъ крестьянами Итовской

* П охота же Муравьеву тѣснить Петрашевскаго, просилъ бы государя чтобы его перевели въ Россію. Что за черовпый, и поправдѣ, что за скучный бой.

волости, далъ солдатамъ 5 р. с., дабы они крѣпче сѣкли крестьянъ; Пейкеръ тоже крѣпостнякъ и еще нѣсколько подобныхъ лицъ изъ нѣмцевъ; сверхъ того въ дополнительномъ списокѣ, написавъ царскосельскій предводитель Платоновъ, прославившійся крѣпостнякъ, который даже въ губернскомъ комитетѣ остался одинъ при особомъ мѣѣни. Изъ помѣщиковъ въ духѣ правительства значились въ списокѣ только генералъ Оденцовъ и гр. Левашевъ, оба люди благонамѣренныя. Списокъ этотъ былъ посланъ на заключеніе г. а. Игнатьева, который отозвался, что онъ всѣхъ въ ономъ помѣенованныхъ одобряетъ, но въ особенности рекомендуетъ Платонова! Утвержденъ покаместъ Оденцовъ.

Начальникъ Воронежской губерніи, гр. Толстой, который считался, совершенно напрасно, однимъ изъ хорошихъ губернаторовъ, представилъ въ члены отъ правительства кн. Гагарина. Кн. Гагаринъ былъ Воронежскимъ предводителемъ дворянства и предсѣдателемъ губернскаго крестьянскаго комитета. Открывая комитетъ, онъ предложилъ просить государя оставить крѣпостное состояніе по прежнему, за что получилъ выговоръ и при новыхъ выборахъ не былъ утвержденъ; потомъ былъ избранъ депутатомъ въ Ред. ком. и за адресъ получилъ выговоръ. Вмѣстѣ съ представленіемъ о назначеніи кн. Гагарина членомъ отъ правительства, гр. Толстой написалъ м. в. д. конфиденціальное письмо, въ которомъ объясняетъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы не поссориться съ дворянствомъ, и что иначе дворянство непремѣнно бы выбрало кн. Гагарина, а теперь можно его не утвердить и тѣмъ отъ него избавиться! Кому услуживалъ гр. Толстой государю или дворянству? Начальникъ Рязанской губерніи, Муравьевъ, сынъ министра г. н., на сдѣланное ему изъ м. в. д. предложеніе назначить членами отъ правительства бывшаго въ Москвѣ цензоромъ Драшусова, помѣщика Протасова, отвѣчалъ, что просить ихъ не назначать, потому что Драшусовъ, по его мнѣнію, человекъ слабый, ибо имѣя недавно дѣло съ одною помѣщицею, онъ на брань ея высунулъ ей языкъ! (sic) А Протасовъ недавно въ одной бѣсѣдѣ позволилъ себѣ неприличныя слова противъ правительства. На мѣсто же сихъ лицъ онъ предлагаетъ помѣщика Кзулебокина и своего домашняго врача Польшисага. Кзулебокинъ уѣздный предводитель, ярый крѣпостнякъ и жестокий помѣщикъ.

Начальникъ Повгородской губерніи Филиповичъ между прочимъ представилъ въ члены отъ правительства д. с. с. Позена, бывшаго членомъ-экспертомъ въ Ред. Ком. и со стыдомъ уволеннаго изъ оной за защиту крѣпостнаго права.

Вотъ, на первый разъ, какъ отвѣтили гг. начальники губерній на вызовъ государя указать въ члены отъ правительства людей вполне сочувствующихъ его видамъ по крестьянскому дѣлу! Не есть ли это чистѣйшій заговоръ противъ государя и его воли положительно выраженной?

И всѣ эти господа не только остаются на своихъ мѣстахъ, но даже не получили ни малѣйшаго замѣчанія. Да куда же мы въ самомъ дѣлѣ идемъ, и кто у насъ настоящие революціонеры?

— *Переселеніе крестьянъ на болото.* — Въ 40 верстахъ отъ Петербурга, Шлюсельбургскаго уѣзда, на берегу рѣки Невы, бывшій С. Петербургскій оберъ полицмейстеръ (въ 1840 годахъ), генералъ-адъютантъ Кокошкинъ имѣетъ населенное имѣніе до 60 человекъ крестьянъ, которыхъ нынѣшнимъ лѣтомъ (1860), съ занимаемаго ими мѣста, на большои

дорогъ въ нѣсколькихъ сажняхъ отъ рѣки Невы, Кокоскинъ исходатайствовалъ разрѣшеніе губернатора перевести за 6 верстъ въ густой лѣсъ на болотистое мѣсто. Когда крестьяне этому воспротивились, то гражданскій губернаторъ Смирновъ далъ исправнику предписаніе бунтующихъ наказывать розгами и затѣмъ перевести ихъ на старое пепелище. Выскли: Яфима Никандрова, Федора Павлова и Бориса Яковлева; а Михаила Гаврилова (не имѣющаго руки) посадили въ рабочій домъ; семидесятилѣтняя женщина Афімія Александрова, проплакавши двое сутокъ на развалинахъ своего дома, умерла съ горя. Мало этого, Кокоскинъ разрытые имъ дома и сараи заставилъ, въ самое лучшее рабочее время, тѣхъ-же крестьянъ, на собственныхъ лошадяхъ ихъ, перевозить на отведенное имъ мѣсто.

Недавно эти крестьяне подали просьбу Константину Николаевичу о возвращеніи ихъ на старое мѣсто, будетъ-ли какой толкъ?

— *Последнее убѣжище изманниковъ закрыто.*—У Г-жи Замятниной есть мужъ, исправляющій должность великана и вѣмага евнуха при императорскомъ сералѣ юстиціи. Оказывается, что не большаго роста великанъ и въ вѣмье не годится; онъ такъ громко сталъ вздоръ молоть, что даже въ *Теймсъ* раздалось (Times 16 February). “Сенатскія вѣдомости обнародовали законъ (Англичане не имѣютъ другого слова для этого рода бумагъ), утвержденный государемъ по представленію Замятнина о преслѣдованіи преступленій противъ монарховъ, находящихся въ дружескихъ сношеніяхъ съ Россіей. На основаніи этого закона будетъ сдѣлана конвенція между Россіей и Австріей о наказаніи государственныхъ преступниковъ.”

Ну что мы будемъ дѣлать! Единственное убѣжище, куда могли спастись изгнанники — Россія, страна свободы, покрывавшая своимъ огромнымъ щитомъ всякаго искавшаго въ ней защиты — погибло! Куда дѣнутся теперь республиканцы, социалисты? Неаполитанскому королю, папѣ хорошо, у нихъ есть Баварія, а у другихъ—только и было надежды что на красную Россію—что не значитъ вовсе Червоная Русь—какъ смѣшиваютъ Французы, читавшіе *La Russie rouge!*

Какое счастье, что Théophile Henri, vicomte de Blangy скончался въ 1799, тотъ самый графъ Бланжекій, французскій эмигрантъ, который—

Супругу и семью оплакавъ публично,
Покинулъ родину, тиранами поправу;
Россійскія страны достигнувъ береговъ,
Обрѣлъ на старости гостеприимный кровъ.

Увы, гдѣ этотъ кровъ?— Ха, ха, ха!—Да полноге вы себя дурачить передъ всѣмъ свѣтомъ, ну какой-же идіотъ пойдетъ у васъ искать убѣжища!—своимъ жить тошно, а тутъ еще пойдетъ чужой.

— *Слухъ о заговорѣ противъ императора австрійскаго и эрцгерцога Софіи.* Въ Петербургѣ существуетъ заговоръ противъ дней и ночей Франца-Иосифа и преимущественно матери его Софіи. Заговоръ этотъ составленъ Бутковымъ и, чтобъ отвести глаза, въ домъ Мины Ивановны. Цѣль этого заговора возведеніе на австрійскій престолъ князя Орлова, который для этого размягчилъ мозгъ и сложилъ съ себя всѣ должности. Участниками—Муравьевъ-вѣшатель, Адлербергъ

sen., теоретическій плантаторъ Гагаринъ, практическій плантаторъ и помѣщикъ Гутцейтъ, митрополитъ Исидоръ, желающій быть провозглашеннымъ Бѣло-Крипицкимъ патриархомъ — всѣ сношенія идутъ черезъ Тимашева, которому обѣщано цезарское графство.

Всѣхъ выдать въ Австрію!

ДОВОСЬ НА МОРСКОЙ СБОРНИКЪ.

Морской Сборникъ, написалъ превосходную программу, всѣ порядочные люди прочли ее съ искреннимъ удовольствіемъ, но какой-то соленой Тимашевъ, или морской Липранди надулся, скрылъ имя и сдѣлалъ доносъ. Это совершенно въ порядкѣ службы. Но гораздо страннѣе то, что нашелся сухопутный редакторъ, не “Журнала III Отдѣленія”, а *С. Петербургскихъ Вѣдомостей* помѣстившій доносъ, оставя въ подозрѣніи, что адмиралъ писавшій, — это самъ издатель; доносъ напечатанъ безъ подписи, и безъ знамени-таго сообщено. Поползновеніе это не *выкидывать* такового рода статей, а ихъ *доносить*, надобно остановить съ самаго пачала. III Отдѣленіе вовсе не въ такомъ безпомощномъ положеніи, чтобъ нужно было статскимъ и партикулярнымъ газетчикамъ ему помогать. Если же редактора *заставили* помѣстить (хотя такого закона и нѣтъ на безименные письма и подметныя статьи, и мы знаемъ какъ три года тому назадъ одинъ московскій издатель, рѣшительно отказался помѣстить вѣсняемую ему статью), то онъ долженъ былъ или отмѣтить ее или *оставить редакцію*. Никакой нѣтъ необходимости цѣлую историческую эпоху быть издателемъ, какъ Грець и Булгаринъ.

Передаемъ почти вполнѣ статью *С. Петербургскихъ Вѣдомостей*.

“Прочитавъ, въ декабрской книжкѣ *Морскаго Сборника*, программу журнала на 1861 годъ, въ которой, между прочимъ, сказано: *Морской Сборникъ* не можетъ не возставать противъ жестокаго обращенія съ нижними чинами, и, отчасти, признавая трудность замѣненія тѣлесныхъ наказаній на флотѣ другимъ, болѣе-соотвѣствующимъ человѣческому достоинству наказаніями, не раздѣляетъ мнѣнія тѣхъ, которые не находятъ никакой возможности и надобности бросить за бортъ линьки и розги, даже относительно лучшей части командъ. Мы чистосердечно *посмѣялись* грозному намѣренію редакціи сражаться съ вѣтранными мельницами, и не обращая строгаго вниманія на изложеніе, мы радовались намѣренію нашего органа, содѣйствовать общему во флотѣ направленію, стремящемуся къ уничтоженію тѣлеснаго наказанія...

... “Мы чувствуемъ себя глубоко оскорбленными такой выходкой редакціи *Морскаго Сборника*, потому, что вся читающая публика неминуемо заключитъ изъ программы, что корпусъ морскихъ офицеровъ состоитъ изъ какихъ-то плантаторовъ, и участь нижнихъ чиновъ во флотѣ незавиднѣе участи дяди Тома; что мѣры, принимаемыя къ прекращенію этого обычая, не достигаютъ цѣли, и что осталась одна надежда на гласность печати.

“И что, вотъ, благодаря передовымъ людямъ, составляющимъ редакцію “*Морскаго Сборника*,” можно надѣяться на прекращеніе ужасовъ, совершающихся на палубахъ нашихъ злополучныхъ кораблей.

“Кому извѣстно, что во Франціи только въ недавнія времена отмѣнены тѣлесныя наказанія на флотѣ, а образованная, либеральная и гуманная Англія до-сихъ-поръ еще не можетъ вовсе отдѣлаться отъ линьковъ, тотъ не будетъ удивляться тому, что до послѣдней войны, у насъ тѣлесныя наказанія были не въ рѣдкость, а иногда доходили и до жестокости. По заключеніи мира, когда служба пошла обычной колеей, ни у кого не доставало духу высечь человѣка, котораго онъ видѣлъ подлѣ себя въ гигантской борьбѣ Россіи. Начали избѣгать тѣлесныхъ наказаній, и дѣло не пошло отъ того хуже; открытіе это стало вкрадываться въ убѣжденія; сначала робко и слабо, но скоро твердо привилась увѣренность, что линьки и розги не такая необходимость на морѣ какъ то привыкли думать.

“Теперь еще могутъ быть *рѣдкія исключенія*, общее же направленіе къ совершенному уничтоженію тѣлеснаго наказанія несомнѣнно.”

И это печатается послѣ слѣдствія по дѣлу Пластуна, послѣ Крузенштерновыхъ побоевъ, сѣченій, изтязаній, послѣ того что мы видали краснѣя въ *Лондонскихъ документахъ*, когда бывають русскіе пароходы.

Кого обмапываютъ? Или какимъ образомъ этого новаго рода сконцы вытравливаютъ въ груди своей всякій слѣдъ совѣсти?

— *Фрегатъ Генералъ - Адмиралъ и швабра.* — Мы получили письмо, въ которомъ отрицають свѣденія доставленные намъ о томъ, что на фрегатѣ Генералъ Адмиралъ, “сѣкли гардемарина, и матросамъ затыкали рты швабрами.” (Кол. No. 87 & 88). Въ концѣ письма (подписаннаго), сказано, что если мы желаемъ, мы получимъ цѣлый листъ подписей офицеровъ и гардемаринныхъ, въ удостовѣреніе, что ничего подобнаго на фрегатѣ не было. Безъ всякаго сомнѣнія желаемъ. Мы и думать не хотимъ, чтобъ большое число офицеровъ и гардемаринныхъ подписало актъ несогласный съ истиной. Мы вѣримъ и тому который писалъ письмо, но одинъ легче можетъ ошибаться. Сомнѣваться въ первомъ корреспондентѣ также не было причины, все сообщенное имъ о злодѣйствѣ бывшихъ на Пластунѣ, мы прочли потомъ въ *Морскомъ Сборникѣ*, съ такими подробностями, которыхъ у корреспондента не было. Когда мы получили въ первый разъ письмо о неистовыхъ и безчеловѣчныхъ наказаніяхъ Крузенштерна, мы приостановились и не напечатали его фамилію. Но когда на сдѣланный вопросъ мы получили нѣсколько писемъ подтверждающихъ, для насъ была достаточная достовѣрность, чтобы напечатать фамилію. Пусть офицеры гнушающіеся должностью палача, убѣдятся, что одна полная, чистая любовь къ русскому народу, заставила насъ поднять обличительный голосъ, противъ звѣрской жестокости помѣщиковъ, офицеровъ, полиціи, и вообще всего сѣкущаго сословія. Противудѣйствовать тѣлеснымъ наказаніямъ надобно всѣми силами, всѣми помышленіями, страстно, настойчиво. Съ розгой и палкой въ рукахъ, не добратся намъ до человѣческихъ правъ. Нельзя требовать признанія своего лица, и драць солдатъ и сѣчь женщинъ, (даже *дѣтскими розгами*). Это такъ вѣрно, что ваши заплечные генералы, не себѣ требуютъ уваженія, а генеральскому чину. Пора съ омерзѣніемъ и раскаяніемъ отречься отъ прошедшихъ злодѣйствъ. Мы совѣтуемъ офицерамъ вмѣсто

протестовъ и опроверженій, (хотя и это не дурно, какъ отрицательное сознаніе, что все это гнусно), соединиться тѣснѣе и тѣснѣе для защиты бѣднаго, голоднаго русскаго солдата, противъ воли оторваннаго отъ домашняго очага, обворованнаго всѣми, отъ морскихъ и сухопутныхъ чудовищъ и гадовъ съ толстыми эполетами, и съ еще болѣе толстой шкурой на сердцѣ, до вахмистровъ и фельдфебелей. Офицеры могутъ больше сдѣлать, чѣмъ правительство, и на это не надобна десятая доля, того мужества, которое они вездѣ и всегда показываютъ съ такимъ избыткомъ.

— *Черный Архіерей и бывший Араповъ въ Пензѣ.* — Въ Пензѣ учитель русской словесности г. *Логиновъ* говорилъ рѣчь на актѣ въ институтѣ; содержаніемъ его рѣчи было—разборъ сатиръ Кантемира, при этомъ ему пришлось говорить о духовенствѣ и дворянствѣ того времени. *Араповъ* предводитель дворянства и *Архіерей* по окончаніи рѣчи объявили, что напрасно ихъ пригласили на актъ, что они не думали, чтобъ г. Логиновъ рѣшился ихъ обругать публично. Кромѣ того Архіерей обратился къ институтскому священнику и сказалъ ему: “прошу васъ написать обличительное слово и прочесть его публично предъ всѣми воспитанниками, иначе вамъ не будетъ мѣста въ епархіи.” Съ этого дня общество города Пензы перестало принимать у себя г. Логинова.

Начальство распорядилось перевести Логинова въ Астрахань учителемъ гимназіи, директора института отставили совсѣмъ отъ должности, а изъ Петербурга сдѣлали строжайшій выговоръ попечителю округа князю Вяземскому, и цензору г. Григоровичу.

ХАРЬКОВСКИМЪ СТУДЕНТАМЪ.

Наше мнѣніе о новомъ значеніи провинціальныхъ университетовъ, мы высказали недавно. Вѣра наша въ великую роль, открывающуюся для нихъ, заставляетъ насъ быть откровенными. Если исторія бывшая на харьковскомъ маскарадѣ, 1 Января 1861 г., рассказанная въ 23 No. *Сѣверной Пчелы*, справедлива, то она поселяетъ глубокое отвращеніе къ молодежи замѣшанной въ ней.

Положимъ что большинство харьковскихъ студентовъ, порицаетъ поведеніе, вѣроятно пьянаго студента Страхова, и не согласна съ дрянью, которая помогала ему, и защищала его. Мы готовы даже сомнѣваться, чтобъ были такіе негодяи изъ студентовъ, которые въ оправданіе ѣрничества Страхова, говорили что маска была просто *модистка изъ магазейна*, въ студентахъ это было бы слишкомъ отвратительно. Но келейное порицаніе недостаточно.

Въ такого рода дѣла начальство у насъ не мѣшается, напротивъ оно должно быть довольно—вмѣсто дѣла студенты заняты вздоромъ, вмѣсто того чтобъ дружно стоять за благородныя убѣжденія, они дружно стоятъ за *мундиръ*, вмѣсто того чтобъ гнушаться сословными различіями, они имѣють шляхетскій говоръ и презирають не дворянъ. Но именно потому что начальство не вступаетъ въ такого рода дѣла, общественное мнѣніе студентовъ должно было вступить за обиженную не дворянку дѣвушку, или доказать, что на ихъ товарищѣй наклеветали. Почему студенты, не назначили свой судъ и не разобрали дѣла? Если въ юности такого рода поступки не вызываютъ вашего страстнаго негодованія, —незавидно будетъ ваше совершеннѣіе!

— *Самическій законъ отъ Московскомъ Университетѣ.* — Говорятъ, что одной дѣвушкѣ желавшей слушать лекціи въ Московскомъ Университетѣ было отказано и даже съ угрозой, что буде она не перестанетъ являться въ аудиторіяхъ, то начальство приметъ *энергическія мѣры*. Хорошо бы посмотрѣть на защиту дверей аудиторіи храбрымъ попечителемъ и храбрымъ ректоромъ, — обоихъ вооруженными по званію, страшными оружіями военнаго членовредительства и мирной хирургіи, — противъ одной дѣвушки, желающей учиться!

изъ ТИФЛИСА

(Письмо къ Издателямъ)

Въ 90 Но. *Колокола* подъ заглавіемъ “Тифлисъ и Покореніе Колокола,” говорится, что будто бы, по поводу молчанія о злоупотребленіяхъ на Кавказѣ, жители Тифлиса подозрѣваютъ *Колоколъ* въ подкупимости.

Мы протестуемъ противъ неизвѣстнаго корреспондента, сообщившаго эту небывалицу.

Дѣйствительно, въ *Колоколъ* не было ничего противъ Бяратинскаго, по тому виноваты сами Кавказцы, что они молчатъ и они чувствуютъ это. Скажу болѣе, отъ многихъ Кавказцевъ приходилось мнѣ слышать, что *Колоколъ* какъ чисто русскій народный журналъ, едва-ли найдетъ интереснымъ факты, которые къ русскому народу не имѣютъ прямого отношенія; мѣжду тѣмъ они уповаютъ, что *Колоколъ* по крестьянскому вопросу на Кавказѣ, не откажетъ бѣднымъ и угнетеннымъ рабамъ въ своемъ содѣйствіи; когда по освобожденіи всѣхъ крестьянъ въ Россіи, очередь дойдетъ до Кавказскихъ кругомъ ограбленныхъ народонаселеній, изъ свободнаго состоянія попавшихъ въ крѣпостное, по милости русскаго правительства.”

Далѣе корреспондентъ сообщаетъ нѣкоторыя вѣсти о Кавказѣ и Бяратинскомъ. Между прочимъ онъ говоритъ:

1) Что вопросъ объ освобожденіи крестьянъ на Кавказѣ, вовсе не тронуть, потому что Бяратинскій боится раздражать Кавказское дворянство.

2) Что послѣ паденія Шампиля, Бяратинскій поднялъ вопросъ о распространеніи на Кавказѣ нелѣпой табели о рангахъ, гильдіи; вопросъ, который нынѣ обсуживается въ Кавказскомъ комитетѣ.

3) Что у Бяратинскаго своя *цензура*, которая *запрещаетъ* распространеніе книгъ и журналовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ издаваемыхъ.”*

— *Языковъ директоръ правопыденія.* — Мы получили письмо, опровергающее отвѣгъ Языкова правопыдамъ желавшимъ принять участіе въ Воскресныхъ школахъ. Если мы получимъ оправданіе его въ навѣтахъ на профессора Павлова, мы тоже помѣстимъ съ удовольствіемъ.

— *Цензурные Зуавы.* — Рахманиповъ, Лебедевъ, неистовствуютъ въ цензурѣ, имъ помогаетъ изъ *иностраннаго* министерства *Бюлеръ* и *внутренняго* докторъ *правъ* Вародинъ.

— Извлеченіе изъ отчета генераль-губернатора Западныхъ губерній нами не получено, равно и записка о Фивапсахъ.

* Бяратинскій послалъ циркуляръ ко всѣмъ Кавказскимъ пограничнымъ таможенямъ, о возможно-строгомъ обыскиваніи путешественниковъ изъ за границы.

— *ЕЩЕ О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.* Указъ объ освобожденіи крестьянъ еще не рѣшитъ вопроса о выкупѣ земель. Если дворянство начнетъ его само, сближалось съ пародомъ, то чиновничье начало отжило свой вѣкъ и уступитъ началу общественному; если вѣтъ, то Россія придетъ въ порядокъ только посредствомъ ломки и авархіи.

Въ Парижѣ, вышелъ еще проектъ освобожденія и выкупа (Etudes financières sur l'émancipation des paysans en Russie, sur l'impôt foncier, le système monétaire et le change extérieur par A. Zapasnik). Проектъ этотъ основанъ на французскомъ займѣ съ обмѣномъ государственныхъ рентъ; мы не можемъ согласиться ни съ системой премій, взошедшихъ въ его основанія, ни съ тѣмъ огромнымъ вліяніемъ французской биржи, которому онъ невольно даетъ мѣсто; но мы съ другой стороны не можемъ не согласиться съ его практической приложимостью и возможностью, которая уже доказывается тѣмъ, что одинъ изъ важнѣйшихъ Парижскихъ домовъ (Serre, rue d'Amsterdam 3), взялся устроить заемъ сообразно съ проектомъ г. Запасника и предложилъ свои услуги русскому правительству черезъ русское посольство въ Парижѣ. Мы думаемъ, что если общество усмотритъ шесту правительственнаго ручательства, то выкупъ обойдется безъ вышшняго займа, или по крайней мѣрѣ безъ привилегій одного какого нибудь иностраннаго рынка, въ данномъ случаѣ — французскаго; но если правительство станетъ устроить выкупъ за своимъ поручительствомъ, оно не обойдется безъ займа — и проектъ г. Запасника представитъ ему немедленную приложимость къ дѣлу.

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Засѣданія: 1) *Соединеннаго совѣта министровъ и членовъ главнаго крестьянскаго комитета 26 Января 1861 г.,*
2) *Государственнаго совѣта 28 Января 1861 года.*

Сейчасъ получили мы слѣдующее письмо, спѣшимъ его передать нашимъ читателямъ безъ всякихъ измѣненій. Нечего прибавлять о его огромной важности.

Государь благодарилъ большинство членовъ, подавшихъ голосъ за проектъ положенія, составленнаго Редакціонными комиссіями, и въ особенности в. к. Константина Николаевича, котораго нѣсколько разъ цаловалъ. О Редакціонныхъ комиссіяхъ государь сказалъ, что на нихъ сильно нападали, по болѣею частью совершенно несправедливо, а болѣе потому, что не знали дѣла; что трудъ ихъ исполненъ съ полною добросовѣстностію и большимъ знаніемъ дѣла. За тѣмъ государь съ *весьма рѣшительнымъ тономъ* объявлялъ: что допустить въ этомъ дѣлѣ для всѣхъ и каждого полнѣйшую свободу выражать свое мнѣніе, что будетъ допущено и въ госуд. совѣтѣ при предстоящемъ разсмотрѣніи проекта положенія; но потомъ онъ уже не дозволитъ никакихъ отмѣнъ, отлагательствъ и проволочекъ, и требуетъ, чтобъ дѣло было кончено неперемѣнно къ 15 Февраля. Государь заключилъ словами: *это я желаю, требую, повелѣваю*, сказанными почти съ угрозой. Еще государь, обращаясь преимущественно къ министрамъ, сказалъ что до сихъ поръ они между собою враждовали по крестьянскому вопросу, и что нѣкоторые изъ нихъ даже противились его видамъ, и что онъ давалъ имъ въ этомъ отношеніи полную свободу, но что теперь, когда

его воля будет окончательво выражена, онъ требуетъ отъ нихъ полнаго между собою согласія, совершеннаго забвенія личныхъ мнѣній и безусловнаго, добросовѣстнаго исполненія его повелѣній и утвержденаго имъ положенія, “ибо, прибавилъ государь, вы должны помнить, что въ Россіи законы издаетъ самодержавная власть.” Наконецъ государь объявилъ, что по окончаніи крестьянскаго дѣла, сословіе крестьянъ не должно болѣе оставаться раздѣленнымъ на разныя вѣдомства, но должно образоваться изъ нихъ одно цѣлое, *какъ было прежде*, подчиненное однимъ законамъ и общимъ въ государствѣ властямъ. Вслѣдствіе чего, онъ (государь) положилъ, по объявленіи манифеста, главный комитетъ закрыть, и на мѣсто онаго учредить особый комитетъ по дѣламъ *всего сельскаго населенія въ Россіи*, какъ высшую для сихъ дѣлъ инстанцію, которому немедленно приступить къ составленію плана соединенія крестьянъ всѣхъ наименованій въ одно сословіе. Составленную въ этомъ смыслѣ записку государь приказалъ Буткову прочесть.

По выслушаніи записки, Муравьевъ сдѣлалъ замѣчаніе, что онъ слышитъ ее въ первый разъ и желалъ бы ближе съ нею познакомиться, при исполненіи со стороны министерства госуд. имуществъ. На это государь *очень сухо* отвѣтилъ: что соображать нечего, а слѣдуетъ только исполнять. Что же касается до подробностей, то онъ можетъ представить объ нихъ въ комитетъ, когда онъ будетъ утвержденъ. Такой положительный и рѣзкій отвѣтъ государя сильно поразилъ Муравьева, который выходя изъ засѣданія, сказалъ Буткову: “Ну, видно мнѣ приходится подать въ отставку.” Вообще замѣтно по всему, что государь наконецъ раскусилъ Муравьева, и что этому послѣднему конецъ близокъ. Для производства дѣлъ будущаго комитета назначены: Жуковский, Арапетовъ и Домонтовичъ. О личномъ составѣ комитета еще ничего не извѣстно.

Государь открылъ засѣданіе Государственнаго Совѣта рѣчью (отлично сказанною), въ которой весьма ясно и тономъ чрезвычайно рѣшительнымъ изложилъ историческій ходъ правительственныхъ мѣръ, принятыхъ съ царствованія Павла I къ устройству помѣщичьихъ крестьянъ. Онъ изъяснилъ, что отецъ и дядя его преимущественно старались къ вызову добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, но что мѣры, съ этою цѣлію прінятыя въ разное время, не имѣли успѣха, не потому (какъ часто старались объяснить), что формы сихъ отношеній были многосложны, но потому болѣе, что въ самыя правила для оныхъ вкрались, *по волюнтію людей противившихся освобожденію крестьянъ*, разныя затрудненія и стѣсненія, чего нынѣ онъ ни подъ какимъ видомъ не допуститъ. “Самодержавіе—прибавилъ онъ—установило крѣпостное право, самодержавіе должно оное и прекратить.”

Потомъ государь повторилъ почти тоже, что говорилъ въ засѣданіи совѣта министровъ и членовъ Главнаго комитета, и снова выразилъ непремѣнную волю, чтобы все дѣло было кончено къ 15 Февраля. Великаго князя Константина Николаевича государь снова благодарилъ и цаловалъ, за оказанное ему содѣйствіе. Послѣ того приступлено было, въ присутствіи государя, къ сужденію по 19 параграфамъ *введенія* къ положенію, въ которыхъ заключаются *самыя главныя, коренныя начала* реформы, и всѣ они пройдены въ это засѣданіе (которое началось въ 12 часовъ, а кончилось въ 6 часовъ вечера). Государь во все время показывалъ большое спокойствіе и

терпѣвіе, и даже значительное умѣнье вести и направлять пренія. Первый говорилъ гр. Строгоновъ. Въ рѣчи своей государь сказалъ: “вы можете сдѣлать въ положеніи *кое-какія* измѣненія, если найдете нужнымъ, но существо проэкта должно остаться неизмѣннымъ.” Тогда Строгоновъ первый всталъ и спросилъ: что значитъ кое-какія измѣненія? Государь быстро отвѣчалъ: “Вы, кажется, придираетесь къ моимъ словамъ; кажется они довольно ясны” — потомъ повторилъ еще разъ сказанное, нѣсколько подробнѣе только. Надо замѣтить, что Строгоновъ былъ, до засѣданій, постоянно *противъ* освобожденія крестьянъ, но вдругъ, послѣ совѣта министровъ, объявилъ *письменно* (по какимъ-то личнымъ расчетамъ и отношеніямъ), что онъ переходитъ на сторону большинства, потому будто-бы, что главный комитетъ совершенно измѣнилъ проэктъ Редакціонной комиссіи, что совершенно ложно. Изъ рѣчей, первая была, сказала Блудовымъ, который говорилъ *за* положеніе, но по обыкновению—много и распушено. Изъ другихъ ораторовъ отличились слѣдующіе: кн. Горчаковъ (министръ иностранныхъ дѣлъ), который говорилъ такъ долго и непонятно, что государь наконецъ прервалъ его съ нетерпѣніемъ словами: “да что вы хотите?” — Добровольныхъ соглашеній, отвѣчалъ Горчаковъ. Всѣ вообще замѣчанія свои онъ въ рѣчи своей относилъ лишь къ Редакціонной комиссіи. Государь замѣтилъ ему, что Редакціонныхъ комиссій болѣе нѣтъ, а разсматривается проэктъ главнаго комитета. Муравьевъ настаивалъ на необходимости еще разъ повѣрить на мѣстѣ цифры надѣла и объ оказавшемся представить снова въ Петербургъ. Онъ увѣрялъ, что на это довольно 6 мѣсяцевъ — видимая хитрость, чтобы только какъ нибудь оттянуть дѣло. Тутъ Ланской, выйдя изъ обычнаго своего молчанія, вдругъ весьма рѣзко ко всеобщему удивленію отвѣтилъ, что на предложенную повѣрку нужно не 6 мѣсяцевъ, а 6 лѣтъ. Этимъ и ограничилось краснорѣчіе мпистра внутрен. дѣлъ, которое однакоже въ этомъ случаѣ произвело на собраніе очень сильное впечатлѣніе: выходка была столько-же неожиданна, какъ и кстати; Панинъ прибавилъ къ этому, всегдашнимъ гробовымъ своимъ голосомъ, точно выходящимъ изъ преисподней, что и 6 лѣтъ мало, а понадобилось-бы гораздо больше времени.

Вообще, Панинъ говорилъ, *отъ защиты положенія*, съ обычнымъ обильнымъ словотеченіемъ. Но *vaut mieux quelque chose que rien!* В. к. Константинъ Николаевичъ и Чевкинъ тоже говорили за проэктъ. Князь Меншиковъ, щедрый на брань и колкости внѣ совѣта, почти все время молчалъ, но видимо бѣсился. Онъ нарушилъ свое молчаніе только для того, чтобы сълѣпнѣйшимъ образомъ отстаивать *вотчинную полицію* и вотчинныя права помѣщиковъ, (разумѣя конечно, подъ этимъ розги, сѣченье, и проч.). Гагаринъ, разумѣется говорилъ въ пользу своего мнѣнія о добровольномъ соглашеніи, *безъ надѣла*. Рибопьеръ, который въ салонахъ ораторствовалъ очень бойко *противъ* положенія, въ совѣтѣ поджалъ хвостъ и промолчалъ все время. Долгорукій (изъ III Отдѣл.), тоже не осмѣлился нападать на освобожденіе, хотя душевный врагъ его. Но всѣхъ лучше отличился Игнатьевъ, тупой, зачерствѣлый сержантъ и придворный холопъ, который и здѣсь не упустилъ случая выказать дурацкія свои склонности. Онъ вдругъ замѣтилъ, что Редакціонная комиссія многое пропустила, или не дочитала, въ доставленныхъ ей съ разныхъ сторонъ замѣ-

чанихъ. Въ доказательство онъ представилъ свои замѣчанія, гдѣ исчислялъ то, что по его мнѣнію, пропущено: самый важный пунктъ былъ тотъ, что Редакціонная комиссія забыла прибавить къ церковнымъ праздникамъ, (въ которые крестьяне не работаютъ) *праздники царскіе*. Государь посмотрѣлъ на него съ невыразимымъ презрѣніемъ, поразившимъ все собраніе, и сказалъ: “это къ дѣлу не относится.” Наконецъ, приступили къ собиранію голосовъ. По главному вопросу “о надѣлѣ,” оказалось только 15 за добровольное соглашеніе (безъ обязательнаго надѣла), да изъ нихъ 7 объявили, что если государь не утвердитъ этого начала, то они перейдутъ къ мнѣнію объ оставленіи существующихъ надѣловъ. За тѣмъ, 13 голосовъ оказались въ пользу мнѣнія Муравьева, т. е. за мѣстную повѣрку цифръ надѣла. Остальные 17 голосовъ объявили себя безусловно за проектъ положенія. Такимъ образомъ въ результатѣ вышло, что если принимать 7 голосовъ (изъ 15 за добровольное соглашеніе), объявившихъ, что они перейдутъ, то *большинство въ пользу проекта въ этомъ засѣданіи состоитъ изъ 37 голосовъ*, (такъ какъ 13 голосовъ за предварительную повѣрку, въ сущности разнятся отъ 17 голосовъ не въ началѣ, а въ способѣ исполненія).

Противъ проекта было 8 голосовъ.

Дальнѣйшія засѣданія государственнаго совѣта (уже подъ предсѣдательствомъ Блудова, такъ какъ дѣло пойдетъ уже о деталяхъ), будутъ по четыре раза въ недѣлю.

P.S. На другой день засѣданія государь былъ очень веселъ и многимъ рассказывалъ о томъ, что и какъ происходило и что онъ говорилъ. Министры увѣряютъ, что они никогда не видали государя столь величественнаго, смѣлаго и рѣшительнаго вида, какъ въ этихъ двухъ засѣданіяхъ, и особенно въ засѣданіи госуд. совѣта. По всему видно, что государь давно ждалъ нынѣшнихъ дней, которые давно уже называетъ главными днями своей жизни, и серьезно приготовился къ нимъ. Въ залу государь вошелъ съ Блудовымъ, за ними шли Бутковъ и статсъ-секретари, докладывавшіе по этому дѣлу. Всѣ же члены были уже собраны въ залѣ.

При подписаніи протокола главнаго комитета, за проектъ были: в. к. Константинъ Николаевичъ, Панинъ, Блудовъ, Ланской, Чевкинъ и—Адлербергъ, (который, однакоже, до самой минуты подписанія протокола былъ *противъ* проекта и *противъ* освобожденія). Подписались въ комитетѣ *противъ* проекта: *Долорукій, Княжевичъ, Муравьевъ, Гагаринъ.**

Къ числу сильно говорившихъ противъ надѣла принадлежатъ также *Анненковъ* (контролеръ). Игнатьевъ предлагалъ въ комитетѣ 26 Января, чтобы во время засѣданія 28 Января былъ поставленъ передъ государств. совѣтомъ баталіонъ солдатъ. (Вѣроятно за тѣмъ, чтобы затѣять какую нибудь драку и изъ нея сочинить бунтъ, думая хотя этимъ запугать государя).

* Объ второмъ засѣданіи (30 Января) мы, покуда, успѣли узнать только, что Ковалевскій хорошо говорилъ въ пользу проекта. Сухозанетъ, разумѣется, въ числѣ 13.

— Вторая часть *Сборника матеріаловъ, о дѣлѣ освобожденія крестьянъ*, вышла въ Берлинѣ у Шнейдера. Она также превосходно и умно составлена, какъ первая. Эта книга останется многознаменательнымъ историческимъ документомъ.

— Въ скоромъ времени выйдетъ у и. Трюбнера и К-ни. **СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА** ЛЮДВИГА ФЕЙЕРБАХА. *Переводъ сдѣланъ со втораго исправленнаго изданія Филадельфомъ Феомаховымъ.*

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА

КНИЖКА VI. ВЫЙДЕТЪ КЪ 15 МАРТА.

СОДЕРЖАНІЕ: Воспоминанія о К. Рылѣвѣ В. Бестужева. — Письма К. Рылѣва къ А. Пушкину; Письма М. Лунина къ сестрѣ. Кронверкская куртина (изъ записокъ Декабриста). Подробности о казни пяти Мучениковъ (со словъ очевидца). Письма А. Пушкина. Материалы для біографіи А. Пушкина. Письмо П. Я. Чаадаева (изъ Телескопа). Стихотвореніе Печерина. Николаевская цензура. Проповѣдь при Николаѣ.—Былое и Думы Искандера Отрывки изъ III части; Село Покровское; Изъ IV и V части; Еще разъ Маццини и Гарibaldi; Эмиграція; Rater Pecherin; Робертъ Оуэнъ.— В. Огарева Стихотворенія;—Кавказскія воды (Отрывокъ).

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 94.

15 МАРТА 1861.

У Трибнера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—ДУХУ НЕ ДОСТАЛО!—VIVAT POLONIA!—Присяжные повѣренные—Статсъ-Секретарь Каряцкіи—

Плугъ уступаетъ эксельбаутъ—Мадаме Шпейеръ—15 Марта послѣднія новости.

ДУХУ НЕ ДОСТАЛО!

Отложили!... Зачѣмъ?... Неужели въ самомъ дѣлѣ по случаю масляницы?—что за пансіонскія затѣи! Развѣ они не знаютъ что между кубкомъ и губами есть всегда мѣсто бѣдѣ.

Эта отсрочка, это ожиданіе — сверхъ силъ человѣческихъ; тоска, тоска и страхъ! Еслибъ было возможно, мы бросили бы все и поскакали бы въ Россію. Никогда не чувствовали мы прежде, до какой степени тяжела жертва отсутствія. Но выбора нѣтъ! потерянный вдали ведетъ, мы не можемъ безъ смѣлы оставить нами самими избранный постъ и желали бы только, чтобъ помянулъ насъ кто нибудь въ день великаго пароднаго воскресенія.

Зачѣмъ русскіе, которые могутъ ѣхать и живутъ безъ дѣла скучая и зѣвая въ Парижѣ, въ Италіи, въ Лондонѣ... не ѣдутъ? Что за умѣренность и воздержность! Англичане ѣздили ватагами взглянуть на Гарибальди, на свободный Неаполь; а наши туристы — тянутъ канитель за границей, какъ будто обыкновенное, будничное время! Что это — эгоизмъ, неразвитіе общихъ интересовъ, разобщенность съ народомъ, недостатокъ сочувствія?

Мы разумѣется не говоримъ о дикихъ крѣпостникахъ кричащихъ въ парижскихъ кабакахъ и лупанарахъ противъ освобожденія — съ остервененіемъ, возбуждающимъ отвращеніе гарсоповъ. Этимъ чуждымъ татарамъ надобны деньги, и какими бы злодѣйствами они ихъ ни получали имъ все равно. Намъ удивляютъ люди образованные, люди скорбящіе о народѣ, вздыхающіе о его несчастіяхъ — но не на столько чтобъ побезнокоить себя, бросить привычную жизнь и явиться на лице въ дни великаго историческаго событія.

VIVAT POLONIA!

И да здравствуетъ русскій воинъ, который отказался стрѣлять въ безоружныхъ,* не смотря на приказъ какого-то спадасина Заблоцкаго!

Передъ этимъ великимъ гражданскимъ подвигомъ мы съ умиленіемъ склоняемъ голову.

Не думалъ вѣроятно Заблоцкій, совершая преступленіе, что онъ совершилъ историческое событіе. Его залпъ разбудилъ многихъ, онъ показалъ какія звѣринныя возможности гнѣзятся и живутъ пританчившись въ кавернахъ зимняго дворца, и какія инструкціи даны полубезумнымъ и полутатарскимъ намѣстникамъ и баскакамъ. И не это одно обличилъ наибольшій царскихъ убійць. Онъ обличилъ, что ихъ время миновало, что русскій офицеръ пересталъ быть рабомъ, палкой, штыкомъ въ рукахъ Заблоцкихъ, и другихъ негодяевъ, выслуживающихся кровію невинныхъ жертвъ. Отказавшійся исполнить преступный приказъ *спасъ честь Россіи!* Ему слѣдовалъ тотъ Георгій, который на смѣхъ общественному мнѣнію и въ поруганіе статута, брошенъ эксъ - королю неаполитавскому, не за взятіе крѣпости — а за сдачу ея.

Вѣроятно герой этотъ погибнетъ за Польшу, какъ погибъ *Каравасовъ* за Конарскаго. Дайте намъ его имя, чтобъ мы могли святить его, чтобъ мы могли записать его въ наши святцы!

Съ безконечной гордостью видимъ мы, что мы не ошиблись въ упованіи нашемъ на молодыхъ офицеровъ. Съ гордостью видимъ, какой огромный успѣхъ сдѣлало нравственное развитіе съ 1831 и 1849 г. Тогда, офицеры не выходили изъ рядовъ, не подавали въ отставку; но иногда раскаявались *потомъ* — получивши крестъ и чинъ; это легкое и дешевое раскаяніе мы нѣсколько разъ сами слышали отъ участниковъ въ венгерской кампаніи.

Не таковы офицеры закаленные въ Севастополѣ — не таковы молодые товарищи ихъ. Они поняли, что довольно усмирили *своихъ и чужихъ*; они почувствовали, что николаевскіе лавры вышли на нашемъ лбу, какимъ-то каторжнымъ клеймомъ и хотятъ стереть его.

* "Теймсъ" 14 Марта подробно рассказываетъ, какъ офицеръ или сержантъ, которому Заблоцкій велѣлъ командовать палубу — отказался и вышелъ изъ рядовъ, а солдаты стрѣляли на воздухъ.

И—ръ.

Гибнущіе братья-искупители! тяжела ваша участь; но идите въ арестантскія роты, въ крѣпости, казематы, на смерть — только не убивайте ни поляка, который хочетъ быть самимъ собой, ни крестьянина требующаго свободы.

Напомните нашимъ войнамъ въ Польшѣ, что мы имъ говорили въ 1854 году.*

“Ваша участь всѣхъ хуже: Товарищи ваша въ Турціи солдаты, вы въ Польшѣ будете палачами. Ваши побѣды покроютъ васъ позоромъ, вамъ придется краснѣть вашей храбрости. Родная кровь трудно отмывается, не берите вторично грѣха на душу, не берите еще разъ на себя названіе Каина. Оно пожалуй останется на всегда при васъ.

“Знаемъ мы что вы не по доброй волѣ пойдете на поляковъ, но въ томъ-то и дѣло, что пора вамъ имѣть *свою* волю. Не легко неволить десятки тысячъ людей, съ ногъ до головы вооруженныхъ, еслибъ между ними было какое нибудь едиподушіе...

“Разъ—не помню въ какой губерніи—когда вводили новое управленіе государственныхъ имуществъ, крестьяне взбунтовались, какъ почти во всѣхъ губерніяхъ было. Привели войска, народъ не расходился. Генераль пошумѣлъ, да и велѣлъ солдатамъ ружья зарядить; тѣ зарядили, думая что это для острастки; народъ все не шель. Тогда генераль далъ знакъ полковнику чтобъ онъ велѣлъ стрѣлять, полковникъ скомандовалъ, солдаты приложились—и не выстрѣлили.— Оторопѣлый генераль подкакалъ къ фрунту: “шай, пли!”..... солдаты опустили ружья и неподвижно остались на своемъ мѣстѣ.

“Что же вы думаете было съ ними?—равно ничего. Генераль и начальство такъ перетрусилась, что дѣло замяли.

“Вотъ вамъ опытъ вашей силы.

“Поглощеніе Польши царской Россіей—нелѣпость, насиліе; насиліе очевидное по количеству войска, которое стоитъ въ Польшѣ съ 1831 года. Естественное ли это дѣло что черезъ 23 года правительство не смѣетъ вывести одного полка изъ Польши, не замѣнивъ его сейчасъ другимъ?

“Всѣ эти грубыя, насильственные соединенія ведутъ не къ единству, а увѣковѣчиваютъ ненависть. Что Ломбардія и Венгрія стали австрійскими? Или Финляндія русской? Однимъ балтійскимъ нѣмцамъ пришлось по вкусу Голштейнъ-татарское управленіе, такъ что они первые послали дѣтей своихъ защищать православную церковь, съ лютеранской библіей въ карманѣ.

“Вы не русской народъ защищаете въ Польшѣ. Русской народъ не проситъ васъ объ этомъ, при первомъ пробужденіи своемъ онъ отрѣчется отъ васъ и проклянетъ ваши побѣды. Вы въ Польшѣ защищаете неправо царское притязаніе.

“*На Польской землѣ не растутъ лавры для Русскихъ воиновъ*, она слишкомъ облита женскими слезами и мужескою кровью, пролитыми по вѣпѣ вашихъ отцовъ—васъ самихъ можетъ быть; на берегахъ Вислы, близъ Прагскаго кладбища и на кладбищѣ Воли... нѣтъ боевой славы для васъ. На нихъ васъ ждетъ иная слава—слава примиренія и союза!

“Что и какъ дѣлать; вы узнаете когда придетъ время. Исполнитесь въ ожиданіи событій истиною нашихъ словъ и присягните во имя всего святаго вамъ—*не поднимать оружія противъ Польши!*

* Два года тому назадъ Przegląd rzeczy Polskich спрашивалъ почему мы не перепечатаемъ нашего воззванія, мы отвѣчали ему: “Развѣ есть возстаніе въ Польшѣ, развѣ русскіе приготовляются къ отбору? Зачѣмъ угрожать людямъ не поднимать оружія, когда оно спокойно стоитъ въ сошкахъ?”

“Эту присягу требуетъ не царь, а совѣсть народная. народное раскаяніе и если васъ ждетъ самая гибель за это—она свята, вы падете жертвой искупленія и вашей мученической кровью запечатлѣтся неразрушимый, свободный союзъ Польши и Россіи, какъ начало вольнаго соединенія всѣхъ Славянъ *въ единое и раздѣльное Земское Дѣло!*”

Говорятъ что Александръ II хочетъ поступить *великодушно*. Это очень хорошо, но по несчастію тутъ нѣтъ мѣста великодушію. Что за рабское смѣшеніе понятій. Прощенія подобно ему просить у Польши, передъ лицомъ всего свѣта, за кровь пролитую въ Варшавѣ, за то что у него звѣри между гопералами. Подобно быть справедливымъ, а не великодушнымъ!

Быть виноватымъ, и прощать, что за вѣчная ложь и лесть! Время этихъ фантазмагорій миновало, да и многого другаго. Русскіе офицеры отказываются стрѣлять въ польскихъ братьевъ. Польскіе выходцы, собравшись при первой вѣсти о движеніи въ Варшавѣ, въ Виттингтонскомъ клубѣ, начали съ того, что еще разъ засвидѣтельствовали, не только отсутствіе вражды къ русскому народу, но сочувствіе съ нами. “Мы, сказалъ въ своей рѣчи г. Бенъевскій, — *мы разстанемся съ ними дружески, безъ вражды, какъ два брата, которыхъ рука тюремщика сковала въ общія цѣпи, и которые стали въ тягость другъ другу, потому именно, что они были скованы омыслью*. Намъ нужно разстаться, чтобы вздохнуть свободно, чтобы расправитъ ошѣмѣвшіе члены.”

Они совершенно правы, намъ *надобно растаться* для того чтобъ иначе посмотрѣть другъ на друга, чтобъ свободно подать другъ другу руку.

Мы много разъ говорили о будущемъ союзѣ всѣхъ Славянскихъ племенъ, мы и теперь вѣримъ въ него, но теперь *на череду не этотъ вопросъ*: ближайшее будущее, наступающее историческое дѣло Славянскаго міра—*государственная самобытность Польши и соединеніе отрѣзанныхъ частей ея*.

И какъ величественно начала Польша свое новое воскрешеніе, *если въ самомъ дѣлѣ* въ засѣданіи *Земледѣльческаго Общества* въ Варшавѣ, польскіе помѣщики рѣшили отдать крестьянамъ полный надѣлъ земли!

Первый актъ возстановленія Польши долженъ былъ быть актомъ очищенія передъ земледѣльцемъ, актомъ искупленія, покаянія, справедливости. Надобно было доказать обдѣленному народу, что онъ не забыть, что на этотъ разъ идетъ дѣло *общее*, земское, дѣло всей Польши, а не *одной шляхты*.

Сила народа въ землѣ. Мы не вѣримъ больше въ перевороты: аристократическіе, муниципальные, военныя и статскіе, т. е. не вѣримъ въ ихъ прочность; то только прочно, что запахано въ землю, то взойдетъ плодотворно, что посеяно на нивѣ, что выросло на свѣжемъ воздухѣ полей и лѣсовъ. Не для народа то, что идетъ черезъ голову крестьянина, что съ трескомъ и пылью проѣзжаетъ мимо деревни, какъ курьеръ, не останавливаясь. Мы придаемъ величайшее значеніе рѣшенію польскихъ помѣщиковъ. На этомъ святомъ актѣ справедливости и гражданскаго совершеннѣтія мы привѣтствуемъ ихъ.

— Какъ *русское* правительство поступитъ? Трудно сказать, потому что въ Петербургѣ нѣтъ русскаго правительства. Изъ

русских тамъ одинъ Александръ Николаевичъ, а известное дѣло—одинъ въ полѣ не ратникъ.

Бѣда наша въ томъ, что вся эта богадѣльня эполетъ, чающихъ движенія воды, несмысленныхъ стариковъ совѣта, сенаторовъ за негодность на всякую другую службу и проч. состоитъ изъ нѣмецко-русскихъ татаръ. Чисто русское въ нихъ только—невѣжество, привычка драться и говорить ты.

Правительство на нѣмецкій манеръ никогда не пойметъ, что для Россіи, *сильная, независимая Польша, какъ союзница*, гораздо выгоднѣе, чѣмъ Польша четвертованная, оскорбленная, ненавидящая.

Познань и Галиція — это Четвероугольникъ съ другой стороны, это *нѣмецкая* военная граница, а не русская; но петербургскіе нѣмцы не понимаютъ разницы между русскимъ и прусскимъ — однихъ господъ.... а въ Австріи, венгерцы шалили въ 49-мъ, такъ *наши* господа посылали ихъ унимать...

И вотъ почему у насъ нѣтъ ни малѣйшаго довѣрія къ такту, къ пониманью нравственныхъ калекъ, пасущихъ Россію; а въ ихъ готовность наказывать, пытаться, ссылать, мы безусловно вѣримъ—они, всю жизнь, дѣлали одно и тоже.

Пренія по крестьянскому вопросу, въ которыхъ Александръ боролся съ цѣлой стаей жадныхъ крѣпостниковъ и кончилъ тѣмъ, что ихъ побилъ, подняли снова его акціи. И намъ иной разъ хочется ему сказать: будьте откровенно *русскимъ* на одинъ мѣсяць, и вы будете знать какъ слѣдуетъ поступить съ Польшей и какъ довершить начатое вами; вамъ это легко, дайте волю себѣ. Въ душѣ вы русскій—оттого вамъ стало жаль мужика и двороваго, оттого вы хлопотали, чтобъ у крестьянина осталось землицы. Старики изъ нѣмцовъ и татаръ никогда не жалѣютъ русской народъ. Вы видѣли какъ они шипѣли противъ васъ въ совѣтѣ, вы видѣли, какъ ваши собственные министры измѣнили вамъ. Вамъ мѣшаетъ ложный стыдъ, предразсудки, воспитаніе, мы все это знаемъ... одно усиліе.... вы освобождаете крестьянъ отъ старыхъ помѣщиковъ—освободите отъ нихъ и себя!

Свободная Польша исторгнетъ Россію изъ нѣмецкихъ объятій. Разставшись съ нею, Русь пойдетъ мирно и вольно къ своему будущему, пойдетъ не дипломатическими закоулками, не международными грабежами, не канцелярскими уловками Остермановъ и Нессельродовъ—а открытой, столбовой гатью развитія и свободы!

П—ръ.

по поводу проекта положенія

ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.

(Продолженіе).

О томъ, чтобъ адвокатура въ Англіи сдѣлалась слугой административной централизаціи—не можетъ быть и рѣчи; правительство не выросло въ центральную власть, а сложилось только въ исполнительную власть при парламентѣ; центр — законодательная власть двухъ высшихъ сословій, феодальнаго и купеческаго, соединенныхъ въ общее сословіе собственниковъ; дѣло адвокатуры — дѣло собственниковъ. Пятислойная цивилизація прошла черезъ исторію народа островитянина, у котораго, можетъ быть, самая географическая замкнутость вызвала физиологическій характеръ замкнутости въ самомъ себѣ и личной самостоятельности. Все историческое стремленіе шло на отстаиваніе существующихъ

правъ, на приращеніе новыхъ безъ утраты прежнихъ. А отстаивать приходилось многое. Каждый новый завоеватель натѣкался уже на известное отношеніе феодальнаго слоя къ народному. Что не сливалось съ новымъ феодальнымъ наплывомъ, строилось въ сильное сословіе между нимъ и народомъ. Право примогенитуры стало выдѣлять въ это сословіе младшихъ сверху, а снизу примыкали къ нему изъ среды черни наиболѣе талантливые и наиболѣе богатые. Земельное владѣніе распредѣлилось своеобразно: феодализмъ захватилъ землю въ собственность, горожанство въ пользованіе посредствомъ *найма и контракта*. Бездомный народъ, безъ земельной собственности и безъ средствъ нанимать землю,—пошелъ въ батраки. Дѣломъ горожанства съ самаго начала было отстаивать *права контракта*; дѣломъ феодализма отстаивать собственность разъ навсегда мечемъ приобрѣтенную; они могли спорить между собою, но усиленіе королевской власти не лежало въ выгодахъ ни одной изъ сторонъ. Судъ долженъ былъ развиваться изъ незыблемости контракта, а слѣдственно и адвокатура возникла въ рядахъ средняго сословія. Она не началась съ защиты правъ церковныхъ, потому что католическая церковь никогда не имѣла на островѣ той силы, какую имѣла на материкѣ. Норманское завоеваніе не осилило англо-саксонскаго обычнаго права и отвращенія отъ папскаго вмѣшательства въ дѣла острова. Common-law былъ признанъ Вильгельмомъ-завоевателемъ. Стало судъ, хотя бы и принялъ нѣкоторыя формы римскаго права, частію латинскій языкъ въ законодательствѣ и судопроизводствѣ, частію языкъ завоевателей, т. е. французскій языкъ,—но развиваться онъ могъ только на основаніяхъ обычнаго права; это обусловливало стремленіе подчинить гражданскія дѣла церкви обычному закону. Наивное англо-саксонское common law едва ли имѣло понятіе объ адвокатурѣ; каждый говорилъ за себя, являясь въ судъ съ своими родственниками и поручителями. Съ норманскимъ завоеваніемъ атторней явились какъ повѣренные, прикащики (procuratores) лордовъ, но не прошло ста лѣтъ, какъ они уже являются повѣренными вообще отъ тяжущихся, судомъ признанными (XII столѣтіе, Генрихъ II). До XII столѣтія изученіе права, какъ грамотность вообще, производится въ монастыряхъ (отсюда названіе клерка), но съ начала XII столѣтія правовѣденіе переходитъ въ духовныя академіи и коллегіи, которыя постепенно размножаясь и примыкая къ судамъ, уже въ первой половинѣ XIII столѣтія образуются въ inns of court, т. е. въ спеціальныя юридическія школы и коллегіи подъ наблюденіемъ судебныхъ властей. Съ этихъ поръ вліяніе inns of court постоянно растетъ по мѣрѣ того, какъ, съ усложненіемъ отношеній, англо-саксонское common law Эдуарда исповѣдника все менѣе и менѣе удовлетворяетъ общественнымъ потребностямъ и законодательство усложняется римскимъ правомъ (civil law), и новыми писанными узаконеніями (Statut law). Постоянное отсутствіе кодификаціи, при сложности накапливающихся новыхъ статутовъ, не отмѣняющихъ статутовъ предшествующіе, сдѣлаетъ изученіе законовъ все менѣе и менѣе доступнымъ для публики и слѣдственно усилятъ необходимость въ адвокатурѣ, ея значеніе и силу, ея организацію въ касту. Между тѣмъ исходная точка отношеній двухъ высшихъ сословій между собою и къ рабочему классу—*наемъ и контрактъ* разовьется въ многосложную тѣнь; къ какому же

послѣдствію придетъ право, принявъ за основаніе всемогущество контракта? Въ чью пользу можетъ дѣлаться контрактъ? Безъ сомнѣнія въ пользу *меньше нужды имущаго*, потому что *больше нужды имущій* согласится на *меньше выгодныя* условія. Слѣдственно законодательство разовьется въ пользу собственности, а адвокатура въ касту, при двухъ кастахъ, соединенныхъ въ общую касту собственниковъ. Правовѣденіе вышедъ изъ подъ вліянія монастырей и не примкнувъ къ схоластикѣ средневѣковыхъ университетовъ, въ XIV столѣтіи избавить судопроизводство отъ латыни и французскаго языка, замѣнивъ ихъ англійскимъ; но это сдѣлается не ради простаго народа, а ради удобства средняго сословія; законодательство же станетъ до такой степени поддерживать преимущества собственниковъ, что статутомъ о земледѣльцахъ, въ самомъ началѣ XV столѣтія (при Генрихѣ IV), отнимется у земледѣльца право отдать въ ученье (мастерство). въ городъ или посадъ (borough), сына или дочь, иначе, какъ если у него есть земля или рента въ 20 шиллинговъ годоваго дохода; а если мастеръ возьметъ ученика изъ семьи низшаго разряда, то заплатитъ 100 шиллинговъ штрафу. Въ это же время, когда среднее сословіе стало такъ сильно, что проводитъ черту между собою и народомъ, адвокатура уже разрослась до тяжести, такъ что платы разнымъ дѣлопроизводителямъ при судахъ опредѣляются статутомъ; но это не помѣшаетъ ея росту, она слишкомъ въ интересахъ собственниковъ. Въ послѣдней половинѣ XV столѣтія (Эдуардъ IV) къ четыремъ главнымъ inns of Court (hospitia curiae), изъ которыхъ въ каждомъ было до 200 студентовъ, прибавилось десять малыхъ hospitia cancellariae, inns of chancery, изъ которыхъ въ каждомъ было болѣе 100 студентовъ. Студенты раздѣлялись на учениковъ и serjeants of law. Изъ serjeants of law составляется совѣтъ королевскій, назначаются судьи въ king's bench и common pleas; они носятъ особаго рода шапку и не снимаютъ ее въ присутствіи короля. Ученики становятся дѣйствительными адвокатами по судамъ (apprentices ad bargas). Среднее сословіе усиливается судебнымъ значеніемъ парламента, котораго судъ надъ Duke of Clarence понадобился Ричарду III, и Генрихъ VII вынужденъ статуировать для бѣдныхъ людей бесплатное судопроизводство съ даровымъ адвокатомъ; но это усиливаетъ важность адвокатуры, нисколько, частными случаями, не вредя сословіямъ собственниковъ, къ тому-же ростъ адвокатуры—ихъ ростъ, ея они захватятъ всѣ суды. Распространеніе англійскихъ законовъ въ не-англійскихъ областяхъ королевства, замѣна латыни и французскаго языка англійскимъ въ самомъ законодательствѣ, все способствуетъ ея росту; наконецъ въ XVI столѣтіи съ католичествомъ окончательно падаетъ церковное право и церковный судъ и адвокатура становится единственнымъ властелиномъ суда. До сихъ поръ росла и королевская власть; она шла объ руку съ развитіемъ средняго сословія и адвокатуры; нигдѣ для нее, не могло быть такъ легко разбить католицизмъ и ввести протестанскую реформу какъ въ Англии, гдѣ адвокатура, стоявшая въ главѣ средняго сословія, но ненарушавшая право земельной собственности феодальной, не могла достигнуть полномасштабна въ судѣ иначе, какъ съ паденіемъ суда церковнаго. Но за то королевская власть должна была лопнуть при попыткѣ воротиться къ католицизму. Она и лопнула. Революція и реакція колебались около полустолѣтія; но независимость отъ иностранной

церкви и отъ королевскаго деспотизма были выиграны. Конституція утвердила власть парламента, составленнаго изъ представителей собственниковъ земли и собственниковъ капитала. Sommerset house, для построенія котораго реакція разрушила столько inns of Court, снова соединилъ ихъ въ себѣ. Адвокатура всплыла надо всѣмъ и окончательно захватила всѣ суды въ свое полномасштабное распоряженіе. Чѣмъ же, какой доктриной, — она такъ драгоценна для союзной касты собственниковъ? Развитіемъ *силы контракта*, который естественно совершается въ пользу имущаго и во вредъ неимущаго, всегда вынужденнаго согласиться на невыгодныя условія, такъ что въ этомъ развитіи есть своя іерархическая постепенность наверху: богатый землевладелецъ, не нуждающийся въ невыгодныхъ условіяхъ, вовсе нестѣсненъ силой контракта для него полезнаго; внизу—трудоу наймникъ совершенно стѣсненъ ею.

Въ наше время адвокатура въ Англии хозяйинъ суда. Пятнадцать судей королевства назначаются королевой изъ среды serjeants of law, serviens ad legem. Изъ среды этихъ судей (chief justice) назначается Лордъ канцлеръ. Они переходятъ въ потомственное лордшипство. Наверху адвокатура сливается съ феодальной кастой.

Двадцать семь полицейскихъ судей въ Лондонѣ назначаются изъ адвокатовъ—barristers. Барристеръ, атторней и соллиситоръ—три разряда адвокатовъ. Барристеръ утверждается послѣ вѣкотораго срока нахождения при inns of court. Это, послѣ serjeants of law высшая степень для адвоката, говорящаго передъ судомъ. По закону онъ не имѣетъ права на плату съ кліента, потому что эта плата — не плата, а благодарность (fees which are given not as a salary or hire, but as a gratuity); плата для барристера была бы унижительною. По съ другой стороны кліентъ, заплативши эту благодарность, не имѣетъ права требовать ея возврата и преслѣдовать барристера въ случаѣ небрежности или незнанія въ веденіи дѣла, или въ случаѣ, когда барристеръ даже совсѣмъ не занялся дѣломъ, за которое уже получилъ благодарность (nor even if he fail to attend to argue a cause for which he has received a fee.). Атторней получаетъ съ кліента обязательную плату (extra charges) сверхъ расходовъ по дѣлу. Онъ утверждается по экзамену назначенному судьями въ court of chancery, если онъ былъ пять лѣтъ клеркомъ у атторнея или соллиситора, или три года, но съ дипломомъ университетскаго бакалавра и присягаетъ на званіе въ томъ, что "будетъ вести себя какъ прилично атторнею (demean himself properly as an attorney). Соллиситоръ ведетъ дѣло также за обязательную плату отъ кліента. Атторней по закону *обязанъ быть безкорыстенъ, но за ошибку не отвѣчаетъ*. За десять миль отъ королевскаго мѣноваго двора (royal exchange) въ Лондонѣ атторней или соллиситоръ могутъ быть маклерами. Адвокатура, вверху владея судомъ, снизу захватываетъ и нотариатъ.

Остается мировой судъ на первой взглядъ внѣ адвокатуры, т. е. занять должность мирового судьи адвокатъ не имѣетъ права; но за то, — кромѣ трехъ епископовъ (bishop of Ely, archbishop of York и bishop of Durham) назначенныхъ парламентскимъ актомъ, и лорда майора и chief officers въ корпоративныхъ городахъ, назначаемыхъ королевской подписью съ большою печатью, — всѣ остальные мировые судьи назначаются лордомъ канцлеромъ, т. е. судьей президентомъ court of chancery, который, какъ уже мы сказали, назначенъ

королевой изъ среды sergeants of law. Стало и назначеніе мирового судьи во власти адвокатуры. Мировой судья долженъ или имѣть помѣстье въ 100 фунтовъ годоваго дохода, незаложенное (clear of encumbrance), или капиталъ въ 300 фунтовъ дохода. Ценсъ этотъ очевидно составляетъ условіе, доказывающее, что судья человѣкъ обеспеченный и свободный; нѣкоторые даже думаютъ, что назначеніе судьи выше, а не по выбору, даетъ судѣ характеръ свободного человѣка, что иначе ему приходилось бы судить неправо изъ лести передъ своими избирателями. Да—если бы судья избирался не всѣми въ округѣ, а отдѣльнымъ сословіемъ; нѣтъ—если избирается всѣми, потому что всѣмъ льстить все тоже что никому. Но тутъ замѣчательно, что мировой судья, назначаемый высшей властью въ адвокатурѣ, которая составляетъ касту при кастѣ, сверхъ того и по ценсу представляетъ интересы или земельныхъ собственниковъ или капиталистовъ, и что онъ въ сущности не льститъ своему сословію, а просто естественный представитель его сословныхъ интересовъ. Назначеніе высшихъ судей правительствомъ не представляетъ въ Англіи никакой опасности для гражданской свободы. Правительство отнюдь не административная централизація, а исполнительная власть при законодательствѣ, судѣ и адвокатурѣ собственниковъ; всякое назначеніе судьи правительствомъ равняется въ своемъ внутреннемъ смыслѣ—назначенію, сдѣланному властью сосредоточенной собственности. Судъ всегда стаетъ за одно съ правительствомъ въ случаяхъ гдѣ надо рѣшить въ пользу собственности, и никогда въ случаяхъ, гдѣ правительство вздумало бы на волосъ стѣснить права или свободу собственниковъ. Во время суда надъ Митчелемъ, т. е. надъ движеніемъ противнымъ интересамъ собственниковъ, судъ подчинился вліянію правительства, не потому что дѣло происходило въ Ирландіи, а потому что чартистское движеніе опасно для привилегій собственниковъ. Въ этомъ дѣлѣ, изъ 4,570 именъ въ росписи присяжныхъ, было 2,965 католиковъ и 1,635 протестантовъ; шерифъ, по вліянію правительства, отмѣтилъ 150, въ числѣ которыхъ только 28 католиковъ; attorney general изъ 150 вычеркнулъ 39 и въ числѣ этихъ 39ти — 18 католиковъ; такимъ образомъ въ католической странѣ не было допущено католическое жюри. Ни судъ ни адвокатура не протестовали противъ такого безсудія, потому что дѣло шло объ огражденіи сословныхъ привилегій собственниковъ отъ требованій бездомной массы населенія. Иначе шло дѣло Бернара, гдѣ правительственная дипломатія угрожала національной самостоятельности; или въ дѣлѣ Трулова и Тхужевскаго, гдѣ правительство угрожало свободѣ печати, т. е. главному признаку политической свободы, такъ твердо и упорно, такъ величаво выработанной тѣмъ же сословіемъ собственниковъ.

Дѣло Митчеля было уродливымъ исключеніемъ. Подготовка присяжныхъ не въ обычаѣ, и вся живая сторона правосудія содержится — не въ ученюмъ сословіи адвокатовъ, а въ невѣжественномъ жюри, потому что живое дѣло въ здоровомъ опредѣленіи факта. Въ сущности ни правительству, ни адвокатурѣ, ни самимъ собственникамъ нѣтъ никакой выгоды осудить за убійство или кражу человѣка не убившаго и не укравшаго; напротивъ англійскій судъ не нападаетъ на преступника съ злобою хищнаго звѣря или французскаго прокурора; онъ даетъ преступнику все средства оправдаться. Судъ очень хорошо знаетъ, что большія преступленія—исключенія

въ общественной жизни и не нарушаютъ общаго заведеннаго порядка; ихъ важность только въ ихъ необычности, необыденности, которая приковываетъ къ происшествію все вниманіе публики, т. е. рода людскаго, страстнаго охотника до зрѣлищъ и сплетни. Но потомъ идутъ преступленія помельче, на которыя вниманіе публики обращено равнодушно, даже съ мимоходной улыбкой, а между тѣмъ они-то всего больше колятъ глаза заведенному порядку. Сюда относятся—кража платка изъ кармана, или хлѣба изъ булочной, пищенство и т. п. За то эти преступленія совершаются ежедневно; тутъ уже большей частью присяжныхъ вовсе не назначается и мировой судья рѣшаетъ самъ, рѣшаетъ на высшее или очень сильное наказаніе въ предѣлахъ своей власти т. е. до 5 фунтовъ штрафа или до 6 мѣсяцевъ тюрьмы, рѣшаетъ со всей нравственной строгостью человѣка, рукоположеннаго адвокатурой изъ среды собственниковъ. Конечно подсудимый въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ право апелляціи; у него только не достаетъ средствъ заплатить за производство дѣла въ высшемъ судѣ, и слѣдственно апелляція невозможна. За тѣмъ слѣдуютъ тѣ преступленія, которыя въ кодексахъ всѣхъ народовъ отнесены не къ уголовному судопроизводству, а къ гражданскому, на пр. захватъ чужой собственности, какъ-то, дѣла по неправильному завладѣнію или по неправильному наслѣдству, гдѣ или истецъ хочетъ захватить чужую собственность, или отвѣчикъ захватилъ ее; тутъ, конечно, на половину можетъ быть недоразумѣніе, отъ этого оно и относится къ гражданскому судопроизводству, а на половину преднамѣренная несправедливость одной изъ сторонъ, кража, прикрытая именемъ недоразумѣнія въ дѣлахъ по движимой собственности, или, въ дѣлахъ по недвижимой собственности, мнѣніемъ, что захватъ будто-бы не кража. Словомъ дѣла спорныя, процессъ. Это, какъ и вездѣ, пожива адвокатуры; но въ Англіи трудность отыскать title, т. е. документъ на владѣніе, и дороговизна процесса даетъ адвокатурѣ возможность узаконенныхъ громадныхъ поборовъ и возможность вести дѣла въ безконечность. Лордъ Броумъ приводитъ свидѣтельство одного изъ именитыхъ солиситоровъ, который, по тщательномъ и многочисленномъ розыскѣ, не нашелъ ни одного спорнаго дѣла по товариществамъ, которое когда либо разъ—поступивши въ адвокатскую контору — вышло изъ нея оконченнымъ. Каста собственниковъ охотно терпитъ въ этихъ случаяхъ законный грабежъ адвокатуры, потому что рѣшеніе въ пользу Петра или Ивана не разрушаетъ касты; но за то человѣкъ изъ песобственниковъ не рѣшится начать процесса, какъ бы правъ ни былъ, потому что помимо адвокатуры онъ, по закону, не можетъ взять себѣ запитника, а адвокатура ему не по карману. За тѣмъ слѣдуютъ дѣла еще обыденнѣе, пажива солиситоровъ, дѣла по безспорному иску, гдѣ законодательство дало все въ пользу кредитора, и ничего въ пользу должника, у котораго описываютъ послѣднюю постель и послѣднюю простыню съ постели — все... И все это при страшной дороговизнѣ дѣлопроизводства. Самое невинное совѣщаніе съ атторнеемъ или солиситоромъ, спросъ его мнѣнія, въ дѣлѣ до 20 фунтовъ, слѣдственно ниже 20 фунтовъ, по закону стоитъ 3 шил. 4 пенс. (около 1 р. 10 коп. сер.) а въ дѣлѣ свыше 20 ф.—6 шил. 8 пенсовъ. Слѣдственно богатый человѣкъ, отыскивающий 100 или 1,000 фунтовъ охотно заплатитъ 6 шил. 8 пенсовъ за совѣтъ юриста; но человѣкъ, отыскивающий 1 фунтъ, 2 фунта не

пойдетъ платить за совѣтъ 3 шил. 4 пенса и броситъ самый правый искъ, не начывая его; а если начнетъ, то производство дѣла станетъ вдвое дороже искомой суммы.

Адвокатура играетъ, при власти собственниковъ, сосредоточенной въ Парламентѣ, ту же роль, какую Французская адвокатура играетъ при централизаціи; ей она служить и ею держится. Гражданская свобода и судъ существуютъ *de facto* только для собственника; для народа, они существуютъ формально, по буквѣ закона, а не на дѣлѣ, гдѣ они для него недоступны. Но это превосходство формальной свободы, которую сама каста собственниковъ и, ея нахлѣбница и домоправительница, адвокатура — не могутъ не признать, не разрушая самихъ себя, дѣло чрезвычайно важное. Формальная свобода разъ навсегда упрочила свободу слова и печати и свободу собраній; это огромное право говорить и собираться основало силу горожанства противъ правительства, и она же составить его слабость передъ народомъ. Парламентъ невольно дѣлаетъ уступки передъ многочисленностью народныхъ собраній, даже когда самая печать поддерживаетъ не народъ, а касту. Самый Парламентъ, прислушиваясь къ говору, врывается въ жизнь адвокатуры и обуздываетъ её, конечно, не хотя и на сколько возможно меньше. Такимъ образомъ, въ 1857 г., былъ измѣненъ законъ о разводѣ, и судебные расходы по этому предмету уменьшились на столько, что разводъ сталъ доступенъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ бѣднымъ людямъ, между тѣмъ какъ прежде, онъ былъ доступенъ только людямъ очень богатымъ. Очевидно, что со всякой уступкой въ пользу бѣдныхъ классовъ, ценъ адвокатуры долженъ будетъ понижаться и каста терять свое всемогущество. Свобода собраній и составленія обществъ выдвигаетъ, съ несовсѣмъ медленной постепенностью, кооперативныя общества работниковъ, вызванныя нуждою подъ вліяніемъ послѣдователей Оуэна. Въ 1844 г., основалось первое кооперативное общество работниковъ (общество взаимной поддержки) изъ 28 членовъ, пожертвовавшихъ на основной капиталъ по 1 фунту стерл. съ человѣка, т. е. 28 фунтовъ. Въ 1859 г. это общество считало 2,703 члена, имѣло 27,060 фунтовъ капитала и производило годового оборота на 104,000 фунтовъ.* Вообще въ 1860 г., считалось въ Англіи до 200 подобныхъ обществъ (въ Манчестерѣ, Гултѣ—и другихъ мѣстахъ), производящихъ въ три мѣсяца оборота на 141,917 фунтовъ† (т. е. на слишкомъ пятьсотъ тысячъ фунтовъ въ годъ). Рамка формальной свободы можетъ постепенно наполниться новымъ содержаніемъ, съ которымъ и большинство населенія взойдетъ въ права дѣйствительной гражданской свободы, побуждая касту развитіемъ экономической жизни рабочаго класса; но вмѣстѣ съ возрастаніемъ новаго содержанія, постепенно поблекнетъ кастовое богатство и исчезнетъ кастовая адвокатура. Несостоятельность ея передъ всякимъ развитіемъ большинства населенія подтверждается фактомъ: тоже англо-саксонское племя на новомъ материкѣ, отвергло присяжную, кастовую адвокатуру, сознавая, что она и въ старой Англіи составляетъ общественную язву; въ Соединенныхъ Штатахъ адвокатура никому не воспрещается. “Всякія обязательныя платы должны быть отброшены и каждому должно быть дозволено исполнять должность атторнея и юриста (counsellor)” — говоритъ R. W. Russel, адвокатъ изъ Циципати (America compared with England. London, 1849).

* Рѣч. Брайта 19 Іюня 1860 г.

† The Co-operator (газета издаваемая рабочими). Декабрь, 1860.

Изъ этого бѣлаго, хотя уже, можетъ быть, слишкомъ длиннаго очерка, можно заключить, что присяжная, замкнутая адвокатура есть результатъ исторической жизни; во Франціи и Англіи она развивалась объ руку съ среднимъ сословіемъ и есть *явленіе сословное*. Въ Римѣ, возникнувъ изъ патриціата, адвокатура образовалась въ замкнутую касту съ утратой гражданской свободы и усиливалась по мѣрѣ общаго паденія древняго міра. Но и въ Римѣ, и во Франціи, и въ Англіи, она могла существовать только подъ условіемъ суда словеснаго и публичнаго; иначе она не мыслима. При судопроизводствѣ письменномъ и секретномъ, она не можетъ быть явленіемъ даже сословной жизни, а только явленіемъ бюрократическимъ, канцелярскимъ, и утрачиваетъ всякое значеніе адвокатуры, сводя её исключительно на правительственное, наемное чиновничество. Такъ адвокатура учредилась развѣ только въ Германіи, выработавшей науку, или ученость о правѣ, при отсутствіи права въ жизни.

Теперь мы спрашиваемъ: изъ какихъ историческихъ неизбежныхъ данныхъ—слѣдуетъ возникновеніе замкнутой, присяжной адвокатуры въ Россіи? Выйдетъ ли она изъ стремленія дворянства устроить гражданскія отношенія въ государствѣ? Но наше дворянство всего менѣе похоже на римскій патриціатъ и, до сихъ поръ, имѣло больше поползновеній на царедворное холопство и на рабовладѣніе, чѣмъ на созиданіе государственнаго устройства. Изъ средняго сословія что-ли возникнетъ у насъ замкнутая адвокатура?... или изъ крестьянства?... Какого сословія она явится представителемъ?

Она явится представителемъ чиновничества; её хотить избрѣсти во имя чиновничества, а оно, уже и безъ того, язва для всего государства.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе въпредъ).

СТАТЬСЬ-СЕКРЕТАРЬ КАРНИЦКІЙ

и

ИНЖЕНЕРЪ КРЖЕКОВСКІЙ.

(письмо къ издателямъ)

Милостивые государи,

Въ 87 & 88 листкѣ *Колокола*, вы упомянули о томъ, какимъ образомъ князь Горчаковъ исполняетъ пропускн, оказавшіеся въ условіяхъ подряда, заключеннаго съ новымъ обществомъ для содержанія шоссейныхъ дорогъ 1 разряда въ Царствѣ Польскомъ. Вотъ нѣсколько подробностей о самомъ дѣлѣ, которое составляетъ въ настоящую минуту, предметъ всѣхъ разговоровъ въ Варшавѣ.

По *предложенію*, поданному генераломъ Смоликовскимъ, директоромъ Управления путями сообщенія въ царствѣ Польскомъ, и *поддержанному* неподкупнымъ Мухановымъ, князь Горчаковъ представилъ на высочайшее утвержденіе подрядъ, которымъ содержаніе шоссейныхъ дорогъ передавалось, на 6 лѣтъ, частному обществу, за ежегодную плату отъ казны 3,360,000 злотыхъ.

Общество это состоитъ изъ трехъ лицъ:

Магевскаго, замѣчательнаго адвоката, но неимѣющаго никакого состоянія.

Валевскаго, мелкопомѣстнаго владѣльца, успѣвшаго уже побывать, за добываніемъ золота въ Сибири.

Куржа, варшавскаго мѣщанина, разбогатѣвшаго участіемъ въ откупѣ возмутительнаго цалого на продажу мяса жидамъ.

Горчакова увѣрили, а тотъ увѣрилъ государя, что новое общество, состоя изъ почетныхъ обывателей, будетъ конечно дѣлать уступки, въ производствѣ работъ по уѣздамъ, другимъ такимъ-же обывателямъ; что дороги будутъ лучше содержаны, край доволенъ и мѣстные жители рады случаю заработать копѣйку.

Главные статьи подряда были слѣдующія :

1) Шоссейныя дороги передаются въ вѣденіе новаго общества въ томъ состояніи *относительно насыпки* (вышина и толщина щебнистаго слоя), *въ которомъ онъ теперь находится*.

2) Новые подрядчики обязуются содержать шоссейныя дороги въ хорошемъ состояніи и производить ежегодно насыпку отъ 6 до 7 дюймовъ толщины.

3) Казна выдаетъ новому обществу ежемѣсячно 42,000 рублей на содержаніе шоссейныхъ дорогъ, и, по истеченіи срока подряда, обязуется заплатить обществу за излишекъ, который окажется въ толщинѣ насыпки *при сдачѣ дорогъ* сравнительно съ толщиной насыпки *при ихъ приѣмѣ* обществомъ.

Подрядъ былъ утвержденъ государемъ и шоссейныя дороги переданы въ вѣденіе новаго общества; передача эта была произведена весною, т. е. въ то время, когда насыпка должна бы была, по настоящему, имѣть свою нормальную толщину отъ 6 до 7 дюймовъ; между тѣмъ толщины не оказалось нигдѣ болѣе какъ отъ 2 до 4 дюймовъ, такъ, по крайней мѣрѣ, было показано комиссіей, назначенной для сдачи дорогъ обществу и состоявшей подъ предсѣдательствомъ Варшавскаго губернатора Лашинскаго.

Такъ какъ государь долженъ былъ прибыть осенью въ Варшаву на знаменитый Варшавскій съѣздъ, то Августовскій губернаторъ Ферзенъ подалъ въ Управленіе путей сообщенія рапортъ о дурномъ состояніи Ковенскаго шоссе. Для освѣдѣтельствванія шоссе послали Кржековскаго, старшаго инженера, который нашель, что губернаторъ правъ, что шоссе дѣйствительно въ дурномъ состояніи, что мосты чинятся только посередкѣ, что насыпка не толще 5 дюймовъ, и на этихъ данныхъ основалъ свое донесеніе.

Генераль Смоликовскій, директоръ путей сообщенія, принялъ Кржековскаго очень дурно и сдѣлалъ ему строгій выговоръ; тотъ отвѣчалъ какъ человекъ, увѣренный въ томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ; споръ разгорѣлся; слово за слово, генераль сталъ грозить Кржековскому отставкой; тотъ отвѣчалъ, что онъ не посмѣетъ этого сдѣлать. Спустя нѣсколько дней, онъ былъ уволенъ за штатомъ.

Черезъ мѣсяць, Кржековскій подалъ князю Горчакову прошеніе, въ которомъ вызывался доказать :

1) Что условія новаго подряда составлены дурно, что они не представляютъ никакого обезпеченія казнѣ и никакой возможности контролировать содержаніе шоссейныхъ дорогъ.

2) Что подрядчикамъ благопріятствовали двое важныхъ лицъ и директоръ путей сообщенія Смоликовскій.

3) Что сдача шоссейныхъ дорогъ совершенно убыточна для казны и выгодна для подрядчиковъ.

4) Что шоссейныя дороги содержатся несообразно условіямъ подряда.

Князь намѣстникъ прочелъ прошеніе съ обычной своей разсѣянностью, а быть можетъ, и вовсе не читалъ его, и передалъ государственному секретарю Карницкому, который потре-

бовавъ къ себѣ Кржековскаго и, припавъ его сначала очень свысока, сталъ говорить ему, что онъ мѣшается не въ свое дѣло, что онъ хочетъ только завести дразни и надѣлать шуму. что онъ очень хорошо знаетъ, что доказательствъ онъ не можетъ привести никакихъ, что его слѣдовало-бы отдать подъ судъ; потомъ, смягчившись и смѣнивъ гнѣвъ на милость, продолжалъ: "впрочемъ чего-же вы хотите? Мѣста? Что-же— у васъ будетъ мѣсто, только скажите мнѣ какого вамъ хочется?" Когда на это Кржековскій отвѣчалъ, что онъ желаетъ быть назначенъ начальникомъ повѣта, то Карницкій обѣщалъ ему это устроить и возвратилъ ему поданное князю Горчакову прошеніе.

Черезъ недѣлю Кржековскій былъ представленъ къ мѣсту начальника Остроленскаго повѣта; но узнавъ, что онъ значился въ представленіи сверхъ-штатнымъ, онъ отправился въ канцелярію совѣта управленія, и потребовалъ возвращенія своихъ бумагъ, говоря что онъ не сверхъ-штатный, но не справедливо отставленный отъ службы. Не найдя самаго государственнаго секретаря Карницкаго, онъ обратился къ его помощнику Петрову, который и велѣлъ выдать ему его бумаги.

Черезъ недѣлю князь намѣстникъ получилъ отъ генералъ-адъютанта Чевкина, главно-управляющаго путями сообщенія во всей имперіи, слѣдующее письмо :

Милостивый государь,

Князь Михайло Дмитріевичъ,

Сообщая вашему сіятельству приложенную присемъ записку, поданную его величеству инженеромъ Кржековскимъ, имѣю честь просить васъ приказать настрояйше изслѣдовать это дѣло, дабы не вводить меня въ необходимость докладывать объ этомъ его величеству, и отправлять кого-либо изъ чиновниковъ моего вѣдомства для производства слѣдствія на мѣстѣ.*

Записка, поданная государю была приблизительно слѣдующаго содержанія: "Не смотря на наилучшія намѣренія ваши, ваше велич. всегда были и будете обманываемы. Князь намѣстникъ впалъ въ дѣтство, его водятъ за носъ и увѣряютъ во всемъ въ чемъ хотятъ; такъ въ дѣлѣ о шоссейныхъ дорогахъ, вашему величеству сказали, что подрядъ заключенъ съ честными обывателями, тогда какъ на дѣлѣ имъ пользуются трое плутовъ, которымъ не можетъ служить залогомъ ни ихъ нравственность, ни ихъ состояніе. Вамъ сказали, что новое общество будетъ поручать производство работъ по уѣздамъ мѣстнымъ жителямъ,—а вмѣсто того работы отданы въ руки мелкихъ подрядчиковъ изъ жидовъ. Вамъ говорили, что край будетъ доволенъ, что жители будутъ имѣть возможность зарабатывать деньги;—а на дѣлѣ, богатѣютъ только три лица, тогда какъ множество чиновниковъ будутъ отставлены отъ службы (какъ это и было при желѣзной дорогѣ) и останутся безъ куса хлѣба съ своими женами и дѣтьми. Я предлагаю доказать вашему величеству: что условія подряда составлены дурно, и что они не представляютъ никакого обезпеченія казнѣ и никакой возможности контролировать содержаніе шоссейныхъ дорогъ.

* Департаментъ путей сообщенія въ царствѣ Польскомъ (Zarząd No. X) хотя и подчиненъ намѣстнику, но въ то-же время состоитъ въ вѣденіи главноуправляющаго путями сообщенія по всей имперіи.

Почтовый округъ (okrąg No. X) находится точно въ такомъ-же отношеніи къ намѣстнику и къ главному почтъ управленію всей имперіи; въ томъ же положеніи находятся в учебный округъ (okrąg Naukowy), таможенный и жандармскій; это такая путаница, въ которой не доберешься толку. Какъ же ожидать чего нибудь путнаго отъ такого правительства?

“Что подрядчикам покровительствовали : управляющій внутренними дѣлами Мухановъ, *что на Висль*, который получилъ за это 60,000 рублей ; государственный секретарь Карницкій получившій 30,000 рублей ; генералъ Смоликовскій, которому дали 30,000 рублей, что всѣмъ троицъ общана сверхъ того извѣстная часть въ барышахъ.

“Что безъ этого такой важный подрядъ, въ которомъ дѣло идетъ о 3,360,000 злотыхъ въ годъ, что составляетъ болѣе 20,000,000 злотыхъ за все время, никогда бы не былъ отданъ тремъ лицамъ, которые ни своей нравственностью, ни своимъ состояніемъ, не могутъ представить никакихъ залоговъ обезпеченія.

“Что въ этомъ то и заключается причина неправильной сдачи дорогъ новому обществу, сдачи совершенной въ убытокъ казнѣ, но очень выгодной для общества.

“Что, въ продолженіи перваго же года, общество не выполнило своихъ обязательствъ.

“Что если государю угодно узнать истину на самомъ дѣлѣ, то пусть онъ назначитъ слѣдственную комиссію подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Коцебу, или сенатора Фундуклея, такъ какъ всѣ остальные воры и мошенники.

“Я соглашаюсь надѣть кандалы и идти на каторгу, въ случаѣ если я не докажу справедливости вышесказаннаго. Прилагаю 500 рублей на расходы по техническому слѣдствию.

Подписано : Кржековскій.

На этотъ разъ, намѣстникъ прочелъ записку со вниманіемъ и позвавъ государственнаго секретаря Карницкаго, спросилъ его, куда дѣвалось прошеніе поданное ему г. Кржековскимъ? Секретарь принужденъ былъ сознаться, что онъ возвратилъ его подателю, вслѣдствіе чего, не смотря на всѣ его объясненія, князь взбѣсилъ, а государственный секретарь слегъ въ постель. Но пришелъ Мухановъ и съумѣлъ такъ хорошо объяснить князю все дѣло, что совершенно его усмирилъ, успокоилъ и убѣдилъ принести на другой день, въ совѣтъ управленія, записку Кржековскаго съ слѣдующими отмѣтками :

“Относительно перваго пункта—я самъ составлялъ условія подряда и беру на себя всю отвѣтственность за нихъ ; относительно втораго — я самъ представляю на него объясненія ; что-же касается до остальныхъ пунктовъ, то назначить комиссію для строжайшаго изслѣдованія дѣла,”

За тѣмъ Мухановъ началъ говорить, объясняя, что князь желаетъ, чтобъ предсѣдателемъ комиссіи назначенъ былъ Лашинскій (тотъ самый, который участвовалъ въ сдачѣ дорогъ).

Генералъ-губернаторъ Панютиновъ замѣтилъ, что Мухановъ, какъ причастный этому дѣлу, долженъ воздержаться отъ сужденія объ немъ.

Завязался жаркій споръ ; польскіе члены Совѣта : Ленскій, директоръ финансовъ, и Држевецкій, директоръ юстиціи, держали, грустно сказать, сторону Муханова ; русскіе члены : генералъ-адъютантъ Панютиновъ, сенаторъ Фундуклей и помощникъ государственнаго секретаря Петровъ (такъ какъ самъ государственный секретарь былъ боленъ) были противъ него.

Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи назначенъ генералъ-адъютантъ Коцебу.

Ея членами : Баньевскій, членъ сената, Высоцкій, главный инженеръ, комиссаръ правительства при желѣзной дорогѣ, Инженерный полковникъ Фухнеръ.

Кржековскій требовалъ исключенія Баньевскаго, такъ какъ этотъ получилъ занимаемое имъ мѣсто по ходатайству Муханова, и Высоцкаго, какъ закадышнаго друга адвоката Маіевскаго, одного изъ подрядчиковъ. Пензвѣстно, будетъ-ли уважена его просьба.

Не правда-ли, господа, что это дѣло, которое вѣроятно кончится ничѣмъ, тѣмъ не менѣе достойно занять мѣсто въ одномъ изъ тѣхъ добавленій къ вашему многоуважаемому журналу, которыя вы издаете подъ заглавіемъ : *Подъ Судъ*.

Примите, и проч.

P. S. У насъ, въ Познани, недавно запретили Колоколь и *Wiadomości Polskie*.

Разсказъ этотъ очень кстати. Это тотъ самый Карницкій, котораго государь потребовалъ въ Петербургъ чтобъ узнать истину, о происшествіяхъ въ Варшавѣ.

Ред.

— *Плугъ уступаетъ Эксельбанту.* — Говорятъ, что для приведенія въ исполненіе освобожденія крестьянъ, назначатся на пять губерній, по одному генералъ-адъютанту и на каждую по флигель-адъютанту. Огромный успѣхъ въ дѣлахъ, порученныхъ Толстому, Эльстону - Сумарокову, Бобринскому, увлекъ государя. Какъ-же они будутъ съчъ мужиковъ, эти *эманципаціонскъ-адъютанты!* какъ запутають дѣла!

— *Madame Шпейеръ и 15 розогъ.* — Жена Гродненскаго губернатора Шпейера, недавно, въ поѣздку свою изъ Гродно въ Вильно, приказала, на первой станціи, дать ямщику 15 розогъ, за то, что онъ плохо везъ начальницу губерніи. Это очень любезно съ ея стороны,—она могла ему влѣпить 51 розгу. Въ женскомъ сердцѣ всегда найдется что нибудь мягкое.

15 МАРТА. ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ.

Главные основанія Редакціонной комиссіи приняты. Переходное время будетъ продолжаться *два года*, (а не девять, и не шесть). *Надѣлъ остается весь*, съ правомъ выкупа. Манифестъ выйдетъ 12/24 Марта. Государь до конца отстаивалъ крестьянъ, съ величайшею твердостью, противъ разсвирѣпѣвшихъ крѣпостниковъ. Со стороны освобожденія были : **КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ, БЛУДОВЪ, ЛАНСКОЙ, БАХТИНЪ И ЧЕВКИНЪ.**

— Если получимъ какія нибудь подробности, то 95 лѣтъ *Колокола* выйдетъ черезъ недѣлю.

ПРОДАЕТСЯ :

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА на 1861 годъ, кн. VI.

ПЕЧАТАЕТСЯ :

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II. Н. ОГАРЕВА.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 95.

1 АПРѢЛЯ 1861.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Манифестъ—Панихида въ Петербургѣ—Смерть Т. Шевченка—Кабинетъ в. н. в.—Циркуляръ Ковалевскаго—
Арбеневъ и Смирновъ—Исправительныя письма. Смѣсь: День страха—Розги и плети, употребляемыя междувародно—Орлы,
львы и генералъ басъ—Мухановъ съ Вислы уѣхалъ—Et toi Britte—Издателямъ журналовъ въ Россіи—Приглашеніе.

МАНИФЕСТЪ!

Первый шагъ сдѣланъ! — Говорятъ, что онъ труднѣ прочихъ: будемъ ждать *второго*—съ упованіемъ, хотѣли бы ждать его съ полной увѣренностью; но всё дѣлается такъ шатко, такъ половинно и тяжело!

Освобожденіе крестьянъ только *началось* съ провозглашенія манифеста. Не отдыхъ, не торжество ждетъ государя—а упорный трудъ; не отдыхъ, не воля ждетъ народъ—а новый, страшный искусь.

Скорѣе,—скорѣе *второй* шагъ!

Александръ II сдѣлалъ много, очень много; его имя теперь уже стоитъ выше всѣхъ его предшественниковъ. Онъ боролся во имя человѣческихъ правъ, во имя состраданія, противъ хищной толпы законнѣлыхъ негодяевъ—и сломилъ ихъ! Этого ему ни народъ русскій, ни всемірная исторія не забудутъ. Изъ дали нашей ссылки, мы привѣтствуемъ его именемъ, рѣдко встрѣчавшимся съ самодержавіемъ, не возбуждая горькой улыбки,—мы привѣтствуемъ его именемъ освободителя!

Но горе если онъ остановится, если усталая рука его опустится. Звѣрь не убитъ, онъ только ошеломленъ! Теперь пока стоголовая гидра, которой каждая голова или Муравьевъ, или Гагаринъ, не совсѣмъ опомнилась, надобно покончить ее, и освободить, вмѣстѣ съ русскимъ крестьяниномъ, новую русскую государственную мысль—и отъ нѣмецкихъ колодокъ, и отъ русскихъ татаръ, тучныхъ нашей кровью, нашими слезами, нашимъ изнуреніемъ.

Слово *освобожденія* сказано! Государь признался. Это дѣло великое, но не все—слово должно стать дѣломъ, освобожденіе быть истинной!

Выборъ в. к. Константина Николаевича, кажется, удаченъ. Онъ необыкновенно выросъ, явившись опорой своего брата въ дѣлѣ освобожденія, и когда Александръ его обнялъ въ первомъ засѣданіи, его обняла вся Россія.

Какая огромная полоса славы передъ обоими. Вы оба, какъ говорятъ русскіе, родились въ сорочкѣ.

Борьба ваша, Константинъ Николаевичъ—легка; съ вашей стороны не только справедливость, но все думающее

и все страдающее, меньшинство образованныхъ людей и большинство массы. А противъ васъ кто? Горсть пустыхъ стариковъ, алчныхъ певѣждъ, мощенныхъ звѣздами и переплетенныхъ лентами; вѣдь они только сильны вами; у нихъ опоры нѣтъ, кромѣ дворовыхъ людей, которыхъ рабство они зажилили еще на два года. Ихъ боятся паче. Затѣмъ остается дикій, лѣсной помѣщикъ, еще менѣе опасный—на такихъ-ли медвѣдей ходить вашъ братъ. Лѣсной, степной помѣщикъ былъ своеволенъ и неукротимъ подъ материнскимъ крыломъ полиціи, онъ буйствовалъ на основаніи царскихъ льготъ; отнимите отъ него руку и вы увидите, какъ онъ присмирѣетъ.....

Но врядъ-ли можно успѣть во многомъ однимъ капцелярскимъ порядкомъ, одной бюрократіей. Окружите себя свѣжими, живыми людьми, не рутинистами, не доктринерами, а людьми понимающими, любящими Россію, и, главное, не бойтесь гласности, какъ бы она ни была рѣзка!

Вспомните одинъ примѣръ.

Вольнѣ нашего никогда не раздавалась русская рѣчь. Что же говорила она, что распространяла, что поставила на своемъ знамени.

Нѣсколько дней послѣ 3 Марта (19 Февраля) 1855 года, мы писали, что Россія ждетъ отъ новаго государя: *освобожденія крестьянъ съ землею, уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и гласности въ судѣ и печати.*

Прошло шесть лѣтъ, и нѣсколько дней спустя послѣ 3 Марта (19 Февраля) 1861, всенародно возвѣщено уничтоженіе крѣпостнаго права. Вы сами стараетесь вывести во флотъ тѣлесныя наказанія.

Чередъ за гласностью!

И—рѣ.

ПАНИХИДА ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Въ Петербургѣ служили торжественную панихиду—въ память жертвъ, павшихъ въ Варшавѣ. И полиція допустила, не воспрепятствовала? И это было въ Петербургѣ?

Наконецъ то наступаетъ время, въ которое Русскій можетъ, не краснѣя больше за старые грѣхи ея, гордо признаваться кто его мать.

Эдакъ, господа, вѣдь *Галилеянинъ*-то пожалуй и въ самомъ дѣлѣ побѣдитъ!

Т. ШЕВЧЕНКО.

26 Февраля (10 Марта) угасъ въ Петербургѣ, малоросійскій пѣвецъ Т. Шевченко. Жаль, что бѣдный страдалецъ закрылъ глаза такъ близко къ обѣтованному освобожденію. Кому было больше по праву пѣть этотъ дещъ, какъ не ему? Но хорошо и то, что утрення заря этого дня занялась при его жизни и освѣтила послѣдніе дни его.

— *Отъ Геродіакона Агалія*, (Андрей Гончаренка). — И безъ того тяжко, важко памь блукати на далекій чужині, — по все була поіха, все таки була надія. Бувъ въ насъ дома *Кобзарь*, вінъ виспівивавъ діла батьківъ нашихъ, розказувавъ про козацьку славу, хто мы, чіі діти, — коли самі не хочемъ знати..... А теперъ єго нема, смерть скосила єго. И на душі ще тяжче стало. — На кого теперъ надія? Хто буде потішати памь людъ въ неволі?..... Е вірни діти України, треба правду казати; — но е далєбі діти не розумни, а ще бїльше перевертнівъ и недоляшківъ.....

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА КАБИНЕТА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

(Письмо къ издателю Колокола).

Мм. Гг.

Накопецъ то вы добрались до кабинета его величества. Въ послѣдніе годы много было писано о тупоумной бюрократіи и злоупотребленіяхъ чиновной орды въ Россіи, много обнаружено взяточниковъ, казнокрадовъ и злодѣевъ; по ихъ большею частію ловили по большимъ дорогамъ администраціи: въ губернскихъ правленіяхъ (или управленіяхъ) разныхъ палатахъ, судахъ, комиссіяхъ и прочихъ т. п. притонахъ чиновной шайки и складочныхъ магазинахъ взяточничества; но гласность, этотъ истинный блюститель общественнаго спокойствія, до сихъ поръ не проникала въ нѣкоторыя высшія, отдѣльныя, болѣе или менѣе нужныя и не нужныя мѣста, подобныя кабинету его величества. Я хочу поговорить о немъ по поводу статьи напечатанной въ No. 87 и 88 *Колокола*: “Императорскій кабинетъ и Муравьевъ-Амурскій.”

Вполнѣ раздѣляя съ вами чувства негодованія и отвращенія къ наглому воровству у Россіи государственнаго достоянія и къ гадкимъ и нелѣпымъ соображеніямъ кабинета, который хочетъ заставить государя придержать въ рабствѣ задавленное народонаселеніе приписанныхъ къ горнымъ промысламъ крестьянъ; вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ вашимъ о недобросовѣстности и тупоуміи кабинета, я увѣренъ что и вы не будете на меня сѣтовать, если я дополню эту куріозную статью, познавъ васъ покороче; или иѣтъ, виновать, это слишкомъ дурное знакомство — назвавъ по именамъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ этой безнравственной комедіи. Доставившій вамъ ее вѣроятно мало знакомъ съ ними, это дѣлаетъ ему честь, или не хотѣлъ входить въ подробности, чтобы не затемнить главнаго сюжета. Позвольте-же мнѣ ввести васъ въ закулисную часть театра и показать актеровъ и суфлера.

Въ этой кабинетной поэмѣ названы только вообще мѣста или высшіе представители мѣстъ участвовавшихъ въ борьбѣ здраваго смысла съ недобросовѣстностью и тупоуміемъ, какъ то: министръ двора, кабинетъ его величества, и проч.; по всѣмъ извѣстно, что у насъ господа сановники сами ничего не дѣлаютъ, они слишкомъ заняты своими собственно лакейскими обязанностями и дворовыми интригами: за каждымъ изъ этихъ сановныхъ лакеевъ, въ каждомъ изъ представляемыхъ

ими нужныхъ и не нужныхъ мѣсть, есть своя *cheville ouvrière*, которая за нихъ все обдумываетъ, читаетъ и пишетъ, а они только подписываютъ и докладываютъ барину, то что имъ подсунуто.

Въ 12 прим. къ статьѣ. “Императорскій кабинетъ и Муравьевъ-Амурскій,” сказано: “комитетъ сей, подъ предѣтельствомъ министра императорскаго двора, состоитъ: изъ предѣдателя кабинета его величества, генералъ-адъютанта Чевкина (предѣдатель кабинета не Чевкинъ, а баронъ Мейендорфъ) горныхъ инженеровъ, генералъ-маіоровъ: Соколовскаго (*cheville ouvrière*) и Озерскаго (*âme damnée* Соколовскаго) и проч.

Въ примѣчаніи 65 вы спрашиваете: “интересно зпать кто писалъ эту страницу. Тутъ такъ поразительно ясно, что это писалъ человекъ, который въ душѣ лакей, прикащикъ, холопъ. притомъ *глупый* и немощко загуливающий, по привычкѣ барина считать дуракомъ и обкрадывать на всѣ корки, и который испугался человека заботящагося о пользѣ имѣнія и считающаго себя выше холопскихъ отношеній.” Этотъ портретъ поразительно вѣренъ, только вмѣсто *глупый*, слѣдуетъ поставить *умный кулакъ*. Этотъ-то кулакъ и есть *cheville ouvrière* кабинета, и если въ примѣчаніи 87, “желая опубликовать для современниковъ и сохранить для позиданія потомства имена членовъ кабинета и Сибирскаго комитета,” вы выставили имена Адлерберга (министра) Мейендорфа (предѣдателя кабинета), Пѣтухова, Старикова, Пвина, Нессельроди и Ко. обыкновеннымъ шрифтомъ, то имя *Соколовскаго* слѣдовало отпечатать большими литерами.

Объ Адлербергѣ Мининѣ нечего много распространяться, эта личность довольно всѣмъ извѣстна. Ей Богу онъ не виновать въ составленіи соображенія кабинета его величества на записку ген.-губернатора Восточной Сибири, и врядъ-ли помнить о ней. До того-ли ему! Возьмите только то въ соображеніе, что хотя онъ какъ министръ двора, на основаніи, приведенной вами статьи 2157, Т. VII св. зак., присутствуетъ въ кабинетѣ, *когда время позволитъ*, но до сихъ поръ время не позволило ему исполнить эту обязанность и онъ ни разу не показалъ свою мишу кабинету.

Предѣдатель кабинета баронъ Петръ Казимировичъ (Драдедамовичъ) *Мейендорфъ*, изъ пѣмцевъ, 80 лѣтъ отъ роду.

Мейендорфъ, едва вступилъ въ должность предѣдателя, остановилъ всѣ начинанія Перовскаго до преобразованія заводовъ относящихся, и подчинивъ ихъ снова кабинету, сдѣлалъ управляющаго опыми опять членомъ, *но безъ права голоса*. Кабинетъ, смотрѣвшій до сихъ поръ на управление заводами какъ на ненормальное своего вассала, лишь только оно снова попало ему въ лапы, началъ его давить въ лицѣ *безмалнаго* Сивкова. Къ счастью управленіе успѣло, до присоединенія его къ кабинету, доказать невозможность преуспѣнія императорскихъ заводовъ и фабрикъ при этихъ стѣснительныхъ и нелѣпыхъ формахъ казеннаго управленія и при совершенномъ отсутствіи оборотнаго капитала, безъ котораго никакая фабрика существовать не можетъ. Поэтому рѣшено было однѣ фабрики отдать въ аренду, другія продать или вовсе закрыть. Инициатива этой благоразумной мѣры, а въ особенности благодѣтельнаго освобожденія приписанныхъ къ этимъ фабрикамъ мастеровыхъ и крестьянъ отъ обязательнаго труда — принадлежитъ управленію заводами. Оставлены только въ рукахъ тупоумныхъ членовъ кабинета,

имъ однимъ извѣстно для чего, фарфоровый и стеклянный заводы, говорятъ по настоянью члена Соколовскаго, который прочитъ въ директоры своего геніальнаго сына. Ну да это дѣло семейное. Но вотъ что страшно, господа, въ то самое время, какъ вы такъ чистосердечно сознаетесь въ неспособности вашей справиться съ фабриками и заводами, которые у васъ подъ носомъ, и такъ легко соглашаетесь на ихъ отчужденіе, вы такъ крѣпко ухватились за отдаленные отъ васъ тысячами верстъ Алтайскіе и Черчинскіе заводы.

Князь П. В. Долгоруковъ обѣщаетъ помѣстить въ своемъ изданіи *Будущность*, подробную біографію этого древняго савовника, а покамѣстъ обращаемъ вниманіе на прекрасную статью напечатанную въ No. 3 и 4 этого изданія, “о союзахъ Россіи съ Австріею,” гдѣ весьма удачно опредѣленъ этотъ *умный и ученый человекъ, который знаетъ все въ мірѣ кромѣ Россіи, о коей понятія не имѣетъ*, а тѣмъ болѣе о Сибирскомъ отдаленномъ отъ нѣмечины краѣ. Напомнимъ здѣсь только, что баронъ Мейендорфъ подвизался на дипломатическомъ поприщѣ до преклонныхъ лѣтъ, и въ послѣднее время былъ Россійскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, т. е. защитникомъ интересовъ страны, которой онъ не знаетъ и не любитъ, а потому удивительно-ли что онъ сдѣлалъ ей больше вреда чѣмъ пользы, ознаменовавъ свои дѣйствія особой нѣжностью къ священному союзу и враждой къ славянскимъ племенамъ. “Убѣдясь въ его неспособности занимать мѣсто русскаго посланника въ Вѣнѣ, говоритъ князь Долгоруковъ, послѣ 1854 года его отозвали въ Петербургъ, дали ему титулъ оберъ-гофмейстера и посадили его въ богодѣльную неизлѣчимыхъ стародуровъ, въ насмѣшку именуемую государственнымъ совѣтомъ,” а мы прибавимъ, и для отдохновенія отъ трудовъ политическихъ, преобразовали его изъ дипломатовъ въ бриллиантовыхъ, фарфоровыхъ, фаянсовыхъ, стеклянныхъ и прочихъ кабинетныхъ дѣлъ мастера, словомъ сдѣлали его предсѣдателемъ кабинета его величества, и какъ у насъ вообще всѣ генералы и особы первыхъ пяти классовъ считаются всевѣдущими и способными на всѣ въ мірѣ искусства, назначили его, *par dessus le marché*, президентомъ одного изъ важнѣйшихъ въ настоящее время для Россіи обществъ, общества желѣзныхъ дорогъ. Можетъ быть это соединеніе двухъ должностей, предсѣдателя кабинета и президента общества желѣзныхъ дорогъ, сдѣлано и по той причинѣ, что всѣ подчиненные ему члены кабинета суть въ тоже время счастливые обладатели акцій этого общества (благоприобрѣтенныхъ ими конечно не изъ жалованья) стоить только въ день собранія акціонеровъ заглянуть въ кабинетъ, чтобы не застать тамъ ни одного члена. Ну что если графу Владиміру Федоровичу время наконецъ позволить присутствовать въ кабинетѣ какъ нарочно въ этотъ пріятный день, въ который онъ никого не найдетъ тамъ кромѣ подгулявшихъ сторожей?

Очевидно, что бѣдный баронъ, не имѣя ни времени, ни силъ, ни нужныхъ свѣденій, чтобы исполнить добросовѣстно столь разнообразныя обязанности, погруженный притомъ въ миллионныя цифры смѣтъ общества желѣзныхъ дорогъ, и вниманія не обращаетъ на микроскопическія доли отчеговъ Сибирскихъ горныхъ промысловъ и на громовые доходы, или правильнѣе сказать убытки разныхъ кабинетскихъ учреждений. Онъ вполне предоставилъ эти мелочи членамъ кабинета, не давая себѣ даже труда читать получаемыхъ имъ бумагъ, и подписывая все, что ему подсунуть, чтобы скорѣе

отдѣлаться.... особенно въ часы мигрени. Гг. члены зная слабости дряхлаго барона дѣлаютъ изъ него что хотятъ, и выѣзжаютъ на немъ по очереди— произвели себя въ превосходительныя, разукрасили генераліямъ, къ праздничнымъ и торжественнымъ днямъ ежегодно представляютъ себя и *своихъ* къ наградамъ и арестамъ, ѣздить на казенный счетъ гулять за границу, посылаютъ туда своихъ сынковъ и любимцевъ— чиновниковъ, тратятъ по шести тысячъ рублей изъ кабинетныхъ суммъ на отдѣлку своихъ квартиръ, а чтобы это не слишкомъ бросалось въ глаза барону и чтобы еще болѣе убавить его старыя кости, употребили тридцать тысячъ рублей серебра! на отдѣлку его собственной квартиры, и замѣйте, все это въ то самое время когда кабинетъ почти обанкрутился и безпрестанно занимаетъ деньги изъ государственнаго казначейства, и между тѣмъ какъ по два года задерживаютъ денежныя выдачи слѣдующія лицамъ честно и правильно ихъ заслужившимъ, дѣлая имъ вздорныя прижимки и затрудненія, не разрѣшаютъ самыхъ необходимыхъ расходовъ по разнымъ учреждениямъ кабинета, причиняя этой безтолковой медленностью значительнѣйшій вредъ его важнѣйшимъ интересамъ.

Передо мною лежатъ послужные списки всѣхъ этихъ гг. членовъ. Любопытно разобрать прохожденіе службы каждаго изъ нихъ, чтобы видѣть откуда они произошли и какъ постоянно искали на службѣ такъ называемыхъ *хлебныхъ мѣстъ*, и потомъ сравнить ихъ наследственныя имѣнія съ благоприобрѣтенными.

Члены кабинета.

1. Тайный совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Николай Михайловичъ *Штуховъ*, 60 лѣтъ отъ роду и чуть-ли не столько-же на службѣ въ кабинетѣ, который его и вскормилъ.

Николай Михайловичъ завѣдуетъ самымъ выгоднымъ, послѣ горнаго, отдѣленіемъ кабинета, драгоценными вещами и мягкой рухлядью, отъ того у него и рыльце въ пушкѣ: кому неизвѣстны продѣлки съ высочайше пожалованными подарками и какъ перстни, табакерки и т. п. получены изъ кабинета, въ который они поставляются подражательнымъ бриллианщикомъ, принимаются обратно за полцѣны.

Не смотря на всѣ эти мелкіе грѣшки Николай Михайловичъ благополучно прошелъ свою полустолѣтнюю карьеру, аттестуясь всегда “способнымъ и къ повышенію достойнымъ,” и удержался при самыхъ крутыхъ переменѣхъ въ кабинетѣ, примѣняясь ко всѣмъ пачальникамъ, угождая всѣмъ и каждому,

И дворнику для избѣжанья зла,
Собаку дворника, чтобъ ласкова была.

Такъ что даже въ грозныя времена покойнаго графа Перовскаго, который, бывъ управляющимъ кабинетомъ, ударилъ своимъ бичемъ по этому грязному болоту,—одни лягушки повыскакали, другія спрятавъ въ немъ свои головы, перестали квакать,—Николай Михайловичъ одинъ умѣлъ дѣлать доклады желчному министру, не раздражая его нервы. Теперь и подавно ему ни почемъ держаться на своемъ тепленькомъ мѣстечкѣ. Въ кабинетѣ всѣ убѣждены въ необходимости Николая Михайловича: “Помилюйте, говорятъ въ одинъ голосъ чиновники, мы безъ него пропадемъ: онъ знаетъ наизусть всю переписку кабинета со времени его основанія и укажетъ вамъ гдѣ лежитъ какое дѣло, и въ какомъ дѣлѣ, подъ какимъ номеромъ подшита какая бумага, это у насъ живой настольный реестръ.”

Родовато имѣнія у Николая Михайловича пѣтъ, а благопріобрѣтенныхъ акцій въ формулярѣ не показываетъ, чтобы не совѣстно было представлять себя къ пособиямъ, по недостаточности состоянія. Такъ на примѣръ, получивъ недавно аренду въ двѣ тысячи рублей на двѣнадцать лѣтъ, въ томъ же году, къ восшествію на престоль, отважно включилъ себя въ списокъ наградъ съ другими членами и подсунулъ его какъ ни въ чемъ не бывало, барону Мейсдорфу, который, по обыкновенію своему подписалъ не читая и представилъ по начальству; штука было удалась, да на бѣду самъ государь замѣтилъ эту пагость, и въ списокѣ противъ имени Пѣтухова. собственноручно отмѣтилъ: *повременить*.

2. Генералъ - майоръ *Соколовскій*, горный инженеръ, *cheville ouvrière* кабинета, умный кулакъ. Этотъ ужъ совѣтъ осѣдлалъ бѣднаго барона. Служилъ прежде на Алтайскихъ заводахъ, гдѣ благопріобрѣлъ до 800 тысячъ рублей серебромъ, заключающихся въ акціяхъ (1) разныхъ обществъ. Нынѣ, какъ членъ горнаго отдѣленія, продолжаетъ эксплуатировать сибирскіе горные промыслы, посредствомъ своего *protégé* Озерскаго, и благопріобрѣтаетъ, что однакоже не помѣшало ему въ прошедшемъ году выпросить себѣ, по недостаточности состоянія, двѣ тысячи рублей серебромъ прибавленія къ годовому содержанию.

Удивительно-ли, что кабинетъ, доказавъ, весьма основательно противъ обыкновенія своего, невозможность преуспѣянія, при безтолковомъ казенномъ управленіи, всѣхъ своихъ фабрикъ,—продастъ или отдастъ ихъ въ аренду частнымъ лицамъ, и, въ тоже время, такъ горячо отстаиваетъ Нерчинскіе и Алтайскіе заводы противъ покушеній Муравьева-Амурскаго, который заботясь о пользѣ Сибирскаго горнаго округа, хочетъ лишить кабинетъ всякаго на него вліянія, да еще назначить вмѣсто Соколовскаго, Озерскаго и Ко., какого-то знающаго и честнаго бергъ-инспектора. Дѣло просто: фабрики выгодъ членамъ кабинета не приносили, а Нерчинскіе и Алтайскіе заводы составляютъ для Соколовскаго и Озерскаго неисчерпаемую мину (2).

Разсказать все подробности Соколовскаго и Озерскаго здѣсь невозможно; тутъ необходимо строгое изслѣдованіе, которое обнаружитъ отчего заводы эти не приносятъ кабинету прибыли, тогда какъ у Соколовскаго на 800,000 акцій. По вотъ покаместъ одинъ изъ тысячи извѣстныхъ всѣмъ случаевъ: для Алтайскихъ заводовъ была заказана на заводѣ *Политковскаго* паровая машина съ условіемъ, чтобы онъ за нее взялъ 18 т. рублей; но такъ какъ онъ не согласился расписаться въ полученіи за нее болѣе дѣйствительной ея стоимости, 16 т. рублей, то машина эта, осмотрѣнная и одобренная въ Петербургѣ, по доставленіи на мѣсто, была забракована Озерскимъ.

3. Дѣйствительный статскій совѣтникъ со звѣздой, *Евграфъ Петровичъ Пивинъ* 49 лѣтъ, холостъ. Служилъ сначала на Кавказѣ по провіантской части, потомъ въ кейнмихлевской шайкѣ, при московской желѣзной дорогѣ, гдѣ велъ расчеты съ подрядчиками. Нынѣ членъ кабинета *in odore* по отдѣленію исполнительному, отъ котораго зависятъ всѣ денежныя выдачи. Ни одной бумаги съ требованіемъ денегъ, даже заслуженныхъ или заработанныхъ, не проходитъ черезъ руки Пивина безъ

(1) Акціи въ рѣвѣ недвижимости: положить въ карманъ—не видно, упадетъ—не слышно. (Разсужденіе квартальнаго о пятирублевой ассигнаціи, въ одной изъ повѣстей Гоголя).

(2) Слѣдуя доброму примѣру отца-начальника и подчиненные его, каждый хочетъ имѣть свою мину.

того, чтобы опъ не поставилъ на ней карандашемъ вопросительнаго крючка, который иногда распрямляется по личному съ нимъ, т. е. съ Пивнымъ или крючкомъ все равно, объясненіи просителя, на извѣстныхъ условіяхъ: общій голосъ въ Петербургѣ, что получить изъ кабинета деньги нельзя иначе, какъ съ уступкою 10% въ пользу Пивина.

По формулярному списку значится, что ни у него, ни у родителей его никакаго состоянія не было, а теперь, слава Богу! акціонеръ общества желѣзныхъ дорогъ, членъ англійскаго клуба и ѣздитъ по Невскому проспекту на Хрѣновскихъ рысакахъ. (3)

4. Дѣйствительный статскій совѣтникъ *Стариковъ*, 50 лѣтъ, изъ вольноотпущенныхъ не помню какого барина. Служилъ прежде въ канцеляріи нижегородскаго губернатора и употреблялся по разнымъ *хлѣбнымъ* порученіямъ на нижегородской ярмаркѣ; потомъ былъ, вмѣстѣ съ шпиономъ Липранди, сыщикомъ у графа Перовскаго, когда сей послѣдній былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Нынѣ членъ кабинета по отдѣленію хозяйственному, акціонеръ общества желѣзныхъ дорогъ, имѣетъ собственный многоэтажный домъ на Невскомъ проспектѣ и украшенъ звѣздой св. Станислава. Когда у него этого несчастнаго святаго не было, Стариковъ ходилъ по Невскому въ застегнутомъ на все пуговицы пальто, какъ бы жарко ни было; но съ тѣхъ поръ какъ получилъ *crachat* носить пальто на распашку, какъ бы холодно ни было, *à la Boutkoff*. (4)

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА ПРОТИВЪ ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Циркулярно.

г. попечителю N. учебнаго округа.

Отъ 4 Мая сего года, по сношенію съ г. министромъ внут. дѣлъ, я сообщилъ циркулярно начальствамъ уч. округовъ объ основаніяхъ, на которыхъ могутъ открываться въ городахъ Воскресныя школы, и общія правила для наблюденія за сими школами со стороны учебнаго начальства. Это необходимо было сдѣлать въ самомъ началѣ, дабы предупредить возможность уклоненія столь полезныхъ, для народнаго образованія, учреждений, отъ прямаго пути, указываемаго имъ самымъ ихъ назначеніемъ; т. е. распространять грамотность въ ремесленномъ и рабочемъ классѣ, какъ это опредѣлительно выражено и въ циркулярномъ предложеніи г. министра внутренн. дѣлъ гг. начальникамъ губерній.

Послѣ сего не могло быть сомнѣнія, что Воскресныя школы должны служить только *пособіемъ приходскимъ училищамъ*, къ учрежденію коихъ въ числѣ соответствующемъ настоящей потребности въ нихъ, представляются теперь матеріальныя препятствія. Нынѣ, когда Воскресныя школы стали быстро распространяться въ столицѣ, и возникать не только въ губернскихъ, но и уѣздныхъ городахъ, мѣстному учебному начальству никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду такое назначеніе ихъ. Оно должно еще съ болѣею заботливостію слѣдить за тѣмъ, чтобы Воскресныя школы не высту-

(3) Иванъ Евграфовичъ тоже съѣздилъ за границу на счетъ кабинета. Щедрый кабинетъ! видно что въ немъ много золота.

(4) И Стариковъ путешествовалъ на счетъ кабинета за границу, не зная ни одного иностраннаго языка. Да что Стариковъ,—начальникъ исполнительнаго отдѣленія Островскій, типъ зазнавагося чиновника изъ поповчей), и тотъ воспользовался этой легкостью щедраго кабинета снабжать своихъ дѣтокъ иностранными паспортами и деньгами на путевыя издержки.

нали изъ границъ опредѣленнаго имъ круга дѣйствій, т. е. чтобы обученіе въ нихъ ограничивалось: закономъ божіимъ, чтеніемъ и письмомъ, и первыми правилами ариѳметики. Между тѣмъ изъ свѣденій, мною получаемыхъ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ усердіе учредителей или распорядителей Воскресныхъ школъ иногда увлекаетъ ихъ далѣе границъ, указанныхъ школамъ прямымъ ихъ назначеніемъ. Такъ на примѣръ въ Кіевѣ въ одной школѣ преподается *исторія*, а въ одной изъ Московскихъ школъ преподаватели занимаются съ учениками *французскимъ и нѣмецкимъ языками*. Предметы сіи выходятъ изъ программы изученія въ приходскихъ, слѣдовательно и въ Воскресныхъ школахъ.

Эти обстоятельства поставляютъ меня въ необходимость вновь пояснить, чѣмъ именно мѣстные учебныя начальства должны руководствоваться относительно наблюденія за Воскресными школами.

1. Обученіе въ Воскресныхъ школахъ ограничивается: закономъ божіимъ, чтеніемъ и письмомъ на русскомъ языкѣ, первыми началами ариѳметики, рисованіемъ и линейнымъ черченіемъ, гдѣ потребуетъ мѣстная необходимость. Преподаваніе предметовъ, не входящихъ въ программу обученія въ приходскихъ училищахъ, отнюдь не допускается въ Воскресныхъ школахъ.

2. При преподаваніи поименованныхъ выше предметовъ въ Воскресныхъ школахъ, употребляются тѣ учебныя руководства и пособія, которыя одобрены министромъ народнаго просвѣщенія, или допущены къ употребленію въ начальныхъ училищахъ другихъ вѣдомствъ.

3. Особенное вниманіе должно быть обращено на то, чтобы учредители и распорядители Воскресныхъ школъ были люди вполне благонадежные, а потому не ограничиваясь официальною перепискою, директоры училищъ обязаны, въ случаѣ, если желающіе учредить школы лично имъ незвѣстны, предварительно собирать объ нихъ точныя удостовѣренія и за тѣмъ относительно допущенія ихъ къ открытію школъ или распоряженію въ нихъ, входить лично въ соглашеніе съ мѣстными гражданскими начальствами.

4. За ходомъ обученія въ Воскресныхъ школахъ, должны подѣ главнымъ надзоромъ попечителя, имѣть постоянное наблюденіе штатные смотрители уѣздныхъ училищъ, директоры гимназій и другія лица, которымъ будетъ поручено отъ вашего превосходительства.

5. Въ случаѣ, если со стороны распорядителей или преподавателей, замѣчены будутъ дѣйствія, несогласныя съ началами указанными въ настоящемъ моемъ предложеніи, а тѣмъ болѣе направленіе, *противное религиознымъ истинамъ, государственному управленію, и правиламъ нравственности*, таковыя неблагонадежные преподаватели и учредители, должны быть немедленно отстраняемы и не допускаемы затѣмъ къ обученію или распоряженію въ другихъ Воскресныхъ школахъ.

6. Въ женскихъ Воскресныхъ школахъ не должны быть допускаемы въ учредители и распорядители молодые люди всякаго рода службы и званія. Но весьма желательно было, чтобы *таковыя люди принадлежали всегда къ женскому полу*.

Сообщая о семъ вашему превосходительству, къ исполненію и руководству, я надѣюсь, что, при соблюденіи вышеозначенныхъ правилъ, Воскресныя школы будутъ направлены согласно съ видами правительства, допускающаго содѣйствіе ему обществу къ распространенію грамотности, что содѣйствіе

это будетъ вполне благотворно, а не вредно. Я не сомнѣваюсь, что ваше превосходительство, съ своей стороны всѣми мѣрами будете вспомоществовать мнѣ къ достиженію сей цѣли.

Подписали: *Министръ народнаго просвѣщенія* Ковалевскій,
Директоръ Ребиндеръ.

1860 г. Декабря 23 дня.

ВОРОВСТВО-МОШЕННИЧЕСТВО* ЧПОВНИКА АРБЕНЬЕВА.

Съ участіемъ гражданскаго губернатора Смирнова.

Управляющій СПб. Аукціонною камерою движимыхъ имуществъ, коллежскій ассесоръ Александръ Петровъ Арбеневъ, поставленный на эту должность гражданскимъ губернаторомъ Смирновымъ изъ своей канцеляріи, по какому-то родству. Арбеневъ, продавая въ камерѣ съ аукціона имущества, бралъ себѣ половину вырученной суммы и болѣе, дѣлавши такимъ образомъ: въ продажу записывалъ стоимость вещи сколько хотѣлъ, а не за сколько была она продаваема. Это злоупотребленіе открыли частныя лица, имѣвшія несчастье поднасть несостоятельности къ платежу долговъ, имущества которыхъ были проданы такимъ порядкомъ.

Съ управляющимъ камерою Арбеневымъ были участниками этого мошенничества и нѣкоторые присяжные акціонеры: Зайцевъ, Королевъ и Дмитріевъ. Изъ нихъ Дмитріевъ оправдывался весьма забавно: “я сдѣлалъ это, писалъ онъ въ своемъ прошеніи, по старости лѣтъ, отъ слабости ума.” Когда открыто было это плутовство, то Арбеневъ посадили на гаубахту, а прочихъ въ тюрьму.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1860 г. граждан. губер. Смирновъ разсматривая это дѣло въ Присутствіи губернскаго правленія, приказалъ составить постановленіе объ освобожденіи Арбенева изъ подѣ суда и ареста; при этомъ объявилъ: “если кто изъ присутствующихъ не подпишетъ журнала, долженъ выходить въ оставку.”

Не желая быть преданными суду за соучастіе съ Смирновымъ, послѣ этого заболѣли, т. е. подали рапорты о болѣзни: вице-губ. Анисимовъ, прокуроръ Богуславскій и совѣтникъ Богушевичъ, которые составленнаго журнала не подписали.

По приказанію Смирнова даже не велѣно было выдавать награднаго добавочнаго жалованья передѣ Святой недѣлей стоюначальникамъ губер. правленія Сибирякову и помощнику его Баумгартецу, пока не окончатъ они журнала, оправдывающаго Арбенева.

Журналъ этотъ состоялся 12 Апрѣля 1860 г. подписанъ губернаторомъ Смирновымъ, секретаремъ и членомъ (фамилію забылъ); по этому постановленію Арбеневъ былъ выпущенъ изъ подѣ ареста сперва одинъ, но чтобы прикосновенные къ дѣлу товарищи не выдали его, какъ главнаго виновника ихъ общаго мошенничества—освободили и прочихъ!

Покровительство Смирнова приписывали сперва его родству съ Арбеневымъ, но оказалось другое. Смирновъ изъ аукціонной камеры, бралъ себѣ назначенныя въ продажу картины знаменитыхъ художниковъ, которыя показывались въ книгѣ проданными рыночнымъ торговцамъ, за весьма ничтожную сумму, на прим.: если картина стоила 200 руб., то Смирновъ за нее вносилъ только 5 руб. сер.

Этимъ заключалась статья, посланная мною въ Маѣ мѣсяцѣ.

* Я озаглавилъ этимъ терминомъ руководствуясь Уложеніемъ о наказаніяхъ. (Прим. корреспондента.)

Послѣ этого, дѣло опять возгорѣлось. Въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа (хорошенько не знаю), упоминаемыхъ мною аукціонистовъ опять посадили въ тюрьму, кромѣ Арбенцева, тотъ ходитъ на волю. Предсѣдатель уголовной палаты въ перѣшности какъ поступать. Но настоящему, говорить, слѣдовало-бы сдѣлать обыскъ въ квартирѣ у губернатора Смирнова, какъ участника ихъ, что найдется у него изъ вещей взятыхъ изъ камеры,—но сдѣлать это боятся.

Дѣло въ Палатѣ еще не рѣшено.

ИСПРАВИТЕЛЬНЫЯ ПИСЬМА!

Мы получаемъ довольно часто письма, назначаемыя намъ въ исправленіе и поученіе, въ наказаніе и выговоръ. Письма эти, не ограничиваясь келейной и скромной пользой, приносимой ими намъ, изъясняютъ, по большей части, сильное желаніе (вѣроятно для вящаго наказанія нашего) быть “отпечатанными на страницѣ *Колокола*.” До сихъ поръ, за исключеніемъ одного “обвинительнаго акта,” мы не печатали эти ортопедическія посланія и несправлялись ими, на сколько силъ было, не всепародно—а *privatim*.

Но исправители—какъ всѣ люди, имѣющіе высшую правительственную цѣль—не унываютъ, и хотятъ непременно сдѣлать изъ *Колокола* стокъ консерваторской, доктринерской и бюрократической мыльной воды? Зачѣмъ? Ихъ *безопасныя* мнѣнія могутъ печататься вездѣ. Русскихъ буквъ развелось много въ Европѣ.... да и ходить такъ далеко не стоитъ: при III Отдѣленіи есть своя типографія, при московскомъ оберъ-полицмейстерѣ тоже...отъ добра, добра не ищутъ!

Чтобъ ознакомить нашихъ читателей съ исправительными письмами, и вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать нашимъ неумытнымъ судьямъ, что мы не хотимъ скрывать рубцовъ нами заслуженныхъ,—мы просимъ ихъ прочесть три письма, которыя помѣщаемъ почти цѣликомъ.*

Для начала возьмемъ самое дальнее.... и самое взволнованное, не смотря на то, что оно пришло съ береговъ Тихаго Океана. Выписываемъ, не измѣняя ничего, и слѣдовательно, не отвѣчая за сильную качку словъ.

М. Г.

До васъ и вмѣстѣ съ вами, многіе рѣзко осуждаютъ тѣлесныя наказанія и правительство въ лицѣ вел. князя, согласно съ этимъ. Въ настоящее время, во флотѣ наказываютъ въ 100 разъ меньше, чѣмъ 7 лѣтъ тому назадъ, стало быть начало положено много ранѣе вашего листка, но за то теперь и дисциплины *во столько же разъ меньше*; теперь извѣстно, множество судовъ, гдѣ команда не послушаетъ своихъ капитановъ, въ важныхъ случаяхъ, а офицеровъ—и при каждомъ ничтожномъ, такъ что, въ настоящее время, положеніе *наше становится особенно непріятнымъ*. Флагманы и капитаны, потворствуя и не взыскивая съ командъ, обращаютъ все на офицеровъ; мы же, не имѣя опредѣленной власти, за почти существующимъ отмѣщеніемъ тѣлесныхъ наказаній, должны ограничиваться выговорами людямъ, на которыхъ эти внушенія не имѣютъ, да и не могутъ имѣть, никакого вліянія по

* Иногда впрочемъ совершенно достаточно указать на содержание писемъ. Напр. одинъ почтенный соотечественникъ награждалъ меня толстой эпистолой, въ которой сильно упрекаетъ меня въ томъ, что во всѣхъ сочиненіяхъ и статьяхъ я стою со стороны Поляковъ, а что они всегда не любили Русскихъ и даже оклеветали въ Европѣ такого монарха, какъ Николай Павловича! Заключение этого письма совершенно неожиданный: авторъ, сказавъ это, соглашается что въ школѣ Правовѣденія дурно учатъ!

необразованности ихъ и грубости нравовъ; они знаютъ только одно, что ихъ прежде сбѣкли и засѣкали, а теперь этого вѣтъ—не смѣютъ и не станутъ, и изъ всего этого, они видятъ, что теперь, хорошо повиноваться и быть исполнительнымъ, или дурно и быть лѣнивымъ—одно и тоже и потому, большая часть конечно придерживается послѣднему, такъ какъ наказываются только преступленія и дисциплины не существуетъ во флотѣ. Отмѣной наказанія мы конечно обязаны вел. кн. и его благородному взгляду на этотъ предметъ; но только вотъ въ чемъ вся бѣда теперь, что почти отмѣнивши прежнее скверное, не думаютъ замѣнить его чѣмънибудь лучшимъ, такъ что въ настоящее время нѣтъ никакого, что конечно невозможно. Какія нибудь наказанія должны быть и, у насъ, даже нѣсколько болѣе чѣмъ у иностранцевъ и, при подобномъ-то положеніи дѣла, когда у насъ взыскиваютъ меньше чѣмъ гдѣ нибудь, ваши замѣчанія крайне досадны, когда намъ и безъ того не пріятно отъ фальшиваго положенія правительствва, которое, видя недостатки закона, не исправляетъ ихъ, и чрезвычайно тяжело отъ этого неустройства,—а тутъ еще ваши скверныя выраженія, которыя пойдутъ странствовать по Россіи; я не знаю, чѣмъ вы выкупаете подобныя вещи, черня людей въ томъ, о чемъ не имѣете понятія и передаете это все тѣмъ, которые такъ же какъ и вы знакомы со флотомъ. Повѣрьте, что каждый изъ насъ, филантропъ или нѣтъ, все равно желаетъ отмѣны розогъ; настоящее положеніе для насъ гораздо труднѣе чѣмъ для васъ,—для обоихъ насъ одинаковое моральное страданіе, да притомъ, для насъ еще въ десять разъ труднѣйшее отправление нашихъ обязанностей, ибо начальники приказываютъ намъ, а наши подчиненные хорошо если исполняютъ ихъ. Ваши замѣчанія собственно оскорбить не могутъ потому, что насъ цѣлое общество, мнѣніемъ котораго не можетъ не дорожить никто изъ насъ; условія нашего общества—исключительныя, мы знаемъ другъ друга, склонности и понятія каждаго съ дѣтства: келейности быть не можетъ и потому, ваши несправедливыя и скверныя выраженія не имѣютъ цѣны и значенія. Есть суда, на которыхъ въ двухъ и трехъ годичныхъ плаваніяхъ, было высѣчено едва-ли пять челоуѣкъ, такъ что тѣлесныя наказанія только потому еще не совсѣмъ оставлены, что законъ ихъ не отмѣнилъ. Но какъ это ни пріятно, но приходится сожалѣть о томъ, что у насъ теперь нѣтъ дисциплины въ командахъ и на судахъ, этого *фундамента нашей жизни*, службы и успѣховъ на морѣ. Деспотизмъ и произволъ одного лица вреденъ не только цѣлымъ государствамъ, но и всякому обществу; *но на судни — другое дѣло...* и проч.

— Но если липки и розги нашли такого фанатическаго друга, то Московскій оберъ-полицмейстеръ Потаповъ нашель двухъ.

Въ розгахъ мы неоправдываемся, “можетъ *на судни* другое дѣло,” какъ выражается нашъ морякъ, но на всякомъ другомъ мѣстѣ розги кажутся отвратительными, сбѣкущіе офицеры палачами, и мы тутъ смѣло беремъ Константина Николаевича подъ защиту отъ липка, (хотя и обернутаго натою), которымъ его стягнулъ другъ флота, другъ *судна*, но еще больше другъ розогъ.

Въ Потаповѣ совсѣмъ напротивъ, мы вовсе не виноваты, ей богу не виноваты, мы его разъ помянули по поводу дурацкихъ масокъ, выдуманыхъ Игнатьевымъ,—* онъ не отвѣчаетъ за своихъ начальниковъ. Петербургское генералъ-губернатор-

* А прогос—мы даже имѣли письмо въ защиту этихъ масокъ.

ство, какъ Англіійская корона при Георгахъ переходить отъ идіота къ сумасшедшему и отъ сумасшедшаго къ идіоту. По въ Потаповѣ то мы все таки невиноваты.

Предполагая все на свѣтѣ, защитника Гутсейта пасивно любящаго, и помѣщицы поджаривавшей, тоже безъ любовнаго согласія, свою горничную,—мы никакъ не ожидали, что статья наша о “Клоповникахъ,” вызоветъ намъ строгій выговоръ, два строгихъ выговора; насъ упрекаютъ, что мы отдавая полную справедливость клопамъ, не хотимъ ее отдать Потапову.

Помилуйте, госнода, да мы Потапова не знаемъ, готовы вѣрить, что онъ будетъ хорошій оберъ-полицмейстеръ, особенно при Тучковѣ, а свойство клоповъ знаемъ очень хорошо. Что за странный оборотъ, выставить добродѣтели Потапова тѣмъ, что мы душно говоримъ о клопахъ.

Да Потаповъ добродѣтельный оберъ-полицмейстеръ—мы не споримъ,—мало что есть въ Москвѣ, тамъ еще есть Степанъ Петровичъ Шевыревъ, тоже очень хорошій человекъ. Тамъ есть Марія Бредау, не совсѣмъ хорошая женщина, но уважаемая Сѣчинскимъ, тамъ есть соборный протодіаконъ съ басомъ, и колоколъ безъ языка. Вотъ первое письмо:

М. Г. Въ послѣднемъ Но. *Колокола*, прочелъ я замѣтку подъ заглавіемъ “Клоповники.”

Вы говорите о безчувственныхъ клопахъ и сравниваете ихъ съ русскими чиновниками и полицейскими, въ которыхъ правда никто и не подозрѣваетъ избытка благородныхъ чувствъ. Русскіе чиновники и полицейскіе не только безчувственны, но часто жестоки и не справедливы. *Я это признаю*, но никогда не думалъ я, чтобы вы были способны обращать вниманіе на одно дурное, не замѣчая хорошаго, чтобы вы рѣшились звонить въ *Колоколъ*, знакомить вашихъ соотечественниковъ со всѣмъ дурнымъ, не говоря ни слова о улучшеніяхъ въ Россіи.* Вы раздражены, но къ счастью не всѣ Русскіе слѣпо вѣрятъ вамъ, а сравниваютъ статьи ваши съ дѣйствительностью на самомъ мѣстѣ. Статья ваша “Клоповники,” была безъ сомнѣнія написана съ хорошей пѣлюю, вы хотѣли обратить не столько вниманіе русскихъ вообще, сколько вниманіе г. Потапова, какъ человека со вліяніемъ въ Москвѣ и извѣстнаго властью, человека, который можетъ помочь горю и прекратить мученія колодниковъ. Итакъ статья эта относится къ Потапову больше нежели къ комунибудь другому. Хотя всякій Русскій вполне признаетъ дурное, безчеловѣчное устройство нашихъ тюремъ, но не всякій можетъ улучшить положеніе заключенныхъ.

Согласитесь, что Потапову не совсѣмъ пріятно читать свое имя въ *Колоколѣ*, читать совѣтъ, читать насмѣшку, и не найди ни слова одобренія, благодарности за сдѣланныя имъ улучшенія (въ Москвѣ) во ввѣренномъ ему вѣдомствѣ.—Вы не подумали напечатать нѣсколько словъ благодарности вмѣстѣ съ совѣтомъ улучшенія содержанія колодниковъ. Потаповъ человекъ, а извѣстно что всякій человекъ болѣе или менѣе самолюбивъ, и потому Московскому оберъ-полицмейстеру пріятнѣе было бы прочесть одобреніе въ *Колоколѣ*, и я увѣренъ что онъ обратилъ бы двойное вниманіе на совѣтъ вашъ; къ тому же, читая похвалу въ вашемъ Лондонскомъ изданіи, которое конечно имѣетъ большой авторитетъ въ Россіи, онъ бы читалъ и видѣлъ одобреніе со стороны всѣхъ или большей части Русскихъ, и удвоилъ бы старанія къ

* Хорошо читалъ *Колоколъ*, и главное хорошо появля.

уничтоженію золь, закорененныхъ не только въ тюрьмахъ, но и во многомъ, многомъ другомъ. Онъ бы обратилъ вниманіе на многія злоупотребленія, отъ которыхъ терпитъ все общество, и которыя можетъ остались до сихъ поръ имъ не замѣченными.

Потаповъ заслуживаетъ благодарность за учрежденный имъ словесный судъ (въ полиціи) въ Москвѣ, за увеличеніе жалованья полицейскимъ чиновникамъ, и за улучшеніе дорогъ, пользу котораго также нельзя отвергнуть, напр. живо занявшись улучшеніемъ дорогъ въ Москвѣ, онъ далъ работу праздному Московскому гарнизону, и платилъ каждому изъ солдатъ по 40 к. с. въ день, это безъ сомнѣнія лучше чѣмъ ничего, или почти ничего, которое бѣдные солдаты получаютъ отъ правительства.

Въ концѣ письма позвольте мнѣ замѣтить о вашемъ слогѣ, который дѣлается тяжелымъ, непонятнымъ иногда; чѣмъ бы вамъ писать для всѣхъ Русскихъ, вы пишете для немногихъ можетъ быть избранныхъ, потому что право только меньшинство вашихъ читателей будетъ сидѣть полчаса за какойнибудь фразой и искать значенія, смысла вашихъ часто не попятныхъ мыслей и не русскихъ словъ.

Вы обяжете меня помѣстивъ письмо это въ *Колоколѣ* съ вашимъ *ответомъ*.

Отъ издателей.—Моего отвѣта не было *приложено*, писать же къ этому господину я вовсе не намѣренъ, равно и къ его товарищу:

Вы привыкли видѣть всѣ вещи изъ вашего прекраснаго далека, писалъ Бѣлинскій Гоголю, позвольте Милостивой государь, повторить тоже самое вамъ.

Колоколъ не можетъ имѣть большаго успѣха у насъ, уже потому, что *Вы не вѣрите въ будущность Россіи!* Вы не радуетесь новымъ улучшеніямъ, не можетъ быть чтобы вы не слышали объ нихъ, а если слышали, то на васъ падаетъ большое обвиненіе, а именно, препятствованіе гласности, за которую вы такъ стоите!

Между тѣмъ какъ въ Москвѣ черезъ содѣйствіе Потапова открывается словесный судъ, прибавляютъ жалованье полицейскимъ, *Колоколъ* молчитъ, если вы *истинно Русскій*, вы бы порадовались вмѣстѣ съ нами и были бы первымъ готовы сказать хоть словечко обо всемъ этомъ.

Вы смотрите на правительство глазами разсерженнаго человека, потому что во время вашего пребыванія въ Россіи оно поступило съ вами такъ несправедливо, но вспомните что время царствованія пезабвеннаго уже прошло и забыто.

Кстати, статья ваша на смерть Аксакова, гдѣ вы говорите, что будто бы Москва спитъ, это несправедливо, впрочемъ вы такъ долго не были въ Москвѣ, что не можете судить объ ея теперешнемъ развитіи!

Притомъ если вы пишете для русскихъ такъ къ чему же искажать нашъ языкъ и писать какимъто варварскимъ вѣмецко-русскимъ нарѣчіемъ.

Вотъ что мнѣ пишутъ изъ Москвы: Здѣсь и въ Петербургѣ устроили теперь словесный судъ, куда можетъ каждый поденщикъ ходить жаловаться на своихъ подрядчиковъ. Въ этотъ судъ можетъ ходить каждый, и если онъ чтонибудь знаетъ про обсуживаемое дѣло, онъ можетъ выступать свидѣтелемъ. Въ полиціи тоже устроили такой судъ, да дай только Богъ чтобы нашъ добрый государь продолжалъ какъ онъ началъ, а тогда уже скоро Россія вступитъ въ новый періодъ.

Скажу еще разъ что до тѣхъ поръ пока *Колоколъ* будетъ издаваться съ единоплевною цѣлью ругать государя и правительство, онъ не будетъ имѣть успѣха въ Россіи, его читаютъ теперь только потому, что онъ запрещенъ!*

Если вы не найдете излишнимъ, прошу напечатать это письмо въ *Колоколъ* съ вашимъ отвѣтомъ, и пр."

На первый разъ достаточно.

СМѢСЬ.

— *День страха.* Чего боялся государь 5 Марта и 6? Зачѣмъ Адлербергъ, Огаревъ... ночевали во дворцѣ? Зачѣмъ козацкій полкъ стоялъ на готовѣ? Зачѣмъ не торжествовали великое событіе освобожденія, а украли у народа его праздникъ? Зачѣмъ такъ скомкали объявленіе? кто-же сообщаетъ радость какъ горькую пилюлю? Чего боялись? Народа. Да гдѣ же здравый смыслъ? какъ же народъ взбунтуется когда его освобождаютъ? Мы знаемъ что здраваго смысла искать нельзя у этихъ Игнатьевыхъ и Долгорукихъ, да Александру Николаевичу какъ не стыдно. Не народа ему надобно бояться, не литературы, не аудиторій, ему надобно бояться—татарву плантаторовъ его окружающихъ, они пройдутъ и между казаками и за кавалергарды. Александръ Николаевичъ можетъ Богу свѣчку поставить если онъ проживетъ два года съ своей обстановкой. Отчего его докторъ не пропишетъ ему для здоровья удаленіе *всѣхъ крѣпостниковъ*, имѣющихъ входъ во дворецъ, начиная съ Муравьева-вѣшателя и Долгорукова-слушателя.

— *Розги и плети, употребляемыя международно.* Иностранныя газеты, передавая русскія новости часто вводятъ насъ въ ошибки. Такъ *Теймсъ* рассказалъ совсѣмъ невѣрно Замятинскій законъ о наказаніи государственныхъ преступниковъ противъ другихъ государствъ (См. *Кол. 93.*); на дѣлѣ онъ гораздо гнуснѣе, вотъ что напечатано въ *СНБ. Вѣдомостяхъ*:

"Государственный совѣтъ, мнѣшіемъ своимъ, высоч. утвер. 16 Юня, 1858 гога, положилъ: предположенное главноуправляющимъ II от. собственной е. и. в. канцеляріи дополненіе подлежащихъ статей Уложенія о наказаніяхъ, имѣющее служить основаніемъ для заключенія условія съ австрійскимъ правительствомъ о взаимности наказаній по государственнымъ преступленіямъ, утвердить и, вслѣдствіе того, постановить: Если одно изъ преступленій, означенныхъ въ ст. 293, 264, 265, 271, 272, и 275 улож. о наказаніи, будетъ учинено противъ иностраннаго государства, съ которымъ, на основаніи трактатовъ или обнародованныхъ о томъ узаконеній, постановлена надлежащая, въ семъ отношеніи, обоюдная взаимность или же противъ верховной того государства власти, виновные, буде къ сему не присоединяется и преступленіе, подлежащее другому, болѣе-тяжкому наказанію, приговариваются: къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ какъ лично, такъ и по состоянію осужденнаго ему присвоенныхъ, и къ ссылкѣ на житье въ губерніи Томскую и Тобольскую, или же, если они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, къ наказанію розгами, въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 35 сего уложенія для четвертой или пятой степени наказаній сего рода, и къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства, на время отъ двухъ до четырехъ лѣтъ, или отъ одного года до двухъ лѣтъ. Когда-жъ сіе преступленіе учинено съ увеличивающими вину обстоятельствами, то къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и къ ссылкѣ въ Сибирь

на поселеніе, въ мѣста не самыя-отдаленныя, а буде они не изъяты отъ наказаній тѣлесныхъ, и къ наказанію плетью черезъ палачей, въ мѣрѣ, опредѣленной ст. 22 сего уложенія для второй степени наказаній сего рода."

— *Орлы, львы и жандармы корпуса генералъ-басъ.* На Алексѣи Федоровичей пошла повальная болѣзнь. Вслѣдъ за размягченіемъ мозга у Алексѣя Федор Орлова, отмякъ мозгъ у Алексѣя Федор. Львова. Этотъ возсочинитель *съ нѣмецкаго* русскаго гимна, окончательно бредитъ. Онъ объявилъ и вывѣсилъ публично приказъ придворной капеллы, что каждый пѣвчій, который станетъ посѣщать вновь образовавшееся музыкальное общество, будетъ *исключенъ* изъ капеллы! — А туда-жъ, при болѣзненномъ состояніи мозга есть свои хитрости (фактъ часто замѣченный докторами въ сумашедшихъ домахъ), сочиненія Бортиянскаго не велѣли перепечатывать, чтобъ спустить свою музыку *по ключу* третьяго отдѣленія. Знаете, какъ эдакъ генералъ пришлетъ изъ III Отд. фугу: "не хотите-ли моль для собственной вашей пользы и образованія?" У челоуѣка жена, дѣти, онъ и проситъ дайте лучше двѣ фуги, три фуги (для каждаго отдѣленія по фугѣ)...

Вотъ Якоби, академикъ-патріотъ, предлагавшій—(См. *Кол. л. 91*) министру финансовъ, основываясь на томъ, что Княжевичъ пятьдесятъ лѣтъ (въ чемъ самъ публично сознался) съ Гречемъ хлѣбъ соль водить,—какія-то мѣры противъ книги Долгорукова,—заявляя-бы изобрѣженіемъ *мозгометра*, чтобъ узнавать градусъ размягченія мозга, какъ узнаютъ градусъ разжиженія спирта. Тимашевъ ходилъ бы, постукивалъ-бы, да послушивалъ-бы, да графское достоинство заслуживалъ-бы!

— *Мухановъ съ Вислы уѣхалъ!* Счастливаго пути! И такъ надобно было возстаніе, стрѣльбу на улицахъ, телеграфическія дѣшеи съ комментаріями Карницкаго и собственные его картушевскіе циркуляры, чтобъ убѣдить правительство, что Мухановъ былъ вредный и злонамѣренный чиновникъ. Точно будто у царей до того уши заложило, что они до ружейнаго выстрѣла ничего не могутъ слышать.

— Етъ тоі врутѣ? Чиновникъ Тимаевъ просилъ министра просвѣщенія объ уничтоженіи въ школахъ слова *Вы.* Каковъ римлянинъ? Брутъ да и только. Ежели ему непременно надобно было просить вздора, онъ лучше-бы просилъ чтобъ министр (министръ все можетъ) перемѣнилъ его фамилію на *Вымаевъ*, да и говорилъ-бы дѣтямъ *Вы.*

— *Издателямъ журналовъ въ Россіи.* Кто васъ обманываетъ? или кто обманываетъ вашихъ читателей? Во всякомъ случаѣ не мѣшало бы издателямъ *Современника*, *Отечественныхъ Записокъ*, *Библиотеки для чтенія*, *Русскаго Вѣстника*, и пр. запятаться безобразнымъ полученіемъ ихъ журналовъ за границей. 25/13 Марта, *нѣтъ еще ни одной книжки за 1861 въ Лондонъ!* Вывозъ что ли ихъ запрещенъ по тарифу или Европа запретила ввозъ?

ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ.

Вольная Русская Типографія въ Лондонѣ и издатель *Колокола* празднуютъ вечеромъ 10го Апрѣля, начало освобожденія крестьянъ въ Orsett house, Westbourne terrace. *Каждый Русскій*, какой бы партіи онъ ни былъ, сочувствующій великому дѣлу,—будетъ принять братски.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 96.

15 АПРѢЛЯ 1861.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—10 АПРѢЛЯ 1861.—Начало освобожденія—Кабинетъ (Окончаніе)—Листъ шпионовъ и Нордъ. СМѢСЬ: Новые мѣла—

Плетневъ—Пятидесятилѣтіе Вяземскаго—Шестаковъ—Въ защиту г. Карницкаго—Присланныя деньги.

10 АПРѢЛЯ 1861

и

УБИЙСТВА ВЪ ВАРШАВѢ.

Праздникъ нашъ былъ мраченъ. Я не знаю дня, въ который бы разорванность давила беспощаднѣе и тяжелѣе, гдѣ бы плочки были такъ близки къ слезамъ..... Нѣтъ, Русскій не долженъ забываться, не пришло еще время намъ торжествовать свѣтло и беззаботно, не пришло время прямо и гордо подымать взглядъ — нѣтъ, еще не отъ избытка радости, а съ горя и заглушая боль и стыдъ, будемъ мы пить наше вино!

Мы какъ будто помолодѣли вѣстью освобожденія крестьянъ. Все было забыто; съ упованіемъ на новую поступь Россіи, съ бьющимся сердцемъ ждали мы нашъ праздникъ. На немъ *отъ первый разъ отъ роду* при друзьяхъ русскихъ и польскихъ, при изгнанникахъ всѣхъ странъ, при людяхъ какъ Маццини и Луи Бланъ, при звукахъ Марсельезы, мы хотѣли поднять нашъ стаканъ и предложить неслыханный при такой обстановкѣ тостъ за *Александра II освободителя крестьянъ!* Мы очень хорошо знали отвѣтственность, которую на насъ обрушивалъ этотъ тостъ — мы подвергались тупому порицанію всѣхъ ограниченностей, желчной клеветѣ всѣхъ мелкихъ завистей. Намъ до этого дѣла не было; поступокъ нашъ казался намъ чистымъ и справедливымъ. Мы знали и другое, мы знали, что этотъ тостъ произнесенный нами и у насъ, отозвался бы инымъ образомъ въ сердцѣ государя, чѣмъ подценсурная риторика допускаемыхъ похвалъ и отдаваемыхъ въ казенные проценты восторговъ.

Но рука наша опустилась; черезъ новую кровь, пролитую въ Варшавѣ, нашъ тостъ не могъ итти. Преступленіе было слишкомъ свѣжо, раны не закрылись, мертвые не остыли, имя царя замерло на губахъ нашихъ. Выпивши *за освобожденнаго русскаго крестьянина*, безъ рѣчей, безъ шума, съ тѣмъ печальнымъ благоговѣніемъ, съ которымъ люди берутъ иную чашу, иного воспоминанія, въ которомъ также смѣшаны искушеніе и казнь, мы предложили одить тостъ:

ЗА ПОЛНУЮ, БЕЗУСЛОВНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ПОЛЬШИ, ЗА ЕЯ ОСВОБОЖДЕНІЕ ОТЪ РОССІИ И ОТЪ ГЕРМАНИИ, И ЗА БРАТСКОВЕ СОЕДИНЕНІЕ РУССКИХЪ СЪ ПОЛЯКАМИ!

Годъ V.

На разрывѣ—только на разрывѣ Польши съ Россіей, мы поймемъ другъ друга! Офицеръ переломившій шпагу, началъ новое братство... если онъ погибъ, какъ говорятъ журналы, если его въ самомъ дѣлѣ разстрѣляли, мы ему съ Поляками воздвигаемъ пограничный памятникъ; его именемъ начнется новая эра!

А вы Александръ Николаевичъ, зачѣмъ же вы отняли у насъ праздникъ, зачѣмъ вы отравили его? Развѣ у насъ ихъ такъ много, развѣ съ нашего рожденія, мы что нибудь праздновали, кромѣ похороновъ?

Вѣдь и тогда, когда Россія, семь лѣтъ тому назадъ, торжествовала ваше восшествіе — она собственно торжествовала смерть.

Зачѣмъ-же вы отняли у насъ нашъ праздникъ? Зачѣмъ вы грубо хлопнули наше сердце, лишь только оно стало открываться чувствамъ примиренія и радости?... Снова сжатое, оно болѣзненно подсказываетъ горькія слова.

Sire, pas de réveries! pas de réveries! *Вы Польшу потеряли.* Вы могли стать во главѣ Славянскаго движенія, вы могли возстановить Польшу, безъ капли крови, — вы предпочли австрійскія драгонады. Pas de réveries, sire! Вы Польшу потеряли, т. е. *живую* — зарѣзанная она можетъ и останется трофеемъ побѣдоносному войску вашего величества.

.... Хоть-бы вы положили какой нибудь срокъ между освобожденіемъ крѣпостныхъ и убійствомъ безоружныхъ, чтобъ мы, обратнымъ хозяйствомъ Гамлетовой матери, не бѣли праздничныхъ пироговъ у открытаго рта, куда прячетъ ваша полиція убитыхъ. Видно, гдѣ есть въ основѣ неправда — тамъ ее трудно спрятать, и надобно ждать каждую минуту бѣды.

Лучше кончимъ нашъ праздничный рассказъ. Только слова два тѣмъ изъ Поляковъ, которые, изъ чувства глубокаго состраданія къ намъ, не отказались присутствовать на пиру.

Вамъ друзья, безконечная благодарность. Мы видѣли ваши лица и ваши слезы. Вы видѣли наши лица и наши слезы. Печальнымъ пиромъ нашимъ мы заключили, не говоря ни слова, новый союзъ. Вы въ вашемъ сѣтованіи, не отказались выпить за освобожденіе русскаго крестьянина. Наша радость поблѣднѣла передъ вѣстью о Варшавскихъ убійствахъ — и что-то свято-торжественное, печальное и полное глубокаго смысла обняло всѣхъ!

Пойдемте-же вмѣстѣ! И пусть насъ сопровождаетъ брань дикихъ и узкихъ націоналистовъ обѣихъ странъ, дѣлающихъ изъ своего ревниваго, алчнаго и тупаго патріотизма, какое то нечеловѣческое, исполненное эгоизма и ненависти преступленіе!

Искандеръ.

11 Апрѣля 1861.

ПАЧАЛО РУССКАГО ОСВОБОЖДЕНІЯ.

Манифестъ 19 Февраля положилъ начало свободы русскаго народа. Мы не станемъ разбирать хорошо или худо онъ написанъ; бросать мелкіе камешки въ слабыя мѣста великаго дѣла было бы недостойно. Освобождая, государь *полагается на здравый смыслъ народа*. Пусть это довѣріе будетъ не на словахъ, а на дѣлѣ—и Александръ II уже не положитъ, изъ предосторожности, генералъ-адъютантовъ почевать на койкахъ своей передней, и всѣ эти генералы отъ крѣпостныхъ дѣлъ поймутъ, что они должны уступить, потому что иначе народъ, изъ своихъ рядовъ, создастъ *Мстителя*.

Рескриптъ Константину Николаевичу общаетъ *самое живое дѣло* въ будущемъ. Имъ учреждается “комитетъ для устройства *всего вообще сельскаго состоянія на общихъ и единообразныхъ началахъ*.” Слѣдственно тутъ *прямо поставленъ* вопросъ объ освобожденіи государственныхъ, удѣльныхъ и всякихъ казенныхъ крестьянъ. Сверхъ того трудами этого комитета могутъ быть устранены всѣ противурѣчія и ошибки, лежащія въ положеніи о крестьянахъ *освобождающихся* отъ помѣщичьей власти. Этотъ комитетъ, въ короткое время, можетъ сдѣлать чудеса для развитія хозяйственнаго, судебного и административнаго самоуправленія русскаго народа. Въ этой надеждѣ народъ охотно и спокойно вытерпитъ два тяжелые года переходнаго состоянія. Комитету предстоитъ великая и трудная обязанность: въ два года положить рѣшительный конецъ шаткому, неопредѣленному, для всѣхъ сторонъ вредному положенію перехода; отдать всему народу *его* землю, опредѣливъ, со стороны освобожденныхъ изъ крѣпости, пособіе помѣщикамъ, правильными годовыми взносами; создать мірскіе капиталы въ крестьянскихъ общинахъ; дать имъ средства для артельного хозяйства; измѣнить подать личную на подать вещную; распределить ее не на однихъ крестьянъ, а на всѣ сословія; отдать народу *его* выборное управленіе, независимое отъ произвола помѣщиковъ, окружныхъ, управляющихъ, губернаторовъ и всякихъ иныхъ баскаковъ въ нѣмецкомъ мундирѣ; дать ему *его* выборную, порядокъ охраняющую полицію, и уничтожить полицію приставную, безотвѣтственную, грабящую, сѣкущую, чиновничью; дать народу свой судъ, независимый отъ баскаковъ, и увѣренность, что ни единого человѣка въ Россіи никакая власть не можетъ безъ суда схватить, посадить въ тюрьму, и подвергнуть какому бы то ни было штрафу или наказанію, не говоря уже о наказаніи тѣлесномъ, которое должно быть сдано въ архивъ, открытый только для печально-важнаго труда лѣтописцевъ. Если Константинъ Николаевичъ понимаетъ все величіе задачи, возложенной на него братомъ, то онъ пойметъ, что для нихъ обоехъ, изъ ложныхъ видовъ власти, обмануть народныя ожиданія и народное терпѣніе—было бы позорно; что постепенность не значитъ медленность и застой въ полумѣрахъ, что ему надо работать много и быстро; сила обстоятельствъ не ждѣтъ; обязанность прави-

тельства отгадывать общественныя потребности, чтобы каждая новая мѣра была отвѣтомъ на внутренній, можетъ еще стоящій на степени предчувствія, народный запросъ. Наше правительство необычайно счастливо поставлено; ему пришлось сдѣлать не уступку грозному требованію освобожденія, а добровольно положить ему начало. Если оно пойметъ, что оно стало въ главѣ освобожденія и имѣетъ всѣ средства развивать его, то оно не ввергнетъ Россію въ кровавыя потрясенія, всегда горькія, но вынуждаемыя упорнымъ непониманіемъ и жалкимъ своекорыстіемъ правительствъ и высшихъ сословій.

При счастливой обстановкѣ новаго комитета, мы не можемъ не замѣтить, что ему легко избѣгнуть нѣкоторыхъ страшныхъ ошибокъ, мѣшавшихъ движенію крестьянскаго вопроса до обнародованія манифеста. Первою ошибкой былъ призывъ депутатовъ. Редакціонныя коммиссіи имѣли въ рукахъ всѣ проекты губернскихъ комитетовъ; ихъ слѣдовало немедленно печатать и пускать на судъ публики, равно какъ и свои положенія; слѣдовало дозволить говорить о тѣхъ и другихъ изустно и печатно—безъ всякихъ ограниченій. Мы глубоко убѣждены, что полемика, возбужденная государственными вопросами, нашла бы въ печати огромное число безкорыстныхъ голосовъ, гдѣ бы выразилась и гражданская преданность общему народному дѣлу, и свѣтлое пониманіе его. Между тѣмъ призывъ депутатовъ, вмѣсто того, чтобы подать совѣтъ ради общихъ, а несловныхъ выгодъ, вдругъ поставилъ Редакціонныя коммиссіи въ враждебныя отношенія съ депутатами, и онѣ пошли лавировать между разными подводными камнями, дѣлать уступки ненужныя и вредныя, и иногда, наперекоръ правдѣ, отстаивать свое собственное мнѣніе. Такъ они отстояли отсрочку выкупа надѣловъ, требуемаго немедленно депутатами первого призыва, и уступили депутатамъ второго призыва* полицейскую власть помѣщика до включенія тѣлесныхъ наказаній. Если бы Редакціонныя коммиссіи поставили себя въ положеніе слушать не шляхетскія мнѣнія депутатовъ отъ дворянства, а выраженіе общественнаго мнѣнія въ полной печатной гласности,—имъ бы не надо было ни лавированій, ни уступокъ, ни пустыхъ страховъ. Вторая ошибка, менѣе важная но совершенно смѣшная, это то, что правительство поддалось формализму канцелярскаго государственнаго порядка и представило новое положеніе на разборъ государственнаго совѣта, и что же вышло?... законъ прошелъ по *меньшинству голосовъ!* Это нововведеніе въ исторіи рода человѣческаго было совершенно лишнее; можно было просто послать указъ въ сенатъ для исполненія. Если государю хотѣлось опозорить государственный совѣтъ въ общественномъ мнѣніи,—и это было лишнее: его и такъ никто въ Россіи не уважаетъ. Заключение очевидно: новому комитету надо опереться на совершенную гласность печати, давать на *его* судъ свои предположенія и, изъ среды гласности, руководствоваться лучшимъ мнѣніемъ, т. е. тѣмъ, которое всего безкорыстнѣе и съ наибольшимъ здравымъ смысломъ выскажетъ народныя потреб-

* Получивъ два тома трудовъ депутатовъ 2-го призыва, мы съ недоумѣніемъ остановились передъ ними: неужели господа депутаты думаютъ, что они выразили что либо, кромѣ заскорозлыхъ помѣщичьихъ требованій? Говорятъ, что Редакціонныя коммиссіи мѣшали распространенію этихъ двухъ томовъ... Если это правда—то на коммиссіи падаетъ обвиненіе въ стѣсненіи гласности, и для этого нѣтъ нравственнаго оправданія; но если господа депутаты 2-го призыва полагаютъ, что распространеніе ихъ трудовъ припесло бы имъ почетъ въ русскомъ общественномъ мнѣніи,—то они сильно ошибаются.

ности, и за тѣмъ вести дѣло твердымъ, поступательнымъ шагомъ, не спрашиваясь ни Гагаринныхъ, ни депутатовъ отъ всякихъ крупныхъ и мелкихъ крѣпостниковъ. Отнынѣ только на полной гласности, на полной свободѣ слова основанъ усиленъ правительственныхъ предначертаній и русскаго развитія. Пора государю и Константину Николаевичу понять—какъ высоко станетъ правительство, которое, безъ секретовъ, безъ камешка за пазухой, съ чистосердечной мыслью явится передъ народомъ и спросить у него, и беззлобно выслушаетъ и приметъ къ сердцу его свободное мнѣніе. Только этотъ путь поведетъ Россію величавымъ ходомъ спокойныхъ преобразованій.

Указъ сенату содержитъ оглавленіе новаго устава. Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ самому уставу, мы не можемъ не отдать должной справедливости членамъ Редакціонныхъ комиссій и ихъ коноводамъ. Мы во многомъ съ ними не согласны; но намъ издалика не видать на сколько они согласны сами съ собою, на сколько имъ надо было пройти, черезъ упорную борьбу съ корыстью и невѣжествомъ, къ единой цѣли: такъ или иначе, во что бы ни стало—поставить начало русскаго освобожденія. И они достигли этой цѣли. Честь и слава тѣмъ изъ нихъ, кто вышелъ цѣль изъ борьбы, и миръ въ памяти народной тому, кого уже нѣтъ на свѣтѣ.

Самый уставъ мы привимаемъ за совершившійся фактъ, за точку отправленія. Живой восторгъ отъ великаго начинанія еще слишкомъ волнуетъ насъ, чтобъ можно было хладнокровно прослѣдить всѣ противурѣчія и ошибки новаго положенія. Сегодня мы укажемъ только на его свѣтлыя стороны—и именно на самую свѣтлую, на самую главную,—на его разтяжимость, на то, что въ немъ поставлена рамка широкая и не одеревенѣлая, въ границахъ которой, при пособіи новаго комитета, можно многое переработать и выработать, и которая, по мѣрѣ надобности, сама естественно будетъ раздвигаться, не встрѣчая внѣшнихъ предѣловъ, такъ, что все ложное и противурѣчающее нечувствительно, само собою—даже и прежде двухъ лѣтъ можетъ отпасть, какъ парость неимѣющій корня.

Возьмемъ сначала положеніе о правахъ крестьянъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости. Во первыхъ въ самомъ заглавіи, слово *вышедшихъ* кладетъ черту, за которую вспять возвратиться уже невозможно. Далѣе, въ первой главѣ, въ первый разъ крестьянинъ признанъ за юридическое лицо. Новый комитетъ будетъ поставленъ въ необходимость обозначить это положеніе рѣзче и яснѣе. Такимъ образомъ въ уставѣ недоговорено, что крестьянинъ можетъ вступать въ договоры съ казною безъ согласія помѣщика; новому комитету въ первый годъ придется досказать это ради обоюдной выгоды крестьянъ и казны и для избѣжанія всякихъ недоразумѣній. Въ сводѣ законовъ признаніе крестьянина юридическимъ лицомъ существовало какъ-то подъ спудомъ, подавленное крѣпостнымъ правомъ помѣщика и министерства государственныхъ имуществъ. Повторенное въ новомъ уставѣ, оно вдругъ съ полкомъ, на которыхъ тяжелѣтъ многогодный сводъ, изъ подъ слоя пыли переходитъ въ жизнь и становится правомъ. Выводъ ясенъ: если это право признано за крестьянами вышедшими изъ помѣщичьей зависимости, то оно неотъемлемо принадлежитъ и государственнымъ, удѣльнымъ и инымъ крестьянамъ. Очевидно новый комитетъ не можетъ оставить существованіе

министерства государственныхъ имуществъ, министерства удѣловъ и кабинета с. в. Для упроченія права личности за крестьянами всѣхъ наименованій, ему придется не подчинить вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости старымъ начальствамъ, а освободить отъ нихъ и остальныхъ крестьянъ.

“Земли, отведенныя помѣщиками въ пользованіе крестьянъ, не могутъ служить залогами по договорамъ и обязательствамъ крестьянъ съ казною и частными лицами.” (Прим. 1 къ пункту 2-му, ст. 22). Переводя это на языкъ, къ которому новый комитетъ невольно придетъ въ самое короткое время, это значитъ, что земли принадлежащія общинѣ, не могутъ служить залогами въ частномъ случаѣ. Что же тутъ замѣняетъ залогъ? Поручительство общины, на основаніи ст. 1563 и 1564 кн. IV, Т. X св. зак. изд. 1857 года. Это не можетъ не обратить вниманія новаго комитета на то, что условія крестьянской жизни приводятъ къ новымъ экономическимъ и юридическимъ формамъ, которыя требуютъ развитія и узаконенія.

Право крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, (ст. 23 положенія) приписываться въ цѣхи и гильдіи, не переставая быть крестьянами своего села, не можетъ не распространиться и на все остальное крестьянство. Доказывая, что принадлежность къ сельской общинѣ, также мало стѣсняетъ челоуѣка, какъ принадлежность къ какому бы то ни было городу или государству—эта статья необходимо вовлечетъ новый комитетъ въ пересмотръ узаконеній о крестьянской торговлѣ, до сихъ поръ чрезвычайно стѣснительныхъ и къ предложенію пересмотра торговаго устава и дарованія каждому русскому, къ какому бы сословію онъ ни принадлежалъ, повсюднаго права свободной торговли.

Право жалобы по дѣламъ гражданскимъ, уголовнымъ и полицейскимъ, признанное за крестьянами вышедшими изъ крѣпостной зависимости, а слѣдственно и право жалобы на распоряженія какого бы то ни было начальства, потому что эти распоряженія необходимо подходятъ подъ одинъ изъ трехъ разрядовъ дѣлъ,—это право не можетъ не распространиться и на всѣхъ крестьянъ въ Имперіи, равно какъ и право, признанное ст. 25 не быть наказану иначе какъ по судебному приговору, или по *законному* распоряженію постановленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей; но тутъ замѣчательно слово: *законное* распоряженіе, потому что оно не можетъ не предполагать предшествующаго судебного приговора, иначе такое распоряженіе совершенно *не законно* и должно подлежать взысканію, на основаніи права жалобы.

Освобождающимся крестьянамъ дано право перечисляться въ другія сословія и общества, отлучаться отъ мѣста жительства, отдавать дѣтей въ общія учебныя заведенія и поступать на службу по *учебной, ученой*, (а слѣдственно и всякой, ибо ученая степень даетъ право на всякую службу) и межевой частямъ, на основаніи правилъ установленныхъ на сей предметъ для свободныхъ сельскихъ податныхъ сословій, по увольнительнымъ свидѣтельствамъ, съ исключеніемъ изъ податнаго оклада (ст. 29, пункт. 2, 3 и 4^а). Необходимость приведетъ новый комитетъ преобразовать податъ личную въ податъ вещную, и тогда условіе исключенія изъ податнаго оклада отпадетъ само собою, и станетъ ясно, что можно быть учителемъ, профессоромъ, министромъ просвѣщенія, директоромъ межеваго департамента и принадлежать къ своему селу. Права, данныя крестьянамъ этой статьею и распро-

страненныя на все крестьянство, въ соединеніи съ правомъ дворянина приписываться къ купечеству и съ его правомъ несомнѣннымъ—потому что запрещенія на это нѣтъ—приписаться къ сельскому обществу, если оно на то согласно,— докажутъ правительству, что ему слѣдуетъ признать право каждаго русскаго чловѣка свободно переходить съ мѣста на мѣсто и посвящать себя всякой гражданской, военной, промышленной или художественной дѣятельности въ государствѣ.

Статья 30 признаетъ права крестьянъ, означенныя въ первомъ раздѣлѣ, главѣ I положенія, неотъемлемыми,—иначе какъ по суду или общественному приговору, т. е. опять таки по суду, потому что общественный приговоръ не можетъ быть личнымъ произволомъ, по мимо какого нибудь проступка со стороны приговореннаго, т. е. подсудимаго лица.

Статья 3 Общаго Положенія (введенія) сохраняя помѣщикамъ право собственности на земли, предоставляетъ въ *постоянное пользованіе* крестьянъ ихъ усадебную осѣдность и то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется на основаніяхъ, указанныхъ въ мѣстныхъ положеніяхъ. Мѣстныхъ положеній мы еще не знаемъ; по всей вѣроятности падѣль останется почти не измѣненнымъ. Статьей 31 выкупъ усадебной осѣдности является чѣмъ то обязательнымъ; но и самая эта статья и всѣ послѣдующія никакъ не могутъ отдѣлѣть въ своемъ умѣ усадьбы отъ надѣловъ и видѣть въ отдѣльномъ выкупѣ усадьбы что либо иное, какъ частный, исключительный случай. Новый комитетъ не можетъ не устранивъ внутренняго противурѣчія и шаткости Положенія въ вопросѣ усадьбъ и надѣловъ—правильнымъ выкупомъ надѣла вообще; иначе и ему, комитету, и всѣмъ вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости и самимъ помѣщикамъ покоя не будетъ. По этому мы вправѣ заключить, что крестьяне просто полные собственники тѣхъ земель, которыми нынѣ владѣютъ, какъ бы ни была распределена эта собственность общинно или подворно. Къ этому вопросу мы вернемся впослѣдствіи; теперь мы обратимъ вниманіе исключительно на 2^ю главу 1го раздѣла.

Статья 31 признаетъ движимое имущество крестьянъ ихъ личной собственностью, а мірскіе капиталы и хлѣбные запасы собственностью общественною; ст. 33 признаетъ за *каждымъ крестьяниномъ* право пріобрѣтать въ собственность *недвижимыя* и движимыя имущества и отчуждать оныя, отдавать въ залогъ и вообще распоряжаться ими на основаніи общихъ узаконеній; ст. 34 дозволяетъ *сельскимъ обществамъ* пріобрѣтать въ собственность движимыя и *недвижимыя* имущества и распоряжаться этими землями, пріобрѣтенными въ собственность не зависимо отъ надѣла, по своему усмотрѣнію. Статья 38 признаетъ за крестьянами право руководствоваться мѣстными своими обычаями въ порядкѣ наследованія; а ст. 39 предоставляетъ выморочное имущество въ пользу сельскаго общества.

Совокупность этихъ статей, узаконявая народный обычай, вводитъ въ русское законодательство нѣсколько новыхъ основаній:

1) Вопросъ подошелъ къ необходимости точнѣе опредѣлить экономическое отношеніе собственности личной и собственности мірской, которое, въ великороссійскихъ губерніяхъ по крайней мѣрѣ, носитъ въ себѣ зародышъ сильнаго общественнаго развитія и не можетъ остаться безъ вліянія и на остальные губерніи. Право располагать лично благопрі-

обрѣтеннымъ даетъ широкую рамку личной свободѣ, а ненарушимость мірскаго землевладѣнія и мірскихъ капиталовъ упрочиваетъ сильную артельную жизнь и подстрѣкаетъ на артельныя благопріобрѣтенія (ст. 34). Это основаніе, не выдуманное Редакціонными комиссіями, а только признанное ими, какъ существующее въ народномъ смыслѣ, вѣроятно заставитъ новый комитетъ догадаться, что передъ нимъ цѣлое населеніе, самое способное къ созданію артельныхъ капиталовъ и развитія мѣстныхъ банковъ, слѣдственно способное къ огромной промышленной дѣятельности, удешевленной совокупностью трудовыхъ силъ. Слѣдственно въ задачу новаго комитета должно войти не только не стѣсненіе, во дѣятельное экономическое покровительство развитію артельныхъ силъ и стремленій.

2) Признаніе за міромъ права наследства выморочнымъ имуществомъ—даетъ селу или общинѣ государственный смыслъ и упрочиваетъ ея самостоятельность, существовавшую до сихъ поръ въ жизни, но не въ законѣ.

3) Признаніе наследственнаго права обычнаго противопоставляетъ вообще обычное право своду законовъ, писанному, частью по иностраннымъ образцамъ, для дворянъ и чиновниковъ. Наследственное право обычное, до сихъ поръ, въ жизни существовало у всего сельскаго населенія, нетронутое законодательствомъ, и у купцовъ и мѣщанъ подъ прикрытіемъ статьи о наследованіи имуществомъ благопріобрѣтеннымъ (Т. X, Св. Зак. изд. 1857 г. ст. 397, 398 и 1067); право наследственное опредѣленное по своду, т. е. родовое, существовало исключительно у дворянъ. Дворянскія населенныя имѣнія не могли быть отчуждаемы въ недворянскія руки. Теперь иное—дворянскія земли равно могутъ быть покупаемы купцами, мѣщанами, отдѣльными крестьянами и крестьянскими артелями (общинами). Двѣ трети помѣщичьихъ имѣній заложены въ кредитныхъ учрежденіяхъ, слѣдственно двѣ трети помѣщиковъ (кромѣ отдѣльныхъ исключеній) раззорены; слѣдственно по крайней мѣрѣ половина дворянскихъ земель будетъ продана, и наследственное право обычное взойдетъ въ законную силу или выработается, не по своду, а по своему: у всѣхъ освобожденныхъ крестьянъ—государственныхъ, помѣщичьихъ, удѣльныхъ и иныхъ, у купцовъ и мѣщанъ, и въ большей половинѣ дворянскихъ имѣній, сдѣлавшихся благопріобрѣтенными; слѣдственно родовое право наследственное, по своду, удержится только для меньшей половины дворянскихъ земель. Такое преобладаніе въ жизни—права обычнаго вѣроятно не ускользнетъ отъ вниманія новаго комитета и побудитъ его не къ остановиванію, а къ постепенному узаконенію права наследственнаго обычнаго, равно общиннаго и семейнаго.

Изъ положенія “о выкупѣ крестьянами ихъ усадебной осѣдности и содѣйствіи правительства къ пріобрѣтенію ими въ собственность полевыхъ угодій”, мы на этотъ разъ выпишемъ ст. 4:

“При пріобрѣтеніи крестьянами въ собственность, *вмѣстѣ* съ усадебной осѣдностью, полевого надѣла, оказывается, въ опредѣленныхъ въ семъ положеніи случаяхъ, содѣйствіе отъ правительства, посредствомъ выкупной операціи (выкупа). Содѣйствіе сіе заключается въ томъ, что правительство ссужаетъ, подъ пріобрѣтаемыя на этомъ основаніи земли, опредѣленную сумму, съ разсрочкою крестьянамъ уплаты оной на продолжительный срокъ, и само взыскиваетъ слѣдующія съ

нихъ платежи, какъ въ счетъ процентовъ по выданной суммѣ, такъ и на постепенное погашеніе долга. Означенная сумма выдается помѣщику процентными кредитными бумагами, по коимъ правительство принимаетъ на себя уплату процентовъ и капитала.”

Вѣроятно новый комитетъ скоро усмотритъ, что добровольныхъ соглашеній не много, и что народъ спокойно ждетъ мѣры, обѣщанной этой статьей; слѣдственно новый комитетъ пойметъ, что привести эту мѣру въ исполненіе не далѣе какъ въ два года—есть его существенная обязанность. Иначе народъ сочтетъ себя *обманутымъ*.

Замѣтимъ еще два обстоятельства :

1) Правительство, почему-то опасаясь наиболѣе дворовыхъ людей, поспѣшило прежде всего обнародовать положеніе о дворовыхъ, т. е. сказать имъ, что они еще два года останутся въ помѣщичьей власти, но уже сильно смягченной. Такъ : помѣщикъ уже не имѣетъ права запрещать свадьбы, и не имѣетъ права вызвать къ своей особѣ людей, живущихъ на оброкѣ. Правительство напрасно боится дворовыхъ. И они преспокойно вытерпятъ эти два года,—стоитъ только сдѣлать маленькое административное распоряженіе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, а именно :

Ст. 16 положенія говоритъ : “Дворовые люди, проживающіе въ имѣніи, или въ домѣ владѣльца, въ случаѣ буйства, нерадѣнія, неповиновенія, или развратнаго поведенія отсылаются владѣльцемъ, для *наказанія*, въ городскую или земскую полицію, при письменномъ требованіи, въ коемъ должна быть объяснена вина двороваго человѣка. Полиція подвергаетъ сего послѣдняго взыскацію, по мѣрѣ вины и въ предѣлахъ предоставленной ей власти.”

Слѣдуетъ только министерскимъ предписаніемъ запретить всѣмъ городскимъ и земскимъ полиціямъ сѣчь и отвязать у нихъ всякое право на тѣлесныя наказанія прежде и послѣ допроса, и дворовые люди охотно и радушно вынесутъ свои два послѣдніе кабальные года. Иначе, конечно, частные случаи бароубійства будутъ неизбѣжны.*

2) Волостные суды, мировые посредники, мировые уѣздные сѣзды и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія—составляютъ рядъ судебныхъ инстанцій, можетъ частію излишне сложныхъ, но самостоятельныхъ инстанцій, независимыхъ отъ общихъ присутственныхъ мѣстъ, и входить въ состязаніе съ ними послѣдними уже потому, что, начиная съ волостнаго суда, лицамъ не крестьянскаго сословія предоставлено право отыскивать удовлетворенія въ волостномъ судѣ или въ общихъ учрежденіяхъ (ст. 101, прим.). Отъ вниманія новаго комитета не можетъ ускользнуть, что два ряда судебныхъ властей, въ одномъ и томъ-же округѣ, по дѣламъ однороднымъ, не могутъ держаться не представляя другъ противъ друга судебной инстанціи и не входя въ безконечно враждебныя отношенія; одинъ рядъ долженъ отвалиться, уступая мѣсто другому. Новый комитетъ будетъ вынужденъ предложить правительству замѣну общихъ судебныхъ учрежденій рядомъ инстанцій, возникшихъ изъ положеній о крестьянахъ, тѣмъ болѣе, что этотъ рядъ инстанцій,

* До сихъ поръ мы нигдѣ не нашли, чтобъ уставъ давалъ помѣщику самому право сѣчь крестьянъ или дворовыхъ; даже староста, за маловажные проступки, имѣетъ только право подвергать штрафу или аресту; а волостной старшина обязанъ пресѣкать(?) преступленія, что еще не значитъ, чтобъ ему дано было право сѣчь, но до получения всего устава, мы не можемъ вывести заключенія, что тѣлесныя наказанія отменены.

основанный на выборномъ началѣ и гласномъ судопроизводствѣ, болѣе способенъ сложиться въ разумную цѣлость, чѣмъ общія учрежденія, уже окончательна скверно отдѣланныя на бюрократическихъ основаніяхъ.

Здѣсь мы останавливаемся, надѣясь въ скоромъ времени приняться за подробный разборъ устава. Мы не увлечемся праздною полемикой. Повторяемъ : мы принимаемъ уставъ за фактъ, за точку отправленія, и будемъ только имѣть въ виду важность измѣненій и учрежденій, которыя можетъ ввести въ дѣло общаго освобожденія крестьянства—новый комитетъ, если онъ поставитъ на своемъ знамени добросовѣстность и полную гласность своихъ дѣйствій и сужденій о нихъ въ нестѣсненной печати.

Да ! начало велико. Сегодня мы изъ глубины души говоримъ Александру II : благословенъ грядый во имя свободы ! А потомъ—потомъ мы посмотримъ что будетъ. Какъ русскій народъ—мы имѣемъ надежды; но довѣріе приобретается умѣньемъ и дѣломъ.

Говорятъ, что Сенатъ* хочетъ поднести государю имя *Освободителя*. Мы увѣрены, что Александръ II на столько честенъ и искрененъ, что приметъ его не отъ Сената, а отъ народа, и не теперь, а тогда, когда всѣ крестьяне будутъ свободны и всѣмъ имъ ихъ земля будетъ отдана безъ утайки, безъ недомолвокъ, безъ недоразумѣній, ясно и полно.

9 Апрѣля.

Н. Огаревъ.

дѣйствующія лица кабинета его величества.

(Письмо къ издателямъ Колокола).

(Окончаніе).

Въ кабинетѣ этотъ хозяйственный членъ ничего ровно не дѣлаетъ, хотя все суетится, куда-то торонится и о чемъ-то хлопочетъ, говоря скороговоркой. Чтобы убѣдиться въ его хозяйственной неспособности на службѣ, стоитъ только обратить вниманіе на непомѣрно расплодившуюся въ послѣднее время, внутри самаго кабинета, пустую и бесполезную переписку : не только члены, которые засѣдаютъ въ общемъ присутствіи для того именно, чтобы упрощать и сокращать теченіе дѣлъ, обсуждая словесно всѣ возникающіе вопросы, входятъ между собою въ нескончаемую переписку по самымъ ничтожнымъ предметамъ; но даже начальники отдѣленій никогда не относятся другъ къ другу иначе какъ письменно; столоначальники переписываются съ столоначальниками въ одномъ и томъ же отдѣленіи, и всякая пустая бумажка за номеромъ записывается въ входящій и исходящій журналы, помѣчается, поситя взадъ и впередъ по кабинету, подшивается къ дѣлу, суета, бѣготня, скрипъ перьевъ, “дерутъ, а толку нѣтъ.” Мудрено-ли что при такомъ медленномъ и бестолковомъ движеніи дѣлъ, основанномъ на грязныхъ интригахъ и личныхъ расчетахъ, самыя экстерныя денежныя выдачи задерживаются по два года, тогда какъ расходы на роскошныя отдѣлки квартиръ гг. членовъ и на бесполезныя поѣздки ихъ и сыновъ ихъ за границу разрѣшаются безъ малѣйшаго затрудненія.

5) Безгласный членъ кабинета и управляющій императорскими заводами и фабриками дѣйствительный статскій совѣтникъ Алексѣй Дмитріевичъ *Сивковъ*. (5) “Блаженни нищіе духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.”

* По предложенію извѣстнаго плантатора Безобразова (отца)—какъ говорить Allg. Zeit.

(5) Вѣденію его подлежатъ слѣдующіе заводы и фабрики : фарфоровый и

Надобно только объяснить, что такое *безгласный* членъ кабинета.

При министрѣ двора кн. Волконскомъ, управляющій императорскими заводами, будучи въ тоже время и членъ кабинета, разрѣшалъ свои собственные представленія и самъ себя контролировалъ, что способствовало разнымъ злоупотребленіямъ, которыя и были обнаружены при ревизіи заводовъ, произведенномъ по распоряженію покойнаго графа Перовскаго, когда онъ былъ назначенъ управляющимъ кабинетомъ е. в. Для прекращенія на будущее время подобной несообразности, управленіе заводами было отдѣлено отъ кабинета, который только мѣшалъ ихъ преуспѣванію своими бестолковыми распоряженіями, и управляющимъ заводами были сдѣланы благородный, дѣятельный и безукоризненный гр. Стенбокъ. При его энергическомъ управленіи, императорскіе заводы, долго погруженные въ летаргическій сонъ подъ тяжелымъ вліяніемъ кабинета, пробудились, оживились, начали было устроиваться, преобразовываться и конечно скоро сравнялись бы своими издѣліями съ лучшими иностранными фабриками, еслибы не были остановлены на пути своего совершенствованія внезапно происшедшими переменами въ составѣ кабинета, и чрезъ-то не измѣнилась бы самая программа управленія заводами: Перовскій умеръ, Стенбокъ былъ назначенъ помощникомъ предсѣдателя департамента удѣловъ, управляющимъ кабинетомъ сдѣланъ былъ баронъ Менендорфъ, а управляющимъ заводами Сивковъ. И такъ какъ у насъ ничего не дѣлается послѣдовательно, а всякій новый начальникъ, не познакомясь хорошенько съ дѣломъ и находя дурнымъ все начатое своимъ предшественникомъ, вводитъ свою заранѣе обдуманную систему управленія; отмѣняетъ гуртомъ все сдѣланное до него распоряженія, не давъ себѣ труда понять для чего они были сдѣланы и не дождавшись результатовъ; замѣняетъ однихъ чиновниковъ другими, думая что стоитъ только разрушить все старое, и вмѣсто Петра назначить Ивана чтобы сдѣлать дѣло, тогда какъ въ сущности все идетъ хуже прежняго, и Иванъ оказывается неспособнѣе Петра,—Менендорфъ, едва вступилъ въ должность предсѣдателя, остановилъ все благія начинанія Перовскаго до преобразованія заводовъ относящихся, и подчинивъ ихъ снова кабинету, сдѣлалъ управляющаго оными опять членомъ, *но безъ права голоса*. Кабинетъ, смотрѣвшій до сихъ поръ на управленіе заводами какъ на непокорнаго своего вассала, лишь только оно снова попало ему въ лапы, началъ его давить, въ лицѣ безгласнаго Сивкова, (6) и доказывать, что отдѣльное управленіе заводами ровно ничего не сдѣлало, что новое устройство заводовъ стоило кабинету много денегъ, а пользы не принесло никакой,(7) и едвали

стеклянный заводы въ С. Петербургѣ, Выборгскій зеркальный заводъ, (нынѣ проданный Бернардаки), Киево-Можигорская фаянсовая фабрика, (отдана въ аренду), и шпалерная мануфактура въ С. Петербургѣ, въ которой ткались ковры на манеръ *dobelins*, (закрѣта). Кромѣ того, Тивдіискія мраморныя ломки и Екатеринбургская гранитная фабрика.

(6) Охота вамъ служить, Алексѣй Дмитріевичъ, съ этими пегодяями, у васъ есть независимое состояніе, вы въ службѣ для существованія по нуждаетесь, пользы въ кабинетѣ приносить не можете да и не любите его, здоровья вы слабого, для чего же вы служите? Если для генеральскаго чина и звѣзды, то превосходительство вы уже получили, вѣроятно и звѣзду получить не замедлите, *du train dont vont les choses au cabinet*. Получите *сгачат*, да и плюньте. Ну молъ васъ!

(7) А деньги истраченные на отдѣлку квартиръ Менендорфа и членовъ приносятъ пользу?

когда нибудь принесетъ, а потому лучше все императорскіе заводы и фабрики отдать въ аренду или даже продать. Въ этомъ нельзя не согласиться. Уже конечно лучше отдать фабрики въ частныя руки, чѣмъ оставить въ рукахъ тупоумныхъ членовъ кабинета. Но странно, господа, что въ то самое время, какъ вы такъ чистосердечно сознаетесь въ неспособности вашей справиться съ фабриками и заводами, которые у васъ подъ носомъ, вы такъ крѣпко ухватились за отдаленные отъ васъ тысячами верстъ Алтайскіе и Перчинскіе заводы. Вы явно противурѣчите сами себѣ и Муравьевъ-Амурскій могъ-бы противъ васъ употребить собственное ваше оружіе. Отчего это равнодушіе къ однимъ заводамъ и такая цѣпкая привязанность къ другимъ? Оттого, повторяю, что фабрики выгоды чинамъ не приносили, а Перчинскіе и Алтайскіе заводы составляютъ для Соколовскаго и Озерскаго неисчерпаемую манну.

Есть еще одинъ присутствующій членъ кабинета, дѣйствительный статскій совѣтникъ, въ долж. гофмейстера, со звѣздой, *Пессельроде*, но объ немъ не стоитъ и говорить, его дали кабинету на племя, для сохраненія традиціи, которая съ увольненіемъ бывшаго вице-президента Дмитрія Волконскаго (сына министра) могла прекратиться.

Вотъ главные дѣйствующіе лица кабинета. Чего-же ожидать путнаго отъ этого соединенія алчности, тупоумія и наглости, и удивительно-ли, что добросовѣстный и дѣльный проэктъ ген.-губернатора Восточной Сибири, объ измѣненіяхъ въ управленіи Перчинскаго горнаго округа, встрѣтилъ въ кабинетѣ упорное сопротивленіе.

Государь! для чего держите вы всѣхъ этихъ дармоедовъ, которые вамъ такъ дорого стоятъ и такъ нагло васъ обманываютъ? Прикажите подать себѣ вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи кабинета, вы увидите, что онъ вовсе не соответствуетъ нынѣ первоначальному своему назначенію. Въ чемъ заключаются въ настоящее время, его обязанности? Выдача пенсій и пособій разнымъ лицамъ вѣдомства двора и высочайше пожалованныхъ подарковъ и управленіе императорскими заводами, фабриками и перчинскимъ горнымъ округомъ. Но выдача пенсій, пособій и подарковъ можетъ производиться прямо изъ придворной конторы; бесполезность казенно-чиновничьяго управленія заводами уже признана и одни отданы въ аренду, другіе проданы или закрыты, крестьяне и мастеровые, которые были къ нимъ приписаны, слава вамъ государь, — отъ обязательныхъ работъ освобождены(8) и причислены къ крестьянамъ государственнымъ или къ мѣщанскому сословію; что-же касается до перчинскаго горнаго округа, Муравьевъ-Амурскій вамъ сказалъ, что надобно дѣлать. Что-же остается отъ кабинета вашего величества? Одинъ кабинетъ *in odore*, и члены, которые тамъ пакостятъ.

— *Листъ шпионовъ и Нордовское обвиненіе русскихъ офицеровъ въ кровожадности*. — Со времени послѣдняго Тимашевскаго путешествія по странамъ, подлежащимъ вѣденію III отдѣленія, бродитъ въ совѣсти нескіихъ шпионовъ и мѣшаетъ имъ спать какой-то *листъ имень* напечатанный вами. Листъ этотъ снится имъ, какъ кровавый кинжалъ Макбету, и заставляетъ ихъ дѣлать всякія глупости. Кельнская

(8) Чѣмъ-же хуже ихъ крестьяне горныхъ промысловъ, что ихъ держатъ въ рабствѣ? Принципъ одинъ и тотъ же тамъ и здѣсь, да для Соколовскаго и Озерскаго не все равно. "Жалуетъ царь, да не жалуетъ псалъ."

газета написала объ этомъ цѣлый романъ, какъ Тимашевъ подсымалъ къ намъ шпіона, какъ у насъ былъ его портретъ, — очень занимательно. Но что лучше Кельнской сказки, это то, что въ Петербургѣ шпіоны въ силу этого несуществующаго листа, стали доносить на себя, спрашивая въ порывѣ благороднаго негодованія другъ друга: “Правда ли что и мое имя въ этомъ гнусномъ листѣ?... послѣ этого надобно признаться, ничего ибѣтъ святаго, это изъ рукъ вопъ, при покойномъ государѣ этого не могло быть, да и какъ Бруновъ допускаетъ такой Содомъ?”

Нужно ли прибавлять, что посольство наше, немѣшающееся вообще ни въ какія дѣла, касающіяся до русскихъ, и Бруновъ нѣсколько враждебный этому народу, можетъ по германскому происхожденію, вовсе не виноваты, потому что листа этого никогда не было. И мы искренно сожалѣемъ объ этомъ.

Тѣмъ не меньше *милицескій* листъ дѣлаетъ свою карьеру. Въ 77 Но. *Ежедневной Варшавской Газеты* напечатано: “Нѣсколько дней тому назадъ, разошлась вѣсть въ Варшавѣ о спискѣ *злосамыренныхъ* лицъ, напечатанномъ въ *русскомъ журналь*, издаваемомъ въ Лондонѣ. Лица *свѣдущія* свидѣтельствуютъ, что списокъ этотъ никогда не былъ напечатанъ. Вѣсть эту пустилъ въ ходъ вѣроятно, какой нибудь человекъ, заслуживающій стоять во главѣ списка, желая возбудить неблагородныя страсти—гнѣва и мести.”

Можетъ Варшавская газета и права, можетъ теперь не надобно ничѣмъ дразнить, дремлющую Николаевскую стихію въ правительствѣ, но мы вовсе не раздѣляемъ ея снисходительность къ лазутчикамъ, шпіонамъ и ихъ атаманамъ, и еслибъ вмѣсто стель, поколотилъ бы Мухановыхъ и Абрамовичей,—это было бы очень хорошо.

Но соглашаясь съ лихорадочной гигиеной Варшавской газеты, мы съ тѣмъ большимъ негодованіемъ обличаемъ преступныя клеветы *Белійскаго* журнала *le Nord* на Поляковъ и на Русскихъ офицеровъ.

Въ то время, какъ удивленная Европа едва начинаетъ вѣрить, что русскіе офицеры перестали быть свирѣпыми усмирителями и палачами, въ то время когда не только *Indépendance*, но *Times*, *Daily News*, *Star* на перерывъ печатаютъ статьи доказывающія какой огромный шагъ впередъ сдѣлало гражданское пониманье нашихъ офицеровъ, въ то время, когда сами Поляки (письма передъ нашими глазами) начинаютъ убѣждаться въ томъ и протягиваютъ руки русскимъ, — корреспондентъ *Норда** раздуваетъ съ обѣихъ сторонъ злѣйшія чувства ненависти, то рассказывая о подметныхъ письмахъ, въ которыхъ грозятъ Русскихъ перебить, то говоря о какихъ-то *впередъ назначенныхъ* дняхъ *рѣзни*.

Принимая глубокое участіе въ стеблахъ Мухановскаго вагона и Абрамовичева дома, корреспондентъ *Норда* прибавляетъ въ своемъ сестринскомъ попеченіи о какомъ-то Энохѣ и какомъ то Розенгельдѣ, *qui n'appartenait pas à la police politique, mais à la police de surete*. (Мы знаемъ кое-что о *securité publique* вообще и даже о *sicurezza pubblica* въ Туринѣ)— слѣдующее: “Въ тотъ-же вечеръ былъ оскорбленъ русскій офицеръ (*кто онъ? его имя?*) тремя молодыми людьми, убѣжавшими отъ него прежде нежели онъ успѣлъ отомстить за обиду *эполетъ и чести*. Эти и подобныя обстоятельства, само собою разумѣется, волнуютъ все населеніе и бесполезно

* Кельнская газета пишетъ, что это вѣкій французъ *Gignet*, служившій по части пострапной цензуры.

раздражаютъ офицеровъ, которые уже *негодуютъ на страдательную роль*, внушаемую имъ духомъ благоразумной умеренности.”

Этого мы не можемъ и не должны выпести. Мы обращаемся къ вамъ офицеры, находящіеся въ Варшавѣ, къ вамъ офицеры путешествующіе, неужели вы позволите, чтобъ на васъ клеветали—звѣрину свирѣпость, въ то время какъ за исключеніемъ какого нибудь Заблоцкаго, вы показали столько благородства и гуманности.

Тутъ оскорбляются не “эполеты,” не шпоры, а человѣческое достоинство ваше, вамъ надобно протестовать противъ такихъ ужасныхъ намековъ!*

(Это писано прежде повой бойни въ Варшавѣ).

СМѢСЬ.

— *Новые мѣха для новаго вина*.— Посыта слухи о перемѣнѣ нѣкоторыхъ министровъ и о замѣщеніи ихъ людьми свѣжими. Это такъ естественно послѣ манифеста, такъ необходимо, что мы вѣримъ. Нельзя-же оставить *оппозиціонныхъ* министровъ, въ родѣ Муравьева, *оппозиціонныхъ* жандармовъ, въ родѣ Долгорукова,— но правдѣ сказать, третьяго отдѣленія вообще нельзя оставить. Пора, пора идти открытой дорогой; гласностью замѣнить тайную полицію, а Тимашева и замѣнить не нужно.

— *Колоколь, Ковалевскій, Костомаровъ, Копія, Канибалы*.— Въ Лондонѣ запрещаютъ на стѣнахъ вывѣшивать неприличныя афиши; въ петербургскомъ университетѣ, такая вольпица, что какой-то шалунъ *Плетневъ* вывѣсилъ слѣдующее объявленіе:

По приказанію г. министра народнаго просвѣщенія, г. попечитель С. Петербургскаго Учебнаго Округа, предложеніемъ на мое имя, даннымъ 11 Февраля, 1861 года, за No. 782, предписалъ сдѣлать по университету слѣдующее за симъ объявленіе.

Ректоръ университета Плетневъ.

(Копія)

Всякому образованному человѣку извѣстно, что законныя просьбы должны быть обращаемы къ начальству установленнымъ путемъ. На этомъ основаніи студентамъ С. Петербургскаго университета, какъ неоднократно было имъ подтверждено, слѣдуетъ о каждомъ желаніи своемъ объявлять начальству чрезъ избранныхъ своихъ товарищей.

Между тѣмъ происшествіе на актѣ университета, 8 Февраля, къ крайнему сожалѣнію показало, что студенты не послѣдовали этому единственно законному пути для разясненія своего недоумѣнія.

Это грустное происшествіе, унижающее достоинство университета хотя совершенно меньшинствомъ студентовъ, но тѣмъ не менѣе наноситъ безславіе всему обществу студентовъ.

* Напечатанъ въ 92 Но. плачевный рассказъ о нашествіи на дочь Розенгельда, на испугъ его нѣжной жены, въ 93 Но. онъ говоритъ:

“Теперь нѣсколько словъ относительно бывшей будто-бы манифестации, направленной противъ еврея Розенгельда, объ которой я, кажется говорилъ вамъ въ одномъ изъ моихъ писемъ. Я былъ тутъ вовлеченъ въ заблужденіе. Никакой манифестации не было, и жена этого очень не почтпаго господина, нисколько не была обижена. Меня увѣряютъ, что про него было сказано главнымъ обывателямъ, что онъ старается возбудить еврейское населеніе. Слѣдовательно онъ былъ чѣмъ то въ родѣ агента-возмутителя, но только отъ собственнаго своего лаца, и конечно не стоитъ того чтобъ имъ заниматься.”

Люди, считающие себя по преимуществу образованными, показали новый примѣръ неуваженія закона и грубаго неприличія.

Для предупрежденія подобныхъ происшествій на будущее время въ дополненіе къ объявленію 18 Декабря 1858 года, запрещающему всякія демонстраціи подъ опасеніемъ исключенія виновныхъ изъ университета, не смотря на то, какое бы ни было ихъ число, по распоряженію высшаго начальства, симъ объявляется :

1) Если будутъ произведены подобные вышеозначенному безпорядки студентами въ массѣ, на лекціи, то немедленно будутъ удалены изъ университета студенты того факультета и курса, которые по росписанію обязаны были слушать эту лекцію, за исключеніемъ лишь тѣхъ, кои представятъ положительное доказательство, что они въ то время въ университетѣ не находились.

2) Если же подобный безпорядокъ будетъ произведенъ массою студентовъ на актѣ или въ другомъ публичномъ университетскомъ собраніи, то подвергнутся удаленію изъ университета всѣ вообще студенты, которые не представятъ означеннаго въ пунктѣ 1^{мъ} положительнаго удостовѣренія, что ихъ во время происшествія на актѣ не было.

Съ подлиннымъ вѣрно : секретарь совѣта А. Савинскій.

Начальство велѣло снять черезъ нѣсколько дней это объявленіе, которому мы только и вѣримъ по скрѣпѣ секретаря Савинскаго.

Если бы всё это можно было привягъ не за *espieglerie* Шлетнева и Ковалевскаго, то основываясь на просвѣщенномъ распоряженіи, такового-жъ министерства, слѣдовало бы, если вся Россія, сдѣлаетъ какуюнибудь демонстрацію—удалить всю Россію—за исключеніемъ тѣхъ русскихъ которые представятъ положительныя доказательства, что они жуютъ за границей.

Вся эта кутерьма вышла изъ того, что Костомаровъ хотѣлъ прочесть рѣчь о трудахъ покойнаго К. Аксакова ; но отцы просвѣщенія вмѣстѣ съ отцами третьяго отдѣленія, нашли невозможнымъ, чтобъ въ университетѣ, профессоръ публично похвалилъ челоуѣка, о которомъ *Колоколъ* хорошо отозвался. Отсюда запрещеніе рѣчи, отсюда неудовольствие студентовъ, отсюда угроза удаленія нѣсколькихъ сотъ слушателей, ходящихъ въ университетъ, и предоставленіе остаться въ университетѣ тѣмъ, которые докажутъ, что они не ходятъ въ него.

Замѣчательно, что во всемъ этомъ, проигралъ ни Ковалевскій, ни Костомаровъ, ни Колоколъ, ни Копія, ни Канибалы, —а Александръ Николаевичъ. Теперь цензура не пропуститъ объ немъ ни одного слова. Мы ему больше справедливости отдали чѣмъ Аксакову, а бранить его и безъ того не позволяли.

А когда юбилей Шлетнева?

— *Злоупотребленіе пятидесятилѣтій*. Для насъ такъ ново еще и необычно всякое публичное заявленіе радости, горя, сочувствія, отвращенія, что мы какъ дѣти не знаемъ никакой мѣры и дѣлаемъ противной самую невинную игру. Послѣ высочайшаго путешествія по Россіи Александра Дюма, и возведеніе въ дѣйствительно тайныя великіе люди Молинари—бросились на *пятидесятилѣтія*. Гречъ подряжаетъ стариковъ, Гречъ читаетъ старикамъ, Гречъ жуеетъ старыми зубами яствы юбилейныя, потомъ описываетъ блюда и стариковъ и свои собственныя сѣдыя рѣчи. Появленіе Греча за столомъ скоро будетъ наводить

ужасъ на семью, папоминая что кому нибудь за семьдесятъ лѣтъ. Едва мы успѣли оправиться отъ сладостныхъ чувствъ, возбужденныхъ въ насъ повѣстью Греча, о томъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ заставу Петербурга входилъ юный казанскій студентъ, бѣдный деньгами, но богатый чистой математикой, какъ онъ сдѣлался профессоромъ не смотря на то, что зналъ свою часть, какъ онъ — болѣе художникъ и поэтъ — не могъ долго довольствоваться чистой математикой, и пошелъ въ министерство нечистой математики, и теперь самъ сдѣлался министромъ и самъ празднуетъ юбилей, и все еще—могъ бы сказать старый Несторъ юбилеевъ, имѣетъ отвращеніе отъ всего *чистаго* и въ силу того мѣшалъ освобожденію крестьянъ.

Итакъ едва мы успѣли оправиться отъ повѣсти объ юномъ казанскомъ студентѣ, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ входившемъ въ петербургскую заставу — Гречъ поставилъ на юбилей свѣжаго старика П. А. Вяземскаго. Что же онъ сдѣлалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, тутъ и петербургской заставы нѣтъ? Что значитъ *начало* литературной дѣятельности пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Но этотъ вопросъ былъ бы не важенъ, еслибы онъ сдѣлалъ что нибудь путнаго въ продолженіи этихъ пятидесяти лѣтъ. Его литературная дѣятельность, точно также какъ служебная извѣстна всѣмъ, кромѣ трубадура воснѣвшаго его страшно плохими стихами. Какую мысль или какія мысли бросилъ этотъ юбилейный князь молодому поколѣнію, какой трудъ совершилъ онъ въ полстолѣтія? Быть “братомъ Карамзина, другомъ Пушкина” и товарищемъ министра просвѣщенія, не даетъ еще права на такое призваніе.* Мы не знаемъ какимъ онъ былъ братомъ и какимъ другомъ, но товарищемъ министра онъ былъ плохимъ. Зачѣмъ все это беспокойство, челоуѣкъ не успѣлъ пообѣдать и послушать какъ ему поеть министрель,—а его старика на чай къ Еленѣ Павловнѣ, а тутъ государь пьетъ его здоровье. Самъ Погодинъ пріѣзжалъ изъ Москвы. Что же можно было бы прибавить для пятидесятилѣтія Пушкина, развѣ только убавить прозу Греча и стихи Сологуба?

— *Еще о Шестаковѣ и кротости его*. Сообщаемъ защитнику г. Шестакова и его кротости на “Генераль-Адмиралѣ,” обѣщавшему намъ подписку офицеровъ, что мы получили *третье* письмо, снова обвиняющее Шестакова и какую-то *датскую* методу наказаній. Письмо написано превосходно. Мы его напечатаемъ вмѣстѣ съ подпиской.

— *Въ защиту г. Карницкаго*. — Мы получили письмо, говорящее, что все помѣщенное въ статьѣ (*Кол. л. 94*) — о г. Карницкомъ, несправедливо. Предоставляемъ приславшему намъ первую статью защищать факты сообщенныя имъ. Мы не имѣемъ средствъ знать кто правъ, кто виноватъ. Мы знаемъ только, что г. Карницкій подписалъ актъ уничтоженія *Земледѣльческаго Общества* въ Варшавѣ

— Мы получили при запискѣ, въ которой написано по русски : *отъ не богатаго бѣднымъ, овадцать пять фунтовъ*, для извѣстнаго благотворительнаго употребленія. Мы исполнимъ по совѣсти возлагаемое на насъ, и доставимъ отчетъ приславшему, котораго благодаримъ впередъ отъ имени несчастныхъ.

* Нартзчикъ дичи Мухавовъ, тоже товарищъ в тоже изъ рукъ вонъ плохой, ну что же и онъ будетъ праздновать, когда наступитъ пятидесятилѣтіе, тому обѣду, на которомъ онъ взрѣзалъ перваго тетерева?

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Воллтонъ
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 97.

1 МАЯ 1861.

У Трибнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—МАТЕР ДОЛОРОСА—ГАРИБАЛЬДИ И КОЛОКОЛЬ—О ПОВБРЕННЫХЪ (ПРОДОЛЖЕНІЕ)—МУРАВЬЕВЪ FILS. СМѢСЬ. БАСАРГІНЪ—РЕЙТЕРЪ—
МУХАНОВЪ И АЛЕКСАНДРЪ II—УРОКИ ГЕОГРАФІИ И КОНСУЛЬ БЕРГЕРЪ—У КОКОРЕВА СВОИ ХРУЛЕВЪ—ИЗЪ СПБ. ВѢДОМОСТЕЙ—Ю. Н. ГОЛИЦЫНЪ—ПИРОГОВЪ И ПР.

МАТЕР ДОЛОРОСА.

Какъ все измѣнилось, въ такое короткое время! Гдѣ надежды приподнявшія голову, гдѣ свѣтлый взглядъ? Опять страшно встрѣтить свободнаго человѣка, все кажется что онъ упрекаетъ. Неужели и на насъ отбрызнула кровь съ грязью?

Польша, Mater dolorosa, мы скрестивъ руки на груди, просимъ тебя объ одномъ, не упрекай насъ съ высоты, на которую тебя поставило новое мученичество—пропасть, въ которую насъ стащили единокровные намъ палачи твои. Забудь твою правоту! Не пользуйся нашимъ позоромъ! Твое грустное молчаніе мы поймемъ, оцѣнимъ. А слова проклятія и порицанія которыя мы скажемъ будутъ чернище всѣхъ твоихъ словъ.

...“Въ семь часовъ взвились три ракеты и раздались три пушечныхъ выстрѣла; проскакали во всѣхъ направленіяхъ казаки и конница, занимая *впередъ назначенныя мѣста*; затѣмъ раздались ружейные выстрѣлы... безоружныхъ гражданъ пристрѣливали *какъ собакъ, like dogs* (это говоритъ корреспондентъ *Теймса*)... Женщины подняли дѣтей, мушкеты стояли твердо передъ дулами, повторяя слово команды и читая “Святый Боже, святый крѣпкій!”—“Послѣ залпа толпа отступила, но войско заперло улицы; пойманые люди опустили на колѣни и запыли молитвы... солдаты сдѣлали по нимъ еще нѣсколько выстрѣловъ... потомъ схватили мертвыхъ и рапелыхъ.”

Позоръ! Позоръ!...

Что за величіе, что за поэзія съ одной стороны, отъ женщинъ, одѣтыхъ въ трауръ, отъ почталыона, протрубившаго “Еще Польша не сгинела,” до этой средневѣковой картины—толпы колѣнопреклоненной у подножья мадонны, передъ звѣрми, передъ бессмысленной стихіей убійства!

Читали вы это, Александръ Николаевичъ? такихъ ужасовъ вы не найдете въ балладахъ Жуковского. Если все это сдѣлано помимо вашей воли, обличите виновныхъ, укажите злодѣевъ, отдайте ихъ на казнь, или — снимите вашу корону и ступайте въ монастырь на покаяніе; для васъ нѣтъ больше ни чистой славы, ни спокойной совѣсти. Вамъ достаточно было сорока дней, чтобъ изъ величайшаго царя Россіи, изъ освободителя крестьянъ, сдѣлаться простымъ убійцей, убійцей изъ за угла! Кровь выступаетъ

обвинительными пятнами сквозь лучи славы; но слава, залитая кровью, *подло* пролитой, тухнетъ навсегда. Да, *подло*, я не обмолвился.

Что же иначе значили уступки? Одинъ Горчаковъ сталъ кротокъ какъ ягненокъ, другой Горчаковъ пѣвучъ, какъ любовникъ розы соловей, и защелкалъ свои ноты и свои трели о кротости царя, о его любви къ народу польскому, а царь въ это время улыбаясь и кивая добродушно народу, *отпускалъ* за спиною Хрулева!

Что такое Хрулевъ? Кто такой Хрулевъ? Почему выборъ палъ на Хрулева? Что онъ извѣстенъ какъ знатокъ польскихъ законовъ? Какъ администраторъ? Какъ государственный человѣкъ? Нѣтъ, онъ извѣстенъ, какъ отличный севастопольскій генералъ. На что же было отважнаго бойца для оливо-выхъ новостей и царскихъ милостей?

И вы воображаете тамъ на Невѣ, что это бездушное мошенничество,—государственная мудрость, *die hohe diplomatische Kunst*? Вы можете довольны, что ловко надули?... какъ будто трудно украсть платокъ, когда васъ не считаютъ воромъ! За такую государственную мудрость въ частной жизни, въ Англии—вѣшаютъ, а во Франціи—рубятъ голову.

И только сорокъ дней!

Зачѣмъ *этотъ* человѣкъ не умеръ въ тотъ день, когда былъ объявленъ русскому народу манифестъ освобожденія!

Искандеръ.

Письмо Гарибальди.

Любезный Герцень,

Недавно, слово освобожденія крестьянъ въ Россіи, было принято съ восторгомъ и удивленіемъ всей Европой. Государь, начавшій и совершившій это великое дѣло, однимъ этимъ ужъ поставилъ себя въ числѣ величайшихъ благодѣтелей челоѣчества. А теперь,—я это говорю съ горестью,—доброе дѣло запятнано невинной кровью. Теперь долтъ тѣхъ, которые рукоплескали великому поступку, поднять голосъ проклятія на совершителей отвратительнаго злодѣйства.

Пусть вашъ журналъ, справедливо оцѣненный въ Россіи, передастъ слово сочувствія, отъ народа итальянскаго, несчастной и героической Польшѣ и слово благодарности храбрымъ войнамъ русскимъ, которые, какъ Поповъ, сломали свою

саблю чтобъ не обагрить её въ крови народа; передайте, съ тѣмъ вмѣстѣ, крикъ негодованія народовъ европейскихъ, противъ виновника гнусной бойни.

Преданный вамъ

Д. Гарибальди.

Туринъ, 13 Апрѣля 1861.

ОТВѢТЪ.*

Любезный Гарибальди,

Я передамъ ваши симпатическія слова полякамъ и русскимъ офицерамъ. По счастью мы поступили согласно съ вашимъ совѣтомъ, прежде чѣмъ получили его. Достоинства въ этомъ большаго нѣтъ—намъ выбора не было. Правда, что мы мечтали о будущемъ союзѣ всѣхъ народовъ славянскаго происхожденія, но мы оставляемъ *en riâ desideria* пному, дальнему, грядущему. Настоящія событія требуютъ полную законность Польши—*безъ фразъ*, ея безусловную независимость отъ Россіи и Нѣмцевъ. Можно было думать, что императоръ Александръ, который такъ славно поступилъ въ крестьянскомъ дѣлѣ, пойметъ историческую необходимость возстановленія Польши. Но несчастію въ немъ слишкомъ много прусскаго, австрійскаго, и сверхъ того монгольскаго. Холодно разсчитанный капканъ, разставленный Польшѣ, съ бездушнымъ восточнымъ лукавствомъ, въ которомъ характеръ кошки беретъ верхъ надъ тигромъ—ставятъ его виѣ вопроса.

Прежде полученія вашего письма я прочиталъ отрывокъ изъ него въ телеграфическихъ новостяхъ, и тотчасъ послалъ въ лондонскіе журналы небольшой отвѣтъ. Посылаю вамъ *Daily News*, если вы не имѣете ничего противъ, напечатать его въ *Diritto*. Сверхъ того прилагаю небольшое воззваніе наше къ русскимъ войскамъ, стоящимъ въ Польшѣ, сдѣланное въ 1854 году.

Пользуюсь симъ случаемъ, любезный Гарибальди, чтобъ вамъ повторить то, что вамъ говоритъ весь свѣтъ, что мы удивляемся вамъ со всей полнотой симпатіи и любви.

Жму вашу руку

Orset house, 19 Апрѣля.

А. Герценъ.

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ПОЛОЖЕНІЯ

о

ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.

(Продолженіе).

Исторія адвокатуры въ Россіи есть исторія чиновничества, которая начинается гораздо раньше Петра; она начинается съ московской централизациі. До преобладанія Москвы, судопроизводство живетъ пассивно, какъ всегда въ первыя эпохи жизни народовъ. Князья берутъ пошлину съ суда, на основаніи княжескаго вотчиннаго права, или—по смыслу легенды о призваніи Варяговъ—какъ плату за трудъ разсудить споръ, сами, или черезъ своихъ тиуповъ или намѣстниковъ; тѣмъ не менѣе судъ ведется на обычныхъ началахъ, болѣе или

* Мы надѣемся что К. Трубецкой изъ Блессю, отвѣчавшій въ *le Nord* на письмо Гарибальди ко мнѣ, не будетъ стѣновать на меня, что я самъ отвѣчаю на него, — тѣмъ болѣе, что его вѣроподобныя мнѣнія не ближе ко мнѣ мнѣнія *Journal de S. Petersburg*, который въ польскихъ дѣлахъ дошелъ до того цинизма, что обвиняетъ женщинъ въ томъ, что пухъ убивали. К. Трубецкой изъ Блессю вѣроятно тотъ самый, который нѣкогда учился военному ремеслу подъ руководствомъ Радецкаго и потомъ (какъ было сказано въ *Колоколѣ* л. 54 Окт. 1859) уговаривалъ архіерея въ Козмо идти на встрѣчу Урбана, какъ намъ подтвердилъ Подеста и сардинскій комиссаръ Веноста.

менѣе дикихъ, но отнюдь не подчиненныхъ управленію, такъ что общины, внутри себя, судятся своими выборными, и па долю князя или его представителя, приходится только междуобщинный судъ. Хотя въ этомъ судѣ съ точки зрѣнія пошлины и заключается начало кормленія, но въ то время отношенія были гораздо проще, дѣла проще, суды мѣстныя; кривда слишкомъ бросалась-бы въ глаза, и князья и пухъ тиупы берутъ пошлину, но вершатъ судъ по правдѣ. Судящіеся являются въ исключительныхъ случаяхъ физической отвѣчаютъ лично; повѣренные невозможности личной явки, и эти повѣренные только родственники, которые заступаютъ мѣсто истца или отвѣтника по родовому семейному праву, по нераздѣльности семейныхъ интересовъ. Ихъ отношеніе къ судѣ прямое, непосредственное, лицомъ къ лицу. Судъ словесный, потому что никто не умѣетъ писать; судъ гласный, потому что понятіе запрета взглянуть на судъ—слишкомъ мудрено. Такъ начинаютъ всѣ народы. Отъ этого, въ Россіи время Ярослава, историки натыкаются на скандинавскіе или германскіе обычаи, нисколько не доказывающіе присутствія скандинавскаго или германскаго вліянія, а доказывающіе только сходство законодательныхъ и судебныхъ формъ, при нѣкоторой однородности общественныхъ отношеній. Съ умноженіемъ народонаселенія отношенія усложняются; пассивныя судебныя формы, по своему честныя, пока приходились въ мѣрку съ простотою отношеній, становятся неприложимы и подчиняютъ себѣ болѣе сложныя отношенія произвольно, насильственно; судъ переходитъ въ безсудіе, и формы должны измѣниться.

И тутъ, какъ бы однородны ни были общественныя зачатки, различія географическихъ и историческихъ условій поведутъ народы разными дорогами. Отсутствие границы къ востоку и югу вело русскія племена къ безконечному селтерству по лѣсамъ и степямъ, къ какому-то осѣдлому кочевью, гдѣ всякая осѣдность кажется временною, а всякій переходъ совершается осѣдности ради. Отсутствие граней внесло въ исторію отсутствие завоеванія, отсутствие рѣшительнаго преобладанія одного племени; завоеваніе также кочевало какъ и племена, переходя изъ рукъ въ руки, и болѣе похожее на семейный споръ о старшинствѣ, чѣмъ на яркое, опредѣленное завоеваніе. Отсюда два послѣдствія: отсутствие рѣзкихъ, сословныхъ разграниченій и преимущество понятія *пользованія* (*usufructus*) надъ понятіемъ *собственности* (*proprietas*). Такимъ образомъ, уже при первомъ шагѣ изъ родовыхъ общественныхъ отношеній въ болѣе сложныя, русскій міръ, заселяющій *res nullius*, долженъ былъ слагаться иначе чѣмъ западный міръ, завоевывающій страны населенныя. И сверхъ того онъ долженъ былъ слагаться медленно, потому что слагался на неопредѣленномъ пространствѣ, всюду встрѣчая, вмѣсто готовой цивилизациі, сырой матеріалъ почвы, которую, подобно Робинсону Крузо, приходилось разрабатывать своими скудными средствами. Двѣ формы общественной жизни выросли въ до-московской Руси: одна доля ея, самая большая, кочевала къ востоку и югу и селилась, какъ знала, равнодушно глядя на удѣльные распри князей дружинниковцевъ, равнодушно подчиняясь тому или другому, внутренне занятая исключительно своимъ земледѣльческимъ кочевьемъ; но меньшая доля Руси, ея западная грань, Новгородъ и Псковъ, стоя на рубежѣ и торгуя съ Европой произведеніями остальной Руси, смотрѣла на княжескую власть не только равнодушно,

по враждебно и выработывала формы республиканскія. Выражалъ ли Новгородъ тайную мысль цѣлой Руси, мысль правленія и суда мірскаго, вѣчеваго, или, добиваясь свободы торговаго города, онъ былъ способенъ создать только городскую олигархо-буржуазную республику, какъ Венеція, — это едва ли можно рѣшить съ достовѣрностью. Для этого надо знать, какое было бы развитіе Россіи безъ татарскаго вторженія; а исторія не имѣетъ средствъ къ построению гадательной, нормальной формулы; жизнь общественная, создающаяся изъ дифференціаловъ человѣческихъ личностей и ихъ интеграціи, подлежитъ слишкомъ многочисленнымъ варьяціямъ функцій, чтобы выводъ нормальной формулы а priori былъ возможенъ, и наука, сводясь на чистое наблюдение, можетъ развиваться—яснѣе и глубже понимая только то, что было, а не то что бы могло быть. Все, что мы можемъ сказать—мы встрѣчаемъ въ древней Руси, до-московской, или лучше—до-татарской, начала выборнаго, общиннаго, земскаго, вѣчеваго самоуправленія и суда, и уже недовлѣющую имъ форму правленія и суда родоваго и кормленнаго; противопоставленіе этихъ двухъ началъ только стало разыгрываться, когда между ними врѣзались Татары, остановили ходъ гражданскаго вопроса и внесли въ жизнь свои начала, свое вліяніе, которое, намъ кажется, еще слишкомъ мало опредѣлено наукою, но которое вѣроятно было огромно, судя по его остаткамъ въ нашихъ нравахъ и языкѣ, и по рѣзкой самостоятельной національности татаръ, сохранившихъ и до сихъ поръ въ Россіи, свою неизгладимую особенность. Если въ наше уголовное законодательство такъ легко перешло татарское наказаніе, то не лзя предположить, чтобы и другіе татарскіе приемы управленія не имѣли вліянія на вновь слагающееся государство, и чтобы сила ханской власти, съ ея баскачнымъ устройствомъ, не мелькала, какъ идеаль, передъ глазами князей московскихъ; и если форма татарскаго управленія не перешла къ намъ цѣлкомъ, то она не могла и не войти въ русскую жизнь, какъ одно изъ составныхъ данныхъ. Одинъ Новгородъ, имѣя болѣе средствъ откупаться, умѣлъ во все время отлынивать отъ Татаръ; но не онъ имѣлъ силу освободить Россію и слѣдственно не могъ занять перваго мѣста въ новомъ государствѣ. Освободить Россію можно было, только сосредоточивъ всѣ силы; этого не могъ сдѣлать прирубежный торговый городъ. Центральная Москва сосредоточила силы на освобожденіе, она и стала во главѣ государственной централизаціи. Родовыя формы правленія быстро попадали, а вслѣдъ за ними, выросшая сила сгладила подъ одно и обѣ западныя республики.

Мы не станемъ разсуждать на сколько ихъ паденіе было нравственно или полезно; съ насъ достаточно пониманія, что оно было неизбежно, вслѣдствіе московскаго пересила. Мы не имѣемъ къ московской централизаціи обратной любви или несправедливости. Мы не видимъ, вмѣстѣ съ страстными охотниками до нея, чтобы въ ней было сознательное движеніе къ развитію русской гражданственности, точно будто кто то её нарочно выдумалъ и направлялъ съ цѣлью устроить благо Россіи; мы видимъ, что централизація возникла изъ совокупности обстоятельствъ, со всей безсознательностью, со всей стихійной силой исторической жизни, и разъ возникнувъ, безъ всякой исторіофилософской цѣлебности, необходимо пошла своей естественной дорогой, около которой строилась сильная гражданственность. Прежде всего централизація

надо было *управлять*, слѣдственно привести страну въ какой нибудь порядокъ; народъ, усталый отъ татарщины и междоусобій родоваго управленія, вносившихъ постоянную войну во внутрь его мирныхъ занятій, не могъ желать ничего лучшаго. По что такое порядокъ, исходящій изъ центральной власти? Это постоянная классификація географическая, юридическая, административная—съ исключительной точки зрѣнія управленія, стремленіе привести все народное содержаніе въ графы, по которымъ бы можно было управлять. Очевидно графы выйдутъ искусственныя. Какъ естествоиспытатель распредѣляетъ царства природы по какому нибудь отдѣльному признаку, для того, чтобы кое-какъ сладить съ массой матеріала, такъ и централизація классифицируетъ, вводитъ распорядокъ по одной отдѣльной задачѣ общественной жизни, задачѣ управленія, случайно совпадая или не совпадая съ совокупностію народныхъ потребностей. Какъ естествоиспытатель, въ своей искусственной классификаціи, можетъ дойти до чрезвычайно тонкихъ различій, такъ и централизація можетъ развить свою задачу до тончайшей казуистики. Но какъ живая природа, съ совокупностію своихъ многообразныхъ признаковъ, не взоидетъ въ рамку классификаціи по одному отдѣльному признаку,—такъ и живой народъ, съ совокупностію своихъ многообразныхъ потребностей, не подойдетъ подъ распорядокъ единственно ради управленія. Съ начала всякая классификація, вводимая въ хаосъ, хороша. Народъ принимаетъ ее съ восторгомъ. Понятіе централизаціи сливается, въ общественномъ мнѣніи, съ понятіемъ государства; народъ поступаетъ, какъ поступилъ ученый міръ, когда бродя въ потьмахъ по растительному царству, съ восторгомъ принялъ Линнееву классификацію и долго не могъ отдѣлится отъ понятія самой науки. Это совпаденіе метода въ теоретическомъ развитіи науки и практическомъ развитіи гражданской жизни—не удивительно; и то и другое относится къ феноменологіи одной и той же человѣческой природы.

Въ эту первую эпоху централизація государь и государство нераздѣльны. Выработанное въ до-московской Руси понятіе пользованія преимущественно надъ понятіемъ собственности, приводитъ къ заключенію, что все — государственная собственность, слѣдственно все государево, а остальному люду дается въ пользованіе. Съ этой точки управленія стали распоряжаться московскіе государи. По распоряжаться приходилось существующимъ матеріаломъ, т. е. народомъ, сложившимся въ до-московской Руси. Что же дѣлалъ этотъ народъ? Все еще селился, т. е. кочевалъ для воздѣлыванія земли. Но земли государевы, слѣдственно отношеніе народа къ землѣ, опредѣленіе права пользованія —могло быть достигнуто только остановкой кочевья, росписью народа на мѣстахъ, гдѣ кого застануть. Отсюда спервоначала стремленіе московской централизаціи прикрѣпить народъ къ землѣ. Для росписи и прикрѣпленія надо было посылать людей; этимъ людямъ надо заплатить за службу; заплатить имъ наличными деньгами нельзя, ихъ не хватитъ—а можно только раздачей доходовъ, стало надо давать имъ земли въ пользованіе. Отсюда идетъ помѣстное право служилаго дворянства, набравшагося отсюда, — равно изъ потомковъ удѣльныхъ князей, дружинныхъ бояръ и новокрещенныхъ татаръ. Періодъ раздачи помѣстій и прикрѣпленія народа къ землѣ, т. е. періодъ классификаціи

Россия исключительно съ точки зрѣнія управленія, продолжается отъ начала московской централизаціи до половины царствованія Николая I, т. е. около четырехъ столѣтій, приходя въ систематическую ясность, при Екатеринѣ II, учрежденіемъ о губерніяхъ, и замыкается учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ. Продолжительность этого періода доказываетъ только огромную силу народнаго естественно-обычнаго склада и намекаетъ на возможность разгадать какимъ образомъ формализмъ управительственной классификаціи Россіи совершился, не затронувъ коренной народной жизни. Но дальше на этомъ пути идти было нельзя; ложная классификація по отдѣльному признаку сама запуталась въ приложеніяхъ къ дѣйствительности; приложеніе управительства, несовпадающее съ совонупностью народныхъ потребностей, доросло до чиновничьей неурядицы. Понятіе государя и государства, или правительства и государства уже распалось на два, государственное право выдѣляется само по себѣ, жизнь не подходитъ подъ графы управленія, и общественное мнѣніе заявляетъ свое право на судъ, вмѣсто существующаго права *управленія* на судъ.

Между тѣмъ это право полицейскаго управленія на судъ, въ продолженіи четырехъ столѣтій, создало три даже четыре кодекса: судебникъ, уложеніе, воинскій уставъ и сводъ законовъ. Всѣ они свидѣтельствуютъ о постепенномъ ростѣ централизаціи, постепенномъ усложненіи управленія и судебныхъ формъ, чиновничества, и вмѣстѣ о развитіи гражданскихъ отношеній и развитіи гражданскихъ узаконеній до казуистики, немногимъ уступающей римской, которой однако подражать они начинаютъ только съ 18го столѣтія. Мы не предполагаемъ, въ общемъ ходѣ централизаціи, ни преднамѣренной доблести, ни преднамѣреннаго коварства; какая бы ни была централизація, она не можетъ уйти отъ понятія разграниченія частныхъ правъ и суда, слѣдственно не можетъ уйти отъ понятія законности; но подчиняя судъ управленію, она не можетъ достигъ до независимости суда, до правды суда, которая не есть какое нибудь отвѣченное понятіе абсолютной справедливости, а просто та правда, которая въ данное время соответствуетъ общественному нравственному чувству и честному общественному мнѣнію. Отъ подчиненія суда управленію, законность и судъ развиваются въ мертвящій формализмъ, равно приложимый къ правдѣ и неправдѣ, и централизація носитъ сама въ себѣ противурѣчіе, котораго она разрѣшить не въ силахъ. Отъ этого, развивая законность частныхъ гражданскихъ отношеній до мелкихъ подробностей, централизація въ Россіи не только не развила возможность правильнаго установленія факта подлежащаго суду, т. е. возможность правильнаго слѣдствія и судебного рѣшенія по совѣсти; но постепенно исключала изъ предидущаго законодательства, или искажала всѣ живыя данныя, которыхъ развитіе привело бы къ возможности правильнаго слѣдствія и независимости суда, такъ что централизація нѣсколько разъ зауправлялась до необходимости измѣнять все судоустройство; но всякій разъ эта реформа, развивая подробности частнаго права, умножала силу чиновничества, формализмъ суда, и все болѣе удалялась отъ живыхъ элементовъ судоустройства и судопроизводства.

Въ началѣ централизація не могла найти иного матеріала, какъ обычное право; у ней не было передъ глазами ни чужеземныхъ учрежденій, ни собственныхъ новыхъ понятій;

сами правители, выросшіе въ привычѣ къ тому же обычаю, не могли стать отъ него особо. Но московскій государь всего лучше зналъ московскій обычай; сдѣлавшись центромъ, слѣдственно роковымъ образомъ вынужденный управлять цѣлымъ государствомъ, т. е. классифицировать его ради этого управленія, первымъ дѣломъ было приложить московскій обычай ко всѣмъ областямъ.

“Сохранивъ казуистическую форму закона, вышедшаго изъ сферы московской практики”, говоритъ Дмитріевъ въ *Исторіи судебныхъ инстанцій*, “Судебникъ вскорѣ становится закономъ для всей Россіи, служа вспомогательнымъ источникомъ права для всякаго областнаго суда, для всякой уставной грамоты. Въ немъ безпрестанно проглядываетъ порядокъ, сложившійся для одного небольшого удѣла и потомъ примѣненный къ цѣлому государству. Мѣстные юридическіе обычаи не могли сохраниться, когда почти единственнымъ источникомъ права признавались законы московскаго удѣла. Въ самомъ дѣлѣ, съ этихъ поръ направленіе юридической жизни измѣняется. Кладя преграду самовластію(?)* обезпечивая обычную форму суда, Судебникъ не вовсе помѣшалъ дальнѣйшему развитію обычая, но перенесъ его на другую почву: онъ продолжалъ развиваться и пополняться судебной практикой Приказовъ. Вся прежняя дѣятельность народа перешла въ руки дьяковъ, которыхъ значеніе все усиливалось, по мѣрѣ накопленія письменныхъ законовъ.”

Мы не беремся рѣшить на сколько законы московскаго удѣла были отличны отъ законовъ остальныхъ областей. Коренное различіе едва ли могло существовать. Частныя или мѣстныя привилегіи въ какихъ нибудь отдѣльныхъ общинахъ (мы не говоримъ о Новгородѣ и Исковѣ, которыхъ надо было сломать, чтобы подчинить) представляли такое несущественное различіе, что сама централизація не рѣдко давала мѣстныя привилегіи суда, не боясь нарушить общей системы управленія. Намъ кажется, что легкость, съ какою распространилось московское законодательство, произошла именно отъ несущественности различій въ областныхъ судебныхъ формахъ. Переходъ отъ обычая къ Судебнику совершился легко еще потому, что сначала централизація удержала тѣ же судебныя формы удѣльнаго періода, такъ что новое содержаніе въ нихъ вошло незамѣтно, и печувствительно измѣнило ихъ на свой ладъ. Удѣльный властитель держалъ тиуновъ, бралъ пошлину съ суда и представлялъ самъ высшую инстанцію. Что же дѣлается въ началѣ централизаціи? Удѣльный властитель остается подъ названіемъ намѣстника, тиуны остаются или переходятъ въ дьяковъ, пошлина переходитъ окончательно въ кормленіе, но выше намѣстника есть еще инстанція—докладъ. Народъ, равнодушный къ перемѣнѣ удѣльныхъ властителей, равнодушенъ и къ намѣстничеству, и еще тѣмъ охотнѣе выноситъ его, что докладъ даетъ

* Мы здѣсь поставили вопросительный знакъ, потому что выраженіе преграда самовластію можетъ привести къ ошибкѣ, къ предположенію какого то политическаго ограниченія верховной власти; между тѣмъ какъ признаніе ея—ея издавнаго кодекса—составляетъ не политическое ограниченіе, а естественную границу; не признавая никакой методы, самовластіе не могло бы существовать, какъ ничто не можетъ существовать безъ предѣловъ; оно пронеслось бы вихремъ и погнбло бы въ пустотѣ. Можетъ, въ омигъ образъ правленія не нуждается столько въ формальныхъ предѣлахъ, въ формальной методѣ, по которой бы можно распорядиться, какъ самовластіе, потому что никакое правленіе не управляетъ такъ много. Признаніе кодекса—самоопредѣленіе самовластія, а не ограниченіе его.

надежду, если не на безошибочное правосудіе, то по крайней мѣрѣ на отмѣтку, на то, что царь можетъ покарать и намѣстника; вдобавокъ община внутри себя еще не теряетъ своего мѣстнаго суда, и на долю дьяковъ, намѣстниковъ и доклада, опять остаются междуобщинныя отношенія. Такимъ образомъ кажется формы всё тѣже и переѣна только въ названіяхъ; а между тѣмъ, внутреннее содержаніе этихъ формъ совершенно иное. Удѣльный властитель судилъ ради суда и бралъ пошлину; централизація станетъ судить ради управленія и брать дань. Удѣльный властитель давалъ судъ за откупъ ради пошлины; централизація дастъ судъ въ кормленіе ради управленія, и дастъ крестьянъ, населявшихъ частныя владѣнія, въ подсудность землевладѣльцамъ, потому что это тоже способъ управленія. Удѣльный властитель, бравши пошлину, не могъ удалиться отъ суда по обычаю; централизація, ради управленія, станетъ удалиться отъ обычая или искажать его. Удѣльный властитель не стѣснялъ внутренней жизни народа, не заявляя инаго права кромѣ права на пошлину съ суда, съ сохи и т. п. Централизація станетъ прикрѣплять народъ къ землѣ, брать подать съ владѣнія и, ради управленія, отдавать судъ на кормленіе и на помѣстное право. Естественно кормленщики закормятся до того, что общины начнутъ съживаться въ самихъ себѣ и избѣгать суда, въ ущербъ кормленщикамъ. Управительство перейдетъ всякую мѣру, и централизація будетъ вынуждена ограничивать власть кормленщиковъ, чтобы ввести въ управленіе какой нибудь порядокъ; ихъ или вовсе замѣнятъ дьяками и тиунами, или недозволятъ имъ судить безъ старостъ и цѣловальниковъ, или наконецъ централизація, во избѣжаніе собственной запутанности, вернется на время къ обычному выборному элементу суда въ формѣ губныхъ старостъ, сперва въ уголовномъ, а потомъ въ гражданскомъ дѣлѣ. Мы еще разъ настаиваемъ на то, что не ищемъ въ централизаціи преднамѣреннаго коварства; царь точно также увлеченъ силою обстоятельствъ въ чрезмѣрность управительства, какъ силою обычая, въ которомъ выросъ, тянется къ выборному элементу управленія. Такъ учрежденіе губныхъ старостъ, выборныхъ, и отдѣленіе суда отъ управительственной власти составляетъ заботу именно Грознаго, который, съ перваго взгляда, кажется наименѣе способнымъ покровительствовать какому нибудь свободному началу; впрочемъ, эта дикая, но сильно мыслящая личность, еще не нашла себѣ настоящаго историка. Грозный до того возвращается къ выборному началу, что учреждаетъ по примѣру одной волости, испросившей себѣ подобную грамоту,* земскіе выборные суды, безпошлинные, потому что пошлина была уже окладомъ взята въ казну, какъ откупъ отъ казеннаго суда; проще сказать пошлина приравнялась судной подати; за тѣмъ судъ сталъ безвозмезднымъ. Въ случаѣ столкновеній между посадскими и волостными людьми разныхъ волостей происходилъ судъ смѣстный. Земскіе суды судили при лучшихъ людяхъ и цѣловальникахъ; канцелярія суда состояла тоже изъ лицъ выборныхъ, изъ земскаго дьячка и земскаго пристава. Это было послѣднее возвращеніе централизаціи къ началу выборнаго свободнаго суда, явившагося въ до-московской Руси въ третейскомъ судѣ двѣнадцати мужей (Русская правда) и позже подъ названіемъ судныхъ

мужей. Безъ сомнѣнія земскіе суды Иоанна Грознаго представляли выборное начало суда въ болѣе полномъ развитіи, чѣмъ въ удѣльный періодъ, и разомъ выражали и потребность общественную и гражданскую мысль Иоанна; тутъ былъ его гражданскій подвигъ. Но такое судоустройство приходило въ столкновеніе съ управленіемъ, а управленіе было все же главною задачею централизаціи, на которую она сосредоточивала всё свои матеріальныя средства. Очевидно устройство земскихъ судовъ не могло устоять противъ силы централизаціи. Можетъ быть безвозмездность суда и усилила тяжбы, такъ что Грозный велѣлъ въ Переяславской рыболовной слободѣ опять брать пошлину съ судныхъ дѣлъ, съ рубля по гривнѣ (1556), уже въ казну, а не въ кормленіе, потому что судьямъ запрещено пользоваться, и здѣсь пошлина имѣетъ смыслъ штрафа; но невѣроятно, чтобы именно это усиленіе тяжбъ рушило выборные суды; тяжбы могли быть ограничены штрафами, наложеніемъ и возвышеніемъ пошлины съ неправаго иска. Дѣло въ томъ, что выборное управленіе было дано однимъ чернымъ землямъ, и хотя Грозный намѣревался ввести его всюду, но другая цѣль централизаціи—прикрѣпленіе народа къ землѣ—взяла верхъ. Земли, подпавшія подъ крѣпостное право, очевидно должны были оставаться въ подсудности у владѣльца; растущая сила землевладѣющаго дворянства, покровительствуемая московскими боярами, къ нему принадлежавшими, стремленіе не только дворянъ, но и монастырей къ захвату земель, и преимущество, которое централизація должна была дать служилому дворянству передъ народомъ, потому что для централизаціи народъ былъ управляемое, а служилое дворянство орудіе управленія,—вотъ что должно было убитъ въ тѣ времена, и убило выборные земскіе суды и замѣнило ихъ судами казенными и воеводской властью. Къ уничтоженію ихъ вела общность обстоятельствъ, а не отдѣльное явленіе умноженія тяжбъ отъ безвозмездности суда. Въ наше время въ Англии, когда законъ понизилъ судную пошлину за право развода мужа съ женой, явилось страшное количество требующихъ развода, и въ два года это движеніе уgomонилось; очевидно поползновенія къ разводу долго копилась, и вдругъ нахлынули при пониженіи пошлины; такъ долго сдержанная вода вырывается потокомъ, а потомъ и приходитъ къ обычно-спокойному теченію. Мы не можемъ видѣть въ усиленіи тяжбъ, на первыхъ порахъ безвозмездности суда, инаго большаго значенія, и иной важности. Къ тому же кормленіе не могло не развить страсти къ ябедѣ, потому что въ выгоду кормленщиковъ лежалъ вызовъ на тяжбу. Самое слово *ябедникъ* происходитъ, по мнѣнію Эверса, отъ названныхъ этимъ именемъ сборщиковъ пошлинъ. Но паденіе земскихъ судовъ несколько не уменьшило ябеды, и воеводскій судъ, который, въ замѣнъ народнаго участія въ судѣ и вліянія на него общественнаго мнѣнія, развиваетъ канцелярскій порядокъ, проглядывавшій и въ кормленномъ судѣ, — воеводскій судъ не избавляетъ правительството, въ началѣ XVII столѣтія, отъ безпрерывныхъ, но бесполезныхъ узаконеній во избѣжаніи ябеды.

(Окончание впрѣдъ).

И. Огаревъ.

ПОДВИГИ ПСКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА МУРАВЬЕВА.
(Посвящается его дражайшему родителю)

Подвигъ 1-й. Земля посада Сольцы, пожалована Солецкимъ колеснымъ мастерамъ (предкамъ Солецкихъ мѣщанъ) еще

* Уставная Важская грамота, 1552 г. Марта 21, Исторія судебныхъ инстанцій Дмитріева.

в. 1769, за заслуги ихъ правительству; объ этомъ въ посадской ратушѣ хранятся документы. Жители пользовались землею, какъ собственностію, и, съ общаго согласія, дѣлили ее поровну, по числу душъ. Муравьеву вздумалось, для усиленія посадскихъ доходовъ на содержаніе полиціи, отдавать землю съ торговъ въ оброчное содержаніе. Мѣщане не согласились, предоставляя учредить лучше сборъ съ отправляемаго за границу льна; но губернаторъ, паставляя на своемъ, послалъ въ Сольны совѣтника губернскаго правленія князя Шаховскаго. Шаховскій началъ дѣло угрозами, что если общество не согласится на отдачу земли, то поголовно будетъ наказано (десятый кнутомъ). Общество составило приговоръ, которымъ уполномочило трехъ своихъ мѣщанъ, именно: Филиппа Панова, Петра Красикова и Илью Брыкова ходатайствовать отъ имени общества объ оставленіи земли въ его пользованіи, на прежнемъ основаніи. Муравьевъ назвалъ это бунтомъ, и не разсуждая долго, послалъ въ Солецкій посадъ военную экзекуцію изъ одного баталліона Псковингерманландскаго полка и 150 человекъ артиллерійской бригады, а 25 человекъ Солецкихъ мѣщанъ, какъ зачинщиковъ возмущенія, отправилъ въ тюрьму. Замѣчательно противорѣчіе этого распоряженія съ самымъ донесеніемъ Муравьева министру внутреннихъ дѣлъ, что Солецкіе жители *при всемъ упорствѣ своихъ убѣжденій, въ присутствіи моемъ, не позволяли себѣ не только никакихъ дерзкихъ дѣйствій, но и отвѣтовъ, а лишь стояли на своемъ, что оброка за землю платить не желаютъ*. Въ благодарность за это, Муравьевъ жалѣетъ, что губернатору не предоставлено по закону наказывать мѣщанъ розгами, безъ суда, и проситъ министра ходатайствовать ему, Муравьеву, это право на будущее время. Далѣе Муравьевъ ходатайствуетъ у министра о высылкѣ изъ Солецкаго посада въ Вятскую губернію купца Федора Ванюкова, который будто бы имѣетъ огромное вліяніе на всѣхъ мѣщанъ и вооружаетъ ихъ противъ правительства, а между тѣмъ Муравьевъ, не смотря на всѣ усилія, не могъ ничего добиться, чтобы уличить Ванюкова, хотя и перехватилъ нѣсколько записокъ, писанныхъ изъ Петербурга повѣренными Солецкаго общества.

Есть нѣкто Хмѣлинскій, очень ловкій человекъ, для устройства своихъ дѣлишекъ и Муравьевскихъ, онъ пользуется всѣми лучшими подрядами и поставками въ Псковѣ; будучи раскольникомъ, онъ служитъ посредникомъ между своими единовѣрцами и Муравьевымъ, и, какъ ловкій человекъ, надуваетъ и ту и другую сторону. Такъ на примѣръ, въ огражденіе своей секты отъ какого-либо притѣсненія со стороны правительства, Хмѣлинскій соберетъ въ пользу губернатора значительный кушъ, изъ котораго конечно львиную долю отложить себѣ, а остатки отдаетъ Муравьеву. Точно также Хмѣлинскій надуваетъ губернатора и по подрядамъ. Этотъ-то Хмѣлинскій не поладилъ съ Федоромъ Ванюковымъ и давалъ пѣтъ губернатору, что Ванюковъ очень богатъ, но проку отъ него мало, что онъ сбиваетъ съ толку другихъ раскольниковъ, которые иногда отказываются приносить посильную дань. Муравьевъ, донесъ министру, что Ванюковъ отчаянный либераль и грозитъ общественному спокойствію. На самомъ же дѣлѣ это кроткій старикъ, который ни во что не вмѣшивается, а, имѣя большія денежныя средства, помогаетъ бѣднымъ.

Между тѣмъ Муравьевъ такъ клеветалъ на Солецкое обще-

ство и на Федора Ванюкова, что повѣренные этого общества подали всеподданнѣйшую жалобу статсъ-секретарю князю Голицыну, который передалъ ее въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Министръ Ланской, запуганный Муравьевымъ закрылъ глаза, и открылъ уже когда вся драма была разыграна. Уголовная палата, приступивъ къ осужденію оклеветанныхъ Муравьевымъ людей и не видя никакого преступленія, стала въ тупикъ, и наконецъ рѣшила-было освободить ихъ изъ подъ стражи; но Муравьевъ протестовалъ и добился, что повѣренныхъ общества, которыхъ оно избрало для защиты своего дѣла, признали бунтовщиками и присудили къ любимому Муравьевымъ наказанію розгами (по 60 ударовъ) и къ ссылкѣ въ арестантскія роты на два года. Муравьевъ представилъ Сенату, чтобы одного изъ повѣренныхъ Солецкаго общества, Илью Брылова, сослать въ Сибирь; но Сенатъ не согласился. Такъ разыгралась эта драма, а главное дѣйствующее лицо въ ней—Муравьевъ остался совершенно въ сторонѣ.

Подвигъ 2-й. Вступивъ въ должность псковскаго губерпатора, Муравьевъ постарался прежде всего сблизиться съ питейнымъ откупомъ и, чтобы показать свое доброе расположеніе къ нему, подарилъ для питейнаго дома мѣсто на городской площади. Городской голова Васильевъ замѣтилъ губернатору, что мѣсто городское и что площади, по закону, не могутъ быть застраиваемы; но Муравьевъ сказалъ, что Васильевъ ничего не понимаетъ. Потомъ, когда голова представилъ министру внутреннихъ дѣлъ о неправильной застройкѣ городской площади и началось объ этомъ дѣло, Муравьевъ, желая отомстить Васильеву, выжидалъ только случая придратъ. Случай этотъ представился. Васильевъ ведетъ значительную заграничную торговлю льномъ и по этому каждое лѣто отлучается, на нѣкоторое время, въ С. Петербургъ и Нарву. Муравьевъ поручилъ чиновникамъ губернскаго правленія произвести по городской думѣ слѣдствіе объ уменьшеніи городскихъ доходовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воспретилъ какъ Васильеву, такъ и всѣмъ прочимъ членамъ думы отлучаться изъ Пскова до окончанія слѣдствія. Васильеву пришлось жутко: каждый день стоялъ ему большихъ убытковъ. Васильевъ проситъ, молить дать ему отпускъ, но Муравьевъ ничего знать не хочетъ. Васильевъ обратился съ просьбою въ министерство внутреннихъ дѣлъ, а губернаторъ, съ своей стороны, представилъ огромное донесеніе о мнимыхъ безпорядкахъ по псковской думѣ. Донесеніе это, на которое истрчено много бумаги и чернилъ, оказалось большимъ мыльнымъ пузыремъ, и потому дано было знать Муравьеву, “что теперь уже молъ не надуешь такъ, какъ по дѣлу о солецкихъ мѣщанахъ”. Губернаторъ струсилъ и далъ отпускъ Васильеву. Эта штука Муравьева обоилась головѣ Васильеву въ 20.000 рублей, которые онъ потерялъ по торговлѣ льномъ. Васильевъ не захотѣлъ подарить этого Муравьеву и началъ въ сенатѣ дѣло о неправильномъ задержаніи его и членовъ думы подъ арестомъ въ продолженіи четырехъ съ половиною мѣсяцевъ. Интересно будетъ увидѣть, чѣмъ рѣшатъ это дѣло въ сенатѣ.

Подвигъ 3-й. Муравьевъ, видя что съ Васильевымъ трудно сладить, и что министерство, послѣ солецкаго дѣла, потеряло къ нему довѣріе, призвалъ къ себѣ Васильева и сталъ совѣтовать ему оставить службу; но Васильевъ простодушно отвѣчалъ, что онъ служитъ по волѣ общества и потому не въ

правѣ располагать собою. Муравьевъ не задумался надъ этимъ отвѣтомъ и предложилъ Васильеву выдти въ отставку по болѣзни, обѣщая, что ему выдадутъ какое угодно свидѣтельство. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней Васильеву выдано было медицинское свидѣтельство о мнимыхъ его болѣзняхъ.

Подвигъ 4-й. Между рыбнымъ рядомъ и площадью въ Псковѣ существовала дорога для проѣзда къ рѣкѣ за водою и на рыбный рынокъ. Занимаемое дорогою мѣсто, будучи въ близкомъ разстояніи отъ лавокъ друга Муравьева, Хмѣлинскаго, представляло для нихъ огромныя выгоды, въ случаѣ застройки его лавками. Но Муравьевъ и Хмѣлинскій, зная что это мѣсто городское, и что, если повести дѣло законнымъ порядкомъ, т. е. спросить общество и министерство внутреннихъ дѣлъ, то имъ не видать мѣста какъ своихъ ушей, придумали иной оборотъ дѣла. Хмѣлинскій подалъ въ псковскую строительную комиссію просьбу объ утвержденіи фасада на постройку лавокъ на означенномъ мѣстѣ, а комиссія представила на утвержденіе главнаго управленія. Тамъ не догадались спросить чье мѣсто и разрѣшили постройку. Голова Васильевъ заявилъ и объ этомъ сенату и министерству внутреннихъ дѣлъ. Казалось бы, что по закону (ст. 1419 св. зак. угод. изд. 1857 г.), лавки должны быть отданы городскому обществу, но неизвѣстно еще, чѣмъ рѣшатъ дѣло.

Подвигъ 5-й. Рядомъ съ губернаторскимъ домомъ во Псковѣ живетъ священникъ Смирновъ. Съ первыхъ дней воцаренія Муравьева на Псковѣ, Смирновъ почувствовалъ всю нелюбезность своего сосѣда, и впоследствии сосѣдство это послужило для него источникомъ величайшихъ бѣдствій. Началось съ того, что Муравьеву показалось тѣсно и скучно въ своемъ дворцѣ, и вотъ онъ выдумалъ позабавиться надъ сосѣдомъ. Въ одно утро священникъ и его жена были разбужены стукомъ около своего дома, и когда вышли на дворъ, то увидѣли, что со стороны губернаторскаго двора разобрана у нихъ ограда, и чужіе рабочіе хозяйничаютъ у нихъ въ саду. Жена Смирнова (которой принадлежало мѣсто и домъ по крѣпостному акту) отправилась въ полицію, но тамъ сказали, что это дѣлается по приказанію губернатора. Она идетъ къ губернатору и несетъ съ собою купчую крѣпость, и вотъ что отвѣчаетъ ей Муравьевъ: *мѣсто это мнѣ нужно, актовъ вашихъ читать я не хочу, а если вамъ угодно, ищайте процессъ: онъ продлится сто лѣтъ, а я между тѣмъ раззорю васъ гербовыми пошлинами за бумагу.* Смирнова обратилась съ жалобою къ Чевкину. Потребовали объясненія отъ строительной комиссіи. Муравьевъ, предѣлатель комиссіи, донесъ Чевкину, что мѣсто, о которомъ пишетъ Смирнова, принадлежитъ къ губернаторскому дому, по высочайше утвержденному плану, при чемъ представилъ и копію съ плана. На этотъ разъ въ главномъ управленіи путей сообщенія догадались разобрать дѣло, и когда потребовали изъ депо картъ подлинный высочайше утвержденный планъ, то увидѣли, что Муравьевъ прислалъ фальшивую копію, и что мѣсто принадлежитъ Смирновой. Между тѣмъ какъ разсматривалось это дѣло въ С. Петербургѣ, въ Псковѣ совершались новыя событія. Муравьевъ велѣлъ инженерамъ строительной комиссіи произвести спланированіе мѣстности при домѣ Смирновой. И вотъ домъ Смирнова окопали со всѣхъ сторонъ и пересѣкли всякое сообщеніе, а потомъ подрывы такъ, что домъ угрожалъ развалиться. Къ этому, загорѣлась въ губер-

наторскомъ дворѣ баня, поставленная на самой межѣ владѣнія Смирновыхъ и окнами на ихъ дворъ. Жена Смирнова вообразила, что Муравьевъ хочетъ ихъ сжечь, перепугалась и занемогла. Дѣти Смирнова въ это время были въ скарлатинѣ; онъ въ отчаяніи бросился къ Муравьеву умолять о пощадѣ и о прекращеніи работъ, которыя сдѣлали изъ его дома неприступную крѣпость, и кромѣ того шумомъ и стукомъ причинили большому семейству безпокойство, но Муравьевъ, присутствовавшій самъ при работахъ, закричалъ Смирнову, что “для блага общаго онъ знать не хочетъ никакихъ частныхъ бѣдствій.” Вскорѣ послѣ этого жена Смирнова умерла. Священникъ Смирновъ пріѣхалъ въ Петербургъ искать правосудія. Чевкинъ рѣшилъ дѣло такъ: землю, отнятую Муравьевымъ, возвратитъ Смирнову, окна въ банѣ задѣлать, а о спланированіи мѣстности уклонился отъ положительнаго рѣшенія, ссылаясь на то, что строительная комиссія признала это необходимымъ, и что, по ея мнѣнію, работы эти не опасны для дома Смирнова; однакожь предписалъ прекратить ихъ. Впрочемъ мудро было Чевкину рѣшить это дѣло иначе: Муравьевъ, предѣлатель Строительной комиссіи и главный зачинщикъ всего дѣла, а между тѣмъ по положенію о строительныхъ и дорожныхъ комиссіяхъ онъ ни за что не отвѣчаетъ, такъ какъ часть техническая ему не знакома, а отвѣчаютъ инженеры и архитекторы строительной комиссіи; слѣдовательно оставалось предать суду или Муравьева за противозаконное распоряженіе, или технику за недобросовѣстную и подбострастную службу,—и Чевкинъ обошелъ этотъ вопросъ. Но Смирновъ не удовольствовался такимъ рѣшеніемъ, и подалъ въ сенатъ жалобу, въ которой проситъ: 1) взыскать съ Муравьева все убытки, причиненныя его имуществу; 2) такъ какъ, на основаніи 575 и 577 ст. X Т. Зак. Граж., къ отчужденію частнаго имущества приступается не иначе, какъ по именному высочайшему указу, въ дѣлѣ же объ отнятій отъ Смирнова земли и о спланированіи мѣстности Муравьевъ самъ распорядился, то за эти распоряженія, вмѣшавшія для Смирнова слѣдствіемъ потерю жены и разстройство всего состоянія, подвергнуть Муравьева законному взысканію.

Что то Сенатъ прикажетъ?

СМѢСЬ.

— *Кончина Басаргина.* — Еще одинъ изъ нашихъ старцевъ сошелъ въ могилу, *Николай Васильевичъ Басаргинъ.* Правительство и его взыскало своей милостью. На похороны московскій оберъ-полицмейстеръ послалъ передѣлтого квартальнаго и четырехъ жандармовъ. У родственниковъ покойника, тайная полиція дѣлала обыскъ. А вѣдь какъ не выкрадывайте истину, исторію вамъ не украсть!

— *Рейтеръ.* — Полковникъ Рейтеръ застрѣлся въ Варшавѣ, чтобъ не быть помощникомъ палачей. Миръ его праху. онъ герой, но зачѣмъ эта казнь обращенная на чистую грудь? Если растрѣливать, такъ лучше растрѣливать тѣхъ генераловъ, которые велѣть стрѣлять по безоружнымъ. Два три примѣра, остановятъ бездну мерзавцевъ. А что будетъ послѣ? Хуже смертной казни Рейтерна не будетъ.

— *Александръ II и Мухановъ съ Вислы.* — Мухановъ былъ очень хорошо принятъ Александромъ II и приглашенъ имъ еще разъ для совѣщанія о Польшѣ!!! Sehr gut!

Урокъ изъ географіи.

DER UTSCHITEL. — Wo ist die Haupt-Stadt von Petersburg?

DER UTSCHENIK. — In Berlin...oder vielmehr in Wien.

DER UTSCHITEL. — In beiden, mein Bursch!

Такъ вотъ отчего Allgemeine Zeitung, эта сѣдая баварская куртизана на содержаніи у австрійскаго правительства — не можетъ скрыть радости, что въ Польшѣ начали рѣзню; вотъ кому стало польза, вотъ откуда приказъ. Хрулева и Александра Николаевича выпить нельзя: дѣло подчиненное — велѣно, они и стрѣляютъ.

— Прусскій консулъ Бергеръ, исправляющій должность намѣстника Царства Польскаго, и храбрый генералъ Мейендорфъ изъ Курляндіи. — Чтобъ не было ни одного срама, ни одного позора, которымъ бы не покрыли Россію варшавскіе мясники, прибавляется еще одна гнусность въ мѣрь и вѣса. Прусскій консулъ Бергеръ убѣдилъ Горчакова стрѣлять; Горчаковъ, три раза искушаемый Хрулевымъ, покорился прусской сиренѣ. Какъ Горчаковъ, Паниотинъ, Липранди, и не знаю кто, унизились до того, что допустили подобное вмѣшательство бюргера Бергера? или русскому правительству нужна прусская виза для своихъ дѣйствій? Вотъ куда они насъ стащили — Россія стала какой-то Ost-Ost-Preussen!

Нѣмецъ нѣмцу вѣсть подаетъ, Indépendance отъ 19 Апрѣля говорить, что при избіеніи безоружныхъ, особенно отличился генералъ Мейендорфъ.

Биронъ, добрый берейторъ германскій, объѣзжавшій по правиламъ нѣмецкаго рейткунста Россію, милый герцогъ курляндскій, да утѣшится тѣнь твоя! невзгоды твои и твоя длинная ссылка — отомщены Россіи!

— У Кокорева свой Хрулевъ. — На Волжской желѣзной дорогѣ, гдѣ участвуютъ Кокоревъ и к-нія, работники стали разбѣгаться отъ скверной пищи, бросая свои заработки. Контора дала объ этомъ знать подрядчику, тотъ бросился къ исправнику. Исправникъ вытребовалъ команду и перерѣзалъ дорогу работникамъ, заставляя ихъ силою возвратиться. Работники отказались идти назадъ. Дошло до матеріальнаго сопротивленія, исправникъ велѣлъ солдатамъ выстрѣлить, и двое работниковъ были убиты, остальные разбѣжались. Слѣдствіе кончилось тѣмъ, что исправникъ и офицеръ, оставлены отъ службы и только, а Кокоревъ-Горчаковъ остался въ сторонѣ. Г. Кокоревъ любитель гласности и поклонникъ русскаго народа — правда ли это?

— Въ цинически-грубой статьѣ Горчаковскаго Монитера Journal de S. Peterbourg, помѣщенной также въ С. П. Вѣдомостяхъ (5/17 Апрѣля) между прочими полицейскими гнусностями, которыми хотятъ отвести глаза отъ кровавыхъ пятенъ, напечатано слѣдующее:

“Женщины изъ народа выказали наибольшее изступленіе. Нѣкоторыя до послѣдней минуты оставались на площади. Солдаты съ величайшимъ трудомъ только разсѣяли ихъ. Къ несчастію, одна изъ нихъ была ранена во время стрѣльбы, которою войска должны были отвѣчать на нападенія массъ. Ее перенесли въ замокъ, гдѣ она, черезъ нѣсколько часовъ, и скончалась.

“Вотъ что и затрудняетъ дѣйствія начальства, желающаго избѣгать пролитія невинной крови, но въ тоже время, подавлять беспорядки.”

Однако видно не очень затрудняеть. Забудьте, что въ той же статьѣ сказано, что демонстрація была безсвязна. “Очевидно что имѣли дѣло съ толпой, которая сама не знала что хотѣла.”

И разбойники эти знали это и стрѣляли по женщинамъ. Этого не смоешь всею водой подбавляемой откупщиками въ вино.

— Князь Ю. Н. Голицынъ написалъ для нашего праздника освобожденія крестьянъ превосходную фантазію для оркестра, составленную изъ: *Внизъ по матушкѣ по Волгѣ. Ахъ вы сны мои сны* и *Слався* изъ оперы Глинки. Послѣдній мотивъ наканунѣ шелъ бы царю освободителю, но 10 Апрѣля звучалъ Марсельезой. Мы съ большимъ удовольствіемъ слышали, что *Фантазія Освобожденія* князя Голицына печатается.

— Царское самодержавіе и студентское самоуправленіе. Кіевскій генералъ-губернаторъ Васильчиковъ въ своемъ отчетѣ государю, напуталъ какой-то неясной вздоръ о томъ, что попечитель учебнаго округа Пироговъ, “устроилъ студентское самоуправленіе, судъ и расправу,” но что министръ возстановилъ обычный порядокъ. На первомъ замѣчаніи сдѣлана отмѣтка: *Ни съ чѣмъ несообразно*, — на второмъ — *Слава Богу, давно пора*, и сдѣлапы онѣ той рукой, которая такъ недавно подписала освобожденіе крестьянъ!

Что за смѣсь Иисуса Христа съ императоромъ Николаемъ въ этомъ челоуѣкѣ! И отчего же нѣтъ ни кого настолько ему приверженнаго, чтобъ сказать ему, что если онъ не умѣетъ идти по одной доскѣ, то никогда не попадетъ въ двери. Царскихъ мантий въ два цвѣта пѣтъ, и то что считалось величайшимъ достоинствомъ Гарика, что онъ одной половиной лица смѣялся, а другой плакалъ, вовсе не идетъ къ мономаховой шапкѣ.

Пироговъ вышелъ въ отставку, ему нечего было и дѣлать.

— Крѣпостное состояніе въ Ниццѣ и зодчій боецъ въ Петербургѣ. — Только что мы получили письмо о храбромъ избіеніи повара *г. Чернышевскимъ* въ Ниццѣ, о покровительствѣ не битому, а бывшему разумѣется, оказанномъ не только вице-консуломъ, но и Ниццкой полиціей и еще какой-то чувствительной дамой русскаго происхожденія, какъ намъ попался въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* милѣйшій зодчій *Карлъ Вергеймъ*, тузящій извозчика не въ Ниццѣ, но на Итальянской улицѣ въ Петербургѣ, и ободряемый въ полезномъ занятіи кандидатомъ коммерціи.

Методъ принятый почтенными особами, напечатавшими съ полнымъ артистическимъ именемъ *Вергейма* и съ своими подписями — превосходный. Обществу принадлежитъ великое право вывести татарское самоуправство и нѣмецкое неуваженіе къ личности русскаго простолюдина. Гласности принадлежитъ право, позорить безъ малѣйшей пощады, этихъ отечественныхъ Козляиновыхъ и нѣмецкихъ Вергеймовъ.

А ужъ вы чинить вашъ домъ, или строить новый, позовите другаго зодчаго.

— Отъ издателей *Полярной Звѣзды*. — Въ числѣ разныхъ историческихъ документовъ, составившихъ большую часть *второго выпуска Историческаго Сборника*, мы получили “Слово соловецкаго старца Нестора,” помѣщенное нами въ VI кн. *Полярной Звѣзды*. Примѣчаніе въ концѣ проповѣди отстранило сомнѣніе. Впослѣдствіи мы увидѣли, что это просто переводъ съ французскаго. Бѣда не велика, если это сдѣлано безъ умысла; но если это милая шутка, то мы находимъ ее въ высшей степени неприличной.

— Благодарность отечественной почтѣ и редакторамъ. Деятельнаго Апрѣля въ Лондонѣ получены: Отгеч. Записки, Библия для чт., Современ., Рус. Вѣстникъ за *Февраль 1861*. Есть стало быть надежда, что и за *Январь* когда нибудь придутъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — 5 Thornhill Place, Bedfordian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена (за двойной листъ) 1 ш. Получается въ
Вольной Русской Типографіи—5, Thornhill
Place, Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 98 & 99.

15 Мая 1861.

У Грюбнера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerraid Street),
Soho, London. Price One Shilling.

О ГЛАВЛЕНІЕ—РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ—ОТЕЧЕСКІЙ СОВѢТЪ—ПРІСЯЖНЫЕ ПОВЕРЕННЫЕ (ОКОПЧАНІЕ)—ПРОМФНОРІА АДІЕРБЕРГА SEN.—МОРМОНІЗМЪ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ
—БЮДЖЕТЪ НА 1860 ГОДЪ. СМѢСЬ : УПРАВЛЯЮЩІЙ КОМПАНЕЙЩИКОВЪ—ДУХОВНЫЕ И СВѢТСКІЕ ДАНОСЫ—ГОИЕНІЕ НА УНИВЕРСИТЕТЫ СЕКРЕТНЫЙ МАНІФЕСТЪ—
ВАСИЛЬЧНИКОВА И РЕЙНГАРДТЪ—ФИНЛЯДСКАЯ КОНСТИТУЦІЯ—ПІГАТЬЕВЪ—АРЦИМОВИЧЪ И БУТКОВЪ—ВУОНА НОТТЕ—МИНИСТРЪ ЛАПСКОЙ—ТЕЛЕГРАФЪ.

РУССКАЯ КРОВЬ ЛЬЕТСЯ!

Да, русская кровь льется рѣкой!..... и есть прѣсныя души, робкіе умы, упрекающіе насъ въ выстраданныхъ нами словахъ проклятія и негодованія!

Правительство все могло предупредить, и польскую кровь и русскую, а теперь за свою шаткость, за свое непониманье, за свое неумѣнье ни въ чемъ идти до конца—убиваетъ толпы вашихъ братьевъ.

Ужасомъ, слезами наполняютъ насъ новости, идущія со всѣхъ сторонъ. Бѣдные, бѣдные крестьяне! Вѣдь въ Европѣ не подозрѣваютъ, что такое значить у насъ усмиреніе солдатами, генераль-адъютантское, флигель-адъютантское усмиреніе. Одна надежда на солдатъ и на молодыхъ офицеровъ. Тяжело носить оружіе, на которомъ запеклась кровь своихъ родныхъ, отцовъ, матерей, братьевъ.

Мы останавливаемся, темно передъ глазами, мы боимся дать голосъ всему что стонетъ въ насъ, мы боимся высказать все что бродитъ на сердцѣ.....

Передадимъ сначала факты.

Вотъ отрывки изъ писемъ, безъ всякаго измѣненія :

“ Вамъ извѣстно, что государь разослалъ по всѣмъ губерніямъ своихъ флигель и генераль-адъютантовъ. Адъютанты исполняютъ порученіе. Въ нѣсколькихъ губерніяхъ дѣйствуютъ розги, дѣйствуетъ войско и льется кровь. Я навѣрное знаю, что третьяго дня посланы три новые генераль-адъютанта (въ добавокъ къ дѣйствующимъ) въ губерніи Казанскую, Тамбовскую и еще кажется въ Рязанскую. Эти новые посланцы снабжены полномочіемъ вѣшать и разстрѣливать, по усмотрѣнію. Въ Казани явился Самозванецъ, (въ Спаскомъ уѣздѣ), выдающій себя за Александра Николаевича, гонимаго дворянами. Семнадцать деревень окопались и сражаются съ войсками подъ знаменемъ этого господина. Кто онъ—неизвѣстно. Но схватки были ужасныя : 70 человекъ крестьянъ уже легли жертвою, изъ войска взяты въ плѣнъ крестьянами ротный командиръ, исправникъ и еще нѣсколько мелкихъ чиновъ. Какъ ни похоже все это на сказку, но это истина, которая не сегодня-завтра появится въ газетахъ. Туда поскакалъ Ефимовичъ, специалистъ по части усмиренія...*

Въ одномъ мѣстѣ, не знаю только въ Казанской или

* Известный своей экспедиціей противъ Унковскаго и Европеуса.—Ред.

Годъ V.

Тамбовской губерніи, среди толпы, въ которую стрѣляли, стоялъ крестьянинъ держа обѣими руками, падъ головою, манифестъ — въ пародѣ разнесся слухъ, что онъ до конца остался невредимымъ, хотя подлѣ него валялись кучи тѣлъ.”

Изъ втораго письма.

Почти повсемѣстно крестьяне страшно недовольны новымъ временно-обязательнымъ положеніемъ, во многихъ мѣстностяхъ отказываются вѣрить, что объявляемый имъ манифестъ подлинный; такъ на пр. флигель-адъютантъ гр. Олсуфьевъ, посланный въ одну изъ западныхъ губерній, встрѣченъ былъ подобнымъ возраженіемъ, и когда для убѣжденія крестьянъ ссылался на то, что онъ адъютантъ государя, то въ толпѣ заговорили, что они не знаютъ пастоящей-ли онъ адъютантъ или переодѣтый. Олсуфьевъ счелъ лучшимъ аргументомъ противъ этого приказъ солдатамъ бить крестьянъ прикладами, а затѣмъ пороть розгами.

Въ Петербургской губерніи, въ имѣнїи генерала Олькина, противъ крестьянъ, по общему отзыву совершенно правыхъ, была употреблена военная сила и несчастнымъ жестоко досталось.

Въ Пензенской губерніи, Чембарскаго уѣзда, возстали крестьяне вотчинъ гр. Уварова, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ душъ; посланная противъ нихъ рота принуждена была отступить; въ рукахъ крестьянъ остались исправникъ, становой, юнкеръ и нѣсколько рядовыхъ; два баталіона посланы для усмиренія.

Въ Казанской губерніи, Спаскаго уѣзда, между раскольниками появился пророкъ, выдававшій себя за государя; цѣлыя округи до 10,000 крестьянъ, болышею частью государственныхъ взволновались; посланная военная сила не привела ни къ какому результату, сраженія не было. Губернаторъ Козляпиновъ и генераль свиты Апраксинъ отправились съ 12 ротами. Апраксинъ приказалъ стрѣлять батальнымъ огнемъ : 70* тѣлъ осталось на мѣстѣ, пророкъ остался по удаленіи крестьянъ, стоя на колѣнахъ и держа надъ головою новое положеніе. Апраксинъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ на основаніи полномочія дѣйствовать при нарушеніи порядка именемъ государя, и поступать съ виновными по полевому военно уголовному уложенію на правахъ

* Такое количество показано въ телеграммѣ “Теймса” отъ 11 Мая.

корпуснаго командира т. е. стрѣлять и *вѣшать* по собственному усмотрѣнію.

Въ Пермской губерніи на заводахъ сильныя неудовольствія.

Въ Казань для возстаповленія порядка посылаются Илья Гавриловичъ Бибииковъ (бывшій военный ген.-губернаторъ). Въ Пензу посланъ Ефимовичъ, извѣстный уже многими усмирительными подвигами. Иныхъ результатовъ цѣльзъ было и ждуть; это было ясно для людей здравомыслящихъ, возстававшихъ противъ переходнаго времени. Это еще цвѣтки, ягоды впереди, когда положеніе вполнѣ примѣнится. Въ немъ столько иезутизма, столько открыто лазеекъ для мошенничества, обирания и притѣсненія крестьянъ! О смѣшанной повинности вовсе не упомянуто въ отдѣлѣ о приведеніи положеній въ дѣйствіе, гдѣ названы только два рода повинностей—оброкъ и барщина; ссылаясь на это, крестьяне, отбывавшіе смѣшанную повинность (т. е. огромное большинство оброчныхъ сѣверной и средней полосъ) считаютъ себя освобожденными отъ работъ сверхъ оброка, но помѣщики ссылаются на ст. 170 мѣстнаго положенія, глухо дающую имъ право на смѣшанную повинность до введенія уставной грамоты. Одно это будетъ стоить крови. А такихъ двусмысленностей много. Редакція многихъ статей явно двусмысленная, а за то въ какой силѣ теперь Бугковъ! Онъ ворочаетъ всѣмъ крестьянскимъ вопросамъ, и обманываетъ, прикидываясь либераломъ. Манифестъ, по мнѣнію крестьянъ, таковъ, что имъ будетъ *тяжеле прежняго* и что въ два года помѣщики *раззорятъ ихъ въ конецъ*. Право жалобы далеко не удовлетворяетъ ихъ: “вѣдь жаловаться приходится ихъ-же брату помѣщику”. По словамъ самихъ помѣщиковъ расцѣпка земель страшно высока.

Изъ третьяго письма.

Въ Одесскомъ уѣздѣ въ 60 верстахъ отъ Одессы, въ имѣніяхъ Коріякова, Куриса, Свѣчина (уѣзднаго предводителя дворянства), въ деревняхъ Ташино, Ново-Киріаковка, Малашевка, Тузлы, Сахарово,—крестьяне, по недоразумѣнію отказались работать на помѣщика, считая себя вполнѣ свободными. Власти земскія потребовали войска, для усмиренія *бунта*. Изъ Одессы было отправлено, двѣ роты Волынскаго полка на подводахъ, и другія двѣ изъ мѣста своего расположенія по деревнямъ. Тотчасъ по прибытіи въ село Ташино, по приказанію уѣзднаго предводителя Свѣчина (при немъ былъ Христофовичъ, состоящій по особымъ порученіямъ у херсонскаго гражданскаго губернатора), окружили крестьянъ и начали читать манифестъ. Продолжаю выпискою изъ рапорта, представленнаго ротнымъ командиромъ. “выслушавъ манифестъ, крестьяне рѣшительно отказались работать помѣщику и быть ему въ повиновеніи. Предводитель дворянства употреблялъ всѣ усилія склонить крестьянъ выполнить волю государя императора, значущуюся въ манифестѣ, но всѣ усилія остались тщетны; тогда предводитель дворянства приказалъ и указалъ нижнимъ чинамъ взять тѣхъ изъ крестьянъ, которые были главною причиною возмущенія, для наказанія ихъ розгами, и когда взяли одного изъ нихъ, то всѣ крестьяне безъ исключенія бросились на землю и начали кричать—сѣки насъ всѣхъ. Этою силою (до 140 человекъ), они отгѣснили тѣхъ нижнихъ чиновъ, которые держали крестьянъ; когда вновь разложили крестьянина, то опять всѣ бросились на землю и кричали тоже самое: “сѣки насъ всѣхъ.” Вторично освободивъ своего

крестьянина отъ наказанія, бросились всѣ бѣжать на проломъ черезъ цѣпь солдатъ, пзрѣдка употребляя удары руками; нижніе чины сомкнулись въ довольно густое каре и тѣмъ задержали крестьянъ, и въ этой тѣспотѣ, когда удерживали солдаты крестьянъ, которые вырываясь толкали солдатъ, сдѣлали незначительныя царапины на ружьяхъ. Когда крестьяне были переловлены, тогда послѣдовало наказанье розгами *только самымъ главнымъ* нарушителямъ порядка и спокойствія, послѣ чего всѣ крестьяне покорились и были отпущены по домамъ”... Тоже было, съ маленькими варіаціями, и въ другихъ деревняхъ. Свѣчинъ говоритъ, что давалъ не болѣе 30 ударовъ, а по рассказамъ солдатъ, крѣпко были наказаны отъ 300 до 400 ударовъ; офицеры этого не говорятъ, но на нихъ полагаться нельзя. Въ одной Ташинѣ наказано было до 80 человекъ.

Свѣчинъ выставлялъ себя властью, хотя дѣйствовалъ какъ помѣщикъ для своихъ цѣлей, позабывая что до розогъ по положенію, есть штрафы, аресты; а розги, не иначе какъ черезъ полицію и до 20 ударовъ.”

Говорятъ Строгоновъ, до котораго дошли слухи о усердіи Свѣчина, хочетъ произвести слѣдствіе.

ОТЕЧЕСКІЙ СОВѢТЪ.

Halte-là! Изъ уваженія къ человѣческому смыслу, князь Горчаковъ,—уѣмите Journal de S. Petersburg; онъ воображаетъ, что па него пѣтъ цензуры, такъ и можно городить всякой вздоръ. Для того чтобъ дурачить Европу, какъ она ни плоха, все же надобно гораздо больше ума, чѣмъ у вашихъ чиновниковъ по статейнымъ порученіямъ.

Во-первыхъ самая задача невозможна. Представить мерзости надѣлавныя въ Варшавѣ—актомъ любви, милосердія и мудрости, никакъ нельзя; ложъ имѣетъ свои границы. Есть случаи, въ которыхъ людямъ и правительствамъ приходится или каяться, или молчать. Можетъ простять, можетъ позабудутъ!... Тактика Роберъ-Макера, говорящаго: C'est vrai, j'ai eu tort envers lui, mais je lui ai pardonné—только раздражаетъ и увеличиваетъ ненависть.

Варшавское дѣло очень просто. Пока не было достаточно войска, ваше правительство, любящее драпироваться въ либерализмъ, прикинулось ручнымъ и кроткимъ, хотѣло поиграть въ великодушіе, обѣщало уступки, вичего не поправляющія, и осталось бы при своемъ вѣникѣ изъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ махроваго прогресса—еслибъ удалось поляковъ надуть. Пока не знали удастся это или нѣтъ, царь уступалъ

И собиралъ полкп...

Поляки не приняли ваши “пузыря за фонари”—“А, такъ вы такъ-то, вы—того?” и русскій генераль, генераль—дантистъ, генераль, вколачивающій въ гробъ, не непріятельскихъ, а своихъ солдатъ, вскочилъ съ готовымъ кулакомъ и съ вопросомъ: “кого бить?”

Онъ дремалъ только отъ либеральнаго угара; это одинъ изъ элементовъ петербургскаго правительства—элементъ Петра I и Николая I, Салтычихи и Аракчеева, татарина и иѣмца, пагайки и фухтеля,—элементъ непозволяющій *отвѣчать*, а тѣмъ болѣе, непозволяющій спрашивать. Вотъ онъ-то и вспомнилъ, что онъ дома въ Петербургѣ и взялъ верхъ.

Пока вы, князь, писали ваши ноты, увлекаясь изяществомъ

оборотовъ и тонкостью вашего стиля, — унаслѣдованныхъ вами (какъ рассказываетъ одинъ изъ панегеристовъ вашихъ) отъ самаго князя Талейрана, который поучалъ васъ за обѣдомъ, исчезающимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ пребывающимъ нюансамъ, съ которыми онъ предлагалъ говядину своимъ гостямъ, сообразно ихъ званію, общественному положенію, силѣ при дворѣ, характеру и талантамъ, — генеральская ипостась правительства протирая свои пьяные глаза, пошла по своему — “въ усь, да въ рыло.”

Всѣ это кончилось нѣсколькими десятками убитыхъ и изуродованныхъ людей, сраженіемъ съ безоружными, травлей по трауру, охотой по конфедераткамъ. Какими же тутъ нюансами à la Saint Menchould, вы представите Европѣ, что это мясничество было необходимо въ Варшавѣ для счастья Польши, для покоя Россіи? Попробуйте увѣрить, что женщины сами просили Хрулева, чтобъ онъ велѣлъ въ нихъ стрѣлять, и что Хрулевъ, видя ихъ желаніе, не могъ удержаться и велѣлъ дать залпъ — *par courtoisie*!

А вѣдь ваши оправданія въ Journal de St. Petersburg не многимъ лучше этого.

Во первыхъ, мы спрашиваемъ: что сдѣлалъ польскій народъ? Удивленный безмысленнымъ закрытіемъ Земледѣльческаго Общества, вчера признаннаго полезнымъ, онъ хотѣлъ показать свое недовѣріе, свое неудовольствіе; чѣмъ-же онъ это показалъ? повѣсилъ Коцебу или Штейгемана, (*entre nous soit dit* бѣда была бы не велика), сжегъ дворецъ, ограбилъ казну? — совсѣмъ нѣтъ; толпы народа стояли на площади и просили младенца во старости, Горчакова, довести до государя ихъ желаніе; потомъ онѣ молились объ убиенныхъ братьяхъ, — “но они молились — съ намѣреніемъ, и это не всё — они были въ траурѣ — съ умысломъ, и многіе въ конфедераткахъ — съ премедитаціей.”

Какъ можетъ сильное правительство сдѣлаться до того ничтожнымъ, до того мелкимъ, чтобъ сражаться съ покровомъ фуражки, съ чернымъ крепомъ и стрѣлять по молитвамъ? Однообразіе нѣмецкой роты и ливрейный порядокъ барской передней, не составляютъ идеала государственнаго порядка. Взглядъ портнаго, дворецкаго и фельдфебеля — слишкомъ тѣсепъ, чтобъ разглядѣть изъ Петербурга, что надобно дѣлать въ Варшавѣ. Неужели вы, съ вашими галопирующими прогрессами, всё еще не отчалили отъ тѣхъ тупыхъ и позорныхъ временъ, когда пятжакъ считался оскорбленіемъ величества, и отрошенная борода — измѣной государю?

Беремъ всѣ русскія газеты, т. е. бельгійскій *le Nord*,* баварскую *Allgemeine Zeitung*, русскій-французскій *Journal de St. Pétersbourg*: нигдѣ нѣтъ достаточной причины чтобъ стрѣлять въ женщинъ, въ безоружныхъ мужчинъ. Развѣ только, что прусскій консулъ приказалъ. Нѣмцы, само собою разумѣется, рады-радѣхоньки васъ покрыть кровью, а поляковъ землей. — “Да зачѣмъ же толпы не расходилсь?” А съ чего вы взяли, что ходить по улицѣ и стоять, уголовное преступленіе? Для чего вообще города, улицы, площади? неужели для того, чтобъ казаки скакали, пушки скакали, Горчаковы скакали? Вѣдь это только въ Петербургѣ дѣлали торцовыя мостовыя, чтобъ Александръ Федоровичъ было гладко ѣздить въ Смольный Монастырь, и предлагали надѣть

* А propos *Le Nord* находить, что выраженіе употребленное “всѣмъ французскими журналистами, что Поповъ сломалъ свою шпагу *rouge ne pas la souiller dans le sang polonais*” — неучтивымъ, *peu poli*!

собакамъ намордники, въ предупрежденіе, чтобъ какая нибудь бѣшеная и напитанная якобинскими правилами собака, не укусила какой нибудь высочайшей членъ августѣйшей фамилии. Въ наше время, право, никто не вѣритъ, что человѣчество и города существуютъ для управленія; даже такіе мастера вѣрять во всякій вздоръ, какъ Асочинскій, Бурачекъ и Башуцкій — и тѣ не вѣрятъ. Какъ мнѣ ни жаль васъ, князь, а я все таки скажу, что вы состоите министромъ иностранныхъ дѣлъ при русскомъ народѣ, а не русский народъ состоитъ при вашемъ министерствѣ.

Я повимаю, что люди, воспитанные въ николаевскихъ кордегардіяхъ, не понимаютъ этого. Какъ прикажете растолковать что нибудь по человѣчески людямъ, которые могутъ писать такую безмысленную галиматью, какъ слѣдующій приказъ варшавскаго генерала губернатора:

“По уваженію, что надѣваніе отличительныхъ знаковъ можетъ содѣйствовать къ раздраженію умовъ, равно для предупрежденія могущихъ послѣдовать столкновеній, запрещается носить всякія *необыкновенныя* одежды и *вышние* знаки траура.”

“Варшава, Марта 31-го (Апрѣля 12-го) дня 1861 г.”

(Оф. Г. Ц. II.)

Но не старайтесь же увѣрять Европу, что “вышніе знаки траура” и “необыкновенныя одежды” обусловливаютъ дикое преслѣдованіе, дневной грабежъ и всѣ неистовства пьяныхъ солдатъ, управляемыхъ безответственными атаманами.

— “Да вѣдь и въ Парижѣ точно также разогнали бы толпу.” — А вамъ что за дѣло? мало ли какія гадости дѣлаются на бѣломъ свѣтѣ. А вотъ въ Лондонѣ, такъ “по уваженію, что надѣваніе отличительныхъ знаковъ можетъ содѣйствовать къ раздраженію,” ничего не дѣлаютъ. Сверхъ того въ Парижѣ не только “предупреждаютъ могущія послѣдовать столкновенія,” но иногда рубятъ голову королю; ну что-жь — и вамъ начать?

Пожалуйста, сдѣлайте одолженіе, уймите вашего департаментакаго Златоуста *du Journal de St. Petersburg*, — не хорошо; довольно, что на васъ отсвѣчиваетъ кровь, на что же еще чтобъ надъ нами хохотали?

П—ръ.

по поводу проекта положенія

ПРИСЯЖНЫХЪ ПОВѢРЕННЫХЪ.

(Окончаніе).

Назначеніе воеводъ областными начальниками окончательно соединило въ одни руки судъ и управительство; слѣдственно судъ былъ подчиненъ управительству. Военная власть стала играть главную роль съ польскихъ войнъ, и потому всего сподручнѣе было поручить областное управленіе воеводамъ. Около того же времени крѣпостное право въ широкомъ размѣрѣ прикрѣпило народъ къ мѣсту и слѣдственно управлять было главнымъ дѣломъ; о независимости суда не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ централизація пришла къ основанію военно-канцелярскаго порядка, который упорно разрастался до нашего времени и достигъ, при Николаѣ, высшей точки развитія до вѣлности, такъ, что до сихъ поръ отголосокъ не можетъ умолкнуть, и вѣроятно — освободятъ крестьянъ пошлютъ флигель-адъютантовъ.

Въ ту же эпоху, т. е. эпоху перехода отъ Судебника къ Уложению укореняется преобладаніе дворянства какъ орудія управленія; народъ снова съѣжился въ самомъ себѣ, бѣжитъ отъ суда казеннаго и старается обойтись своимъ внутреннимъ, общиннымъ, обычнымъ судомъ. Отъ этого передъ казеннымъ судомъ преимущественно являются тяжбы дворянскія, судебное законодательство развивается въ вопросахъ дворянскаго владѣнія, и молчитъ о правахъ личныхъ и имущественныхъ у народа, глухо раздѣляя земли на государственныя и помѣщичьи (барскія и монастырскія) и налагая подати на разныхъ основаніяхъ — съ лица, съ тягла, съ владѣнія; управленіе заботилось не объ опредѣленіи понятій оброка, подушныхъ или пошлины, а о сборѣ; его цѣль — болѣе правильный, безотговорочный сборъ податей и кромѣ вѣшняго финансового отношенія, законъ не проникаетъ во внутрь народной жизни. Дворянскія тяжбы, увеличиваясь, увеличиваютъ число крѣпостныхъ актовъ, канцелярская письменность растетъ, и судъ изъ словеснаго постепенно переходитъ въ письменный. Помѣщичьи и вотчинныя права развиваютъ узаконенія о дворянскомъ правѣ наслѣдства, болѣе или менѣе сохранившіяся и до нашего времени и вошедшія въ основу X тома свода законовъ. Кажется какъ бы дворянству не сплотиться въ сословіе, не развить сословнаго суда, не создать сословныхъ адвокатовъ? Но этого не выходитъ. Законъ сохраняетъ право судебного представительства за родственниками и близкими лицами, но не мѣшаетъ набирать повѣренныхъ и отовсюду — изъ дѣтей боярскихъ и изъ холоповъ; только они никогда не доходятъ до роли адвоката-защитника и смиренно остаются на ступени повѣреннаго-ходатая, нуждающагося въ защитникѣ, въ посредникѣ передъ судомъ; это низшей степени *defensores et procuratores, avoués, sollicitors*, но не непосредственные защитники передъ судомъ. Куда же они обратятся за защитой? Въ приказную канцелярію. Адвокатура идетъ отъ управительства, адвокатура дѣло казенное, чиновничье. Дворянство не создало сословной адвокатуры — и не мудро! Оно само на себя смотрѣло не какъ на самостоятельное сословіе, а какъ на орудіе управленія. Для него судебная защита въ томъ же управленіи, отъ котораго зависитъ и самый судъ. Канцелярія обдѣлываетъ дѣло передъ судѣй; но дворянство, служащее въ канцеляріи, въ качествѣ дьяковъ и подьячихъ, является болѣе или менѣе подкупнымъ адвокатомъ просителя и подсудимаго — не въ качествѣ дворянства, а на столько, на сколько оно орудіе управленія, на сколько оно чиновничество. Въ этомъ порядкѣ застаётъ Россію Уложеніе.

Отсутствіе правды въ судѣ, подчиненномъ управленію, нисколько не мѣшаетъ развитію судебныхъ формъ; жизнь разрастается и само управленіе приходитъ къ необходимости классифицировать отношенія, обозначить опредѣленія, по которымъ бы судъ могъ быть выраженъ. Съ усложненіемъ имущественныхъ отношеній дворянства, усложняется судебная практика, и законодательство приходитъ къ тонкому и подробному разпределенію частныхъ гражданскихъ правъ, и ихъ нарушеній, средствъ и формъ жалобы, и порядка судебныхъ пріемовъ. Заправленіе судомъ требуетъ развитія приказовъ и канцелярскаго склада. Полновластіе воеводъ, ихъ право назначать судей низшихъ инстанцій, слѣдственно продажность и управляемость судебныхъ мѣстъ, быстро пришли къ хаосу; это заставило централизацію искать способовъ ограничить зазнавшійся произволъ и привело къ основанію коллегіальнаго

устройства и къ развитію доклада и апелляціи. Глядя безпристрастно, мудро не видать въ эпоху Уложенія того коллегіальнаго начала, которое впоследствии опредѣлилось въ преобразованіяхъ Петра, и мудро не видать начала учрежденія трехъ судебныхъ инстанцій и четвертой центральной, непосредственно сливающейся съ верховной властью. Это учрежденіе, впоследствии разработанное Петромъ, перешло и въ губернскія учрежденія и въ сводъ законовъ; оно слишкомъ естественно въ общемъ построеніи, слишкомъ идетъ объ руку съ географически-управительственнымъ здаціемъ, соединяющимъ уѣзды въ области или губерніи, и области въ централизацію, — чтобы возможно было иное распределеніе суда. Это еще болѣе доказываетъ на сколько судъ подчинялся управленію.

Если обязанности каждаго члена коллегіальнаго управленія еще не были ясно высказаны, тѣмъ не менѣе назначенія къ воеводамъ товарищей, изъ окольныхъ, стольниковъ, дьяковъ или подьячихъ, имѣло весь складъ и всю цѣль коллегіи, т. е. правительству думало, что управленіе и судъ нѣсколькихъ людей сообща ограничить самовластный произволъ областного начальника и ввести въ управленіе и судъ сколько нибудь порядка. Въ этомъ вѣчная ошибка и внутреннее противурѣчіе централизаціи: необходимость порядка ведетъ къ назначенію очень сложнаго управленія, по отвѣтственнаго только передъ централизаціей, а не передъ обществомъ; а такъ какъ централизація выражается въ этомъ же управленіи, то управленіе становится безотвѣтственнымъ, вся система приходитъ къ безсудію, управительство беретъ совершенный перевѣсъ, коллегія не становится совѣтомъ многихъ, а сосредоточивается въ мѣстный центръ управленія, поддерживаемый общей централизаціей и всегда готовый зауправиться до хаоса; смыслъ коллегіи тонетъ въ бюрократическомъ складѣ. Этого впаденія въ неурядицу эпоха Уложенія тѣмъ менѣе могла избѣжать, что она не могла привести въ ясность даже своего формальнаго построенія. Централизація дѣйствовала то съ точки зрѣнія нѣкоторой систематичности, то изъ личныхъ и случайныхъ причинъ, мѣстничества, особаго царскаго довѣрія или недовѣрія, то вслѣдствіе мѣстныхъ привычекъ; такъ иногда совмѣщались по два воеводы въ одной области, пригородные воеводы бывали подчинены обоимъ, или одному, или вовсе неподчинены и сносились прямо съ Москвой; централизація стремилась придти въ систему, но еще не установилась въ нее. Земское начало, въ силу обычая, тоже еще проглядывало. Уголовныя дѣла производились то губными старостами и цаловальниками, какъ бы отдѣляясь отъ воеводской власти, то подчинялись воеводамъ; вообще рѣзкое разграниченіе уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ не вездѣ проведено въ Уложеніи; иногда гражданское дѣло подчинено уголовному порядку, иногда преступленіе подходит подъ гражданскій судъ.* Къ этой смѣшанности присоединяется и то, что нотаріаты, т. е. совершеніе актовъ, вполне принадлежало воеводскому управленію и въ результатѣ выходило, что нотаріаты и судъ были подчинены одному и тому же управительству. Самая эта запутанность, которую областное

* Едва ли можно приписать эту смѣшанность смутности понятій въ Уложеніи, и едва ли въ наше время можно провести рѣзкую границу между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. Внутреннее различіе могло бы только быть основано на различіи заблужденія и преднамѣренности: я владѣю чужимъ, потому что полагаю, что оно мое; я могу заблуждаться въ моемъ правѣ владѣнія, также какъ и мой противникъ, это чисто гражданскій процессъ; но я владѣю чужимъ

чиновничье коллегіальное начало не было въ силахъ исправить, указывала на усиленіе апелляцій, какъ на единое спасеніе. Но и апелляція не могла ясно опредѣлиться: суды шли объ руку съ управленіемъ; пригородные воеводы то подчинялись областному воеводѣ, то сносились прямо съ Москвой, судъ слѣдовалъ за управительствомъ; но потребность опредѣлить судебное отношеніе города къ пригороду или, сравнивши съ пашими учрежденіями, губерніи къ уѣзду, какъ отношеніе высшей инстанціи къ низшей, очевидно уже изъ того, что большая часть пригородныхъ воеводъ не сносились прямо съ Москвой; въ общей системѣ областное управленіе становилось административной и судебной инстанціей надъ пригородомъ, или уѣздомъ. За тѣмъ третьей инстанціей были Московскіе Приказы, и четвертой докладъ, т. е. апелляція на Приказы—въ боярскую Думу. Впослѣдствіи Дума слилась съ Приказами въ учрежденіи Сената, но и тутъ централизація не могла обойтись безъ особаго четвертаго прибавленія въ учрежденіи фискаловъ, падсмотрщиковъ даже и за высшей инстанціей, а при Николаѣ четвертая инстанція явно возобновилась Коммиссіей прошеній.

Но и коллегія и апелляція, въ эпоху уложенія, явились только какъ начало, которое строится и еще не можетъ состроиться. Внизу еще существовало кой-какое земское начало; даже оно попыталось поднять голову въ 1665 году въ выборномъ управленіи и судѣ города Пскова, введеннымъ воеводою Ордынъ-Нащокинымъ безъ царскаго утвержденія, но эта попытка тотчасъ же пала передъ общимъ ходомъ централизаціи, какъ все близкое къ земскому началу, всегда или подавляемому или искажаемому управительствомъ. Тоже случилось и съ судебно-слѣдственными приемами; они въ то время уже далеко ушли отъ наивнаго выслушванія судью истца и отвѣтчика, и взвѣшванія ихъ словъ, какъ единственной или главной основы судебного рѣшенія; развитіе жизни вело къ необходимости многосложнаго слѣдствія, многосложныхъ доказательствъ; во всѣ доказательства и улики, взятые изъ земской жизни клонились къ упадку, искажались въ практикѣ отъ безгласности земской жизни и наконецъ въ Сводѣ законовъ остались только въ буквѣ закона, какъ призраки безъ всякаго значенія въ жизни. Сюда относится повальный обыскъ, которому Уложеніе формально придаетъ большое значеніе, но которое управительство на практикѣ разрушаетъ или допускаетъ какъ средство обмана и злоупотребленія. Изъ прежнихъ формъ слѣдствія въ XVII вѣкѣ—религіозные приемы ослабли; ордалинъ исчезли, присяга поколебалась; пытки еще держались; но главнымъ орудіемъ и въ уголовномъ, и въ гражданскомъ процессѣ является очная ставка, превращающая наивное свободное судоговореніе въ

преднамѣренно, зная что оно чужое—это преступленіе и подходитъ подъ уголовное начало. Тоже и въ личныя отношенія: я нанесъ обиду, не думая обижать, или я нанесъ обиду намѣренно, но практика не идетъ на это внутреннее различіе, и потому во всемъ, что не есть недоразумѣніе, принимается чисто количественное различіе гражданского и уголовного дѣла. Обиды, побои, увѣчья, убійство—степени нарушенія права личнаго; неплатежъ долговъ, кража, захватъ, разбой—степени нарушенія права вещнаго. Различіе уголовного и гражданского процесса, въ приѣмленіи къ этимъ степенямъ, въ кваликаціи, основано на совершенно вѣдшемъ призракѣ—величій наказанія. Въ эпоху уложенія многое могло казаться преступленіемъ, что въ пашихъ глазахъ маловажно, и на оборотъ маловажное, для пашъ, казалось огромнымъ для людей того времени. Уложеніе не спутываетъ вещей, а только выражаетъ понятія своей современной жизни.

полицейскій допросъ. Крѣпостные акты и очная ставка—преобладающія формы судебно-полицейской жизни. Доказательства же посредствомъ свидѣтелей, старожиловъ и повального обыска, т. е. доказательства изъ той земской жизни, изъ которой въ Англіи, развивавшейся на основаніяхъ обычая (common law) выросъ судъ присяжныхъ,—эти доказательства, сколько ни требуются закономъ, по управительствомъ превращаются въ средство злоупотребленія. Достаточно одного случая, когда “челобитчикъ созвалъ къ обыску изъ дальнихъ мѣстъ до полутора ста человекъ, вовсе не знавшихъ спорной пустоши, и цѣлыхъ три дня поилъ ихъ, а въ это время писались обыски; обыскные люди не знали что писали, а попы и прикащики къ чему прикладывали руки; а соперникъ не смѣлъ туда и показаться”—чтобы видѣть какими путями управительственный судъ, корыстно закрывая глаза на подобныя происшествія, могъ подтвердить слѣдствіе и произвести рѣшеніе. Прибавьте къ этому дикость понятій и личностей, пытку и праведъ—и вы увидите, что Петръ I припалъ государство въ такой юридической неурядицѣ, что оно уже становилось невыносимо. Приходилось, или возвратиться къ прежнимъ формамъ земскихъ судовъ и выборности, которыхъ тѣнь никогда не могла исчезнуть изъ законодательства, или найти новыя формы для суда отъ правительства.

Петръ предпочелъ послѣднее. Чѣмъ сильнѣе дѣлалась централизація, тѣмъ безнаказаннѣе становились областныя власти, опирающіяся на нее; централизація запутывалась въ своемъ внутреннемъ противурѣчьи, и приходила къ безуправію, къ анархіи. Чтобы возможно было управлять, надо было опять заводить порядокъ, т. е. съизнова классифицировать Россію съ исключительной точкой зрѣнія управленія. Эта классификація стала не то что любимымъ—а роковымъ образомъ—необходимымъ занятіемъ Петра. Прийти къ естественной классификаціи края посредствомъ самоуправленія было невозможно: все что управляло, т. е. служилое дворянство, признавало себя только орудіемъ централизаціи, а отнюдь не представителемъ не только народа, всего земства, но даже и не своего сословія. Стало правительство не находило орудія къ земскому управленію. Сила дворянства была силою орудія централизаціи, а не силою самостоятельнаго сословія. Чтобы привести анархію въ порядокъ, надо было разграфить управленіе, и народъ самъ собой подойдетъ подъ графы; отъ этого о народѣ ни гдѣ и не упоминается; это матерія для кройки, надо только распределить мѣрку и государственное устройство выкроено. Народъ между тѣмъ, насильно поселяемый, не могъ заявить своего слова и своей силы, именно потому, что онъ еще не доселился; у него не было твердой почвы подъ ногами. Онъ молча жался другъ къ другу какъ испуганное стадо, на мѣстахъ, гдѣ его захватывало прикрѣпленіе къ землѣ, и внутри себя продолжалъ свою земскую жизнь, избѣгая столкновеній съ начальствами, съ заголовками графъ, подъ которыя подводился; или протестовалъ, во имя прежней бродячей воли, соединенными взрывами малороссійскаго казачества и русскаго разбоя.

По какже начать классификацію? Домашнія средства истощились. Конечно, коллегіальное начало получило свое основаніе въ эпоху Уложенія, но при существующихъ формахъ оно далѣе идти не могло. Конечно, Россія была раздѣлена на области и уѣзды, по это раздѣленіе произошло изъ привычекъ, изъ мѣстныхъ преданій, и для управленія

было не совсѣмъ ловко. Очевидно надо искать формъ, въ которыхъ коллегіальное начало могло бы развиваться, и надо раздѣлить Россію, не вслѣдствіе мѣстныхъ преданій, а съ точки зрѣнія удобствъ управленія. Петръ, великій, военный администраторъ и полководецъ, который для того, чтобы упрочить внѣшнюю сторону государства, для того, чтобы быть въ состояніи бороться съ Европой, долженъ былъ устроить войско, на сушѣ и на морѣ, на европейскую ногу, Петръ, ознакомившись съ Европой, ничего не находить легче какъ перевести коллегіальныя формы управленія и методу провинціального дѣленія съ иностранныхъ учрежденій на русскую почву, и примѣнить шведскій уставъ къ “ситуаціи російскаго государства.” Работа не малая. Долго приходится Петру бороться съ областными учрежденіями, заправившимися до неурядицы. Воеводы облѣвились, приходится имъ подтверждать, чтобъ были при допросахъ свидѣтелей сами, а не посылали подьячихъ (годъ 1700); надо собрать записи о всѣхъ дѣлахъ изъ всѣхъ приказныхъ палатъ въ московскій Судный Приказъ; надо собрать пошлины съ дѣлъ и для этого послать подьячихъ въ города и уѣзды и дать имъ съ краснаго крыльца, съ стѣннаго караула солдатъ сколько понадобится;* надо ввести пошлину съ крѣпостей и гербовую бумагу; надо уничтожить патриаршій разрядъ, что не малая заслуга Петра и централизаціи;† чтобы ввести какой нибудь порядокъ въ писаніи крѣпостей, надо изъ кучи площадныхъ подьячихъ прибрать двадцать человекъ и отдать ихъ въ вѣдомство оружейной палаты, чтобы писали крѣпости при свидѣтеляхъ, людяхъ добрыхъ и знатныхъ; а въ губерніяхъ отдать такихъ писцовъ подъ вѣдомство воеводамъ и бургомистрамъ, и послать съ этимъ указомъ нарочныхъ знатныхъ людей, потому что иначе указъ долго не дойдетъ.‡ Такимъ образомъ нотаріатъ опять, вмѣсто самостоятельного отвѣтственнаго учрежденія, присоединился къ управленію (впослѣдствіи къ судамъ и палатамъ). Дѣятельность и подготовка огромная; наконецъ въ 1708 году Россія раздѣлена на губерніи и въ 1711 боярскую Думу смѣняетъ Сенатъ; онъ постепенно собираетъ въ себѣ Приказы, замѣняя ихъ столомъ въ Сенатѣ; такимъ образомъ въ немъ учреждается: столъ секретный (государственныхъ дѣлъ), столъ приказный (текущія дѣла), столъ губернскихъ повѣтій, столъ разрядный, и позже столъ помѣстный. Для канцеляріи не достанетъ чиновниковъ; для этого сберутъ на смотръ въ Сенатъ подьячихъ со всѣхъ Московскихъ Приказовъ.* Недостанетъ чиновниковъ въ губерніяхъ, точно также сберутъ подьячихъ на смотръ къ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и вице-губернаторамъ и къ царедворцамъ, которые посланы для разбору оныхъ подьячихъ... и найдутся чиновники! Коллегіальное начало въ губерніяхъ является въ учрежденіи

* Указъ въ преображенскій Приказъ ближнему стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому. Пол. собр. зак. Т. IV, №. 1790.

† Централизація не могла покровительствовать помѣщичьей власти монастырей и архіереевъ, потому что церковь не была орудіемъ управленія, и скорѣе мѣшала ему; въ отнятіи крестьянъ и земель отъ церковной крѣпости, централизація ненарочно сошлась съ интересомъ народа, но только отчасти, потому что церковныхъ крестьянъ перевела опять въ крѣпость казенную и помѣщичью. Теперь существуютъ рѣдкія остатки крѣпостнаго состоянія монастырскаго. Но церковь, переставъ быть помѣщикомъ, стала также орудіемъ централизаціи и устроилась на чиновничью ногу въ Синодѣ и консисторіяхъ; ея интересъ слился съ интересомъ чиновничества; за то централизація пошла преслѣдовать раскольниковъ.

‡ Тамъ же №. 1833, 1838, 1850.

* Тамъ же, 2679.

ландратовъ, (1713 годъ) которые будутъ выбраны дворянствомъ (1714 годъ). Этотъ выборъ дворянства нисколько не представитъ земскаго дѣла, именно потому, что дворянство—орудіе управленія; въ его выборѣ, централизація получить людей болѣе или менѣе способныхъ къ управленію, а вовсе не представителей земскихъ интересовъ. Ландраты ничто иное какъ уѣздные начальники. Кромѣ того, тамъ, гдѣ есть гарнизоны, существуютъ коменданты и оберъ-коменданты. Кромѣ губернатора, вице-губернаторъ. Для межеванья и розыска ландрихтеры и предполагалось учредить оберъ-ландрихтера. Но не смотря на ландрихтеровъ и на учрежденіе Рекстмейстеровъ и Юстицколлегіи, Петръ, бравши изъ шведскаго устава отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, на практикѣ постоянно смѣшивалъ ихъ. “Того ради губернаторамъ ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское правленіе нарочныхъ не посылать, кромѣ того, ежели кто изъ ландратовъ впадетъ въ какое погрѣшеніе, или споръ какой въ земляхъ будетъ и о томъ, для розыску и межеванія, *посылать ландрихтеровъ и судить тѣхъ ландратовъ губернаторамъ самимъ съ вице-губернаторомъ и ландратами.*” Очевидно ландрихтеръ только слѣдователь, а судья губернаторъ и коллегіальное управленіе. Апелляція, какъ прежде въ боярскую Думу, такъ теперь идетъ въ Сенатъ.* Но все коллегіальное устройство и мнимое отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, все введеніе табели о рангахъ, все быстро увеличенное письмоводство и безгласность суда, все дѣлопроизводство, отданное въ руки прежнихъ подьячихъ, внушили Петру педовѣріе къ Сенату и мысль огражденія правосудія посредствомъ учрежденія фискаловъ—(впослѣдствіи подчиненныхъ генералъ-прокурору и замѣняемыхъ прокурорами). Фискалу за уличеніе въ неправдѣ, давалась половина штрафа, половина шла въ казну. “Буде же фискаль не уличитъ, то того въ виду ему не ставить.” Очевидно фискаль доносилъ, если ему выгодно взять половину штрафа, и молчалъ если ему было выгоднѣе подѣлиться съ судьей. Огражденіе правосудія посредствомъ гласности не приходило въ голову Петру, потому что онъ чужеземные образцы бралъ изъ странъ, гдѣ судъ былъ письменный и закрытый. Личность столько же дикая и жестокая, какъ и Иоаннъ грозный, по болѣе централизаторъ и менѣе мыслитель, Петръ былъ всего меньше способенъ быть юристомъ. Отъ этого онъ такъ ревностно набираетъ ливонскихъ и иныхъ пѣмецкихъ ученыхъ для приведенія въ исполненіе коллегіальныхъ и канцелярскихъ формъ, обѣщая за это чинъ ассесорскій, и пишетъ 16 Декабря 1715 г. резиденту въ Вѣпѣ, Веселовскому, о присканіи на цесарской службѣ въ нашу службу людей изъ шрейберовъ, знающихъ по словянски, ото всѣхъ коллегій по одному человекъ, чтобъ они могли тѣ дѣла (въ которыхъ коллегіяхъ бывали), здѣсь основать, — и о заказѣ прагскимъ езуитамъ перевести на словянскій *Юриспруденцію.*† Очевидно Петръ самъ себѣ не давалъ отчета въ томъ, что понималъ подъ именемъ Юриспруденціи. Военскій уставъ выставляетъ еще болѣе, на сколько въ немъ централизаторъ убиваетъ юриста: (III часть процесса, гл. I

* Замѣчательно, что при Петрѣ съ неправого челобитчика взыскивалось вдвое, и съ неправого судьи взыскивалось вдвое; стало апелляція была искою на судью, судомъ съ судьей, и не отличалась отъ жалобы на судью. Слѣдственно неправильное рѣшеніе было вѣною, а не ошибкой и гражданскій процессъ сливался съ уголовнымъ.

† Тамъ же №. 2967.

о приговорахъ, § 5). “Въ вышнемъ судѣ гражданскія дѣла судимы не бывають, кромѣ того ежели челобитчикъ или отвѣтчикъ приговоромъ нижняго суда гражданскихъ дѣлъ недоволенъ явится, и того ради для лучшей осторожности дѣло свое въ генеральный кригсрехтъ перепести похощеть, so, kann selbiges Urtheil zur bessern Bergrüfung und Revision dem general Kriegsrecht übergeben und dahin appellirt werden...” А въ самыхъ важныхъ случаяхъ дѣло идетъ къ фельдмаршалу. Такимъ образомъ, Петръ, самъ не замѣчая, ставитъ военный судъ высшей апелляціонной инстанціей для гражданскихъ дѣлъ и фельдмаршала верховнымъ судьей въ государствѣ. Періодъ военного управленія государствомъ, какъ и коллегіальное управленіе, только начинался въ эпоху воеводства, но дѣйствительно сталъ на погисъ Петра. Иррегулярное войско до-петровскихъ временъ не могло создать духа военщины; воевода былъ менѣе воинъ, чѣмъ властитель. Но генералъ-губернаторъ уже былъ настоящей, вымуштрованный военный человекъ, что ему нисколько не мѣшало справлять опеку надъ гражданскими отношеніями и жизнью частныхъ людей; коменданты и оберъ-коменданты играютъ тоже не маловажную роль, и большая часть губернаторовъ назначается изъ военныхъ людей. Этотъ толчекъ военщины, данный Петромъ, былъ такъ силенъ, что въ послѣдующія царствованія всѣ мѣста раздавались отставнымъ офицерамъ, а въ болѣе близкое къ намъ время, тоже направленіе привело Александра I къ мысли осолдатченія народа посредствомъ военныхъ поселеній, и довело Николаевское царствованіе до какого то военно-осаднаго положенія Россіи.

Давая преобладаніе военно-административному началу надъ судебнымъ и полагая, что правосудіе достаточно ограждено фискалами и “окомъ государевымъ,” Петръ съ ненавистью смотрѣлъ на адвокатуру, думая, что адвокаты “своими непотребными пространными приводами судью болѣе утруждаютъ и оно дѣло толь паче къ вящему пространству, нежели къ скорому проводить окончанію.” Это разсужденіе буквально переведено съ нѣмецкаго, говоритъ г. Дмитріевъ, и оно очень вѣрно, добавимъ мы; къ этому вообще ведетъ адвокатура, для которой процессъ хлѣбъ насущный. Петръ хотѣлъ свести повѣренныхъ только на родственниковъ, хотя, по сложности жизни, это было невозможно; но онъ не замѣтилъ, что канцелярія суда и коллегія становятся адвокатурой, къ которой будутъ обращаться просители и ихъ ходатаи или повѣренные, и которая тѣмъ болѣе сдѣлается продажною, что она разомъ адвокатура и судъ, что она сама судитъ свой докладъ, представленный въ томъ видѣ, въ какомъ ей хочется. Эта канцелярская адвокатура вошла въ учрежденіе о губерніяхъ и свято сохранилась до нашихъ дней. Адвокатское значеніе канцелярій ушло отъ вниманія централизаціи; отъ этого и послѣ Петра правительство, не замѣчая, что вся канцелярія, начиная съ секретаря — адвокатъ, полагаетъ великимъ зломъ и запрещаетъ хожденіе по частнымъ дѣламъ канцелярскимъ служителямъ; такъ, въ 1748 году, приказано губернаторамъ и воеводамъ наблюдать дабы отнюдь не было такихъ канцелярскихъ служителей, “кои праздно живутъ и токмо за дѣлами по Приказамъ ходятъ”; или въ 1785 году, запрещена адвокатура секретарямъ рижскихъ и ревельскихъ присутственныхъ мѣстъ. Но все это не помо-

гало правосудію: канцелярія была адвокатомъ въ своемъ Приказѣ, въ своемъ присутственномъ мѣстѣ, и отъ этого не лзя было избавиться при такомъ устройствѣ. Адвокатура канцелярій слѣдовала за всѣми судебными инстанціями; съ каждой апелляціей, тяжущійся прибѣгаетъ къ канцеляріи новой инстанціи, которая продаетъ ему свою новую адвокатуру. Между тѣмъ, введеніе Петромъ правильныхъ инстанцій было дѣйствительнымъ успѣхомъ противъ эпохи Уложенія; по крайней мѣрѣ, публика знала куда обращаться съ прошеніемъ. Сверхъ того, съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни, учрежденіе правильныхъ инстанцій приводило къ невозможности соединенія судебной и административной власти въ однѣ руки; апелляціи приходилось смѣшивать жалобу на неправильное рѣшеніе съ жалобой на управленіе, и учрежденіе о губерніяхъ разграничило ихъ, но только формально; дѣйствительно отдѣлить ихъ, для централизаціи невозможная задача, потому что для этого надо признать судъ независимымъ, т. е. перестать быть централизаціей. Власть губернаторовъ въ нижнихъ инстанціяхъ, ихъ вліяніе на гражданскія палаты и захватываніе судебной части губерскими правленіями, а равно и непремѣнное присутствіе и голосъ министровъ, т. е. главныхъ завѣдывателей управленія, въ высшей судебной инстанціи — въ сенатѣ, и заправленіе правосудія административнымъ порядкомъ въ министерствѣ юстиціи, явно показываютъ, что въ наше время, судъ не отдѣленъ отъ управленія. Централизація не можетъ отстать отъ управленія судомъ; соединя администрацію и судъ подъ одно управленіе, она думаетъ, что держитъ пару лошадей па однихъ возжахъ, никогда не замѣчая, что везетъ только одна и заводитъ въ грязь. Въ 1730 году оказалось 31,388 дѣлъ нерѣшенныхъ; сколько ихъ теперь—это тайна.

Россія знакомялась съ Европой и европейскою наукой черезъ войну и торговлю. На востокъ ей еще нечего было дѣлать; пустыни тамъ пріобрѣтенныя еще не могли вызывать къ себѣ движенія народа и безъ того многоземельнаго; да и централизація слишкомъ заботилась о прикрѣпленіи народа къ мѣсту, чтобы силы ринулись въ ту сторону; заселеніе Заволжья и Сибири совершалось медленно и, хотя Петръ и провидѣлъ великую работу, предстоящую за Ураломъ, но дѣйствительно вопросъ движенія къ Тихому океану едва только теперь поднимается на ноги. Въ его время Россіи приходилось отстаивать западную границу, а разъ толчекъ былъ данъ, — пришлось и расширять ее. Война сблизила насъ съ Европой не меньше торговли. Такъ ли бы скоро произошло сближеніе безъ Петра, это другое дѣло. Его страстная подражательность въ соединеніи съ необузданнымъ самовластіемъ, конечно, ускорили сближеніе съ невѣроятной силой, даже больше, чѣмъ сама централизація могла желать. Сближеніе произошло такъ сильно, что совершенно раздвоило народъ съ централизаціей. По одну сторону молча осталось бородастое земское начало; по другую государь, обрѣтый, въ нѣмецкомъ мундирѣ, съ цѣлымъ обрѣтымъ сословіемъ, служащимъ ему орудіемъ управленія—съ дворянствомъ. Дворянство, какъ мы сказали, уже съ самаго начала централизаціи выдѣлялось отъ народа, какъ орудіе управленія отъ управляемаго. Тутъ оно окончательно отдѣлилось. Классифицированное въ служебные разряды и въ табель о рангахъ, оно систематически выражало свою несамостоятельность и зависимость отъ централизаціи; за

то оно и получило окончательно право заправлять въ свою пользу половиной народа. Для централизаціи помѣщичество было также способомъ управленія, какъ и чиновничество; и то и другое представляли двѣ стороны одного и того же дворянства, одного и того же орудія управленія. Отъ этого, хотя, при Петрѣ III, служба и перестала, по буквѣ закона, быть обязательною для дворянства, по она не прекратилась. Дворянство признавало свою силу только когда являлось орудіемъ централизаціи, и продолжало служить. Помѣщичество обращалось въ чиновничество и чиновничество въ помѣщичество, какъ одно лицо, вертящееся на одномъ мѣстѣ. Отъ этого, узаконенные учрежденіемъ о губерніяхъ, дворянскіе выборы не произвели никакого сословнаго интереса дворянства и поглотились интересомъ чиновничества. Выборный исправникъ слился съ губернаторскимъ управленіемъ; выборный судья оказался не представителемъ общественнаго суда дворянъ — а суда чиновничьяго, управительсвеннаго; уѣздный предводитель сталъ опекать дворянство съ чиновничьей точки зрѣнія губернатора; губернской предводитель полъзъ въ камергеры. Наконецъ въ послѣдствіи учрежденные по выборамъ предсѣдатели палатъ оказались представителями чиновничьяго интереса. Исключенія и оппозиція являлись рѣдко и не были поддержаны самимъ дворянствомъ. Выборы только облегчали централизацію классификацію управленія и отнюдь не создали сословія и сословнаго права и самостоятельности. Замѣчательно, что при Екатеринѣ, утверждена почти окончательно (послѣ немного было измѣненій) географическая классификація Россіи и классификація управленія, и окончательно закрѣплено помѣщичье право отдачей въ крѣпость малоросскихъ крестьянъ. Народъ послѣдній разъ, заявилъ, въ Пугачевщинѣ, протестъ во имя бродячей воли, и замолкъ — не навсегда, потому что приврѣпленный къ землѣ, ему еще приходится возражать не во имя бродячей воли, а во имя гражданской свободы и землевладѣнія.

Но послѣ Екатерины и учрежденія о губерніяхъ оставалась одна часть народа, не совершенно подведенная подъ графу управленія — казенные крестьяне; ихъ Николай вписалъ въ графу особаго министерства. Но ни эта графа, ни самое помѣщичество не искоренили, а только признали въ извѣстныхъ границахъ народное земское, выборное начало. До министерства государственныхъ имуществъ оно было признано молчаливымъ; съ министерства оно признано, по искажено закономъ; т. е. управительствомъ. Отъ Петра и до нашего времени народъ и управительсвенное сословіе жили розной жизнью; но тоже знакомство съ Европой и европейской наукой, раздѣлившее ихъ, стало вызывать въ дворянствѣ стремленіе къ сближенію съ народомъ, потому что быть на голомъ чиновникомъ, т. е. орудіемъ зауправившейся централизаціи становится стыдно, а достигъ до самостоятельнаго сословія невозможно: чтобъ перестать быть чиновникомъ, надо перестать быть помѣщикомъ, — и тогда сословія не существуетъ. Эта истина также вѣрна на оборотъ: дворянство, переставъ быть помѣщикомъ, потеряетъ и другую сторону лица — чиновничью; оно перестанетъ быть чиновникомъ.

По неволѣ придется обратиться къ земскому началу выборному, безсословному.

Вкравшееся въ нашъ ученый міръ смѣшеніе понятій государства и централизаціи, государства и общественности

—одно изъ помѣхъ развитію гражданскихъ понятій, гражданской мысли въ Россіи. Намъ кажется, что здѣсь довольно у мѣста распутать ихъ, привявшись за простой математическій способъ опредѣленій. Государство есть народонаселеніе одноплеменное или разноплеменное, въ послѣднемъ случаѣ вслѣдствіе завоеванія или соглашенія, состроившееся, въ извѣстныхъ географическихъ предѣлахъ, въ одно цѣлое. Status, установленное, цѣльное. Наше выраженіе *государство*, котораго корень *судъ*, намскаетъ на смѣшеніе понятій суда и государственной цѣлости; но за то это слово не народное, а ученое. Государство, status, можетъ образоваться при разныхъ условіяхъ: Англія, государство возникшее изъ завоеванія, но не пришедшее къ централизаціи; Швейцарія — государство конфедеративное, вслѣдствіе географическаго положенія и совобупно отстоенной независимости; Соединенные Штаты — государство конфедеративное чисто по контракту. Франція — государство централизованное, вслѣдствіе своихъ историческихъ причинъ, Россія вслѣдствіе своихъ. Отрицать историческую необходимость, изъ которой возникла наша централизація, было-бы смѣшно, но ставить ее необходимымъ условіемъ существованія государства вообще и сливать съ понятіемъ государства — нелѣпо. Это приводитъ къ ложному понятію, что у насъ, съ начала централизаціи, судъ, имѣвшій до тѣхъ поръ частный характеръ, получаетъ характеръ государственный, совершается во имя государства; между тѣмъ какъ судъ совершался и совершается только во имя централизаціи, и потому подчиненъ управительству, и не смотря ни на какое законодательство, не смотря на сводъ законовъ, облегчившій для простыхъ смертныхъ доступъ къ юридическому таинству, носить характеръ произвола и безсудія. По своему внутреннему смыслу, судъ не только не долженъ быть подчиненъ централизаціи, но онъ не можетъ быть подчиненъ и государству; онъ вовсе не совершается во имя государственной цѣлости, а во имя общественнаго мнѣнія. Судъ есть приложеніе общественнаго мнѣнія къ частному нарушенію вещнаго или личнаго права. Это до такой степени вѣрно, что какого-бы склада ни было государственное управленіе, когда преслѣдуется преступникъ, оно приводитъ его къ суду, являясь само какъ истецъ, и ставя подсудимаго какъ отвѣтчика. Судъ изслѣдуетъ, разбираетъ и произноситъ рѣшеніе или въ пользу истца, т. е. государственнаго управленія, или въ пользу отвѣтчика т. е. государственнымъ управленіемъ обиженнаго частнаго лица. Но кто-же этотъ судъ? Общественное мнѣніе. Въ небольшихъ размѣрахъ общины оно можетъ непосредственно выразиться судомъ мірской сходы; тамъ же гдѣ къ размѣру населенія мірская сходка неприложима, оно выражается общественнымъ довѣріемъ къ судѣ, и гласностью суда. Другаго внутренняго смысла, сквозь всѣ искаженія, не имѣетъ не только судъ присяжныхъ, но и всякій судъ. Частный гражданскій споръ до такой степени частное, а не государственное дѣло, что спорящіе могутъ помириться до и во время суда, что было-бы невозможно, если дѣло разсматривать, какъ нарушеніе государственной цѣлости. Разборъ гражданской тяжбы между частными лицами, или между казной и частными лицами — опять приложеніе общественнаго мнѣнія къ частному случаю, гдѣ оно рѣшаетъ, что одна изъ сторонъ права, а другая ошибается. Дѣло въ томъ, что ни частное преступленіе, ни частный споръ, не парую

шаютъ государства и его цѣлости, но нарушаютъ человѣческое понятіе и общественное мнѣніе о правдѣ. Судъ принадлежитъ не государству, а обществу; государству принадлежитъ самохраненіе, а правосудіе дѣло общественности, которая, въ противоположность къ установленному status, создаетъ жизнь и движеніе. Подчинять-же судъ централизаціи, и въ то время когда централизація и государство до такой степени распались, что ихъ интересы розны, что централизація и для государства невыносима—это не только нелѣпо, но преступно.

Но возвратимся къ министерскому проекту о присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ минуту, когда съ освобожденіемъ крестьянъ, помѣщикъ перестанетъ быть помѣщикомъ и чиновникомъ, когда готовится цѣлая перестройка свода законовъ, въ эту минуту учреждать новую инстанцію канцелярской адвокатуры было бы одно изъ тѣхъ безумій, на которое даже наше правительство едва ли рѣшится: къ силѣ централизаціи она ничего не прибавитъ, а судебную неурядицу она увеличитъ. Утвержденіе новыхъ присяжныхъ повѣренныхъ при судахъ нисколько не уничтожитъ канцелярской адвокатуры; къ тому же секретарю адвокату обратится присяжный повѣренный, и если онъ не герой—хотя и кончилъ курсъ въ университетѣ—то войдетъ съ нимъ въ стачку. Тотъ же обычной неприсяжный повѣренный, ходатай по дѣламъ, обратится къ присяжному повѣренному, и условясь съ нимъ какъ слѣдуетъ, отправитъ его къ канцеляристу-адвокату. Эта адвокатурная инстанція увеличитъ число обязательныхъ для пресителя адвокатовъ вдвое на каждую инстанцію: одинъ адвокатъ присяжный повѣренный, другой канцелярія; а если пройти по всѣмъ тремъ инстанціямъ, то вшестеро, и вовсе не избавитъ отъ обычныхъ ходатаевъ по дѣламъ. И все это подъ предводительствомъ стряпчихъ и прокуроровъ, которыхъ достоинство болѣе чѣмъ сомнительно.

Перелагая на русскіе права рескриптъ императора Анастасія 497 года, о наградѣ за столько то лѣтъ адвокатуры, министерство не замѣтило, что оно создаетъ чиновниковъ, получающихъ высшій чинъ гуртомъ. Если кандидатъ университета (10го класса) пробудетъ присяжнымъ повѣреннымъ 21 годъ, то зачитая по три года на каждый чинъ, всего шесть степеней табели о рангахъ, онъ лѣтъ сорока, пажившись взятками съ просителей и дѣлжами съ канцеляріей, вступитъ въ государственную службу дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и займетъ по чину мѣсто clarissimus, т. е. Ваше Превосходительство. И министерство думаетъ, что онъ не чиновникъ и что присяжная адвокатура не есть коронная служба!

Статьи проекта о совѣтѣ присяжныхъ взяты съ французскихъ conseils de discipline. Но какое странное переложеніе! Наполеоновскій декретъ назначаетъ для составленія совѣта выборъ 15 членовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ число адвокатовъ не менѣе ста, девяти—гдѣ не болѣе 52хъ, 7—гдѣ не болѣе 30ти, 5—гдѣ менѣе 30ти. Въ русскомъ проектѣ 10 повѣренныхъ избираютъ изъ своей среды совѣтъ; ужъ лучше бы собратъ просто всѣмъ вмѣстѣ, да и оправдывать каждаго.

Но всѣ эти переводы съ латинскаго и французскаго не подвинутъ правосудія въ Россіи. Новая инстанція адвокатуры не внесетъ его въ судъ. Его внесетъ только гражданская

свобода. Какъ при Петрѣ истощились всѣ домашнія формы управленія судомъ, такъ теперь истощены и всѣ чужеземныя; чтобъ избавиться отъ судебной неурядицы надо придти къ независимости суда и гласности. Ненарочная гласность древнихъ судовъ должна перейти въ сознательную гласность, гдѣ судъ былъ бы приложеніемъ общественнаго мнѣнія къ отдѣльному случаю. Если у насъ невозможна независимость суда сословнаго, какъ въ Англіи, потому что у насъ нѣтъ сословія, а только чиновничество, подлежащее уничтоженію,—то намъ остается обратиться къ началамъ земскаго суда Іоанна Грознаго, суда всесословнаго и гласнаго, и разработать ихъ сообразно съ современными понятіями и потребностями; а при отсутствіи вліянія на судъ исключительнаго сословія никакая присяжная, чиновничья или сословная адвокатура невозможна. Адвокатами будутъ—наиболѣе способные и никто не захочетъ быть ограниченнымъ въ выборѣ чловѣка, которому вѣрить.

Н. Огаревъ.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

ПИСАННАЯ СОБСТВЕННОЮ РУКОЮ ГРАФА В. О. АДЛЕРБЕРГА.

Всеподданнѣйше представляя вашему императорскому величеству докладъ комитета по устройству театровъ, долгомъ поставлю со своей стороны изложить собственное мое мнѣніе о послѣднихъ мѣрахъ, предлагаемыхъ комитетомъ къ устраненію неизбѣжныхъ и всегда, отъ самаго устройства управленія проистекающихъ, и возрастающихъ дефицитовъ по содержанію театровъ.

Однѣ изъ главнѣйшихъ причинъ дефицитовъ, какъ вы усмотрѣть изволите, суть: положеніе театральнаго училища и уставъ о пенсіонахъ артистамъ. Съ преобразованиемъ училища въ консерваторію, съ сохраненіемъ лишь танцевальной школы и съ измѣненіемъ пенсіоннаго устава на предложенныхъ комитетомъ основаніяхъ, эти причины устранятся, по не тотчасъ, а лишь въ отдаленной будущности, ибо какъ положеніе училища, такъ и нынѣ существующій пенсіонный уставъ будутъ продолжать свое дѣйствіе на всѣхъ тѣхъ лицъ, коихъ новыя узаконенія по всѣмъ предметамъ застанутъ въ училищѣ или при театрѣ, потому что никакой законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ. Не менѣе того эти коренныя преобразования должны быть непременно исполнены, во всякомъ случаѣ, какую-бы мѣру изъ предлагаемыхъ комитетомъ, по переобразованію собственно театровъ и ихъ управленія, вашему величеству угодно было осуществить.

Эти мѣры представляются въ двухъ видахъ: 1) обезпеченіе театральнаго дирекціи сборовъ съ представленій до извѣстной цифры (которая должна быть опредѣлена), покрывающей, вмѣстѣ съ производимымъ отъ правительства пособіемъ, всѣ расходы. Это не есть устраненіе дефицитовъ положительное, а только приведеніе ихъ въ законную форму, и огражденіе государственнаго казначейства отъ непредвидѣнныхъ значительныхъ издержекъ, или лучше сказать: предусмотрѣнное условное прибавленіе къ правительственному пособию, уже опредѣленному, подобно тому, какъ предусмотрѣны и предопредѣлены условно экстренные расходы по двору. Однако можно надѣяться, что при вышеприведенныхъ преобразованіяхъ и введеніи нѣкоторыхъ другихъ перемѣнъ, какъ-то въ личномъ составѣ и образѣ управленія и т. п., эти дефициты

будутъ увеличиваться какъ нынѣ, а придутъ въ почти ровную цифру, измѣняющуюся только отъ случайностей.—

2) Сохраненіе въ вѣдомствѣ правительства только двухъ національных русскихъ труппъ: драматической и оперной, съ балетной при сей послѣдней, и съ предоставленіемъ частной предпріимчивости иностранныхъ: французской, нѣмецкой и т. д. и съ открытіемъ свободы всѣмъ желающимъ открыть въ столицахъ національные театры всѣхъ родовъ, доступныхъ и для простаго народа.—Конечно, этотъ способъ сократитъ значительно расходы правительства не только уменьшеніемъ дефицитовъ, но можетъ быть даже и ограниченіемъ нынѣ производимыхъ пособій. Но и это желаемое послѣдствіе осуществимо тоже въ будущности, а не теперь, ибо дѣйствіе заключенныхъ съ иностранными артистами контрактовъ должно продлиться еще нѣсколько лѣтъ, не менѣе трехъ, а частныя русскія труппы не скоро образуются. Предоставленіе иностранныхъ театровъ частной предпріимчивости, значить по моему совершенно отъ нихъ отказываться. Никто не рискнетъ принять на свое содержаніе иностранцыя труппы при тѣхъ недостаточныхъ пособияхъ, кои нынѣ на эти труппы отпускаются, а если кто-либо рискнетъ, то это въ надеждѣ, что его потеря будетъ ему отъ правительства вознаграждена. Во всякомъ случаѣ эта труппа будетъ весьма посредственна и даже ниже. Антрепренеръ *не будетъ въ состояніи имѣть первостепенныхъ актеровъ и актрисъ*; онъ будетъ довольствоваться, для приманки публики, однимъ, много двумя хорошими артистами (и то вредъ-ли изъ первоклассныхъ знаменитостей), а остальной персоналъ составитъ изъ ничтожныхъ бездарностей, подобно бывшей у насъ труппѣ Рашель. Подобныя труппы не удовлетворятъ нашу публику, привыкшую къ изящному и смѣю думать, не соотвѣтствуютъ достоинству столицы вашего величества. Въмѣсто первой во всей Европѣ итальянской оперы, вмѣсто французской труппы, имѣющей предъ всѣми парижскими преимуществами совершенства общаго состава (*perfection de l'ensemble*), какъ выражаются о ней французы, посѣщающіе театры, *мы будемъ имѣть* (если только будемъ?) *ничтожный театръ* едва-ли не хуже французскихъ провинціальныхъ. О нѣмецкой труппѣ не скажу, чтобы она могла почитаться наряду лучшихъ, но смѣло могу увѣрить, что она не такъ дурна, какъ многіе о ней отзываются. Впрочемъ она комитетомъ также признана необходимою Петербургу, а частнаго для нихъ антрепренера, я равномѣрно и еще болѣе, не предвижу. — Сверхъ того, надобно взять въ соображеніе: а) что каждый содержатель иностранной труппы будетъ требовать для себя исключительно одишъ театръ, а у насъ всего четыре, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ два должны оставаться исключительно принадлежностью русскихъ труппъ; в) при отдачѣ иностранныхъ труппъ въ частныя руки, дворъ долженъ отказаться отъ иностранныхъ спектаклей во дворцѣ, или при надобности производить ихъ наймомъ вѣроятно за дорогую цѣну.

Относительно дарованія частной предпріимчивости полной свободы заводить въ столицѣ національные театры всякаго рода и для всѣхъ сословій, обязываюсь зямѣтить слѣдующее:

Указомъ императрицы Екатерины II. 1783 года даровано это право, однако понынѣ два лица (имени ихъ не помню) открыли частныя театры, въ Москвѣ никто другой этимъ

правомъ не воспользовался, и эти два лица кончили банкротствомъ, что доказываетъ, что въ Россіи любовь къ драматическому искусству не была развита и не сильно развивалась, и что до сихъ поръ только императорскіе театры и театральная школа имѣли вліяніе на установленіе и развитіе (хотя слабое и не изящное ни во вкусѣ ни въ направленіи) сценической литературы и на формированіе артистовъ. Не спорю, что соревнованіе между нѣсколькими театрами, желаніе поступить на сцену императорскую могутъ поощрять и писателей и артистовъ, могутъ усовершенствовать произведенія первыхъ и дарованія послѣднихъ; но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ: *время-ли теперь даровать свободу и принесетъ ли она ту пользу, которую желаютъ извлечь?* На это отвѣчаю рѣшительно: *нѣтъ!* Нынѣ въ особенности у насъ литература не чисто литература, стремящаяся къ усовершенствованію вкуса, языка, къ исправленію нравовъ, къ утвержденію порядка, законовъ, нравственности, вѣры, — она единственно политическая и направленная путемъ косвеннымъ къ испроверженію существующаго законнаго порядка. Уже въ царствованіе блаженныя памяти императора Николая Павловича она взяла это пагубное направленіе, хотя постепенно и осторожно, но постоянно и послѣдовательно развивалось, ускользнуло отъ взгляда тогдашней строгой цензуры, и успѣло установить въ обществѣ сильное мнѣніе, противное правительству. Какъ уже замѣтило извѣстное вашему величеству лицо, — не касаясь еще главы народа, писатели опорочиваютъ правительственныя установленія и распоряженія и уничижаютъ орудія верховной власти, выставляя въ преувеличенномъ и искаженномъ видѣ неизбѣжные недостатки тѣхъ и другихъ, не стыдятся даже употреблять и ложь и клевету. Въ этомъ направленіи, въ этомъ духѣ пишутся не только журналы, но и повѣсти, романы и театральныя пьесы; все клонится къ тому, чтобы возбудить общественное мнѣніе, противное правительственнымъ лицамъ, распоряженіямъ и установленіямъ, посредствомъ чего намѣреваются идти и далѣе. Если, не смотри на цензуру, или лучше сказать, при цензурѣ, даны на императ. театрахъ пьесы какъ наприм. *Свѣтъ не безъ добрыхъ людей* (не говорю о многихъ другихъ подобныхъ по духу и направленію, какъ-то: *Ревизоръ*, *Не въ свои сапоги садись* и проч.), произведенія столь замѣчательныя изъясненіемъ враждебныхъ мнѣній, что-же можно ожидать отъ частныхъ театровъ? И эти театры, которые за 75 лѣтъ тому назадъ не учредились, теперь учредятся во множествѣ, ибо въ нихъ желающіе переворота найдутъ вѣрное средство дѣйствовать на всѣ сословія сильно и скоро, а наче на простой народъ, въ такой степени важный для него теперь. Напрасно думаютъ, что правительство обрѣтетъ этими театрами способъ нравственно образовать простой народъ, указывая, въ какомъ направленіи и духѣ должны быть писаны пьесы для сихъ театровъ. Правительство, даже при самомъ началѣ не было въ состояніи оградиться отъ сочиненій совершенно противныхъ, если не въ цѣломъ, то въ частныхъ выходкахъ, изъ которыхъ одна можетъ быть достаточна для опроверженія всего писаннаго въ его духѣ. Никакая цензура, никакая полицейская мѣра отъ этого не оградитъ. Въ доказательство приведу слѣдующее: Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу, въ видахъ пользы дворянъ, при обсужденіи вопроса объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, нашелъ нужнымъ вызвать, такъ сказать, обнародо-

ваніе въ журналахъ статей по сему вопросу. И что-же изъ этого вышло? Появились статьи, совершенно противныя видамъ и указаніямъ вашего величества, и эти-то статьи, именно потому, что онѣ противны симъ видамъ и указаніямъ, привлекаютъ большинство читателей и встрѣчаютъ болѣе сочувствія, нежели писанныя въ смыслъ видовъ вашего величества. Не надобно забывать, что во всѣхъ революціяхъ театры частныя служили средствомъ къ возбужденію страстей, и что размноженіе ихъ во Франціи и Германіи есть плодъ революцій.

Въ заключение осмѣливаюсь предложить слѣдующее :

а) Во всякомъ случаѣ :

1) Измѣнить положеніе театральнаго училища, оставя оное только въ видѣ танцевальной школы и учредивъ для драматическаго искусства, вокальной и инструментальной музыки—консерваторію, безъ предоставленія учителямъ того и другаго училища какихъ-либо правъ.

2) Составить для артистовъ русскихъ новый пенсіонный уставъ, на другихъ основаніяхъ, примѣняясь къ уставамъ, по сему предмету, въ другихъ государствахъ.

3) Пенсій иностраннымъ артистамъ впредь не производить.

4) Уменьшить составъ труппъ до необходимаго числа.

5) Переобразовать коптору театральную по образцу придворной конторы и дворцовыхъ.

б) Въ случаѣ, если угодно будетъ оставить иностранные театры въ вѣдѣніи театральной дирекціи, постановить, впредь ангажементы заключать не на годъ, а на театральныи сезонъ, подобно тому, какъ ангажируются итальянцы.

в) Въ случаѣ, если угодно будетъ предоставить иностранные театры частной предпріимчивости, то не лишать артистовъ, нынѣ при сихъ театрахъ состоящихъ, тѣхъ правъ, кои они приобрѣли.

г) Все, что будетъ положено, приводить въ исполненіе не вдругъ, теперь-же, а по тщательномъ обработаніи и представленіи на высочайше утвержденіе всѣхъ новыхъ положеній.

е) Впредь до устройства новаго порядка, сохранить нынче существующій, обезпечивъ дирекціи* въ опредѣленіи цифры, достаточной при производствѣ отъ правительства пособія на ея расходы.

ф) Частныхъ русскихъ театровъ не заводить.

9 Мая, 1858.

Государь, по прочтеніи этой записки, собственною рукою подписалъ надъ нею : *Совершенно раздѣляю ваши мнѣнія.*†

* Пропускъ въ оригиналѣ.

† Очевидно высочайшій смыслъ съ здравымъ смысломъ не совпадаетъ. Впаче какъ же было бы согласиться съ мнѣніемъ, которое начинается съ того, что въ Россіи, по мимо казенныхъ театровъ, частныя предпріятія невозможны по неразвитію сценической потребности—а кончается тѣмъ, что частныхъ театровъ развелось бы столько, что чуть ли не они одни произвели бы революцію! Не безпокойтесь! Революцію произведутъ присутствіе невѣжества и отсутствіе здраваго смысла у правительства.

МОРМОНИЗМЪ ВЪ ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ
ПОКРОВИТЕЛЬСТВУЕМЫЙ КН. В. ДОЛГОРУКОВЫМЪ.*

Въ Черниговской губерніи, Глуховскомъ уѣздѣ живетъ помѣщикъ Петръ Дмитриевичъ Аммосовъ. Прежде, чѣмъ сдѣлался помѣщикомъ, онъ служилъ въ Павлоградскомъ гусарскомъ полку, изъ котораго былъ исключенъ. Тогда онъ переѣхалъ жить въ имѣніе матери своей, женщины несчастной и слабой. Такимъ образомъ въ 1851 году Аммосовъ, не смотря на то, что имѣніе принадлежало его матери, сдѣлался полнымъ хозяиномъ. Обращеніе его съ крестьянами было самое безчеловѣчное: онъ насилуовалъ крестьянскихъ дѣвокъ, замужнихъ женщинъ, сѣкъ беременныхъ и пр. Въ 1857 году онъ тайно обвѣнчался, въ с. Барановкѣ, Орловской губерніи, съ крѣпостной дѣвкой своей матери, Анисьею Терентьевой Гончаровой; когда вѣсть дошла до его матери, которая вслѣдствіе этого хотѣла его лишить части, при раздѣлѣ имѣнія, то онъ въ доказательство несправедливости слуховъ, обвѣнчалъ жену свою, въ с. Марчихиноу Будѣ, 1858 г. съ крѣпостнымъ крестьяниномъ матери. Послѣ этого вторичнаго брака Анисья тотчасъ же была отвезена въ хуторъ Ломленку, доставшійся Петру Дмитриевичу, въ которомъ онъ живетъ съ ней до сихъ поръ.

Въ 1859 году пріѣзжалъ чиновникъ для повѣрки ревизіи и когда крестьяне объявили, что Анисья Гончарова жена Петра Дмитриевича, ихъ барина, то чиновникъ говорилъ, что донесетъ объ этомъ по пріѣздѣ въ Черниговъ, что кажется и сдѣлалъ, потому что вскорѣ благочинный села Уланова, Даниилъ Сочава, тайно способствовавшій второму браку, ѣздилъ нѣсколько разъ въ Черниговъ и успѣлъ предупредить возникавшее дѣло. Вскорѣ за этимъ возникло другое дѣло: одинъ изъ крестьянъ, Аммосова упрекнулъ прикащика (Терентія Гончарова, отца Анисьи), вслѣдствіе притѣсненій, что дочь его двумужница; объ этомъ донесли Аммосову, который велѣлъ созвать крестьянъ, чтобы при всѣхъ наказать виновнаго, но крестьянинъ боясь истязаній скрылся; тогда г. Аммосовъ велѣлъ взять отца виновнаго, 50 лѣтняго старика, привязалъ его къ дереву и истязалъ розгами, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Укрывшійся сынъ отправился въ Черниговъ и подалъ жалобу губернатору Шабельскому, который приказалъ произвести слѣдствіе, окончившееся тѣмъ, что несчастнаго крестьянина, подавшаго жалобу, отправили въ Сибирь на поселеніе, гдѣ онъ и нынѣ находится; Аммосову и этого наказанія показалось мало: когда жена, сосланнаго крестьянина, потребовала отправленія ея вслѣдъ за мужемъ, то г. Аммосовъ упросилъ уѣзнаго доктора Мадзалевскаго выдать ей свидѣтельство, что будто бы по случаю слабости здоровья, она не въ силахъ идти вслѣдъ за мужемъ, тогда какъ женщина эта вполне здорова.

Всѣ дѣйствія Петра Дмитриевича Аммосова, какъ съ крестьянами, такъ и съ семействомъ, сдѣлались извѣстны шефу жандармовъ, князю Долгорукову. Бенкендорфъ умеръ католикомъ, неужели князь Василій умретъ въ Мормонизмъ?

* Письмо это опоздало нѣсколькими мѣсяцами.

ТАБЕЛЬ* ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА НА 1860 ГОДЪ.

	На 1859 годъ опредѣлено.	На 1860 годъ полагается.	Болье.	Менше.
<i>1. Доходовъ обыкновенныхъ :</i>				
1) Податей	50,732,033	51,399,454	667,421	
2) Экономическихъ доходовъ :				
Съ арендныхъ имѣній	2,347,063	2,369,619	22,556	
Бывшихъ поіезуитскихъ фундушевыхъ имѣній	136,086	134,748		1,338
Процентовъ на капиталы сихъ имѣній	95,978	95,974		4
Съ казенныхъ лѣсовъ	1,000,000	1,035,918	35,918	
Оброчныхъ статей	1,305,408	1,362,843	57,435	
Отъ добычи на казенныхъ горныхъ завод. металловъ	1,975,589	2,076,334	100,745	
Приготовление мѣдной монеты	732,142	2,196,428	1,464,286	
Выдѣлки металловъ для вольной продажи	47,999	413,545	365,546	
Прибылей отъ передѣла металловъ казенныхъ мѣстъ и частныхъ лицъ	410,100	452,100	42,000	
3) Пошлины :				
Питейныхъ : откупныхъ, акцизныхъ, чарочныхъ и проч.	128,455,984	128,293,371		162,613
Съ свидѣтельствъ на шинки въ привилегирован- ныхъ губерніяхъ	1,305,000	1,400,000	95,000	
Отъ распродажи по государству соли	8,024,734	8,000,000		24,734
Съ частныхъ золотыхъ промысловъ	2,826,650	2,826,650		
Отъ выплавки на частныхъ горныхъ заводахъ металловъ Таможенныхъ	872,827	861,142		11,685
Почтовыхъ	29,000,000	29,000,000		
Съ подороженъ	6,353,669	6,342,511		11,158
Шосейнаго сбора	509,200	600,000	90,800	
За гербовую бумагу	700,000	700,000		
Свидѣтельства на право торговли	4,251,500	4,600,000	348,500	
Паспорты	4,300,000	4,600,000	300,000	
Съ купчихъ крѣпостей и другихъ актовъ	1,724,400	1,750,000	25,600	
За свидѣтельства и бандероли на табакъ	3,691,720	4,300,000	608,280	
Пошлинъ съ свеклосахарнаго производства	2,400,000	2,400,000		
Рекрутскихъ складочныхъ	472,500	517,500	45,000	
Отъ страховыхъ обществъ	200,000	200,000		
Отъ страховыхъ обществъ	83,135	90,011	6,876	
4) Долговыхъ платежей :				
Отъ разныхъ мѣстъ и лицъ	871,217	820,540		50,677
Изъ казны польской на платежи по займамъ	60,000	60,000		
5) Разныхъ суммъ :				
Остатковъ по бюджету Царства Польскаго	3,150,000	3,150,000		
Изъ земскихъ сборовъ, за издержки на пересы- лаемыхъ въ Сибирь арестантовъ	102,300	143,513	41,213	
Остатковъ и случайныхъ доходовъ	1,000,000	1,000,000		
„ отъ раскладки общественнаго сбора	227,000	227,000		
„ содержанія Православнаго и Иновѣрнаго духовенства въ западныхъ губерніяхъ?	54,043	84,702	30,659	
6) Изъ продовольственнаго сбора государст. крестьянъ		230,000	230,000	
7) Изъ доходовъ Николаевской желѣзной дороги	1,000,000	1,000,000		
8) Доходовъ отъ южныхъ поселеній	1,500,493	1,708,300	207,807	
9) „ съ бывшихъ округовъ пахатныхъ солдатъ	218,000			218,000
			4,785,642	2,755,209
	265,011,770	267,042,203	2,030,433	
10) Кибиточнаго сбора съ киргизовъ	500,000			500,000
11) Изъ отдѣльнаго капитала государственнаго казнач.	3,200,000			3,200,000
			4,785,642	6,455,209
Итого.	268,711,770	267,042,203		1,669,567

* Для избѣжанія иностранныхъ выраженій, правительство слово : бюджетъ—замѣняетъ словомъ : табель.

II. Доходовъ на особые предметы, какъ значится на оборотѣ	7,513,990	13,412,092	5,898,102	
III. За снаряды и казенную мѣду для военнаго и морскаго министерства	3,286,075	2,175,943		1,110,132
IV. Доходовъ отъ банковъ, отчисляемыхъ на содержаніе оныхъ	1,225,000			1,225,000
V. Чрезвычайныхъ суммъ :				
<i>Выпускомъ билетовъ государств. казначейства</i> (1).		15,000,000	15,000,000	
<i>Изъ оборотнаго его капитала</i>		677,150	677,150	
Вообще рублей серб.	280,736,835	298,307,388	17,570,553	
<i>I Расходовъ обыкновенныхъ :</i>	На 1859 годъ опредѣлено.	На 1860 годъ помогается	Былъ.	Меся.
На платежъ долговъ	49,547,433	54,605,912	5,058,479	
По высочайшему двору.	8,100,372	8,443,267	342,479	
Святѣйшему синоду	4,291,469	4,452,131	160,602	
<i>По министерствамъ :</i>				
Иностранныхъ дѣлъ	2,043,515	2,051,557	8,042	
На устройство богоугодныхъ заведеній въ Палестинѣ.		100,000	100,000	
Внутреннихъ дѣлъ	7,207,640	6,971,150		236,490
Финансовъ.	29,113,408	27,702,571		1,410,837
На пенсии	10,836,554	11,436,556	600,002	
Государственныхъ имуществъ	1,914,107	1,794,962		119,145
Арендныхъ выдачей	1,263,480	1,290,980	27,500(2)	
Народнаго просвѣщенія	3,409,443	3,405,562		3,881
Юстиціи	4,395,229	4,425,131	29,902	
<i>По главнымъ управленіямъ :</i>				
Путей сообщенія и публичныхъ зданій	6,462,139	6,456,052		6,087
На строительные и другіе расходы :				
а) На счетъ государственнаго казначейства	1,467,129	1,756,510	289,381	
и б) На счетъ земскихъ сборовъ		1,455,000	1,455,000	
Почтъ	3,112,838	3,013,503		99,355
По государственному контролю	195,029	196,501	1,472	
Военному министерству		96,862,374		
Главному управленію военно-учебныхъ заведеній	83,881,176	3,314,521	16,295,719	
6% Вычетовъ въ эмеритальную кассу		1,218,686	1,218,686	
Процентовъ на пожалованный сей кассѣ капиталъ.		500,000	500,000	
По морскому министерству	18,324,185	21,305,029	2,980,844	
На высшія правительственныя мѣста?	821,701	835,641	13,940	
На расходы по южнымъ поселеніямъ	526,527	581,361	54,834	
Сооруженіе памятника императора Николая Iго	30,000			30,000
Содержаніе комитета о сооруженіи Храма Христа Спасителя въ Москвѣ	19,818	19,818		
Расходы по сооруженію сего Храма	334,134	330,326		3,808
Русскому обществу пароходства и торговли	1,943,530	1,943,530		
Акционерному обществу Балтійской компаніи	50,000	50,000		
Обществу Кавказъ и Меркурій		34,000	34,000(4)	
На покрытіе расходовъ по штатамъ Восточной и Западной Сибири	159,674	159,674		
На расходы по крестьянскому дѣлу	4,225,562	5,007,048	781,486(5)	
Особые расходы по трактату съ Китаемъ	500,000			500,000
Чрезвычайные расходы (!)	4,000,000	4,000,000		
			29,952,844	2,409,603
	248,176,112	275,719,353	27,543,241	
На недоборъ : въ податяхъ и по питейной части		7,000,000	7,000,000	
Итого.	248,176,112	282,719,353	34,543,141	
II. Расходовъ на особые предметы, какъ значится на оборотѣ	7,513,990	13,412,092	5,898,102	
III. За снаряды для военныхъ вѣдомствъ	3,286,075	2,175,983		1,110,132
IV. На содержаніе банковъ и проч.	1,225,000			1,225,000
Вообще рублей сер.	260,201,177	298,307,388	38,106,211	

(1) Заемъ причисленъ къ доходамъ; это подражаніе тому помѣщику, помнитса, Безобразову, Нижегородской губерніи, который съ 70 душъ сдѣлалъ 200 тысячъ долгу; онъ и намѣренія не имѣлъ платить, стало: что яп заемъ—то доходъ.
 (2) Это Муравьевъ-вѣшателъ впрочнѣ своимъ дѣтенышамъ.
 (3) Не всякій годъ коту масляница.
 (4) Хороши акционерныя общества, основанныя на увеличеніи налоговъ!
 (5) Что-же такое правительство сдѣлало для крестьянъ? Выкупило что-ли на 5 мил. земель—или что?

Статьи доходов и расходов на особые предметы на 1860 годъ.

Доходы :		Расходы :	
	Руб. Сер.		Руб. Сер.
За вино отпускаемое откупщикамъ определенной пропорции	5,742,000	На заготовленіе запасной пропорціи вина	5,742,000
Изъ суммъ земскихъ повинностей	2,500,457	На платежи кредитнымъ установленіямъ по шоссевымъ займамъ	2,500,457
Съ имѣній и капиталовъ, принадлежащихъ духовенству въ западныхъ губерніяхъ и поступившихъ въ казну 798,215	828,215	На содержаніе духовенства въ западныхъ губерніяхъ : Православнаго 219,424	828,215
Изъ доходовъ конфискованныхъ имѣній 30,000		” Иновѣрнаго 578,791	
Изъ экономическихъ капиталовъ духовнаго вѣдомства		30,000	
Доходовъ закавказскаго края	29,269	На содержаніе духовно-учебныхъ заведеній въ западныхъ губерніяхъ	29,269
Пошлинъ съ иностранной соли, привозимой въ царство польское и акциза на соль пехоцинскаго завода	2,949,462	На расходы по Гражд. Управленію Закавказскаго Края и на содержаніе Православн. духовенства въ Грузіи	2,949,462
Дорожнаго и сплавнаго сборовъ, поступающихъ съ таможенными по царству польскому сборами	1,135,600	Царству Польскому вознагражденіе : по случаю разрѣшенія вывоза изъ Австріи соли	1,135,600
За порохъ и свинець, отпускаемые жителямъ Восточной Сибири	170,000	За дорожный и сплавный сборы	(6)170,000
	57,089	На заготовленіе пороха и свинца для жителей Восточной Сибири	57,089
Итого рублей	13,412,092	Итого рублей	13,412,092

(6) Проще-же никакихъ сборовъ не дѣлать, чѣмъ употреблять на взиманіе сборовъ всю сумму сборовъ. Это такой $+ - = 0$, что развѣ одинъ юродивый не догадается.

Примѣчаніе. Съ сокращеніемъ арміи расходы по арміи увеличились не только на означенные въ графѣ 16,295 719 р.
но еще на эмиральную кассу и проценты на пожалованный капиталъ 1,718,686 р.
Итого на 18,014,405 р.

Замѣчательно, что военныя школы стоятъ столько-же сколько все министерство просвѣщенія.
Всего на армію выходитъ 101,815,581 р.
да особо на снаряды 2,175,983 р.
Итого 104,971,564 р.

а съ морскимъ министерствомъ 125,376,593 р., т. е. почти половина доходовъ. Расходы и займы увеличиваются и налоги увеличиваются безъ нужды и ради грабежа ; вотъ гдѣ причина революцій ; но человѣку, согласному съ мнѣніемъ Адлерберга, гдѣ-же это понять !

СМѢСЬ.

Лихой управляющій Екатеринославской палатой государственныхъ имуществъ по прозванью Компанейщиковъ.

Управляющій Екатеринославскою палатою государственныхъ имуществъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Компанейщиковъ, о которомъ мы получили очень длинное письмо, понялъ хорошо что можно дѣлать—при министрѣ крѣпостникѣ и вѣшателѣ.

Не имѣя мѣста помѣщать всей иллады, о лихомъ парнѣ Компанейщиковѣ, мы сдѣлаемъ выписки, чтобъ ознакомить съ бытомъ помѣщиковъ владѣющихъ казенными крестьянами.

“Однажды я ѣхалъ почтовой дорогой. День былъ знойный, была лѣтняя, горячая для мужика, рабочая пора. При выѣздѣ изъ уѣзднаго города въ степи, обратила мое вниманіе группа сельскихъ писарей и старшинъ въ парадныхъ кафтаняхъ и нѣсколько при нихъ верховыхъ парней. Что вы тутъ братцы дѣлаете? Спросилъ я. ‘Ожидаемъ пане управляющаго,’ отвѣчали мнѣ. Это было еще поутру, часовъ въ девять. Проѣзжая далѣе, мнѣ вездѣ по дорогѣ, черезъ двѣ и три версты, бросались въ глаза кучки осѣдланыхъ лошадей, пасущихся на веревкѣ, и людей, задумчиво лежавшихъ, опершись на руку. Гдѣ случались по дорогѣ курганы, верховой стоялъ на вершинѣ и смотрѣлъ въ даль, по направленію къ Екатеринославу. Что это за кордонная линія, подумалъ я и опять обратился съ вопросомъ къ двухъ парнямъ, лежав-

шимъ на землѣ возлѣ своихъ лошадей. ‘Мы, пане, махальные, ожидаемъ управляющаго’—было отвѣтомъ на вопросъ мой. Недоѣзжая послѣдней станціи отъ Екатеринослава я увидѣлъ вдаль по дорогѣ облако пыли, впереди его неслись марш-маршемъ па тощихъ лошадакахъ два верховыхъ. Послѣ верховыхъ неслась впереди, что есть мочи, тройка, на ней мчался волостной голова въ парадномъ кафтанѣ, за головой мчался въ тарантасѣ, въ пять лошадей, окружный начальникъ ; за нимъ въ приличномъ разстояніи карета, запряженная пугомъ въ восемь обывательскихъ лошадей : въ ней былъ самъ управляющій Николай Васильевичъ Компанейщиковъ. За каретой, по сторонамъ, въ родѣ конвоя, скакали опять верховые, наконецъ въ почтительномъ отдаленіи тарантасъ тройкой съ чиновникомъ особыхъ порученій управляющаго. Торжественный поѣздъ промчался мимо моей перекладной и свернулъ въ сторону по проселочной дорогѣ на другой трактъ. Для чего же, спросите, махальные на почтовой дорогѣ, для чего эти бѣдные сельскіе старшины и писаря, встрѣченные мною при выѣздѣ изъ уѣзднаго города, почти за 70 версты, ради чего всѣ эти бѣдные мужички съ ранней зари, на всемъ протяженіи почтовой дороги, пеклись на солнцѣ, въ степи, безъ воды и хлѣба, и въ какую же пору—когда крестьянину каждая рабочая минута дорога ? На всякій случай, видите ! А то управляющій высѣчетъ.

“Онъ, продолжаетъ корреспондентъ, и собственноручно

дерется, и поретъ розгами головъ, старшинъ, писарей и мужиковъ; дѣлая ревизію, онъ осматриваетъ церкви и требуетъ торжественныхъ встрѣчъ отъ духовенства *въ облаченіи и со крестомъ*, то есть такихъ церемоній, съ какими встрѣчаютъ одного архіерея, и *бьетъ по зубамъ священниковъ*, не оказавшихъ ему *должнаго* вниманія и работѣннѣя.*

Въ Александровскомъ уѣздѣ, въ селѣ Жеребцѣ, Компанейщиковъ избилъ молодого священника Курилова, изорвалъ на немъ рясу и волосы, по ложному доносу окружнаго начальника Жанѣва, (о немъ мы скажемъ ниже), которому не понравился попъ и который обѣщалъ его мѣсто другому. *Бѣдный священникъ жаловался архіерею, губернатору, жандармскому генералу*, но его просьбы нигдѣ не приняли и не уважили. Только одинъ протоіерей, изъ членовъ консисторіи, возвысилъ голосъ въ защиту обиженнаго и настоялъ на томъ, чтобы произведено было слѣдствіе; но такъ какъ всѣ назначенные депутаты держали сторону управляющаго, то слѣдствіе и не произведено, а кончили дѣло полюбовно. *По списхожденію* Компанейщикова священнику Курилу далъ архіерей другое мѣсто... Превосходно!

Подъ проѣздъ Компанейщикова въ городъ Новомосковскъ были выставлены обывательскія лошади. Погода въ это время стояла дурная, распутица и грязь были до того велики, что затруднялось всякое сообщеніе по дорогамъ, а карета его превосходительства была такъ тяжела, что 12 обывательскихъ лошадокъ, запряженныхъ цугомъ, съ тремя форейторами, не стащили экипажа даже съ мѣста. Управляющій съ яростью выскочилъ изъ кареты и тутъ-же, на площади, въ городѣ, среди бѣлаго дня, въ виду кучки любопытныхъ, избилъ голову по лицу, до крови, *за такую неисправность обывательскихъ почтъ*, и приказалъ взять лошадей изъ почтовыхъ (разумѣется на счетъ неисправныхъ обывателей).

Не помню, на чемъ я остановился въ грустной исторіи нашего рылобойщика. Во всякомъ случаѣ продолжу и окончу эту исторію: что не такъ, поправьте и свяжите сами въ одно цѣлое.

“Окружные и ихъ помощники, радѣя о своемъ тепломъ мѣстечкѣ, душатъ сельскія власти, а сіи послѣднія и особенно сборщики, жалѣя свою спину, налегаютъ всею своею тяжестью на сельскія общества, и самыми варварскими средствами *дѣйствительно* собираютъ подати къ назначенному сроку. Намъ не повѣрятъ, если мы скажемъ, что пьяные сборщики съ понятыми ходятъ по дворамъ, грабятъ скотъ и все, что попадетъ подъ руку и продаютъ, какъ знаютъ, если деньги не внесутся по первому требованію. Никакія причины и оправданія, никакое положеніе бѣднаго мужичка, не припираются въ соображеніе; не внесшихъ деньги страшно порятъ розгами, этого мало—прибѣгаютъ къ такимъ истязаніямъ, которыя были только возможны въ средніе вѣка варварства, на примѣръ: во время зимы и сильнаго мороза сажаютъ въ холодную арестанскую, раздѣваютъ его, оставляя въ одной рубашкѣ и даже безъ сапоговъ, обливаютъ холодною водою и въ такомъ положеніи оставляютъ мученика запертымъ на цѣлую зимнюю ночь!! Такія истязанія производились въ селеніи Романково, Екатеринославскаго уѣзда, такія истязанія производятся пездѣ, такъ что въ Новомосковскомъ уѣздѣ казенные крестьяне начали разбѣгаться, спасая

* О смиренная православная церковь! а что же, когда онъ вышибаетъ зубъ подаетъ ли ему пощадку для вышиба? Пзд.

свою жизнь. Но особеннымъ звѣрствомъ отличается окружной начальникъ Александровскаго уѣзда *Жанпѣевъ*, одинъ изъ самыхъ любимыхъ чиновниковъ Компанейщикова. Извѣстный всему уѣзду подъ именемъ *Жанія*, до того навелъ ужасъ на весь свой округъ, что одно имя *Жаній* приводитъ въ трепетъ всякаго крестьянина. Чтобы вѣрнѣе обрисовать эту личность, мы расскажемъ слѣдующій истинный анекдотъ: однажды управляющій Гладкій, предмѣстникъ Компанейщикова, обзрѣвая Александровскій уѣздъ, въ какомъ-то селѣ нашелъ незначительные беспорядки, окружной Жанпѣевъ не сопровождалъ его. Пожуривъ голову, управляющій уѣхалъ. Вдругъ, на десятой верстѣ, верховой скачетъ въ догонку и изъ всѣхъ силъ, что есть духу, кричитъ, чтобы управляющій остановился. Гладкій приказалъ стать, верховой прискакалъ быстро вскочилъ съ лошади, и уналь на колѣни. Это была голова. “Что тебѣ нужно любезный? спросилъ управляющій. Ваше превосходительство, взмолился голова съ выраженіемъ полного отчаянія,—чѣмъ и какъ хотите накажите, но сдѣлайте божескую милость—не говорите о моей винѣ окружному!” Управляющій разсмѣялся и обѣщалъ не говорить, (и только!!!). Самъ *Жанпѣевъ*, нисколько не стѣсняясь, а напротивъ съ особеннымъ удовольствіемъ рассказываетъ при всякомъ случаѣ, въ обществѣ своихъ пріятелей, что онъ подѣзжая къ волости, или къ сельской расправѣ, иначе не можетъ заговорить съ сельскими старшинами и писарями, какъ прежде отколотить по зубамъ, кто первый попадетъ подъ руку. И этотъ звѣрь, грабящій и бьющій бѣдныхъ мужиковъ явно, болѣе 12 лѣтъ сидитъ на своемъ мѣстѣ, а теперь по милости одинаковыхъ убѣжденій и характера съ управляющимъ, и подъ его особымъ покровительствомъ, укрѣпился еще болѣе! Бѣдные, несчастные, государственные крестьяне!

— *Духовные и свѣтскіе доносы, цензороквизиція литературы рачители и попечители.* По благочестивому извѣсту богомолкицы Аскачипскаго, сослали нѣкоего Архимандрита Теодора и цензора его. Многообразны и различно-развѣтвлены могутъ быть пути служенія Господу Богу. Если Елисавета, Унгарская угодница, употребляла во свѣдъ гной ранъ смердящихъ для вящаго же-бога церкви римскія поклоненія и чествованія, то отчего-же не погрузиться въ гной нравственный, служа правдо-богу церкви восточныя, и что значить погубить временную жизнь ближняго для пользы и украшенія его вѣчнаго духообывательства. Но что еще болѣе исполняетъ душу нашу радостью, черезъ края лющуюся, это зрѣлище ревности отъ плевелъ очищенія нивы сердца человѣческаго, не токмо въ вертоградѣ духовномъ, благочестивѣйшей императрицей какъ градоотводомъ защищенномъ,—но и въ торжищахъ свѣтскія мысли. Гонимый изъ Казанскаго университета за свѣтскую неспособность, но не низлагаемый въ вѣрѣ и цесурѣ, профессоръ, нынѣ цензоръ, *Ведровъ*—озаботился о душеспасеніи православнаго Современника, и не только Ведровъ Казанскій, но и мужъ прозвища лютеранскаго баронъ *Бюлеръ*, паки ревнуя о самодержавіи, отдалъ подъ начало *Экономическій Указатель*.

Да уничтожитъя книгопечатаніе и расточатся буквы его! Оно такъ кажется и будетъ; вотъ что намъ пишутъ изъ Петербурга: “Журналистика дѣлаетъ послѣднюю отчаянную попытку. Московскіе и петербургскіе редакторы составили и на дняхъ подаютъ просьбу объ обузданіи цензуры для періо-

дическихъ изданій. Вѣрно откажутъ. Приходится переносить русскую прессу на заграничную почву.” (Милости просимъ !)

Въ томъ-же письмѣ говорятъ, что попечитель Деляновъ совсѣмъ избаловался, это я думаю все шалунъ Плетневъ портить его восточно-патріархальные нравы, товариществомъ именно и онасенъ университетъ. Но студентамъ до этого дѣла нѣтъ, неужели имъ заниматься тѣмъ какой *esuyer tranchant* и какой швейцаръ стоять въ дверяхъ просвѣщенія: они далѣе сѣней идти не могутъ, они госнода передней,—а студенты гости науки. Вотъ причина почему мы просимъ позволенія не печатать намъ доставленные анекдоты о Деляновѣ, начальствѣ Московскаго университета и другихъ.

— *Гоненіе на университеты.* — Графъ С. Г. Строгоновъ, заявившій себя врагомъ освобожденія и врагомъ воскресныхъ школъ, натолковалъ государю о необходимости принять дѣятельныя мѣры *противъ* университетовъ. Государь велѣлъ Ковалевскому составить проектъ. Ковалевскій поступилъ какъ честный человѣкъ, и написалъ проектъ улучшеній, не вовсе вредныхъ для университета. Но новой тайной полиціи, подъ генераль-инквизиторствомъ Строгонова, это не понравилось, и 13 Апрѣля, въ совѣтъ министровъ, поднялась буря противъ Ковалевскаго. Буря эта окончилась учрежденіемъ комиссіи *трехъ*. Эти трое, составившіе *второе третье* отдѣленіе, назпаченное исключительно противъ университетовъ и просвѣщенія, которымъ поручено разобрать и дополнить проектъ Ковалевскаго:

Жандармъ—Долгорукій,
Эксъ юстиція—Панинъ и
Эксъ-кураторъ Строгоновъ.

Не унести вамъ честнаго имени въ гробъ, послѣ такихъ продѣлокъ и такихъ товарищей!

— *Секретный манифестъ.* — Нѣмцы изобрѣли драмы *не для театра*, у насъ издавали библіотеку *для чтенія* и журналы не для чтенія, но принадлежить высочайшему тестю въ Одессѣ—честь изобрѣтенія *манифеста не для обнародованія*. Профессоръ лица Муравьевъ читалъ на улицѣ манифестъ объ освобожденіи; строго взглянулъ на это Строгоновъ, выходя изъ собора, и послалъ полицмейстера Маньковскаго пресѣчь сей безпорядокъ, и тутъ цѣлая исторія, въ которой участвуютъ всѣ ученые и ничему неучившіеся власти, отъ попечителя Могилевскаго, до австрійскаго и статскаго генерала Беккера. Всѣ согласились, что манифестъ читать не очень нужно и про себя, а про другихъ—сохрани Боже!

— *Васильчикова и Рейнгардтъ доѣхали Пирогова.* — Кіевскій военный губернаторъ Екатерина Васильевна Васильчикова, сильно интриговала противъ знаменитаго Пирогова и успѣла къ великимъ ошибкамъ Александра Николаевича прибавить отставку такого человѣка какъ Пироговъ. Пріятно было слышать, что въ этомъ доблестномъ поступкѣ генераль-губернатора, урожденнаго княжной Щербатовой, ей помогали доносами и сплетнями вѣкій инспекторъ Рейнгардтъ. Говорятъ, что онъ проситъ у управляющей краемъ генеральши, мѣсто Бердичевскаго полицмейстера,—при способностяхъ имъ показанныхъ, онъ можетъ просить больше.

— *Финляндская конституція.* Финляндская конституція, которая никогда не была отнята, *опять разъ дана*, съ

разными умншеніями сообразными съ новыми прогрессивными требованіями вѣка. Финляндцы собираются чтобъ *humblement s'expliquer* о дѣлахъ и проч.—*les humbles avis* будутъ взвѣшены, обсужены и проч. Нѣтъ, еще рано нашему правительству либеральничать, надобно сперва выучиться выражаться человѣчески и не много поучиться. Мы цитируемъ по французски, потому что русскія газеты *умолчали* о финской конституціи.

— *Игнатъевъ заказываетъ бунтъ.* Между солдатами носятъ слухи, что “Игнатъевъ заказывалъ сдѣлать бунтъ” къ объявленію свободы крестьянамъ. И такъ онъ первый попалъ въ легенду и въ очень мѣткую. У народа хорошо чутье! Говорятъ что солдаты рассказывая это прибавляли: “что уже они стрѣлять не будутъ!” Это Игнатъевъ не для конспираціи-ли маски-то полицейскія заказывалъ? Эти маски достались намъ. Мы получили второе письмо въ ихъ пользу и съ картинкой. Полагать надобно, что это самъ изобрѣтатель такъ матерински защищаетъ выпускные козырки. Чтобъ разомъ кончить мы откроемъ почтенному чиновнику секретъ какимъ образомъ въ Англіи масокъ нѣтъ, а арестантовъ никто не видитъ; ихъ—возятъ, а не водятъ; это гораздо проще и гораздо чище дурацкихъ козырковъ.

— *L'homme aux camélias et l'homme au gibet.* — Калужскій губернаторъ Арцимовичъ, за дѣльныя и умныя распоряженія по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ, получилъ выговоръ, а *Бутковъ* предлагалъ отдать его подъ судъ. *Муравьева-вѣшателя*, чиновникъ его вѣдомства, публично назвалъ казнокрадомъ и брался доказать справедливость своихъ словъ документами; его посадили въ крѣпость,—говорятъ что онъ тамъ умеръ. Правда-ли это? — и если правда, нельзя-ли прислать медицинское свидѣтельство о его болѣзни.

— *Buona notte, buona notte.* Прощайте Донъ Тимашевъ! —однимъ сюжетомъ у насъ стало меньше. Дурную память вы вынесли о себѣ, да къ тому-же горловую чахотку. Теперь на досугѣ, подумайте, для чего вы все это дѣлали? Что вы выиграли? Какъ мы вамъ ни помогали, вы даже и графомъ не сдѣлались,—а на совѣсти-то, свои туберкулы, п больно вамъ будетъ отъ нихъ. Пусть печальный примѣръ Тимашева носится вѣчно передъ глазами Шувалова; быть преемникомъ Мордвинова, Дуббельта и Тимашева,—дѣло не легкое! Если Шуваловъ дорожитъ своимъ именемъ, то припавъ, какъ говорятъ, *à contre cœur* мѣсто (непростительная слабость!), пусть же онъ сдѣлаетъ его ненужнымъ.

— *Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ланской,* оставилъ министерство. За нимъ останется почетная память: ни русской народъ, ни исторія, не забудутъ того изъ министровъ, который откровенно работалъ въ пользу освобожденія крестьянъ.

— *Правда ли,* что чиновникъ телеграфа, задержавшій четыре часа телеграфическую депешу отъ государя Горчакову, въ которой было сказано: *Sévissez*, для того чтобъ дать уйти части безоружному народу—разстрѣленъ?

Еввату. Въ прошломъ листѣ Колокола вкралась типографская ошибка. На стр. 814, колоннѣ 2й, начато: “Судящиеся являются въ исключительныхъ случаяхъ физической отвѣчаютъ лично; повѣренные невозможности личной явки”; слѣдуетъ: “Судящиеся отвѣчаютъ лично; повѣренные являются въ исключительныхъ случаяхъ физической невозможности личной явки.”

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 100.

1 Іюня 1861.

У Грюбера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Отъ издателей—Мартирологъ крестьянъ—Изъ живы-ли розги? (отвѣтъ моряку)—Н. И. Пироговъ. Смысь. Братья
Рыльскіе—Солдатская пѣсня—Паткуль и горячія розги—Превосходительный дантистъ—Ей просвѣщеніе! Гисъ! гисъ!—
Виквизитъ Строгонова—Духъ сигаръ—Галаганъ—Смѣхъ—Конституція—Поправка.

Издатели Колокола обращаются ко всѣмъ читателямъ и въ особенности къ друзьямъ своимъ между военными, съ просьбой, которой важность они ясно поймутъ. Намъ необходимо нуженъ списокъ, помнянный, съ чиномъ и именемъ полка, всѣхъ офицеровъ, отличившихся въ крестьянскихъ убійствахъ.

МАРТИРОЛОГЪ КРЕСТЬЯНЪ.

I

ГРАФЪ АПРАКСИНЪ БЕЗДНЕНСКІЙ.

(Письмо къ издателямъ).

Манифестъ, и Положенія объ освобожденіи крестьянъ облились уже невинною кровью. Событіе до того страшно и возмутительно, что его нельзя не рассказать нѣсколько подробнѣе—такъ начинается письмо полученное нами:

Вскорѣ по обнародованіи манифеста и въ особенности “положеній,” Казанской губерніи, Спасскаго уѣзда, въ селѣ Безднѣ, въ имѣніи очень извѣстнаго, бывшаго попечителя Казанскаго и С. Петербургскаго университетовъ, Мусипа-Пушкина, между крестьянами, отчасти раскольниками, одинъ изъ нихъ 24 лѣтній Антонъ Петровъ, считаемый до тѣхъ поръ за глупаго и лѣниваго всѣми, явился чѣмъ то въ родѣ духовидца и пророка. Подъ вліяніемъ впечатлѣній народнаго переворота, сначала можетъ быть въ шутку, а потомъ и самъ убѣжденный, онъ сталъ рассказывать крестьянамъ о снахъ и видѣніяхъ, имѣвшихъ отношеніе къ свободѣ. На рукѣ у него оказалась рана, и изъ этой раны онъ “вынималъ золотую волю” и “золотую грамоту о волѣ.” Онъ говорилъ, что всѣ свободны съ послѣдней ревизіи, что Богъ открылъ ему это. Народъ сталъ собираться, слушать его рассказы, вѣрить. Толпа увеличивалась, но совершенно безоружная, она хотѣла только убѣдиться въ полной свободѣ. Крестьяне посылали просить сына Пушкина, жившаго въ это время въ Казани, пріѣхать къ нимъ, говоря, что только ему одному повѣрятъ, что никого кромѣ его не хотятъ слушать. Тотъ не поѣхалъ и вѣроятно это было причиною послѣдующаго. Уѣздный предводитель Молоствовъ и исправникъ Шишкинъ напрасно убѣждали крестьянъ разойтись и выдать пророка. Они опирались на свободу, на царское слово, увѣряли, что ихъ

обманываютъ. Толпа возросла до 5000 человѣкъ. Антонъ Петровъ собиралъ и наряжалъ по 25 человѣкъ изъ окрестныхъ деревень помѣщичьихъ. Его самого охраняли какъ святаго. Тогда донесли въ Казань. Надобно замѣтить, что въ Спасскомъ уѣздѣ, самомъ богатомъ помѣщиками во всей Казанской губерніи, не было ни одного солдата, тогда какъ въ остальныхъ уѣздахъ стояло по нѣскольку ротъ.

Уполномоченный въ Казани свитскій генералъ-маіоръ графъ Апраксинъ, поѣхалъ въ Бездну, безъ всякаго сомнѣнія подъ pressіон тогале Казанскаго клуба, гдѣ собираются всѣ алярмисты дворянскаго рода, ожидающіе пугачевщины, и струсившаго губернатора Козлянинова, на котораго дворяне жалуются за неадекватность энергіи и видимое желаніе насолить имъ. Вслѣдъ за Апраксинымъ, 8 Апрѣля отправилась и рота Диѣпровскаго полка. Двинулись роты изъ уѣздовъ Тетюшскаго и Чистопольскаго, двѣ роты Казанскаго гарнизона съ двумя пушками, такъ что чрезъ три дни въ распоряженіи графа было бы до 1200 солдатъ. Онъ выжилъ въ Спаскѣ трое сутокъ, не дождался подкрѣпленія и распорядился одною ротою.

Въ Безднѣ въ это время Антонъ Петровъ увѣрялъ толпу, что пока онъ живъ, будетъ воля, что они исполняютъ волю царя, что ему дадутъ георгіевскій крестъ. Его берегли и слушались. Сто человѣкъ постоянно охраняли его, но никакихъ насилій, никакого грабительства, никакого оружія. Народъ собирался въ Бездну верхами изъ окрестностей, даже изъ Чистопольскаго уѣзда. Вокругъ села были объѣздки, нѣчто въ родѣ пикетовъ. Изъ Бездны никого не выпускали. При слухахъ о приближеніи войска, всѣ старики, женщины, дѣти отправлены были изъ Бездны въ сосѣднія деревни. Изъ женщинъ остались только мать и жена пророка — охранять его. Толпа стояла на улицѣ, крышахъ, заборахъ. Подошедшій съ ротою Диѣпровскаго полка Апраксинъ требовалъ разойтись, выдачи пророка, повинновенія. Народъ не послушался. Онъ говорилъ, что не знаетъ его, что онъ можетъ быть самозванецъ, что они стоятъ за правду, за батюшку царя, котораго обманываютъ помѣщики и чиновники. Петровъ увѣрялъ народъ, что съ нимъ ничего не будетъ, что если и выстрѣлятъ три раза по закону, такъ это ничего, что потомъ они будутъ вольные, что его повезутъ въ Петербургъ, и что онъ приве-

зеть имъ отъ царя волю. Толпа народу стояла въ кучкѣ, какъ стадо барановъ. Нельзя думать, чтобъ графъ употребилъ всё средства для убѣжденія, этого не было. Онъ пришелъ съ ротою изъ Спаса 12 Апрѣля въ 8 часовъ утра, а *черезъ часъ*, въ 9 часовъ утра все было кончено. На него падаетъ тяжкое обвиненіе, что собирая войска, онъ не дождался всѣхъ силъ, съ которыми бы могъ дѣйствовать иначе, импонировать массою. Военный совѣтъ (*графъ, Молоствовъ, Шишкинъ и адъютантъ Козлянинова Половцевъ*) рѣшилъ стрѣлять: Рота солдатъ сдѣлала по толпѣ народа въ нѣсколькихъ шагахъ пять залповъ, по толпѣ, которая была въ 50 разъ многочисленнѣе и могла бы разорвать въ куски солдатъ. Бѣдный народъ только стоналъ послѣ каждаго выстрѣла, русыя головы падали, облитыя кровью, или крестились, вспоминая завѣтныя слова манифеста, (эти только слова онъ и понималъ хорошо), да повторяя, что онъ умираетъ за царя. Бойня была ужасна. По приказанію адъютанта Половцева стрѣляли въ нѣкоторыхъ людей, болѣе другихъ кричавшихъ, какъ въ цѣль. Послѣ пятого залпа Антонъ Петровъ, самъ, съ книгою "Положеній" на головѣ, вышелъ впередъ съ словами: "развѣ здѣсь бойня? возьмите со мной и эту неповинную кровь Александра Николаевича," (изъ чего вѣрно и сочинили самозванца) и отдался въ руки власти. Толпа разбѣжалась. Многіе потонули въ Безднѣ, провалившись на льду.

Убито до 70 человекъ. На другой день отъ ранъ умерло, еще 15; число раненыхъ неизвѣстно. Замѣчательно, что христіанское воинство, отправляясь на войну, не взяло съ собой врача, и что врачъ, посланный изъ Казани, поѣхалъ на мѣсто бойни, чрезъ двое сутокъ послѣ убійства. До тѣхъ поръ раненые оставались безъ помощи.

13 Апрѣля Воскресенская улица въ 1 часу утра представляла видъ необыкновенный. По ней кагались коляски, дрожки и тарантасы съ веселыми лицами помѣщиковъ, ѣдущихъ къ губернатору. Только что получено было извѣстіе "о побѣдѣ графа."

II.

Кайдановка и помѣщикъ Ольхинъ. Витебскій помѣщикъ Соколовскій. Панихида въ Казани.

Почти во всѣхъ губерніяхъ начались небольшія волненія, съ однимъ и тѣмъ-же смысломъ — крестьяне отказываются отъ барщины. За тѣмъ — порядокъ извѣстный. Есть основательная надежда, что, года черезъ три, Положеніе будетъ оставлено, и дѣло будетъ рѣшено болѣе опредѣленнымъ образомъ. Крестьянъ грабить не одно дворянство, но и правительство. Пока, оно упорствуетъ въ уступкахъ и даетъ доказательства своей неспособности къ совершенію освобожденія.

Кайдановка находится верстахъ въ 50 отъ Петербурга, по парголовской дорогѣ; она принадлежитъ г-жѣ Кайдановой, дочь которой замужемъ за г. Ольхинымъ, генераль-майоромъ. Въ Кайдановкѣ двѣ писчебумажныя фабрики, мѣдный заводъ и 1,800 чел. чухонъ, живущихъ въ двухъ волостяхъ. На фабрикахъ работаютъ русскіе. Этимъ-то рабочимъ помѣщикъ, г. Ольхинъ, прислалъ 5 марта, экземпляръ манифеста. Правительство, какъ извѣстно, не распорядилось переводомъ манифеста на всѣ языки своей страны. Чухнамъ Кайдановки пасторъ прочиталъ переводъ манифеста только 12-го. Гово-

рять, что пасторъ пропустилъ въ переводѣ назначеніе двухлѣтняго срока; но это кажется не такъ. Въ слѣдующій-же барщинный день, 14-го, крестьяне отказались отправлять барщину, объявляя, что они согласны на какой угодно оброкъ. Ночью этого дня дали знать г. Ольхину; — онъ послалъ чухнамъ внушительный приказъ. "Я и вы, писалъ онъ, — всѣ обязаны повиноваться Положенію; я не могу освободить васъ отъ барщины." — "Насъ царь освободилъ, отвѣчали крестьяне, мы вольные." Г. Ольхинъ, обѣщая пріѣхать для личныхъ объясненій 21-го Марта; но въ этотъ день случилось что-то, — онъ пріѣхалъ только 23-го. Я забылъ сказать, что сперва отказалась отъ работы Бѣлоостровская волость, а тамъ стала колебаться и другая, Кайгурская. Къ пріѣзду помѣщика, обѣ волости были собраны на мѣдный заводъ, стоящій между ними. Крестьяне стали представлять помѣщику претензіи за прежнее время, твердили, что они вольные, что они согласны на оброкъ и пр. Г. Ольхинъ не предложилъ третейскаго суда посредниковъ, которые распутали бы недоразумѣніе, онъ не подумалъ отказаться отъ барщины, — онъ *донесъ*. Тотчасъ двѣ роты стрѣлковъ Финляндскаго полка были двинуты въ Кайдановку на экзекуцію, т. е. грабительный построй. Пріѣхалъ ген. м. кн. Голицынъ, объявлявшій Положеніе въ здѣшней губерніи. Онъ созвалъ крестьянъ, окружилъ ихъ солдатами и давалъ ихъ уговаривать. — "Мы вольные, твердили крестьяне, — царь объявилъ." — "Кто зачинщики?" кричитъ Голицынъ. — "Всѣ." — "А! ты зачинщикъ?" и этимъ путемъ Голицынъ набралъ 8 чел., и отправилъ ихъ, подъ конвоемъ, въ рабочій домъ, въ Петербургъ, съ дороги отпустилъ двухъ, оказавшихся деревенскими дурачками, глухими и нѣмыми, и улетѣлъ, думая, что все кончено. — Голицына бранили за мягкость во всѣхъ плантаторскихъ салонахъ. Однако крестьяне не убѣдились, они отправили къ государю депутацію изъ 12 чел. Пала эта депутація къ монаршимъ ногамъ, просить разъясненія. — "Работайте" отвѣчаетъ государь. — "Да мы вѣдь вольные," возражаютъ крестьяне. — "А, — бунтъ!" — и государь *отсылаетъ депутатовъ въ полицію и приказываетъ дать имъ по 100 розогъ*. — Неужели это правда? * Видно варшавская бойня не была случайностью! какой гражданскій тактъ со стороны крестьянъ, они согласились на оброкъ, они вѣрятъ одному царю! — какая гниль дворянства въ помѣщикѣ, какое неумѣнье признать въ крестьянахъ равноправныхъ гражданъ! А исполнитель-то своего *историческаго слова!*

Изъ Витебской губ. пишутъ, что въ Люцинскомъ уѣздѣ случилось слѣдующее: помѣщикъ Соколовскій запродавалъ хлѣбъ сельскаго магазина; крестьяне предъявили свои права и отказались везти хлѣбъ въ уѣздный городъ. Это сочли за бунтъ и потребовали команду изъ Люцина, Рѣзницы и Себежа — и началось усмиреніе крестьянъ. На требованіе выдачи зачинщиковъ, крестьяне отвѣчали, что они всѣ 300 человекъ зачинщики, что хлѣбъ принадлежитъ имъ, собранъ ихъ же гарницами. Гг. исправники пригласили офицера зарядить ружья и сдѣлать залпъ. Убито двое крестьянъ, нѣсколько ранено. Крестьяне тоже не остались въ долгу и ранили трехъ солдатъ. Уже потомъ только нарядили слѣдствіе и кажется, дѣло кончится отставкой исправниковъ." Но за

* въ другомъ письмѣ объ Ольхинскомъ дѣлѣ, ничего не говорится о депутаціи, а говорится о ссылкѣ шести крестьянъ на постѣленіе.

ито же пострадали крестьяне и солдаты? Тот же господин пишеть, что нѣсколько помѣщиков ихъ уѣзда считаютъ хлѣбъ сельскаго магазина за свою собственность, ибо “де онъ собранъ ихъ *стараніями*” (!)

Въ Казани вышла исторія изъ за панихиды по убитымъ въ Спасскѣ. Ген. Бибииковъ поѣхалъ, съ диктаторской властію, усмирять заводскихъ рабочихъ въ Пермской губерніи.

НУЖНЫ-ЛИ РОЗГИ НА ФЛОТѢ?

(Отвѣтъ на письмо моряка въ 95 листѣ Колокола).

Живя въ отдаленномъ, заброшенномъ уголкѣ Россіи, куда проникаетъ одпакоже вашъ журналъ, я прочиталъ одно изъ “исправительныхъ писемъ,” помѣщенныхъ въ 95 Но. Колокола, съ особеннымъ отвращеніемъ; это именно письмо моряка съ береговъ Тихаго Океана. Видно, что писано рукой неопытной,—готовъ голову прозакладывать, что чело-вѣкъ долженъ быть молодой, недавно только сошедшій со скамьи, гдѣ на практикѣ изучалъ пользу розогъ и, какъ само письмо доказываетъ, бесполезно, ибо хотя когда сбькутъ, вѣчно приговариваютъ: “это за тѣмъ, чтобы сдѣлать изъ тебя чело-вѣка.”

Не привыкъ и я владѣть перомъ, но видя что вамъ отвѣчать на подобныя письма не подобаетъ, да вдобавокъ и пользы не будетъ, ибо вся братія подобная этому господипу скажетъ: “да вѣдь вы изучаете людей въ кабинетѣ, а не в *суднѣ*, а *дисциплина* гдѣ будетъ?”—слово дисциплина также какъ и Мольеровское *sans dot*, зажимаетъ рты колеблющимся,—я рѣшился просить васъ покорнѣйше позволить мнѣ сказать нѣсколько словъ этому барину, въ вашемъ журналѣ, чтобы потомъ не лежало на совѣсти, что никто не сказалъ заблудшему эти нѣсколько словъ. И отъ чего не попробовать—вѣдь онъ не вѣдаетъ что творить.

Я имѣю право сказать эти слова, ибо изучалъ людей не только въ свѣтѣ, но даже на суднѣ, вѣроятно болѣе лѣтъ и гораздо, чѣмъ авторъ имѣетъ ихъ отъ роду. Вдобавокъ изучалъ, не только на русскомъ суднѣ, но на судахъ почти всѣхъ націй, которыя плаваютъ лишь на чемъ нибудь въ морѣ. Въ довершеніе же всего, какъ русскій дворянинъ, имѣлъ право безнаказанно мучить нѣсколько сотъ подобныхъ мнѣ существъ. И такъ опытъ кажется былъ достаточный; слѣдствіе его было то, что теперь въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣю одно лишь утѣшеніе, что всѣми этими милыми правами, такъ дорогими автору письма, никогда не пользовался,—не только потому что это было противно моему сердцу, нѣтъ! изъ практически пріобрѣтеннаго убѣжденія, что побоями и розгами не добьешься, ни до рвенія въ подчиненныхъ, ни до настоящей дисциплины и ихъ именно не будетъ въ то время, когда они дѣйствительно бываютъ необходимы. Вмѣсто дисциплины будетъ страхъ,—а съ нимъ, ни въ чемъ далеко не уѣдешь.

Все ваше письмо, молодой чело-вѣкъ, наполнено старой пѣсней, которая всѣми поборниками розогъ, линьковъ, кошекъ, фухтелей и проч., сводится на то, что нижніе чины необразованы, а потому ихъ нужно бить и сбьчь. А вѣдь на дѣлѣ то выходитъ, что вы не болѣе образованы, чѣмъ и они, а потому по вашей же георіи, коли сбьчь, то уже и васъ, ни въ какомъ случаѣ, изъ этого числа исключать не слѣдуетъ. Неужели вы считаете образованностию, ваше знаніе нѣсколькихъ

языковъ, на которыхъ вы разумѣется повторяете тѣже сентенціи, которыми наполнено ваше письмо? Или можетъ быть не считаете ли образованностию, ваше умѣнье вычислить широту и долготу мѣста и зданіе корабельной архитектуры? Это милост. гос. только свѣденія, которыя одни, все таки еще не даютъ чело-вѣку права носить названіе образованнаго чело-вѣка. Образованъ тотъ, въ комъ всѣ эти свѣденія способствовали къ тому, чтобы сдѣлать изъ него *чело-вѣка*, т. е. существо понимающее свое достоинство, уважая это достоинство въ другихъ и вносящаго своимъ трудомъ лепту въ то общество, въ которомъ онъ живетъ; а лепта эта тогда лишь достойна, если она способствуетъ къ тому, чтобы чело-вѣческое общество, не было похоже на общество звѣрей. Гдѣ же, я спрашиваю, ваше образование, когда вы стоите за розги и линьки для людей, въ ту эпоху, когда и лошадей и собакъ, искусные учителя, дрессируютъ безъ побоевъ? Ясно какъ день, что между вами и подчиненными вамъ, которыхъ вы такъ усердно бьете, разница только въ нѣкоторыхъ знаніяхъ, вотъ и все; религіозныя же ваши мнѣнія, предрасудки, ваши взгляды, тѣже что и у нихъ—ручаюсь чѣмъ угодно, однимъ словомъ: вы рабъ, а потому и въ подчиненныхъ вашихъ вы желаете видѣть рабовъ.

И такъ вы думаете, что дисциплина упадетъ съ уменьшеніемъ побоевъ и числа розогъ, и слѣдовательно, по вашему, съ уничтоженіемъ битія, ее совершенно не будетъ. Да понимаете ли вы, что такое дисциплина? Что вы ее не понимаете то это вѣрно, ибо въ Россіи, ее только теперь начинаютъ понимать и то весьма и весьма не многіе.

Дисциплина во первыхъ требуетъ, строгаго исполненія законовъ, а законы, никогда, никѣмъ не исполнялись, начиная отъ г. г. генераловъ и кончая штабъ и оберъ-офицерами гвардіи, арміи и флота.

Какъ эти законы ни безчело-вѣчны, но все таки они гарантировали бы, хоть сколько нибудь спины нижнихъ чиновъ отъ произвола; но вы то господа офицеры всѣхъ ранговъ, не соблюдая дисциплины, обратили службу нижнихъ чиновъ въ адъ. Кто изъ насъ напрямръ не видѣлъ, даже въ Петербургѣ, на плацѣ, передъ дворцомъ, въ ожиданіи выхода царя, солдатъ битыхъ по лицу генеральскими и прочими богомерзкими кулаками, съ прибавкой ругательствъ, отъ которыхъ всѣ присутствующіе краснѣли; а между тѣмъ въ законѣ пѣтъ параграфа, который позволялъ бы это унижительное публичное наказаніе. Ударить чело-вѣка въ лице, въ самыя варварскія времена, у всѣхъ почти народовъ, считалось самымъ уни-зительнымъ наказаніемъ; чисты ли ваши руки отъ подобной мерзости? Увѣренъ что нѣтъ, и вы же говорите еще о дисциплинѣ! Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ палачъ морской офицеръ билъ до того въ лице бѣднаго матроса, что тотъ сказалъ ему: “в. в. в. сбьчь сбьките сколько угодно, а драться по лицу и ругаться не приказано,” и этотъ несчастный за подобный отвѣтъ, былъ этимъ же палачемъ засѣченъ на смерть. И это вы называете дисциплиной?

Не стану говорить, что законы опредѣляютъ мѣру наказанія справедливо, но гдѣ же, укажите мнѣ, сказано, чтобы за самую пустую вину сбькли, давая по 1,000, 2,000 и болѣе ударовъ розгами и линьками безъ суда, по прихоти офицера, какъ это еще недавно дѣлывалось, ежедневно, въ Черноморскомъ флотѣ и часто въ Балтійскомъ? Винновники всѣхъ подобныхъ мерзостей живы и многіе изъ нихъ дослужились

до почестей, приучивши матросъ побоями дѣлать па маневрахъ тѣ фокусы, которые теперь одной введенной гимнастикой, безъ побоевъ, дѣлаютъ они еще лучше. Если бы вы, или кто нибудь изъ господъ подобныхъ вамъ, вздумали сказать, что написанное здѣсь преувеличено, то я буду безпокоить редакцію просьбой помѣстить длинный списокъ этихъ злодѣевъ; я предпочитаю лучше преданіе ихъ имевъ забвенію.

Многія десятки лѣтъ, привыкъ я выслушивать всѣ аргументы моряковъ, подобно вамъ отстаивающихъ ливки во что бы то ни стало, сотни разъ выслушивалъ мнѣнія этихъ палачей, изъ которыхъ многіе даже допускали возможность уничтоженія тѣлесныхъ наказаній и въ арміи и вездѣ, кромѣ морской службы. “На морѣ не возможно уничтожить строгія тѣлесныя наказанія, тамъ требуется быстрое, непрекословное исполненіе приказаній, иначе могутъ подвергаться гибели и люди и судно; а примѣръ англійскаго флота, перваго въ мірѣ, въ глазахъ нашихъ—и наказанія тѣлесныя тамъ существуютъ.”

Сильнѣе аргумента, не случалось мнѣ слышать отъ нихъ, посмотримъ же его поближе.

Во-первыхъ англійскій флотъ не можетъ служить примѣромъ другимъ; если онъ первый въ мірѣ, то не потому что бьютъ матросовъ; если вы образованный морякъ, то вамъ стыдно не знать этихъ причинъ, а объяснять мнѣ ихъ вамъ теперь не мѣсто.

Дѣйствительно, тамъ недавно еще были наказанія ужасныя, но за то же вамъ вѣрно и извѣстно, какимъ образомъ набирались матросы. Законъ позволялъ для этого хватать людей силой (press), человѣка отрывали силой отъ семейства, его заняты, сажали на корабль и смотрѣли на него, какъ на каторжнаго. Ясно, что при такихъ условіяхъ набранныхъ людей, можно было удерживать отъ постоянныхъ побѣговъ и возмущеній, только страхомъ наказаній и смерти. Вообразите вы только самого себя, по вашему мнѣнію, образованнаго человѣка, взятаго такимъ образомъ и сплюю принужденнаго работать съ утра до вечера на кораблѣ. Ясно, что если у васъ есть хоть искра чувства, то вы будете стараться постоянно, отомстить вашимъ мучителямъ и уйти изъ этой каторги; васъ разумѣется билъ бы безъ пощады; если вы этого униженія не въ состояніи выносить долго, то лишили бы себя жизни, или наконецъ привыкли бы къ постоянной дозѣ линьковъ и кошекъ и обратились бы въ звѣря. Именно это самое и было въ англійскомъ флотѣ; самоубійства были многочисленны, а привыкшее большинство обращалось въ звѣрей; ихъ кормили сытно, одѣвали хорошо и даже самоуправительство доставляло имъ въ портахъ любовныя наслажденія и такимъ образомъ, въ такъ называемомъ, цивилизованномъ государствѣ, образовалось цѣлое поколѣніе дикарей, которые часто наполняли ужасомъ, самыя отдаленныя страны міра. Лишь только измѣнился къ лучшему способъ набора матросовъ, всѣ увидѣли несообразность бывшихъ наказаній, и трибуна и журналы и митинги, всѣ въ одинъ голосъ противъ нихъ, и теперь наказанія эти регламентированы закономъ, ведутся и журналы и шпуровыя книги, сколько кому илѣплено ударовъ и за что; значить есть прогрессъ, а статистика числа ударовъ, данныхъ въ продолженіи прошлаго года во всемъ Британскомъ флотѣ такъ мала, что на любомъ кораблѣ черноморскаго флота, болѣе этой суммы ежегодно отсчитывалось въ спины матросовъ, а между тѣмъ англійскій флотъ и теперь не хуже прежняго.

По вашему, нельзя уничтожить наказаній въ морской службѣ за тѣмъ, чтобы готовить людей на случай опасностей въ морѣ. Я не льшу себя надеждой убѣдить васъ въ томъ, что розги и наказанія тѣлесныя не достигаютъ цѣли сформировать ловкую команду, полную присутствія духа и смѣливости во время опасности. Доказывать философическимъ разборомъ человѣческой природы было бы напрасно, вамъ эта грамота не будетъ понятна, да въ журналѣ и не мѣсто для этого, а между тѣмъ это неопровержимая истина, что побой дѣлаютъ человѣка звѣремъ. Если же вы любитель морскаго дѣла, какъ я предполагаю, и честно желаете убѣдиться въ этомъ изъ прежнихъ опытовъ, то перечитывайте всѣ возможные курзалы путешествій и плаваній морскихъ, но читайте только размышляя и догадываясь въ томъ, что всегда скрывалось для печати и дѣлайте заключенія потомъ. Случалось ли вамъ, такъ какъ мнѣ, видѣть, что команда приученная побоями дѣлать разные фокусы для маневровъ, чтобы получить благодарность командиру, мнѣняя нѣсколькими минутами раньше другихъ какой нибудь марсель, степьгу, или марсарей—оставалась всегда позади всѣхъ, когда приходила минута опасности и нужно было повторять подобныя маневры серьезно? Жаль что еще не написана, для пазиданія подобныхъ вамъ людей, исторія сравнительная разныхъ судовъ россійскаго флота, и вы тогда увидѣли бы, что тамъ гдѣ съ матросами лучше обращаются, тамъ вообще все лучше, и народъ здоровѣе и сильнѣе, и лучшаго поведенія и лучше исполняетъ свои обязанности во всѣхъ обстоятельствахъ; это не фантазія, а факты. Сравните на выдержку взятыя примѣры. Возьмите кругосвѣтное плаваніе Крузенштерна, обращавшагося съ командой человѣколюбиво, у него умираетъ одинъ матросъ во все слишкомъ 2-хъ годовое плаваніе; другое путешествіе Гагемейстера и до сихъ поръ воспоминаютъ старики, какъ пріятную прогулку,—и потомъ повѣйшее плаваніе Лѣсовскаго, любившаго бить (не знаю исправился ли теперь); у этого послѣдняго команда бунтуетъ и срамитъ русскихъ за границей, большихъ постоянно илѣсть числа и все плаваніе самое неблестящее. Возьмите потомъ поведеніе команды кап. Козарскаго во время сраженія; онъ обращался съ людьми по человѣчески и команда показала себя героями, и сравните съ поведеніемъ команды кап. Лазарева, которая передъ Паварицкимъ сраженіемъ была готова къ бунту, отъ безпрестанныхъ побоевъ.

Я все таки не отвергаю, что корабельную команду можно страхомъ наказаній, мученій и смерти довести до того, что она будетъ исполнять непрекословно приказанія и бросаться въ опасность, но за то и дѣйствія ихъ всѣ будутъ пропихнуты звѣрствомъ и подобные люди одинаково опасны какъ врагамъ, такъ и своему отечеству; вамъ вѣрно извѣстно изъ исторіи, какъ однажды Англія, черезъ бунтъ на флотѣ, чуть было не лишилась его. Команду, сформированную побоями, въ случаѣ опасности руководить логика: “если намъ опасность грозитъ смертію, то все равно и послѣ опасности тоже смерть, еще мучительнѣе, грозитъ отъ побоевъ”; такъ вотъ вамъ чего хочется—быть палачемъ, который доводитъ подобное себѣ существо до такой дилеммы.

Неужели вы не подозреваете даже, что того же результата можно достигнуть дѣйствительнѣе, чѣмъ всѣ ваши побой, если вы только будете въ самомъ дѣлѣ образованный человѣкъ? Бывали-ли вы когда нибудь въ сраженіи? Если

бывали, то вѣрно знаете, что въ это время, ни солдатъ, ни матросовъ не бьютъ, а между тѣмъ они бросаются на смерть и дѣлаютъ чудеса храбрости. Что ихъ руководитъ въ этомъ случаѣ? вѣдь кажется пріятнаго ничего нѣтъ въ томъ, что убьютъ или изуродуютъ люди, которыхъ онъ никогда не видѣлъ прежде, никакой ненависти къ нимъ не имѣетъ и съ которыми приказали ему драться люди, которыхъ онъ тоже часто не видѣлъ никогда; а между тѣмъ, онъ идетъ охотно на смерть и если его изуродуютъ, то гордится своимъ калѣчествомъ. Спрашиваю васъ, что за причина, обращающая этого необразованнаго человѣка въ героя, готоваго на всѣ жертвовапія? Причина должна быть вамъ извѣстна,— это та, что въ человѣкѣ этомъ затронули самыя сокровенныя струны души его; его руководитъ воображеніе, что онъ проливаетъ кровь за родину, за вѣру и пр., что дорого ему, и вы видите какія слѣдствія этого: необразованный человѣкъ дѣлается героемъ. Отъ чего же вы не попытаете въ этомъ-же человѣкѣ, затронуть подобныя струны для исполненія обязанностей его въ мирное время? Ясно отъ чего,—оттого, что вы рабы. Рабъ своего тѣла, своихъ страстей и предразсудковъ; вамъ легче сказать: “отсыпъ ему столько-то липы”, или свои собственныя руки употребить въ дѣло, чѣмъ научить и своимъ примѣромъ показать каждому его обязанность.

Будемъ говорить практическимъ языкомъ. Что требуется для того, чтобы корабельная команда была сформирована образцовымъ образомъ? Требуется физическая развязность членовъ каждаго матроса и возможное развитіе силъ ихъ,— разъ; требуется нѣкоторое развитіе моральное и присутствіе духа въ каждомъ, не смущаемое никакой опасностію,— два; и наконецъ, требуется безпрекословное повиновеніе начальникамъ,— три. Кажется такъ, если не ошибаюсь. И такъ рассмотримъ каждое изъ нихъ. Перваго не могутъ развитъ никакіе побои, если начальникъ не умѣлъ постепенной гимнастикой и упражненіями развитъ въ каждомъ матросѣ физическія силы данныя природою и не развѣстивъ всѣхъ ихъ по способностямъ, а главное, не изнуривъ ихъ работами выше силъ каждаго; а между тѣмъ, вѣдь бьютъ ихъ, не исполняя этихъ всѣхъ правилъ, и это бывало часто причиною страшной смертности отъ изнуренія, которой часто удивлялся покойный императоръ, но правды не нашелся никто сказать. Остальныя два условія вполне зависятъ отъ офицеровъ; впустить матросамъ духъ въ случаѣ опасности и уваженіе къ каждому приказанію ихъ — не трудно: если только начальники знаютъ свое дѣло, справедливый и господа своихъ страстей, то матросы готовы въ огонь и въ воду.

И послѣ этого вы еще осмѣливаетесь прибавлять въ письмѣ вашемъ: “отмѣной наказанія мы конечно обязаны в. к. и его благородному взгляду на этотъ предметъ”, и т. д... “но не думаютъ замѣнить его чѣмъ нибудь лучшимъ”. Во первыхъ въ этихъ строкахъ такъ и проглядываетъ боязнь, что вотъ-де на случай если узнаютъ, что я писалъ письмо, да потребуютъ съ береговъ Тихаго океана на сѣкуцію, такъ ужъ поставлю на всякій случай слово *благородный взглядъ*, можетъ и помилуютъ за это. Похвалы такихъ господъ, какъ вы, имѣютъ ту же нѣшу, что и брань. Что Константинъ Николаевичъ имѣетъ и сердце и благородство, это онъ доказалъ и въ этомъ вопросѣ, также какъ и въ крѣпостномъ; но если бы онъ даже и того и

другого имѣлъ менѣе, чѣмъ имѣетъ теперь, онъ все таки также бы старался уничтожить эти двѣ язвы, ибо онъ умѣетъ, несравненно умѣе чѣмъ вы и общество ваше, мнѣніемъ котораго вы такъ дорожите (жалкое общество!). Онъ знаетъ, что въ настоящее время достоинъ властвовать надъ людьми только тотъ, кто слѣдитъ за вѣкомъ, потребностями его и страны, и что всякое подобное улучшеніе лишь укрѣпляетъ разумное правительство, надеждѣ всѣхъ цензуръ, пытокъ, шпионства и всѣхъ возможныхъ насилій, а потому лучше идти впередъ, колоповожатымъ во главѣ всѣхъ улучшеній, которыя даютъ и прочную власть и имя въ исторіи, чѣмъ идти назадъ и быть влекомымъ, какъ-бы насильно толпой и ея требованіями. Онъ знаетъ также, что всѣ матеріальныя улучшенія, дѣлаемыя имъ теперь во флотѣ, иначе съ нимъ и умрутъ, если онъ не заготовитъ людей, понимающихъ потребности Россіи также какъ онъ; вотъ онъ и посылаетъ васъ въ дальнія плаванія, посылаетъ васъ учиться и ждетъ, что вы поймете чего онъ требуетъ; а вы еще спрашиваете чѣмъ онъ замѣнилъ наказанія, да неужели вы въ добавокъ и тупы?

Вмѣсто того, чтобы бить безъ толку, онъ ввелъ гимнастику, которую если вы будете употреблять умно, то ваши матросы будутъ выдѣлывать такіе фокусы при уборкѣ парусовъ, перемѣнѣ марселей, степгъ и прочихъ эволюціяхъ, которыя и не грезилась прежнимъ началькамъ флота. Доведены же во Франціи, безъ битія, многія дивизіи въ арміи до того, что удивляютъ всѣхъ, и не смотря на быстроту ихъ движеній и неутомимость, съ такимъ вниманіемъ слѣдятъ за ихъ здоровьемъ, что трудно найти одного солдата съ мозолями, какъ увѣряютъ эксперты.

Онъ замѣнилъ прежнюю пищу и одежду лучшими, и потому люди способнѣе и сильнѣе, и могутъ выносить, въ случаѣ нужды, болѣе труда безъ изнуренія.

А остальной замѣны онъ ожидаетъ отъ васъ офицеровъ. въ вашемъ рвеніи, въ исполненіи обязанностей своихъ, въ изученіи вашего дѣла, и наконецъ въ умѣніи внушить вашимъ подчиненнымъ уваженіе къ вашимъ знаціямъ, справедливости и вашему достоинству, какъ людей. Если же во время опасности, вы своимъ примѣромъ и словами, не сумѣете затронуть въ вашихъ подчиненныхъ тѣхъ струнъ, которыя заставляютъ людей дѣлать чудеса въ критическія минуты, то вамъ остается еще одинъ долгъ, если вы честный человѣкъ—это уступить свое мѣсто достойнѣйшему васъ.

Стыдитесь, молодой человѣкъ, за себя и за общество ваше, мнѣніе котораго вамъ такъ дорого; учитесь сами, тогда будете достойны учить и другихъ, а главное перестаньте бить подобныхъ вамъ существъ, и въ добавокъ беззащитныхъ; этого ждетъ отъ васъ не одинъ Константинъ Николаевичъ, ждутъ Россія и человѣчество. Если вы при этихъ двухъ послѣднихъ именахъ, не чувствуете ничего въ вашемъ сердцѣ, то значить вы безнадежны,—толку съ васъ не будетъ никогда, и мнѣ только остается жалѣть о всемъ здѣсь написанномъ и о томъ мѣстѣ, которое заняло оно на столбцахъ этого журнала.

КІЕВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И В. И. ПИРОГОВЪ.

Проводы Н. И. Пирогова, были великолѣпны. Это ужъ не чиновный юбилей Княжевича и не юбилей Вяземскаго риторика. Нѣтъ—это было совершеніе великаго долга, долга опаснаго, и потому хвала тому доблестному мужу, который

вызвалъ такія чувства, и хвала тѣмъ благороднымъ товарищамъ его, которые ихъ не утаили!

Отставка П. И. Пирогова—одно изъ мерзвѣйшихъ дѣлъ Россіи дураковъ, противъ Руси развивающейся. Видѣть дѣвичью какойнибудь Васильчиковой, лепечущую бессмысленные доводы съ помощью инспектора Рейнгардта,* видѣть всепростоту государя, пишущаго какой-то бредъ на маржахъ, вслѣдъ за тѣмъ паденіе человѣка, которымъ Россія гордится, — и не покраснѣть до ушей, отъ стыда, — невозможно.

Радуйтесь, Ма'амъ Васильчикова! Да, мы рабы; да, мы въ рукахъ дураковъ, ихъ женъ и барскихъ барынь. Но мы не молчащіе рабы больше, *siam schiavi almen frementi!*— Это разница ма'амъ!

Не молчащіе рабы Кіева защитили Россію, они сдѣлали историческое событіе; чтобы ни было изъ этого, по времени справедливости для дѣвичьихъ и лакейскихъ еще придетъ, и можетъ вамъ, сударыня, не нужно будетъ бѣдиль, чтобы быть очень интересной.

Вотъ что писала кіевская дѣвичья:

Студенты Университета св. Владимира требуютъ особеннаго за собою наблюденія: между ними замѣтенъ духъ вольнодумства и стремленіе заводить партіи, не чуждые патристическихъ замысловъ, которымъ они предаются съ увлеченіемъ молодости. Въ ученикахъ гимназій тоже замѣтны вольнодумство и легкомысліе. Къ сожалѣнію попечителемъ учебнаго округа, въ цѣли развитія въ учащихся понятія о чести и добротѣ, были приняты мѣры, которыя не соотвѣтствовали характеру населенія и могли не только парализировать, но нѣкоторымъ образомъ питать вредное направленіе молодежи: къ числу этихъ мѣръ, по моему мнѣнію, относится официальное учрежденіе въ гимназіяхъ ученическихъ судовъ, для сужденія проступковъ касающихся взаимныхъ отношеній учащихся между собою, и ограниченіе власти директоровъ гимназій, воспрещеніемъ подвергать высканіямъ воспитанниковъ, безъ опредѣленія педагогическаго совѣта. Ученические суды признаны временными и министромъ народнаго просвѣщенія и по его распоряженію уже отмѣнены.

Государь соизволилъ написать:
Ни съ чьимъ несообразно и доказываетъ всю неосновательность Попечителя.

Слава Богу!

Весьма справедливо и мин. народ. просвѣ. представитъ по этому свои соображенія.

Чтобы направить воспитаніе молодыхъ людей въ вѣдѣніяхъ учебныхъ заведеній сообразно видамъ правительства и предохранить ихъ отъ вредныхъ увлеченій, необходимо, чтобы со стороны учебнаго начальства былъ болѣе дѣятельный надзоръ за поведеніемъ учащихся и, чтобы оно обращало особенное вниманіе на выборъ преподавателей, руководствуясь при выборѣ не только, какъ болѣею частью дѣлается теперь, степенью знанія конкурентовъ своего предмета, но и нравственнымъ направленіемъ его и образомъ мыслей въ политическомъ отношеніи.

Еще нѣсколько словъ о государственномъ бюджетѣ за 1860 г. помѣщенномъ въ прошломъ листѣ Колокола.

По цифрамъ бюджета сумма доходовъ равна суммѣ расходовъ, но въ самомъ дѣлѣ дефицитъ очевиденъ. Билеты государственнаго казначейства, т. е. безпроцентные мѣновые знаки не могутъ быть причислены къ государственнымъ доходамъ. Что они помѣчены приходомъ (поступленіемъ) по государственному казначейству, это еще не значитъ, что они представляютъ доходъ; они представляютъ заѣмъ, что доказывается тѣмъ, что они употреблены и свесены на государственные расходы. Если бы они были употреблены по

* Мы сомнѣваемся въ участіи Рейнгардта,—онъ, должно быть, очень хорошій инспекторъ, ибо онъ, въ тоже время, получилъ 1,500 руб. сер. поощрительнаго награжденія.—Ред.

учетамъ и ссудамъ государственнаго банка, т. е. для потребностей общественнаго рынка и были бы выпущены на сумму соотвѣтственную суммѣ ихъ пріема къ размѣну въ банкѣ, они не представляли бы ни доходъ, ни расходъ, а просто кругообращеніе и сохраняли бы свое значеніе мѣноваго знака; но когда ихъ количество превышаетъ надлежащее отношеніе мѣновыхъ знаковъ къ общему обмѣну цѣнностей, они становятся заемными обязательствами и курсъ ихъ упадаетъ, учигается на весь нецужный излишекъ. Снесеніе же ихъ по государственнымъ расходамъ доказываетъ, что они употреблены вовсе не для банковыхъ операций и движенія рынка, а составляютъ чисто государственный заѣмъ; и такъ какъ государство по нимъ процентовъ не платитъ, то рынокъ произведетъ свой учетъ и—или уронитъ ихъ курсъ или повыситъ цѣны на товаръ. Изъ статей расхода ясно, что употребленіе ихъ вовсе не производительное, а истребительное, слѣдственно этотъ заѣмъ скорѣе можно было записать по государственному убытку, чѣмъ по государственному доходу:

Цифры ложатся въ слѣдующемъ порядкѣ:

По стр. 832 Колокола	доходовъ въ 1860 г. противъ 1859.	
	болѣе на	4,785,642 р.
	менѣе—	— 6,455,209 р
По страницѣ 833	болѣе—	5,898,102 —
	менѣе—	— 2,335,132
		<hr/>
		10,683,744 8,790,341
	разность +	1,893,403

Общее превышеніе доходовъ показано на 17 570,553
Вычитая дѣйствительное превышеніе. 1,893,403

Остается ложно присчитанная къ доходамъ сумма займа 15,677,150

Въ этой суммѣ, кромѣ выпуска ассигнацій на 15,000,000, причислена къ доходу сумма въ 677,150 р. *изъятая*, на государственные расходы, изъ капитала казначейства; это уже такъ явно относится не къ доходу, а къ убытку, что не требуетъ никакихъ доводовъ для подтвержденія.

Такимъ образомъ мы имѣемъ въ итогѣ расходовъ за 1860 годъ 298,307,388 р.
въ итогѣ дѣйствительныхъ доходовъ 282,630,238

Дефициту 15,677,150 р.
Это тѣмъ болѣе странно, что въ итогѣ доходовъ за 1859 годъ 280,736,835
а въ итогѣ расходовъ 260,201,177

И того въ экономіи 20,535,658

Этотъ излишекъ, (въ слишкомъ двадцать милліоновъ съ половиною рублей серебромъ, слишкомъ восемьдесятъ милліоновъ франковъ), вѣдѣ не значится въ бюджетѣ 1860 года. Куда же онъ дѣвался?

Мы не думаемъ, чтобы онъ былъ просто ошибкой нашего корреспондента, потому что статьи доходовъ и расходовъ за 1859 и 1860 годы—одни и тѣже, а суммы вѣрны. Мы пробовали искать употребленіе этого излишка въ другомъ отчетѣ министра финансовъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій, 13 Сентября 1860 года, предполагая, что излишекъ былъ

употребленъ на уплату' долговъ государственнаго казначейства кредитнымъ учрежденіямъ. Но изъ отчета министра ничего не выжмешь. Есть цифры уплаты близкія къ цифрѣ нашего излишка, но источникъ иныи. Такъ уплачено 22,550,000 передачею нѣкоторыхъ казенныхъ вкладовъ въ государственное казначейство, которое и обратило ихъ на уплату по займамъ изъ кредитныхъ уставовъ; но тутъ источникъ казенные вклады, а не обыкновенные доходы. Еще подходящая цифра 23,000,000, выданныхъ банку на покрытие излишка востребованій частныхъ вкладовъ; но государственное казначейство приняло въ замѣнъ этой суммы процентныя бумаги, принадлежавшія заемному и коммерческому банкамъ; эти бумаги должны же бы гдѣ нибудь значится въ бюджетѣ, онѣ могли быть проданы, или обращены на расходъ какъ деньги; во всякомъ случаѣ излишекъ отъ 1859 года, долженъ былъ быть показанъ приходомъ въ бюджетѣ 1860 года. Ужъ не пошелъ ли онъ на подмогу къ 8,443,267 р. расходовъ по двору? Да это было бы уже просто на просто высочайшее воровство; мы не можемъ себѣ этого представить... хотя, при запутанности государственныхъ понятій государя и его окружающихъ—чего мудренаго!

А потомъ, вспоминая, что, по отчету же министра 1857 года, каждый годъ все дефицитъ,—излишекъ 1859 года чрезвычайно страшенъ. Какъ бы то ни было—министерство обязано публично, печатно объяснить это обстоятельство, чтобъ сложить съ себя подозрѣніе въ утайкѣ, которая естественно на него падаетъ.

И такъ къ 20,535,658 исчезнувшей экономіи, прибавимъ 15,677,150 дефициту, мы общаго дефициту за 1860 годъ, получимъ 36,212,808 руб. (около 144,851,232 франковъ). Сверхъ того мы въ правѣ заключить, что весь новый дефицитъ 1860 года, потребовавшій внутренняго займа, поглощенъ арміей, на которую, какъ мы уже замѣтили, расходуется болѣе съ тѣхъ поръ, какъ ее уменьшили. Расходъ на армію въ 1860 году противъ 1859 года увеличился на 18,014,405 р.; слѣдственно на это приращеніе ушло:

Дефицитъ	15,677,150	} 17,570,553
Дѣйствительное приращеніе доходовъ	1,893,403	
И еще изъ обыкновенныхъ доходовъ	443,852	

Итого увеличенія расходовъ по арміи 18,014,405 р.
(около 72,057,620 франковъ)

А армія была сокращена съ царствования Александра II на двѣ пятыхъ.

Откуда именно взялось дѣйствительное приращеніе доходовъ въ 1860 году на 1,893,403 р., довольно трудно выжать изъ таблицы, гдѣ мы находимъ приращеніе 5,898,092 р. доходовъ на особые предметы, тотчасъ снесенныхъ расходомъ безъ измѣненія цифръ, какъ значится на стр. 834. Доходы на особые предметы, т. е. доходы на расходы; но откуда эти доходы—вотъ въ чемъ вопросъ! Насъ въ этихъ доходахъ особенно поразила статья: *изъ суммъ земскихъ повинностей* 2,500,457 р. Она тотчасъ снесена расходомъ на платежи по шоссейнымъ займамъ. Одна эта статья превышаетъ общее приращеніе дохода (1,893,403 р.) на 607,054 р. Тутъ ли искать дѣйствительнаго приращенія, или частью тутъ, а частью въ увеличеніи податей на 667,421 р., (которыя увеличились, не смотря на то, что приращеніе народонаселенія

отъ ревизіи до ревизіи не считается)—нить исчезаетъ изъ глазъ паблюдателя. А между тѣмъ возникаютъ вопросы:

1) Почему эти 2,500,457 р. по шоссейнымъ займамъ не причислены къ государственнымъ долгамъ?

2) Какую роль вообще играютъ земскія повинности? Онѣ въ числѣ общихъ государственныхъ доходовъ не показаны.

3) Составляютъ ли земскія повинности общественный сборъ на общественныя потребности, по мимо государственнаго бюджета? Въ такомъ случаѣ нечего отмѣчать по государственнымъ доходамъ и расходамъ и общественныхъ займовъ и платежей по онымъ.

4) Или правительство, проводя гдѣ-либо шоссе изъ какихъ нибудь своихъ соображеній, внѣ земскихъ нуждъ, на пр. стратегическую дорогу, или дорогу для потѣшваго катанья царской фамиліи, и видя, что у него не хватаетъ обычныхъ доходовъ на исполненіе своей затѣи—облагаетъ земство новой податью, или, просто вытаскиваетъ изъ общественныхъ сборовъ деньги на свои нужды?

5) Земскіе сборы не упомянуты въ числѣ государственныхъ доходовъ, а излишекъ отъ земскихъ сборовъ не возвращается въ земство, или не причисляются къ какому либо земскому капиталу, или не зачитаются полученіемъ въ окладъ земскихъ повинностей слѣдующаго года. Такимъ образомъ являются въ обыкновенныхъ доходахъ статьи:

Рекрутскихъ складочныхъ	200,000
Изъ земскихъ сборовъ на пересылаемыхъ въ Сибирь арестантовъ	143,513
Остатковъ отъ раскладки общественаго сбора	227,000
Изъ продовольственнаго сбора государственныхъ крестьянъ	230,000
Итого	800,513 р.

Да по обыкновеннымъ расходамъ значится голословно расходъ на счетъ земскихъ сборовъ (по строительному управленію) 1,455,000

Слѣдственно, сверхъ показаннаго взятія изъ земскихъ сборовъ 800,513 р.

еще гдѣ-то въ доходахъ таятся отнятые у земства 654,487 р.

Это деньги чисто украденныя правительствомъ у земства, сверхъ сомнительныхъ 2,500,457 р.

Все это—на какомъ основаніи?

Странно! А когда сообразишь, что сверхъ обычной суммы на расходы по двору 8,443,267 р. (около 33,773,068 фран.) еще туда же поглощаются доходы съ удѣльныхъ имѣній и по кабинету его величества, то становится отвратительно. Кажется 8,443,267 р., взимаемые съ народа на жалованье государю за управленіе, составляютъ такое достаточное жалованье, послѣ котораго уже не приходится—ни удовлетворяться фпансовыми отчетами, гдѣ все подозрительно, ни присвоивать себѣ удѣльныхъ крестьянъ и золотые пріиски, ни пользоваться остатками отъ земскихъ сборовъ.

Результатъ бюджета ясенъ: правительство обворовываетъ государство, а чиновничество обворовываетъ правительство.

С М Ъ С Ъ .

— ; Правда ли, что братья Рылъскіе, студенты Кіевскаго университета, сосланы въ Казань, по доносу Васильчикова, что они обращаются по братски со своими крестьянами? правда ли это?

СОЛДАТСКАЯ ПѢСНЯ.*

Русская кровь льется
И польская съ ней,
Слово раздается:
Не пади солдатъ, не робѣй!
Солдатъ, ты душу погубишь,
Стрѣляя невинныхъ людей,
А иначе мученикъ будешь,
Не пади солдатъ не робѣй!
Русская кровь льется,
И польская съ ней,

Слово раздается:
Не пади солдатъ, не робѣй!
Мужикъ или благородный,
Тайкомъ или средь друзей,
Повторяйте всѣ крикъ народный:
Не пади солдатъ, не робѣй!
Русская кровь льется,
И польская съ ней,
Слово раздается:
Не пади солдатъ, не робѣй!

— *Паткуль и горячія розки.* М. Ш. Погодишь, усердно собирающий всякаго рода анекдоты и подробности, отнесенныя до объявленія манифеста объ освобожденіи, пропустилъ слѣдующій :

“Дворникъ одного дома на Литейной улицѣ, толкуя на кухнѣ объ ожидаемомъ манифестѣ о свободѣ, говорилъ присутствовавшимъ, что всѣмъ дворникамъ будетъ приказано, въ день объявленія манифеста, стоять у воротъ съ ведромъ водки, и когда государь будетъ ѣхать, то пить за его здоровье и подчивать прохожихъ. Одинъ изъ жильцевъ этого дома, иѣкто *Зайцевъ*, офицеръ Павловскаго полка, допесъ о слышанномъ имъ частному приставу. Дворника тотчасъ взяли подъ арестъ, и о происшествіи семъ довели по начальству. Дѣло, какъ чрезвычайно важное и при *теперешнихъ обстоятельствахъ* (любимое выраженіе Игнатьева, князя Долгорукова, Тимашева, Паткуля и ко.) могущее имѣть опасныя послѣдствія для спокойствія столицы, было тотчасъ доложено государю, который написалъ резолюцію: “сдѣлать внушеніе.” Вслѣдствіе сего повелѣно несчастному дворнику, въ присутствіи всѣхъ дворниковъ столицы дать, (выраженіе и орфографія Паткуля,) *500 розакъ горячихъ!* Замѣйте, что по уголовному уложенію высшая мѣра тѣлеснаго наказанія за преступленіе уголовное есть 100 розогъ не болѣе, а полиція имѣетъ право, по закону, давать не болѣе 49 розогъ. Это было доведено до свѣденія государя, опъ былъ недоволенъ и оставилъ Игнатьева и Паткуля на мѣстѣ. Игнатьевъ, осмѣянный государемъ въ знаменитомъ засѣданіи совѣта, кажется, уже около десяти лѣтъ безнаказанно свирѣпствуетъ въ С. Петербургѣ, ненавидимый и презираемый всѣми жителями, всѣми сословіями столицы.”

— *Превосходительный дантистъ.*—Въ концѣ прошлаго 1860 г., генералъ Лауницъ посѣтилъ г. Сквирю въ Киевской губерніи. На другой день, утромъ, назначенъ былъ смогръ гарнизонной командѣ, и должность ротнаго командира генералъ поручилъ исполнять унтеръ-офицеру, который позабылъ приготовить для смотра старые мушкетеры солдатъ. За такое преступленіе, генералъ *собственноручно разбилъ лице унтеръ-офицеру на площади и послѣ того наказалъ его публично 300 ударами розогъ.* Въ это время одинъ изъ рядовыхъ былъ плохо выравненъ и подвергся той же участи.

Въ канцеляріи сквирской гарнизонной команды послѣдовало то же самое. Генералъ вашель, что старшій писарь разговариваетъ съ его особою *свободно* и окончательно взбѣшенный, сорвалъ съ писаря погоню, споролъ нашивки за долговременную службу и наказалъ его 200 ударами розогъ.

Уѣзжая изъ города, грозный начальникъ гарнизонныхъ командъ взялъ 8 лошадей, а заплатилъ только за 4.— Правда ли все это?

* Получена, въ редакціи Колокола, отъ незнакомца.

— “*Ей просвѣщеніе! Гисъ! Гисъ!*” Ну и побѣхали, и сбили старика съ ногъ! Что за троечная ѣзда въ узкихъ переулкахъ, чего и ждать было отъ долго-руковской и длинно-панпикской тройки съ хромымъ Строгоновымъ въ корню? Бѣда впрочемъ не велика, темного старья кости поломали, за то честь сѣдыхъ волосъ спасена.

Ковалевскій былъ слабый министръ, но все же хорошій человекъ и не іезуитскій гонитель просвѣщенія, какъ новый Магницкій—графъ Сергѣй (а все еще не Сергій) Строгоновъ.

Кто то будетъ просвѣщеніемъ у насъ?—Левшинъ? Корфъ, историографъ 14 Декабря и Модестъ? Мухановъ снятый съ Вислы! Это было бы всего лучше. Аскочинскаго ему въ товарищи съ титуломъ оберъ-пенсора ея императорскаго величества. Говорятъ что Аскочинскій-Путята!

— *Инквизиція Строгонова.*—Великій инквизиторъ, въ своемъ рвеніи противъ науки и образованія, придумалъ во-первыхъ поднять цѣну за слушаніе лекцій до 200 рублей. Говорятъ, что это будетъ принято. Комитетъ мечтаетъ размѣстить факультеты по разнымъ городамъ. Въ петербургскомъ университетѣ до 600 человекъ не могутъ внести платы!

Отъ дураковъ, отъ тупоумныхъ и выжившихъ изъ ума, избави насъ!

Ими заторможена наша дорога, она сильна именно зоологической глупостью своей, противъ безсмыслия можно только сражаться камзолемъ сумасшедшаго дома. Вотъ еще примѣръ:

— *Духъ сигаръ и вонь государственнаго совѣта.*—Государственный совѣтъ, такъ ловко выказавшійся въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, беретъ *ses revanches*; довольно что крестьянъ освобождаютъ, а уже куреніе сигаръ не освободимъ! Какъки эти рѣшили, что разрѣшить куреніе на улицахъ не возможно, во-первыхъ потому, что это затруднитъ отдачею чести низшими офицерами высшимъ; во вторыхъ будетъ дурной запахъ на улицахъ.

Жалкіе орангъ-утанги первыхъ двухъ классовъ! Что за непроходимая глупость!

— *Галаганъ.*—Въ Черниговской губерніи были безпорядки въ имѣніи Галагана—Пчифъ. Говорятъ будто Галаганъ хотѣлъ присвоить, вопреки яскому тексту положенія, землю купленную крестьянами на его имя. Такой коммунизмъ не поправился крестьянамъ.—*Ихъ усмирили.*

— *Слухъ.*—Говорятъ, что въ Петербургѣ образуется *Общество воздержанія отъ правительства.* Чюбы царской фамиліи подать примѣръ и вступить въ него!

— ; Правда ли, что въ прошломъ мѣсяцѣ, всѣ министры получили печатный манифестъ, дарующій конституцію?

— *Поправка.*—Слѣшимъ воспользоваться письмомъ, полученнымъ нами, въ которомъ сказано, что прусскій консулъ въ Варшавѣ не Бергеръ, а Термень, что Киевскаго генералъ-губернатора зовутъ не Екатериной Васильевной, а Екатериной Алексѣевной.

— Нѣсколько дней тому назадъ вышла *вторая часть History of the civilisation in England* Беклея.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 101.

15 Іюня 1861.

У Трубнера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerraid Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Положеніе—12 Апрѣля 1861—С. Кочубей—Чертковъ—Жадовскіе. Смѣсь : Раскольничьи попы—Васильчикова—Невскія
геронни—Іоакимъ Лелевель—Апраксинъ и Гурко—Иркутская дуэль—Къ Полякамъ—Поэтъ Сырокомля—Крайне нужно—Отъ издателей.

РАЗБОРЪ НОВАГО КРѢПОСТНАГО ПРАВА

*обнародованнаго 19 Февраля 1861 года въ Положеніяхъ о
крестьянахъ вышедшихъ изъ крепостной зависимости.*

Съ 19 Февраля до 8 Мая прошло 78 дней; обстоятельства обозначились. Въ Февралѣ подписанъ манифестъ, въ Апрѣлѣ льется кровь безоружныхъ крестьянъ, въ Маѣ циркуляръ новаго министра внутреннихъ дѣлъ предписываетъ губернаторамъ объяснить народу, что барщина не есть барщина. Такого уродливаго хода дѣлъ мы и не ожидали. И такъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ Константина Николаевича огтертъ на задній планъ; теорія государственнаго развитія поручена Бутковымъ, а практика Апраксинымъ. Стало ожидать, чтобы комитетъ “для устройства сельскаго состоянія на общинъ и единоподобныхъ началахъ” — помогъ дѣлу, исправилъ бы, или передѣлалъ “Положенія о крестьянахъ” — было съ нашей стороны мечта, которую мы, изъ жажды блага народнаго, лелѣли на одиноподобный день. Въ то время правительство, казалось, стало во главѣ русскаго освобожденія; это положеніе было необычайно свѣтло и счастливо; оно его утратило разомъ, и наконецъ надежда на него, вѣра въ него рушилась оковчательно. Упавши въ кровь, оно упало въ грязь — и вынуждено объяснять народу, что черное не черное, что два не два, что барщина не барщина. Какая ложь и какое безсиліе! Причины такого хода дѣлъ разгадать не трудно; ихъ двѣ : 1) правительство въ освобожденіи народа не искренно, т. е. въ сущности государь не хочетъ никакого освобожденія ; 2) оно совершенно бездарно, т. е. не умѣетъ ничего понять и ничего сдѣлать. Разрывъ съ этимъ правительствомъ для всякаго честнаго человѣка становится обязательнымъ. Взгляните на новаго министра внутреннихъ дѣлъ; мы его не знаемъ, мы только видимъ, что онъ съ перваго шага вслухъ говоритъ неистинность, хочетъ увѣрить народъ, что барщина не барщина, а “затѣна оброка работою”.* Давно ли само правительство находило, что для постепенности освобожденія нужно работу замѣнить оброкомъ?† А вдругъ понадобилось доказывать противное, потому что здравый смыслъ народа не можетъ понять освобожденія

съ оставленіемъ на барщину. Да онъ не можетъ понять его и съ оставленіемъ на оброкъ. Неужто правительство думаетъ, что министерскій циркуляръ надуетъ пародъ или когонибудь, хотя бы того чиновника, которому будетъ приказано объяснять эту неистинность? Такое презрѣніе къ публикѣ черезъ чуръ заносчиво; всякій, прочитавшій циркуляръ, подумаетъ, что правительство или слуху врѣтъ, или преднамѣренно лжетъ. И такъ видите-ли, что не лѣзя служить этому правительству, не лѣзя съ нимъ одного шагу ступить не запачкавшись или не одурочившись.

Но не смотря на то, что циркуляръ смѣшонъ, что комитетъ Константина Николаевича затертъ Бутковыми и Апраксиными, все же воля народная провозглашена и такъ или иначе высказаны тѣ основанія русской жизни, которыя должны развиваться изъ попятія уничтоженія крепостнаго права, изъ попятія освобожденія крестьянъ, т. е. право народа на землю, равномѣрное освобожденіе крестьянъ всѣхъ наименованій, уничтоженіе равно помѣщичьяго владычества и владычества министерства государственныхъ имуществъ и другихъ народоудныхъ учреждений, общинное землевладѣніе и самоуправленіе, узаконеніе обычнаго права и переобразование судоустройства, всеобщая выборность суда и управленія. Нить этого развитія изъ одного слова : освобожденіе крестьянъ — является какъ историческая необходимость. Но правительство ниже своей задачи, оно не стало во главѣ; тѣмъ не менѣе нить пойдетъ развиваться по мимо его и вопреки ему. Оно выпустило изъ рукъ живую струю и ему не на кого пенять какъ на самого себя.

Оно ничего не предприняло чтобы поправить, передѣлать свои неприложимыя “Положенія о крестьянахъ” и хочетъ приводить ихъ въ исполненіе какъ неурезаемую истину. Теперь посмотримъ же что такое эти “Положенія,” припятія не за точку отправленія, которой развитіе можно переопредѣлить и усовершенствовать, а за ненарушимый, законченный уставъ.

Уставъ!... При этомъ словѣ невольно подумаешь — какія бы ни были убѣжденія — что правительство провело въ немъ какоенибудь одно направленіе, рядъ послѣдовательныхъ основаній, словомъ — что уставъ имѣлъ какоенибудь единство, хотя бы мы съ его основной мыслью и не были согласны. Прочтешь — и придешь къ иному заключенію. Какія осно-

* Онъ пошелъ далѣе въ Мальцовскомъ дѣлѣ, и храбро сталъ со стороны крепостниковъ.

† А въ Польшѣ и замѣняло.

ванія взяло правительство? Взяло ли оно въ основаніе общинное землевладѣніе? Въ иныхъ статьяхъ взяло. А въ другихъ?... А въ другихъ опрокинуло. Взяло ли въ основаніе свободу выбора и самоуправленія? Взяло, а въ другихъ статьяхъ опрокинуло. Взяло ли въ основаніе третейскій судъ? Взяло да и опрокинуло. Можетъ оно взяло преобладаніе не народнаго, а дворянскаго выборнаго управленія? Взяло—а въ другихъ статьяхъ опрокинуло. Что-жь, стало оно взяло въ основаніе чисто бюрократическое управленіе? Взяло, съ большой нѣжностью къ нему, но запутало его, поставивъ въ постоянно враждебныя столкновенія и съ помѣщиками и съ крестьянами, чего, впрочемъ, ипаче быть не могло, потому что бюрократія, сама по себѣ, врагъ всему общественному. Въ результатъ, если мы возьмемъ уравненіе равносильно-противурѣчащихъ началъ, то ихъ будетъ столько же положительныхъ, сколько отрицательныхъ и уставъ неприложимъ, потому что онъ равенъ ничему, или еще хуже: началъ противныхъ освобожденію больше, и тогда уставъ выходитъ уставомъ новаго рабства. Но замѣтимъ, что если понимавіе спокойно сознаетъ, что логическое противурѣчіе равно нулю, то въ жизни это сознаніе выражается иначе; оно выражается борьбой, страданіемъ, ломкой, кровью, которая уже и начала литься, доказывая горькую истину нашихъ словъ. Вамъ захотѣлось поиграть въ освобожденіе и вы не пожалѣли мужицкой крови, Александръ Николаевичъ? Ну! смотрите же—какъ бы вамъ ею не захлебнуться!

Первый вопросъ, который невольно задаешь себѣ, прочитавши уставъ—для кого онъ написанъ? Всего меньше для крестьянъ. Книгу въ 43 листа двойнаго in folio ни одинъ грамотѣй изъ крестьянъ не одолѣетъ и ни одинъ безграмотный не прослушаетъ. Уставъ для крестьянъ долженъ быть написанъ на одномъ листѣ, въ которомъ были бы изложены всѣ основанія освобожденія, основанія на столько ясныя и опредѣленныя, что практика, что жизнь легко примѣнила бы ихъ къ отдѣльному случаю и подробностямъ. Но для такой сжатости и опредѣленности надо было, чтобы самая мысль освобожденія была ясна, а у правительства не было ясной мысли; отъ этого оно и напутало огромную книгу туманнозыбкихъ положеній, выдуманыхъ въ залѣ присутственнаго мѣста, отрѣшеннаго отъ народа, отъ жизни, отъ дѣйствительности и ея потребностей.

Уставъ не написанъ даже и для помѣщиковъ. Его не одолѣетъ ни помѣщикъ, занятый хозяйствомъ, ни помѣщикъ просто небо коптящій. Его станетъ одолѣвать только человекъ, которому это дѣло специально поручено отъ начальства и который найдетъ свою личную, корыстную выгоду толковать и перетолковывать сбивчивыя статьи “Положенія,” тѣмъ удобнѣе, что какая то тусклая полугласность и яркая безответственность спеціального по крестьянскому дѣлу судопроизводства, не помѣшаетъ ему всякое противурѣчіе со стороны крестьянъ счесть за бунтъ, а всякое противурѣчіе со стороны помѣщиковъ за красный коммунизмъ. Слѣдственно уставъ собственно написанъ для чиповничества, которому поручено приводить его въ исполненіе; онъ написанъ для грабщиковъ, но не для грабимыхъ, для канцеляріи, а не для народа.

Вдобавокъ редація его такъ бездарно небрежна, или преднамѣренно запутана, что онъ весь состоитъ изъ ссылокъ не на предыдущія, а на послѣдующія статьи. Въ одномъ “Положеніи о выкупѣ усадебъ и полевыхъ угодій,” т. е. на 32

страницахъ, мы нашли 15 ссылокъ впередъ. Отъ этого для привычнаго грамотѣя читать уставъ—неопытно, а для непривычнаго—непонятно. Если этотъ способъ изложенія законовъ, съ ссылкой на послѣдующія статьи, не есть преднамѣренная запутанность изъ своекорыстныхъ видовъ, то онъ доказываетъ какъ неясно мысль укладывалась въ головахъ издателей, какъ у нихъ силъ не хватало совладать съ нею и какъ они ее трепетно, для самихъ себя сбивчиво, записывали. Такая пляска св. Витта въ законодательствѣ всегда обличаетъ неясность пониманія или, говоря простымъ языкомъ, тугоуміе законодателя.

Съ чего начать? Разрозненныя главы “Положеній”, даже не связанные нумераціей листовъ, представляютъ отдѣльныя тетради, въ которыхъ есть ссылки другъ на друга, но нѣтъ внутренняго послѣдовательнаго развитія, такъ что можно принять любую за первую. Этотъ порядокъ беспорядка страшно затрудняетъ обзоръ: мы также мало понимаемъ цѣль такого рода издавія, какъ и форматъ его, который для прочтенія требуетъ наоя.

Начнемъ съ чего нибудь, хотя бы съ двухъ тетрадей разомъ.

Вотъ “Общее положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости”; вотъ “Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости”.

1ая Статья “общаго Положенія” говоритъ: “крѣпостное право на крестьянъ, водворенныхъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ и на дворовыхъ людей отмѣняется навсегда”. Кажется просто, но тутъ прибавлено: “въ порядкѣ, указанномъ въ настоящемъ положеніи и въ другихъ вмѣстѣ изданныхъ положеніяхъ и правилахъ”.

Заглянемъ въ “Правила.”

Съ первой страницы “Правилъ”, ст. 2, ясно, что крѣпостное право на крестьянъ прекращается только по 4мъ пунктамъ, стало это неправда, чтобы оно вовсе отмѣнялось, какъ можетъ показаться изъ 1 ст. общаго Положенія.

По первому пункту 2ой ст. “Правилъ” прекращается “перекрѣпленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей и переуступка сихъ правъ отъ нынѣшнихъ владѣльцевъ другимъ лицамъ”. Изъ этого можно заключить, что отмѣняется только перекрѣпленіе, но что крѣпостное право личное на крестьянъ и дворовыхъ людей нынѣшнимъ владѣльцамъ предоставлено. Стало на этомъ 1 ст. общаго Положенія побита, и должна быть выражена такъ: крѣпостное право отмѣняется послѣ смерти нынѣшнихъ владѣльцевъ, или, если и прежде, то не теперь, а со временемъ.

По 2му пункту “Правилъ” прекращается “переселеніе крестьянъ съ однихъ земель на другія, *иначе*, какъ на основаніи правилъ установленныхъ мѣстными положеніями”. Заглянемъ въ мѣстныя положенія. Въ мѣстныхъ положеніяхъ для 29 великороссійскихъ, трехъ новороссійскихъ и двухъ бѣлорусскихъ губерній, въ ст. 75, предоставлено помѣщику требовать *обязательнаю* для крестьянъ перенесенія усадебъ: 1) если усадебное строеніе находится ближе 50 сажень отъ помѣщичьихъ строеній; 2) если середъ господскихъ земель есть отдѣльная крестьянская усадьба, къ которой не приурочено надѣла и 3) если для разверстанія помѣщичьихъ полевыхъ угодій съ крестьянскими, встрѣтится *необходимость* въ переселеніи нѣсколькихъ или *всѣхъ* усадебъ селенія”. Нѣтъ

сомнѣнія что такое перенесеніе усадебъ есть переселеніе съ однихъ земель на другія. Замѣчательно, что въ нущемъ разгарѣ крѣпостнаго права никому не приходило въ голову переселять крестьянъ съ мѣста на мѣсто отъ того, что ихъ усадьба ближе 50 сажень отъ господскаго дома, или конюшни, или хотя бы нустаго сарая, который хотя пусть, по все же помѣщичье строеніе; стояли они десятки лѣтъ до мнимаго прекращенія крѣпостнаго права, и тутъ вдругъ, не спросясь хочеть крестьянинъ переселиться или нѣтъ, его переселятъ; эта причина обязательнаго переселенія, и только именно эта — показана съ правительству такой непреложной истиной, что этотъ пунктъ даже не подверженъ апелляціи, какъ видно изъ ст. 76, относящей два другіе пункта на рѣшеніе губернскаго присутствія, если дѣло не рѣшено единогласно на мировомъ съѣздѣ. *Необходимость* перенесенія усадебъ (ст. 72, пунктъ 3) не опредѣлена; признать ее необходимою отдано на произволъ мирового съѣзда, котораго председатель уѣздный предводитель дворянства; представляетъ ее мировому съѣзду мировой посредникъ, назначенный губернаторомъ *изъ дворянъ, но не выбранный крестьянами*; если же и тутъ найдется голосъ въ пользу крестьянъ, то рѣшить губернское присутствіе... изъ десяти случаевъ въ девяти—въ пользу помѣщика. Это обязательное переселеніе допускается не далѣе какъ отъ 10 верстъ до 15 (ст. 81), но на счетъ помѣщика, при чемъ однако помѣщикъ, если даетъ на новомъ мѣстѣ новыя усадьбы, то старыя беретъ себѣ. Тутъ, конечно, право помѣщика переселять крестьянъ ограничено по разстоянію, и по рѣшенію губернскаго присутствія изъ десяти случаевъ разъ въ пользу крестьянъ; по тутъ также признавъ и узаконенъ новый поводъ къ произвольному переселенію, который не существовалъ и при крѣпостномъ правѣ. Стало это новое побужденіе къ произволу помѣщика переселять крестьянъ съ мѣста на мѣсто, такъ что, относительно усадебъ—этотъ пунктъ 2ой ст. “Правиль” противурѣчитъ самъ себѣ, потому не прекращаетъ, а создаетъ право переселенія, и очевидно уже совершенно противурѣчитъ 1 ст. общаго Положенія, т. е. не отмѣняетъ а вводитъ новый видъ крѣпостнаго права.

Но можетъ правительство въ этомъ пунктѣ думало не объ усадьбахъ, а о земляхъ и только неясно выразилось. Во первыхъ за чѣмъ же въ законахъ неясно выражаться? А во вторыхъ заглянемъ во 2^ю главу мѣстныхъ положеній: “о обмѣнѣ земель и угодій.” Ст. 93 предоставляетъ помѣщику право, независимо отъ полюбовныхъ соглашеній требовать отъ крестьянъ обмѣна земель отведенныхъ имъ въ пользованіе, для приведенія въ исполненіе своихъ хозяйственныхъ предприятий, изъ которыхъ 1^е по ст. 94, если въ крестьянскомъ надѣлѣ найдется торфъ. Переѣна надѣла потребуетъ переселенія. Крестьянъ переселять, и не смотря на то, что по ст. 96, при обмѣнѣ земель слѣдуетъ дать имъ земли равныя по достоинству, слѣдственно, если при нихъ въ надѣлѣ нашелся торфъ, то и новый надѣлъ слѣдовало бы имъ дать съ такимъ же торфомъ,—торфа имъ все же не дадутъ, а только переселятъ. Развѣ дадутъ вознагражденіе по ст. 96; ну это болѣе чѣмъ сомнительно, потому что вознагражденіе отдано на произволъ помѣщичьи-чиновничьяго суда. Впрочемъ, кромѣ торфа, составляющаго по смыслу 93 ст. *хозяйственное предприятие*, есть иныя причины для обязательнаго обмѣна земель, какъ-то (ст. 94) проведеніе капавы, устройство перевоза, или устройство водяной мѣльницы, или

фабрики, хотя бы *одинъ* только *берегъ* паходился въ пользованіи крестьянъ. И опять мировой посредникъ представить требованіе помѣщика уѣздному мировому съѣзду подъ председательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, и опять, если одинъ голосъ найдется въ пользу крестьянъ, то дѣло пойдетъ на рѣшеніе губернскаго присутствія, которое рѣшить, изъ десяти разъ девять, въ пользу помѣщика.

Слѣдственно, и по обмѣну земель, пунктъ 2ой ст. 2^я “Правиль” противурѣчитъ 1 ст. общаго Положенія, т. е. отмѣняетъ крѣпостнаго права. Въ старомъ крѣпостномъ правѣ прекращены переселенія крестьянъ по произволу помѣщика *дальнія*, но въ новое крѣпостное право введены переселенія *ближнія*. Дальнія были рѣдки, а ближнія будутъ многочисленны и произведутъ повсемѣстный разгромъ крестьянскаго хозяйства.

Тѣже правила повторены и въ мѣстныхъ положеніяхъ невеликороссійскихъ губерній.

Слѣдственно равно по обязательному перенесенію усадебъ и обязательному обмѣну земель—крѣпостное право не отмѣнено, а измѣнено; старое крѣпостное право замѣнено новымъ крѣпостнымъ правомъ.

По 3му пункту 2ой ст. “Правиль” прекращается “отдача крестьянъ и дворовыхъ людей владѣльцами постороннимъ лицамъ въ услуженіе и отдача малолѣтнихъ изъ крестьянъ и дворовыхъ въ обученіе ремеслу или на воспитаніе, безъ согласія родителей или воспитателей.”

Это дѣйствительно пунктъ прекращающій два случая крѣпостнаго права; еслибъ 1 ст. общаго Положенія, т. е. отмѣна крѣпостнаго права, лежала въ мысли правительства съ полной искренностью, то этотъ пунктъ “Правиль” былъ бы лишнимъ, потому что входилъ бы въ общее послѣдствіе отмѣны крѣпостнаго права. Но онъ долженъ былъ занять мѣсто въ “Положеніяхъ” именно потому, что крѣпостное право, по внутренней мысли правительства, отмѣнялось только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а вовсе не въ цѣломъ объемѣ. И тутъ мы видимъ ту странность, что помѣщикъ имѣетъ право отдать малолѣтняго въ обученіе съ согласія родителей, согласіе, которое, при неполной отмѣнѣ крѣпостнаго права, легко вынудить. Какъ бы то ни было, мы этотъ пунктъ помѣтимъ однимъ изъ случаевъ, гдѣ старое крѣпостное право прекращено и ничѣмъ не замѣнено въ новомъ крѣпостномъ правѣ.

По 4му пункту 2ой ст. “Правиль” прекращается “отдача крестьянъ и дворовыхъ людей, безъ *разрѣшенія* подлежащаго учрежденія, въ исправительныя заведенія или въ распоряженіе правительства”—т. е. по просту сказать въ рабочіе дома и въ солдаты, и ссылка въ Сибирь. Тутъ мы спрашиваемъ, что такое значить слово *разрѣшеніе*? Если правительство думало, что нельзя наказывать безъ суда, это было бы совершенно справедливо; тогда оно такъ бы и сказало. Но оно употребило слово *разрѣшеніе*; слѣдовательно помѣщикъ подастъ мировому посреднику прошеніе о разрѣшеніи такого-то мужика послать въ рабочій домъ, или отдать въ солдаты, или сослать на поселеніе; мировой посредникъ представить въ губернское присутствіе, которое *разрѣшитъ*, или не *разрѣшитъ* по своему произволу. Замѣтите, что тутъ произволъ, а не судъ; для суда потребовалось бы *слѣдствіе* о проступкѣ или преступленіи, и виновный былъ бы *судомъ приговоренъ* къ подлежащему наказанію *по закону*. Тутъ

этого не требуется; тут произвол помѣщика можетъ быть подтвержденъ (изъ десяти случаевъ по крайней мѣрѣ въ пяти) губернскимъ присутствіемъ. При этомъ правительство подѣ названіемъ: отдача въ распоряженіе правительства, сохранило право наказанія рекрутствомъ, что очень естественно, потому что наши цари сдѣлали изъ военной службы каторгу; этотъ пунктъ подаетъ надежду, что правительство и впредь намѣрено изъ жизни солдата, т. е. человѣка готоваго проливать свою кровь за отечество, дѣлать постоянную каторгу. Утѣшительно видѣть, что таковъ остается взглядъ правительства на военную службу; по крайней мѣрѣ перестанешь возлагать на него ложныя надежды. Почему при этомъ 4-мъ пунктѣ 2-ой ст. “Правилъ” сноски на 157 ст. общаго положенія, мы никакъ не могли понять; ст. 157 дозволяетъ исключеніе изъ общества и отдачу въ распоряженіе правительства крестьянина, по мірскому приговору, *не иначе* какъ при отзывѣ о немъ помѣщика, а если отзыва помѣщика черезъ мѣсяць не будетъ, то дозволяетъ и *иначе*, т. е. безъ отзыва. Что это имѣетъ общаго съ отдачей людей въ наказаніе по желанію помѣщика?... Не понимаемъ. Во всемъ этомъ мировой посредникъ играетъ роль не посредника между крестьянами и помѣщикомъ, а посредника между помѣщикомъ и уѣзднымъ мировымъ съѣздомъ или губернскимъ присутствіемъ. Мировой посредникъ невольно вовлеченъ въ канцелярское адвокатство, слѣдственно во взяточничество. Въ заключеніе: мы не можемъ отнести пункта 4-го 2-ой ст. “Правилъ,” къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, а развѣ къ ограниченію его произволомъ губернскаго присутствія, что составляетъ видъ *новаго крѣпостнаго права*, и слѣдственно положительно опровергаетъ 1-ю ст. общаго Положенія.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому, что *отмѣна крѣпостнаго права* имѣетъ мѣсто только въ случаяхъ, означенныхъ въ пунктѣ 3 ст. 2-ой “Правилъ” (отдачу въ услуженіе и ученіе), а по тремъ остальнымъ пунктамъ крѣпостное право вообще *не отмѣнено*, но только *старое замѣнено новымъ*.

Ст. 2) общаго Положенія предоставляетъ “крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, права состоянія сельскихъ свободныхъ обывателей, какъ личныя такъ и по имуществу. Въ пользованіе сими правами они вступаютъ тѣмъ порядкомъ и въ тѣ сроки, какіе указаны въ “Правилахъ и въ особомъ положеніи о дворовыхъ людяхъ.”

На этотъ разъ займемся правами личными, въ которыя они вступаютъ немедленно.

Первый пунктъ ст. 3 “Правилъ” дозволяетъ, на основаніи 23 ст. общаго Положенія, вступленіе въ бракъ безъ разрѣшенія помѣщика. Это для крестьянъ представляетъ случай отмѣны крѣпостнаго права, но для дворовыхъ, которые, по ст. 9 “Положенія объ устройствѣ дворовыхъ людей,” останутся въ услуженіи при помѣщикахъ два года — ровно ничего не представляетъ; потому что по ст. 4, положенія о дворовыхъ — помѣщикъ не обязанъ давать помѣщенія и содержанія женѣ женившася безъ его позволенія. Дворовые, находящіеся въ прислугѣ, едва ли среднимъ числомъ, получаютъ жалованья больше 10 рублей въ годъ; гдѣ же ему жениться, если онъ не можетъ отойти отъ помѣщика и добывать себѣ пропитаніе промысломъ, а для 10 рублей въ годъ помѣстить и содержать жену не въ состояніи? Стало этимъ пунктомъ дворовые слуги не воспользуются.

Они обмануты доскопально; лучше уже было сказать, что для нихъ крѣпостное право на два года не отмѣнено и не измѣнено.

Остальные пункты 3 ст. “Правилъ” признаютъ крестьянина и общину за юридическое лицо. Крестьяне могутъ обществомъ и отдѣльно приобрѣтать движимыя и недвижимыя имущества, вступать въ договоры и обязательства съ казною и частными лицами, производить торговлю, записываться въ цѣхи и гильдіи (ст. 23 общ. пол.), вести тяжбы, защищаться по уголовнымъ дѣламъ, и быть свидѣтелями и поручителями.

Всѣ эти права за ними признаются теперь же. Но могутъ ли они ими воспользоваться? Кто вступитъ въ договоръ съ человѣкомъ, котораго можно съ *разрѣшенія* отдать въ солдаты? Да и самъ онъ захочетъ ли въ вступать въ договоръ? Захочетъ ли приобрѣсти недвижимое имущество, или рискнуть капиталомъ, приписавшись въ гильдію, когда онъ не увѣренъ въ своей личной неприкосновенности? Захочетъ ли общество предпринять какую нибудь покупку земель, когда оно не обезпечено даже въ неприкосновенности своихъ усадебъ? Замѣчательно, что по примѣчанію къ 24 ст. общаго Положенія, воспрещается крестьянамъ начинать иски противъ помѣщиковъ по *дѣйствіямъ*, кои совершились до обнародованія Положенія. Слѣдственно, если помѣщикъ, до обнародованія Положенія, заплъ у крестьянина денегъ, или взялъ деньги за отпускную, а отпускной не далъ, то крестьянинъ не имѣетъ права требовать уплаты или возврата! Статья 32 общаго Положенія составляетъ исключеніе, но не помогаетъ дѣлу, потому что относится только къ недвижимымъ имуществамъ, купленнымъ на помѣщичье имя.

Изъ всего слѣдуетъ, что право юридического лица признанное за крестьянами, при неотмѣненіи крѣпостнаго права, и замѣна стараго крѣпостнаго права новымъ — право призрачное, которымъ крестьяне могутъ воспользоваться только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ — если помѣщикъ добрый человѣкъ, если посредникъ хорошъ, если предводитель хорошъ, если губернское присутствіе не сфальшитъ, — вообще не въ бѣльшемъ числѣ случаевъ, чѣмъ представлялось въ томъ же отношеніи при старомъ крѣпостномъ правѣ. Слѣдственно 3-я ст. Правилъ и 2-я общаго Положенія, какъ статьи призрачныя, нисколько не подтверждаютъ 1-ю ст. общаго Положенія и находятся съ новымъ крѣпостнымъ правомъ въ томъ же противурѣчій какъ и съ старымъ.

Съ горечью въ сердцѣ и глубокой печалью мы должны сознаться, что кромѣ дозволенія крестьянамъ вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика, что и безъ того дѣлалось въ имѣньяхъ, гдѣ помѣщики не жили, — личныя правъ для крестьянъ, *вышедшихъ* изъ крѣпостной зависимости не существуетъ, потому что они изъ крѣпостной зависимости *не вышли*.

Это заглавіе *вышедшихъ* — ложно.

Старое крѣпостное право замѣнено новымъ.

Вообще крѣпостное право *не отмѣнено*.

Народъ царемъ обманутъ!

И. Огаревъ.

(Продолженіе впредь).

12 А П Р Ъ Л Я 1861.

(Апраксинскія убійства).

Паша “Шъчая изъ Портчи” созналась наконецъ въ пролитіи крестьянской крови въ Безднѣ. Ея официальный рассказъ еще гнуснѣе и отвратительнѣе того, что было писано къ намъ.

Мозгъ разлагается, кровь стынетъ въ жилахъ, читая наввно-простодушный рассказъ такого злодѣйства, какого не бывало съ арактеевскихъ временъ.

Гдѣ родились эти кровожадные флигель-адъютанты, гдѣ воспитались эти импровизированные палачи? Какъ ихъ дрессировали въ такія бездушныя злодѣйства?

Правительство допускаетъ убійства за свое косноязычіе, безграмотность и двоедушіе! Не правда-ли какъ ясно новый схоластъ Валуевъ* отличилъ крѣпостную барщину — отъ барщину *во ожиданіи* освобожденія? И за то что пародъ не понимаетъ и вѣрить что правительство его не обманываетъ — пять залповъ.

Мы не узнаемъ Россіи... кровь дымится, трупы валяются!

Правительство прогресса, либеральныхъ идей, поддерживаемое штыками и статьями Погодина, лизнуло польской крови, и пошло внизъ — кровь скользка!

Пятьдесятъ жертвъ, по собственному сознанію преступниковъ, и на этотъ разъ, *благодарный* монархъ такъ обдержался, что и не спрашивалъ Апраксина: “а сколько убито солдатъ или ранено?”

Въ статьѣ прямо сказано, что военныя дѣйствія крестьянъ состояли въ томъ, что часть ихъ *пошла* за колыями.

И что за торопливость въ казни Антона Петрова? Кто его судилъ? Въ чемъ его судили? Видно скорѣе кровавые концы въ воду! Какія же въ самомъ дѣлѣ мягкодушный царь далъ инструкціи?

Пугачевъ судился при Екатеринѣ судомъ, а не пристрѣленъ подъ сурдинку.

Чортъ съ ними — съ окровавленными палачами!

А вы, несчастные братья-раскольники, вы много претерпѣвши, но никогда не мѣшавшіеся съ Россіей помѣщиковъ, палачей и стрѣльцовъ по безоружнымъ — храните день новыхъ страстей, 12 Апрѣля, въ вашей памяти. Времена библейскихъ гоненій настаютъ; вы знаете изъ *Чети Мисей* какія изобіенія христіанъ предпринимали императоры — вы знаете кто одержалъ верхъ. Но верхъ не приходитъ безъ вѣры, не приходитъ безъ дѣла. Укрѣпляйтесь духомъ и помните крикъ, съ которымъ умерли безднинскіе мученики:

Воля! Воля!

П—ръ.

Мы получили еще три письма о подробностяхъ Казанскаго дѣла. Главныя черты событія тѣже самыя, мы не станемъ ихъ повторять, особенно послѣ признанія въ *С. Иб. Вѣдомостяхъ*. Но есть подробности, которыя слишкомъ дороги, чтобъ не были сохранены *Колоколомъ* для потомства, да и для современниковъ.

Изъ одного письма. — “Апраксинъ къ мужикамъ не подѣлжалъ, а посылалъ имъ сказать, чтобъ они прислали ему восемь человѣкъ избранныхъ для переговоровъ. Они отказались. Тогда онъ второи разъ послалъ ихъ уговаривать дворянскаго предводителя *Молостова*,† и за тѣмъ священника. Священникъ спросилъ ихъ вѣрятъ ли они въ бога и въ православную

* Валуевъ уже заявилъ себя и по тѣмъ. Мальцевъ (плантаторъ) заковалъ восемь человѣкъ крестьянъ и отправилъ въ Калугу какъ бунтовщиковъ. Губернаторъ Арцемовичъ выпустилъ ихъ и хотѣлъ произвести слѣдствіе. Плантаторъ черезъ дѣвичьи и передки, довезъ это до Петербурга, новый министръ принялъ сторону крѣпостника. — *Cela promet!*

† Онъ получилъ удивительную награду за свои подвиги. Онъ былъ штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, а награжденъ званіемъ капитанъ въ отставкѣ. Для царей російскихъ времъ не существуетъ — прошедшее не прошедшее, хорошо еслибъ для нихъ и будущаго не было.

церковь. Они сказали, что вѣрятъ. Тогда священникъ потребовалъ, чтобы они *выдали пророка*, но они отказались это сдѣлать и священникъ съ понатыми возвратился; ни ему и никому изъ понатыхъ не было оказано ни малѣйшаго насилія.

Послѣ этого Апраксинъ рѣшился говорить съ толпою; онъ сѣлъ на коня и отѣхавъ шаговъ на 20 отъ своихъ солдатъ, слѣдовавшихъ въ 100 шагахъ, закричалъ: “выдайте пророка или въ васъ будутъ стрѣлять.” Пророкъ въ это время успокаивалъ ихъ говоря, что не смѣютъ дать болѣе трехъ залповъ, и что послѣ пули обратятся на солдатъ. Потому Апраксину отвѣчали довольно спокойно, “стрѣлай батюшка, не папу кровь проливать будешь, а царскую. Апраксинъ закричалъ солдатамъ, “стрѣлай.” Напрасно бросились уговаривать его два адъютанта губернатора присланные туда, чтобы узнать, что дѣлается. Напрасно они говорили ему, что если это были бы бунтовщики, то они вооружились бы чѣмъ нибудь и давно бы окружили ихъ, что наконецъ имъ ничего не мѣшало напасть на солдатъ въ то время, какъ возвращался священникъ съ понатыми, потому что нельзя было бы стрѣлять въ священника.

На всѣ эти возраженія Апраксинъ закричалъ: “офицеры за фронтъ, стрѣлай!” Дано было четыре залпа. До четвертаго залпа толпа стояла неподвижно и крестилась; нѣкоторыя закрывали лицо свое рукавицей. Послѣ четвертаго залпа толпа начала разбѣгаться; часть бросилась просто бѣжать, а другая ближе придвинулась къ толпѣ пророка, чтобы узнать отчего пули не обращаются на солдатъ. Апраксинъ вообразилъ, что они побѣжали за колыями, и велѣлъ дать пять залповъ одинъ за другимъ. Дальнѣйшее извѣстіе, когда разсѣялся дымъ и герой увидѣлъ груды труповъ и раненыхъ, (съ этими канибалами не было даже врача!) Апраксинъ сказалъ, — “фу какъ ихъ много, ну да можно будетъ показать меньше, это всегда такъ дѣлается.” Но одинъ уѣздный чиновникъ, замѣтилъ ему, что можетъ такъ и дѣлается на войнѣ, но здѣсь нельзя не переписать всѣхъ.

Казанское дворянство хотѣло дать обѣдъ Апраксину, когда онъ воротился по горю въ крестьянской крови. Членъ губернскаго присутствія Трубиновъ, удержалъ этихъ плотоядныхъ уродовъ замѣчаніемъ, что “какъ то неловко кровь заливать *шампанскимъ!*” Жаль, что помѣшалъ; маски, маски долой, лучше видѣть звѣринные зубы и волчьи рылы, чѣмъ поддѣльную гуманность и цинкорный либерализмъ.*

Имена, имена — умоляемъ объ именахъ офицеровъ участвовавшихъ въ приготовленіи тѣлъ и червей собиравшихся пошнрвать на трупахъ.

Предсмертныя злодѣйства помѣщичьяго права.

I.

Широкинское дѣло и графъ С. Кочубей.

Саратовской губернии, села Широкина, графа Сергѣя Викторовича Кочубей, крестьяне, управляемые нѣкимъ Романовымъ, купили около (или слишкомъ) пяти тысячъ десятинъ земли и заплатили за нее свои деньги, но, должны были на эту покупку совершить актъ на имя своего помѣщика. Въ запрошломъ году Кочубей, объявилъ эту землю своей

* Иначе поступили казанскіе студенты, они пошли отслужить панихиду объ убитыхъ братьяхъ и застрѣлennomъ Антонѣ Петровѣ. Профессоръ Щаповъ, сказалъ слово, — жандармъ его донесъ, (вслѣдствіе свое), министерство его отрѣшило, полиція арестовала. По крайпей мѣрѣ кого нибудь изъ брнтой Россіи народъ не будетъ считать нѣмцами и крѣпостниками.

собственностью. Мужики сначала подумали, что барин шутишь, пугает их; потом, полагая, что их лишь прижимают, стали предлагать часть земли—некоторые покосы; но увидев решительное намерение барина завладеть землею, уперлись и стали отстаивать свое добро; свидетельствовали и присягали всем селением, присягали со слезами, что деньги были заплачены их собственными, следовательно и земля их. Кочубей объявил этот спор бунтом. Распорядитель саратовского напалыка Игнатевъ,* послал своих баскаковъ, а за ними явилось и войско, стоянка коего одними съдвинными барабанами стояла селению страшные деньги; *ртки человеческой крови* были пролиты буквально. По одиночке мучили каждого, сажая в ригу зимой и моря там голодом, который утолялся украдкой привезенным куском хлеба. За всем тем крестьяне не отступили от своего права на землю. Возникло дело, *не по истязанию*, а по спору, и Кочубей, уладивши его в Питере выжидает в Саратов, окончания дела. Может быть ему и не удастся укрепить отнятую собственность у крестьян—может быть, но чем вознаграждать муки их, о которых досел нельзя вспомнить без ужаса!

Р. С. У Саратовского губернского предводителя князя Щербатова и у графа Кочубея огромныя имения в этой губернии, и ими искони завдывают поляки, немцы и варвары русские; они обирают крестьян, наряжают себя на ночь несчастных девочек и пр.

II.

Стулья Весегонскаго уезда, Тверской губернии и Черткова.

Осенью прошлаго 1860 г. в Тверской губернии, чиновник особых поручений Запуговский открыл в Весегонском уезде, в имении г. Черткова, известного московского любителя и покровителя наук и художеств—одно из орудий застѣнка и правжа, называемое *стуломъ*. Машина эта состоит из огромной толщины деревяннаго отрубка, къ которому приделана желѣзная цѣпь, оканчивающаяся ожерельемъ, запираемымъ замкомъ. Всякое сопротивление управляющему и даже иногда бурмистру, когда селение не помогало, оканчивалось *сажаніемъ на стулъ*, т. е. прикрѣпленіемъ къ горлу инсургента ошейника. Если послѣ нѣсколькихъ дней непокорный не смирялся, слѣдовало съченіе и опять сажаніе на стулъ, и пытка эта продолжалась до приведения крестьянина в совершенную покорность, иногда кончающуюся кладбищемъ. Открытіе этого чуда съ поконъ вѣка существовавшаго съ вѣдома земской полиціи и гг. предводителей, было неожиданностью для губернскаго слѣдователя, производившаго слѣдствіе собственно не в имении господина Черткова, а по сосѣдству, гдѣ онъ наткнулся на такую диковину, и когда позволилъ себѣ изумиться при этомъ, тогда бывший тутъ-же при немъ священникъ замѣтилъ, что эти почтенные стулья в гораздо большемъ употребленіи по сосѣдству, и именно в имении г. Черткова. И действительно здѣсь эти орудія власти были в полпомъ и безпрестанномъ употребленіи и даже знали всѣ в какихъ случаяхъ эта практика неизбежна. Особенно часто, *какъ свидѣтельствовавъ священникъ* и окольные, употреблялись стулья в повѣнчаніи упрямыхъ невѣстъ, неговорчивыхъ съ начальствомъ даже послѣ срѣзыванія косъ и жестокаго съченія на гумнѣ.

* Игнатевъ, сей выведенъ на свѣтъ террористомъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ. Онъ и Асочивскій, пережили своего патрона!

При слѣдствіи формально подтвердилось, что в имении Черткова рѣдкии бракъ повѣнчанъ безъ страшнаго насилия. В имении этого негодяя заведенъ искони порядокъ для браковъ крестьянъ слѣдующій. Всѣ женихи должны в известную пору года разомъ являться в конгору для объявленія, что имъ *нужно* жениться. Контора составивши имъ списокъ размѣчаетъ противъ каждаго, безъ спросу жениха, невѣсть изъ разныхъ деревень и потомъ даетъ приказъ невѣстамъ явиться къ вѣнцу. Тутъ то и начинается практика стульевъ.

Послѣдній актъ этой пытки возмутилъ даже притупѣвшіе чувства туземцевъ: за какое то ослушаніе и за неосознаніе виновности онаго, крестьянинъ послѣ жестокаго наказанія розгами былъ по приказу управляющаго посаженъ на стулъ, и какъ управляющій уѣзжая на ярмарку, забылъ отдать приказъ по этому, то ослушника продолжали держать на стулѣ до того, что у него оказался значительный приливъ крови къ головѣ и упадокъ силъ. Жена страдальца едва умолила позволить рудомету пустить кровь и приобщить мученика св. таинъ.

При этомъ священникъ едва могъ настоять, чтобы бурмистръ освободилъ узника, на время приобщенія св. даровъ, хотя бы изъ уваженія къ незримому при этомъ присутствію самаго Христа.—Бурмистръ тронулся и позволилъ.

Экземпляръ стула доставленъ в Тверь. Но дальнѣйшее разслѣдованіе поведено такъ, чтобы всю вину свалить кажется на бурмистра. Губернское начальство сначала очень было вскипѣло негодованіемъ, но скоро перемѣнило свои чувства и взглядъ на это дело.

III.

Мать и сынъ Жадовскіе.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ осенью прибыли изъ С. Петербурга, послѣ долгаго отсутствія, Настасья Ивановна Жадовская в свое имение Ярославской губернии Любимскаго уезда, село Фоминское. Вскорѣ къ ней прѣхалъ изъ отпуска сынъ Петръ Семеновичъ Жадовскій. Мать и сынъ начали свое житье тутъ разными злоупотребленіями, на которыя крестьяне и дворовые жаловались мѣстнымъ властямъ и губернатору. В числѣ жаловавшихся были: Александръ Федоровъ съ женою, Семенъ Матвѣевъ и сынъ его Корнилій, 70 лѣтній старикъ Семенъ Дмитріевъ и скотница Маремьяна Васильева; за эту попытку они подверглись кромѣ отобранія ихъ имущества и взысканія денежнаго штрафа, жестокаго телеснаго наказанія: нѣкоторымъ изъ нихъ дано до 600 розогъ.

Послѣ этого, вслѣдствіе ли принятыхъ отъ правительства секретныхъ мѣръ, или вслѣдствіе неприятнаго воспоминанія гг. Жадовскіе выбыли изъ Фоминскаго, опредѣливъ тутъ прикащикомъ Вакха Емилева, а жену его Марью Корнилову скотницей, съ назначеніемъ имъ на всю семью 2½ пудовъ въ мѣсяцъ ржаной муки и ничего болѣе. Три года спустя гг. Жадовскіе прибывъ в Фоминское начали съ того, что приказали прикащика Вакха Емилева связать и запереть в холодный, темный чуланъ, гдѣ держали его 9 сутокъ. Жену же его баринъ, призвавъ в комнаты, сталъ допрашивать о каждой скотинѣ, и при ошибкѣ или заминкѣ билъ ее по лицу такъ, что изъ носу, рта и лѣваго уха текла кровь. За темъ Настасья Ивановна приказала вывести Вакха изъ чулана, раздѣть и привязать къ скамейкѣ для истязанія. Жена сего

страдальца, припоминая какъ были наказаны прежде Семень Матвѣевъ и пр., схвата на руки малолѣтнихъ дѣтей, бѣжала на большую дорогу, гдѣ умолила какого-то проѣзжающаго довести ее до становаго. Предъявленное ею становому вполнѣ подтвердилось слѣдствіемъ предводителя и временнаго отдѣленія, до прибытія коего Вакхъ, какъ главная улика, былъ отвезенъ въ Кострому и сданъ въ солдаты. Послѣ этой исторіи гг. Жадовскіе изъ Громовскаго перебрались въ имѣніе (Петра Семеновича) Новоладожскаго уѣзда, гдѣ уже г. Жадовскій прославился тѣмъ, что *за буйство и нанесеніе побоевъ становому г. Воскресенскому, за изувѣченіе государственнаго крестьянина Богданова и жестокое обращеніе съ своими крѣпостными*, присужденъ къ 2-хъ лѣтнему содержанію въ смиренномъ домѣ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и штрафомъ 50 руб. въ пользу Богданова, съ арестомъ до испрошенія у него прощенія и взятіемъ въ опеку за злоупотребленіе власти Новоладожскаго имѣнія. Поэтому то здѣсь гг. Жадовскимъ нельзя было долго оставаться и они опять пожаловали въ Фоминское.

Теперь къ жестокостямъ Жадовскихъ присоединилось мщеніе. Подтвердившаяся слѣдствіемъ жалоба Марья Корниловой не давали Жадовскому покою. Онъ вытребовалъ 12 лѣтнюю дочь ея Матрѣну въ компанья служанки и въ ночи 15 Юня 1859 года изнасиловалъ ее съ нанесеніемъ ей въ голову побоевъ. Мать не молчала, но возбужденное ею дѣло по растлѣніи дочери кончилось тѣмъ, что Петръ Семеновъ сынъ Жадовскій (по объявленному рѣшенію 12 Января сего 1861 года) находящійся уже подъ надзоромъ полиціи, *оставленъ въ подозрѣніи*, и дочь ея Матрѣна, отдана подъ покровительство г. уѣзнаго предводителя съ оставленіемъ на содержаніи матери. Отданный же въ солдаты Вакхъ Елисеѣвъ — умеръ. Прелесть что за дворяне!

СМѢСЬ.

поздно, но мило! (весьма секретно.)

Отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Октября 1858 г.

Поповщинскіе раскольники нѣкоторыхъ мѣстностей прибѣгали къ монаршему соизволенію о дарованіи имъ священниковъ, независимыхъ отъ епархіальнаго начальства. По важности этого ходатайства, оно было разсмотрѣно государемъ императоромъ во всей подробности, и е. в. по этому высочайше повелѣть соизволилъ: “въ просьбѣ раскольниковъ о дарованіи имъ священниковъ, независимыхъ отъ мѣстныхъ епископовъ, отказать, какъ противной апостольскимъ и вселенскимъ правиламъ, на коихъ основана православная церковь.” Вмѣстѣ съ тѣмъ государь императоръ изволилъ принять во вниманіе, что если въ настоящее время раскольники поповщинской секты не имѣютъ бѣглыхъ поповъ, то не менѣе того у нихъ есть лже-попы, пробравшіеся изъ за границы, рукоположенные или въ Австріи или скрывающимися у насъ лже-епископами, оттуда же прибывшими. По сему предмету, государь императоръ, находя невозможнымъ дозволить раскольникамъ *явное* отправленіе ихъ духовныхъ требъ чрезъ лже-поповъ и необходимымъ учредить самый строгій надзоръ за недопущеніемъ на будущее время изъ за границы лже-поповъ, изволилъ однако же признать безполезнымъ и уже несвоевременнымъ повсемѣстное розысканіе и открытіе лжепоповъ, между раскольниками теперь скры-

вающихся. Вмѣстѣ съ тѣмъ, е. в. благоугодно было повелѣть, чтобы высочайшая воля о прекращеніи розысковъ къ открытію лже-поповъ была извѣстна однимъ лишь высшимъ правительственнымъ лицамъ, а въ случаѣ необходимости, ими же была исполняема.

— *Какъ равноапостольная генералъ губернаторъ княгиня Васильчикова поправляетъ обстоятельства кварталныхъ.* — Въ Кіевѣ служить, нѣсколько лѣтъ, кварталный Барсовъ, человекъ добросовѣстный и способный. Жители Лыбедской части, въ томъ числѣ 5 или 6 профессоровъ университета, подали губернатору прошеніе о назначеніи Барсова частнымъ приставомъ на открывшуюся ваканцію въ Лыбедской части. Дерзкое желаніе жителей не было конечно исполнено, и на просьбу ихъ послѣдовало слѣдующее постановленіе: “взыскать съ просителей деньги за гербовую бумагу, а кварталнаго Барсова перевести, кварталнымъ же, въ Подольскую часть города, *для поправленія обстоятельствъ.*” Для иногородныхъ, объясняемъ смыслъ сего выраженія: Подольская часть въ Кіевѣ населена купцами, и въ границахъ этой части, опредѣлено мѣсто для ярмарокъ. Однимъ словомъ, часть эта представляетъ обширное поле для взятокъ. Но г. Барсовъ, до сего времени, взятокъ не беретъ; спрашивается: какимъ путемъ можетъ онъ, по указанію начальства, *поправить свои обстоятельства* въ Подольской части?

Прибавимъ еще, что въ Кіевѣ зачастую вычитаютъ деньги изъ жалованья кварталныхъ, если они къ назначенному времени не раздадутъ положеннаго числа билетовъ въ пользу бѣдныхъ.—О, княгиня!—что это за клеветы!

— *Служба за Васильчиковой не пропадаетъ.*—Говорятъ, что извѣстнаго инспектора Рейнгардъ, отличившагося въ партизанскихъ дѣйствіяхъ при атакѣ Пирогова, та’аме Васильчиковъ хочетъ сдѣлать мировымъ посредникомъ. Въ университетѣ партизанъ не могъ остаться.

— *Шляхетно-революціонная демонстрація крѣпостниковъ.* Намъ рассказывали за вѣрное, что петербургскія барыни, глубоко оскорбленные, предстоящимъ лишеніемъ правъ драться съ горничными, продавать изъ ревности хорошенькихъ и посылать ихъ въ деревню, а лакеевъ на конюшню, въ день смерти Николая, положили на могилу его или на памятникъ, огромное количество вѣнковъ, въ пику Александру Николаевичу. Это утѣшительно, у насъ начинается развиваться смѣлость, мы становимся Марѳами посадницами рабства. Говорятъ что изъ южной Каролины невскимъ героинямъ, плантаторши пошлютъ каждой по черному мальчику и по пачкѣ сигаретокъ.

Народъ русскій вѣроятно не забудетъ этихъ старательницъ о его судьбѣ и ускоритъ возможность положить вѣнки на ихъ могилы.

Пора бы воздвигнуть памятникъ великомученицѣ Салтыковой, иже при Екатеринѣ II пострадавшей, и всѣмъ помѣщикамъ за злоупотребленіе власти, отданнымъ подъ опеку, сосланнымъ въ Сибирь и убитымъ крестьянами. Лекаремъ при памятникѣ будетъ Гутцейтъ, экзекуторомъ Козляиновъ, есть же штатъ у николаевскаго памятника, отъ чего не быть и у памятника Салтычихи?

Такіе чудовищно-наглые поступки, какъ эти вѣнки, какъ топтанье нѣкогда трехцвѣтной кокарды ногами, при Маріи Антуанетѣ, бросаютъ большой свѣтъ на дни кровавыхъ отместокъ.

— **ЮАХИМЪ ЛЕЛЕВЕЛЬ** скончался 29 Мая въ парижской больницѣ, на 76 году отъ роду. Это одинъ изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ старцевъ польскаго изгнанія. Ждемъ отъ кого нибудь изъ близкихъ ему его біографію, и желаемъ, чтобъ она вышла скорѣе общаго біографіи другаго страдальца, Станислава Ворцеля.

— *Герой нашего времени и ихъ* Петербурга — ну кто? отгадайте! Человѣкъ покрытый кровью крестьянъ, кровью безоружно убитыхъ русскихъ — *Апраксинъ Безденежскій*. Интересно знать, какъ его принялъ первый дворянинъ?

— *Гурко не Апраксинъ*. Въ 114 Но. *Сверъ Пи*. — “Изъ уѣздовъ *Николаевскаго* и *Новоузенскаго* получены были свѣденія о неисполненіи повинностей со стороны крестьянъ, въ имѣніяхъ графа Воронцова-Дашкова, князя Кочубея, гг. Устинова, Львовой, Семейскаго и Жемчужникова. Въ поименованные уѣзды отправлялись флигель-адъютантъ ротмистръ Гурко и одинъ изъ чиновниковъ особыхъ порученій начальника губерніи. По дознанію на мѣстѣ открылось, что возникшія недоразумѣнія были слѣдствіемъ неточнаго пониманія манифеста и пелолученія въ пѣкоторыхъ мѣстахъ (въ мартѣ мѣсяцѣ) Положеній. По объясненіи крестьянамъ, на сходкахъ, ихъ прошлыхъ и будущихъ отношеній къ помѣщикамъ, крестьяне вразумлялись и изъявляли готовность исполнять повинности, на основаніи прочтанныхъ и объясненныхъ имъ правилъ Положеній

Вмѣстѣ съ тѣмъ, губернское присутствіе опредѣлило: что *неправильности, допущенныя въ некоторыхъ имѣніяхъ по надѣлу крестьянъ землею и по обремененію ихъ тяжелыми уроками, должны быть отклоняемы помѣщиками и управителями*. Затѣмъ, для объясненія крестьянамъ новыхъ положеній и для выслушанія жалобъ помѣщиковъ и крестьянъ, положило командировать: одного изъ членовъ присутствія и особаго чиновника”

Стало можно безъ убійствъ успокоивать умы и убѣждать не одними пулями — но за то Гурко и не сдѣлался героемъ нашего времени.

— *Опять объ Иркутской дуэли*. Намъ пишутъ изъ Сибири: “Вамъ вѣроятно неизвѣстно, что въ Иркутскѣ разыгрывается, въ настоящее время, самое вопіющее дѣло: это судъ надъ судьями Беклемишева, который имѣетъ характеръ личной мести администраціи за ихъ самостоятельность. Обвиняемые просидѣли нѣсколько недѣль въ острогѣ (по рѣшенію сената), а судьи до приговора еще томятся шесть мѣсяцевъ въ самомъ узкомъ заключеніи за свое судейское мнѣніе и надъ ними производится такой строгой инквизиціонный судъ, какъ будто бы они были тяжкіе государственные преступники временъ Анны Ивановны. Несчастнаго Образцова, который осмѣлился показать свои медицинскія свѣденія и на нихъ основать свое осужденіе Беклемишева, совершенно измучили. Подвергли строжайшему разбору всю его жизнь до того, что обнаружено когда Образцовъ ссорился съ своей кухаркой и за что. Исполнителемъ по этой части воли Муравьева — Милютинъ, сдѣланный по этому случаю, помощникомъ предсѣдателя губернскаго суда.

Муравьеву и его protegés хочется непременно открыть, что судьи писали свой приговоръ подъ диктовку Петрашевскаго или, по крайней мѣрѣ, что они были въ это время подъ его и Львова съ Ко. влияніемъ. Разумѣется открыть этого нельзя, потому что между ними не было никакихъ сношеній. Но еслибы даже это и дѣйствительно было, то что же изъ этого? Оно доказало бы только нравственную силу Петрашевскаго и Ко., которая сильнѣе генераль-губернаторскаго деспотизма, простиравшагося до угрозы разстрѣлять и повѣсить Петрашевскаго съ его друзьями и всѣхъ, кто съ ними имѣетъ сношенія.”

— *и Правда-ли*, что генералъ Мерхелевичъ такой дурной зоологъ, что не умѣетъ отличить *единорога отъ пушки*? Какъ же онъ будетъ отличать конфедератку отъ фуражки?

къ издателю PRZEGLADU RZECZY POLSKICH.

Милостивый государь,

Позвольте мнѣ при посредствѣ уважаемаго журнала вашего, высказать нашу глубокую благодарность вашимъ соотечественникамъ.

Послѣ напечатанія въ *Колоколѣ* нѣсколькихъ статей о Польшѣ, мы получили большое число писемъ — коллективныхъ и частныхъ, въ которыхъ выразилось самое горячее братское сочувствіе къ намъ.

Глубоко тронутые ихъ дружескими словами, мы просимъ дозволенія поблагодарить ихъ всѣхъ въ вашемъ обозрѣніи.

Къ искренней благодарности нашей мы прибавимъ только одно слово. Нашъ взглядъ на польскія дѣла, вовсе неизмѣнился отъ послѣднихъ событій въ Варшавѣ, ужасы тамъ совершившіеся неизмѣнили только нашъ языкъ и сдѣлали его болѣе горькимъ. Съ 1849 мы повторяли, что только на полной независимости Польши отъ Россіи, можетъ основаться союзъ поляковъ съ русскими, какъ вольныхъ съ вольными и равныхъ съ равными.

Еще разъ повторяя эту заповѣдь, мы дружески жмемъ руку писавшимъ къ намъ и братски кланяемся вамъ.

Преданный вамъ и пр.

Искандеръ.

— *и Правда-ли*, что литовскій поэтъ *Сырокомля* привезенъ изъ Вильно въ Варшаву и тамъ засаженъ въ крѣпость, за какое-то стихотвореніе? Если правда, это хорошо — будто Николай и не умиралъ.

— *Крайне нужно*. — Что сдѣлали съ чиновникомъ, который, болѣе откровенно, чѣмъ деликатно, обвинилъ Муравьева-вѣшателя въ странность и почти коммунистическихъ понятій на счетъ казенной собственности?

Отравили его? Посадили на цѣпь, въ острогъ, или въ сумашедшій домъ? Послали въ Сибирь? или въ крѣпость?

Благоволите сообщить въ редакцію.

— Приславшаго намъ 25 фунтовъ для раздачи бѣднымъ полякамъ, мы увѣдомляемъ, что 20 ф. нами отправлены, по совѣту генерала Мирославскаго, вновь прибывшимъ полякамъ въ Неаполь, (откуда и имѣемъ росписку въ полученіи) а 5 ф. розданы въ Лондонѣ.

— Насъ спрашиваютъ изъ Петербурга когда выйдетъ *VI кн. Полярной Звѣзды*. Мы не понимаемъ какъ вѣсть о ея выходѣ не дошла черезъ *Колоколѣ* или черезъ объявленіе Трюбнера. *VI Книжка Полярной Звѣзды* поступила въ продажу въ началѣ *Марта мѣсяца*. Кстати — мы намѣреваемся издавать *Полярную Звѣзду* отдѣльными выпусками: объ этомъ мы увѣдомимъ читателей подробнѣе.

— *Отъ издателей*. — Насъ спрашиваетъ какой-то анонимъ правда-ли, что мы не печатаемъ поправки или опроверженія по частнымъ дѣламъ? *Вздоръ!* Мы только не помѣщаемъ брани и совершеннѣйшихъ пошлостей въ родѣ французскаго письма въ защиту Петра Ольденбургскаго, которое сверхъ всего еще надобно переводить. Мы сомнѣваемся, чтобъ анонимъ писалъ изъ сочувствія къ намъ, иначе онъ не могъ бы и сомнѣваться, что мы всегда готовы помѣстить всякое важное оправданіе.

Герцогъ Омальскій, на дняхъ, въ очень милой рѣчи, которую онъ произнесъ въ обществѣ вспомошествованія литераторамъ, сказалъ, что онъ какъ то толковалъ съ Броли, о злоупотребленіяхъ обличительной гласности; Броли ему замѣтилъ, что зло это несомнѣнно, по прибавилъ: “а все таки не надобно до нея касаться — если на десять человѣкъ, о которыхъ напечатаютъ вздоръ, будетъ обличенъ и заклеменъ одинъ мерзавецъ, то и тогда польза покрываетъ вредъ!”

— *Единственное* письмо, о полученіи котораго просилъ писавшій его извѣстить — получено.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 102.

1 ЮЛЯ 1861.

У Триюнера & Co., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

О ГЛАВЛЕНІЕ.—Что нужно народу?—Петербургскій Университетъ—Разграбленіе Тутюшинской вольницы. Смысь: Убіиства въ пензенской
губерніи—Графъ Евдокимовъ—Надулъ!—Прогрессъ цензуры—А. Салтыковъ—Правда-ли—Откупщики гвериласы—
Дѣти загрызенныя крысами—Профессоръ Шаповъ—Аграксинъ и Бездна—В. Аскочипскій—Отъ Издателей.

ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Безъ земли народу жить не лзя, да безъ земли не лзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежитъ какъ народу.* Кто занялъ землю, которую зовутъ Россіей? кто ее воздѣлалъ, кто ее съ покопъ вѣковъ отвоёвывалъ, да отстаивалъ противъ всякихъ враговъ? Народъ, никто другой какъ народъ. Сколько погибло народа на войнахъ того и не перечесть! Въ одни послѣднія пятьдесятъ лѣтъ куда болѣе милліона крестьянъ погибло, лишь бы отстоять народную землю. Приходилъ въ 1812 году Наполеонъ, его выгнали, да вѣдь не даромъ: слишкомъ восемь сотъ тысячъ своего народа уложили. Приходили вотъ теперь въ Крымъ англо-французы; и тутъ слишкомъ пятьдесятъ тысячъ людей было убито или умерло отъ ранъ. А кромѣ этихъ двухъ большихъ войнъ, сколько въ эти же пятьдесятъ лѣтъ уложили народа въ другихъ малыхъ войнахъ? Для чего же все это? Сами цари твердили народу: “для того, чтобы отстоять свою землю.” Не отстаивай народъ русской земли, не было бы и русскаго царства, не было бы и царей и помѣщиковъ.

И всегда такъ бывало. Какъ придетъ къ намъ какойнибудь педругъ, такъ народу и кричатъ: давай солдатъ, давай денегъ, пооружайся, отстаивай родную землю! Народъ и отстаивалъ. А теперь и царь и помѣщики будто забыли, что народъ тысячу лѣтъ лилъ потъ и кровь, чтобы выработать и отстоять свою землю, и говорятъ народу: “покупай молъ еще эту землю, за деньги.” Нѣтъ! это ужъ искаріотство. Коли торговать землей, такъ торговать ею тому, кто ее добылъ. И если цари и помѣщики не хотятъ за одно, нераздельно съ народомъ владѣть землей, такъ пусть же они покупаютъ землю, а не народъ, ибо земля не илняя, а народная, и пришла она народу не отъ царей и помѣщиковъ, а отъ дѣдовъ, которые заселили ее во времена, когда о помѣщикахъ и царяхъ еще и помину не было.

Народъ, съ покопъ вѣковъ, на самомъ дѣлѣ владѣлъ землей, на самомъ дѣлѣ лилъ за землю потъ и кровь, а приказные на бумагахъ чернилами отписывали эту землю помѣщикамъ да ть царскую казну. вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю, и хотѣли увѣрить, что это и есть законъ, это и

Годъ V.

есть божеская правда. Однако никого не увѣрили. Плетями народъ сѣкли, пулями стрѣляли, въ каторгу ссылали, чтобы народъ повиновался приказному закону. Народъ замолчалъ, а все не повѣрилъ. И изъ неправого дѣла все-же не выпло дѣла праваго. Притѣсненіями только народъ и государство раззорили.

Увидѣли теперь сами, что по прежнему жить не лзя. Задумали исправить дѣло. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконецъ рѣшили дѣло и объявили народу свободу. Послали повсюду генераловъ и чиновниковъ читать манифестъ и служить по церквамъ молебны. Молись молъ богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народъ повѣрилъ, обрадовался и сталъ молиться.

Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу *Положенія*, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагахъ, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помѣщику по прежнему, хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственные деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе, гдѣ помѣщикъ будетъ сѣчь черезъ начальство, гдѣ судъ будетъ творить начальство, гдѣ все перепутано такъ, что еслибъ въ этихъ царскихъ положеніяхъ и нашлась какаянибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться нельзя. И государственнымъ крестьянамъ по прежнему ихъ горькую судьбу оставили, и землей и народомъ оставили владѣть все тѣхъ же чиновниковъ, а хочешь на волю такъ выкупай свою землю. Служаешь народъ, что ему толкуютъ генералы и чиновники про волю, и понять не можетъ — какая это воля безъ земли подъ помѣщичьими и чиновничьими розгами. Вѣрить не хочетъ народъ, чтобы его такъ безчестно обманули. Быть, говорить, не можетъ, чтобы царь своимъ словомъ четыре года ласкалъ насъ свободой, а теперь на дѣлѣ, подарилъ бы прежней барщиной и оброкомъ, прежними розгами и побоями.

Хорошо кто не повѣрилъ, да смолчалъ; а кто не повѣрилъ, да сталъ тужить по несбывшейся волѣ, тѣхъ пришли вразумлять плетями, штыками да пулями. И полилась по Руси

безвинная кровь. Въмѣсто молитвъ за царя, раздались стоны мучениковъ, падающихъ подъ плетями и нулями, да изнемогающихъ подъ желѣзами по сибирской дорогѣ.

Такъ то опять плетями да каторгой хотятъ заставить народъ вѣрить, что новый приказный законъ есть божеская правда.

Да еще глумятся царь да вельможи, говорятъ, что черезъ два года будетъ воля. Откуда же она будетъ воля то? Землю урѣжутъ, да за урѣзанную заставятъ платить въ три-дорого, да отдадутъ народъ подъ власть чиновниковъ, чтобъ и сверхъ этихъ тройныхъ денегъ еще вгрозѣ грабежемъ выжимали; и чуть кто не дастъ себя грабить, такъ опять плети да каторга. Ничего они, не то что черезъ два года—а *никогда* для народа не сдѣлаютъ, потому что ихъ выгода рабство народное, а не свобода.

И откуда это народу такая бѣда, что живетъ онъ, живетъ, работаетъ, работаетъ, а до правды дожить не можетъ и вѣчно народомъ торгуютъ?

Какъ откуда? Ради чего Иуда Христа продалъ? Ради алчности. Таже алчность заставляетъ и царей, и помѣщиковъ, и чиновниковъ торговать народной землей, народной кровью и обманывать народъ. Чтобы имъ была во всемъ излишняя роскошь, народъ живи въ бѣдности, неволь, невѣжество.

Землю отъ народа отписали за себя. Все что народъ ни выработаетъ—подавай ко двору, да въ казну, да дворянамъ; а самъ вѣчно сиди въ гнилой рубахѣ, да въ дырявыхъ лаптяхъ.

Свободу отняли. Шагу не смѣй сдѣлать безъ чиновничьяго позволенья, безъ паспорта или билета, и за все плати.

Ничему народъ не учили. Деньги, что собираютъ на народное ученье, соряютъ на царскія конюшни и исарни, на чиновниковъ и ненужное войско, которое стрѣляло бы по народу.

Понимаютъ сами, что такъ быть не лзя, что съ такимъ искаріотствомъ и народъ сгубишь, и царство сгубишь и самихъ себя ни причемъ оставишь. Сами сознаются передъ народомъ, что надо дать ему поправиться; а какъ до дѣла дойдетъ, алчности то своей преодолѣть не могутъ. Жалко царю своихъ безсчетныхъ дворцовъ съ тысячами лакеевъ и араповъ, жалко царицѣ своихъ парчей и брилліантовъ. Еще не съумѣли они полюбить народа болѣе чѣмъ своихъ охотничьихъ собакъ, чѣмъ золотую посуду, чѣмъ пирры и забавы. Вотъ и не могутъ они отрѣшиться и унять своихъ вельможъ и чиновниковъ, которые помогаютъ имъ собирать съ народа миллионы рублей, да и сами на себя тянутъ столько же. Не могутъ побѣдить своей алчности, возъ и двоедушничаютъ. И пишетъ царь такіе манифесты, которыхъ народъ въ толкъ взять не можетъ. На словахъ будто добръ и говорить съ народомъ по совѣсти; а какъ слова на дѣлѣ исполнять приходится, держится съ вельможами все той же алчности. На словахъ отъ царской доброты народу радость и веселье, а на дѣлѣ, все прежнее горе да слезы. На словахъ народу отъ царя воля, а на дѣлѣ, за эту же волю, царскіе генералы сѣкутъ народъ да въ Сибирь ссылаютъ, да разстрѣливаютъ.

Нѣтъ! двоедушничать съ народомъ и обманывать его—безчестно и преступно. Торговать землей и волей народа, не то ли же, что Иудѣ торговать Христомъ? Нѣтъ, дѣло народа должно быть рѣшено безъ торга, по совѣсти и правдѣ. Рѣшеніе должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы словъ рѣшенія, разъ произнесенныхъ, ни царь, ни помѣ-

щики съ чиновниками перетолковывать не могли. Чтобы ради глупыхъ, безтолковыхъ, измѣнническихъ словъ не дѣлалось неповинной крови.

Что нужно народу?

Земля, воля, образованіе.

Чтобы народъ получилъ ихъ на самомъ дѣлѣ необходимо:

1) Объявить, что всѣ крестьяне свободны съ той землей, которою теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, на примѣръ у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дагъ участіи изъ земель государственныхъ, то есть народныхъ, нѣтъ еще не занятыхъ. У кого изъ помѣщичьихъ крестьянъ земли не въ достачу, тѣмъ прирѣзать земли отъ помѣщиковъ, или дать земли на выселокъ. Такъ чтобы ни одинъ крестьянинъ безъ достаточнаго количества земли не остался. Землей владѣть крестьянамъ сообща, т. е. общинами. А когда въ какой общинѣ народится слишкомъ много народу, такъ что тѣсно станетъ, дать той общинѣ для крестьянъ сколько нужно земли на выселокъ изъ пустопорожнихъ удобныхъ земель. Въ тысячу лѣтъ русскій народъ заселилъ и завоевалъ земли столько, что ему ее на многие вѣка хватить. Знай плодись, а въ землѣ отказа быть не можетъ.

2) Какъ весь народъ будетъ владѣть общей народной землей, такъ значить весь народъ за пользованіе этой землей будетъ платить и подати на общія народныя нужды, въ общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденныхъ съ землей крестьянъ обложить такою-же податью, какую нынѣ платятъ государственные крестьяне, но не болѣе. Подати тѣ вносить крестьянамъ сообща, за круговую порукою; чтобъ крестьяне каждой общины отвѣчали другъ за друга.

3) Хотя помѣщикамъ триста лѣтъ и владѣли неправо землей, однако народъ ихъ обижать не хочетъ. Пусть имъ казначейство выдаетъ ежегодно, въ пособіе или вознагражденіе, сколько нужно, примѣрно хоть шестьдесятъ миллионъ въ годъ,* изъ общихъ государственныхъ податей. Лишь бы народу осталась вся земля, которую онъ теперь на себя пашетъ, на которой живетъ, съ которой кормится и отапливается, съ которой скотъ свой кормить и поить, да лишь бы подати ни въ какомъ случаѣ не повышали, а то народъ на отсчитываніе вознагражденія помѣщикамъ изъ податей согласенъ. А сколько кому изъ отсчитываемыхъ на это изъ податей денегъ приходится, помѣщичьи сами промежъ себя по губерніямъ согласиться могутъ. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали. Помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи считается всего 11,024,108 душъ. Если ихъ обложить одинаковою податью съ государственными крестьянами, т. е. рублей по семи съ души въ годъ, то отсчитавъ, изъ этихъ семи рублей, около 1 руб. 60 коп. серебромъ,

* Если принять 60 миллионъ за проценты съ капитала, по 6 на сто, то капитала выйдетъ тысячу миллионъ. Если ежегодно отсчитывать изъ числа податей въ пользу помѣщиковъ 60 миллионъ, такъ чтобы шестой процентъ шелъ на уплату капитала, то черезъ 37 лѣтъ всѣ тысячу миллионъ будутъ выплачены и съ процентами по 5 на сто—и слѣдственно помѣщикамъ вознагражденъ какъ нельзя лучше, съ лихвою. Помѣщикамъ выдать теперь вмѣсто капитала билеты, на которыхъ прописано сколько кому слѣдуетъ получать въ тридцатисемилѣтний срокъ; они эти билеты могутъ сей часъ, кто хочетъ, продавать и имѣть деньги на новыя обзаведенія и наемъ рабочихъ; тогда проценты по билетамъ, какъ теперь изъ ломбарда, будутъ получать изъ казначейства кто ихъ купилъ, у кого они въ рукахъ. А это народу все равно, лишь бы податей не повышали; а черезъ 37 лѣтъ паче будетъ изъ податей отсчитывать на уплату по билетамъ, все будетъ выплачено; надо будетъ подати или понизить или употребить на общее народу полезное дѣло.

которые помѣщичьи крестьяне нынѣ платятъ въ казну (подушными и разными повинностями) останется за тѣмъ съ каждой души около 5 рублей 40 коп. сер., а отъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи, около шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ. Значитъ есть чѣмъ пособить и вознаградить помѣщиковъ; больше этого имъ и желать стыдно, и давать не слѣдуетъ.

4) Если при такой подати, до полныхъ 60 милліоновъ, слѣдующихъ помѣщикамъ чего и не хватить, то для покрытія недостатка, все таки никакихъ лишнихъ податей требовать не надо. А слѣдуетъ убавить расходъ на войско. Русской народъ живетъ въ миру со всѣми сосѣдями и хочетъ жить съ ними въ миру; стало ему огромнаго войска, которымъ только царь тѣшится, да по мужикамъ стрѣляетъ, не надо. А потому войско слѣдуетъ сократить на половину. Теперь на войско и на флотъ тратится сто двадцать милліоновъ, а все безъ толку. Съ народа собираютъ на войско денегъ кучу, а до солдата мало доходить. Изъ ста двадцати милліоновъ, сорокъ милліоновъ идетъ на однихъ только военныхъ чиновниковъ, (на военное управленіе), которые еще кромѣ того сами знатно казну разворовываютъ. Какъ сократить войско на половину, да въ особенности посократить военныхъ чиновниковъ, такъ и солдатамъ будетъ лучше, да и излишекъ отъ расходовъ на войско большой останется, милліоновъ въ сорокъ серебромъ. Съ такимъ излишкомъ, какъ бы ни было велико вознагражденіе помѣщикамъ, а уплатить будетъ чѣмъ. Податей не прибавится, а распредѣлятся онѣ разумнѣе. Тѣже деньги, которыя народъ теперь платитъ на лишнее войско, чтобъ царь тѣмъ войскомъ по народу стрѣлялъ, пойдутъ не въ смерть, а въ жизнь народу, чтобъ выйти народу спокойно на волю съ своею землею.

5) И собственные расходы царскаго правительства надо сократить. Въмѣсто того, чтобъ строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошия дороги, да ремесленныя, земледѣльческія и всякія пригодныя народу школы и заведенія. При томъ само собой разумѣется, что царю и семьѣ царской нечего напрасно присвоивать себѣ удѣльныхъ и заводскихъ крестьянъ и доходы съ нихъ; надо чтобъ крестьянство было одно и платило бы одинаковую подать, а изъ полати и будутъ отсчитывать сколько царю за управленіе положить можно.

6) Избавить народъ отъ чиновниковъ. Для этого надо, чтобъ крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными. Сельскихъ и волостныхъ старшинъ опредѣляли бы своимъ выборомъ и отрѣшали бы своимъ судомъ. Между собой судились бы своимъ третейскимъ судомъ или на міру. Сельскую и волостную полицію справляли бы сами своими выборными людьми. И чтобъ во все это, равно какъ и въ то, кто какую работою или торговлей и промысломъ занимается, отнынѣ ни одинъ помѣщикъ или чиновникъ не вмѣшивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это, какъ сказано, отвѣчаетъ круговая порука. Для легкости же круговой поруки, бре тьяне каждой общины промежъ себя сдѣлаютъ складчину, то есть составлять мірскіе капиталы. Случится ли съ кѣмъ бѣда, міръ ссудитъ его изъ этого капитала и не дастъ погибнуть; запоздалъ ли кто податью—міръ внесетъ за него подать въ срокъ, дастъ ему время поправиться. Понадобилось ли для всей общины построить мельницу, или магазинъ, или купить

машину, общественный капиталъ поможетъ имъ сладить общепольное дѣло. Общественный капиталъ и хозяйству сельскому поможетъ, да и отъ чиновниковъ спасетъ, такъ какъ при исправномъ платежѣ податей ни одинъ чиновникъ никого и притѣснить не можетъ. Тутъ то и важно, чтобъ всѣ стояли за одного. Дашь одного въ обиду—всѣхъ обидятъ. Само собой разумѣется не надо, что въ до этого капитала чиновникъ пальцемъ дотронулся; а тѣ, которымъ міръ его поручить, тѣ въ немъ отчетъ міру и дадутъ.

7) А для того чтобъ народъ, получивъ землю и волю, сохранилъ бы ихъ на вѣчныя времена; для того, чтобы царь не облагалъ произвольно народъ тяжкими податями и повинностями, не держалъ бы на народныя деньги лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ, которые давили бы народъ; для того, чтобы царь не могъ прокучивать народныя деньги на пиры, а расходовалъ бы ихъ по совѣсти на народныя нужды и образованіе—надо, чтобъ подати и повинности опредѣлялъ бы и раскладывалъ промежъ себя самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ. Въ каждой волости, выборные отъ сель рѣшатъ промежъ себя сколько надо собрать съ своего народа денегъ на общія нужды волости, и выберутъ промежъ себя довѣреннаго человѣка, котораго пошлютъ въ уѣздъ, чтобъ вмѣстѣ съ выборными отъ другихъ волостей, и землевладѣльцевъ, и городскихъ обывателей, рѣшить какія нужны подати и повинности по уѣзду. Эти выборные, на уѣздномъ сходѣ, выберутъ промежъ себя довѣренныхъ людей и пошлютъ ихъ въ губернской городъ, чтобы рѣшить какія народу принять повинности по губерніи. Наконецъ выборные отъ губерній съѣдутся въ столицу къ царю и порѣшатъ какія повинности и подати должны быть отбываемы народомъ для нуждъ государственныхъ, т. е. общихъ для всего русскаго народа.

Довѣренные отъ народа люди не дадутъ народа въ обиду, не позволятъ брать съ народа лишнихъ денегъ; а безъ лишнихъ денегъ не изъ чего будетъ содержать и лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ. Народъ, значитъ, будетъ жить счастливо, безъ притѣсненій.

Довѣренные люди рѣшатъ сколько податей платить народу и какъ платить ихъ, чтобы никому не было обидно. Какъ соберутся выборные да столкнутся, имъ ужъ можно будетъ порѣшить, чтобы подать платилась не съ души, а съ земли. У какой общины земли болѣе, да земля по лучше, той значить, и платить податей придется болѣе; а кто землей бѣднѣе—тѣ и платить будутъ менѣе. Тутъ и помѣщики съ своей земли платить будутъ. Значитъ дѣло будетъ справедливѣе и для народа льготнѣе. Довѣренные же рѣшатъ какъ по справедливости отбывать рекрутскую повинность; какъ по справедливости отбывать дорожную, постоянную и подводную повинности; оцѣнять ихъ деньгами и разложить по всему народу безобидно. Разочтутъ всякую народную копѣйку на какое именно дѣло ей идти: сколько денегъ на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народныя, сколько на дороги. И что рѣшатъ, то только и будетъ. Какъ пройдетъ годъ, такъ въ каждой копѣйкѣ подай отчетъ народу—куда она истрачена.

Вотъ тогда народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать. Вотъ что пужно народу, безъ чего онъ жить не можетъ.

Да кто же будетъ ему такимъ другомъ, что доставитъ ему все это?

До сихъ поръ народъ вѣровалъ, что такимъ другомъ ему будетъ вывѣшнй царь. Что не въ примѣръ прежнихъ царей, которые отписали землю отъ народа и отдали его въ неволю вельможамъ, помѣщикамъ и чиновникамъ, новый царь осчастливить народъ. Только какъ пришли генералы съ солдатами разстрѣливать народъ за волю и съчь шпигрутенами, такъ пришлось и про новаго царя сказать тоже, что пророкъ Самуилъ говорилъ народу израильскому, когда совѣтывалъ ему обойтись безъ царя: “И поставитъ (царь) тебѣ сотники и тысящники; и дщери ваши возьметъ въ муроварницы и поварницы; и селы ваши и винограды ваши и маслична ваша драгя возьметъ и отдасть рабомъ своимъ; и сѣмена ваша и винограды ваша одесятствуетъ; и стада ваша благая возьметъ и одесятствуетъ на дѣла своя; и нажити ваша одесятствуетъ и вы будете ему рабы.”* Иными словами: не жди отъ царя никакого добра, а только одного зла, такъ какъ по алчности своей царя и волю и достагокъ народа обираютъ неминуемо. И нашъ царь, что приказываетъ стрѣлять по народу, оказывается, значить, царемъ самуиловскимъ. Того и смотри, что онъ не другъ, а первый врагъ народа. Говорятъ, что онъ добрый: да что же бы онъ могъ хуже теперешняго сдѣлать, когда бы онъ былъ злой? Пусть же народъ подождетъ молиться за него, а своимъ чутьемъ да здравымъ смысломъ, помшеть себѣ друзей повадешнѣ, друзей настоящихъ, людей преданныхъ.

Пуше всего надо народу сблизаться съ войскомъ. И отецъ ли, мать ли снаряжаетъ сына въ рекруты—не забывай народной воли, бери съ сына клятву, что по народу стрѣлять не будетъ, не будетъ убійцей отцовъ, матерей и сестеръ кровныхъ, кто бы ни далъ приказъ стрѣлять, хотя бы самъ царь, потому что такой приказъ, хотя бы и царскій, все же приказъ окаянный. За тѣмъ ищи себѣ друзей и по выше.

Когда найдется офицеръ, который научитъ солдатъ, что стрѣлять по народу грѣхъ смертный,—знай народъ, что это другъ его, который стоитъ за землю мѣрскую да за волю народную.

Найдется ли помѣщикъ, который тотчасъ отпуститъ крестьянъ на волю со всею ихъ землею, самымъ льготнымъ способомъ и ни въ чемъ не обидитъ, а во всемъ поможетъ; найдется ли купецъ, который не пожалѣетъ своихъ рублей на освобожденіе; найдется ли такой человекъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ и учился, и писалъ и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мѣрскую да волю народную: знай народъ—это все друзья его.

Шумѣть безъ толбу и лѣзть подъ пулю въ разбивку нечего; а надо, молча, собираться съ силами, искать людей преданныхъ, которые помогали бы и совѣгомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ, и казней и жизнью, чтобъ можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, противъ царя и вельможъ, землю мѣрскую, волю народную, да правду человеческую.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

I.

REQUIEM.

28 Февраля были похороны Т. Г. Шевченка, прахъ котораго на дняхъ будетъ перевезенъ въ Малороссию. По

* I кв. Царствъ гл. VIII.

окончаніи похоронъ одинъ изъ студентовъ объявилъ всѣмъ присутствовавшимъ, что завтра, т. е. 1 Марта, въ католической церкви будетъ реквиемъ въ память убитыхъ въ Варшавѣ 13 и 15 Февраля. Реквиемъ дѣйствительно состоялся; на немъ присутствовали Костомаровъ, Спасовичъ и много другихъ профессоровъ. По окончаніи службы студенты-поляки пропѣли свой національный гимнъ; русскіе имъ подтягивали. Полковникъ Константиновскаго корпуса, Ростиславскій, началъ переписывать кадетъ, которые были въ костелѣ; это замѣтили, выпроводили полковника и на улицѣ освистали.... Когда правительство узнало объ этомъ реквиемѣ, то были арестованы студенты, заказывавшіе его и уговаривавшіеся съ ксендзомъ. Надъ ними была назначена коммиссія,* которая выгородила изъ этого дѣла русскихъ, а прижала поляковъ. Тогда русскіе студенты составили слѣдующую подписку: “Мы нижеподписавшіеся были 1 Марта на реквиемъ въ память убитыхъ въ Варшавѣ, участвовали въ пѣніи національнаго польскаго гимна и потому просимъ считать насъ равно отвѣтственными вмѣстѣ съ студентами изъ поляковъ.” Подписалось около 300 человекъ (не-поляковъ). Подписка лежала въ студенческой библиотекѣ, и Фацтумъ (инспекторъ) думалъ было, заставъ студентовъ въ распlochъ, захватить ее, но не успѣлъ: ему загородили дорогу, а между тѣмъ подписные листы унесли. Онъ добивался узнать какого рода эта подписка; ему отвѣчали, что это дѣло наше и мы объявимъ о немъ начальству, когда будетъ нужно. Выказавъ свое соболѣзнованіе о томъ, что студенты не довѣряютъ ему, Фацтумъ отправился къ Делянову и доноситъ, что идетъ какая-то подписка, но какая неизвѣстно. Пріѣзжаетъ Деляновъ, вызываетъ студента Штакеншнейдера† и допрашиваетъ: о чемъ идетъ подписка? Штакеншнейдеръ отвѣчалъ, что не скажетъ, потому что товарищи велѣли ему молчать. “Развѣ товарищи ваше начальство?” перебилъ Фацтумъ, присутствовавшій при этомъ допросѣ. Не добились ничего, Деляновъ объявилъ, что Штакеншнейдеръ черезъ полчаса будетъ исключенъ, и что даже, если бы 600 человекъ подписались, то все они будутъ исключены. Тотчасъ же была собрана сходка и отправлены къ Делянову депутаты: узнать причину исключения Штакеншнейдера. Попечитель отвѣчалъ, что онъ требовалъ именованъ закона, чтобы Штакеншнейдеръ отвѣчалъ ему, о чемъ идетъ подписка, но такъ какъ Штакеншнейдеръ не исполнилъ его требованія, то потому и исключенъ. Я скорѣе пойду на висѣлицу, прибавилъ Деляновъ, чѣмъ измѣню свое рѣшеніе на счетъ Штакеншнейдера. Сходка рѣшила послать депутатовъ къ министру съ письменною инструкціею. Въ этой инструкціи было сказано, что студенты *требуютъ* объясненія поступковъ попечителя и огражденія ихъ впредь отъ подобнаго произвола, т. е. чтобы ихъ не исключали изъ университета безъ суда. Подъ инструкціею подписались всѣ бывшіе на сходкѣ: болѣе 600 человекъ.‡ Профессора, узнавъ объ этомъ, просили подождать прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, (Спасовичъ, Утинъ и еще нѣсколько), поѣхали къ Делянову и настояли, чтобы Штакеншнейдеръ былъ снова принятъ въ университетъ. Деляновъ уступилъ и такимъ образомъ под-

* Депутатъ отъ университета былъ профессоръ Андреевскій, который велъ себя въ этомъ дѣлѣ довольно порядочно.

† Фацтумъ изъ толпы, окружавшей его, зналъ фамилію только Штакеншнейдера и потому его одного назвалъ Делянову.

‡ Въ случаѣ неуспѣха посольства рѣшено было подать просьбу государю; если и тамъ неудача, то всѣ студенты рѣшились подать прошенія объ увольненіи.

писка къ министру осталась безъ дѣйствія. Тоже стало и съ подпискою о реквѣмѣ, которая была причиной всего этого. Поляки были выпущены изъ подъ ареста. Одни говорятъ, что государь велѣлъ не продолжать судъ. Поляки были выпущены, избѣгли опасности, вслѣдствіе чего не данъ былъ ходъ и подпискѣ.

Когда въ совѣтъ говорили о реквѣмѣ, то профессоръ Чайковскій сказалъ: “да что же госнода, вѣдь мы всѣ тамъ были: и я, и Костомаровъ, и Спасовичъ, и Лагуна”... “Извините я тамъ не былъ,” прервалъ Лагуна. Между тѣмъ всѣ видѣли его въ церкви. Узнавъ объ этомъ поступкѣ студенты-поляки, собрались къ нему на лекцію, и послушавъ его минутъ пять, *всѣ до одного* мѣрнымъ шагомъ вышли изъ аудиторіи. Лагуна понялъ въ чемъ дѣло и *кажется* подалъ въ отставку. (Онъ читалъ законы царства польскаго и всѣ поляки хвалятъ его *какъ профессора*).

Составлена комиссія изъ профессоровъ: Стасюлевича, Спасовича, Утина, 8 русскихъ и 2хъ поляковъ; председателемъ назначенъ Кавелинъ. Комиссія эта должна составить проектъ студентскаго суда, болѣе правильнаго устройства кассы, сходокъ и студентскаго сборника. Проектъ этотъ уже почти готовъ, лѣтомъ будетъ отлитографированъ и розданъ для обсужденія студентамъ, а въ началѣ будущаго академическаго года пойдетъ на утвержденіе высшаго начальства.

Деляновъ уговаривалъ Костомарова сказать, что онъ зашелъ на реквѣмъ нечаянно; Костомаровъ конечно отказался солгать и говорятъ будто бы получилъ отъ государя строжайшій выговоръ за присутствованіе на реквѣмѣ. Не знаемъ правда ли это. Въ концѣ Января въ университетѣ офиціально была открыта подписка въ пользу бывшаго цензора Ярославцева, который находился тогда въ самомъ бѣдственномъ положеніи.* Деляновъ требовалъ къ себѣ открывшаго эту подписку, говорилъ—какъ можно дѣлать что нибудь въ пользу человѣка, который отставленъ по собственному е. в. повелѣнію. Конечно онъ не убѣдилъ никого своими доводами и подписка продолжалась.

II.

гласный судъ съ присяжными, адвокатами и т. д.

Студенты, какъ вамъ извѣстно, имѣютъ свою кассу, для завѣдыванія которою выбирается ежегодно отъ каждаго факультета и разряда по одному *редактору* (главная обязанность котораго разсматривать статьи для *Студенческаго Сборника*) и по нѣскольку *депутатовъ*, которые собственно завѣдуютъ хозяйственною частію, напр. устраиваютъ концерты, публичныя лекціи, занимаются продажей билетовъ для этихъ концертовъ и чтеній, и стараются наблюдать какъ живутъ тѣ студенты, которые обращаются въ кассу за пособиями; это впрочемъ не имѣетъ характера постояннаго надзора и прекращается какъ скоро депутатъ болѣе или менѣе ознакомится съ образомъ жизни студента. Во все время какъ существуетъ касса (т. е. около четырехъ лѣтъ) было не болѣе пяти случаевъ, чтобы студенту отказывали въ вспоможеніи за нетрезвую жизнь, и то этотъ отказъ былъ временной. Депутаты и редакторы выбирали изъ своей среды кассира (всегда изъ депутатовъ, а не изъ редакторовъ), который долженъ былъ вести приходо-расходныя книги и

* Недавно онъ назначенъ управляющимъ канцеляріею попечителя.

отдавать отчетъ ежемѣсячно *сходкѣ редакторовъ и депутатовъ*. Вся *редакція*, или *касса*, какъ ее часто называютъ, должна была отлавать ежегодный отчетъ студентамъ. Обыкновенно этотъ отчетъ вывѣшивался въ сборной комнатѣ. Но съ нѣкотораго времени, въ редакціи начали замѣчать нѣкоторыя неисправности и наконецъ оказалось, что изъ кассы пропало болѣе 1,000 рублей.

Послѣднее время кассиромъ былъ депутатъ административнаго разряда, студентъ Николай Бутчикъ. Ему было поручено отвезти Шуберту, за 12 данныхъ имъ концертовъ, 1,200 р. сер.; Бутчикъ взялъ эти деньги и съ тѣхъ поръ не показывался въ университетъ, не являлся на депутатскія сходки для представленія отчета, и наконецъ пропалъ пять дней неизвѣстно гдѣ. Депутатскія сходки собирались одна за другою, поручали нѣкоторымъ изъ депутатовъ узнать отъ чего Бутчикъ не является въ университетъ; тѣ ѣздили къ нему на квартиру, никогда не заставали его дома, и наконецъ его мать и сестры объявили, что онъ уѣхалъ неизвѣстно куда и нѣсколько дней не показывается домой. Видя, что здѣсь что-то не чисто, редакція пригласила профессора Спасовича, субъ-инспектора и нѣсколькихъ студентовъ и сдѣлала взломъ столовъ и шкафовъ въ квартирѣ Бутчика: денегъ никакихъ не нашли, а нашли только его депутатскія книги,* которыя, какъ оказалось по изслѣдованію, были ведены чрезвычайно неаккуратно. Съ тѣхъ поръ депутаты ѣздили каждый день на квартиру Бутчика, чтобы узнать не возвратился ли онъ. Наконецъ, на шестой день, Бутчикъ явился домой и написалъ письмо въ университетъ; въ этомъ письмѣ онъ увѣдомлялъ, что онъ теперь боленъ, не можетъ явиться на сходку и что онъ потерялъ деньги, которые долженъ былъ отвезти Шуберту. Узнавъ объ этомъ письмѣ, Спасовичъ просилъ депутатовъ созвать общую сходку студентовъ и предложить имъ выбрать изъ своей среды комиссію изъ пяти человѣкъ, которая, подъ его председательствомъ, изслѣдовала бы это дѣло. Судебные слѣдователи были выбраны и вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ арестованъ Бутчикъ: ему отвели комнату въ одномъ изъ флигелей университета.

Первое засѣданіе комиссіи было утромъ 4 го Марта. У Бутчика былъ свой офиціальныи адвокатъ (избранный имъ самимъ); но кромѣ того, его защищали во время преній еще два студента, по собственной волѣ, никѣмъ не избранные. Бутчикъ объявилъ, что онъ повезъ деньги къ Шуберту, но дорогой вѣроятно выронилъ ихъ изъ боковаго кармана, потому что когда, подходя къ дверямъ квартиры Шуберта, посмотрѣлъ при немъ ли деньги, то ихъ не оказалось; онъ хотѣлъ поискать ихъ въ савяхъ у извозчика, но извозчика уже не было: получивъ плату за ѣзду онъ поѣхалъ далѣе. Изъ допроса свидѣтелей оказалось, что Бутчикъ въ этотъ же день вечеромъ кутилъ до четырехъ часовъ ночи, сперва въ трактирѣ “Лейпцигъ” потомъ въ кафе-ресторанѣ Еремѣева. Спасовичъ замѣтилъ, что трудно предположить, чтобы человѣкъ, потерявшій такую большую сумму денегъ и притомъ еще чужихъ, могъ веселиться до поздней ночи; но Бутчикъ объяснилъ свое поведеніе тѣмъ, что не хотѣлъ подавать и виду о потерѣ, думая достать гдѣ нибудь денегъ взаймы для возвращенія Шуберту; на томъ же основаніи онъ никому не объявлялъ о пронажѣ цѣлыя *два недѣли*, продолжая

* Каждый депутатъ имѣетъ свою частную приходо-расходную книгу, а кассиръ кромѣ этой депутатской книги имѣетъ общую приходо-расходную.

бутить на крестовскомъ острову и въ другихъ трактирахъ и наконецъ скрывался пять дней неизвѣстно гдѣ. Онъ объявилъ также, что тратилъ въ это время деньги, выигранныя имъ у товарищей.* Спрошенные свидѣтели показали, что все послѣднее время, Бутчикъ кутилъ и игралъ сильно въ карты. Такимъ образомъ являлось сильное подозрѣніе, что онъ проигралъ большую часть денегъ; но обвиненный не сознался въ этомъ. Адвокаты плохо защищали его и рѣчи ихъ не произвели особеннаго впечатлѣнія.† Отпуская присяжныхъ, Спасовичъ обратился къ нимъ съ небольшою рѣчью, въ которой между прочимъ сказалъ, что не должно прощать подобныхъ преступленій, а напротивъ должно искоренять ихъ со всевозможной строгостью. “Мы привыкли смотрѣть на студентовъ, какъ на представителей честной молодежи; но если и туда уже стало прокрадываться воровство, которое мы видимъ теперь кругомъ насъ и въ судахъ и въ акціонерныхъ обществахъ, и сверху и съ низу—мы должны употребить всѣ силы чтобы преградить ему дорогу.”

Присяжные возвратились черезъ три четверти часа и признали Бутчика виновнымъ въ умысленной растратѣ студентскихъ суммъ на свои частныя потребности. Не желая подвергать его отвѣтственности по законамъ, которые за растрату суммъ полагаютъ лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылку на житье въ сибирскія губерніи, присяжные сказали, что его слѣдуетъ исключить изъ университета. вмѣстѣ съ тѣмъ они обвиняли редакцію въ небрежномъ исполненіи ея обязанностей. Черезъ нѣсколько дней рѣшеніе присяжныхъ было представлено на утверженіе общей сходки студентовъ, которая согласилась съ мнѣніемъ комиссіи. Подали голоса противъ рѣшенія комиссіи только пять человекъ. Бутчика обязали возвратить 1200 рублей къ сентябрю.

Разграбленіе Тутолминской больницы въ г. Старицѣ, хозяйственнымъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

Генералъ-маіоръ Тутолминъ завѣщаніемъ обязалъ своихъ дѣтей—сына и дочь—устроить въ г. Старицѣ, въ собственномъ его домѣ больницу, гдѣ могли бы пользоваться безъ всякой платы бѣдные обыватели города Старицы и отставные и увѣчные солдаты. На содержаніе этой больницы завѣщатель указалъ одно изъ своихъ многихъ имѣній съ тѣмъ впрочемъ, что если наследники его пожелаютъ взять это имѣніе за себя, то обязаны вмѣсто онаго внести на содержаніе больницы въ опекунскій совѣтъ на вѣчныя времена деньгами двести тысячъ рублей ассигнаціями, т. е. по 100,000 рублей каждый, такъ чтобы процентами съ этого капитала, (въ то время бывшими по 5%) состоящими изъ 10,000 рублей асс. ежегодно, содержалась больница.

Главное попеченіе надъ больницею ввѣрялось наследникамъ; но если они будутъ исполнять это дѣло нерадиво, то завѣщатель приглашалъ правительство вступить и взять больницу въ свое завѣдываніе.

* Здѣсь видна небрежность редакціи. Большая часть депутатовъ и редакторовъ знала что Бутчикъ вдался въ азартныя игры, преимущественно въ банкъ и игралъ на большія суммы, и даже многие депутаты сами постоянно играли съ нимъ. Такимъ образомъ они знали его слабость и все таки доверяли ему кассу.

† Окончаніе допроса свидѣтелей было уже во второе засѣданіе, также какъ и рѣчи адвокатовъ.

Единственные наследники Тутолмина взяли назначенное на больницу имѣніе за себя, по капиталъ, слѣдовавшій въ замѣнъ этого имѣнія, былъ внесенъ не вдругъ. Сперва внесла дочь въ московскій опекунскій совѣтъ причитающійся съ нея 100,000 р. асс. — и стала распорядиться больницею на крѣпостномъ правѣ. Приторговавъ (какъ можно только сбивъ цѣну), старицкаго городского врача принять на себя обязанность леченія въ больницѣ и вести на свои деньги все больничное хозяйство, наследница обязалась уплачивать ему все издержанное вмѣстѣ съ жалованьемъ по представленіи ей за каждую третью года отчетовъ. Хотя за все время завѣдыванія врачомъ этою больницею, годовой расходъ по одной далеко не доходилъ до суммы составляющей казенный процентъ на 100,000 р., за всѣмъ тѣмъ наследница выполняла свое условіе съ врачомъ очень плохо, то высылала израсходованныя деньги поздно, то не доплачивала, то дѣлала придирки, что расходъ изищенъ. Наконецъ врачъ выведенный изъ терпѣнія долженъ былъ прибѣгнуть къ официальному разбору. Правительство, почуявъ хорошую добычу, горячо взялось за это дѣло. Прежде всего, немедленно были истребованы изъ московскаго опекунскаго совѣта 100,000 р. асс., внесенныя наследницею, и отданы въ распоряженіе тверскаго приказа общественнаго призрѣнія, въ вѣденіе котораго поступила Тутолминская больница. За тѣмъ началось требованіе другой половины капитала, слѣдующей съ сына Тутолмина. Капиталъ этотъ, также изъ 100,000 р. асс., послѣ долговременной переписки былъ взысканъ весь со всѣми причитающимися на него, за все прошедшее въ мытарствѣ время, законными процентами. Больница наконецъ стала дѣйствовать на законномъ основаніи, имѣя въ обезпеченіи своего содержанія капиталъ 57,000 р. сер., а съ накопившимися процентами слишкомъ 60,000 руб. серебромъ.

Непрошло еще десяти лѣтъ — дочь Тутолмина въ сороковыхъ годахъ является опять на сцену, подъ именемъ графини Березовской по мужѣ, въ канцеляріи директора хозяйственнаго департамента Михаила Ивановича Лекса. Она просила, по смыслу завѣщанія ея родителя возвратить ей внесенные на содержаніе больницы на вѣчныя времена 28,585 рублей серебромъ или 100,000 рублей ассигнаціями съ тѣмъ, чтобы дозволено было ей на эти деньги купить населенное имѣніе, изъ доходовъ котораго она будетъ высылать слѣдующіе проценты (какіе? ни слова) въ приказъ на содержаніе больницы. Прошеніе это было министромъ Черовскимъ, по ходатайству Лекса, принято и вслѣдствіе онаго вытребованъ изъ тверскаго приказа капиталъ въ 28 585 рублей серебромъ. Въ утѣшеніе, вмѣсто этого послѣдовало изъ министерства вотъ какое извѣщеніе въ приказъ: — изъ 28, 585 рублей серебромъ выдано г-жѣ Березовской около 18,000 рублей серебромъ и на эти деньги купленное ею равноцѣнное, по удостовѣренію министерства, имѣніе с. петербургской губерніи лужскаго (или ямбургскаго) уѣзда; на каковое имѣніе, какъ на состоящее въ долгу у приказа, наложено запрещеніе съ тѣмъ, что если Березовская не будетъ въ срокъ (какой? — не обозначено) высылать процентовъ на содержаніе Тутолминской больницы, то тверской приказъ можетъ требовагъ описи этого имѣнія и продать его съ публичнаго торга. Что же касается до оставшихся еще за покупкою этого имѣнія денегъ 10,000 рублей серебромъ слишкомъ, то онѣ остаются (сказано въ бумагѣ) въ министерствѣ для выдачи ей же, г-жѣ Березовской, когда

она прищеть для покупки имѣніе въ эту сумму. — О томъ, сколько Березовская обязана уплачивать процентовъ и въ какіе сроки, и имѣеть ли приказъ право требовать проценты съ оставшихся въ министерствѣ денегъ — ни слова не сказано. Явно что министерство о большихъ тутолминскаго учрежденія и знать не хотѣло. Приказъ обязанъ былъ какъ попало довольствоваться больница изъ оставшихся пока въ его распоряженіи денегъ, взысканныхъ съ сына Тутолмина. Скоро это предположеніе подтвердилось самымъ дѣломъ, Березовская и не подумала о платежѣ процентовъ съ купленнаго имѣнія. Приказъ сталъ воевать о продажѣ имѣнія, вмѣсто котораго оказалась негоднѣйшая земля изъ кочекъ и болотъ состоящая, и потому никто къ покупкѣ ея на торги не явился. Про деньги же оставшіяся въ хозяйственномъ департаментѣ приказъ едва заикнулся, какъ ему было юпитеровски сказано — *что сіе до него не касается!* За смертью потомъ Лекса это дѣло рѣшено уже считать *неподлежащимъ разбирательству!*

СМѢСЬ.

УБИЙСТВА ВЪ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ.

“Генераль Дренякинъ положилъ въ одномъ селеніи, оказавшемъ ослушаніе, 9 человекъ, 28 ранено, 30 прогнано сквозь строй, 22 на поселеніе, а слѣдствіе еще продолжается.” Это касается и имѣнія графа Уварова, интересно знать какъ графъ Уваровъ поступитъ. Намъ сказали, что его не было на лицо, а солдатъ позвалъ управляющій; такого управляющаго держать нельзя. Впрочемъ русскія газеты, полны успѣшными усмиреньями, “крестьяне вполне раскаялись послѣ полицейскаго наказанія, послѣ *легкаго* наказанія, къ которому прибѣгнулъ флигель-адъютантъ такой-то или генераль такой-то.” Въ двадцати губерніяхъ сѣкутъ, объѣдаютъ крестьянъ солдатами, свирѣпствуютъ предводители и генералы, и все это называется *освобожденіемъ крестьянъ.*

— *Побѣда графа Евдокимова надъ сапернымъ казачьимъ полкомъ.* На Кавказѣ, на канунѣ выѣзда Бярятинскаго, рѣшено было подвинуть впередъ передовую линію казацкихъ поселеній за Кубанью. Для этого нужно было выбрать менѣе осѣдлые полки, для которыхъ переселеніе было бы менѣе чувствительно, но графъ Евдокимовъ по условію съ полковыми командирами, вознамѣрился переселить Хоперскій полкъ, самый богатѣйшій изъ полковъ поселенныхъ въ ставропольской губерніи, — полкъ, который нѣкогда *самъ завоевалъ* свою землю, держа *передовую* линію, нынѣ уже *заднюю* и слѣдственно спокойную. Полкъ этотъ состоитъ по большей части изъ людей весьма зажиточныхъ и старыхъ ветерановъ. Переселяя ихъ опять впередъ въ степь, Евдокимовъ рассчитывалъ, что они, какъ богатые люди, обойдутся малымъ пособіемъ и слѣдовательно, остальное можно взять въ темную экономію. Суммы же ассигнованныя на переселеніе огромны. Узнавъ о такихъ намѣреніяхъ, казаки послали къ Бярятинскому депутаціи объяснить свое положеніе и свое нежеланіе переселяться; но Евдокимовъ, перехвативъ посланцевъ на дорогѣ, увѣрилъ ихъ честнымъ словомъ, что онъ отнюдь не намѣренъ переселить ихъ помимо ихъ *собственнаго согласія*, и чтобы они успокоились. Они возвратились домой и успокоились. Но чуть только Бярятинскій выѣхалъ, Евдокимовъ тотчасъ приказалъ переселеніе; казаки отказались.

Евдокимовъ командировалъ цѣлый отрядъ съ артиллеріею для усмиренья неповиновенія. Казаки поневолѣ пошли за конвоемъ на передовую линію, но при этомъ (александровская станица) бросили женъ, дѣтей, имущество и отправились только съ оружіемъ. Это значитъ по обычаю заимствованному отъ горцевъ, они рѣшились быть *абреками*, т. е. разорвать связь съ прошлымъ, съ семействомъ, съ гражданствомъ и уйти въ горы разбойничать. Свидѣтели, рассказываютъ сцены, какъ вели за конвоемъ цѣлый полкъ сѣдыхъ усачей, снискавшихъ общее уваженіе своею незапятнаною военною славою; и какъ раставались съ ними жены и дѣти ими покинутые...

Чѣмъ же наконецъ окончится это преступное, это безобразное правительство, окруженное ворами, слѣбое, тупое, и которае даже печатнаго читать не умѣеть?

— *Падулъ!* — Комитетъ министровъ, рассмотрѣвъ мнѣніе Игнатьева, постановилъ слѣдующее: въ прошломъ году комитетъ министровъ отклонилъ ходатайство министра внутреннихъ дѣлъ о распространеніи на всѣ города — с. петербургскаго городского положенія, предоставивъ министру, если опытъ укажетъ пользу этого положенія въ Одессѣ и Москвѣ, войти съ своимъ мнѣніемъ въ государственный совѣтъ въ законодательномъ порядкѣ. По этому, впредь до рассмотрѣнія этого вопроса въ государственномъ совѣтѣ, комитетъ считаетъ преждевременнымъ разрѣшить мнѣніе Игнатьева.

Государь согласился съ этимъ положеніемъ комитета, но вмѣстѣ съ тѣмъ, присовокупилъ: “не могу не согласиться съ мнѣніемъ Игнатьева касательно многочисленности числа гласныхъ въ думѣ.” Другими словами: “совершенно дескать согласенъ, что мнѣніе Игнатьева не слѣдуетъ рѣшать теперь, но не могу не рѣшить его напередъ. А вы все таки разсматривайте сколько угодно!”

— *Прогрессъ цензуры.* — Изъ главнаго правленія цензуры выпло на дняхъ предписаніе, запрещающее опубликовывать дѣла въ родѣ Вергейма съ собственными именами! За то *Потаповъ*, московскій оберъ-полицмейстеръ и другъ двухъ нашихъ корреспондентовъ, томимъ любопытствомъ и требуетъ чтобы по первому его слову, выдавали *ему* имена авторовъ, которые пишутъ ту или другую статью подъ псевдонимами или безъ подписей. Мягкій сердцемъ и жесткій противу уни, Щербининъ, какъ и слѣдуетъ, выдаетъ ему всѣхъ.

— *А по справкѣ оказалось*, дикій любитель просвѣщенія и харьковской губерніи Меценатъ, запретившій учителю курить папироску въ своемъ присутствіи (*Кол. л. 91*), не хлысть, не малаканъ, вообще не раскольникъ, *а съотлѣптый князь А. Салтыковъ*, — какой милой!

— ; Правда ли, что есть между студентами петербургскаго университета, молодые люди подозрѣваемые въ связяхъ съ III Отдѣленіемъ? Если правда, что же ихъ терпятъ студенты, — пусть они ихъ или оправдаютъ или обличатъ, и въ послѣднемъ случаѣ, пусть ихъ вытѣснятъ, покроютъ позоромъ, пусть пришлютъ намъ имена ихъ.

— *Откупщики гверііасы.* — Изъ Харькова пишетъ г. Сысоевъ въ *Сверной Цели* о разбояхъ вооруженной рукой, которые дѣлаютъ шайки вооруженныхъ разбойниковъ.

— *Дѣти, зарызенныя крысами.* — Мы много разъ получали письма на счетъ сквернаго содержанія воспитанниковъ въ мужскихъ и женскихъ институтахъ, особенно въ московскихъ. Мы даже и не дивились этому; это такъ и должно быть тамъ, гдѣ нѣтъ гласности, а казнокрадовъ очень много, гдѣ начальники не умѣютъ въ самомъ дѣлѣ пробовать пишу дѣтей, а доктора слишкомъ привыкли къ анатомическому театру, чтобъ придирается къ гнилому мясу и, изъ за такой бездѣлицы, огорчать директора и добраго мясника; все это такъ обыкновенно, такъ должно быть, что мы и не печатали о негодныхъ сѣстныхъ припасахъ. Но на дняхъ мы получили письмо, что иногда самыя дѣти превращаются въ сѣстные припасы и мы требуемъ во имя всего человѣческаго и честнаго, чтобъ намъ написали правда ли это? Не можетъ же быть, чтобъ кто нибудь— ну хоть Аркадій Алексѣевичъ Альфонскій, упорный и хроническій ректоръ московскаго университета—не слышалъ объ этомъ. Выписываемъ изъ письма:

“Одна кормилица кормить двухъ дѣтей, а смотрительницы и блюстители порядка получаютъ жалованье на двухъ кормилицъ. Иногда поять дѣтей посредствомъ рожковъ; но это все грязно, тухло, молоко кисло и дѣти умираютъ; пеленки мокры—столько бѣлья не дается чтобы сухо содержать, а въ зиму 1858 столько было крысъ въ комнатахъ, гдѣ эти бѣдныя дѣти, что у двоихъ изъ нихъ крысы прогрызли лобъ и носы и бѣдные малютки умерли. Тутъ же въ воспитательномъ домѣ есть и родильно-вспомогательное заведеніе, больница, гдѣ десятками во всякую пору дня и ночи, рождаются дѣти. И что-же?—въ домѣ нѣтъ живущаго акушера, для него нѣтъ квартиры, а живутъ тутъ эконокъ, его помощникъ, писаря, богъ въсь кто—а акушера нѣтъ. Въ дѣтской больницѣ напр., на тверской улицѣ, дѣти мрутъ ужасно, тамъ въ одну ванну сажаютъ, въ одну воду, дѣтей съ разными болѣзнями; чесотка, послѣ сыпь разная, сухотка—безъ разбора, и дѣти заражаются другъ отъ друга; ночью темнота, не освѣшено, одна лампа на нѣсколько огромныхъ комнатъ, и малютки страдаютъ въ темнотѣ. Вдовы сердобольныя не смѣютъ ничего сказать, а то выговоръ получаютъ; во всѣхъ больницахъ воздухъ дурной, злоупотребленія, дурная пища.”

— ; Что дѣлается съ профессоромъ *Щаповымъ*? Гдѣ его судятъ? Въ чемъ обвиняютъ? Говорятъ онъ въ третьемъ отдѣленіи.—Каково-то тамъ послѣ Тимашева?

— *Графъ Апраксинъ*, получилъ за избіеніе безоружныхъ, Владиміра 3^й степени—и обидѣлся, онъ ждалъ Георгія! Экой неблагодарный Александръ Николаевичъ—право, человѣкъ двѣсти положилъ русскихъ нашихъ, и только 3^й степени Владиміра!

— *Въ Безднѣ нѣтъ конца.*—Послѣ избіенія крестьянъ Апраксинымъ и убіенія Антопа Петрова, въ Безднѣ и окрестныхъ деревняхъ разставлены нѣсколько баталіоновъ солдатъ самымъ раззорительнымъ для крестьянъ образомъ. Сверхъ того еще какая-то коммиссія продолжаетъ разбирать сущность дѣла. То-то чай мужики молятся за благодушнаго царя, пославшаго имъ, вмѣсто воли, непонятныя положенія, смерть и раззореніе!

Инквизиторъ В. Аскочинскій и его жертва.

“2го Марта 1861 г. отправился изъ Петербурга, въ заточеніе навсегда, въ Никитинскій монастырь (въ Переяславлѣ Залѣскомъ владимірской губерніи) авторъ недавно отпечатанныхъ книгъ: а) *Объ отношеніи православія къ современности* и б) *3-хъ писемъ къ Гоголю*, писанныхъ имъ въ 1848 г. Книги эти, въ которыхъ почти впервые въ Россіи выступила богословская мысль на поприще свѣтской литературы, были причиною того, что св. синодъ (?) сочелъ нужнымъ сослать автора ихъ архимандрита Θεодора, бывшаго бакалавромъ московской академіи, потомъ инспекторомъ казанской академіи и наконецъ членомъ цензурнаго комитета, въ заточеніе...

Г. Аскочинскій, получающій отъ митрополита Исидора нѣсколько тысячъ на поддержаніе своего пошлаго журнала, былъ одною изъ главныхъ причинъ политической смерти арх. Θεодора, разтолковавъ преосв. Исидору, что авторъ—архимандритъ, явившійся въ свѣтской литературѣ съ своими сочиненіями, есть лице неправославное, унижающее свой санъ похвалами и сочувствіемъ къ свѣтской литературѣ и т. п...

Вотъ какія вещи производитъ, *записавшійся въ святыя*, Аскочинскій....

И такъ человѣкъ съ сильною душою, бывшій едва ли не единую опору для студентовъ казанской духовной академіи, желавшихъ развиваться, осужденъ жить до гроба среди необразованныхъ монаховъ, подъ началомъ какого нибудь настоятеля—сомнительнаго образованія и добродѣтелей!!...”

Однако пора перестать смѣяться надъ этимъ клоповникомъ православія и надъ его редакторомъ; это наконецъ не смѣшно, а отвратительно.

— *Отъ Издателей.* Мы получали благородное, прекрасное письмо о Польскихъ дѣлахъ, писанное *русскимъ офицеромъ*. Мы помѣстимъ его въ предстоящемъ выпускѣ *Полярной Звѣзды*.

— *VII книжка Полярной Звѣзды.* — На дняхъ начнется печатаніе перваго выпуска *Полярной Звѣзды*, въ немъ будутъ помѣщены: Отрывки изъ записокъ Якушкина, изъ *Былаго и Думъ* (кругъ Станкевича).

Полярная Звѣзда будетъ выходить *четырьмя или больше выпусками*, въ неопредѣленное время, но такъ чтобъ послѣдній вышелъ въ Мартъ 1862.

— *Былое и Думы* Искандера. Въ началѣ Іюля поступить въ продажу первая часть (1812—1838) *Былаго и Думъ* съ дополненіями и поправками.

продается:

ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860) Часть II. Н. Огарева. *Фантазія Освобожденія* (emancipation-fantasia), князя Юрія Голицина, для фортепьяно и оркестра.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

ЧТО НУЖНО НАРОДУ?

(КОЛОКОЛЬ ЛИСТЪ 102.)

Очень просто, народу нужна земля да воля.

Безъ земли народу жить не лъзя, да безъ земли не лъзя его и оставить, потому что она его собственная, кровная. *Земля никому другому не принадлежитъ какъ народу.* Кто занялъ землю, которую зовутъ Россіей? кто ее воздѣлалъ, кто ее съ поконъ вѣковъ отвоёвывалъ, да отстаивалъ противъ всякихъ враговъ? Народъ, никто другой какъ народъ. Сколько погибло народа на войнахъ того и не перечесть! Въ одни послѣднія пятьдесятъ лѣтъ куда болѣе милліона крестьянъ погибло, лишъ бы отстоять народную землю. Приходилъ въ 1812 году Наполеонъ, его выгнали, да вѣдь не даромъ: слишкомъ восемь сотъ тысячъ своего народа уложили. Приходили вотъ теперь въ Крымъ англо-французы; и тутъ слишкомъ пятьдесятъ тысячъ людей было убито или умерло отъ ранъ. А кромѣ этихъ двухъ большихъ войнъ, сколько въ эти же пятьдесятъ лѣтъ уложили народа въ другихъ малыхъ войнахъ? Для чего же все это? Сами цари твердили народу: “для того, *чтобы отстоять свою землю.*” Не отстаивай народъ русской земли, не было бы и русскаго царства, не было бы и царей и помѣщиковъ.

И всегда такъ бывало. Какъ придетъ къ намъ какойнибудь педругъ, такъ народу и кричатъ: давай солдатъ, давай денегъ, вооружайся, отстаивай родную землю! Народъ и отстаивалъ. А теперь и царь и помѣщики будто забыли, что народъ тысячу лѣтъ лилъ потъ и кровь, чтобы выработать и отстоять свою землю, и говорятъ народу: “покупай мошь еще эту землю, за деньги.” Нѣтъ! это ужъ искаріотство. Коли торговать землей, такъ торговать ею тому, кто ее добылъ. И если цари и помѣщики не хотятъ за одно, нераздѣльно съ народомъ владѣть землей, такъ пусть же *они* покупаютъ землю, а не народъ, ибо земля не ихняя, а народная, и пришла она народу не отъ царей и помѣщиковъ, а отъ дѣдовъ, которые заселили ее во времена, когда о помѣщикахъ и царяхъ еще и помину не было.

Народъ, съ поконъ вѣковъ, *на самомъ дѣлѣ* владѣлъ землей, *на самомъ дѣлѣ* лилъ за землю потъ и кровь, а приказные *на бумагахъ чернилами* отписывали эту землю помѣщикамъ да къ царскую казну. вмѣстѣ съ землей и самый народъ забрали въ неволю, и хотѣли увѣрить, что это и есть законъ, это и есть божеская правда. Однако никого не увѣрили. Плетями

народъ сѣкли, пулями стрѣляли, въ каторгу ссылали, чтобы народъ повиновался приказному закону. Народъ замолчалъ, а все не повѣрилъ. И изъ неправого дѣла все-же не вышло дѣла праваго. Притѣсненіями только народъ и государство раззорили.

Увидѣли теперь сами, что по прежнему жить не лъзя. Задумали исправить дѣло. Четыре года писали да переписывали свои бумаги. Наконецъ рѣшили дѣло и объявили народу свободу. Послали повсюду генераловъ и чиновниковъ читать манифестъ и служить по церквамъ молебны. Молись мошь богу за царя, да за волю, да за свое будущее счастье.

Народъ повѣрилъ, обрадовался и сталъ молиться.

Однако какъ зачали генералы да чиновники толковать народу *Положенія*, оказывается, что воля дана только на словахъ, а не на дѣлѣ. Что въ новыхъ положеніяхъ прежніе приказные законы только на другой бумагѣ, другими словами переписаны. И барщину и оброки отбывай помѣщику по прежнему, хочешь получить свою избу и землю, выкупай ихъ на свои собственныя деньги. Выдумали переходное состояніе. Не то на два года, не то на шесть, не то на девять лѣтъ опредѣлили для народа новое крѣпостное состояніе, гдѣ помѣщикъ будетъ сѣчь черезъ начальство, гдѣ судъ будетъ творить начальство, гдѣ все перепутано такъ, что еслибъ въ этихъ царскихъ положеніяхъ и нашлась какаянибудь льготная крупица для народа, то ею и воспользоваться не лъзя. И государственнымъ крестьянамъ по прежнему ихъ горькую судьбу оставили, и землей и народомъ оставили владѣть все тѣхъ же чиновниковъ, а хочешь на волю такъ выкупай свою землю. Слушаетъ народъ, что ему толкуютъ генералы и чиновники про волю, и понять не можетъ — какая это воля безъ земли подъ помѣщичьими и чиновничьими розгами. Вѣрить не хочетъ народъ, чтобы его такъ безчестно обманули. Быть, говорить, не можетъ, чтобы царь своимъ словомъ четыре года ласкалъ васъ свободой, а теперь на дѣлѣ, подарилъ бы прежней барщиной и оброкомъ, прежними розгами и побоями.

Хорошо кто не повѣрилъ, да смолчалъ; а кто не повѣрилъ, да сталъ тужить по несбывшейся волѣ, тѣхъ пришли вразумлять плетями, штыками да пулями. И полилась по Руси

безвинная кровь. Въмѣсто молитвъ за царя, раздались стоны мучениковъ, падающихъ подъ плетями и пулями, да изнемогающихъ подъ желѣзами по сибирской дорогѣ.

Такъ то опять плетями да каторгой хотятъ заставить народъ върять, что новый приказный законъ есть божеская правда.

Да еще глумятся царь да вельможи, говорятъ, что черезъ два года будетъ воля. Откуда же она будетъ воля то? Землю урѣжутъ, да за урѣзанную заставятъ платить въ три-дорого, да отдадутъ народъ подъ власть чиновниковъ, чтобъ и сверхъ этихъ тройныхъ денегъ еще втрое грабежемъ выжимали; и чуть кто не дастъ себя грабить, такъ опять плети да каторга. Ничего они, не то что черезъ два года—а *никогда* для народа не сдѣлаютъ, потому что ихъ выгода рабство народное, а не свобода.

И откуда это народу такая бѣда, что живетъ онъ, живетъ, работаетъ, работаетъ, а до правды дожить не можетъ и вѣчно народомъ торгуютъ?

Какъ откуда? Ради чего Иуда Христа продалъ? Ради алчности. Таже алчность заставлетъ и царей, и помѣщиковъ, и чиновниковъ торговать народной землей, народной кровью и обманывать народъ. Чтобы имъ была во всемъ излишняя роскошь, народъ живи въ бѣдности, неволѣ, невѣжествѣ.

Землю отъ народа отписали за себя. Все что народъ выработаетъ—подавай ко двору, да въ казну, да дворянамъ; а самъ вѣчно сиди въ гнилой рубахѣ, да въ дырявыхъ лаптяхъ.

Свободу отняли. Шагу не смѣй сдѣлать безъ чиновничьяго позволенья, безъ паспорта или билета, и за все плати.

Ничему народъ не учили. Деньги, что собираютъ на народное ученье, соряютъ на царскія конюшни и псарни, на чиновниковъ и ненужное войско, которое стрѣляло бы по народу.

Понимаютъ сами, что такъ быть не лзя, что съ такимъ искаріотствомъ и народъ сгубишь, и царство сгубишь и самихъ себя ни причемъ оставишь. Сами сознаются передъ народомъ, что надо дать ему поправиться; а какъ до дѣла дойдетъ, алчности то своей преодолѣть не могутъ. Жалко царю своихъ безсчетныхъ дворцовъ съ тысячами лакеевъ и араповъ, жалко царцѣ своихъ парчей и брилліантовъ. Еще не сумѣли они полюбить народа болѣе чѣмъ своихъ охотничьихъ собакъ, чѣмъ золотую посуду, чѣмъ пиры и забавы. Вотъ и не могутъ они отрѣшиться и унять своихъ вельможъ и чиновниковъ, которые помогаютъ имъ собирать съ народа милліоны рублей, да и сами на себя тянутъ столько же. Не могутъ побѣдить своей алчности, вотъ и двоедушничаютъ. И нишетъ царь такіе манифесты, которыхъ народъ въ толкъ взять не можетъ. На словахъ будто добръ и говоритъ съ народомъ по совѣсти; а какъ слова на дѣлѣ исполнять приходится, держится съ вельможами все той же алчностью. На словахъ отъ царской доброты народу радость и веселье, а на дѣлѣ, все прежнее горе да слезы. На словахъ народу отъ цари воля, а на дѣлѣ, за эту же волю, царскіе генералы сѣкутъ народъ да въ Сибирь ссылаютъ, да разстрѣливаютъ.

Нѣтъ! двоедушничать съ народомъ и обманывать его—безчестно и преступно. Торговать землей и волей народа, це то ли же, что Иудѣ торговать Христомъ? Нѣтъ, дѣло народа должно быть рѣшено безъ торга, по совѣсти и правдѣ. Рѣшеніе должно быть простое, откровенное, всякому понятное; чтобы словъ рѣшенія, разъ произнесенныхъ, ни царь, ни помѣ-

щики съ чиновниками перетолковывать не могли. Чтобы ради глупыхъ, безтолковыхъ, измѣническихъ словъ не лилось неповинной крови.

Что нужно народу?

Земля, воля, образованіе.

Чтобы народъ получилъ ихъ на самомъ дѣлѣ необходимо:

1) Объявить, что всѣ крестьяне свободны съ той землей, которою теперь владѣютъ. У кого нѣтъ земли, на примѣръ у дворовыхъ и нѣкоторыхъ заводскихъ, тѣмъ дать участки изъ земель государственныхъ, то есть народныхъ, нѣкъмъ еще не занятыхъ. У кого изъ помѣщичьихъ крестьянъ земли не въ достачу, тѣмъ прирѣзать земли отъ помѣщиковъ, или дать земли на выселокъ. Такъ чтобы ни одинъ крестьянинъ безъ достаточнаго количества земли не остался. Землей владѣтъ крестьянамъ сообща, т. е. общинами. А когда въ какой общинѣ народится слишкомъ много народу, такъ что тѣсно станетъ, дать той общинѣ для крестьянъ сколько нужно земли на выселокъ изъ пустопорожныхъ удобныхъ земель. Въ тысячу лѣтъ русскій народъ заселилъ и завоевалъ земли столько, что ему ее на многие вѣка хватить. Знай плодись, а въ землѣ отказа быть не можетъ.

2) Какъ весь народъ будетъ владѣтъ общей народной землей, такъ значить весь народъ за пользованіе этой землей будетъ платить и подати на общія народныя нужды, въ общую государственную (народную) казну. Для сего освобожденныхъ съ землей крестьянъ обложить такою-же податью, какую нынѣ платятъ государственные крестьяне, но не болѣе. Подати тѣ взосить крестьянамъ сообща, за круговую порукою; чтобъ крестьяне каждой общины отвѣчали другъ за друга.

3) Хотя помѣщики триста лѣтъ и владѣли неправо землей, однако народъ ихъ обижать не хочетъ. Пусть имъ казначейство выдаетъ ежегодно, въ пособіе или вознагражденіе, сколько нужно, примѣрно хотъ шестьдесятъ милліоновъ въ годъ,* изъ общихъ государственныхъ податей. Лишь бы народу осталась вся земля, которую онъ теперь на себя пашетъ, на которой живетъ, съ которой кормится и отапливается, съ которой скотъ свой кормитъ и поитъ, да лишь бы подати ни въ какомъ случаѣ не повышали, а то народъ на отсчитываніе вознагражденія помѣщикамъ изъ податей согласенъ. А сколько кому изъ отсчитываемыхъ на это изъ податей денегъ приходится, помѣщики сами промежъ себя по губерніямъ согласиться могутъ. Народу это все равно, лишь бы подать не повышали. Помѣщичьихъ крестьянъ по послѣдней ревизіи считается всего 11,024,108 душъ. Если ихъ обложить одинаковою податью съ государственными крестьянами, т. е. рублей по семи съ души въ годъ, то отсчитавъ, изъ этихъ семи рублей, около 1 руб. 60 коп. серебромъ,

* Если принять 60 милліоновъ за проценты съ капитала, по 6 на сто, то капитала выйдетъ тысячу милліоновъ. Если ежегодно отсчитывать изъ числа податей въ пользу помѣщиковъ 60 милліоновъ, такъ чтобъ шестой процентъ шелъ на уплату капитала, то черезъ 37 лѣтъ всѣ тысячу милліоновъ будутъ выплачены и съ процентами по 5 на сто—и слѣдственно помѣщикамъ вознагражденъ какъ нельзя лучше, съ лихвою. Помѣщикамъ выдать теперь вмѣсто капитала билеты, на которыхъ прописано сколько кому слѣдуетъ получать въ тридцатисемилѣтній срокъ; они эти билеты могутъ сей часъ, кто хочетъ, продавать и имѣть деньги на новыя обзаведенія и наемъ рабочихъ; тогда проценты по билетамъ, какъ теперь изъ ломбарда, будутъ получать изъ казначейства кто ихъ купилъ, у кого они въ рукахъ. А это народу все равно, лишь бы податей не повышали; а черезъ 37 лѣтъ нечего будетъ изъ податей отсчитывать на уплату по билетамъ, все будетъ выплачено; надо будетъ подати или повиантъ или употреблять на общее народу полезное дѣло.

которые помещичьи крестьяне нынѣ платятъ въ казну (подушными и разными повинностями) останется за тѣмъ съ каждой души около 5 рублей 40 коп. сер., а отъ всѣхъ помещичьихъ крестьянъ въ Россіи, около шестидесяти милліоновъ рублей серебромъ. Значитъ есть чѣмъ пособить и вознаградить помещиковъ; больше этого имъ и желать стыдно, и давать не слѣдуетъ.

4) Если при такой подати, до полныхъ 60 милліоновъ, слѣдующихъ помещикамъ чего и не хватитъ, то для покрытія недостатка, все таки никакихъ лишнихъ податей требовать не надо. А слѣдуетъ убавить расходъ на войско. Русской народъ живетъ въ миру со всѣми сосѣдями и хочетъ жить съ ними въ миру; стало ему огромнаго войска, которымъ только царь тѣшится, да по мужикамъ стрѣляетъ, не надо. А потому войско слѣдуетъ сократить на половину. Теперь на войско и на флотъ тратится сто двадцать милліоновъ, а все безъ толку. Съ народа собираютъ на войско денегъ кучу, а до солдата мало доходить. Изъ ста двадцати милліоновъ, сорокъ милліоновъ идетъ на однихъ только военныхъ чиновниковъ, (на военное управленіе), которые еще кромѣ того сами знатно казну разворовываютъ. Какъ сократить войско на половину, да въ особенности сократить военныхъ чиновниковъ, такъ и солдатамъ будетъ лучше, да и излишекъ отъ расходовъ на войско большой останется, милліоновъ въ сорокъ серебромъ. Съ такимъ излишкомъ, какъ бы ни было велико вознагражденіе помещикамъ, а уплатить будетъ чѣмъ. Податей не прибавится, а распредѣлятся онѣ разумнѣе. Тѣже деньги, которыя народъ теперь платитъ на лишнее войско, чтобъ царь тѣмъ войскомъ по народу стрѣлялъ, пойдутъ не въ смерть, а въ жизнь народу, чтобъ выйти народу спокойно на волю съ своею землею.

5) И собственныя расходы царскаго правительства надо сократить. вмѣсто того, чтобъ строить царю конюшни да псарни, лучше строить хорошія дороги, да ремесленныя, земледѣльческія и всякія пригодныя народу школы и заведенія. При томъ само собой разумѣется, что царю и семьѣ царской нечего напрасно присвоивать себѣ удѣльныхъ и заводскихъ крестьянъ и доходы съ нихъ; надо чтобъ крестьянство было одно и платило бы одинаковую подать, а изъ подати и будутъ отсчитывать сколько царю за управленіе положить можно.

6) Избавить народъ отъ чиновниковъ. Для этого надо, чтобъ крестьяне, и въ общинахъ и въ волостяхъ, управлялись бы сами, своими выборными. Сельскихъ и волостныхъ старшинъ опредѣляли бы своимъ выборомъ и отрѣшали бы своимъ судомъ. Между собой судились бы своимъ третейскимъ судомъ или на міру. Сельскую и волостную полицію справляли бы сами своими выборными людьми. И чтобъ во все это, равно какъ и въ то, кто какую работою или торговлей и промысломъ занимается, отнынѣ ни одинъ помещикъ или чиновникъ не вмѣшивался бы, лишь бы крестьяне во время вносили свою подать. А за это, какъ сказано, отвѣчаетъ круговая порука. Для легкости же круговой поруки, крестьяне каждой общины промѣж себя сдѣлаютъ складчину, то есть составлять мірскіе капиталы. Случится ли съ кѣмъ бѣда, міръ ссудитъ его изъ этого капитала и не дастъ погибнуть; запоздалъ ли кто податью—міръ внесетъ за него подать въ срокъ, дастъ ему время поправиться. Попадобилось ли для всей общины построить мельницу, или магазинъ, или купить

машину, общественный капиталъ поможетъ имъ сладить общепольное дѣло. Общественный капиталъ и хозяйству сельскому поможетъ, да и отъ чиновниковъ спасетъ, такъ какъ при исправномъ платежѣ податей ни одинъ чиновникъ никого и притѣснить не можетъ. Тутъ то и важно, чтобъ всѣ стояли за одного. Дашь одного въ обиду—всѣхъ обидятъ. Само собой разумѣется не надо, чтобъ до этого капитала чиновникъ пальцемъ дотронулся; а тѣ, которымъ міръ его поручитъ, тѣ въ немъ отчетъ міру и дадутъ.

7) А для того чтобъ народъ, получивъ землю и волю, сохранилъ бы ихъ на вѣчныя времена; для того, чтобы царь не облагалъ произвольно народъ тяжкими податями и повинностями, не держалъ бы на народныя деньги лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ, которые давили бы народъ; для того, чтобы царь не могъ прокучивать народныя деньги на пиры, а расходовалъ бы ихъ по совѣсти на народныя нужды и образованіе — надо, чтобъ подати и повинности опредѣлялъ бы и раскладывалъ промѣж себя самъ народъ черезъ своихъ выборныхъ. Въ каждой волости, выборные отъ сель рѣшатъ промѣж себя сколько надо собрать съ своего народа денегъ на общія нужды волости, и выберутъ промѣж себя довѣреннаго человѣка, котораго пошлютъ въ уѣздъ, чтобъ вмѣстѣ съ выборными отъ другихъ волостей, и землевладѣльцевъ, и городскихъ обывателей, рѣшить какія нужны подати и повинности по уѣзду. Эти выборные, на уѣздномъ сходѣ, выберутъ промѣж себя довѣренныхъ людей и пошлютъ ихъ въ губернскій городъ, чтобы рѣшить какія пароду принять повинности по губерніи. Наконецъ выборные отъ губерній съѣдутся въ столицу къ царю и порѣшатъ какія повинности и подати должны быть отбываемы народомъ для нуждъ государственныхъ, т. е. общихъ для всего русскаго народа.

Довѣренные отъ народа люди не дадутъ народа въ обиду, не позволятъ брать съ парода лишнихъ денегъ; а безъ лишнихъ денегъ не изъ чего будетъ содержать и лишняго войска и лишнихъ чиновниковъ. Народъ, значитъ, будетъ жить счастливо, безъ притѣсненій.

Довѣренные люди рѣшатъ сколько податей платить пароду и какъ платить ихъ, чтобы никому не было обидно. Какъ соберутся выборные да столкуются, имъ ужъ можно будетъ порѣшить, чтобы подать платилась не съ души, а съ земли. У какой общины земли болѣе, да земля по лучше, той значить, и платить податей придется болѣе; а кто землей бѣднѣе—тѣ и платить будутъ менѣе. Тутъ и помещики съ своей земли платить будутъ. Значитъ дѣло будетъ справедливѣе и для парода льготнѣе. Довѣренные же рѣшатъ какъ по справедливости отбывать рекрутскую повинность; какъ по справедливости отбывать дорожную, постоянную и подводную повинности; оцѣнять ихъ деньгами и разложить по всему народу безобидно. Разочтутъ всякую народную копѣйку на какое именно дѣло ей идти: сколько денегъ на правительство, сколько на войско, сколько на суды, сколько на училища народныя, сколько на дороги. И что рѣшатъ, то только и будетъ. Какъ пройдетъ годъ, такъ въ каждой копѣйкѣ подай отчетъ народу—куда она истрачена.

Вотъ тогда народъ и будетъ въ самомъ дѣлѣ благоденствовать. Вотъ что нужно народу, безъ чего онъ жить не можетъ.

Да кто же будетъ ему такимъ другомъ, что доставитъ ему все это?

До сихъ поръ народъ вѣровалъ, что такимъ другомъ ему будетъ нынѣшній царь. Что не въ примѣръ прежнихъ царей, которые отписали землю отъ народа и отдали его въ неволю вельможамъ, помѣщикамъ и чиповникамъ, новый царь осчастливить народъ. Только какъ пришли генералы съ солдатами разстрѣливать народъ за волю и сѣчь шпицрутенами, такъ пришлось и про новаго царя сказать тоже, что пророкъ Самуилъ говорилъ народу израильскому, когда совѣтывалъ ему обойтись безъ царя: “И поставитъ (царь) тебѣ сотники и тысящники; и дщери ваши возьметъ въ муроварницы и поварницы; и селы ваши и винограды ваши и маслична ваша драгя возьметъ и отдастъ рабомъ своимъ; и сѣмена ваша и винограды ваша одесятствуетъ; и стада ваша благая возьметъ и одесятствуетъ на дѣла своя; и пажити ваша одесятствуетъ и вы будете ему рабы.”* Иными словами: не жди отъ царя никакого добра, а только одного зла, такъ какъ по алчности своей цари и волю и достатокъ народа обираютъ неминуемо. И нашъ царь, что приказываетъ стрѣлять по народу, оказывается, значить, царемъ самуиловскимъ. Того и смотри, что онъ не другъ, а первый врагъ народа. Говорятъ, что онъ добрый: да что же бы онъ могъ хуже тепершняго сдѣлать, когда бъ онъ былъ злой? Пусть же народъ подождетъ молиться за него, а своимъ чутьемъ да здравымъ смысломъ, поищетъ себѣ друзей понадежнѣе, друзей настоящихъ, людей преданныхъ.

* 1 кн. Царствъ гл. VIII.

Пуще всего надо народу сближаться съ войскомъ. И отецъ ли, мать ли снаряжаетъ сына въ рекруты—не забывай народной воли, бери съ сына клятву, что по народу стрѣлять не будетъ, не будетъ убійцей отцовъ, матерей и сестеръ кровныхъ, кто бы ни далъ приказъ стрѣлять, хотя бы самъ царь, потому что такой приказъ, хотя бы и царскій, все же приказъ окаянный. За тѣмъ ищи себѣ друзей и по выше.

Когда найдется офицеръ, который научитъ солдатъ, что стрѣлять по народу грѣхъ смертный—знай народъ, что это другъ его, который стоитъ за землю мѣрскую да за волю народную.

Найдется ли помѣщикъ, который тотчасъ отпуститъ крестьянъ на волю со всею ихъ землю, самымъ льготнымъ способомъ и ни въ чемъ не обидитъ, а во всемъ поможетъ; найдется ли купецъ, который не пожалѣетъ своихъ рублей на освобожденіе; пайдется ли такой человекъ, у котораго ни крестьянъ, ни рублей нѣтъ, но который всю жизнь и думалъ и учился, и писалъ и печаталъ только для того, какъ бы лучше устроить землю мѣрскую да волю народную: знай народъ—это все друзья его.

Шумѣть безъ толку и лѣзть подъ пулю въ разбивку нечего; а надо, молча, собираться съ силами, искать людей преданныхъ, которые помогали бы и совѣтомъ и руководствомъ, и словомъ и дѣломъ, и казней и жизней, чтобъ можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять, противъ царя и вельможъ, землю мѣрскую, волю народную, да правду человѣческую.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — 5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 103.

15 Іюля 1861.

У Триюбера & Со., въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Польша и Россія—Новое крѣпостное право—Депеши Древякина. СМѢСЬ: АРХІЕРЕЙСКІЕ СЛУГИ—Изъ Орла—

А. В. Поджіо и его племянники—Міровые посредники—Крестный ходъ—Книга К. С. Аксакова—Истязанія за барщину и пр.

ПОЛЬСКІЙ АДРЕСЪ.

Четвертаго Іюля, нѣсколько польскихъ изгнанниковъ пришли ко мнѣ отъ имени своихъ товарищей, живущихъ во Франціи, чтобъ братски пожать руку и въ моемъ лицѣ, сказать спасибо русскимъ, раздѣляющимъ наше мнѣніе о *правотѣ* польскаго дѣла. Они вручили мнѣ адресъ, подписанный *четырьмястами тридцатью шестью* польскими изгнанниками, живущими въ Парижѣ, съ приложеніемъ писемъ изъ департаментовъ, съ *тридцатью пятью* подписями.*

Этотъ актъ высокаго, братскаго призванія нашего сочувствія со стороны польскихъ изгнанниковъ, я—случайный представитель мнѣнія цѣлаго круга нашихъ друзей въ Россіи—принялъ съ умиленіемъ и благодарностью. Онъ принадлежитъ не мнѣ, а всѣмъ единомышленникамъ нашимъ. Себѣ оставляю я только письменный документъ, и завѣщаю его, какъ сказалъ депутацин, моимъ дѣтямъ—это будетъ ихъ маіоратъ ссылки.

Искандеръ.

Парижъ, 5 Іюля 1861.

РУССКІЯ ЖЕНЩИНЫ—ЖЕНЩИНАМЪ ПОЛЬСКИМЪ.

Какая то непреклонная Немезида, или вознаграждающая и карающая Иронія, постоянно выводитъ изъ историческихъ злодѣйствъ, совершаемыхъ безсмысленными и отсталыми правительствами, результаты совершенно противоположные тѣмъ, которыхъ они ожидаютъ.

Въ Варшавѣ лилась кровь безоружная; молитва, гимнъ, одежда сѣтованія и одежда народнаго воспоминанія—были гонимы онѣмеченными ордынами съ рабскимъ усердіемъ; ложныя, лицемѣрныя уступки еще разъ засвидѣтельствовали передъ міромъ, что пераскайный Петербургъ не признаетъ никакихъ правъ за Польшей.

И тотчасъ большая часть мыслящей Россіи признала *правоту польскаго дѣла* и наперерывъ стремится заявить свое сочувствіе народу польскому; въ то самое время, когда поляки, съ большимъ довѣріемъ, чѣмъ когда нибудь, протягиваютъ руку намъ, русскимъ, разрывающимъ всякую солидарность съ царскими опрнчниками и писарями. Удалось, нечего сказать!

* Вчера получилъ еще адресъ отъ поляковъ изъ Аляира съ 46 подписями.

Мы получаемъ письмо за письмомъ отъ русскихъ офицеровъ и литераторовъ, отъ друзей и незнакомыхъ, въ которыхъ намъ говорятъ о сочувствіи нашему взгляду на польскія дѣла. Наконецъ на дняхъ пришло превосходное письмо *отъ имени русскихъ женъ, матерей и сестеръ*. Онѣ пасъ избираютъ “посредниками между ними и польскими женщинами”. — “Скажите имъ, пишутъ онѣ, о нашихъ чувствахъ и убѣжденіяхъ, скажите имъ, что мы, также какъ и вы, желаемъ полной и безусловной свободы и независимости Польши. И пусть нашъ слабый голосъ сольется съ печальнымъ звономъ вашего *Колокола* и коснувшись сердца, совѣсти и сочувствія всѣхъ русскихъ женъ, матерей и сестеръ, дойдетъ и до Польши.”

Съ умиленіемъ, съ благодарностью принимаемъ мы эту святую миссію.

“Плачьте съ нами—говорятъ онѣ—и за насъ! Пускай вопль русскихъ женъ и матерей дойдетъ до женъ и матерей Польши. Скажите имъ, что мы хотѣли бы упасть на ихъ грудь и смѣшать наши слезы—но не тутъ наше мѣсто!... Мы на колѣняхъ умоляемъ ихъ простить нашихъ сыновей и братьевъ и пожалѣть насъ—мы несчастіе ихъ!

“Сердце обливается кровью, когда мы, бѣдныя русскія женщины, думаемъ о нашихъ сыновьяхъ, мужьяхъ и братьяхъ, находящихся въ Польшѣ, и *ждемъ, и боимся свиданія съ ними*. Какими они къ намъ возвратятся? спрашиваемъ мы себя, терзаясь заранѣе. Мы проводили ихъ чистыми, незапятнанными передъ людьми и богомъ—а встрѣтимъ... какъ мы ихъ встрѣтимъ? можетъ быть укоромъ, проклятіемъ... и *цѣлая бездна будетъ насъ раздѣлять другъ отъ друга!* О, братъ мой! и ты, сынъ мой, припади къ родной землѣ я послушай: въ степяхъ нашихъ *стонъ стоитъ!* дойдетъ ли онъ до тебя?...”

“Какая казнь, какія пытки могутъ сравниться съ нашей *блдою?* Несчастныя матери, для насъ существуетъ одно спасеніе и надежда, одно *страстное желаніе* — чтобы сыновья наши отказались повиноваться своему государю и предпочли бы смерть или ссылку въ Сибирь—братоубійству, стыду и безчестію!”

Къ этому воплю матери, жены, сестры, намъ не приходится ничего прибавлять.

Мы понимаемъ этотъ голосъ—онъ страшно знакомъ намъ!

Но пусть и русская женщина утѣшится: тотъ нравственный переворотъ, который онѣ ищутъ въ сыновьяхъ и братьяхъ, совершается, и если рядомъ съ Хрулевымъ становятся окривленные Апраксины и Дренякины, мрачные Каины самовластья и крѣпостнаго права—то есть и другіе офицеры, которыхъ слѣпое повиновеніе виситъ на ниткѣ.

Мы получили, послѣ первой варшавской бойни, статью, писанную однимъ русскимъ офицеромъ подъ заглавіемъ: *Еще кровь и слезы между Россіей и Польшей*. Статью эту, вполне оцѣненную нами, мы только не помѣстили потому, что къ намъ она пришла уже послѣ второй бойни и послѣ объявленія *Положеній*; въ ней, при всей ея силѣ, есть еще надежда на того человѣка, на котораго и мы надѣялись; есть еще желаніе простить ему многое, какъ и мы хотѣли простить. У насъ нѣтъ больше надеждъ, нѣтъ прощеній— пусть судьба этого человѣка совершается: онъ убилъ, какъ Макбетъ, нашъ сонъ!

Вотъ что пишетъ офицеръ:

... “Когда мы, принадлежащіе къ жалкому поколѣнію, взрослому въ душевой средѣ николаевскаго гнета, взирали на груды труповъ, которыми покрывались окрестности Севастополя; когда мы, среди этихъ певинныхъ жертвъ самодержавной необузданности, узнавали печально-задумчивый ликъ нашего брата, сына береговъ Вислы; когда среди нихъ мы находили другой, нашъ родной образъ—обитателя литовскихъ лѣсовъ, однообразно-грустныхъ, какъ самая жизнь его; тогда мы, наслушавшіеся на корнусной скамьѣ о добротѣ сердца и просвѣщенномъ умѣ тогдашняго нашего августѣйшаго начальника, теперь русскаго царя; тогда мы, полные негодованія и скорби о настоящемъ, переносили въ будущее свои надежды и утѣшенія. Мы думали, что этотъ царь, виявъ нуждамъ и требованіямъ своихъ народовъ, захочетъ и съумѣетъ мудрыми мѣрами соединить ихъ неразрывнымъ братствомъ, во имя общей свободы и общаго благосостоянія. Мы думали, что Александръ, невольный свидѣтель страданій и гибели своихъ подданныхъ, оцѣнитъ ихъ долготерпѣніе. Такъ думали не мы одни, а многіе: въ Россіи и Польшѣ восшествіе Александра привѣтствовало тысячи свѣтлыхъ упованій. Прошелъ разгромъ Севастополя; подъ его развалинами легло много русскихъ, легло не мало и поляковъ. Первые отстаивали свое и царское достоинство; а вторые, что?... силу гнетущаго ихъ деспота и враждебную имъ почву. Сколько польскихъ рукъ, закованныхъ въ кандалы, изныло въ арестантскихъ ротахъ, при сооруженіи тѣхъ доковъ, защита которыхъ теперь обогрѣлась кровью ихъ братьевъ!... Что если подобная мысль нарушила торжественный покой кончины котораго—либо изъ поляковъ, павшихъ въ рядахъ русскихъ въ стѣнахъ Севастополя? Какое жгучее чувство негодованія должно было потрясти его страдальческую душу; какія тяжкія проклятія должны были изторгнуться съ послѣднимъ вздохомъ изъ его замирающей груди! Но быть можетъ, обманутый, онъ думалъ въ наивномъ заблужденіи, что вѣрностью своимъ знаменамъ и собственнымъ закланіемъ спасаетъ свободу и цѣлость общей родины; быть можетъ онъ мечталъ запечатлѣть своею кровью будущій миръ и братство славянскихъ племенъ и быть можетъ его потухающимъ взорамъ являлся освобожденный образъ его

милый отчизны... Не знаемъ, какая могла быть послѣдняя мысль поляка, павшаго подъ ударами враговъ Россіи, и завѣщаль-ли онъ мести или любовь своимъ грядущимъ поколѣніямъ? Но Александръ долженъ былъ не разъ наткнуться на эти горькія размышленія; въ душѣ его они должны были пробудить чувство отвращенія къ тяжкимъ грѣхамъ своихъ предшественниковъ и теплую любовь къ несчастному народу. И мы думали, что Александръ поспѣшитъ примирить тѣни польскихъ мучениковъ съ грозною памятью его отца; мы думали, что онъ воскреситъ звѣрски добитую Николаемъ свободу польскаго народа; мы думали, что Александръ, восшедшій на русскій престолъ, созоветъ народный сеймъ въ Польшѣ и станетъ конституціоннымъ королемъ Польши, не одною русскою божію милостью, но и свободною волею польскаго народа. (*Pas de reveries!*) Но мало-ли чего мы ни думали, мало-ли чего мы ни ожидали отъ Александра!... Увы, мы слишкомъ довѣрчиво поддались своимъ ребяческимъ мечтамъ! Наши надежды..... Да что объ нихъ говорить; какое дѣло русскому царю до нашихъ *несвоевременныхъ упований*... Русскій царь ждалъ... ждалъ и дождался наконецъ гнуснаго побѣненія поляковъ русскими войсками...

“Александръ, помнится, сказалъ дворянству одной изъ великороссійскихъ губерній, по поводу освобожденія крестьянъ: “Дайте мнѣ возможность стоять за Васъ”.—“Дайте государь, скажемъ мы теперь ему, и намъ возможность *остаться съ Вами*.”

Честь и слава и русской матери и русскому офицеру!

РАЗБОРЪ НОВАГО КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

(Продолженіе.)

Народъ царемъ обманутъ!

Эта мысль выглядываетъ изъ всѣхъ “Положеній о крестьянахъ”. Она преслѣдуетъ насъ во всѣхъ газетахъ, гдѣ постоянно рассказываетъ о неповиновеніи крестьянъ, ожидавшихъ полной воли и не появившихъ устава о новомъ рабствѣ; рассказываетъ, со всевозможными смягченіями и утайками, о разстрѣливаніяхъ, шпицрутенахъ, или просто: о *наказаніяхъ*, гдѣ правительство неопредѣленностью слова хочетъ избѣгнуть признанія въ убійствахъ или палачествѣ.

Читая эту лѣтопись дурно прикрытаго военно-чиновничьяго злодѣйства, намъ приходитъ на умъ: неужели Александръ II когда остается одинъ, ну хотя бы воротясь съ медвѣжьей охоты, или послѣ путешествія съ императрицей по монастырямъ—неужели въ минуты уединенія и раздумья, онъ никогда не подумалъ, что онъ *убійца и палачъ*? И что тутъ нечего извиняться—я де не самъ, изъ собственнаго ружья, разстрѣливаю и не собственной высочайшей рукой порю?... Неужели, при этой мысли, онъ никогда внутренно не содрогнулся, особенно вспомнивъ, что виновата не жертва, а безтолковость царскихъ законовъ? Неужели у него никогда не навернулась горькая слеза и онъ не почувствовалъ къ себѣ глубочайшаго презрѣнія? Если мысль, что онъ палачъ и убійца—приходитъ ему въ голову и мучитъ его,—пожалуй въ немъ еще отыщется доблесть—просить у народа прощенья. Ну, а если она ему никогда не приходитъ въ голову?... Тогда онъ просто жалкой и ничтожной человѣкъ, который—по тупоумію и нераскаянности—можетъ тѣшиться казенной

благодарностью каких то шерметевских мужиковъ, въ то время, когда самъ льетъ неповинную кровь народа и награждаетъ крестами своихъ наемныхъ злодѣевъ.

Но возвратимся къ “Положеніямъ”.

Вопросъ : отдается-ли крестьянамъ ихъ земля—вовсе не рѣшенъ. Есть статьи, изъ которыхъ кажется, что правительство хлопочетъ какъ бы отдать землю крестьянамъ, и только, ради хитрой учтивости, прикрываетъ свою мысль словами, что земля вся помѣщичья; а изъ другихъ статей кажется, что правительство чувствуетъ, какъ по всему складу русской жизни, по всему смыслу русскаго ума, земля выходитъ — достояніе народное, но хлопочетъ изъ всѣхъ силъ, какъ бы отнять у народа землю и оставить ее за помѣщиками, а слѣдственно и за императорской семьей. Изъ противурѣчія двухъ направленій, правительство создало рядъ такихъ сбивчивыхъ отношеній, что ни помѣщики, ни крестьяне не будутъ въ состояніи одной минуты жить спокойно. Шатаясь въ угарѣ этого противурѣчія, правительство повѣрило въ собственное безсиліе и не только отдалило мысль о выкупѣ, но создало проэктъ, по которому выкупъ невозможенъ.

Мы стараемся доказать это самымъ краткимъ образомъ; мы боимся, чтобы нашъ разборъ не вышелъ слишкомъ длиненъ; мы боимся вдаваться въ подробности, лишнія въ самихъ положеніяхъ; это было бы бесполезно : сама жизнь покажетъ и уже показываетъ, что не только подробности, но и самыя разпорѣчающія основанія “Положеній”—неисполнимы; сама жизнь рушитъ ихъ, по мимо всякаго печатнаго разбора; сила обстоятельствъ невольно отталкиваетъ все для жизни невозможное.

Статьей Зем. общихъ Положеній, правительство признало земельную собственность за помѣщиками, а за крестьянами право постояннаго пользованія. Слѣдственно у помѣщиковъ есть собственность, которой они не могутъ свободно распоряжаться, потому что крестьяне имѣютъ право пользоваться этой собственностью. Слѣдственно эта земельная собственность у помѣщиковъ не есть собственность. Очевидно, что призываніе земли помѣщичьею—чистая ложь; изъ за нея выглядываетъ настоящее, коренное, правительствомъ со страху и по корысти утаенное основаніе русской жизни, что земля достояніе народное, общее.

Крестьяне имѣютъ право на постоянное пользованіе земель—по съ условіемъ—нести барщину или оброкъ (ст. 4 об. пол.). Слѣдственно, несогласный нести барщину или оброкъ не имѣетъ права на пользованіе землею; а такъ какъ барщина и оброкъ, налагаемая частнымъ лицомъ, сверхъ податей на общія народныя нужды, не могутъ небыть дѣломъ насилія и крѣпостнаго права, то народу остается только отказаться отъ земли чтобъ выйти изъ крѣпости, или оставаться въ крѣпости, чтобъ сохранить землю. А если крестьяне откажутся? Не лзя же всѣхъ разстрѣлять, придется дать земли, въ другихъ мѣстахъ; выводъ тотъ же : крестьяне безъ земли, въ Россіи, не мыслимы. Изъ этого опять выглядываетъ одно спасительное и неодолимое основаніе, что земля, которою народъ пользуется, общее народное достояніе и слѣдственно это пользованіе не подлежитъ условіямъ частнаго найма и закрѣпленія, а составляетъ народное право. Но какъ скоро правительство признаетъ не это право, а право пользованія будто бы *помѣщичьей землею*, то оно не можетъ не придти къ узаконенію только крѣпостнаго

состоянія; это право пользованія ничто иное, какъ тоже крѣпостное право.

Постаповивъ двѣ велѣности, которыя не только другъ другу, но каждая сама себѣ противорѣчатъ, правительство думало спастись, выпаливъ въ публику третьей велѣностью—велѣностью *добровольныхъ соглашеній* (ст. 6 об. пол.). Но для добровольныхъ соглашеній та же 6 статья ставитъ обязательныя условия, или предѣлы, опредѣляя сроки договоровъ и ссылаясь на мѣстныя положенія. Мѣстнымъ положеніямъ нѣтъ числа, и они продолжаютъ и теперь, послѣ изданія положеній, измѣняться и усложняться въ губернскихъ присутствіяхъ. Но если бы ихъ было и очень мало, если бы даже вмѣсто 30 листовъ, ихъ было всего одинъ листъ, то и этого было бы достаточно, чтобъ изъ добровольныхъ соглашеній сдѣлать не добровольныя, а соглашенія по регламенту, соглашенія обязательныя. И сверхъ того, велѣность собственности, которая не собственность, и велѣность права пользованія, которое есть крѣпостное право—несколько между собою не примиряются посредствомъ добровольныхъ соглашеній. Смыслъ обѣихъ велѣностей указываетъ только на невозможность добровольныхъ соглашеній. Какое можетъ быть добровольное соглашеніе, когда я обязанъ отдать собственность въ пользованіе? Какое добровольное соглашеніе, когда я обязанъ мое право пользованія купить цѣною рабства, или сдѣлаться бобылемъ и идти въ батраки, т. е. опять въ рабство?

Что же выходитъ изъ этихъ трехъ велѣностей? Новый видъ крѣпостнаго права по *уставнымъ грамотамъ* (ст. 7 об. пол.). Старое крѣпостное право было *общее* и прилагалось равно къ всякому частному случаю. Оно подразумевалось. Уставная грамота есть засвидѣствованный (юридическій) *актъ крѣпостнаго права для каждаго отдѣльнаго случая*. Въ чемъ же выигрышъ для крестьянъ? Въ чемъ выигрышъ для помѣщиковъ? Кромѣ запутанной опредѣленности, вводимой въ хозяйство и тѣхъ и другихъ—никому нѣтъ ни малѣйшей выгоды, и новое крѣпостное право такое же зло, какъ и старое.

Правительство не могло не сознавать этого, хотя бы и смутно. Оно чувствовало, что не дало земли ни помѣщикамъ—ни крестьянамъ—ни государству; а оставило право землевладѣнія въ какомъ то туманномъ колебаніи. Стало надо было ухватиться за мысль о выкупѣ, тѣмъ болѣе, что о выкупѣ уже всѣ кричали : кричали публицисты, защитники ренты и фермерства, кричали и публицисты защитники общины и народнаго землевладѣнія; кричали и помѣщики, ожидавшія пособія для своихъ разстроенныхъ и не разстроенныхъ хозяйствъ; наконецъ самъ народъ вопросительно ждалъ, какъ то устроятъ выкупъ.

Но какъ ухватиться за выкупъ собственности или права владѣнія, поставленныхъ въ состояніе мглы и колебанія? Какъ выкупать, что выкупать, кому выкупать, у кого выкупать, кому и за кого отвѣчать, кому и за кого платить, правительство не могло ничего ясно для себя рѣшить, потому что самое основаніе для него не сложилось : оно не знало кому принадлежитъ неотъемлемое право землевладѣнія. Въ этомъ состояніи правительственнаго слабоумія, конечно первая мысль была отсрочить выкупъ какъ можно по дальше; авось люди покажутъ какъ нибудь да уладятся, рожь перемелется—мука будетъ. Но отдалить казалось правительству возможнымъ, а вовсе отказаться оно боялось; вовсе отказаться

какъ то уже было совѣстно или стыдно; народъ молъ заподозрить во лжи, а мыслящіе люди въ глупости. Правительство только не замѣтило, что уже самое отдаленіе выкупа поставило его, въ глазахъ всѣхъ, не въ подозрѣніе, а въ несомнѣнность—лжи и неспособности.

Первымъ послѣдствіемъ его непониманія русской жизни и вѣры въ собственное безсиліе было раздѣленіе выкупа на отдѣльный выкупъ *усадебъ* особнякомъ, и на выкупъ пахатныхъ земель посредствомъ *содѣйствія* правительства. (Пол. о выкупѣ, ст. 1).

Предоставленіе крестьянамъ *права выкупать* въ собственности усадебную осѣдность (ст. 2), доказываетъ совершенное непониманіе Россіи и уродливое двоедушіе правительства.

Выкупъ усадьбы, выкупъ своего крова—для крестьянина, кромѣ не многихъ исключеній, значить выкупъ права жизни. Куда дѣваться крестьянину безъ усадьбы? И за чѣмъ земледѣльческому крестьянину усадьба безъ полевого надѣла? Ни одна земледѣльческая община не станетъ выкупать усадьбу безъ полевого надѣла; ст. 9 пол. о вык., предоставляющая право выкупать усадьбы цѣлымъ обществомъ—совершенно призрачна. За чѣмъ общинѣ выкупать *здѣсь* усадьбы, когда ея полевой надѣлъ *тамъ*, куда она переселится? Кто же станетъ выкупать усадьбу? Отдѣльные лица, тѣ немногія сотни крестьянъ, которые разбогатѣли торговлей или участіемъ въ винномъ откупѣ, и которымъ полевой надѣлъ не необходимъ.

Изъ за этого, во-первыхъ, не стоило отдѣлять выкупъ усадьбу отъ выкупа надѣла; немногіе богатые крестьяне ничего не потеряли бы, не отдѣляясь отъ общины, и продолжали бы свои промыслы по прежнему. Во-вторыхъ тутъ кроется двоедушіе правительства. Увѣряя вездѣ, что оно не трогаетъ общиннаго устройства, оно вездѣ стремится насильно ввести земельную собственность особняковъ. Оно старается поощрять частныя сдѣлки, въ замѣнъ сдѣлкамъ общественнымъ, предоставляетъ имъ льготы (прим. 2 къ ст. 5), покровительствуетъ введенію отдѣльныхъ надѣловъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ (мѣстн. великор. пол. ст. 1, пр. 1, ст. 115 и 116). Его невольно пугаетъ сельскій артельный складъ и оно хлопочетъ привести все къ складу городовому, гдѣ выгоды одного противоположны выгодамъ другого, и гдѣ слѣдственно управленіе, посредствомъ канцелярскаго грабежа, найдетъ болѣе удобную почву для продолженія своего существованія. Оно невольно чувствуетъ—что устройство общины административной, при разрозненности экономическихъ выгодъ, гораздо меньше опасно для канцеляріи и самодержавія, чѣмъ развитіе общины экономической при совокупности артельныхъ и *слѣдственно* административныхъ выгодъ. Первая можетъ существовать *подъ управленіемъ*, вторая необходимо *потребуется самоуправленія*.

Но и тутъ двоедушіе до добра не доводитъ: положимъ, что многіе пойдутъ въ особняки, отдавая послѣднюю копѣйку, лишь бы отдѣлаться отъ неурядицы, введенной положеніями; но чѣмъ больше правительство создастъ особняковъ, тѣмъ меньше оно можетъ *содѣйствовать* общему выкупу, и, слѣдственно, тѣмъ больше возбудитъ къ себѣ ненависти и въ народѣ и въ помѣщикахъ.

Въ самомъ словѣ *содѣйствіе* выкупу—слышна перѣшительность; это не прямое учрежденіе выкупа, это только *содѣйствіе*. Правительство чувствуетъ свое безсиліе,

но вмѣстѣ съ тѣмъ, не теряетъ надежды поправить, посредствомъ *выкупа*, свои гнилыя финансовыя обстоятельства; а потому предлагаетъ дворянству по немногу скупать у него право на крестьянскій оброкъ, за свои 5% облигаціи, которыя такимъ образомъ правительство сбудетъ съ рукъ рубль за рубль, а не по курсу, который и не извѣстенъ и сомнителенъ. Такое *содѣйствіе* выкупу посредствомъ выдачи облигацій за наличный годовой взносъ отъ крестьянъ,—правительство назваю *выкупною ссудою*, ст. 27, между тѣмъ какъ это правительственный заемъ (весьма выгодный, еслибъ былъ возможенъ), при которомъ оно съ мужиковъ будетъ получать рубль въ то время, когда облигаціи будутъ ходить по полтинѣ. Предвидя шаткость своихъ бумажекъ, и слѣдственно большую неохоту со стороны помѣщиковъ принимать облигаціи сомнительнаго курса по нарицательной цѣнѣ, и большую неохоту со стороны крестьянъ принимать ссуду, уплату которой будутъ съ нихъ собирать изъ подъ военно-канцелярской палки, предвидя общее недовѣріе къ негласному или солганному употребленію государственныхъ доходовъ, правительство рѣшилось оказывать свое *содѣйствіе* выкупу по пемпожку, исподволь, тамъ гдѣ надѣлъ предоставится крестьянамъ по *добровольнымъ соглашеніямъ, общинно или порознь*, и тамъ гдѣ помѣщикъ *одинъ захочетъ*—не спрашивая согласія крестьянъ—принять для нихъ ссуду и дать имъ надѣлъ общинно, въ количествѣ требуемомъ мѣстными положеніями (ст. 34, 35, 36.)

Стало *содѣйствіе* будетъ оказано не разомъ для всѣхъ, а то тутъ, то тамъ. Неужели правительство серьезно думаетъ, что выпускъ облигацій по мелочи подниметъ ихъ курсъ? Совсѣмъ напротивъ: эта перѣшительность отниметъ послѣднее нравственное довѣріе къ правительственнымъ финансамъ, и капиталистъ на мелочной выпускѣ облигацій станетъ смотрѣть какъ на всякій частный заемъ безъ залога. Не лзя предполагать, чтобы *содѣйствіе* посредствомъ облигацій, уменьшило число существующихъ облигацій, выпущенныхъ ради иныхъ правительственныхъ цѣлей; также не лзя предполагать, чтобы этѣ нынѣ цѣли исчезли, потому что началъ выкупъ земель. Стало всѣ облигаціи по *содѣйствію*—увеличатъ сумму правительственнаго внутренняго займа, и слѣдственно понизятъ достоинство правительственныхъ кредитныхъ бумагъ. Капиталистъ, къ которому обратится помѣщикъ для размѣна своихъ облигацій, вислолько не придетъ въ умиленіе отъ ст. 27 пол. о выкупѣ:

“Опредѣленная по правиламъ сего положенія сумма, выдаваемая помѣщику, *подъ пріобрѣтенныя крестьянами въ собственность мірскія земли** и угодья, обезпеченными (гарантированными) правительствомъ бумагами, *вменуется выкупною ссудою.*”

“*Подъ пріобрѣтенныя земли*”... подумаетъ капиталистъ, стало земли служить залогомъ. Быть не можетъ, это слишкомъ нелѣпо. Если бы крестьяне перестали платить правительству, развѣ оно можетъ продать эти земли съ торговъ? Куда же оно дѣнетъ мужиковъ? Переселить? Стало опять отведетъ имъ землю? Въ чемъ же была бы выгода ипотеки? Стало это не залогъ, и выраженіе *подъ*

* Ст. 34, 36, 59, 62, 63, и 131 указываютъ на *содѣйствіе* не на одинъ мірскія земли, а также и на отдѣльные участки.

приобрѣтаемыя земли просто глупо. Чѣмъ же обезпечены правительственныя кредитныя бумаги? Правительственной гарантiей? Да гарантiю напрасно переводятъ словомъ — обезпеченiе; это только поручительство. Надо, стало, знать состоятельность поручителя; ну а если поручитель станетъ платить мнѣ только своими векселями, которые на рынкѣ ниже полтины за рубль? Эге!... да тутъ вотъ что: правительство выдастъ облигацiи по нарицательной цѣнѣ, а съ мужиковъ годовые взносы станутъ получать наличными. Фондъ погашенiя накопится, а между тѣмъ курсъ облигацiй, по ихъ избытку и по несостоятельности правительства, упадетъ и агенты правительства скупятъ ихъ за бездѣлицу. Въ доказательство—примѣчанiе къ статьѣ 143 пол. о выкупѣ:

“Въ видахъ скорѣйшаго погашенiя банковыхъ билетовъ, дозволяется главному выкупному учрежденiю, съ разрѣшенiя министра финансовъ, производить усиленный тиражъ оныхъ, по нарицательной цѣнѣ, или покупать билеты, продающiеся на биржѣ, по существующей биржевой цѣнѣ, относя потребные въ томъ и другомъ случаѣ расходы на счетъ остатковъ отъ упомянутаго запаснаго капитала.”

Этотъ *запасный капиталъ* будетъ вѣдаться (по ст. 143) съ крестьянъ на *управленiе* выкупной операцiи; очевидно, что правительство и ажиотировать хочетъ такъ, чтобъ жалованье правительственнымъ биржевымъ агентамъ сверхъ выкупа помѣщикамъ, платили крестьяне же. Красиво! Нѣтъ, г. помѣщикъ, больше полтины за рубль я не рискну, говоритъ капиталистъ, не то ждите, пока агенты правительства скупятъ ихъ у васъ ниже полтины. Ужъ лучше было бы просто сумму выкупа понизить на половину, по крайней мѣрѣ мужикамъ пришлось бы вдвое меньше платить. А тутъ, кто останется въ дуракахъ? Помѣщикъ, который получить половину или меньше противъ того, что ожидалъ; капиталистъ, который рискнулъ горяча; крестьянинъ, который заплатить *все* вмѣсто половины... а правительство сыграетъ въ выгодную биржевую игру! То то оно и боится разомъ выказаться и хочетъ заманить въ игру по немощку. Знаете что, г. помѣщикъ? я и вамъ то не совѣтую брать этихъ облигацiй — раззоритесь!

Другое дѣло, еслибъ правительство взялось откровенно руководствовать выкупомъ. Оно сказала бы, что всѣ земли, нынѣ заселенныя и обрабатываемыя крестьянами, остаются въ ихъ мирскомъ владѣнiи; помѣщикамъ въ вознагражденiе, назначается миллиардъ рублей серебромъ, который крестьяне годовыми взносами (*annuités*) выплачать въ извѣстное число лѣтъ. Сколько кому изъ помѣщиковъ причтется изъ этой суммы, пусть господа помѣщики разберутъ сами между собою и выдадутъ каждому на надлежащую сумму выкупные листы. Крестьяне всѣхъ наименованiй въ Россiи облагаются одинакой податью, не выше той, которую нынѣ платятъ государственныя. 5% на капиталъ и 1% погашенiя, т. е. шести процентный годовой взносъ, на миллиардъ составитъ 60 миллюновъ. Эти 60 миллюновъ ежегодно будутъ отсчитываться изъ податей на уплату помѣщикамъ, пока весь миллиардъ погасится. Сборъ податей круговою порукою и доставленiе ихъ въ сроки въ казначейства, крестьяне будутъ производить сами, безъ вмѣшательства постороннихъ чиновниковъ; слѣдственно крестьяне не будутъ грабимы и раззорены, и уплата пойдетъ успѣшно. Отчетъ въ сборъ податей,

уплатѣ процентовъ и капитала по выкупнымъ листамъ и общемъ расходѣ податныхъ сборовъ, равно какъ и о курсѣ выкупныхъ листовъ, будетъ публиковаться во всѣхъ столичныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ два, три, четыре раза въ годъ и даже чаще, смотря по надобности и движенiю капиталовъ. Но съ сей минуты всѣ обязательныя отношенiя между крестьянами и помѣщиками прекращаются. Повѣрка границъ крестьянскихъ владѣнiй будетъ производиться, въ случаѣ недоразумѣнiя на основанiи показанiй окольныхъ жителей; случаи спора подлежатъ третейскому суду.

Такое откровенное и ясное уничтоженiе крѣпостнаго права и надѣленiе крестьянъ землею совершенно удовлетворило бы крестьянъ, и не произвело бы между помѣщиками большого неудовольствiя. Достоверность полученiя уплаты изъ податей — обезпеченныхъ круговою порукою общинъ, освобожденныхъ отъ чиновничества, и *отдѣльность* выкупныхъ бумагъ отъ правительственныхъ, списали бы выкупнымъ бумагамъ все то довѣрiе, которое денежный рынокъ обычно даетъ поземельному кредиту, не смотря на то, что невозможная въ Россiи ипотека была бы замѣнена круговою порукою. Слѣдственно помѣщики очень скоро успокоились бы и принялись бы за свои новыя хозяйства.

Но правительство на такую ясность не рѣшилось, потому что ясность поставила бы и крестьянъ и самыхъ помѣщиковъ въ положенiе слишкомъ независимое отъ управленiя, потому что она дѣйствительно упразднила бы не только помѣщичье, но и государево крѣпостное право; отдала бы право на землю русскому народу и вычеркнула бы нецѣльность государева права на землю; наконецъ, потому что она имѣла бы цѣлью благосостоянiе народное, а не подшопку до дыръ изношенныхъ финансовъ правительства. И вотъ правительство рѣшилось предложить, робко и съ недоувѣрiемъ къ самому себѣ и къ самому прозку, выкупъ по частямъ, выкупъ въ разбивку, на основанiи правительственной биржевой игры, правительственнаго ажиотажа, скупки правительственныхъ векселей по нѣскольку копѣекъ за рубль. Доктринаризмъ, примкнувшiй къ правительству, подумалъ, что это такъ и слѣдуетъ по наукѣ, что биржевая игра—она то и есть политическая экономiя, что обороты мошенническаго разчета, они то и составляютъ основы финансовой теорiи, и нисколько не замѣтилъ, что данныя, изъ которыхъ слѣдуютъ наша народная, безсловная жизнь, съ правомъ каждаго на землю, вовсе не требуютъ, чтобы мы слѣдовали за ложно-научнымъ безобразiемъ. Правительство и доктринаризмъ не замѣтили, что отсутствiе капиталовъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ одного сословiя, дѣлаетъ у насъ вообще большую биржевую игру невозможною, а присутствiе канцелярскаго управленiя финансами дѣлаетъ всего меньше возможною правительственную биржевую игру. Они не замѣтили, что отсутствiе капиталовъ, сосредоточенныхъ въ рукахъ одного сословiя, не значитъ еще отсутствiе капиталовъ вообще; что излишки отъ годового труда земледѣльца составляютъ мелкiе капиталы, которыхъ сумма огромна, такъ что при свободномъ трудѣ и безъ чиновничьяго грабежа, если положить, что крестьяне могутъ имѣть годового барыша, сверхъ прожитка, хотя по 2 руб. сер. на душу, то на 22 миллюна душъ это составитъ, по крайней мѣрѣ, 44 миллюна рублей серебромъ или около 176 миллюновъ франковъ въ годъ; но что эти излишки,

непоглощенные въ сосредоточенные капиталы — могут перейти только въ правильное развитіе общественнаго кредита, совершенно несовпадающаго съ разсчетами подтасовокъ биржевой игры. Правительство и доктринаризмъ не поняли, что замѣна ипотеки круговой порукой и присутствіе мелкихъ капиталовъ, составляющихъ трудовой барышъ, указываютъ на то, что наши капиталисты—общины, и требуютъ образованія сельскихъ, общинныхъ банковъ, а не акціонернаго или помѣщичьяго поземельнаго кредита; не понявъ этого, правительство и доктринаризмъ создали для обезпеченія выкупной операции, какую то систему полу-ипотеки (статьи 126—139) — которая ничто иное какъ полицейское вмѣшательство въ общинныя дѣла и потому способна создавать, а не поправлять недомыслие.

Что же выйдетъ на повѣрку? Сообразить не хитро. Здравый смыслъ публики не повѣритъ проэку правительства скупать, по случаю выкупа, свои кредитныя бумаги за ничто, а потому никто въ Россіи (а тѣмъ менѣе за границей) не рискнетъ покупать правительственныя бумаги, которыхъ упадокъ былъ бы, для правительственной биржевой игры, выгоденъ, и выкупа не будетъ. Страхъ народа передъ разореніемъ, неминуемо слѣдующимъ за полицейскимъ вмѣшательствомъ въ недомочные сборы, сдѣлаетъ въ народѣ самую мысль о правительственномъ *содѣйствіи* выкупу земель, неавистною, и выкупа не будетъ. Создадутся особыя учрежденія, завѣдывающія выкупною операціею (Глава 2 пол. о выкупѣ), устроятся новыя канцеляріи (ст. 42), пойдетъ новая переписка; на все на это съ крестьянъ соберутъ особыя лишнія деньги, особые *запасные капиталы*, а выкупа не будетъ; и останется *навсегда установленное переходное положеніе*, т. е. *новое крѣпостное право*, съ барщиной и оброками, опредѣленными мѣстными положеніями, безчисленными до неопредѣленности, подъ надзоромъ новосозданнаго чиновничества — при сохраненіи чиновничества прежняго.

Народъ царемъ обманутъ.

И. ОГАРЕВЪ.

(Продолженіе впереди).

ДЕПЕШИ ДРЕНЯКИНА.

1) Изъ Высокаго: Шефу жандармовъ, 16 Апрѣля.

Кротость покорила уваровскихъ. Виновники взяты. Берусь за Высокое, Покровское. Завтра увижу Лескса въ Кандѣвкѣ. Испрашиваю себѣ повелѣніе, не наполняя остроговъ, рѣшить виновниковъ *по моему суду*. Телеграфическаго отвѣта прошу изъ Кирсанова по эстафетѣ чембарскаго уѣзда въ Поимъ.

ДРЕНЯКИНЪ.

Отвѣтъ Долгорукова, 17 Апрѣля.

Вамъ высочайше предоставляется рѣшить дѣло о виновныхъ *по вашему суду*.

КН. ДОЛГОРУКОВЪ.

Получено въ Кандѣвкѣ за часъ до стрѣльбы.

2) Государю императору, 18 Апрѣля вечеромъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ всеподданнѣйше доношу. Сегодня вынужденъ былъ употребить 41 пулю противъ бунтовавшихъ въ с. Кандѣвкѣ, гнѣздѣ возмущенія, разлившагося по сосѣднимъ уѣздамъ пензенской и тамбовской губерній: убито 8, ранено 26, но не повиновались; удалось

захватить толпу съ разныхъ сель трехъ уѣздовъ, 410 чел. и только послѣ наказанія главныхъ зачинщиковъ первой категоріи шпицрутенами 29, второй розгами 16, остальные покорились кажется чистосердечно и прощены.

Казанцы и Тарутипы *молодцы* и вѣрны присягѣ. Повергаю мои прискорбныя дѣйствія къ стопамъ вашего величества и испрашиваю благосозволенія *о представленіи къ наградамъ* всѣхъ чиновъ, быстро дѣйствовавшихъ на многихъ пунктахъ.

Свиты вашего величества

генералъ-маіоръ ДРЕНЯКИНЪ.

3) 22 Апрѣля 1861, с. Кандѣвка, Керенскаго уѣзда.

Государю императору.

Имѣю счастье принести вашему величеству вѣрноподданническое поздравленіе со свѣтлымъ праздникомъ и донести, что все приходитъ въ желанный порядокъ. Усмирявшія войска съ бивуака безболзненно переводятся въ избы.

В. к. Михаилу Николаевичу.*

Находящіеся у меня въ отрядѣ усмирители возмущенія въ пензенской губерніи, *молодцы* Казанцы, приносятъ вмѣстѣ со мною всепреданнѣйшее вашему высочеству поздравленіе съ праздникомъ.

По депешамъ Дренякина можно судить о размѣрѣ и мѣрахъ. Добавимъ только, что шпицрутенами наказано еще послѣ денеши до 200 чел. и 700 чел. розгами; первые отправлены тотчасъ на каторгу, вторые на поселеніе, по суду Дренякина.

Въ воронежской губерніи, бобровскаго уѣзда, въ имѣніи Станкевича (*какова?*) положили 40 чел. Въ рѣдкой изъ губерній нѣтъ экзекуцій; сѣченіе же розгами повсюду небывалое прежде, по отзыву самихъ становыхъ и исправниковъ. И все это творится изъ за барщины. Теперь говорятъ о сильномъ движеніи заводскихъ крестьянъ въ пермской губ. Но ни откуда нѣтъ еще слуха, чтобы было гдѣ покушеніе на помѣщиковъ.

СМѢСЬ.

— Главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, или первый блинъ да комомъ. 14 Апрѣля государь, съ свойственнымъ ему младенческимъ благодушіемъ, написалъ исполнить на журналѣ онаго комитета объ участіи штатныхъ служителей изъ крестьянъ при архіерейскихъ домахъ. Вновь назначеніе такихъ служителей при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ прекращено, но грустныя “положенія” освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ примѣнены и къ этимъ несчастнымъ людямъ—они остаются крѣпостными еще на два года (если не дослужили своего законнаго 20^{ти} лѣтняго срока и слѣдственно не получили уже права идти на всѣ четыре стороны, обезземеленные, и пытаются чѣмъ богъ пошлетъ). Послѣ этихъ двухъ лѣтъ они вольны, также обезземеленные, приписаться куда угодно, или съ согласія духовнаго начальства, доживать вѣкъ въ чадѣ православнаго ладова. Они получаютъ всѣ льготы, дарованныя дворовымъ людямъ ст. 32 “положенія о сихъ людяхъ,” т. е. избавленіе на 2 или на 6 лѣтъ отъ рекрутской повинности. Дѣти штатныхъ служителей, достигшія 20^{ти} лѣтняго возраста, могутъ, на основаніи

* В. к. Михаилъ Николаевичъ шефъ Казацкаго пѣхотнаго полка.

прилож. къ 614 ст. IX т. св. зак., приписаться въ государственные крестьяне и получать землю и пособие (пунктъ 10 прилож. къ 614 ст.). Это даже больше чѣмъ что сдѣлаво для дворовыхъ; но что же будетъ съ тѣми, которые не достигли 20^{ти} лѣтняго возраста? Что будетъ съ дѣтьми женскаго пола? Что съ вдовами? А вѣроятно дѣтей, не достигшихъ 20^{ти} лѣтняго возраста гораздо болѣе чѣмъ достигшихъ.

“Служителей дряхлыхъ и не способныхъ къ работѣ оставить, если они пожелаютъ, на попеченіи духовнаго вѣдомства, предоставивъ министру государственныхъ имуществъ *войти въ соглашеніе съ симъ вѣдомствомъ объ оказаніи оному, если представится надобность содѣйствія, отнесеніемъ части расходовъ, потребныхъ для содержанія такихъ служителей, на счетъ обществъ государственныхъ крестьянъ тѣхъ губерній, въ которыхъ служители числились до поступленія въ это званіе.*” * Во первыхъ тутъ нужно соглашеніе не министра, а крестьянъ, которымъ придется содержать людей, большей частью насильно взятыхъ въ дворовые къ преосвященнымъ губерпаторамъ слова божія и къ монастырямъ, гдѣ братія хочетъ корчить баричей и держать при себѣ лакеевъ изъ крестьянъ. Какъ? Святые продавцы слова божія, не могутъ даже призрѣть своихъ престарѣлыхъ крѣпостныхъ служителей и хотять согласясь съ правительствомъ, взвалить ихъ содержаніе на шею крестьянъ? Да еще мало этого! вотъ пункты: 6) “Взамѣнъ назначенія служителей отпускать архіереямъ и монастырямъ особыя суммы, опредѣливъ на сей предметъ всего 307,850 рублей” и 7) “расходъ сей обратить въ европейской Россіи на общественный сборъ съ государственныхъ крестьянъ, увеличивъ сей послѣдній по каждой губерніи на ту сумму, какая причтется по разкладкѣ (не включая впрочемъ и повѣрцевъ) и присоединить означенный расходъ къ разряду общественного сбора, назначеннаго на содержаніе волостныхъ и сельскихъ управленій и на мѣстные по онымъ расходы.” †

Почему же *отцы-пустынники* не могутъ обойтись безъ лакеевъ? Развѣ у Христа и апостоловъ былъ лакеи? А если уже *отцы-пустынники* до такой степени отшатнулись отъ Христа, что не могутъ жить безъ рабовъ, то почему же наемъ рабовъ падаетъ не на приходъ, а на однихъ государственныхъ крестьянъ, исключая *ильмцевъ*? (Голштинская струйка-то вездѣ пробивается, — своимъ мирволятъ!) Почему на пр. раскольникамъ нанимать лакеевъ для православныхъ архіереевъ? Чѣмъ раскольники хуже ильмцевъ? почему прихожанамъ дворянамъ и прихожанамъ купцамъ не нанимать лакеевъ для своихъ епископовъ и монаховъ, если ужъ такъ нужны лакеи для ихъ христіанскаго смиренія? Купцы и дворяне могли бы жертвовать и по больше, и добровольно; оно было бы справедливѣе, чѣмъ исключительно обирать крестьянъ, и безъ того раззоренныхъ управленіемъ. Приходъ вообще можетъ, по временному соглашенію обывателей, назначить жалованье пастырямъ; но едва ли гдѣ и въ цѣломъ составѣ прихода найдется одинъ человекъ согласный дать копѣйку для найма лакеевъ архипастырю и тунеядствующему монашеству. А тутъ, вмѣсто прямого уничтоженія крѣпостнаго архіерейскаго и мона-

* Какой ильмецъ писалъ это положеніе, которое для русскаго уха, что то въ родѣ выбитой торцовой мостовой. Долго ли же наши государственники будутъ думать, что законъ только тогда хорошъ, когда написанъ такъ что читать гадко?

† Подобное распоряженіе и для Сибири, а также и для западныхъ губерній, гдѣ сума для найма лакеевъ въ католическіе монастыри положена въ 36,950 р. въ годъ, а платитъ будутъ только крестьяне, которые индѣ даже и не католики.

стырскаго права, создаютъ новую подать для найма лакеевъ, которая падаетъ исключительно на государственныхъ крестьянъ! Такъ вотъ что значить комитетъ для приведенія всѣхъ крестьянъ въ одно сословіе: это значить — обезземеленіе крѣпостныхъ на правѣ дворовыхъ людей, и увеличеніе податей для некрѣпостныхъ.

Признайтесь, Константинъ Николаевичъ, что, если вы согласны съ журпаломъ комитета, то ваше предсѣдательство безсовѣстно; а если несогласны, но бессильны — то оно смѣшно. Во всякомъ случаѣ оно унизительно.

— *Циркуляръ г. управляющаго министерствомъ юстиціи къ и. оберъ-прокурорамъ правительствующаго сената, о наблюденіи за ходомъ гражданскихъ судебныхъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ (4-го Марта 1861 года).* Въ министерство юстиціи сообщена выписка изъ журнала высочайше учрежденной комиссіи по разсмотрѣнію отчета министерства юстиціи за 1859 годъ. Комиссія, разсмотрѣвъ означенный отчетъ, пришла къ убѣжденію, что въ настоящее время, въ ожиданіи скорого и столь важнаго преобразованія судебной части, едва-ли представляется надобность указывать на недостатки существующаго еще у насъ порядка судопроизводства, имѣющіе послѣдствіемъ медленное и не вполне удовлетворительное рѣшеніе дѣлъ, а потому комиссіи остается и нынѣ повторить то, что было сказано при разсмотрѣніи отчета за 1858 годъ, т. е., что вся дѣятельность министерства юстиціи, въ настоящее время, должна состоять *лишь въ бдительномъ наблюденіи за ходомъ судебныхъ дѣлъ.* На подлинномъ, собственною его императорскаго величества рукою, написано: “справедливо.” Въ исполненіе таковой высочайшей воли, поручаю вамъ имѣть *постоянное бдительное надлуденіе за ходомъ гражданскихъ судебныхъ дѣлъ въ правительствующемъ сенатѣ**. (Ж. М. Ю.)

Что думалъ управляющій министерствомъ, посылая этотъ циркуляръ? что думалъ государь надписывая: ‘справедливо’?.. ‘Главное дѣло’, говорилъ одинъ ильмецъ, содержатель пансіона, ‘въ томъ, чтобъ дѣтей хорошо воспитывать’. Но вѣдь это общая, вѣчная и пошлая истина, изъ нея ничего не выкроишь. Вопросъ: какъ же это устроить хорошее воспитаніе—остается не разрѣшеннымъ. Тоже и послѣ циркуляра спрашивается: какъ прикажете наблюдать за ходомъ судебныхъ дѣлъ? А его величество надписываетъ: справедливо! Сколько дѣтской серьезности, непониманья дѣла и праздноумія въ этой надписи! И государь думаетъ, что подобнымъ пустословіемъ онъ управляетъ Россіей?... Малолѣтній!

А Россіи не легче отъ того, что онъ малолѣтній.

— Въ орловской губерніи, 9 уѣздныхъ предводителей согласились не объявлять манифеста, и дворяне этихъ уѣздовъ даже теперь наполняютъ станы и земскіе суды слушниками, которыхъ ежедневно десятками порятъ хуже прежняго. Въ Болховѣ даже были ссылки въ Сибирь. Въ этой же епархіи три священника отставлены за то, что стали объяснять мужикамъ положеніе о трехдневной для мужчинъ и двухдневной для женщинъ — барщинѣ. И въ эту то губернію послѣ Сафоновича назначили графа Левашова, двоюроднаго брата губернскаго предводителя Апраксина, который уже избралъ мировыхъ, чтобы представить сіятельному братцу.

* Такого же содержанія и циркуляръ къ губернскимъ, областнымъ и инымъ мѣстамъ прокурорамъ, о наблюденіи за ходомъ дѣлъ въ гражданскихъ судебныхъ мѣстахъ.

— *А. В. Поджіо и его племянники.*—Памъ пишутъ, съ просьбою помѣстить въ *Колоколь*, слѣдующее: Известный декабристъ Александръ Викторовичъ Поджіо, по возвращеніи изъ Сибири, нашель свое имѣніе въ рукахъ родныхъ племянниковъ *Александра и Льва Осиповичей*, весьма богатыхъ помѣщиковъ. *Они не возвратили* старцу его имѣнія — стояшаго не больше 35,000 рублей — и онъ обремененный семьей — остался безъ средствъ.

Если племянники не опровергнутъ этого — то имя ихъ не должно забыться въ *нашихъ* лѣтописяхъ

— Должность мировыхъ посредниковъ, почти вездѣ (за исключеніемъ развѣ калужской губерніи) продается. Въ орловской, говорятъ, Сафоновичъ назначилъ даже рѣшительную цѣну 1000 руб., и за эту безперемонность причисленъ къ министерству, чтобы доучился какъ обдѣлываются дѣла. Въ другихъ губерніяхъ продажа идетъ осторожниѣ, если гдѣ не на деньги, то по связямъ. Многіе гвардейцы получили мѣста членовъ губернскихъ присутствій и мировыхъ прямо отъ Ланского съ Ко.* Всюду насажали своихъ родичей. Саратовская, Симбирская и Самарская губерніи составляютъ почти сплошную вотчину Кочубеевъ, Щербатовыхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Орловыхъ - Денисовыхъ, Храповицкихъ. Ими этотъ благословенный край доведенъ до того, что мужикъ, сидя на черноземѣ, разоренъ и обобранъ какъ бѣлорусъ, только еще не одичалъ подобно бѣлорусу, а сохранилъ въ душѣ довольно энергіи на то, чтобы при первой оказіи отмстить за себя. Тамъ доселѣ живъ для всѣхъ крестьянъ Пугачевъ и его подвижники. Мы знаемъ очень хорошо — какими мыслями и чувствами преисполнены въ Питерѣ и въ Москвѣ тузы-дворяне, (въ Москвѣ) они клялись (въ англійскомъ клубѣ) что дѣлу освобожденія, или по ихъ выраженію *грабежа* — не бывать. Скажутъ — что эдакъ разсуждаютъ старые; нѣтъ, гвардейская молодежь и даже университетская изъ этихъ господъ, недалеко ушла отъ отцовъ. Она тоже выражаетъ, только иначе. Ей нужна конституція, которая, безъ отнятія у крестьянъ земли, у нихъ не мыслима.

— *Крестный ходъ бою-мокрицъ въ гору просвѣщенія.* — Съ тѣхъ поръ какъ revegeud Путятинъ преобразился на горѣ *фавора* царскаго въ министры просвѣщенія — поползли изъ подъ камня православныя вѣры, морскіе Бурачки, лужные Аскочинскіе; одинъ, говорятъ, будетъ товарищемъ просвѣщенія, другой какимъ-то оберъ-форъ-шнейдеромъ при ценсурѣ. Зачѣмъ терять золотое время, благо судили въ Тихомъ Океанѣ такую свято-рыбицу въ министры просвѣщенія? Это своего рода экзамень. Если образованіе возшло въ нравы, сдѣлалось насущною потребностью, то самъ Бажановъ съ Башуцкимъ его не остановятъ; если же оно все еще одна служебная привиллегія и императорская затѣя для хвастовства передъ Европой, то пожалуй и лучше его заткнуть Путятинымъ, сдѣлать изъ университетовъ Соловецкіе монастыри, и для благолѣпія придворнаго штата, выписать свѣжихъ нѣмцевъ на васильевскій островъ.

* Кстати, правда-ли что сынъ графа Ланскаго страшно тѣснитъ крестьянъ?

— *Книга К. С. Аксакова.*—У Вагнера, въ Лейпцигѣ, вышла небольшая книжка покойнаго К. С. Аксакова, подъ заглавіемъ *Замѣчанія на новое административное устройство крестьянъ въ Россіи*. Укоромъ раздается изъ свѣжей могилы, этотъ голосъ горячей любви къ пароду русскому, въ то время, когда опричники *освободителя* сѣкутъ Россію, разстрѣливаютъ Россію. Сколько страданій готовилось Аксакову, еслибъ онъ не умеръ! Онъ не вынесъ бы всѣкаемаго *освобожденія*, мы увѣрены въ этомъ — онъ бросился бы въ ряды крестьянъ..... больше мы не можемъ почтить его благородной памяти!

— *Истязанія за барщину.*—Въ слободѣ *Рудиль*, камышинскаго уѣзда саратовской губерніи, въ имѣніи малолѣтныхъ князей Четвертинскихъ, главноуправляющей В. В. Веберъ, на другой день послѣ прочтенія манифеста, потребовалъ крестьянъ па барщину — но сіи отказались. — На угрозы земской полиціи мужики кротко объясняли, что у нихъ нѣтъ ни рабочаго скота, ни овцы, ни зерна хлѣба: Веберъ все забралъ — скотину на барскій дворъ, и хлѣбъ на винокуренные заводы и даже захватилъ всю ихъ мірскую денежную сумму. Исправникъ донесъ губернатору Игнатьеву о бунтѣ, для рѣшенія котораго явились на мѣсто происшествія губернаторъ съ флигель адъютантомъ и губернскимъ предводителемъ, и 2,500 солдатъ 170^и пѣхотной дивизіи въ полной боевой амуниціи. — Созвали крестьянъ (всѣ они малороссіяне), которые на вопросъ о причинѣ отказа отъ барщины, ссылались на истощеніе силъ и совершенное разореніе всего своего хозяйства, проси и умоляя обратить на нихъ самыхъ вниманіе, на ихъ рубища, на ихъ жилище. — При семъ крестьяне съ воплемъ отчаянія отрѣкались отъ всего у нихъ отнятаго, даже отъ своихъ *прадѣдовскихъ усадьбъ и той земли*, которая имъ слѣдуетъ для надѣла въ собственность за выкупъ. Все это признано за нераскаяніе, за упорство и губернаторъ огвернувшись шепнулъ: “стрѣлять для страха въ народъ холостыми”, а потомъ приказалъ стариковъ - говоруновъ наказывать *примѣрно* — кого палками, кого розгами. — Изъ числа сихъ мучениковъ, одинъ уже умеръ, а другіе очень близки къ смерти. Крестьяне согласились отбывать барщину. Веберъ въ восторгѣ отъ успѣха, немедленно распорядился покореннымъ мужикамъ выдать изъ барскихъ арсеналовъ всю земледѣльческую амуницію, дать воловъ и лошадей съ провіантомъ и фуражемъ и, за конвоемъ вооруженныхъ солдатъ, отправилъ ихъ распахивать необозримыя помѣщичьи степи.

Какова должна быть картина сочетанія плуговъ съ ружьями, боевыми патронами и штыками?!!

— При объявленіи манифеста, одинъ (?) аристократъ тамбовской губерніи, кирсановскаго или темниковскаго уѣзда объявилъ все свое селеніе изъ 186 душъ *дворовыми*, записанными такъ въ послѣднюю ревизію, и при этомъ извинился, что онъ не могъ этого объявить раньше то за болѣзнь, то за недосугомъ.

— *Поправка.* Въ 102 л. Кол. вкрался важный пропускъ: на стр. 859, въ концѣ, послѣ слова “разбойниковъ,” слѣдуетъ читать: “нанимаемыхъ откупщиками.”

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
5, Thornhill Place, Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шил. съ одиннадцатымъ
листомъ—ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 104.

1 Августа 1860.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, в у Гторжевскаго,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Новое крѣпостное право—Уральскіе казаки. Смѣсь : Храбрый Дренякинъ—Распятіе казачьихъ бородъ—Отъ издателей.

РАЗБОРЪ НОВАГО КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

(Продолженіе.)

Основанія, принятыя правительствомъ для выкупа, слишкомъ очевидно сами себя опровергають; затрудненія, поставленныя выкупнымъ договорамъ допущеніемъ дополнительныхъ платежей (точно ради приглашенія господъ помѣщиковъ назначать выкупъ какъ можно по дороже) и затрудненія поставленныя канцелярскими ступеньками — отъ мирового посредника, черезъ губернское присутствіе, до начальника губерніи—всѣ эти затрудненія, какъ и самый выкупъ, значатся только на бумагѣ, потому что *до этого выкупа никогда дѣло не дойдетъ*. Правительство на столько само не вѣрить въ его возможность, что въ “правилахъ о приведеніи въ дѣйствіе положеній” даже слово: выкупъ—нигдѣ не упомянуто. Но всего замѣчательнѣе то, что самъ народъ въ него не вѣритъ и не признаетъ его: правительство постановило однимъ изъ непремѣнныхъ условій своего *содѣйствія* — переходъ съ барщины на оброкъ (ст. 30 пол. о вык.); между тѣмъ мы получаемъ съ разныхъ сторонъ извѣстія, что народъ *отказывается переходить съ барщины на оброкъ*, соглашаясь лучше два года вытерпѣть барщину, какъ *насиліе*, чѣмъ *признать*, съ правомъ на вѣчный оброкъ (ренту), *помѣщичье право на землю*. Народъ знаетъ, въ силу обычая вырощеннаго исторіей, что земля *его*, а не *помѣщичья*, и что онъ можетъ и хочетъ, во избѣжаніе горькихъ столкновеній, дать помѣщикамъ *пособіе, вознагражденіе*, но не обязанъ ни оброкомъ (рентой), ни выкупомъ. *Народъ говоритъ*, что всѣ сословія должны участвовать въ пособіи помѣщикамъ; иными словами: все государство, во избѣжаніе горькихъ столкновеній и ради поправленія общей исторической ошибки, должно пособить помѣщикамъ, но отнюдь не признавать помѣщичье право на землю, вмѣсто права на землю народнаго. Изъ этого народнаго отказа переходить съ барщины на оброкъ и согласиться на узаконеніе ложнаго и чуждаго въ Россіи основанія,—должны-же наконецъ, правительство и доктринаризмъ, увидать, что они наткнулись на новое пониманіе поземельнаго владѣнія, и что имъ его не одолѣть, потому что оно имѣетъ силу здраваго смысла, жизни и обычая, которая *сильнѣе* ихъ силы.

Теперь обстоятельства стали такъ: народъ считаетъ землю народною, и согласенъ и *можетъ* дать помѣщикамъ пособіе; правительство признало землю помѣщичьею и, сочливши надувательный выкупъ, въ которомъ оказать содѣйствія *не можетъ*, учредило для крестьянъ *постоянное пользованіе* землею, обложивъ ихъ барщиной или оброкомъ, т. е. учредивъ новое крѣпостное право, гдѣ все, что смягчено въ правѣ крѣпостномъ помѣщичьемъ, перенесено въ крѣпостное право, предоставленное новосозданному чиновничеству. Это *постоянное пользованіе* расписано въ “мѣстныхъ положеніяхъ”. Чего не напутало правительство въ несчастныхъ “правилахъ” и “мѣстныхъ положеніяхъ”, которыхъ народъ не понимаетъ только потому, что они безтолковы! Читая ихъ все больше и больше чувствуешь, что зашелъ ночью въ лѣсъ безъ дороги... Возьмемъ нѣсколько примѣровъ.

На какомъ основаніи “въ мѣстныхъ положеніяхъ”, для опредѣленія величины надѣла, Россія раздѣлена по свойству, по геологическому образованію почвы,—мы никакъ понять не можемъ. Въ чемъ состоялъ вопросъ? Надо было знать, въ какой мѣстности сколько земли приходится на душу, потому что, естественно, въ мѣстностяхъ многоземельныхъ крестьяне и теперь владѣютъ большимъ количествомъ земли, а въ малоземельныхъ меньшимъ. Стало, вопросъ состоялъ въ опредѣленіи отношенія народонаселенія къ количеству земли, а совсѣмъ не къ свойству земнаго слоя. Если бы правительство разсматривало Россію исключительно со стороны земледѣльческаго искусства, и то не лзя было бы раздѣлить её по гуртовому различію почвы; надо было бы принять различіе климатическихъ условій, способовъ обработки и т. д. Но вопросъ о надѣлѣ на душу земли, какая гдѣ ни пасть, уже совершенно не зависитъ отъ свойства почвы; геологическое раздѣленіе неприложимо. Правительство само это почувствовало и опредѣлило особый отдѣлъ: *степной*, гдѣ уже не спрашивается, что тамъ такое черноземъ или глиноземъ, а только извѣстно что земли *много*, стало и надѣлъ долженъ быть больше. Степная полоса опредѣлена правительствомъ по отношенію количества земли къ народонаселенію; а остальное раздѣленіе на полосы и мѣстности опредѣлено по отношенію свойства земли—къ чему... неизвѣстно; даже не къ цѣнамъ на земли, потому что и эти цѣны

опредѣляются густотою населенія и удобством сбыта произведеній. Даже размѣръ оброковъ не можетъ быть опредѣленъ геологическимъ качествомъ почвы; число дней барщины и подавно. А между тѣмъ геологическая точка зрѣнія, въ юридико-экономическомъ раздѣленіи, создала совершенно искусственныя, т. е. ложныя соединенія въ одну графу, въ одинъ отдѣлъ. На примѣръ, общее дѣленіе на полосы ставить, въ одну полосу нечернозема, губерніи Московскую и Вологодскую; нѣкоторые уѣзды Орловской и Вятской губерній; или, по чернозему, въ одну полосу уѣзды губерній: Орловской, Вятской, Тульской, Пермской, Рязанской, Оренбургской. А раздѣленія на мѣстности въ слѣдующемъ роѣ:

Нечерноземной полосы 3-я мѣстность (высшій надѣлъ 3 дес. 1,200 сажень, низшій надѣлъ 1 дес. 400 саж.)

Губернія Владимірской,				
Уѣзды :	Александровскій, гдѣ на душу десятина	5,87*
	Владимірскій	6,16
	Муромскій	6,15

и рядомъ

„	Казанской,	Уѣздъ Чебоксарскій, гдѣ на душу десятина	...	10,4
---	------------	--	-----	------

„ Московской,

Уѣзды :	Верейскій	4,9
„	Волоколамскій	5,2
„	Дмитровскій	8,5
„	Звенигородскій	7,7
„	Клинскій	6,4
„	Можайскій	3,9
„	Рузскій	7,2

и рядомъ

„	Нижегородской,	Уѣздъ Балахнинскій	...	13,2
---	----------------	--------------------	-----	------

Пли :

Черноземной полосы пятая мѣстность (высшій надѣлъ 4 дес. низшій 1 дес. 800 саж.).

Губ. Воронежская,	уѣзды :	Новохоперскій, земли на душу дес. 7,6	
Вятская	„	Елабужскій	18,0
„	„	Малмыжскій	16,5
„	„	Сарапульскій	8,2
Казанская	„	Спасскій	10,0
„	„	Чистопольскій	23,2
Пензенская	„	Чембарскій	6,9
Самарская	„	Ставропольскій	7,9
Саратовская	„	Кузнецкій	6,3
„	„	Саратовскій	10,9
Симбирская	„	Сенітеевскій	10,1
„	„	Симбирскій	6,5
„	„	Сызранскій	11,7
Харьковская	„	Зміевскій	15,1
„	„	Пзюмскій	13,4

Изъ этихъ цифръ очевидно, что опредѣленіе надѣла по такой классификаціи уродливо. Чистопольскій уѣздъ, на примѣръ, размѣромъ надѣла долженъ подходить къ степной полосѣ, а совсѣмъ не къ Чембарскому уѣзду. Очевидно, что надѣлы трогать было не лзя; что надо было ихъ оставить какъ они гдѣ существуютъ, оградивъ только предѣлы, ниже котораго уже ясно видѣлся помѣщичій грабежъ; что мѣстныя условія слишкомъ разнообразны, чтобъ подвести ихъ подъ классификацію, что всякое правительственное раздѣленіе на графы должно было выйти и вышло насильственнымъ, искусственнымъ, ложнымъ и нелѣпымъ.

Скрытая цѣль, — не знаемъ на сколько сознательно

* Свѣденія о продажныхъ цѣнахъ на земли, изд. земскаго отдѣла М. В. Д. 1859 г.

† Приложение къ докладу хозяйственнаго отдѣленія No. 15.

двоедушная со стороны правительства, — та, чтобъ у многоземельныхъ и среднеземельныхъ крестьянъ земля урѣзаться въ пользу помѣщиковъ, а къ малоземельнымъ не прирѣзаться ничего, а если можно то отнять и послѣднюю. Это мы докажемъ.

Высшій 4^{хъ} десятинный надѣлъ въ нестепной Россіи и указныи 6^{ти} десятинный въ степяхъ рѣдко и случайно совпадутъ съ существующимъ надѣломъ; вообще крестьяне въ подобныхъ мѣстностяхъ владѣютъ большимъ количествомъ земли и у нихъ землю урѣжутъ. Только при 10 и 12^{ти} десятинномъ надѣлѣ въ степи (прилож. къ ст. 15 стр. VIII) крестьяне можетъ быть, не замѣтять урѣзки. Въ остальныхъ мѣстностяхъ они очень хорошо поймутъ, что ихъ грабятъ.

Въ среднихъ надѣлахъ, гдѣ высшій размѣръ 3 десятины, случится тоже самое; найдутъ, что крестьяне вообще имѣютъ больше трехъ десятинъ и урѣжутъ.

Вообще во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ количество земли равно или ниже существующаго надѣла, тамъ помѣщикъ воспользуется, въ силу ст. 20 мѣстн. пол. и образца уставной грамоты, II, 4, возьметъ себѣ одну треть земли; что за бѣда, что чрезъ это понизятся повинности съ крестьянъ — земля выгоды повинностей, ее и продать можно. Наконецъ въ мѣстностяхъ, гдѣ земли меньше низшаго надѣла, помѣщикъ возьметъ треть земли, и повинностей на крестьянахъ почти не останется, да и земли у нихъ почти не останется, такъ что они отъ нея откажутся и пойдутъ куда глаза глядятъ. Вдобавокъ большей частью малоземельные крестьяне *оброчныя* и искони пользуются *всей землей*, а тутъ у нихъ треть урѣжутъ. Какая же выгода, что повинности уменьшатся, когда земли не хватить и крестьянамъ надо будетъ прикупить? Прикупить придется эту же отрѣзанную треть за дорогую цѣну, или принанять ее за дорогую плату; стало повинности вообще не понизятся, а возвысятся; или надо вовсе переселиться. Ктому же въ оброчныхъ мѣстностяхъ повинности не понизятся еще и потому, что, въ силу ст. 33, пункт. 8 “правилъ” и ст. 174 мѣст. положеній, по которымъ губернское присутствіе можетъ по ходатайству помѣщика, въ нѣкоторыхъ, случаяхъ устанавливать оброкъ *выше размѣра*, помѣщики найдутъ причины къ повышенію оброковъ, сверхъ того что еще урѣжутъ и треть земли.

Если ст. 164 преобразуетъ всякіе сборы баранами, птицею, холстомъ, сукномъ и пр., за то ст. 163 вводитъ особую плату и повинности за *топливо* и оброчныя статьи, что будетъ гораздо дороже *сборовъ*. Прекращая одну уродливую старую крѣпостнаго права, правительство вводитъ въ замѣнъ новую уродливую новую крѣпостнаго права. Вообще понятіе о лѣсовладѣніи, гдѣ лѣсъ, считается какой то святыней помѣщичьей собственности, основано неизвѣстно на чемъ. (Ст. 42 правилъ, ст. 29, 30, 47, 48, и 49 мѣст. пол.) Въ Россіи, гдѣ не лзя уйти отъ понятія, что земля достояніе общее, вездѣ, гдѣ есть лѣсъ, крестьяне пользуются лѣсомъ равно для построекъ и для топлива; также изъ этихъ общихъ лѣсовъ, для построекъ и для топлива пользуются и помѣщики, пользуется и цѣлое государство для своего флота, общественныхъ построекъ и т. д. Съ чего вдругъ вздумалось, освобождая помѣщичьихъ крестьянъ, отнять у нихъ право на пользованіе лѣсомъ? Помѣщики думаютъ, что лѣсъ какъ то особо принадлежит имъ, отъ того что въ западной Европѣ лѣсная собственность узаконилась въ пользу аристократіи; но вѣдь они не въ западной Европѣ.

Тамъ, съ самаго начала, завоеванія и феодализма благородное рыцарство захватило лѣса въ свою пользу. У насъ небогродное чиновничество, которому правительство роздало народную землю, до сихъ поръ не могло этого сдѣлать и народъ пользуется лѣсомъ вездѣ, гдѣ онъ есть. Стало, исторія совсѣмъ не въ пользу исключительно помѣщичьяго лѣсовладѣнія. Правительство думаетъ, что признать лѣсъ народной собственностью — значитъ отдать его крестьянамъ на истребленіе. До сихъ поръ мы знаемъ одно: тамъ, гдѣ лѣса принадлежатъ государственнымъ имуществамъ или удѣламъ, начальство продаетъ ихъ на срубъ за взятки, и истребляетъ немилосердо, поджигая остатки, чтобъ скрыть воровство и всклепать истребленіе лѣсовъ на волю божью; тамъ гдѣ лѣса составляютъ принадлежность помѣщичьихъ имѣній, помѣщики продаютъ ихъ на срубъ, для поправленія своихъ обстоятельствъ или ради иныхъ оборотовъ. Правильной рубки лѣсовъ нигдѣ у насъ не существуетъ, ни по распоряженію помѣщиковъ, ни по распоряженію начальства. Гдѣ же хранятся лѣса съ наибольшимъ попеченіемъ? У свободныхъ хлѣбопашцевъ (государственныхъ крестьянъ водворенныхъ на собственныхъ земляхъ). Стало, ради лѣсохраненія все что можно сдѣлать лучшаго, это отдать лѣса въ распоряженіе общинъ, которыя конечно не истребятъ прута лишняго* ; за тѣмъ предоставится равно помѣщикамъ и крестьянамъ право пользоваться лѣсомъ по мірскому приговору.

Ни историческое развитіе землевладѣнія въ Россіи, ни государственный экономическій расчетъ, кромѣ учено-доктринерской привычки къ пошлomu повторенію чужихъ предразсудковъ, и кромѣ двоедушной войны противъ крестьянъ, ничто не могло вовлечь правительство въ отнятіе у крестьянъ права пользованія лѣсомъ. Тутъ мы опять невольно чувствуемъ, что правительство мирволитъ помѣщикамъ, потому что помѣщики тѣже его чиновники, и цѣль все же одна — обобрать народъ въ пользу правительственнаго чиновничества, которое является въ двухъ видахъ: какъ особо надѣленные чиновники, т. е. помѣщики, и какъ чиновники, получающіе свой пай изъ общаго управленія, т. е. собственно такъ называемые чиновники. Правительство позволяетъ *грабить* лѣса и тѣмъ и другимъ; оно только народу запрещаетъ *пользоваться* лѣсомъ. Русскій смыслъ никогда не совпадетъ съ этимъ чужеяднымъ пониманіемъ лѣсовладѣнія.

Право, данное крестьянамъ сохранить существующій надѣлъ *на пять лѣтъ* (примѣчаніе къ ст. 20, съ ссылкой на ст. 161, и ст. 161 съ ссылкой на ст. 169), съ особой платою за излишекъ въ существующемъ надѣлѣ противъ надѣла, отводимого въ постоянное пользованіе, это право придумано особымъ попеченіемъ правительства *о постепенности въ ограбленіи* крестьянъ. Но едва ли эта постепенность возможна. Таже ст. 20 предоставляетъ помѣщикамъ право сохранять треть земли; ст. 25 говоритъ, что помѣщикъ не обязанъ увеличивать надѣла, отведеннаго въ постоянное пользованіе. Какже это согласитъ съ правомъ на пятилѣтнее сохраненіе существующихъ надѣловъ съ платою по расчету оброка за послѣднюю десятину, т. е. по расчету довольно дешеваго найма (ст. 169)? Крестьяне будутъ настаивать на своемъ правѣ, помѣщики на своемъ; дѣло пойдетъ къ мировому посреднику, оттуда къ

* Мы не говоримъ о мѣстностяхъ, гдѣ лѣсу столько, что травы въ степи; тутъ лѣсохраненіе и правильная рубка могутъ взойти въ обычай только тогда, когда устроятся правильныя сбыты лѣса въ нелисную Россію, посредствомъ дешевыхъ славовъ и провозовъ по желѣзнымъ дорогамъ.

мировому съѣзду, оттуда въ губернское присутствіе. Во первыхъ, изъ пяти лѣтъ надо исключить два года, гдѣ все остается по прежнему; стало, споръ начнется черезъ два года, продолжится три года, въ которые владѣть лишками будетъ помѣщикъ; вотъ всѣ пять лѣтъ и прошли, а за тѣмъ прошло и право на пользованіе землею, урѣзываемою по новому крѣпостному праву. Во вторыхъ, губернское присутствіе имѣетъ право оставить крестьянъ на прежнемъ оброкѣ, если не найдутъ уважительныхъ причинъ понизить его; слѣдственно, если оброчные крестьяне пожелаютъ пять лѣтъ владѣть землею, подлежащею урѣзкѣ, то губернское присутствіе имѣетъ право оставить въ сторонѣ подеслтинную оцѣнку оброковъ, и установить оброкъ въ томъ размѣрѣ какъ онъ былъ, а въ издѣльные имѣнія ввести смѣшанную повинность, гдѣ, сверхъ барщины за постоянный надѣлъ, будетъ денежный сборъ за временное пользованіе; а если не денежный сборъ, то съизнова увеличеніе барщины (ст. 161). Изъ за этого не стоитъ писать уставныхъ грамотъ.

Скрытая война противъ крестьянъ, по случаю ихъ освобожденія, проведена во всѣхъ положеніяхъ о повинностяхъ — равно оброчныхъ, издѣльныхъ и смѣшанныхъ.

Странная глава о размѣрѣ оброковъ расписываетъ такъ много цифръ, что съ перваго взгляда покажется: вотъ тутъ то и найдется облегченіе для крестьянъ! Но на дѣлѣ выйдетъ ипаче. Для имѣній близъ Петербурга назначенъ оброкъ съ души 12 р., т. е. съ тягла 24 р. или больше. Въ губерніяхъ Петербургской, Московской и части Владимірской 10 руб. съ души, т. е. 20 руб. сер. съ тягла. Въ остальныхъ губерніяхъ 9 руб. съ души, т. е. 18 руб. съ тягла, кромѣ губерній Витебской, Вятской, Могилевской, Олонецкой и нѣкоторыхъ уѣздовъ Казанской, Орловской, Пензенской, Псковской, Смоленской и Тамбовской, гдѣ 8 руб. съ души, т. е. 16 руб. съ тягла. Правительство думало, что написать оброкъ съ души — цифра не бросится въ глаза такъ, какъ если написать ее съ тягла; но едва ли можно этой уловкой скрыть дѣло даже отъ ученыхъ людей, а отъ народа ужъ никакъ не скроешь. 24 руб. сер. съ тягла (или 26 руб. сер. съ тягла, по праву губернскаго присутствія возвысить оброкъ на 1 руб. сер. съ души) составляетъ въ Россіи высшій предѣлъ оброка, кромѣ самыхъ уродливыхъ, рѣдкихъ исключеній, гдѣ оброкъ встрѣчается въ 30 и болѣе руб. съ тягла. Но и этимъ исключеніямъ правительство пособило, дозволивъ губернскимъ присутствіямъ возвышать, въ особыхъ случаяхъ, оброкъ выше размѣра (ст. 174). Конечно, ст. 175 дозволила имъ и понижать оброки по своему усмотрѣнію, чего губернскаго присутствія изъ дворянъ, конечно, никогда не усмотрятъ; за то крестьяне поймутъ, что эта 175 статья — нагая насмѣшка правительственнаго презрѣнія къ народу. Низшій предѣлъ оброка (кромѣ имѣній гдѣ меньше десятины на душу) 8 или около 8 руб. съ души (16 руб. съ тягла) есть вообще въ Россіи *не низшій, а средній* оброкъ, такъ что можно приблизительно положить, что въ сложности по всей Россіи, оброкъ 16 руб. съ тягла (или 17 р. с. т. е. 60 руб. ассигн.). Мѣстныя положенія, принявъ среднюю цифру за низшую, очевидно возвысили, а не понизили размѣръ оброковъ. Ст. 170, по которой оброкъ не налагается выше того, который, по назначенію помѣщика требовался до утвержденія «Положенія», не поможетъ; все дѣло въ рукахъ взяточничества новосозданныхъ чиновниковъ изъ дворянъ. Также не помогутъ и росписи оброковъ по десятинно (ст. 169). Вездѣ

верхъ взяла особая логика, по которой, хотя оброкъ не можетъ быть увеличенъ противъ существующаго, но остается такъ же великъ при уменьшеніи надѣла, такъ что крестьянинъ который платилъ 8 руб. за 10 десятинъ, будетъ платить 8 руб. за 4 дес. Возьмемъ любой примѣръ изъ росписи :

Имѣнье въ 500 душъ состоитъ въ южной части порѣчскаго уѣзда смоленской губерніи. Въ пользованіи крестьянъ 1950 десятинъ. Высшій душевой оброкъ 8 руб. высшій душевой надѣлъ 4½ десятины. Повинность на одну изъ десятины 4 руб. на другую 2 руб. остальные два рубля раздѣляются на остальные 2½ дес. т. е. по 80 коп. за десятину; крестьянскій оброкъ считается слѣдующимъ образомъ : съ 500 душъ за 500 дес. по 4 руб. 2000 руб., за 500 дес. по 2 р. 1000 руб., за остальные 950 дес. по 80 коп. 760 руб., со всего имѣнья 3760 р., а съ души по 7. руб. 72 коп.

А кругомъ выходитъ по 1 руб. 92 коп. съ десятины оброку, ренты или найма.

По свѣденіямъ о продажныхъ цѣнахъ на земли (выпускъ III, изд. земск. отд. М. В. Д.) въ порѣчскомъ уѣздѣ заселенныя земли 10 р. 57 коп. за десятину. Слѣдственно 1950 десятины стоятъ 20,611 р. 50 коп. Слѣдственно крестьяне, платя оброкъ по 1 руб. 92 коп. съ десятины, платятъ найма 18% съ капитала. Даже если взять средній выводъ цѣнъ на земли по смолен. губерніи, 15 руб. 66 коп. за десятину, то все же оброкъ составитъ около 12% съ капитала. Очевидно, что такой наемъ—или оброкъ, въ порѣчскомъ уѣздѣ невозможенъ.

Онъ невозможенъ и по другому расчету : мудрено предположить, чтобы 4½ дес. душеваго надѣла, дали больше 9 дес. на тягло (43 тягла на 100 душъ); въ этотъ надѣлъ включится усадьба, выгонъ и пр. Пахатной земли не можетъ быть, изъ 9 дес., болѣе 7½ дес., стало при трехпольномъ хозяйствѣ по 2½ дес. въ полѣ. Слѣдственно, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ, при урожаѣ до самъ 3½ озимаго и самъ 2½ яроваго въ Смоленской губерніи,* 2½ дес. озимаго, при посѣвѣ 1½ четверти на дес., дадутъ съ небольшимъ 13, положимъ 14 четвертей ржи; 2½ дес. яроваго, при посѣвѣ 2 четвертей на дес., дадутъ 12½, положимъ 13 четвертей яроваго зерна. Изъ этого тягла надо прокормить, по крайней мѣрѣ, четверыхъ взрослыхъ обоого пола (по 1½ пуда въ мѣсяцъ), что составитъ 8 четв. ржи, да на посѣвъ надо оставить 3½ четв., и того въ расходъ ржи четвертей 11½. Изъ яроваго зерна на людей и на скотъ надо употребить до 6 четв. да на посѣвъ 5 четв., и того 11 четвертей. За тѣмъ въ продажу останется у тягла 2½ четв. ржи и 2 четв. яроваго. Высшія цѣны на рожь въ смоленской губерніи 5 р. четверть.† Полагая высшую цѣну за яровое 3 руб. 75 коп. за четверть, выйдетъ, что тягло продастъ 2½ четв. по 5 руб. и 2 четв. по 3 руб. 75 коп.‡ всего 17 р. 75 к.; а за 9 дес. оброку по 1 руб. 92 коп. заплатить 17 р. 28 к. Сверхъ того надо прибавить въ расходъ подушныя и земскія повинности, не менѣе какъ съ двухъ душъ, около 3 р. 20 к. слѣдственно всего податей съ тягла 20 р. 48 к. и недостающіе, 2 р. 73. к. падаютъ на промыслы. И это, при самыхъ выгодныхъ условіяхъ урожая и цѣнъ, чего вмѣстѣ не бываетъ. Слѣдственно, взявши плохой урожай при дорогихъ цѣнахъ, или плохія цѣны, при хорошемъ урожаѣ, крестьяне окажутся въ совершенной невозможности платить положенную ренту съ земли.

Въ настоящее время въ порѣчскомъ уѣздѣ оброчныхъ

* Хозяйственно-статистическій атласъ, изд. департ. сел. хозяйств. М. Г. П. 1857. No. 5.

† Тамъ же No. 6.

‡ Высшая цѣна показана въ таб. къ стр. 362, т. 1. Тенгоборскаго. Мы беремъ всѣ случаи въ пользу мѣстныхъ положеній.

крестьянъ 202 души*, изъ которыхъ 117, при надѣлѣ въ 11,03 дес. (отъ 9,95 до 12,12) и 85 при надѣлѣ въ 4 дес. (отъ 3,63 до 4,40) на душу. Первые платятъ 14 р. 54½ к. (?) оброку, вторые 7 р. 5½ к. Основываясь на ст. 170 о невозвышеніи оброковъ, естественно является вопросъ : если человекъ платитъ 14 р. 53½ коп. за наемъ 11,03 дес. то сколько онъ заплатитъ за 4½ дес. ? Выводъ даетъ 5 р. 93 коп. Далѣе : если человекъ платитъ 7 р. 5½ к. за 4 дес. сколько онъ заплатитъ за 4½ ? Отвѣтъ 7 р. 94. Слѣдственно на 117 душъ надеть оброкъ въ 693 р. 81 к., а на 85 душъ оброкъ въ 674 р. 90 к. Взявши среднюю цифру для уравненія оброковъ, при уравненіи надѣла, мы найдемъ, что оброкъ въ 1368 руб. 71 коп. на 202 души, дасть 6,77 к. на душу (отъ 13 р. 54 к. до 15 р. 74 на тягло, смотря по числу тяголъ въ 50 или 43 па сто). Общій средній выводъ оброка для смоленской губерніи, въ настоящее время, при существующемъ надѣлѣ и по помѣщицкимъ назначеніямъ, 7 р. 49 к. или 7 р. 50 к. съ души, т. е. руб. 15 съ тягла.† Окончательное доказательство, что мѣстныя положенія повысили оброки, разомъ и увеличеніемъ цифры оброка и уменьшеніемъ надѣла, вопреки здравому смыслу и вопреки своей ст. 170.

Возьмемъ другой примѣръ изъ ст. 169 :

“Имѣнье въ 700 душъ состоитъ въ малоярославецкомъ уѣздѣ калужской губерніи; въ пользованіи крестьянъ 2,060 десят. Высшій оброкъ въ уѣздѣ 9 руб.; высшій надѣлъ 3½ десят. Повинность на одну изъ десятины 4 р. 50 к., на другую 2 р. 25 к.; остальные 2 р. 25 к. раздѣляются на 1½ дес., т. е. за десятину 1 руб. 80 коп. Повинность въ имѣніи исчисляется слѣдующимъ образомъ : съ 700 душъ за 700 дес. на 4 р. 50 к.—3,150 р., за 700 дес. по 2 р. 25 коп.—1,575 руб., за остальные 660 дес. по 1 р. 80 к.—1,188 руб. и того 5,913 руб. или 8 руб. 44 коп. съ души.”

2060 дес., по продажнымъ цѣнамъ малоярославецкаго уѣзда, по 25 р. 73 к. за дес., стоятъ 52,003 р. 80 к. Оброкъ въ 5,913 р. равенъ слишкомъ 11% съ капитала. Если предположить въ 700 душахъ 301 тягло, выйдетъ немного поменьше 7 дес. на каждое (6,84). Высшій урожай хлѣбовъ вообще самъ 4.‡ Изъ 7 дес. подъ пашней не болѣе 5½ дес. стало 1½ дес. въ полѣ. Ржи собирается 10½ четв. и 14 четв. яроваго за исключеніемъ 8 четв. на ѣду и 2½ четв. на посѣвъ, очевидно у тягла ржи не хватитъ на продовольствіе. За исключеніемъ 9½ четв., яроваго поступить въ продажу 4½ четв. по 3 р. 75 к., всего на 16 р. 87½ коп. За 7 дес. земли тягло платитъ оброку, по 2 р. 33,—16 р. 33 к. Слѣдственно на подушныя остается 54 к. Теперь въ малоярославецкомъ уѣздѣ безъ уменьшенія надѣловъ, платится 8 р. 48 коп. § а кругомъ по Калужской губерніи 8 р. 78 к. съ души. Гдѣ же облегченіе, вводимое мѣстными положеніями противъ стараго крѣпостнаго права? Вездѣ увеличеніе оброковъ или по цифрѣ оброка и по уменьшенію надѣла, или по сохраненію цифры оброка при уменьшеніи надѣла. Конечно оброкъ содрать можно всякой; это ни въ Велико-ни въ Бѣлороссіи не диво. Но каково же такое освобожденіе !

У правительства есть стремленіе, и ради государственныхъ крестьянъ, и ради обще-принятыхъ понятій въ Европѣ, показать, что оброкъ, налагаемый на освобождаемыхъ крестьянъ, есть плата помѣщику за землю, рента; а такъ какъ ни по цѣнѣ на земли, ни по доходамъ, ни по ст. 174, этого доказать не возможно, то на дѣлѣ и остается, что оброкъ

* Выводы о повинностяхъ крестьянъ, изд. редакц. комиссіи.

† Выводы о повинностяхъ крестьянъ, изд. редакц. ком.

‡ Хозяйств. статист. атласъ.

§ Выводы о повинностяхъ крестьянъ.

падаетъ на крестьянскіе промыслы и составляетъ *пошлину съ промысловъ*. Какова же нецѣльность взысканія *пошлины*, не на государственныя нужды, а на обогащеніе частнаго лица т. е. помѣщика!

2ое примѣчаніе къ 169 ст. о пониженіи оброка въ имѣньяхъ малоземельныхъ, гдѣ неполная десятина на душу, съ тѣмъ однако, чтобъ оброкъ былъ не меньше указаннаго въ ст. 244 за пользованіе усадьбой осѣдлостью. т. е. не меньше 1 р. 50 съ ревизской души и не больше 3 р. 50 к., если не лзя въ силу 174 ст. назначить оброкъ выше всякаго размѣра — это примѣчаніе клонится къ тому, чтобъ приравнять надѣлъ ничему, а за усадьбу брать ренту. Вообще у правительства мелькаетъ задняя мысль, что мужику выгоднѣе уменьшать надѣлъ и вмѣстѣ уменьшать и повинность; логичный выводъ изъ этого очень простъ: выгоды всего крестьянамъ не имѣть никакой земли и ничего не платить, а землю отдать помѣщикамъ. Оно, можетъ, съ точки зрѣнія императорства, одѣляющаго землей своихъ чиновниковъ, обязаныхъ за это держать народъ въ уздѣ — и очень вѣрно; но только это совсѣмъ не лежитъ въ смыслѣ народномъ. Народъ хочетъ сохранить то что имѣетъ, и чтобы крестьянинъ — освобожденный ли, государственный ли, или удѣльный — не платилъ налоговъ одинъ больше другого. Это еще проще и вѣрнѣе.

Выводъ изъ предыдущаго ясенъ: по мимо своего понятія о землевладѣніи, народъ не перейдетъ на оброкъ еще и потому, что это прямо убыточно.

Изъ противурѣчія народнаго смысла и правительственныхъ положеній выйдетъ то, что помѣщики захотятъ уменьшать надѣлы у крестьянъ, и слѣдственно въ издѣльных имѣньяхъ уменьшать барщину; это для помѣщиковъ выгуднѣе, чѣмъ большая барщина при большомъ надѣлѣ, и все на томъ же основаніи, что для нихъ выгуднѣе взять всю землю и совсѣмъ не имѣть барщиной работы; слѣдственно чѣмъ меньше дать земли крестьянамъ, какъ бы отъ этого ни уменьшались повинности, все же тѣмъ лучше; но народъ этого не захочетъ, и послѣдствие будетъ то, что не смотря ни на какія старанія мировыхъ посредниковъ, съѣздовъ и губернскихъ присутствій, — *уставныя грамоты писаны не будутъ*. Черезъ два года правительство дастъ разсрочку, и трехдневная барщина сохранится на неопредѣленное время. Стало крѣпостное право нисколько не измѣнится, по крайней мѣрѣ не уменьшится, а усилится постояннымъ вмѣшательствомъ новосозданнаго чиновничества. Можетъ быть правительство втайнѣ и дѣлаетъ эту мысль сохраненія крѣпостнаго права на неопредѣленное время, при невѣроятномъ количествѣ бумаги, исписанной во имя освобожденія. Но вѣдь и Миресь запутался въ собственныхъ сѣтяхъ, а русское правительство, конечно, не умѣе Миреса и запутается гораздо скорѣе.

Отъ числа дней барщины *теперь*, къ числу дней барщины *черезъ два года*, съ глубокомыслиемъ тупоумія разсчитанная постепенность перехода — падаетъ всей тяжестью: *теперь* на малоземельныхъ, а *черезъ два года* на малотягольныхъ крестьянъ, въ обоихъ случаяхъ на болѣе бѣдныхъ. Три дня въ недѣлю мужскихъ, съ тягла, и два дня женскихъ (ст. 7 правилъ) не вносятъ никакой существенной перемѣны въ барщину, какъ она отбывалась до сихъ поръ; до сихъ поръ женскихъ дней, въ годъ, бралось можетъ еще и меньше чѣмъ по два дня на недѣлю, потому что они не были нужны, и ни въ одномъ имѣньи не считались въ недомку дни, когда

женщины на барщину не требовались. Стало это просто сохраненіе трехдневной барщины на два года. Эти два года тягло владѣющее одной десятиной земли и меньше, станетъ работать три дня въ недѣлю, наравнѣ съ тягломъ, у котораго четыре десятины или больше, и помѣщикъ на послѣдяхъ постарается найти ему барскую работу, хотя бы уборка хлѣба и была кончена, на пр. извозъ, рытье канавъ, постройки и мало ли что. Здѣсь тяжесть сравнительно падаетъ на малоземельныхъ. Черезъ два года, по уставнымъ грамотамъ и росписямъ въ “приложеніи къ мѣстнымъ положеніямъ” число дней барщины соотвѣтствуетъ душевому надѣлу; высшій размѣръ надѣла (отъ 2 дес. 1,800 саж. до 12 дес. смотря по мѣстностямъ) обяываетъ на 40 дней мужскихъ въ годъ барщины съ души. Стало крестьянинъ, у котораго два сына по ревизіи записаны, но малолѣтны или еще не женаты, долженъ отбывать однимъ тягломъ три раза сорокъ дней мужскихъ и слѣдственно три раза 26 дней женскихъ,* и того тяговыхъ три раза 66 дней, т. е. 189 дней въ годъ, или слишкомъ три дня въ недѣлю на тягло (3,8 дн.); если у крестьянина 4 малолѣтка, записанныхъ по ревизіи, то тягло круглый годъ будетъ работать на барщинѣ. Стало вся тяжесть падаетъ на малотягольные семьи. Тупое непониманіе народнаго смысла и обычая, непониманіе того, что тягло необходимая единица въ общинномъ землевладѣніи, единственное мѣрило числа рабочихъ силъ, какое бы ни было количество земли у общины, это непониманіе имѣло бы вредное послѣдствіе, еслибъ могло подчинить себѣ народную жизнь; оно запутало бы крестьянъ во всемъ ихъ поземельномъ и мірскомъ устройствѣ и во всѣхъ расчетахъ круговой поруки. По счастью — положенія, сочиненныя правительствомъ, какъ вообще всякое непониманіе, неприложимы и не могутъ быть приведены въ исполненіе; тѣмъ не меньше они народятъ безконечное число смуть, потому что правительство, по своему неразумію, не откажется отъ своихъ “положеній” и будетъ стараться приводить ихъ въ исполненіе — пока, наконецъ, само лопнетъ.

Стоитъ ли слѣдить за каждымъ пунктомъ постановленій объ издѣльной барщинѣ, объ урочныхъ работахъ по условіямъ на три года, и о безусловныхъ работахъ† по 12 часовъ въ день, не включая отдыха (что составитъ 16 часовъ въ день нахожденія на барщинѣ) и о томъ, что въ дальнемъ разстояніи отъ села можно людей по нѣсколькимъ днямъ держать на барщинѣ (ст. 11)? Все это обрывается на томъ, что крестьяне отъ своихъ существующихъ надѣловъ не откажутся, уставныхъ грамотъ писать не будутъ, и потому всѣ подробности “положеній” окажутся лишними. Въ дѣйствительности останется одно: трехдневная барщина, при безконечныхъ спорахъ между помѣщиками и крестьянами, спорахъ, гдѣ новосозданное чиновничество съ помѣщика стянетъ взятку, а мужика, на основаніи статьи 14 “правилъ” и ст. 254 “мѣстныхъ положеній,” — высѣчетъ.

Довольно странно поступило правительство съ крестьянами, состоящими на смѣшанной повинности. Ст. 4^я “правилъ”

* Замѣчательно, что мѣстныя положенія, положивши, соразмѣрно высшему надѣлу, 40 дней мужскихъ — такъ и сказано: мужскихъ — вгдѣ не говорить сколько дней женскихъ; по этому мы возвращаемся къ 7 й ст. “правилъ,” т. е. къ отношенію мужскихъ дней къ женскимъ какъ 3 : 2, или слѣдственно 2/3 сорока дней равны 26½.

† Вообще правительство, гдѣ только ни заподозрѣло возможность добровольныхъ соглашеній, тамъ тотчасъ предписало для нихъ правила, вслѣдствіе чего соглашенія уже не могутъ быть добровольными.

оно упничтожило эту повинность, сказавъ прямо, что крестьяне обязаны: “состоящіе на оброкѣ—платить оброкъ владѣльцу въ прежнемъ размѣрѣ, а состоящіе на барщинѣ—отправлять опую въ *прежнемъ размѣрѣ*, съ облегченіями, кои указаны въ нижеслѣдующихъ статьяхъ.” Изъ этого ясно, что крестьяне, гдѣ есть оброкъ, уже не пойдутъ на барщину и ограничатся только этимъ оброкомъ. По ст. 170, 171 и 172 “мѣстныхъ положеній” правительство возобновило смѣшанную повинность, перечислило барщину на оброкъ и сдѣлало то, что этотъ оброкъ выйдетъ гораздо тяжелѣе смѣшанной повинности, а помѣщикъ можетъ не согласиться оставить барщину—и смѣшанная повинность замѣнится усиленнымъ принудительнымъ оброкомъ, или подастъ поводъ къ безконечнымъ спорамъ и смутамъ.

Мимоходомъ правительство хватило половниковъ прим. 3чъ ст. 17^й “мѣстныхъ положеній”: “Не считаются крестьянскимъ надѣломъ тѣ пахатныя и сѣнокосныя земли, которыя пахались или убирались крестьянами изъ части урожая или укуса.” На этомъ основаніи смелливый помѣщикъ и мировой посредникъ оберутъ половниковъ до послѣдней нитки.

Не забыло также правительство своею милостію крымскихъ крестьянъ южнаго берега, въ имѣньяхъ, гдѣ сады, виноградники и огороженные пашни; оно лишило ихъ земельного надѣла и оставило на правахъ дворовыхъ людей. У васъ де климатъ хорошъ, на чтожь вамъ земля? (Ср. къ ст. 8).

Въ мѣстныхъ “положеніяхъ” для губерній, на особыхъ правахъ состоящихъ, повторены всѣ основанія мѣстныхъ положеній для великороссийскихъ губерній. Не имѣя подъ рукою доселѣ существовавшихъ инвентарій, мы не можемъ входить въ подробное сравненіе стараго и новаго крѣпостнаго права для западныхъ губерній.

Прибавимъ ко всему этому, что взиманіе оброковъ и гоньба на барщину, при круговой поруцѣ и безъ оной, подчинены дикой системѣ ипотеки, при которой постоянное вмѣшательство чиновничества, прогулявшись по селамъ съ полицейскимъ тѣлеснымъ наказаніемъ, оставить ихъ раззоренными, а подати неуплаченными и повинности, за безсиліемъ, неисполненными.

За то мы можемъ утѣшиться *отдѣленіемъ третьимъ главы второй: о переоцѣнкѣ денежной повинности.* Оно состоитъ изъ двухъ статей. Правительство сочинило ихъ, не замѣтивъ, что не только его выкупъ, но и его уставныя грамоты никогда не будутъ приведены въ исполненіе, потому что онѣ не исполнимы. Вотъ эти двѣ статьи:

“185. Определенный въ уставной грамотѣ денежный оброкъ остается неизмѣннымъ въ продолженіи *двадцати лѣтъ* со дня утвержденія сего положенія.

186. По истеченіи *двадцатилѣтняго срока*, по требованію помѣщика или крестьянъ, производится переоброчка на *новое двадцатилѣтіе*, на тѣхъ основаніяхъ кои правительствомъ будутъ указаны.”

Сильно сказано!... Двадцать лѣтъ—каково хватило!

Да, милостивые государи, не то что *двадцать лѣтъ* и не то что *эти положенія*, а само *это правительство семи лѣтъ не продержится*, потому что:

Народъ царемъ обманутъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

(Обозваніе вперед).

УРАЛЬСКІЕ КАЗАКИ.

Вслѣдствіе капитальныхъ злоупотребленій и безпорядковъ по всѣмъ частямъ управленія въ уральскомъ казачьемъ войскѣ, велѣно было Павломъ I составить положеніе объ этомъ войскѣ. Положеніе было составлено посланнымъ отъ правительства генераломъ Медеромъ въ 1801 году и утверждено императоромъ Александромъ I, 27 Декабря. При всѣхъ недостаткахъ даже для того времени, оно едва ли не лучшее изъ всѣхъ существующихъ теперь въ Россіи положеній; по это самое доказываетъ, что по лучшему положенію на бумагѣ, можетъ прійти народъ въ самое грустное положеніе на дѣлѣ, если необузданному произволу личности (а онъ у нея обыкновенно неограниченъ) оставлено поле. Невѣжественное и недобросовѣстное управленіе войскомъ, при повсюдномъ бюрократизмѣ въ Россіи, особенно въ отдаленномъ, безконтрольномъ нашемъ краѣ, назначеніе котораго сдѣлали правительственныя цѣли Петербурга исключительно военнымъ,—довело до того, что войско стало въ тридцатыхъ годахъ просить о новомъ положеніи. И вотъ это новое положеніе составляется въ теченіи четверти столѣтія и никакъ не можетъ составиться, потому что сначала связало его военное министерство, богъ знаетъ ради какихъ причинъ, съ земельною тяжбою казаковъ съ сосѣдями, и потомъ съ каждою перемѣною атамана и оренбургскаго военнаго губернатора (ему подчинены атаманъ и все уральское войско) передавалось оно новому,—кроилось, рѣзалось какъ Тришкинъ кафтанъ, и наконецъ обратилось въ такую жалкую компиляцію изъ разныхъ положеній о казачьихъ войскахъ и общихъ губернскихъ учрежденій, что было совершенно забраковано пынѣшимъ атаманомъ Столыпимъ. Въ прошломъ году, по его ходатайству, велѣлъ государь составить въ городѣ Уральскѣ комитетъ для написанія положенія объ управленіи уральскимъ казачьимъ войскомъ и вообще объ улучшеніи его быта (то же сдѣлано и въ другихъ казачьихъ войскахъ, какъ мы слышали). Но главное дѣло не въ этомъ: комитетовъ у насъ бездна въ Россіи, особенно въ послѣднія пять лѣтъ; главное дѣло въ томъ, что комитетъ не стѣсненъ рѣшительно никакою программой, такъ, что этимъ случаемъ, доселѣ единственнымъ въ Россіи, открыто самое широкое и плодотворное поле для здраваго разсудка общественныхъ дѣятелей нашихъ, и никому не должна бы грозить даже участь нашихъ протестантовъ по крестьянскому дѣлу, тѣмъ болѣе, что во всей землѣ уральскихъ казаковъ, нѣтъ ни единой крестьянской души, слѣдовательно нѣтъ новода къ правительственной ревности, съ которою такъ явнозираетъ правительство на частные проекты по этому дѣлу. Комитетъ былъ составленъ генералъ-губернаторомъ Катенинымъ изъ двухъ его чиновниковъ, одного ученаго (натуралистъ Сѣверцовъ), одного казачьяго чиновника и войскового прокурора; подъ предсѣдательствомъ атамана онъ началъ свои занятія со второй половины Юня, въ октябрѣ кончилъ. Рабогалъ одинъ Оголинъ,* и разумѣется трудъ его не соотвѣтствуетъ требованіямъ не только нашей страны, но самаго вѣка. Въ положеніи нѣтъ идеи, нѣтъ принциповъ, и весь трудъ состоитъ въ томъ, что существующее фактически только будетъ теперь узаконено. Вслѣдствіе энергическаго протеста Охлебинина† противъ предложеннаго въ положеніи судо-

* Генералъ-губернаторскій чиновникъ изъ правовѣдовъ, (выпуска 1847 г.).

† Войсковой прокуроръ, тоже изъ правовѣдовъ, (выпуска 1854 г.).

устройства въ уральскомъ войскѣ, поручено было ему комитетомъ написать особый проэктъ объ этомъ,—что онъ и исполнилъ, положивъ въ основаніе судоустройства судъ присяжныхъ, гласность, устность и адвокатуру. Когда проэктъ положенія былъ прочитанъ новому генералъ-губернатору, Безаку, и спрошено его мнѣніе о проэктѣ, то онъ сказалъ Столыпину: “зачѣмъ вамъ теперь мое мнѣніе? Напечатайте разошлите кому надо, а послѣ и я, можетъ быть, скажу свое мнѣніе. Вы работали за нимъ, вы и отвѣчайте.” Теперь проэктъ печатается и разошлетъ по войску и къ людямъ, могущимъ подать доброе мнѣніе. Разумѣется это лучшее средство поправить проэктъ; но едва ли возраженія будутъ печататься и все дѣло можетъ ограничиться кружкомъ бюрократическихъ дилетантовъ или патриархальныхъ либераловъ. Между тѣмъ, кромѣ высказаннаго Охлебиннымъ о судоустройствѣ въ уральскомъ казачьемъ войскѣ, требуется возможность совершенно свободно говорить печатно обо всемъ, что дѣлается въ этомъ глухомъ краѣ. Необходима отмѣна тѣлесныхъ наказаній, которыя даютъ такую палаческую силу военновначальствующимъ надъ казаками и ставятъ бѣдныхъ казаковъ въ такое унижительное положеніе передъ ними.

Требуется, чтобы атаманы войсковые были не по опредѣленію отъ правительства, а по выбору войскомъ, и притомъ никакъ не пожизненно, а на срокъ 1—3хъ лѣтъ, какъ это было до Екатерины II (тогдашніе безпорядки и невѣжество управленія теперь не препятствіе, особенно при ограниченіи мѣстомъ воспитанія избираемаго), потому что съ того самаго времени, какъ стали управлять войскомъ пожизненные атаманы, стали образовываться около нихъ кружки преданныхъ имъ кліентовъ, чиновниковъ-грабителей, интересы которыхъ сдѣлались потомъ общими съ атаманскими въ совершенную противоположность съ войсковыми казачьими, до проявленія ихъ въ фактахъ столь возмутительныхъ, что сердце сжимается при одномъ воспоминаніи объ нихъ; тутъ же и начало происхожденія народнаго вереда, такъ называемой казачьей аристократіи, о которой до пожизненныхъ атамановъ не могло быть и понятія въ общинѣ истиннаго равенства, какова казачья. Надо, чтобы административно-хозяйственное учрежденіе, столь важное по свойству и богатству поземельныхъ угодій и промысловъ и по системѣ отбыванія войскомъ повинностей, единственной въ цѣломъ мѣрѣ (круговая войсковая наемка), было, по отдѣленіи его отъ всякаго другаго officialнаго значенія (теперь оно и судебное, и слѣдственное по общему закону уѣздныхъ судовъ—дополнять производствомъ вступающія съ нимъ слѣдственные дѣла, и исполнительное—по военно-суднымъ дѣламъ), совершенно самостоятельно, съ выборными совѣтниками непожизненно, какъ теперь, а на срокъ 1—3хъ лѣтъ, съ такимъ же вліяніемъ въ немъ войскового атамана, какъ и каждаго изъ всѣхъ членовъ этого учрежденія, и съ отвѣтственностію и подсудностію всѣхъ ихъ общему войсковому суду наравнѣ съ прочими казаками. Чтобы военная часть, если она и теперь необходимо нужна, была совершенно отдѣлена отъ гражданской. Кромѣ ежегодной выкомандировки изъ войска, въ разныя мѣста государства, казачьихъ командъ (отъ 500—2000 человекъ), существуютъ въ каждой столпцѣ линейныя команды (отъ 10—35 человекъ) для наблюденія за киргизами и отправления почтовой и подводной гоньбы; у каждой команды начальникъ, чиновникъ, онъ же

мѣстный начальникъ, судья, слѣдователь, исполнитель собственныхъ приговоровъ, хозяинъ и все, что хотите,—въ станицѣ. По устройствѣ мѣстныхъ судовъ на основаніи, положенномъ въ проэктѣ Охлебиннымъ, всѣ эти команды, равно Уральскій городской полкъ, учебная сотня и вообще постановка и пріемка всѣхъ военныхъ казачьихъ командъ въ войскѣ, могутъ быть въ вѣденіи одного лица, на примѣръ, походнаго атамана, опредѣляемаго правительствомъ, подъ распоряженіемъ командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса, которому подчинено теперь все Уральское войско; а мѣстнымъ начальникамъ командъ въ станицахъ останется полицейская исполнительная обязанность, на сколько вызвана будетъ потребность въ ней мѣстнымъ судомъ и общими войсковыми постановленіями; но всѣ начальники сихъ командъ, какъ мѣстные, такъ и дистанціонные, по дѣламъ, не касающимся собственно военной службы, должны быть подсудны войсковому суду. Надо, чтобы въ казачьемъ войскѣ вовсе не было чиновъ; полковники, старшины, эсаулы, сотники, хорунжіе и урядники должны быть ими, какъ это и было всегда у всѣхъ казаковъ, во время состоянія ихъ въ военныхъ командахъ: отбылъ службу, сходилъ въ походъ и опять вольный казакъ, подлежащій общей наемкѣ и пользующійся ею наравнѣ со всѣми состоящими въ войскѣ на лицо товарищами, съ тою разницею, что въ командѣ онъ получаетъ, кромѣ наемки, жалованье по окладу армейской кавалеріи регулярныхъ войскъ. Безъ этого никогда не можетъ быть въ войскѣ истиннаго равенства правъ и слѣдовательно нравственнаго и матеріальнаго обезпеченія самой общины: чиновлюбіе опять потянетъ въ одніѣ руки и опять это несчастное раздвоеніе войска на чиновниковъ и казаковъ, какъ на два враждебные стана, опять общественная отравка. Теперешнимъ чиновникамъ и казакамъ, выходящимъ изъ училищъ, способнымъ къ службѣ, имѣть списки и нанимающихся изъ нихъ на службу при сформированіи командъ назначать начальниками въ онія, а вслучаѣ недостатка въ нанявшихся назначать изъ оставшихся по симъ спискамъ въ войскѣ налицо, строго соблюдая при этомъ очередь, какъ это дѣлается теперь; назначеніе въ начальники изъ нанявшихся, какъ уже поступившихъ въ составъ командъ, должно зависеть отъ походнаго атамана, а очередное—изъ нанявшихся, какъ наличныхъ въ войскѣ, отъ войскового административно-хозяйственнаго учрежденія, въ исключительномъ вѣденіи котораго должна быть и вся нѣтчиковая операція (раскладка, сборъ и избавленіе), постановка въ малолѣтки и казаки, свидѣтельствованіе больныхъ и отставка; а къ свѣдѣнію походнаго атамана должны сообщаться одни результаты сихъ операцій съ именными списками, когда они нужны. Эти мелочи, на глаза посторонняго, очень важны при единственной въ своемъ родѣ системѣ казачьяго войскового хозяйства, потому что онѣ бывали источникомъ вопіющихъ злоупотребленій. Къ чести нынѣшняго управленія, этого нѣтъ теперь; но это не гарантія въ дѣлѣ прочнаго устройства войскового общественнаго быта. Надо, чтобы выборы по станицамъ и всѣ дѣйствія, требующія общественнаго голоса, производились участіемъ всего народа, съ извѣстнаго возраста, никакъ не исключая женщинъ, которыя за частнымъ отсутствіемъ мужей ихъ на внѣшнюю службу изъ войска (не рѣдко до половины всей супружеской жизни своей) несутъ на себѣ все домашнее хозяйство, которыя весьма часто доселѣ

справляютъ съ извѣстною точностію наемку, наемочные сборы и уплаты за своихъ мужей, сыновьевъ, братьевъ, даже отцевъ, удивляя знаніемъ дѣла и бойкимъ, толковымъ объясненіемъ его при разбирательствахъ въ войсковой канцеляріи, и которыя вообще играютъ въ войскѣ такую важную роль въ семейно хозяйственномъ быту.

Надо чтобы войсковая хозяйственная часть во всѣхъ ея видахъ была въ безотчетномъ вѣдѣніи самаго войска,* безъ теперешняго контроля казенной губернской палаты, генераль-губернатора и потомъ военнаго министерства; а административная и судебная въ вѣдѣніи высшихъ государственныхъ учреждений этого рода, исключая части военной. Надо, чтобы всѣ занятія войсковаго атамана, если казачья доктрина дѣлаетъ это званіе необходимымъ, ограничивались однимъ административно-хозяйственнымъ учрежденіемъ; а тогда не будетъ надобности и въ теперешней атаманской канцеляріи, этомъ камнѣ преткновенія даже для честныхъ людей. Контроль за исполненіемъ войсковыхъ установленій по казачьей землѣ долженъ принадлежать тому же административному хозяйственному учрежденію, члены котораго должны ревизовать войско поочередно съ отчетностію всему совѣту, и оно наряжаетъ слѣдствія, если результаты этого потребуютъ (разсмотрѣніе слѣдствій, какъ дѣло юрисдикціи, принадлежать должно войсковому суду). Въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ и общинномъ быту самое важное то, что устраняетъ возможность одной личности поработать все окружающее, потому — что безъ этого никакія начала не помогутъ: они всѣ останутся на бумагѣ; а главная суть этой важности, ограниченіе власти войсковаго атамана въ сказанныхъ предѣлахъ, и уничтоженіе чиновъ. Ужъ если, безъ выработаннаго вѣками уложенія, пришлось составлять положеніе объ управленіи народомъ, то въ основаніе его должны быть положены принципы, вытекающіе изъ натуры самаго народа, съ устраненіемъ по возможности всего враждебно-навѣяннаго сими вѣками. У народа воинственнаго отъ природы, по его быту, въ обширномъ значеніи этого слова, легко выдаться впередъ одной личности обыкновенно на счетъ другихъ и увлечь этихъ другихъ за собою вопреки ихъ же самымъ существеннымъ интересамъ. У русскихъ вовсе не то; вызванный ихъ беззащитнымъ географическимъ положеніемъ въ обширныхъ открытыхъ равнинахъ, общинный бытъ сохранилъ самый миролюбивый народъ. Казакъ вовсе не воинъ отъ природы и никогда такимъ не былъ (это теперь самое видное доказательство гражданскихъ, а не политическихъ причинъ происхожденія у насъ казачества); онъ не энтузіастъ и потому не поддаивъ увлеченію ни военной славы, ни блестящей личности: “что сказать войско”; поднимется войско и онъ идетъ на войну ли, когда нужно, на добычу ли, на багренье, плавню севрюги, въ дорогу, (или же) на сѣнокосъ, все войскомъ. Натура его совершенно общинная: слѣдовательно, главнѣе всего, нужно устранить что вредно этой натурѣ, что способно преобладанію одной личности и поработанію общины, т. е., атаманство, въ его настоящемъ видѣ, и чины.

Вотъ вкратцѣ скромныя желанія, осуществленіе которыхъ не можетъ повредить даже петербургскому правительству. Такое открытіе комитетовъ, какъ теперь въ казачьихъ

* Какъ это закононено было въ положеніи генерала Медера, 27 Декабря 1801 года.

войскахъ, еще первое явленіе въ Россіи, по крайней мѣрѣ сначала ея нѣмецкаго періода, первое широкое поле, безгранично открытое правительствомъ русскому обществу, безъ заботливой программы и снисходительныхъ министерскихъ подсказываній: какъ то имъ воспользуются! Если останется войсковое атаманство, въ теперешнемъ его характерѣ и чины — эта злая причина раздвоенія войска на святыхъ и и клятыхъ и совершенной, самой грунтовой вражды ихъ взаимныхъ отношеній, непримиримыхъ даже въ общности ихъ религіозной страсти и гоненій, то всѣ работы комитета будутъ ничто иное, какъ игра, пожалуй къ тому же еще не пустая, въ канцелярскія принадлежности и мозговые нервы, пожалуй та кошачья игра, отъ которой у мышки слезки бываютъ.

СМѢСЬ.

Храбрый Дренякинъ представлялъ къ наградѣ “молодцовъ,” убивавшихъ крестьянъ, нашихъ братьевъ русскихъ крестьянъ. Чѣмъ же ихъ наградить? Надобно выписать австрійскіе или прусскіе кресты — не русскими же награждать за русскую кровь! Въ сороковыхъ годахъ, Николай, съ тѣмъ тактомъ, который его отличалъ, повелѣлъ въ бѣлорусскихъ губерніяхъ награждать отцовъ, которые сами выдаютъ дѣтей своихъ, скрывающихся отъ рекрутства, медалью и 200 р. сер. “Какую же медаль имъ дадутъ — сказалъ я разъ А. С. Хомякову — не ту ли, что даютъ крестьянамъ съ надписью: “за спасеніе погибавшихъ?” — “Непремѣнно — замѣтилъ Хомяковъ — только ужъ съ надписью: *за гибель спасавшихся*. Выбивши въ честь редакціонной комиссіи и потомъ въ честь самаго себя медали, правительство можетъ заняться и этой. Съ одной стороны, вѣнокъ изъ розогъ, связанный флигель-адъютантскимъ эксельбантомъ — а съ другой стороны: “*Симъ освобождаю!*”

— *Распятіе казачьихъ бородъ.* — Чтобъ представить въ настоящее время продолжающееся варварство въ управленіи нашихъ войскъ и этой кровожадной дисциплины, введенной безъ всякаго уваженія къ человѣчеству, стоитъ только привести въ примѣръ недавнее происшествіе, случившееся на Кавказѣ, въ закубанской области. Изъ казачьяго Терскаго полка, по предписанію начальства, офиціально было предписано только тѣмъ переселяться за Кубань, кто самъ пожелаетъ, а правительство желало чтобъ непремѣнно переселялись казаки; почему полковой командиръ казачьяго Терскаго полка подполковникъ Абазинъ призывалъ нѣкоторыхъ казаковъ и приказывалъ непремѣнно чтобъ они переселились; но зная, что ихъ не приказано приневолить, они отказывались. Подполковникъ Абазинъ просверливалъ стѣну, вкладывалъ казачья бороды и потомъ просверленное загвоздивалъ. За такія безчеловѣчныя пытки, благодаря начальнику штаба, генераль-маіору Кусакову, Абазинъ, вмѣсто ожидаемой награды, назначенія бригаднымъ командиромъ, отданъ подъ судъ.

Ждемъ рѣшенія суда.

— *Отъ издателей.* — Съ искренней благодарностью извѣщаемъ мы о полученіи ста двадцати пяти фунтовъ, назначенныхъ для польской школы въ Парижѣ и для польскихъ изгнанниковъ, участвовавшихъ въ итальянской войнѣ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 105.

15 АВГУСТА 1861.

У Триопера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchortzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Заводите Типографію!—Ископаемый епископъ—Новое крѣпостное право (продолженіе)—Въ защиту почвѣвика Ольхива.

Смѣсь: Гродненскій полицмейстеръ и порядокъ—Разбой въ больницахъ—Сверьпый Феодилактъ—Аскочинскій II—Заговоръ.

ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ!
ЗАВОДИТЕ ТИПОГРАФИИ!

Теперь самое время. Мы съ восторгомъ узнали, что у насъ начали печатать въ тиши, *не безпокая* цензуру, мы видѣли даже одинъ листокъ *Великоросса*. Это *второй*, необходимый шагъ; вездѣ такъ шло. Дома стѣпенная мысль ныряла и появлялась вдругъ гдѣ нибудь въ чужой странѣ; на время это удовлетворяетъ. Но какъ только мысли печатаемая за границей начинаютъ осуществляться, имъ пужна родная почва. близость, вдохновеніе дня. Печатайте ручными типографіями, печатайте кой-какъ, тутъ не до эльзевировскихъ изданій, имѣйте буквы на поллиста, чтобъ разомъ можно было спрятать отъ *долгихъ* рукъ и *короткихъ* умовъ тайной полиціи. Нѣтъ въ Европѣ страны, гдѣ легче заводить типографіи, какъ у насъ, вездѣ тѣснѣе живутъ. Но не намъ васъ учить, да еще публично, мы ограничиваемся братскимъ совѣтомъ: *Заводите типографіи! Заводите типографіи!*

ИСКОПАЕМЫЙ ЕПИСКОПЪ,

ДОПОТОПНОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБМАНУТЫЙ НАРОДЪ.*

Шесть часовъ до своей кончины, въ декабрѣ 1846, воронежскій архіерей Антоній вспомнилъ, что за *шесть-десять* лѣтъ умеръ его предшественникъ Тихонъ, и «*вмѣнилъ* себѣ въ священныи долгъ, *по особому* внушенію, засвидѣльствовать *архіерейской совѣстью* предъ Николаемъ Павловичемъ, о сладостномъ и претрепетномъ желаніи, да явленъ будетъ предъ очію всѣхъ сей свѣтильникъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, лежащій теперь подъ спудомъ.»

За тѣмъ всѣ сдѣлали свое дѣло: Антоній умеръ, Николай не обратилъ никакого вниманія на предсмертныи бредъ монаха — опъ же полагалъ, что Митрофаномъ отдѣлялся навсегда отъ мошей и воронежской епархіи; покойникъ продолжалъ покаянныи подъ спудомъ.

Настали другія времена—времена прогрессовъ, освобожденій и обличеній. *Шесть* лѣтъ послѣ воцаренія Александра II и въ *шестой* (кажется) день святительства адмирала Путятина, корчемствующаго судно свѣтскаго просвѣщенія къ брегамъ вѣчной и негнѣнной Японіи, синодъ и государь, Бажановъ и

* Событіе это, представленіе синода и указъ до такой степени пошлы, негнѣпы, что риторъ, защитникъ, хвалитель зимняго дворца, le Nord, не нашелъ духу передать своимъ европейскимъ читателямъ такую глупость.

Годъ V.

государыня, наши *благовременнымъ* приступить къ *необходимымъ* распоряженіямъ для *обличенія* негнѣнности тѣла святителя Тихона. Эта палеонтологическая работа была поручена Писидору кievскому (нынѣ петербургскому), какомъ-то Паисію и другимъ экспертамъ. Думать надобно, что извѣстный читателямъ *Колокола* крѣпостникъ и во Христѣ саперъ Пугачевъ завѣдывалъ земляными работами. Слѣдствіе вполне удалось и ископаемый епископъ, «во благоуханіи святыни почившій», пожалованъ государемъ въ святыи, а тѣло его, за примѣрное негнѣніе, произведено въ мощи, съ присвоеніемъ всѣхъ правъ состоянія, т. е. пользованія серебряной ракой, лампадой, восковыми свѣчами и главное—кружкой для сбора, коею иноцы будутъ руководствоваться по *особому* внушенію божію и по крайнему разумѣнію человѣческому.

Мы останавливаемся передъ этой негнѣпностью и спрашиваемъ: для чего эта роскошь изувѣрства и невѣжества, эта невоздержность идолопоклонства и лицемѣрія?

Можетъ инокъ Тихонъ былъ честный, почтенный человѣкъ — но за чѣмъ же эта синодальная комедія, несообразная съ нашими понятіями, за чѣмъ же тѣло его употреблять какъ аптеку, на лекарство? Вѣдь въ врачевныи свойства Тихона, не смотря на «сорокъ восемь обследованныхъ чудесъ»* никто не вѣритъ, ни Писидоръ—прежде кievскій, а теперь петербургскій—ни Паисій, ни Аскочинскій, ни Путятинъ, ни камилавки, ни ленты черезъ плечо.

Да это и *не для нихъ* дѣлается—*а ими!*

Чудесамъ повѣрить своей дѣтской душой крестьянинъ, бѣдный, обобранный дворянствомъ, обворованныи чиновничествомъ, обманутый освобожденіемъ, усталый отъ безвыходной работы, отъ безвыходной нищеты—онъ повѣритъ. Онъ слишкомъ задавленъ, слишкомъ несчастенъ, чтобъ не быть суевѣрнымъ. Не зная куда склонить голову въ тяжелыи минуты, въ минуты человѣческаго стремленія къ покою, къ надеждѣ, окруженный стайеи хищныхъ враговъ, онъ придетъ съ горячєй слезой къ нѣмой ракѣ, къ нѣмому тѣлу—и этимъ тѣломъ, и этой ракой его обманутъ, его утѣшатъ, чтобъ онъ не попалъ на иныи утѣшенія. И вы, развратители, ограбивши несчастнаго до рубища, не стыдитесь употреблять эти средства?

* Кто дѣлалъ слѣдствіе, какъ? Хотъ бы достать восемь—ужасно интересно было бы для характеристики нашихъ шамаповъ.

Вы хотите сдѣлать его духовнымъ нищимъ, духовнымъ слѣпцомъ, подталкивая его въ тьму изувѣрствъ—какіе вы всѣ черные люди, какіе вы всѣ злодѣи народа!

А тутъ толкуютъ о старообрядцахъ, о раскольникахъ, объ ихъ изувѣрствѣ, объ ихъ обманахъ, пишутъ побасенки въ клевету и уничтоженіе гонимыхъ, которые не могутъ отвѣтъ держать. Нѣтъ, ваша полицейская церковь не выше ихъ образованіемъ, она только ниже ихъ жизнию. Ихъ убогіе священники, ихъ иноки, дѣлили всѣ страданія народа—но не дѣлили награбленной добычи. Не они помазывали муромъ петербургскихъ царей, не они проповѣдывали покорность помѣщикамъ, не они кропили войска, благословляя на неправыя побѣды; они не стояли, въ подломъ уничтоженіи, въ передней бирюковскихъ пѣмцевъ, они не совокупляли насильственнымъ бракомъ крѣпостныхъ, они не загоняли народъ въ свою моленную розгой капитанъ-исправника, ихъ пѣшихъ іерарховъ не награждали цари кавалеріями!

... О еслибъ слова мои могли дойти до тебя, труженникъ и страдалецъ земли русской! до тебя, котораго та Русь, Русь лакеевъ и швейцаровъ презираетъ, котораго ливрея зоветъ чернымъ народомъ, и издѣваясь надъ твоей одеждой, снимаетъ съ тебя кушакъ, какъ прежде снимала твою бороду—еслибъ до тебя дошелъ мой голосъ, какъ я научилъ бы тебя презирать твоихъ духовныхъ пастырей, поставленныхъ надъ тобой петербургскимъ синодомъ и нѣмецкимъ царемъ. Ты ихъ не знаешь, ты обмануть ихъ облаченіемъ, ты смущенъ ихъ евангельскимъ словомъ—пора ихъ вывести на свѣжую воду!

Ты не нравишься помѣщику, не нравишься подъячаго, боишься ихъ—и совершенно правъ; но вѣришь еще въ царя и въ архіерея... не вѣрь имъ. Царь съ ними, и они его. Его ты видишь теперь—ты, отецъ убитаго юноши въ Безднѣ, ты, сынъ убитаго отца въ Пензѣ. Онъ облыжнымъ освобожденіемъ, самъ взялся раскрыть народу глаза, и для ускоренія послалъ во всѣ четыре стороны Руси флигель-адъютантовъ, пули и розги.

А пастыри то твои въ сторонѣ—по своимъ Визаніямъ да Халкидонамъ. Вотъ оттуда то мы и желали бы “претрепетно” явить передъ очію всѣхъ добрыя дѣла духовныхъ свѣтильниковъ твоихъ.

Послѣ вѣковыхъ страданій, страданій превзошедшихъ всю мѣру человѣческаго долготерпѣнія, занялась заря крестьянской свободы. Путаясь перевязанными ногами, ринулась впередъ, на сколько веревка позволяла, наша литература; нашлись помѣщики, нашлись чиновники, отдавшіеся всѣмъ тѣломъ и духомъ великому дѣлу; тысячи и тысячи людей ожидали съ трепетомъ сердца появленія указа; нашлись люди, которые, какъ М. П. Погодинъ, принесли наибольшую жертву, которую человѣкъ можетъ принести—пожертвовали здравымъ смысломъ и до того обрадовались манифесту, что стали писать дѣтской бредъ.

Ну, а что сдѣлала, въ продолженіи этого времени, всѣх-скорбящая, сердобольная заступница наша, новообрядческая церковь наша со своими іерархи? Съ невозмущаемымъ покоемъ, ѣла она свою семгу, грузди, вязигу; она выказала каменное равнодушіе къ народному дѣлу, то возмутительное, преступное бездушіе, съ которымъ она два вѣка смотрѣла изъ подъ клобуковъ своихъ, перебирая четки, на злодѣйства помѣщиковъ, на насилія, на прелюбодѣнія ихъ, на ихъ

убійства... не пайдя въ пустой душѣ своей ни одного слова негодованія, ни одного слова проклятья!

Европа встрепенулась; въ Англіи, во Франціи чужіе привѣтствовали начало освобожденія, показали участіе. Укажите мнѣ слово, письмо, проповѣдь, рѣчь—Филарета, Исидора, Антонія, Макридія, Мельхиседека, Агаатокла? Гдѣ молитва благодарности, гдѣ радостный привѣтъ народу, заступничество за него передъ остервенѣлымъ дворянствомъ, совѣтъ царю? Ничего подобнаго—то же аѳонское молчаніе, семга, вязига, похороны, освященіе храма, купеческія кудебяки да вино—благо гроздія винолозы постыныя суть. А тутъ, лѣтъ черезъ двадцать пять, “претрепетное желаніе” и они выставляютъ “во благоуханіи почившаго” какого нибудь Трифона или Тихона, съ кружечкой для благодатныхъ дателей! Что у васъ общаго съ народомъ? Да что у васъ общаго съ людьми вообще? Съ народомъ развѣ борода, которой вы его обманываете. Вы не на шутку ангельскаго чина, въ васъ нѣтъ ничего человѣческаго.*

Повообрядческая церковь отдѣлалась, на первый случай, острымъ словцомъ московскаго Филарета; въ одной изъ своихъ приватныхъ рѣчей, которыми онъ мѣшаетъ своимъ помазанникамъ входить въ успенскій соборъ, онъ отпустилъ цвѣтословіе о томъ, что другіе властители покоряютъ народы плѣненіемъ, а ты молъ “покоряешь освобожденіемъ.”

Говорили правда рѣчи архіереи послѣ объявленія манифеста, и то по губернаторскому наряду, то есть также добровольно являлись они за насъ, какъ жандармы являются къ развѣздамъ. Да и что же замѣчательнаго было ими высказано?

Медаль перевернулась скоро. Михаилъ Петровичъ еще бредилъ и не входилъ въ себя отъ радости, а ужъ изъ обнаженной и многострадальной груди Россіи, сочилась кровь изъ десяти ранъ, нанесенныхъ русскими руками, и согбенная спина старика крестьянина и не сложившаяся спина крестьянина отрока покрывались свѣжими рубцами, темносиними рубцами освобожденія.

Крестьяне не поняли, что освобожденіе обманъ, они повѣрили слову царскому—царь велѣлъ ихъ убивать какъ собакъ; дѣла кровавыя, гнусныя совершились.

Что же, кто нибудь изъ іерарховъ, изъ кавалерственныхъ архіереевъ, пошелъ къ народу обяснить, растолковать, успокоить, посѣтовать съ нимъ? или бросился кто изъ нихъ, какъ въ 1848, католическій архіерей Афръ, передъ одичалыми опричниками, заслоня крестомъ, мощами Тихона, своею грудью, неповиннаго крестьянина, повѣрившаго въ простотѣ души царскому слову? Былъ ли хоть одинъ? Кто? Гдѣ! —Назовите, чтобы я въ прахъ у него попросилъ прощенія.... Я жду!

А покамѣстъ еще разъ скажу народу: нѣтъ, это не твои пастыри; подъ платьями, которыя ты привыкъ уважать по преданію, скрыты клеветы враждебнаго правительства, такіе же генералы, такіе же помѣщики; ихъ зачерствелое, постное сердце не болѣетъ о тебѣ. Твои пастыри—темные какъ ты, бѣдные какъ ты; они говорятъ твоимъ языкомъ, вѣрятъ твоимъ упованіямъ и плачутъ твоими слезами. Таковы

* Мы говоримъ о высшемъ духовенствѣ; вѣроятно изъ священниковъ нашлись многіе, сочувствовавшіе народу. Мы помнимъ сверхъ того молодого архимандрита казанской академіи Іоанна, помѣстившаго въ январской книжкѣ 1859 Православнаго Собѣдника, слово объ освобожденіи; по статьѣ его тотчасъ вызвала дикой и уродливой отвѣтъ во Христѣ санера.

былъ пострадавшій за тебя въ Казани, ивой Антоній; мученической, святою кровью, запечатлѣлъ онъ свое болѣзное родство съ тобою. Онъ вѣрилъ въ волю вольную, въ волю истинную для русскаго земледѣльца — и подпявши надъ головою ложную грамоту, палъ за тебя.

Объ открытіи его мощей не попросить, за *шесть* часовъ, ни одинъ архіерей и не дозволить ни одинъ петербургскій царь. Да оно и не нужно—опъ принадлежитъ къ твоимъ святителямъ, а не къ ихъ. Тѣла твоихъ святителей не сдѣлають сорока восьми чудесъ, молитва къ нимъ не вылечитъ отъ зубной боли; но живая память объ нихъ можетъ совершить одно чудо—твое освобожденіе.*

П—ръ.

РАЗБОРЪ ПОВАГО КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

(Продолженіе.)

До сихъ поръ ясно, что правительство отняло у народа и урѣзало землю, учредило запутанно сложную, постоянно-спорную барщину, повысило оброки и столкло мысль о возвратѣ народу народнои земли, съ вознагражденіемъ помѣщиковъ, — въ невозможность своего смѣшнаго содѣйствія выкупу, основанному на скупкѣ своихъ собственныхъ, падшихъ векселей. Теперь посмотримъ, какъ оно хочетъ наложить свою неловкую лапу на самую общественную жизнь народа, на его сельское устройство, судъ и самоуправленіе, и поверхъ всего поставить себя, подраздѣленнаго на безопечное число всякаго рода чиновниковъ.

Переименовавъ *миръ* въ сельскій сходъ, вѣроятно для того, чтобъ сдѣлать дѣло какъ можно непонятнѣе для народа, правительство, ни съ того, ни съ сего, приняло, въ основаніе мірскихъ договоровъ, парламентскую, или скорѣе коллегіальную форму рѣшеній по большинству голосовъ съ придачею одного, а такъ какъ староста (президентъ) имѣетъ два голоса, то просто по произволу той половины голосовъ, къ которой принадлежитъ староста† (ст. 55 общ. пол.). Рѣшеніе же такихъ вопросовъ, какъ переходъ съ общиннаго землевладѣнія на особнячное и передѣлы мірской земли—отнесено къ большинству двухъ третей голосовъ (ст. 54); тутъ самому правительству показалось, что половины голосовъ мало.

Одно изъ коренныхъ понятій въ русскомъ народѣ—понятіе *договоренія*. Въ самомъ языкѣ мы находимъ выраженіе обычныхъ народныхъ понятій и естественнаго для народа склада жизни и ума. Такимъ образомъ мы въ языкѣ встречаемъ слова: *договоръ*, *уговоръ* и *условіе* (Einverständniss, entente) вмѣсто *контракта*, изъ которыхъ гораздо больше

* Недавно намъ рассказывали случай, бывший года полтора тому назадъ въ Хвалынскѣ. Попейской поль, сговорившись съ какимъ то чиновникомъ, напали на старообрядческаго священника Осипа Федоровича Андреева, вѣхавшаго съ женой и дѣтьми въ снабженнаго паспортомъ, выданнымъ изъ самарской конторы. Попъ и исправникъ разбили ящики съ кладью, отобрали паспортъ, и Андреева отправили сквапнаго сначала къ исправнику Середѣ, а потомъ въ острогъ. Спустя девять мѣсяцевъ, тотъ же очевидецъ этого духовно-земскаго разбоя, снова пробѣжалъ по Хвалынску и вспомнивъ исторію, спросилъ о священникѣ Андреевѣ и узналъ слѣдующее: жену и дѣтей къ нему не допускали цѣлые полгода. Жена ѣздила въ Саратовъ; тамъ ее обругалъ и прогналъ протопопъ Поляковскій и грозилъ ее самое посадить въ тюрьму. Несчастная женщина, разоренная, безъ всякой помощи, написала письмомъ къ государю. Государь не отвѣчалъ—онъ самъ принадлежитъ къ церкви исправника и попа!

Въ орловской губерніи—пшутъ намъ—многие поны до тѣхъ поръ отказывались отъ чтенія манифеста объ освобожденіи, пока крестьяне не дѣлали складчину, или самими назначенную.

† Это уже чисто коллегіальная, а не парламентская форма. При довольно многочисленномъ собраніи она до крайности уродлива.

видно, что двѣ стороны *договорились* до какой либо средней, обѣимъ сподручной выгоды, и станутъ договариваться иначе, еслибы оказалась ошибка въ ущербъ одной изъ сторонъ, чѣмъ замкнутое, обязательное исполненіе во что бы ни стало, разъ навсегда формальнымъ актомъ закрѣпленнаго предположенія. Та-же основная мысль, господствующая въ юридическихъ отношеніяхъ между лицами, является и въ общественной жизни и самоуправленіи; здѣсь требуется договоръ всѣхъ, договоръ мірской, который можетъ быть нарушенъ или хранимъ по согласію міра. Крестьяне, на міру, *договариваются* до общаго рѣшенія, которое, слѣдственно, единогласно. Отъ этого, можетъ быть, выходитъ то неудобство, что міръ договаривается долго, тратитъ много времени; но выходитъ и то удобство, что опъ договаривается до общаго согласія, до безспорнаго рѣшенія. Оно имѣетъ и то удобство, что міръ, какъ полный, единогласный хозяинъ, своего рѣшенія, если впоследствии окажется, что рѣшеніе было ошибочно, договаривается съизнова до новаго рѣшенія. Міръ естественно имѣетъ право повѣрки самаго себя; онъ никогда не составляетъ вышшняго обязательнаго закона для какой нибудь части общества. Въ немъ лежитъ общественная самозаконность, которая, какъ все живое и движущееся, не имѣетъ замкнутости и ограниченности закона писаннаго, акта, послѣ котораго нѣтъ возврата, какъ бы онъ ни былъ ошибоченъ. Только въ этой самозаконности и незамкнутости общаго договора есть надежда на возможность постояннаго преобразованія, постоянной мирной реформы, необходимой при измѣненіяхъ обстоятельствъ, но невозможной, при замкнутыхъ рѣшеніяхъ, иначе какъ посредствомъ судорожныхъ общественныхъ потрясеній. Введеніе рѣшеній по большинству голосовъ, тотчасъ налагаетъ обязательный законъ для одной трети, или для цѣлой половины общества, законъ, который уже не подлежитъ повѣркѣ и перерѣшенію, законъ замкнутый. Правительство безсознательно пришло къ логическому выводу изъ своего положенія, немедленно замѣняетъ мірской свободный договоръ—письменнымъ закономъ и учреждаетъ запись въ особую книгу рѣшеній по большинству двухъ третей (ст. 57) такъ, чтобы уже никакъ не лзя было взять назадъ рѣшенія. Къ такимъ въ книгу записаннымъ актамъ отнесены (по ссылкѣ на 54 ст.) не только переходъ съ общиннаго землевладѣнія на особнячное, но и передѣлы мірской (общинной) земли, что до сихъ поръ дѣлалось по всей Россіи безъ всякой записи и безъ всякаго спора. Очень ясно почему не нужно было записи: всякой зналъ на дѣлѣ, въ натурѣ, какой гдѣ участокъ ему достаётся; писанная буква ничего бы не отняла и не прибавила. Очень ясно почему не было спора: каждый принёсъ, въ общее рѣшеніе, свое согласіе; каждый со всѣми до этого рѣшенія договорился; слѣдственно и не возражалъ, и не чувствовалъ за собою права захватить клочъ земли у сосѣда, но какому нибудь своему отдѣльному соображенію. Рѣшеніе по большинству, становясь насильственно-обязательнымъ для одной части населенія, требуетъ формальнаго акта; иначе оно держаться не можетъ. Но за то оно и не безспорно, и съ перваго дня его приведенія въ исполненіе (если это возможно), возникнуть споры и жалобы, къ крайнему удовольствію начальства и крайнему разоренію народа.

Правительственные доктринеры съ либеральнымъ направленіемъ—слыхали, отъ знакомыхъ, что міръ часто стѣсняетъ свободу отдѣльныхъ крестьянъ, свободу личную, и косо

смотрѣли на мірскую власть. Безъ сомнѣнія вопросъ о границахъ мірской власти надъ личностью—очень важенъ, мало уясненъ, потому что не могъ опредѣлиться у народа *не свободнаго*, и требуетъ большой разработки въ народномъ пониманіи. Но развѣ переменна единогласнаго рѣшенія на міру—въ рѣшеніе по большинству голосовъ, сколько нибудь уясняетъ вопросъ, сколько нибудь ограждаетъ личность? Она не только не уясняетъ, но даже не ставитъ вопроса о границахъ личной свободы и мірской власти. Деспотическая власть большинства голосовъ надъ личностью—для личной свободы можетъ быть только хуже, а отнюдь не лучше общей мірской власти. Большинство голосовъ уже необходимо тѣснить треть или половину несогласнаго съ нимъ населенія, и слѣдственно каждую личность изъ этой трети, или половины. Оно вноситъ не то что лишнюю вѣроятность, а новую, доселѣ не существовавшую, неизбежность стѣсненія личной свободы по приговору на сходѣ, неизбежность тѣмъ больше опасную, что большинство схода, гораздо легче чѣмъ міръ, подчинится вліянію помѣщичьи-чиновничьяго управленія. Слѣдственно принятіе большинства голосовъ на сходѣ, вмѣсто мірскаго единогласія, не только не рѣшаетъ вопроса о личной свободѣ, но запутываетъ его. Поставить вопросъ, не шутя, можно было только прямымъ разсмотрѣніемъ случаевъ, гдѣ мірская власть тѣснить личную свободу, не по охотѣ, а по нуждѣ, потому что начальство требуетъ, и гдѣ тѣснить по собственной охотѣ, и случаевъ наконецъ, гдѣ мірская власть не есть притѣсненіе, а человѣческое требованіе, чтобы каждый исполнялъ извѣстныя обязанности относительно цѣлаго общества. Такъ прямо поставить вопросъ доктринаризмъ не догадался, да и правительство не захотѣло бы, боясь невольно придти къ заключенію, что въ девяти десятихъ случаевъ міръ тѣснить личную свободу изъ за требованій начальства.* И вотъ учрежденіе новаго сельскаго устройства, по непониманію народнаго смысла, скажемъ больше—по отсутствію здраваго смысла, начинается съ презрѣнія къ народному обычаю, съ искаженія народной жизни.

Доктринаризмъ, замѣняя единогласіе большинствомъ голосовъ, слѣдовалъ, какъ мы уже замѣтили, отчасти коллегіальной формѣ правительственныхъ учрежденій, перешедшей и въ уставъ дворянскихъ выборовъ, отчасти парламентскому устройству въ европейскихъ государствахъ. Коллегіальная форма, для чиновничьяго доктринаризма, дѣло привычки; парламентское устройство—больше предметъ религіознаго уваженія. Но доктринаризмъ не замѣтилъ одного постоянного явленія въ исторіи европейскаго парламентаризма, того, что большинство *всегда рѣшаетъ*, а меньшинство *всегда, или почти всегда, бываетъ право*. Самый доктринаризмъ признаетъ за парламентскимъ меньшинствомъ дѣло прогресса, что доказываетъ, что оно бывало право прежде чѣмъ большинство было въ состояніи понять его справедливость и потому большинство рѣшало противъ правды и затрудняло движеніе къ лучшему своей неохотой разстаться съ дорогими предразсудками и личными выгодами. Англія очень хорошо поняла это и упрочила личную свободу и безопасность въ своемъ самомъ живомъ учрежденіи—въ судѣ присяжныхъ; и между тѣмъ какъ высшія сословія, ограждаясь парламентомъ

* Не говоря о другихъ законныхъ и противозаконныхъ вліяніяхъ,—сколько одна система паспортовъ вноситъ въ мірское управленіе случаевъ стѣсненія личной свободы, единственно по требованію начальства; иначе міръ никогда не дошелъ бы до мысли объ этомъ стѣсненіи.

отъ попользованій королевской власти на своеволие, создали свой парламентскій деспотизмъ, который общественныя дѣла рѣшаетъ большинствомъ голосовъ, наиболѣе своекорыстныхъ, потому что это большинство изъ представительства сословнаго: въ то же время личная безопасность и свобода ограждены, даже и отъ парламентскаго деспотизма, рѣшеніемъ суда присяжныхъ—*единогласнымъ*. Англія, въ основаніе своей свободы, постановила *единогласіе* на судѣ. Но единогласное рѣшеніе суда присяжныхъ также требуетъ не мало траты времени. Гораздо бы легче рѣшить, изъ 12 голосовъ, большинствомъ семи—а личность то и не была бы ограждена отъ притязаній партій, отъ подкупа, отъ вліяній правительственныхъ и сословныхъ. Конечно и тутъ сословное своекорыстіе подкочалось и выростило мировые суды безъ участія присяжныхъ; но случаи, гдѣ судъ присяжныхъ необходимъ по закону, но возможность перенесенія дѣла на ихъ судъ—все это даетъ огромный оплотъ противъ неправды, и все же *единогласіе суда* служитъ основнымъ огражденіемъ личной свободы въ Англіи.

Судъ присяжныхъ *договаривается* до своего рѣшенія, какъ у насъ сельскій міръ договаривается до своего. *Міръ* есть приложеніе юридическаго смысла *jury* къ дѣлу общественному. Присяжные знаютъ, что если въ ихъ средѣ, нѣсколько голосовъ стоятъ за правду и что безъ этихъ голосовъ обойтись нельзя, то очень мудро поддержать ложь; если же ихъ суду представляется дѣло запутанное и темное, слѣдственно спорное, гдѣ они искренно расходятся въ мнѣніяхъ, то они могутъ договориться до приблизительной правды—и это несравненно важнѣе, чѣмъ рѣшить дѣло въ одну сторону, не бывши нисколько убѣждены, что ошибаются пять человекъ, а не семь, меньшинство, а не большинство. Тоже происходитъ на міру, гдѣ приблизительная правда еще важнѣе, потому что вопросы, хоть бы вопросъ о передѣлѣ земли, сложнѣе и не имѣютъ той опредѣленности, какъ на пр. вопросъ уголовный: кто убійца—*этотъ* человекъ, или *не этотъ*? Въ вопросѣ о передѣлахъ входитъ больше данныхъ и больше колебаній, стало и остановиться можно только на приблизительной правдѣ, а не на доскопальной. Очевидно до этой приблизительной правды могутъ договориться только всѣ, а не одна часть населенія. Если мнѣнія раздѣлены на два стана, на двѣ силы—то пустить рѣшеніе по направленію одной изъ силъ совершенно несправедливо. По ст. 55, гдѣ обѣ силы равны, съ той разницей, что на одной сторонѣ староста, оно въ глаза бросается; но какъ хорошенько подумаешь, то не найдешь достаточной причины прижать и одну треть ради двухъ третей. Міръ договаривается до рѣшенія удобнаго для обоихъ сторонъ; тутъ не устраняется одна сила въ пользу другой, а отъ столкновенія двухъ силъ рѣшеніе принимаетъ направленіе по среднему пути, по діагональ, что, конечно, въ общественной жизни составитъ болѣе приблизительную правду, чѣмъ рѣшить по направленію одной силы съ совершеннымъ устраненіемъ другой. “Но,” скажутъ доктринеры, “такой способъ не приложимъ въ государственной парламентской жизни”. Можетъ быть! Да въ этомъ то и преимущество, что онъ приложимъ къ сельской жизни, и отнять его у сельской жизни не только глупо, но и преступно. Если многочисленность населенія, составляющаго государство, дѣлаетъ невозможными общую подачу голосовъ и взаимное договореніе всѣхъ до общаго согласія, и если малочисленность сельскаго

міра допускаеть и то и другое, зачѣмъ же отнимать у сельскаго міра это преимущество, и вталкивать его въ грубую колею рѣшеній по большинству голосовъ? Мы смѣло говоримъ *трубую колею*, потому что власть большинства голосовъ, безъ сомнѣнія, самый легкой, но и самый *грубый* способъ рѣшенія какого бы то ни было вопроса, способъ, основанный на матеріальной силѣ, и не ушедшій отъ того понятія, что “насъ больше, стало мы и поколотимъ”; и такое понятіе равно безсмысленно и въ дѣлѣ истины и въ дѣлѣ блага общаго. Если неполное представительство общества, представительство сословное, вовлекло людей къ признанію рѣшеній сословнаго большинства во имя государственной цѣлости, и опутало массы народа пугаломъ идеи государства : изъ чего же намъ хлопотать объ упроченіи этого пугала въ то время, когда у насъ подъ рукою возможность признать самобытность сельскаго міра, основаннаго на договореніи всѣхъ до общаго согласія? въ то время, когда изъ этой точки отправленія, мы естественно можемъ идти къ пониманію государства—не какъ отвлеченной цѣлости, подчиняющей себѣ части, а какъ живаго соединенія самобытныхъ сельскихъ міровъ? Нашъ естественный складъ влечетъ насъ къ союзу (конфедераціи) селъ, гдѣ каждое село самобытно и всѣ соединены въ одну сумму, въ одно цѣлое. Конфедерація селъ для насъ представляетъ тотъ общественный полипникъ, гдѣ каждая ячейка жива сама по себѣ, а между тѣмъ органически связана со всѣми остальными ячейками. Основные, фактическія данныя нашей жизни влекутъ насъ къ образованію этого общественнаго полипника, къ образованію государства безъ пугала отвлеченной цѣлости и верховнаго средоточія, какое бы это средоточіе ни было—царь или сословіе, словомъ къ образованію союза самобытныхъ селъ. Въ этомъ складѣ нашей жизни и *слѣдственно* задача и цѣль (идеаль) нашего развитія. У насъ достаточно исказить жизнь и самобытность сельскаго міра, чтобы исказить все наше грядущее. Отъ этого мы такъ долго и останавливаемся на этомъ предметѣ.

И какъ подумаешь—ради чего же сельскій міръ, договаривающійся до общаго согласія, преобразуется во власть большинства голосовъ, да еще сомнительнаго, потому, что кромѣ нѣкоторыхъ, слишкомъ важныхъ случаевъ, это большинство не большинство, а та половина, которая, подъ угрозой старосты, подчинилась чиновничьему управленію? Если правительственный доктринаризмъ боялся, что міръ, какъ говорятъ, обычно подчиняется одному или немногимъ говорунамъ, болтунамъ, безпокойнымъ—однако краснорѣчивымъ—людямъ ; то вѣдь этого не избѣгнетъ и большинство ; этого не могъ избѣжать ни одинъ европейскій, ни американскій парламентъ, потому что вліяніе личности, сильной общей истиной, или сознаниемъ сословныхъ корыстей въ данную минуту, это вліяніе совершенно естественно ; имѣетъ ли его Мирабо или Пальмерстонъ, все же оно неизбѣжно. При большинствѣ голосовъ, вліяніе ловкаго говоруна, подмѣтившаго корысть, одной доли общества въ ущербъ другой—гораздо скорѣе приведетъ къ ложной цѣли, чѣмъ вліяніе говоруна, которому надо понять и согласить потребность всѣхъ. Слѣдственно, въ нашихъ селахъ, если большинство подчинится одностороннему говоруну, управленіе достигаетъ иной цѣли : подчиненія большинства чиновничеству, разрушеніе мірской самобытности; а въ устройствѣ по “Положенію” это достигается еще легче, потому что мѣсто говоруна

заступить староста, разомъ—и языкъ, и подкупъ и розга. И въ то время, когда воскресающему народу предстоитъ схватить и выработать себѣ въ тихомолку вырешенную самобытность, тутъ то его и подводятъ приказаннымъ способомъ подачи голосовъ, подъ новое владычество управленія, и мы опять играемъ въ руку государственному крѣпостному праву и чиновничьему разбою.

Разъ рѣшившись ввести большинство голосовъ, правительство не совладало съ программой и вошло въ противурѣчія. Такимъ образомъ оно дало главное мѣсто, предсѣдательство (или предстоительство) на сходѣ, полицейской власти, т. е. старостѣ. Это уже не только нарушаетъ единогласіе міра, но нарушаетъ свободу самаго большинства, потому что староста, которому принадлежитъ охраненіе порядка на сходѣ (ст. 48), сочтетъ за безпорядокъ всякую подачу голоса, противную его желанію : Если уже религиозно вѣрить въ парламентскія формы, то въ какомъ же парламентѣ, въ какой камерѣ видано, чтобы министръ внутреннихъ дѣлъ былъ президентомъ камеры? Это совершенное нарушеніе свободы мнѣній собранія въ пользу начальства. Наткнувшись на учетъ старосты сходомъ, правительство почувствовало всю нелѣпость предсѣдательства старосты на міру, и поставило случай учета должностныхъ лицъ и разсмотрѣнія принесенныхъ на нихъ жалобъ подъ предсѣдательство волостнаго старшины (ст. 48) Новая нелѣпость ! Староста будетъ обвиненъ—если старшина ему врагъ, оправданъ—если старшина ему другъ, по душѣ или за взятку. Тутъ и міръ, и самая свобода большинства и низшее начальство — принесены на жертву высшему начальству. Но тутъ встрѣтится и недоразумѣніе : учетъ должностныхъ лицъ не входитъ въ ст. 54, т. е. не подлежитъ большинству двухъ третей ; а нигдѣ не сказано, что, если при учетѣ сходъ раздѣлится на двѣ равныя половины, то должностныя лица будутъ обвинены или оправданы по рѣшенію той половины, къ которой принадлежитъ волостной старшина ; онъ же можетъ и не принадлежать къ *этому* селу и слѣдственно не имѣть права на голосъ ни въ одной изъ половинокъ. Какъ же тутъ поступать ? Замѣчательно, что въ 1-мъ пунктѣ ст. 51 о выборахъ должностныхъ лицъ стало и старосты, не сказано кто предсѣдательствуетъ на сходѣ ; стало—староста. А такъ какъ вопросъ этотъ можетъ рѣшиться той половиной голосовъ съ которой староста согласенъ, то и выходитъ, что староста выбираетъ самъ себя ! Изъ этихъ противурѣчій взываетъ внутренній, подавленный смыслъ, что у міра до сихъ поръ предсѣдателя, или настоятеля, не было, потому что онъ не нуженъ и невозможенъ, а заключеніе одно : нельзя правительству писать законы, изъ себя какъ паукъ плететь паутину, не спрашиваясь общественныхъ потребностей ; закоподательствовать въ селахъ безъ участія селъ—нельзя ; непременно или что пропустишь, или наврешь. Только міръ можетъ учредить самъ себя ; дѣло правительства было предлагать народу вопросы на мірское рѣшеніе. Вдобавокъ надо замѣтить, что въ вопросѣ объ учетѣ должностныхъ лицъ, предсѣдательствомъ начальства нарушено уже *не только* мірское *самоуправленіе*, но нарушена независимость мірскаго суда.

Что правительство, вводя большинство голосовъ, нисколько не думало объ огражденіи свободы лица отъ притязаній мірской власти, явно изъ пунктовъ 2 и 5 ст. 51, гдѣ притворы объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ

членовъ и временное устраненіе крестьянъ отъ участія на сходахъ, и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ—допущены безъ всякаго опредѣленія : за какіе проступки можно выгнать челоѣка изъ общества, за какіе устранить отъ схода ; когда мѣръ въ правѣ отказать челоѣку въ раздѣлѣ отъ семьи, съ которой онъ не уживается, и когда не въ правѣ. А между тѣмъ это два краеугольныхъ вопроса личной независимости, и случаи гдѣ мѣръ можетъ нарушить личную свободу по своеправію. Перенесеніе мірскаго каприза на капризъ большинства не устраняетъ, а увеличиваетъ бѣду, тѣмъ болѣе, что большинство подчинено начальству. Въ дѣлѣ удаленія челоѣка изъ общества, большинство, хотя и изъ двухъ третей, подчинено предсѣдательству старосты ; въ дѣлѣ раздѣловъ рѣшаетъ та половина, на которой староста—стало большинство вдвойнѣ подчинено начальству. На повѣрку выходитъ, что самые важные сельскіе вопросы о свободѣ лица, которые были подчинены своеправію или пристрастію міра, будутъ подчинены своеправію и пристрастію начальства, что уже гораздо по хуже. А потомъ : удаленіе челоѣка изъ общества—даже не сказано куда. Сошлютъ его въ Сибирь что ли, или выгонять на всѣ четыре стороны. Приложатся ли къ этому случаю статьи устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ (438 и 439, часть II, Т. XII св. зак. изд. 1857) и о предупрежденіи развратнаго поведенія крестьянъ удѣльныхъ и дворцовыхъ (Уст. о предуп. и прес. прест. ст. 329, Т. XIV св. зак.) и сохранится ли уродливое наказаніе рекрутствомъ ? Сохранится ли возможность удаленія изъ общества съ отдачею въ рекруты, или ссылкой въ Сибирь, по гражданскому иску—за двухгодовую недсимку ? Обо всемъ этомъ ничего не сказано въ “Положеніи”. Неужели въ пользу удаляемаго нѣтъ никакихъ условій ? О законодатели !... Винавать !... есть одно условіе : приговоръ объ удаленіи представляется старостою мировому посреднику (пр. къ ст. 54), который совѣщается съ помѣщикомъ, и по его отзыву, или безъ его отзыва (если помѣщикъ черезъ мѣсяць не отозвался) представляетъ дѣло губернскому присутствію (ст. 157). Для губернскаго присутствія изъ дворянъ, это дѣло равнодушно ; оно, конечно, утвердитъ ; но при этомъ производствѣ выйдетъ, что вмѣсто защиты удаляемаго, все дѣло то объ удаленіи подниметъ помѣщикъ или управительство, и своимъ неизбѣжнымъ вліяніемъ вынудятъ приговоръ большинства, а губернское присутствіе утвердитъ. Вся защита естественно могла быть въ меньшинствѣ, но оно задавлено. Доказательствомъ, что во всемъ этомъ правительство двоюдушило и мѣтило только на сохраненіе произвола помѣщиковъ и чиновниковъ, служитъ ст. 158, которою помѣщику дозволено (въ продолженіи дѣвяти лѣтъ !) предлагать обществу удаленіе и ссылку крестьянина, признаваемаго имъ за *вреднаго* или *опаснаго* ; а если общество не согласится—такъ уже дѣло пойдетъ на простоту : помѣщикъ имѣетъ право просить объ его удаленіи и ссылкѣ уѣздный мировой съѣздъ, для представленія губернскому присутствію.

Что правительство, вводя большинство голосовъ, не думало въ самомъ дѣлѣ дать ему какую нибудь власть, это явно изъ того, что рѣшенію той половины, на которой староста, подлежатъ такіе вопросы, какъ—назначеніе сборовъ на мірскіе расходы, принесеніе жалобъ и просьбъ, назначеніе жалованья и наградъ должностнымъ лицамъ, рекрутство и т. д. все дѣла, гдѣ вмѣшательство начальства неѣдно и пагубно.

Что правительство вообще сельскому сходу не придало никакого значенія, это явно изъ того, что сходы созывается, смотря по надобности, только старостою, или мировымъ посредникомъ, или помѣщикомъ. Стало, если бы, и всѣ хотѣли собраться на сходы, да староста не признаетъ надобности, то схода и не будетъ.

Нѣтъ ! не для народа четыре года работало правительство надъ своимъ “Положеніемъ,” а для начальства, не для освобожденія, а для новаго крѣпостнаго права правительственно-помѣщичьяго !

Староста (самъ подающій при выборахъ два голоса въ свою пользу, если половина схода согласна на его выборъ) въ сущности—слуга помѣщика ; помѣщикъ имѣетъ право въ случаѣ “*вообще несправнаго исполненія имъ должности*” требовать его смѣны, и мировой посредникъ “удостоверясь въ справедливости требованія”—которая, изъ десяти разъ, въ девяти окажется несомнѣнною—мировой посредникъ самъ назначаетъ новаго старосту до срока новыхъ выборовъ (ст. 153). Слѣдственно староста и не выбирается на міру свободно, и находится въ такой зависимости, что ему необходимо будетъ блюсти не мірскую выгоду, а выгоду помѣщика и начальства, и хотя онъ не имѣетъ права наказывать тѣлесно, то есть розгами, а только налагать *по своему усмотрѣнію* штрафъ въ 1 рубль и арестъ на два дня, но это не помѣшаетъ ему, по согласію и по волѣ помѣщика, отправить мужика въ полицію для наказанія тѣлесно, въ силу ст. 14 “Правилъ,” минуя всякій волостной судъ. Да вѣдь и то правда—нигдѣ въ “Положеніи” *положительно не запрещено* бить кулакомъ по рылу ; этого никто не приметъ за наказаніе, это только пазиданіе, или предупрежденіе и пресѣченіе преступленій и охраненіе порядка. Стало староста станетъ безпрепятственно бить мужика по рылу въ угоду помѣщику и начальству, которыя за это позволяютъ ему попользоваться не однимъ штрафнымъ рублемъ.

Нѣтъ ! и по “Положенію” староста—не міромъ выбранный распорядитель въ селѣ, а чиновникъ изъ крестьянъ, одна изъ пиявокъ, припущенная начальствомъ къ здоровому мѣсту, чтобы высасывать здоровую кровь изъ народа. Онъ исполняетъ *законныя* требованія помѣщика (ст. 59 пол.), мирового посредника судебного слѣдователя, земской полиціи и всѣхъ установленныхъ властей (ст. 63). Опеканія и бѣдный староста часто станетъ въ тупикъ отъ разнорѣчивыхъ приказаній. Если онъ, наче чаянія, которое нибудь изъ требованій сочтетъ *незаконнымъ*, то его, по просьбѣ помѣщика, за вообще несправное исполненіе должности, отрѣшатъ ; а если онъ исполнитъ *незаконное*, то крестьяне могутъ жаловаться посреднику изъ дворянъ, дворянскому съѣзду, дворяно-чиновническому присутствію. Стало, пускай себѣ жалуются. Очевидно, старостѣ выгоднѣе исполнить незаконное требованіе, совершенно безнаказанно, чѣмъ лишиться мѣста, весьма теплаго. Да ! чтобы работать въ пользу своего села—надо старо тѣ быть героемъ или святымъ, а это не легко !

Въ такую же, для честнаго крестьянина невыносимую, а для крестьянина-чиновника очень ловкую зависимость, въ какую староста поставленъ относительно помѣщика и должныя разнородныхъ начальствъ,—въ такую же зависимость поставленъ волостной старшина относительно мирового посредника. Мировой посредникъ его баринъ. Онъ его по своему усмотрѣнію (ст. 30 положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по

крестьянскимъ дѣламъ учрежденій), присуждаетъ къ штрафу до 5 р. сер. и къ аресту на недѣлю; онъ его временно удаляетъ отъ должности, никого не спрашиваясь, и совершенно отставляетъ съ разрѣшенія губернатора (!). Наконецъ, онъ его, избраннаго волостнымъ сходомъ, утверждаетъ въ должности (ст. 120 общ. пол.); стало, не захочетъ и не утвердить, хоть будь онъ избранъ единогласно. Волостной старшина совершенно въ лапахъ мирового посредника, точь въ точь какъ голова у окружнаго государственныхъ имуществъ; и ему, какъ головѣ съ окружнымъ, ничего больше не остается дѣлать, какъ грабить крестьянъ вмѣстѣ съ мировымъ посредникомъ. Староста преимущественно адъютантъ при помѣщикѣ; волостное правленіе какаѣ то власть особъ стоящая, точно назначенная противудѣйствовать произволу помѣщика; но чтобъ она не противудѣйствовала, волостной старшина сдѣланъ адъютантомъ при мировомъ посредникѣ. Дайте же другъ другу руку—помѣщикъ и выбранный помѣщикомъ, но утвержденный губернаторомъ посредникъ! дайте другъ другу руку, и вы при пособіи вашихъ адъютантовъ—старшины и старосты—будете полными властителями края, грабите что хотите. Замѣчательно, что весь крестьянскій уставъ чрезвычайно ясно выставляетъ единство помѣщичества и чиновничества; это сильное историческое доказательство ихъ единого происхожденія изъ царской льготы. Такъ и видно, что помѣщичество и чиновничество родные братья, Симъ и Хамъ, дѣти единого царя-Ноя, издѣвающіеся надъ умалишеннымъ отцомъ, но живущіе его милостью. Какой бы законъ правительство ни придумало—всегда братья сплетутся въ одну семью, помня и чувствуя единство породы, посмѣются надъ отцомъ, но поддержать его и ограбить все вокругъ живущее. Помѣщикъ назпачаетъ посредника, губернаторъ утверждаетъ. Слѣдственно посредникъ будетъ мирволить своему избирателю-помѣщику, губернаторъ отстанвать своего чиновника, а царь—онъ же и первый дворянинъ—отстанвать своего губернатора. Всѣ власти соединяются противъ народа: что же передъ этимъ значить мнимая власть волостныхъ правленій и судовъ и мнимая свобода сельскихъ и волостныхъ выборовъ? Кого ни выбери—его положеніе быть адъютантомъ начальства, а не смотрителемъ за порядкомъ въ самобытномъ селѣ; кого ни выбери—онъ по необходимости сойдетъ въ подлещы, и народъ останется ограбленнымъ и задавленнымъ рабомъ.

Волостной сходъ! волостное правленіе! волостной судъ!

Изъ кого же состоитъ волостной сходъ? Изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору (ст. 71), которыя на этотъ разъ не считаются должностными лицами (прим. къ ст. 112). Какъ же это сдѣлать, чтобъ народъ не считалъ ихъ должностными лицами? Губернаторъ въ губернскомъ правленіи не долженъ считаться губернаторомъ; царь, при подачѣ голосовъ въ государственномъ совѣтѣ, не долженъ считаться царемъ... Да какъ же это сдѣлать, когда всякой знаетъ, что чуть голосъ поданъ не по немъ, то онъ властенъ, послѣ засѣданія, дать подзатыльника? Волостной сходъ во власти начальства. Народъ туда собирается по одному человѣку съ десяти дворовъ (ст. 71). Эти депутаты могутъ быть выбраны той половиной села, къ которой принадлежитъ староста. Что они скажутъ, эти выборные, застрашенные присутствіемъ волостнаго и сельскаго начальства? Кто созываетъ этотъ жалкій волостной сходъ? Одѣльное ли

село заявляетъ надобность волостнаго совѣщанія и остальные посылаютъ людей обсудить общія нужды? Или необходимо, чтобы всѣ селы заявили надобность совѣщанія объ общихъ нуждахъ? Нѣтъ! Волостной сходъ созывается по приказанію и съ разрѣшенія мирового посредника. Волостной сходъ такъ зависитъ отъ начальства, что уже не повторена ст. 57, т. е. не видать, чтобъ голосъ старшины давалъ перевѣсъ рѣшенію одной половины схода, хотя это можетъ быть и подразумѣвается, потому что, когда волость состоитъ изъ одного сельскаго общества, тогда старшина вмѣстѣ и староста, и слѣдственно его голосъ даетъ перевѣсъ рѣшенію одной половины волости (ст. 74 и 84). Во всякомъ случаѣ старшина председательствуетъ на сходѣ сельскихъ депутатовъ, выбранныхъ подъ вліяніемъ сельскихъ старостъ, и слѣдственно властвуетъ. И какой старшина! Такой, которому дана власть III Отдѣленія—наблюдать за пераспространеніемъ между крестьянами вредныхъ для общественнаго спокойствія *слуховъ* (ст. 83). Нѣтъ! никогда это правительство не признаетъ самобытности селъ и волостей, пока не сломить себѣ шеи и въ его признаніи не будетъ надобности.

Н. Огаревъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ листѣ).

въ защиту помѣщика ольхина.*

Села Кайдаповки не существуетъ, а есть село Александровское или бѣлый Островъ; отстоитъ оно отъ Петербурга не въ 50, а въ 35 верстахъ.

О Кайгуровской волости я не имѣю понятія, есть Кильятская. Конечно оба названія начинаются съ буквы К., но, не смотря на это, они не имѣютъ даже никакого созвучія.

Пасторъ не пропустилъ въ своемъ переводѣ статей о назначеніи двухлѣтняго срока, но упомянулъ объ немъ слишкомъ слегка; не объяснивъ прямой мысли манифеста, онъ слишкомъ много упиралъ на слово *свобода*, позабывъ что сельскій священникъ не долженъ быть *филистромъ въ своихъ проповѣдяхъ крестьянамъ*. (!) Вы конечно сами согласитесь съ этой мыслью и съ тѣмъ, что онъ поступилъ неблагоуразумно въ ту минуту, когда слѣдовало менѣе всего возбуждать движеніе умовъ. (*Итъ не соглашусь*).

Не могу сказать котораго именно числа началось грустное происшествіе, но, дѣйствительно, на другой день послѣ рѣчи пастора крестьяне не вышли на работу и притомъ просто, безъ условій, а не *объявляя, что они согласны на какой угодно оброкъ*. Такое предложеніе было бы неестественно по нѣсколькимъ причинамъ: Во-первыхъ, еще съ давнихъ временъ крестьяне отправляли самую умѣренную барщину, т. е. не 3 раза въ недѣлю, какъ вездѣ, а только 2. Во-вторыхъ, такъ какъ бѣло-островскіе селяне никогда не уходили со своихъ мѣстъ на заработки и, кромѣ мелочнаго производства, не занимались никакимъ ремесломъ, то я считаю неестественнымъ, чтобы они захотѣли замѣнить барщину оброкомъ. Въ ихъ положеніи первая гораздо легче послѣдняго. Послѣ рѣчи пастора, крестьяне, не появивъ манифеста, окончателно и безъ условій отказались отъ работы.

Дѣйствительно, на другой день г. Ольхину пельзя было ѣхать въ деревню, но за то онъ немедленно въ первую же

* Мы получили подписанное письмо объ Ольхинскомъ дѣлѣ, помещенномъ въ 100 листѣ Колокола. Мы не рѣшаемся печатать съ именьемъ безъ особеннаго на то желанія писавшаго. Авторъ письма вѣроятно оцѣнитъ почему въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы измѣнили его фразу, вовсе не измѣняя смысла.

ночь написал крестьянамъ увѣщательное письмо. Жалѣю отъ души, что не имѣю его въ рукахъ, оно снова бы доказало несостоятельность вашего корреспондента, потому что оно висколько не имѣло того характера торжественнаго приказа, который онъ хотеть приписать ему, а прямо говорило крестьянамъ, что г. Ольхинъ смотритъ на нихъ непослушаніе какъ на слѣдствіе непонимающа манифеста. Вскорѣ онъ самъ поѣхалъ, долго говорилъ, долго пояснялъ, но крестьяне не слушали и объявляли, что они работать не хотятъ, что они вольные и что ихъ обманываютъ. Ничто не помогало.

Такимъ же образомъ не удалось ничего сдѣлать и князю Голицыну, который сперва пріѣхалъ въ вотчину одинъ. Крестьяне во всякой мѣрѣ желали видѣть заговоръ помещиковъ противъ свободы и постоянно упорствовали.

Въ это время, глядя на бѣло-островскую вотчину, и въ сосѣднихъ деревняхъ у остальныхъ помещиковъ крестьяне стали отказываться отъ работы; видя что переговоры г. Ольхина съ бѣло-островскими селянами болѣе двухъ недѣль отстаютъ безъ всякаго успѣха, они тоже захотѣли послѣдовать ихъ примѣру и только ожидали первой развязки, чтобы начать свои дѣйствія согласно съ нею. Объ этомъ сталъ говорить весь народъ. Спрашиваю васъ самихъ можно-ли было при такомъ положеніи дѣлъ не сообщить объ немъ правительству? (*Можно*). Генераль-губернаторъ Игнатьевъ совершенно по личному усмотрѣнію, а не по просьбѣ, послалъ въ деревню экзекуцію! (*Вотъ и доказательство.*) Эта несчастная экзекуція произвела сильное впечатлѣніе на г. Ольхина, тѣмъ болѣе что онъ всѣми силами старался ее отворотить. Онъ даже сдѣлался очень боленъ.

Передъ моимъ отъѣздомъ г. Ольхинъ говорилъ мнѣ: «я оттого не рѣшаюсь объявлять о происходящемъ, что боюсь присылки экзекуціи, которая всегда раззоряетъ бѣдныхъ крестьянъ.» Тоже онъ говорилъ и вотчинѣ. Повторяю ее прислали безъ его просьбы.

Послѣ подобной развязки, желая очистить себя въ глазахъ крестьянъ и порядочныхъ людей, г. Ольхинъ попросилъ произвести надъ собою слѣдствіе. Замѣчательно что во всей деревнѣ никто не обвинилъ его въ жестокомъ обращеніи или несправедливости, а по конторскимъ книгамъ и по показаніямъ самихъ крестьянъ открылось, что барщина дѣйствительно съ незапамятныхъ временъ отправлялась только 2 раза въ недѣлю.

Неужели это дѣйствія звѣря-помѣщика?

За тѣмъ генераль-губернаторъ донесъ обо всемъ государю, и, горько подтвердить, но *депутатовъ дѣйствительно было приказано выслать*. Больно писать дальше, но надо: только подъ розгами крестьяне повѣрили, что ихъ не обманывали и что дѣйствительно, т. е. ихъ дѣйствительно обмануло правительство, барщина оставлена на 2 года.

На дняхъ я узналъ, что г. Ольхину удалось выхлопотать возвращеніе крестьянамъ болѣе половины суммы собранной съ нихъ правительствомъ за экзекуцію; съ тѣмъ вмѣстѣ онъ надѣется на возможность добиться скорого освобожденія тѣхъ, которые еще находятся подъ арестомъ.

Г. Ольхинъ былъ въ числѣ депутатовъ крестьянскаго комитета с. петербургской губерніи, въ немъ принадлежалъ къ числу трехъ представителей меньшинства комитета предлагавшихъ полный выкупъ крестьянъ съ землею, мысль, съ которой не хотѣло согласиться большинство.

С М Ъ С Ъ .

ГРОДНЕНСКІЙ ПОЛИЦМЕЙСТЕРЪ И ПОРЯДОКЪ.

(съ печатнаго).

Городовая Полиція получая разныя распоряженія Правительства и передавая таковыя жителямъ Города встрѣчаетъ всегда въ исполненіи таковыхъ весьма большое затрудненіе, такъ, что цѣль Начальства иногда не достигаетъ своего желанія, чрезъ ослушаніе Полицейской власти обывателей, и такъ нынѣ Полиція, сосредоточивая свое стараніе объяснять жителямъ ихъ обязанность и отвѣтственность за ослушаніе, рѣшительно въ послѣдній разъ объявляетъ и напоми-

наетъ обязанность домовладѣльцевъ и жителей, а для этого и выпачила пятидочныхъ хозяевъ, которымъ явилась наблюденіе за точнымъ исполненіемъ всѣхъ дѣлаемыхъ распоряженій со стороны Правительства: 1-е) Улицу противъ каждаго дома равно и дворъ, удерживать во всей чистотѣ и опрятности. 2-е) Дымовыя трубы очищать сколь возможно чаще. 3-е) Наблюдать осторожность въ обращеніи съ огнемъ и на дворъ безъ фонаря не выходить. 4-е) Назначенный пятидочнымъ хозяиномъ ночной караулъ исполнять аккуратно, подозрительныхъ лицъ проходящихъ и вообще шатающихся въ позднее время заирать и доставлять въ Полицію, для взысканія по закону; согласно званію доставленнаго лица. 5-е) Ворота въ каждомъ домѣ во время ночи запираютъ. 6-е) Лица во время ночи носившихъ при себѣ какіе либо вещи или узлы доставлять въ Полицію и на крикъ оказывать защиту. 7-е) Въ большихъ домахъ завести дворниковъ изъ лицъ извѣстныхъ Полиціи. 8-е) Какъ днемъ такъ и ночью отнюдь не курить на улицѣ сигаръ и папирсовъ. 9-е) Лицамъ посещающимъ театры и другія публичныя увеселенія, отнюдь не дозволяется курить сигары и папирсы въ оныхъ, а въ особенности въ коридорахъ; неповинующіеся этому распоряженію будутъ подвергнуты взысканію по закону, а Полицейскимъ чиновникамъ, находящимся въ театрѣ объ этомъ наблюдать, и если кто будетъ ослушиваться, то докладывать при утреннемъ рапортѣ мнѣ. 10-е) Поставляется въ обязанность каждому хозяину явиться въ Часть для получения печатныхъ домовыхъ книгъ и повѣрки народонаселенія. 11-е) Строго подтверждается жителямъ податнаго состоянія по посылаемымъ новѣткамъ изъ Части во разныя дѣла въ являться въ оную по первому призыву, ослышавъ будутъ отправлены въ первый разъ на городскія работы, а во второй разъ преданы суду; ибо чрезъ неявку своевременно встрѣчаютъ Полицейскіе чиновники сильное затрудненіе въ исполненіи дѣлъ и бумагъ. 12-е) О каждомъ прибывающемъ и убывающемъ въ домъ хозяина обязанъ явиться въ кварталъ и Часть съ домовою книгой для записи, въ противномъ случаѣ домовладѣльцы будутъ подвергнуты, какъ за передержаніе бѣглыхъ. 13-е) Еще разъ строго подтверждается не собираться толпами на площадяхъ, переулкахъ, а въ особенности около Соборнаго собора. 14-е) Скотъ а въ особенности Козы и Свины не выпускать на улицу, ибо бродящій скотъ будетъ забираться для взысканія по закону. 15-е) Домовладѣльцы обязаны каждый получить домовую книгу, а кто сего не исполнилъ, то будетъ подвергнутъ штрафу согласно 12-му пункту сего объявленія. 16-е) Воспрещается держать въ домахъ дикихъ звѣрей. 17-е) Трактирные заведенія, послѣ 10 часовъ не вправъ кого-либо принимать; 18-е) Воспрещается въ оныхъ играть въ карты и музыку и 19) Держаніе огнестрѣльныхъ орудій безъ удостовѣренія Господина Начальника губерніи воспрещается подъ самострожайшею отвѣтственностію каждому.—Подлинное подписаль:

Гродненскій Полицеймейстеръ Подполковникъ Змбевъ.

Г. Гродно, Марта дни 1861 года.

— *Разбой въ больницахъ.*— Какой-то, вѣроятно юный врачъ пишетъ намъ о гнилой пищѣ въ больницахъ, о томъ, что больные умираютъ отъ этого, а директоры ихъ показываютъ живыми, о томъ, какъ ревизоръ беретъ взятки—и ему это еще ново! О дѣвственникъ святой!

— *Свирѣпый Теофилактъ.*— Говорятъ, что ректоръ одесской семинаріи, пользующійся такимъ боголюбивымъ именемъ, точно Каваньякъ въ 1848 году, безъ совѣта и суда депортируетъ учениковъ. Правда ли, что такая *gazza* была въ прошломъ году? Пора однако обратить вниманіе на деспотическое своеволье живыхъ мертвецовъ, которымъ на посолъ дано все бѣлое духовенство.

— *Аскочинскій II.*— Говорятъ, что опасаясь утратить Аскочинскаго I, ему назначенъ на случай (чего боже сохрани), на печальный случай кончины, намѣстникомъ—*Серійи Шульцъ*, 24 лѣтъ, слѣдственно имѣющій *de la marge*. Бывшій воспитанникъ лиція, онъ съ молодыхъ лѣтъ показывалъ ту же слабость, какъ и императрица—къ православію и притомъ самому радикальному. Они ужъ вмѣстѣ, говорятъ, надѣлали разныхъ шалостей какому-то священнику, преподающему въ царскосельской воскресной школѣ.

Обращаемъ серьезное вниманіе архіепископа Путятипа на этого юнаго теолога.

— *Заговоръ.*—Что за заговоръ открыть? Что за сенаторъ, что за дамы? *Tineo Danaos!* Не лежитъ у насъ сердце къ этимъ заговорщикамъ первыхъ трехъ классовъ; тутъ навѣрное не убѣжденіе, не сочувствіе къ народу въ основѣ, а личныя выгоды, корысть, перемѣна лицъ, *тѣже мундиры съ другою нашивкой*. Или это опять нуфъ парижскихъ и бельгійскихъ журналовъ? Корреспондентъ *Star'a* говоритъ, что «высшестепенныя заговорщики имѣли сношенія съ русскими изгнанниками» конечно не съ нами. Мы съ народомъ русскими, мы съ мужиками, а не съ сенаторами.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографии—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 106.

1 СЕНТЯБРЯ 1861.

У Грюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Новое крѣпостное право (окончаніе)—Русскіе побѣдители въ Сувалкахъ. Смѣсь : Мракобѣснѣ цензуры—Путятинъ молчитъ—Почечитель
Исаковъ—Игуменья Алексѣевскаго монастыря въ Москвѣ—Новгородъ и Іерусалимъ—Ленъ правосудіе и Ленъ-гвардія—Неутѣшная вдова—
А. Н. Татариновъ—Московская университетская бібліотека—Берлинское изданіе Стихотвореній А. Пушкина г. Р. Вагнера—Отъ редакціи.

РАЗБОРЪ НОВАГО КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

(Окончаніе).

Предсѣдательство старостъ при выборахъ людей для волостнаго схода, и предсѣдательство старшины на волостномъ сходѣ (иначе подчиненіе сельскихъ выборовъ и сельской законодательной власти—власти административной) губить въ зародышѣ учрежденіе выборныхъ волостныхъ судовъ, которые могли бы имѣть будущность, еслибъ не были исключительно сословные, крестьянскіе. У насъ сословный крестьянскій судъ, по общему складу управительства, будетъ совершенно подчиненный судъ во всякомъ дѣлѣ сколько нибудь по важнѣе. Хотя и дано право постороннимъ лицамъ, не изъ крестьянъ, судиться съ крестьянами на волостномъ судѣ (ст. 98), но этимъ смѣшнымъ правомъ ни одно постороннее лицо не воспользуется, потому что это только право, а не обязанность; постороннему лицу всегда будетъ выгоднѣе судиться постороннимъ судомъ, а крестьянинъ не имѣетъ права отказаться отъ посторонняго суда. Стало волостной судъ останется только для мелкихъ крестьянскихъ гражданскихъ исковъ, въ которыхъ крестьяне охотнѣе будутъ прибѣгать къ третейскому суду, чѣмъ къ этому; да останется онъ для обсужденія маловажныхъ простунковъ, гдѣ старшина явится вліятельнымъ, или всемогущимъ обвинителемъ. Выходя изъ несвободы выборовъ не лъзя дойти до независимости суда.

Волостное правленіе (ст. 87), составленное изъ старшины, сельскихъ старостъ и выборныхъ сборщиковъ податей (гдѣ таковыя есть)—имѣетъ чисто коллегіальную форму казеннаго присутствія и составляетъ относительно старшины нѣчто въ родѣ губернскаго правленія относительно губернатора. Если взять въ расчетъ, что старшина утверждается мировымъ посредникомъ и что, хотя (по ст. 33 пол. о губерн. и уѣздн. по крест. дѣламъ учрежденій) посредникъ и не входитъ въ разборъ дѣлъ, подлежащихъ разрѣшенію общественныхъ крестьянскихъ властей, но по ст. 30 того же Положенія—не только входитъ, но и становится ихъ судьей; то очевидно, что волостное правленіе будетъ въ полной зависимости отъ окружнаго... то бишь : отъ мирового посредника.

Самое образованіе волостей изъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній, заводя черезполосицу съ государственными крестьянами, не составляя географически сплошной волости, пред-

ставитъ огромныя неудобства. Образованіе волостей возможно съ освобожденіемъ не только помѣщичьихъ, но и государственныхъ, удѣльныхъ и иныхъ крестьянъ, съ освобожденіемъ русскаго народа. При учрежденіи же новаго крѣпостнаго права, это выйдетъ только праздная шутка канцелярскихъ разграфленій и распоряжковъ. Для объема волости опредѣлены (ст. 43) : число душъ, наименьшее и наибольшее, и дальнѣйшее разстояніе отъ волостнаго правленія. За тѣмъ губернское присутствіе утверждаетъ проэскты, составленные по уѣздамъ, о распредѣленіи селеній на волости (ст. 29, пунктъ 3 пол. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд.). Кѣмъ составлены проэскты? Помѣщиками. Кто утверждаетъ? Помѣщики и чиновники. Это не есть свободное соединеніе сель въ волость, вслѣдствіе мѣстныхъ удобствъ и общаго согласія. Это приказная, а не самообычная волость; это волость рабыня, а не волость свободная. Оно особенно становится очевидно, когда вспомнишь, что по ст. 160 помѣщикъ имѣетъ право остановить исполненіе сельскаго приговора, "буде усмотритъ чтолибо вредное для благосостоянія сельскаго общества или нарушающее права помѣщичьи," а правильность и неправильность рѣшенія волостнаго схода и жалобы на оныя, по прим. къ ст. 78 и по ст. 80, подлежатъ суду мирового посредника—и когда вспомнишь, что не только волостному суду предоставлено право присуждать къ наказанію розгами до 20 ударовъ (ст. 102), но что это право также предоставлено и мировому посреднику (ст. 32 и 91 пол. о губ. и уѣзд. учрежд.) даже по жалобамъ помѣщиковъ за неисправное отбываніе повинностей.

Но перейдемъ отъ мнимо-освобожденныхъ къ самимъ крѣпостникамъ; отъ простыхъ крестьянъ и ими несвободно выбранныхъ исполнителей воли начальства, отъ крестьянъ-чиновниковъ—къ дворянамъ-чиновникамъ, къ "Положенію о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ".

Введеніе

Ст. 1. "Для разбора недоразумѣній, споровъ и жалобъ, могущихъ возникать изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами, и для завѣдыванія особыми, указанными въ настоящемъ Положеніи дѣлами крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, учреждаются : Мировые Посредники, Уѣздные

Мировые Съезды и Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія.”

Первое, что поражаетъ въ этой трипостаси, это — что она учреждена для *разбора* и для *завѣдыванія*, т. е. для *суда* и *управленія*, т. е. снова соединяются въ одни и тѣ же руки власть исполнительная и власть судебная, стало судъ неизбежно будетъ подчиненъ управленію и, слѣдственно, всякая возможность общественной и личной свободы нарушена.

Второе, что *завѣдываніе* относится только къ дѣламъ крестьянъ, слѣдственно внутреннее раздѣленіе Россіи на нѣмецкую и русскую, на правительственную и пародную, на управляющихъ и управляемыхъ, на грабящихъ и грабимыхъ, сохранено во всей чистотѣ, упрочено и усилено. И правительство думаетъ, что изъ такого основанія можетъ развиваться уничтоженіе крѣпостнаго права и освобожденіе народа? Если оно это думаетъ, то оно бессмысленно; если оно этого не думаетъ, но говорить — то оно лжетъ. Изъ этого разовьется новое крѣпостное право, но вмѣстѣ и расширится бездна, раздѣляющая все правительственное отъ народнаго, бездна, въ которую все правительственное обрушится, потому что у него изъ подъ ногъ исчезаетъ почва.

Мировые участки распределяются уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ и утверждаются губернаторомъ (ст. 2). Начало чисто помѣщичьи-чиновничье. Въ каждомъ участкѣ по посреднику. Эгого мировой посредникъ назначается при такихъ условіяхъ, что онъ непременно изъ оъявленныхъ грабителей, кромѣ рѣдкихъ исключеній. Онъ долженъ быть потомственный или личный дворянинъ (ст. 6 и 9) и владѣть не менѣе какъ пятью стами десятинами земли, или 150 десятинами, если кончилъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, съ правомъ на чинъ XII класса (изъ чего явствуетъ, что университетскій курсъ равенъ 350 десятинамъ). Эгого размѣръ (ценсъ) или слишкомъ высокъ, или слишкомъ низокъ для честнаго человѣка. Если счесть его слишкомъ высокимъ, то мы придемъ къ настоящей правдѣ, что не надо было никакого ценса и никакого различія сословій; тогда была бы надежда (еслибъ посредники были выборные) что нашлись бы люди и безъ земли, и не изъ дворянъ, которыхъ бы выбрали по довѣрію къ ихъ благородству и уму. Если принять, что онъ низокъ, то мы придемъ къ назначенію такихъ посредниковъ, которые по крайней мѣрѣ довольно достаточны, чтобъ не красть. Но ценсъ, введенный “Положеніемъ”, относится именно къ тѣмъ почти бѣднымъ дворянамъ, которые обычно порываются въ становые, въ исправники и въ окружные, а теперь пойдутъ въ мировые съ тѣмъ, чтобы красть. Утверждаемые губернаторами, по ненужнымъ указамъ сената (ст. 14), они будутъ приняты на службу смотря по окладу, который согласится дать губернаторамъ; ихъ мѣста будутъ продажныя, на правахъ чиновничьяго откупа и слѣдственно ихъ грабежъ будетъ производиться подъ покровительствомъ начальниковъ губерній. Исключенія будутъ рѣдки, очень рѣдки, въ одной губерніи... много въ двухъ. Мысль Ростовцева о выборѣ посредниковъ крестьянами изъ дворянъ, мысль, въ которой лежала хотя какая нибудь возможность человѣческихъ отношеній, хотя тѣнь народной свободы, — и она показала слишкомъ либеральною, или утопическою этому бездарному правительству, этой централизациі помѣщичества и чиновничества. Разумѣется, порядочныя люди изъ дворянъ развѣ сгоряча на первыхъ порахъ

пойдутъ въ посредники, да и отстанутъ, а большей частью и вовсе не пойдутъ, потому что не изъ чего безплодно купаться въ грязи, хотя посредникъ и равенъ чиномъ уѣздному предводителю (ст. 21). Порядочные люди поймутъ, что ихъ дѣлю держаться въ сторонѣ и оставить правительство и управительство проваливаться какъ знаетъ, чѣмъ скорѣй тѣмъ лучше, а не поддерживать ихъ своимъ личнымъ, благороднымъ, но бесполезнымъ вмѣшательствомъ.

Мировой посредникъ (ст. 22) получаетъ въ безотчетное распоряженіе, на себя и свою канцелярію, 1,500 руб. сер. Если принять кругомъ 10 уѣздовъ въ губерніи и по два участка на уѣздѣ, это составитъ 30,000 р. сер. на губернію, а на 43 губерніи (кромѣ Астраханской, Ставропольской, земли донскихъ казаковъ) и пр. 1,290,000 руб. сер., разлагаемыхъ на земли крестьянскія и помѣщичьи; приблизительно съ крестьянъ двѣ трети, т. е. 860,000 р. с. (3,010,000 р. асс.; 3,440,000 франковъ). А что съ нихъ мировой наградить, то извѣстно развѣ дальнему богу и недалнему губернатору.

Мировой посредникъ великій человѣкъ. Онъ соединяетъ въ себѣ все: судъ гражданскій, управленіе крестьянскими дѣлами, нотаріатъ (засвидѣтельствованіе актовъ между помѣщиками и крестьянами или дворовыми) и судъ полицейскій (ст. 23). Онъ разбираетъ жалобы помѣщиковъ на крестьянъ и обратно, и вслѣдствіе этого отрѣшаетъ старость и старшинъ, и сѣчетъ того и другаго, а также и остальныхъ крестьянъ двадцатью ударами розогъ. Онъ разсматриваетъ дѣла по уставнымъ грамотамъ и выкупу земель и угодій; тутъ онъ едва-ли будетъ очень озабоченъ, но за то онъ разсматриваетъ повышеніе и пониженіе надѣловъ, распределяетъ усадьбы на разряды, переноситъ усадьбы, обмѣниваетъ земли, и дѣйствуетъ *словесно* (ст. 56), но не гласно; хотя по ст. 57 и позволено, при разборахъ присутствовать постороннимъ, съ обязанностью сохранять тишину и порядокъ, но по ст. 36 посредникъ имѣетъ право разбирать дѣла у себя на дому, а къ себѣ въ домъ онъ безъ сомнѣнія имѣетъ право не пускать постороннихъ. Гласность больше чѣмъ сомнительна. По дѣламъ распорядительнымъ онъ беретъ съ собой отъ грехъ до шести добросовѣстныхъ, но *ихъ показаніями и отзывами не стѣсняется* (ст. 90) только занисываетъ ихъ показанія въ книгу, а дѣлаетъ по своему. Рѣшительно, посредникъ великій человѣкъ. Онъ важнѣе губернатора; онъ всемогущъ. Онъ даже, когда жалоба крестьянъ идетъ на разсмотрѣніе мирового съезда, представилъ ее съ своими заключеніями (ст. 25 и 110), чтобъ заранѣе приготовить мнѣніе съезда.

Какія собственно дѣла идутъ на обжалованія (апелляцію) къ мировому съезду, это разобрать очень трудно; неопредѣленность круга дѣйствій этого съезда не разъ поставитъ его въ возможность принять, или отказать въ обжалованіи по одинакому дѣлу. Да и что такое мировой съездъ? Это съездъ мировыхъ посредниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя. Это первая инстанція, т. е. тогъ же мировой посредникъ помноженный на число мировыхъ участковъ въ уѣздѣ. Развѣ приставленный къ нимъ, особый чиновникъ отъ правительства будетъ имѣть особое мнѣніе? По чиновникъ отъ правительства посланъ губернаторомъ, и мировой посредникъ назначенъ губернаторомъ, стало оба назначены губернаторомъ и едва ли выйдетъ разногласіе. Коллегіальная форма здѣсь какъ и вездѣ, не смотря на любовь къ ней Петра великаго, окажется несостоятельною.

Уѣздный предводитель хотя и имѣеть лишній предсѣдательскій голосъ, но изъ десяти въ девяти уѣздахъ, онъ будетъ согласенъ со всѣми дѣйствіями мировыхъ посредниковъ и не мирового чиновника противъ крестьянъ; а въ десятомъ уѣздѣ его голосъ пропадетъ передъ большинствомъ голосовъ. Выгода этой средней инстанціи, т. е. мирового съѣзда только та, что особые чиновники, отъ 2хъ до 4хъ, положимъ на губернію по 3, получаютъ жалованья по 1,500 руб. с. Слѣдственно на 43 губерніи слишкомъ 193,000; да секретари мировыхъ съѣздовъ получаютъ по 500 р. с., стало на губернію по 5,000 р., а на 43 губерніи 215,000, и того мировые съѣзды для 43 губерніи будутъ стоить 408,000 р., изъ которыхъ двѣ трети падаютъ на крестьянъ, т. е. 272,000 руб.

Уѣздные съѣзды представляютъ на рѣшеніе губернскаго присутствія вообще дѣла, по которымъ не состоялось большинство, и дѣла по обязательному перенесенію усадебъ и обмѣнѣ угодій, по которымъ не было единогласнаго рѣшенія. Ну! губернское присутствіе—это дѣло важное, и уже тутъ о гласности, о присутствіи постороннихъ и помину нѣтъ. Это соединеніе высшаго помѣщичества съ высшимъ чиновничествомъ; тутъ предсѣдательствуетъ начальникъ губерніи (назначившій мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ на мировые съѣзды, слѣдственно создавшій низшія инстанціи, надъ дѣйствіями которыхъ онъ становится главнымъ судьей и слѣдственно судить свое дѣло). Тутъ и губернскій предводитель, высшій представитель помѣщичества; тутъ и губернскій прокуроръ, почти никогда не протестующій; тутъ еще два помѣщика, приглашенныхъ, по предложенію губернатора, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія*; тутъ и еще два помѣщика, выбранные губернскимъ и уѣздными предводителями дворянства; тутъ и управляющій палатою государственныхъ имуществъ, или удѣльною конторой, которому спеціально въ привычку грабить мужиковъ; предполагается даже и ненужный членъ отъ министра финансовъ, на случай выкупа. Тутъ всѣ представители высшихъ дворяночиновничьихъ интересовъ. Тутъ только нѣтъ ни единого представителя или защитника народа. Итъ сомнѣнія, что этотъ вѣнецъ трипостаси поможетъ окончательно ограбить народъ, если народъ поддастся. Но за то тутъ есть секретарь, который получаетъ жалованья 1,500 р., что на 43 губерніи составитъ 64,500 р., да четверемъ присутствующимъ помѣщикамъ по 2,000, и того 8,000, а на 43 губерніи 344,000, а всего жалованья по губернскимъ присутствіямъ 408,500 р.; изъ этого на крестьянскую долю по крайней мѣрѣ 272,333 р.

Вся трипостась жалованьемъ будетъ стоить :

	Вообще	На долю крестьянъ
Мировымъ посредникамъ	1,290,000	860,000
Мировымъ съѣздамъ	408,000	272,000
Губернскимъ присутствіямъ	408,500	272,333
р. сер.	2,106,500	1,404,333
р. асс.	7,372,750	4,915,162
на франки	8,426,000	5,617,332

что для крестьянъ составитъ не производительный, а самоубійственный налогъ около 15 коп. сер. съ души, кромѣ

* Изъ этихъ трехъ лицъ только губернаторъ знаетъ человека и можетъ продать ему за 500 р. жалованье въ 2,000 р. Министру совершенно все равно кто онъ Карпъ или Иванъ, онъ объ нихъ и не слыхивалъ; а государь развѣ откажетъ въ соизволеніи потому что фамилья не благозвучна, иной причины у него быть не можетъ. Но за то какова канитель! Какъ ихъ будутъ утверждать: по телеграфу, или пошлютъ, на крестьянскій счетъ, особыхъ курьеровъ?

содержанія сельскихъ и волостныхъ властей, кромѣ найма землемѣровъ и другихъ расходовъ и кромѣ того, что власти награбятъ наличными, оберутъ матеріалами и трудомъ и, въ награду за поборы, урѣжутъ изъ угодій.

Рѣшеніе губернскаго присутствія, при раздѣленіи голосовъ, постановляется той половиной членовъ, къ которой принадлежитъ предсѣдатель, т. е. губернаторъ (ст. 131); а если и онъ усомнится, то останавливаетъ рѣшеніе и доноситъ министру внутреннихъ дѣлъ (ст. 132). И такъ рѣшенія высшаго губернскаго *апелляціоннаго суда* зависятъ отъ губернской или правительственной *исполнительной власти*, слѣдственно судъ подчиненъ управленію. Какое отсутствіе всякаго смысла человѣческаго!

Къ “Положенію о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ” приложенъ листокъ “Правилъ о порядкѣ окончанія примиреніемъ и третейскимъ судомъ спорныхъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ посредниковъ.” Правительственная попятія о третейскомъ судѣ необычайны. Статья 4 этихъ “Правилъ” говоритъ, что на случай раздѣленія голосовъ частныхъ посредниковъ, обѣ стороны выбираютъ общаго посредника; этого общаго посредника могутъ выбрать частные посредники; а если не выберутъ, то его обязанность исполняетъ *мировой посредникъ*, котораго—замѣтьте—ни одна сторона не выбираетъ. По ст. 14 общій посредникъ можетъ утвердить одно изъ мнѣній частныхъ посредниковъ, или предложить свое и утвердить его, если одинъ изъ частныхъ посредниковъ согласится. А этимъ общимъ посредникомъ можетъ быть, какъ мы видѣли, мировой посредникъ, котораго никто не выбираетъ. Слѣдственно есть случай, гдѣ на *третейскомъ суду*, рѣшаетъ дѣло человекъ, которому *ни одна* изъ спорящихъ сторонъ *не поручала* разбирательства, если найдется *одинъ* изъ *нѣсколькихъ*, который съ нимъ согласится. Да съ чего же это третейскій судъ? И куда дѣвалось столь любимое большинство голосовъ, когда рѣшеніе предоставлено *одному изъ нѣсколькихъ*, да лицу, для суда совершенно непризанному? Удивительно!

Такимъ образомъ состроилось зданіе новаго крѣпостнаго состоянія помѣщичьи-казеннаго, гдѣ правительство отдало народъ подъ начало своего двойнаго чиновничества, чиновничества, надѣленнаго недвижимой собственностью отнятой у народа, и чиновничества, постоянно отнимающаго у народа движимую собственность. Въ этомъ общественномъ зданіи, насиліемъ искусственно возведенномъ, судъ подчиненъ управленію; управленіе дано въ руки правительственнаго двойнаго сословія; свобода народнаго выборнаго суда и самоуправления показана въ буквѣ закона, но разрушена на дѣлѣ всемогуществомъ начальства; земля, общее народное достояніе, отняты у народа и отданы помѣщикамъ и царю; выкупъ сдѣланъ невозможнымъ; даже уставныя грамоты предложены невозможныя—и крѣпостное право остается во всей силѣ, съ тою разницею, что на сколько оно смягчено въ крѣпостномъ правѣ помѣщичьимъ, на столько оно усилено крѣпостнымъ правомъ управительственнымъ, казеннымъ. Паконецъ замочнымъ камнемъ этого свода новаго крѣпостнаго права служить мнѣніе государственнаго совѣта, утвержденное царемъ и приложенное къ “Положеніямъ,” мнѣніе, которое ничто иное, какъ разрѣшеніе помѣщикамъ продавать крестьянъ съ землею, лишь бы покупщикъ былъ изъ дворянъ, и надѣлъ и повинности крестьянъ, при продажѣ оставались

сообразными съ мѣстными положеніями (мнѣніе госуд. совѣта “объ отчужденіи и отдачѣ въ залогъ помѣщичьихъ имѣній, также о передачѣ оныхъ по наслѣдству”).* Впрочемъ тутъ есть маленькая разница противъ стараго крѣпостнаго права : прежде продавались крестьяне съ землей, а теперь будетъ продаваться земля съ крестьянами.

Что же переѣнилось въ Россіи ?

Многое.

Слово освобожденія сказано и потребность дѣйствительнаго освобожденія будетъ съ каждымъ днемъ расти въ народѣ. Сказано пользованіе землею — и потребность, чтобы земля была признапа общимъ народнымъ достояніемъ будетъ съ каждымъ днемъ расти въ народѣ. Неурядица “Положеній” будетъ съ каждымъ днемъ подстрѣкать и народъ и самихъ помѣщиковъ къ выходу изъ невыносимаго состоянія. Двойное управление и судопроизводство, обычное и особое, старое и новое, встрѣчаясь не ловко, заставитъ само правительство мѣнять и измѣнять, писать и переписывать новыя узаконенія, † одно другого перѣпѣ, потому что у правительства отъ смутнаго положенія края — ума не прибавится. И въ то время, когда старые солдаты и офицеры устанутъ стрѣлять по народу, а новые рекруты и офицеры внесутъ въ войско иное настроеніе; въ то время когда помѣщики, кто отъ усталости и страха, кто по благородству убѣжденій, будутъ переходить больше и больше на сторону народную; въ то время когда у народа силы будутъ расти и крѣпнуть — въ то время промотавшееся правительство явится еще бездарнѣе, еще несостоятельнѣе. Смотрите : у него размягченіе мозга, оно чуть дышетъ, оно умираетъ, оно умерло... Мертвые скачутъ проворно, скорость паденія растетъ въ десять тысячъ разъ на сто, и разъ проснувшееся освобожденіе Россіи совершится помимо и вопреки правительству, потому что :

Народъ царемъ обманутъ.

Н. ОГАРЕВЪ.

* Мнѣніе госуд. совѣта, вышедшее изъ узкаго дворянскаго желанія сохранить крѣпостное право, подрываетъ настоящие помѣщичьи интересы. Нераздельность крестьянскихъ и помѣщичьихъ полей, помѣщаетъ помѣщикамъ продавать свои земли или закладывать. Продажа совокупнаго имѣнія только въ дворянскія руки свяжетъ по рукамъ и ногамъ дворянъ, нуждающихся въ продажѣ. Заложить будетъ некому, потому что капиталистъ (слѣдственно не изъ дворянъ) не возьметъ подъ залогъ имѣнія, которымъ онъ, въ случаѣ неплатежа, самъ не иначе можетъ воспользоваться, какъ чтобы крестьяне выкупили землю, а этого сдѣлать будетъ не лзя; стало, кредиторъ потребуетъ публичной продажи, а охотниковъ купить не будетъ. Кто же, при такихъ условіяхъ дастъ денегъ подъ залогъ? А между тѣмъ нужды помѣщичьи будутъ расти; споры съ крестьянами, мѣстные бунты, необработанность полей, суды и начальство — невозможность ни продать, ни заложить, поставятъ дворянство въ страшное положеніе. Цѣны на земли совсѣмъ не поднимутся, а упадутъ, или поднимутся мнимымъ возвышеніемъ, которое будетъ не возвышеніе цѣны на земли, а упадокъ правительственныхъ бумажекъ, которыхъ надо будетъ давать вдвое, втрое и т. д. за рубль. — Не дурно также въ мнѣніи госуд. совѣта, что, такъ какъ въ западныхъ губерніяхъ за цѣлое признава не община, а отдѣльный семейный участокъ, то помѣщики будутъ имѣть право продавать участки, а съ ними слѣдственно и семейства; это равняется разрѣшенію продажи крестьянъ съ землею посемейно!

† Говорятъ, что уже въ министерствѣ юстиціи заготовлены проекты, по которымъ мирные посредники будутъ обращены въ мировые судьи, въ замѣнъ уѣзднымъ судамъ, но при обычной безгласности. Эти проекты поступили или поступятъ въ госуд. совѣтъ. Вѣроятно государь на нихъ высочайше отмѣчалъ : “дѣльно, справедливо, желательно, чтобы были приведены въ исполненіе и въ прочихъ государствахъ”. — Желательно, скажемъ мы, чтобы кто нибудь прислалъ ихъ въ “Колоколъ”. Графъ Панинъ! пришлите, или попросите Буткова прислать, если сами боятесь компрометироваться.

РУССКІЕ ПОБѢДИТЕЛИ ВЪ СУВАЛКАХЪ.

(Изъ письма къ издателю Козьма.)

Праздникъ св. Антонія въ католической церкви приходится 13 Іюня н. с. На этотъ праздникъ имѣли придти въ Сувалки процессіи изъ разныхъ мѣстъ — Сейвъ, Вижайпъ, Филипова, и др. Ожидали отъ 20—30 тысячъ пилигримовъ. Тайной и явной полиціи нашей это было чрезвычайно не поутру. Кромѣ боязни пропаганды, имъ все кажется, что народъ изъ кощѣла прямо пойдетъ въ казармы и начнется потѣха. Потому полиція старается мѣшать всѣмъ процессіямъ. Средства для этого однѣ и тѣ же — страхъ. За два дня до праздника, т. е. 11 Іюня во вторникъ, была въ Сувалкахъ ярмарка, на которую стеклось довольно много народа. Для полиціи это было самое удобное время. За день передъ тѣмъ прилѣплено было по сѣнамъ домовъ приказаніе варшавскаго оберъ-полицмейстера, чтобы никто не смѣлъ показываться на улицѣ въ оригинальномъ костюмѣ, т. е. жупанахъ, конфедераткахъ и пр. На это приказаніе никто не обратилъ вниманія и на улицахъ явился запрещенный товаръ — рогатки (четыреугольныя шапки) и др., никто не думалъ, что за такую глупость станутъ преслѣдовать, тѣмъ болѣе, что губернаторъ Ферзенъ, какъ огня боящійся коначьей музыки, до сихъ поръ уберечь городъ отъ сценъ, подобныхъ варшавскимъ. Но произошло иначе : появились на улицахъ жандармы и стали охотиться за конфедератками. Кого только видѣли въ подобной шапкѣ, тотчасъ вели въ полицію, списывали протоколъ и имя, оставляли у себя этотъ костюмъ, или же обрѣзывали углы у рогатывекъ и въ такомъ видѣ выпускали на улицу. Полицмейстеръ Росцишевскій, зналъ, что эти аресты не подѣйствуютъ на народъ и что только будутъ причиной манифестаціи. Дѣйствительно начали собираться въ садъ съ разныхъ сторонъ молодые люди и женщины. Сначала шутили, смѣялись надъ жандармами, когда который нибудь изъ нихъ съ задумчивой миной указывалъ на конфедератку, а потомъ нѣсколько изъ нихъ входило въ толпу и брали владѣльца ея въ полицію. Смѣялись и надъ ребячествомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ, одѣтыхъ нарочно въ бумажные колпаки, въ вывороченные шляпы, но болѣе всего, разумѣется, смѣялись надъ правительствомъ, которое въ такихъ глупостяхъ видитъ что-то серьезное. Но мало по малу этотъ смѣхъ перешелъ въ негодованіе. Одного молодого человека Зоревича, жандармы хотѣли свести въ полицію гоже за шапку, тотъ шутя противился имъ, тогда офицеры Новаго Ингерманландскаго полка и 3го Стрѣлковаго баталіона сидѣвшие въ то время въ саду, стали говорить жандармамъ, чтобы они силою тащили его въ полицію. Убѣжденіе подѣйствовало : жандармы или солдаты, не помню хорошо, прикладомъ ударили его. Такой поступокъ офицеровъ возбудилъ негодованіе въ толпѣ; слышались крики : “Precz z moskami! Swinie moskale!” Полицмейстеру Росцишевскому эта минута показалась самымъ удобнымъ временемъ для приведенія въ исполненіе своихъ плановъ. Онъ сбѣгалъ къ генералу Бросе за войскомъ. Дѣйствительно войско явилось подъ предводительствомъ полковника Пасакина и майора Колокольцева и въ нѣсколько минутъ оцѣпило весь садъ. Толпа на минуту успокоилась : казалось, что каждый попялъ важность приближающейся минуты и готовился достойно встрѣтить ее. Въ садъ чрезъ барьеръ перескочили полицмейстеръ и Пасаки съ нѣсколькими казаками и начались

аресты. Росцишевскій сначала велѣлъ брать десятилѣтнихъ гимназистовъ, но потомъ указалъ на четырехъ молодыхъ людей, по его мнѣнію, зачинщиковъ. Два изъ нихъ только что кончили курсъ въ гимназій. Ихъ отвели въ полицію. Арестованные со смѣхомъ послѣдовали за жандармами. Но публикѣ было не до смѣху. Они столько же были виноваты, сколько и другіе, можетъ быть даже и менѣе, а между тѣмъ ихъ могли бы выслать въ какую нибудь изъ крѣпостей. Потому толпа, на половину состоявшая изъ женщинъ, обступила полковника и требовала освобожденія арестованныхъ. Въ это время Росцишевскому пришлось испытать страшное униженіе. Когда спросили у Насакина на какомъ основаніи онъ велѣлъ арестовать этихъ четырехъ, полковникъ прямо объявилъ, что ему на нихъ указалъ полицмейстеръ. Въ то же время *русскіе офицеры сидѣвшіе въ саду, явились доносчиками передъ полковникомъ*. Не знаю, кому бы захотѣлось быть въ это время на ихъ мѣстѣ. Дамы указывали на нихъ пальцами, спрашивали, когда они начнутъ стрѣлять, на которую изъ нихъ они донесли, какъ на зачинщицу?

Требованія публики освободить арестованныхъ не имѣли успѣха. Въ это время Насакинъ велѣлъ толпѣ разойтись но изъ нея послышались голоса: "Пусть войско удалится." Войско отошло, но публика прямо пошла къ губернатору. Ферзенъ поблѣднѣлъ когда его зала начала наполняться по большей части незнакомыми ему лицами и сначала не зналъ, что отвѣтить. Ему предложили дилемму: чтобы онъ или тѣхъ уволилъ, или всѣхъ остальныхъ посадилъ въ полицію. Особенно жесты и выраженія лицъ женщинъ были ему страшны. Онъ могъ только выговорить что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, что онъ два года уже служитъ въ Сувалкахъ и нич. го еще не сдѣлалъ такого, за что бы на него могли пожаловаться въ городѣ, и обѣщалъ тотчасъ произвести слѣдствіе. Публика вышла изъ залы, но только изъ залы, потому, что не хотѣла выйги изъ губернаторскаго дома, пока не будутъ освобождены арестованные. Болѣе четверти часа публика спокойно стояла въ сосѣдней комнатѣ, и это время показалось ей достаточнымъ для произведенія слѣдствія. Потому зала опять начала наполняться непрошенными гостями. Губернаторъ не зналъ что дѣлать, и принужденъ былъ дать честное слово, что черезъ полчаса арестованные будутъ освобождены. Губернаторъ сдержалъ свое слово...

Въ то время, когда въ саду происходили описанныя нами сцены, на рынкѣ разбѣжжали жандармы и страшили простой народъ, говоря, что войско будетъ стрѣлять. Нѣкоторые повѣрили этому и поуходили, но нашлись и такіе, которые объявили, что они такіе же поляки, какъ и тѣ, которые въ сюртукахъ ходятъ, и что потому они готовы съ послѣдними подвергнуться одинаковой участи. Что страхъ дѣйствительно не слишкомъ подѣйствовалъ на крестьянъ, это показалъ праздникъ св. Антонія, на который стеклось множество народа.

Этимъ я хотѣлъ кончить мое письмо къ вамъ, но тутъ происходятъ такіа удивительныя событія, что преступленіемъ было бы промолчать о нихъ. Объ описанномъ мною происшествіи дали знать въ Варшаву и оттуда прислали на слѣдствіе генерала Рудановскаго, служившаго на Кавказѣ. Рудановскій, имѣя между своими офицерами людей *отлично усердныхъ*, какъ Кобро, Колокольцева, Кромаревскаго и Захарова, позвалъ къ суду болѣе 40 человекъ, между которыми много дамъ. Позванныхъ обвиняютъ въ томъ, что они

кричали: "Niech żyje Polska! Niech żyje wolność! Precz z moskalami! Zasmrodzili Polskę moskale! Idźcie do rakarzu przewety czyszcic!" (Слушайте, слушайте!) что какая то дама ударила солдата въ лицо, и пр. и пр. Вы будете краснѣть за своихъ соотечественниковъ, что они могли подать подобныя обвиненія.* Въдъ если бы даже они были справедливы, неужели гг. офицеры считаютъ благороднымъ путь, который они избрали для того, чтобы найти себѣ удовлетвореніе! Неутѣшительный фактъ, а надобно сказать, что офицеры, по крайней мѣрѣ здѣшніе, сильно проникнуты духомъ правительства. Они не только громко выхваляютъ дѣйствія Горчакова въ Варшавѣ, но еще всѣми силами желаютъ повторить ихъ въ Сувалкахъ.

Всѣ тѣ, которыхъ призвали въ слѣдственную комиссію отвѣчали прямо на заданные имъ вопросы; по одинъ изъ подсудимыхъ Р. Вѣшлейскій (Wierzchlejski Roman), юристъ, отвѣтилъ, что Польша не объявлена въ военномъ положеніи, что потому комиссія, состоящая изъ четырехъ военныхъ и одного статскаго—военный судъ однимъ словомъ, не можетъ имѣть мѣста въ это время. Генералъ взбѣсился когда прочиталъ эти слова и тотчасъ велѣлъ арестовать Вѣшлейскаго. Мы думали, что за этотъ арестъ, генералъ получитъ по крайней мѣрѣ выговоръ. Отсюда къ г. Вѣлепольскому послано было нѣсколько представленій, между прочимъ и президента трибунала, гдѣ описано было какъ происшествіе 11-го Мая, такъ и поступокъ Вѣшлейскаго который ни въ чемъ не поступилъ противузаконно. Мы были увѣрены въ томъ, можно сказать. Но случилось иначе: послѣ восьмидневнаго ареста въ Сувалкахъ, Вѣшлейскаго, ночью, повезли въ петропавловскую крѣпость, не смотря на то, что недавно было объявлено, что всѣхъ поляковъ будутъ наказывать—чѣмъ бы то ни было—въ Польшѣ. Вотъ вамъ обращикъ того, какъ русское правительство исполняетъ свои обѣщанія, какъ равно и тѣхъ улучшеній, которыя оно думаетъ сдѣлать въ Польшѣ и о которыхъ такъ громко министръ Горчаковъ говорилъ въ своемъ циркулярѣ ко всѣмъ заграничнымъ дворамъ Европы. Любопытно знать, что скажетъ Constitutionnel и г. Грацильо, узнавши объ этомъ фактѣ; будутъ ли они совѣтовать полякамъ вѣрить Александру II? Не одного Вѣшлейскаго посадили въ крѣпость; ночью увезли и одного ксендза, Фальковскаго, въ Динабургъ. Кромѣ того, что этотъ ксендзъ былъ порядочный человекъ и вполнѣ понималъ теперешнее движеніе своего отечества, была и другая причина его ареста: онъ лично оскорбилъ Рудановскаго. Если вамъ угодно, я опишу разговоръ, какой имѣлъ Фальковскій съ генераломъ. Въ Сейны изъ Сувалокъ отправилась процессія. Для своихъ цѣлей, Рудановскій рѣшился помѣшать ей и велѣлъ позвать къ себѣ Фальковскаго; но тотъ отвѣтилъ, что если генералъ нуждается въ немъ, то можетъ къ нему самъ придти, такъ какъ онъ, Фальковскій, не имѣетъ дѣла къ генералу. Рудановскій, pro publico bono, унизился до того, что переступилъ порогъ бѣдной квартиры ксендза. Вотъ ихъ разговоръ:

— Вы не должны завтра идти въ Сейны—я этого требую.

— Я не могу согласиться на это; я далъ обѣтъ Богу исповѣдываться въ Сейнахъ, потому долженъ идти и пойду.

— По крайней мѣрѣ идите одни, уговорите народъ, чтобы онъ не шелъ.

* Отъ всей души. Ред.

— Это не въ моей власти; каждый изъ нихъ далъ себѣ такой же обѣтъ, какъ и я, какъ ксендзь, я сдѣлалъ бы преступленіе, если бы подговаривалъ народъ забыть о своемъ обѣтѣ.

— Но вѣдь въ прошломъ году подобныхъ процессій не бывало; откуда же вдругъ явилась такая набожность?

— Въ Польшѣ всегда было въ обычаѣ совершать благочестивыя пугешествія, когда отечество постигало какое нибудь несчастіе.

Генералъ немного задумался. — По крайней мѣрѣ не пойте этихъ глупыхъ пѣсней своихъ. (Въ косяцахъ поются патриотическія пѣсни).

— Вы забываетесь, генералъ; въ нашемъ отечествѣ вѣрогерпимость принадлежитъ къ числу основныхъ законовъ... Въ нашемъ косяцѣ поются только тѣ пѣсни, которыя предписала перковь.

Послѣ этого генералъ вышелъ, а черезъ нѣсколько дней, Фальковского увезли въ Динабургъ."

Къ этому безыскусному, простому разсказу, котораго каждое слово носить на себѣ печать истины, мы ничего не прибавимъ—паше мнѣніе на счетъ петербургскаго управительства и его опричникъ извѣстно. Искренно благодаримъ корреспондента за его письмо. Какихъ глупостей, какихъ пошлостей не надѣлало съ тѣхъ поръ русское правительство въ Польшѣ, отъ войны съ млавской богородицей, ночевавшей въ кордегардіи, до адреса портнымъ на счетъ покроя.... Впрочемъ пусть они покрываются позоромъ. Ред.

С М Ъ С Ъ .

— *Мракобѣсіе цензуры.*—Вѣрное своему началу, и желая, чтобы ничто кромѣ тупоумія не разпространялось въ Россіи, правительство дѣлаетъ цензуру все болѣе и болѣе тупоумною и тяжелою. Недавно Щербининъ, получившій бѣлаго орла съ высочайшей надписью на маржѣ: *за цензуру*—запретилъ въ одномъ журналѣ перепечатывать статью изъ кievской газеты о прощальномъ обѣдѣ Пирогову. Сверхъ того прилагаемъ здѣсь два предложенія главнаго управленія цензуры Московскому ценсурному комитету, предложенія, доказывающія, что правительство, утративъ довѣріе крестьянъ темными положеніями и яркой стрѣльбою по народу, старается утратить и въ другихъ сословіяхъ тотъ остатокъ уваженія къ нему, который кое-кто изъ образованныхъ людей, скрѣпя сердце, старался въ себѣ натягивать. Вотъ эти предложенія:

1) Въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ весьма часто появляются подробныя описанія политическихъ переворотовъ, сопровождаемыя иногда (особенно въ переводныхъ сочиненіяхъ) оправданіями ихъ общими теоретическими ученіями и ходомъ государственнаго управленія, неотразимо влекущимъ къ реформамъ. Примѣромъ подобнаго рода статей могутъ служить восторженныя описанія италянскаго возстанія, заключающіяся въ политическихъ обзорѣніяхъ разныхъ журналовъ; переводъ *сочиненія Токвиля, старый порядокъ и революція*, приложенный къ Январской книжкѣ *Библиотеки для чтенія* за 1861 годъ, и статья *Предисловіе къ нынѣшнимъ австрійскимъ дѣламъ*, помѣщенная въ Февральской книжкѣ *Современника* за 1861 г. При настоящемъ взволнованномъ положеніи умовъ въ европейскихъ государствахъ пельзя не признать вреднымъ распространеніе сочиненій, въ которыхъ выставляются яркія описанія революцій, необхо-

димыхъ будто бы для оживленія организма государства. Неопытный читатель легко можетъ примѣнять къ положенію своей страны тѣ дѣйствительныя или мнимыя недостатки управленія, которые вызвали въ другихъ странахъ событія, описанныя съ желаніемъ сдѣлать изъ нихъ факты всеобщаго значенія. Въ слѣдствіе сего главное Управленіе цензуры нужнымъ считаетъ предложить моск. ценс. комит. допускать къ печати съ особою осмотрительностью вышеозначеннаго рода сочиненія, и переводныя изъ нихъ дозволять единственно въ томъ случаѣ, когда онѣ, представляя описаніе событій въ какомъ либо государствѣ, не выводятъ изъ нихъ общихъ началъ для примѣненія въ другихъ государствахъ.

Секретарь моск. ц. к. Оедоровъ.

2) На основаніи статьи 3, пункта 2, ценсурнаго устава, ценсура обязана подвергать запрещенію произведенія словесности, когда въ оныхъ оскорбляется честь какого либо лица непристойными выраженіями или предосудительнымъ обнародываніемъ того, что относится до его нравственности или домашней жизни, а тѣмъ болѣе клеветою. По случаю же допущенія къ печати въ періодической литературѣ статей, въ которыхъ выставлялись личности съ осязательнымъ ихъ обозначеніемъ или съ поименованіемъ фамиліи, главное Управленіе цензуры, подтвердило циркулярно по ценсурному вѣдомству отъ 3 Октября 1859 года, что дальнѣйшее допущеніе къ печати, вопреки вышеозначенной статьѣ ценсур. уст. статей, оскорбляющихъ честь какого либо лица, непременно повлечетъ за собою удаленіе отъ должности виновныхъ въ семь упущенія ценсоровъ. А отъ 8 Марта 1860 г., глав. Упр. цензуры, объявлено высочайшее повелѣніе, конемъ между прочимъ воспрещено допущеніе въ печати сочиненій и журнальныхъ статей, а равно подражаній и карикатуръ, въ которыхъ, хотя не прямо, съ названіемъ фамиліи, а болѣею частью подъ прозрачнымъ замаскированіемъ оглашаются обстоятельства, относящіяся до нравственности и частной жизни разнаго званія лицъ и т. д.

Не смотря на вышеизложенныя постановленія, воспрещающія положительнымъ образомъ появленіе въ печати личностей, глав. Управ. цензуры усматриваетъ въ журналахъ и газетахъ статьи, описывающія злоупотребленія и проступки разныхъ лицъ, не только съ ясными намеками на обстоятельства, могущія вести къ открытію именъ сихъ лицъ, но даже съ поименованіемъ полныхъ ихъ фамилій. Примѣрами подобныхъ отступленій отъ ценсурныхъ постановленій могутъ служить напечатанныя въ послѣднее время, возбуждившія журнальную полемику, статьи о грубыхъ поступкахъ Козлянинова на Николаевской желѣзной дорогѣ, на поступки студента харьковскаго университета Страхова, на маскарадѣ въ Харьковѣ. Въ №. 69 же *Московскихъ Вѣдомостей*, 28 Марта, напечатано извѣстіе о побояхъ, нанесенныхъ маіоромъ Чириковымъ, кадету межеваго института на улицѣ въ Москвѣ, съ прямо выраженнымъ намѣреніемъ предать общему позору фамилію сего офицера.

Въ слѣдствіе сего глав. Управ. цензуры, считаетъ своею обязанностию подтвердить снова по ценсурному вѣдомству строго руководствоваться пунктомъ 2 ст. 3 цен. устава, не допуская въ сочиненіяхъ и статьяхъ личностей и не дозволяя ни въ какомъ случаѣ оглашенія подлинныхъ фамилій въ разсказахъ и произшествіяхъ предосудительныхъ для нравственности приводимыхъ въ нихъ лицъ. Къ сему главное

Управление цензуры, считаетъ нужнымъ присовокупить, что напечатаніе статьи въ одномъ періодическомъ изданіи не даетъ права, къ перепечатанію оной въ другихъ повременныхъ издаціяхъ, безъ новаго ценсурнаго разсмотрѣнія.

— *Путятинъ молчитъ.*—Nord, сильно преданный всему морскому, сильно преданъ и нашему архіепископу-адмиралу русскаго просвѣщенія; но напрасно ждалъ онъ его архипастырскаго циркуляра и пророчилъ, что онъ своимъ жезломъ сброситъ, если не въ Волховъ, то въ Неву, Перуна омрачителя нашихъ дней—Цензуру.

Не сблнсь, мой Nord, пророчества
Пылкой юности твоей!

Путятинъ, съ смиреніемъ достойнымъ нѣмъ вѣковъ, принялъ молча даже всѣ нелѣпости, все противучеловѣческое строгиновской ревности о невѣжествѣ.

Кстати—по части “Прогресса Затмѣнія,” вотъ что намъ пишутъ :

“Воскресныя школы доживаютъ послѣдніе дни подъ тяжелой ланой всевозможныхъ начальствъ и инспекторовъ; почти всѣхъ добровольныхъ преподавателей выжили и по наряду замѣнили казенными учителями низшихъ училищъ. Настала очередь университетовъ, для *благоустройства* которыхъ, подъ началомъ великаго инквизитора Строгонова, составилась извѣстная коммиссія *трехъ*. Первый проектъ ея о размѣщеніи факультетовъ по частямъ города и учетвереніи платы грѣшилъ излишней прямою, надобно было *mezzo termine*, то же почти, да не въ такой осязаемой формѣ; вотъ и сочинили и наконецъ утвердили новыя, не лишеныя также своего рода прелести, правила. Вслѣдъ за нѣкоторыми милыми мелочами, какъ то: учрежденіе билетовъ для входа въ аудиторію, падзоръ профессоровъ за исправнымъ посѣщеніемъ ихъ лекцій (переключки?), подписка съ студентовъ въ “благопристойности,”—мы встрѣчаемъ здѣсь капитальный пунктъ: *бѣдныя не освобождаются отъ платы, кромѣ 2-хъ изъ каждой губернии, отличившихся на вступительномъ экзаменѣ, и 1-го изъ гимназій.* Нечего и комментировать этотъ гнусный фактъ, стоитъ только вспомнить, что въ одномъ петербургскомъ университетѣ 600 человѣкъ не могутъ внести платы.”

— *Позднее, по существенное дополненіе.*—Въ 93 №. Колокола, подъ заглавіемъ: *Самическій законъ въ московскомъ университетѣ*, помѣщена реляція блистательнаго похода храбраго университетскаго начальства противъ дѣвочки, появившейся въ аудиторіяхъ. По при этомъ уищена самая интересная подробность: попечитель Псаковъ исключилъ родственника слушательницы, студента юридическаго факультета г. Славутинскаго, за то, что онъ вмѣстѣ съ ней приходилъ въ университетъ. Причина показалась не довольно ясною отцу преступника, онъ требовалъ объясненій—попечитель отвѣчалъ дерзостями. Неужели это правда?

— *Новгородъ и Иерусалимъ.*—Новгородскія губернскія вѣдомости №. 17. Апрѣля 29, подробно изясняя христіанскую цѣль изданія образовъ и картинъ духовнаго содержанія (на пр. портретъ государя во весь ростъ и въ порфирѣ) продолжаетъ, такъ :

“Религіозное сіе предпріятіе, объявленное въ приказѣ по 1 армии, отъ 26 Іюня 1857 года, за №. 32 и 1859 г. за №. 95, удостоилось высочайшихъ покровительствъ отъ щедротъ ихъ

императорскихъ величествъ, государя императора, и государынь императрицъ, также религіозное сіе предпріятіе *удостоилось сочувствія 1-й дѣйствующей армии (1) митрополитовъ: С. Петербургскаго покойнаго Григорія и Исидора, московскаго Филарета, кievскаго Арсенія, Архіепископовъ: ярославскаго Писла, херсонскаго Дмитрія, тверскаго Феллофел, епископовъ: нижегородскаго Антонія, тамбовскаго Теофана, ревельскаго Леонтія, дмитровскаго Леонида, многихъ именитыхъ русскихъ, равно и граждавъ городовъ: Москвы, Рязани, Моршанска, Козлова, Коломны, Углича, Кашина, Рыбинска, многихъ другихъ и шефа корпуса жандармовъ ея сіятельства князя Василія Андреевича Долгорукова, рекомендовавшаго сіе религіозное предпріятіе г. министру внутреннихъ дѣлъ, для распубликованія по россійской имперіи.* Выгоды отъ распродажи сихъ образовъ и картинъ назначены: “На построеніе храмовъ св. землѣ во имя Спаса Преображенія” (*Русск. Инвалидъ 1860 г. №. 17 и 38, и Сѣверная Пчела 1860 г. №. 14*).

Всѣ сіи образа и картины духовнаго содержанія, произведенныя кистью, предназначаются во вновь имѣющійся построятся храмъ въ св. землѣ во имя Спаса Преображенія, точными же копіями съ нихъ удовлетворятся немедленно по выходѣ ихъ въ свѣтъ, гг. подписчики, равно и снабдятся *безвозмездно* восточныя и за-восточныя церкви.

Съ образами и картинами духовнаго содержанія, уже готовыми, какъ то: Тайная вечеря, моленіе о чащѣ, 12 Апостоловъ и проч. удовлетворятся гг. подписчики въ 1860 г., никакъ не позже предстоящей осени, *равно* и портретомъ во весь ростъ государя императора Александра II въ порфирѣ съ знаками св. Андрея Первозваннаго уже готовымъ, (вышина 2 арш. 11½ и ширина 1 арш. 9 верш. подписная цѣна 50 р.

Религіозное сіе общепольное и необходимое предпріятіе—“первое по существу своему”. Г. Лазаревъ всѣ выгоды его употребляетъ: “на построеніе храма въ св. землѣ во имя Спаса Преображенія”. Печатаніе сихъ образовъ и картинъ духовнаго содержанія, числомъ “болѣе семидесяти” на первый разъ будетъ произведено: пятьдесятъ образовъ по 200 экземпляровъ каждаго, полагая экземпляръ со включеніемъ цѣнности камней и нарисованія ихъ по числу колеровъ каждаго изъ образовъ—по 15 р. сер. за экземпляръ, слѣдовательно каждой картины духовнаго содержанія, полагая 1 экземпляръ въ 15 р. напечатанныя 200 экземпляровъ будутъ стоить: 3.000 р. и 150.000 р. всѣ 50 образовъ и картинъ духовнаго содержанія по 200 экземпляровъ каждаго образа.

Гг. принимающіе *существенное* участіе въ семъ христіанскомъ дѣлѣ, подписавшіеся *отъ одного до десяти и болѣе экземпляровъ* каждаго изъ издаваемыхъ образовъ и картинъ духовнаго содержанія будутъ на всю данную ими на сей религіозный предметъ сумму, удовлетворены означенными образами и картинами духовнаго содержанія, по уменьшенной цѣнѣ г. е. вмѣсто 75 р. 65, 60 и 55 р.—только по 50 р. за каждый подписной образъ. Сверхъ сего и пр. — *Sehr gut!*

— *И Правда ли,* что игуменья алексѣевскаго монастыря въ Москвѣ, превращаетъ его въ алексѣевскій рavelинъ, гнусно обращается съ послушницами, бьетъ ихъ, запираетъ въ каміе то темныя чуланы?

Если правда, мы будемъ жаловаться Путятину.

— *Лейбъ-правосудіе и лейбъ-гвардія.* — По именному высочайшему повелѣнію преданъ былъ *военному суду* временно-обязанный крестьянинъ ярославской губ. Никитинъ, за оскорбленіе, въ пьяномъ видѣ, казначея л. гв. Волынскаго полка, Ядыкина. Дѣло производилось въ военносудной комиссіи при с. петербургскомъ ординарсъ-гаузѣ, куда Никитинъ былъ представленъ изъ полиціи въ кандалахъ. Ядыкинъ показалъ письменно, что на второй день святой недѣли, къ нему подошелъ на улицѣ пьяный мужикъ, съ просьбою прочитать вывѣски и указать какую то лавку. Прочтя нѣскольکو вывѣсокъ и видя, что Никитинъ не отставалъ, онъ приказалъ находящемуся вблизи сторожу вѣдомства путей сообщенія взять его и отвести въ полицію; но какъ сторожъ отговаривался, что не можетъ отойти отъ мѣста, то онъ отъиингъ приказаніе. Никитинъ, по совѣту товарищей, пошелъ благодарить его, но подоидя съ поклонами, ударился въ него. Ядыкинъ настаивалъ на томъ, что Никитинъ дѣйствовалъ сознательно. Свидѣтелями по дѣлу явилось нѣсколько человекъ, въ числѣ которыхъ дѣйствовали самостоятельно экзекуторъ какого то департамента путей сообщенія Гнѣдичъ, его сослуживецъ и два брата Сѣрно-Соловьевичи, служащіе въ какомъ то министерствѣ. Свидѣтелямъ, спрошеннымъ подъ присягою, были предложены письменно вопросы: “Какъ было дѣло и былъ ли Никитинъ пьянъ до безпамятства? Гнѣдичъ и его сослуживецъ подтверждаютъ показанія Ядыкина и поддерживали его обвиненія. Сѣрно-Соловьевичи показали, что они не видали начала происшествія и нанесенія удара. Подойдя къ толпѣ, окружавшей двухъ дѣйствующихъ лицъ, они увидели мужика, распростертаго на землѣ, и офицера, очевидно бывшаго не въ нормальномъ положеніи. Тутъ же стоялъ г. Гнѣдичъ и кричалъ не менѣе офицера; офицеръ, спросивъ его имя и назвавъ себя, поручилъ ему распорядиться, а самъ ушелъ. Гнѣдичъ послѣдовалъ за нимъ, обѣщая довести дѣло до свѣденія начальства и государя. Гнѣдичъ отыскалъ городского и велѣлъ взять Никитина, а самъ отправился къ полковому командиру Волынскаго полка. Никитина не могли вести, а должны были *положить на дрожки* и такимъ образомъ отвезли въ полицію. Толпа убѣдительно просила отпустить его, утверждая, что онъ столько же виноватъ, какъ и офицеръ, тоже выпившій и пихнувшій его. Объяснивъ это, Сѣрно-Соловьевичи добавили во 1-хъ, что, по ихъ правсвенному убѣжденію, Ядыкинъ былъ не трезвъ; такое убѣжденіе произвели въ нихъ весь образъ дѣйствій, крики и жесты Ядыкина, уходъ его и порученіе другому, постороннему, распорядиться за него, сообщеніе происшествія полковому командиру, не самимъ Ядыкинымъ, *отправившимся домой*, а Гнѣдичемъ, наконецъ отзывъ толпы; во 2-хъ, что при составленіи акта о происшествіи въ полиціи, другіе свидѣтели разнорѣчили между собой и тогдашніе ихъ отзывы разнились отъ тѣхъ, когорые они дали письменно, почему они, Сѣрно-Соловьевичи, просятъ дать имъ съ ними очную ставку.

Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Свидѣтелей болѣе не призываютъ въ комиссію. *Никитина приговорили къ наказанію 300 ударовъ шпицрутенами и отдали въ арестантскія роты.* Вслѣдъ за симъ Ядыкинъ, заболѣвшій на другой день послѣ происшествія, умеръ. Говорятъ, что *всѣ офицеры* Волынскаго полка подали по начальству, отъ имени полка, просьбу, обвиняя Сѣрно-Соловьевичей въ клеветѣ, причинившей смерть ихъ товарищу, и въ оскорбленіи своимъ показаніемъ, и тре-

буя примѣрнаго наказанія. Да и въ самомъ дѣлѣ, пора проучить этихъ шатскихъ, фрачниковъ, чтобы не забывались. Ну гдѣ же видано, чтобы русскій офицеръ былъ пьянъ?

— *Неутѣнная вдова, лековѣрный Долгорукий и сентиментальный императоръ.* — Въ 1855, гнѣго Мартыновъ купилъ мѣсто на васильевскомъ острову, съ деревяннымъ домикомъ. Когда Мартыновъ выстроилъ рядомъ каменный домъ, то ирежила хозяйка подала прошеніе гн. Долгорукому, въ которомъ объясняла, что Мартыновъ, воспользовавшись ея огорченіемъ отъ потери отца и мужа, выманилъ у нея безъ денегъ купчую. Гн. Долгорукий такъ и доложилъ государю и по высочайшему повелѣнію, имѣнье взяло въ опеку. Въ указѣ именно сказано: “вслѣдствіе огорченія отъ потери отца и мужа (тогда какъ отецъ умеръ за 10 лѣтъ, а мужъ за 5 лѣтъ до совершенія купчей).” III Отдѣленіе предлагаетъ Мартынову слѣдующую мировую: каменный домъ отдать огорченной вдовѣ, а деревянный оставить себѣ.

Правда ли это?

— *Правда ли,* что въ московской университетской библіотекѣ студенты получаютъ книги съ страшными затрудненіями, и что за то ихъ полученіе такъ облегчено профессорамъ, что одинъ изъ нихъ (названный по имени) имѣетъ на дому до *четырехсотъ сочиненій*, взятыхъ изъ библіотеки?

— 8 Іюля ст. ст. внезапно умеръ, на 51-мъ году, *Александръ Николаевичъ Татаринцовъ*. Помѣщикъ симбирской губерніи, членъ редакціонныхъ комиссій, всю жизнь вопль за освобожденіе русскаго народа, онъ оставилъ, по завѣщанію, нынѣ уже освобожденнымъ крестьянамъ своего имѣнья, состоявшаго изъ 400 душъ, пятнадцать тысячъ рублей серебромъ для основанія сельскаго банка. Да сохранится благодарно имя его въ памяти земледѣльца и каждаго честнаго человека.

— Въ Берлинѣ, у Р. Вагнера (unter den Linden, 57) вышло изданіе стихотвореній Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій. Это изданіе въ двухъ форматахъ; одинъ въ величину петербургскаго изданія 1859 года, другой маленькой, очень удобный. Снабженное примѣчаніями, это изданіе обрадуетъ не только нашихъ библіофиловъ, но всю читающую публику. Мы очень жалѣемъ, что г. Вагнеръ не вошелъ съ нами въ сношеніе до изданія; мы могли бы присоединить къ нему и нашъ сборникъ, который выйдетъ въ Сентябрѣ, подъ заглавіемъ: “Русская потаенная литература XIX столѣтія. Отдѣлъ первый — Стихотворенія.” Въ нашъ сборникъ вошли стихотворенія разныхъ авторовъ. Почти всѣ стихотворенія Пушкина, находящіеся въ немъ, находятся и въ изданіи г. Вагнера; едва ли даже послѣднее не богаче нашего; нашъ сборникъ обширнѣе только стихотвореніями другихъ писателей. Мы вовсе не враждебно смотримъ на конкуренцію берлинской типографіи и отъ души привѣтствуемъ ея прекрасный трудъ. Мы надѣемся, что онъ будетъ съ участіемъ встрѣченъ русскою публикой.

— *Отъ редакціи.* — Статьи объ Арнаутовыхъ и о частномъ приставѣ Шишковскомъ, о когорой спрашиваетъ корреспондентъ, мы не получили.

продается :

Полярная Звѣзда на 1862, книжка VII, выпускъ I-й, съ портретомъ И. Д. Якушкина. Цѣна 3с.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 107.

15 СЕНТЯБРЯ 1861.

У Триюнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Repetitio est mater studiorum—Отвѣтъ “Великоруссу”—Празднованіе соединенія Литвы съ Польшею въ Ковнѣ.

СМѢСЬ: Купецъ Д. Пилигинъ и Огаревъ пермскій—Генералъ Филипповъ—Почтовые чиновники—Съ бѣги Литва?—Могилы Конарскаго—Великорусскіе.

REPETITIO EST MATER STUDIORUM.

Въ послѣднее время съ особеннымъ озлобленіемъ нападаютъ на нѣкоторыя мнѣнія, защищаемыя нами. Можетъ мы и ошибаемся во многомъ, но хотѣли бы отвѣчать только за *свое*, а не за намѣренно искаженныя мысли наши враждебной или желчевой критикой. Это заставило насъ помѣстить предлагаемый *отрывокъ* (изъ статьи, назначенной въ *Полярную Звѣзду*) въ *Колоколъ*, не смотря на то, что мы избѣгаемъ въ немъ всѣми средствами. общіе взгляды, professions de foi, и пр. Мы печатаемъ его не какъ *отвѣтъ*, а какъ *предъль*, или между, для опредѣленія границъ, за которыми мы не отвѣчаемъ за нецѣпости, которыя ставятъ на нашъ счетъ.

И—ръ.

TORQUAY (Devonshire), 30 Августа 1861.

... Прежде всего слѣдуетъ вспомнить опредѣлительно что я говорилъ.

Я говорилъ и теперь утверждаю, что современный государственный бытъ дошелъ въ Европѣ до того предѣла измѣняемости, далѣе котораго онъ не можетъ развиваться сообразно новымъ потребностямъ людскимъ, *не измѣняя* своихъ основаній, т. е. не переставая быть самимъ собою. Сознаніе этого явилось въ немъ самомъ. Соціальныя учения, какъ бы они ни были формулированы, далеко перехватываютъ за возможность улучшеній существующаго порядка. Они стремятся водворить иное отношеніе людей къ собственности, къ обществу и между собой. При измѣненіи этихъ основныхъ отношеній, прежніе институты, формы, могутъ остаться, но они *иначе* взойдутъ въ общественную формулу, т. е. иною функціей, и тогда, между новымъ обществомъ и старымъ государствомъ, останется столько же общаго, какъ между Римомъ императоровъ и Римомъ папъ. Какъ внутренній историческій химизмъ разлагаетъ одно тѣло, одинъ организмъ, и соединяетъ его составныя части въ иныя ткани другаго организма, намъ еще недавно показавъ по трупу, страшной силы анатомъ на величайшемъ кладбищѣ міра. Читая книгу Грегоровіуса, можно наглядно прослѣдить, какъ съ каждымъ поколѣніемъ, античный Римъ слабѣетъ, вывѣтривается, а христіанскій крѣпнеть и растетъ. Подъ конецъ не было и борьбы, а неотразимо совершающееся превращеніе. Случайный эле-

Годъ V.

ментъ, прорвавшійся изъ германскихъ лѣсовъ, доломалъ силой старую весъ; было ли это счастье или несчастье—я не знаю и никогда не говорилъ объ этомъ.... Пути исторіи, пути природы оттого намъ и кажутся такъ несповѣдимы, что они прокладываются безъ плана, ломаютъ безъ жалости и пользуются всѣмъ по дорогѣ, какъ настоящіе мародеры.

Что было бы съ Римомъ безъ нашествія варваровъ и какъ бы онъ справился съ новыми идеями, или какъ бы ихъ побѣдилъ своей философіей, сказать тоже не легко. Мы имѣемъ одинъ рѣзкій примѣръ античнаго порядка и христіанскаго вліянія—въ Византіи. Она не жила, а тянулась до своего паденія, она была очень *стара*, не смотря на то, что дѣти родились не сѣдыя и не плешивыя. Турки дали ей честную кончину.

Жизнь западнаго міра гораздо сложнѣе римской, у ней нѣтъ одной головы, которую искалъ Калигула, а потому и судьбы его не такъ просты. Сильно поврежденный бурями, онъ, какъ корабль, накрѣнился на одну сторону, отлил часть себя за океанъ, оправился и поплылъ на всѣхъ парусахъ; но вмѣсто гавани, которая постоянно виднѣлась и которая врядъ существуетъ ли, онъ доплылъ до новаго водоворота—обогнуть его, уплыть отъ него, трудно. Какъ разрѣшить онъ вопросъ, стоящій передъ нимъ и требующій неотложнаго отвѣта, и разрѣшить ли его? Сказать положительно *да* или *нѣтъ*, такъ или *эдакъ* можетъ поврежденный или пророкъ. Но дѣлать предположенія, мы имѣемъ полное право, не будучи ни безумными, ни преступниками.

Предположенія могутъ быть разны уже потому, что трудно себѣ представить одно рѣшеніе и одинакій результатъ. Неужели общественное пересозданіе пойдетъ одинакимъ образомъ въ странѣ тихаго, настойчиваго, поступательнаго развитія, въ странѣ, гдѣ митингъ покоенъ, свобода книгопечатанія не вводитъ въ грѣхъ, и Беккъ такъ флегматически-спокойно проповѣдуетъ прогрессъ исподоволь—и въ странѣ вулканическихъ взрывовъ, рабства и своеволя, гдѣ Прудонъ мечется и прыгаетъ на своей цѣпи, какъ пойманный вепрь? Гдѣ начнется разгромъ—въ потухнувшемъ ли французскомъ кратерѣ или на морскомъ днѣ англійской жизни, куда вѣтеръ не доходитъ, гдѣ бури неслышны, куда самый свѣтъ едва проникаетъ?

Да и вообще въ Англіи ли и во Франціи начнется онъ? То, что онъ царятъ въ настоящемъ, что онъ мошны—не резонъ. Въ полномъ, могучемъ разгарѣ вѣковаго развитія, въ богатомъ урожаѣ его, трудно пробиться, прорости чему нибудь новому, особенно отрицающему существующее. Все занято, все ринуту, увлечено, все дѣйствуетъ въ очерченномъ кругу, все бережетъ свое состояніе и не хочетъ рисковать имъ въ пользу неизвѣстнаго.

Что же нелѣпаго въ предположеніи, что новыя общественныя формы, новыя экономическія основы прозябнутъ и разовьются въ другихъ странахъ, мало имущихъ, съ бродящими и неустроенными силами, съ несложившимися складками—пока пышный цвѣтъ прежней жизни будетъ доцвѣтатъ до утраты послѣдняго благоуханія, послѣдняго яркаго лепестка? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, это общій путь жизни съ ея вѣчнымъ рожденіемъ молодаго, безъ ущерба старому. Чѣмъ дольше общество жило исторической, государственной жизнию, чѣмъ богаче былымъ, тѣмъ прочнѣе, тѣмъ больше сложились формы, въ которыхъ движется его жизнь, тѣмъ онъ глаже, удобнѣе, тѣмъ больше крѣпость ихъ покоится на внутреннемъ признаніи, на самой народной совѣсти, выработавшей ихъ; онъ дѣйствительно многому соотвѣтствуютъ и съ тѣмъ вмѣстѣ многому препятствуютъ. Новому порядку вещей приходится вступать въ борьбу со всей совокупностью этихъ признанныхъ и дѣйствующихъ институтовъ. Борьба почти никогда въ исторіи не оканчивается безусловной побѣдой той или другой стороны—хоть кампи и колонны какого нибудь Юпитерова храма взойдутъ въ постройку новой церкви. Развитіе вообще идетъ разными сочетаніями двухъ взаимпо-дѣйствующихъ силъ *традиціи и идеала*. Чѣмъ сильнѣе, чѣмъ крѣпче, чѣмъ богаче преданіе, тѣмъ упорнѣе оно себя отстаиваетъ, тѣмъ больше проникаетъ въ идеалъ, стягивая его въ свою сторону. То, что стоитъ за себя, то имѣетъ *неоспоримое право жить*, какъ намъ это ни досадно.*

Нѣкогда передъ подобными твердынями разбивалась мысль или разбивался человѣкъ. Кругъ былъ очерченъ—для Катона утическаго, городскимъ валомъ, для Дантова, французской границей. Теперь человѣкъ удобовимѣе, онъ можетъ легко “нести на своихъ подошвахъ отечество” и во многихъ странахъ понялъ это. Не естественно ли ему оглядѣться на право и на лѣво, посмотрѣть нѣтъ ли менѣе заваленной почвы, менѣе защищаемыхъ бойницъ. Развѣ многое, чего нельзя было достигнуть въ Англіи, не достигнуто въ Канадѣ, въ Австраліи?

Къ тому же, чего нельзя было взять съ собой “на подошвахъ,” то не лучшее; важнѣйшее достояніе западной жизни—*движимое*, отрѣшенное отъ земли, отъ города, отъ церкви, отъ суда, отъ государства, отъ всего *недвижимаго* маіората среднихъ вѣковъ и вѣковъ религіозной и политической борьбы, благопріобрѣтенное и принадлежащее всѣмъ имущество, это—*Наука*.

Развилась она въ этомъ мірѣ, въ немъ рѣзались ея зубы, въ немъ чахла она отъ золотухи и выздоровѣла, въ немъ поумнѣла и потому сдѣлалась чужая въ семьѣ. Она больше

* Въ настоящемъ, сопротивленіе консерватизма насъ бѣситъ. Благодушный покой и умѣренность въ борьбѣ невозможны. Оскорбительное сознаніе своего безсилія идетъ рядомъ съ досадой на несостоятельность разума, на простодушное непониманье массъ и на корыстный эгоизмъ понимающихъ. Вотъ отчего иной разъ вырывается горькое слово проклятія міру тупаго самодовольства и призывъ на его узкій черепъ, грома и молніи. Это дѣло страсти; со стороны его можно не оправдывать, но нельзя не понимать.

чѣмъ Христось, можетъ сказать своей матери: “Женщина, что тебѣ до меня? я проповѣдую разумъ—ты ворожбу; я ищу—ты вѣришь.” Что общаго у академіи и церкви, кромѣ корыстнаго укрывательства, по которому академія не отличаетъ ее? что общаго у астронома, вычисляющаго будущія явленія, и попа, молящагося о дождѣ?

Если западному человѣку, у котораго голова устроена логически и есть достаточно храбрости, чтобъ оторваться отъ привычки, представляется вопросъ о иныхъ невоздѣланныхъ почвахъ и онъ вглядывается въ Австралію, Америку, во всякую дичь, ничего не дающую положительнаго, кромѣ физическихъ условій и отсутствія традиціи—то безъ сомнѣнія русскому, связанному съ Западомъ одной наукой и больше ничѣмъ, еще легче освободиться отъ чужой традиціи и совершенно естественно взглянуть на то, что дѣлается около него, на своей собственной почвѣ.

О странномъ и независимомъ положеніи русскаго относительно Европы, этого *своею и чужаго*, мы говорили много разъ. Мысль Запада легко усваивается нами—у насъ нѣтъ азіатскаго отвращенія отъ науки. Историческій бытъ его для насъ не обязательенъ, для насъ все это одинъ костюмъ; сверхъ того на Западѣ мы были знакомы съ однимъ образованнымъ слоемъ. Отдѣленные отъ своего народа, мы и съ нимъ потеряли связь. Его *незападный бытъ* былъ непонятенъ намъ, да и не интересовалъ насъ. Между тѣмъ Западъ коснулся вопросовъ, несомнѣнныхъ съ его государственными формами, и на первый случай, срѣзаясь. И мы вспомнили тутъ особенно ярко, что подъ внѣшними западными формами русскаго государства, сохранился какой то *иной* народный бытъ, основанный на *иномъ понятіи* объ отношеніи человѣка къ землѣ и къ ближнему.

Труды славянофиловъ приготовили матерьялъ для пониманія—имъ принадлежитъ честь и слава починна.

Они первые поняли, что въ подавленныхъ и дремлющихъ силахъ народа русскаго, въ разъединеніи народа съ государствомъ, въ тѣсныхъ формахъ, сдѣланныхъ не по мѣрѣ, въ которыя поналась русская жизнь, больше чѣмъ *tabula rasa*—*задатокъ* самобытнаго будущаго развитія.

Что же тутъ удивительнаго, что видя народъ общинный, артельный, съ *своимъ* понятіемъ о правѣ на землю и о круговой порукѣ, живущій въ какомъ то чужестранномъ государственномъ пеустройствѣ, которое ничему не удовлетворяетъ, ни наконецъ даже защитѣ границъ, нашлись люди, которые предположили, что этотъ народъ ближе къ осуществленію экономическаго, т. е. социальнаго переворота, чѣмъ римско-феодалная, мѣщански-индустриальная Европа? Сказалъ же Христось, что богатому Никодиму труднѣе совлечь съ себя стараго Адама, чѣмъ нищему. То, что на Западѣ можетъ только совершиться рядомъ катастрофъ, потрясеній, то можетъ развиваться въ Россіи на основаніи существующаго. Одинъ фактъ *общиннаго владѣнія землей*...

— Дошли таки наконецъ до вашего большаго мѣста, ха! ха! ха!... Я такъ и слышу это возраженіе.

— Что дѣлать, дошелъ! и какъ Эзопъ, расскажу вамъ притчу по этому поводу. Въ копѣ 1848 года Шьеръ Леру особенно усердно старался передать французамъ свою Триаду и свой *Circulus*; когда онъ произносилъ одно изъ этихъ словъ—а онъ непременно произносилъ ихъ нѣсколько разъ въ каждой рѣчи—въ народномъ собраніи поднимался гвалтъ

смѣха; въ журналахъ его дразнили ежедневно какъ мономана, Шаривари пускалъ карикатуру за карикатурой на счетъ знаменитаго *Circulus'a* и пресловутой *Triad'ы*. Около этого времени, я случайно шелъ мимо “клуба революціи,” осиротѣвшаго послѣ взятія Барбеса, Бланка и пр. Я вошелъ въ залу. Вслѣдъ за какимъ то дюжиннымъ болтуномъ, явился на трибунѣ, въ широкомъ, нечистомъ пальто, съ нечесаннымъ шалашомъ волосъ—Пьеръ Леру. Его доброе лицо вообще не безъ лукавства; онъ, переступая съ ноги на ногу и насмѣшливо поглядывая, началъ такъ: “Граждане! Я очень хорошо знаю, какъ надо мной издѣваются за повтореніе одного великаго закона; но что же мнѣ дѣлать, вотъ на примѣръ нынче мнѣ необходимо вамъ сказать о *Триадѣ*...”

Публика разразилась хохотомъ. Пьеръ Леру переждалъ—ну, молъ, теперь слово сказано—уймутся и будутъ слушать. Такъ и было.

И я бы, какъ Пьеръ Леру, пріостановился и переждалъ хохотъ. Но у моихъ ученыхъ обвинителей и желчевыхъ критиковъ, смѣху нѣтъ.

Тѣмъ не меньше, я смѣло повторяю, что одинъ фактъ общиннаго владѣнія землею и передѣла поляей, самъ по себѣ оправдываетъ предположеніе, что наша невоздѣланная почва, нашъ черноземъ *способиѣ* для посѣва зерна, собраннаго съ западныхъ полей. Способиѣ по стилиямъ, изъ которыхъ она состоитъ, способиѣ потому что на ней меньше мусора и всякаго рода развалинъ, чѣмъ на западныхъ поляхъ.

— Стало бытъ Россія все таки отъ Запада возьметъ это оплодотворяющее зерно?*

— Стало бытъ.

— Ну гдѣ же тотъ новый элементъ, который она вноситъ въ жизнь устарѣлаго Запада, долженствующій пересоздать его?

— На это пусть отвѣчаютъ тѣ, которые это говорятъ. Я этого никогда не говорилъ.†

Искандеръ.

ОТВѢТЪ ВЕЛИКОРУССУ.‡

Какимъ бы чувствомъ ни внушена мысль *Великорусса*, мы привѣтствуемъ ее горячимъ сочувствіемъ. Дѣло ли это юношескаго пыла, возмущающаго чистыя, неиспорченныя еще житейскою ложью природы и увлекающаго на бой несоразмѣрныя силы, или же сознательно непримиримой ненависти къ позорному порядку растлѣвающему Россію, ненависти разсчитавшей шансы, рѣпившейся на смертельную борьбу,—во всякомъ случаѣ оно должно радовать каждаго сохранившаго хотя одну живую струну, не порванную подавленнымъ существованіемъ.

* “Одна могучая мысль Запада, къ которой примыкаетъ вся длинная исторія его, въ состояніи оплодотворить зародыши дремлющія въ нашемъ патріархальномъ быту. Артель и сельская община, раздѣлъ прирѣдка и раздѣлъ полей, мирская сходка и соединеніе селъ въ волости управляющія сами собой, все это краеугольные камни, на которыхъ создается храмъ нашего будущаго свободно-общиннаго быта. Но эти краеугольные камни, все-же камни... и безъ западной мысли нашъ будущій соборъ остался бы при одномъ фундаментѣ.”

(Полярная Звѣзда на 1856, стр. 168 и 169).

† Во французскихъ статьяхъ, я много разъ употреблялъ слово, еще болѣе выражающее мою мысль—*aptitude*. *Aptitude* не значить, что что-нибудь сдѣлано, что кладъ найденъ, оно даже не обуславливаетъ развитіе, а показываетъ большую способность къ нему.

‡ Статью эту мы получили изъ Россіи, съ настоятельной просьбой помѣстить ее. Если мы и не совершенно согласны въ частностяхъ и формѣ, то все-же отъ души привѣтствуемъ этотъ живой призывъ на живое дѣло. Мы давно думали о необходимости органическаго сосредоточенія силъ, но считали, что не отъ насъ должна выйти инициатива, не изъ за границы, а изъ самой Россіи.

Въ слѣдующемъ Колоколѣ мы скажемъ наше мнѣніе о великомъ дѣлѣ—предлагаемъ статью и о самой статьѣ.

Ред.

Вольное печатное слово, сказанное въ Петербургѣ, въ главномъ центрѣ тайныхъ и явныхъ полицій, подъ посомъ у Долгорукова и Шувалова, Игнатьева и Паткуля, открытый вызовъ самодержавію въ самомъ пеклѣ его, это лучшій признакъ, что рабство начинаегъ насъ тяготить, что самодержавіе со всѣми окружающими и охраняющими его учрежденіями безсилно, что для энергической смѣлости у насъ нѣтъ невозможного. Это первый шагъ къ обуздашю самовластиа, первый шагъ къ нашей волѣ.

Всякое дѣйствіе, всякое распоряженіе самодержавія свидѣтельствуегъ о его несостоятельности. Лучшія мысли пройдя черезъ сточныя каналы его вѣдомствъ, порождаютъ самыя черныя дѣла. Оно само разрушаетъ порядокъ обуславливавшій его существованіе, не имѣя силы замѣнить его чѣмъ нибудь разумнымъ. Не имѣя въ самомъ себѣ прочныхъ условий существованія, оно сильно отрицательно—апатіей, бездѣйствіемъ, инерціей управляемыхъ имъ, и при такой обстановкѣ можетъ продержаться еще долго. Элементы враждебныя бездарному правительству накаплиются съ каждымъ днемъ; но они ему не опасны, пока у нихъ нѣтъ ни связи, ни единства, ни довѣрія къ себѣ. Соединить ихъ и возбудить къ совокупному дѣйствію—вотъ предстоящее намъ дѣло, безъ котораго не возможны ни благосостояніе, ни свобода, ни правда. Время надеждъ и ожиданій прошло. Они оказались столь же несостоятельны какъ и правительство, въ пользу котораго возбудились. Послѣ уродливаго рѣшенія крестьянскаго вопроса, выгоднаго только для чиновничества, а для всего государства гибельнаго, о нихъ не можетъ бытъ и рѣчи. Теперь наступила пора борьбы непрерывной, беспощадной, до послѣдняго издыханія враждебной силы.

Великоруссъ сознаегъ неизбежность борьбы; онъ хочетъ подвинуть на нее “общество”. Но если онъ серьезно взялся за дѣло, и хочетъ положительныхъ результатовъ, ему слѣдуетъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Надо обращаться не къ “обществу”, а къ народу, и не предлагать вопросовъ, а прямо отправиться отъ положительнаго начала: что жить долѣе при настоящемъ порядкѣ невозможно, а лучшаго бытъ не можетъ, пока власть въ царскихъ рукахъ.

Шевелить одержимое слячкой общество конечно не вредно—но вѣдъ этимъ дѣла не сдѣлаешь, а сентиментальничать да мямлить теперь нѣкогда. “Общество” никогда не пойдетъ взаправду противъ правительства и никогда не дастъ народу, добровольно, чего тому нужно. Общество—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ, общность преступленій, стало серьезной вражды бытъ не можетъ; могутъ бытъ только размолвки о томъ чтобъ поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить и грабить народъ. Да къ тому же это общество точно также дрябло и безсилно какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней. Оно, въ массѣ, пропитано до мельчайшихъ клѣточекъ организма черствымъ доктринерствомъ, лакейскимъ раболѣпиемъ, или развратно-эгоистическими инстинктами; ему не обновить не только Россіи, но и самого себя. Въ его средѣ живое начало представляегся не значительнымъ меньшинствомъ, ему враждебнымъ. Меньшинство, по чувствамъ, принадлежитъ къ народу, но, на дѣлѣ, не имѣегъ съ нимъ никакой связи. Въ этомъ все несчастіе. Добрыя желанія меньшинства бесполезны при его безсиліи, и народу не достаетъ духа

начинанія, инициативы. Его мочь въ отрицаніи; онъ знаетъ чего не хочетъ, но не формулируетъ чего надо. Онъ не подчинился петровскоі ломкѣ, но полтора вѣка сопротивлялся ей чисто отрицательно; онъ не требовалъ водки хорошей и дешевой, но билъ кабаки съ дорогою и дурною; онъ не возтавалъ чтобы добыть себѣ волю, но по всей Россіи отказывался повиноваться положенію, узаконившему новое крѣпостное право. Надо чтобы меньшинство соединилось съ народомъ, стало въ его ряды, открыло ему всѣ преступления правительства и внушило правую ненависть. Еслибы такой союзъ существовалъ раньше, не тепла бы теперь по напрасну неповинная кровь цародная и не прошло бы правительству даромъ его преступное жеосвобожденіе. Но еще не все потеряно. Тупость самодержавія послужила урокомъ, обративъ прогнвъ него силу, которая могла бы поддержать его всѣмъ своимъ могуществомъ. Настоящее освобожденіе упрочило бы его на сотню лѣтъ, позволивъ ему пренебречь всевозможными противниками. Жеосвобожденіе погубить его. Съ ребяческимъ доврїемъ ждегь обманутой народъ черезъ два года полной воли и найдеть—новое крѣпостное право. Въ этотъ промежутокъ меньшинство должно сдѣлать *дѣло*.

Но какъ за него приняться? Какъ соединиться съ народомъ—людямъ, не имѣющимъ прочной связи даже промежъ себя? Отвѣтъ въ самомъ вопросѣ. Всѣ эти личности, родныя по убѣжденіямъ, по стремленіямъ, по враждѣ къ существующему порядку, но разсѣяныя, разбросанныя одиноко по всей Россіи, а потому безсильныя, должны дружно сплотиться въ одинъ союзъ, идущій къ одной цѣли, дѣйствующій какъ одинъ человекъ. Достигнувъ этого, уже не трудно будетъ сойтись съ народомъ. Въ союзѣ непременно найдутся люди близкіе ему, можетъ люди изъ его среды. Одного энергическаго человека, знающаго народъ и имѣющаго его доврїе, достаточно чтобы связать съ нимъ сплоченное меньшинство. Для образованія союза, нѣтъ другаго пути, какъ составленіе тайныхъ центровъ, обществъ, братствъ. Противъ нихъ многіе встаютъ, называя ихъ средствами устарѣвшими, отжившими... То малодушные трусы, или равнодушные эгоисты. Для страны находящейся подъ вѣковымъ рабствомъ, нѣтъ другаго средства сбросить иго какъ тайные союзы. Они образуютъ бойцовъ, соединяютъ силы, готовятъ движеніе; безъ нихъ массы или не поднимутся или, подпавшись не подготовленныя, не выдерживаютъ борьбы съ организованнымъ врагомъ. Назовите, изъ цѣлой исторіи, хотя одно удавшееся народное движеніе, совершенное безъ нихъ, или одно, безъ нихъ удавшееся? Такихъ примѣровъ не пайдется. У насъ, обыкповенно ссылаются на неудачи 25 и 48 годовъ. Тутъ неудачи произошли не оттого что тайные союзы вообще средства негодныя, а потому, что начала *этихъ* союзовъ были не вѣрны. Для насъ онѣ служатъ предостереженіемъ отъ двухъ важныхъ ошибокъ: отъ попытокъ достичь чего либо силами одного общества безъ содѣйствія народа, и отъ отвлеченныхъ теорій, не имѣющихъ корня въ странѣ. Такія предостереженія положительныя приобрѣтенія въ нашемъ дѣлѣ.

Полезь и сила союзовъ такъ очевидны, что на этомъ нечего и настаивать. Тысяча самыхъ рѣшигельныхъ человекъ, взятыхъ каждый отдѣльно, разбросанныхъ по городамъ и селамъ Россіи, не знающихъ другъ друга, считающихъ

себя одинокими, бесплодно мельчаютъ и гибнуть въ массѣ мерзостей, даже не пытались противиться имъ; соединенные въ одинъ союзъ, они проловѣдуютъ, дѣйствуютъ, распространяютъ свои убѣжденія, они—сила. Имѣя каждый сто рублей, ни одинъ изъ нихъ даже не подумаетъ повредить ими правительству; соединясь, они разомъ стаповятся въ главѣ ста тысячъ, когорыми можно кое-что сдѣлать.

Составлять союзы у насъ легче, чѣмъ гдѣ нибудь. Громадность разстояній, пространство границъ, просторъ населенія, затрудняютъ надзоръ, облегчаютъ возможность дѣйствовать и укрываться отъ преслѣдованія. Кромѣ того шпионство не въ нашей натурѣ, само подлежащее чиновничеству занимается имъ нехотя и спустя рукава. Все это драгоцѣпныя условія для дѣла. Говорятъ, что мы не умѣемъ молчать и оттого существованіе тайныхъ союзовъ у насъ невозможно. Но на чемъ основанъ такой приговоръ? Гдѣ были у насъ случаи заявить умѣнье молчать? А взгляните-ка на раскольниковъ, или на мужиковъ при слѣдствіяхъ и допросахъ, вышибите-ка изъ нихъ компрометирующее слово! Пѣгь, болтовни бояться нечего; тамъ, гдѣ длинный языкъ ведетъ въ опасность собственную шкуру, всякій прикуситъ его. Къ тому же вѣдь намъ не въ лѣсу пролагать дорогу. Стоитъ устроиться такъ, чтобы открытіе одного или нѣсколькихъ центровъ не подвергло опасности всѣхъ, вотъ и гарантія противъ болтливости. Малочисленностью тоже смущаться нечего. Мы не знаемъ своихъ силъ, потому что не было случая проявить имъ себя. Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы не явилось людей, когда представится возможность дѣйствовать, война родитъ героя. Да хотя бы сразу явилось и мало, бѣды въ томъ нѣтъ. Надо только, чтобы образовалось зерно; правительственныя сумашествія, чиновничьи грабежи, помѣщичьи звѣрства не замедлятъ превратить его въ глыбу.

Перелистуйте на удачу *Колоколъ*: 115 офицеровъ исключенныхъ изъ инженерной академіи—расправа губернатора Смирнова въ ямбургскомъ уѣздѣ—варшавскія убійства—безднинская рѣзня; изгнанія на Пластунѣ; предсмертныя злодѣйства крѣпостнаго права—гѣсненіе университетовъ—казацкія переселенія—палачество Дренякина—распятіе казацкихъ бородъ—исстребленія крестьянъ... вѣдь каждое изъ подобныхъ преступленій (а они непременно будутъ повторяться до безконечности) соединить противъ правительства десятки, сотни людей, если только будутъ центры, къ которымъ можно прилѣпиться, и люди сторожащие таме случаи, чтобы пользоваться неостывшими чувствами отвращенія, ненависти, жажды мести.

Разъ начатую работу правительству не остановить. Что оно можетъ сдѣлать? Удесатерить строгости, усилить ценсурныя бѣснованія, прижать университеты, водворить терроръ, осадное положеніе? Но вѣдь все это ни мало не разрушаетъ союзовъ, а напротивъ, способствуетъ усиленію ихъ, ожесточая всѣхъ. Къ тому же такія мѣры имѣютъ значеніе только веденныя систематически, а для этого нужны извѣстный закалъ и сила; правительство же дрябло и безсильно во всемъ и для всего. Начнегь-ли оно преслѣдовать исключительно членовъ союза? Но опытъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что всякое преслѣдованіе усиливаетъ преслѣдуемую партію. Пострадавшіе станутъ мучениками, святыми, ихъ страданія сдѣлаютъ для дѣла въ сто разъ болѣе ихъ личныхъ дѣйствій. Заклучать ихъ—они въ заточеніи явятся гигантами въ

умахъ единомышленниковъ; сошлютъ—въ мѣстахъ ссылки найдутся люди для проповѣди, найдутся средства для бѣгства; казнить — каждая капля крови родитъ мстителей. Если найдется нѣсколько человѣкъ, которые отдадутся *долгу* всецѣло, съ полнымъ самоотверженіемъ — самовластію не устоятъ. А они найдутся; конечно не въ “обществѣ”, гдѣ за убѣжденія не рискуютъ и парю рысаковъ, но въ ограбленномъ, обманутомъ, доведенномъ до остервененія народѣ. Тѣмъ, которые на всякую смѣлую рѣчь имѣютъ на головѣ отвѣтъ: “У насъ не на что опереться”, мы въ свою очередь отвѣтимъ: наша опора тѣ несчетныя массы, которыя, благодаря полутору вѣка правительственнаго звѣрства, распутства, помѣшательства, іезуитизма, террора, представляютъ градаціи отъ апатіи до безвыходнаго отчаянія, которымъ нечего ждать отъ этого порядка, нечего терять съ нимъ, а остается только глубоко ненавидѣть его. На эти массы мы и обопремся.

Кругъ дѣйствій союзовъ долженъ быть такъ широкъ, чтобъ всякій нашелъ себѣ работу. Надо писать, писать много и понятно народу; заводить тайныя типографіи, распространять печатанное въ народѣ и войскѣ; обучать крестьянъ и солдатъ, заводить братства въ полкахъ, сблизать солдатъ съ народомъ, войти въ сношенія съ раскольниками, казаками, монахами, ввозить заграничныя изданія, привлечь къ себѣ какъ можно больше военныхъ, извлекать изъ коронной службы способныхъ людей, давая имъ другія средства существованія, завести торговля и промышленныя заведенія, и готовить денежныя и всякія средства.

Остается послѣдній и главный вопросъ. Къ чему стремиться союзу: къ конституціи или къ чему иному? За конституцію стало бы вѣроятно почти все дворянство. Пусть конституція добиваются тѣ, кому она можетъ быть полезна. Намъ не слѣдуетъ ни помогать, ни мѣшать имъ *теперь*. Пусть они идутъ своей дорогой, мы своей. Конституція лучше самодержавія тѣмъ, что при ней будетъ больше простора для дѣйствія, если она принесетъ право собранія и свободу печати. Мы не знаемъ вызоветъ ли сила обстоятельствъ конституцію, но мы знаемъ, что не она цѣль и послѣднее слово.

Наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей.

Вашъ.

Одинъ изъ многихъ.

ПРАЗДНОВАНИЕ

СОЕДИНЕНІЯ ЛИТВЫ СЪ ПОЛЬШЕЙ ВЪ КОВНѢ.

(Изъ письма къ издателямъ “Колокола” отъ одного русскаго).

Нѣсколько дней передъ 12 Августа, было объявлено народное торжество въ память соединенія Литвы съ Польшей. Предположено было почтить этотъ день молитвами; дамы хотѣли снять трауръ, который онѣ носятъ послѣ варшавскихъ происшествій.

Передъ праздникомъ разнесся въ Ковнѣ слухъ, что войска будутъ готовы въ боевой формѣ и что разведутъ мостъ на Нѣманѣ, чтобъ помѣшать ковенской процессіи встрѣтиться съ тремя процессіями, которыя должны были прійти изъ Царства Польскаго и братски, въ воспоминаніе прошлаго, протянуть другъ другу руки!

Хотя ни у кого не было на умѣ сдѣлать изъ этого дня катастрофу, но всѣ думали, что день этотъ не обойдется безъ жертвъ! Даже предполагено было, что если выстрѣлами встрѣтятъ процессію, то вся масса народа должна была стать на колѣни и оборонять себя одной молитвой. Я самъ слышалъ какъ нѣкоторыя матери поручали дѣтей своихъ знакомымъ, не предполагавшимъ идти, но которые не выдержали и пошли!

Никто не могъ поручиться за жизнь свою, но не только мужчины, но и женщины шли смѣло какъ на праздникъ. Утро было сырое, пасмурное; одного солнца не доставало, чтобъ освѣтить эту пеструю, красивую массу народа, хоругви несомыя молодежью, тяжелые образа, поддерживаемые юными патриотками.

Въ 9 часовъ нѣсколько тысячъ народу, съ патриотическимъ тинномъ, выступило изъ главнаго костела и изъ улицъ къ нему прилегавшихъ — къ мосту, гдѣ хотѣли дожидаться процессіи изъ Царства Польскаго. Шествіе открывали крестъ, хоругви и алтарики пресв. Дѣвы, потомъ слѣдовали священнослужители, другіе образа и народъ. Едва процессія сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ раздался топотъ скачущей конницы и казаки въ карьеръ, въ полномъ вооруженіи, загородили плотной стѣной улицы ведущую къ мосту. Впереди процессіи было не болѣе 10 мушкетеровъ, а потому они остановились немного, чтобъ дожидаться отставшихъ. Маленькая нерѣшительность мелькнула на всѣхъ лицахъ, но это было мгновеніе неумовимое; казаки взяли за карабины. Я, бывший свидѣтелемъ, видѣлъ, какъ поблѣднѣли дамы, несшія образъ пресвятой Дѣвы, но лица ихъ были спокойны и рѣшительны.

— Что же мы стали, сказалъ одинъ пешій хоругвь, подумаютъ что мы струсили!

— Идемте братья! подхватили всѣ, и тронулись.

Въ это время подошелъ вице-губернаторъ и сталъ уговаривать не идти далѣе.

— Что развѣ запретять Богу молится, зашумѣли вокругъ, идемте братья, нечего останавливаться!

— Все равно господа, мостъ разведенъ, сказалъ вице-губернаторъ.

— Черезъ воду пойдемъ! Загремѣла масса и пошла далѣе.

— Такъ идите же! проговорилъ со слезами вице-губ. отступая въ сторону. Я одинъ буду за все отвѣчать.

Скоро процессія подошла къ казакамъ, которые вешевались.

— Пускайте ребята! заговорило нѣсколько голосовъ.

Молчаніе.....

— Пускайте! болѣе грозно зашумѣла масса и въ одну минуту все смѣшалось.

Къ чести казаковъ должно сказать, что въ эту минуту они неупотребляли насилія, стараясь только лошадьми удерживать народъ, но конечно этого невозможно было сдѣлать и въ одну минуту, впереди бывшіе растолкали лошадей и очистили дорогу для процессіи.

Полицмейстеръ, *имѣя нагайку подъ плащомъ*, распорядился казаками. Видя что нельзя удержаться въ улицѣ, онъ приказалъ казакамъ скакать къ мосту и тамъ удерживать народъ. Но было поздно, масса хлынула въ слѣдъ и стала пробираться на мостъ. Тогда произошло нѣсколько сценъ: Казацкій офицеръ вскочилъ на даму, несшую съ его стороны алтарики пресв. Дѣвы и изъ всей силы ударилъ ее

нагайкой, так что она упала. Нѣсколько молодыхъ людей побѣжало чтобъ поднять ее, а полицмейстеръ подскочилъ съ слѣдующимъ утѣшеніемъ: “Небойтесь, madame, васъ не тронуть!” Другую даму ударила кажется тотъ же господинъ въ лицо, она кинулась къ его лошади и сказала: “Бей меня но не бей моихъ братьевъ!” Одинъ казакъ вырвалъ хоругвь у молодого человѣка, тогда послѣдній кидается и вырываетъ у него пику. Помѣнявшись такимъ образомъ они не нашлись что сдѣлать, посмотрѣли одинъ на другаго и размѣнялись.

Въ то время когда впереди происходила суматоха и нѣкоторые казаки не жалѣли нагаекъ* и не стыдились лошадыми едва неплломать алтарика Божьей матери и попортить крестъ Спасителя вся процессія стала на колѣни и запѣла молитву! Этотъ звукъ молитвы, эта громада народа религиозно покорнаго и незащищающагося, до того поразили казаковъ, что сначала они оторопели, а потомъ какъ будто проникнутые религиознымъ чувствомъ, стали по примѣру своего есаула, снявшаго шапку и перекрестившагося, также снимать шапки и молиться!

Въ этой суматохѣ покалечили нѣкоторыхъ лошадыми, а когда казаки взялись за нагайки, то нѣкоторые кинулись и удерживая лошадей стали ихъ усовѣщевать.

— Стыдитесь ребята! Вы землю свою родную страмите, вы вѣдь такіе же христіане, тѣ же братья наши, а бьете крестъ Спасителя! Стыдитесь!

— Когда вамъ приказываютъ! говорили нѣкоторые сконфузившись, и одинъ старикъ казакъ заплакалъ.

Полицмейстеръ видя, что ничего не можетъ сдѣлать, сталъ кричать чтобъ пропустили народъ и чтобъ казаки отступили въ сторону, впрочемъ очень кстати, потому что хотя невозможно было поправить скандала, удержать крестъ и молящихся людей и хотя вся процессія, при первыхъ ударахъ нагайками, стала на колѣни, однако нельзя было поручиться за хладнокровіе всѣхъ и прорвавшихся на мостъ и еще прорывавшихся едва уже удерживались въ границахъ спокойствія.

Такимъ образомъ очень мало доставало до того, чтобъ полилась кровь и нужно сказать, что тогда не помогли бы ни казаки, которыхъ смяли бы въ одну минуту, въ такомъ они были невыгодномъ положеніи между двухъ каменныхъ стѣнъ, имѣя рѣку съ тыла и тысячъ 20 народа впереди, — ни ружья и штыки горсти гарнизоннаго баталіона спрятаннаго по дворамъ, ни уланы, уѣхавшіе назадъ, когда увидѣли, что ихъ прислали колотить молящійся народъ.

Не знаю каялся-ли полицмейстеръ - распорядитель, каялись-ли казаки бившіе нагайками и толкавшіе лошадыми образа, знаю только, что не каялся Бургардъ, дивизионный генералъ здѣсь стоящей кавалеріи.

Ему до того было удивительно, что народъ позволяетъ себѣ молиться, — и что не хотять послать нѣсколько пуль въ него, что онъ со злостью сказалъ вице-губернатору: “У васъ безпорядки въ губерніи, какъ вы смѣли не принять противъ нихъ мѣръ? отчего вы стрѣлять не приказываете?”

Нужно замѣтить, что мостъ въ Ковнѣ пловучій и средня его часть была выведена въ сторону такъ, что оставался

* Хотя я самъ видѣлъ, что одного замахнуващагося казака, удержалъ за руку его товарищъ.

промежутокъ въ 8 или 10 саж. Когда казаки разступились, то человѣкъ 150 вошло на мостъ, а остальная масса народа стала на колѣни и начала молиться, потому, что съ той стороны уже подходило двѣ процессіи, одна изъ Годлева, другая изъ Понемуня.

Когда съ той и другой стороны сошлись надъ водою раздѣлявшею ихъ обѣ массы, то всѣ кинулись на колѣни, полетѣли въ воду цвѣты, наклонились хоругви и священнослужители какъ съ одной, такъ и съ другой стороны крестомъ благословили народъ.

“Давайте лодки!” крикнуло нѣсколько голосовъ. Сейчасъ съ той стороны отвязали лодку и передали ее ковенской процессіи. Въ четверть часа перевезли всѣ хоругви, образъ Божіей Матери, кресты и священниковъ, а народъ стоя на берегу на колѣнахъ молился!

Нужно было видѣть слѣзы и объятія встрѣчавшихся — чтобъ самому расплакаться, нужно было видѣть и понять эту высокую минуту, когда народъ на груди одинъ другаго рыдалъ какъ ребѣнокъ, нужно было слышать эту внезапную тишину перерываемую рыданьями, видѣть когда солнце, вышедшее изъ за тучъ освѣтило эту громаду гдѣ казалось билось одно сердце, гдѣ казалось рыдала одна душа!...

— Мостъ давайте! Закричалъ народъ и черезъ нѣсколько минутъ ввели мостъ, замѣчательно то, что одинъ мастеръ старикъ находящійся въ штатѣ этаго моста, наводя его плакалъ и говорилъ: “Пусть меня забьютъ, а я немогу иначе!” и изъ всѣхъ старческихъ силъ старался скорѣе ввести мостъ на свое мѣсто. Едва мостъ былъ готовъ, народъ хлынулъ впередъ и ужъ не видно было ни одной пики, ни одной шапки казацкой.

Такимъ образомъ, вся эта масса двинулась въ Царство Польское, въ деревню Пѣнтекъ, гдѣ хотѣли освятить часовню. Это село отъ Ковно приблизительно верстъ 12, но во все время дороги ни на комъ не видно было усталости, даже дамы несшія тяжелыя образа, ни у кого не просили помощи.

Годлевские, которымъ принадлежитъ Пѣнтекъ, вышли на встрѣчу съ нѣсколькими тысячами народа.

Во время церемоніи освященія и послѣ ея, священнослужители сказали три проповѣди по литовски.

Когда народъ отдохнулъ немного, то одинъ ксѣндзь сказалъ прощальное слово. Рѣчь его была коротка, но энергична, полна души и благородныхъ чувствъ — и слезы слушателей были отвѣтомъ благодарности.

Послѣ дружескихъ прощаній, всѣ возвратились въ Ковно, гдѣ все уже было спокойно, только массы народа вышли на встрѣчу и, къ чести русскихъ, процессія была встрѣчена колокольнымъ звономъ въ русской церкви,* а утромъ готовые пролить кровь казаки, молились теперь...

— Но — прибавимъ мы къ этому превосходному описанію — оныѣмеченное правительство не такъ легко упять, какъ казаковъ. Назначена коммиссія для разбора преступленія молитвъ, историческихъ воспоминаній и народнаго братства. Въ ней участвуютъ Ферморъ, Маршевъ и Скворцовъ, жандармскій начальникъ, который à l'americaïne, ходитъ съ заряженными пистолетами въ карманѣ!

* На другой день впрочемъ, священникъ сказалъ, что звали потому что это было наканунѣ праздника.

С М Ъ С Ъ.

КУПЕЦЪ Д. ПИЛИКИНЪ И ОГАРЕВЪ НАЧАЛЬНИКЪ
НЕПРИЯТЕЛЬСКАГО ВОЙСКА ВЪ ПЕРМИ.

(къ исторіи прогресса).

Пермской губ., города Кунгура, 2 гильдіи купецъ Дмитрій Пиликинъ, по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ, былъ въ селѣ Шлыинскомъ той же губерніи и уѣзда. Это было въ 1842 году, т. е. около двадцати лѣтъ тому назадъ. По прибытіи въ село, 5 Декабря, онъ вмѣстѣ съ своими товарищами, тоже купцами, явилъ свой паспортъ становому. Послѣ этого отправился на торговую площадь (была ярмарка) купить сала и кожи. На площади Пиликинъ услышалъ крикъ и шумъ; земскіе служители съ палками и изъ башкирцевъ казаки съ нагайками, вправо и влѣво, вдоль и впоперекъ били и хлестали бѣдныхъ крестьянъ, привезшихъ сало и кожи на ярмарку, чтобъ они шли къ исправнику получать позволенные билеты, или, какъ называлъ самъ исправникъ, ярлыки продавцамъ на свободную продажу ихъ собственныхъ товаровъ и продуктовъ. Пиликинъ не вытерпѣлъ, вступился за бѣдныхъ крестьянъ, закричалъ на служителей и казаковъ: Что они привезли свой собственный товаръ, что имъ никто не имѣетъ право запретить покупать или продавать его, что здѣсь недалеко губернское начальство, что онъ непременно будетъ жаловаться въ Пермь на такія варварскія притѣсненія и разбой. Но вѣрные слуги исправника Смирнова и разсвирѣпѣвшіе казаки не только не послушали его и не побоялись угрозъ, но обругавъ его, еще усерднѣе стали прикладываться палками и нагайками къ спинамъ и бокамъ бѣдныхъ крестьянъ, которые не могли болѣе выносить варварскаго нахальства и жестокости земскихъ ярыгъ, смиренно и со страхомъ пошли, сопровождаемые палкой и нагайкой, въ квартиру исправника. На другой день, т. е. 6 Декабря, Пиликинъ вышелъ на ту же площадь для покупки нужныхъ товаровъ и купивши, тотчасъ же отправилъ ихъ съ ямщиками въ г. Кунгуръ, а самъ остался еще на вѣсколько часовъ, ожидая прежнихъ своихъ товарищей. Послѣ полудня онъ и товарищи совсѣмъ готовы были выѣхать изъ Шлыинскаго; но въ то самое время, когда они хотѣли сѣсть въ повозку и ѣхать, явились къ нимъ четыре полицейскихъ служителя, спрашивая: Гдѣ здѣсь купецъ Пиликинъ? получивши удовлетворительный отвѣтъ, они требовали, чтобы онъ сейчасъ же явился къ г. исправнику. “За чѣмъ?” спросилъ Пиликинъ. “Мы не знаемъ, но онъ требовалъ тебя сейчасъ же,” настоятельно и дерзко говорили земскіе ярыги. Пиликинъ рѣшительно объявилъ имъ, что онъ никакихъ дѣлъ съ исправникомъ не имѣетъ, что онъ совсѣмъ собрался въ дорогу, идти ему некогда, а если исправнику нужно его, то пусть скажетъ для чего. Но полицейскіе не удовлетворились его отвѣтомъ и посадили Пиликина насильно въ сани, вбро- лтно нарочно для того приготовленные, впряженные лошадей становаго пристава, и привезли въ квартиру исправника. Втолкнутый въ залу, онъ увидѣлъ, что за столомъ, на которомъ стояло зеркало, сидѣли: самъ исправникъ, стряпчій Дробы-

шевскій и ставовой Задоринъ. Исправникъ громко и повелительно спросилъ его: Кто ты такой? и получивши удовлетворительный отвѣтъ, сказалъ: “а!... ты то самый и есть. Какъ ты смѣлъ покупать кожи и сало *безъ моего позволенія?*” Когда купецъ Пиликинъ сталъ защищать себя и свои права, исправникъ, не слушая никакихъ объясненій, приказалъ принести розги. Розги сейчасъ же были поданы. Пиликинъ, пораженный такимъ дикимъ самовластіемъ и самоуправствомъ, обратился къ стряпчему, какъ блюстителю правосудія и законовъ, прося его объяснить по какому праву и за какую вину хотятъ его наказывать. а) какомъ законномъ и здраваго смысла основаніи онъ подвергается позору? По какимъ существующимъ законамъ, онъ, второй гильдіи купецъ, долженъ понести тѣлесное наказаніе, тогда какъ, по русскимъ законамъ, купцы второй гильдіи избавлены отъ тѣлеснаго наказанія? Око царское не пошевелило ни языкомъ, ни вѣкомъ; переглянувшись съ исправникомъ, оба они вышли и уѣхали куда то, приказавъ розги распарить. Становой приставъ остался одинъ и Пиликинъ обратился къ нему съ вопросомъ: “Что мнѣ теперь дѣлать? Давайте квартиру, или отправляйте куда угодно.” Становой отвѣчалъ, что “я задерживать васъ не могу, поѣзжайте куда угодно.” Выходя изъ присутствія временнаго отдѣленія, Пиликинъ встрѣтилъ своихъ товарищей, которые вслѣдствіе дерзкихъ поступковъ полицейскихъ служителей, пошли за нимъ въ квартиру исправника, гдѣ слышали и видѣли все что дѣлалъ и говорили предержавшія власти. Послѣ оказалось, что исправникъ непременно высѣкъ бы Пиликина розгами, если бы не увидалъ его товарищей.

Пиликинъ, пріѣхавъ въ Пермь явился къ губернатору Огареву съ жалобой на самовластіе и дерзость исправника. Но начальникъ губерніи такъ мало обратилъ вниманія на самоуправство исправника и на жалобу Пиликина, что сказалъ послѣднему: “Ты, братецъ, врешь, этого быть не можетъ.”

Между тѣмъ слухъ, что исправникъ хотѣлъ наказать его розгами, разнесся и надъ Пиликинымъ стали въ городѣ смѣяться. Обиженный купецъ подалъ просьбу министру. Министръ просьбу Пиликина прислалъ къ губернатору съ предписаніемъ произвести слѣдствіе — въ просьбѣ описанъ былъ и пріемъ Пиликина губернаторомъ. Пиликинъ человекъ энергическій и настойчивый, къ несчастію имѣлъ одинъ недостатокъ, общій впрочемъ, почти всѣмъ классамъ народа, кромѣ бюрократовъ, онъ не былъ не только юристомъ, но плохо былъ знакомъ съ законами и порядкомъ слѣдствія. Губернаторъ поручилъ слѣдствіе какому-то чиновнику, и Пиликинъ уже *сдѣлался обвиняемымъ* въ неповповненіи и дерзости начальству. Дѣло поступило на разсмотрѣніе общаго присутствія. Мнѣніе общаго присутствія о Пиликинѣ было таково: *лишить Пиликина добраго имени* за неповповненіе и дерзости начальству. Мнѣніе это вмѣстѣ съ дѣломъ представлено на утверженіе уголовной палаты. Палата не согласилась на мнѣніе общаго присутствія; она опредѣлила семидневной арестъ Пиликину; на это мнѣніе опять не согласился губернаторъ и съ своимъ мнѣніемъ представилъ дѣло въ сенатъ, такимъ образомъ дѣло тянулось около 4 годовъ, и Пиликинъ почти ничего не зналъ о ходѣ дѣла. Наконецъ ему объявили чрезъ кунгурскаго городничаго, что онъ по рѣшенію правительствующаго сената подвергается 7^{ми} днев-

ному аресту при полиціи. Несчастный Пиликинъ изъ истца сдѣлался отвѣтчикомъ, изъ мирнаго гражданина сталъ дерзкимъ и непокорнымъ начальству, чуть не возмутителемъ общественнаго спокойствія и бунтовщикомъ! Совершенно невинный и безпричинно овозоренный и запятанный, Пиликинъ подалъ прошеніе государю. Это было въ Январѣ 1848 г., оно пришло вмѣстѣ съ вѣстью о февральской республикѣ, Николай отказалъ.

Пиликинъ подождать девять лѣтъ и подалъ 2^ю просьбу благодушному Александру Николаевичу, Января 14 дня 1857 года, этотъ совѣтъ не отвѣчалъ.

Пиликинъ подалъ третью (Августа 19 дня 1858) лично государю въ Нижнемъ Новгородѣ во время ярмарки. Но статсъ-секретарь Рашетъ отъ 28 Октября 1858, за No. 11,004 (11,000 нумеровъ въ 10 мѣсяцевъ!) — сообщилъ Огареву пермскому, что снять съ купца Пиликина штрафа *нельзя*. О чемъ баскакъ Огаревъ 4 Декабря 1858, за No. 4785 и сообщилъ.

— *Генералъ Филипсонъ попечителемъ петербургскаго университета.*—Отчего? Почему? Зачѣмъ?.... Ну а зачѣмъ посылали беззащитныя сѣдины Марка-Туллія-Сухозанета въ Варшаву? Зачѣмъ Герштенцевейгъ назначенъ въ Польшу, Пугачинъ въ просвѣщеніе? Много будете знать — скоро состарѣетесь! Тѣмъ не менѣе назначеніе Филипсона можетъ бытъ и не безъ задней мысли. Говорятъ, что Евдокимовъ, графъ, по его проекту рѣшилъ переселить хоперскихъ казаковъ (дѣло это увѣчалось, какъ знаютъ наши читатели, блестящимъ успѣхомъ). Назначеніе Филипсона доказываетъ, что правительство не совѣтъ оставило планъ Строгонова о выселеніи петербургскаго университета.

Но на аптекарскомъ ли островѣ онъ будетъ или на Голодаѣ, мы совѣтуемъ студентамъ какъ можно дѣятельнѣе составлять подписки для взноса выкупа за несчастныхъ юношей, отгоняемыхъ за бѣдность, евнухами императорскаго просвѣщенія. Впрочемъ вѣтъ причины, чтобъ и другіе не участвовали въ этой подпискѣ для освобожденія отъ насильственно втѣсняемаго невѣжества и противудѣйствія оскорбительной зависимости образованія отъ денежнаго ценза. Мы готовы открыть при редакціи *Колокола* подписной листъ.*

— *На что употребляются почтовые чиновники.* Прусскій почтовый чиновникъ рассказывалъ намъ здѣсь, что годъ тому назадъ, онъ самъ видѣлъ трехъ “лакеевъ въ офицерскомъ чинѣ,” которые ждали недѣлю и больше въ Сталупенахъ и другихъ пограничныхъ мѣстечкахъ, hoch gestellte Herrschaften. Его это такъ удивило, что онъ записалъ имена этихъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ оказалась сановница. Вотъ ихъ почтенныя имена:

Графъ Хребтовичъ,

Мусинъ-Пушкинъ,

М и н а И в а н о в н а Буркова.

O edler, alter, Adler-berg!

* Въ Nord'ѣ сказано, что подписки уже дѣлаются.

СЪ КЪМЪ ЛИТВА?

Это могло бытъ вопросомъ до 5/17 Августа нынѣшняго года. Онъ разрѣшенъ: по высочайшему повѣленію *Литва съ Польшей*—это призналъ комитетъ петербургскихъ министровъ, утвердилъ государь, объявили русскія газеты. Еслибъ генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ, жандармамъ и другимъ чиновникамъ штыка, кулака и уха, еслибъ комитету министровъ, еслибъ государю, это не было очевидно, неужели губернаторы, жандармы и министры струсили бы до того, чтобъ вызвать и составить безобразныя гайнау-виндишгрецкія инструкціи генералъ-губернаторамъ, отдающія имъ цѣлый край на копье? Еслибъ это не было очевидно, неужели государь потерялъ бы до того голову, чтобъ *октроировать* цѣсколькимъ губерніямъ осадное положеніе?

И такъ Литва съ Польшей! Пусть Польша побѣждаетъ свободой, геройской борьбой, своими несчастіями, своимъ братствомъ съ сосѣдями все то, что теряетъ рабствомъ петербургскій, мертвящій деспотизмъ, павшій на ноги и выжившій изъ современности. Это единственный путь разрѣшать человѣчески вопросъ о границахъ, онъ прочнѣе всѣхъ историческихъ правъ и всѣхъ насилій вооруженной рукой.

— *Могила Конарскаго.*—Въ Вильнѣ 12 Августа народъ посѣтилъ могилу мученика и апостола Конарскаго — и все то-же: полиція, нагайки говорятъ народъ отвѣчалъ камнями—со стороны народа есть убитые.

ВЕЛИКОРУССЪ.*

1.

Помѣщичьи крестьяне недовольны обременительною переѣною, которую правительство производитъ подъ именемъ освобожденія; недовольство ихъ уже проявляется волненіями, которымъ сочувствуютъ казенные крестьяне и другіе простолюдины, также тяготящіеся своимъ положеніемъ. Если дѣла пойдутъ нынѣшнимъ путемъ, надобно ждать большихъ смуть. Правительство ничего не въ силахъ понимать, оно глупо и невѣжественно; оно ведетъ Россію къ пугачевщинѣ. Надобно образованнымъ классамъ взять въ свои руки веденіе дѣлъ изъ рукъ неспособнаго правительства, чтобъ спасти народъ отъ истязаній; если общество не сдѣлаетъ этого, оно само подвергнется терроризму, потому что правительство, при своей неспособности вести національнныя дѣла разумнымъ образомъ, впадетъ въ необходимость держаться системы стѣсненій.

Если образованные классы почтутъ себя безсильными, не почувствуютъ въ себѣ рѣшимости обуздать правительство и руководить имъ, тогда патріоты будутъ принуждены призвать народъ на дѣло, отъ котораго отказались бы образованные классы. Сначала же попробуемъ: быть можетъ, просвѣщенная часть нации не почтетъ себя безсильною. На дѣлѣ, она гораздо сильнѣе правительства, тупаго и трусливаго. Такъ, просвѣщенные люди лишь должны громко сказать правительству: мы требуемъ отъ насъ такихъ-то и такихъ-то вещей, мы хотимъ замѣны ихъ такими-то и такими-то. Требованіе будетъ исполнено. Мы не поляки и не мужики. Въ насъ стрѣлять нельзя.

Программу дѣйствій, конечно, должно опредѣлить для себя само общество. И такъ, мы будемъ ждать его рѣшеній. Теперь пока поставимъ два изъ вопросовъ, особенно нуждающихся въ рѣшеніи:

Должна ли состоять сущность новаго порядка вещей, котораго одинаково желаютъ и народъ и образованные классы, въ устраненіи произвольнаго управленія, въ замѣнѣ его законностью—и

Способна ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добровольно и твердо?

Сообразно тому или другому рѣшенію этихъ вопросовъ опредѣлятся и способы дѣйствія; а опредѣливъ способъ дѣйствія, общество найдетъ въ себѣ и силу дѣйствовать.

ПРОДАЕТСЯ:

Полярная Звѣзда на 1862, книжка VII, выпускъ I-й, съ портретомъ И. Д. Якушкина. Цѣна 3с.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

БЫЛОЕ и ДУМЫ. Томъ II. Часть III и IV.

* Мы перепечатаваемъ текстъ Великорусса для гѣлъ, которые не имѣли случая его прочесть въ Россіи. РЕД

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOVO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типографіи
—5, Thornhill Place Caledonian Road, N.
Цѣна 1 шиллингъ, съ двѣнадцатымъ
лпстомъ—ПОДЪ СУДЪ!

ЛИСТЪ 108.

1 Октября 1861.

У Грюбнера & Co. въ княжнѣ лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price One shilling, with
Supplement: ПОДЪ СУДЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Отвѣтъ на отвѣтъ “Великоруссу”—Дремучее дѣло. Смѣсь: Васильевъ и Назимовъ—Подметныя письма—Генералъ Лихонинъ—

Къ хроникѣ прогресса—Curriculum vitae Ламберта—Хлѣбъ новой жизни—Полюшій надѣлъ землемъ—Паткуль и Колоколъ—Увѣдомленіе.

ОТВѢТЪ НА ОТВѢТЪ ВЕЛИКОРУССУ.

Нашъ отвѣтъ—привѣтъ.

Мы, поставленные виѣ преслѣдованій, не хотѣли начать; долго и спокойно выжидали мы изъ Россіи голоса, который бы сказалъ, что пора боязней прошла, что пришла пора словъ, что пришла пора *дѣла*. Мы выжидали спокойно, потому, что вѣрили въ этотъ голосъ, понимали его неизбѣжность.

Но знаете-ли какъ эта мысль, что пришла пора *дѣла*—внезапно отрезвляеть? Пыль, который въ словѣ увлекалъ безъ оглядки, усталъ, которая въ словѣ проскользала незамѣченной,—въ дѣлѣ всему этому уже нѣтъ мѣста: требуется сила всегда спокойная и обдуманная, безстрашная и непрерывная.

Думали-ли вы о трудности задачи—людямъ собираться, двигать другъ друга на дѣятельность, держать вѣчно высокій уровень настроенія, и вмѣстѣ охранять другъ друга, не тратить ни единой силы даромъ, не сдѣлать ни одного шага, который бы удалялъ отъ цѣли?

Думали-ли вы, что какъ бы ни была ясна цѣль, общественная жизнь перепутана изъ столькихъ нитей и сплетеній, изъ столькихъ разнородныхъ потребностей, что самый общій планъ можетъ только приспособляться къ обстоятельствамъ, расти съ ними, останавливаться, измѣняться и что всего чаще придется ладить съ *приближеніями* къ цѣли? Вѣковыя задачи въ одинъ день не рѣшаются; на чемъ *мы* остановимся—неизвѣстно.

Да и какъ поставить цѣль? Какъ составить планъ?

Для этого надо еще осмотрѣться, разузнать мѣстность, матеріалъ, изъ котораго на ней жизнь строится, доступныя орудія ломки и построенія.

Отъ Урала до Вислы, отъ Архангельска до Одессы—имперія представляетъ различныя племена, съ своими частными потребностями, съ своими мѣстными условіями, связанныя вмѣстѣ одинакимъ рабствомъ и слѣдственно одною внутреннею необходимостью освобожденія, связанныя сверхъ того родствомъ породы, взаимной выгодой рынковъ и одинакими путями сбыта произведеній черезъ Балтику и Черное море, черезъ Бѣлое море, Сибирь и Каспій, и къ западу черезъ Польшу. Если вы ставите на вашемъ знамени осво-

божденіе и союзъ областей, если мы взяли самую эту мысль и раздѣленіе у Пестеля,—то мы съ вами сходимся, не потому чтобы каждый изъ насъ, сидя въ разныхъ углахъ міра, домечтался до одинакой мысли, а потому что это раздѣленіе и этотъ союзъ лежатъ въ условіяхъ мѣстности и жизни и составляютъ историческую *неизбѣжность*. Изъ этого слѣдуетъ, что тайныя общества, имѣющія цѣлью преобразовать имперію рабства въ союзъ самоуправленія, естественно возникнутъ по областямъ и станутъ стремиться къ соединенію. Это тотчасъ очерчиваетъ общій планъ движенія. Оно упрощаетъ средства—потому, что дѣятели станутъ работать дома и въ опредѣленномъ кругу. Оно не раздробляетъ силы, а соединяетъ составныя силы въ одну. Оно обезсиливаетъ надзоръ правительства, потому что за семерыми дѣтьми одна нянька не углядитъ, и на первыхъ порахъ отсутствіе центра сдѣлаетъ то, что у правительственнаго надзора глаза разбегутся, а покаместъ силы и сплотятся. Оно не уменьшаетъ силу дѣятелей, а увеличиваетъ, потому что каждая сила хороша, когда она приложена къ своему назначенію, и каждый дѣятель вполне силенъ—дома. Самыя войска разположены въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи, а вліяніе на нихъ мѣстныхъ дѣятелей—необходимо. Наконецъ, если-бы мы и хотѣли иначе устроить общество, это намъ не удалось бы, потому что естественный складъ, лежащій въ условіяхъ жизни—только этотъ. Его мы видимъ и въ литературѣ, его мы видимъ и въ личныхъ встрѣчахъ, онъ даже живъ въ преждевременныхъ спорахъ о границахъ.

Уже поляки соглашаются, что присоединеніе прилежащихъ областей къ Польшѣ, или къ Россіи, или ихъ самобытная независимость—должны зависѣть отъ свободнаго рѣшенія самихъ населеній. Мы больше ничего не требуемъ. Но мы укажемъ на одно: для того, чтобы было рѣшеніе областныхъ населеній, надо чтобы напередъ было ихъ освобожденіе отъ петербургскаго деспотизма и чиновничества. По этому освобожденіе Польши, освобожденіе прилежащихъ областей и освобожденіе Россіи—нераздѣльны. Въ общемъ освобожденіи Польша представляетъ также силу, какъ и Россія; по этому мы умоляемъ поляковъ не выступать преждевременно отдѣльною силою, которая окажется слишкомъ слаба, чтобы держаться и, сдѣлавши ложный шагъ, обезсилитъ

Россію на всю помощь, которую Россія ожидаетъ отъ Польши, и отдалить общее освобожденіе. Мы можемъ свободно и безспорно, братски разграничиться послѣ, но освободиться другъ безъ друга мы не можемъ. И польское общество, и литовское и украинское и русскія общества должны представлять, каждое, одну изъ составныхъ силъ въ общей силѣ и потому дѣйствовать вмѣстѣ.

Польскій вопросъ слишкомъ важенъ, чтобъ не досказать его. Мы до сихъ поръ почти ничего не говорили о другихъ западныхъ и южныхъ славянскихъ племенахъ, потому что мы не видимъ для нихъ возможности освобожденія прежде освобожденія Польши и Россіи. Одно освобожденіе Польши отвлечетъ нѣмецкія силы на столько, что западно-южные Славяне отдѣлаются равно и отъ нѣмцевъ и отъ турокъ. Конечно, Франція не поможетъ Польшѣ освободиться... далеко, да и не изъ чего ссориться съ Петербургомъ; но она и не помѣшаетъ ни польско-русскому, ни югозападному славянскому освобожденію. Не помѣшаетъ ему равно Франція республиканская или имперская, хотя бы мы и не имѣли къ ней ни малѣйшаго сочувствія; въ выгодахъ романскихъ пародовъ не лежитъ союзъ съ нѣмцами, и потому въ ихъ выгодахъ союзъ славянскій; для Франціи, даже имперской, союзъ съ освобождающейся Россіей и Польшей выгоднѣе, чѣмъ союзъ съ Петербургомъ, который корнемъ сросся съ Пруссіей. Если вопросъ о національностяхъ въ наше время такъ сильно поднять, что не можетъ улежаться, не достигнувъ рѣшенія, то узелъ этого вопроса въ польскомъ освобожденіи; а такъ какъ оно не можетъ имѣть успѣха безъ русскаго освобожденія и связуется съ нимъ въ одну силу, то мы убѣждены, что гораздо ближе, чѣмъ кажется, время, когда русскій солдатъ и русскій офицеръ, тотъ самый офицеръ, который вчера стрѣлялъ въ своихъ, поймутъ, что гораздо честнѣе и благороднѣе, и гораздо выгоднѣе выслуживать толстыя эполеты, освобождая Познань и Галицію, чѣмъ безумствуя въ должности двороваго опричника на плохихъ харчахъ у отяжелѣвшаго барина.

Мы считаемъ войну и кровопролитіе безуміемъ. Но вопросъ не въ нашемъ мнѣніи о войнѣ, а въ возможности обойтись безъ нея. Дерутся люди когда одинъ хочетъ, чтобъ другой думалъ, что дважды два пять, или тотъ на оборотъ хочетъ доказать, что дважды два три; если-бы оба думали, что дважды два четыре—они бы не дрались. Дойдетъ ли когданибудь родъ человѣческій до равнаго пониманія истины—это загадка, но что добиваться до него роду человѣческому также природно, какъ голодному ѣсть—это неоспоримо, да еще вдобавокъ природная работа мозга и мысли благородна и величава. По этому не трудиться мы не можемъ, а можно ли обойтись безъ войны пока нѣтъ равнаго пониманія, безъ борьбы, когда нѣтъ надежды договориться—это мудро рѣшить. Чего бы лучше еслибъ нѣмцы и петербургское правительство оставили Польшу свободною? Но вѣдь они этого не сдѣлаютъ. Чего бы лучше, еслибъ петербургскій царь понялъ, что Россіи нужно сельское и областное самоуправленіе, что это ея естественный складъ (constitution), что для этого необходима основа народнаго землевладѣнія? Еслибъ онъ понялъ это, онъ отказался бы отъ власти уродливой и пожалуй сохранилъ бы династическое существованіе въ союзномъ правленіи. Но вѣдь онъ этого не пойметъ. Естественнымъ послѣдствіемъ такихъ непониманій будетъ освобожденіе Россіи

и Польши военное, паденіе Австріи и переѣздъ петербургской династіи на родину—въ Пруссію.

Да такимъ образомъ, подумаете вы или другой благонамѣренный человекъ, изъ чего же хлопотать составлять областныя общества, когда одно общество въ Петербургѣ, гдѣ сосредоточены образованные военные и невоенные люди, можетъ дойти до развязки удачнымъ повтореніемъ 14 Декабря?

Случиться можетъ. Оно можетъ быть и легче и безъ сомнѣнія подвинетъ дѣло, но не покончитъ. Что же дѣлать на другой день послѣ побѣды, когда областныя силы не подготовлены? Начать ихъ учреждать? Какъ? Посредствомъ новой царской власти или диктатуры? Положимъ, что это гораздо лучше чиновничьяго императорства и вызоветъ областную, народную жизнь. Но гдѣ основаніе довѣрія къ новой власти? Только въ Петербургѣ? Способенъ ли Петербургъ сдѣлаться, на подобіе Парижа, центромъ, откуда предписывались бы законы на все пространство отъ Урала до Вислы? И въ то время, когда вопросъ не въ верховномъ центрѣ, а въ самобытности частей?—Но Петербургъ, по своей неспособности стать центромъ, вѣроятно и признаетъ самобытность частей?—Можетъ быть! Въ такомъ случаѣ чѣмъ же мѣшаетъ подготовка областныхъ обществъ? Она только поможетъ всему пространству отъ Урала до Вислы плодотворно воспользоваться петербургскимъ переворотомъ. И сверхъ того, еслибъ петербургскій переворотъ и не удался,—они все же останутся цѣлы и могутъ дѣйствовать. Повторяемъ—планъ можетъ только примѣняться къ обстоятельствамъ; планъ кампаніи можетъ быть составленъ, но какимъ образомъ воспользоваться выгодной случайностью—это дѣло мгновеннаго чутья и соображенія.

Можетъ быти помѣшчыи стремленія къ аристократической конституціи примутъ такіе размѣры, что петербургское правительство согласится дать такую конституцію. Почему же Россіи не взять ее—почему Польшѣ не взять ее? Если это направленіе составитъ дѣйствительную силу, зачѣмъ намъ расходиться съ конституціоналистами? Мы не вѣримъ въ прочность такой конституціи—это другое дѣло. Но не отдавши земли народу, ея достигнуть невозможно, это уже выигрышь. Если она устранивъ народъ отъ управленія, народъ ее на другой день опрокинетъ, хотя бы въ пользу самодержавія. Если она не устранивъ народъ отъ управленія, то она придетъ—можетъ и очень мирнымъ путемъ—къ тѣмъ же вопросамъ: къ устройству сельскаго самоуправления и самобытности областей, то есть придетъ къ естественному складу общественной жизни, и изъ помѣщичей конституціи перейдетъ въ безсловное самоуправленіе и форму областного союза, при которомъ Польша совсѣмъ отдѣлится и станеть присоединять къ себѣ польскія области, находящіяся у нѣмцевъ; а русскія области придутъ къ союзу, гдѣ учрежденіе союзной исполнительной власти будетъ совершенно равнодушно къ семейному интересу нывѣ царствующаго дома. Аристократическая конституція, какъ мы недавно сказали въ другомъ мѣстѣ,* призракъ. Конституція безъ буржуазіи не мыслима. Англійская конституція, вышедшая изъ англійской революціи, была дѣломъ буржуазіи, работавшей долго—вмѣстѣ противъ феодализма и монархической власти, и англійская конституція, не смотря на камеру лордовъ и

* Предисловіе къ сборнику стихотвореній подъ заглавіемъ: Русская потаенная литература XIX столѣтія. Эта книга въ печати и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу.

нѣкоторыя средневѣковыя формы, есть управленіе страны посредствомъ буржуазнаго парламента. Дѣло не въ томъ какая форма правительства лучше — конституціонная или неконституціонная, а дѣло въ томъ, что нельзя создать конституціонную форму правительства, на манеръ англійской или бывшей французской, въ странѣ, гдѣ нѣтъ средняго сословія. Ея не изъ чего сдѣлать. Если она и случится, то она не прочна; а между тѣмъ и она дѣло подвинетъ просторомъ, даннымъ мысли, слову и дѣйствию.

Отъ исторической неизбѣжности, достиженіе которой собственно и составляетъ цѣль, мы ни въ какомъ случаѣ не уйдемъ; а не пользоваться случаями сдѣлать шагъ впередъ было бы безразсудно. Тутъ есть фатализмъ, подумаете вы... Можетъ быть! только не фатализмъ предопредѣленія, но тотъ, вслѣдствіи котораго логика — фатализмъ мысли, а жизнь — фатализмъ причинъ и слѣдствій.

Но если мы согласны, что общества естественно возникнутъ по областямъ, и что это возникновеніе вообще полезно и нисколько не мѣшаетъ при случайности петербургскаго переворота, при случайности конституціи, то пойдемте дальше.

По всему пространству Россіи* народонаселеніе представляетъ три разряда: большинство притѣсненное — народъ, помѣщиковъ и чиновниковъ притѣсняющихъ, и образованное меньшинство изъ среды помѣщиковъ, чиновниковъ и разночинцевъ, сочувствующее народу. Народъ составляетъ естественное сплошное общество, явное — по существованію, тайное — по жаждѣ дѣйствительнаго освобожденія, котораго правительство не хочетъ. Народъ собирать нечего, онъ собранъ; ему надо только понять, что дѣлать въ данную минуту — и дѣлать. Въ настоящее время онъ уже обнаруживаетъ сильную политическую смелость, отказываясь переходить съ барщины на оброкъ и составляя уставныя грамоты, и не отказываясь собираться въ волости, что немедленно облегчаетъ потребность и возможность сходовъ.

Слѣдственно собрать остается меньшинство. Это до такой степени вѣрно, и необходимость сплоченія меньшинства такъ неодолима, что и Великорусь и вацъ отвѣтъ Великоруссу и нашъ теперешній разговоръ съ вами — обращены къ меньшинству, а не къ народу. Для того, чтобы меньшинство могло говорить съ народомъ ему надо собраться. Это очевидно. Если мы станемъ говорить только другъ съ другомъ, мы ничего не сдѣлаемъ и ограничимся наслажденіемъ взаимнаго согласія, т. е. словами. Между тѣмъ — замѣтьте, что меньшинство столичное всегда будетъ говорить только другъ съ другомъ; у него нѣтъ народа, съ которымъ приходилось бы договариваться. Великорусь хорошъ какъ яликъ къ меньшинству и первый примѣръ†; но для того, чтобы дѣлалось дѣло, надо чтобы типографіи заводились по областямъ, потому что тамъ меньшинство не можетъ не говорить съ народомъ. Это опять приводитъ къ необходимости составленія обществъ по областямъ.

Какимъ образомъ сложатся общества, это невозможно предугадать. Есть стремленіе, есть воля, есть цѣль, робость

* Мы на этотъ разъ не говоримъ о Сибири. Ея рѣдкое населеніе не поможетъ Россіи людямъ, развѣ капиталами; по Сибирь ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ русскому освобожденію. Въ ней нѣтъ правительственнаго войска, и съ освобожденіемъ Россіи, она естественно становится свободною, безъ всякихъ своихъ усилій. По этому она шепремѣнная, выгодная, но мало-дѣятельная союзница.

† Пока это печаталось, мы получили 2-й №. Великорусса — и не можемъ не сказать ему нашего горячаго привѣта. Это подвигъ, который не пропадетъ безплодно. Мы перепечатаемъ этотъ №. въ слѣдующемъ Колоколѣ.

проходить — вотъ достаточныя данныя для ихъ существованія. Но наше меньшинство подраздѣляется на чисто народное и на меньшинство съ помѣщичьимъ отбѣномъ. Первое прямо идетъ на конституцію въ смыслѣ общественнаго склада, т. е. на устройство сельскаго самоуправленія и самобытности областей. Второе на конституцію въ обычномъ смыслѣ, т. е. ограниченіе царской власти, съ большими льготами для народа и еще съ большими для помѣщичьяго значенія. Обѣ стороны имѣютъ свои достоинства и расходятся съ самаго начала было бы для обѣихъ чрезвычайно безтактнымъ поступкомъ. Конституціонная сторона привлечетъ къ себѣ тѣхъ помѣщиковъ, которые бы иначе остались въ бездѣйствіи и такъ сроднить высшія сословія съ мыслью о несостоятельности самодержавія, что самодержавіе потеряетъ всякую самоувѣренность и слѣдственно потеряетъ послѣднюю силу. вмѣстѣ съ тѣмъ конституціонное меньшинство увлечетъ помѣщиковъ къ уступкѣ земли народу и къ признацію независимости его сельскаго самоуправленія — для того, чтобы имѣть право и силу объявить самодержавію, что оно несостоятельно. За чѣмъ же чисто народному меньшинству расходиться съ такимъ союзникомъ?

Съ своей стороны чисто народное меньшинство не можетъ не сказать и доказать народу, что виною введенія новаго крѣпостнаго права на мѣсто освобожденія — царь. Да и народъ самъ это понималъ. Можетъ онъ еще бояться самъ себя въ этомъ сознаться, по привычкѣ къ царю; но когда черезъ два года, т. е. теперь черезъ полтора, повгорятся бездѣйствіе дѣла, а они необходимо повторятся — то народъ пойметъ гораздо легче вредъ и несостоятельность самодержавія. Съ чего же конституціонному меньшинству расходиться съ такимъ союзникомъ?

Если оба меньшинства вмѣстѣ могутъ привести всѣ сословія къ сознанию вреда и несостоятельности самодержавія, за чѣмъ же имъ не дѣйствовать вмѣстѣ? Къ тому же ни то, ни другое не могутъ не дѣйствовать по областямъ; конституціонисты должны понять, что на требованіе правъ пужна мѣстная подача голосовъ; народное меньшинство должно понять, что легче соединиться, сдружиться съ *этимъ* народомъ, чѣмъ съ народомъ вообще, — неопредѣленный радусъ дѣятельности терлется въ пустотѣ. Конституціонисты не могутъ дѣйствовать, не отдавая земли и сельскаго самоуправленія народу; народному меньшинству на этомъ основаніи легче поколебать самодержавіе, урѣзывающее народную землю и вводящее въ сельское управленіе чиновничество. Споръ не существененъ. Историческая неизбѣжность по неволѣ становится цѣлью и ни та, ни другая сторона не знаютъ перендемы черезъ конституцію или нѣтъ; это покажетъ дальнѣйшій ходъ обстоятельствъ. Обѣ стороны знаютъ, что настоящій порядокъ вещей держаться не можетъ и чѣмъ скорѣе пройдетъ тяжелое колебаніе тѣмъ лучше; стало работать надо совокупно.

Мы были бы совершенно равнодушны къ формѣ правительства и династическому интересу царя, еслибы самодержавіе не мѣшало народному устройству. Но оно положительно мѣшаетъ и потому на первомъ планѣ стоитъ необходимость его устраненія.

Но скажутъ иные — гдѣ же это меньшинство? Развѣ въ фантазіи? Его на дѣлѣ не существуетъ, или оно слишкомъ безсильно. Что оно существуетъ, для этого достаточно

взглянуть на появленіе *Колокола* и *Великорусса* и на всю потаенную литературу. Оно не сильно сегодня, оно будет сильно завтра. Сегодня оно меньшинство, завтра оно будет большинствомъ. Повторимъ еще разъ, что христіанство разпространилось въ мірѣ посредствомъ двѣнадцати человѣкъ, составлявшихъ каждый нѣсколько тайныхъ обществъ, тайныхъ потому, что имъ надо было ограждать отъ преслѣдованій.

Что каждое общество, безъ различія оттѣнковъ, какъ бы ни было мало его зерно, вынуждено говорить съ народомъ и ради своей цѣли и по силѣ обстоятельствъ, это явствуетъ изъ положенія вещей. Что каждое общество сблизится съ народомъ и перейдетъ въ народное, въ этомъ мы не сомнѣваемся. До сихъ поръ говорятъ, что народъ не будетъ имѣть довѣрія къ людямъ инаго сословія, что черта раздѣляющая слишкомъ раздѣляетъ.... Но вѣдь до сихъ поръ народу только приказывали, говорить съ нимъ никто не пробовалъ, стало нельзя знать что будетъ, когда съ народомъ стануть говорить. До сихъ поръ думаютъ, что народъ глупъ и необразованъ и не пойметъ что съ нимъ стануть говорить. Въ этомъ мы сильно сомнѣваемся. Если говорящій говоритъ ясно, народъ пойметъ; для этого не нужно искусственно подражать народному языку; нужно только, чтобъ каждое слово было просто и ясно. Но для того, чтобъ ясно говорить, надо ясно думать. Ну, а если народъ насъ не понималъ и мы неясно говорили, отъ того что мы не ясно думали? Обстоятельства насъ учатъ ясно думать, отъ этого и цѣль становится опредѣленною; сближеніе съ народомъ заставитъ насъ ясно думать, чтобъ можно было ясно говорить. И народъ насъ очень хорошо пойметъ, и мы его получше поймемъ чѣмъ до сихъ поръ, и довѣріе и связь будутъ расти съ каждымъ днемъ.

Около чего же составится общество? Около всего: около промышленнаго предпріятія, около школы, около устройства банка, около устройства ярмарки, около устройства одной волости... около чего угодно. Мы такъ убѣждены, что въ каждой области найдутся для начала трое во имя общественнаго освобожденія, что не сомнѣваемся въ ростѣ обществъ. Одно развитіе круговой поруки, которая существуетъ и въ областяхъ съ общиннымъ и въ областяхъ съ подворнымъ землевладѣніемъ, и которой правительство не можетъ мѣшать, не вредя собственнымъ финансамъ, одно развитіе круговой поруки, ненавидимой экономистами и которая въ сущности составляетъ по всему пространству Россіи общество взаимнаго застрахованія, поощряемаго экономистами, одно развитіе круговой поруки можетъ собрать около себя меньшинство и народъ, соединенные въ одно явно-тайное общество. Занятіе мѣстъ мировыхъ посредниковъ членами общества на эти два года одно изъ самыхъ важныхъ средствъ дѣйствія. Мировые посредники невольно въ сношеніяхъ и съ народомъ и между собою. Черезъ два года придется отказываться отъ этихъ мѣстъ и оставлять правительство съ его возмутительнымъ и слѣдственно возмущающимъ чиновничествомъ, а въ два года общее настроеніе поднимется такъ высоко, что мировые посредники, лишеныя мѣстъ вслѣдствіе правительственно-чиновничьихъ и правительственно-помѣщичьихъ притязаній, сохранятъ въ областяхъ огромную нравственную силу, а съ ними и всѣ общества.

Что именно говорить съ народомъ, этого нельзя рассказать на страницахъ журнала и нельзя сказать впередъ, потому что только обстоятельства вызываютъ на слово. Въ общихъ осно-

ваніяхъ мы кажется согласны: на первомъ планѣ стоитъ уясненіе несостоятельности и вреда царской власти для общеннаго благосостоянія и общественной свободы, которыя не могутъ быть достигнуты по мимо народнаго землевладѣнія, сельскаго самоуправления, областной самобытности и областного союза.

Нельзя упустить изъ виду, что общества не могутъ существовать безъ денежныхъ средствъ, какъ для взаимныхъ сношеній, такъ и для распространенія своихъ убѣжденій въ путешествіяхъ, изустно и печатно, и вообще для собранія силъ. Для этого безъ сомнѣнія необходимы посильныя денежные приношенія, которыя могутъ быть собираемы и хранимы всюду, и въ Россіи и за границей, лишь бы требованіе выдачи ихъ на расходъ носило достовѣрность, что деньги пойдутъ не на вздоръ, иначе отвѣтственность хранителей не можетъ имѣть мѣста.

Вы, конечно, не станете искать въ нашемъ предположеніи какого нибудь рѣзкаго разграниченія областныхъ обществъ; и тутъ какъ во всемъ живомъ граицы переходятъ. Одинъ человѣкъ можетъ принадлежать къ разнымъ обществамъ, люди могутъ мѣнять мѣста жительства и такъ да и такъ. Заранѣе никто изъ насъ опредѣлить живаго развитія не можетъ. Можно сдѣлать очеркъ, но очеркъ стержня и вѣтвей не мѣшаетъ разнообразію листьевъ.

Теперь придемте къ одной изъ главныхъ потребностей, потребности сближенія съ войскомъ, сближенія съ солдатами и съ офицерами, занятія офицерскихъ чиновъ членами обществъ. На это должны быть направлены всѣ усилія. Безъ войска вы долго ничего не сдѣлаете. Народъ можетъ высказать свои требованія тамъ, гдѣ войско за него, или тамъ гдѣ вовсе нѣтъ войска спереди и гдѣ его нѣтъ съ тыла. Одно очевидно, что имѣя четверть войска за себя, народъ можетъ равно достигнуть до конституціи въ обоихъ смыслахъ, въ смыслѣ ограниченія царской власти, или въ смыслѣ общественнаго склада, и открытъ династии широкую дорогу за границу.

Мы даже думаемъ, что вліяніе областныхъ обществъ (кромя случая петербургскаго переворота) будетъ сильнѣе на войска, мѣстно расположенныя, чѣмъ вліяніе какого нибудь въ одномъ мѣстѣ сосредоточеннаго общества. Областные общества легче размножатся и легче стануть народными, и потому спасутъ отъ дикаго кровопролитія. Мы думаемъ, что при ихъ вліяніи, даже крестьянскія возстанія не дойдутъ до убійствъ, а много много ограничатся правомъ возмездія т. е. помѣщика и чиновника поѣдутъ да и выгонять.

Областные общества представляютъ еще и ту выгоду, что ихъ центръ всюду, что они повсемѣстны, естественно связаны между собою и каждое дома.

Еслибы правительство было умно, или предано Россіи, оно бы уничтожило цензуру и позволило бы обществамъ быть явными, не преслѣдуя, а поощряя ихъ; тогда бы оно сохранило свой династическій интересъ, потому что могло бы договориться до общественнаго склада. Но оно этого не сдѣлаетъ и потому вызываетъ на борьбу и идетъ на свою гибель. Его воля, мы ему мѣшать не станемъ и не можемъ. Тѣмъ больше не можемъ, что оно "положеніемъ о крестьянахъ" опредѣлило время, въ которое можетъ совершиться его паденіе; оно обозначило его переходнымъ положеніемъ, это—отъ изданія манифеста — два года, шесть лѣтъ, девять

лѣтъ. На эти сроки естественно обратится вниманіе всякаго общества и цѣлаго народа. Взявши среднюю пропорціональную вѣроятность падаетъ на шестой годъ.

Что касается до насъ лично, мы готовы, по прежнему служить за границей совершенно свободнымъ голосомъ русскаго движенія, пока это нужно, и всегда готовы вернуться въ Россію — служить ей посильнымъ трудомъ, или сложить голову за ея освобожденіе.

И. Огаревъ.

ДРЕМУЧЕЕ ДѢЛО.

Дѣло о вырубкѣ корабельныхъ деревьевъ въ Бѣловѣжской пущѣ принадлежитъ къ числу самыхъ ужасныхъ, но вмѣстѣ и самыхъ противныхъ настоящаго царствованія. Здѣсь являются въ полномъ развалѣ всѣ самыя мерзкія качества официальной Россіи, поднятыя съ самаго дна и взрощенные тридцатилѣтнимъ незабвеннымъ солнцемъ. Здѣсь все встрѣтишь: и систематическій грабежъ нѣсколькихъ правительственныхъ вѣдомствъ, не скрывающихъ одно отъ другого своихъ отвратительныхъ дѣлъ, и напротивъ, точно въ запуски старающихся перещегоолить одно другое, и призваніе науки на помощь этому грабежу, обращеніе науки въ новое орудіе хищничества; и самое ужасающее угнетеніе крестьянъ, безотвѣтныхъ мучениковъ; и совершеннѣйшее безсиліе русскихъ законовъ, наконецъ какъ вѣнецъ всему—открытое преслѣдованіе людей, рѣшающихся сломить, или хотя затормозить этотъ страшный порядокъ вещей.

Бѣловѣжская пуша состоитъ изъ 112,000 десятинъ сплошнаго лѣса, еще недавно свѣжаго, густаго, и—удивительнаго по своимъ экономическимъ качествамъ. Это былъ единственный образчикъ, въ западной Россіи, лѣсовъ чуть не первобытныхъ; пуша бережно охранялась еще во времена польскаго владычества въ Литвѣ. Нашъ флотъ имѣлъ въ ней, по согласному донесенію всѣхъ самыхъ основательныхъ специалистовъ: “богатѣйшій запасъ мачтъ на суда всѣхъ ранговъ и вообще огромный запасъ кораблестроительнаго матеріала.” Сверхъ того всей Европѣ извѣстно, что въ одной Бѣловѣжской пущѣ водится всюду отжившая уже порода зубровъ.

По всему этому, пуша всегда была *заказною рощей*, и въ сороковыхъ годахъ министерство госуд. имуществъ отказало даже флоту въ заготовкѣ въ ней корабельныхъ матеріаловъ.

Знаете ли, что случилось съ этою пушею? Ее ужъ нѣтъ, она болѣе не существуетъ. Она перешла въ карманы двухъ евреевъ, въ видѣ четырехъ или пяти милліоновъ серебромъ, и въ карманы русскихъ чиновниковъ, начиная отъ Гамалея и до разныхъ мелкихъ букашекъ, въ видѣ пяти или шестисотъ тысячъ сер., данныхъ и принятыхъ отъ жидовъ въ награду за помощь. Поѣзжайте въ Бѣловѣжскую пушу: вамъ пожалуй покажутъ, чтобъ надуть васъ (какъ надували и государя во время охоты въ 1859 году)—покажутъ великолѣпныя, развѣсистыя деревья, тщательно убереженныя для надувательства во всѣхъ округностяхъ. Но все это дряхлые старики, которые красивы и больше ничего, отъ которыхъ нѣтъ никакого дѣйствительнаго проку. Все же остальное, что составляло силу, значеніе, достоинство этой удивительной пуши, въ карманахъ жидовъ. Но сколько при всемъ этомъ пролилось человѣческой крови, сколько людей замучено, удушено, утоплено, отравлено, сколько искалѣчено страшными побоями, сколько выслано на скитанье—этому кажется никогда не свести итоговъ.

Началось съ того, что когда завелся корпусъ лѣсничихъ, наука замѣтила, что въ Бѣловѣжской пущѣ лѣсъ осмѣливается произрастать зловреднымъ образомъ самъ собой, вовсе не по правиламъ науки. Мѣстное управленіе не могло долѣе держаться отъ соблазнительныхъ выгодъ; оно тотчасъ же исходатайствовало, *въ видахъ выполненія плана науки*, высочайшее разрѣшеніе на вырубку *перестойныхъ* деревьевъ изъ пуши. Можно себѣ представить, какъ тутъ принялись за *перестойныя* деревья. Въ 1849 году, еврей Забулдовскій получилъ по контракту отъ правительства, по ничтожной таксѣ, право вырубки: лучшей корабельный лѣсъ пошелъ за границу.

Но скоро другой еврей, прусскій лѣсопромышленникъ Зимуитъ, вмѣсто того, чтобъ продолжать покупать русскій лѣсъ отъ Забулдовскаго, въ 1854 году прямо обратился въ лѣсной департаментъ и подъ фирмою нѣкоего Букенгагена, не смотря на военное время, когда корабельный лѣсъ значить столько же, сколько пушки, бомбы и порохъ, заключилъ съ этимъ департаментомъ контрактъ на вырубку изъ Бѣловѣжской пуши 60 т. деревъ, на сумму 60 т. р. сер. Конечно послѣ такой сдѣлки, онъ сію же секунду приступилъ къ работѣ.

Въ Данцигѣ бѣловѣжскій лѣсъ цѣнился высоко, пѣлые транспорты деревъ обыкновеннаго даже размѣра продавались круглымъ числомъ по 70 талеровъ за штуку, а мачты платились по 200 и даже по 400 талеровъ. Значить, тутъ дѣло шло не о 60 т. талеровъ, а о милліонахъ. Забулдовскій пришелъ въ ужасъ отъ продѣлки бывшаго своего сообщника, гродненская палата гос. имуществъ чуть не упала въ обморокъ—она до тѣхъ поръ вела свои дѣлишки по Бѣловѣжской пущѣ подъ сурдинкой и благоденствовала. Но она плакала и рвала на себѣ волосы не долго; новый спекуляторъ утѣшилъ горестную палату, она присмирѣла—остался въ накладѣ одинъ Забулдовскій.

Вдругъ въ 1855 году, графъ (въ послѣствіи съ размягченнымъ мозгомъ князь) Орловъ получаетъ изъ за границы доносъ о вырубкѣ изъ Бѣловѣжской пуши корабельныхъ деревъ, о незаконности контракта и о цѣлой тучѣ злоупотребленій. Доносъ сообщенъ министру Киселеву, Киселевъ посылаетъ лѣсничаго разузнать дѣло на мѣстѣ. Само собой разумѣется, что лѣсничій никакихъ злоупотребленій не находитъ и восхваляетъ даже въ газетахъ *ученное, истинно-научное* управленіе пуши.

Однакоже гродненскій губернаторъ Ховень (едва-ли не единственный честный человѣкъ во всей исторіи, отъ начала до конца) настоятельно требуетъ отъ министра произвести по этому дѣлу форменное изслѣдованіе.

Назначили слѣдственную комиссію. Это было въ 1856 г. Комиссія составлена была необыкновенно солидно: жандармъ *Прасоловъ*, лѣсничій *Войнюковъ*, чиновникъ особыхъ порученій отъ генерала-губернатора *Родзевичъ*, два чиновника особыхъ порученій отъ губернатора *Терукасовъ* и *Гацкевичъ* (собственно *Гацукъ*, изъ однодворцевъ), все штабъ-офицеры; наконецъ для осмотра деревъ прибылъ и опоздавшій чиновникъ морскаго вѣдомства *Погоскій*; губернскаго лѣсничій съ своимъ штатомъ также поселился въ Бѣловѣжѣ.

Вся эта комиссія помѣстилась въ домѣ лѣсопромышленника, роскошно устроенномъ, въ *самомъ центрѣ* пуши, на полномъ и щедромъ иждивеніи его. Какъ изъ земли вдругъ

выросъ этотъ домъ, съ коврами, зеркалами, буфетами и — портретами такихъ лицъ, пріятелей хозяина, что первое время многие затруднялись разтянуться передъ ними. Хозяинъ занималъ робѣющихъ простаковъ разсказами о своей интимности съ ними, и конечно эти разсказы его объ амурныхъ шалостяхъ вмѣстѣ съ Несельроде, о дипломатическихъ разговорахъ съ Орловымъ и Киселевымъ показались бы наконецъ хвастовствомъ, еслибы вдругъ *собственноручное письмо принца прусскаго*, тоже друга его, не ошеломило всю комиссію; мы знаемъ отъ очевидцевъ, что Назимовъ прислать копию съ этого документа въ комиссію, при благоговѣйномъ своемъ предписаніи. Между тѣмъ въ домѣ Забудовскаго, надъ которымъ комиссія пріѣхала вести слѣдствіе, шелъ отъ утра до вечера пиръ горой.

Лѣсъ между тѣмъ посѣбно сплавлялся за границу — обстоятельство, на которое всего болѣе уповала комиссія, и оба департамента (лѣсной и кораблестроительный), оплаченные Зимунтомъ.

Однакоже министерство стало понуждать комиссію прішло наконецъ по необходимости проститься съ радушнымъ хозяиномъ. Она поспѣшила осмотрѣть пни въ лѣсу (почти всѣ были *подкрашены* подъ старое дерево, да и тѣхъ было не много, потому что повытаскали и затопили въ водѣ), потомъ она привела къ допросу и присягѣ крестьянъ, предварительно напоенныхъ сколько нужно. и — натурально — не нашла рѣшительно никакихъ злоупотребленій. Допосъ признанъ — ложнымъ.*

Большая часть членовъ комиссіи, считая дѣло поконченнымъ, уже разъѣхалась по домамъ, когда вдругъ получены были чиновникомъ морскаго министерства вытребованные имъ изъ корабельнаго департамента положительные инструкціи. Въ силу этихъ инструкцій оказалось необходимымъ пересмотрѣть весь сплавленный лѣсъ, чиновникъ морскаго министерства (Погоскій) съ чиновникомъ особыхъ порученій губернатора (Терукасовъ) внезапно отправились въ царство польское. Полковникъ корпуса лѣсничихъ Войнюковъ тотчасъ понялъ опасность и въ ужасѣ полетѣлъ въ Вильно къ генералъ-губернатору, и оттуда въ Петербургъ.

Между тѣмъ, при осмотрѣ сплавляемаго лѣса подъ Варшавой оказались отличные корабельные деревья и мачты. Сплавленные лѣсъ казенные и частные крестьяне, ободренные отсутствіемъ комиссіи, начали наконецъ являться съ жалобами на все, что съ ними дѣлалось во время этихъ воровскихъ сплавовъ: побои, калѣчество, кормленіе отвратительной пищей, насилованіе женщинъ чиновниками и агентами — все тутъ являлось въ ужасающихъ размѣрахъ; на плотяхъ и на рѣкѣ постоянно видѣлись слѣды преступленій, ясныя подтвержденія ихъ жалобъ: на плотяхъ — замученные не человѣчески, тиранской работой, крестьяне, изъ коихъ еще большая часть старики, на рѣкѣ — почти ежедневно проносившіеся трупы.†

* За нѣсколько дней, Зимунтъ призвалъ къ себѣ бѣднаго шляхтича, также на него доносившаго въ это время “Вотъ вамъ 1,500 р. сер. (золотыми), сказалъ онъ ему: лучше возьмите ихъ, и объявите, что сдѣлали на меня извѣтъ по злобѣ. Вы все равно будете въ Сибири. Комиссія ничего не найдетъ по вашему доносѣ. У васъ 11 человѣкъ дѣтей и жена. Деньги пригодятся. А мнѣ хлопотъ меньше.” Несчастный согласился и пошелъ въ Сибирь.

† Для поясненія надо сказать, что насильный нарядъ крестьянъ на подобныя работы производится за податную недоимку, эта недоимка пополняется 3-и или даже 4-и долей заработной платы, — остальное идетъ по карманамъ начальства. Нередко очевидцамъ случалось видѣть несчастныхъ, замученныхъ

дѣло начало принимать уголовный характеръ, казаясь наконецъ что все раскроется, наконецъ-то остановится ужасъ и разбой. Въ эту минуту корабельный департаментъ далъ знать по телеграфу своему чиновнику, чтобы *осмотръ былъ прекращенъ*. Онъ отвѣчалъ по телеграфу, что молъ зло открывается. Вторая денеша, въ тотъ-же самый день, приказала ему: *прекратить дѣло и уѣхать*. Дѣло и прекратилось. Это было въ серединѣ лѣта 1856.

Все казалось вождѣльно оконченнымъ, когда въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ вступилъ Муравьевъ. И отъ этого человѣка ждали было сначала чего-то особеннаго (?). Такъ всегда у насъ бываетъ: точно такъ было и при вступленіи въ новую должность и Лидерса подъ Севастополемъ, и Муравьева на Кавказѣ, и Васильчикова въ военное министерство и Чевкина въ путей сообщенія, и Горчакова въ министерство иностр. дѣлъ, и Муравьева въ министерство государственныхъ имуществъ. Но ничего новаго не выходитъ. Та-же гниль, та-же мерзость продолжаютъ лежать на всемъ, новый чиновникъ-министръ накричитъ, нашумитъ, выгонитъ въ началѣ десятка 2—3 негодяевъ, ихъ мѣсто тотчасъ-же займутъ точно такие же другіе негодяи (иногда еще хуже), министр-чиновникъ мямлетъ или пакоститъ, какъ остальные его предшественники или товарищи, и все идетъ какъ по маслу. Съ дѣломъ Бѣловѣжской пушчи повторилось именно все то-же самое. И его коснулись въ началѣ кое-какія *ярыя* первоначальныя распоряженія Муравьева, но послѣ нѣсколькихъ точекъ, болѣе или менѣе безтолковыхъ, или дикихъ (какъ все у Муравьева), мошенники и разбойники, исполнившіе роли “первыхъ сюжетовъ” въ бѣловѣжскомъ дѣлѣ усмотрѣли, что имъ бояться нечего.

Баронъ Ховенъ, съ самаго вступленія Муравьева, принялся настаивать на томъ, что нельзя такъ оставить этого вопіющаго дѣла; Муравьевъ скоро узналъ всѣ подробности его, и — назначилъ новую слѣдственную комиссію подъ начальствомъ генерала Бульмеринга. Непостоянство и явное взяточничество этого нелѣпаго генерала заставило *даже* Муравьева прогнать его вмѣстѣ съ его сподручникомъ, камеръ юнкеромъ Набоковымъ. На мѣсто прогнаннаго назначенъ, полковникъ Длатовскій.

Вотъ именно около этого самого времени буря Муравьевскаго правосудья начала успокоиваться: просьбы влиятельныхъ лицъ, стачка департаментовъ, корабельнаго и лѣснаго, пронырливость Зимунта и его агентовъ, ловкихъ и не дремлющихъ — сдѣлали то, что Муравьевъ переѣхалъ гнѣвъ на милость и милость на гнѣвъ: *всѣ обвиненные* получили чины, ордена и благодарности, донесенія *неспокойныхъ* чиновниковъ были отвергнуты, а чиновники прогнаны, одинъ между ними (полковникъ Нольде) былъ даже формально опозоренъ за 38 лѣтнюю, въ самомъ дѣлѣ полезную службу. Какъ вѣнецъ дѣла — Длатовскому данъ символъ “пользы, чести и славы” — Владиміръ на шею.

работою крестьянъ, которымъ за все лѣто дали — 3 рубля серебромъ, и которымъ этихъ денегъ не могло хватить даже на то, чтобы воротиться до дому. О сохраненіи хотя нѣсколькихъ копѣекъ семейству, нечего было и думать. И все это для того, чтобы наполнить карманы кровопийцъ-жидовъ и чиновниковъ. Но именно страшное состояніе пауперизма всего нужнѣе начальству: никто такъ не кормитъ взяточниковъ, какъ нищие. Объ ужасахъ этихъ дѣлъ, можно будетъ получить понятіе, когда соберутъ свѣденія, хоть по берегамъ одной Вислы при костелахъ, о числѣ утопшихъ (т. е. выброшенныхъ съ плотовъ) и умершихъ на обратномъ пути изъ Данцига рабочихъ-нищихъ похороняемыхъ ксен-дзами.

Между тѣмъ, по представленію Ховена дѣло все таки шло, оно внесено было въ с. петербургскій сенатъ и даже угрожало неблагопріятнымъ рѣшеніемъ. По тутъ помогъ разбойничьей компаніи самъ Муравьевъ: въ 1859 году, онъ исходатайствовалъ въ сенатѣ отъмену рѣшенія и покончилъ дѣло тѣмъ, что испросилъ у государя *въ вознагражденіе потерь Зимунта* и отпустилъ ему съ бѣловѣжской пуши 10,000 деревьевъ бесплатно, т. е. другими словами, онъ выхлопоталъ гораздо болѣе полу-милліона серебромъ въ награду еврею, за истребленіе чудной Бѣловѣжской пуши, и что въ сто разъ хуже, предоставленіе самой неограниченной власти и способъ доканчивать это лѣсоистребленіе, угнетать все народонаселеніе хуже негровъ-невольниковъ въ Америкѣ и растлѣвать цѣлыя стада чиновниковъ подкупами въ Литвѣ, Польшѣ и Россіи...

Въ добавокъ ко всему, въ бытность государя на охотѣ въ Бѣловѣжской пушчѣ лѣтомъ 1860 г., товарищъ министра-вѣдателя представилъ Зимунта къ ордену, который онъ и возложилъ на себя.

Во все это время, по департаментамъ и промежь чиновниковъ лѣснаго вѣдомства, неутомимо сновали два агента Зимунта: архитекторъ *кавалеръ* Корски, и факторъ еврей Кауфманъ. Первый сыпалъ, гдѣ нужно, деньгами, разумѣется не забывая и себя; а второй, прикинувшись противникомъ Зимунта, вызивалъ состояніе дѣла и, благодаря простотѣ адмирала Метлина, сумѣлъ наконецъ попасть въ морское министерство—*экспертомъ*(!) и носить теперь русскій офицерскій мундиръ.

Такимъ образомъ, лѣсопромышленное дѣло Зимунта, добивающаго послѣдніе остатки великолѣпнаго кораблестроительнаго лѣса Бѣловѣжской пуши—обезпечено въ будущемъ какъ нельзя лучше. Кто хочетъ увидать что такое была эта пуща, прежде пусть посмотритъ на англійскій и французскій флотъ: подъ королевско-великобританскими и императорско-французскими флагами красуются лучшія Бѣловѣжскія мачты. Еще-бы нѣтъ! Въдѣ уже въ 40хъ годахъ министерство госуд. имуществъ отказывало *нашему* флоту въ нѣсколькихъ даже мачтахъ, въ нѣсколькихъ даже бревнахъ и доскахъ: *лѣсъ заказной*—его надо хранить какъ зѣницу ока!

Всякій спроситъ: отчего же однако Муравьевъ такъ кончилъ это дѣло, принявшись за него въ началѣ съ жаромъ? Неужели онъ металъ въ началѣ столько громовъ и молній, выслалъ столько дѣйствительныхъ негодяевъ лѣсничихъ, только для того, чтобъ навѣшать кресты на другихъ воровъ, чтобъ вытолкать изъ службы вонъ людей, заподозрѣнныхъ въ честности, и съ лакейской смѣлостью, за носъ провести добродушнаго государя?

Дѣло загоралось такъ широко, что было около чего руки погрѣть, даже послѣ Гамалея (получившаго кажется самыя большіе куши), не говоря уже о стаѣ мелкихъ, вѣчно грѣющихся зябликовъ въ родѣ Арнольда, Бульмеринга, Кожевникова и Ко.; грубая молва сравниваетъ Муравьева съ китайскимъ идоломъ, *многорукимы* Бурханомъ. По все таки нельзя навѣрное сказать, изъ за однихъ ли денегъ далъ онъ бѣловѣжскому дѣлу настоящій *всероссійскій* ходъ? Кто знаетъ—можетъ быть Муравьевъ на этотъ разъ надулъ государя и опозорилъ его передъ полъ-Россіей совершенно безкорыстно, за-даромъ, единственно только потому, что этимъ дѣломъ всего крѣпче интересовались такіе люди, въ

угоду которымъ такой господинъ, какъ Муравьевъ, пожертвуетъ съ удовольствіемъ не только справедливостью, но пожалуй повѣситъ роднаго брата, какъ-то: *принцъ прусскій*, сопрѣге и патронъ Зимунта во всѣхъ его продѣлкахъ, въ которыхъ у него порядочный пай,—Киселевъ со своими связями, Орловъ со своимъ вліяніемъ, Назимовъ (*крестный отецъ* дѣтен Шпеера, губернатора гродненскаго) и пр., и пр.

Да пожалуй Муравьевъ, на этотъ разъ, деньгами и ничемъ не взялъ. А впрочемъ, кто ихъ знаетъ!

Нынче бѣловѣжское дѣло считается порѣшеннымъ. По неугомонный Ховенъ (въ самомъ дѣлѣ *герой* во всей этой исторіи), въ тоскѣ своего московскаго сенаторства, возымѣлъ счастливую фантазію представить Константину Николаевичу записку объ этомъ совершенномъ дѣлѣ. Что-то изъ этого будетъ? Или опять ничего?

Мы знаемъ благонамѣренность государя—та небольшая горсточка людей, которая дѣйствовала честно и благородно въ этомъ дѣлѣ, рѣшилась на такой трудный въ Россіи подвигъ, именно только въ надеждѣ на правосудіе государево. Вѣрнѣе также—покуда—въ энергію Константина Николаевича и, въ добавокъ ко всему, знаемъ, что если только захотятъ, зло можетъ быть изобличено до самыхъ корней, такъ много на лицо документовъ всякаго рода, даже официальныхъ, но только до силъ поръ задавленныхъ.

Но мы не знаемъ, въ нашей нынѣшней дали, кто тотъ честный человекъ, которому поручено разсмотрѣніе этого дѣла, и ужъ никакъ не хотимъ вѣрить слухамъ, будто это—агентъ Зимунта, Кауфманъ.

Это значило бы “бросить шуку въ море.”

Мы ограничиваемся пока этимъ блѣднымъ и неполнымъ очеркомъ, надѣясь на то, что сдѣлаетъ Константинъ Николаевичъ, имѣющій въ своемъ министерствѣ всѣ самыя подробныя свѣденія и указанія. Быть можетъ онъ самъ, какъ истинный европеецъ нынѣшняго времени, не задумается напечатать всѣ подробности дѣла, на которое можно смотрѣть какъ на монументъ ужасовъ, преступленій и неописуемыхъ характеровъ, возрожденныхъ николаевскою эпохою. На каждомъ шагу этого дѣла видишь, какъ главные актеры его не останавливаются ни передъ какимъ преступленіемъ: подкупъ, клевета, истязанія завѣдомо-невинныхъ, обвиненіе въ зажигательствѣ или порубкѣ лѣсовъ бѣдныхъ крестьянъ и крестьянокъ чистыхъ какъ голубь, хладнокровное осужденіе ихъ на каторгу или уголовное наказаніе, насилуваніе женщинъ, подставленіе ихъ, хитростью, обманомъ или принужденіемъ, развратнымъ вліятельнымъ лицамъ, убійства, мученія—всѣмъ переполнена по края исторія о Бѣловѣжской пушчѣ. Если въ Россіи она не напечатается, то навѣрное, рано или поздно, напечатается за границей—слишкомъ много людей возмущены ею въ продолженіи цѣлыхъ десяти уже почти лѣтъ.

С М Ъ С Ъ.

— *Васильевъ и Назимовъ.* Французскія газеты и частныя письма говорятъ о неистовствахъ виленскаго полицмейстера Васильева, предводительствовавшаго военными дѣйствіями противъ виленскихъ жителей при побойшѣ 18 Августа. Правда-ли, что Назимовъ, когда пришли къ нему съ жалобой на дикія дѣйствія Васильева, сказалъ, что его слѣдуетъ благодарить и наградить за сдѣланное,—или можетъ это та прожорливая *гипербола*, которая такъ много ѣсть сѣна?

ПОДМЕТНЫЯ ПИСЬМА.

Мы на дняхъ получили два письма, оба не подписанныя, оба исполненные брани и одно изъ нихъ площадныхъ ругательствъ.

Первое письмо брошено на почту 19 Сентября въ Остендѣ, на немъ написано по русски "нужное" и на оборотѣ "для всеобщаго свѣденія".

Второе адресовано изъ Парижа отъ 22 Сентября на имя г. Трюбнера. Мы изъ уваженія къ читателямъ не помѣщаемъ ни того, ни другаго; во второмъ насъ и кн. П. В. Долгорукова ругаютъ *по-матерно*. Намекъ на то, что на нашу жизнь есть покушеніе, и что если мы напечатаетъ о полученномъ письмѣ, то тутъ намъ и конецъ . . . заставляетъ насъ поступокъ этого мерзавца передать на общественный судъ.

Изъ за угла убить можно каждого, мѣры кой-какія мы возьмемъ, вѣдь мы живемъ въ Англій; но заставить насъ замолчать матерными словами и угрозами, не удастся—ни III Отдѣленію, ни какому нибудь злодѣю-помѣщику, ни взяточнику-чиновнику.

Александръ Герценъ
Николай Огаревъ.

Orsett House, Westbourne Terrace, London.

— *и Правда-ли* — что генералъ Лихонинъ, директоръ I-го кадетскаго корпуса, въ своемъ имѣннѣ петергофскаго уѣзда, желая (по теоріи Герштенцевейга*) возвратитъ своимъ крестьянамъ кадетскія права на сѣченіе при отказѣ ихъ подписать условія имъ сдѣланныя для нихъ, послалъ за становымъ и выставилъ возъ розогъ? Правда-ли, что крестьяне равно отказались отъ подписи и отъ розогъ? Чувствуя свое совершенное право, они не хотятъ больше распространенія на нихъ правъ военно-учебныхъ заведеній. Эдакъ пожалуй и женщины откажутся отъ знаменитыхъ *дѣтскихъ* розогъ.

— *Къ хроникъ прогресса — Владимірскій крестъ на Владимірской дорогѣ.*—Г. Бѣловъ въ *Сѣверной Пчелѣ* отъ 22 Августа [2 Сентября] рассказываетъ слѣдующее происшествіе, бывшее на владимірской желѣзной дорогѣ.

"Мы прѣехали на пассажирскомъ поѣздѣ въ Колпино; публика вышла изъ дебаркадера и въ числѣ ея какой-то старичекъ въ штатскомъ платьѣ съ Владиміромъ на шеѣ. Я стоялъ недалеко отъ него у вагона. Смотрю мой старичекъ обратился къ разнощику, продававшему на лоткѣ ягоды, и ни съ того, ни съ другаго ударилъ его по щекѣ. Разнощикъ тотчасъ же снялъ шляпу, а другую руку приложилъ къ щекѣ (должно быть хорошо пришлось и старичекъ не такъ былъ слабъ, какъ казался на видѣ). Старичекъ съ Владиміромъ на шеѣ проговорилъ разнощику какое-то строгое внушеніе съ приличными жестами и удалился. Я подошелъ къ разнощику.

— За что ударилъ тебя этотъ господинъ?

— Да видишь, я продавалъ вотъ тутъ одному ягоды, да и не видѣлъ, что сзади стоитъ вотъ этотъ баринъ и задѣлъ его ногой."

Владимірскій крестъ очень опасенъ на своей дорогѣ. Жаль что г. Бѣловъ не узналъ драгоцѣнное имя владимірскаго старца-зубосокрушителя. Это животно-чиновное ляганье еще какъ-то гаже съ желѣзными дорогами: машины, паръ, плюхи, локомотивы, толчки, рельсы, телеграфы, розги . . . не идутъ вмѣстѣ!

— *Curriculum vitae Ламберта.*—Мы получили въ формѣ письма къ государю, жизнеописаніе почтеннаго намѣстника Ламберта. Корреспондентъ приславшій его, позволить намъ побережь его въ нашихъ бумагахъ, пока Ламбертъ заслужитъ его помѣщеніе.

* Читатели наши помнятъ о томъ, какъ лондонскій Герштенцевейгъ покрывалъ сѣченіе дворянъ въ 1858 году, полковникомъ Фроловымъ въ Имъ стрѣлковомъ батальонѣ (Колок. л. 65 & 66), говоря, что это только распространение правъ учащихъ въ военныхъ школахъ.

— *Хлѣбъ новой жизни, заготовляемый въ селѣ Рогани коллежскаго совѣтника Гомлея Пассека и Ко.*—(Изъ Сѣв. Пчелы).

Великій государь, отецъ и благодѣтель!

Не потаимъ отъ тебя, царя нашего, не вдругъ мы поняли твои великія милости намъ. Крѣпко только уповали мы на твою отеческую любовь и заботу о насъ и сердце наше чуяло благо.

А теперь, какъ ура умѣли все, такъ и не знаемъ, что сказать тебѣ, какъ и благодарить тебя. Съ нами радость и свѣтлые дни. Взглянемъ ли на семьи свои, подумаемъ ли о своемъ житіи бытіи, въ трудахъ ли мы или на отдыхѣ, отъ сна ли встаемъ или ко сну идемъ—только и слова у насъ: "Спасибо, спасибо нашему батюшкѣ-царю! Попли, Господи, ему, всей семьѣ его и всему роду его здоровія, счастья и долгихъ дней!" Царь небесный услышитъ твои молитвы наши и наградитъ тебя своимъ милостями за твои милости намъ.

Миромъ согласимся и положимъ упивенно просить тебя: не откажи, отецъ-благодѣтель, принять отъ насъ, вмѣсто прежняго хлѣба-соли, хлѣбъ новой нашей свѣтлой жизни, съ образомъ святаго благовѣрнаго Александра Невскаго, и съ нами нашъ благодарственный поклонъ до земли и паше вѣчное спасибо тебѣ. Благослови насъ!

Временно-обязанные крестьяне харьковскаго уѣзда, села Рогани, поселенные на земляхъ помѣщиковъ: кол. сов. Поміея Васильевича Пассека и гварди штабсъ-капитана Михаила Александровича Сочова и ихъ дворовые, а за нихъ и за себя.

Волостной старшина Василій Ростовскій.

Сельскіе старосты. Иванъ Бабко.

Романъ Ковзарь.

Августа 12-го 1861 года. С. Рогань.

Вѣроятно государю будетъ еще вкуснѣе этотъ *хлѣбъ новой жизни*, когда онъ узнаетъ все усердіе г. Пассека, какъ во время его служенія при московской полиціи, такъ и при харьковской. Онъ между прочимъ покрывалъ себя славой во время преслѣдованія Лужипымъ харьковскихъ студентовъ.

Не стыдно ли такой жалкой цѣной покупать похвалы себѣ и печатать ихъ!

— *Полный надѣлъ землею.* Съ истиннымъ удовольствіемъ прочитали мы въ 187 No. *Слб. Вѣдомостей*:

"Тайному совѣтнику Рашету всемилостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе, самарской губерніи, николаевскаго уѣзда, такъ называемыхъ башкирскихъ земель, изъ участка подъ No. 953, четыре тысячи сто тридцать восемь десятинъ двѣ тысячи сто пятьдесятъ шесть сажень удобной и неудобной земли; тайному совѣтнику Маркусу—четыре тысячи сто пятьдесятъ двѣ десятины четыреста сажень; тайному совѣтнику Заблоцкому-Десятовскому—пять тысячъ пятьдесятъ шесть десятинъ двѣ тысячи сажень, и дѣйствительному статскому совѣтнику Домоитовичу—двѣ тысячи шестьсотъ пятьдесятъ десятинъ четыреста сажень."

— *Паткуль и Колоколъ.* Приказъ с. петербургскаго оберъ-полицейстера. 22 Августа 1861, за No. 177. Высочайше утвержденнымъ 8 Мая 1850, мнѣніемъ государственнаго совѣта о предупрежденіи ввоза изъ-за границы запрещенныхъ книгъ, между прочимъ опредѣлено (пунктъ 5): Продажа книгъ разнощиками по улицамъ или площадямъ въ столицахъ и тѣхъ городахъ, въ коихъ существуютъ книжныя лавки, запрещается. Изобличенные въ продажѣ книгъ симъ образомъ подвергаются, сверхъ конфискаціи книгъ и всего найденнаго у нихъ товара, буде вмѣстѣ съ книгами они торговали и другими предметами: въ первый разъ взысканію 10 р., во второй—20 р., въ третій—30 р. и т. д., прибавляя за каждый разъ по 10 р. Если въ числѣ сихъ книгъ будутъ найдены неодобренныя еще ценсурой или же запрещенныя, то смотря по роду, къ коему они принадлежатъ, виновные приговариваются къ наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1314 и 1315 улож. о наказ. (ст. 1369 и 1370 т. XV, изд. 1857 г.), на точномъ оныхъ основаніи. Замѣчая, что въ последнее время подобнаго рода запрещенная торговля увеличивается въ своихъ размѣрахъ, предписываю въренной мнѣ полиціи немедленно принять мѣры къ прекращенію ея, уничтоживъ этого рода мелочную продажу на улицахъ и площадяхъ, назначивъ для того трехдневный срокъ со дня объявленія сего приказа, а на будущее время строго наблюдать за точнымъ исполненіемъ вышеизъясненныхъ правилъ, за нарушение которыхъ виновные подвергнутся ответственности по закону. Подписалъ с. петербургскій оберъ-полицейстеръ генералъ-адъютантъ Паткуль.

(В. Слб. Г. Ш.)

— *Съ глубочайшей благодарностью получили мы три фунта стер. отъ трехъ русскихъ на взносъ въ университеты за бѣдныхъ студентовъ, у которыхъ государь отнялъ средства учиться.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCQ!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 109.

15 Октября 1861.

У Трубера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Письмо къ русскому послу въ Лондонѣ—Объ устройствѣ евреевъ—Муравьевъ-амурскій и его поклонники—Акцизный откупъ въ гродненской губернии—Наши консулы—"Великорусь 2". Смѣсь: Крестьянскія дѣла—Николай Poiseleur—Олегъ и Андреевъ—За что Путятинъ?—Пѣмцы радуются—Петербургскій университетъ закрытъ!—Мухомовъ-товарищъ—Полякамъ въ Гелувъ—Гладины и Игнатьевъ—Г. Чляевъ—Главное общество желѣзныхъ дорогъ.

БРУТЫ И КАСИИ III ОТДѢЛЕНІЯ.

(письмо къ русскому послу въ Лондонѣ).

Милостивый государь!

Вамъ вѣрно покажется очень страннымъ, что я къ Вамъ пишу; меня самого это удивляетъ не меньше Васъ. Никогда я не рѣшился бы отнять нѣсколько минутъ Вашего драгоценнаго времени, если бы это не было въ выгодахъ правительства, имѣющаго счастье быть представленнымъ Вашимъ Превосходительствомъ.

Я буду очень коротокъ и сжатъ.

Можетъ быть Вамъ извѣстно, что мы съ Огаревымъ издаемъ здѣсь русскую журналъ, подъ названіемъ *Колоколъ*. Въ послѣднее время мы стали, въ качествѣ редакторовъ, довольно часто получать подметныя письма, исполненныя большой роскошью площадныхъ ругательствъ* и угрозами *убить* Огарева, князя Долгорукова (свѣдѣю Васъ успокоить, что рѣчь идетъ не о князѣ Васильѣ, начальникѣ жандармовъ—его жизнь совершенно безопасна—а о князѣ Петрѣ Владиміровичѣ) и меня. Все это не заставило бы меня писать къ Вамъ, Баронъ.

Но третьяго дня (9 Октября) я получилъ два письма (при свидѣтеляхъ, которымъ тогда же показалъ ихъ), въ которыхъ неизвѣстный другъ извѣщаетъ меня положительно, что третье отдѣленіе рѣшилось "политить меня или убить."

Первое изъ этихъ предположеній слишкомъ смѣшно, чтобъ быть возможнымъ. Разсудите, Баронъ, сами—что я за Прозерпина съ бородой, и что Шуваловъ за Плутонъ съ аксельбантомъ?

Остается угроза смерти.

Кто хочетъ убить меня? по чьему приказу? Обвиненіе естественно падаетъ на государя. Я не вѣрю, чтобъ онъ это приказалъ. Вы, можетъ быть, знаете, что я во многомъ схожусь въ мнѣніяхъ съ Александромъ Николаевичемъ, но никогда не допущу мысли, чтобъ онъ сталъ подсылать спадасиповъ. Я бы не сдѣлалъ этого ни въ какомъ случаѣ. Да это и не въ его характерѣ и не въ традиціи императорскаго дома—что *они* за корсибанцы и за Борджіи, чтобы рѣзать изъ за-

* Обиліе ругательствъ такъ невообразимо, что я начинаю думать, что эти письма сочинены или въ монастырѣ, или въ консисторіи.

Годъ V.

угла! Я очень хорошо знаю, Баронъ, что они иногда участвовали въ ускореніи путей природы, въ предвареніи естественнаго теченія дѣлъ—но это дѣлалось въ самомъ интимномъ, задушевномъ кругу, между женой и мужемъ, сыномъ и отцомъ. Я не на столько знакомъ съ Александромъ Николаевичемъ, чтобъ считать себя въ правѣ на такое родственное вниманіе и на такую фамильярность.

Стало не онъ. Кто-же?

Шуваловъ? Письмо прямо указываетъ на III отдѣленіе. Я не имѣю понятія о графѣ. Мѣсяца два тому назадъ, онъ засадилъ въ Парижѣ въ тюрьму нѣкоего Зальцмана, обвиняемаго въ покушеніи на *свою* жизнь, сдѣланномъ княземъ Кочубеемъ (я согласенъ что это не ясно); можетъ этотъ случай далъ Шувалову преувеличенное понятіе о всемогуществѣ III отдѣленія... пожалуй, что и онъ. Но вотъ въ чемъ бѣда, Шуваловъ-ли или другой, все равно, отвѣтственность, во всякомъ случаѣ, всѣмъ своимъ грузомъ падетъ на Александра *Несвиннаго*. Намъ съ Вами надобно непременно взять мѣры, чтобъ подобное обвиненіе не оставалось на правительствѣ, которое имѣетъ счастье считать Васъ своимъ представителемъ. Что-же хорошаго, что его заподозрить въ томъ, что оно ставитъ капканы и рассылетъ полицейскихъ Брутовъ за моря и горы—den Dolch im Gewande.

Надобно обличить клеветниковъ, и это не все. Вы должны, Баронъ, отнынѣ беречь меня какъ зѣницу Вашего ока; каждый волосъ, который упадетъ съ головы моей—падетъ на русское правительство, скажутъ что его Александръ Николаевичъ выщипнулъ. Охранять меня, до такой степени въ интересахъ посольства, что я отдавши за должной скрѣпой полученныя мною письма куда слѣдуетъ, не буду брать никакихъ мѣръ, зная что Вы, хотя или не хотя, должны взять всѣ.

Поручая себя такимъ образомъ материнской попечительности императорскаго посольства, позвольте мнѣ, Господинъ Посланникъ, засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе.

Александръ Герценъ.

11 Октября 1861.

Orsett House, Westbourne Terrace.

ВЫПИСКА ИЗЪ ЖУРНАЛА КОМИТЕТА ОБЪ УСТРОЙСТВЪ Евреевъ,
(4го Юля 1861 года.)

Слушана: записка о предоставленіи евреямъ, окончившимъ курсъ наукъ въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, права поступленія на службу и пребыванія во внутреннихъ губерніяхъ.

Положеніе еврейскаго комитета.

Съ цѣлю поощренія евреевъ къ образованію въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, журналомъ еврейскаго комитета, высочайше утвержденнымъ 4го Мая 1859 года, уже предположено предоставить получившимъ степень доктора медицины и хирургіи право поступать на службу по медицинской части во всей имперіи, а приобрѣтшимъ степени доктора или магистра по *другимъ факультетамъ*, дозволить опредѣляться въ гражданскую службу и по учебному вѣдомству; равнымъ образомъ допустить постоянное пребываніе въ имперіи для торговли и промышленности евреямъ, получившимъ ученые степени доктора или магистра. Что-же касается до *студентовъ и кандидатовъ*, имѣющихъ по закону право на личное гражданство почетное, то вопросъ о нихъ отложить до разрѣшенія составляемаго въ министерствѣ финансовъ предположенія о дозволеніи жительства въ имперіи евреямъ почетнымъ гражданамъ. О таковыхъ предположеніяхъ представлено министру народнаго просвѣщенія внести представленіе въ государственный совѣтъ.

Нынѣ генераль-адъютантъ Назимовъ, а также бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ народнаго просвѣщенія, полагають распространить право постоянного жительства въ имперіи не только на всѣхъ евреевъ окончившихъ университетское образованіе, слѣдовательно на кандидатовъ и студентовъ, но и на окончившихъ курсъ въ лицеяхъ и гимназіяхъ.

Комитетъ не можетъ не признать, что предлагаемая мѣра послужитъ сильнымъ поощреніемъ и побужденіемъ къ посѣщенію еврейскимъ юношествомъ общихъ учебныхъ заведеній, но полагаетъ, въ видахъ соблюденія нѣкоторой постепенности въ дарованіи евреямъ за образованіе правъ, которыми они доселѣ не пользовались, и съ цѣлю не отвлекать ихъ отъ полученія высшихъ ученыхъ степеней, достаточно было бы въ настоящее время къ степенямъ доктора и магистра, которые по изложенному выше предположенію комитета могли бы давать право жительства въ имперіи, присовокупить лишь только степень кандидата университета, не распространя притомъ сего права на соотвѣтствующія сей степени званія по медицинской части, по которой допущеніе евреевъ на службу и для практики внутри имперіи требуетъ особой осмотрительности и ручательства въ отличныхъ познаніяхъ специальныхъ. За симъ комитетъ не находитъ въ настоящее время удобнымъ предоставить испрашиваемое право воспитанникамъ лицеевъ и гимназій, вопросъ же о студентахъ университетовъ, согласно прежнему своему заключенію полагаетъ отложить до разрѣшенія по министерству финансовъ предположенія о дозволеніи жительства евреямъ почетнымъ гражданамъ.

На журналѣ комитета, представленномъ на высочайшее благоусмотрѣніе, послѣдовало Юня 29го дня собственно-ручная его императорскаго величества резолюція:

“Исполнить по отмѣткамъ, на прочее согласенъ.”

Журналъ еврейскаго комитета, высочайше утвержденный 29 Юня 1861 года, на коимъ послѣдовала собственно-ручная его императорскаго величества резолюція:

“Исполнить по отмѣткамъ, на прочее согласенъ.”

1) *По I ст.* О дозволеніи отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ постоянного жительства во внутреннихъ губерніяхъ (предположеніе это было представлено отъ гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ общей запискѣ о мѣрахъ поощренія евреевъ къ образованію и труду), комитетъ полагаетъ истребовать, предварительно окончательнаго по сему предмету заключенія, отъ члена, генераль-адъютанта Герштенцвейга, положительныя статистическія данныя, о числѣ ежегодно выходящихъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ въ отставку. Въ концѣ его величество написалъ карандашемъ: *“На это я рѣшительно не согласенъ, кромѣ того, что мною уже допущено для тѣхъ, которые служили въ гвардіи”*.

2) *По V ст.* Объ уравненіи отставныхъ и военно-служащихъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ по правамъ и преимуществамъ съ прочими сословіями (объ этомъ была представлена подробная записка отъ управляющаго военнымъ министерствомъ) комитетъ призналъ необходимымъ въ настоящее время истребовать статистическія данныя отъ военнаго министерства о числѣ выпускаемыхъ нижнихъ чиновъ въ отставку, чтобы постановить окончательное заключеніе. На полѣ противъ сихъ словъ его величество написалъ: *“Я уже замѣтилъ, что рѣшительно сего не допускаю”*.

О предоставленіи военно-служащимъ права производства въ унтеръ-офицеры и всѣхъ послѣдствій сему званію по правамъ и преимуществамъ присвоенныхъ, его величество написалъ: *“Кромѣ одного производства въ офицеры.”*

3) *По VI ст.* О дозволеніи фабриканту, изъ отставныхъ солдатъ, еврею Шнейдеру, торговать въ Москвѣ на временномъ правѣ до истеченія заключеннаго имъ на наемъ дома контракта, его величество написалъ: *“Дальнѣйшей отсрочки ни подъ какимъ предлогомъ не допускать.”*

4) *По XII ст.* О назначеніи раввина, изъ ученыхъ раввиновъ, безъ согласія общества, его величество написалъ: *“справедливо”*.

5) *По XIII ст.* О дозволеніи напечатать въ “Разсвѣтъ” статью объ уравненіи евреевъ въ правахъ съ прочими сословіями, комитетъ находилъ неудобнымъ допускать означенную статью къ печати; его величество, утверждая это, подписалъ: *“справедливо!”*

ГРАФЪ МУРАВЬЕВЪ-АМУРСКІЙ И ЕГО ПОКЛОННИКИ.

Мы получили три статьи, очень умныя, очень хорошо написанныя и совершенно лишнія въ пользу графа Муравьева. Ils рѣsent des convertis. Когда мы систематически нападали на сибирскаго Муравьева? Когда сомнѣвались въ огромныхъ дарованіяхъ его? Не мы ли назвали его въ статьѣ “Америка и Сибирь” историческимъ дѣятелемъ, въ противоположность историческимъ *бездѣльникамъ*, снующимъ около зимняго дворца, берушимъ взятки, крадущимъ лѣса и пр. Не мы ли отдали ему полнѣйшую справедливость въ его борьбѣ съ cabinet privé его величества?

Но неужели поклонники его не понимаютъ, что можно быть великимъ государственнымъ дѣятелемъ и пристрастно

смотреть на дѣло Беклемишевской дуэли, что можно дѣлать огромную пользу краю — и давить Петрашевскаго за оппозицію?

— Да онъ этого не дѣлалъ. — Тѣмъ лучше для него. Возражайте, давайте намъ факты, мы готовы помѣщать. Васъ оскорбляетъ, что мы осмѣлились вообще говорить объ этихъ фактахъ, что мы дерзнули усомниться въ непогрѣшительности Муравьева. Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, въ Сибири трудно понять значеніе свободной печати. Въ Иркутскѣ показало даже, что *Колоколъ за это* потерялъ вліяніе, что на насъ смотрятъ какъ на клеветниковъ, если не всей Россіи, то манжурскихъ краевъ ея.

Адвокаты Муравьева большей частію возражаютъ на частныя обвиненія — пользой амурской колонизаціи, высокой честностью Муравьева, его благороднымъ поведеніемъ съ Декабристами, тѣмъ, что онъ для восточной Сибири, что-то *въ родѣ Петра I*; все это ничего не опровергаетъ, а послѣднее обвинять его — не дай богъ ни восточной, ни западной Сибири такого несчастія, какъ былъ Петръ I для Россіи.

Дѣло дуэли мы излагать не будемъ — оно надѣло и намъ, и читателямъ — не смотря на то, что съ тѣхъ поръ мы получили списокъ мастерски написаннаго мнѣнія совѣтника Ольдекопа (журналъ иркутскаго губернскаго суда, 28 Сентября 1859) и двѣ еще болѣе мастерски сказанныя рѣчи Муравьева, по возвращеніи изъ амурской экспедиціи, въ петровскомъ родѣ, т. е. гдѣ слово граничитъ съ зуботычиной; не смотря на то, что рѣшеніе сената, отдающее Ольдекопа и всѣхъ членовъ окружнаго суда подъ судъ, вызываетъ на новое обличеніе, мы на этотъ разъ обращаемъ вниманіе поклонниковъ Муравьева на другое обстоятельство. Три новыя статьи и прежнія, полученныя нами отъ защитниковъ Беклемишева, согласны въ одпомъ: *что весь городъ говорилъ о неправильности дуэли*. Какъ же мы могли не напечатать того, о чемъ говорилъ весь городъ, весь край? Развѣ это дѣло было изложено въ иркутскихъ вѣдомостяхъ со всѣми pro и contra? Мы, печатая, исполнили нашъ долгъ и сверхъ того дали обвиненнымъ средство оправдаться.

Откуда же эта раздражительная обидчивость?

Единственно и исключительно отъ непривычки къ *свободному слову*.

Отчего у насъ всѣ люди въ силѣ такъ избалованы, отчего они грубятъ, кричатъ, ругаются, а въ Англіи викари? Оттого что въ Англіи, надъ ними столбый аргусъ печатной гласности, а у насъ всѣ мерзости покрыты крышкой канцелярской тайны. Эти вещи стыдно повторять — а дѣлать нечего.

Мы знаемъ и увѣрены, что Муравьевъ умный зеловѣкъ, — мы знаемъ и то, что у него очень сильныя склонности къ *петровскимъ* манерамъ; пусть же онъ намъ скажетъ спасибо за то, что мы спасаемъ его отъ него самого. Пусть онъ будетъ бояться общественнаго мнѣнія и узнаетъ, что можно быть государственнымъ человѣкомъ, не употребляя крѣпкихъ словъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда тогъ, къ кому они относятся, не можетъ дать сдачи.

Молчаніе кругомъ, подобострастное исполненіе, подобострастная лесть приучаютъ у насъ самыхъ дѣльныхъ людей къ страшной необдуманности, къ безграничной самонадѣянности и въ силу этого вовлекаютъ ихъ въ большія ошибки. По несчастію они ихъ не боятся; кто узнаетъ о томъ, что

дѣлается въ канцелярской мглѣ между генераль-губернаторомъ и министромъ?

Вотъ примѣръ. Муравьевъ писалъ 2 Апрѣля 1853 года, за No. 46, министру народнаго просвѣщенія:

“На почтеннѣйшее отношеніе ко мнѣ вашего сіятельства отъ 12 Января с. г. за No. 337, имѣю честь отозваться:

1) “Увеличеніе числа приходскихъ училищъ и школъ для образованія крестьянъ вообще, такъ и въ особенности приготовленіе изъ нихъ писарей въ волостныя и сельскія управленія и межевицковъ, дѣйствительно было бы весьма полезно для края, гдѣ ощущается вынѣ крайній недостатокъ въ этомъ отношеніи и преимущественно въ выборѣ благонадежныхъ и грамотныхъ волостныхъ пачальниковъ и писарей. Мѣстное пачальство давно уже обратило вниманіе на предлагаемый предметъ и пынѣ озабочивается присканіемъ средствъ къ учрежденію подобныхъ училищъ и къ распространенію вообще потребнаго между крестьянами первоначальнаго образованія. Когда приннутся нужные къ сему способы, то главное мѣстное управленіе не преминетъ войти по сему предмету своевременно и по принадлежности съ подробнымъ представленіемъ.

2) “Что касается до существующихъ постановленій объ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія въ вост. Сибири, то я полагаю преждевременнымъ дѣлать по нимъ кабія-либо существенныя измѣненія и особливо въ тѣхъ видахъ, чтобы заведенія эти образовали для Сибири чиновниковъ изъ тамошнихъ уроженцовъ; ибо по пятилѣтнему изученію мѣстныхъ условій, я совершенно убѣдился въ необходимости, чтобы управленіе тамъ состояло не изъ сибирскихъ же уроженцовъ, которые имѣя родственныя и другія тамъ связи, и получивъ первоначальное тамъ воспитаніе, неминуемо получаютъ, то пагубное направленіе, которымъ отличается сословіе мѣстныхъ купцовъ и чиновниковъ. Гораздо полезнѣе, присутственныя мѣста въ Сибири наполнить благонамѣренными людьми, рожденными и получившими надлежащее образованіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а если даже и изъ Сибирскихъ уроженцовъ, то во всякомъ случаѣ такихъ, которые съ юныхъ лѣтъ удалены были для воспитанія съ мѣста ихъ родины, и тѣмъ избавить отъ заразы, сильно распространившейся въ Сибирскомъ краѣ.

3) “Въ этихъ же самыхъ убѣжденіяхъ я *нахожу* пока излишнимъ увеличивать число губернскихъ гимназій и уездныхъ училищъ въ вост. Сибири (!!!)

4) “Относительно изысканія средствъ для устройства въ семь краѣ женскихъ учебныхъ заведеній, то существующій тамъ уже женскій институтъ, сировоспитательный домъ Е. Медвѣжниковой и дѣтскіе пріюты *вполнѣ удовлетворяютъ* настоящимъ мѣстнымъ требованіямъ; когда же обнаружится надобность въ новыхъ учрежденіяхъ, то мѣстное начальство не преминетъ войти своевременно съ особымъ представленіемъ, сообразивъ и средства, которыя могутъ имѣться къ тому въ виду.

5) “По вопросу небудетъ-ли возможно сверхъ казанскаго университета воспитывать сибирскихъ уроженцовъ еще въ другихъ заведеніяхъ, особливо специальныхъ для приготовленія на службу въ Сибирь, то на основаніяхъ выше изложенныхъ я не могу признать это удобнымъ, а полагаю бы болѣе полезнымъ назначеніе на службу въ Сибирь

изъ воспитавшихся въ здѣшнихъ (столичныхъ?) высшихъ учебныхъ заведеніяхъ уроженцовъ внутреннихъ російскихъ губерній, которыми впрочемъ уже нынѣ замѣнены многіе должности въ вост. Сибири.

6) "Водворенію между инородцами образованія должно необходимо предшествовать обращеніе ихъ въ *православіе*, что впрочемъ производится нынѣ весьма успѣшно; за тѣмъ мѣры къ распространенію между ними образованія должны быть тѣже, какъ и среди госуд. крестьянъ и необходимо принимать ихъ пераздѣльно другъ отъ друга. Наконецъ

7) "Относительно учрежденія въ Сибири особаго учебнаго округа, то не предвидя въ этомъ особенной какой надобности по числу учебныхъ заведеній находящихся собственно въ управляемомъ мною краѣ, я не могу впрочемъ дать на сей случай какого-либо положительнаго мнѣнія, ибо вопросъ этотъ связанъ съ положеніемъ учебныхъ заведеній въ зап. Сибири, и потому разрѣшеніе оного должно зависѣть уже непосредственно отъ благоусмотрѣнія вашего сіятельства."

Подписали : генераль-губернаторъ Муравьевъ.

надв. совѣтникъ Молчановъ.

С. Петербургъ.

Намъ сдается, что еслибъ Муравьевъ зналъ, что эта бумага будетъ напечатана, онъ бы ее не написалъ. И—ръ.

акцизный откупъ въ гродненской губерніи.

Въ городахъ Западныхъ краевъ, право продажи вина отдавалось подъ названіемъ чарочной продажи, особо отъ акцизнаго откупа. Для огражденія винокуровъ отъ подрыва со стороны откупщиковъ, было запрещено отдавать оба откупа въ однѣ руки, и откупщики за всякую стачку подвергались денежному штрафу, равняющемуся *годовой* пропорціи предложеннаго на торгахъ платежа за оба откупа, *конфискаци* въ казну залоговъ и лишенію навсегда права участвовать въ торгахъ. Въ 1855 г. акцизный откупъ въ гродненской губерніи былъ за извѣстнымъ д. ст. сов. Рюминымъ, который управлялъ имъ черезъ евреевъ Гурвича и Фанъ-Лейбу. Послѣдній завѣдывалъ также и чарочнымъ, въ родѣ секретнаго попечительства надъ подставнымъ отъ Рюмина же чарочнымъ комиссіонеромъ евреемъ Бульковштейномъ. Въ числѣ служителей откупа находился кассиромъ одинъ молодой человекъ Лавенецкій. Фанъ-Лейба съ нимъ не поладилъ и обвинилъ его въ захватѣ 800 р. откупныхъ суммъ. Лавенецкій говорилъ, что онъ взял эти деньги, въ счетъ жалованья, по *словесному* разрѣшенію Фанъ-Лейбы, а *письменнаго* ему Фанъ-Лейба не далъ, отозвавшись недостаткомъ времени. Посаженный въ острогъ, Лавенецкій объявилъ, что у него, какъ у бывшаго кассира, находятся письменные документы о стачкѣ обоихъ откуповъ, и что они хранятся у его сослуживца Макарова. Губернаторъ фонъ-Ховенъ поручилъ своему чиновнику особыхъ порученій Тергукасову произвести слѣдствіе, и, не смотря на всѣ происки Фанъ-Лейбы, Тергукасовъ представилъ дѣло Бибинову и Ховену не въ пользу откупа. Правитель канцеляріи Ховена, Блажеевскій, и полицмейстеръ фонъ-Зенгбушъ, хорошіе знакомые Фанъ-Лейбы, устроили такъ, что дѣло это отъ начальника губерніи было передано по *порядку* на разсмотрѣніе въ гродненское губернское правленіе. Съ совѣтникомъ и съ секретаремъ губернскаго правленія Фанъ-Лейба былъ

тоже въ дружбѣ; правленіе нашло дѣло *не помыливъ*, изготовило предписаніе полицмейстеру о дополненіи и передало его въ регистратуру, для записки въ исходящій журналъ. Регистраторъ Ушковскій, записалъ дѣло и, выходя изъ присутствія, встрѣтилъ *секретаря полицмейстера* Ярошевскаго, который и пригласилъ его какъ пріятеля, отправиться теперь-же за городъ на пикникъ. Это было въ рождественскій сочельникъ; на пикникъ присутствовалъ письмоводитель *полиціи* Малевичъ и нѣсколько *откупныхъ* служителей. Ушковскій воротясь домой въ 11 часовъ вечера, почувствовалъ боль въ желудкѣ, затѣмъ судороги — и къ утру умеръ. Тоже самое случилось и съ товарищемъ Лавенецкаго — Макаровымъ, которому были переданы обличительные противъ откупа документы. На другой день, въ Рождество, фонъ-Зенгбушъ, распечатывая поступившіе пакеты, вскрылъ откупное дѣло и—вмѣсто дѣла съ фактами противъ откупа, вытащилъ изъ конверта нѣсколько сожженныхъ листовъ толстой сахарной бумаги!...

По вскрытіи скоропостижно умершихъ, мѣстный уѣздный врачъ нашелъ въ желудкахъ обоихъ слѣды *стрихнина*. Тоже самое нашла губернская врачебная управа, — Бибиновъ подвергнулъ аресту письмоводителя Малевича и секретаря Ярошевскаго. При слѣдствіи въ квартирѣ Ярошевскаго были найдены стрихнинъ; на спросъ слѣдователей Ярошевскій отвѣчалъ, что стрихнинъ полученъ имъ отъ полицмейстера фонъ-Зенгбуша для истребленія расплодившихся въ городѣ во множествѣ собакъ и, кромѣ того, употребляется имъ и полицмейстеромъ для отравы лисицъ на охотѣ,—что вполне подтвердилъ и фонъ-Зенгбушъ. По домогательству послѣдняго, медицинскій департаментъ въ Петербургѣ вытребовалъ изъ гродненской врачебной управы остатки жидкостей изъ желудковъ умершихъ и, по тщательномъ испытаніи ихъ, нашелъ что въ нихъ не заключается слѣдовъ яда, а самыя жидкости уничтожилъ. Затѣмъ, дѣло объ отравленіи прекратилось, а дѣло объ утратѣ фактовъ до сихъ поръ ходитъ по присутственнымъ мѣстамъ.

Вмѣсто фонъ-дерь-Ховена въ Гроднѣ губернаторомъ бывший инспекторъ московскаго университета Шпееръ, сынъ котораго служилъ въ тамошней палатѣ государственныхъ имуществъ и, какъ говорятъ, обращаетъ особенное вниманіе на Бѣловѣжскую пущу. Самъ Шпееръ въ большой дружбѣ съ Фанъ-Лейбой. Фонъ-Зенгбушъ подвинулъ по службѣ обоихъ обвиненныхъ въ отравленіи, Малевича и Ярошевскаго, разбогатѣлъ и вышелъ въ отставку. Лавенецкій радъ что самъ выбрался цѣль и живетъ гдѣ-то, тише воды ниже травы, домашнимъ учителемъ. Вдовы и семейства скоропостижно умершихъ находятся въ крайней бѣдности.

ПАШИ КОНСУЛЫ.

О консулѣ Поповѣ въ Яссахъ намъ приходится говорить не въ первый разъ; мы знали его, какъ любителя и знатока лошадей (*Подъ Судъ, листъ 1*)—мы узнаемъ его съ другой интересной стороны.

Въ силу парижскаго трактата 1856, часть бессарабскихъ земель по лѣвую сторону Прута и Дуная отошла къ Молдавіи. Линейные казаки русскіе владѣли, въ районѣ этихъ земель, полями, которыя они обрабатывали для себя. Само собою разумѣется, что они, послѣ трактата, вознамѣнились продать ихъ. Казацкій генералъ Гангартъ пріѣзжалъ въ 1858 году въ

Яссы, чтобъ пайти покупщиковъ. Въ числѣ ихъ представился А. Бошета. Бошета купилъ на 57,472 р. с. земли, по условію, сдѣланному въ русскомъ консульствѣ. Но такъ какъ Гангартъ не имѣлъ съ собою всѣхъ необходимыхъ документовъ, то и было рѣшено, что онъ возвратится въ Россію и привезетъ ихъ въ продолженіи *шести недѣль*, а Бошета внесъ въ видѣ задатка 6,703 р. въ консульство.

По документамъ, привезеннымъ Гангартъ, оказалось, что земли эти были уступлены казакамъ на разныхъ условіяхъ въ пользу русскаго правительства, которыя переходили на покупателя; объ нихъ прежде не было говорено. Судъ отказался совершить купчую на этихъ основаніяхъ. Но консулъ Поповъ устранилъ всѣ затрудненія и далъ въ томъ свидѣтельство за No. 2,373, въ которомъ прямо сказано, что всѣ затрудненія со стороны *Россіи и Молдавіи* устранимы (*écartées*) дипломатическимъ путемъ и безспорно свободны (*dégagées et sans contestation*).

Логоветъ Бошета, которому Гангартъ предложилъ тотчасъ вступить во владѣніе, успокоенный деклараціей русскаго консула, внесъ 14,954 р., черезъ Попова, въ счетъ покупной суммы. Ожидая законнаго срока (шести мѣсяцевъ) для окончательнаго ввода во владѣніе, Гангартъ уѣхалъ. Но когда пришелъ срокъ, молдаванское правительство объявило, что всѣ обязательства, даже военное храненіе границы, соединенное съ владѣніемъ этихъ земель, переносятся на ихъ покупателя въ пользу молдаванскаго правительства. Такое нарушеніе главнаго условія заставило Бошета отказаться отъ покупки; въ этомъ ему никто не препятствовалъ; по когда онъ потребовалъ деньги, внесенныя имъ, ему ихъ ни консулъ, ни генералъ не отдали. Онъ жаловался и въ Бухарестъ генеральному консулу, и въ Константинополь послу, и наконецъ князю Горчакову—*нѣтъ отвѣта*. Засѣли денежки! Наконецъ онъ писалъ прошеніе къ государю—и государь не отвѣчаетъ.

А вѣдь не хорошо обирать иностранцевъ! Вы бы, князь Горчаковъ, заглялись этимъ дѣломъ. Да, кстати, изъ тѣхъ началъ *высокаго дипломатическаго приміія*, которое вамъ такъ знакомо со временъ талейрановскихъ обѣдовъ, запретите консуламъ снюхиваться съ полицейскими для открытія какъ *Колоколъ* посылается въ Россію. Во-первыхъ, шпионство не входитъ въ кругъ обязанностей торговаго маклера. Во-вторыхъ, намъ стыдно за почтенное званіе, напоминающее Тита-Ливія, Римъ, свободу.... когда какойнибудь полицейскій откажетъ отъ гнусной работы междунаrodnаго шпионства. А это можетъ случиться!

ВЕЛИКОРУССЪ.

2

Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ въ публикѣ по поводу вопросовъ, предложенныхъ въ *Великоруссѣ*, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

По первому вопросу.

Водвореніе законнаго порядка—общее желаніе просвѣщеныхъ людей. Большинство ихъ сознаетъ, что главнѣйшія условія для этого таковы: хорошее разрѣшеніе крѣпостнаго дѣла, освобожденіе Польши и конституція.

Помѣщичьи крестьяне, по своему понятію объ ожидаемой

думаетъ, что вся земля помѣстья должна перейти въ собственность крестьянъ, т. е. и земля бывшая въ пользованіи помѣщика; никакого выкупа за землю платитъ крестьяне не должны; помѣщики, потерявъ рѣшительно всю землю, удалятся изъ селъ въ города; вознагражденіе получать они отъ государства (по выраженію крестьянъ, царь возьметъ помѣщиковъ на свое жалованье). Партія, непремѣнно ждущая такого рѣшенія, очень многочисленна между крѣпостными крестьянами; она неизбѣжно возьметъ верхъ, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продолжится. Другая, такъ сказать умѣренная партія, полагаетъ, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какой они пользовались при крѣпостномъ правѣ, со всѣми угодьями, въ пользованіи которыми они участвовали, т. е. съ рыбными ловлями и частью лѣса; но земля, которою пользовался самъ помѣщикъ, можетъ по ихъ мнѣнію остаться за нимъ. О выкупѣ и эта партія думаетъ точно также какъ и первая, т. е. совершенно его отвергаетъ. Теперь эта умѣренная партія слабѣе первой, но можно надѣяться, что она привлечетъ къ себѣ всѣхъ крестьянъ, если вопросъ будетъ разрѣшенъ чисто въ ея духѣ. Эта надежда основывается на томъ, что крестьяне еще не организовались для общаго возстанія, эпохою котораго будетъ лѣто 1863 года, если весна его обманетъ ихъ. Но должно помнить, что выкупъ отвергаютъ единодушно всѣ крестьяне. О требованіи съ нихъ выкупа нечего и думать людямъ желающимъ, чтобы они остались довольны рѣшеніемъ вопроса. Если же крестьяне останутся недовольны, законный порядокъ не можетъ водвориться путемъ мирныхъ реформъ, потому что удерживать крестьянъ въ спокойствіи надобно будетъ, какъ теперь, военными мѣрами. А власть, дѣйствующая такими мѣрами противъ массы населенія, не будетъ соблюдать законности ни въ чемъ. Въ такомъ случаѣ законность будетъ введена только вслѣдствіе революціи.

И такъ для мирнаго водворенія законности, необходимо рѣшить крестьянскій вопросъ въ смыслѣ удовлетворительномъ по мнѣнію самихъ крестьянъ, т. е. государство должно отдать имъ по крайней мѣрѣ всѣ тѣ земли и угодья, которыми пользовались они при крѣпостномъ правѣ, и освободить ихъ отъ всякихъ особенныхъ платежей или повинностей за выкупъ, принявъ его на счетъ всей націи.

По той же самой причинѣ русскіе, приверженцы законности, должны требовать безусловнаго освобожденія Польши. Теперь стало ясно для всѣхъ, что власть наша надъ нею поддерживается только вооруженною рукою. А пока въ одной части государства власть надъ цивилизованнымъ народомъ держится системой военнаго деспотизма, правительство не можетъ отказаться отъ этой системы и въ остальныхъ частяхъ государства. Вспомнимъ слова Чатама при началѣ возстанія американскихъ колоній: “если англійское правительство подчинитъ деспотизму Америку, сама Англія подвергнется деспотизму” Потому онъ, вмѣстѣ со всѣми друзьями свободы въ Англіи, требовалъ, чтобы англійскія войска были выведены изъ недовольныхъ колоній. Точно также интересъ русской свободы требуетъ освобожденія Польши.

Наша народная гордость, любовь къ нашему народу и финансовый расчетъ требуютъ того же. Наша власть надъ Польшею основана только на томъ, что мы нарушили всѣ

условія, подъ которыми царство польское было соединено съ Россіей на вѣнскомъ конгрессѣ. Мы обязались тогда, что оно будетъ имѣть конституцію, полную независимость внутренняго управления и свою отдѣльную, чисто-національную армію. Мы измѣнили этому своему слову. Мы остаемся въ глазахъ всей Европы обманщиками.

Чтобы сохранять господство надъ Польшей, мы должны имѣть лишнихъ двѣсти тысячъ войска, тратить ежегодно по сорока милліоновъ нашихъ собственныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, которыя беремъ съ Польши. Наши финансы не придутъ въ порядокъ, пока мы будемъ дѣлать такую трату. Сотни тысячъ женщинъ, стариковъ и дѣтей остаются у насъ безъ средства къ жизни, потому что работники ихъ семействъ отведены на западъ—удерживать Польшу въ рабствѣ, столь разорительномъ для насъ.

Это разореніе мы будемъ терпѣть, пока не откажемся отъ Польши совершенно. Поляки неудовольствуются ничѣмъ кромѣ полной отдѣльности отъ насъ. Мы должны вовсе уйти изъ Польши, чтобы избавиться отъ разоренія. Если мы сдѣлаемъ это добровольно, поляки станутъ уважать насъ, какъ людей умныхъ, полюбить насъ, какъ людей честныхъ. Если мы не сдѣлаемъ этого сами, поляки все таки скоро освободятся: они ждутъ только перваго случая, чтобы возстать поголовно. И намъ не удастся подавить ихъ теперь, какъ при Паскевичѣ, потому что нѣтъ теперь въ Польшѣ внутренняго раздора, которому тогда мы были обязаны гибельнымъ для насъ торжествомъ. Польскіе патріоты рѣшили отдать крестьянамъ землю даромъ, не смотря на усилія нашего правительства раздувать вражду между сословіями въ Польшѣ; польскіе крестьяне знаютъ объ этомъ и одушевляются патріотизмомъ, и потому намъ теперь невозможно будетъ побѣдить польскаго возстанія.

И такъ вопросъ о Польшѣ для насъ русскихъ состоитъ только въ томъ, станемъ ли мы ждать, чтобы насъ съ позоромъ выгнали изъ Польши. Освободившаяся нація останется тогда враждебна намъ. Или мы будемъ такъ умны, что сами добровольно откажемся отъ владычества, разорительнаго для насъ, и сдѣлаемъ поляковъ вѣрными друзьями намъ.

Таже самая надобность уничтожить систему вооруженнаго насилія требуетъ, чтобы дана была населенію южной Руси полная свобода располагать своею судьбою по собственной волѣ. Теперь этотъ народъ еще не могъ высказать своихъ желаній. Но извѣстно, что онъ крайне недоволенъ нашимъ господствомъ. До какихъ бы требованій ни довело это недовольство, мы должны уступить имъ. Если онъ захочетъ отдѣлиться совершенно, пусть отдѣляется. Захочетъ-ли онъ этого—мы не знаемъ; да и самъ онъ едва-ли рѣшилъ это, при настоящей своей безгласности. Но, судя по живому чувству страданій отъ нашего деспотизма, должно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбѣ, онъ захочетъ отойти отъ насъ. Будемъ готовы и на такое рѣшеніе. Мы, великоруссы, достаточно сильны, чтобы остаться одними, имѣя въ самихъ себѣ всѣ элементы національнаго могущества. Гордые своею силою, мы не имѣемъ низкой пужды искать, по примѣру Австріи, вреднаго для насъ самихъ искусственнаго могущества въ насильственномъ удерживаніи другихъ цивилизованныхъ племенъ въ составѣ нашего государства. Мы можемъ вполне признать права національностей. Мы необходимо должны это сдѣлать, чтобы ввести и упрочить у себя

свободу. Вотъ объясненіе имени, посвятаго пашею газетою. По вопросу о южной Руси еще только возбуждаемъ мы сами, предлагая его на разсмотрѣніе южно-руссовъ. Вопросъ о Польшѣ уже требуетъ немедленнаго практическаго рѣшенія. Оно: выводъ нашихъ войскъ изъ Польши и всѣхъ земель, гдѣ масса народа или говоритъ по польски, или привязана къ прежней униатской вѣрѣ, потому что во всѣхъ этихъ мѣстахъ народъ имѣетъ, если не имя поляковъ, то польскій духъ.

Еще не всѣ либеральные русскіе убѣждены въ необходимости такого рѣшенія крестьянскаго и польскаго вопросовъ; нѣкоторые думаютъ ограничиться половинными уступками. Такіе взгляды оставляютъ безъ вниманія связь этихъ вопросовъ съ конституціоннымъ. Разсмотрѣвъ-же ихъ по отношенію къ этому коренному дѣлу, нельзя не видѣть, что никакое рѣшеніе ихъ, кромѣ изложеннаго, не ведетъ къ главной цѣли—упроченію конституціи у насъ. Это желаніе либеральныхъ русскихъ можетъ исполниться только при полномъ удовлетвореніи поляковъ и крѣпостныхъ крестьянъ: если останется надобность подавлять тѣхъ или другихъ оружіемъ, законный порядокъ невозможенъ у насъ самихъ. Эту точку зрѣнія комитетъ настоятельно рекомендуетъ вниманію русскихъ конституціонистовъ.

Всѣ согласны въ томъ, какія черты законнаго порядка должна установить конституція. Главныя изъ нихъ: отвѣтственность министровъ, вотированіе бюджета, судъ присяжныхъ, свобода исповѣданій, свобода печати, уничтоженіе сословныхъ привилегій, самоуправленіе по областнымъ и общиннымъ дѣламъ. Но чего требовать? Того, чтобы государь даровалъ конституцію, или, чтобы онъ предоставилъ націю составить ее? Правительство не умѣетъ порядочно написать даже обыкновеннаго указа; тѣмъ менѣе сумѣло бы оно составить хорошую конституцію, еслибы и захотѣло. Но оно хочетъ сохранить произволъ; потому подъ именемъ конституціи, издало бы оно только актъ, сохраняющій, при новыхъ словахъ, прежнее самовластіе. И такъ требовать надобно, не октроированія конституціи, а созванія депутатовъ для свободнаго ея составленія. Для выбора представителей пужны: свобода печати; право популярнымъ людямъ составить изъ себя въ каждой губерніи распорядительный комитетъ, съ подчиненіемъ ему всѣхъ губерцкихъ властей, составленіе временнаго избирательнаго закона популярными лицами, которыхъ укажетъ голосъ публики.

Слѣдующій номеръ *Великорусса*, изложивъ выводы изъ мнѣній, высказываемыхъ по вопросу о династии, представитъ на разсмотрѣніе публики способъ дѣйствій, наиболее сообразный съ нынѣшнимъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія.

С М Ъ С Ъ.

— *Крестьянскія дѣла*: Губернскія учрежденія по крестьянскому дѣлу приносятъ свои ожидаемые плоды. Если и найдутся хорошіе мировые посредники, то имъ не совладать съ губернскимъ присутствіемъ. Большинство же мировыхъ посредниковъ не можетъ не быть плохо; а губернскимъ присутствіямъ не съ чего быть добросовѣстными. Вотъ что намъ пишутъ:

“Бѣдные крестьяне наши съ новымъ положеніемъ очень мало выиграли; если теперь помѣщикъ не смѣетъ бить

крестьянина въ усь да рыло, за то есть другія средства гораздо тяжелѣе крестьянину, на пр. въ псковской губерніи, для торопецкаго уѣзда, назначены губернскимъ комитетомъ урочныя работы : каждая женщина должна пахать въ день 100 сноповъ вязью, т. е. въ окружности въ аршинъ съ четвертью; это едва, едва можетъ сдѣлать самая здоровая и расторопная и только если хлѣбъ очень густъ, а въ противномъ случаѣ будетъ работать до изнеможения и то очень рѣдко успѣетъ; а женщина съ груднымъ ребенкомъ рѣшительно не можетъ выполнить этого. Все-же недостающее количество она должна доживать въ свои дни, такъ что вмѣсто двухъ дней, ей приходится работать чуть-ли не болѣе прежняго. Сѣнокосную десятину должны выкосить три мужика въ день, это точно также невозможно сдѣлать даже при хорошей мягкой травѣ, на ровномъ лугу; а тѣмъ болѣе въ мѣстности, гдѣ сѣнокосы разбросаны большей частью между папьями по косогорамъ, или между кустами и въ кочкахъ. Мы только для примѣра беремъ два пункта изъ урочнаго положенія, но оно все въ этомъ родѣ. Если крестьянинъ не выполнитъ урока, помѣщикъ посылаетъ его къ мировому посреднику, куда онъ долженъ идти въ свои дни, бросая свою работу, въ надеждѣ, что его тамъ вздуютъ. Сверхъ того крестьяне (хозлевы) должны исправлять дороги. Торопецкій исправникъ Кутузовъ, для проѣзда губернатора Муравьева, продержалъ мужичковъ на дорогахъ по недѣлѣ, сравнивая колесъ и строя новые перильцы на мостикахъ, въ Юлѣ мѣсяцѣ, т. е. въ самое рабочее время, а послѣ того полили дожди и дорога сдѣлалась такая какъ была прежде.

У помѣщика Петра Алек. Юренева, крестьяне, вслѣдствіе недоразумѣнія, заспорили и не пошли на работу; онъ пригласилъ исправника, а тотъ земскую полицію и Кутузовъ отправляясь изъ Торопца говорилъ : “дамъ же я знать себя этимъ мерзавцамъ, за то, что беспокоятъ меня по этимъ дорогамъ”. Конечъ дѣла намъ неизвѣстны.

— *Nicolaï l'oiseleur, ловецъ душъ крестьянскихъ.* Въ минской губерніи находится имѣніе Борисовщина, принадлежавшее князю Радзивилу, и недавно купленное для великаго князя Николая Николаевича. Когда въ нынѣшнемъ году было обнародовано Положеніе объ освобожденіи крестьянъ, то управляющій этимъ помѣтіемъ отъ имени Николая Николаевича, Кофъ, собравъ крестьянъ, приказалъ имъ подписывать листы бѣлой бумаги, не сообщая содержанія акта, для котораго ихъ подписи были потребованы. Число подписавшихся дошло уже почти до 500 человекъ, когда наконецъ крестьянамъ сдѣлалось извѣстно, что актъ этотъ есть просьба государю объ оставленіи ихъ и ихъ потомковъ, на вѣчныя времена въ барщинномъ положеніи, вслѣдствіе того будто бы обстоятельства, что положеніе крестьянъ этого имѣнія, какъ оно устроено нынѣ, есть для нихъ самое выгодное и почетное.

Лишь только крестьяне узнали содержаніе акта, то тотчасъ перестали подписываться и стали даже требовать уничто-

женія данныхъ уже подписей; обстоятельство это взволновало все начальство минской губерніи. Фактъ этотъ совершенно достоверенъ; окончаніе же этой грустной исторіи неизвѣстно.

Желательно, чтобы минскіе читатели *Колокола* сообщили Редакціи недостающія подробности; дѣло того заслуживаетъ.

— *Олегъ и Андреевъ.*—Мы получили письмо, рассказывающее о свирѣномъ управленіи фрегатомъ *Олегъ*. Подробности не помѣщаемъ—все то же гнусное, безчеловѣчное, нѣмецко-монгольское управленіе, о которомъ мы сколько разъ говорили, ливки, *собственноручныя* побои командира (Андреева), ругательства офицеровъ и штурмана, утонченная роскошь наказаній—и *немного побольше*. Вотъ это-то немного побольше, мы выписываемъ изъ письма : “Во время стоянки въ Февралѣ мѣсяцѣ, на вилафранкскомъ рейдѣ, командиръ приказалъ поднять реи и когда онѣ еще не были поставлены на мѣстѣ, скомандовалъ : “ворочать реи.” Два матроса, бывшіе на ногахъ, были жертвою смерти ; у одного изъ нихъ кость правой руки вошла въ палубу. Такихъ случаевъ въ Вилафранкѣ было три.” Далѣе слѣдуетъ рассказъ о томъ, какъ, тамъ-же, не смотря на мѣніе русскаго консула, штурмана, лоцмана, онъ такъ ловко поставилъ фрегатъ, что его въ бурю напесю на мель и волнами сильно повредило. Въ чемъ, впрочемъ, Андреевъ былъ оправданъ покровительствомъ адмирала Попова.

Когда же желанія Константина Николаевича и *Морскаго Сборника* перестанутъ быть несбыточными мечтами ?

— *За что Путятинъ ?*

Онъ противъ : воскресныхъ школъ,
открытыхъ заведений,
аепскаго образованія,
свѣтской науки.

Говорятъ, что онъ англоманъ, какъ Дербн или издатель *Русскаго Вѣстника*. Но видно, онъ изучалъ Англію только въ докахъ, а то онъ зналъ бы, что здѣсь никто не мѣшаетъ женщинамъ учиться медицинѣ—а онъ мѣшаетъ. Недавно харьковской университетъ просилъ разрѣшенія для одной дѣвчцы дозволить выслушать курсъ медицины и удостоить степени лекаря. Всѣ члены главнаго правленія училищъ согласились на это; одинъ Путятинъ былъ противъ и чтобы затянуть дѣло, приказалъ послать его на разсмотрѣніе совѣтовъ всѣхъ университетовъ.

Какая это англоманія—это чистая Япоція.

— *Нѣмцы радуются—исъ, исъ!*—Съ той проникательностью, которую даютъ самому тупому человѣку ненависть и страхъ, *Аугсбургская газета* (Beilage, No. 270), говоря о льготахъ, данныхъ на Кавказѣ казакамъ, съ восхищеніемъ прибавляетъ, что этими *льготами* “правительство подрываетъ корень казачества.” Das ist bedenklich!

ПЕТЕРБУРГСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ЗАКРЫТЬ!

..... "Новое начальство повернуло круто: на лекціи студентовъ велѣно пускать по билетамъ, не-студентамъ запрещено слушать лекціи, запрещены сходки, хотѣли уничтожить библіотеку и т. п. Студенты собрались въ залѣ, не смотря на запертыя двери, пригласили проректора Срезневскаго и выразили свое неудовольствіе. 24 Сент. [6 Октября] объявлено, что университетъ закрыть впредь до приказанія. На другой день всѣ студенты (до 1500 человекъ) собрались на Владимірской передъ квартирой Филипсона, требуя его. Но внезапно явился Игнатъевъ со взводомъ гвардейскаго экипажа. Филипсонъ вышелъ въ полномъ мундирѣ и предложилъ студентамъ отправиться въ университетъ, пойдя съ ними пѣшкомъ. Къ нимъ присоединилась громадная толпа. Филипсонъ, уставши, поѣхалъ. Когда пришли къ университету, явились конные жандармы, пожарная команда съ топорами и полицейскіе. Студенты держали себя совершенно спокойно. Жандармскій офицеръ обнажилъ саблю, два жандарма готовы были вѣзаться въ толпу. Шуваловъ съ братіей остановили ихъ. Подошли депутаты отъ студентовъ. Въ эту минуту явился Игнатъевъ, говоря: "все готово, можно дѣйствовать". Филипсонъ отвѣчалъ, что знаетъ по Кавказу, какъ подобными средствами несчастіе сдѣлаешь, а молодежи не остановишь. Одинъ изъ депутатовъ сказалъ: "Не нужно войскъ, я отвѣчаю за порядокъ". Игнатъевъ настаивалъ, что Филипсонъ не имѣетъ права объясниться съ студентами, но тотъ принялъ отвѣтственность на себя и обѣщалъ, что библіотека откроется немедленно, а лекціи 2/14 Октября, и что къ тому времени составятся новыя правила. Студенты обѣщали быть спокойны. Порядокъ со стороны молодежи былъ замѣчательный; толпа оказывала ей сочувствіе. Было множество офицеровъ, одного хотѣли арестовать, но вѣстояли. Одинъ солдатъ гвард. экипажа толкнулъ студента; студентъ сказалъ: "не стыдно-ли — ты вооруженъ, а толкаешь безоружнаго"... солдатъ покраснѣлъ. Одинъ штабъ-офицеръ сильно потрясъ за руку городского: "что, братъ, воевать пришелъ?" — "Что дѣлать ваше высокоблагородіе — приказываютъ!" отвѣчалъ городской. — Мужикъ говорилъ другому: "сивія-то фуражки бунтуютъ!" — и получилъ въ отвѣтъ: "А чтожь имъ дѣлать, коли ихъ заведеніе закрыли!" — Войска въ столицѣ почти не было, солдаты были распущены на работы; ихъ позвали по телеграфу."

И такъ университетъ закрыть! Правительство—противъ просвѣщенія и свободы, и не умѣетъ уступить во время. Мы пророчили ему паденіе во второй срокъ переходнаго положенія; кажегся, мы ошиблись — оно будетъ гораздо прежде.

— *Человѣкъ рожденный быть товарищемъ.* — A qui est-ce que j'ai l'honneur de parler, à vous, ou à Mr. votre frère?
— A mon frère, monsieur.

Мухановъ, бывшій товарищъ просвѣщенія, сдѣлался товарищемъ иностранныхъ дѣлъ. Самоотверженный человекъ, начавшій съ того, что рѣзалъ дичь для другихъ, долженъ умереть товарищемъ кого нибудь. Князь Горчаковъ, выдумавшій Муханова, очень постояненъ въ своихъ ибжннхъ чувствахъ. Иностранцѣ ли отъ этого пойдетъ министерство — не знаемъ.

Вы точь въ точь двойной орѣшекъ
Подъ одною скорлупой.

польскимъ изгнанникамъ въ Генуѣ.

Возвратясь изъ Девоншира, я нашелъ братскій адресъ, присланный мнѣ отъ польскихъ изгнанниковъ въ Генуѣ. Благородный, симпатическій языкъ ихъ глубоко тронулъ меня. Благодарю польскихъ братій... отъ всей души. Они вѣрятъ, что освобожденіе Польши одинъ изъ нашихъ догматовъ; но пусть же они еще болѣе вѣрятъ, что русскій народъ не виноватъ въ ихъ бѣдствіяхъ и что онъ также страдаетъ подъ тѣмъ же игомъ!
И—ръ.

— *Антропологъ Гладинъ и Саратовскій Игнатъевъ.* — Говорятъ, что министръ Сухозанетъ былъ добрый человекъ, на чемъ это основано? Въ Польшѣ онъ себя показалъ неспособнымъ человекомъ, въ военномъ министерствѣ—тоже. "Но сердце, но преданность государю?" — Сумѣваемся! Сухозанетъ употреблялъ свое вліяніе на защиту и укрывательство самыхъ страшныхъ гнусностей. Вотъ примѣръ. Въ русскихъ газетахъ много говорили о подрядчикѣ Волго-Донской желѣзной дороги Гладинѣ, который морилъ рабочихъ голодомъ, обременялъ трудами свыше силъ и т. п. Рабочіе пустились бѣжать цѣлыми партіями, Гладинъ обратился къ саратовскому губернатору Игнатъеву, и тотъ сталъ злодѣйски преслѣдовать несчастныхъ, бѣжавшихъ отъ голодной смерти. Полиція гонялась за ними. Ихъ ловили, запирали въ острогъ, сѣкли. Въ Царицынѣ по распоряженію Игнатъева завелись постоянныя экзекуціи и пытки. Все это обнаружено флигель-адъютантомъ Рыльевымъ и дѣйствит. статскимъ совѣтникомъ Арсеньевымъ. Комитетъ министровъ хотѣлъ уволить Игнатъева, но Сухозанетъ, по родственнымъ съ нимъ связямъ, отстоялъ. Предоставили м. в. д. потребовать отъ Игнатъева объясненіе и внести снова дѣло въ комитетъ... разумѣется оно кончится ничѣмъ, тѣмъ болѣе, что Игнатъевъ человекъ неразборчивый. На требованіе точныхъ копій съ данныхъ имъ предписаній и другихъ бумагъ, онъ доставлялъ Арсеньеву фальшивыя, исправляя каждую сообразно своимъ видамъ.

Гладинымъ можно еще пожить на Руси, пока не вымерли Сухозанеты.

— *Въ защиту г. Чилева.* — Мы получили письмо, въ которомъ корреспондентъ, подписавшій свое письмо и служившій десять лѣтъ на Кавказѣ, проситъ насъ напечатать, что отзывъ автора статьи о Мингрелии (*Подъ Судъ, листъ 12* о г. Чилевѣ "рѣзокъ, обиденъ и неоснователенъ.") "Г. Чилевъ — продолжаетъ корреспондентъ "на Кавказѣ не нуждался бы въ моей защитѣ, но за границей, я считаю долгомъ передать вамъ мое мнѣніе и увѣрить васъ, что оно вполне согласно съ общественнымъ мнѣніемъ на Кавказѣ."

— *На счетъ главнаго общества желѣзныхъ дорогъ и молчаливости журналовъ.* Отъ чего одинъ *Ивалидъ* говоритъ горькія истины о *Главномъ обществѣ желѣзныхъ дорогъ*? Отъ чего молчатъ *Спб. Вѣдомости*, отъ чего не громитъ *Сѣверная Пчела*, отъ чего цензура защищаетъ это общество съ остервененіемъ, а важныя особы съ ибжннхъ ревностью? *Сколько тысячъ...* резонновъ мы ни придумываемъ, не можемъ догадаться. Кто вамъ разгадаетъ это, не самъ-ли Перейра, или не самъ-ли Данзасъ, (la grande caracité совѣта, составленнаго изъ кн. Оболенскаго, гр. Бобринскаго, флигель-адъютанта Полежаева), можетъ русскій Колинъонъ-Абаза, или французскій Абаза-Колинъонъ?

Можетъ у нихъ дѣла идуть прекрасно (не даромъ совѣтъ самъ себѣ вотировалъ благодарность) да вѣдь не тайное-же общество—это явное общество. Намъ бы очень хотѣлось все это разъяснить, а то у Елены Павловны (довѣритель Абаза), у Маріи Пшколаевны (довѣритель Вепевитиновъ), у принца Петра Ольденбургскаго (какой-то чиновникъ)—столько акцій, что они пожалуй и проиграются, ну оно намъ вѣрноподданымъ и жалъ Успокойте же насъ отцы родные!

Отпечатано въ Вольномъ Русскомъ Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonia Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 п.ч.овъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 110.

1 Ноября 1861.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Исполнѣ просыпается—Правительственные проекты—Дебюты Путятина—Шляхетныя статьи и письма въ
русскихъ журналахъ. Смѣсь : О прикрѣпленіи крестьянъ къ свободѣ—Ветвицкій и Исватъевъ—Клевета на поляковъ—
Великорусскъ въ ученой Москвѣ—Консульство и Н. Огаревъ—Артиллерія и Лицей—Посвященіе.

ИСПОЛНѢ ПРОСЫПАЕТСЯ!

Да, спящій “Сѣверный Колоссъ,” “Исполнѣ, царю
послушный” просыпается и вовсе не такимъ послушнымъ,
какъ во времена Гавриила Романовича Державина.

Добраго утра тебѣ—пора, пора! богатырской былъ твой
сонъ—пу и проснись богатыремъ! Потянись во всю длину
молодецкую, вздохни свѣжимъ, утреннимъ воздухомъ, да и
чихни—чтобъ спугнуть всю эту стаю совѣ, воронѣ, вампировѣ,
Путятинныхъ, Муравьевыхъ, Игнатъевыхъ и другихъ нето-
пырей; *ты* просыпаешься—пора *имѣ* на покой. Есть
нечистота движущаяся—всѣ эти прусаки, бого-мокрицы,
насѣкомыя лишенные крыль, но не лишенные апегита,
несовмѣстныя съ дневнымъ свѣтомъ. Чихни, исполнѣ—
и огъ нихъ слѣда не останется, кромѣ несмываемыхъ пятенъ
польской и крестьянской крови!

Господи, какой жалкой и смѣшной видѣ у этого грознаго
правительства! Куда дѣлась его вахмистрская наружность, его
фельдфебельская выправка, гдѣ его сипло-армейскій голосъ,
которымъ оно тридцать лѣтъ кричало: “Въ гробъ заколочу
Демосоепа!”—Что, служивый, видно не тѣ времена, да и не
тѣ силы, широко тебѣ сталъ мундиръ, насунулась каска на
глаза.... Ступай, кавалеръ, въ больницу, не то въ инвалидъ!

Да что же случилось, отчего оно такъ оторопѣло? Революція,
что-ли? Филаретъ взбунтовалъ Москву? Петръ Ольденбург-
скій провозглашенъ императоромъ въ школѣ правовѣденія?
Отгадайте! А пока, возьмите *Теймсъ* и читайте его превос-
ходныя корреспонденціи.

Императоръ въ Ливадіи*. Петербургомъ управляетъ
комитетъ общественнаго спасенія, состоящій изъ Николая
Николаевича и Михаила Николаевича; чтобъ Горчаковъ не
посоветовалъ имъ чего нибудь дѣльнаго, при нихъ поставленъ
умоотводомъ Игнатъевъ-Мальковскій. На улицахъ солдаты,
жандармы, Шуваловы, яковинскій генералъ Бистромъ возму-
щаютъ солдатъ рѣчью самаго краснаго санкюлотизма: “Изъ
нихъ—говоритъ онъ, указывая на безоружныхъ юношей—
мыйдутъ со временемъ подьячіе, подьячіе, которые грабятъ
ишѣ, которые грабятъ народъ—дадимъ имъ урокъ!” Паткуль

* Ливадія куплена у гр. Потоцкой за 300,000 рублей, не смотря на то, что
рядомъ съ Ливадіей лежитъ Орландо построенная на счетъ народнаго пота....
А поморять, что денегъ нѣтъ!

Годъ V.

скачетъ на право, скачетъ на лѣво, одну лошадь заѣздилъ,
другую заѣзжаетъ. Михаилъ Николаевичъ спрашиваетъ Нико-
лая Николаевича: зачѣмъ Паткуль скачетъ? Николай Нико-
лаевичъ, вставшій съ первыми пѣтухами, по общей любви
къ курамъ, говоритъ Михаилу Николаевичу, что онъ не
знаетъ зачѣмъ Паткуль скачетъ, но что должно быть *это*
возстаніе. Тотъ (или этотъ) говоритъ, десять полковъ и онъ
усмирить... Кого? Гдѣ непріятельскія войска?

На университетскомъ дворѣ.

Грубое правительство, напуганное выжившимъ изъ ума
Строгоновымъ—рядомъ мелкихъ преслѣдованій и униженій,
начало оскорблять университеты: назначеніемъ Путятина,
школьными стѣсненіями, бездушнымъ отталкиваніемъ неиму-
щихъ. Студенты петербургскаго университета избрали депу-
татовъ и поручили имъ довести до начальства ихъ протестъ.
Начальство поступило съ ними въ томъ родѣ, какъ посту-
пали дикіе на сандвичевыхъ островахъ съ парламенте-
рами, въ томъ родѣ, какъ Петръ *большой* поступилъ съ
Полуботкомъ, а Николай *длинный* съ депутатами отъ старо-
русскихъ солдатъ, т. е. вопреки всякому понятію чести и
нравственному стыду, захватило ихъ. Студенты рѣшились
просить освобожденія своихъ товарищей—и вотъ отчего
Бистромъ-Сантеръ бунтовалъ солдатъ, натравливая ихъ на
другія сословія, Паткуль надорвалъ двухъ лошадей, а
Игнатъевъ-Мальковскій шепталъ Филипсону: “*Все готово,*
можно начинать!” Что начинать? бойню юношей, рѣзню
на университетскомъ дворѣ?... Что къ этому прибавлять!

Но гдѣ же былъ, что дѣлалъ, что сказалъ душевспасительнаго
нашъ японецъ, нашъ океанидъ, бого и человѣкоугодникъ
Путятинъ? Отчего онъ не ѣздилъ на шлюпкѣ съ Сергіевскимъ
взадъ и впередъ по Невѣ и Мойкѣ, въ то время когда Паткуль
замыливалъ втораго жеребца? Онъ былъ гдѣ-то ‘подъ полой’
скрытъ отъ глазъ пациента, какъ ножъ или пила передъ
хирургической операцией. Какъ безвозвратно запятвалъ себя
этотъ человѣкъ, какъ быстро сѣлъ на мель грязи этотъ шкиперъ
просвѣщенія!

О Филаретъ, высокопреосвященнѣйшій Филаретъ! какой
нехристіанскій совѣтъ далъ ты на старости святительства твоего
кораблевождицѣ японійской; безъ твоего архипастырскаго
благословенія жилъ бы онъ себѣ мирно и безвозвратно въ

Лондонъ комиссіонеромъ и купчиною адмиральтейства и кротко возносилъ бы мольбы свои къ подножію престола всевышняго между заказами снастей корабельныхъ и ихъ приѣмомъ—а теперь, всѣхъ водъ, соленыхъ и прѣсныхъ, отъ береговъ синайскихъ до водохранилищъ мытищенскихъ, не долѣтъ на омовеніе человѣка, принявшаго на себя величайшее преступленіе, преступленіе противъ духа, противъ просвѣщенія...

Въ Россіи закрыты университеты — въ Польшѣ церкви сами закрылись, оскверненныя полиціей. Ни свѣта разума, ни свѣта религіи! Куда они хотятъ вести насъ въ потьмахъ? Они сошли съ ума — долой ихъ съ козель, если не хотите съ ними грохнуться о землю!

Но куда же вамъ дѣться, юноши, отъ которыхъ заперли науку?... Сказать вамъ куда?

Прислушайтесь—благо тьма не мѣшаетъ слушать—со всѣхъ сторонъ огромной родины нашей: съ Дона и Урала, съ Волги и Днѣпра, растетъ етоть, поднимается ропоть—это начальный ревъ морской волны, которая закипаетъ, чреватая бурями, послѣ страшно утомительнаго штиля. Въ народъ! къ народу!—вотъ ваше мѣсто изгнанники науки, покажите этимъ Бистромамъ, что изъ васъ выйдутъ не *подьячіе*, а воины, нове безродные наемники, а воины народа русскаго!

Хвала вамъ! вы начинаете новую эпоху, вы поняли, что время шептанья, дальнихъ намековъ, запрещенныхъ книгъ, проходить. Вы *тайно* еще печатаете дома, но *явно* протестуете. Хвала вамъ, меньшіе братья, и наше дальнейшее благословеніе! О, еслибъ вы знали, какъ билось сердце, какъ слезы готовы были литься—когда мы читали *о студентскомъ днѣ въ Петербургѣ!*

Искандеръ.

22 Октября 1861.

P. S. Статья эта была написана когда мы прочли въ *Теймсъ* (отъ 22 Октября) такое гнусное, такое подлое злодѣйство, что — при всей нашей безпредѣльной вѣрѣ въ безправственность петербургскаго управленія — мы почти усомнились. *Тайная полиція* разослала подложныя приглашенія студентамъ собраться на площади, для того, чтобъ ихъ переловить; но студенты догадались и не пошли. Можно ли послѣ этого дивиться якобинской рѣчи Бистрома и тому, что онъ не подѣ судомъ за эту рѣчь, тому, что III Отдѣленіе ласкало мысль украсть меня у Англіи изъ кармана, или прирѣзать изъ за угла, тому, что при арестѣ Михайлова,* жандармы явились съ блядами (не краснѣйте Шуваловъ, не краснѣйте Паткуль, не краснѣйте Игнатьевъ, слово далеко не такъ позорно, какъ *дѣло*) которыми поручили обыскивать дамъ.

И эту сволочь плутовъ, разбойниковъ и блядей, мы должны принимать за правительство!

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЭКТЫ.

Разъ потрясенное зданіе необходимо требуетъ перестроенія; съ самаго поднятія крестьянскаго вопроса правительство невольно вовлечено къ составленію проэктвъ преобразованій. Одинъ проэктъ слѣдуетъ за другимъ, но — къ сожалѣнію —

* Михайловъ, Перцовъ, и офицеръ Ростожаровъ были арестованы по дѣлу "Великорусса" и тайныхъ типографій. Times говоритъ, что Краевскій, графъ Куселевъ-Безбородко и Громека подавали какой-то протестъ протавъ незаконнаго ареста Михайлова; намъ очень бы хотѣлось узнать подробности объ этомъ дѣлѣ.

безъ общей связи, безъ ясной цѣли, безъ яснаго взгляда на зданіе, требующее перестройки, и потому безъ пониманія того, что нужно преобразовать, какъ и для чего. Послѣдствительности нѣтъ. Мелькаютъ кое-гдѣ научныя, затверженныя предразсудки, безъ прямого наблюденія общественной жизни; въ сущности всѣ проэктъ выходятъ изъ привычки къ канцелярскому веденію дѣлъ, всѣ примыкаютъ къ нему, и кромѣ его нѣтъ у нихъ иного руководства. Внутри всѣхъ лежитъ мысль продолжать, въ преобразованіяхъ, управленіе государствомъ, подштопываніе дыръ и вставку новыхъ заплатъ— посредствомъ правительственной канцеляріи, посредствомъ сочиненія законовъ въ министерскихъ, кабинетскихъ и совѣтскихъ канцеляріяхъ, и приведенія ихъ въ исполненіе канцеляріями разныхъ подвѣдомственныхъ присутствій. Петербургское чиновничество, сочиняетъ законы; глава всего чиновничества, первый чиновникъ въ государствѣ — государь—подписываетъ; губернское чиновничество приказываетъ неслужащему міру исполнять, приглашая къ себѣ на помощь или военную силу, или розги и острогъ, или только окрикъ и угрозу. Точно будто главное дѣло существованіе и движеніе чиновничества, а остальное народонаселеніе въ государствѣ—такъ — призракъ, который самъ по себѣ ничего, и можетъ быть создаваемъ чиновничьей мечтой, куда бы еѣ не выперло. Съ этой точки зрѣнія было ведено все крестьянское дѣло. Началось оно очень естественно—съ сознанія необходимости уничтожить крѣпостное право, потому что иначе — не сегодня - завтра — дошло бы до взрыва. "Лучше чтобъ освобожденіе совершилось сверху, чѣмъ снизу" — это сдѣлалось любимой поговоркой государя, добродушно желавшаго добра. Стало заключеніе было: "надо освободить крестьянъ." Но въ то же время государь, добродушно желавшій добра, принялъ къ сердцу мысль, что онъ "первый дворянинъ въ государствѣ." И это сдѣлалось любимой поговоркой. Стало надо было освободить крестьянъ такъ, чтобъ дворянамъ было выгодно. Первое искаженіе задачи! Вопросъ былъ уже не въ томъ, какъ освободить народъ сообразно его потребностямъ, а какъ измѣнить крѣпостное право съ выгодой для дворянства. У кого же спросить объ этомъ? Разумѣется, спросить у дворянства. У народа уже и потому нечего спрашивать, что онъ необразованъ. Никому не пришло въ голову, что, на примѣръ, киргизы — гораздо необразованнѣе русскихъ мужиковъ, а для того чтобъ улучшить ихъ бытъ, непременно надо у нихъ спросить—чего имъ надо; и только когда имъ дадутъ средства имѣть что имъ надо, они подумаютъ о томъ, нельзя ли устроиться еще получше; все развитіе основано на удовлетвореніи дѣйствительныхъ потребностей, послѣ чего возникаютъ потребности новыя. Если такой способъ справедливъ для киргизовъ, то не могъ онъ быть меньше справедливъ для русскихъ мужиковъ, которые соединены въ осыдое населеніе, имѣющее свой обычай и свои понятія объ общественномъ устройствѣ (т. е. свою цивилизацію). Но первый дворянинъ рѣшилъ, спросить только у дворянства; спросили у дворянства. Чтобы дворянство отвѣчало, надо чтобъ кто-нибудь слушалъ. Составился правительственный, т. е. чиновничій комитетъ, который, самъ слишкомъ высоко поставленный, чтобъ понимать дѣло, снарядилъ комиссію. Комиссіи должны были сами сочинять проэктъ, и слушать что скажетъ дворянство. Онѣ не принадлежали къ дворянству уже потому, что должны были слушать что оно говоритъ; они

не принадлежатъ къ народу, потому что они даже не были обязаны ни спрашивать, ни выслушивать того, что скажетъ народъ. Комиссіи были чиновникъ, комиссіи были канцелярія, комиссіи сами сочиняли. Между сочиненіями комиссій и сочиненіями дворянства—вышла разногласица; народъ остался въ сторонѣ, хотя собственно о немъ и шла дѣло. Но какъ-же покончить разногласицу? Комиссіи были назначены начальствомъ; стало, нельзя дать сочиненіямъ дворянства верхъ падъ сочиненіями начальства; чтожь бы это вышло за начальство? И вотъ первый дворянинъ въ государствѣ понялъ, что онъ сверхъ того первый чиновникъ въ государствѣ, и что въ этомъ-то вся и сущность дѣла. Такимъ образомъ вышло канцелярское положеніе о крестьянахъ. Государь, добродушно желавшій добра, утвердилъ путаницу, потому что эта путаница сочиненіе чиновничье, а онъ первый чиновникъ въ государствѣ.

Мы за тѣмъ помянули весь ходъ дѣла, что тутъ заключается примѣрный способъ всѣхъ правительственныхъ дѣйствій, а слѣдственно и составленія проектовъ. Этотъ способъ очень своеобразенъ и состоитъ въ слѣдующемъ: 1) Не спрашивать совѣта у тѣхъ, до кого дѣло касается; 2) спросить совѣта у тѣхъ, которые въ дѣлѣ заинтересованы своекорыстно и слѣдственно дадутъ совѣтъ односторонній и ложный; 3) спросивъ этого совѣта, не слѣдовать ему, (что еще не бѣда)—а выдумать—что уже большая бѣда—выдумать ни къ чему не прилагаемый, но до мелочи подробный свой собственный законъ, выдумать его гдѣ-нибудь въ канцеляріи, провести черезъ государственный совѣтъ, по большинству или по меньшинству голосовъ, и приказать исполнить по всей имперіи. А за тѣмъ государь, добродушно желавшій добра, приказываетъ проливать кровь и наказывать безъ суда.

Этотъ способъ дѣйствій, составленія и исполненія проектовъ имѣетъ разные отбѣнки, смотря по вѣдомствамъ. Такимъ образомъ министерство, гдѣ, изъ всего чиновничьяго міра наибольшее число ученыхъ, специально занимавшихся наукою, а именно, министерство финансовъ, не спрашивая въ своихъ проектахъ совѣта у людей, до которыхъ эти проекты относятся, спрашиваетъ совѣта у литературы, подчиняется гласности, требуетъ печатныхъ критикъ и возраженій; за тѣмъ этихъ возраженій не слушаетъ, добивается исполненія своихъ проектовъ и приходитъ къ неудачѣ, за ихъ неисполнимостью. Это случилось съ ученымъ усиліемъ водворить частный поземельный кредитъ, который не водворился, и который министерство финансовъ и не пустило бы въ ходъ, еслибъ выводило свои проекты не книжно, а изъ живаго наблюденія; по дорогѣ оно уничтожило единственно существовавшій казенный поземельный кредитъ, и не замѣнивъ его ничѣмъ; т. е. замѣнивъ его невозможностью, подрѣзало себя, поставило землевладѣльцевъ въ самое стѣсненное положеніе, а для народа ничего не сдѣлало, даже объ немъ и не подумало. Министерство финансовъ, составленное изъ специальныхъ ученыхъ чиновниковъ, унижается до гласности, только потому, что находится въ самомъ трудномъ положеніи скрытно, или почти явнаго банкротства; а не обращаетъ вниманія на требуемую имъ гласность, потому что самолюбіе ученаго, сверхъ того правительственнаго доктринаризма безгранично. Но въ этомъ отбѣнкѣ обычнаго способа дѣйствій по крайней мѣрѣ, есть одна общественная выгода: проекты министерства не скрыты, они гласны; они не утѣшительны,

но по крайней мѣрѣ не падаютъ какъ бревно на голову. Публика имѣетъ удовольствіе видѣть какъ это бревно падаетъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ по меньше любитъ гласность. Его паденіе для него не такъ ясно, его банкротство скрытѣе. Бѣда не обрушится прямо на его петербургское средоточіе; его паденіе начнется съ оконечностей. Оно начнется, когда мировые посредники войдутъ въ состязаніе съ уѣздными и губернскими властями, потому что народъ увидитъ, что уѣздныя и губернскія власти его враги. Оно начнется, если мировые посредники войдутъ въ соглашеніе съ этими властями, потому что народъ увидитъ, что мировые посредники предають его врагамъ. Въ обоихъ случаяхъ, ведущихъ къ одинакому послѣдствію, петербургское средоточіе министерства внутреннихъ дѣлъ подумаетъ, что еще можно отдѣлаться посылкою флигель адъютанта и четырьмя залпами; оно пойметъ, что и оно несостоятельно, когда уже поздно будетъ поправить дѣло. Министерство финансовъ знаетъ, что каждая ошибка обрушится на его голову теперь же, прежде чѣмъ кто-нибудь заявитъ неудовольствіе, потому что сила экономическихъ обстоятельствъ не ждетъ, логика экономической жизни неумолима; между тѣмъ какъ полицейское управленіе министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ еще продолжить насильственный образъ дѣйствій, вовсе не замѣчая на сколько подвѣдомственные ему власти ненавистны въ губерніяхъ. Государь, добродушно желающій добра, соглашается съ необходимостью гласности по министерству финансовъ и находитъ “справедливою” скрытность по другимъ министерствамъ.

Всего меньше подается на гласность министерство юстиціи. Очень понятно—передъ нимъ задача гласности судопроизводства; податься на гласность въ печати, значитъ приблизиться къ гласности судопроизводства, а это его задушевной врагъ; тутъ уже оно говоритъ: “до всего унижусь, кромѣ до подлости.” По этому оно втихомолку сочиняетъ свои: “Основные начала новаго судопроизводства въ Россіи,” втихомолку проводить ихъ черезъ государственный совѣтъ, вовсе не требуя возраженій въ печати, и пожевавъ ихъ медленно и слабо старыми челюстями совѣта, втихомолку готовится выгрузить ихъ на государство. Наконецъ мы получили эти “Основные начала новаго судопроизводства въ Россіи” и приступаемъ къ ихъ оглашенію, предлагая, по примѣру министерства финансовъ, желающимъ (не исключая насъ самихъ) возражать на нихъ,—но зная напередъ, что министерство юстиціи и государственный совѣтъ, по примѣру того же министерства финансовъ, останутся глухи на всѣ возраженія.

Въ нашихъ собственныхъ замѣчаніяхъ на “Основные начала новаго судопроизводства” мы будемъ совершенно безпристрастны. Мы даже признаемъ, что въ проектахъ есть робкія поползновенія на какое-то улучшение; но всегда поставленные между необходимостью преобразованія и страхомъ передъ тѣмъ, что обычный порядокъ переимѣнится, проекты врашаются въ какихъ-то недоконченностяхъ, полумѣрахъ, зачутываются въ канцелярскомъ краснорѣчьи, теряютъ законодательный и здравый смыслъ, не могутъ выйти изъ коллегіальнаго устройства въ гласное, не могутъ придти ни къ какому результату и растягиваютъ исполненіе на такое длинное время, что еще не начнутъ приводиться въ дѣйствіе, какъ уже неодолимая потребность гласности суда обратить ихъ въ ничто.

Но прежде чѣмъ мы приступимъ къ печатанію "Основныхъ началъ," мы должны сдѣлать небольшое отступление. Мы не можемъ такъ вдругъ разстаться съ министерствомъ финансовъ, и должны заглянуть въ его проектъ "о податномъ устройствѣ мѣщанскихъ обществъ." Ксожалѣнію у насъ понаго проекта нѣтъ и мы принуждены ограничиться свѣдѣніями, почерпнутыми изъ с. петербургскихъ вѣдомостей (№. 176 и 179). Вѣрность свѣдѣній не можетъ быть заподозрѣна и потому мы рѣшаемся рассмотреть тѣ положенія проекта, которыя находятся въ двухъ статьяхъ официальной газеты.

Проектъ комиссіи, учрежденной при министерствѣ финансовъ, дѣлится на историческія изслѣдованія съ обзоромъ современнаго положенія мѣщанъ, и собственно на проектъ новаго податнаго устройства. Изъ историческихъ изслѣдованій видно, что встарину сельское и городское населеніе не отдѣлялось рѣзко другъ отъ друга, что подати разлагались у обоихъ по землѣ, и что впоследствии изъ жителей городскихъ посадовъ образовалось мѣщанство; что московская централизація съ системой *кормленія* раззоряла посадскихъ людей, и что съ реформой Петра I названіе посадскихъ замѣняется названіемъ мѣщанъ, и прежній поземельный характеръ ихъ быта исчезаетъ. На это рецензентъ с. петерб. вѣдомостей замѣчаетъ, что губернии, присоединенныя при Елизаветинѣ и послѣ, не подлежали ни московской централизаціи, ни реформѣ Петра, а что условія мѣщанскаго быта подведены подъ одинъ уровень съ великорусскими позднѣйшими стремленіями централизаціи.

Мы не можемъ не согласиться и съ изслѣдованіемъ комиссіи и съ возраженіемъ рецензента; оба правы, потому что развитіе централизаціи продолжается отъ московскаго царства до послѣдней крымской войны. Реформа Петра наиболѣе состояла въ приведеніи московскаго чиновничества въ систему, заимствованную въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ преимущественно развился канцелярскій порядокъ; а потому петербургская централизація только докончила искаженіе быта посадскихъ людей, начатое централизаціей московской. Однако невольно рождается вопросъ—почему-же ни та, ни другая централизація, не смотря на крѣпостное право, не имѣли того-же вліянія на сельское населеніе, а только на городское? Стало городъ представлять, по мимо централизаціи, особія условія жизни, которыя разрушили поземельный бытъ и дали возможность образоваться мѣщанству. Естественно, городъ составляетъ торговый центръ и слѣдственно притокъ народонаселенія, сперва временной, впоследствии стремящейся осѣсть въ этомъ центрѣ. Посадскіе люди имѣли поземельное владѣніе ограниченное; съ внутреннимъ приращеніемъ своего населенія, они не стремились къ выселку, потому что члѣ удерживали выгоды торговаго центра; внѣшнее приращеніе городского населенія, отъ наплыва постороннихъ людей, не могло примкнуть къ поземельному быту и существовало только промысломъ. Внутреннее приращеніе посадскаго населенія, безъ потребности къ выселку, дѣлало общее землевладѣніе неудобнымъ, потому что число рабочихъ рукъ превышало потребность земледѣлія, которое становилось лишнимъ, потому что все равно не могло прокормить населенія; внѣшнее приращеніе городского населенія дѣлало общее землевладѣніе невозможнымъ, потому что не откуда было взять земли для новыхъ пришельцевъ

Естественно, земледѣліе исчезало и землевладѣніе приходило въ границы подворнаго владѣнія, или домовладѣнія*. Слѣдственно остались посадскіе домовладѣтели и наплывъ посторонняго населенія, не имѣвшаго недвижимой собственности, и которое отозвалось въ сводѣ законовъ подъ именемъ рабочихъ мѣщанъ (Т. IX, кн. I, ст. 431, 462 и 463 изд. 1857). Постоянныя частныя сдѣлки на ограниченномъ пространствѣ земли требовали движимости недвижимой собственности и слѣдственно частнаго домовладѣнія, дающаго удобство залога и продажи домовъ и вообще мелкихъ участковъ земли; а это обусловливало постоянный переходъ наплывнаго населенія въ посадъ и обратно. Городское и посадское населеніе перемѣшивалось и тяготѣло къ образованію сословія, основаннаго не на поземельномъ владѣніи, а на общемъ мѣстѣ жительства и его торговомъ устройствѣ. При этомъ приращеніи населенія, по мнѣнію правъ землевладѣнія, правительство, пуждавшееся въ деньгахъ, переводило подати съ земли на промыслы и лица, потому что съ промысловъ и лицъ получало больше чѣмъ могло получить съ земли. Съ богатыхъ людей ему хотѣлось взять больше, и купечество стало выдѣляться изъ городскихъ людей *средняго рода* (по выраженію свода законовъ Т. IX, кн. I, ст. 424), какъ платящее высшую, гильдейскую подать, или высшую *пошлину* съ права торговли. Подъ нимъ осталось городское осѣдлое, домовладѣющее и безземельное, но къ городу прикрѣпленное коренное населеніе, которое составило мѣщанство, мѣщанское общество, и наконецъ наплывное населеніе, состоящее изъ цѣховыхъ, ремесленныхъ людей, и изъ рабочихъ людей, куда сводъ законовъ относитъ всякій сбродъ, ставя на одну доску: по суду наказанныхъ съ незаконнорожденными, вольвоотпущенными, шляхтою недоказавшимъ дворянства, киргизами и калмыками, дѣтьми приказнослужителей, отставными солдатами, уволенными церковниками, все народъ имѣющій право приписываться въ мѣщане безъ согласія общества. Коренное мѣщанство составило, относительно подати, какое-то среднее сословіе въ какомъ-то среднемъ сословіи; оно отдѣлилось отъ купечества, потому что не могло платить въ казну на равнѣ съ купечествомъ; за это казна ограничила его права росписью товаровъ, которыми мѣщанинъ можетъ торговать, числомъ лавокъ, которыя онъ можетъ содержать и наконецъ цѣпностью дома, который онъ можетъ имѣть въ столбахъ и размѣромъ денежныхъ обязательствъ (Т. XI, часть II, кн. I, разд. II, ст. 306—348). Наплывное населеніе получило кой-какія уступки или разсрочки въ податяхъ, какъ предполагаемо самообдѣлѣнное. Но и коренное мѣщанство, тѣснимое въ правахъ и обязанное выдѣлять зажиточныхъ людей въ купечество, при измельчаніи земельныхъ участковъ или совершенной утратѣ оныхъ, не могло не обнищать и представлять чистое сословіе бобылей, пролетаріатъ, гдѣ рѣдки, успѣвшій сколотить маленькой капиталъ переходить въ купечество. Какъ въ цѣломъ мѣрѣ городской наплывъ населенія образовалъ пролетаріатъ, такъ и въ Россіи, гдѣ онъ получилъ названіе мѣщанства. Но централизація, въ особенности петербургская, принялась развивать его искусственно, творя города не ради торговыхъ, а ради приказныхъ потребностей, и перенесла въ свои административныя центры, всѣ условія городского пролетаріата омѣщаніемъ крестьянъ. Сюда-же, необходимость

* Въ общинномъ владѣніи у мѣщанства остались только выгоны, и въ иныхъ мѣстахъ луга, но и то и другое рѣдко составляетъ сколько нибудь значительный доходъ.

куда нибудь приписаться, приписка и тѣхъ разнаго рода людей, не входившихъ въ составъ сель и не имѣвшихъ права охоты, или возможности приписаться къ селамъ (людей, обозначенныхъ въ упомянутыхъ 462 и 463 статьяхъ IX тома свода). Очевидно, что приложение круговой поруки относительно податей для такого (броднаго и разноимущаго населения) было обременительно для всѣхъ; она не выходила изъ равноправнаго владѣнія, такъ у сельскаго населенія; казна брала не подать на государственныя нужды съ землевладѣющихъ общинъ, гдѣ каждый имѣлъ одинаковое право на земельной участокъ; казна брала пошину за право жизни съ людей, которые или имѣли недвижимую собственность меньшую чѣмъ участокъ въ самыхъ малоземельныхъ селлахъ, или вовсе ничего не имѣли; казна брала съ жизни, такъ какъ помещикъ беретъ оброкъ съ дворовою челоуѣка. Чуть кто по богаче уходилъ отъ круговой поруки и отъ рекрутства приписываясь къ гнидямъ, стало круговая порука всегда падала на маленькия состоянія въ пользу (совершенно) немущихъ; а большія, или мало мальски порядочныя, состоянія ускользали отъ круговой поруки. Безъ сомнѣнія, маленькия состоянія рушились, а немущимъ отъ этого не становилось легче. Между тѣмъ для казны, привыкшей къ правильной круговой поруке сельскихъ общинъ, только въ ней и являлось обезпеченіе взноса податей. Расчетъ былъ невѣренъ, потому что общественныя основанія были различныя; круговая порука при равноправномъ пользованіи земельнымъ участкомъ, гдѣ посеменно подать повышается соответственно числу тягловъ и слѣдственно числу участковъ — никого не раззоряетъ; между тѣмъ какъ круговая порука тамъ, гдѣ число тягловъ не обезпечивало въ семействѣ никакого права владѣнія, а только раздробляло и слѣдственно уменьшало и безъ того маленькую собственность, повышение подати соответственно состоянію выходило произвольно, раскладка по состоянію не могла быть вѣрна, равно потому что состоянія, всегда незначительныя, были шатки, и потому что всякій стремился не къ правильной раскладкѣ, а какъ бы сложить съ себя часть подати на счетъ сосѣда; круговая же отвѣтственность маленькихъ состояній за плательщиковъ, не имѣвшихъ никакого состоянія, необходимо раззоряла маленькия состоянія несколько не помогая немущимъ, которые при поруке и безъ поруки все равно не могли платить. Сельская круговая порука была естественна, выходила изъ жизни; мѣщанская круговая порука была насильственной правительственною мѣрой. Отъ этого крестьянская недоимка, не смотря на грабежъ министерства государственныхъ имуществъ, представляется незначительный процентъ, а мѣщанская недоимка выросла до неоплатныхъ размѣровъ.

Весьма счастливо, что искусственное учрежденіе городовъ, не смотря на всѣ успѣхи правительства не могло возвысить число мѣщанъ больше какъ на 9% всего населенія,* такъ что если причислить къ нимъ и иныхъ бездомныхъ изъ дворовыхъ и батраковъ, все же пролетаріатъ въ Россіи не составитъ больше 12% всего населенія, совершенно обратно населенію европейскихъ государствъ; такой процентъ, при огромномъ числѣ незаселенныхъ и малонаселенныхъ земель, не долженъ бы представлять мрачной будущности. При этомъ нельзя не замѣтить, что кунчество едва составляетъ одну десятую долю сравнительно съ числомъ мѣщанъ и слѣдственно

* Всего населенія (за исключеніемъ Царства Польскаго, Финляндіи и проч.) около 64 милліоновъ, а мѣщанства 5,683,999 обоего пола во всей Россіи.

1/81 или съ небольшимъ одинъ процентъ всего населенія. Изъ этого не трудно заключить, что сумма капиталовъ, сосредоточенныхъ въ частныхъ рукахъ, должна быть очень не велика, что и дѣлаетъ развитіе частнаго кредита невозможнымъ и заставляетъ искать основаній кредита въ суммѣ мелкихъ изгишковыхъ производительности, въ суммѣ мелкихъ капиталовъ, заставляетъ искать кредита общественнаго. Но незначительность частныхъ капиталовъ нисколько не облегчаетъ участь городского пролетаріата, и настоящее положеніе мѣщанства далеко не угѣшительно. Правительство требуетъ пошунныя и рекрутскую повинность; правительство требуетъ городскія (земскія) повинности, сверхъ того правительство требуетъ пожертвованій, складчину, изъ за вниманія которыхъ настоящая подать тѣмъ болѣе остается въ недоимкѣ. Безъ сомнѣнія общество не свободно опредѣляетъ свои расходы, свои земельныя повинности; они опредѣляются по требованію начальства; и если городъ не свободенъ въ опредѣленіи своихъ дѣйствительныхъ нуждъ, тѣмъ болѣе временныя складчины, которыя отнюдь не вызваны общественными нуждами, опредѣляются только желаніемъ начальства выслужиться, то еще опредѣляются по капризу начальства. Сверхъ того, городскія финансы управляются, подъ указаніемъ губернскаго вѣдѣнія, кунчествомъ, а не мѣщанствомъ; мѣщанство живетъ подъ двойнымъ гнѣтомъ—городскихъ капиталистовъ, старающихся на сколько возможно свалить на него расходы, и губернскаго начальства, смотрящаго на него свысока, такъ что раздѣлить мѣщанина ему ни почѣмъ. Привавьте къ этому стѣсненіе, по своду законовъ, мѣщанской торговли въ пользу кунческой, и вы увидите, что если крестьянинъ, приходящій въ городъ на заработки, оставляя дома семейство обезпеченное, или оставляя земельный участокъ, обезпечивающій уплату подати, имѣетъ выноду,—то мѣщанинъ, который содержитъ въ городѣ семейство, ничѣмъ не обезпеченное, или обезпеченное домомъ, который по оцѣнкѣ стоитъ отъ 2 до 9 р. сер.†—живетъ день за день, большей частью въ убытокъ и въ долгъ.‡

Къ подобному же заключенію приходитъ и проектъ комиссін М. Ф., взявъ въ примѣръ с. петербургское мѣщанское общество, гдѣ подушныхъ 2 р. 38 коп. съ ревизской души, да земской повинности 90 коп., да сверхъ того общественныя сборы—на одно управленіе до 18,000 р., что разлагаясь на всѣ 19 667 душъ, составляетъ тоже по 90 коп. съ души, да повинность общественнаго призрѣнія 67 коп. съ души такъ что подати сходятъ никакъ не менѣе 4 р. 85 коп. съ души, а съ дѣйствительнаго плательщика, т. е. работника, не менѣе 8 р. 88 коп. Въ это число не входятъ экстренныя сборы и пожертвованія и рекрутская повинность. Такъ что проектъ, полагающій десятую долю дохода въ пользу казны,‡ при-

* Ссылка на губернскую газету рецензента С. Петербургскихъ Вѣдомостей.

† Замѣчательно, что сводъ законовъ, о стѣсненіи мѣщанскую торговлю только на ярмаркахъ (Т. XI, часть II, уставъ торговый кн. I, ст. 298 и 347). Здѣсь сила обстоятельствъ отвлекла правительство отъ обычнаго пути; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно чувствуется, что свободная торговля на подвижныхъ центрахъ (ярмаркахъ) безъ предпріимчиваго притока всѣхъ силъ къ постояннымъ центрамъ (городамъ)—естественное условіе торговли и жизни въ странѣ обширной и ровной, въ народѣ, котораго исходъ и цѣль—устройство сельское. Опытъ доказываетъ, что съ развитіемъ желѣзныхъ дорогъ увеличится не число городовъ, а число ярмарокъ и базаровъ, число подвижныхъ рынковъ.

‡ Мы не понимаемъ этого возобновленія феодально-церковнаго права на десятину доходовъ (droit des dîmes). Мы полагаемъ, что если налогъ для общества производительный (на пр. для устройства моста, улицы, освѣщенія, дороги, больницы, школы, пристави, лавокъ, квартиры и т. п.) то онъ можетъ быть не обременителенъ, еслибы составилъ, въ данное время, и болѣе десятой доли дох. довъ; но если налогъ чисто истребительный (на пр. для содержанія ненужныхъ и вредныхъ чиновниковъ), то, хотя бы онъ составилъ и двадцатую долю доходовъ, онъ все же будетъ налогомъ раззорительнымъ.

ходить къ заключенію, что работнику, въ Петербургѣ, надо имѣть, за всѣми расходами на свое содержаніе, чистаго дохода отъ 90 до 100 р., чтобъ быть въ состояніи отбывать подать. Вслѣдствіе этого комиссія находитъ, что въ мѣщанскихъ обществахъ бѣольшая часть отдѣльныхъ людей почти всегда остается въ долгу обществу, недоимка обращается въ наследственную, работникъ, достигнувъ 18 лѣтъ, "вступаетъ на поприще труда подъ тяжестью неоплатнаго долга," предается праздности и бродяжничеству, и становится никуда негоднымъ человѣкомъ.

Встрѣтивъ такое скорбное положеніе мѣщанства, къ чему бы долженъ придти здравый смыслъ? Безъ сомнѣнія прежде всего къ тому, что какая бы ни была раскладка и круговая порука, эта подать для мѣщанства слишкомъ велика. Что же дѣлать? Конечно спросить у мѣщанскихъ обществъ, вѣроятно весьма различныхъ по мѣстнымъ условіямъ жизни, какую подать они вносятъ въ состояніи, какой способъ раскладки считаютъ наиболѣе удобнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предложить желающимъ заселять пустопорожнія земли на обычныхъ основаніяхъ крестьянскаго быта, но не подчиняя переселенцевъ управленію министерства государственныхъ имуществъ, а предоставляя имъ свободно устроить свои сельскія управленія. Для рѣшенія этихъ вопросовъ дозволить по всѣмъ городамъ совѣщанія мѣщанскихъ обществъ, безъ участія на этихъ совѣщаніяхъ купечества и начальства. Только этимъ способомъ правительство увидало бы дѣйствительныя нужды и потребности мѣщанъ, и могло бы удовлетворить ихъ, начавъ для нихъ новую жизнь, которая уже не потребовала бы отъ правительства всемилоствѣйшихъ манифестовъ, постоянно повторяющихъ прощеніе недоимки, которой нельзя взыскать, прощеніе долга мнимаго, потому что подать налагается насильственно и капризно.

Н. Огаревъ.

(Продолженіе впрѣдь).

ДЕБЮТЫ ПУТЯТИНА.

Мы беремъ на первый случай изъ длинной и чрезвычайно любопытной корреспонденціи о дебютахъ Путятина — самыя японскія черты.

Министерское плаваніе свое (шкиперъ Сергіевскій) Путятинъ открылъ циркуляромъ во всѣ университеты, разосланнымъ въ концѣ Іюля. Это была программа, profession de foi и вмѣстѣ манифестъ новаго министерства. Основная мысль та, что такъ какъ правительство намѣрено теперь увеличить оклады профессоровъ и такъ какъ, въ тоже время, освобождаетъ ихъ отъ приемныхъ экзаменовъ (которые будутъ производиться въ гимназіяхъ), то оно съ своей стороны надѣется, "что они ему тѣмъ болѣе будутъ содѣйствовать, не будутъ уклоняться отъ своего дѣла, лучше почувствуютъ нравственную отвѣтственность, которая лежитъ на каждомъ преподавателѣ, и что наконецъ, за такое увеличеніе окладовъ, они все сдѣлаютъ, чтобы не встрѣчались случаи легкомысленнаго небреженія и превратнаго пониманія своихъ обязанностей, бывшіе причиною несчастія молодыхъ людей." Предшествовало этой рѣчи, какъ само собой разумѣется, вразумленіе насчетъ необходимости усилить строгость переводныхъ и выпускныхъ экзаменовъ. Рѣчь эта, если ее перевести на простой, не японскій языкъ, значила слѣдующее: "Вы дескать, такіе-сякіе, вамъ стоитъ обѣщать прибавку жалованья, чтобъ вы удвоили свою ревность въ исполненіи моихъ приказаній." Это была первая

пощечина, данная въ официальной формѣ ученому сословію всѣхъ русскихъ университетовъ. Въ этой официальной формѣ, въ которой циркулярное предложеніе было разослано къ попечителямъ для прочтенія въ полномъ собраніи университетскихъ совѣтовъ, министръ, какъ говорятъ, сильно раскается. Но это позднее раскаяніе относится къ формѣ, но не къ сущности дѣла. Объ этой сущности нечего распространяться — она произвела всеобщее негодованіе, не только въ университетахъ, но и между всѣми образованными людьми. Университетскіе совѣты рѣшились отвѣчать. Петерб. университетъ отвѣчалъ министру въ томъ смыслѣ, что желаемое министромъ усиленіе строгости экзаменовъ неминуемо поведетъ къ еще бѣольшему ослабленію ихъ, потому что ни одинъ профессоръ не рѣшится поставить дурную отмѣтку студенту, когда будетъ знать, что эта отмѣтка равносильна исключенію изъ университета. На второй же, существенный пунктъ, совѣтъ, какъ мы слышали отвѣчалъ, что члены его никогда и ни въ чемъ не подавали повода думать, что они нарушаютъ или не знаютъ нравственной отвѣтственности, лежащей на нихъ, и что они напротивъ получали отъ прежнихъ министровъ неоднократно благодарности и награды за исполненіе своихъ обязанностей, и что потому они не знаютъ какъ понимать и просить министра объяснить о какихъ случаяхъ, бывшихъ причиною несчастія молодыхъ людей, онъ говоритъ. Совѣтъ московскаго университета, какъ увѣрляютъ, хотя оказалъ пламенное усердіе къ приведенію въ исполненіе всѣхъ новыхъ мѣръ, также рѣшился отвѣчать на эту оплеуху и все еще пишетъ свой яко-бы протестъ. Можетъ онъ и поспѣетъ еще до втораго пришествія Христава. (О Москва!).

Какъ ни скромно было возраженіе петербургскаго университета, но и оно показалось министру дерзкимъ. Профессора, заботившіеся о возможномъ смягченіи всякой буквы своего возраженія, получили въ благодарность новую нотацию отъ министра. Но на этотъ разъ министръ, наученный опытомъ и общественнымъ мнѣніемъ, поступилъ осторожнѣе и лукавѣе. Онъ именно сообщилъ свою нотацию не въ формѣ официальной бумаги на имя совѣта, но въ формѣ частнаго письма къ новому попечителю, Филипсону, который, опять частнымъ образомъ, обратилъ его къ ректору, съ тѣмъ, чтобы наконецъ этотъ послѣдній, частнымъ же образомъ, сообщалъ его для прочтенія каждому изъ профессоровъ въ отдѣльности. Что за извороты, что за японская церемонія съ людьми, которымъ только что намекнулъ, что они народъ продажный и что съ ними церемониться нечего! Намъ не удалось достать этого письма, но смыслъ его, какъ намъ достоверно извѣстно, тотъ, что министръ, вступая въ полемику съ профессорами, объявляетъ имъ, что они не вправѣ были обижаться его циркуляромъ и что въ немъ заключалось только предостереженіе, на которое никто не можетъ жаловаться.

Между тѣмъ, дѣла идутъ своимъ чередомъ, но идутъ для министра скверно. На основаніи высочайшаго повелѣнія, слѣдовало приступить къ выбору ректора и проректора. Министръ, подобно всѣмъ своимъ собратамъ играя въ высочайшія повѣленія, какъ въ мячъ, исключоталъ, вслѣдъ за выходомъ перваго высочайшаго повелѣнія, второе, которое отмѣняетъ первое и велитъ приступить къ назначенію выборныхъ ректоровъ не раньше, какъ черезъ годъ. Оставалось по крайней мѣрѣ приступить если не къ выбору проректора, на которомъ лежитъ вся полицейская и административная часть

университета, то къ указанію совѣтомъ на такое лицо изъ среды своихъ членовъ, которое бы пожелало взять на себя временное пока исправленіе этой должности. Любопытно, какъ поступаютъ совѣты другихъ университетовъ, но петербургскій постановилъ, что по затруднительности обязанностей, связанныхъ съ должностью проректора, онъ ни на кого изъ своихъ членовъ не можетъ указать, кто бы желалъ принять на себя исправленіе должности проректора. Какъ ни скромнень былъ этотъ актъ, но онъ поражающъ министра и всю новую систему въ самое сердце. А дѣло объясняется просто: самъ совѣтъ профессоровъ, чрезъ свою комиссію, представлялъ о необходимости назначать на мѣсто проректора когонибудь изъ профессоровъ. Министерство, избѣживши представленныя для проректора правила въ строго-полицейскомъ духѣ, говорить за тѣмъ совѣту: "Вотъ должность, которую вы желали — выберите на нее когонибудь изъ своей среды." Разумѣется, одурачить себя такимъ образомъ совѣтъ не желалъ и окончательно никто не согласился принять на себя должности, за которую хотя и полагается хорошая семейная квартира въ университетѣ и довольно значительное вознагражденіе, но въ которой приходилось бы приводить въ исполненіе новые порядки, постановленные комиссіей Строгонова и Ко., и за исполненіе которыхъ взялся Путятинъ. Путятинъ не въ духѣ — онъ теперь только понялъ, что если можетъ подавить всякое противудѣйствіе совѣта, то къ содѣйствію его принудить вѣтъ возможности. Въ такомъ положеніи находится петербургскій университетъ подъ попечительствомъ Филиппсона (о которомъ пока замѣтимъ только, что онъ храбрый генералъ, богъ вѣсть на какомъ основаніи попавшій на попечительское мѣсто). Московскій университетъ, какъ увѣряютъ, находится въ еще болѣе красивомъ состояніи. Достоверно только то, что Строгоновъ, отправляясь съ наслѣдникомъ въ путешествіе, постановилъ было на обратномъ пути свезти наслѣдника въ московскій университетъ послушать лекцій. Это намѣреніе не приведено въ исполненіе. Планъ, какъ утверждаютъ, не состоялся по слѣдующимъ причинамъ. Когда студенты московскаго университета узнали, что наслѣдникъ пріѣдетъ въ университетъ, то они рѣшили подать ему жалобу на новыя правила. Въ то же время рѣшено было освистать Строгонова за интеллектуальное авторство этихъ новыхъ правилъ. Попечитель Исаковъ провѣдалъ эти невинные замыслы и тогда Строгоновъ рѣшилъ, чтобъ наслѣдникъ не былъ въ московскомъ университетѣ.

ШЛЯХЕТНЫЯ СТАТЬИ И ПИСЬМА ВЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛАХЪ.

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей

И барскій гнѣвъ, и барская любовь!

Теряя право наказывать розгами народъ русскій, наша шляхта начинаетъ наказывать его словами; теряя право на вола его, осла его, жену его, дочь его, она начинаетъ жалеть о крестьянинѣ—скотъ моль необразованный, оттого и не понимаетъ ни *Положеній*, ни того, что онъ долженъ остаться крѣпостнымъ послѣ освобожденія, ни выгоды платить больше оброка, ни права покупать дрова изъ *своего* лѣса; чего моль съ него и требовать—вотъ мы, шляхтичи другое дѣло, должны теперь поучить его уму, на то у насъ образованіе и нѣмецкой *кафланъ*; облагодворимъ его объясненіемъ *Положеній*, чтобъ онъ сдурю не ждалъ въ самомъ дѣлѣ свободы—какой же другой свободы ему? вотъ я въ Баденъ-Баденѣ, и въ Гомбургѣ такая свобода... и тутъ какойнибудь анекдотъ, выдуманый

Собакевичемъ, чтобъ одурачить Манилова, о томъ какъ бабы *зубами траву роутъ* для сѣна. Весь этотъ шляхетный вздоръ, не идущій по плоскодонности своей въ глубь народной жизни, вся эта невеликодушная болговня, оскорбительная для народа и для здраваго смысла, туда же скрываетъ свое *внутрь взошедшее плантаторство* подъ либеральной патокой и прогрессивнымъ суслонъ, до того противнымъ, что и цензура пропускаетъ и нѣмцы похваляютъ. Пусть эти строки послужатъ первымъ окликомъ *Слб. Вѣдомостямъ* и ихъ корреспондентамъ. Ни лѣта, ни воспоминанія, ни болѣзненное, ни разстроенное состояніе не даютъ права на публичное отложеніе такихъ статей; если ужъ нельзя удержаться, пусть они хранятъ ихъ для своего семейства.*

С М Ъ С Ъ.

— *Къ дѣлу о прикрѣпленіи крестьянъ къ свободѣ.*—Въ оброчномъ имѣнн Бибикова, коломенскаго уѣзда, московской губ., крестьяне отказались платить оброкъ. Бибиковъ (сынъ бывшего кievскаго губернатора) обратился съ жалобой къ Скорнякову, предводителю дворянства, а тотъ принялся за крестьянъ, но они объявили Скорнякову, что Бибиковъ долженъ имъ 7,000 руб. за земляныя работы по возведенію плотины. Тогда юристъ-предводитель сталъ объяснять крестьянамъ, что это дѣло коммерческое, значитъ должно быть само собою, а подати они обязаны заплатить само собою. Крестьяне не поняли такого объясненія и платить отказались. Кончилось тѣмъ, что нѣсколькихъ человекъ пересѣкли на мѣстѣ, а *шестерыхъ* главныхъ зачинщиковъ повели въ Москву.

— *Ветвицкій и Игнатьевъ, два управляюще.* Желательно знать—спасъ-ли Игнатьевъ-управляющій саратовской губерніей — Ветвицкаго управляющаго въ имѣнн гр. Кочубея, (фамилья дающая столько матеріала *Колоколу*), по дѣлу крестьянской дѣвушки, которую Ветвицкій хотѣлъ изнасилничать, и потомъ, говорятъ, за ослушаніе посѣкъ, *заставивъ роднаго отца ее держать*.

— *Клевета на Поляковъ.*—Къ подлѣйшимъ продѣлкамъ къ которымъ прибѣгло петербургское правительство—какъ обманъ студентовъ что университетъ будетъ открытъ 2 Окт., арестъ депутатовъ и пр.—относится обвиненіе польскихъ студентовъ въ университетскихъ *безпорядкахъ*. Полиція знаетъ, что это неправда, но желаетъ такимъ пошлымъ средствомъ помѣшать сближенію поляковъ съ русскими. Глупость ихъ въ уровень грязной безнравственности.

— *Великорусскъ въ ученой Москвѣ.*—Намъ пишутъ, что гг. Бабсти, Чижевъ и В. Коршъ, получивъ по почтѣ по экземпляру *Великорусса*, снесли его тотчасъ въ полицію. Правда ли это? Мы готовы, какъ Фердинандъ въ Шиллеровой *Kabale und Liebe*, просить, если это правда, чтобъ намъ солгали!

* Въ доказательство курной слѣпоты, которую шляхетные предрасудки вносятъ въ голову добраго помещика—приведемъ слѣдующія строки изъ писемъ г. Мельгунова (Сиб. В. No. 218). Помѣщикъ удивляется, что послѣ такого удачнаго освобожденія крестьянъ, они еще недовольны.

"Вотъ онъ (крестьянинъ) и ждетъ чего-то, какой-то милости, осуществленія какихъ-то надеждъ. Эти надежды всеобщны и до того сильны, что въ одномъ уѣздѣ воронежской губерніи, крестьяне уговорили мирового посредника внести въ ихъ уставную грамоту слѣдующую оговорку. "Вышеозначенныя условія сохраняютъ свою силу до-тѣхъ-поръ, пока не будетъ какихъ-либо замѣненій въ настоящихъ 'Положеніяхъ', вслѣдствіе которыхъ должна быть измѣнена и самая грамота". Сколько ни уговаривалъ ихъ посредникъ, объясняя имъ, что никакихъ существенныхъ измѣненій не будетъ и быть не можетъ, они стояли на своемъ, и по-неволѣ пришлось вставить невинную оговорку, чтобъ успокоить взволнованные умы".

Неправда-ли какъ глупы... мужики!...

РЕДАКЦІЯ
ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДЫ и КОЛОКОЛА
въ Лондонѣ.

ORSETT HOUSE
Westbourne Terrace,
27/15 Октября, 1861.

ГОСПОДИНУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ
РОССІЙСКИМЪ ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ КОНСУЛЬСТВОМЪ ВЪ ВЕЛИКО БРИТАНИИ.

Нижеподписавшійся, изъ дворянъ, коллежскій регистраторъ Николай Платоновъ сынъ Огаревъ, получилъ записку на французскомъ языкѣ изъ россійскаго генеральнаго консульства въ Великобританию (на бумагѣ печатный штемпель и на пакетѣ печать консульства). Записка подписана господиномъ Гротъ.* Въ ней сказано, что “управляющій генеральнымъ консульствомъ, имѣетъ порученіе сообщить г. Огареву, что вслѣдствіе его отказа возвратиться въ Россію, онъ, рѣшеніемъ правительствующаго сената, утвержденнымъ императоромъ 27 Декабря 1860 года, объявленъ граждански лишенымъ всѣхъ правъ состоянія и изгнаннымъ навсегда (!?) изъ предѣловъ имперіи.” Нижеподписавшійся не можетъ объяснить себѣ этой записки. Во-первыхъ, изъ нея не видно, кто поручалъ г. управляющему генеральнымъ консульствомъ слѣдять сообщеніе; во-вторыхъ, хотя на бумагѣ пропечатано консульство и улица, гдѣ оно находится, съ номеромъ квартиры, но номера бумаги не выставлено: а потому нижеподписавшійся никакъ не можетъ принять полученной имъ записки за официальное объявленіе должностнаго лица или правительственнаго учрежденія. Если г. управляющій генеральнымъ консульствомъ имѣлъ порученіе отъ знакомыхъ извѣстить г. Огарева, то нижеподписавшійся приноситъ чувствительную благодарность. Но нижеподписавшійся полагаетъ, что г. управляющій генеральнымъ консульствомъ былъ введенъ въ заблужденіе; по крайней мѣрѣ изъ записки это очевидно по слѣдующимъ причинамъ:

1) Правительствующій сенатъ не могъ *объявить* (déclarer) г. Огарева лишенымъ правъ и изгнаннымъ изъ предѣловъ; это заставило бы предполагать, что сенатъ *объявилъ безъ суда*. Сенатъ могъ только *приговорить* (condamner) къ лишенію правъ и изгнанію, и слѣдственно *по суду*.

2) Если сенатъ приговорилъ по суду, то (въ силу ст. 444, Т. XV, кн. II св. зак. изд. 1857) *не иначе*, какъ по поступленіи къ нему на ревизію рѣшенія какой-либо уголовной палаты, подтвердившей или отвергнувшей мнѣніе какого-либо уѣзднаго суда. Уѣздный судъ не могъ начать дѣла иначе какъ получивъ откуда-нибудь извѣщеніе объ отказѣ обвиняемаго возвратиться изъ за границы, и слѣдственно не могъ не быть извѣщеннымъ о его мѣстопробываніи.

Приступить къ дѣлу уѣздный судъ не могъ иначе какъ на основаніи ст. 286 и 287 кн. II, Т. XV, св. зак. и слѣдственно былъ обязанъ *вторично допросить* г. Огарева. Отказа-же, *въ какомъ-бы то ни было случаѣ*, возвратиться въ Россію г. Огаревъ не давалъ; въ его письмѣ къ государю, помѣщенномъ въ No. 46 Колокола, даже обозначены случаи, когда онъ намѣренъ возвратиться. *Слѣдственно уѣздный судъ,*

* Вотъ записка:

CONSULAT GENERAL DE RUSSIE
en
Grande Bretagne.

No. 32, Great Winchester Street
Londres, le 13/25 Octobre 1861.

Le soussigné, Gérant le Consulat général, est chargé de faire connaître à M. Nicolas Ogareff, qu'à la suite de son refus de rentrer en Russie, il est, par décision du Sénat-Dirigeant, confirmée par l'Empereur le 27 Décembre 1860, déclaré civilement déchu de tous droits et banni à perpétuité des limites de l'Empire.

зная мѣсто жительства г. Огарева и не имѣя въ виду его отказа возвратиться, обязанъ былъ приступить къ вторичному допросу и *по закону и по здравому смыслу*. Допросивши, уѣздный судъ былъ обязанъ *допустить* г. Огарева, или его *повѣреннаго* къ рукоприкладству по его дѣлу, на основаніи ст. 353 кн. II того же тома. Тоже допущеніе къ рукоприкладству входило въ обязанность уголовной палаты, на основаніи ст. 384, и самаго сената, на основаніи ст. 445. А такъ какъ ни одно судебное мѣсто до сихъ поръ не вызывало г. Огарева къ допросу, черезъ что, еслибъ судъ уже состоялся, нарушалось бы право защиты подсудимаго лично или черезъ повѣреннаго, по этому все дѣло, *вѣроятно*, только ложный слухъ, который ввелъ въ заблужденіе г. управляющаго генеральнымъ консульствомъ.

3) Это *вѣроятіе* становится *достоверностью*, потому что въ запискѣ сказано будто рѣшеніе сената было утверждено императоромъ. Все производство дѣла, въ трехъ судебныхъ инстанціяхъ, безъ вызова подсудимаго къ отвѣту—*противозаконно*, и потому весьма сомнительно, чтобы государь утвердилъ противозаконный актъ; это обличало бы преднамѣреніе осудить, или незнаніе законовъ, два случая равно несовмѣстныя съ императорскимъ званіемъ.

Г. управляющій генеральнымъ консульствомъ тѣмъ паче не долженъ вѣрить подобнаго рода слухамъ, обиднымъ для правительства, что—на основаніи Г. XI, устава торговаго ст. 2070, консулъ обязанъ “стараться, чтобы доброе имя и честь русскаго народа были всегда поддерживаемы”. А что же можно подумать о народѣ, котораго верховная власть утверждаетъ противозаконные акты?

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, *нижеподписавшійся* не можетъ признать полученной имъ записки, со штемпелемъ и за печатью генеральнаго консульства, но безъ номера, за официальную бумагу и дать сообщенному въ ней обстоятельству какую либо вѣру—до полученія изъ посольства копіи за скрѣпой съ указа правительствующаго сената, или No. сенатскихъ вѣдомостей, гдѣ оный указъ напечатанъ.

Николай Огаревъ.

31 Октября, 1861 года.

— *Артиллерія и Лицей*. Артиллерійская академія подала по начальству рапортъ, объясняя, что такъ какъ назначена плата правительствомъ за слушаніе лекцій въ университетѣ, то офицеры просятъ удерживать изъ ихъ жалованья по 5%—на уплату за бѣдныхъ студентовъ.

Въ Лицеѣ юбилейный комитетъ (изъ депутатовъ отъ всѣхъ курсовъ) отмѣнилъ всякое торжество 19 Октября (50-лѣтіе Лицея) и на собранныя деньги 6,000 руб. положилъ имѣть стипендіата. Корреспондентъ *Теймса* (25 Окт.) полагаетъ, что не больше 200 студентовъ пройдутъ черезъ путятинскія фуруклы. Неужели найдется и двѣсти!

— Издатели извѣщаютъ Гг. пославшихъ, о полученіи *Краткаго журнала генерала Толля*, статьи о Пироговѣ, и письма о г. Неваховичѣ; послѣднее мы подшили къ dossye Адлерберговъ. Aviso не пропадетъ.

— *Слѣдующій 111 листъ Колокола выйдеть черезъ недѣлю, т. е. 8 Ноября.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—5 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

LETTRE DU REDACTEUR DU KOLOKOL

A SON EXCELLENCE L'AMBASSADEUR RUSSE A LONDRES.

MONSIEUR LE BARON,

Vous ne Vous attendez pas, j'en suis sûr, à recevoir une lettre de ma part; cela m'étonne moi même. C'est uniquement dans les intérêts du gouvernement, qui a l'avantage d'être représenté par Votre Excellence, que je sollicite quelques moments de Votre temps précieux.

Je serai extrêmement bref et sobre de paroles.

Et d'abord, je suppose que vous n'ignorez pas que moi et Ogareff nous sommes les rédacteurs d'un journal russe qui s'appelle le "Kolokol". En cette qualité de rédacteurs, nous avons dernièrement reçu une série de lettres, remplies de termes obscènes et de menaces : on y parle d'assassiner N. Ogareff, le prince Dolgorouki (je me hâte de dire que ce n'est pas le prince Basile, chef de la gendarmerie, qui est menacé, mais bien le prince Pierre, qui demeure à Paris) et moi.

Cela ne m'aurait pas encore déterminé à Vous écrire. Mais avant hier j'ai reçu deux lettres (par devant beaucoup de témoins auxquels je les ai montrées); un ami inconnu me communique l'intention de la police secrète de Pétersburg d'en finir avec nos publications, "en m'enlevant ou en me tuant".

Le première de ces suppositions, Monsieur le Baron, n'est pas tenable; elle est par trop ridicule : moi, Proserpine à barbe, et Schouvaloff, Pluton et aide-de-camp de S. M.—cela sort du possible par le grotesque.

Reste l'assassinat.

Qui donc veut m'assassiner? Qui a ordonné cette tentative de meurtre? Evidemment tout le soupçon doit tomber sur la tête auguste de Sa Majesté l'Empéreur. Or, je suis pleinement convaincu qu'il en est incapable. Vous savez, probablement, que dans beaucoup de points nous différons cathégoriquement dans nos opinions, l'Empéreur Alexandre et moi; mais il y a bien loin de là à l'envoi de spadassins pour m'assassiner... moi, je n'en ferais pas autant. Au reste cela n'entre ni dans le caractère chevaleresque et doux d'Alexandre II, ni même dans sa tradition de famille : il n'est ni Corse, ni Borgia, pour jouer du stilet. On peut m'objecter, je le sais fort bien, Monsieur le Baron, qu'il y a eu des cas où l'on a un peu anticipé sur la nature, un peu accéléré le cours des choses... mais cela n'a jamais eu lieu que dans la plus grande intimité, entre mari et femme, entre père et fils. Moi, je n'ai pas la prétention d'être sur un pied semblable avec Sa Majesté, pour avoir des droits à tant d'attention et de familiarité de sa part.

J'écarte donc tout soupçon de la personne d'Alexandre II.

Serait-ce le comte Shouvaloff? Je ne le connais pas, mais c'est nomément de la IIIme Section que parlent les lettres. Il y a deux mois, le comte Shouvaloff est parvenu à faire emprisonner à Paris un certain M. Saltzmann, coupable d'un attentât d'assassinat commis sur sa propre personne par un Prince Kotschoubey, (c'est un peu compliqué, j'en conviens)—cette chance lui a peut être donné des idées extravagantes sur l'omni-potence de la IIIme Section. Mais voilà l'impasse : Que ce soit Schouvaloff ou un autre—la responsabilité retombera néanmoins sur Alexandre l'Innocent!

Je suis donc de l'avis que nous ne pouvons laisser planer sur le gouvernement, qui a l'insigne avantage d'être représenté par Vous, le soupçon de préparer des guets-à-pens, et d'avoir des Brutus de police, qui s'en aillent au delà des mers—

den Dolch im Gewande!

Il faut donc, Monsieur le Baron, que l'Ambassade Impériale me donne un coup d'épaule pour confondre les calomniateurs; et ce n'est pas tout : Vous devez maintenant me garder comme la prune de vos yeux, car chaque cheveu qui tombera de ma tête, on dira que c'est le gouvernement russe qui me l'a arraché. C'est tellement dans vos intérêts, qu'après avoir déposé entre des mains sûres une copie notariée des dites lettres—je ne prendrai plus aucune mesure, sachant bien que nolens-volens, c'est Vous qui devrez les prendre.

Me confiant ainsi à la sollicitude maternelle de l'ambassade russe, je prie Monsieur l'Ambassadeur de recevoir l'expression de ma haute considération.

ALEXANDRE HERZEN
RÉDACTEUR DU KOLOKOL.

Orsett House, Westbourne Terrace. 11 Octobre 1861.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИВАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 111.

8 НОЯБРЯ 1861.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—ПРЕОБРАЖЕНЦЫ И СТУДЕНТЫ—ЧТО НАДО ДѢЛАТЬ ВОЙСКУ—ЗАМѢТКИ ОФИЦЕРА. СМѢСЬ : ЕЩЕ О БРУТАХЪ III ОТДѢЛЕНІЯ—

ИЗЪ КОВНО—ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА—ОСКОРБЛЕНІЕ БѢДНОСТИ И ПОДЛАЯ МЕСТЬ—ЗАСВѢЩЕННЫЙ ДО СМЕРТИ КРЕСТЬЯНИНЪ.

ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ РОТА И СТУДЕНТЫ.

Петербургскій Университетъ открытъ 13/25 Октября; студенты изорвали свои матрикуляціи, послѣ чего собрались для обсуживанія что дѣлать. Явились жандармы, чтобъ ихъ разогнать, студенты прогнали ихъ. Затѣмъ непріятель выставилъ роту *Преображенскаго полка* (не ту-ли, которая такъ отличилась 14 Декабря 1825?). Она и тутъ покрыла себя славой, и окруживъ студентовъ, свела ихъ массой въ *преображенскій застѣнокъ*, называемый петропавловскою крѣпостью. Подробности эти не подлежатъ сомнѣнію, оны взяты изъ *Норда*.

ЧТО НАДО ДѢЛАТЬ ВОЙСКУ?

Четвертаго Сентября 1861 года государь подписалъ приказъ военнымъ начальникамъ—какъ употреблять войско противъ народа, когда бить народъ холоднымъ оружіемъ, когда пулей, когда картечью, когда войску слушаться полицейскихъ чиновниковъ, когда самимъ генераламъ командовать стрѣльбу по народу.

Ясно : царь идетъ противъ народа.

Что же тутъ дѣлать солдатамъ и офицерамъ ?

Ничего не дѣлать, то есть не ходить противъ народа. Только этимъ войско и можетъ спасти Россію отъ бѣды и кровопролитія.

Что станетъ дѣлать царь, если солдаты не пойдутъ противъ народа ? Разумѣется что—по неволѣ отдастъ народу и землю и волю, а вѣдь народъ только изъ за этого и хлопочетъ. Стало, если войско не поидетъ противъ народа, воля и земля достанутся народу безъ рѣзни, безъ капли крови, спокойно.

Что станетъ дѣлать царь, если солдаты пойдутъ противъ народа ? Постарается не дать народу ни воли, ни земли, кровь польѣтся рѣками, да еще кто кого осплтитъ—народная правда, или царскій приказъ—неизвѣстно, а солдатамъ отъ этого легче не будетъ.

Надо, чтобъ солдаты помнили, что дѣло идетъ объ землѣ и волѣ не только крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ, у которыхъ, по новому положенію, землю урѣзали, а воли не дали, которыхъ, стало, по просту сказать обманули ; дѣло идетъ также объ землѣ и волѣ крестьянъ государственныхъ, то есть крѣпостныхъ казенныхъ, удѣльныхъ, фабричныхъ и

всякихъ приписныхъ къ царскимъ заводамъ. Всѣ они теперь живутъ крѣпостными у своего начальства ; оно ихъ и грабитъ, оно ихъ и сѣчетъ, оно имъ и мѣшаетъ управляться какъ знаютъ, самимъ собою, своими выборными. Земли, на которыхъ они съ покоемъ вѣковъ собща живутъ даромъ, селами и деревнями, казна хочеть имъ-же въ разбивку распродать за деньги. Земли, на которыхъ никто не живетъ, которыя мало-земельнымъ и въ охоту бы заселить, земли государственныхы, вмѣсто того, чтобъ дать на выселки, за обычныя подати,—казна распродаетъ своимъ чиновникамъ, или раздаетъ генераламъ. А все отъ того, что царь государственныхы земли признаетъ за царскія, и не хочеть понять, что они не царскія, а народныя.

Стало, когда народъ скажетъ : “подати платить мы станемъ на общія нужды ; отдайте намъ нашу землю, чтобы всѣмъ было вдоволь ; отрѣшите всякія барщины и оброки, дайте намъ волю управляться какъ знаемъ, безъ помѣщиковъ и чиновниковъ” — народъ скажетъ правду. Это не бунтъ, а требованіе житія по правдѣ, это святое дѣло.

И за то, что народъ это скажетъ, царь приказываетъ послать солдатъ противъ народа, со штыкомъ и саблей, съ пулей да картечью, проливать кровь отцовъ и братьевъ, матерей и сестеръ !

Солдаты должны помнить, что они взяты на службу насильно, или изъ помѣщичьихъ, или изъ казенныхъ крестьянъ, что ихъ отцы и братья и теперь или помѣщичьи или казенные, что и тѣмъ и другимъ нужна земля да воля. И вдругъ солдаты пойдутъ ихъ бить, для того чтобъ царь могъ у нихъ отнять и землю и волю для своихъ помѣщиковъ и чиновниковъ ! Да этого быть не можетъ, это противно смыслу и совѣсти.

Не владѣй землей по праву и обычаю, не живи свободно и по совѣсти, а живи какъ царь велитъ ; не владѣй ничѣмъ и будь рабомъ у помѣщиковъ и начальства—вотъ чего хочеть царь отъ народа и для этого велитъ своимъ генераламъ учить солдата, чтобы билъ поляка да мужика.

А чего хочеть полякъ ? Воли. А чего хочеть мужикъ ? Воли. Стало, они хотять одного и того-же, воли. И за это ихъ и бить ?

Неужто намъ помнить, что 250 лѣтъ тому назадъ поляки ходили на Россію и черезъ 250 лѣтъ все имъ мстить ? Да

такого глупаго челоѣка, который бы въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ мстить за то, что было 250 лѣтъ назадъ, у насъ въ народѣ и не сыщешь. А въ наше время не поляки ходили на Россію, а русскіе ходили на Польшу, и не по своей охотѣ, а по приказу царскому. И для чего? Чтобы не смѣлъ полякъ жить какъ ему хочется, какъ ему удобнѣе. И изъ за этого отнимаютъ у нашего народа лучшихъ парней въ солдаты и тратятъ въ убытокъ миллионы народныхъ рублей, въ погѣ лица трудомъ добытыхъ. Долго-ли же будетъ намъ поддерживать такую бессмыслицу и такое звѣрство? Отъ того царь и не даетъ русскому народу ни земли ни воли, думаетъ, что народъ глупъ, помогаетъ ему и людьми и деньгами душиТЬ Польшу. И взаправду, пока русскій солдатъ будетъ помогать царю душиТЬ Польшу, русскій народъ не будетъ свободенъ. Когда нашъ солдатъ пойметъ, что его брату русскому мужику нужна воля, тогда онъ пойметъ, что и поляку нужна воля и оставить его мирно устроиваться у себя дома какъ знаетъ. Мѣшать поляку выйти на волю, все равно что мѣшать мужику выйти на волю, и то и другое передъ совѣстью—грѣхъ, а передъ здравымъ смысломъ—безуміе. Дѣло честнаго русскаго войска не то, что мѣшать поляку жить по своему, а помочь ему освободиться и отъ иѣмцевъ, которые держатъ его въ неволѣ.

“Все это такъ,” скажутъ солдаты, “да какъ же ослушаться начальства?”

Положимъ, что самъ митрополитъ, въ полномъ облаченіи и съ крестомъ въ рукѣ пришелъ бы къ кому-нибудь и сказалъ бы: “Поди—зарѣжь своего роднаго брата.” Такъ тотъ сейчасъ пошелъ бы и зарѣзалъ? Нѣтъ! Всякій бы подумалъ, что митрополитъ съ ума сошелъ, или самъ злодѣй и клятвopреступникъ, играющій крестомъ и облаченіемъ

А чтожь дѣлаетъ начальство, когда приказываетъ солдатамъ идти противъ народа? Велитъ идти зарѣзать роднаго брата. Только что у начальства нѣтъ и святости, которою бы слугавитъ и ввести челоѣка въ грѣхъ, и вмѣсто облаченія — иѣмецкій мундиръ съ эполетами, и вмѣсто креста—шпицрутень.

“Да это-то и страшно”, скажутъ солдаты, “начальство высѣчетъ”.—И это скажутъ люди, которые не боялись ни турецкихъ, ни французскихъ пуль! Сотнями тысячъ, возлѣ нихъ, недавно въ Крыму костями легли ихъ товарищи, за то, что Николаю Павловичу вздумалось повздорить съ французомъ. А тутъ, когда надо спасти народъ русскій отъ кровавой напасти, вдругъ стало страшно—и кого же—начальства! Стыдъ какой! И съ чего же страхъ-то? Ну, скажетъ генералъ: “стрѣляй по народу!” А солдаты скажутъ: “Не хотимъ, грѣхъ!” Что же дѣлаетъ генералъ? Самъ струсить, повернетъ лошадь, да и ускачетъ.

“Да! ускачетъ, да приведетъ другое войско!” А если и другое войско не пойдетъ? Тогда что?... Ну, тогда очень просто—народу отдадутъ землю и волю безъ всякаго кровопролитія. Видите, что пустой страхъ можетъ надѣлать бѣду и пролить неповинную кровь народа, чтобы отнять у него его достояніе; а если солдаты, безъ всякаго бунта, мирно и твердо скажутъ: “Не возьмемъ грѣха на душу, не пойдемъ противъ народа”—все будетъ спасено, и спокойствіе Россіи и воля народная и достояніе народное. Вѣдь наказатъ одного солдата за пьянство—легко; а наказатъ сто челоѣкъ за любовь къ народу—мудрено, а тысячу—и того мудренѣе, а сто тысячъ, а шестьсотъ тысячъ—и способу нѣтъ.

Да и гдѣ тутъ выборъ идти или нейти противъ народа! Кто сѣчетъ солдатъ? Начальство. Кто вычитаетъ изъ жалованья промѣвъ крупныхъ бумажныхъ денегъ, которыя и безъ того съ каждымъ днемъ стоить все меньше да меньше, а солдатамъ выдаются рубль за рубль? Начальство. Кто крадетъ муку съ припѣка? Начальство. Кто не платитъ мужикамъ за прокормъ солдата во время постоя? Начальство. А вѣдь чай солдатъ родился не въ генеральской или полковничьей квартирѣ, и не у ротнаго командира въ палаткѣ,—а въ народной избѣ. Кто вскормилъ его дѣтство? Народъ. Кто выростилъ его и дѣлалъ съ нимъ радость и горе? Народъ. Кто плакалъ по немъ когда его ставили въ рекруты? Народъ. Кто даетъ царю деньги на его содержаніе? Народъ. Кто и по мимо того, его кормитъ во время постоя? Народъ.

И въ *этомъ* народъ солдатъ станетъ стрѣлять по приказу *этого* начальства?

Быть не можетъ!

А еще какъ подумаешь—мается солдатъ пятнадцать лѣтъ на службѣ, а домой придетъ безсрочнымъ-ли, или въ чистую отставку,—нѣтъ у него ни кола, ни двора; царь и начальство, за службу, за битые да проголодь, даже не подумали гдѣ его приютить. Если теперь солдатъ не пойдетъ прогнѣвъ народа, и стало народъ спокойно получить землю и волю, конечно всякая деревня выдѣлитъ своему отставному солдату его участокъ земли и приметъ его какъ брата, и не пойдетъ онъ бездомникомъ напиматься въ холопы, или питаться подаиіемъ. Да не только своего, а и того, что изъ дворовыхъ или изъ мѣщанъ на службу поступилъ, любая деревня, гдѣ земли вдоволь, охотно приметъ и дастъ у себя и мѣсто на избу и надѣлъ въ полѣ. А пойдетъ солдатъ противъ народа, тогда ужъ не пеняй,—не съ чего мужику принять его какъ брата, а развѣ какъ врага лютаго. И осланется онъ народу ненавистнымъ, вгдѣ не терпимымъ бездомникомъ. А царь и начальство по прежнему скажутъ: “службу справилъ, ну и прощай, живи какъ знаешь, чѣмъ богъ послалъ, намъ теперь ты не нуженъ.”

И какаѣ же выгода въ этой службѣ? Та-ли выгода, что теперь начальство въ Варшавѣ позволяетъ солдату середь бѣла дня съ поляка часы стащить? Да вѣдь это только мерзко; часы солдатъ пропьетъ, а въ отставку все-же пойдетъ нищимъ, да еще гнуснымъ воршишкой и разбойникомъ. Начальство говоритъ солдату: “будь мерзавцемъ, грабь твоего брата, только помоги намъ его зарѣзать; а отслужишь, ступай на всѣ четыре стороны, какъ вѣчный жидъ на скитаніе.” Мы говоримъ солдату: Спаси твоего брата, не рѣжь его, не грабь его, будь чистъ передъ совѣстью, и будетъ тебѣ данъ у народа приютъ безбѣднѣй, пока живъ, и будетъ твоя кончина непостыдная и мирная.

Что лучше—сами судите.

“Да, скажутъ солдаты, неите противъ народа, когда царь приказываетъ, можетъ противно присягѣ”.

Есть двѣ присяги настоящія: одна, которую каждый челоѣкъ принимаетъ на себя родившись, это присяга—ограждать народъ, въ которомъ онъ родился, отъ всякаго врага и насилія. Это присяга природная.

Другая присяга добровольная. Если кто дастъ обѣтъ богу—сходить-ли помолиться или помочь брату въ несчастіи; такой присяги не сдержатъ грѣхъ. Самъ захотѣлъ ее дать, такъ и держи слово.

А третья присяга—приказанная. Ее даютъ со страху и противъ собственной воли. Человѣкъ или самъ не знаетъ въ чемъ клянется, или со страху жетъ. Это не присяга, а обманъ.

Хорошо еще, если ради этой присяги, скажутъ: “ступай, спасай свой народъ отъ врага”,—тогда она согласна съ присягой природной.

А если скажутъ: “ступай стрѣляй по своему народу”—тогда эта присяга противна присягѣ природной и становится клятвопреступленіемъ.

Развѣ боги научили Каина убить брата своего Авеля, или другой кто?

А что же дѣлаетъ царь, когда играя присягой, посылаетъ солдата противъ народа, какъ не то же, что посылаетъ Каина убить брата своего Авеля?

Нѣтъ, тутъ уже чутьемъ слышится, что тотъ солдатъ, или офицеръ, который станеть стрѣлять по народу (русскому-ли, польскому-ли), просящему воли, будетъ проклятъ, какъ Каинъ.

А офицеры?

Офицеровъ много хорошихъ, которые любятъ народъ и готовы отступить отъ всѣхъ своихъ барскихъ выгодъ въ его пользу, а поэтому любятъ и солдата; эти вѣрно не поведутъ его противъ народа.

Есть много и дурныхъ, которымъ побить мужика и солдата, и ограбить ихъ—ни почему.

Есть много и такихъ, которые ни то, ни сѣ, готовы пристать къ хорошимъ, а пожалуй пойдутъ и за дурными.

Дѣло хорошихъ крѣпко соединится между собою и рѣшитъ: пенди противъ народа. Тогда тѣ, которые ни то ни сѣ, пристанутъ къ нимъ и тоже не пойдутъ противъ народа. Да и выгоды имъ нѣтъ помогать правительству, которое запираетъ школы, гдѣ ихъ сыновья и братья могли бы обучаться, или заставляетъ плагить за ученье деньги, которыхъ они платить не въ силахъ.

А дурные—дурные пусть покаются, пока есть время, да не только слезами—плакать всякій ханжа умѣетъ—а дѣломъ, то есть перестанутъ бить и грабить солдатъ, и откажутся вести ихъ противъ народа. Вѣдь если они пойдутъ противъ народа, начнется рѣзня—и головы ихъ-же братьевъ помѣщиковъ и сестриць-помѣщицъ полетятъ ни за что, ни про что; а не пойдутъ—все обондется мирно, народу отдадутъ землю и волю, и помѣщиковъ оставятъ въ покоѣ и дадутъ имъ пособие, изъ общихъ государственныхъ доходовъ; стало никто обиженъ не будетъ.

Говорятъ, что гвардія содержана лучше, чѣмъ армія и готова разорвать народъ на части по приказу царскому.

Не вѣримъ. Содержана она лучше, а формами да ученьями измучена хуже, такъ что особой любви и нѣжности къ начальству, гвардіи имѣть не съ чего. Да не вѣримъ мы не потому, что она измучена ученьями, а потому, что и она грѣха и срама на себя не положитъ, Каиномъ не будетъ, вспомнить, что она не царскіе наемники безъ роду и племени, а своего народа дѣти и защитники. Пора повяты, что и гвардія и армія—все равно солдаты, которые родились въ народѣ и пошли служить на защиту, а не на гибель народу. Стало дѣло солдатское не мѣшать, а помочь народу получить волю и землю.

Царь подписалъ приказъ какъ и когда бить народъ... Съ чего же ему вздумалось отдать такой приказъ и велѣтъ

напечатать*?. Стало, онъ боится народа. А гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ силы.

Стало, войску бояться печего спасти Россію отъ бѣды и кровопролитія, отказавшись идти противъ народа. Положимъ, что первый полкъ, который откажется—будетъ распущенъ, какъ вестарину Семеновскій или Московскій полкъ. Но за то всѣ другія полки послѣдуютъ его примѣру, и кровь народная не полетѣтъ. А и то сказать, что распуштитъ его и не посмѣютъ, да не посмѣютъ и не датъ народу земли и воли.

Положимъ, что перваго офицера или солдата, которые откажутся стрѣлять по народу, сошлютъ на каторгу, или прогонять сквозь строй, или разстрѣляютъ. Есть изъ за чего и пострадать; умѣли страдать въ Севастополѣ за ни что, а тутъ за народное дѣло—да не пострадать, стыдно. Ну—пусть одного, двоихъ разстрѣляютъ, за то другіе офицеры и солдаты послѣдуютъ ихъ примѣру, кровь народная не полетѣтъ, а ими ихъ запишется на ряду со святыми мучениками.

А и то сказать—ихъ ни сослать, ни наказать, ни разстрѣлять не посмѣютъ, потому что все войско послѣдуетъ ихъ примѣру. Еще разъ скажемъ: одного наказать за пьянство легко; а наказать сто человѣкъ за любовь къ народу—мудрено, а тысячу человѣкъ—и того мудренѣе, а сто тысячъ, а шесть-сотъ тысячъ и способу нѣтъ.

Стало что-же дѣлать войску послѣ царскаго приказа 4го Сентября?

Спаси Россію отъ кровавой напасти, не мѣшать народу спокойно получить землю и волю, то есть—твердо и мирно стоять ничего не дѣлать и нейти противъ народа.

Спасемъ-же пашъ народъ и благословимъ достояніе его!

ИЗЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА.

...“Влѣпять тебѣ палокъ сто и пропадетъ твоя служба ни за что”.

(Солдатская сказка).

... Армейскій солдатъ получаетъ жалованья около 90 к. сер. въ треть и аммуничныхъ денегъ около 70 к. сер. И жалованье, и аммуничныя, какъ вообще суммы военнаго вѣдомства, выдаются по трегямъ, т. е. каждые четыре мѣсяца.

Эти деньги выдаются солдату па руки ротнымъ или эскадроннымъ командиромъ,† который получаетъ ихъ отъ полковаго казначея.

Жалованье подлежитъ двумъ вычетамъ: 1) *Образному* (для ротнаго образа), этотъ вычетъ добровольный, т. е. всякій даетъ сколько ему вздумается; а такъ, какъ совершенно невозможно выдать каждому солдату ровно столько, сколько ему слѣдуетъ, потому что выдаваемые деньги состоятъ всегда изъ столькихъ-то копѣекъ съ половиной или четвертью, то вотъ эти-то половины и четверти и идутъ въ образной вычетъ. 2) *Цирюльнику*—вычетъ обязательный, помнится 2 к. сер. съ человѣка въ треть.

Есть третій вычетъ, не официальный, невольный; это вычетъ за размѣнъ крупныхъ ассигнацій, которыми обыкновенно получается жалованье съ роты, на мелочь для раздачи по рукамъ.

Размѣнъ этотъ дѣлается артельщикомъ или самимъ ротнымъ командиромъ.

* Напечатанъ въ Спб. Вѣдомостяхъ, 23 Сентября, 1861 года, №. 209.

† Разъ навсегда замѣтимъ, что гдѣ будетъ говорится ротныя, тамъ должно подразумѣвать и эскадронныя; и рота и эскадронъ хозяйственный единицы, одна—пѣхотнаго полка, другой—кавалерійскаго. Положенія для обонхъ однѣ и тѣ-же.

Если въ ротѣ числится по спискамъ государь, то люди получаютъ еще *имянные* деньги (цифры постоянной нѣтъ—копѣекъ 25, 50 сер.). Также жалованье, получаемое государемъ по состоянію его въ этой ротѣ (шефскія деньги), идетъ въ экономическую (сѣбстную) сумму роты. Только часть имянныхъ денегъ выдается людямъ на руки, часть назначается по усмотрѣнію полковаго командира. Остальное идетъ въ экономическую сумму.

За разводы, смотры, парады и маневры въ присутствіи государя, жалуются участвовавшимъ войскамъ наградныя деньги, отъ 25 к. до 1 р. и болѣе, на человека, смотря по степени высочайше ощущеннаго удовольствія. Не удастся смотрѣ—и денегъ не дается. Деньги эти полагаются выдавать непременно людямъ на руки.

Такъ какъ государь числится только въ очень немногихъ армейскихъ полкахъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ имъ смотры только одинъ разъ въ нѣсколько лѣтъ, то для арміи вообще всѣ эти экстренныя пособія не существуютъ. Гвардія находится въ положеніи, сравнительно, значительно лучшемъ относительно денежнаго довольствія нижнихъ чиновъ: во-первыхъ, жалованье и аммуниціи почти двойныя противъ арміи; во-вторыхъ, государь числится почти въ каждомъ полку, разводы бываютъ для каждой части 6, 7 разъ въ годъ, смотры безпрестанные, маневры каждую осень. Все это вмѣстѣ даетъ солдату около 15 р. сер. въ годъ на руки.

Жалованье унтеръ-офицеровъ примѣрно вдвое больше жалованья рядовыхъ; остальные деньги одинаковы.

Кромѣ денежнаго довольствія, солдатъ получаетъ еще отъ казны слѣдующее:

Мундиръ съ брюками на 3 года.

Шинель „ 2

1 пару сапогъ смазныхъ съ длинными голенищами, въ годъ.

1 пару сапогъ опойковыхъ обыкновенныхъ „

1 сапожный товаръ опойковый „

3 рубахи полотномъ „

2 подштанниковъ полотномъ „

Оружіе и аммуницію, т. е. ранецъ, боевую суму, всякіе ремни. Оружіе и всѣ металлическія вещи до пуговицъ включительно срока не имѣютъ; аммуниція на десять лѣтъ.

Мундиры и шинели, выслужившіе срокъ, поступаютъ въ собственность солдата (конечно за исключеніемъ пуговицъ, которыя идутъ въ сдачу).

Фуражную шапку, набрюшникъ и галстухъ (суковный) полагается солдату дѣлать на его собственный счетъ изъ выслужившихъ срокъ мундировъ.

Все прочее, нужное солдату: полотенца, мыло, ваксу, мѣлъ и клей (или воскъ и сажу) для чистки аммуниціи, щетка, деревянное масло и всякія тряпки для чистки оружія, портянки, постель; шить сапоги, шить и мыть бѣлье—все на его собственный счетъ, все на тѣ-же 5 р. въ годъ. Тутъ-же на табакъ и всякое удовольствіе.

На харчи отпускается:

1 п. 32 ф. ржаной муки и 1/15 гарнца гречневыхъ крупъ на человека въ мѣсяць.

На приварокъ и водочную порцію:

Въ гвардіи 4 к. сер. въ день.

Въ арміи 2½ „ „

Все это получается полкомъ, по списочному числу людей. Полкъ выдаетъ въ роты. Полкъ есть хозяйственная единица войска. Рота—хозяйственная единица полка.

Хозяинъ роты—ротный командиръ; помощниками его въ этомъ дѣлѣ: фельдфебель (вахмистръ), артельщикъ и каптенармусъ.

Фельдфебелемъ назначается одинъ изъ унтеръ-офицеровъ, по представленію ротнаго командира, и утверждается начальникомъ дивизіи (кажется). Онъ второе лицо въ ротѣ и во всемъ помощникъ ротнаго командира; сплошь да рядомъ онъ дѣйствительный ротный командиръ, а носящій эполеты только официальный. Жалованье его кажется около 35 р. сер. въ годъ, а въ тѣхъ ротахъ, гдѣ числится государь, рублен 100. Но у него много доходовъ и безъ жалованья, онъ со всѣхъ расходовъ роты беретъ свой процентъ, получаетъ подарки отъ юнкеровъ и офицеровъ, а иногда и отъ ротнаго командира, особенно если у послѣдняго рыльце въ пуху, или если онъ плохъ въ веденіи отчетности. Пища его готовится на ротной кухнѣ особо; причемъ мѣры провизіи и воды не соблюдается. У фельдфебеля даже есть камердинеръ, „личарда“ какъ говорятъ солдаты, изъ молодыхъ расторопныхъ солдатъ, самопроизвольно избираемый фельдфебелемъ и ничего за то не получающій. По прослуженіи двѣнадцати лѣтъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, фельдфебель производится въ офицеры прямо во второй чинъ, т. е. въ подпоручики арміи. Въ гвардейскіе-же офицеры никто изъ нижнихъ чиновъ произведенъ быть не можетъ.

Артельщикъ—рядовой, избираемый самой ротой; конечно тутъ не обходится безъ вліянія ротнаго командира и фельдфебеля. Артельщикъ покупаетъ провизію и все нужное для роты, подъ надзоромъ ротнаго командира.

Каптенармусъ, унтеръ-офицеръ, назначаемый полковымъ командиромъ по представленію ротнаго; онъ завѣдуетъ цейхгаузомъ, т. е. мундирной одеждой, аммуниціей, оружіемъ, шанцовымъ инструментомъ и пр.—всякими складами.

Въ каждой ротѣ имѣются слѣдующія суммы:

1) *Образная*, для ротнаго образа, платъ священнику, составляется изъ добровольныхъ пожертвованій.

2) *Артельная*, т. е. собственныя деньги солдатъ, принадлежащая имъ лично; составляется изъ рекрутскихъ денегъ (каждый рекрутъ обязанъ внести въ артельную сумму 3 р. с.), изъ части разныхъ наградныхъ денегъ; наконецъ, если есть лишнія деньги, то солдатъ можетъ положить ихъ въ артельную сумму (это рѣдко дѣлается, потому что вынуть ихъ обратно, долгая исторія). Сумма, составившаяся въ артели во время службы каждаго солдата, выдается ему на руки при отставкѣ (сумма эта обыкновенно не превышаетъ рублей 10, 15), въ случаѣ смерти на службѣ, для полученія ея вызываются родственники. Если таковыхъ не явится, то артельныя деньги выбывшаго перечисляются въ экономическую сумму роты.

3) *Экономическая*; составляется изъ вычетовъ изъ народныхъ денегъ, изъ продажи лишняго провіанта, изъ поступившихъ по умершимъ артельнымъ денегъ. Это самая главная и важная сумма роты, служащая на всѣ ея потребности, на покупку телѣги и лошадей для похода, на улучшеніе пищи и пр.*

* Въ гвардіи экономическая сумма подраздѣляется на собственно экономическую и на сѣбстную; отчетность ихъ ведется по двумъ особымъ книгамъ.

Отчетность по этимъ суммамъ ведется ротнымъ командиромъ по книгамъ : образной, артельной и экономической.

Кромѣ того ведутся книги для отчетности по жалованью, аммуничнымъ деньгамъ, денежнымъ письмамъ, получаемымъ нижними чинами; списки мундирамъ и всѣмъ вещамъ по срокамъ.

Всѣ эти книги повѣряются ежемѣсячно полковымъ командиромъ въ присутствіи батальонныхъ командировъ и полковаго казначея и квартирмейстера. Причемъ повѣряются самыя суммы.

Суммы хранятся въ полковомъ ящикѣ частию наличными деньгами, частию въ билетахъ оперунскаго совѣта. Ключъ отъ ящика у полковаго командира. Въ полковомъ ящикѣ находятся ротные, каждый за ротною печатью и ключемъ, хранящиеся у ротнаго командира.

Какъ уже сказано, роты получаютъ муку и крупу, по списочному числу людей и деньги на приварокъ. Пища солдата состоитъ изъ щей, съ саломъ или мясомъ, и грешневой каши; хлѣба отпускается на каждаго 3 фунта въ день, квасу à discrétion.

Квасъ дѣлается изъ припека; припекомъ называется тотъ излишекъ въ вѣсѣ, который получается въ печеномъ хлѣбѣ сравнительно съ употребленной мукой; слѣдовательно мука остается и идетъ на квасъ. При хорошемъ досмотрѣ ротнаго командира припеку слишкомъ много, чтобъ онъ могъ весь быть употребленъ на квасъ; остатокъ проданный идетъ въ экономическую сумму. Впрочемъ, это рѣдко гдѣ соблюдается.

По постнымъ днямъ, и пища постная : похлебка или кашница, постные щи со снятками или изъ головизны.

Пищу даютъ два раза въ день : обѣдъ и ужинъ; каша варится только на обѣдѣ!

Муку, крупу и мясо получаютъ роты отъ полка.* Мука и крупа получаютъ полкомъ изъ провіантскихъ комиссій, мясо берется отъ подрядчика.

Прочая провизія : лукъ, перецъ, капуста, масло, и проч. покупается ротными артельщиками подъ надзоромъ ротнаго командира.

Гвардейскіе полка всѣ имѣютъ свои собственные огороды, обрабатываемые солдатами во время свободное отъ служебныхъ занятій.

Изъ армейскихъ полковъ очень немногіе имѣютъ такіе огороды. Гвардейскіе полки находятся всегда въ собранномъ расположеніи : зимой — въ казармахъ, лѣтомъ въ лагерѣ, или (мѣсяцъ или два, весною) въ какой-нибудь деревнѣ, на тѣсныхъ квартирахъ. Слѣдственно люди всегда продовольствуются, какъ говорится, изъ котла, т. е. пища варится въ ротахъ. Да они и имѣютъ средства покупать круглый годъ провизію. Для арміи-же это рѣшительно невозможно, какъ по ея расположенію на квартирахъ, такъ и по недостатку средствъ. Армейскіе полки, большею частию, стоятъ собранно только лѣтомъ въ лагерѣ и весною на тѣсныхъ квартирахъ, тутъ они кормятся изъ котла. Остальное время они располагаются, что называется на просторныхъ квартирахъ, т. е. слѣдующимъ образомъ : полковой штабъ въ губернскомъ городѣ, батальонные штабы въ уѣздныхъ, роты въ разбивку по деревнямъ; случается, что одна рота занимаетъ деревень 15, 20. Люди при этомъ разводятся по крестьянскимъ

* Иногда полковые командиры предоставляютъ самимъ ротамъ покупать мясо; это бываетъ, когда полкъ квартируетъ не собранно.

дворамъ; смотря по расположенію, на одного человѣка приходится отъ 10 до 20 дворовъ.

При такомъ расположеніи люди не получаютъ отъ своихъ частей никакой пищи, кромѣ сухарей. Приварокъ должны давать крестьяне, что они обыкновенно и дѣлаютъ, и не только приварокъ, но и хлѣбъ даютъ. Слѣдовательно тутъ о пищѣ солдатъ ничего нельзя сказать опредѣлительнаго. Богатъ у него хозяинъ и радушень—солдатъ ѣсть хорошо. Хозяинъ обѣденъ или скупъ—солдатъ голодаетъ. Если крестьяне даютъ солдатамъ, кромѣ приварка, и хлѣбъ, то роты обязаны возвратитъ имъ его или мукой въ количествѣ 32 фунтовъ въ мѣсяцъ, или деньгами за то-же количество, по справочнымъ цѣнамъ. Но только этого никогда не дѣлается : иногда крестьяне добровольно прощаютъ солдатамъ хлѣбъ, что обыкновенно бываетъ, если они довольны постоемъ; а иногда, если они и не хотятъ сначала простить, то ротный командиръ купитъ ведра два водки, угоститъ стариковъ, и дѣло сдѣлано. Въ случаѣ-же если крестьяне требуютъ рѣшительно хлѣба, то такъ какъ войско можетъ имъ выдать по своему усмотрѣнію деньгами или мукой, то имъ и даютъ муку самаго дурнаго качества — подмоченную, затхлую, слежавшуюся въ камень и негодную даже на посыпку корма скоту.

Оставшійся такимъ образомъ въ экономіи за зиму провіантъ продается, и деньги поступаютъ въ экономическую сумму; причемъ обыкновенно 3 этихъ денегъ идутъ въ карманъ полковаго и ротныхъ командировъ. Это воровство провіанта, у солдатъ впрочемъ существуетъ только въ пѣхотныхъ полкахъ. Въ полкахъ кавалерійскихъ людей не обкрадываютъ, но, съ гораздо большею выгодною обкрадываютъ лошадей. Крестьянъ-же грабятъ равно какъ тѣ, такъ и другіе — только одни хлѣбомъ, а другіе сѣномъ, соломой, овсомъ.

Хозяйство полка ведется полковымъ командиромъ съ помощью казначея и квартирмейстера. Казначей и квартирмейстеръ выбираются самими офицерами изъ своей среды; всѣ офицеры полка отвѣчаютъ своимъ имуществомъ и жалованьемъ за растрату казенныхъ денегъ казначеемъ или квартирмейстеромъ.

Полкъ получаетъ натурой : оружіе, аммуницію, сукно, холстъ, сапожный товаръ, муку и крупу; на все прочее деньги по справочнымъ цѣнамъ. Справочныя цѣны назначаются мѣстными властями сообразно не дѣйствительности, а суммѣ ходатайства полковаго командира. Въ Крыму напри- мѣръ, во время послѣдней войны, справочныя цѣны на сѣно доходило до 2 р. сер. за пудъ, кажется даже и больше, между тѣмъ полковымъ командирамъ оно обошлось кругомъ отъ 15 до 20 к. сер. съ пуда. Они закупали сѣно съ лѣта, въ восточной части Крыма верстъ за 80 за Карасубазаромъ, а перевозка имъ не стоила ничего, потому что сѣно перевозилось на собственныхъ полковыхъ лошадяхъ. Кавалерійскіе полки, получая деньги на сѣно по справочнымъ цѣнамъ, обыкновенно занимаютъ подъ покось луга у помѣщиковъ; косятъ же сами солдаты и разумѣется даромъ, а весь барышъ идетъ полковому и эскадроннымъ командирамъ.

На поддержку аммуниціи, оружія, обоза, отпускаются ремонтныя деньги (въ такомъ количествѣ, что на нихъ рѣшительно ничего поддержать нельзя).

Музыку полкъ долженъ имѣть; но на нее почти ничего не отпускается.

Отчетность полка состоитъ въ представленіи мѣсячныхъ

отчетовъ и годовыхъ въ военное министерство. Такъ какъ счетъ всегда можно написать такъ, чтобъ всё итоги были вѣрны, то въ сущности контроля нѣтъ никакого.

Считаются контролемъ инспекторскіе смотры, производимые нѣсколько разъ въ годъ всѣми возможными начальствами: корпусными командирами, дивизионными, помощниками дивизионныхъ (бывшими бригадными). Но на дѣлѣ инспекторскіе смотры не ведутъ рѣшительно ни къ чему и рѣдко открываютъ какое-нибудь злоупотребленіе.

Инспекторскіе смотры состоятъ въ осмотрѣ одежды, оружія и аммуниціи, обоза, въ повѣркѣ книгъ и суммъ по книгамъ; въ осмотрѣ полковыхъ лазаретовъ, и изысканіи причинъ частыхъ болѣзней или смертности; наконецъ въ вопросѣ претензіи нижнихъ чиновъ и офицеровъ, т. е. довольны-ли они всѣмъ и не имѣютъ-ли чего противъ начальства.

Одежда, оружіе и аммуниція на смотре рѣдко бываютъ не въ исправности. Обозъ и шанцевый инструментъ выкрашены за-ново, и слѣдственно на глазъ хороши. Въ обозѣ иногда лошадей содержится меньше чѣмъ слѣдуетъ, для выгоды полковаго командира, который, получая фуражъ на полное количество лошадей, кладетъ его въ карманъ. Но это ничего не значитъ; для инспекторскаго смотра займутъ собственныхъ лошадей у офицеровъ, у знакомыхъ помѣщиковъ, купцовъ—и инспекторъ даже поблагодаритъ полковаго командира за то что у него хорошия и хорошо содержанныя лошади. Для повѣрки суммъ—суммы, чтобъ положить въ ящикъ на одинъ день, также найдутся; объ этомъ заботятся и казначей и квартирмейстеръ, чтобъ не идти подъ судъ, и офицеры, чтобы не платить потомъ за нихъ.

Осмотръ госпиталя не страшенъ; инспекторъ смотритъ только, чтобъ все было по формѣ и чисто, а въ остальномъ онъ ничего не понимаетъ, и если полковой докторъ живетъ въ согласіи съ полковымъ командиромъ (что всегда бываетъ), то послѣднему бояться нечего.

Опросъ претензіи—комедія и больше ничего. Ни офицеръ, ни солдатъ не осмѣлятся пожаловаться на полковаго командира; они очень хорошо знаютъ, что полковой командиръ всегда останется правъ собственно потому, что онъ начальникъ, а тому, кто пожалуется, придется плохо; если пожалуется офицеръ, то полковой командиръ просто выключитъ его изъ службы!* если солдатъ — то его засѣкутъ... Къ тому же положенію, жалоба на полковаго командира, идетъ на разсмотрѣніе къ полковому-же командиру, а слѣдственно онъ можетъ ее и задержать и объяснить какъ хочетъ.

Вообще, въ войсковой іерархіи, полковой командиръ есть самое вліятельное лицо, какъ для солдатъ, такъ и для офицеровъ.

Положенія о власти полковыхъ командировъ совершенно одни и тѣ-же для гвардіи и для арміи. Но въ гвардіи эта власть смягчается постоянной близостью высшихъ властей (корпусныхъ командировъ, начальниковъ штаба, начальниковъ дивизій) и сравнительно болѣе независимымъ положеніемъ офицеровъ. Въ арміи она становится почти самодержавной. Тутъ корпусный командиръ живетъ за 200, 300 верстъ, дивизионный за 100; въ полкъ они только показываются по временамъ, а надзора постоянного не имѣютъ и не могутъ имѣть—маленькому офицеру, солдату, до нихъ почти и дѣла нѣтъ.

* Послѣ Крымской войны полковымъ командирамъ высочайше предоставлено право представлять офицеровъ къ выключенію изъ службы, не давая при этомъ никакихъ объяснительныхъ причинъ.

Непосредственно, по своему значенію для солдата, за властью полковаго командира слѣдуетъ власть ротнаго командира. Причины въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ-же; и полковой и ротный командиръ имѣютъ въ своихъ рукахъ и хозяйство, и надзоръ за нравственностью, и за внутреннимъ порядкомъ, и обученіе; тогда какъ прочихъ властей хотя и вышеставленныхъ,* и по закону имѣющихъ больше правъ, солдатъ знаетъ почти исключительно на ученьи. Они, правда, должны имѣть наблюденіе и надъ хозяйствомъ, и за порядкомъ; но такъ, какъ они ни за то, ни за другое почти не отвѣчаютъ, то и наблюденія не имѣютъ.

Субалтернъ-офицеры† рѣшительно не имѣютъ никакого вліянія. Въ хозяйство они мѣшались не имѣютъ да и не смѣютъ, въ обученіе также, или очень мало; все ихъ дѣло прокомандовать своимъ взводомъ на ученьи и сходить, когда придетъ очередь, въ караулъ. Вліяніе для нихъ тѣмъ болѣе невозможно, что и на ученьи, и въ караулѣ они командуютъ не постоянно одними и тѣми-же людьми, а какими придется—сегодня одной роты, завтра другой.

Въ гвардіи они больше значатъ. Во-первыхъ предписано чтобы въ гвардіи офицеры командовали на ученьи и ходили въ караулъ съ людьми своей роты, а во вторыхъ они занимаются по вечерамъ обученіемъ людей грамотѣ. Но это только съ недавняго времени.

Содержаніе офицеровъ какъ въ гвардіи такъ и въ арміи совершенно одно и то же; но такъ какъ чинъ гвардейскій двумя чинами выше армейскаго того-же наименованія, то и жалованье гвардейскіе офицеры получаютъ соотвѣтственно своему армейскому чину—это составляетъ для нихъ рублей 30 серебромъ въ годъ лишняго. Жалованье корнета или прапорщика‡ арміи приблизительно 240 р. с. въ годъ; на каждый чинъ оно увеличивается по 15 р. с. Майоръ получаетъ около 400 р. с. Полковникъ 560 р. въ годъ, а если онъ полковой командиръ, то рублей 1000 въ годъ. Генералъ-майоръ 1200, генералъ-лейтенантъ около 2000, полный генералъ около 4000 р. сер. Въ генеральскихъ чинахъ содержаніе измѣняется смотря по занимаемымъ мѣстамъ.

Такъ какъ въ гвардіи рѣшительно невозможно для офицера прожить своимъ жалованьемъ, то отъ родителей или отъ опекуновъ каждаго поступающаго въ гвардію требуется реверсъ, или подписка засвидѣтельствованная предводителемъ дворянства, въ томъ что молодой человекъ имѣетъ состояніе достаточное, чтобы прилично содержать себя въ гвардіи.

Не смотря на это, многіе служатъ въ гвардіи рѣшительно не имѣя никакого состоянія. Они живутъ въ долгъ, имѣя въ виду, быть полковыми командирами и тогда расплатиться. Расчетъ этотъ обыкновенно удавался.

Армейскій офицеръ не можетъ имѣть этого въ виду, по той причинѣ, что хотя и есть много армейскихъ офицеровъ дослуживающихся до полковника, но очень мало получающихъ полки. Почти всѣ командиры армейскихъ полковъ — гвардейцы.

Невозможность выбраться изъ низшихъ чиновъ, при скудости средствъ и отсутствіи всякой надежды на улучшеніе въ будущемъ, производятъ въ армейскихъ офицерахъ посто-

* Батальонные командиры и дивизионеры, т. е. командиры четырехъ ротъ или двухъ эскадроновъ; бригадные генералы (теперь называемые помощниками начальника дивизіи, т. е. командиры 2-хъ полковъ).

† Ниже ротнаго командира.

‡ Первый офицерскій чинъ.

янное озлобленіе и противъ гвардіи и противъ правительства. Разбросанные по деревнямъ, не имѣя ни книгъ, ни средствъ имѣть ихъ, безъ общества, безъ значенія, они копчаютъ тѣмъ, что спиваются съ кругу, или достигнувъ званія ротнаго командира немилосердно грабятъ солдатъ—а потомъ выходятъ въ отставку и дѣлаются на пограбленные деньги мелкопомѣстными владѣльцами.

Но въ настоящее время и гвардейскіе офицеры чрезвычайно недовольны своимъ положеніемъ. Крымская война привлекла множество молодыхъ людей на службу. Война кончилась, штаты полковъ сократили, а офицеровъ осталось множество совершенно лишнихъ и потому производство остановилось* и безъ новой войны не двинется; а какъ войны не предвидится, то и неудовольствіе растетъ все болѣе и болѣе.

Это неудовольствіе настоящимъ порядкомъ вещей, общее всѣмъ офицерамъ вообще, не перешло еще къ гвардейскому солдату; онъ вообще скорѣе доволенъ своимъ положеніемъ.— Армейскій на противъ.

По новому положенію срокъ службы солдата 15 лѣтъ; это не значитъ еще, чтобъ онъ дѣйствительно служилъ 15 лѣтъ. Черезъ 15 лѣтъ онъ только представляется къ отставкѣ, а разрѣшеніе инспекторскаго департамента можетъ придти гораздо позже; такъ передъ послѣднею войною инспекторскій департаментъ задержалъ всѣ отставки и я знавалъ въ Крыму солдатъ на 28 и 29 году службы†; ихъ выпустили только по заключеніи мира, безъ всякаго впрочемъ вознагражденія за сверхъ-прослуженное время.

Вся жизнь солдата на службѣ въ продолженіи года подраздѣляется на два отдѣльные періода: лѣтній и зимній.

Лѣто — время лагеря; ежедневныя ученья, смотры, постоянная чистка всякой принадлежности, маневры. Пища хорошая, изъ котла.

Люди живутъ это время въ палаткахъ. Въ гвардіи лагерь устроенъ постоянно въ Красномъ селѣ; въ палаткахъ деревянные полы, самыя палатки двойныя, прочныя, пробиваемыя только сильнымъ дождемъ. Въ арміи палатки старыя и худыя и поставлены просто на землѣ; а потому, при изнурительности занятій, люди сильно болѣютъ. При томъ въ гвардіи ученья продолжаются два-три часа въ день, а въ арміи, сколько вздумается полковому командиру — утромъ и вечеромъ, за каждый разъ часа по четыре. При этомъ палокъ не жалѣется и людей бьютъ постоянно; въ гвардіи-же, солдату целовко дагъ выше положеннаго по закону, да и надобности нѣтъ, потому что если солдатъ плохъ, то его тотчасъ переводятъ въ армію.

Зимній періодъ совершенно различенъ въ гвардіи и арміи.

Въ гвардіи войска — стоятъ зимой въ казармахъ; занятія состоятъ въ заниманіи карауловъ, въ обученіи вновь прибывшихъ рекрутъ, въ гимнастикѣ и въ обученіи грамотѣ по вечерамъ. Пища постоянно изъ котла.

Армейскій солдатъ въ зимнее время почти совершенно свободенъ отъ учений. Онъ живетъ себѣ въ деревнѣ, на постоѣ у крестьянина, помогаетъ ему кой въ чемъ по дому, снимаетъ мундиръ и носитъ крестьянскій полушубокъ.

* Въ войскѣ производство идетъ по вакансіямъ, а не по срокамъ какъ въ штатской службѣ. На примѣръ, если положимъ полагаются имѣть 5 капитановъ и они есть на лицо, то надо чтобъ одинъ изъ нихъ выбылъ, чтобъ старшій изъ штабсъ-капитановъ могъ быть произведенъ въ капитана.

† Тогда срокъ былъ еще 25-тилѣтній.

Богъ опъ съ крестьяниномъ-же и другой пищи не получаетъ. Отдѣленный отъ ротнаго двора зимними вьюгами и мятелями, и расстояніемъ въ 15, 20 верстъ и болѣе, онъ до весны кромѣ рѣдкихъ случаевъ, не имѣетъ никакихъ сношеній съ начальствомъ и живетъ крестьянскою жизнью. Только рекруты ставятся всегда въ той-же деревнѣ, гдѣ ротный дворъ или по возможности близко, и учатся всякой день. Отношенія между крестьяниномъ и солдатомъ большей частью совершенно дружественныя; размолвки бывають правда — изъ за дѣвки, изъ за украденной курицы, изъ за свезеннаго стога сѣна. Но крадетъ курицу большей частью девчицъ по приказанію офицера; а стогъ свозитъ артельщикъ по приказанію эскадроннаго командира—солдатъ тутъ ни причемъ.

Законъ ограждаетъ крестьянъ отъ неудовольствій со стороны постоя тѣмъ, что ставитъ въ обязанность начальнику части, расположенной по деревнямъ, представить по оставленіи стоянки квитанцію, за подписью крестьянскихъ старостъ, въ томъ, что крестьяне постоємъ остались довольны и претензій никакой не имѣютъ. Но квитанцію эту такъ легко получить двумя ведрами вина или знакомствомъ съ становымъ, что въ сущности огражденія тутъ нѣтъ никакого. Вообще армейскій солдатъ держится только страхомъ наказанія; побѣги въ арміи чрезвычайпо часты. За нихъ, какъ извѣстно гоняють сквозь строй и опять оставляютъ на службѣ.

Гвардейскій солдатъ напротивъ вообще доволенъ своимъ положеніемъ, и если презираетъ мужика, то по крайней мѣрѣ отчуждается отъ него совершенно, вслѣдствіе 15-ти лѣтняго постоянного разобщенія. Побѣги бывають — но очень рѣдко; за нихъ тотчасъ переводятъ въ армію, но не наказываютъ тѣлесно.

Во время прохожденія службы солдатъ можетъ быть произведенъ въ унтеръ-офицеры. Для этого надо чтобъ онъ поступилъ на службу въ очень молодыхъ лѣтахъ, или былъ изъ солдатскихъ дѣтей (иначе онъ никогда не достигнетъ той степени выучки, которая требуется отъ унтеръ-офицера) и грамотенъ. Притомъ число унтеръ-офицеровъ ограничено, и сверхъ его въ унтеръ-офицеры не производятъ.

Унтеръ-офицеръ точно также подлежитъ тѣлесному наказанію какъ рядовой, и по малѣйшему желанію полковаго и даже ротнаго командира можетъ быть разжалованъ обратно въ рядовые. Онъ жалованья получаетъ только немного больше и потомъ имѣетъ шансъ попасть въ фельдфебели.

Единственное право унтеръ-офицера состоитъ въ томъ, что послѣ 12-ти лѣтней службы, онъ можетъ быть произведенъ въ офицеры, если будетъ одобренъ начальствомъ относительно поведенія и выдержитъ въ корпусномъ штабѣ установленный на этотъ предметъ экзамень. При теперешнемъ обиліи офицеровъ, экзамень этотъ выдержать не легко (не смотря на то, что онъ не труденъ), потому что въ офицерахъ нѣтъ надобности.

По выдержаніи экзамена онъ можетъ или быть произведенъ въ офицеры, или отказавшись отъ производства выйти въ отставку съ названіемъ кандидата и съ пожизненнымъ пенсіономъ $\frac{2}{3}$ офицерскаго жалованья (около 160 р. с.)

Солдаты и унтеръ-офицеры могутъ быть также награждаемы разными знаками отличія, избавляющими отъ тѣлеснаго наказанія.

Избавленіе это, въ гвардіи, существуетъ de facto, въ арміи только de jure. Если полковому командиру вздумается

наказать солдата, который не подлежит телесному наказанию, то онъ прибѣгаетъ къ слѣдующему способу : онъ предлагаетъ солдату или быть выпорону или быть отдану подъ судъ и лишена всѣхъ плодовъ своей службы. Солдатъ вѣрно знаетъ, что изъ подъ суда онъ правъ ни въ какомъ случаѣ не выйдетъ, и выбираетъ — розги.

Солдаты бываютъ увольняемы въ отпуски срочные и безсрочные. Срочные отпуски даются рѣдко, только на близкое разстояніе и на очень короткое время.

Безсрочный отпускъ—та-же отставка, потому что солдатъ предоставленъ въ немъ своимъ собственнымъ средствамъ и ничего отъ казны не получаетъ. Но онъ не воленъ пристроиться на какое-нибудь постоянное мѣсто, потому что всякую минуту можетъ быть призванъ обратно. Къ тому-же безсрочныхъ всякое лѣто собираютъ въ ближайшей губернской городъ, на двѣ, на три недѣли для ученій.

Прослуживъ патнадцать лѣтъ или больше, солдатъ получаетъ отставку, свои артельныя деньги (рублей 10-15, а иногда всего тѣже 3 руб., которые онъ принесъ съ собою на службу) и отпускаютъ его съ богомъ на всѣ четыре стороны. Отъ земной работы онъ отвыкъ, рѣдко знаетъ какое нибудь мастерство; найти мѣсто швейцара, конюха или сторожа очень легко. Найдеть онъ — хорошо; а нѣтъ — такъ и станеть на старости побираться, хоть и твердили ему, что “за царемъ служба не пропадетъ”.....

С М Ъ С Ъ.

по дѣлу Брутовъ и Кассіевъ III отдѣленія.

Мы полагали, что обличивъ и передавъ смѣху всей Европы ноздревскую родомонтаду III отдѣленія и его угрозы, мы покончили съ ними. Оказалось не такъ. Неизвѣстное намъ лицо, подписавшееся псевдонимомъ *Шедо-Ферроти*, прислало намъ довольно длинное и очень поучительное письмо, окончивающееся : “надеждой автора, что мы не откажемъ въ его просьбѣ помѣстить это письмо въ русскомъ журналѣ издаваемомъ нами подъ названіемъ *Колокола*”.

Мы никогда не обязывались печатать все что посылается намъ, особенно все что посылается противъ насъ. Всегда готовые принять и напечатать опроверженіе, поправку факта, отвѣтъ—всегда готовые принести повинную голову въ ошибкѣ, мы не брали на себя смѣшной роли людей, позволяющихъ себя показывать своими собственными руками.

О г. Шедо-Ферроти мы никогда ничего не печатали, слѣдственно лично вызвать его отвѣта не могли. Г. Шедо-Ферроти какъ защитникъ правительства, какъ консерваторъ имѣетъ право быть недовольнымъ нами, считать именно меня обезумѣвшимъ отъ тщеславія, жалѣть объ этомъ или радоваться, печатать это или нѣтъ; но адресоваться съ своими замѣчаниями лично къ человѣку незнакомому,* и притомъ къ человѣку неизъявлявшему желанія быть имъ исправленнымъ, очень странно.

Можетъ увлеченный своимъ дидактическимъ желаніемъ наставить меня на путь истинный, г. Шедо-Ферроти не подумалъ объ этомъ, хотя скромность человѣка гонящаго тщеславіе и должна была его остановить—какъ бы то ни было, но мы увѣрены, что г. Шедо-Ферроти найдетъ

* Я не могу считать знакомствомъ то, что г. Шедо-Ферроти написалъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ письмо ко мнѣ, на которое я отвѣтилъ частнымъ письмомъ. Я даже не зналъ, что подпись Шедо-Ферроти псевдонимъ, еслибы это не было сказано въ его письмѣ.

справедливымъ нашу просьбу — *исправлять насъ общими путями мласности*, не адресуясь прямо къ людямъ, не заслужившимъ ни столько вниманія, ни столько заботливости.

5 ноября 1861.

И—ръ.

— Ковенскій губернаторъ *Хоминскій*, т. е. полякъ, былъ назначенъ губернаторомъ изъ дворянскихъ предводителей въ тѣ времена, когда государь либеральничалъ и льстилъ Польшѣ. Теперь Хоминскій найденъ неблагонадежнымъ на Западѣ, теперь нужна натура *коренная*, иѣмецкая и Хоминскій переведенъ въ Вологду. Чрезвычайный успѣхъ *Путятина* заставилъ и Валуева прийтись за океанъ, онъ выудилъ какого то *Криера*, разумѣется адмирала и послалъ его княжить въ Ковно. Въ Ковнѣ полицмейстеръ Васильевъ, братъ виленскаго, (какова семья дающая *двухъ* такихъ защитниковъ самодержавія и осаднаго положенія). Ковенскіе жители задавлены постоемъ. У многихъ бѣдныхъ чиновниковъ изъ поляковъ поставлены по пяти и шести солдатъ.*

— *Петербургскія письма* — Намъ пишутъ будто профессора уговариваютъ келейно и по одиночѣ студентовъ покориться путятинскимъ фуркуламъ. Въ крѣпости около 200 студентовъ, нѣсколько студентовъ взяты у литератора *Албертини* и самъ Албертини также въ крѣпости. Въ чиновничьемъ мірѣ собирались писать адрессъ къ государю просить объ открытіи университета, адрессъ не состоялся, а Стасова, служащаго въ севастѣ, арестовали за собраніе подписей (говорятъ, было собрано до 500)... *Муравьевъ*, *Бутковъ* и пр., употребили отличную интигадацію, объявивши, что подписавшіи адрессъ будутъ исключены изъ службы *заднимъ числомъ*... Далѣе пишутъ, что Стасовъ выпущенъ, но исключенъ изъ службы; къ жертвамъ террора принадлежитъ г. Обручевъ, отдавший подъ военный судъ будто бы за пересылку по почтѣ листа *Великорусса*, 4 артиллерійскіе офицера и одинъ генеральнаго штаба.

Государь *благодарилъ телеграмомъ* свою вѣрную, побѣдоносную гвардію за храбрость оказанную въ студентскій день. Ни малѣйшаго такта, ни тѣни высшаго декораума!

Шуваловъ подался въ отставку и говорятъ будетъ замѣнелъ Апенковымъ. Увѣряютъ, что его уговорила мать оставить ремесло Дуббельтовъ и Тимашевыхъ. Какой это Апенковъ, знаменитый-ли дантистъ Нижняго-Новгорода, дававшій представленія въ театрѣ, или иной какой?†

— *Оскорбленіе бѣдности и подлая месть*. — Стипендіи получаемыя студентами Петербургскаго университета, будутъ раздаваться въ полиціи... Какіе мелкіе неюди... Въ Москвѣ, по словамъ *Теймса*, начальство поступило еще радикальнѣе, оно захватило деньги собираемыя студентами для вспоможенія бѣдныхъ товарищей.

— *Правда-ли*, что новгородскій губернаторъ всегонскаго уѣзда, въ селѣ Воскресенскомъ (помѣщика Ушакова), управляющій Аброгимъ Филиповъ *застѣкъ до смерти* крестьянина, и если правда, то не мѣшало-бы военному губернатору узнать изъ какихъ причинъ исправникъ замѣлъ это дѣло?

— *Колоколь* будетъ выходить до 1 Января 1862 г., еженедельно.

* Въ слѣдующемъ листѣ мы помѣстимъ любопытнѣйшій образецъ новаго судопроизводства въ Ковнѣ.

† Мы получили подробныя описанія университетскаго дѣла въ Петербургѣ и Москвѣ, часть ихъ будетъ тоже напечатана въ слѣдующемъ листѣ.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пепсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 112.

15 НОЯБРЯ 1861.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Третья кровь—Студентское дѣло—Адрессы въ Москвѣ—Спасеніе цензуры въ Москвѣ—Новый судъ въ Ковнѣ. Смѣсь: Назимовскій терроръ
въ Бѣлостоцкѣ—Вопросъ шляхтъ—Свѣли или не свѣли?—Подробности о 12/24 Октябрѣ—Шуваловская эманципация женщинъ—Валуевъ—Война съ Дамами.

ТРЕТЬЯ КРОВЬ!

Къ польской, къ крестьянской крови прибавилась кровь лучшихъ юношей въ Петербургѣ и Москвѣ... Пусть этимъ святымъ общеніемъ три великія дѣла спаяются въ неразрывное единство—

*Независимость Польши,
Земля крестьянамъ,
Свобода Россіи.*

Не жалѣйте вашей крови. Раны ваши святы, вы открываете новую эру нашей исторіи, вами Россія входитъ во второе тысячелѣтіе, которое легко можетъ быть начнется съ изгнанія варяговъ за море.

Ваша кровь во всякомъ случаѣ засвидѣтельствовала начало совершеннѣйшаго и многое обличила... Она обличила сочувствіе къ вамъ всей Россіи, готовность идти съ вами — со стороны молодыхъ офицеровъ, со стороны всѣхъ учебныхъ заведеній. Она обличила чего намъ ждать отъ *благодущнаго* Александра II и отъ его братцевъ, въ родѣ Михайлы-пушкаря, порывавшагося уничтожить васъ картечью. Она обличила—какіе подъячіе лакеи стоятъ во главѣ русскаго правительства. Въ Москвѣ студентовъ перебили, испугавшись проѣзда царскаго. Кровь ваша не просохнетъ на ихъ либреяхъ—до страшнаго суда народнаго!*

Значеніе университетской молодежи въ Россіи совершенно иное чѣмъ въ другихъ странахъ. Въ университетахъ, лицеехъ, академіяхъ и небольшомъ кругѣ литераторовъ укрывалась и возросла русская мысль; во все время тридцатилѣтняго избиенія ея, тамъ жила надежда и жили вѣрованія, тамъ лились слезы и сердце билось человѣческимъ негодованіемъ—въ то время какъ вся шляхетная Россія—помѣщичья, военная и чиновная подло пресмыкалась передъ бездариѣншимъ злодѣемъ въ исторіи—за право сѣчь и грабить, за чечевичу оброка и барщины, за фольгу и стеклянусь крестовъ, за потворство взяткамъ и казнокрадству. Да, въ то позорное время, когда во всей Россіи, отъ четырнадцатаго до перваго класса, не поднялось ни одного протеста—курсъ за курсомъ, школа за школой давали свою жертву... и Николай съ тупою злобой

* А пока не мѣшаетъ вестъ списки всѣхъ отличившихся по этому дѣлу. А—Адмиралъ Путятинъ, Б—Бистромъ, В—Великій князь Михайло, Т—Тучковъ и такъ до Ш—Шуваловъ.

мялъ въ своихъ лапахъ юную душу до тѣхъ поръ—пока чахотка или черкеская пуля освободила ее. Курсъ за курсомъ, не зная того, безъ формы и знаковъ, передавалъ таинственный пароль, завѣщанный мучениками 14 Декабря и этотъ пароль сказанъ теперь громко студентами въ Петербургѣ и Москвѣ. Тверская площадь прибавилась къ Псаакіевской. Инициатива эта по праву принадлежала студентамъ—они одни чисты, гражданская мысль русская тайно воспиталась въ университетахъ, пусть же она и явится на бѣлый свѣтъ какъ—*filia del reggimento* нашихъ аудиторій, изъ нихъ не труднѣе сдѣлать Земскую Думу, чѣмъ изъ залы Jeu de paume!

10 Ноября 1861.

П—ръ.

Между подробностями о преображенской поимкѣ студентовъ—(Теймсъ 8 Ноября) упоминается объ одномъ обстоятельстве чрезвычайно важномъ. Когда храбрые преображенцы окружили безоружныхъ студентовъ и повели двѣсти человекъ въ крѣпость, сто студентовъ стоявшихъ поодаль и принадлежавшихъ къ тѣмъ, которые не хотѣли просить путятинскихъ матрикуляцій, подошли къ непріятельскому войску и объявили, что они хотятъ дѣлать часть своихъ товарищей; на что разумѣется непріятель согласился, и отдавшихся добровольно въ плѣнъ—свели въ крѣпость. Черта эта очень замѣчательна потому именно, что она очень народна. Въ 1821 году, послѣ семеновскаго дѣла, когда роту е. в. велѣно было копировать въ крѣпость, весь полкъ потребовалъ, чтобъ и его отправили, “даже люди бывшіе въ госпиталѣ, которые едва въ состояніи были держаться на ногахъ, присоединились къ товарищамъ”.*

* “Поляр. Звѣз.” кн III. Семеновская исторія. Выписываемъ стр. 307 (изд. 2.) “Солдаты вышли в стани тошной перець казармамъ. Противъ нихъ была привезена артиллерія и приведено войско. Леибъ-егеря пришли первые и дали знать Семеновцамъ, что они стрѣлять въ нихъ не будутъ. Когда пушки были полезены ближе, то семеновскіе солдаты пригласили офицеровъ. (не хотѣвшихъ оставить ихъ не смотря на ихъ просьбы) стать посреди ихъ тошны, чтобы своею грудью защитить ихъ отъ выстрѣловъ. Многие изъ генераловъ прибжали увѣщавать семеновскихъ солдатъ. Прежде всѣхъ подѣхалъ къ нимъ Васильчиковъ и командовалъ имъ строиться, но они отвѣчали ему, что туловище безъ головы не строится. Милорадовичъ сталъ было говорить съ ними, но они отвѣчали на его фразы острѣтами, которыя заставили его замолчать. Бывшій полковникъ Потемкинъ началъ было также говорить съ ними, но заплакалъ и не могъ продолжать. Солдаты закричали ему, что ежелибы онъ былъ съ ними, то этой бѣды не было бы. Генералъ Бистромъ просилъ ихъ чтобы они успокоились, что вмѣсто Шварца онъ будетъ полковникомъ командиромъ, но его никто не слушалъ. “Если у васъ есть законныя причины

СТУДЕНТСКОЕ ДѢЛО.

I.

ПИСЬМО ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

Лекціи въ университетѣ начались 18 Сентября. Въ ожиданіи примѣненія новыхъ правилъ, студенты почти ежедневно собирали сходки и разсуждали о томъ, что имъ должно дѣлать. Передъ сходками обыкновенно вывѣшивались объявленія побуждавшія студентовъ къ единодушію.

9го Сентября, депутаты и редакторы университетскаго Сборника, за ихъ общею подписью, отдали исправляющему должность ректора профессору Срезневскому, для передачи въ совѣтъ университета, запросъ: какимъ образомъ должны они распоряжаться кассою бѣдныхъ студентовъ и изданіемъ Сборника по новымъ правиламъ, которыя запрещаютъ сходки, а слѣдовательно лишаютъ “редакцію” возможности отдавать студентамъ отчетъ въ управленіи кассою. Срезневскій болѣе двухъ недѣль держалъ у себя эту бумагу, не отдавая ее въ совѣтъ.

Наконецъ въ Субботу, 23 Сентября, созвана была сходка, на которую студентовъ явилось болѣе чѣмъ когда-либо.* Между прочимъ, потребовали Срезневскаго, для объясненія касательно новыхъ правилъ, а также и причины, почему запросъ редакціи не отданъ въ совѣтъ. На первый пунктъ Срезневскій отвѣчалъ, что должно повиноваться высочайшимъ повелѣніямъ и что этихъ правилъ измѣнить нельзя, а на второй,—что онъ дастъ отвѣтъ объ этомъ тѣмъ, которые подали ему означенный адресъ. Такой уклончивый отвѣтъ конечно не могъ удовлетворить никого и Срезневскому дано повѣсть, что поведеніе его, въ отношеніи къ студентамъ, вообще чрезвычайно неблаговидно.

Окончивъ расчетъ съ Срезневскимъ, студенты на этой сходкѣ, окончательно рѣшили, не подчиняться новымъ правиламъ, 50 руб. не платить, матрикулы, которые будутъ розданы и билеты для входа, уничтожить.

Дальновидные люди, еще до начала лекцій, предсказывали, что университетъ будетъ непременно закрытъ, но никто не думалъ чтобы это случилось ранѣе *полнаго* примѣненія новыхъ правилъ. Между тѣмъ университетъ былъ закрытъ, на другой день послѣ упомянутой сходки, т. е. 24го Сентября; весьма немногіе узнали эту новость въ тотъ-же день. Большинство, ничего не подозревая, явилось 25 Сентября на лекціи и тутъ узнало, что *чтеніе лекцій въ университетѣ прекращено на некоторое время*, какъ говорилось въ объявленіи выставленномъ на всѣхъ наружныхъ жаловаться, сказалъ Васильчиковъ, такъ вы могли жаловаться на инспекторскій смотръ.” Солдаты отвѣчали ему, что мѣсяцъ тому назадъ, когда онъ самъ дѣлалъ инспекторскій смотръ, одинъ изъ нихъ выступилъ впередъ, чтобы принести жалобу, и былъ за это, по его приказанію, жестоко наказанъ палками. “Чего же вы хотите?” спросилъ Васильчиковъ. Отдайте ямъ роту его величества, отвѣчали солдаты, или отведите насъ къ товарищамъ. Васильчиковъ обещалъ имъ отвести ихъ въ крѣпость, ежели они построятся и будутъ идти въ порядкѣ. Они построились и пошли въ крѣпость въ сопровожденіи всѣхъ своихъ офицеровъ. Солдаты залезли, а офицеры возвратились”.

* Надобно замѣтить, что предусмотрительное начальство отдало приказъ не отправлять актовую залу, въ которой хотѣли собраться студенты, по недостатку мѣста въ аудиторіяхъ, думая тѣмъ помѣшать сходки. Но вышло иначе. Продавъ напрасно долгое время въ комнатахъ, прилегающихъ къ залѣ, студенты собрались въ корридоръ, смежный съ залою, выбили стекло въ одной изъ стеклянныхъ дверей и чрезъ образовавшееся отверстіе отодвинули задвижку, которою дверь заперта изнутри. Дверь отворилась и въ минуту зала была полна.

ныхъ дверяхъ университета.* Въ самое заданіе университета никто не пускали и студенты (человѣкъ до 900) собрались на большомъ университетскомъ дворѣ. Достали лѣстницу, которая послужила трибуною для ораторовъ. Послѣ недолгихъ совѣщаній, единогласно рѣшено было идти всѣмъ собравшимся студентамъ къ Филипсону за объясненіемъ, по какому случаю закрыть университетъ; наконецъ если начальство нашло нужнымъ прекратить чтеніе лекцій, то зачѣмъ заперты университетская и студентская библіотека и лабораторія. Передъ отправленіемъ въ путь, депутатъ отъ медицинскіи академіи выразилъ, отъ лица медиковъ, сочувствіе дѣлу университета. Послѣ него говорилъ одинъ офицеръ, пожелавшій намъ дѣйствовать единодушно.

Рѣшено было идти тихо, по тротуарамъ и притомъ дорогой не курить. Путь лежалъ черезъ дворцовый мостъ и черезъ весь Невскій проспектъ отъ адмиралтейства до самой Владимірской (за Аничкинымъ мостомъ). Дорогою къ намъ присоединилась еще значительная партія разныхъ лицъ, такъ что процессія тянулась на цѣлую версту. *Власти* узнавъ объ этой процессіи поѣхали вслѣдъ за нами и догнали у Аничкина моста, откуда ѣхали, слѣдя за нами, шагомъ. Въ это время поѣхалъ кто-то изъ великихъ князей и былъ чрезвычайно изумленъ непривычнымъ зрѣлищемъ. На Владимірской Паткуль и Ко. вышли изъ экипажей и пошли пѣшкомъ по другой сторонѣ улицы. Сначала онъ думалъ было остановить студентовъ, закричавъ: “Куда? Пазадъ!” — “Мы идемъ къ Филипсону, отвѣчали ему”. “*Его итъ дома*”. (Какая находчивость напоминающая переднюю).—“Ничего; мы подождемъ”. И всѣ продолжали идти далѣе, наконецъ повернули въ Колокольную улицу и остановились передъ квартирой Филипсона. Полицмейстеръ, стоявшій у подъѣзда, требовалъ чтобы студенты разошлись. Ему отвѣчали, “что мы разойдемся тогда, когда получимъ объясненія отъ Филипсона, а если онъ хочетъ чтобы это случилось скорѣе, то пусть пошлетъ за нимъ казака”. Черезъ нѣсколько минутъ пріѣхалъ и Филипсонъ. Ему предложили принять депутацию на квартирѣ, но онъ не согласился и остался на улицѣ. Его окружили и началось объясненіе. Вдругъ въ Колокольной улицѣ показались жандармы; увидя ихъ студенты пришли въ ярость; раздались крики “*войскъ*” и вся толпа бросилась имъ на встрѣчу. Жандармы поворотили назадъ и ускакали. Студенты возвратились и объясненіе продолжалось. Смыслъ почти получасовой рѣчи Филипсона состоялъ въ томъ, что онъ объясняться на улицѣ не можетъ, а дастъ отвѣтъ въ университетѣ. Между тѣмъ неизвѣстно по чьему распоряженію (здѣсь были Испатьевъ, Паткуль, Шуваловъ и комендантъ) въ Колокольной улицѣ явились отряды жандармовъ, иѣшихъ пожарныхъ съ топорами, городовыхъ съ револьверами и наконецъ часть стрѣлковаго батальона. Весь этотъ сбродъ загородилъ выходъ изъ улицы со стороны Владимірской. Студенты объявили Филипсону, что ему, если онъ честный человѣкъ, не слѣдовало призывать войско. Онъ отвѣчалъ, что это не его распоряженіе, сталь между студентами и войскомъ и такимъ образомъ предупредилъ столкновение. Во всеобщемъ суматохѣ жандармскій офицеръ и два или три солдата обнажили сабли, что еще болѣе раздражило всѣхъ. Снова раздались крики: “*войско*”

* Въ зданіяхъ сосѣднихъ съ университетомъ (какъ-то въ академіи наукъ, кадетскомъ корпусѣ и биржѣ) были приготовлены жандармы.

войс! полиция войс!" Толпа студентов двинулась къ выходу изъ улицы; войска разступились и всѣ обратно отиравились въ университетъ, гдѣ должно было произойти объясненіе съ Филипсономъ.

Между тѣмъ, это происшествіе разнеслось по городу; мальчишки бѣгали по улицамъ и кричали: "бунтъ! бунтъ!" Народъ всякаго званія затопилъ близъ лежащія улицы и со всѣхъ сторонъ публика заявляла сочувствіе студентамъ. Стоитъ упомянуть еще о тактикѣ нашей полиціи: въ Колокольной улицѣ одинъ полицейскій офицеръ говорилъ собравшемуся народу, что всѣ собравшіеся здѣсь *полюки!*

Навонецъ студенты собрались снова на университетскомъ дворѣ. Между университетомъ и академіею, готовъ уже былъ отрядъ жандармовъ, а за университетомъ стояли солдаты (стрѣльцы). Филипсонъ и Игнатъевъ изъявили желаніе объясниться съ депутаціей. Студенты уполномочили для переговоровъ, бывшую редакціонную комиссію, (которой проектъ канулъ въ вѣчность при новыхъ правилахъ) и нѣсколько другихъ студентовъ. Послѣ долгихъ объясненій съ Филипсономъ и Ко. депутація возвратилась и объявила слѣдующее: 1) что университетъ будетъ открытъ 2го Октября, а закрыть онъ пока для изготавленія матриккул(?)?) 2) что библіотека и лабораторія будутъ открыты съ завтрашняго же дня т. е. съ 26 Сентября; 3) что никто изъ студентовъ не будетъ арестованъ; 4) что они (депутаты) передали Игнатъеву и Филипсону рѣшеніе сходки, т. е. что студенты новымъ правилами ни въ какомъ случаѣ подчиняться не будутъ и что если начальство не хочетъ отступить ихъ, то пусть лучше не открываетъ университета; что если начальство вздумаетъ употребить старинную тактику, т. е. по одному заставить подписывать матриккулы, то, что студенты подпишутъ ихъ, но исполнять правилъ не будутъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ согласіе ихъ будетъ вынужденное; 5) что на это Филипсонъ отвѣчалъ, что съ него требуютъ, чтобы матриккулы были подписаны и что онъ долженъ настаивать на исполненіе этого, а тамъ студенты могутъ дѣлать что хотятъ; 6) что Филипсонъ и Игнатъевъ въ исполненіи своихъ обѣщаній (выраженныхъ въ первыхъ трехъ пунктахъ) дали честное слово(!); 7) что депутація поручилась, что студенты тотчасъ-же по слушаніи ея отвѣта разойдутся.

Студенты разошлись, хотя и были не совсѣмъ довольны отвѣтомъ. На другое утро (26го), многіе студенты явились въ библіотеку за книгами; но библіотека была заперта и на всѣхъ дверяхъ висѣло новое объявленіе, что по случаю повторившихся безпорядковъ, чтеніе лекцій прекращено и входъ въ университетъ закрытъ впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Тутъ же студенты узнали, что вся высланная депутація и много другихъ студентовъ арестованы*. Послѣ нѣкоторыхъ совѣщаній положили собрать новую сходку на университетскомъ дворѣ 27го числа въ 10 часовъ утра.

На другой день студенты начали собираться еще съ 9ти ч. Вскорѣ пріѣхалъ Филипсонъ; его окружили въ швейцарской и начали упрекать въ несдержаніи честнаго слова. Онъ отвѣчалъ, что это не его распоряженія, что онъ любитъ студентовъ, что если бы не онъ, то въ Колокольной улицѣ

* Вотъ фамилии молодыхъ людей, которые честно служили общимъ студентскимъ интересамъ и которые теперь сидятъ въ казематахъ Петропавловской крѣпости: Н. Утинъ, Михаэлисъ, И. Охановъ, Генъ, Стефановичъ, Данненбергъ, Левентавъ, Покровскій (кандидатъ), Залѣскій. Подробный списокъ арестованныхъ сообщу.

пало бы множество несчастныхъ жертвъ и не по винѣ начальства, а по необходимости, такъ какъ въ улицѣ было тѣсно, и солдаты могли какъ нибудь печально, если не убиты, то ранить много студентовъ. Ему сказали, что онъ поступилъ бы еще лучше, если бы вовсе не призывать войска противъ мирныхъ, безоружныхъ людей, что вѣроятно государю дали знать, что студенты бунтовали и что Игнатъевъ вынужденъ былъ употребить въ дѣло военную силу. На это Филипсонъ отвѣчалъ, что онъ съ лучшей стороны отнесся о поведеніи студентовъ въ Понедѣльникъ въ допесеніи министру, и что министр, посылая депешу государю, принялъ за основаніе его допесеніе. Въ это время вошелъ Игнатъевъ; Филипсонъ присоединился къ нему и вмѣстѣ пошли въ канцелярію. Между гѣмъ студентовъ собралось довольно много. Послѣ долгихъ преній, на которыхъ вмѣсто арестованныхъ явились другіе руководители, былъ принятъ большинствомъ голосовъ адресъ къ министру; въ этомъ адресѣ говорилось, что въ университетѣ зачинщиковъ нѣтъ, что всѣ студенты одного мнѣнія, что пусть начальство или освободитъ арестованныхъ нашихъ товарищей или заберетъ всѣхъ насъ. Достали кадку, опрокинули ее вверхъ дномъ, положили на нее листы бумаги и началась подписка адреса. Въ это время раздался барабанный бой: явился Финляндскій полкъ въ полномъ составѣ; часть его поставили у однихъ воротъ университета и часть у другихъ. Передъ главными воротами, выходящими на набережную разѣзжали верхами Игнатъевъ, Паткуль, Шуваловъ, коменданты и пр. генералы. Филипсонъ стоялъ у воротъ въ фуражкѣ. Срединна набережной была оставлена для проѣзда; у другого тротуара (у самой Невы) стояли ряды жандармовъ, а за ними на тротуарахъ городова и пѣшая полиція разнаго рода (которая, надобно отдать ей справедливость, была вообще вѣжлива).

Не смотря на все это, студенты рѣшили не расходиться до окончанія сходки и въ случаѣ нападенія войскъ или жандармовъ стоять смирно и не употреблять въ дѣло палокъ. Поднять былъ вопросъ: избрать-ли депутатовъ для подачи адреса или идти съ нимъ всей массѣ, какъ это было въ Понедѣльникъ. Послѣдняя партія видѣла въ шествіи массою гарантіи въ томъ, что студентовъ не арестуютъ, а если будутъ брать, то пусть берутъ всѣхъ; первая же говорила, что по всей вѣроятности депутатовъ арестуютъ; но что этотъ способъ все-таки лучше, чѣмъ повтореніе стычки съ войсками, что многіе студенты не ручаются за то, что они выдержатъ хладнокровно патискъ солдатъ и что тогда можно испортить все дѣло, что наконецъ первое средство, т. е. шествіе массою, будетъ у насъ еще въ запасѣ. Большинствою голосовъ принято первое предложеніе, т. е. избраніе депутатовъ для подачи адреса. Въ это время Игнатъевъ командовалъ приступъ; во публика на набережной зашикала и велѣно было ударить отбой. Сдѣлалъ-ли это Игнатъевъ изъ желанія только навесити страхъ на студентовъ, или вернулъ войско, видя неудовольствіе публики—трудно рѣшить.

Студенты продолжали стоять и выбрали въ депутаты Л. Пантелѣва, Вейперта, Леопарда, Герике и Покровскаго, который давно долженъ былъ быть арестованъ, но скрывается парочно чтобы явиться на эту сходку. Рѣшено было отправить депутатовъ сейчасъ-же и ждать ихъ возвращенія. Депутаты отправились, но у воротъ ихъ окружили Игнатъевъ и Ко.; раздались крики, "что депутатовъ арестовали"—и вся масса

бросилась къ воротамъ выручать ихъ. Игнатъевъ и Паткуль старались успокоить волненіе, сказали, что депутаты не будутъ арестованы, а что они хотягъ только переговорить съ ними и просили студентовъ возвратиться. По студенты отказались и отступили только на нѣсколько сажень. Съ четверть часа продолжался споръ депутатовъ съ Филипсономъ и Ко. Игнатъевъ соглашался пропустить ихъ, но съ тѣмъ чтобы студентъ не дожидались ихъ отвѣта, а тотчасъ-же разошлись; депутаты не соглашались и обѣ стороны выходили изъ себя. Наконецъ Паткуль объявилъ, что онъ имѣетъ приказъ считать сборище студентовъ за обыкновенную толпу, такъ какъ университетъ закрытъ и слѣдовательно *студентовъ не существуетъ*. — “Но если вы не считаете насъ теперь за студентовъ, то зачѣмъ вы призвали убѣждать насъ Филипсона? вѣдь онъ намъ въ такомъ случаѣ не начальникъ, сказалъ одинъ изъ депутатовъ”. — Паткуль не нашелся что отвѣчать, а Игнатъевъ объявилъ депутатамъ, что если студенты не разойдутся, то черезъ полчаса онъ двинетъ войско. Депутаты объявили это сходкѣ, которая рѣшила наконецъ разойтись, сказавъ, что депутаты могутъ отправиться въ другое время. Студентамъ было объявлено, что желающіе узнавать новости касательно университета должны собираться ежедневно на Невскомъ въ два часа, гдѣ и можно будетъ сговориться на счетъ плана дѣйствій.

Когда студенты уже разошлись, пріѣхалъ Путятинъ; узнавъ это, многіе возвратились и стали на улицѣ близъ университета; когда онъ вышелъ обратно изъ университета, его встрѣтили шиканьемъ. Всѣ учебныя заведенія объявили горячее сочувствіе студентамъ, особенно кадеты константиновскаго корпуса юнкера и многіе офицеры, не смотря на частые аресты ихъ товарищей, постоянно приходили на сходки съ выраженіемъ сочувствія дѣлу студентовъ. Между этими офицерами было нѣсколько моряковъ.

Въ понедѣльникъ, когда депутація объяснялась съ Филипсономъ и Игнатъевыми, пришелъ на дворъ Литке. Онъ шелъ мѣрными шагами, заложивъ руки назадъ, и гордо, почти презрительно, поглядывалъ на собравшихся студентовъ. Студенты встрѣтили его смѣхомъ, а одинъ изъ нихъ чрезвычайно вѣжливо попросилъ у него папиросу. Этимъ почтенный адмиралъ и членъ государственнаго совѣта всего болѣе обидѣлся. Онъ внимательно поглядѣлъ на стоявшихъ вблизи морскихъ офицеровъ, какъ бы стараясь запомнить ихъ физіономію, потомъ повернулся и, не сказавъ ни слова, пошелъ со двора.

30го Сентября былъ первый допросъ арестованныхъ; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ подаютъ адрессъ объ улучшеніи содержанія ихъ сыновей въ крѣпости.

Плетневъ возвратился изъ за границы и осуждаетъ дѣйствія Игнатъева и Ко. Публика, безъ преувеличенія вся, тоже бранить всѣхъ этихъ господъ за призывъ войска, даже Деяновъ (нынѣ директоръ департамента народнаго просвѣщенія) не хвалить ихъ распоряженія.

Л. Пантелѣевъ и другіе депутаты (избранные въ среду) тоже арестованы. Однимъ словомъ берутъ и дома и на улицѣ и днемъ и ночью, и праваго и виноватаго.

Съ 27го Сентября университетъ обращенъ въ казарму, въ немъ и днемъ и ночью стоитъ 60 человѣкъ солдатъ, ворота всѣ заперты и студентовъ не пускаютъ никого; даже живущимъ въ университетѣ выданы билеты, безъ которыхъ и ихъ не пускаютъ въ калитку.

Профессора сначала просили о смягченіи новыхъ правилъ; потомъ чтобы имъ поручили изслѣдовать это дѣло; во всемъ этомъ получили отказъ. Наконецъ на дняхъ они подали новый адрессъ, въ которомъ просили о смягченіи участи студентовъ. Опять отказъ. Министръ объявилъ, что сдѣлать уступку въ такое время значитъ показать слабость со стороны правительства, что 32 изъ арестованныхъ государственные преступники и только остальные могутъ надѣяться на помилованіе.

Депутатъ отъ университета для слѣдствія пазначенъ профессоръ Никитенко. И профессора и студенты ѣздили просить его чтобы онъ отказался отъ депутатства. Онъ не согласился. Тогда профессора просили министра, чтобы хоть въ помощники Никитенкѣ назначили какого-нибудь профессора юриста. Не знаю какой будетъ отвѣтъ.

Харьковскій университетъ закрытъ. Въ московскомъ 1ой и 2ой курсы юридическаго факультета кассированы, прочіе отказались принять новыя правила и всѣ студенты этихъ курсовъ исключены.

Министерство не хочетъ дѣлать никакихъ *уступокъ*; студенты тоже. Сначала Путятинъ просилъ содѣйствія профессоровъ, но не соглашался на условія предложенныя ими; вида что они не раздѣляютъ его мнѣній, Путятинъ призвалъ декановъ (Срезневскаго, Благовѣщенскаго, Горлова, и Воскресенскаго) и сказалъ имъ, что они дѣйствуютъ двулично. Срезневскій и Благовѣщенскій сказали ему, что онъ не смѣетъ такъ говорить имъ. — “Я господа, говорю откровенно”. — “Вы слишкомъ откровенны, графъ!”

Артиллеристы и нѣсколько полковъ отказались идти противъ студентовъ. Имена этихъ полковъ еще навѣрное неизвѣстны намъ, но что были полки отказавшіеся—это фактъ.

II.

ПИСЬМО ИЗЪ МОСКВЫ.

При вѣсти о закрытіи Петербургскаго университета, взволновался и Московскій. Студенты московскаго университета рѣшили подать адрессъ государю, который въ подлинникѣ пересылаю къ вамъ. Нашлось 500 подписей, а потомъ выступила на сцену партія, совѣгующаяся съ Тучковымъ; правитель его канцелярій Рудзевичъ перемѣнилъ адрессъ на прошеніе къ Путятину. Подписавшіеся подъ адрессомъ къ государю отказались, польскіе студентъ тоже сказали, что къ прошенію не присоединять своихъ подписей, тогда какъ прежде соглашались, если найдется большое число русскихъ—и вотъ уже 3 дня дѣло идетъ, кажется ни къ чему. Въ послѣднее время, когда увидати, что дѣло пошло очень дурно изъ 500 подписавшихся 300 взяли свои подписи назадъ.

4 Октября было происшествіе нѣсколько поотрадиѣ: Человѣкъ 600 студентовъ отправились изъ университета на могилу Т. Н. Грановскаго; впереди несли корзину цвѣговъ и вѣнки; народъ снималъ шапки и крестился, но когда замѣчалъ, что всѣ въ фуражкахъ и въ корзинахъ даже бога не видно, снова надѣвалъ.

На кладбищѣ разумѣется появилась полиція въ солдатской формѣ и переодѣтая. Во время другой рѣчи послѣ панихиды взошелъ за рѣшотку оберъ полицмейстеръ Крейцъ. Сдѣлался взрывъ, слышалось: здѣсь вамъ не мѣсто и т. п. въ этомъ родѣ; одинъ изъ студентовъ вскочилъ: “Гг. ради могилы Т. Н. Грановскаго не дѣлайте скандала, тише!” — и все утихло. Крейцъ повернулъ на лѣво кругомъ и ушелъ.

На возвратномъ пути совершенно спокойно, не обращая вниманія, студенты прошли мимо выстроившихся жандармовъ; въ сторонѣ за зданіемъ стояло около 150 будочниковъ, не извѣстно съ какой цѣлью собранныхъ. Одинъ студентъ отправился за попомъ и встрѣтивъ на кладбищѣ дьякона, спросилъ: “Что батюшка пойдетъ служить панихиду? Студенты просятъ.” Сейчасъ отвѣчалъ онъ студенту, а самъ подобравши помы, отправился къ Сычинскому, не далеко стоявшему: “Можно служить панихиду, студенты просятъ?” можно, отвѣчалъ тотъ. Это мнѣ напомнило тѣ времена, когда въ Украинѣ церкви отдавались на аренду евреямъ. Тотъ-же Сычинскій обращаясь къ нѣкоторымъ изъ студентовъ, говорилъ: “Гг. изъ коленъ закона не выходите”...

— Прилагаемъ адресъ государю, который московскіе студенты собирались подписать.

В. П. В.

26 Сентября, по распоряженію высшаго начальства, С. Петербургскій университетъ закрытъ. Вѣсть эта не могла не быть принята горячо къ сердцу и студентами московскаго университета. Она нашла отголосокъ и въ сердцахъ всего общества, потому что послѣднему въ настоящее время болѣе чѣмъ когда-нибудь нужны люди образованные. Вы сами в. в. не разъ изъявляли желаніе, чтобъ должности вызваппыя начатыми преобразованиями были замѣщаемы людьми получившими университетское образованіе.

Государь! Такое грустное явленіе, противурѣчащее какъ желаніямъ в. в., такъ и ожиданіямъ всего общества, было результатомъ стѣснительныхъ правилъ, которыя не допускаютъ большую часть бѣдныхъ молодыхъ людей получить университетское образованіе и служить единственной причиною тѣхъ безпорядковъ между студентами и ихъ начальствомъ, которыя повлекли за собой даже такія строгія мѣры, какъ закрытіе университета. Все это заставляетъ насъ прямо обратиться къ в. в. и откровенно высказать наши нужды.

В. в! Новыми правилами, изданными для студентовъ, мы поставлены въ такое положеніе, что лишены всякой возможности заявлять начальству наши нужды чрезъ избранныхъ изъ среды насъ депутатовъ. Всякое подобное дѣйствіе съ вашей стороны вѣняется намъ въ вину и даже въ преступленіе. Потому, желая избѣгнуть объясненій массы студентовъ съ начальствомъ и происходящихъ отъ того безпорядковъ, мы просимъ для правильныхъ сношеній съ начальствомъ выбирать депутатовъ, которые могли бы собираться и для обсужденія дѣлъ касающихся интереса всего студентскаго общества.

Мы просимъ в. в. дозволить намъ имѣть правильно организованную кассу для вспомошествованія нашимъ бѣднымъ товарищамъ.

Мы просимъ в. в., чтобы безнравственные поступки студентовъ, нарушающіе порядокъ студентскаго общества, были преслѣдуемы нами самими, и пусть начальство университета довѣрится въ этихъ случаяхъ приговору всего общества студентовъ; мы просимъ такого права только для того, чтобы безнравственные поступки одного изъ насъ не ложились чернымъ пятномъ на всѣхъ студентовъ.

Мы просимъ в. в. чтобы наши товарищи, за нарушеніе университетскихъ правилъ, не были увольняемы изъ университета безъ слѣдствія и суда, и чтобы о причинахъ увольненія было объявляемо всѣмъ студентамъ.

Мы просимъ в. в., чтобы дѣйствительно бѣдные люди, желающіе получить университетское образованіе были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій.

Накопецъ мы просимъ в. в. за своихъ товарищей студентовъ с. петербургскаго университета и двухъ первыхъ курсовъ юридическаго факультета московскаго университета, у которыхъ въ настоящее время отнята возможность продолжать свое образованіе.

Государь! Мы прямо излагаемъ вамъ наши нужды, въ полной надеждѣ что вы не откажете милостиво принять наши просьбы вызванныя дѣйствительными потребностями, а не духомъ своеволія.

СПАСЕНІЕ ЦЕНСУРЫ ВЪ МОСКВѢ.

(Изъ другого письма).

Адресъ, который петербургскіе литераторы предлагали подать государю, въ Москвѣ не удался. Доктринеры воспрепятствовали сему. Проектъ адреса я видѣлъ, содержаніе его было очень умѣренное.

“У насъ нѣтъ свободнаго слова”, было сказано въ немъ. “Литература подавлена ценсурой. Вслѣдствіе этого возникаетъ подметная или потаенная литература. Явленіе подобное “Великоруссу” и “Прокламаціи” приписываемой Михайлову, прямой результатъ деспотизма ценсуры. Литераторы просятъ свободы слова и ручаются, что подобныя явленія прекратятся; но крайней мѣрѣ ихъ вліяніе можетъ быть уничтожено критикой, основанной на здравыхъ началахъ, тогда какъ теперь подобная критика невозможна.

Проектъ такого рода былъ предложенъ у редактора “Русскаго Вѣстника” г. Каткова г. Громекой, собравшимся литераторамъ и профессорамъ.*

Ученый историкъ, профессоръ Соловьевъ, замѣтилъ, что это не вѣрно, чтобъ уничтоженіе ценсуры, уничтожало подметную литературу, что подметная литература существовала и существуетъ въ самыхъ свободныхъ государствахъ. Англія примѣръ тому—(и весьма слабый добавимъ мы). За ученымъ историкомъ, говорилъ противъ адреса профессоръ Чиеринъ. Мнѣніе его резюмируется въ томъ, честно-ли будетъ передъ правительствомъ *вмѣшательство частныхъ людей въ его дѣла*. Словомъ, голосовъ за адресъ не нашлось. Громека наконецъ послѣ долгихъ преній спросилъ не о томъ согласны-ли ученые представители Москвы подписать *его* адресъ, но соглашаются-ли вообще съ мнѣніемъ о возможности и о необходимости адреса къ правительству. Согласились съ нимъ только два или три человѣка”.....

Тѣмъ все и кончилось...

НОВЫЙ СУДЪ ВЪ КОВНѢ.†

Вотъ уже ровно шесть дней, какъ жители города Ковно наслаждаются новымъ институтомъ, драгоценнымъ даромъ либеральныхъ министровъ — временнымъ полицейскимъ судомъ, предвѣстникомъ предполагаемой въ Россіи реформы судоустройства и судопроизводства. Беру на себя трудъ познакомить Россію съ этимъ драгоценнымъ учрежденіемъ.

* Текстъ адреса мы получили сегодня, и напечатать его въ слѣдующемъ листѣ вѣстѣ съ письмомъ изъ Москвы.

† Письмо это опоздало, но оно такъ интересно для русскихъ правительственныхъ прогрессистовъ, что не можетъ утратить своего букета.

На первой разъ въ судъ присланъ отъ высшаго начальства списокъ лицъ, обвиняемыхъ въ пѣніи возмутительнаго гимна и "списокъ честныхъ гражданъ", которые приняли на себя роль доказчиковъ. Обвиненныхъ было 7 человекъ (4 мужчинъ и 3 дамы), обвинителей 14. Я бы могъ прописать ихъ фамиліи, но онѣ вовсе не любопытны. Это просто ремесленники, большею частію сапожники; предводитель ихъ пѣмецъ, Копфъ, ремесленный голова, человекъ состоящій подъ судомъ по четыремъ уголовнымъ дѣламъ; самыя замѣчательныя личности: Станкевичъ, Рыжъ, Бауратъ—исключенный изъ Псковской почтовой конторы, Энгельманъ—состоящій подъ судомъ за лихоимство по должности старосты, по дѣлу Боровскаго, старосты Янушевскаго и пр.

Какъ ни любопытны первыя сцены и первыя три процесса, но для сокращенія статьи я предоставляю составленіе полной исторіи этого суда, какому-нибудь специалисту, а теперь передамъ гласности только одно засѣданіе его, въ понедѣльникъ 11 Сентября 1861 года.

Къ этому дню приглашены были повѣтками въ судъ канцелярскій служитель уѣзднаго суда Станкевичъ, помѣщикъ ковенскаго уѣзда г-жа Юревичъ съ дочерью своею и г-жа Семашко, бѣдная вдова.

Въ назначенный часъ прибыли въ присутствіе: предсѣдатель суда Статковскій, комиссаръ отъ правительства, чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ Морозъ, губернской стряпчій Казицкій, коронный засѣдатель уѣзднаго суда Трегубекъ и уѣздный стряпчій Вендзягольскій. (замѣтите, что по положенію, о полицейскихъ судахъ, высочайше утвержденному, присутствіе должно состоять только изъ *трехъ* членовъ).

Дамы запоздали, за ними послали жокаго. Наконецъ и обвиненные собрались. Засѣданіе открывается.

Судъ объявляетъ, что противъ нихъ обвинителями являются частныя пристава Рейхенбахъ и Ивановъ, свидѣтелями будутъ 14 "честныхъ гражданъ" (изъ упомянутыхъ).

Начинаютъ допросы со Станкевича. "Вы пѣли возмутительный гимнъ въ предыдущее воскресенье?"—Нѣтъ, не пѣлъ никакихъ возмутительныхъ гимновъ.—"Но вы пѣли?"—Нѣтъ, я пою, когда мнѣ весело, въ церкви молюсь; а въ предыдущее воскресенье я не пѣлъ, а стоналъ и вызывалъ мечь на голову тѣхъ, которые безвинно стащили моего больнаго брата съ постели и морили голодомъ въ тюрьмѣ ровно 48 часовъ.—"Это не относится къ дѣлу, васъ спрашиваютъ пѣли-ли вы возмутительный гимнъ?"—воскликаетъ Казицкій.—Да какой это возмутительный гимнъ?—возражаетъ Станкевичъ, я не знаю, скажите мнѣ?—Казицкій замаялся. "Да, ну просто возмутительный."—Да какой возмутительный, вы скажите?—И пошелъ споръ на четверть часа. Не добился таки отвѣта подсудимый и его стали допрашивать пѣлъ-ли онъ? Тотъ опять повторяетъ, что не пѣлъ, а оплакивалъ судьбу брата. Позвали наконецъ свидѣтелей и представили ему кузнеца Станкевича (однофамильца). Подсудимый объявилъ, что его принять не можетъ потому, что нѣкогда кузнецъ этотъ просилъ его о припискѣ къ родословной и приводилъ съ собою какого-то человека, высокаго, лысаго, съ краснымъ носомъ, называя его ихъ общимъ отцомъ—чему, конечно, подсудимый не повѣрилъ, потому что отецъ его давно въ могилѣ; онъ прогналъ своего однофамильца и подалъ объявленіе въ депутатское собраніе. Все это записано аккуратно; Казицкій съ проніею три раза прочелъ пассажъ о красномъ носѣ, но пропустилъ то обстоятельство, что по-

лицмейстеръ безъ всякой причины посадилъ въ тюрьму больнаго брата и какъ ни настаивалъ Станкевичъ, судъ все таки отказался помѣстить въ протоколъ слово "больнаго". Причины отвода были признаны неудовлетворительными и послали за ксендзомъ, чтобы привести свидѣтелей къ присягѣ.

Судъ обратился между тѣмъ къ дамамъ. Вопросъ предложенъ г-жѣ Семашко: "Вы пѣли?"—Нѣла пѣсь къ Богородицѣ*. Г-жа Юревичъ съ дочерью огвѣтили тоже. "Но васъ обвиняютъ въ пѣніи возмутительнаго гимна частныя пристава Рейхенбахъ и Ивановъ".—Не думаемъ, огвѣчаютъ онѣ, потому что это невозможно. Зовутъ пристава и что-же? одинъ и другой говорятъ, что обвинять не могутъ, потому что Рейхенбахъ ихъ не замѣтилъ, а Ивановъ вовсе не знаетъ.

Что оставалось дѣлать суду? Кажется очень просто, забрать свои бумаги въ портфель и отправиться позавтракать. Какъ же, а вы забыли о рвеніи и преданности престолу и отечеству!

Является ксендзъ Жаба, приводятъ 14 человекъ свидѣтелей и предлагаютъ ксендзу привести ихъ къ присягѣ; но ксендзъ объявилъ, что между ними видны нѣсколько человекъ состоявшихъ подъ уголовнымъ судомъ и уличенныхъ въ клятвенное преступленіе, потомъ указалъ опять нѣсколькихъ, не бывшихъ у исповѣди, поэтому, по законамъ католической вѣры, они допущены къ присягѣ быть не могутъ. (Надо замѣтить, что въ предыдущее засѣданіе была та же сцена. Приглашали двухъ ксендзовъ и оба наотрѣзь отказали, оправдываясь постановленіями тридентинскаго собора и своими церковными книгами. Наконецъ пріоръ Сгржедзипскій—большой трусъ привелъ къ присягѣ, оговорившись все-таки, что она ничего не значитъ.) Судъ взволновался. Морозъ и Казицкій начали ратовать противъ ксендза, повторяя ему: "какъ вы смѣете отказываться?"—Наконецъ Казицкій одолѣлъ несчастнаго патера тѣмъ, что пріоръ постарше его и не хуже знаетъ церковные законы, а все-таки приводилъ къ присягѣ. Проклятіе грозное проклятіе на клятвенныхъ преступниковъ, ксендзъ надѣлъ облаченіе, и Казицкій прочелъ форму клятвеннаго обѣщанія. Ксендза отправили домой.

Судъ обращается теперь къ своимъ свидѣтелямъ и что-же? новая сцена, одинъ за другимъ отказываются и говорятъ, что не видятъ подсудимыхъ въ церкви. Одинъ Станкевичъ съ наглымъ жестомъ указалъ на г-жу Семашко, и сталъ говорить: вотъ я видѣлъ, она пѣла возмутительный гимнъ. Подсудимая возразила, что свидѣтельство его не можетъ быть принято, потому что онъ недавно побилъ ея служанку и она подавала на него жалобу, слѣдовательно онъ имѣетъ личность; впрочемъ противъ него одного, она можетъ поставить шестерыхъ свидѣтелей, безукоризненныхъ, которыхъ фамиліи сейчасъ назвала. Судъ сталъ рыться въ XV томѣ и послѣ пѣкотораго совѣщанія, нашелъ въ немъ, что г-жа Семашко имѣетъ личность къ Станкевичу, а не Станкевичъ къ ней и что ей нѣтъ нужды представлять своихъ свидѣтелей. Изумленная женщина спрашивала, какимъ образомъ можно вѣрить такому свидѣтелю и не спрашивать ея свидѣтелей. Судъ находилъ это законнымъ и объявилъ, что даже не нужно записывать ихъ фамилій. Съ трудомъ настояла подсудимая на

* По объявленіи въ Ковнѣ всѣхъ ужасовъ военнаго положенія и новой судебной процедуры, въ небольшомъ городишкѣ многіе трусили. Поэтому, впредъ до поправленія обстоятельствъ, положено было пѣть въ теченіе нѣсколькихъ недѣль молитву къ Богородицѣ, находящуюся во всѣхъ молитвенникахъ, одобренныхъ ценсурой, но напѣвъ пѣснь этой "Bogarodzica", примѣненъ къ напѣву "Boże coś Polskę".

томъ, чтобы въ протоколъ внесли представленныхъ ею свидѣтелей. Сцена эта прерывалась декламациями Станкевича, который съ жестикуляціею воскликнулъ “начальство запретило пѣть, мы и не поемъ, а они *все дуютъ и дуютъ* (*passez l'expression, точность необходима*)! Это ничего не поможетъ надо поставить въ церквѣ роту солдатъ, такъ они авось уймутся.” Другіе ремесленники пожимали плечами, шептались и даже ворчали—на висѣлицу бы такого молодца!

Судъ обращается къ г-жѣ Юревичевой и къ дочери ея: “А вы пѣли?” — Пѣли молитву къ богородицѣ — “Нѣтъ, возмутительный гимнъ.” — Дамы улыбаются иронически. Опять допросы свидѣтелямъ. Сапожникъ Карпушко говоритъ, что онъ не былъ въ церквѣ, Кофѣ тоже. Спрашиваютъ Чапковского, дамского сапожника: что пѣли? Чапковскій подставляя ухо спрашиваетъ наивно: “Ась? что вы говорите?” — Пѣли-ли? спрашиваютъ тебя? — “Что такое? повторяетъ Чапковскій. Казницкій кричитъ: пѣли-ли въ церкви? Наконецъ кто-то изъ товарищей по ремеслу объяснилъ, что Чапковскій глухъ; но Казницкій все-таки не унялся и прокричалъ еще громче свой вопросъ и наконецъ добился отвѣта, что онъ ничего не знаетъ. Спрашиваютъ Рыжа — пѣли? — Пѣли, отвѣчаетъ тотъ бойко. “А что пѣли?” — Не знаю, словъ не слышалъ. — “Да пота таже?” — Таже — отвѣчаетъ Рыжъ. — “А слова-то возмутительныя, какъ же: прежде тве олтарже?”* допрашивается Казницкій. — Ну да, должно быть это, отвѣчаетъ Рыжъ.

Наконецъ слѣдователи добились. Много труда, много вспышекъ и волненій. Казницкій бѣспуется, Морозъ зѣваетъ и жалуется на мигрень. Остальные праведные судьи съ выпученными глазами, съ встревоженными физиономіями — а передъ ними сидятъ покойно дамы, улыбаются и подшучиваютъ надъ эяимъ синклитомъ.

Но все-таки слава богу, побѣда! побѣда! Но вдругъ неожиданная сцена, неожиданной громъ на праведныхъ судей. Квятковскій, одинъ изъ присутствующихъ ремесленниковъ выступаетъ и говоритъ басомъ: “Да что вы имъ вѣрите, господа! Въ Субботу созывалъ насъ полицмейстеръ, *далъ намъ по пяти цѣлковыхъ* и велѣлъ непремѣнно говорить на тѣхъ, которыхъ приводятъ въ судъ. Мы все воскресенье пьянствовали”. Всѣ встрепенулись; даже и Мг. Морозъ вышелъ изъ терпѣнья. “Да что ты врешь? На кого тебя полицмейстеръ подговаривалъ?” — А вотъ на этихъ дамъ и на мужчину. — А какъ они называются? спрашиваетъ Казницкій. Тотъ назвалъ три фамиліи, но при этомъ забылъ фамилію г-жи Семашко. “А вотъ видите, величественно произноситъ г. губернскаго стряпчій, какой-же онъ свидѣтель?” Наконецъ желая кончить сцену, г-жа Семашко назвала свою фамилію и спросила не противъ нея-ли его подговаривали? Квятковскій подтвердилъ. Тогда всѣ подсудимые стали требовать, чтобы это записать. Но рьяные защитники правительства отвѣчали: Да какъ вы смѣете требовать? Это объ васъ надо записать, что вы осмѣлились явиться въ присутствіе въ траурѣ! Этимъ вы оказываете къ намъ пренебреженіе, васъ слѣдовало арестовать, а мы изъ вѣжливости, изъ учтивости... и пошли писать. — “По комъ вы носите трауръ?” Госпожа Юревичъ съ улыбкой возразила, что въ повѣсткѣ не написано въ какомъ костюмѣ дамъ принимаетъ присутствіе, да впрочемъ на платьѣ нѣтъ плѣрезовъ, а черный цвѣтъ имъ пра-

вится. “А кресты-то, кресты?” спросилъ Морозъ. Дамы отвѣчали, что кресты обязательно даже носить всѣмъ участвующимъ въ духовныхъ братствахъ. “И кресты и поясы” иронически, продолжала она, въ шутовскомъ тонѣ. — Нѣтъ, они запрещены; прочтите имъ объявленіе о запрещеніи крестовъ” — и стали рыться въ бумагахъ. — “Напрасно, напрасно — возражали дамы хоромъ, мы и слушать и знать не хотимъ, и чтобы вы ни читали, мы крестовъ не спимемъ.” “А эти кончики, бѣлые шарфики”, продолжалъ Морозъ. И въ самомъ дѣлѣ дочь г-жи Юревичъ впрочемъ положила на своемъ платьѣ платокъ съ вышитыми на концахъ терновыми вѣтвями. — “Это-то ничего — продолжали дамы, вы видите что мы довольно вѣжливы — мы не носимъ изображенія изрубленнаго креста.” Въ такомъ тонѣ продолжался споръ болѣе получаса. Наконецъ подсудимые пастояли на своемъ, и Трегубекъ морщась дожидень былъ записать актъ, налегая какъ можно больше на то, что Квятковскій забылъ фамилію г-жи Семашко.

Наконецъ процессъ кончился. Подсудимыхъ попросили выйти изъ присутствія въ смѣжную залу. Судьи стали совѣщаться. При этомъ можно было подслушать, что г-жу Семашко они хотѣли освободить отъ наказанія по бѣдности, но за то съ г-жи Юревичъ и съ ея дочери считали нужнымъ, взять штрафу по больше. Послѣ горячихъ препій, въ которыхъ предсѣдатель настаивалъ на томъ, чтобы не назначать по крайней мѣрѣ высокихъ штрафовъ, состоялось рѣшеніе. Позвали подсудимыхъ и объявили — что такое, какъ вы думаете? 1) что приговоръ уже состоялся, пынче объявляется словесно, а завтра въ 12 часовъ будетъ объявленъ формально, а именно: Станкевичъ оставленъ въ подозрѣніи 2) г-жа Семашко уличена въ пѣніи возмутительнаго гимна и осуждена на 10 рублей штрафу — “А чтожъ мои свидѣтели? — спросила удивленная жепщина.” — Они къ дѣлу не нужны, важно отвѣчали судьи; 3) г-жа Юревичъ съ дочерью осуждены на уплату каждая по 10 рублей штрафу. — “А я то за что?” спросила дѣвушка. — “За пѣніе возмутительнаго гимна сударыня.” — По вѣдъ противъ меня не было ни обвинителей, ни свидѣтелей. Все равно, вы сами сознались. Дамы переглянулись, вѣжливо расклапаясь съ обязательными судьями и съ благовоспитаннымъ чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и только замѣтили, что онъ для избѣжанія мучительнаго сеанса охотно заплатили бы деньги четырьмя часами прежде, но не знали, что господамъ судьямъ онъ до такой степени нужны.

Засѣданіе кончилось. И судъ и подсудимые вышли изъ присутствія, въ комнатѣ остался только столъ покрытый краснымъ сукномъ и на немъ безмолвное зеркало съ указомъ Петра великаго, которымъ сей знаменитый царь приказалъ казнить кнутомъ неправедныхъ судей.

С М Ъ С Ъ.

— *Назимовскій терроръ въ Бѣлостокѣ.* — Въ Бѣлостокѣ Назимовъ открылъ комиссію для прекращенія процессій и предупрежденія демонстрацій, обличающихъ сочувствіе къ Польшѣ. Комиссія состоитъ изъ гродненскаго вице-губернатора Рожнова и жандармскаго полковника Прасолова. Въ помощь симъ двумъ извѣстнымъ мужамъ, командирована сотня казаковъ, кромѣ двухъ баталіоновъ Кутузовскаго пѣхотнаго полка, постоянно квартирующаго въ Бѣлостокѣ.

* “Передъ алтарь твой, о Господи!” — Слова той пѣсни возмутительной.

Народъ однако не побоялся комиссіи и въ самый же день ея открытія по обыкновенію собрался около костела, дабы пропѣть обычныя свои молитвы. Мѣстный городничій подполковникъ Щировскій окружилъ костель войскомъ и съ обнаженной саблей ворвался въ ограду, гдѣ удалось ему захватить двухъ молодыхъ людей, которыхъ, окруживъ стражею, отвелъ въ полицію, въ сопровожденіи многочисленной толпы народа, съ крикомъ домогавшагося увольненія захваченныхъ. Такъ какъ арестованные оказались французскими подданными, то сконфуженный воинъ долженъ былъ уволить ихъ. На другой день, въ 8 час. вечера, набожные (преимущественно женщины) собрались въ костель, который, по распоряженію начальства, окружили двѣ роты Кутузовскаго полка, сотня казаковъ, полицейскіе, инвалиды и инаго рода солдаты—и все это для какихъ нибудь двухсотъ безоружныхъ женщинъ... Рыцари! Началась совершенная осада, съ парламентаріями и переговорами; условія мира были предлагаемы и отвергаемы. При этомъ не можемъ не упомянуть объ одномъ ротномъ командирѣ, который усердно предлагалъ средство скорѣйшаго прекращенія волненія: *пересѣчь всѣхъ по одиночкѣ и разогнать по домамъ; доблестный сей мужъ—капитанъ Врехоритовъ.* Между тѣмъ дѣло шло къ ночи; солдаты начали пошаливать, совершать естественныя потребности въ присутствіи дамъ, и богъ знаетъ чѣмъ бы все это кончилось, еслибы двое русскихъ же проживающихъ въ нашемъ городѣ и всѣми уважаемыхъ, благородныхъ людей не отправились въ депутаціи къ бездѣльнику Рожнову и не успѣли внушить ему, что подобныя дѣйствія не только безчеловѣчны, но и безтолковы, послѣ чего онъ согласился снять осаду, но только подъ условіемъ, если осажденные дадутъ слово не собираться больше на молитву. Однако народъ былъ въ осадѣ до 2 часовъ ночи; многія женщины съ испугу занемогли, падали въ обморокъ, простудились.

— *Вопросъ шляхтъ.* Петербургскіе газеты между прочими перепечатали слѣдующее изъ псковскихъ губ. вѣдом.

Мировой посредникъ порховскаго участка довелъ до свѣденія присутствія, что во всѣхъ волостяхъ временно-обязанные крестьяне, на его предложеніе о необходимости озаботиться, при настоящемъ ихъ положеніи, объ учрежденіи школъ, отозвались искреннею готовностію завести волостныя школы для дѣвочекъ и мальчиковъ; причемъ начиная съ первой, по открытію, Страшницкой волости, положили мірскими на волостныхъ сходахъ приговорами: жертвовать на этотъ предметъ по 5 коп. сер. съ души ежегодно, съ тѣмъ, чтобы дѣти ихъ учились и содержались въ школахъ на этотъ общественный сборъ, въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ. Представляя о заявленномъ крестьянами желаніи, посредникъ просилъ разрѣшенія и руководства для устройства означенныхъ школъ.

Учебныя шляхтичи! будьте родными отцами и объясните намъ, какъ-же одни и тѣже мужики, по крайней мѣрѣ одного образованія, съ такой готовностію хотятъ заводить школы и не могутъ понять свободы—“положеній” и не хотятъ на себя руку поднять, подписывая уставную грамоту?...

— *Съшли или не съшли?*—Opinion Nationale, Siecle Express и наконецъ *Теймсъ* повторили слѣдующую страшную вѣсть: “Три дѣвушки слушали лекціи въ петербургскомъ университетѣ. Двѣ изъ нихъ, Корсини и Блюмеръ, заключены въ крѣпость, а Богданова—тѣлесно наказана въ тайной полиціи” (*Теймсъ*, 9 Нояб.). Мы не вѣримъ этому, и убѣдительно просимъ написать намъ, неужели николаевскія сѣченія возстановлены для дамъ? И сѣчетъ-ли Шуваловъ, какъ его предшественникъ Шишковскій, собственноручно или только надзираетъ?

— *Подробности о 12/24 Октябрѣ.* Когда Паткуль окружилъ студентовъ городскими, явился адъютантъ Михаила Николаевича, *Свистуновъ* и совѣтовалъ студентамъ разойтись. Въ это время раздавался крикъ “бей” и жандармы съ обнаженными саблями, а преображенцы съ прикладами бросились на арестованныхъ. Свистуновъ старался удержать ярость преторіанцевъ, но самъ чуть не пострадалъ, ему изорвали мундиръ. Результатомъ этой бойни вышло то, что Лебедеву разбили голову и разрубили скулу, одного студента ранили штыкомъ. Жандармскій офицеръ *Максимовъ отрубилъ ухо* одному студенту. До 20 были ушибены прикладами, 6 отвезены въ госпиталь.

Вотъ имена преображенскихъ офицеровъ ходившихъ въ атаку на студентовъ: *Толстой* (ротный к.), *Корсаковъ*, *Оболенскій* и *Штрезовъ.* (*Теймсъ* отъ 13 Ноября говоритъ, что одинъ изъ нихъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ).

Всѣхъ не матрикулировавшихся заставили въ 48 часовъ выѣхать изъ Петербурга, если не имѣютъ поручительства или родныхъ. Большая часть молодыхъ людей вовсе безъ средствъ, для нихъ вездѣ открыты подписки.

16/28 и 17/29 Октября отправлено 320 студентовъ въ Кронштадтъ. Капитанамъ было велѣно наблюдать, чтобы офицеры не говорили со студентами; на каждомъ пароходѣ былъ конвой съ заряженными ружьями.

— *Михайловъ.* 16/28 Октября сенаторы собирались слушать указъ о перенесеніи дѣла Михайлова въ 5 департаментъ уголовныхъ дѣлъ. 17/29 начали судъ.

— *Шуваловская эманципація женщинъ.* Рѣшительно публичныя женщины становятся у насъ правительственными людьми, и *общій домъ* возлѣ *частнаго*, получаетъ значеніе, принадлежавшее прежде благородному росейскому дворянству “твердѣйшей опоры престола”. Третье отдѣленіе, какъ бани будетъ раздѣляться на женскія и мужскія. Мужское отдѣленіе платитъ дѣвкамъ по 50 рублей въ мѣсяць и общаетъ до 600 за уловленіе (говорятъ, тоже заплатили и Костомарову за брата). Впрочемъ не всѣ женщины готовы идти на содержаніе, идутъ на слушаніе. Одна знаменитость петербургская отказалась отъ большой суммы, боясь потерять *репутацію.* Дай то богъ, чтобы ея примѣръ нашелъ хоть одного подражателя — изъ генераловъ.

— *Валуевъ.* По случаю печатанія журналовъ мировыхъ и губернскихъ присутствій въ губернскихъ вѣдомостяхъ съ прописаніемъ фамилій помѣщиковъ—отъ Валуева послѣдовалъ циркуляръ губернаторамъ, чтобы *фамиліи не прописывать въ печати.* Каковъ крѣпостникъ этотъ министръ освобожденія?

Чтобы наказать калужскаго губернатора Арцемовича за дѣло съ плантаторомъ Мальцовымъ, котораго имѣніе онъ хотѣлъ отдать подъ опеку, министр-плантаторъ снаряжилъ сенаторскую ревизію губерніи. Сенаторъ долженствующій запутать лучшаго губернатора въ Россіи — Капгеръ. Увидимъ что-то онъ сдѣлаетъ.

— *Война съ Дамами.*—Намъ пишутъ изъ Парижа, что г-жа Европеусъ, была арестована на границѣ возвращаясь изъ чужихъ краевъ; при обыскѣ таможенныхъ шпионовъ, у ней нашли запрещенныя книги и *Колоколъ.* Да гдѣ-же было объявлено, какія книги и журналы запрещены въ Россіи?

— Евкратум. Въ прошломъ листѣ Колокола, на стр. 932, въ концѣ 2 кол. напечатано: “Правда-ли, что новгородскій губернаторъ” и т. д. слѣдуетъ читать: Правда-ли, что тверской губерніи, и т. д. Потомъ вмѣсто: “Абросимъ Филиповъ Рязнецовъ,” слѣдуетъ: Абросимъ Филиповъ Рязнецовъ.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOXO!

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цена 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи—5, Thornhill Place,
Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 113.

22 НОЯБРЯ 1861.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchotzowski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Бакунинъ свободенъ—Студентскія извѣнія—Московская бойня студентовъ—Адрессъ не подписанный московскими
литераторами—Къ біографіи Ягнатъева - Мальковскаго—Православіе, артиллерія и трауръ. Смѣсь : Въ защиту г. Сафоновича—
Изъ Петербурга—Изъ Ковно—Коптъ-адмиралъ Унковскій—Брадке и Левшинъ—Адрессъ Польскихъ дамъ.

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ БАКУНИНЪ въ С. Франциско. **ОНЪ СВОБОДЕНЪ!** Бакунинъ уѣхалъ изъ Сибири черезъ Японию и собирается въ Анлію. Извѣщаемъ съ восторгомъ объ этомъ всѣхъ друзей Бакунина.

ПО ПОВОДУ СТУДЕНТСКИХЪ ИЗВѢНІЙ

I.

Одна изъ самыхъ тяжелыхъ минутъ для слѣдопроизводителя по уголовному дѣлу—та минута, когда онъ входитъ въ комнату, гдѣ совершилось злодѣйство : все тихо и спокойно... пятна крови, сломанная мебель, опрокинутый стулъ, разбитое стекло... съ улицы слышавъ шумъ, трещать колеса, играетъ шарманка, хохочутъ дѣти, кричатъ разношники—а нѣсколько часовъ тому назадъ, тутъ, на этомъ мѣстѣ, слышались глухіе удары, вопль, брань, стонъ, тяжелое паденіе... и внутренно пробираетъ истерическая дрожь... а между тѣмъ выбора нѣтъ, по горячимъ слѣдамъ надобно производить слѣдствіе. Лишь—бы нашлось довольно спокойствія духа, чтобъ не набросить на плечи преступнику еще больше вины, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ ему приходится нести.

Мы эти слѣдопроизводители.

Печально стоятъ передъ нами огромныя зданія потерявшія смыслъ, холодныя, пустыя аудиторіи, нѣмыя кафедры; безмысленная сила прошла тутъ, туго раздавила молодую жизнь, безраскаянно успокоилась, и все пошло по старой колеѣ,—только студентовъ нѣтъ, науки нѣтъ.

Кто виноваты? Гдѣ виновники?—Благодушный императоръ, или бездушный Путятинъ? Шуваловъ или Строгановъ? московская полиція или преображенская?

Всѣ виноваты, всѣ они играли роль добровольныхъ палачей, жестокихъ палачей; но вмѣстѣ съ тѣмъ они пользуются и выгодами, соединенными съ званіемъ заплечныхъ мастеровъ: они отвѣчаютъ только за исполненіе. Пусть ихъ замучить совѣсть, пусть ихъ замучитъ общественное презрѣніе. Пусть они наконецъ будутъ наказаны на томъ основаніи, на которомъ въ Анліи казнятъ звѣрей, причинившихъ смерть человѣку. Чортъ съ ними совѣтъ. Ни ихъ виновность, ни ихъ казнь не объяснить дѣло.

Университетская исторія не случайность, не капризь, а начало неминуемой борьбы. Борьба эта должна была завя-

Годъ V.

заться тамъ или тутъ, она завязалась на самой естественной почвѣ. Противурѣчія лежащая въ основѣ политической жизни нашей раздвинулись до того, что никакой Александръ Николаевичъ не устоитъ Колоссомъ Родосскимъ. Несовмѣстимое противурѣчіе, которое бросается въ глаза между университетомъ и преображенскими казармами, не только существуетъ во всѣхъ сферахъ жизни, но что особенно важно, приходитъ къ сознанию.

Первое обнаруженіе подавлено, второе, третье можетъ будетъ тоже подавлено, броженіе скроется внутрь, но непременно обнаружится съ большей силой, а тогда—или петербургской порядокъ погибнетъ, или Россія погибнетъ.

То лихорадочное чувство *не по себѣ*, которое овладѣваетъ всей Россіей—вверху, внизу, въ крестьянской избѣ и въ самомъ зимнемъ дворцѣ, прямо обнаруживаетъ работу организма, посредствомъ котораго онъ стремится отдѣлаться отъ чего-то мертваго, отъ чего-то ядовитаго и гніющаго.

Исходъ борьбы можетъ быть тотъ или другой, но устраненіе борьбы невозможно. Нечеловѣческія усилія, сдѣланныя Николаемъ, задержали обнаруженіе ея на тридцать лѣтъ. Это Геркулесовъ столбъ, Николай дошелъ до того давленія, послѣ котораго вода въ насосѣ не подымается, сколько хочешь дави.

Петровскому императорству пережившему себя оставалось *одно живое дѣло*, на этомъ дѣлѣ оно могло искупить прошедшее, залечить раны нанесенныя народу, обновиться—этимъ дѣломъ оно повязало себѣ веревку на шею... “Насильно спасать никого нельзя”—сказалъ маршалъ Бюжо Людовику Филиппу.

Сначала утратилась сила—потомъ смыслъ. Оптический обманъ несокрушимости разсѣялся вмѣстѣ съ севастопольскимъ дымомъ, всѣ увидѣли что это декорация силы, а не сила. Правительство ужаснулось своей ничтожностію и своей велѣпости; отсюда его судорожная готовность все измѣнять, чинить, перестраивать и съ тѣмъ вмѣстѣ, отчаянно себя отстаивать всѣмъ на свѣтѣ—разстрѣливаніемъ крестьянъ, прикалываніемъ молящихся, преображенскими прикладами, жандармами одѣтыми мужиками, публичными дѣвками на откуп... это—внутренній страхъ смерти у большаго, это—подавляющее сознание, что его существованіе не имѣетъ достаточной причины. Вотъ отчего они мечутся изъ стороны въ сторону,

вотъ отчего это безпокойное ошупываніе... вотъ отчего императрица по ночамъ молится передъ византійской иконой и читаетъ исторію Маріи Антуанеты, вотъ отчего они трепещутъ за свою династію, когда сотня молодыхъ людей не хочетъ покориться унижительнымъ формамъ, вотъ отчего они держутъ какъ заряженный револьверъ подъ подушкой своихъ преображенцевъ, своихъ жандармовъ. Они знаютъ, и это *худшее* что можетъ знать человѣкъ, они знаютъ, что *ихъ не нужно больше!*

Восемь, десять лѣтъ тому назадъ я проповѣдывалъ испуганной Европѣ, съ ужасомъ поглядывавшей на мрачную фигуру императора въ ботфортахъ и кавалергардскомъ мундирѣ, стоявшую какимъ-то сибѣжнымъ пугаломъ за балгійскими льдами — что *силы этотъ таетъ*, что петербургскій тропь вовсе не такъ крѣпокъ какъ думаютъ, что онъ пережилъ свой смыслъ и не имѣетъ съ самой войны 1812 года ничего творческаго и созидающаго, что Николай по инстинкту самосохраненія свелъ всѣ силы на одно отрицательное прогнудѣйствіе — возникающимъ началамъ новой жизни.

Мнѣ не вѣрили—это было до крымской войны.

Старая исторія, что люди убѣждаются только грудями труповъ, взятыми курганами, сожженными городами. Макъ-Маговъ былъ счастливѣе меня.

Но не у одной Европы пала повязка съ глазъ отъ крымской войны, она пала съ глазъ Николая и когда онъ оглядѣлся и увидѣлъ хаосъ и пустоту, развитыя имъ—легкія его перестали дышать.

Все царствованіе его, была ошибка. Ограниченный деспотъ, безъ образованія, онъ не звалъ Европы, онъ не звалъ Россіи. Свирѣпый больше, чѣмъ хитрый, онъ царствовалъ одной полиціей, однимъ гнетомъ. Испуганный 14 Декабремъ, онъ отшатнулся отъ дворянства, отъ единственной среды связанной на животь и на смерть съ петербургскимъ престоломъ — преступной круговой порукой крѣпостнаго права. Онъ въ немъ хотѣлъ подавить тѣ простыя, необходимыя стремленія къ гражданскимъ правамъ, которыя безъ ущерба себѣ имъ уступила бы каждая прусская и австрійская корона. Но отвязывая въ тихомолку императорскую барку отъ помѣщичьихъ плотовъ, онъ ничего не сдѣлалъ для народа. Ему хотѣлось бы *отнять* у дворянъ крѣпостное право, для того чтобъ ослабить ихъ касту, но не давая воли крестьянамъ. Онъ на нихъ смотрѣлъ съ обыкновенной офицерской точки зрѣнія, онъ не боялся ихъ, народъ не зналъ слова конституція, не требовалъ правъ, а считалъ только землю своей; впрочемъ во всякомъ случаѣ съ нимъ было легче совладать, нѣмыя массы его можно было раздавить беззвучно, безотголосно.

Преимнику Николая доставалось наслѣдье не легкое, пенужная и безславная война, разстроенные финансы, общее воровство, ропоть, недовѣріе и ожиданье. Ему предстояли, какъ въ нашихъ сказкахъ три дороги. Дать дѣйствительныя права дворянству, и попробовать уладить съ нимъ, *мунную* свободу представительнаго правленія. Освободить крестьянъ съ землею—и начать новую эпоху народнаго и экономическаго освобожденія. Или вмѣсто того и другого продолжать давить всякое проявленіе жизни, до тѣхъ поръ пока лопнутъ мышцы у того, который давить, или у того, котораго давятъ. По какой-же дорогѣ поѣхалъ нашъ Иванъ Царевичъ?

По всѣмъ по тремъ...

Эта шаткость, эта неувѣренность человѣка спросонья—отличительная черта новаго царствованія. Въ немъ есть что-то безхарактерное, безпомощное, картавое—и въ силу этого—всѣму уступки, всѣму измѣны. Дворянству, литературѣ, университетамъ—даются какія-то льготы, права—но недѣйствительныя. Крестьянамъ дается свобода—но безъ земли. Польшѣ возвращается народность—но безъ всякой самобытности. А недовольны — Апраксинъ, Дренякинъ, гвардейская полиція. Арестанту, котораго Николай гонялъ сквозь строй—позволяютъ отдохнуть, разсуждаютъ съ нимъ о вредѣ тѣлесныхъ наказаній, сулятъ ему золотыя горы—а какъ онъ только приподнимаетъ голову, барабанъ—и продолжай свою вторую тысячу зеленой рощи...

Университетская исторія, частный случай, въ которомъ во всей своей силѣ отразилась, та-же самая блуждающая, безпутная правительственная мысль,—съ молодыми людьми поступили также какъ съ поляками, также какъ съ крестьянами, и также какъ еще десять разъ поступать — если бессмысленное правительство будетъ ходить на волѣ.

Неужели опытъ насъ ничему не научитъ? чтоже ждать четвертой, пятой крови?... Если мы ничего не будемъ дѣлать, мы дождемся страшныхъ бѣдъ — одинъ ножъ въ рукахъ безумнаго можетъ надѣлать страшныя бѣдствія—а пятьсотъ тысячъ штыковъ въ рукахъ испуганнаго и бессмысленнаго правительства?... Общественное спасеніе, спасеніе народа, требуетъ чтобъ его не пускать по волѣ, требуетъ чтобъ его связать.

Пу такъ и закидывайте арканъ!

П—ръ.

МОСКОВСКАЯ БОЙНЯ СТУДЕНТОВЪ.

Мы получили четыре письма изъ Москвы, одно печатемъ почти вполнѣ. Разногласія въ письмахъ нѣтъ, но крайней мѣрѣ ни въ чемъ существенномъ. Всѣ письма равно говорятъ—о вѣрноподданическихъ стараніяхъ профессоровъ, полиціи, генераль-губернатора, нѣкоторыхъ литераторовъ и двухъ полицмейстеровъ. Героемъ дня впрочемъ былъ, *et il ne Ra pas volé* — знаменитый Сычинскій. Отъ убійства несчастной дѣвушки, принесенной на жертву поддержанія законной власти Маріи Бредау, онъ естественно перешелъ къ убійствамъ студентовъ, для поддержанія самодержавной власти. Поведеніе Тучкова и профессоровъ далеко не такъ естественно, съ ихъ стороны это прогрессъ.

Имя корреспондента ручается намъ за истину, тѣмъ не меньше мы просимъ, если какой-нибудь фактъ изложенъ невѣрно, прислать намъ поправки.

— 5/17 Октября. — “Процессія студентовъ на могилу Грановскаго окончилась тихо. Говорятъ, что профессоръ Соловьевъ ѣздилъ къ Тучкову, просить отъ имени профессоровъ команду, чтобы разгонять студентовъ. Тучковъ его не принялъ.

— 13/25 Октября — Въ послѣднія дни студенты были очень обескуражены. Адресъ подписывали туго (см. прошлый Кол.). Человѣкъ 200 самыхъ горячихъ и энергическихъ послали депутаговъ къ попечителю, просить его объ открытіи 1-го и 2-го юридическихъ курсовъ, и принять адресъ къ государю. Онъ отказался отъ того и другого. Тогда студенты силою вошли въ профессорскую залу. Въ дверяхъ удерживали ихъ минутъ пять профессора Ешевскій и Бодянский, но студенты наконецъ отгѣснили ихъ и вошли

къ попечителю. Пришелъ полицмейстеръ Крейцъ, но его не впустили. Студенты разошлись вечеромъ, а ночью начались аресты, схвачены были между прочими и больные, лежавшіе больше недѣли дома. На другой день толпа студентовъ собралась въ саду и узнавъ, что многіе взяты — рѣшились идти къ генераль-губернатору; въ числѣ двухсотъ пошли по Тверской. Лишь только вышли они на площадь, раздалась свистки и со всѣхъ сторонъ изъ засады показались жандармы.

Тутъ произошла схватка. Многіе защищались, но всѣ были взяты; иные бѣжали, но тогда тулуны, народъ, кинулись на нихъ съ криками: "бейте поляковъ, они пришли рѣзать губернатора!" Съ яростью брали они студентовъ за воротники, валили, давили, полиція спасала ихъ и говорила прохожимъ: "мы спасаемъ! народъ рветъ на части бунтовщиковъ!" Это показалось страннымъ, съ чего? какъ? Но скоро штука была открыта, это были *переодѣтые буточкики* и солдаты, и они-то съ криками бросились на студентовъ, желая увлечь народъ. Два купца первые открыли это, узнавъ буточника своего квартала переодѣтымъ въ тулунъ. Всѣ тулуны были съ усами, но безъ бородъ и кланялись начальству подымая руку къ шапкѣ. Все это играло роль народа и душило студентовъ, которыхъ полиція спасала; пока это было на площади, по улицамъ происходили неслыханныя вещи. Разъяренные какъ звѣри жандармы, пускали во весь опоръ своихъ лошадей, давили и скакали на ловлю студентовъ. Они бросались на *всякаго*, у кого была форма студентская. Хватали всѣхъ безъ различія. Раевского, который бѣжалъ стричься къ парикмахеру, *вытащили* изъ коляски, другого *вытащили* изъ магазина; напали на шедшихъ въ клинику. Одинъ студентъ былъ гувернеромъ и бѣжалъ съ дѣтьми; его *вытащили* изъ экипажа, дѣти съ испугу выскочили и разбѣжались, и ихъ потомъ искалъ отецъ пѣлый день. Вытаскивая студентовъ изъ экипажей, ихъ волочили по землѣ, разбивали имъ лицо. Одного буквально удавили на шарфѣ, и его замятвомъ подняли на бульварѣ двѣ дамы и сами свезли въ клинику. Жандармы его тащили за два конца *cachenez* и думая, что онъ ужъ умеръ, бросили. За его жизнь Захарьинъ не отвѣчаетъ. Другого *Каревина* жандармъ ударилъ палкой по головѣ; онъ упалъ замертво— но скоро приподнялъ голову, другой жандармъ наѣхалъ на него лошадью и раздавилъ его! Его унесли онъ, говорятъ, умеръ. Пока шла эта ловля и травля во всей Москвѣ, студентовъ взятыхъ на площади *запнали* на большой дворъ тверской части, что противъ дома генераль-губернатора и гдѣ гауптвахта. Тамъ голодные и холодные, (съ нихъ стащили шинели и *украли ихъ*) стояли они съ 11 часовъ утра до часу ночи. Толпа около была большая и въ пей судили и рядили розно. Однако народу всѣ почти объясняли, что это не бунтовщики и рѣзать они *никого* не хотѣли. Этотъ слухъ вышелъ отъ *переодѣт. хъ*, которые распространяли разные возмущающія вещи, чтобы увлечь за собою настоящій народъ. Говорятъ, что у *трехъ* студентовъ въ карманѣ нашли *кинжалы*, или ножи.*

Разпоряжался всѣмъ этимъ *Сычинскій*! Все тотъ-же герой, засѣкавшій женщинъ и до сихъ поръ остающійся въ Москвѣ. Между тѣмъ студенты отдѣлились отъ толпы наполнявшей площадь солдатами и просили чего-нибудь одѣться! Было очень холодно, а ихъ держали все на дворѣ. Изъ толпы

* Оказалось что и ихъ подброепла полиція.—Ред.

вызывались многіе отдавать имъ свои пальто, но полиція не позволила. Толпу постоянно давили лошадьми, и жандармами, а она все стояла до поздней ночи, ожидая куда дѣвуть студентовъ. Не знаю чѣмъ кончилось и что еще будетъ. А нынче не пройдетъ даромъ.

Говорятъ, будто Ешевскій и Дмитріевъ ѣздили къ Тучкову просить, чтобы студентовъ судили въ университетѣ и въ совѣтѣ. Имъ, кажется, отказали.

14/26 Октября, утромъ.

Новаго ничего нѣтъ. Вчера была большая сходка на университетскомъ дворѣ, гдѣ участвовали не одни студенты, а посторонніе и присутствовали женщины. Собраны были деньги, въ пользу взятыхъ студентовъ 125 р. сер., выбраны 4 депутата, чтобы объѣздить всѣ части, узнать какъ ихъ содержать, и не надо-ли имъ теплаго платья. Одного изъ нихъ, послали къ Дмитріеву и Ешевскому просить, чтобы они были депутатами отъ Университета, при слѣдствіи надъ студентами. Изъ профессоровъ, показали участіе къ судьбѣ избитыхъ студентовъ: *Ейнбродтъ* и докторъ *Захарьинъ*, который лишь только узнавъ, что быють студентовъ, прибѣжалъ ихъ перевязывать и лечить, почти силою ворвался во дворъ, гдѣ они лежали безъ чувствъ и сдѣлалъ свое дѣло за то.

. . . П. Ф. Павловъ, на площади, въ виду всѣхъ, порицалъ съ полицмейстеромъ Сычинскимъ молодыхъ людей и выражалъ благородное негодованіе противъ студентовъ и сочувствіе къ полиціи. Въ народѣ сперва распустили слухъ, что это поляки и идутъ рѣзать губернатора, а потомъ; что это *дворяне* идутъ просить о возвращеніи крѣпостнаго права. Отъ того, когда переодѣтые буточкики и солдаты бросились съ крикомъ: "бей подлецовъ!" вѣсколько лавочниковъ бросилось съ ними. Студенты спасались въ дома, но ихъ впустилъ только *Андреевъ*, въ свой магазинъ. Случаевъ несчастныхъ множество. Одного студента поймалъ жандармъ, около Страшнаго бульвара, ударилъ кулакомъ въ лицо, разбилъ очки и разбитыя стекла взошли въ глаза несчастнаго. Зрѣніе, если не уничтожено, то сильно повреждено. Другого студента, большого, хватившаго въ каретѣ, *вытащили* изъ нея, били, и онъ теперь умираетъ. Еще другого, *не* студента, Субботина, шедшаго по никитской, въ студентской шинели (онъ бѣденъ и сохранилъ шинель отъ времени студентства), взяли, били и засадили въ частной домъ. Почти всѣ исколочены полиціей. Адамъ Клименко, пропалъ безъ вѣсти, его не находятъ до сихъ поръ. Въ тверской части одного изъ депутатовъ допустили къ товарищамъ. Они сидятъ въ грязной, вонючей комнатѣ, но ихъ кормятъ хорошо и обращаются вѣжливо (избивъ на канупѣ). Въ другихъ частяхъ не пустили, но слышны были ихъ голоса за дверь. Денегъ студенты не взяли, а въ пречестинской части и не позволили ихъ предложить товарищамъ. Только въ одной части спросили студенты: "отъ кого деньги" и узнавъ, что отъ товарищей, взяли два рубля на всякій случай. Въ другой просили курительнаго табаку. Когда студенты пришли къ дому генераль-губернатора, то отрядили депутатовъ къ нему, но этихъ депутатовъ не выслушавъ, схватили тотчасъ. Одинъ только выскользнувъ, прибѣжалъ къ Тучкову и закричалъ: "помилюйте, вы приказали бить и давить безоружныхъ людей, что вы дѣлаете?" Въ суматохѣ онъ скрылся. Его теперь вездѣ ищутъ. Полиція говоритъ сегодня, что кинжаловъ и ножей не было у студентовъ.

Англійскій клубъ свирѣпствуетъ; Лопгиновъ острить и пр. Ходить *слушать*, но *слушать* только, будто одному профессору... на вечерѣ, у его знакомыхъ, когда онъ ругалъ студентовъ, одинъ молодой человекъ, не студентъ, далъ пощечину.

15/27 Октября, утро.

Очевидецъ, молодой человекъ, былъ у меня нынче. Онъ очутился на крыльцѣ генераль-губернатора, когда случилась сцена и не можетъ прийти въ себя. Студенты подошли тихо. Четыре депутата ихъ исчезли въ дверяхъ генераль-губернатора. Между ними было гробовое молчаніе. Вдругъ ихъ стали гнать какъ изъ подъ земли выросшіе жандармы. Взяли тесаки *на перевѣсъ* и пошли на нихъ скорымъ маршемъ. Тогда студенты подняли вверхъ руки, ивые палки, говоря своимъ: "не давайте себя отрѣзывать крыльца." Въ это время офицеры командовали: "Бери, хватай!" Жандармы съ яростью бросились *бить* студентовъ. Очевидецъ говоритъ, что это было ужасное зрѣлище, что его было нельзя вывести. *Слезкинъ*, полковникъ жандармовъ, стоялъ блѣдный, какъ приговоренный къ смерти. Онъ занемогъ, говорятъ, отъ волненія и отчаянія, что долженъ былъ присутствовать при такой баталіи. Жандармы отъ слишкомъ большой ревности давили своихъ. Конные, которые явились послѣ, давили пѣшихъ. Одного припесли раненаго на рукахъ. Разскащикъ подошелъ и спросилъ: "вы и этого на счетъ студентовъ поставите?" Знаменитые *кинжалы* найдены у близъ стоящаго черкеса, другой у одного посторонняго, а третій—*ножъ* у проходившаго *повара*. Тесаками такъ смяли грудь и легкія одного студента, что его повесили полумертваго и бросили на дворѣ Тверской Части на землю. Когда Захарыинъ пришелъ, онъ сказалъ, что его надо тотчасъ въ клинику, и что онъ не отвѣчаетъ за его жизнь. Но его ему не дали. Онъ, какъ зарѣзанная собака, лежалъ на земли до 6 часовъ вечера. Его таскали потомъ къ допросу, и Рудзевичъ, секретарь Тучкова, хотѣлъ его допрашивать. Несчастный молчалъ, потому что онъ дышалъ, буквально, *всѣмъ тѣломъ* и былъ безъ чувствъ. Наконецъ, въ 7 часу его отдали въ клинику, гдѣ онъ, говорятъ, *умеръ*, и еще 8 *умираютъ*. Жандармы бросились оттого съ яростію, какъ *сами* говорили, что хотѣли *передушить* ихъ заразой; "а то мы вотъ ведрю не спимъ, говорили они, а все около осѣдланыхъ лошадей на конюшнѣ; измучились совсѣмъ." Вчера четыре студента пришли повидаться съ своими друзьями, и ихъ не пустили. Они спросили у кого можно позволенія спросить, имъ сказали у Сычинскаго. Они стали ожидать его, и дѣйствительно, вскорѣ онъ пріѣхалъ и спросилъ—Кто это?—"Это студенты—ждутъ здѣсь около часу, хотятъ повидаться."—Арестовать ихъ! крикнулъ Сычинскій: жандармы бросились и арестовали. Правится вамъ это? А общество реветъ, что были кинжалы, были палки, были возмутительныя рѣчи. Ничего этого не было. А былъ еще генераль *Заиряжской*, который живетъ въ домѣ г. губернатора Тучкова—онъ *собственноручно*, изъ любви къ искусству, хваталъ несчастныхъ студентовъ за шиворотъ, отдавалъ ихъ въ руки полиціи. Студенты *всѣ* избиты. Профессора требуютъ, чтобы они прекратили сходки. Исаковъ не дозволяетъ студентамъ собираться, того и гляди выпустятъ батальонъ солдатъ, который вотъ уже съ ведрю *залептъ* въ экзерциргаузѣ и кричитъ: "пустите насъ поковырять штыками!" тогда

будетъ исторія съ бѣдшею кровью. Тутъ было мало крови, сухіе раны, помятые груди, переломленные тесаками на перевѣсъ ребра...

ТЕКСТЪ АДРЕССА НЕПОДПИСАННАГО

МОСКОВСКИМИ ЛИТЕРАТОРАМИ.

В. П. В.

Опасаясь, чтобы несчастное происшествіе, въ которомъ замѣшано нѣсколько литературныхъ именъ, не повредило интересамъ всей литературы, а слѣдовательно и правильному ходу общественнаго развитія, мы, нижеподписавшіеся представители отечественной литературы, считаемъ священною обязанностью всеподданнѣйше просить в. и. в. принять во вниманіе всѣ обстоятельства, способныя умалить въ вашихъ глазахъ значеніе совершеннаго преступленія и доказать независимость его отъ общихъ стремленій литературы.

Законы, управляющіе ходомъ общественныхъ событій, государь, повсюду одинаковы и непреложны. Человѣчскій разумъ неспособенъ выработать никакой истины, если предъ нимъ нѣтъ никакихъ заблужденій. Только по сравненію хорошаго съ дурнымъ можно оцѣнить хорошее; только при свободной и безпрепятственной борьбѣ истины съ заблужденіемъ можетъ торжествовать истина. Въ тѣхъ-же обществахъ, гдѣ правильная борьба невозможна, гдѣ человѣческое слово и разумъ стѣснены ценсурою,—тамъ всякаго рода заблужденія и страсти получаютъ особую силу, ибо ничто кромѣ разума не въ состояніи побѣдить ихъ. Всякая попытка истребить заблужденія полицейскими мѣрами вѣта только къ усиленію ихъ. Такъ было вездѣ, во всѣ времена, во всѣхъ государствахъ и ваше величество лучше другихъ сознали эту истину, повелѣвъ прекратить преслѣдованіе раскола, который, до вступленія вашего на престолъ, постоянно увеличивался и разрастался. Политическія заблужденія и страсти подчинены тѣмъ-же законамъ; ибо вытекаютъ изъ того-же источника. Имъ нерѣдко подвергаются люди весьма благородные и доброжелательные, но столько-же нетерпѣливые и пылкіе. Заблужденія этого рода совершенно безвредны и безсилны тамъ, гдѣ противъ нихъ всегда на сторожѣ разумныя и консервативныя силы общества, готовыя во время избытка всякую ошибку, умѣрить и охладить всякій излишній пылъ, остановить всякое неразумное требованіе. Но тамъ, гдѣ общественное мнѣніе подавлено и не смѣетъ возвысить голоса въ пользу истины, тамъ оно никогда не возвыситъ его открыто и противъ заблужденія; гдѣ преслѣдованіе мысли беретъ на себя полиція, тамъ уже литература дѣйствовать не можетъ, не унижая своего достоинства.

Въ такомъ именно положеніи находится русская литература, лишенная всякой возможности дѣйствовать по внушеніямъ общественнаго разума. Многие изъ того, что нынѣ огорчаетъ и затрудняетъ правительство, устранилось бы само собой при свободномъ обсужденіи, и общественное мнѣніе само осудило бы и сдѣлало бы смѣшными тѣ крайнія увлеченія молодости, которыя, распространяясь подъ оболыгательнымъ покровомъ тайны, имѣютъ видъ опаснаго дѣла. Полицейскія преслѣдованія этихъ попытокъ, придавая имъ серьезное значеніе, способствуютъ только къ ихъ распространенію; суровыя-же наказанія виновныхъ дѣлаютъ ихъ мучениками въ глазахъ общества, и вмѣсто порицанія, на которое рассчитываетъ

законъ, приобретающъ имъ, напротивъ, всеобщее уваженіе. Положеніе литературы, сознающей всѣ эти истины, становится невыносимо тягостнымъ. Не имѣя никакой возможности противудѣйствовать какимъ бы то ни было заблужденіямъ, литература обречена на двойную отвѣтственность: предъ умственными потребностями общества, которымъ удовлетворить не можетъ — и предъ правительствомъ, которое обвиняетъ ее въ недостаткѣ сочувствія и помощи. Между тѣмъ она нисколько не виновна въ обоихъ случаяхъ.

Литература неоднократно выражала искреннюю готовность помогать правительству во всѣхъ благихъ его стремленіяхъ, но каждый разъ предложенія ея были отвергаемы. Ваше царствованіе, государь, привѣтствовано было ею съ любовью, ваши благія намѣренія вызывали въ литературѣ искреннюю благодарность и горячія надежды. Но правительству угодно было остановить потокъ этихъ добрыхъ чувствъ и запретить выраженія преувеличенныхъ надеждъ. Нынѣ, по неизбѣжному закону отраженія, преувеличенія эти впали въ противоположную крайность.

Мы понимаемъ, государь, какое огорченіе должны были принести вашему сердцу проявленія этой послѣдней крайности. Но великодушіе ваше извѣстно всѣмъ. Въ немъ почерпали силу всеобщія надежды Россіи, въ немъ же должны были найтись своею силой вспышки частной безнадёжности. Твердо увѣренные въ доброту вашего сердца, мы не боимся за участь виновныхъ, увлекшихся въ политическое преступленіе. Мы умоляемъ ваше величество измѣнить тѣ обстоятельства, которыя способствуютъ зарожденію подобныхъ преступленій и предупредить развитіе ихъ на будущее время. Дайте, свободу русскому общественному разуму, дозвольте ему обнажить свой мечъ на защиту своихъ правъ и, повѣрьте государь, вы найдете въ русскомъ словѣ побѣдоносное оружіе, которое, если и не станетъ защищать безъ разбора всякое убѣжденіе правительства, то всегда за одно съ нимъ, стремиться будетъ къ поддержанію правды, законности, и всеобщаго благоденствія.

КЪ БІОГРАФІИ ПІВАТЬЕВА-МАЛЬКОВСКАГО.

Мнѣніе с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, по статьѣ отчета министра внутреннихъ дѣлъ, имѣющей заглавіемъ "городскія общества".

Въ статьѣ отчета министра внутреннихъ дѣлъ имѣющей заглавіемъ: "Городскія Общества", между прочимъ изъяснено, что:

1) *Въ основаніи организаціи городскихъ обществъ лежитъ городская грамота 1785 года, коей основная мысль заключается въ возможно большемъ привлеченіи городскихъ обществъ къ участию въ дѣлахъ общественнаго управленія. На практикѣ примѣненіе этихъ началъ повлекло отступленіе; учрежденіе общихъ думъ остается лишь мертвою буквою;*

2) *Первый опытъ преобразованія сдѣланъ въ С. Петербургѣ, на основаніи положенія 13 Февраля 1846 года. Положеніе это, въ слѣдствіе представленныхъ военнымъ генералъ-губернаторомъ замѣчаній, подвергнуто было въ минувшемъ году пересмотру въ комитетъ г. министровъ, который однакожь нашелъ, что не представляется никакихъ уважительныхъ причинъ къ измѣненію въ чемъ либо главныхъ его основаній, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего такого, что было бы противно началамъ существующихъ государственныхъ постановленій;*

3) *Польза, которую принесло это положеніе, поддала мысль о примѣненіи его и къ другимъ городамъ имперіи, начавъ на первый разъ съ Москвы и Одессы.*

Считаю себя обязаннымъ представить, по симъ тремъ статьямъ, слѣдующія объясненія:

По первой. Совершенно справедливо выраженіе г. министра, что "учрежденіе общихъ думъ остается лишь мертвою буквою". Но потому только это учрежденіе и было доселѣ безвреднымъ. Городовое положеніе 1785 года, въ коемъ ясно отразились современныя увлеченія западныхъ теорій, не было согласено и тогда ни съ нашими народными правами, ни съ нашими государственными установленіями, и потому собственно городское положеніе не могло получить правильнаго развитія и примѣненія.

Но и въ городскомъ положеніи 1785 года не было установлено представительное правленіе въ тѣхъ широкихъ, размѣрахъ которые даны оному не состоявшему въ 1856 году положенію для общественнаго управленія С. Петербургомъ.

По положенію 1785 года* гласные (въ числѣ несравненно меньшемъ нежели сіе опредѣлено положеніемъ 1846 года) должны были собираться единожды чрезъ каждые три года, собственно для избранія шестигласной думы, коей и ввѣряется все городское хозяйство.

По второй. На положеніе 1846 года, были мною представлены замѣчанія, которыя, по высочайшему повелѣнію, въ 1859 подвергнуты разсмотрѣнію комитета г. министровъ.

Комитетъ нашелъ, что не представляется никакихъ уважительныхъ причинъ къ измѣненію въ чемъ-либо главныхъ основаній сего положенія.

Но, по высочайше утвержденнымъ заключеніямъ совѣта и комитета г. министровъ, сіе положеніе 1846 года, подверглось уже въ томъ-же 1859 году, т. е. при Александрѣ, нѣкоторымъ существеннымъ измѣненіямъ и дополненіямъ въ его главныхъ основаніяхъ, а именно:

1) Общественному управленію въ С. Петербургѣ высочайше повелѣно состоять подъ главнымъ наблюденіемъ и вѣденіемъ с. петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, какъ главнаго начальника столицы.

* Удостоверившемъ сказанному служить немногія статьи положенія 1785 года, ниже сего приводимыя:

30. "Городовые обыватели собираются по приказанію и дозволенію генералъ-губернатора или губернатора, какъ для дозволенныхъ городскимъ обывателямъ выборовъ, такъ и для выслушанія предложеній генералъ-губернатора или губернатора всякіе три года въ зимнее время.

157. "Городскую Общую Думу составляютъ: городской глава и гласные отъ настоящихъ городскихъ обывателей, отъ гильдіи, отъ цѣховъ, отъ иногородныхъ и иностранныхъ гостей, отъ именитыхъ гражданъ и отъ посадскихъ. Каждое изъ сихъ раздѣленій имѣетъ одинъ голосъ въ обществѣ градскомъ.

158. "Чтобы составить голосъ настоящихъ городскихъ обывателей, собираются всякіе три года въ каждой части города настоящіе городские обыватели и выбираютъ по балачу одного гласнаго. Каждый гласный изъ настоящихъ городскихъ обывателей явиться долженъ у градскаго главы.

"Статьями 159, 160, 161, 162, и 163, въ тѣхъ-же самыхъ выраженіяхъ, какъ и въ статьѣ 158, опредѣляется, чтобы каждая гильдія, каждый цѣхъ, каждый народъ иностранныхъ гостей, именитые граждане по семи названіямъ и посадские каждой части города избирали изъ среды своей по одному гласному.

164. "Общая Городская Дума избираетъ шестигласную Городскую Думу изъ своихъ гласныхъ.

165. "Шестигласная Городская Дума составится изъ голоса настоящихъ городскихъ обывателей, изъ голоса гильдейскихъ, изъ голоса цѣховыхъ, изъ голоса иногородныхъ и иностранныхъ гостей, изъ голоса именитыхъ гражданъ и изъ голоса посадскихъ, въ предсѣданіи градскаго главы; въ случаѣ-же убыткѣ во время срока, общая городская дума пополняетъ мѣсто изъ того-же голоса."

2) Печатаніе докладовъ комисси и приговоровъ общей думы производить не иначе, какъ съ разрѣшенія гражданскаго губернатора и подъ личною его отвѣтственностью.

3) На собраніе всѣхъ или нѣсколькихъ отдѣленій общей думы испрашивать разрѣшеніе главнаго начальника столицы.

4) Высочайшія повелѣнія должны быть исполняемы общемою въ точности и безпрекословно.

5) Должность городскаго секретаря замѣщать отъ правительства.

6) Господину министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено озаботиться объ упрощеніи и преобразованіи настоящаго порядка дѣлопроизводства въ с. петербургскихъ городскихъ присутственныхъ мѣстахъ на предложенныхъ мною основаніяхъ и согласно заключенію о томъ комитета.

7) Дать нынѣ-же установленный въ законахъ ходъ слѣдующимъ изъ предположеній моихъ :

а) Объ измѣненіи или исключеніи всѣхъ статей положенія, которыя относятся до устройства особой Управы для класса наемныхъ служителей и рабочихъ;

б) О примѣненіи къ городскому депутатскому собранію нѣкоторыхъ правилъ дворянскихъ депутатскихъ собраній;

в) О поясненіи правила: кѣмъ должны рѣшаться окончательно разногласія, происходящія между общемою и распорядительною думами.

Мое представленіе о неудобствахъ, происходящихъ отъ *чрезмѣрнаго* числа гласныхъ общей думы оставлено комитетомъ гг. министровъ безъ вниманія.

Въ этомъ первоначальномъ представленіи моемъ выражено было убѣжденіе, что я сознаю все неудобство вводить коренныя преобразованія въ устройствѣ общей думы. Но сему имѣлъ я въ виду не убавленіе *здѣсь* числа гласныхъ. Но дабы важная и неисправимая ошибка сія не была повторяема въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, которыя *одинаковаго представительнаго правленія домогаются*, я счелъ тѣмъ болѣе долгомъ заявить, что для самыхъ собраній общей думы нахожу существенно *редкимъ* право участія въ оныхъ отъ 500 до 750^{ти} представителей обывателей столицы.

По положенію 1846 года въ общую думу назначается отъ каждаго изъ пяти сословій не менѣе 100 и не болѣе 150^{ти} гласныхъ. Слѣдовательно всѣхъ гласныхъ можетъ быть не менѣе 500 и до 750^{ти}.

Гласные участвуютъ въ выборахъ въ разныя должности городской службы и въ совѣщаніяхъ о пользахъ и нуждахъ города.

Въ первомъ случаѣ значительность числа гласныхъ не представляетъ особенныхъ затрудненій.

Нельзя того сказать объ общихъ собраніяхъ отдѣленій думы, при участіи въ оныхъ такого огромнаго числа ея членовъ. Ни одно государство не допускаетъ столь широкаго начала представительства, даже при конституціонныхъ правленіяхъ. Нѣтъ ни одной палаты представителей, въ которой числилось бы 750 членовъ, не говоря уже о томъ, что представители палатъ избираются всѣми сословіями цѣлой страны, а гласные общей думы представляютъ только собственниковъ одного города, имѣющаго не болѣе 500 тысячъ всѣхъ жителей*.

Между мірскими сходами, коимъ часто уподобляютъ общую думу, и сею послѣднею существуетъ то важное различіе,

* Въ Великобританіи, при населеніи, 27,691,860 жителей, въ нижній

что въ первыхъ каждое лицо отвѣчаетъ собственно за себя, а въ думѣ каждый гласный есть представитель цѣлаго сословія, его избравшаго.

На дворянскихъ выборахъ право голоса принадлежитъ только имѣющему 100 душъ или 3,000 десятинъ земли. Въ городскомъ-же управленіи избирателями сугь всѣ, имѣющие *сто* рублей годоваго дохода. Сія данныя не имѣютъ между собою соразмѣрности.

Дворяне, въ общемъ составѣ всѣхъ лицъ, имѣющихъ право на выборы, собираются однажды чрезъ каждые три года и, избравъ по каждому уѣзду одного предводителя и одного депутата предоставляютъ имъ всѣ дальнѣйшія дѣйствія по общественнымъ дѣламъ.

Въ городскомъ управленіи столицы собираются чрезъ каждые три года всѣ избиратели.* Избранные-же ими гласные (отъ 500 до 750^{ти}) удерживаютъ за собою постоянно въ общемъ своемъ составѣ, въ продолженіи трехлѣтняго срока, право участія въ городскомъ управленіи.

Неудобство такихъ многочисленныхъ собраній сознаю министромъ внутреннихъ дѣлъ, который объяснилъ въ комитетѣ гг. министровъ, что всѣ отдѣленія Общей Думы не собираются въ Общее Собраніе для того "чтобы устранить по возможности многочисленныя собранія думы и для *обезпеченія самой основательности сужденій*, по дѣламъ."†

Неудобство столь чрезмѣрнаго числа представителей сознается на практикѣ. Гласные далеко не въ полномъ составѣ, собираются даже въ отдѣленіяхъ. Не могу согласиться съ заключеніемъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, что всѣ отдѣленія не собираются въ общее собраніе, будто-бы для *обеспеченія самой основательности сужденій*, по дѣламъ.

Въ настоящее время когда дѣло подлежитъ обсужденію Общаго собранія, то для сего оно не составляется изъ всѣхъ отдѣленій, а дѣло обсуждается въ первомъ отдѣленіи, состоящемъ изъ потомственныхъ дворянъ и приговоръ, составленный въ семь отдѣленій, передается для подписанія въ другія.

Гласные перваго отдѣленія, принадлежа къ высшему и образованнѣйшему сословію въ государствѣ, могутъ, конечно, имѣть полезное вліяніе на сословія менѣе образованныя. Но въ Общей Думѣ состоящей изъ представителей всѣхъ городскихъ сословій, при обсужденіи дѣла, до пользы и нужды всѣхъ этихъ сословій относящихся, каждое изъ нихъ, принадлежитъ-ли оно къ сословію потомственныхъ дворянъ или парламентъ избирается только 658 депутатовъ. Если бы нижняя палата пользовалась такимъ-же широкимъ правомъ представительства какъ с. петербургская общая Дума, тогда въ нижнемъ парламентѣ засѣдало-бы 41,851 представителей:

	Народонаселеніе.	Число представителей въ палатахъ (1855).
Пруссія	17,740,000	352
Бельгія	4,607,065	108
Сардинія до присоединенія части Ломбардіи	5,000,000	208

* Къ общимъ городскимъ собраніямъ 1859 г. состояло избирателей : 6,848.

† При семъ возникаетъ вопросъ, обязаны-ли всѣ гласные собираться по отдѣленіямъ, или въ общее собраніе, или-же предоставляется имъ право являться въ оныя, по своему усмотрѣнію.

Въ положеніи эта обязательность не объяснена; въ немъ сказано, что собраніе лишь тогда дѣйствительно, когда въ немъ присутствуетъ одна треть. Но такъ какъ гласные, не явившіеся въ собраніе и не представившіе законныхъ къ тому причинъ, подвергаются отвѣтственности, на основаніи 1895 и 1896 ст. улож. о наказ. (статьи 1971 и 1972, изд. 1857 г.) изъ этого уже оказывается, что присутствіе всѣхъ гласныхъ въ собраніяхъ, обязательно, потому что за неприбытіе въ собраніе они подвергаются, какъ за нарушеніе постановленія, взысканію на основаніи уложенія о наказанияхъ.

ремесленниковъ, имѣть равное право на участіе въ сужденіи. Это право признано общимъ закономъ, который для отстра-щенія всякаго стѣсненія мѣній, постановилъ, что младшіе члены подають голоса прежде старшихъ. Засѣдатель отъ крестьянъ въ уѣздномъ судѣ подаетъ свой голосъ прежде засѣдателя отъ дворянъ. По существующему-же въ Думѣ порядку, отдѣленіе ремесленнаго сословія при обсужденіи дѣла, до нѣсколькихъ отдѣленій касающагося, можетъ изъявить о немъ свое мнѣніе лишь тогда, когда приговоръ, составленный потомственными дворянами въ первомъ отдѣленіи, уже подписанъ всѣми другими. Такой порядокъ можетъ быть только стѣснителемъ для свободнаго, непринужденнаго выраженія мнѣнія, и ни въ какомъ случаѣ нельзя въ немъ видѣть обезпеченія правильности сужденій.

По третей. Вышеизложенное удостовѣряетъ, что для самой пользы дѣла, для выгодъ самихъ городскихъ сословій, для доставленія имъ возможности къ болѣе непосредственному участію въ сужденіяхъ о пользахъ своихъ и нуждахъ, не слѣдуетъ допускать столь значительнаго числа гласныхъ въ Думѣ.

Нельзя не принять во вниманіе иныхъ соображеній, заставляющихъ желать ограниченія представительства, установленнаго въ такихъ широкихъ размѣрахъ въ общественномъ управленіи столицею.

Распространеніе этого права повлечетъ къ послѣдствіямъ, концы возможности нельзя отвергать. Столь быстрый и рѣзкій переходъ отъ административной централизаціи къ представительному самоуправію, въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ допускаемому, при нынѣшнемъ направленіи умовъ, можетъ быть существенно вреденъ и несомѣстимъ съ коренными началами самодержавнаго правленія.

Считаю обязанностію выразить вышеизложенныя убѣжденія мои потому собственно, что въ разсматриваемомъ нынѣ отчетѣ значится, что вслѣдствіе поступившихъ ходатайствъ о примѣненіи положенія общественнаго управленія здѣшней столицы къ другимъ городамъ имперіи, по подробномъ обсужденіи сего дѣла въ комитетѣ гг. министровъ, уже предположено немедленно приступить къ устройству городского общественнаго управленія, на первый разъ въ Москвѣ и Одессѣ.

Съ повсемѣстнымъ предоставленіемъ городамъ имперіи представительнаго самоуправія, не будетъ никакого основанія отказать въ томъ-же преимуществѣ всѣмъ другимъ сословіямъ и обществамъ, непринадлежащимъ къ составу городскихъ обывателей. Но неужели должно симъ негласнымъ(!?) способомъ водвориться въ государствѣ представительное самоуправіе?

Подписалъ : генералъ-адъютантъ Игватъевъ.

ПРАВОСЛАВІЕ И АРТИЛЛЕРІЯ, АРТИЛЛЕРІЯ И НАУКА.

I.

Командиру динабургской команды—такому то.

ДИНАБУРГСКИЙ КОМЕНДАНТЪ
Отдѣленіе 4
Сентября 8 дня 1861 года.

Не смотря на неоднократныя словесныя напоминанія мои объ обязанности гг. офицеровъ, вѣрноподданной *В. В.* команды находиться при совершеніи Божественной литургіи въ Высокогоржественные дни, какъ въ дни особыхъ служеній, установленныхъ церковью, не было никого изъ нихъ 30 Августа въ день Тезоименитства Государя Императора, при отправленіи молебствія въ православной церквѣ на новомъ форштатѣ.

Поставленный въ весьма непріятное положеніе напомнить Вамъ письменно, о столь непростительной небрежности подчиненныхъ Вашихъ въ исполненіи обязанностей христіанина и вѣрноподданнаго, я надѣюсь, что напоминанія этого будутъ достаточно, и что впредь подобныхъ отступленій никто себѣ не позволитъ.

Подписалъ артиллеріи генералъ-лейтенантъ Симборскій.

II.

Но если генералъ-лейтенантъ *Симборскій* поддерживаетъ своими *временно-обязанными* (слово крѣпостное упразднено), пушками благочестіе и православіе,* то генералъ-фельдцейхмейстеръ, юный Михаилъ Николаевичъ, еще радикальнѣе побиваетъ науку. Читайте и дивитесь :

“Въ приказѣ генералъ-фельдцейхмейстера отъ 3 Іюля, за №. 2,889, признапо нужнымъ вовсе-исключить изъ преподаванія наукъ, въ военно-учебныхъ заведеніяхъ естественную исторію. Кромѣ-того, пачальство военно-учебныхъ заведеній, согласно современному движенію наукъ, признало необходимымъ и между прочимъ постановило : а) сочиненія по политической исторіи и статистики исключить; б) сочиненія по законовѣденію замѣнить извлеченіями изъ Свода Законовъ гражданскихъ и военныхъ; в) оставить для всѣхъ трехъ отдѣленій третьяго спеціальнаго класса сочиненія по русской словесности, а для отдѣленія генеральнаго штаба, сверхъ того, сочиненія по военной исторіи и извлеченія изъ свода военныхъ законовъ. Необходимость этихъ мѣръ объясняется въ приказѣ главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній слѣдующими словами : Требованіе большаго числа трудовъ самостоятельныхъ по наукамъ политическимъ, при современныхъ успѣхахъ въ этихъ наукахъ, можетъ дать работамъ воспитанниковъ характеръ цесновательности и компилятивное направленіе. Упражненія въ сочиненіяхъ по словесности знакомятъ воспитанниковъ съ пріемами литературно-ученой обработки различныхъ предметовъ изъ области человѣческихъ знаній, служатъ къ большому запасу фактическихъ свѣденій, и составляютъ, такимъ-образомъ, одно изъ главныхъ средствъ къ умственному и научному развитію. Сочиненія по военной исторіи составляютъ какъ-бы спеціальность отдѣленія генеральнаго штаба. Основательное изученіе сводовъ законовъ развиваетъ въ воспитанникахъ строгій взглядъ на исполненіе обязанностей, внушаетъ въ нихъ существенныя понятія о служебной дисциплинѣ и о служебныхъ отношеніяхъ”.

Не далеко ушелъ племянникъ отъ дяденьки Михаила Павловича—Мервинги да и только!

— *Артиллерія и Трауръ.*—Еще Симборскаго приказъ и притомъ циркулярный и конфиденціальный. Въ немъ онъ является уже болѣе глубокимъ политикомъ, чѣмъ усерднымъ теологомъ.

“Динабургскій комендантъ замѣтилъ, что *и въ стѣнахъ самой крѣпости, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливается глубокий трауръ*, валагаемый на себя семействами, какъ военно-служащихъ, такъ и гражданскихъ чиновниковъ изъ здѣшнихъ уроженцевъ католическаго исповѣданія.

“Его превосходительство имѣя въ виду, что при развитіи революціонныхъ началъ въ западныхъ губерніяхъ и особенно Царствѣ Польскомъ, многіе жители, подстрѣкаемые революціо-

* Не изъ подраженія-ли духовному вѣдомству возникаетъ въ Динабургѣ съ подрядчиковъ, поставщиковъ и иныхъ мытарей—десятина?

нерами, дали обѣтъ, не носить ивой одежды. кромѣ глубокаго траура, до того времени, пока Польша не будетъ возстановлена въ цѣломъ ея составѣ, съ отторженіемъ отъ Россіи, отзывомъ отъ 23 Сентября, за №. 36 просить предостеречь всѣхъ чиновниковъ комиссіи, что положеніе семействами ихъ траура безъ причинъ, допускающихъ обычное ношеніе онаго по потерямъ—близкихъ родныхъ, можетъ быть принято за участіе въ преступномъ дѣлѣ возмутителей и подвергнуть весьма неприятнымъ послѣдствіямъ, вмѣстѣ съ ними и старѣйшія лица въ ихъ семействахъ.

“Увѣдомляя о томъ ваше благородіе, покорнѣйше прошу сообщить мнѣ свѣденіе: носить-ли семейство ваше трауръ и если носить, то съ котораго и по какое время и по какимъ именно родственнымъ потерямъ.”

С М Ъ С Ъ .

— *Въ защиту г. Сафоновича* (Сообщено). Въ 103 №. Вашего листка сказано: “должность мирового посредника почти нездѣлается. Въ Орловской говорятъ, Сафоновичъ назначилъ даже рѣшительную цѣну 1000 р.”

Этой статьѣ въ томъ-же №. предпослана другая, въ которой между прочимъ, говорятъ: “и въ эту то губернію (орловскую) послѣ Сафоновича назначили гр. Левашова, двоюроднаго брата губернскаго предводителя Апраксина, который уже избралъ мировыхъ, чтобы представить сіятельному братцу.”

Сопоставленіе этихъ статей показываетъ съ какою, къ сожалѣнію, легкостію сообщаются вамъ вѣсти. Что-нибудь не такъ; или Сафоновичъ не назначалъ по 1000 р., или Апраксинъ не избиралъ мировыхъ.

9 или 10 Марта гр. Томъ привезъ въ Орель ‘Положеніе’ 19 Февраля, и въ тотъ же день Сафоновичъ получилъ предложеніе м. в. д. отъ 3 Марта о причисленіи его къ министерству.

Объ удаленіи отъ должности Сафоновичъ былъ извѣщенъ изъ Петербурга прежде полученія формальной бумаги. Могъ ли онъ, ожидая смѣны, назначать по 1000 р. за должность, учрежденіе которой не было еще обнародовано?

Всѣ мировые посредники въ Орловской губ. назначены гр. Левашовымъ дѣйствительно по указанію двоюроднаго брата его, губернскаго предводителя дворянства Апраксина. Имѣнія Апраксина, губ. пред., долго управлялись на прежнихъ порядкахъ безъ мирового посредника. Потомъ Апраксинъ рѣшился выбрать мирового и для своихъ крестьянъ, но не изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а изъ чиновниковъ. Выборъ палъ на чиновника мѣстной палаты госуд. имущ. Зеленскаго. Собственности въ Орловской губ. онъ не имѣлъ никакой и потому дѣло это не такъ легко было исполнить. Губернаторъ съ предводителемъ подумали, посоветовались и Левашовъ написалъ Соловьеву, прося его указаній въ этомъ случаѣ; Соловьевъ напомнилъ Левашову статьи положенія 19 Февраля, по которымъ въ мировые посредники выбираются мѣстные помѣщики. Напоминаніе было излишнее: Апраксинъ и гр. Левашовъ настолько читали положеніе, что знали эти статьи, а между тѣмъ Апраксину хотѣлось поставить на своемъ. Мать его, бывшая тогда въ Орлѣ, телеграфировала министру Вадуеву, и въ тотъ-же день было получено согласіе на опредѣленіе чиновника Зеленскаго мировымъ посредникомъ въ имѣнія губернскаго предводителя Апраксина. Говорятъ, Зеленскій живетъ теперь въ Брасавѣ (деревнѣ Апраксина) въ барскомъ домѣ.

— *ПОСЛѢДНЯЯ ИЗВѢСТІЯ* — (изъ Петербурга). Третій листъ *Великорусса* сдѣлалъ сильное впечатлѣніе. Онъ вышелъ (20 Октября), во время самыхъ сильныхъ арестацій, и когда Шуваловцы считали все дѣло открытымъ. Онъ убѣждаетъ въ необходимости подачи адреса о созваніи депутатовъ для составленія конституціи, совѣтуетъ образованіе для сей цѣли комитетовъ... Великій князь Михаилъ Николаевичъ, высказалъ себя въ послѣднее время достойнымъ сыномъ Николая, и что всего замѣчательнѣе, что и жена его, какая-то Ольга Федоровна, и та высказалась настоящей дочерью Николая—они рвались на *безопасное* пролитіе кровл, руками вооруженныхъ рабовъ. Великій князь лично распрашивалъ караульнаго преображенскаго солдата, какъ они били прикладами студентовъ, *выражая свое голштейн-романовское одобреніе*. Каковъ! А еще молодъ—дайте-ка въ лѣта взойти!...

— Говорятъ, что *Михайловъ* осужденъ сенатомъ на 12½ лѣтъ каторжной работы. Онъ во всемъ дѣлѣ велъ себя съ спокойнымъ самоотверженіемъ и благородствомъ, удивившемъ судей.

— *Изъ Ковно*—21 Октября [2 Ноября] схвачены жандармами и свезены въ Вильно капитанъ путей сообщенія *Кулаковскій*.

Позднимъ вечеромъ 22 Октября [3 Ноября] масса войскъ окружила августинскій монастырь и подъ этимъ прикрытіемъ схвачены трое священниковъ, въ томъ числѣ *Станьскій*, участвовавшій въ пѣменской процессіи, и *Мошлло*. Всѣ трое заключены въ виленскую цитадель.

Въ этой-же цитадели давно томится *Генрихъ Михаловскій*, въ вилкомирскомъ имѣніи котораго наши оружіе и порохъ. Его родные съ дня на день ждутъ, что его разстрѣляютъ.

— *Рѣшительно адмиралы не годятся на сухомъ пути*. Контръ-адмиралъ Унковскій*, посланный въ черниг. губ. для наблюденія за приведеніемъ въ исполненіе положенія 19 Февраля, пріѣхалъ въ г. Конотопъ и требовалъ почтовыхъ лошадей въ сторону. Мѣстный почтмейстеръ Мартыновъ, на основаніи всѣмъ извѣстнаго циркуляра почтов. департа., отказалъ ему въ этомъ требованіи, тѣмъ болѣе, что на станціи оставалась только одна тройка, на которой нужно было немедленно отсылать почту.—“Именемъ государя, сказалъ Унковскій, я требую лошадей.”—Въ такомъ случаѣ дайте мнѣ предписаніе на бумагѣ, я исполню ваше желаніе и допесу почт. деп. почему почта не отправлена во время.—Унковскій обидѣлся, пожаловался, и Мартыновъ удаленъ отъ должности.

— *Брадке и Левшину*. — Говорятъ что дерптскій попечитель *Брадке*, отказался приводить въ исполненіе Строгоно-Путятинскія мѣры; за что адмиралъ обратилъ было на него рыбіи гнѣвъ свой—но Суворовъ представилъ государю, что дерптскій университетъ въ отличномъ состояніи. Рыбіи гнѣвъ тотчасъ нырнулъ въ глубину морскую.

Когда государь былъ въ Харьковѣ, онъ спрашивалъ попечителя Левшина, какъ находить онъ японскую регламентацію. Левшинъ призналъ, что онъ ее не находить безукоризненной, и что онъ объ этомъ писалъ адмиралу отъ просвѣщенія.—“Это было-бы любопытно прочесть!”—замѣтилъ государь. Кто-же мѣшаетъ его любознательности? Левшинъ человекъ добрый, онъ ему вѣроятно не отказалъ-бы.

— *Адресъ Польскихъ Дамъ* полученъ нами, благодаримъ отъ души и просимъ позволенія пожать отъ всего сердца ихъ руки.

* Нынѣ онъ назначенъ губернаторомъ Ярославской губернии.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходятъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Больной
Русской типографіи, 136 & 138, Thornhill
Place, Caledonian Road, N.

ЛИСТЪ 114.

1 ДЕКАБРЯ 1861.

У Трубнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Адрессъ гражданскихъ чиновниковъ—Матеріалы для исторіи гоненія студенторіи при Александрѣ II. СМѢСЬ: Пѣзъ земліи войскадонскаго—
Дамы и преображенцы—Правительственныя убійства въ Подольской губерніи—Лисовскій здравствуетъ—Лебедевъ—Извѣщеніе.

АДРЕССЪ ГРАЖДАНСКИХЪ ЧИНОВНИКОВЪ.

Помѣщая этотъ чрезвычайно замѣчательный адрессъ, прибавимъ, что генераль-губернаторъ воспрепятствовалъ его подать. Мы просимъ читателей обратить особенное вниманіе на этотъ совершенно новый *складъ* стремленій и желаній сословія, наименѣе жалѣемаго и чуть-ли не самаго несчастнаго послѣ крестьянъ.

“Его императорское величество въ постоянной заботливости о благѣ вѣрннхъ ему боговъ народовъ, соизволилъ осчастливить своими милостями многія милліоны.

“Высокіе сановники награждены въ вѣчно потомственное владѣніе государственными землями; помѣщичьи крестьяне освобождены, облегчена участь вообще всѣхъ вѣрноподданныхъ.

“Будущее обѣщаетъ многія полезныя преобразованія, въ числѣ коихъ мы видимъ сокращеніе штатовъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ и, слѣдовательно, уменьшеніе гражданскихъ чиновниковъ.

“Съ осуществленіемъ этого предположенія, мы, гражданскіе чиновники, можемъ подвергнуться самому бѣдственному положенію.

“Государь императоръ, соболѣзнуя всякому незаслуженному несчастію, не оставитъ конечно безъ вниманія и нашей участи, если ваше превосходительство окажете намъ ваше покровительство.

“Въ настоящее время по случаю выселенія татаръ изъ Крыма, его императорское величество соизволилъ разрѣшить заселить его иностранными выходцами.

“Мы осмѣливаемся полагать, что мы можемъ быть столько-же полезными для заселенія опустѣвшаго края или другой какой земли, какъ иностранные выходцы, если даже не болѣе, зная положеніе страны, нужды ея и обычаи своихъ соотечественниковъ.

“А между тѣмъ, истративъ лучшія лѣта нашей жизни на государственной службѣ, и не имѣя никакихъ средствъ обезпечить наши семейства, послѣ нашего увольненія, мы остаемся безъ насущнаго хлѣба и безъ крова, потому что занимаясь съ малыхъ лѣтъ служебными обязанностями, мы не имѣемъ никакой возможности употребить наши способности на какой-либо предметъ, и находимъ единственное

средство для нашего существованія въ хлѣбопашествѣ, которое не требуетъ большихъ научныхъ познаній и при доброй волѣ легко изучается на практикѣ.

“Надѣясь, что великодушіе нашего монарха осчастливить насъ своими милостями, мы, нижеподписавшіеся, осмѣливаемся утруждать ваше высокопревосходительство исходатайствовать для насъ отводъ земель въ Крыму или гдѣ-либо въ Повороссійскомъ краѣ по усмотрѣнію начальства на слѣдующихъ основаніяхъ.

“Если его императорскому величеству благоугодно будетъ осчастливить отводомъ намъ земли за нашу службу на правахъ собственности бесплатно, то мы готовы приступить къ уплатѣ всѣхъ оброковъ и земскихъ сборовъ, со дня выдачи намъ документовъ; если-же найдено будетъ это невозможнымъ, то отвести такую, также на правахъ собственности съ выплатою за оную по оцѣнкѣ ежегодно въ продолженіе 50 лѣтъ; но при этомъ даровать намъ 5-лѣтнюю льготу.

“Мы не смѣемъ ни указывать мѣста, гдѣ желали-бы имѣть землю, ибо мы просимъ только спасти насъ и наши семейства отъ нищеты, ни указывать количество земли; но полагаемъ, что въ первомъ случаѣ, то есть: когда земля могла-бы быть отведена бесплатно, то достаточно будетъ для семейнаго человѣка, за каждыя 5 лѣтъ службы нашей, по 200 десятинъ, а несемейнаго половицу; если-же съ уплатою, то на томъ-же основаніи для семейнаго по 500 десятинъ, а для холостяго половину, такъ какъ безъ сомнѣнія въ скоромъ времени подушная подать будетъ замѣнена оброчною съ земель, то и мы будемъ приносить государству пользы не менѣе иностранныхъ колонистовъ.

“Вашему высокопр. должно быть совершенно извѣстно положеніе несчастныхъ чиновниковъ, и мы увѣрены, что вы не оставите насъ, нижеподписавшихся, вашимъ милостивымъ покровительствомъ и предстательствомъ у нашего всемилостивѣйшаго государя, исходатайствуете обезпеченіе нашей участи вышеизъясненнымъ способомъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ насъ и въ настоящее время не въ силахъ добывать себѣ насущный кусокъ хлѣба.

“При томъ, имѣемъ честь приложить списокъ просителей съ обозначеніемъ лѣтъ службы и семействъ, и всепокорнѣе просить о разрѣшеніи вашего высокопр. объявить намъ и пр.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНИЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРЪ II.

I.

Перечень событий въ Петербургѣ.

Кажется, тризна, совершенная надъ петербургскимъ университетомъ, Строгоновымъ, Путятинымъ, Филипсономъ, Шуваловымъ, Игнатьевымъ и Паткулемъ кончилась; ряды злодѣяній завершены, цѣлое университетское поколѣніе раздавлено. Конечно, не сбылось и вѣроятно не сбудется громко и публично сказанное слово Игнатьева, что самое зданіе Петра Великаго будетъ скрыто до основанія. Слово этого витязя, носившагося во время событий въ полной генеральской формѣ, на бѣломъ конѣ, не сбылось, зданіе стоитъ, но оно внутри пусто и безжизненно. Дѣло разрушенія кончилось, сведемъ-же печальный итогъ.

Обращаясь къ послѣднимъ двумъ, тремъ недѣлямъ, прежде всего поражаетъ мысль, съ какою неумолимою логическою послѣдовательностію шли происшествія, одно за другимъ! Все, что предсказывали министру, все, чего опасались, сбывалось на дѣлѣ; но только скорѣй, чѣмъ предсказывали и въ десять разъ сильнѣй, чѣмъ опасались. Лекціи въ университетѣ открылись въ Понедѣльникъ 18 Сентября; черезъ недѣлю, именно въ Воскресенье утромъ, 24 числа, когда профессора въ первый разъ представлялись министру, по городу разнеслась вѣсть, что университетъ закрыть. Что-же такое случилось въ одну недѣлю, что бы оправдывало закрытіе университета, т. е. именно то событіе, которое служило ближайшей причиной всѣхъ послѣдующихъ демонстрацій и манифестацій? Лица, посѣщавшія въ это время университетъ, и даже совершенно посторонніе, всѣ единогласно утверждаютъ, что никогда еще въ университетскихъ аудиторіяхъ не было замѣтно такого огромнаго числа слушателей, никогда еще не было такого глубокаго напряженнаго вниманія къ каждому слову профессора, какъ именно въ это время. Въ аудиторіи въ которой находилось 200, 300 человѣкъ, царствовала такая тишина, какъ будто всѣ сдерживали дыханіе. И это не только у любимыхъ профессоромъ, но даже у тѣхъ стариковъ, изложеніемъ которыхъ студенты далеко не имѣютъ привычки быть совершенно довольными. Такъ было въ особенности до Субботы 23 числа, когда назначена была большая сходка. Но эта сходка была далеко не первая послѣ каникулъ, она была уже третья, или четвертая. Сходки послужили въ послѣдствіи главнымъ обвинительнымъ пунктомъ противъ студентовъ, преступленіемъ, чуть не государственнымъ, которымъ правительственная власть оправдывала свой дикій произволъ, свой ожесточенный, сумасшедшій образъ дѣйствій, которому черезъ нѣсколько времени едва повѣрятъ. И такъ позвольте замѣтить о нихъ слѣдующее. Всѣ, стоящіе въ какомъ-нибудь отношеніи къ университету лица, одинаково утверждаютъ, что въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ сходки были не только терпимы, но даже официально и съ высочайшаго разрѣшенія дозволены. Эти лица, посвященные въ университетскія дѣла, утверждаютъ даже, что въ архивѣ университета имѣются подлинныя официальные акты, за номерами, какъ слѣдуетъ, коими сходки дозволяются. Предметомъ сходокъ были дѣла по студентскому сборнику, по управленію благотворительной кассой, существовавшей у студентовъ въ пользу бѣдныхъ товарищей, по устройству

концертовъ и публичныхъ лекцій для наполненія этой кассы и т. д. Такъ было еще до каникулъ. Въ правилахъ, составленныхъ въ инспекторской комиссіи народнаго просвѣщенія въ Маѣ мѣсяцѣ—она составила по допосу Строгонова и Ко. на министерство Ковалевскаго — въ правилахъ распубликованныхъ какъ высоч. повелѣніе, сходки опять не запрещены, а то-же дозволены, но только съ разрѣшенія университетскаго начальства. Это высочайшее повелѣніе легло въ основаніе работъ той профессорской комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Чебышева, которая работала во время каникулъ и которая должна была найти способы исполненія новыхъ правилъ. Извѣстно, что эти способы исполненія или правила, предложенныя профессорскою комиссіей, вызвали гнѣвъ министра; онъ сдѣлалъ профессорамъ, членамъ комиссіи, грубый письменный выговоръ, произвольно измѣнилъ представленныя ему правила, безъ показанія мотивовъ, и въ концѣ концовъ сдѣлалъ распоряженіе своею властію, но съ высочайшаго соизволенія, о полномъ и безусловномъ запрещеніи сходокъ. Это впрочемъ не мѣшало въ послѣдствіи министру фарисейски утверждать, что онъ очень удивляется, почему совѣтъ профессоромъ единодушно отказался отъ пріятія къ-либо изъ членомъ его должности проректора, такъ какъ новыя правила составлены самими профессорами. Говорятъ даже, что онъ на печатномъ экземплярѣ правилъ, посланномъ Замятину, своей рукою написалъ, что эти правила составлены въ комиссіи такими-то профессорами. Хорошо уваженіе къ юстиціи . . . При полномъ отсутствіи гласности о внутреннихъ дѣлахъ своего вѣдомства, одинъ министръ имѣетъ полную возможность лгать и обманывать всѣхъ остальныхъ! И такъ законодательство о сходкахъ представляется въ такомъ видѣ: съ одной стороны высочайшее повелѣніе дозволяющее сходки съ разрѣшенія университетскаго начальства, и притомъ высочайшее повелѣніе, напечатанное и распубликованное во всеобщее свѣденіе, а съ другой, министерское распоряженіе, на кое, какъ министръ утверждаетъ, послѣдовало высочайшее соизволеніе, т. е. министерская регламентація не появляющаяся въ печати, но тѣмъ не менѣе втихомолку отмѣнившая высочайшее повелѣніе. Теперь посмотримъ на практику, какъ дѣйствовало университетское начальство. Оно состояло изъ попечителя Филипсона, изъ исполнявшаго должность ректора Срезневскаго и такъ какъ проректора не было — министерство создало невозможныя для профессора условія этой должности — еще изъ извѣстнаго инспектора Фицтума; они не только не вывѣсили объявленія о запрещеніи сходокъ, но даже не являлись на нихъ, чтобы предложить студентамъ разойтись. Никакой sommation со стороны университетскаго начальства положительно не было сдѣлано. Когда на самую первую сходку никто изъ этихъ лицъ не явился съ требованіемъ, чтобы студенты разошлись, тогда всѣ остальные послѣдующія сходки eo ipso должны считаться совершенно законными. Спрашивается, что-же эти лица дѣлали? Инспекторъ и испр. долж. ректора скрывались отъ студентовъ. Скрывался отъ нихъ и Филипсонъ, во всѣ эти дни бывший въ университетѣ и прятавшійся отъ нихъ. Мы въ особенности настаиваемъ на этомъ пунктѣ о бездѣйствіи университетскихъ властей во время сходокъ, потому что на дняхъ въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ (17 Октября, No. 229) появилась официальная статья объ университетскихъ безпорядкахъ, изготовленная въ двухъ министерствахъ, въ

министерствъ народнаго просвѣщенія и министерствъ внутреннихъ дѣлъ. Въ этой статьѣ говорится, что: "Ни инспекторъ, ни исправляющій должность ректора (Срезневскій) не могли уговорить ихъ (студентовъ) прекратить сходку 23 Сентября, которая продолжалась около полудня." Это самая наглая ложь. Мало еще было посадить нѣсколько сотъ человѣкъ въ крѣпость, теперь пользуясь монополіей печатнаго слова, еще необходимо оклеветать ихъ. Справедливо напротивъ то, что въ эту послѣднюю сходку 23 Сентября сами студенты потребовали къ себѣ Срезневскаго, желая съ нимъ объясниться. Срезневскій говорилъ студентамъ о томъ, что онъ профессоръ и даже сынъ профессора, что профессоръ по родству души своей со студентами, отгадываетъ ихъ желанія и проч. и проч. Но ни слова о томъ, что студенты должны разойтись.

Въ Воскресенье 24 числа стало извѣстнымъ, что университетъ закрытъ. Извѣстіе это, поразившее весь городъ, не было однако сообщено профессорамъ самимъ министромъ, какъ показываетъ корреспондентъ "Times'a." Бывшіе на этомъ представленіи утверждаютъ, что министръ въ своей рѣчи только сказалъ, что онъ ждетъ содѣйствія профессоровъ для успокоенія молодыхъ людей, что онъ съ своей стороны готовъ ходатайствовать объ увеличеніи средствъ образованія, т. е. о повышеніи ихъ окладовъ (отрыжка циркуляра), и что плата въ 50 р. с. за слушаніе лекцій менѣе значительна чѣмъ-та, которая взимается въ другихъ государствахъ. Избавленіе-же отъ этой платы могло бы имѣть результатомъ только еще большее обремененіе податныхъ сословій, что было бы несправедливо, потому что большинство въ университетахъ не изъ этихъ сословій. Министру никто ничего не отвѣчалъ, хотя можно было бы отвѣчать, что податныя сословія, конечно, довольно платятъ и безъ наложенія на нихъ новой подати въ пользу университетовъ, только бѣда въ томъ, что правительство не экономически тратитъ государственныя доходы и назначая въ министры такихъ лицъ, какъ его сіятельство, губить именво то вѣдомство, отъ котораго зависятъ интересы образованія, зависятъ самыя насущныя потребности всѣхъ сословій... Какъ бы то ни было, но о закрытіи университета министръ не сказалъ ни слова, хотя всѣ уже знали объ немъ. Компрометируя систему Путьянина, эта страшная ошибка, конечно, была полезна. Но это закрытіе было именно ошибкой, которая озлобила и студентовъ и все общество. Въ обществѣ говорили и спрашивали себя: какія причины этого закрытія? Безпорядки, несравненно серьезнѣе происходили иногда и прежде въ университетѣ, какъ на пр. на послѣднемъ университетскомъ актѣ, 8 Февраля, однако тогда не думали и на день закрывать университета. Предлогъ, что необходимо напечатать предварительно матрикулы, казался слишкомъ вздорнымъ, чтобы объ немъ можно было серьезно говорить. Было только очевидно, что министръ налагаетъ руку на университетъ и замышляетъ что-то недоброе. Это недоброе сбылось: сотня молодыхъ людей сидятъ въ Петропавловской крѣпости, около двухъ сотъ человѣкъ перевезено теперь въ Кропитатскую крѣпость, и всѣ эти жертвы—сердце обливается кровью—нужны были только для того, чтобы убѣдить всѣхъ и каждого, что такой изувѣръ какъ Путьянинъ—негоденъ для управленія дѣлами просвѣщенія!*

* Намъ кажется, что почтенный авторъ статьи ошибается, Путьянинъ былъ избранъ по его негодности. Онъ былъ исполнителемъ полицейскаго заговора сдѣланнаго старымъ инвизиторомъ и регроградной партіей.

Утромъ въ Понедѣльникъ огромное число студентовъ собралось предъ университетомъ и здѣсь, вмѣсто всякаго объясненія, увидѣли на запертыхъ дверяхъ университета объявленіе, гласившее, что лекціи прекращены на неопредѣленное время. Такъ какъ студентамъ, по новымъ правиламъ, запрещены всякія объясненія съ начальствомъ посредствомъ депутаціи, то они рѣшили всей массой отправиться къ попечителю въ Колокольную улицу, около Владимірской. Путь лежалъ черезъ Невскій и студенты тронулись въ величайшемъ порядкѣ, попарно и по три человѣка вмѣстѣ, на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Шли они по тротуару, такъ что никакого замѣшательства на улицахъ не произвели. На дорогѣ встрѣтился съ ними Филипсонъ, который ѣхалъ въ университетъ. Онъ не остановился и проѣхалъ. Однако, узпавъ въ университетѣ дѣль, куда отправились студенты, вернулся къ своему дому, окруженному уже студентами, полиціей и вскорѣ прибывшей ротой солдатъ, шедшей на смѣну карауловъ въ крѣпость. Вопросъ о томъ, по чьему приказанію явилось сюда въ первый разъ войско, довольно сложенъ, достовѣрно только, что оно явилось не безъ вѣдома в. к. Николая Николаевича, совершенно потерявшаго въ этотъ день голову, такъ какъ отъ него по городскому телеграфу дано было знать въ крѣпость, что задержало солдатъ, шедшихъ въ нее на караулы. Въ Колокольной улицѣ было множество любопытныхъ сценъ: властямъ предержащимъ пришлось услышать, можетъ быть въ первый разъ, множество умныхъ и острыхъ словъ. Эти сцены и слова со временемъ будутъ переданы, конечно, самими дѣйствовавшими лицами. Но что сказать о генералѣ, который долго служилъ на Кавказѣ и который, видя огромную массу студентовъ, парода и полиціи предъ своимъ домомъ, прежде всего бросается и прячется въ сосѣднюю мелочную лавочку? Вслѣдъ за тѣмъ считая свое убѣжище, должно быть, не совершенно безопаснымъ, Филипсонъ отправляется къ студентамъ и пачинаетъ рѣчь о томъ, что у него въ домѣ жена и дѣти. Студенты отвѣчали ему, что они ручаются за ихъ безопасность. Въ это время вмѣшивается въ разговоръ Шуваловъ, но ему возражаютъ, что съ Ш-имъ отдѣленіемъ не говорятъ, а объясняются съ попечителемъ. Но это объясненіе Филипсону почему-то пріятнѣе было сдѣлать около университета, а не около своего дома, и вотъ онъ приглашаетъ всѣхъ отправиться за нимъ опять къ университету. Опять, какъ перазсчитливо и противно собственнымъ интересамъ дѣйствуетъ попечитель! Съ его точки зрѣнія, съ точки зрѣнія полицейскаго порядка, спокойное шествіе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ по улицѣ, представлялось страшнѣйшей демонстраціей. (Государственный совѣтъ, когда узналъ объ немъ, въ безпорядкѣ кончилъ свое засѣданіе. Шуваловъ, который туда пріѣхалъ блѣдный и испуганный, чтобы какъ можно болѣе драматизировать свое положеніе, сказалъ, что его хотѣли убить). И такъ, если это шествіе въ глазахъ начальства представилось чѣмъ-то въ родѣ покушенія на уличную революцію, и заставило его на всякій случай обратиться къ военной силѣ, то зачѣмъ-же это шествіе повторять, зачѣмъ вести всѣхъ за собою опять по Невскому и дать возможность множеству, совершенно носторожнаго народа, сочувствовавшаго университетской молодежи, пристать къ ней на улицѣ, словомъ, отчего Филипсонъ не могъ удовлетворительно и окончательно объясниться со

студентами у своего дома, въ Колокольной улицѣ? Ему слѣдовало только нѣсколько человѣкъ студентовъ пригласить тутъ-же, къ себѣ домой, въ качествѣ депутатовъ и дѣло было-бы кончено. Но депутаты запрещены. Однако на нихъ согласился-же онъ, когда пришли къ университету. Дѣло въ томъ, что онъ совершенно потерялъ голову, и пришелъ въ себя не прежде, какъ вечеромъ, когда онъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, явился въ совѣтъ профессоровъ и сѣлъ на председательское кресло. Здѣсь, какъ слышно, предложено было профессорамъ, чтобы матрикулы раздавались въ факультетскихъ собраніяхъ, и въ слѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней, большинство профессоровъ несогласившихся съ мнѣніемъ попечителя, потому что не желали поддерживать своимъ вліяніемъ такія правила, которыхъ не одобрили и отвѣтственность за которыя они не хотѣли раздѣлять съ министерствомъ, заняты были каждый письменнымъ изложеніемъ тѣхъ мотивовъ, по которымъ они не соглашались съ волей начальства. Профессора видѣли въ этихъ письменныхъ упражненіяхъ, которыхъ отъ нихъ министръ потребовалъ, ловушку, посредствомъ которой ихъ выгнать изъ службы. Намѣреніе это вѣроятно и было, но оно оказалось неудобноисполнимымъ.

Почью съ Понедѣльника на Вторникъ начались аресты, которые съ тѣхъ поръ не прекращались и шли до послѣдняго времени все crescendo. Арестованныхъ отъ Паткуля или изъ III-го Отдѣленія отвозили прямо въ крѣпость, какъ государственныхъ преступниковъ. Шуваловъ, Паткуль, Путьянинъ и Филиппсонъ, всѣ кричали въ одинъ голосъ, что студентовъ посадили въ крѣпость вовсе не за одни университетскіе беспорядки, а за то, что они политическіе преступники, до того сильна была у тайной полиціи и у цѣлаго правительства надежда, что между студентами открытъ будетъ непременно заговоръ, тайное общество. Этимъ-же Филиппсонъ оправдывалъ свое нарушеніе даннаго студентамъ въ Понедѣльникъ слова, что никто изъ нихъ арестованъ не будетъ. На этомъ-же основаніи сама "святотрыбица", при представленіи черезъ нѣсколько дней декановъ, вышла изъ себя и наговорила имъ дерзостей за то, что профессора поднесли ей сочувственный студентамъ адрессъ съ просьбой, чтобы она оказала свое участіе къ нимъ. Адрессъ былъ невиннѣйшій, но онъ черезъ нѣсколько уже часовъ по его принятіи взбѣсилъ министра — какъ стагъ ходатайствовать и подписывать адрессъ въ пользу молодыхъ людей, на которыхъ тяготѣютъ подозрѣнія въ важныхъ политическихъ преступленіяхъ! Путьянинъ тогда же объявилъ деканамъ, что доискиваются *руки*, которая въ тайнѣ руководила студентами и что даже вѣроятно многіе изъ профессоровъ будутъ привлечены къ слѣдствію. На послѣднее ничего не нашлись отвѣчать деканы, представители факультетовъ, но за предшествовавшія грубыя и оскорбительныя выраженія, министръ получилъ тою-же монетой отъ одного изъ профессоровъ, вслѣдствіе чего святотрыбица тотчасъ перемѣнила тонъ. Теперь, когда по всему что слышно, надежда запутать студентовъ посредствомъ обвиненія въ какомъ-нибудь политическомъ преступленіи, окончательно рушилась, спрашивается, чѣмъ оправдываютъ Шуваловъ и Паткуль, Путьянинъ и Филиппсонъ заключеніе ихъ въ крѣпости? Всего любопытнѣе то, что ни для кого въ Петербургѣ не секретъ, что когда слѣдственная

комиссія, подъ предсѣдательствомъ Волянскаго была назначена, то въ теченіе нѣсколькихъ дней она тщетно требовала обвинительнаго акта. Ни Шуваловъ, ни Игнатьевъ, ни Путьянинъ не могли точно сообщить комиссіи, въ чемъ именно обвиняютъ студентовъ, за что именно ихъ посадили въ крѣпость. Шуваловъ, какъ также извѣстно, намѣренъ былъ отдѣлаться слѣдующей штукой: "Я вамъ передамъ все на словахъ," сказалъ онъ Волянскому, отъ чего разумѣется послѣдній отказался. Шуваловъ вообще охотникъ до штукъ. Когда, во время одной изъ послѣдующихъ сходокъ на улицѣ, выставленъ былъ противъ студентовъ баталіонъ финляндскаго полка, то Шуваловъ, выходя вмѣстѣ съ Игнатьевымъ изъ швейцарской I-го кадетскаго корпуса, обратился къ офицерамъ съ словами: "генераль-губернаторъ согласился со мной, что необходимо дѣйствовать сплосью," и за тѣмъ наклоняясь къ одному изъ офицеровъ говорилъ ему: "*слѣдуетъ бить прикладами!*" Офицеръ, не желая принимать подобнаго приказанія подъ секретомъ и нести отвѣтственность за это варварское распоряженіе, вслѣдъ за тѣмъ отвѣчаетъ громко Шувалову, такъ что всѣ могли слышать: "и такъ ваше сінтельство даете приказъ бить прикладами!" Мы сообщили далеко не все, да пока еще нѣтъ и возможности. Послѣдній актъ всей этой раздражающей душу драмы, актъ, который совершается сегодня и продлится до завтра, это высылка съ жандармами всѣхъ студентовъ, не взявшихъ матрикулъ, изъ Петербурга, хотя Филиппсонъ громко сказалъ въ совѣтѣ, еще нѣсколько дней тому назадъ, что тѣхъ, которые не возьмутъ матрикулы, преслѣдовать не будутъ. Какъ сбывается слово *Колокола* о талантахъ этого геперала къ переселеніямъ!

II.

Разборъ записки по студентскому дѣлу, составленной г. министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Путьяниномъ и опубликованной въ вѣдомостяхъ С. Петербургской городской полиціи и С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ.

Записка о студенскомъ дѣлѣ, обнародованная въ выше названныхъ газетахъ, составлена г. министромъ народнаго просвѣщенія; говорятъ, что въ первоначальномъ своемъ видѣ она была еще лучше, и что послѣдующія редакціи поиспортили ее—хотя и не уничтожили страшныхъ противурѣчій.

Графъ Путьянинъ говоритъ, что въ Маѣ 1861 были постановлены нѣкоторыя правила *объ усиленіи надзора* за студентами. Какія-же это мѣры?—Студентамъ запрещено дѣлать сходки, выбирать депутатовъ для распоряженія кассою? Это, кажется, просто запрещеніе; при этомъ, напротивъ, *невозможенъ надзоръ* за студентами, если ужъ онъ такъ необходимъ (станемъ на минуту на точку зрѣнія графа.) Сходки были открыты; на нихъ могъ присутствовать всякій; начальство посылало туда своихъ шпионовъ, слѣдовательно знало все, что думаютъ и дѣлаютъ студенты. Какой-же еще надобень надзоръ? Далѣе, графъ повѣствуетъ, "что для распоряженія студентской кассой и совѣщанія по предметамъ, имѣющимъ учебную или благотворительную цѣль, разрѣшено правленіямъ университетовъ избирать нѣсколько студентовъ по своему усмотрѣнію." Графъ оказывается въ этихъ словахъ необыкновенно ловкимъ казуистомъ: онъ

благоразумно умалчивает о дѣлахъ по изданію “Сборника”, потому что изданіе это высочайше утверждено, и редакторы для него выбираются студентами, по два отъ каждаго отдѣленія факультета. И такъ, правила, изданныя въ Маѣ, — уничтожаютъ разрѣшенное государемъ. Скажите, графъ, развѣ это полагается по-законамъ имперіи, на службу которой вы положили всѣ свои способности, отъ способности моряка до способности просвѣителя юношества? Развѣ въ самодержавномъ государствѣ министръ имѣетъ право отмѣнить повелѣніе своего государя? Затѣмъ, извѣстно-ли вамъ, что такое правленіе въ университетехъ? Кажется, что нѣтъ. Вѣдь это канцелярія, состоящая изъ секретаря, синдика, казначея и н другихъ чиновниковъ, съ которыми студенты не имѣютъ никакого сношенія, кромѣ полученія дипломовъ, уплаты денегъ за слушаніе лекцій и т. п. Или вы, можетъ быть, смѣшали правленіе, то есть канцелярію университета, съ совѣтомъ профессоровъ? Конечно, вы еще недавно ступили на твердую почву, — но перемѣшивать такъ учрежденія, вѣренныя вашему просвѣщенному управленію, не простиительно такъ — же, какъ не знать чиновнику, гдѣ онъ служить. Положимъ однако — что вы разумѣли подъ именемъ правленія, Совѣтъ профессоровъ. Неужели-же найдутся между профессорами (впрочемъ, всякое бываетъ) столь безчестные люди, что примуть на себя вышесказанную обязанность? Имъ это сдѣлать, во-первыхъ, невозможно, потому что они не могутъ знать студентовъ хорошо, такъ какъ знаютъ ихъ товарищи. Во-вторыхъ, кто — же будетъ столь безстыденъ, чтобы выбирать лица — быть можетъ изъ студентовъ не сочувствующихъ общему дѣлу — для управленія чужими дѣлами и распоряженія чужими деньгами? Вѣдь это все равно, чтобы предоставить какому-нибудь комитету право выбирать лица для распоряженія дѣлами вашего сіятельства! Согласитесь, что вы нашли-бы это неудобнымъ и даже, не смотря на все ваше христіанское смиреніе, — оскорбительнымъ. Зачѣмъ-же вы оскорбляете другихъ?

Затѣмъ, графъ говоритъ о пятидесяти - рублевой платѣ, которую высочайше повелѣно взимать и съ богатыхъ и съ бѣдныхъ. Прежде этого не было, — правило это выработано вами. Какую цѣль имѣли вы при этомъ? Ту, что правительство не должно даже благотворительными мѣрами мѣшаться въ дѣла образованія? — цѣль прекрасная. Но тогда-бы слѣдовало предоставить университету самимъ себѣ. Если вы купите дурную вещь, то развѣ вы не имѣете права жаловаться на купца? если въ театрѣ вамъ не нравится актеръ или пѣса развѣ вы не имѣете права шикать, или рукоплескать, если вамъ они нравятся? Отчего-же студенты, заплатившіе 50 руб. серебромъ за право слушать лекціи, — не имѣютъ права выразить своего мнѣнія о томъ, хороши или дурны эти лекціи? Если вы вмѣшиваетесь даже съ цѣлію благотворенія въ дѣло университетовъ, то зачѣмъ вы вмѣшиваетесь въ домашніе дѣла студентовъ, зачѣмъ вы хотите имѣть вліяніе даже на ихъ кассу? — Ясно, что ваша цѣль, при составленіи новыхъ правилъ, — состояла въ томъ, чтобы уменьшить число студентовъ. Зачѣмъ потомъ было дѣлать уступки, какъ-то: избавлять отъ платы бѣдныхъ студентовъ, поступившихъ до 1го Августа? Сперва было предложено, для разъединенія студентовъ по факультетамъ, не допускать ихъ къ слушанію лекцій по другимъ факультетамъ, зачѣмъ это дозволено? Наконецъ, правила ваши, изложенныя въ матрикулахъ,

опубликованы только въ Октябрѣ; что-же? должны имъ подчиняться студенты, поступившіе раньше этого срока? Ясно, что вы стѣсняли ихъ. Отчего запрещены сходки? Отчего они были позволены въ продолженіи шести лѣтъ? Отчего прежде ихъ не разгоняли военною силою? Кажется, они допускаются по духу нашего законодательства; есть сходки мірскія, какъ вамъ извѣстно; есть съѣзды дворянъ. Отчего-же вы предполагаете, что у студентовъ нѣтъ общихъ интересовъ? Отчего вы пошли наперекоръ всѣмъ вашимъ предшественникамъ въ дѣлѣ управленія университетами? Вѣдь запретить что-нибудь, надо имѣть достаточныя основанія. Отчего вы не объяснили государю цѣль сходокъ? Отчего вы замаяли дѣло о проэктѣ суда студентовъ, какъ членовъ университета общества, а не какъ гражданъ, своими присяжными? Или вы не знаете, что правительство заботится — удачно, или нѣтъ, другой вопросъ — о преобразованіи судовъ? Отчего вы не указали государю на опытъ гласныхъ судовъ съ присяжными? Объяснили-ли вы ему пользу этихъ учрежденій и возможность ихъ примѣненія? Честно-ли вы исполняли ваши обязанности?

Пока матрикулы не были розданы, студенты имѣли право пользоваться выработанными ими учрежденіями, — собираться на сходки и посылать депутатовъ для объясненія съ начальствомъ. Вы говорите, что лекціи были открыты 18 Сентября, — кажется, что 17го.

Вы говорите, что въ избѣжаніе беспорядковъ (т. е. сходки, которая собралась 23 Сентября, а сходки собирались каждую недѣлю въ продолженіи предвидущихъ шести лѣтъ) — сдѣлано немедленное распоряженіе о прекращеніи лекцій “въпредь до того времени, когда будутъ розданы матрикулы”. Это ложь, въ объявленіи было написано “въпредь до дальнѣйшихъ распоряженій”, и причина была не объяснена. Если-бы было объявлено это, то зачѣмъ-же послѣ студенты “просили объяснить имъ почему закрыть университетъ и на какомъ основаніи ихъ не допускаютъ въ студентскую бібліотеку? Вы пропустили еще то обстоятельство, что кромѣ жандармовъ и полицейскихъ, въ Колокольную улицу были призваны солдаты. Почему генералъ Филипсонъ объяснялся со студентами черезъ депутатовъ, когда студентамъ запрещено выбирать депутатовъ? Этимъ онъ узаконилъ выборъ депутатовъ. Какое надлежащее объясненіе получили студенты? вы не пишете. Во 1^{хъ}, попечитель объяснилъ, что онъ не знаетъ почему закрыть университетъ, — слѣдовательно приведенная вами причина — ложь. Затѣмъ, онъ объявилъ, что университетъ будетъ открытъ 2 Октября, — а вы черезъ газеты объявили это ложнымъ слухомъ; хорошо-ли это? Значитъ 1. Филипсонъ распускаетъ отъ имени правительства ложные слухи, — отчего-же онъ не смѣненъ за это? Онъ сказалъ еще, что *никто изъ студентовъ не будетъ арестованъ*, — а ночью были произведены аресты. Вы говорите, что двое изъ депутатовъ были арестованы, — а были схвачены всѣ трое. Депутатами были гг. Михаэлисъ, Генъ и Стефановичъ (а не г. Покровскій, какъ ошибочно напечатано въ Times’ы). Въ какомъ подстрѣбательствѣ они были замѣчены прежде? И отчего, если они были замѣчены прежде, ихъ арестовали послѣ? Воля вашего сіятельства, — а тутъ нѣтъ логики. Какъ это студенты “превратно” поняли это обстоятельство? Вы говорите, что 27 Сентября студенты обратились *подъ* университетъ; опять ложь, сперва они обратились въ университетскихъ

стѣнахъ, а потомъ, когда стало темно, перешли на дворъ, слѣдовательно, сходка была *внутри*, а не *подль* университета. Попечитель и не думалъ увѣщать студентовъ, онъ, правда, вбѣжалъ въ сѣни, проговорилъ въ полголоса: “ахъ, господа, господа!” и тотчасъ-же ушелъ. Войска стояли около университета болѣе получаса, а были спрятаны въ корпусѣ гораздо ранѣе. Я лично знакомъ съ распорядителемъ сходки 27 Сентября, — и онъ говорилъ мнѣ, что военный генераль-губернаторъ и не думалъ просить у него права голоса, а говорилъ отъ его имени нѣкто г. Тиблинъ, лицо постороннее, какъ университету, такъ и полиціи. Наконецъ, какъ осмѣлились командовать войскамъ идти на студентовъ, — не пригласивъ ихъ троекратно разойтись, какъ это объяснено въ высочайше утвержденныхъ правилахъ о прекращеніи безпорядковъ, если сходки студентовъ безпорядокъ въ глазахъ правителей Петербурга. Это правило *ни разу не было исполнено*, даже въ тѣ дни, когда аресты производились на улицахъ. Или высочайшія повелѣнія объявляются на смѣхъ, для того, чтобы всѣ видѣли, что ихъ власти и не думаютъ исполнять? Студенты разошлись не по призванію, а по отозванію войскъ, не прежде, какъ окончивши свои дѣла. Военный губернаторъ долженъ-бы помнитъ, что студенты потребовали, чтобы войска отступили на *сто* шаговъ, что и было исполнено.

Какія ложныя толкованія вы думали устранить обнаруженіемъ 28 Сентября вашихъ правилъ? Правда, прежде многіе не знали, что въ стѣнахъ университета будетъ устроена особая полиція въ видѣ служителей аудиторій, имѣющихъ право производить аресты. Даже либеральный “Le Nord”, замѣтилъ, что многіе изъ этихъ правилъ годны скорѣе для десятилѣтнихъ мальчиковъ, чѣмъ для студентовъ.

За тѣмъ, рассказывается объ арестахъ на улицахъ, а не говорится объ домашнихъ арестахъ, даже не упомянуто объ арестѣ 17 человѣкъ на квартирѣ у г. Альбертини.

Къ вечеру 7 Октября, сказано въ запискѣ адмирала: “поступило прошеній 552 отъ студентовъ и 101 отъ вольнослушающихъ”. Не говоримъ уже о томъ, что при этомъ нарушено правило о личной подачѣ прошеній, потому что онѣ посылались по почтѣ, и *принимались даже отъ имени родителей*, что уже противно всякимъ юридическимъ понятіямъ. Какъ это гг. профессора-юристы, столь дѣятельно совѣтовавшіе студентамъ подавать прошенія, т. е. сдѣлать подлость — не протестовали противъ принятія прошеній, написанныхъ отъ имени родителей? Отчего прошенія принимались до вечера 7 Октября тогда какъ въ газетахъ было объявлено, что онѣ будутъ приниматься на почту до 12 полночи съ 6 на 7ое? Университетъ распустилъ слухъ, что прошеній подано гораздо больше, чѣмъ было въ дѣйствительности и тѣмъ обманулъ перѣшительныхъ изъ студентовъ. И это не стыдно? 11 числа, какъ сказано, на лекціи собралось 260 человѣкъ, это ложь, было никакъ не болѣе 100, а въ послѣдующіе дни гораздо меньше.

Въ рассказѣ о сходкѣ 12 Октября, сказано, что студенты “стали, махая шапками, звать выбывшихъ изъ университета студентовъ, оставшихся вдали зрителями происшествія.” Слѣдовательно, сходка устроена матрикулистами; фактъ очень утѣшительный, если только онъ справедливъ. Всѣ были арестованы безъ соблюденія извѣстныхъ правилъ. Затѣмъ новая толпа была арестована за то, что выразила сочувствіе своимъ товарищамъ; но отчего-же, въ такомъ случаѣ, не была арестована публика, выражавшая свое сочувствіе сту-

дентамъ 27 Сентября! Что удивительнаго въ томъ, что студенты стали отбиваться отъ жандармскихъ лошадей палками? кому-же охота быть растоптаннымъ? Но лучше всего то мѣсто, что когда преобразенцы бросились на студентовъ, то кандидатъ Лебедевъ былъ ушибленъ ножами офицерской сабли. Это ужъ непростительный промахъ въ описаніи. При томъ, кандидатъ Лебедевъ раненъ прикладомъ ружья въ голову, и раненъ довольно сильно. *Въ этотъ день была пролита кровь*. Раненыхъ 6 человѣкъ; одному отрублено ухо, тоже вѣроятно ножами жандармской сабли.

“Всѣ эти событія показываютъ,” говоритъ графъ въ заключеніе, “что бывшіе студенты с. петербургскаго университета далеко превзошли мѣру увлеченія свойственнаго молодому поколѣнію,” — и такъ, защищеніе своихъ правъ, законы товарищества, даже не увлеченіе молодости, а преступленія. Что думать о томъ правительствѣ, которое печатаетъ подобныя объявленія? у котораго есть такіе люди, какъ Путятинъ и Бистромъ съ компаніей? Кстати, въ рѣчи Бистрома пропущено въ “Times’ѣ” одно характеристическое мѣсто: “это мальчишки, сказалъ генералъ, которыхъ государь *кормитъ, поитъ и одѣваетъ на свой счетъ*.” Неужели-же въ другихъ сословіяхъ нѣтъ людей, которые постояли бы за поправленія права человѣчества? Неужели-же въ Петербургѣ, видящемъ дневной разбой правительства, все еще будутъ повиноваться ему? Пора наконецъ проснуться; пора выразить свое неудовольствіе и примкнуться къ студентамъ; пора соединиться съ крестьянами, которые еще раньше вставали отдѣльными частями на своихъ притѣснителей! Правительство при послѣднихъ издыханіяхъ, и даже не уважаетъ своихъ, за день издаваемыхъ, предписаній.

III.

Др. Оверъ, московскій пеликанъ.

(изъ письма).

москва.

Въ числѣ захваченныхъ во время побоища, 12 Октября, на площади предъ домомъ военнаго генераль-губернатора, были два студента, — Крыжовъ и Зельферовичъ. Оба они были страшно избиты полицейскими, подпята безъ чувствъ и отнесены въ Тверскую госпиталь. Здѣсь ихъ продержали отъ 10 часовъ утра и до 6 вечера, безъ всякаго пособія. У Крыжова открылся бредъ; Зельферовичъ не могъ безъ страшной боли повернуться съ боку на бокъ, двинуть рукою, ногою. Вечеромъ, когда стемнѣло, ихъ перевезли въ университетскую клинику. Здѣсь подали имъ медицинское пособіе.

На слѣдующій день завѣдывающей клинкою, профессоръ Оверъ явился къ Тучкову — вотъ за чѣмъ. “Ко мнѣ въ клинику привезли двухъ студентовъ, изъ бунтовщиковъ”, — говорилъ онъ генераль-губернатору, — “я приказалъ поставить имъ пивья и мушки; но былъ-бы радъ, еслибъ имъ поставили ихъ *пониже*. Пока эти молодые люди будутъ оставаться у меня въ клиникѣ, я не могу поручиться за спокойствіе и порядокъ во время моихъ лекцій, ихъ присутствіе будетъ волновать студентовъ, — и въ клиникѣ разыграется какая-нибудь неприличная сцена.” На этомъ основаніи профессоръ просилъ Тучкова перевести больныхъ студентовъ, которыхъ жизнь находилась въ опасности, изъ клиники въ полицейскую больницу. “Тамъ имъ настоящее мѣсто.”

Московская полицейская больница устроена главнымъ образомъ для больныхъ воровъ и мошенниковъ, попавшихся въ Часть; это—самая грязная больница въ Москвѣ.

Ежели профессора предлагаютъ такъ, то что дѣлать полиціи? Въ клинику явился квартальный съ хозяевами за Крыжовымъ и Зельферовичемъ.—Нечего было и думать, чтобъ они сами могли одѣться: одинъ все еще былъ въ бреду; другой не могъ приподняться съ постели. Одѣваніемъ ихъ занялись хозяева и дѣлали это такъ безжалостно, какъ только можно ожидать. Крыжовъ, воображалъ, что его вяжутъ, кричалъ на всю клинику; Зельферовичъ стоцалъ такъ, что на что ужъ у сидѣлокъ клиники крѣпкіе нервы, а и онѣ плакали на всрыдъ.

Больныхъ свезли въ полицейскую больницу. Тамъ ихъ продержали всего четыре дня. Они понадобились къ допросу, и хотя ни одинъ изъ нихъ еще не успѣлъ оправиться, ихъ обонхъ перевезли изъ полицейской больницы въ Тверскую Часть.

Это уже не то звѣрство солдатъ, жандармовъ, будочниковъ, переряженныхъ въ народъ и не переряженныхъ, которое разыгралось на улицахъ Москвы 12 Октября и которое еще можно объяснить разнузданными инстинктами грубаго солдатства; это—спокойное, обдуманное звѣрство профессоровъ, начальства, Оверовъ, Тучковыхъ, Крейцовъ.

(Изъ другого письма).

Въ одномъ изъ переулковъ, около Тверской, двое жандармовъ, безъ всякаго повода, кромѣ студенческой фуражки, накинулись на студента *Фролова*, спокойно шедшаго по тротуару, свалили его съ ногъ; одинъ жандармъ сѣлъ ему на спину и началъ его бить; другой вдѣвился въ его длинные волосы..... Такъ таща за волосы, привели его въ Тверскую Часть.

Теперь извѣстно, что побоище началось по свистку полицменстера *Сычинскаго*.

По всему видно, что самый подробный планъ дѣйствій былъ составленъ напередъ.

Связь между студентами и профессорами окончательно разорвана. Недовѣріе такъ велико, что студенты съ благодарностью произносятъ имена тѣхъ профессоровъ, которые ихъ не ругаютъ. Ешевскій, проходя по университетскому саду, сказалъ двумъ-тремъ студентамъ: "какъ дурно поступаете съ вами!" и за одно это, уже студенты говорятъ спасибо Ешевскому и передаютъ другъ другу, что Ешевскій имъ сочувствуетъ. Неужели профессора толкующіе о розгахъ, да о нагайкахъ, останутся въ университетѣ, читать лекціи молодежи, загнанной въ университетъ, по ихъ милости, будочниками да жандармами? Между студентами, настоящими и будущими, не найдется ни одного.

Говорятъ, будто Кавелинъ, Спасовичъ, Утинъ подали въ отставку, и что они не послѣдніе.

И такъ *Путятинъ-Матрикульскій* достигъ своей цѣли.

IV.

Официальный списокъ студентамъ и другого званія лицамъ арестованнымъ и доставленнымъ въ с. петербургскую крѣпость, 12/24 Октября 1861 года.

ЗВАНІЕ, ИМЕНА И ФАМИЛІИ.

СТУДЕНТЫ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.	
1 Николай Виденяпинъ.	10 Николай Заблѣднѣй.
Брониславъ Грабовскій.	Илья Кузнецовъ.
Ромуальдъ Урбановичъ.	Константинъ Воробьевъ.
Матвій Рыбаковичъ.	Александръ Урбановичъ.
Павелъ Ходыницкій.	Константинъ Бересневичъ.
Брониславъ Врублевскій.	Осипъ Горчакъ.
Николай Васильевъ.	Константинъ Бранденбургъ.
Павелъ Галченокъ.	Иванъ Домашевичъ.
Александръ Березинъ.	Петръ Пушторскій.
	Яковъ Тикстонъ.
	20 Аврелианъ Августовскій.
	Алексѣй Безцѣвныи.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.

Людоръ Пальминъ.

СТУДЕНТЬ.

Александръ Фрязиновскій.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.

Густавъ Пуль.

СТУДЕНТЫ.

Федоръ Опочкій.
Хрисафъ Динуловъ
Иванъ Паученко.
Аркадій Валувъ.
Николай Кудиневичъ.

30 Юлій Далгеймъ.
Александръ Варахсовъ.
Владиславъ Домбровский.

Адольтъ Гурчинъ.

Юліанъ Сухоцкій.

Анатолій Макаровъ.

Левъ Самаринъ.

Альфонсъ Богдалскій.

Михаилъ Лоичинскій.

Георихъ Невмержицкій.

40 Сигизмундъ Иващевичъ.

Юліанъ Гражевичъ.

Леонидъ Губинъ.

Леонардъ Порченскій.

Леонъ Ольшевскій.

Михаилъ Борминъ.

Павелъ Копродн.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ.

Евгеній Печаткинъ.

Антонъ Эттингеръ.

Станиславъ Лонжинскій.

СТУДЕНТЫ.

50 Викентій Быжинскій.

Юліанъ Рыссинскій.

Валеріанъ Вортынский.

Викторъ Воиловичъ.

Осипъ Шимаповскій.

Станиславъ Залускій.

Михаилъ Клеменсъ.

Александръ Вольскій.

Владиміръ Вильсонъ.

ДВОРЯНЕ.

Александръ Сонцевъ.

60 Иосифъ Илчинъ.

СТУДЕНТЫ.

Витольдъ Щука.

Адольтъ Буйпо.

Александръ Гердъ.

Николай Струговщниковъ.

Юлій Грушинскій.

Владиміръ Покровскій.

Люціанъ Мещевичъ.

Иосифъ Мошискій.

Ботоміръ Станевичъ.

70 Брониславъ Мацкевичъ.

Константинъ Толстифинъ.

Антонъ Моравицкій.

Иванъ Кмитто.

Владиславъ Штольпе.

Эдуардъ Лау.

Михаилъ Мицевичъ.

Николай Кемарскій.

Андрей Якубовскій.

Николай Вороновъ.

80 Александръ Шайтановъ.

Владиміръ Видеяпинъ.

ЧИНОВНИКЪ ВОЕННАГО

МИНИСТЕРСТВА.

Михаилъ Островскій.

СТУДЕНТЫ.

Павелъ Волковъ.

Августъ Олешовичъ.

Александръ Ануфреевскій.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.

Адамъ Кобылинскій.

СТУДЕНТЫ.

Николай Ливевъ.

Максиміанъ Георгиевскій.

Павелъ { Ягмивы.

90 Станиславъ { Ягмивы.

Николай Козакинъ.

Вильгельмъ Люстингъ.

Автонъ Цимоховскій.

Бернардъ Сирингеръ.

Флоріанъ Корба.

Владиславъ Мицкевичъ.

Викентій Шмурло.

Павелъ Мопкаловъ.

Павелъ Крамфъ.

100 Тимофій Плаксинъ.

Константинъ Лопаревичъ.

Сергій Гашбурцовъ.

Николай Константиновъ.

Иванъ Иосифовичъ.

Антонъ Рымгайло.

Антонъ Корбутъ.

Юстинъ Вилямовскій.

Андрей Фатуровскій.

Иванъ Песоль.

110 Францъ Ковалинскій.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ.

Эмануилъ Шацъ.

Иванъ Жуковский.

Владиславъ Лозинскій.

СТУДЕНТЫ.

Андрей Денисевичъ.

Антонъ Матусевичъ.

Владиміръ Богдановъ.

Павелъ Гайдебуровъ.

Федоръ Чериовскій.

Федоръ Судакевичъ.

120 Григорій Сербуловъ.

Станиславъ Издебскій.

Аполлиарій Башинскій.

Авель Шапшевъ.

Иванъ Ковалевскій.

Василій Савонели.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.

Александръ Волковъ.

СТУДЕНТЬ.

Николай Шапшевъ.

ДВОРЯНИНЪ.

Ипатій Потровскій.

КОНЧИВШІЙ КУРСЪ.

Григорій Дашкевичъ.

СТУДЕНТЫ.

130 Яковъ Кавдзировскій.

Николай Николадзе.

Людвигъ Буссе.

Павелъ Граблиновъ.

Авель Чолокаевъ.

Феофилъ Поплавскій.

Давыдъ Гочоберидзе.

Давыдъ Абдушело-Швилц.

Петръ Алхазовъ.

Александръ Беренсъ.

140 Иосифъ Костецкій.

Кирилъ Лордквандидзе.

Григорій Джаваховъ.

ДВОРЯНИНЪ.

Густавъ Малинскій.

СТУДЕНТЫ.

Петръ Орловскій.

Владиславъ Гинтовтъ.

Петръ Макаровъ.

Людвигъ Пацевичъ.

Петръ Ткачевъ.

Автонъ Негрескулъ.

150 Петръ Шуйскій. 2.

Михаилъ Гулевичъ.

Николай Зеленцовъ.

Василій Гассовскій.

Сергій Перхуровъ.

Станиславъ Циганьскій.

ДВОРЯНИНЪ.

Константинъ Римскій-Корсаковъ.

ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ.

Владиміръ Дитмаръ.

Алексѣй Щербаковъ.

СТУДЕНТЫ.

Дмитрій Степановъ.

160 Николай Черновскій.

Эдуардъ Подегимскій.

Степанъ Ковалевскій.

ДВОРЯНЕ.

Гаврило Денисенко.

Казиміръ Ючъ.

Витольдъ Пржецлавскій.

СТУДЕНТЫ.

Николай Серторій.

- Игнатій Волосовичъ.
Апполонарій Крушевичъ.
МОСКОВ. УНИВЕРСИТ.
Игнатій Лобковскій.
170 Чеславъ Гейштаръ.
С. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТ.
Августъ Томковичъ.
Егоръ Мелеги.
Антонъ Гайдукевичъ.
Казимиръ { Кухарскіе.
Александръ {
Владимиръ Витовичъ.
Александръ Кишеваровъ.
Александръ Фильковъ.
СТУДЕНТЪ ОДЕССКАГО ЛИЦЕЯ.
Владимиръ Яковлевъ.
С. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТ.
180 Александръ Францевъ
Николай Спасскій.
Петръ Назаренко.
Георгій Церетелъ.
Яковъ Исарловъ.
Густавъ Браунъ.
Пля Протасевичъ.
МОСКОВ. УНИВЕРСИТ.
Иосифъ Токаржевичъ.
С. ПЕТЕРБ. УНИВЕРСИТ.
Михайло Федоровъ.
УЧЕНИКЪ АКАДЕМІИ ХУДОЖЕСТВЪ
Сергій Философовъ.
КАНДИДАТЪ С. ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВ. КОНЧИВШІЙ КУРСЪ.
190 Владимиръ Лебедевъ*.
АВОРЯНЕ.
Сергій Волковъ.
Мечиславъ Вейвертъ.
Станиславъ Свенцицкій.
СТУДЕНТЫ.
Михаилъ Змиевскій.
Феоктистъ Хартохай.
Василий Ориовъ.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛИ.
Николай Ильинскій.
Павелъ Бравчинскій
СТУДЕНТЫ.
Ромуальдъ Росцвешевскій.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.
200 Владиславъ Атевскій.
СТУДЕНТЫ.
Людвикъ Волинскій.
Алексій Шавердовъ.
Николай Шуйскій.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.
Владимиръ Драве.
- ДВОРЯНИНЪ.
Дмитрій Гудимъ-Левковичъ.
СТУДЕНТЫ.
Владимиръ Прокоповичъ.
Иосифъ Рутковский.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.
Станиславъ Милевскій.
ДВОРЯНИНЪ.
Антонъ Орловскій.
СТУДЕНТЫ.
210 Ксаверій Быляпинскій.
Наполеонъ Чапскій.
Константинъ Запасницъ.
КАНДИДАТЪ ЗДѢШНЯГО УНИВ
КОНЧИВШІЙ КУРСЪ.
Василий Евтушевскій.
СТУДЕНТЪ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.
Александръ Полектовъ
СТУДЕНТЫ С. ПЕТЕРБУРСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.
Казимиръ Новаковский.
Ксаверій Вакальскій
Петръ Смирновъ.
Иванъ Зелинскій.
Ришардъ Павловскій.
220 Клементій Любовицкинъ.
Иосифъ Ковалевскій.
Иосифъ Беркманъ.
Людвигъ Ландсбергъ.
Болеславъ Мацевскій.
ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.
Александръ Никошчъ.
СТУДЕНТЫ.
Устинъ Чарковский.
Эдуардъ Антошевичъ.
Владимиръ Бибиковъ.
Феофилактъ Денисовъ
230 Петръ Красильниковъ.
ДВОРЯНИНЪ.
Николай Теляковскій.
СТУДЕНТЫ.
Иванъ Абрамовичъ.
Людвигъ Буяльскій.
Владимиръ Чиколнинъ.
Висаріонъ Гогоберидзе.
Владимиръ Дукальскій.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.
Леонардъ Фомичевъ.
СТУДЕНТЪ.
Александръ Климентскій.
СТУДЕНТЪ МОСКОВ. УНИВЕР.
Робертъ Бергъ.
ВОЛЬНОСЛУШАТЕЛЬ.
240 Николай Фатуровскій.

СМѢСЬ.

— *Изъ земли войска донскаго.*— По полученнымъ донесеніямъ изъ этого края, шайки разныхъ неблагонамѣренныхъ людей собираются по дорогѣ отъ Казанской стапцы до г. Повочеркаска, съ цѣлю грабить тяжелыя почты и казенныхъ комиссіонеровъ, слѣдующихъ съ значительными суммами. Въ дѣйствіяхъ этихъ людей замѣтно много осмотрительности и обдуманности, показывающихъ, что это не какіе-нибудь невѣжественные бродяги. На частныхъ пассажировъ и экстрапочты они не нападаютъ. Главнымъ начальствомъ войска донскаго приняты свои мѣры, для конвоирования лицъ, слѣдующихъ съ казенными денежными суммами.

(Съверн. Пчела, № 245).

— *Правда-ли,* что дамы вскорѣ послѣ преображенской побѣды надъ студентами, не танцовали съ прикладными офицерами? Если правда, то это превосходнѣйшій примѣръ у насъ—и чуть-ли не первый.

* При его имени отмѣтка: "Болѣнъ чахоткою и раною на головѣ".

— *Правительственныя убійства въ Подольской губерніи.* Въ Керпасовкѣ, Подольской губерніи Брацлавскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Собанскаго, громада отказалась ходить на панщину. Явился флигель-адъютантъ Корфъ съ отрядомъ войска, и собравъ крестьянъ, объявилъ имъ, что панщина необходима еще впродолженіи 1½ года. Громада отказалась отъ повиновения. Корфъ приступилъ къ средствамъ повидительнымъ: поочередно вытаскивали изъ толпы крестьянъ и сбѣли въ виду громады. Послѣ каждой сотни ударовъ слѣдовалъ вопросъ: "будутъ-ли они повиноваться?" Громада отвѣчала: "нѣтъ". Каждого крестьянина наказывали беспощадно; потомъ переходили къ слѣдующему: девять труповъ послѣдовали одинъ за другимъ; но смерть ихъ не поколебала твердости громады. Тогда Корфъ обратился къ другому средству. Онъ велѣлъ сварить 10 кибитокъ, посадилъ въ нихъ столько-же семействъ и командовалъ: "въ Сибирь!" Тогда только слезы дѣтей и женъ поколебали твердость громады, они просили прощенія и отправились на барщину.

Въ сосѣднемъ селѣ Тимановкѣ, въ имѣніи графа Протасова, одинъ изъ крестьянъ, во время подобной сцены истязанія, бросился на командовавшаго полковника и сорвалъ съ него эполеты; тотчасъ нѣсколько штыковъ подняли его.

— *Лисовскій здоровуется.*— Въ отвѣтъ на письмо одного *стколюбиваго* моряка, помѣщенное въ 95 листѣ *Колокола*, морякъ, пераздѣляющій страсти къ линькамъ и хирургическимъ операціямъ съ нравственной цѣлю своего юнаго сотоварища, недоумѣвалъ, говоря о строгостяхъ *Лисовскаго*, дравшагося кругъ всего свѣта, несправился опъ или нѣтъ. Къ большому сожалѣнію нашему мы получили на дняхъ письмо, свидѣтельствующее, что *Лисовскій* все еще болѣнъ, и къ излѣченію надеждъ не полагаетъ. Вотъ что пишетъ третій морякъ:

"Нынѣ онъ капитанъ пады портомъ въ Кронштадтѣ, гдѣ приводитъ въ употребленіе не только линьки и розги, но даже свои руки и зубы. Однажды онъ прокусилъ *вахтеру уха*, починка котораго обошлась ему сорокъ руб. сер. Другой разъ принявъ кондуктора за писаря, далъ нѣсколько пощечинъ, замаять это дѣло, ему стоило пять тысячъ руб. сер. Почему боюсь на этомъ мѣстѣ совершеннаго раззоренія, онъ сталъ проситься опять на флотъ; гдѣ-бы могъ безнаказанно употреблять линьки, розги, руки и зубы. Жаль, что генераль-адмиралъ окруженъ Черноморами, которые многое отъ него скрываютъ....."*

— *Еще мученикъ полицейскихъ неистовствъ.*— Кандидатъ Лебедевъ, раненый Игнатьевскими янычарами—скопчался.

— Извѣщаемъ съ благодарностью особъ приславшихъ *четыре фунта* для взноса въ откупную сумму за просвѣщеніе взимаемую Пулятинымъ съ студентовъ—что мы ихъ получили и препроводимъ по назначенію.

* Мы опять получили печальныя подробности о грубомъ обращеніи на Генераль - Адмиралъ... А что - же обещанная подпись всѣхъ офицеровъ??

ПЕЧАТАЮТСЯ:

БЫЛОЕ и ДУМЫ, Томъ II, Часть III и IV.
СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ III о Скопцахъ.
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, кн. IV. Второе изданіе.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи—136 & 138 Thornhill Place, Caledonian Road, London N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 115.

8 ДЕКАБРЯ 1861.

У. Триюнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence

ОГЛАВЛЕНІЕ—Что нужно помѣщикамъ?—Великорусскій Ш.—Ненаказанный убійца Озерскій.

ЧТО НУЖНО ПОМѢЩИКАМЪ?

Здравый смыслъ и деньги.

Здравый смыслъ для того, чтобъ не спорить и не рас-
ходиться съ народомъ, иначе—и народъ ихъ побѣтъ, и
правительство ихъ прижмётъ.

Деньги—для того, чтобъ при здоровомъ смыслѣ жить и
работать наймомъ.

Теперь еще есть время одуматься, позже будетъ поздно.

Если помѣщики не признаютъ *теперь* земель, находив-
шихся въ пользованіи крестьянъ, крестьянскими, т. е. не
отдадутъ крестьянамъ полного надѣла какъ онъ есть,
даже съ прибавкой тамъ, гдѣ не по малоземелію, а по
злоупотребленію давалось крестьянамъ слишкомъ мало земли,
и отнюдь ничего не урѣзывая отъ оброчныхъ крестьянъ,
владѣвшихъ всей землей, кромѣ господской усадьбы—гдѣ
она есть; то *позже* народъ не оставитъ помѣщикамъ и той
земли, которая оставалась-бы у нихъ за исключеніемъ
крестьянскаго надѣла.

Если помѣщики надѣются на помощь правительства и
военной силы для того, чтобъ за крестьянскимъ надѣломъ
оставить названіе помѣщичей земли, и сохранить барщину
и оброки; то они впадаютъ въ непроходимыя погрѣш-
ности противъ здраваго смысла.

Военная сила сегодня поможетъ, а завтра нѣтъ. Какъ
скоро солдаты поймутъ, что его ведутъ отнимать землю
у мужиковъ, онъ не пойдетъ. Что тогда будетъ? Тогда
народъ возьметъ всю землю и, или выдѣлитъ помѣщикамъ
пай, равный крестьянскому, или вовсе ихъ прогонитъ,
а сверхъ того половину изъ нихъ перебьетъ.

Правительство, помогая помѣщикамъ военной силой,
потребуетъ отъ нихъ безпрекословнаго подчиненія, т. е.
помѣщики останутся при обычномъ безсудіи, подъ над-
зоромъ и властью полицейской, безъ права на неприкос-
новенность лица и собственности и безъ денегъ, которыхъ
правительству для нихъ не откуда взять; а правитель-
ственныя бумажки, которыя еще больше упадутъ, помѣ-
щики будутъ обязаны принимать по нарицательной цѣнѣ
во всѣхъ дѣлахъ съ казною, такъ что на пр. винокуренный
заводчикъ сегодня подрядился въ казну поставить вино
по рублю за ведро,—завтра бумажный руоль будетъ

ходить по полтинѣ, а заводчикъ будетъ обязанъ принять
его за рубль. Дворянство, которое начинаетъ имѣть попол-
зованіе на конституцію, никогда не добьется конституціи
отъ правительства, которое помогаетъ ему сохранять лож-
ное и мнимое право собственности на крестьянскіе надѣлы
и продолжать барщину и оброки. Правительство только
тогда признаетъ какия-нибудь права за дворянствомъ,
когда увидитъ, что дворянство въ немъ не нуждается.

Доказательства на лицо. Въ Октябрѣ, московское дво-
рянство приготовило адрессъ Александру II, въ консти-
туціонномъ смыслѣ, хотѣло подать—и не подало. Говорятъ,
что государь заранѣе отказался принять; но—если-бы
московское дворянство требовало чего-нибудь опредѣлен-
наго, всѣми сословіями желаемого, для общаго блага неиз-
бѣжнаго, до такой степени всѣми признаннаго, что прави-
тельство, отказывая въ принятіи адреса, почувствовало-бы,
что оно становится *врагомъ всѣхъ* и что въ немъ собственно
никто не нуждается,—то государь не рѣшился-бы заранѣе
отказать, и не разъ подумалъ-бы принять или не принять,
потому что отказъ пожалуй сдѣлалъ-бы изъ него *лишнюю*
человѣка въ Россіи. Но московское дворянство приготовило
адрессъ чисто въ сословномъ смыслѣ; Le Nord (18 Ноября)
его напечаталъ. Адрессъ начинается съ исторической ошибки
о дворянскомъ правѣ земельной собственности, и выска-
зывается точка зрѣнія—будто правительство ограбило
неотъемлемую дворянскую земельную собственность въ
пользу народа, въ пользу *меньшаго брата*, какъ выражается
адрессъ. Во первыхъ исторически это ложь; исторія дока-
зываетъ только, что царская власть, державшая чиновниковъ.
платила имъ двоякимъ образомъ: жалованными деньгами
или *жалованными помѣстьями*, или и тѣмъ и другимъ
разомъ, *грабля и то и другое у народа*, такъ что исторически
меньшой-то братъ выходитъ *старшимъ*. Во-вторыхъ—
досугъ-ли въ адрессъ, гдѣ дѣло идетъ о современныхъ инте-
ресахъ и требуется рѣшенія вопроса, какъ онъ *теперь*
поставленъ, досугъ-ли выкапывать мнимое прошедшее, кото-
рое можетъ еще кое-какъ стать археологически-спорнымъ
пунктомъ, но нисколько не поможетъ развязать запутанные
узлы настоящаго времени.

За симъ адрессъ проситъ обезпечить дворянству—и

другимъ сословіямъ — (видите-ли, хоть въ скобкахъ, а *не* *льзя* было ихъ не упомянуть) неприкосновенность собственности и личности, независимость суда и участіе общинъ и городовъ въ мѣстномъ управленіи областей. А за симъ дворянство выражаетъ надежду, что государь приметъ этотъ адрессъ своихъ вѣрныхъ русскихъ подданныхъ, такъ какъ онъ уже даровалъ права своимъ *непокорнымъ* подданнымъ въ Польшѣ и великому княжеству Финляндскому.

Очевидно почему государь могъ заранѣе отказать въ принятіи адреса: всѣ требованія неопредѣлены и голословны, представляютъ туманныя слова и понятія; поддержать ихъ у дворянства нѣтъ силы; отъ этого оно и прибѣгаетъ съ новой лжи и не совсѣмъ благородной хитрости, — выставя Польшу *непокорной* и *клевета* на государя будто онъ кому-то уже даровалъ какія-то права, точно московское дворянство не знаетъ, что мнимыя права, дарованныя съ осаднымъ положеніемъ, только правительственное хвастовство, а не признаніе общественныхъ правъ, и что не Польша непокорна, а петербургское правительство насильственно и невыносимо.

Государь, еслибы былъ расчетливъ, принялъ-бы этотъ адрессъ — и отказалъ-бы. Онъ имѣлъ на отказъ достаточныя причины. Онъ могъ сказать, что собственность и безъ того ограждена, что онъ “положеніями о крестьянахъ” призналъ землю помѣщичей и потому не понимаетъ чего дворянство просить. А потомъ, видя въ адрессѣ ложь историческую и ложь въ современныхъ дѣлахъ Польши и Финляндіи, онъ естественно могъ подумать: дворянство лжетъ, слѣдственно оно безсильно; а вотъ мы его пугнемъ указомъ, которымъ надѣлы крестьянамъ отдадутся безвозмездно, тогда дворянство, неподдержанное народомъ, перестанетъ и думать о конституціи. Говорятъ, что правительство не имѣетъ достаточно энергіи на подобную мѣру... Однако оно въ Польшѣ и Литвѣ разжигало и поддерживало распри между народомъ и помѣщиками, не хуже чѣмъ Австрія въ Галиціи; однако оно, при студентскихъ демонстраціяхъ, распускало въ народѣ клевету, что студенты бунтуютъ отъ того, что царь освобождаетъ крестьянъ, и переодѣвало будочниковъ въ мужиковъ, чтобъ увлечь народъ къ нападенію на студентовъ: почему же дворянство полагаетъ, что правительство не употребитъ подобныхъ-же средствъ и противъ его конституціонныхъ попытокъ?

Стало — что-же? Стало, пока правительство видитъ, что дворянство вымаливаетъ у него нѣчто неопредѣленное и нуждается въ немъ, потому что снизу ничѣмъ не поддержано, правительство станетъ спокойно смѣяться надъ дѣтскими притязаніями на силу, надъ неясностью дѣтскихъ требованій, и обманувъ народъ въ свою пользу — захлопнетъ дверь передъ просителями и велитъ имъ убираться по добру по здорову во свояси, на холопское безмолвіе.

Стало, чтобы дворянство могло подать адрессъ, надъ которымъ правительство не смѣло-бы насмѣяться, надо чтобъ адрессъ былъ поддержанъ снизу и требовалъ-бы не голословныхъ идей, а положительнаго дѣла, опредѣленнаго факта.

Положительное дѣло одно: уничтоженіе переходнаго положенія и вознагражденіе помѣщиковъ.

Для того, чтобъ требованіе было поддержано снизу, надо чтобы крестьяне получили полныя надѣлы отъ *самихъ* помѣщиковъ.

Безъ земельного надѣла крестьянинъ не мыслимъ. Признать крестьянскій надѣлъ помѣщичей собственностью — уже само по себѣ значитъ признать право совершенно мнимое; назови надѣлъ хотя-бы собственностью китайскаго императора, а онъ все-же останется неотъемлемымъ крестьянскимъ надѣломъ. Заводить съ крестьянами такой споръ о словахъ — глупо и опасно. Если-же этотъ споръ ведется изъ за того, чтобъ сохранить барщину и оброки, и если къ будущему первому сроку переходнаго положенія, крестьяне на барщину не пойдутъ, на оброки не перейдутъ или не станутъ платить, и правительство начнетъ ихъ усмирять военной силой — то помѣщики должны понять, что вмѣшательство военной силы, если оно будетъ, произведетъ повсемѣстное кровавое междоусобіе, которое продлится богъ вѣсть сколько времени и богъ вѣсть чѣмъ кончится, и во все это время — Россія останется безъ хлѣба, а помѣщики безъ работниковъ, безъ доходовъ, безъ денегъ, а можетъ и безъ головъ.

Слѣдственно здравый смыслъ требуетъ, чтобы помѣщики оставили крестьянамъ полный надѣлъ и всѣ удобства, которыя помѣщичьи крестьяне имѣли также какъ и государственныя, т. е. право пользованія лѣсомъ, гдѣ есть лѣсъ и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ отказались бы отъ права на всякую обязательную барщину, всякій оброкъ и отъ всякого вмѣшательства въ крестьянское управленіе. Этого требуетъ сохраненіе помѣщичьей жизни и земельной собственности, остающейся у помѣщиковъ за исключеніемъ крестьянскихъ надѣловъ. Этого требуетъ необходимость быть поддержанными снизу.

За тѣмъ слѣдуетъ вопросъ о вознагражденіи, т. е. о деньгахъ. Чѣмъ жить? На какія деньги нанимать рабочихъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ работалось барщиной? На какія деньги жить тамъ, гдѣ помѣщики пользовались только оброкомъ, а земля вся была отдана въ надѣлъ? Тутъ, стало, вопросъ о вознагражденіи или пособіи.

Если помѣщики скажутъ народу, что они даютъ ему полныя надѣлы и не требуютъ отъ него ни барщины ни оброковъ, лишь бы народъ платилъ въ казну такія-же подати, какія платятъ государственныя крестьяне, тогда помѣщики въ правѣ требовать отъ правительства вознагражденія изъ государственныхъ доходовъ на слѣдующемъ основаніи:

Подать государственныхъ крестьянъ около яли слишкомъ 5 р. сер. съ ревизской души. Взявъ ту-же цифру для подати съ освобожденныхъ, выйдетъ съ 10,711,911 душъ* 53,559,555 р. Капитализируя изъ 5% получится капиталъ въ 1,071,191,100 р. Положимъ круглую цифру 1 миллиардъ, на который 50 миллионовъ ежегодныхъ процентовъ и прибывивъ 1% погашенія, получится 60 миллионовъ годовыхъ взносовъ съ уплатой капитала въ 37 лѣтъ. Нашъ расчетъ примѣрный, но едва ли можетъ много разниться отъ дѣйствительности, т. е. по этому расчету приходится 5 р. 60 коп. ежегодно съ души, что едва-ли разнится отъ дѣйствительной подати государственныхъ крестьянъ. За тѣмъ помѣщики должны требовать выдачу себѣ капитала въ миллиардъ земскими листами, приносящими означенные проценты и погашеніе, и которыхъ раскладку помѣщики произведутъ сами между собою, на своихъ совѣщаніяхъ или съѣздахъ.† Такимъ образомъ вознагражденіе помѣщиковъ будетъ обезпечено отвѣтственностью и доходомъ всего государства, а крестьяне будутъ повсемѣстно отбывать одинакую, обычную подать.

* О числѣ крѣпостныхъ людей въ Россіи, А. Тройницкаго.

† Даже дѣло и не въ томъ пѣзъ какихъ процентовъ будутъ капитализированы

Противъ такой мѣры народъ не можетъ имѣть никакой вражды, потому что ему все равно—еслибы правительство и сказало, что отдаетъ ему землю безвозмездно—эта безвозмездность не заключалась бы въ освобожденіи отъ всякихъ податей, а въ вложеніи такой-же подати, какую платятъ государственные крестьяне. Стало, правительству уже нечѣмъ было бы польстить народу; а поидеть-ли подать на правительственные расходы на полицію, или на вознагражденіе помѣщикамъ—для крестьянъ это равнодушно; даже если они подумаютъ, то найдутъ, что выгоднѣе чтобъ доля податей шла на вознагражденіе помѣщиковъ, потому что она будетъ ими расходоваться частью на наемъ рабочихъ, а правительство израсходовало бы её только на усиленіе чиновниковъ, которые народъ грабятъ и притѣсняютъ. Стало, дворянство, при такомъ требованіи, будетъ поддержано снизу и вступитъ въ союзъ съ народомъ.

Можетъ-ли правительство отказать въ принятіи адреса съ такимъ требованіемъ, поддержаннымъ снизу и который можетъ вывести и самое правительство изъ затруднительнаго финансоваго положенія, въ какое оно себя поставило, производя переходнымъ положеніемъ всеобщій застой всякой работы и производительности?

Мы съ увѣренностью скажемъ, что не можетъ. Если оно не приметъ такого адреса, или принявъ не согласится—оно станетъ врагомъ всѣхъ, и не сыщется на его защиту ни одного солдата, который изъ крестьянъ, и ни одного офицера, который изъ помѣщиковъ. Стало—если оно не согласится—оно отвалится, безъ всякаго кровопролитія.

А если согласится, то послѣдствія для общественнаго устройства будутъ обильныя, а именно:

1) Для того, чтобъ сдѣлать раскладку вознагражденія между собою, дворянству придется требовать, а правительству признать право съѣздовъ и совѣщаній, безъ всякой помѣхи со стороны правительства. Съѣзды естественно начнутся по уѣздамъ, по губерніямъ, въ центрахъ, соединяющихъ нѣсколько губерній вмѣстѣ, и наконецъ въ общемъ съѣздѣ—въ той формѣ выборныхъ довѣренныхъ людей отъ уѣздовъ, губерній и областей и въ той мѣстности, какъ дворянство признаетъ удобнымъ.*

60 миллионъ годоваго взноса съ крестьянъ (пожалуй хоть изъ 3%, что даетъ капиталъ въ 2 миллиарда, и 65 лѣтъ погашенія; предѣлъ капитализации поставится общими экономическими условиями, потому что если капитализация будетъ выше стоимости имѣній, то курсъ листовъ понизится, и конечно выгоднѣе капитализировать изъ процентовъ, выражающихъ настоящую, или приблизительно недоходящую стоимость имѣній; мы полагаемъ, что капитализация изъ 6% съ погашеніемъ включительно, всего ближе къ дѣйствительности): дѣло въ томъ, чтобъ общая сумма не превышала 60 миллионъ годоваго взноса, потому что эта сумма уравниваетъ годовыя платежи освобожденныхъ крестьянъ съ платежами податей и повинностей крестьянъ государственныхъ.

* Раскладку процентовъ и капитала, сколько на какое имѣнье придется, могутъ произвести только сами помѣщики между собою. Потери, при этомъ способѣ вознагражденія, только мнимыя, а выгоды дѣйствительныя. Возьмемъ одинъ примѣръ изъ самыхъ, съ перваго взгляда, не выгодныхъ для помѣщика: въ имѣнн изъ ста душъ, 50- тяголъ платили оброка по 15 руб. сер. съ тягла, слѣдственно 750 руб. сер. и владѣли всей землей. Положимъ, что проценты, которые онъ будетъ получать, по земскому листу будутъ только 500 руб. Онъ ихъ будетъ получать 37 лѣтъ и въ теченіи этого времени получитъ капиталъ въ 10,000 руб. сер. Стало онъ всего, въ 37 лѣтъ получитъ процентовъ и капитала 28,500 руб.; а оброкомъ по 750 р. онъ получилъ бы 27,750 р. и не имѣлъ бы возможности располагать теперь-же капиталомъ въ 10,000 р. иначе, какъ развѣ продавши имѣнье, за которое ему больше и не дали бы. А тутъ онъ можетъ продать земскій листъ весь или частью (купонами) и пустить его въ оборотъ болѣе выгодный, чѣмъ оброкъ, а этого при крѣпостномъ правѣ онъ не могъ сдѣлать. Слѣдственно и для помѣщика жившаго оброкомъ, дѣйствительной

2) Дворянству придется требовать не *гарантіи* правительства въ уплатѣ миллиарда съ процентами и погашеніемъ, а *признанія онаго государственнымъ внутреннимъ долгомъ*. Гарантія правительства, которое банкротъ ничего не значить, это слова; настоящая гарантія—это круговая порука крестьянства въ уплатѣ податей, и такъ какъ крестьяне *безъ сомнѣній* могутъ ихъ уплачивать, то, кромѣ этой естественной гарантіи, иной не существуетъ; это гарантія на дѣлѣ, всякая другая гарантія только на словахъ. По признаніе правительствомъ суммы вознагражденія помѣщиковъ за государственный долгосрочный долгъ необходимо, потому что иначе правительство употребитъ государственные доходы на свои капризы, на войско, на полицію, на ненужныя постройки, или августѣйшія и иныя путешествія. Все требованіе правительственнаго согласія на финансовую мѣру для вознагражденія помѣщиковъ—основано не на *довѣрїи* къ безденежному правительству, а на *недовѣрїи* къ правительству, которое имѣетъ власть употреблять государственные доходы безотчетно.

3) Чтобы оградить цѣнность земскихъ листовъ, дворянству придется требовать, а правительству согласиться:

а) Чтобы налоги не повышались безъ согласія дворянства, народа и городовъ. Иначе народъ обременять такъ, что онъ податей платить не будетъ и цѣнность земскихъ листовъ упадетъ.

б) Чтобы сборъ податей и повинностей былъ порученъ не короннымъ чиновникамъ, а людямъ выборнымъ народомъ и отвѣтственнымъ передъ избирателями. Иначе народъ будетъ ограбленъ, недоимка выростетъ, а цѣнность земскихъ листовъ упадетъ.

в) Чтобы правительство публиковало смѣту государственныхъ доходовъ и расходовъ на каждый будущій годъ, и чтобы эта смѣта была утверждена выборными отъ дворянства, народа и городовъ.

Безъ этихъ трехъ пунктовъ, самое признаніе правительствомъ финансовою операціи вознагражденія окажется только пустымъ словомъ, которому оно измѣнитъ, особенно, при своихъ затруднительныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ и при своемъ попятномъ попятномъ на непомѣрные расходы и займы.

4) Такъ какъ продажа земскихъ листовъ потребуетъ звонкой монеты или денежныхъ мѣновыхъ знаковъ, (безпроцентныхъ бумагъ) чѣмъ-нибудь обезпеченныхъ, а правительство свои кредитные билеты обезпечиваетъ звонкой монетой, которой у него нѣтъ, то дворянству придется требовать права на своихъ мѣстныхъ съѣздахъ съ выборными отъ сѣлъ и городовъ и на своемъ съ ними центральномъ съѣздѣ, постановить учрежденіе мѣстныхъ сельскихъ и городскихъ банковъ и ихъ потери нѣтъ, не говоря уже о томъ, что если онъ удовлетворится пониженнымъ доходомъ, онъ все-же въ 37 лѣтъ получитъ капиталъ въ 10,000 р. приносящій не менѣе 5% и все время проживетъ спокойно, не рискуя головой и не вводя кровопролитія и рѣзни, при которой онъ ни какаго оброка, и ни единой копейки оброка не получитъ. Для барщинныхъ имѣній, гдѣ у помѣщика остается земля, приложение, получаемыхъ (процентами или отъ продажи земскаго листа или купоновъ) денегъ—прямо къ наемному труду, представляетъ очевидныя выгоды противъ барщиннаго труда, который и обычно плохо вознаграждается, а при теперешнихъ обстоятельствахъ становится невозможнымъ. Раскладка между мелкопомѣстными помѣщиками, почти одноворцами, можетъ быть затруднительна по ихъ бѣдности и едва-ли для нихъ не выгоднѣе, вмѣсто ихъ настоящихъ разрозненныхъ помѣстій, требовать въ количествѣ, уступленомъ крестьянамъ сверхъ надѣла, замѣны изъ пустопорожныхъ казенныхъ земель, гдѣ бы они могли селиться смежно, получая собица вознагражденіе соразмѣрное надѣламъ, и работая собица. Но вопросъ о мелкопомѣстныхъ всего лучше рѣшится на дворянскихъ съѣздахъ.

общей центральной конторы, завѣдывающей всей операцией земских листов и получающей изъ государственныхъ податей 60 милльоновъ въ годъ, для уплаты по нимъ процентовъ и капитала. Мѣстными банками и ихъ общей конторой долженъ учредиться для всѣхъ сословій общественный земскій кредитъ, приемъ большихъ и мелкихъ вкладовъ для ссудъ, за мѣстными круговыми поруками, и для другихъ операций, какія будутъ признаны нужными; этимъ общественнымъ банкамъ предоставится выпускъ денежныхъ мѣновыхъ знаковъ, сообразный съ потребностями мѣстныхъ рынковъ и ихъ совокупностью,* и обеспеченныхъ всею мѣстной и общей производительностью.

5) Для облегченія своихъ денежныхъ затрудненій при общей реформѣ землевладѣнія, дворянство должно требовать, чтобы долгъ въ казенныя кредитныя учрежденія, лежащій на помѣщикахъ, былъ разсроченъ на сто одиннадцать лѣтъ, съ взиманіемъ по 2% и $\frac{1}{4}$ % погашенія, т. е. по 2 $\frac{1}{4}$ % годового взноса, былъ-бы уплачиваемъ за круговую порукой заемщиковъ, т. е. должниковъ по извѣстнымъ мѣстностямъ, по опредѣленнымъ округамъ, и вислолько не мѣшался-бы съ цѣнностью земскихъ листовъ и ихъ передачею изъ рукъ въ руки, которая для того чтобы быть успѣшною должна быть безпрепятственна.

6) Для уплаты-же по вкладамъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, такъ какъ и само правительство признало ихъ внутреннимъ государственнымъ долгомъ, то оно и должно платить по нимъ изъ общихъ государственныхъ доходовъ; но для того, чтобы уплата этого государственнаго долга была обеспечена и не мѣшала уплатамъ по земскимъ листамъ, дворянство, на своемъ общемъ съѣздѣ съ выборными отъ селъ и городовъ, должно требовать сокращенія правительственныхъ расходовъ, а именно:

* Вопросъ о деньгахъ можетъ быть гораздо успѣшнѣе поставленъ и рѣшенъ людьми съ здравымъ смысломъ, чѣмъ научной рутинной. Недавно опытъ показалъ, что безпроцентныя росписки частныхъ людей ходили какъ деньги рубль въ рубль, между тѣмъ какъ правительственные бумажки мѣнялись изъ 10 и 15% скидки противъ цѣны, на нихъ напечатанной. Чѣмъ-же были обеспечены эти росписки? Тѣмъ, что на нихъ можно было купить безъ учета всякій товаръ; никто не спрашивалъ чѣмъ заплатить выдавшій росписки—звонкой монетой или инымъ товаромъ, пока правительство не вмѣшалось, опредѣливъ для избранныхъ счастливецевъ, чтобы ихъ росписки были ими уплачиваемы монетой. Еслибы оно не вмѣшалось, а только не мѣшало-бы, то довѣрие къ роспискамъ продолжалось бы по мѣрѣ довѣрія къ производительности выдаваемаго ихъ, и по мѣрѣ того на сколько рынокъ (округъ, районъ) нуждался бы въ мѣновыхъ знакахъ. Только люди, выбранные отъ всѣхъ сословій для мѣстныхъ съѣздовъ и для общаго съѣзда, могутъ отчетливо рѣшить силы общественной производительности и потребность рынковъ въ мѣновыхъ знакахъ, а слѣдственно и нужное количество мѣновыхъ знаковъ, и только общественные, а не правительственные банки могутъ имѣть право на ихъ выпускъ и на регулированіе ихъ отношенія къ звонкой монетѣ, которой потребность въ международныхъ отношеніяхъ неивуема. Правительственный банкъ выпускалъ кредитные билеты, когда нужно было денегъ правительству на расходъ, не соображаясь съ запросомъ рынка и облыжно общаго размѣна на несуществующую монету; курсъ такихъ ассигнацій всегда долею насильственный (*cours forcé*). Общественный банкъ, выпуская бумаги сообразно съ запросомъ рынка въ мѣновыхъ знакахъ, устанавливаетъ естественный курсъ бумагъ, потому что запросъ рынка значить соглашеніе всѣхъ на принятіе бумагъ рубль въ рубль, и если ихъ считать долгомъ, обеспеченнымъ всею производительностью, всякимъ товаромъ, металлическимъ въ чекавѣ и инымъ, то это выходитъ долгъ всѣхъ каждому, т. е. не долгъ, а просто мѣновой знакъ, котораго цѣнность опредѣляется запросомъ рынка. Россія, находясь въ финансовомъ кризисѣ, не имѣетъ возможности для приведенія дѣла въ равновѣсіе, заключить серьезный иностранный заемъ; авыйти изъ затрудненія неизбежно. слѣдственно сила обстоятельствъ приводитъ къ необходимости регулировать отношеніе мѣновыхъ знаковъ къ массѣ произведеній и на этомъ основать свое спасеніе.

а) Вывода русскаго войска изъ Польши и разпущенія его, потому что если правительство станетъ употреблять подати на содержаніе лишняго войска, то вознагражденіе помѣщиковъ не достаточно обеспечено государственными доходами и курсъ листовъ не можетъ держаться по недовѣрью рынка къ правительству. Сверхъ того всякое притѣсненіе Польши правительствомъ, пріучая правительство посягать на права общественныя, подстрекнетъ его посягнуть и на права дворянства и, вмѣсто вознагражденія помѣщиковъ, отобрать государственные доходы на разное для государства ненужное, правительственное употребленіе, что немедленно уронитъ цѣнность всѣхъ кредитныхъ бумагъ, относящихся къ вознагражденію.

б) Уничтоженія казенной полиціи всякаго рода и замѣна ея мѣстною выборною сельскою и городскою полиціей, содержащейся на счетъ избирателей, по ихъ усмотрѣнію, потому что казенныя полиціи, служащая больше для притѣсненія чѣмъ для порядка, всегда вызываютъ недоимку въ податяхъ и мѣшаютъ свободному ходу торговли, обеспечивающей благосостояніе производителей; а между тѣмъ поглощаютъ бесплодно огромныя суммы для правительственныхъ расходовъ, и слѣдственно во всѣхъ отношеніяхъ помѣшаютъ правильному ходу земскихъ листовъ.

с) Отмѣны министерства государственныхъ имуществъ, уничтоженія удѣловъ и заводскаго крѣпостнаго права, и немедленнаго освобожденія казенныхъ крестьянъ всѣхъ наименованій съ тою землєю, какою они въ настоящее время владѣютъ. Министерства государственныхъ имуществъ и удѣловъ и начальства надъ крѣпостнымъ заводскимъ населеніемъ — суть ничто иное какъ казенная полиція и слѣдственно не могутъ имѣть мѣста, потому что вносятъ всеобщее стѣсненіе жизни и торговли сельскихъ обывателей, стоить правительству огромныя суммы употребленныя ко вреду общественному, и наконецъ потому, что только при безразличіи крестьянъ разныхъ наименованій, при образованіи единого равноправнаго крестьянства,—крестьяне, выходящіе изъ помѣщичей зависимости, могутъ устроить свою жизнь на столько безпрепятственно, что общаго круговая порука крестьянства въ уплатѣ податей дѣйствительно обеспечитъ вознагражденіе помѣщиковъ.

д) Сокращенія расходовъ августѣйшаго семейства, такъ какъ это одно изъ главныхъ условій правильнаго употребленія государственныхъ доходовъ.

7) Для обеспеченія правильнаго взноса податей, дворянству на его съѣздахъ съ выборными отъ селъ и городовъ, придется требовать, а правительству согласиться на преобразование рекрутской повинности на тѣхъ основаніяхъ, какія на общемъ съѣздѣ будутъ постановлены.

8) Кромѣ рекрутской повинности, для обеспеченія своихъ земскихъ листовъ, дворянству, на оныхъ съѣздахъ, придется требовать—а правительству согласиться, на пересмотръ всѣхъ государственныхъ налоговъ и земскихъ повинностей. Дворянству, разъ обеспеченному государствомъ въ уплатѣ земскихъ листовъ, важна не только уплата подушной подати, но важна правильность всѣхъ налоговъ и повинностей. Финансовая операція по вознагражденію помѣщиковъ не только не мѣшаетъ, но требуетъ правильной раскладки налога на основаніяхъ поземельнаго владѣнія, какъ оныя будутъ на общемъ съѣздѣ постановлены.

9) Такъ какъ по всѣмъ предметамъ касающимся до вопроса о вознагражденіи помѣщиковъ и слѣдственно по всѣмъ общественнымъ вопросамъ, неизбѣжно съ нимъ связаннымъ, придется говорить печатно, и всякая помѣха книгопечатанію со стороны правительства была-бы чрезвычайно вредна для помѣщичьихъ и народныхъ интересовъ, то дворянство должно требовать немедленно полной свободы книгопечатанія и отмены цензуры.

10) Такъ какъ правительство могло-бы пишущихъ или говорящихъ, по прояскамъ министерствъ или инымъ причинамъ, притѣснять или преслѣдовать, то дворянство должно требовать, чтобы не только дворянинъ, но и ни единый человекъ въ государствѣ не могъ быть арестованъ иначе, какъ съ дозволенія и по предписанію окружнаго суда, а также безъ такого дозволенія и предписанія не были-бы производимы домашніе обыски и начинаемы слѣдствія.

11) Для огражденія-же личной безопасности, дворянство должно требовать выборности окружныхъ уголовныхъ судей, всѣми сословіями, гласности суда, и основанія судебного приговора на признаніи подсудимаго виновнымъ съ общаго согласія извѣстнаго числа понятыхъ, и немедленнаго освобожденія подсудимаго, если понятые не признаютъ его виновнымъ.

12) Для огражденія имущественныхъ интересовъ всѣхъ сословій, дворянству съ выборными отъ селъ и городовъ придется требовать, для рѣшенія споровъ и тяжбъ, гласнаго третейскаго суда и выборныхъ областныхъ сенатовъ для суда апелляціоннаго.

13) Такъ какъ съ освобожденіемъ крестьянъ правъ состояній измѣняются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и права наследственныя и семейныя могутъ не соответствовать современнымъ потребностямъ, то дворянство должно требовать права пересмотра IX и X тома свода законовъ, какъ на своихъ дворянскихъ сѣздахъ, такъ и на сходахъ и сѣздахъ другихъ сословій, чтобы потомъ на общемъ сѣздѣ всѣхъ сословій нераздѣльно положить основаніе прочному гражданскому законодательству въ государствѣ.

14) Тоже требованіе должно быть выражено и относительно XV тома, т. е. законодательства уголовнаго. Остальные томы свода измѣнятся по необходимости съ измѣненіемъ этихъ трехъ основныхъ томовъ.

15) Необходимымъ, заключительнымъ требованіемъ дворянства на общемъ сѣздѣ съ выборными отъ селъ и городовъ, должно быть требованіе признанія правительствомъ свободы выборнаго административнаго и судебного самоуправления дворянства, селъ и городовъ, которая одна можетъ служить прочнымъ основаніемъ для учрежденія ежегодно правильныхъ мѣстныхъ сѣздовъ и общаго центрального сѣзда выборныхъ отъ дворянства, селъ и городовъ, въ той формѣ, какая на первомъ общемъ сѣздѣ будетъ постановлена.

Всѣ эти послѣдствія развиваются естественно, одно за другимъ, изъ требованія отмены переходнаго положенія, установленія немедленнаго освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ при полныхъ земельныхъ надѣлахъ (со взиманіемъ съ нихъ обычныхъ податей, какія платятъ государственные крестьяне) и вознагражденія помѣщиковъ изъ государственныхъ доходовъ. Это первоначальное требованіе заключаетъ въ себѣ зародышъ всего государственнаго устройства. Оно понятно не только для меньшинства, но и для большинства

помѣщиковъ, для которыхъ срочно-обязанное положеніе будетъ съ каждымъ днемъ разорительнѣе; оно согласно съ желаніемъ народа. Слѣдственно это общая потребность настоящей минуты. Дворянство должно крѣпко соединиться и, объяснивъ народу предстоящее требованіе, отдать ему надѣлы и избавить отъ обязательныхъ работъ и оброковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ заявить свое требованіе правительству подачею адреса, который уже неминуемо будетъ поддержанъ снизу и слѣдственно не можетъ подлежать отказу. Правительство должно или согласиться или отвалиться.

Едва-ли кто усомнится, что этотъ путь болѣе согласенъ съ здравымъ смысломъ и выгодами дворянства, чѣмъ стремленіе сохранить барщину и оброки, мнимое право собственности на крестьянскую землю, а вслѣдствіе этого возбужденіе междоусобія, рѣзни, утрату права на какую-бы то ни было уступку со стороны правительства помогающаго войскомъ, и рискъ остаться вовсе безъ земли, безъ рабочихъ, безъ денегъ и безъ головъ.

При согласіи съ народомъ, дворянство тѣмъ болѣе можетъ рассчитывать на уступку требуемыхъ правъ, что Александръ II самъ сказалъ, по случаю паденія неаполитанскаго короля, что "правительства дѣлаютъ большую ошибку, не умѣя уступать во время". Вѣроятно онъ пойметъ, что эта общая истина также приложима въ Петербургѣ, какъ и въ Неаполѣ.

ВЕЛИКОРУССЬ.

(съ печатнаго)

III.

Выслушавъ отчеты своихъ членовъ о мнѣніяхъ, высказываемыхъ публикою, комитетъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ по второму изъ вопросовъ, предложенныхъ въ первомъ номерѣ *Великорусса*.

О ДИНАСТІИ.

Мнѣнія о томъ, способна-ли нынѣшняя династія отказаться отъ произвольной власти добросовѣстно и твердо, очень раздѣлены. Многіе изъ конституціонистовъ думаютъ, что нынѣшній государь самъ расположенъ къ конституціонному порядку и способенъ вѣрно соблюдать его правила. Они основываются на неопредѣленныхъ, но многочисленныхъ анекдотахъ о произнесенныхъ будто-бы имъ разныхъ словахъ въ этомъ смыслѣ; основываются также на его личномъ характерѣ, который называютъ они добрымъ, мягкимъ, склоннымъ къ спокойному пользованію почетностию и матеріальными выгодами своего положенія.—Другіе находятъ, что анекдоты о мнимыхъ конституціонныхъ намѣреніяхъ нынѣшняго государя неосновательны. Не отвергая добрыхъ качествъ его характера, эти лица убѣждены, что быть приверженцомъ конституціоннаго правленія онъ не можетъ; что это было бы противно и воспитанію, полученному имъ въ духѣ безусловнаго самодержавія и пріобрѣтенной имъ привычкѣ пользоваться неограниченною властью и всѣмъ фамильнымъ его преданіямъ и всѣмъ свойствамъ придворной среды, изъ которой онъ не хочетъ и не можетъ выйти; что это ихъ убѣжденіе подтверждается всѣми дѣйствіями его царствованія, которыя часто были слѣдствіемъ хорошихъ намѣреній, но всѣ были проникнуты политической боязнью свободы и безусловнымъ ея отрицаніемъ (почему и остались совершенно безплодны).

Въ примѣръ эти лица указываютъ на положеніе литературы, по прежнему подчиненной произволу, на враждебность государя къ университетамъ, на стѣсненіе воскресныхъ школъ, на веденіе крестьянскаго дѣла бюрократическимъ порядкомъ, съ устраненіемъ литературы отъ участія въ этомъ вопросѣ, на одобреніе кровопролитій, совершенныхъ посланными его въ Казанской и другихъ губерніяхъ, на его несогласіе хотя-бы только ослабить стѣсненія, которымъ подвергнута Польша, на его симпатіи къ Франциску неаполитанскому. Изъ этихъ и всѣхъ другихъ дѣйствій его царствованія видно, что онъ считаетъ политическую свободу вещью вредною, никогда не откажется отъ самовластия добровольно и, если будетъ принужденъ отказаться, будетъ думать о его-возстановленіи. Такъ думаютъ всѣ лица, съ должнымъ вниманіемъ разсматривавшія дѣйствія нынѣшняго государя по отношенію къ онымъ. Но будучи согласны въ томъ, что царствующему государю противна всякая мысль о законной формѣ правленія, эти люди расходятся между собою въ мнѣніяхъ о томъ, къ чему-же возможно теперь стремиться. Одни думаютъ, что низложеніе династии—дѣло легкое при настоящемъ раздраженіи простаго народа, озлобленіи помѣщиковъ, недовольствѣ образованнаго класса и разстройствѣ финансовъ. Другіе находятъ, что, при всемъ изобиліи революціонныхъ началъ въ націи, просвѣщенные классы еще мало расположены поддержать подобное стремленіе, къ которому уже такъ близокъ народъ.

Видя такое разногласіе между друзьями свободы, комитетъ думаетъ, что для блага націи надобно дать время провѣрить свои мысли людямъ считающимъ сохраненіе династии вещью совмѣстною съ конституціоннымъ правленіемъ. Если нынѣшній государь добросовѣстно откажется отъ произвола, проигрышъ республиканской партіи будетъ не очень великъ. Истинно-конституціонная монархія мало отличается отъ республики. Что касается Комитета, онъ вмѣстѣ съ передовою частью патріотовъ увѣренъ, что законность и нынѣшняя династія—вещи, которыхъ нельзя соединить. Тѣмъ неменѣе онъ убѣждаетъ передовыхъ патріотовъ ограничиться на первое время только тѣмъ, чтобы помогать умѣренной партіи, желающей сдѣлать такую пробу. Время, употребленное на этотъ опытъ, не будетъ потеряно для политическаго воспитанія націи. Сами факты пусть раскроютъ глаза людямъ, питающимъ ошибочную надежду на династію. Всего важнѣе, чтобы друзья свободы дѣйствовали заодно. Для этого передовые прогрессисты должны подождать (ждать придется не долго), пока отставшіе отъ нихъ въ своемъ политическомъ развитіи конституціонисты будутъ приведены событіями къ принятію истины, которую теперь они еще не замѣчаютъ. Быть снисходительными и терпеливыми—дѣло тѣхъ, которые убѣждены, что довольно скоро всѣми будетъ признана вѣрность ихъ взгляда.

Сообразно этому слѣдуетъ на первый разъ испытать мирныя средства. Должно подать государю адрессъ. Проектъ адреса мы разсылаемъ. Онъ написанъ въ самомъ умѣренномъ духѣ, чтобы всѣ либеральные люди могли принять его. Что-же дѣлать съ нимъ? Должно пользоваться существующими собраніями, чтобы пропагандировать его принципы и мысль о необходимости подать его государю. Сначала пусть ведетъ эту пропаганду каждый въ частномъ кругу своихъ знакомыхъ; круги эти будутъ расти; руко-

водители ихъ—сближаться. Когда большинство публики будетъ думать объ адрессѣ одинаково съ ними, можно будетъ говорить о немъ и въ общественныхъ собраніяхъ. Вездѣ есть клубы для танцевъ и картъ, вездѣ бываютъ балы, вечера. Тутъ въ числѣ другихъ предметовъ разговора будетъ идти рѣчь и объ адрессѣ. Этотъ мирный обмѣнъ мыслей не будетъ имѣть въ себѣ ничего опаснаго: полиція не можетъ сдѣлать большихъ неприятностей человѣку за то, что онъ, подобно всѣмъ другимъ, говоритъ съ своими знакомыми о средствахъ предотвратить бѣдствія. Объ этомъ и теперь говорятъ всѣ по всюду, только безъ общаго основанія и опредѣленной цѣли; цѣль и связь эту дастъ дѣло о подачѣ адреса. Разумѣется дѣйствовать надобно спокойно, удерживая опрометчивыхъ людей отъ выходокъ, которыя подвергли-бы ихъ бѣдамъ, безъ пользы дѣлу. Пропагандою будетъ заниматься каждый, въ комъ есть убѣжденія. На людяхъ, особенно сильныхъ умомъ и характеромъ, лежитъ еще другая обязанность, организовать и дисциплинировать движеніе. Они должны составлять комитеты, которые систематически руководили-бы партіями. Главныя правила тутъ: 1) не должно ничего вѣрять бумагѣ; не имѣть ни списковъ, ни протоколовъ, ничего подобнаго, чтобы не было матеріальныхъ уликъ. Всѣ дѣла должно вѣсти изустно. 2) никто изъ членовъ партіи не долженъ предпринимать ничего важнаго иначе, какъ сообщивъ свое намѣреніе комитету своего города, и не долженъ ни въ чемъ переступать инструкцій этого комитета. Эти правила должно соблюдать неуклонно. Человѣкъ нарушающій ихъ вреденъ для дѣла, и партія должна прекратить всякія сношенія съ нимъ.

Держась этихъ правилъ, комитеты могутъ существовать безопасно. Въ случаѣ открытія, ихъ нельзя будетъ даже называть тайными обществами: это дружескія свиданія лицъ, уважаемыхъ публикою, и предотвращающихъ напрасныя столкновенія. Разумѣется, они позаботятся заслужить довѣріе молодежи. Давъ цѣль ея усердію въ дѣлѣ пропаганды, они будутъ удерживать ее отъ преждевременныхъ демонстрацій, иначе неизбѣжныхъ, и спасутъ многихъ наилучшихъ юношей отъ бѣдъ, которымъ подверглись-бы они, не имѣя, какъ теперь, осторожныхъ руководителей въ наступающія смутныя времена.

Когда образуются комитеты по городамъ, нашъ комитетъ вступитъ въ сношенія съ ними. Спрашиваютъ, кто мы? Когда явится надобность, наши скромныя имена будутъ открыты тѣмъ, кому будетъ должно знать ихъ, для пользы дѣла. А наши намѣренія теперь явны всѣмъ. Въ первомъ номерѣ *Великорусса* мы съ расчетомъ только ставили вопросы, и притомъ въ крайне общихъ выраженіяхъ, чтобы не навязывать публикѣ нашихъ мнѣній, а узнать ея желанія и сообразовать наши дѣйствія съ ними. Давъ публикѣ время высказаться, теперь мы выставяемъ программу, которую потребовала она сама.

И такъ, на первое время, должно ограничиться пропагандою мысли объ адрессѣ и объ условіяхъ, которыя необходимо соблюсти для водворенія законнаго порядка. Рѣшительныя дѣйствія: собраніе подписей къ адресу и назначеніе депутатовъ для представленія его государю, надобно будетъ пачать только тогда, когда большинство публики будетъ приготовлено къ этому дѣятельностью коми-

тетовъ. Раньше этого такія попытки вредны. Намъ будетъ видно, когда настанетъ срокъ, и публика можетъ быть увѣрена, что мы пригласимъ ее къ подписыванію и подачѣ адреса только тогда—когда эту демонстрацію можно будетъ исполнить спокойно, торжественно, съ непреодолимою силою, передъ которою робко преклонится правительство. Заставить его согласиться на требованія публики будетъ легко. Не въ этомъ сомнѣвались мы, говоря о несовмѣстности нынѣшней династии съ конституціей. Мы думаемъ, что, согласившись на все, династія будетъ потомъ стараться взять назадъ свои уступки. Но прямо противиться требованію, выражающему всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, оно не можетъ. Пусть каждый подумаетъ, возможно-ли съ Москвою и Петербургомъ поступить такъ, какъ съ Варшавой, Вильной или какимъ-нибудь селомъ Бездной? Нѣтъ, нѣтъ. Депутаціи русскихъ столицъ, опираясь на всѣ великорусскія провинціи, представятъ собою могущество, передъ которымъ опустятся штыки, поблѣднѣютъ придворные и смирится безпомощный царь. Поймите свою силу, вы, къ кому мы обращаемся теперь.

Этимъ нумеромъ и проэктомъ адреса наша газета прекращается на время. Мы посмотримъ, какое дѣйствіе произведетъ наше приглашеніе на образованные классы. Мы обращаемся къ нимъ, какъ обѣщали. Но если мы увидимъ, что они не рѣшаются дѣйствовать — намъ не останется выбора: мы должны будемъ дѣйствовать на простой народъ, и съ нимъ будемъ принуждены говорить уже не такимъ языкомъ, не о такихъ вещахъ. Долго медлить рѣшеніемъ нельзя: если не составятъ образованные классы мирную оппозицію, которая вынудила-бы правительство до весны 1863 года устранить причины къ возстанію—народъ неудержимо поднимется лѣтомъ 1863 года. Отвратить это возстаніе патриоты не будутъ въ силахъ, и должны будутъ позаботиться только о томъ, чтобы оно направилось благотворнымъ для націи образомъ.

Всемилютебнѣйшій государь,

Положеніе нашей русской родины тяжело и опасно.

Дѣло объ уничтоженіи крѣпостнаго права рѣшено въ смыслѣ противномъ народному духу. За обнародованіемъ положеній 19 Февраля повсюду послѣдовали смуты, потому что крѣпостные крестьяне ждали не такой воли, какая имъ дана этимъ постановленіемъ. Волненія не перешли во всеобщее возстаніе только потому, что крѣпостные крестьяне предполагали, будто правила, уменьшающія прежній надѣлъ и сохраняющія барщину и оброкъ, установлены всего на два года и весною 1863 года будетъ имъ дана воля въ томъ значеніи, какое даютъ они этому слову: т. е. что, получивъ весь прежній надѣлъ безъ уменьшенія, они будутъ освобождены отъ всякихъ платежей и повинностей помещикамъ, которыхъ вознаграждать государство. Никакого другого рѣшенія они не примутъ, и Россія подвергнется величайшимъ бѣдствіямъ, если положенія 19 Февраля не будутъ измѣнены соотвѣтственно этому всеобщему чувству крѣпостныхъ крестьянъ.

Наши государственные расходы не соразмѣрны съ доходами. Отъ расстройствъ финансовъ бѣдствуютъ промышленность и торговля. Бумажныя деньги наши падаютъ въ цѣнѣ. Государственный кредитъ колеблется. Россіи грозитъ банкротство.

Одна изъ причинъ нашего раззорѣнія—владычество надъ

Польшей. Мы принуждены постоянно имѣть въ западномъ краѣ огромную армію, поглощающую десятки милліоновъ рублей нашихъ денегъ. Обладаніе Польшей не усиливаетъ, а ослабляетъ нашу родину. Не только наше благосостояніе, но и наша народная честь страдаетъ отъ угнетенія Польши: за поляковъ Европа называетъ насъ варварами.

Вамъ извѣстно, государь, какія злоупотребленія существуютъ въ нашей юстиціи и администраціи. У насъ въ Россіи нѣтъ убѣжденія, что правое дѣло должно выиграть. У насъ нѣтъ безопасности ни лицу, ни имуществу. Каждый имѣющій должность, деньги или связи можетъ безнаказанно нарушать законъ.

Самые законы наши нуждаются въ значительныхъ измѣненіяхъ. Сословныя привилегіи дѣлятъ націю на классы, презирающіе или ненавидящіе другъ друга. Устройство судебной части не даетъ обезпеченія правильному ходу процессовъ. Чрезмѣрная власть полиціи уничтожаетъ силу судебныхъ учрежденій и стѣсняетъ всякую дѣятельность. Тѣлесное наказаніе унижаетъ народный духъ.

Милліоны нашихъ соплеменниковъ русскихъ подвергаются безчисленнымъ стѣсненіямъ за то только, что хотятъ молиться по старопечатнымъ книгамъ. Другіе милліоны, подъ именемъ казаковъ, обрѣчены отъ рожденія на безвыходную военную службу, увеличивающую численность, но не силу нашей арміи.

Наши бѣдствія велики, государь. Потребность коренныхъ улучшеній безотлагательна. Вы, государь, называетесь неограниченнымъ монархомъ; но ваша власть не такъ велика, чтобы одной вашей воли было достаточно для устранения золъ и предотвращенія опасностей. Это доказывается ходомъ дѣла объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ. Вы не въ силахъ были ни сдѣлать обязательнымъ выкупъ, ни уничтожить барщину, ни сохранить за крестьянами землю. Вы боретесь противъ взяточничества и расхищенія государственныхъ суммъ—то и другое продолжаетъ существовать во всей силѣ. Бюрократическій формализмъ, интрига и обманъ гораздо могущественнѣе васъ. Согласившись на введеніе конституціоннаго устройства, вы только освободите себя отъ тяготящаго надъ вами владычества джн, замѣнивъ нынѣшнее ваше подчиненіе — чистой и полезной покорностью истинѣ, которая не можетъ существовать въ государственныхъ дѣлахъ, безъ политической свободы.

Только правительство, опирающееся на свободную волю самой націи, можетъ совершить тѣ преобразованія, безъ которыхъ Россія подвергнется страшному перевороту. Благоволите, государь, созвать въ одной изъ столицъ нашей русской родины, въ Москвѣ или въ Петербургѣ, представителей русской націи, чтобы они составили конституцію для Россіи. Благоволите созвать представителей польской націи въ ея столицѣ, Варшавѣ, чтобы они устроили судьбу своей родины сообразно ея потребностямъ.

Объ этомъ просить васъ, государь, ваши русскіе подданные, которые не могутъ быть заподозрѣны въ желаніи чего-нибудь противнаго величію и славѣ Россіи.

НЕ НАКАЗАННЫЙ УБИЙЦА
ШТАБЪ-ДОКТОРЪ ОЗЕРСКІЙ.

Въ полтавской губерніи, прилуцкаго уѣзда, въ селѣ Ржавці помещикъ, отставной штабъ-докторъ, статскій совѣтникъ Озерскій, 19 Октября 1860 года въ полдень, наказалъ повара своего Трифона Половьяна 500 ударами—солеными, самими

Озерскимъ изобрѣтенныхъ розогъ. А потомъ, когда онъ узналъ, что Половьянъ, вмѣсто того, чтобы продолжать свою работу, только сидѣлъ согнувшись, приложивши руку къ сердцу, Озерскій въ опасеніи остаться безъ обѣда и обезпачить отъ злости, побѣжалъ къ нему въ кухню и сталъ бить его снова сперва руками, а потомъ, когда сшибъ Половьяна съ ногъ, ногами и подборамн. На слѣдующій день, 20 Октября, Половьянъ отдалъ богу душу. Узнавъ объ этомъ, Озерскій немедленно послалъ къ священнику, чтобы тотъ похоронилъ. Но убійство было такъ нагло, слухъ о немъ былъ такъ свѣжъ, что священникъ, боясь отвѣтственности, отказался хоронить убитаго. Озерскій чрезъ штабсъ-капитана Дмитрія Каневскаго, два раза обращался къ священнику, равно какъ и къ исправлявшему должность становаго пристава. Ни тотъ, ни другой, однакожь не имѣли смѣлости согласиться. Экономія Озерскаго должна была подать формальное объявление о скоростижной смерти, приключившейся-де отъ падучей болѣзни. Вслѣдствіе этого объявленія исправлявшій должность пристава прибылъ съ понятыми для осмотра тѣла, и, нашедши на немъ слѣды побоевъ, или, какъ выразился одинъ изъ понятыхъ, что покойный "какъ баранъ покраянтъ", думалъ вѣроятно, что такого случая покрыть ужъ не возможно, и потому донесъ земскому суду то, что въ самомъ дѣлѣ нашелъ. Но временное отдѣленіе было вѣрно по опытиѣ пристава и не такого робкаго десятка, а потому, не смотря на получение рапорта пристава 24 Октября, заблагодарсудило пріобождать дня три. Временное отдѣленіе прибыло въ Ржавецъ только 27 Октября. Справедливость требуетъ увѣковѣчить имена достойныхъ членовъ его; это были: стряпчій *Иваницкій*, исправникъ *Троцкій*, письмоводитель *Соломаха* и лекаръ *Петровскій*. Прежде всего они распустили собранныхъ въ понятые людей, а потомъ размѣстились по квартирамъ, и притомъ слѣдующимъ образомъ: стряпчій у друга Озерскаго штабсъ-капитана Каневскаго; исправникъ и письмоводитель у штабсъ-капитана Антона Тишкевича, но съ тѣмъ что все продовольствіе, равно какъ и винная порція, доставлялись сюда во все время пребыванія временнаго отдѣленія въ Ржавецъ, отъ самаго Озерскаго; лекаръ, который сначала совѣстился и колебался, поѣхалъ ночевать въ сосѣднее мѣстечко Иваницу. Въ тотъ-же вечеръ стряпчій Иваницкій, давалъ въ своей квартирѣ секретную аудіенцію Озерскому. За тѣмъ на слѣдующій день приступлено было къ слѣдствію. Осмотръ тѣла покойнаго произведенъ былъ съ художническимъ мастерствомъ. Тѣло убитаго было положено въ крышкѣ гроба на правый бокъ, въ 10 шагахъ отъ него поставлены понятые; а между ними и тѣломъ помѣстились стряпчій, исправникъ, становой, письмоводитель и фельдшеръ, которые такимъ образомъ пятью своими тѣлами и пятью шубами совершенно достаточно закрывали трупъ отъ понятыхъ. Лекаръ, осматривая тѣло, шопотомъ диктовалъ письмоводителю свидѣтельство. Во время этой мастерской продѣлки правосудія, вдругъ пріѣзжаетъ на кладбище помѣщикъ того-же селенія Чернявскій и идетъ прямо къ тѣлу; стряпчій тотчасъ мѣняетъ фронтъ, быстро идетъ на встрѣчу г. Чернявскому, влача за собой и покорнаго исправника, и, остановивъ перваго шаговъ за 20 до гроба, объявляетъ ему, что постороннимъ здѣсь присутствовать нельзя. На отвѣтъ - же г. Чернявскаго, что онъ хочетъ быть принятымъ въ число понятыхъ, стряпчій опять возразилъ, что такъ, какъ г. Чер-

нявскій хочетъ подать какую-то бумагу, какъ слышно, то онъ и въ число понятыхъ не можетъ быть допущенъ. Отразивъ такимъ образомъ напоръ непріятели на всѣхъ пунктахъ, стряпчій въ то-же время замѣчаетъ приближеніе другого съ фланга: къ группѣ понятыхъ подходитъ бывшій управляющій Озерскаго, вольноотпущенный Морозовъ. Тогда, ловко маневрирующій стряпчій, оставляя удерживать г. Чернявскаго исправнику, самъ спѣшитъ на перерѣзъ г. Морозову и этого уже просто хочетъ прогнать. Но г. Морозовъ во всеуслышаніе объявляетъ, что онъ бывшій управляющій Озерскаго, что причину смерти Половьяна знаетъ и хочетъ быть свидѣтелемъ въ дѣлѣ. Стряпчій, къ стыду юридической репутаціи своей, не находитъ на этотъ разъ, и, чтобы маскировать покрайней мѣрѣ поражение, обращается на толпу ставшихъ было собираться на кладбище людей и съ полнымъ успѣхомъ разговяетъ ее. Г. же Чернявскій, удерживаемый исправникомъ, дѣйствительно оканчиваетъ тѣмъ, что подаетъ ему объявление, въ которомъ обнаруживаетъ всѣ подробности убійства и ссылается на лица. Но едва исправникъ успѣлъ принять это объявление, какъ слѣдствіе кончилось. Ни объявленіе г. Чернявскаго, ни показаніе г. Морозова не обратили на себя ни малѣйшаго вниманія. Смерть Половьяна приписана падучей болѣзни, о существованіи которой не зналъ ни другой поваръ Озерскаго, жившій въ одной кухнѣ съ покойнымъ, ни даже родной братъ покойнаго; знаки на тѣлѣ приписаны предсмертнымъ конвульсіямъ, которыя такъ странно дѣйствовали, что оставили слѣды только сзади и нигдѣ спереди; что-же касается наказанія розгами, то, хотя оно и точно было произведено, но причиною смерти быть не могло. Общій характеръ и звѣрское поведеніе Озерскаго также были оставлены въ сторонѣ; хотя временному отдѣленію и самому, конечно, было извѣстно какъ объ изобрѣтеніи Озерскимъ, благодаря его обширнымъ медицинскимъ познаніямъ, новаго способа сѣченія, состоящаго въ предварительномъ отвариваніи розогъ въ соленой водѣ, такъ равно и о томъ, что если почему нибудь солено-отварныхъ розогъ не оказывалось, онъ отлагалъ наказаніе до другого времени. При всеобщей извѣстности всего этого не мудрено, что когда дѣло поступило въ уѣздный судъ, то секретарь онаго подаль суду докладъ, которымъ обращалъ вниманіе на множество важныхъ неполностей въ дѣлѣ, а именно: 1) докторское свидѣтельство понятыми не подписано, 2) вовсе не спрошенъ ни о чемъ Морозовъ, 3) вовсе не спрошенъ дворянинъ Бончъ-Осмоловскій, поручикъ Носковъ и солдатъ приказчикъ Озерскаго, на которыхъ указывалъ Чернявскій, 4) многіе изъ свидѣтелей спрошенныхъ были спрошены безъ присяги, и т. п. По уѣздный судъ не только не сдѣлалъ замѣчанія временному отдѣленію за такія его упущенія, но даже не возвратилъ дѣла для дополненія его, а коротко и ясно *снялъ съ Озерскаго всякое подозрѣніе*, да въ добавокъ предоставилъ ему право жаловаться на г. Чернявскаго. Но уѣзднымъ судомъ дѣло не могло кончиться: окончательно кануть въ вѣчность оно могло только при помощи полтавской врачебной управы. И убійца, прибылъ въ Полтаву въ то-же время, когда туда прибыло и лекарское свидѣтельство на утверженіе управы. Такимъ образомъ дѣло обдѣлано и всѣ скучныя формальности и церемоніи, которыми обыкновенно сопровождаются у насъ засѣканія людей, и которыхъ такъ хотѣлось избѣжать Озерскому, все - таки должны были быть выполнены всѣ до одной.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДЪ

VIVOS VOCO!

Выходить еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 116.

15 ДЕКАБРЯ 1861.

У Грюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Оклеветанный графъ—По поводу письма изъ Волыни—Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II—
Правительственные проекты (продолженіе). Смѣсь: Благодушный монархъ—Мировой посредникъ—Шуваловцы въ Кронштадтѣ—NOTRE
PREMIERE PREMIERE—Копчина Добролюбова—Лекарь Озерскій и его сообщники—Квартетъ Крылова—Объявленіе.

ОКЛЕВЕТАННЫЙ ГРАФЪ.

Ты ври, да знай-же мѣру!

ГРИБОБДОВЪ.

Что ты все врешь, говоритъ капитанъ-исправ-
никъ мѣщанину Пименову, уснастивши свою
рѣчь кой-какимъ крѣпкимъ словомъ.

ГОГОЛЬ.

Вскипѣлъ Бульонъ, и въ рать потекъ.

МЕРЗЛЯКОВЪ.

(Переводъ Освобожденнаго Іерусалима).

На нашего графа Петра Андреича, какъ на всѣхъ людей
неумѣренно добродѣтельныхъ, какъ на всѣхъ героевъ ду-
шевной прямоты, лгутъ; намъ графа жаль, намъ за Шувалова
больно, мы хотимъ графа Шувалова оправдать. На его
сіятельство во-первыхъ солгали, что онъ по просьбѣ матери
рѣшился оставить тайную полицію. “Много можетъ молитва
родителей”—это совершенно правда, но этого ничего не
было. Совсѣмъ напротивъ, графъ вовсе не бросилъ свои
слуховыя трубы, но расширилъ голубой кругъ дѣйствій
III отдѣленія; графъ будетъ теперь *аускультировать* не
только Россію, но всю Европу, онъ будетъ не только графомъ
въ свитѣ, но чѣмъ-то въ родѣ секретнаго папы, подслуши-
вающего “грады и вселенную”.

На его сіятельство лгутъ, что онъ нашу скромную типогра-
фію окружилъ своими сотрудниками, и велѣлъ имъ не спускать
насъ *съ уха*, что онъ даетъ имъ страшныя деньги, и будто все
казенныя—а они ихъ тратятъ, не чувствуя, что наше прави-
тельство скоро, какъ Хлестаковъ, будетъ ходить по лавочкамъ
пробовать балыки. Это ясная ложь; если-бы это была правда,
они узнали-бы что-нибудь о типографіи,—что-же они узнали?

На генерала въ свитѣ лгутъ, что онъ разпустилъ слухъ:
будто-бы въ нашей типографіи, *купленъ его драгилемъ или
прикащикомъ какой то корректурный листъ, иныя приба-
вляютъ даже сумму, именно за 10,000 руб. послужившій къ
обвиненію Михайлова. Желая पुше всего на свѣтѣ защитить
дѣвственную честь графа, мы торжественно объявляемъ ну-
стой и подлой клеветой, эту застѣночную выдумку. Шуваловъ
неостороженъ, Шуваловъ довѣрчивъ, вѣдь онъ не меньше
типографіи окруженъ шпионами, долго-ли тутъ до грѣха!
Можетъ 10,000 руб. и въ самомъ дѣлѣ взяты кѣмъ-нибудь*

изъ миньоновъ III-го отдѣленія. Въ нашъ ужасный вѣкъ,
развращенный вольнодумствомъ, ослабли всѣ священныя
связи и даже въ III отдѣленіи не все ангелы подслушиваютъ
и доносятъ. Но графу съ его обширными литературными
связями, идущими отъ іерусалимской улицы въ Парижъ до
café de Paris въ Іерусалимѣ, вовсе не трудно найти вора.
Онъ можетъ поручить слѣдствіе (сказали-бы мы, если-бы мы
смѣли совѣтовать добродѣтельному графу) своему ученому
другу *Горилскому*, покрывшему себя почти преображенской
славой при взятіи Михайлова, при которомъ онъ между
прочимъ начальствовалъ легкимъ отрядомъ амазонокъ.

Счастливъ начальникъ, окруженный семьей такихъ согра-
дниковъ! счастлива семья, собирающая вѣсти и подслуши-
вающая всю вселенную для передачи такому графу!

О Тимашевъ, зачѣмъ вы не родились графомъ! О Дуббельтъ,
зачѣмъ вы не родились Шуваловымъ!

И—рѣ.

ПО ПОВОДУ ПИСЬМА ИЗЪ ВОЛЫНИ.

Мы получили около 15 Ноября изъ Волыни длинное
письмо въ опроверженіе статьи *объ югозападной Руси*,
помѣщенной въ 8 № “Будущности.” Быстро несущіяся
событія и небольшой размѣръ Колокола не дозволили намъ до
сего времени дать о немъ отчетъ. Мы сознаемся откровенно,
не желали-бы быть ареной политико-лингвистическихъ
споровъ, особенно такихъ, которые имѣютъ въ виду не
объективную истину, не существенную пользу народа, а
разныя *argièze pensées* патріотическія, завоевательныя,
религіозныя и проч.

Корреспондентъ “Будущности” находя, что югозападъ
Россіи говоритъ на *двухъ языкахъ*, заключаетъ, что его
слѣдуетъ судить и учить—на *третьемъ*. И притомъ на
такомъ третьемъ, который Украинѣ и Литвѣ, шляхтѣ поль-
ской и Руси людовой, напоминаетъ ихъ страшнѣйшія исто-
рическія несчастія!

Согласиться съ этимъ невозможно. И что это за регла-
ментация языка, что за правительственныя, административ-
ныя вмѣшательства въ букварь?... министерство грамматики,
департаментъ спряжений! Неужели не ясно, что школа и судъ
въ странѣ, въ которой два нарѣчія—*должны быть на обоихъ*.

Дайте школамъ волю, такъ и будетъ.

О судѣ и говорить нечего; малѣйшаго слѣдствія нельзя произвести, говоря на разныхъ языкахъ съ подсудимыми и свидѣтелями.

Хорошо обѣдно да молитвы читать по латынѣ, въ нихъ нѣтъ ничего новаго, тутъ важно само чтеніе, а не то что читается.

И такъ признаемъ — же разъ навсегда за непреложную истину, что *никого* не надобно ни *русифицировать*, ни *полонизировать*, что никому не надобно мѣшать говорить и думать, учиться и писать какъ ему хочется — ни остзейскому нѣмцу, ни остзейскому финну.

Съ какой стати украинецъ на пр. промѣняетъ свою простодушную рѣчь — ту, на которой онъ говорилъ на свободныхъ радахъ, ту, на которой скоронена въ его пѣсняхъ вся исторія его — на языкъ предательскаго правительства, постоянно обманывавшаго Малороссію, на языкъ той преступной женщины, которая одной рукой вооружала гайдамаковъ, другой подписывая указы объ укрѣпленіи казаковъ за своими надложниками? Развѣ великорусскій языкъ не является на западѣ Россіи языкомъ *николаевскимъ*, котораго Кирилъ и Меодій — Бибииковъ и Симашико? Пусть языкъ нашъ смеетъ прежде слѣды подобострастія, рабства, подлыхъ оборотовъ, вахмистерской и барской наглости — и тогда уже начнетъ поучать ближнихъ.

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ украинецъ учился по польски, потому только, что “весь образованный классъ народа самый *значительный*, если не по числу, то по богатству, образованію и правамъ, классъ *исключительно* пользующійся гражданскими правами и имѣющій средства давать своимъ дѣтямъ воспитаніе — говорить по польски.”

Въ этомъ-то и лежитъ все проклятіе, что одинъ классъ исключительно пользуется воспитаніемъ, а другой невѣжествомъ; что для одного класса есть и книги и школы, а для другого ничего, ни даже письменнаго языка.

Авторъ письма ссылается на Финляндію, что же изъ этого? И въ Финляндіи скверно. И не въ одной Финляндіи, тутъ въ примѣрахъ затрудненія не можетъ быть. Разъ какъ-то въ Брюсселѣ, я гулялъ по городу, утромъ въ Воскресеніе. Въ церквахъ толпа страшная, вложу въ одну — проповѣдь, вниманіе простаго народа меня поразило. Я пошелъ въ другую, въ третью церковь, то же самое; что же за причина? Всѣ Лакордеры или Равиньяны? Нѣтъ, но поны проповѣдывали *по-фламски*. Я изъ третьей церкви перешелъ въ кофейную, груда газетъ, всѣ французскія; я въ другую, то же; афишки, водевили, фарсы, драмы и оперы, все на французскомъ, романы и повѣсти — то же самое, а потому все это дальше лакея и горничной не опускается. Народъ *по ту сторону* литературы, оставленъ на поповъ, они его и образовываютъ на свой салтыкъ; а белги, говорящіе по французски, удивляются его изувѣрству. Точно то же я видѣлъ въ Пиемонтѣ.

На этомъ то раздвоеніи народовъ на два слоя, одного облитого свѣтомъ и плавающего какъ масло надъ глубиою, другого глубокаго и темнаго, окруженнаго мглой — сръзались всѣ революціи. Онѣ дѣлались для *значительнаго* (не по числу, а по правамъ) класса, *исключительно* пользовавшагося воспитаніемъ, масса же до нихъ дѣла не было.

Начнемъ же, Господа, прежде лингвистическаго завоеванія народа юго-русскаго, съ того, что отдадимъ ему его землю, а потомъ и посмотримъ, какъ онъ захочетъ говорить и учиться.

И — рь.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРЪ II.

V.

Передъ началомъ полицейскаго террора въ петербургскомъ университетѣ, въ сборной залѣ, была вывѣшена слѣдующая статья:

Нашъ вѣкъ желѣзный, вѣкъ царей,
Штыковъ, законовъ безтолковыхъ,
Плодъ безъ счету не людей,
Людишекъ драгунскихъ, грошовыхъ.

Правительство бросило намъ перчатку, теперь посмотримъ сколько наберется у насъ рыцарей, чтобы поднять ее. На словахъ ихъ очень много, куда ни обернешься — вездѣ красные, только какъ-бы намъ не пришлось краснѣть за нихъ.

“Студенты *буйствуютъ*, студенты *своевольничаютъ*.” Брюзжать сѣдоволосые столпы отчества (прямые столпы) и вотъ являются передъ глазами публики декреты: впускать въ университетъ только платящихъ (выражаясь прямо: душивъ невѣжествомъ массу); запретить всякія сходки (т. е. *dividere et impregare*, а какъ *impregare* — почувствуемъ въ послѣдствіи). Вотъ покуда два образчика вѣжности.

Этого мало? Да конечно. Но это только цвѣтки... Но что же намъ дѣлать? Да нечего... молчать. И по этому *молчите молчите, молчите...*

Русскій народъ издавна отличался долготерпѣніемъ, были насъ татары — мы молчали просто, были цари — молчали и кланялись, теперь бьютъ пѣмцы — мы молчимъ и уважаемъ ихъ!... Прогрессъ!... Да въ самомъ дѣлѣ, что намъ за охота заваривать серьезную кашу? Мы вѣдь широкія пагуры, готовые на грязныя полицейскія скандалчики, подъ пьяную руку. Это только тамъ гдѣ-то, на Западѣ есть гакже дурни, которыхъ ведетъ на подвиги одно пустое слово — *la gloire*.

Теперь намъ запрещаютъ рѣшительно все, позволяютъ намъ сидѣть скромно на скамьяхъ, слушать цензорванныхъ страхомъ лекцій, вести себя прилично, какъ слѣдуетъ въ классѣ, и требуютъ не *разсуждать*, слышите-ли — не *разсуждать*!... Ха, ха, ха...

Но господа, если паче чаянія взбредетъ намъ, что и мы тоже люди, что у насъ есть головы, чтобы мыслить, языкъ — чтобы не доносить, а говорить то, что мы мыслимъ, есть цѣлыхъ пять чувствъ — чтобы воспринимать ощущенія отъ правительственныхъ ласкъ и глазомъ, и ухомъ, и прочими благородными и не благородными частями тѣла — что если о всемъ этомъ мы догадаемся нечаянно? какъ вы думаете что изъ этого выйдетъ? Да, ничего... Посмотрите на эпитафию и посмотрите все что выидеть.

Всѣ данныя имѣются у насъ теперь, чтобы намъ обмануться въ нашихъ словахъ.

Мы — легионъ, потому что за насъ здравый смыслъ, общественное мнѣніе, литература, профессора, безчисленные кружки свободно мыслящихъ людей, западная Европа, все лучшее, передовое за насъ. Насъ много, болѣе даже чѣмъ шіоповъ. Стоитъ только показать, что насъ много. Теперь кто же противъ насъ? Пять, шесть олигарховъ, тирановъ подлыхъ, крадущихъ, отравляющихъ рабовъ, желающихъ быть господами; они теперь выворачиваютъ только тулупы, чтобы пугать насъ, какъ малыхъ дѣтей и чтобы еще болѣе уподобиться своимъ братьямъ-звѣрямъ, но бояться ихъ нечего, стоитъ только показать, что мы не боимся; потомъ противъ

насъ пѣсколько тысячъ штыковъ, которыхъ не смѣютъ направить противъ насъ. Вотъ все—что-же тутъ страшнаго? И такъ всѣ, кто не боится, пусть сплочиваются въ массу и... пусть будетъ, что будетъ. Худою не можетъ быть: Мы не за худое.

Главное, бойтесь разпоглася и не трясите энергическихъ мѣръ. Имѣйте въ головѣ одно: *стрѣлять въ насъ не смѣютъ* — изъ за университета въ Петербургѣ вспыхнетъ бунтъ. Уже теперь наши начальники твердятъ (покачивая головами): “*Столица не спокойна*”.

На нашихъ мы менѣ надѣмся чѣмъ на *поляковъ*. Въ нихъ болѣе благороднаго самоотверженія; они умѣли смѣло покушаться пѣсколько разъ на пріобрѣтеніе своей свободы, умѣли безъ страха идти на пытку, въ рудники, страдать за идею, и по этому нашъ братскій призывъ къ нимъ, принять самое дѣятельное участіе въ общемъ дѣлѣ, подѣлиться съ нами своею энергіею.

Энергія, энергія, энергія!... Вспомните, что мы молоды, а въ это время люди бываютъ благородны и самоотверженны; не пугайтесь ничего, повторяемъ еще разъ, хотя-бы пришлось идти всему университету въ келью богомольнаго монастыря.

Судите!.. Но не напоминайте собою эпитафию.

VI.

(Изъ писемъ).

Мы не будемъ останавливаться на небольшихъ варьянтахъ и пополненіяхъ, полученныхъ нами послѣ напечатанія преобразенской побѣды въ Петербургѣ и жандармской пугачевщины въ Москвѣ. Главныя событія, повторяемъ, изложены въ нашихъ корреспонденціяхъ довольно правильно. А потому переходимъ къ отраженію совершившихся событій въ правительственномъ Олимпѣ.

Публика съ нетерпѣніемъ, а дѣйствующіе члены правительства съ опасеніемъ ожидали государя. Думали, что онъ прогонитъ Игнатьева и Путятина; думали, что онъ поторопится пріѣхать, а онъ спокойно сажалъ деревья въ Ливадіи, *procul negotiis*, и пріѣхалъ въ Москву съ самыми смутными понятіями о студентскомъ дѣлѣ. “Что это ты здѣсь надѣлалъ за пакости съ студентами?” спросилъ онъ отрывисто у Тучкова. Тучковъ—(надѣлавшій пакости не съ студентами, а съ Исаковымъ), обидѣлся и просилъ, чтобы было произведено слѣдствіе о его дѣйствіяхъ. Показавъ такимъ образомъ энергію и характеръ, государь пріѣхалъ въ Петербургъ снова благодушнымъ монархомъ, поцаловалъ Паткуля въ лобъ, благодарилъ великихъ князей, Игнатьева, Путятина, преобразенскихъ офицеровъ, Вельяминова и Толстаго съѣмалъ флигель-адъютантами. Наградивши такимъ образомъ однихъ и поблагодаривши другихъ, онъ любопытствовалъ узнать за что онъ ихъ благодарилъ.

26 Октября былъ для этого собранъ особый совѣтъ министровъ. Государь открылъ засѣданіе тѣмъ, что совѣщанія совѣта по закону должны быть секретны, а между тѣмъ всему городу извѣстно, что говорится въ государ. совѣтѣ и въ совѣтѣ министровъ. Государь выразилъ желаніе, чтобы впредь совѣщанія совѣта сохранялись какъ дѣйствительныя государственныя тайны и не были разглашасмы.

Спичъ государя подѣйствовалъ — и дня три члены совѣта отмалчивались, а потомъ начали по прежнему кто проговариваться, а кто и просто болтать.

Путятинъ въ совѣтѣ изложилъ весь ходъ университетскаго дѣла въ самомъ превратномъ смыслѣ. Его стали останавливать, опровергать и доказывать, что онъ извращаетъ всѣ факты извѣстные министрамъ по запискѣ Кавелина. Между прочимъ Путятинъ, увѣрялъ, что оппозиція правительству, съ характеромъ *политическимъ*, распространена между всѣми студентами и всѣми профессорами; въ доказательство послѣдняго, онъ привелъ фактъ, что “правительство хотѣло увеличить жалованіе профессорамъ, но что они отказались отъ этого по одному духу оппозиціи.”

Милютинъ заставилъ его признаться, что профессора не отказывались отъ увеличенныхъ окладовъ, но отвергли съ негодованіемъ циркуляръ Путятина, въ которомъ онъ, *по случаю увеличенія окладовъ* вмѣнилъ имъ въ обязанность: впредь преподавать науки въ духѣ, соответствующемъ видамъ правительства.

Когда-же онъ изложилъ *свой планъ* о преобразованіи университетовъ въ нѣчто подобное семинаріямъ, то государь сказалъ прямо, *что это нелюбо*. Съ того времени Путятинъ очевидно приговоренъ къ паденію, но паденіе его совершается медленно, изъ ложнаго административнаго приличія.

Между тѣмъ обѣ слѣдственныя комиссіи дѣйствуютъ. Петербургъ находится подѣ председательствомъ Волянскаго, въ Кронштадтѣ председатель Пушинъ. Обѣ комиссіи находятъ то, что есть, что студентовъ не въ чемъ винить. Въ докладной запискѣ петербургской комиссіи даже очень рѣзко указано на всѣ ошибки министерства народнаго просвѣщенія.

Военный судъ, который былъ назначенъ надъ 4 артиллеристами, призналъ ихъ тоже невинными.

Вотъ это-то и приводитъ правительство въ смущеніе. Какъ согласиться, что напрасно выслали гвардію противъ студентовъ и напрасно благодарили на парицыномъ луку, напрасно разослали до 300 молодыхъ людей изъ Петербурга, напрасно посадили до 600 въ крѣпость.

Какъ скоро будетъ новый министръ народнаго просвѣщенія, то ждуть пересмотра устава университетскаго.

Нынѣ петербургскій университетъ номинально открытъ, но въ дѣйствительности никто не ходитъ и лекціи не читаются.

Паткуль будучи командиромъ павловскаго полка, прославился непомѣрными *экономическими талантами*; напоминающими такихъ *maestro'въ*, какъ Лидерсъ и графъ Ламбертъ. Онъ даже вчужѣ любитъ богатства и пріѣхалъ къ Волянскому упрашивать его такъ *направить* слѣдствіе, чтобы студенты *Утины* ни въ чемъ не были виноваты. Утины прекрасные молодые люди и дѣйствительно ни въ чемъ не виноваты, но высокое заступничество Паткуля напоминаетъ обычай горцевъ, берущихъ выкупъ за плѣнныхъ. Только онъ требуетъ выкупъ съ обеихъ сторонъ и именно взялъ у государя въ займы 60,000 р. с.

Прошла недѣля. Въ Четвергъ 2 Ноября было опять длинное засѣданіе, послѣ котораго просьба Игнатьева объ отставкѣ была принята и онъ уволенъ отъ генераль-губернаторства, съ назначеніемъ пожизненнаго содержанія въ 15.000 руб. сер. На его мѣсто назначили Суворова.

Особенно замѣчательно въ этомъ засѣданіи была рѣчь Милютина, который сказалъ откровенно, что Россія нуждается въ образованіи, которое должно всячески поддерживать, что на новыя правила вся образованная Россія и вся заграничная пресса смотрять не безъ основанія, какъ на мѣру реактивную,

какъ на поворотъ съ пути реформъ, что принятіе этихъ правилъ составить ошибку правительства и что пересмотръ уставовъ университета необходимъ.

За тѣмъ былъ поднятъ вопросъ : какимъ путемъ рѣшить участь захваченныхъ студентовъ. Милютинъ предлагалъ путь законный : т. е. послѣ слѣдствія—судъ. Игнатьевъ предложилъ отдать всѣхъ бунтовщиковъ въ солдаты—для примѣра. Шуваловъ, раздувшій всю эту исторію, предложилъ полную амнистию, желая съ успѣхами при дворѣ соединить популярность.

Всѣ три мнѣнія были отвергнуты.

Рѣшено : по окончаніи слѣдствія рѣшить дѣло административно, въ совѣтѣ министровъ, т. е. рѣшили не стѣсняться ничѣмъ въ полицейскомъ произволѣ.

Послѣ засѣданія 26 Октября, государь уѣбдившись, что Путятинъ изъ рукъ вонъ плохъ и въ министры не годится, написалъ рескриптъ Тучкову, въ которомъ извинялся въ своей горячности и предлагалъ ему министерство народнаго просвѣщенія. Тучковъ отвѣчалъ, что онъ къ этому министерству не готовился, что онъ считаетъ его важнымъ, что онъ плохимъ министромъ быть не желаетъ, а потому отказывается отъ предложенной должности.

Между тѣмъ еще 24 Октября Кавелинъ подалъ въ отставку, а вслѣдъ за нимъ Спасовичъ и Стасюлевичъ (послѣдній читаетъ между тѣмъ у наслѣдника), кромѣ того подалъ прошеніе Плетневъ и собираются подать Утинъ, Пыпинъ и Костомаровъ.

Послѣ засѣданія 2 Ноября была послана телеграмма въ Стутгартъ съ предложеніемъ министерства народнаго просвѣщенія Титову. Его теперь ждутъ, а между тѣмъ надъ Путятинымъ учреждена опека изъ 3 лицъ, безъ которыхъ ему запрещено дѣйствовать.

— Въ это самое время призвали Александра Николаевича Муравьева въ С. Петербургъ, чтобы отнять у него губернію, которою онъ съ честію управлялъ, и назначили ему содержаніе вдвое менѣе чѣмъ онъ получалъ въ Нижнемъ такъ, что ему буквально не съ чѣмъ выѣхать въ Москву и нечѣмъ тамъ жить.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ПРОЭКТЫ.

(Продолженіе).*

Но не къ этому способу пришла коммиссія проекта М. Ф. Она свой проектъ не вывела какъ послѣдствіе заявленныхъ потребностей мѣщанства, а сочинила по своему усмотрѣнію. Она начала съ того, что размѣръ лежащихъ на мѣщанахъ повинностей не долженъ превышать крестьянскаго оклада. Да если мѣщанская повинность равна 4 р. 85 коп. съ души (включая земскія повинности), то она почти равна крестьянскому окладу. Собственное наблюденіе коммиссіи указывало ей, что размѣръ мѣщанскихъ повинностей не можетъ равняться съ крестьянскими, что онъ долженъ быть гораздо ниже, если условія жизни не измѣнятся. Коммиссія рѣшилась поставить задачу косвеннымъ образомъ, отдѣливъ мѣщанъ рабочихъ отъ осѣдлыхъ мѣщанъ, коренное мѣщанство отъ наплывнаго, чтобы снять съ кореннаго мѣщанства, которое предполагается безбѣдное или имущее, круговую отвѣтственность за наплывное, предполагаемое неимущимъ ; такимъ образомъ подать съ перваго была бы съ имущества, а съ послѣдняго—личная ; круговая порука естественно была бы разрушена и подать съ

* Начало въ No. 110.

неимущихъ понижена. Возможность такого исхода задачи сомнительна. Коммиссія поставила себѣ двойной вопросъ : пониженія подати и уничтоженія круговой поруки. Круговую поруку предположеніе коммиссіи дѣйствительно уничтожаетъ, но понижаетъ ли оно подать—это далеко не доказано. Что же для мѣщанства было бы выгодно—поставленіе ли жизни въ такія условія, гдѣ круговая порука была бы возможна, а подати дѣйствительно понижены,—или уничтоженіе круговой поруки безъ дѣйствительнаго пониженія подати? Считать коренное населеніе, т. е. владѣльцевъ недвижной собственности и хозяевъ торговаго промысла или ремесла, богатое наплывнаго населенія, со стороны коммиссіи чистое предположеніе. На дѣлѣ окажется, что половина домохозяевъ бѣднѣе половины наплывнаго населенія и на оборотъ. Итъ мѣрило для оцѣнки доходовъ съ мѣщанскихъ домовъ, которые и по мнѣнію рецензента *с. петербургскихъ вѣдомостей* составляютъ скорѣе убогой пріютъ своихъ владѣльцевъ, чѣмъ доходную статью ; а между тѣмъ ни дѣйствительныя городскія нужды, ни притязанія начальства, а слѣдственно и окладъ земскихъ повинностей не измѣнятся, только что наплывное населеніе не будетъ въ нихъ участвовать, платя исключительно подушныя въ казну, т. е. свою пошлину съ права жизни. Стало окладъ на полубѣдныхъ и на совсѣмъ бѣдныхъ домохозяевъ и ихъ убогие пріюты—повысится, и въ то время, когда наплывное мѣщанство, при пониженіи подати, поправится, коренное населеніе обнищаетъ, все равно—при круговой поруки или безъ оной. При круговой поруки, накопится недоимка на хозяевахъ, до прошенія оной посредствомъ всемилостивѣйшаго манифеста ; безъ круговой поруки, при имущественной отвѣтственности отдѣльныхъ хозяевъ, ихъ имущества станутъ безпрерывно продаваться съ торговъ, и если найдутся охотники купить, то это будетъ въ средѣ не совсѣмъ бѣдной половины рабочихъ мѣщанъ, которые такимъ образомъ перейдутъ изъ наплывнаго въ коренное мѣщанство. Та же перетасовка, которая существуетъ теперь, продолжить свое существованіе и послѣ раздѣленія обоихъ населеній, и это раздѣленіе окажется мнимымъ, также какъ и пониженіе податей, которое, при повышеніи оныхъ для одной доли населенія, представитъ колебаніе высшаго и низшаго оклада между двумя, постоянно другъ съ другомъ тасующимися половинами. Результатомъ будетъ только уничтоженіе круговой поруки, безъ всякаго облегченія для мѣщанства.

Но и своего основнаго предположенія о раздѣленіи кореннаго мѣщанства отъ наплывнаго, коммиссія рѣшилась не прилагать къ своему проекту, не потому, что оба мѣщанства такъ перетасованы, что трудно, невладѣльцевъ недвижной собственности и нехозяевъ торговаго промысла или ремесла исключить изъ городскихъ обществъ только по буквѣ постановленій, не исключивъ ихъ въ дѣйствительности, т. е. не принимая ихъ только за иногородныхъ или иноземныхъ гостей, имѣющихъ коренную осѣдность въ другомъ мѣстѣ ; коммиссія рѣшилась не прилагать своего основнаго предположенія къ своему проекту, потому что встрѣтилась съ рекрутской повинностью, которая раздѣлено двухъ мѣщанствъ мѣшаетъ, которую измѣнить не во власти коммиссіи, по измѣнить которую правительство вѣроятно имѣетъ въ виду. Потому что коммиссія ожидаетъ реформы и “полагая, съ одной стороны, необходимымъ, такъ сказать подготовить податной бытъ рабочаго класса къ предстоящей реформѣ, а съ другой,

желая предоставить мѣщанскому населенію скорѣйшее, по возможности, облегченіе въ настоящихъ податныхъ его затрудненіяхъ, комиссія находить возможнымъ ограничиться, на первыхъ порахъ, только временнымъ переходнымъ устройствомъ податнаго быта мѣщанскихъ обществъ, на основаніяхъ, изложенныхъ въ составленномъ ею проэктѣ.”

И такъ проэктъ касается собственно “*переходнаго* устройства податнаго быта мѣщанскихъ обществъ.” Намъ кажется, что несчастная мысль о переходномъ состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, такъ проникла въ плоть и кровь правительства, что оно уже нигдѣ не можетъ обойтись безъ перехода. Но для того, чтобъ совершать переходъ, надо прежде всего знать куда идешь, иначе это будетъ только странствованіе или блужданіе. Это будетъ начальническое приказаніе: “ну ужъ ты, братецъ, тамъ *покамысь какъ нибудь* да устройся, а послѣ посмотримъ”...

Выписываемъ, па сколько возможно, изъ 179 Но Спб. *Вѣдомостей* проэктъ переходнаго устройства податнаго быта съ замѣчаніями рецензента *слб. вѣдомостей*:

“Проектъ полагаетъ оставить на обязанности мѣщанскаго общества тѣ же самыя повинности, кои установлены нынѣ дѣйствующими узаконеніями, съ раздѣленіемъ ихъ на повинности денежные и повинности натуральныя или рекрутскую. На этомъ основаніи, къ денежнымъ мѣщанскимъ повинностямъ отнести: 1) государственную подать, поступающую въ доходъ казны; 2) земскую повинность, опредѣленную на разныя мѣстныя потребности по губерніямъ и 3) общественныя складки, устанавливаемыя мірскими приговорами, для удовлетворенія разныхъ нуждъ сословнаго управленія. Самый же способъ отбыванія этихъ повинностей установить, не общій для всѣхъ мѣщанъ, какъ это опредѣлено нынѣ дѣйствующими положеніями, но сообразно существующимъ для сего сословія родамъ промысловъ и занятій, а именно:

1) Мѣщанъ, производящихъ торговля дѣйствія, неподходящія подъ разрядъ свободныхъ отъ взятія свидѣтельствъ, обязать брать установленныя патенты, по правиламъ уставовъ о патентныхъ пошлинахъ и торгового.

2) Мѣщанъ, владѣющихъ недвижимою собственностью, обложить особымъ, въ доходъ казны, сборомъ, по общимъ имѣющимъ быть для сего начертаннымъ правиламъ.

3) За симъ, мѣщанъ, неимѣющихъ недвижимою собственности и невзявшихъ патентовъ, обложить платежемъ личныхъ повинностей и

4) Мѣщанамъ, занимающимся хлѣбопашествомъ, какъ на собственной, такъ и на арендуемой землѣ, предоставить, по ихъ усмотрѣнію, или брать торговые патенты, или оставаться въ окладѣ личныхъ повинностей.

Такимъ - образомъ, проэктъ принимаетъ въ основу размѣра податей: торговлю, недвижимую собственность, ея неимѣніе и наконецъ, хлѣбопашество.

Такая классификація мѣщанскаго сословія по податямъ должна, по видимому, усложнить податное дѣло въ его бумажномъ производствѣ, но за то она представляетъ много выгодъ для тѣхъ, на кого падаетъ эта подать, такъ - какъ на взятіе патента не будетъ требоваться согласія обществъ, ни того, которое увольняетъ, ни того, въ составъ котораго увольняемый входитъ по роду взятаго имъ патента, а между - тѣмъ, по § 8 проэкта, мѣщанамъ, взявшимъ торговые патенты перваго или втораго разряда, предполагается предоставить всѣ сопряженныя съ ними торговля и личныя права и преимущества, съ перечисленіемъ ихъ изъ мѣщанскаго сословія въ мѣстное купечество, съ тѣми членами ихъ семействъ, кои къ патентамъ ихъ причислены. Это безусловное право выхода изъ мѣщанскаго общества и право причисленія къ купеческому сословію представлять мѣщанамъ собственно ту выгоду, что они будутъ имѣть возможность оставлять общество, не испытывая тѣхъ прижимокъ и притѣсненій, которыя приходится теперь испытывать подобнымъ лицамъ, при переѣзѣ сословнаго положенія.

Что же касается мѣщанъ, взявшихъ патенты на мелочной торговлѣ, т. е. нынѣшній мѣщанскій, то ихъ предполагается избавить отъ платежа личныхъ податей, не выключая ихъ, однакожь, изъ мѣщанскаго общества, гдѣ они должны оставаться для счета, подъ названіемъ мѣщанъ торгующихъ, съ обязанностію участвовать, по сему обществу, въ отправленіи рекрутской повинности и общественныхъ складкахъ. Мы, впрочемъ, всрѣчаемъ здѣсь нѣкоторое недоразумѣніе, которое и постараемся объяснить.

Торгующіе мѣщане, какъ мы видѣли, будутъ избавлены отъ платежа личныхъ податей — это сказано въ § 9; между - тѣмъ, въ § 13 мы нахо-

димъ слова: “торгующимъ мѣщанамъ, оплатившимъ лежащія на нихъ подати и получившимъ патенты” и пр. Значитъ, кромѣ полученія съ торгующихъ мѣщанъ патентныхъ сборовъ, будутъ съ нихъ взиматься еще и подати, но какія же какъ не личныя, такъ - какъ торгующіе мѣщане могутъ быть и не собственниками и не поземельными владѣльцами?

Весьма важными преимуществами для торгующихъ мѣщанъ является предоставляемая имъ возможность переложить рекрутскую повинность на деньги, освобожденіе отъ всякой поруки и ответственности въ исправномъ платежѣ податей остальною частью общества и свободная отлучка, по паспортамъ, во всѣ города имперіи. Самый способъ полученія паспортовъ предполагается облегчить тѣмъ, что паспорта можно будетъ получать не изъ одного того мѣста, къ которому приписанъ мѣщанинъ, но и въ томъ, гдѣ онъ временно находится, если только онъ внесетъ причитающіяся съ него на слѣдующій годъ подати и повинности по коренному его званію. Размѣръ же повинностей и общественныхъ складокъ долженъ быть опредѣленъ, въ подобныя случаи, по взаимному соглашенію отлучающагося съ обществомъ, и ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать, для торгующихъ мѣщанъ, половины платимой ими въ казну пошлины за патентъ.

Рекрутская повинность составляетъ нынѣ весьма - важное препятствіе къ отлучкѣ мѣщанъ съ мѣста ихъ приписки. Проэктъ находить возможнымъ устранить это, отчасти, тѣмъ, что при отлучкѣ мѣщанъ, обложившихъ патентною податю, изъ тѣхъ городовъ, гдѣ они записаны по коренному званію, тѣхъ изъ нихъ, кои подлежатъ призыву къ рекрутскому жеребью въ первый ожидаемый наборъ, или состоятъ на первой и второй рекрутской очереди, обязывать въ обезпеченіе исполненія сей повинности, ввести установленный, въ замѣнъ ея денежный сборъ въ 435 рублей.

Что же касается оклада личныхъ мѣщанскихъ податей и повинностей, то ими по проэкту облагаются мѣщане, не взявшіе торговыхъ патентовъ и неподлежащіе платежу сбора по владѣнію недвижимою собственностью. Причемъ окладъ личной мѣщанской подати въ казну предполагается понизить, примѣняясь къ размѣру крестьянскихъ податей, съ тѣмъ еще условіемъ, что въ окладъ такой подати будутъ полагаться только тѣ мѣщане, которые не достигли 55 лѣтъ и немоложе 18 лѣтъ. Для большаго же облегченія, изъ этого оклада будутъ исключаться, не дожидаясь наступленія будущей ревизіи, всѣ умершіе, поступившіе въ рекруты и удаленные по мірскимъ приговорамъ, за дурное поведеніе, въ Сибирь. Кромѣ государственной подати рабочіе мѣщане должны подлежать еще земской повинности и общественнымъ складкамъ. О послѣднихъ мы скажемъ, впоследствии, нѣсколько словъ, а теперь замѣтимъ, что проэктъ предполагаетъ предоставить рабочимъ мѣщанамъ, подлежащимъ платежу однихъ только личныхъ повинностей, промысливать себѣ пропитаніе домашними работами по заказу (но безъ права содержать работниковъ и учениковъ, исключая однихъ лишь членовъ своего семейства, записанныхъ въ одномъ семейномъ номерѣ) и продажею въ розницу, по городу, съѣстныхъ припасовъ, крестьянскихъ и собственныхъ домашнихъ рукодѣлій, но за таковой торговлѣ предоставить городамъ устанавливать умѣренный, въ доходъ города, сборъ (неболѣе 3 рублей въ годъ).”

Общность проэкта наводитъ на мысль, что комиссіи хотѣлось, по возможности, облегчить мѣщанамъ переходъ въ купечество, дѣлая этотъ переходъ зависимымъ отъ взятія патентовъ (свидѣтельствъ на торговлю), а не отъ согласія мѣщанскихъ обществъ на увольненіе, съ одной стороны, и не отъ необходимости объявлять купеческіе капиталы, съ другой. Увольненіе изъ обществъ всего притѣснительнѣе вслѣдствіе рекрутской повинности, потомъ вслѣдствіе незаконныхъ, чиновничьихъ притязаній общественныхъ властей и наконецъ вслѣдствіе недоимки. Возникаютъ вопросы: 1) на кого падетъ доля налога выбывающаго изъ общества мѣщанина въ купцы, на его отвѣтственность, или на общество? Въ послѣднемъ случаѣ это было бы прямое повышеніе подати на мѣщанъ домохозяевъ и хозяевъ промысловъ и ремесла. 2) Пріемъ въ купечество по патентамъ, безъ объявленія капитала, требуетъ ли измѣненія купеческихъ положеній, или требуетъ платежа пошлинъ разомъ и патентной и гильдейской? Безъ разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ выбытія изъ мѣщанства и пріема въ купечество, положеніе проэкта неисполнимо. Препятствіе къ увольненію, происходящее отъ рекрутской повинности, устраняется по видимому перечисленіемъ ея на деньги. Теперь спрашивается: сколько же найдется мѣщанъ,

которые въ состояніи купить патенты перваго или втораго разряда, очистить недоимку, внести рекрутскую повинность деньгами (435 р.) и можетъ еще заплатить, при переходѣ въ купечество, гильдейскую повинность? Навѣрно при введеніи новаго положенія, такихъ капиталистовъ найдется между мѣщанами не больше чѣмъ теферь, или едва замѣтное приращеніе къ 1% купечества на все народонаселеніе имперіи. Если же мы положимъ, что этимъ способомъ достаточные мѣщане очень легко выйдутъ изъ своего общества, чѣмъ же это поправитъ состояніе остальнаго мѣщанства? А весь вопросъ въ остальномъ, котораго много, а не въ этихъ нѣсколькихъ лицахъ, случайно разбогатѣвшихъ, которыя и безъ того бы выбыли.

Остальное должно состоять, по проекту комиссіи, изъ мѣщанъ *торгующихъ* (по патентамъ на мелочной торгъ), которые неизвѣстно платятъ или не платятъ личную подать, и изъ мѣщанъ, платящихъ только личную подать. Торгующіе мѣщане—имѣютъ недвижимую собственность; съ нея они будутъ платить особый сборъ въ доходъ казны. Стало они заплатить: можетъ быть подушную, т. е. личную подать, потомъ особый сборъ съ домовладѣнія, потомъ за пагѣтъ. Спрашивается: можетъ ли при этомъ понизиться налогъ? Больше, чѣмъ сомнительно—онъ просто повысится.

Чтобы утѣшить это среднее сословіе плательщиковъ налога имъ дозволены: переводъ рекрутской повинности на деньги, свободная отлучка по паспортамъ во все города имперіи, безъ всякой круговой поруки общества за платежъ податей, и получение паспорта во всякомъ городѣ, лишь бы получающій внесъ подать и повинность по своему коренному званію за годъ впередъ. Размѣръ же повинностей и общественныхъ складокъ долженъ быть опредѣленъ по взаимному соглашенію откупающагося съ обществомъ и не превышать половины платимой въ казну пошлины за патентъ—(т. е. патентъ 3го разряда). Слѣдственно чтобы получить паспортъ, *безъ согласія общества*, торгующій мѣщанинъ долженъ заплатить за годъ впередъ:

патентъ,—для губерній	15 р. сер.,	для столицъ 23 р. сер.
повинность, по согласію общества,	7 р. 50 к.	„ „ 11 р. 50 к.
подушныя „ „ „ „	1 50	„ „ 2 38
За паспортъ „ „ „ „	1 45	„ „ 1 45
Особый сборъ съ недвиж. собст.	×	×
Итого	25 р. 50 к.	38 р. 33 к.*

Если положить, согласно съ комиссіей, доходъ торгующаго мѣщанина въ 100 р., выходитъ, что для полученія паспорта безъ увольненія общества и безъ круговой поруки, онъ долженъ затратить болѣе четверти своего годоваго дохода, что онъ въ рѣдкомъ случаѣ можетъ имѣть въ рукахъ разомъ. Такимъ образомъ отсутствіе круговой поруки и увольненія не можетъ облегчить ему полученіе паспорта. Для полученія того же паспорта, онъ, если подлежитъ призыву къ рекрутскому жеребью, долженъ внести въ замѣнъ очереди 435 р —

* Подушныя мы взяли для губерній по относительному расчету патентовъ губернскихъ и столичныхъ, и на основаніи 241 ст. Т. V, признающенъ “подушную подать съ мѣщанъ податью на устройство водяныхъ и сухопутныхъ сообщений”, что въ столицахъ должно обходиться дороже чѣмъ въ остальныхъ городахъ; наша цифра примѣрная, настоящей мы не имѣемъ. Остальныя расчеты мы основали на Т. V св. зак., устава о пошлинахъ ст. 517, и приложеніяхъ къ ст. 4 табели 2-й и къ ст. 483 табели о пошлинахъ за право торговли.

Мѣщане этого разряда большей частью торгуютъ товаромъ, получаемымъ ими отъ купцовъ въ кредитъ отъ ярмарки до ярмарки; въ продолженіе года они продаютъ товаръ, рассчитываюся на ярмаркѣ съ купцомъ и берутъ снова товаръ въ кредитъ на слѣдующій годъ. Барыши этой торговли составляютъ ихъ доходъ, изъ котораго не всегда случится сколотить запасный капиталъ, даже послѣ многолѣтней дѣятельности. Стало 435 р. они почти никогда не внесутъ и паспорта не получатъ. Очевидно, что отсутствіе круговой поруки, при повышеніи повинностей, еще не составляетъ облегченія для кореннаго мѣщанства; а постоянная распродажа ихъ недвижимой собственности, по иску уѣзднаго казначейства на лицахъ, уронить окончательно цѣнность этой собственности и даже не покроетъ казенной недоимки; разница будетъ въ томъ, что вмѣсто того, что торгующіе мѣщане состоятъ въ долгу у своего общества, они будутъ состоятъ каждый лично въ неоплатномъ долгу у казначейства и слѣдственно въ полномъ рабствѣ у мѣстной полиціи.

Собственно облегченіе въ платежѣ податей комиссіи, кажется, хотѣла сдѣлать для наплывнаго населенія, для мѣщанъ 3го разряда, не взявшихъ патентовъ и не имѣющихъ недвижимой собственности. Они подлежатъ только личной подати, и то только дѣйствительные работники, т. е. люди отъ 18 до 55 лѣтъ. Ихъ окладъ приравнивается крестьянскому. Но сверхъ того, земскія повинности и складчина. Но сверхъ того, какъ скоро они прикипаются за какой нибудь торгъ, то сборъ въ доходъ города 3 руб. Слѣдственно:

	Въ столицахъ.	Въ городахъ.
Подушныя по крестьянскому окладу по 95 к., полагая на работника 3 души	2 р. 85 к.	2 р. 85 к.
Земской повинности и складчины (за исключеніемъ изъ 8 р. 88 к. по расчету комиссіи)		
2-хъ р. 38 (подушныхъ)	6 50	3 80
За торгъ... ..	3	3
Итого	12 р. 35 к.	9 р. 65 к.

Положивъ, что населеніе отъ 18 до 55 лѣтъ составляетъ двѣ трети населенія, выходитъ платежа на душу въ столицахъ 8 р. 22 к., а въ городахъ 6 р. 42 к. Это почти *непониженіе* налога на рабочихъ мѣщанъ, конечно, меньше чѣмъ повышение налога на коренныхъ мѣщанъ, и недостаточно, чтобы дать вздохнуть свободно самоѣднѣйшимъ. Во всякомъ случаѣ проектъ комиссіи, вообще увеличиваетъ мѣщанскую подать. Правда комиссіи хотѣла поправить дѣло ограниченіемъ размѣра общественныхъ складокъ... Выписываемъ это предложеніе съ мнѣніемъ рецензента вѣдомостей:

“Нынѣ, мѣщанскія общества, при составленіи сметъ на общественныя надобности, руководствуясь предстоящими вѣ-виду, а также паличными потребностями, разкладываютъ нужную имъ сумму на своихъ сочленовъ, по своему усмотрѣнію. Правда, что при такомъ способѣ составленія общественныхъ капиталовъ бываетъ, какъ мы видели, въ ихъ разкладахъ пристрастная неравнобѣрность, но, во-всякомъ-случаѣ, мѣщанское общество имѣетъ возможность покрыть свой бюджетъ. По проекту же, въ подобныхъ случаяхъ предполагается сдѣлать ограниченіе: такъ, размѣръ общественныхъ складокъ, устанавливаемый на каждый годъ мірскими приговорами съ торгующихъ мѣщанъ, не долженъ превышать 25% платимой ими патентной пошлины, а съ мѣщанъ рабочихъ нормальный окладъ этого рода впрочемъ не долженъ превышать одного душеваго оклада казенныхъ податей съ работника. Спрашивается, однако, позволить ли такой, заранѣе-ограниченный размѣръ складокъ на общественныя нужды и потребности удовлетворить и тѣ и другія, и не

будутъ ли, при новомъ порядкѣ, поставлены мѣщанскія общества еще въ большее затрудненіе, касательно финансовыхъ средствъ, не имѣи права дать имъ размѣры, сообразныя съ настоящими потребностями?"

Это предположеніе комисіи вѣроятно не пройдетъ даже въ государственномъ совѣтѣ, потому что оно сводитъ облегченіе налога на раззореніе городовъ—неудовлетвореніемъ городскихъ потребностей. Оно составляетъ чистую невозможность.

Стало кромѣ снятія ответственности общества за бѣглыхъ и пропавшихъ, и очень полезнаго, но до податей неотносящагося, облегченія поступленія въ учебныя заведенія безъ увольненія общества, къ чему же пришесть проэктъ комисіи?

Къ отчисленію богатыхъ въ купечество, къ почти необлегченію низшаго разряда въ платежѣ податей, съ обремененіемъ налогомъ средняго разряда, (въ дѣйствительности не меньше бѣднаго чѣмъ низшій разрядъ,) къ уничтоженію круговой поруки и повышенію общен цифры налога, что переведеть мѣщанъ изъ зависимости отъ общества къ полной зависимости отъ полиціи, и нисколько не облегчитъ ихъ бѣдственнаго положенія.

Письмоводство при этомъ пойдетъ огромное, и канцеляріи погрязнуть въ росписаніе различныхъ таблицъ по формамъ, которыми комиссія уже успѣшила надѣлать свой проэктъ, находя въ нихъ, по канцелярской привычкѣ, и что существенное.

По нашему мнѣнію пора-бы уничтожить сословныя различія въ городахъ, и связанныя съ ними разграниченія правъ на торговлю, и созвать городскія совѣты, для установленія системы общаго налога, общаго городского сбора, съ сохраненіемъ или безъ сохраненія круговой поруки по усмотрѣнію общества, и указаніемъ возможнаго размѣра налога, при которомъ бы недомка была только случайностью, а не неизбежностью, и съ разрѣшеніемъ—не то что права желающимъ на выходъ въ сельское сословіе, а ихъ права получить во владѣніе незаселенныя государственныя земли, при обычной крестьянской общественной тягѣ. Конечно для этого надо признать, что *государственныя земли—не царскія, а народныя*.

Если уже нельзя поставить дѣло на этотъ естественный исходъ, то все-же не худо отказаться отъ учено канцелярскаго самолюбія и, желая облегчить участь мѣщанства, прежде всего спросить у него самаго, какъ это сдѣлать.

Но не смотря на кажденіе гласности со стороны министерства финансовъ, мы напередъ знаемъ, что оно не послушаетъ ни нашихъ возраженій, ни возраженій ценсурной печати; проэкты поступить въ государственный совѣтъ, который его утвердитъ, Александръ Николаевичъ подпишетъ: "согласенъ, дѣльно, справедливо!"—и мѣщане будутъ приведены въ современное переходное положеніе крѣпостныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, т. е. не будутъ знать что дѣлать.

Устроивши все для возмущенія сельскаго населенія, правительство переходитъ къ возмущенію городовъ...

Доброго пути, господа!

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ.

— *Благодушный монархъ успокоиваетъ своими пророчествами свой добрый народъ.* — "Во время посѣщенія государемъ императоремъ Полтавы, какъ равно и на пути въ Кременчугъ, 15-го минувшаго Августа, когда имѣли счастье представиться его величеству старшины обществъ временно-обязанныхъ крестьянъ, государю угодно было сдѣлать внушеніе имъ объ исполненіи ихъ обязанностей, въ слѣдующихъ словахъ:

"Ко мнѣ доходятъ слухи, что вы ожидаете другой воли. Никакой другой воли не будетъ, какъ та, которую я вамъ далъ! Исполняйте чего требуютъ законъ и "Положеніе!" Трудитесь и работайте! Будьте послушны властямъ и помѣщикамъ!"

(Полт. Губ. Вид.)

Пу а какъ будетъ?...

— *Мировой посредникъ 2-го участка Радомысльскаго уѣзда (Кіевской губерніи).* — "Въ одномъ изъ постановленій кіевскаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мы встрѣчаемъ слѣдующее:

"Г. мировой посредникъ 2-го участка Радомысльскаго уѣзда, донесъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, что онъ, во время частныхъ поѣздокъ по участку, замѣтилъ, во-первыхъ, что крестьяне толпами являлись по корчамъ, и вслѣдствіе это, о происходившихъ между ними неумѣстные разговоры и толки, производящие вредные результаты, и, во-вторыхъ, что для произведенія на нихъ влияния необходимы видныя наглядныя знаки, которые первоначально болѣе дѣйствуютъ, нежели самыя убѣдительныя рѣчи. По этому посредникъ просилъ разрѣшенія губернскаго присутствія: не найдеть-ли оно нужнымъ присвоить разсыльнымъ мировымъ посредникамъ мундиръ, опредѣленный разсыльнымъ уѣздной полиціи, дабы тотчасъ имѣть болѣе средствъ произвести на крестьянъ влияние порядка и спокойствія, соответствующее духу высочайше утвержденныхъ постановленій.

"Губернское присутствіе, по резолюціи 8-го Іюля, уведомило г. посредника, что о паружныхъ знакахъ для всѣхъ должностныхъ лицъ волостнаго и сельскаго управления будетъ, въ непродолжительномъ времени, представлено на разрѣшеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, но въ назначеніи какой-либо формы для безпрестанно перемѣняющихся и немѣющихся особеннаго значенія разсыльныхъ не предстоить необходимости."—(Сиб. В.)

— *Шуваловцы въ Кронштадтѣ.*—Доводимъ до свѣденія Константина Николаевича, что огъ небрежнаго смогрѣнія въ Кронштадтѣ, завелись *шпоны*, и на дняхъ таскались въ партикулярныхъ платьяхъ по кваргирамъ морскихъ офицеровъ, отыскивая *Колоколъ*... Чарльзъ Пепиръ не могъ взять твердыни Кронштадтскія, а Шуваловцы проползли. Константинъ Николаевичъ, велите ихъ бросить въ море, пусть они подслушиваютъ рыбій ропотъ, да дѣлаются свѣжепросольными.

— *NOTRE PREMIER PREMIER и пути разобщенія.*—Чего и чего не возложено на вѣроподданную спину государственныхъ верблюдовъ нашихъ съ портфелемъ и безъ портфеля, съ ключемъ безъ сундука и съ сундукомъ безъ ключа. Чтѣ за избытокъ силъ, мышцъ, копытъ, чтѣ за многообразие способностей, качествъ, догадокъ! Напр. Чевкинъ, (нашъ будущій Premier) завѣдывающій всѣми путями самаго беспутнаго государства въ мірѣ, путями безъ воды (т. е. каналами) и съ водой (т. е. шоссе), завѣдуетъ еще сверхъ того, путями прогулокъ въ саду принадлежащемъ *дому* главнаго управленія путями сообщенія. Самъ Чевкинъ, разсматриваетъ, обсуживаетъ и взвѣшиваетъ представляемые ему смотрителемъ дома списки желающихъ гулять въ этомъ саду. Нынѣшнее лѣто, когда былъ поданъ списокъ, въ которомъ между прочими знатными чинами помѣщено было одно купеческое семейство, онъ противъ всѣхъ написалъ "разрѣшаю" а противъ купеческаго семейства отмѣтилъ, "нельзя".

Повѣрятъ-ли этому въ Европѣ?

КОНЧИНА ДОБРОЛЮБОВА.

Опять намъ приходится занести въ нашу хронику раннюю смерть — энергическій писатель, неумолимый діалектъ и одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ публицистовъ русскихъ — *Добролюбовъ*, похороненъ на дняхъ на Волковомъ кладбищѣ возлѣ своего великаго предшественника *Бѣлинскаго*. Говорятъ что Добролюбову было только 25 лѣтъ.

— *Декарь Озерскій и его сообщники.*—Прибавлять къ разсказу, отъ котораго становится волосъ дыбомъ, помѣщенному въ прошломъ *Колоколъ* — нечего. Тутъ все ужасно, все вызываетъ на мечь, отъ соленыхъ розогъ, отъ ударовъ ногами въ умирающаго, до шайки полицейски-судебныхъ плутовъ, скрывшихъ преступленіе, оправдавшихъ злодѣя-лекаря. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей (и въ особенности одного изъ нихъ—министра внутреннихъ дѣлъ *Валуева*) на тотъ замѣчательный фактъ, что наше правительство инстинктивно сознаетъ свою круговую поруку съ каждымъ подлымъ преступникомъ, и прикрываетъ своей баграницей каждое злодѣйство. Это чрезвычайно замѣчательно и оригинально. Понятно, что юстиціи Панина и администраціи *Валуева* мало дѣла до того, согласна она съ нами въ мнѣніи или нѣтъ. Но когда мы или кто-то ни было говорить, — вотъ въ орловской губерніи, почтенный докторъ медицины *Гутцейтъ* изнасилывалъ ребенка и весь уѣздъ это знаетъ, — вотъ еще больше почтенный докторъ *полиціи* *Сычинскій*, до смерти замучилъ несчастную жертву *Марію Бредау*, вотъ штабъ-докторъ *Озерскій*, убилъ своего повара, съ жестокостью неслыханной у дикихъ и слѣдопроизводители : стряпчій *Иваничкій*, исправникъ *Троцкій*, писмоводитель *Соломаха* и лекарь *Петровскій* скрыли это, и *Озерскій* не на каторгѣ, а спокойно живетъ возлѣ трупа своего повара — какое казалось бы дѣло правительству откуда оно получаетъ вѣсть о совершенномъ преступленіи? Неужели Панинъ, съ его ростомъ, считаетъ, что иногда можно насиловать и дѣтей, или *Валуевъ* съ его краснорѣчіемъ, что можно забивать поваровъ до смерти?

Къ чему можно отнести, эту не пробиваемую шкуру носорога на совѣсти нашихъ управителей? Неужели въ нихъ нѣтъ тѣни человѣческаго сочувствія—къ страждущимъ?

Рѣшайте сами этотъ вопросъ какъ знаете, а я знаю одно, что ни наша статья, ни это замѣчаніе не помѣшаютъ лекарю *Озерскому*, преспокойно обѣдать на трупѣ своего повара.

И на это то правительство люди надѣются!

— *Квартетъ Крылова.*— Иностранныя газеты до того рукоплещутъ тому, что лица сѣзжающіяся теперь въ комитетъ министровъ, будутъ сѣзжаться въ совѣтъ, что ультра-католическій журналъ въ Парижѣ получилъ нахлобучку. *Le Nord* находитъ, что это начало конституціи, *Times*, что это конецъ абсолютизма. Кто-то дипломатически съострилъ, говоря : “ До сихъ поръ въ Россіи были министры, теперь есть министерство.” Вѣчные скептики, мы и этому совѣту не вѣримъ. Въ чемъ-же будетъ состоять единство этихъ господъ, взятыхъ больше чѣмъ случаемъ, произволомъ, и притомъ не вновь назначенныхъ, а прежнихъ. Чтó общаго между отсталымъ, не знающимъ ни вѣка, ни жизни, бюрокрагомъ и доктринеромъ—прямолинейнымъ Панинымъ и криволинейнымъ Чевкинымъ, между ветхимъ преступленіемъ *Муравьевымъ* и молодымъ силами *Милютынымъ*? Развѣ то, что они всѣ не имѣютъ ничего общаго, кромѣ того, что не знуютъ морскаго министра *Краббе*.

Нѣтъ господа... какъ не садитесь
Вы въ музыканты не годитесь.

ПРОДАЮТСЯ :

БЫЛОЕ И ДУМЫ, томъ II, Часть III и IV (1839—1847). Глава XIX. Княгиня и Княжна. Глава XX. Сирота. Глава XXI. Разлука. Глава XXII. Въ Москвѣ безъ меня. Глава XXIII. Третье Марта и Девятое Мая 1838 года. Глава XXIV. 13 Юня 1839 года. Глава XXV. Диссонансъ—Новый кругъ—Отчаянный гегелизмъ — В. Бѣлинскій, М. Бакунинъ и пр. — Ссора съ Бѣлинскимъ и миръ—Новгородскіе споры съ дамой—Кругъ Станкевича. Глава XXVI. Предостереженія—Герольдія—Канцелярія министра—III отдѣленіе—Исторія будочника — Генералъ Дуббельтъ — Графъ Бенкендорфъ — Ольга Александровна Жеребцова — Вторая ссылка. Глава XXVII. Губернское правленіе—Я у себя подъ надзоромъ — Духоборцы и Павелъ — Отечественная власть помѣщиковъ и помѣщицъ—Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія, Канibalское слѣдствіе. Отставка. Глава XXVIII. Grubeley—Москва послѣ ссылки—Покровское—Смерть Матвѣя—Герей Іоаннъ. Глава XXIX. Наши, московской кругъ — Застольная бесѣда — Западники. Глава XXX. Не наши, славянофилы и панславизмъ—Хомяковъ, Кирѣевскіе, К. Аксаковъ—П. Я. Чаадаевъ. Глава XXXI. Кончина моего отца—Наслѣдство—Дѣлежъ — Два племянника. Глава XXXII. Последняя повѣдка въ Соколово — Теоретическій разрывъ—Натянутое положеніе—Dahin! Dahin! Глава XXXIII. Частный приставъ въ должности камердиера, Оберъ-полицмейстеръ Кокошкинъ — “Безпорядокъ въ порядкѣ”—Еще разъ Дуббельтъ—Паспортъ. Цѣна 8s.

ПЕЧАТАЮТСЯ :

СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ III (о Скопцахъ).
ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, кн. IV. Второе изданіе.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

СЪ НАЧАЛА БУДУЩАГО ГОДА МЫ ПРИБАВЛЯЕМЪ КЪ *КОЛОКОЛУ* ЛИСТОКЪ *ОБЪЯВЛЕНІЙ*. ПРИГЛАШАЕМЪ ВСѢХЪ ЖЕЛАЮЩИХЪ ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ ИМЪ, АДРЕССОВАТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ ОБЪЯВЛЕНІЙ, S. TCHORZEWSKI, 1, MACCLESFIELD STREET, GERRARD STREET, SOHO, W И ВЪ ВОЛЬНУЮ РУССКУЮ ТИПОГРАФІЮ, 136 & 138, CALEDONIAN ROAD, LONDON, N.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЬ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВЪЗДѢ

VIVOS VOCO!

Выходитъ еженедѣльно въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи, 136 & 138 Caledonian
Road, N.

ЛИСТЪ 117.

22 Декабря 1861.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price six-pence.

ОГЛАВЛЕНІЕ—Гоненіе на крымскихъ татаръ—Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II—еще о дремучемъ дѣлѣ.

ГОНЕНІЕ НА КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ.

Гоненіе на крымскихъ татаръ началось во время послѣдней войны. По полученіи извѣстія о высадкѣ союзниковъ, таврической губернаторъ послалъ чиновника Максимовича съ сотнею казаковъ для наблюденія за татарами въ евпаторійскомъ уѣздѣ. Максимовичъ съ казаками началъ наказывать и грабить во всѣхъ деревняхъ, казаки насиловали женщинъ, въ деревнѣ Тшей забили 7 человекъ и при этомъ объявляли, что съ приходомъ русскихъ войскъ всѣ татары будутъ перебиты. Въ это время явилась прокламація Сентъ-Арно, обѣщавшая татарамъ полное покровительство — 20,000 татаръ евпаторійскаго уѣзда перешли къ союзникамъ. По прибытіи 4го пѣхотнаго корпуса, который, не преслѣдуя татаръ, проходилъ черезъ Крымъ въ Севастополь, татары успокоились и большое число ихъ начало возвращаться изъ Евпаторіи—вѣроятно также и вслѣдствіе дурнаго обращенія съ ними турокъ или затрудненія прокормить ихъ въ Евпаторіи. Обратное движеніе татаръ въ скоромъ времени было остановлено жестокими наказаніями, которымъ они подвергались въ отрядѣ генерала Корфа, гдѣ, безъ всякаго разбирательства, одинаково строго обращались какъ съ виновными, такъ и съ тѣми, которые сами приводили виновныхъ начальству; тѣхъ и другихъ, безъ различія, наказывали нагайками и переселяли къ сѣверу отъ Перекопа. Свѣденія эти, говоритъ Тотлебенъ, въ своей запискѣ, подтверждаются помѣщиками евпаторійскаго уѣзда, которые предложили мнѣ (Тотлебену) для большаго убѣжденія въ истинѣ обратиться къ свитѣ е. в. ген. майору Волкову и ген.-ад. князю Радзивилу, состоявшимъ при отрядѣ Корфа. Казачьи патрули, говорится въ запискѣ Лашкарева, разъѣжая по губерніи, безпрестанно захватывали татаръ, подъ предлогомъ ихъ намѣренія перейти къ непріятелю, и заставляли окупаться или представляли какъ измѣнниковъ. Едва зажиточный татаринъ выходилъ за деревню, хотя-бы за водой, его караулилъ казакъ и бралъ на арканъ, требуя отъ 10 до 50 р. с. и болѣе, смотря по состоянію, подъ угрозой въ противномъ случаѣ представить какъ перебитчика. Кто не могъ, или, увѣренный въ своей невинности — надѣялся, что она будетъ уважена выше — предавался высшему начальству, которое, не имѣя возможности и времени разбирать дѣло, а склонное скорѣе предполагать въ инновѣрцѣ

дѣйствительность измѣны, отправляло всѣхъ безъ разбора за предѣлы Крыма. Впослѣдствіи, правда, были объ нихъ комисіи—но арестанты не могли представить ни свидѣтелей, ни доказательствъ, да и казаки, взявшие ихъ, были уже далеко. Такимъ образомъ, и по настоящее время множество татаръ находится въ губерніяхъ Орловской, Курской, Полтавской, Екатеринославской и Херсонской.

Общее мнѣніе всѣхъ, знающихъ Крымъ, единогласно говоритъ въ пользу татаръ. Это народъ тихій, покорный, неимѣющій никакихъ предубѣжденій противъ русскаго правительства, несмотря на всѣ угнетенія, народъ, никогда не думавшій о переходѣ къ инновѣрцамъ и далеко не изувѣрный. Во время самой войны онъ не измѣнилъ Россіи, за исключеніемъ выше разсказанныхъ случаевъ; даже въ грабежахъ Керчи и т. п. онъ участвовалъ меньше самихъ русскихъ и никакъ не больше армянъ, грековъ, евреевъ и прочихъ туземцевъ. Уходъ многихъ татаръ изъ Крыма вмѣстѣ съ союзникомъ объясняется болѣе страхомъ передъ правительствомъ, чѣмъ ненавистью къ нему. Но по окончаніи войны правительство сообразило, что инородное и инновѣрное населеніе береговъ Чернаго моря, а особенно Крыма, можетъ быть опасно въ случаѣ новой войны, и что надо принять мѣры къ заселенію этого края русскими, или по крайней мѣрѣ, болгарами. Поэтому запрещено было отклонять татаръ и ногайцевъ отъ переселенія въ Турцію, и велѣно обратить все вниманіе на выдачу имъ безпрепятственно свѣденій, необходимыхъ для получения заграничныхъ паспортовъ. Такія распоряженія, идучи обыкновеннымъ канцелярскимъ порядкомъ, передавались все ниже и ниже въ волостныя и сельскія правленія—и татары узнали вдругъ что правительство *не принуждаетъ* ихъ оставаться въ Россіи. Комментаріи къ этому объявленію свободы явиться не замедлили. Спекулянты, русскіе, греки, армяне, занимающіеся скупкой земель, писаря, которымъ хотѣлось заработать цѣлковый за написаніе просьбы о выдачѣ заграничнаго паспорта, землевладѣльцы, желавшіе округлить имѣніе—всѣ бросились къ татарамъ, и мигомъ разнеслась вѣсть, что тѣхъ, кто не выселится въ Турцію, переведутъ во внутрь Россіи, въ Оренбургскую губернію. Ксгати, въ томъ-же 1856 г. учреждена была въ Мелитополѣ новая епархія и

пошли слухи о перекрещиваніи татаръ въ христіанство, а за тѣмъ, по покореніи Дагестана, во всѣхъ газетахъ было обнародовано объ учрежденіи общества для обращенія магометанъ на Кавказѣ. Тутъ-же появились какіе-то лица, неизвѣстно кѣмъ и откуда посланные, разносившія воззванія къ правовѣрнымъ переселяться въ Турцію. Что это было сдѣлано не турецкимъ правительствомъ, а какимъ-то другимъ, оказалось впоследствии, когда Турція стала просить объ остановкѣ переселенцевъ, которыхъ она не ждала и не желала. Она и теперь готова выслать назадъ и погайцевъ, обвѣщанныхъ русскими крестами за службу, и крымскихъ татаръ, умирающихъ въ Турціи чуть не съ голоду—но русское правительство не хочетъ ихъ принимать.

Въ Сентябрѣ 1859 г., едва открылось движеніе между татарами, чиновникъ особыхъ порученій при Муравьевѣ, Лашкаревъ, бывший тогда въ Крыму, донесъ что до 1800 семействъ еодосійскаго уѣзда, проживающихъ на владѣльческихъ земляхъ, готовятся къ переселенію, и представилъ что вредно будетъ для края, если они стануть уходить цѣлыми деревнями, а не отдѣльными лицами. На запросъ Зеленаго у воен.-губ. Жуковского и ген. губ. Строгонова, находившихся тогда въ Петербургѣ, было-ли у нихъ секретное предписаніе о выселеніи татаръ, оба отозвались что была высоч. воля “не препятствовать ни тайному, ни явному переселенію татаръ въ Турцію.” Затѣмъ получено было донесеніе исправляющаго должность управляющаго таврической палатой государственныхъ имуществъ ст. сов. Пацукевича отъ 30 Сент. 1859 о подобномъ-же движеніи въ другихъ волостяхъ еодосійскаго уѣзда, съ замѣчаніемъ, что ему содѣйствовало переселеніе въ Турцію закубанскихъ горцевъ черезъ Керчь и слухи распушенные спекулянтами. Пацукевичъ испрашивалъ указаній какимъ порядкомъ должно совершиться переселеніе и объяснялъ: 1) что переселеніе большими массами гибельно для страны, 2) что переселяться хотягъ не только помѣщичьи, но и казенные крестьяне, 3) что тайное переселеніе въ большихъ размѣрахъ невозможно, а явнаго нельзя остановить, 4) что замѣвъ татаръ русскими будетъ стоить большихъ потерь. Отъ того-же числа управляющій палатой просилъ Муравьева снабдить его предписаніемъ: 1) подчинить-ли переселяющихся общимъ правиламъ по полученію паспортовъ, т. е. уплатѣ 3-хъ-годовой подати, долговъ и недоимокъ, 2) дозволить-ли имѣющимъ собственную землю продавать ее или обращать въ казну. Муравьевъ, 19 Окт. доложилъ эту бумагу государю, и государь велѣлъ внести ее въ комитетъ министровъ. Въ исходѣ Октября Муравьевъ получилъ: 1) письмо ген.-лейт. Ладенскаго отъ 10 Окт., что еодосійскіе татары не засѣвають полей и спрашиваютъ, правда-ли что ихъ хотять выселить внутрь Россіи. Онъ объяснялъ что выселеніе ихъ изъ Крыма было-бы вредно, такъ какъ русскіе, по свойству края, по недостатку водопоевъ, не захотять идти въ Крымъ и т. п. 2) Донесеніе Лашкарева отъ 14 Окт., что не фанатизмъ, но злоупотребленія властей и владѣльцевъ, а также и слухи о намѣреніи правительства перевести татаръ изъ Крыма произвели настоящее движеніе. 3) Донесеніе управляющаго палатой отъ 11 Окт. въ томъ-же смыслѣ, съ ходатайствомъ о дозволеніи переселять желающихъ съ помѣщичьихъ земель на казенныя, съ условіемъ уплаты за нихъ оброка.

Ни на одно изъ этихъ представленій Муравьевъ не далъ отвѣта; только отказалъ татарамъ селиться на казенныхъ земляхъ въ Таврической губерніи, а предоставилъ, если пожелаютъ, селиться въ Астраханской, Оренбургской и Самарской. Только 5 Ноября внесена въ комитетъ министровъ записка по вопросамъ управляющаго палатой отъ 30 Сентября съ объясненіемъ: 1) Что Строгоновъ, съ которымъ Муравьевъ входилъ въ сношенія, отозвался, что онъ разрѣшилъ начальнику губерніи не принимать никакихъ мѣръ къ удержанію татаръ, тѣмъ болѣе, что этимъ достигается цѣль правительства заселить край русскими, и 2) что Муравьевъ полагалъ-бы не препятствовать отдѣльному переселенію за границу на основаніи общихъ законовъ, и выдачу паспортовъ производить съ разрѣшенія начальника края. Стало, вовсе не было обращено вниманія на представленія объ опасности для Крыма отъ выселенія татаръ и на необходимость категорическаго разрѣшенія вопросовъ управляющаго палатой. Комитетъ одобрилъ мнѣніе Муравьева, положеніе его было утверждено 1 Дек., а 10 Дек. сообщено Строгонову.

Строгоновъ донесъ отъ 27 Ноября, что слухи о переселеніи будто-бы прекратились, между тѣмъ Лашкаревъ въ это-же время писалъ, что движеніе началось и между погайцами, которые уже переняли хозяйство у менописцовъ и стали заводить у себя русскія школы. Лашкаревъ просилъ ускорить разрѣшеніемъ на вопросы Пацукевича отъ 30 Сент. Въ томъ-же письмѣ получено было и донесеніе Пацукевича, слѣдуетъ-ли разрѣшать переселеніе или нѣтъ; при этомъ онъ представлялъ, что обложеніе погайцевъ оброчною податью слѣдуетъ отложить на 3 года. 11 Декабря Лашкаревъ доносилъ Муравьеву что евпаторійскимъ татарамъ не выдано того пособія по случаю раззоренія войною, какое имъ было обѣщано, а выдано только 24 р. страховаго за разрушенныя дома, тогда какъ обѣщано было еще 25 р. на дворъ. Что русскимъ въ сѣверныхъ округахъ, воспользовавшимся продажей своихъ произведеній во время войны, было даровано на 5 р. 29½ к. льготъ, а въ Крыму на 7 р. 6. коп., татарамъ-же, раззореннымъ до основанія, которые даже и поправиться не могли по неразрѣшенію министерствомъ вопроса — селиться-ли имъ на прежнихъ мѣстахъ, льготъ дано всего на 1 р. 78 к. На эти представленія Пацукевичу дано знать, что онъ свои соображенія долженъ былъ представить сперва на заключеніе начальника губерніи, а Лашкареву, что онъ долженъ быть осторожнымъ, относительно возбужденія въ татарахъ надеждъ на пособіе, и что настоящій предметъ не составляетъ цѣли его командировки. Начальнику губерніи сообщены списки съ представленій о переселеніи погайцевъ, съ указаніемъ на положеніе комитета министровъ. 2 Января 1860 получено Муравьевымъ конфиденціальное письмо Лашкарева отъ 14 Декабря, въ слѣдствіе словесно переданаго Лашкареву Жуковскимъ приказанія Муравьева “менѣе соболѣзновать о татарахъ.” Онъ сожалѣеть, что его взглядъ не нравиться Муравьеву, но объясняетъ, что онъ, какъ честный человѣкъ, не можетъ его скрывать отъ своего начальника и проситъ обратить вниманіе на тѣ основанія, которыя побуждаютъ его признавать несправедливымъ дурное мнѣніе о татарахъ и считать необходимымъ отклоненіе ихъ отъ переселенія въ Турцію; переселеніе массами, по его словамъ, погубитъ край, явное переселеніе должно сопровождаться сложеніемъ съ остающихся податей за убылыхъ; исчисляеть

потери въ податяхъ; говорить, что движеніе можетъ распространиться на все магометанское населеніе Россіи. Наконецъ, онъ указываетъ, что нельзя надѣяться на большой успѣхъ въ заселеніи Крыма русскими и предлагаетъ ограничиться выселеніемъ только тѣхъ татаръ, которые идутъ въ Турцію изъ фанатизма, а на мѣсто ихъ поселить русскихъ, которые придутъ въ небольшомъ количествѣ и, свыкнувшись съ краемъ, будутъ полезны въ послѣдствіи. Лашкареву дано знать, отъ 27 Января 1860, чтобъ онъ *меньше занимался татарами*.

26 Января получено отношеніе отъ Строгонова, въ которомъ говорилось о поступленіи просьбъ отъ 74 ногайскихъ семействъ о переселеніи въ Турцію и прибавлялось, что хотя переселяться разрѣшено только татарамъ, но что Строгоновъ полагалъ-бы не стѣснять и ногайцевъ въ этомъ желаніи; если только нѣсколько семействъ ихъ переселится, то, онъ увѣренъ, что подобно татарамъ, бѣжавшимъ во время поины за-границу, они будутъ просить о дозволеніи воротиться на родину. На это Муравьевъ, секретнымъ отношеніемъ отъ 29 Января 1860, увѣдомилъ Строгонова, что онъ съ его мнѣніемъ согласенъ.

21 Марта 1860, Муравьевъ входилъ съ докладомъ 1) — что по увѣдомленію отъ Строгонова, крымскіе татары, извѣстившись о равнодушномъ приѣмѣ ихъ турецкимъ правительствомъ, оставили прежнее намѣреніе переселяться; 2) что Строгоновъ ходатайствуетъ о *запрещеніи* татарамъ возвращаться въ Россію, а губернаторъ испрашиваетъ разрѣшенія ограничить ихъ выходъ 1/10 населенія каждаго сельскаго общества, и 3) что признавая полезнымъ запрещеніе возврата, онъ (Муравьевъ) сообщилъ Горчакову, чтобъ русскіе дипломатическіе агенты не дѣлали помѣты на паспортахъ возвращающихся. Чтб-же касается до ограниченія переселенія 1/10, то онъ (Муравьевъ) по телеграфу предоставилъ это на распоряженіе Строгонова—хлопотавшаго о полномъ изгнаніи татаръ, а съ себя снялъ отвѣтственность.

Докладомъ 11 Апрѣля 1860, Муравьевъ, повторяя все предъидущее, доводитъ до свѣденія Александра Николаевича, 1) о полученіи увѣдомленія Горчакова, что наша миссія въ Константинополь не можетъ отказывать въ помѣтѣ паспортовъ на проѣздъ въ Россію крымскимъ татарамъ, которые сдѣлались турецкими подданными, 2) что онъ разрѣшилъ Шацкевичу покупать въ казну собственныя татарскія земли и немедленно принимать въ казенное управленіе общественныя. По обоимъ этимъ докладамъ распоряженія *высочайше одобрены*.

Около того же времени доставили Муравьеву записку таврическаго помѣщика Шатилова, который, признавая пользу замѣна татарскаго населенія другимъ, полагаетъ однакожь необходимость ограничить переселеніе извѣстною цифрою въ годъ и ускорить привлеченіемъ новаго населенія. Въслѣдствіе этого писано 6 Апрѣля 1860, Строгонову, что полезно-бы внушить татарамъ, что возвращающихся изъ Турціи будутъ переселять во внутреннія губерніи. На это Строгоновъ отвѣчалъ, что такое внушеніе подтвердитъ слухи будто правительство желало выселенія татаръ внутрь Россіи и выселеніе въ Турцію усилятся. Поэтому, ему разрѣшено дѣйствовать по личному усмотрѣнію. Но 25 Мая съ высочайшаго соизволенія внесены въ комитетъ министровъ докладъ, коимъ разрѣшено: 1) предварять переселяющихся татаръ, что возвращеніе на родину не будетъ дозволено; 2), Отказывать татарамъ, переселяю-

щимся въ Турцію, въ засвидѣтельствованіи паспортовъ на возвращеніе въ Россію; 3) въ случаѣ возвращенія безъ разрѣшенія татаръ, продавшихъ свои земли въ Крыму, не позволять имъ водворяться, а высылать ихъ въ губерніи: Екатеринославскую, Саратовскую, Самарскую, Вицкую, Воронежскую, Новгородскую.

20 Июля, Зеленый докладывалъ государю, что выселилось уже до 10,000 человекъ, и подобно ожидать, что въ теченіи года выйдетъ вдвое больше, что къ приобрѣтенію татарскихъ земель приступлено,—одни только землевладѣльцы несутъ неознаградимыя потери. Государь, *одобрилъ предположенія*, приказалъ представить въ слѣдующій докладъ о вспоможеніи землевладѣльцамъ и 28 Июля велѣлъ командировать изъ 5го корпуса 1000 человекъ нижнихъ чиновъ для вспоможенія владѣльцамъ въ уборкѣ произведеній. Предположеніе Зеленаго о *переселеніи государственныхъ крестьянъ на владѣльческія земли* въ Крыму, (какимъ образомъ?) комитетомъ министровъ одобрено, и Зеленый испросилъ высочайшее соизволеніе на возложеніе ближайшихъ распоряженій на мѣстѣ по этому дѣлу на директора 1го департамента государственныхъ имуществъ Гернгросса и на отъ рытіе ему кредита въ Симферополь на 50,000 р. с. на покупку земель съ возвратомъ изъ хозяйственнаго капитала. 25 Августа въслѣдствіе представленія Гернгросса, Зеленый испросилъ высочайшее соизволеніе на увеличеніе 2 годами льготъ переселяющимся на помѣщичьи земли въ Крыму и на выдачу по 100 р. на семейство. Въ другомъ докладѣ, того-же 25 Августа, сказано, что выбыло 60,000 татаръ, а куплено 4 500 десят.; что Гернгроссъ полагалъ *необходимымъ* выпустить *всѣхъ* татаръ, съ чѣмъ не соглашался губернаторъ; что вызвано переселенцевъ изъ 5 губерній по 200 семействъ и что дальнѣйшею покупкою земель по мнѣнію Гернгросса *сплшитъ не слѣдовало*, такъ какъ подъ поселеніе достаточно общественныхъ земель.

Этотъ Гернгроссъ, не зная ничего ни о татарахъ, ни о Крымѣ, въ нѣсколько дней объѣхалъ часть полуострова и вездѣ говорилъ о бесполезности татарскаго населенія и необходимости не останавливать его выхода; равно что заселеніе края можетъ быть произведено въ короткое время, и что министерствомъ государственныхъ имуществъ уже приняты всѣ мѣры къ тому. Въ собраніи уѣздныхъ предводителей дворянства и дворянъ, приглашенныхъ губернаторомъ, онъ объявилъ: что государь императоръ полагаетъ "счастливой случайностью" выселеніе татаръ, съ которымъ возстановляется будущее благоденствіе края, такъ долго задержанное въ своемъ процвѣтаніи. Татаринъ Махметъ-Бей Балатуховъ, владѣтель 40,000 десятищъ земли и человекъ весьма преданный престолу, отецъ котораго въ 1812 командовалъ татарскими полками, выслушалъ эти слова, записалъ ихъ и, получивъ утвердительный отвѣтъ на вопросъ, такъ-ли онъ понимаетъ ихъ, сказалъ, "послѣ этого и долженъ оставить Россію."

Гернгросса, обличеннаго, какъ полагаютъ, особенною властью (какъ и самъ онъ выдавалъ) грудно было убѣдить, что ему надо сперва изучить страну, а не ускорять выходъ съ первыхъ же дней приѣзда. Ему скоро впрочемъ пришлось увидѣть, что, не смотря на все желаніе угодить Муравьеву, съ Крымомъ нельзя дѣлать всего, что вздумается—600 русскихъ крестьянъ, прибывшихъ въ Перекопъ, отказались селиться на владѣльческихъ земляхъ, какъ ихъ не увѣщевалъ Гернгроссъ. Видя неудачу

заселения 4/5 Крыма, лучшей его части, принадлежащей владѣльцамъ, Гернгросъ сталъ говорить, что нужно предварительно ограничиться заселеніемъ казенныхъ земель—а помѣщики будутъ нанимать себѣ работниковъ изъ поселенцевъ!

20 Сентября внесена въ комитетъ министровъ записка Строгонова о заселеніи Крымскаго полуострова *нѣмцами* съ мнѣніемъ объ этомъ Зеленаго; записка о ходѣ колонизации въ Россіи и представленіе Муравьева по всеподданѣйшему прошенію крымскаго дворянства. Комитетъ, не отвергая пользу привлеченія въ Крымъ иностранцевъ, призналъ однако необходимымъ дѣлать ихъ водвореніе не цѣлыми массами, а отдѣльными деревнями между русскими, или же фермами или хуторами, и чтобы во всѣхъ отношеніяхъ они были подчинены не отдѣльному отъ прочихъ сословіи, а общему мѣстному управленію. Въ необходимости привлеченія въ Крымъ иностранцевъ, комитетъ убѣждался еще невозможностью въ скоромъ времени заселить его русскими, вызовъ-же тутъ поселенцевъ, выходящихъ изъ крѣпостнаго состоянія, онъ въ настоящее время признавалъ неудобнымъ, а потому пахотилъ нужнымъ, чтобы на ряду съ мѣрами переселенія въ Крымъ государственныхъ крестьянъ, были-бы устроены облегчительныя условія для водворенія въ ономъ иностранцевъ. И вотъ, правительство вытѣснило изъ Крыма преданное ему татарское населеніе съ тѣмъ, чтобы заселить въ Крыму русскихъ—и только когда не стало 100,000 татаръ, догадалось оно, что русскіе въ Крымъ не пойдутъ. Въмѣсто преданныхъ ему татаръ въ Крыму явятся тоже преданные нѣмцы; но спрашивается, какой Крымъ выгоднѣе для Россіи—татарскій или нѣмецкая-шварцзенская провинція? Гдѣ скорѣй водворяется русский элементъ—между татарами или между нѣмцами? Правила о водвореніи иностранцевъ въ Крыму положено сообразить съ высочайшемъ указомъ 7 Юля 1860 г. о новыхъ правахъ иностранцевъ, постоянно и временно проживающихъ въ Россіи, и *видами стратегическими*.

Къ довершенію этого разочарованія правительства въ легкости заселить Крымъ, появилась записка Тотлебена, составленная имъ на мѣстѣ и ярко описывавшая все неблаго-родство и всю нецѣлность дѣйствій правительства въ отношеніи къ татарамъ. Эта записка была передана въ комитетъ министровъ съ объясненіями по ней Муравьева и съ соображеніями Ланскаго, а также мнѣніе Ланскаго по предложенію Строгонова уже не стѣснять возвращенія татаръ, и письмо Строгонова о причинахъ выселенія татаръ. Комитетъ положилъ: 1) остановить выселеніе татаръ, тѣмъ болѣе, что горные, гдѣ исключительныи промыселъ садоводство, а потому *еще труднѣе замѣнить настоящее население новымъ*; 2) послать въ Крымъ довѣренное лицо (князя Васильчикова) которое убѣдило-бы татаръ, что правительство, разрешая переселеніе отдѣльнымъ лицамъ, *совсе не имѣло въ виду побуждать къ тому (!)*. По журналу 29 Ноября 1860, комитетъ сдѣлалъ распоряженіе объ истребованіи отъ кого слѣдуетъ объясненій по разнымъ указаннымъ въ запискѣ Тотлебена злоупотребленіямъ Гернгросса относительно объявленій о намѣреніяхъ правительства, равно какъ и объясненія Муравьева по прочимъ предметамъ. Чтѣ-же касается до самаго хода дѣла, породившаго настоящія плачевныя событія, то комитетъ, признавая, что было много недоразумѣній и несовмѣстныхъ распоряженій со стороны *мѣстнаго начальства (!)*, но руководствуясь словами е. в., “что прошедшаго не воротить,” полагалъ ограничиться

порученіемъ генераль-адъютанту князю Васильчикову раз-узнять совершенно частнымъ образомъ на мѣстѣ, на какомъ основаніи въ 1860 г. былъ оглашенъ отзывъ о татарахъ, послѣдовавшій еще въ 1856.

Итакъ комитетъ свалилъ всю вину на мѣстное начальство, которое, какъ выше было показано, въ лицѣ губернатора Жуковскаго и управляющаго палатой гос. им. Пацукевича, столько разъ представляло Муравьеву и Строгонову о вредѣ изгнанія татаръ. Но Муравьевъ и Строгоновъ хотѣли угодить Александру Николаевичу—и вотъ, когда записка Тотлебена раскрыла гибельныя послѣдствія ихъ распоряженій, Муравьевъ, чтобы выпутаться сталъ, *лгать*.

Такъ въ объясненіи на записку Тотлебена онъ говоритъ, что о стѣсненіи татаръ владѣльцами и чиновниками, онъ узналъ только изъ донесенія чиновника Савицкаго въ *Юль 1860*—тогда какъ объ этомъ говорится въ письмѣ Лашкарева отъ 14 Декабря 1859, въ донесеніи его отъ 14 Октября 1859 и въ донесеніи Пацукевича отъ 11 Октября 1859.—Муравьевъ говоритъ, что татары не жаловались, что ихъ обложили налогомъ за право пользованія лѣсомъ въ ихъ собственныхъ дачахъ, хотя и сознается, что были жалобы деревень: Бюнь и Кучугъ-Керменчикъ, Улусала и Авдяшкой, но называетъ эти жалобы *частными(?)*. Изъ дѣлъ Лѣснаго Департамента видно, что ему и въ 1859 и въ 1860 г. доносили, что татары не могутъ понять хозяйничанья лѣсныхъ въ лѣсахъ, которые они считаютъ своею собственностью и на которые имѣютъ планы генеральнаго межеванія, въ коихъ дачи названы принадлежащими татарамъ; а тѣмъ болѣе имъ непоцѣтенъ лѣсной налогъ, доходящій мѣстами до половины стоимости десятины лѣса, еслибы ее купить въ собственность. Въ Январѣ 1860, Лашкаревъ писалъ ему: что разбивки въ Крыму крестьянскихъ лѣсовъ на лѣсоцѣпки и обложеніе ихъ налогомъ производитъ ропотъ между татарами; что татары жалуются, что ихъ наряжаютъ на лѣсныя работы, на окапываніе лѣсовъ канавами и постройку стражническихъ домовъ и что эти работы въ размѣрѣ превосходятъ число дней, опредѣленное 573 ст. Устава Лѣснаго.

Стараясь свалить вину переселенія татаръ на пригнѣсенія землевладѣльцевъ, Муравьевъ говоритъ, что большая часть ушедшихъ татаръ проживала на владѣльческихъ земляхъ—тогда какъ татаръ, жившихъ на помѣщичьихъ земляхъ, около 43,500 душъ, а жившихъ на казенныхъ 42,500 душъ. Изъ этихъ 42,500 душъ было 28,000 погайцевъ, начивавшихъ уже вводить у себя западный способъ обработки земли и заводить школы. Если обратиться къ численному отношенію, существовавшему между поселеніемъ земель владѣльческихъ и казенныхъ, то окажется, что на первыхъ проживало $\frac{2}{3}$ всего населенія и стало бытъ, съ казенныхъ ушло больше чѣмъ съ владѣльческихъ. Изъ такой-то лжи и мелкихъ увертокъ, которыхъ не стоило выписывать, состоитъ объясненіе министра государственныхъ имуществъ въ опустошеніи цѣлаго края, въ событіи, которое прибавляетъ еще одну страницу къ исторіи царствованія Александра Николаевича и его министровъ.

Чтобы понять всю преступность правительственныхъ распоряженій, замѣтимъ, что изъ 241,000 душъ магометанскаго населенія Крыма—ушло 100,000. Вотъ что писало, въ Сентябрѣ 1860 г., гаврическое дворянство Ланскому: “Вся степная часть полуострова уже представляетъ видъ

пустыни : села безъ жителей, поля не вспаханы и нѣтъ сомнѣнія, что съ будущею весною, горная часть, въ которой движеніе татаръ относительно къ степной еще мало замѣтно, представить ту-же пустынную картину. Потери, понесенныя правительствомъ и частными владѣльцами, огромны—цифры уже теперь представляютъ цифры потерь, понесенныхъ въ минувшую войну. Будущность имъ представляется еще ужаснѣе, и недалѣе, какъ въ слѣдующемъ году, владѣльцы и остающаяся часть населенія не въ состояніи будутъ исполнять ни денежной, ни натуральной повинности. Доказательствомъ потерь частныхъ владѣльцевъ служить упадокъ цѣнъ на поземельную собственность съ 20—на 6 и на 3 р. за десятину. Едва-ли самая кровопролитная война, общій голодъ или моровая язва могли-бы въ столь короткое время обезлюдить край—его опустошило, самую администрацію ускоренное, переселеніе татаръ. Одно только заселеніе страны съ такою-же быстротою, съ какою она опустѣла, могла-бы спасти ихъ и правительство отъ угрожающихъ убытковъ и бѣдствій.—Замѣтитъ ушедшихъ въ 4 мѣсяца татаръ такимъ-же числомъ казенныхъ крестьянъ и въ столько-же времени, въ сколько первые вышли, невозможно безъ огромныхъ пожертвованій и въ людяхъ и въ деньгахъ. Не менѣе важно и то обстоятельство, что предполагаемое переселеніе не можетъ быть успѣшно, ибо едва-ли казенный крестьянинъ согласится добровольно идти на помѣщичью землю, если ему будутъ представлены льготы, едва выходящая изъ предѣловъ тѣхъ, которыя по существующимъ узаконеніямъ даруются при переселеніи на казенныя земли.”

А въ Крыму 3/5 земель принадлежатъ частнымъ владѣльцамъ; казенныхъ только 1/5, преимущественно въ сѣверной части полуострова, гдѣ одни солончаки. Сверхъ того, русскіе, которымъ самая мысль жить не на своей землѣ ненавистна, тѣмъ болѣе не пойдутъ въ Крымъ, что тамъ даже и у казенныхъ крестьянъ часто нѣтъ пашбищъ и они должны брать ихъ на аренду у помѣщиковъ. Казенныя земли, годныя къ воздѣлыванію, попадаются такими мелкими лоскутами, что деревня казенныхъ татаръ часто стояла на владѣльческомъ участкѣ, а земли приходилось по 1 десятинѣ на душу. Всѣхъ собственно крестьянскихъ земель было до переселенія 403,709 десятинъ. Герингросъ купилъ въ казну 4,500, Пацукевичъ приобрѣлъ сверхъ того 13,000 д.,—остальное скупилъ владѣльцы и спекулянты изъ армянъ и грековъ. Даже въ этомъ Муравьевъ оказалъ свою неспособность ко всякому толковому дѣлу; если-бы всѣ крестьянскія земли обратились въ казенныя, тогда по крайней мѣрѣ Крымъ не былъ-бы закрытъ для русскихъ крестьянъ. По милости Муравьева, государству въ будущемъ предстоитъ тяжелая операція выкупа цѣлой страны у ея землевладѣльцевъ-помѣщиковъ.

Между прочимъ Муравьевъ въ настоящее время губитъ своими распоряженіями двѣ страны. На Амурѣ идетъ насильственное заселеніе, со всѣми гибельными послѣдствіями для переселенцевъ, которыхъ насильно перегоняютъ изъ края въ край, только потому, что министру г. п. показалось нужнымъ выхлопотать, чтобы Александръ Николаевичъ не утвердилъ проекта Муравьева-Амурскаго “о допущеніи свободнаго переселенія на Амуръ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ и безъ малѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ ограниченія”, и добиться, не извѣстно зачѣмъ, дозволенія заселять его по своимъ распо-

ряженіямъ, плоды которыхъ всѣмъ хорошо извѣстны. Такъ и съ Крымомъ, несущимъ на себѣ слѣды его распоряженій, на которыя недавно ѣздилъ любоваться Александръ Николаевичъ. Выходъ Крыму одинъ—или сдѣлаться нѣмецкой колоніей, или—притокомъ всѣхъ гонимыхъ, безпаспортныхъ, бѣглыхъ, сектантовъ и т. п. Пусть правительство объявитъ, что за Перекопомъ не требуется ни вѣры, ни паспорта. Люди, которые готовы припяться за все на свѣтѣ и жить гдѣ угодно, только-бы не умереть съ голоду, рады будутъ броситься и на садоводство и на фермерство, и Крымъ быстро поправится ими. Они сами выкупятъ его у его теперешнихъ владѣльцевъ, а, судя потому какъ они ведутъ себя въ Сибири, владѣльцы не будутъ обижены ими. Но правительство этого не сдѣлаетъ, а черезъ нѣсколько времени существованіе безпаспортныхъ и гонимыхъ за вѣру останется только въ преданіи. Крыму предстоитъ быть нѣмецкимъ, въ слѣдствіе стратегическихъ соображеній Александра Николаевича и его Муравьева. Муравьевъ, злоупотребившій довѣріемъ государя пзъ желанія ему подслужиться, подлежитъ верховному уголовному суду, за совершеніе измѣны—отторженіе отъ государства его провинцій.

Татары плакали, разставаясь съ Крымомъ, брали по горсти земли съ отцовскихъ могилъ и со словами : “мы 60 лѣтъ ѣли русскій хлѣбъ, дай богъ здоровья русскому царю!” покидали родные берега.—А въ Турціи ждали ихъ бѣдность, голодъ и—отъ султана 15 к. с. въ недѣлю милостыни нищимъ, безнадежно скитавшимся по константинопольскимъ улицамъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОНЕНІЯ СТУДЕНТОВЪ ПРИ

АЛЕКСАНДРѢ II.

VII.

Докладная записка

МОСКОВСКОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА.

Е. П. Г. МОСКОВСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ ПРЕДВОДИТЕЛЮ ДВОРЯНСТВА
ПЕТРУ ПЕТРОВИЧУ ВОЕЙКОВУ

отъ дворянъ, слушающихъ лекціи въ императорскомъ московскомъ университетѣ,

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА.

12 Октября, на улицахъ московскихъ, студенты университета нашего подверглись открытому нападенію и всякаго рода оскорбленіямъ, среди бѣлаго дня, со стороны полиціи и жандармовъ. Лично оскорбленные при этомъ, мы рѣшились обратиться къ вашему превосходительству, какъ къ представителю дворянскаго сословія, къ которому мы имѣемъ честь принадлежать, чтобы объяснить вамъ ходъ всего дѣла и просить васъ повергнуть на разсмотрѣніе государя императора противозаконныя поступки полиціи, дабы описаніе этого дѣла дошло до него въ настоящемъ видѣ. Съ этой цѣлью мы представляемъ вашему превосходительству краткое изложеніе происшествій, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся.

Закрытіе С. Петербургскаго университета было первою причиною того ряда недоразумѣній, который такъ трагически кончился катастрофою 12 Октября. Закрытіе это вызвало сперва безпорядочную вспышку 27 Сентября, которая имѣла послѣдствіемъ закрытіе первыхъ двухъ курсовъ юридическаго факультета. За тѣмъ послѣдовалъ болѣе благоразумный образъ дѣйствія—появилось желаніе обратиться къ государю импе-

ратору съ почтительною просьбою объ открытіи С. Петербургскаго университета и объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ стѣснительныхъ правилъ, вызвавшихъ волненіе между студентами. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній составленъ былъ проектъ прошенія, который былъ одобренъ студентами и высшимъ начальствомъ, послѣднее обнадежило студентовъ въ томъ, что прошеніе это будетъ принято, за отсутствіемъ попечителя, помощникомъ его, и что само высшее начальство будетъ ходатайствовать предъ государемъ императоромъ объ исполненіи ихъ просьбы. Въ надеждѣ на это обѣщаніе студенты прекратили сходки и было приступлено къ собиранію подписки подъ это прошеніе.

Въ это самое время пріѣхалъ попечитель московскаго учебнаго округа Николай Васильевичъ Исаковъ, который отказался не только принять прошеніе, но и прочесть его; отказъ этотъ произвелъ новое волненіе между студентами, причемъ неудовольствіе выразилось довольно рѣзко и необдуманно.

Въ ночь съ 11 на 12 число послѣдовали многочисленные аресты; въ числѣ арестованныхъ были и люди не участвовавшіе ни въ какихъ сходкахъ.

12 Октября по утру, студенты, по всегдашнему, собрались въ университетъ, какъ вдругъ разнесся слухъ, что ночью, неизвѣстно за что, схвачено по квартирамъ до 20 человекъ студентовъ. Эта вѣсть сильно огорчила всѣхъ. Желая ближе узнать какъ причины, такъ и подробности этого происшествія, студенты стали мало по малу стекаться на университетскій дворъ, гдѣ всякій приходившій приносилъ имъ новыя свѣденія объ этомъ происшествіи. Такъ собралось ихъ до 600 человекъ; они обратились было къ попечителю съ просьбою объяснить имъ причину этихъ арестовъ, но онъ отказался дать имъ какое-бы то ни было объясненіе по этому предмету. Пока студенты въ раздумьи стояли на дворѣ, не зная что предпринять, пришло приказаніе отъ генераль-губернатора прислать къ нему студента Гжицкаго. Тутъ раздались голоса "проводимъ и мы его, и узнаемъ объ участи товарищей нашихъ," и толпа безъ дальнѣйшаго разсужденія тронулась по направленію къ дому генераль-губернатора. Поступокъ этотъ былъ неостороженъ, но никому не пришло въ голову, что такое дѣйствіе могло быть принято за демонстрацію. Зная расположеніе къ нимъ генераль-губернатора, не однократно высказавшееся въ словахъ и на дѣлѣ; помня, что полиція за нѣсколько дней не помѣшала шествію ихъ на могилу профессора Грановскаго, въ числѣ быть можетъ 500 человекъ,—студенты были твердо убѣждены, что пока они будутъ вести себя тихо и воздерживаться отъ всякаго шума и беспорядка, полиція ихъ не тронетъ и по этому они рѣшились идти, соблюдая совершенную тишину. Едва студенты вышли со двора и направились по Моховой улицѣ, какъ полиція и жандармы, скрывавшіеся въ Манежѣ, вышли и послѣдовали за ними. Студенты прошли въ совершенной тишинѣ Моховую улицу и Тверскую, никто изъ начальства, какъ университетскаго, такъ и городскаго, не обратился къ нимъ съ приглашеніемъ разойтись; полиція не препятствовала ихъ шествію. Наконецъ они вышли на тверскую площадь и остановились передъ домомъ генераль-губернатора. Четыре человека было отправлено къ генераль-губернатору съ просьбою объявить имъ причину ареста товарищей. Пока посланные просили о дозволеніи видѣться съ генераль-губерна-

торомъ, полиція и жандармы, шедшіе позади, вышли на площадь и окружили студентовъ съ трехъ сторонъ. Послѣ этого они рѣшились отрѣзать ихъ отъ дома генераль-губернатора. Студенты, которые до тѣхъ поръ стояли передъ домомъ въ совершенной тишинѣ, ожидая возвращенія посланныхъ, увидѣли себя окруженными. Не желая быть отрѣзанными отъ своихъ товарищей, которые, какъ они полагали, излагаютъ въ это время генераль-губернатору ихъ просьбы, они рѣшились не давать себя отгѣснить и объявили объ этомъ жандармскому офицеру, который въ это время старался ворваться съ своими солдатами между ими и домомъ генераль-губернатора. Офицеръ, не желавшій подвергнуться неприятностямъ при нападеніи жандармовъ на студентовъ, отступилъ на нѣсколько шаговъ и потомъ крикнулъ солдатамъ: "хватай! вяжи!" По этому сигналу нѣшіе жандармы и полиція мгновенно устремились на студентовъ, начали бить и хватать ихъ. Начался страшный беспорядокъ; одни бѣжали, другіе сдавались безъ сопротивленія, а остальные, раздраженные вѣроломнымъ поступкомъ полиціи, которая *разу не прилашала ихъ разойтись*, сопротивлялись нападавшимъ. Къ полиціи и нѣшимъ жандармамъ присоединились и копные, которые до тѣхъ поръ скрывались на дворѣ тверской части. На свистъ хожалыхъ, изъ всѣхъ домовъ выскочили дворники и мужики, заранѣе приготовленные, которые съ крикомъ и ругательствами устремились за бѣгущими. Началась ужасная травля по всѣмъ улицамъ города; гдѣ только показывалась студенческая фуражка, полиція и жандармы устремлялись на несчастныя жертвы и били ихъ безчеловѣчнымъ образомъ. Конные жандармы на полномъ скаку нагоняли студентовъ, хватили ихъ за шиворотъ или за волосы, и продолжая скакать, волочили ихъ за собою, такъ что ноги ихъ стучали по камнямъ. Въ народѣ былъ распушенъ слухъ, что студенты возстали на царя и хотятъ убить генераль-губернатора: "какъ? на государя?" ревелъ народъ, "на клочки разорвемъ!" Былъ распушенъ и другой слухъ, будто студенты требуютъ возвращенія крѣпостнаго права и наконецъ многіе изъ народа увѣрены были, что всѣ студенты—поляки, которые возстаютъ противъ государя и преслѣдовали ихъ на этомъ основаніи.

Наконецъ шумъ началъ утихать. Студенты, разсѣянные, окруженные со всѣхъ сторонъ полиціею и жандармами, избитые, многіе изувѣченные, были приволочены въ тверскую часть. Комнатъ далеко не хватило для помѣщенія всѣхъ пойманныхъ, число которыхъ, вмѣстѣ съ пойманными на улицахъ и бульварахъ, доходило до 400. Всѣ они были загнаны на дворъ тверской части, ихъ окружили жандармами и полиціею, но и тѣ и другіе были скоро замѣнены регулярными войсками, состоявшими изъ гренадерскихъ и армейскихъ кадровъ. Тутъ только обнаружили слѣды энергическихъ мѣръ, къ которымъ полиція прибѣгла безъ всякаго повода со стороны студентовъ. Избитые, съ разорванною одеждою, стояли они отъ 11 часовъ утра до полудня на открытомъ воздухѣ, при сырой осенней погодѣ, ничего не ѣвши. Между ними раздавались стоны раненыхъ. Кромѣ студентовъ пришедшихъ къ генераль-губернатору просить за своихъ товарищей, кромѣ пойманныхъ на улицахъ, при выходѣ изъ домовъ и на бульварахъ, было схвачено много лицъ, не принадлежащихъ вовсе къ университету, изъ которыхъ нѣкоторые, не смотря на то, не избѣгли побоевъ. Хотя большая часть студентовъ была выпущена въ слѣдующіе за тѣмъ дни, тѣмъ

не менѣе осталось еще нѣсколько десятковъ человѣкъ, которые до сихъ поръ сидятъ въ частяхъ.*

Заключая описаніе печальныхъ происшествій 12 Октября, мы еще разъ обращаемся къ вашему превосходительству съ покорнѣйшею просьбою : довести до свѣденія государя императора все происшедшее.

Подлинное подписано 20 дворянами студентами, потерпѣвшими 12 Октября оскорбленія отъ полиціи.

Сверхъ того студенты московскаго университета подали адрессъ государю, они его отдали флигель-адъютанту Рылѣеву, въ Петербургѣ, куда нарочно ѣздили за тѣмъ ихъ депутаты. Рылѣевъ увѣрилъ ихъ, что отдастъ государю адрессъ. Сколько мы знаемъ, Рылѣевъ порядочный человѣкъ, носитъ великое имя и сверхъ того, снѣ поступалъ не по апраксински, въ крестьянскомъ дѣлѣ.

ЕЩЕ О ДРЕМУЧЕМЪ ДѢЛѢ.

Въ 1857 году, въ лѣсномъ департаментѣ министерства государственныхъ имуществъ, производилось дѣло (№.21), на 378 листахъ, "О командированіи чиновника Волковскаго въ и. Тыкоцинъ и Сероцкъ для принятія и сплава въ С. Петербургъ 19 мачтовыхъ деревьевъ, отобранныхъ отъ иностранца Бугенгагена изъ вырубленнаго имъ въ Бѣловѣжской пушчѣ лѣса." Изъ этого дѣла видно, что Бугенгагенъ, при содѣйствіи лѣсничихъ, вывезъ за границу, подъ видомъ фаутиныхъ, лучшія большемѣрныя сосновые деревья изъ казенныхъ лѣсовъ Минской и изъ Бѣловѣжской пушчи, Гродненской губерніи.

Законъ запрещаетъ продажу за границу казенныхъ лѣсовъ и дозволяетъ отпускать за границу лѣсъ только изъ губерній Архангельской, Вологодской и Олонецкой (Лѣсной Уставъ, изд. 1857, ст. 669). Но въ 1844 году высочайше разрѣшена изъ казенныхъ дачъ западныхъ губерній продажа для заграничнаго отпуска перестойныхъ, валежныхъ, негодныхъ для флота всѣхъ родовъ деревьевъ, съ тѣмъ, чтобы это не обратилось въ новый источникъ кражъ и злоупотребленій

Съ тѣхъ поръ (т. е. съ 1844 г.) лѣсопромышленность въ этихъ губерніяхъ была въ рукахъ мѣстныхъ евреевъ ; но, въ 1854 году, иностранецъ Бугенгагенъ † заключилъ съ лѣснымъ департаментомъ противозаконный контрактъ на покупку 60,000 строевыхъ сосновыхъ деревьевъ. Вотъ копія съ этого контракта :

Тысяча восемьсотъ пятьдесятъ четвертаго года, Октября тридцатаго дня, иностранный гость К. Ф. А. Бугенгагенъ заключилъ сей контрактъ съ лѣснымъ департаментомъ на покупку лѣса изъ Бѣловѣжской пушчи на слѣдующихъ условіяхъ : ‡

1) Предоставляется право Бугенгагену купить по цѣнамъ, въ утвержденной на сей годъ таксѣ означеннымъ, съ надбавкою къ онымъ одного процента, сосновый строевой лѣсъ, въ нижней части ствола вырубкою кусковъ древесины повреж-

* Во время схватки нѣсколько студентовъ вбѣгали къ генераль-губернатору и просили прекратить это избиеніе, но онъ вмѣсто отвѣта спрашивалъ ихъ фамиліи и приказывалъ арестовать.

† Собственно Самуилъ Симундъ, бывший русскій еврей, перешедшій потомъ въ прусское подданство, основавшій въ Данцигѣ торговый домъ подъ фирмою Бугенгагенъ и Ко.

‡ Бугенгагенъ, какъ непринявшій подданство Россіи и потому не состоящій въ гильдіи по точнымъ словамъ 8 и 175 ст. Торгов. Устава (Св. Зак. ; т. XI) не могъ вступать въ обязательство съ казною.

депный и назначенный къ вырубкѣ съ пня въ числѣ шестидесяти тысячъ деревь изъ Бѣловѣжской пушчи въ теченіи пяти лѣтъ, начиная съ 1 Сентября 1855 года.

2) Иностранный гость Бугенгагенъ обязанъ купить и все количество строеваго* растущаго сосноваго лѣса, если въ теченіи срока покупки таковой будетъ назначенъ къ вырубкѣ изъ Бѣловѣжской пушчи по цѣнамъ, установленнымъ общею губернской таксою съ надбавкою къ нимъ за таковой поврежденный лѣсъ по два процента. Равнымъ образомъ казна предъ продажею дровъ или другого рода лѣснаго матеріала предъявляетъ Бугенгагену, не пожелаетъ-ли онъ приобрести сей матеріалъ и только въ случаѣ отказа его продаетъ сей лѣсъ другимъ.

3) Въ счетъ пятилѣтняго къ вырубкѣ лѣса срока считать всѣ безъ исключенія года, такъ, чтобы съ послѣднимъ — вырубка всего назначеннаго по сему контракту лѣса была окончена, но если корабли не будутъ имѣть свободнаго хода въ Англію и Голландію, то дозволяется Бугенгагену заготовленный лѣсъ, подъ личною его отвѣтственностію за сохранность, оставить въ предѣлахъ пушчи не болѣе какъ на два года по окончаніи операціи, съ тѣмъ чтобы таковой лѣсъ былъ сложенъ въ мѣстахъ не представляющихъ препятствія для заготовки лѣса другими промышленниками ; срокъ пятилѣтній можетъ быть продленъ только въ случаяхъ указанныхъ въ Св. Зак. Гражд. Т. X, ст. 1701, пунктъ 5

4) Для обезпеченія казны въ дѣйствительной каждагодно вырубкѣ опредѣленнаго по сему контракту строеваго лѣса, Бугенгагенъ представляетъ въ задатокъ для хранения впредъ до окончанія срока десять тысячъ р. с

5) Бугенгагену не возбраняется въ оной періодъ рубки заготавливать менѣе, *въ другой - же годъ болѣе* двѣнадцати тысячъ деревь, лишь бы въ пять лѣтъ вырубить всѣ 60,000 купленныхъ деревь, но поенныя деньги уплачивать каждагодно предъ вывозкою, по количеству дѣйствительной рубки до начала другого періода.

6) Заготовка лѣса должна производиться по распоряженію и средствами самого покупателя, подъ присмотромъ лѣсничихъ и лѣсной стражи ; что-же касается до отвращенія своевольства наимаемыхъ покупщикомъ бракарей и рабочихъ, то онъ, Бугенгагенъ отвѣтствуетъ за нихъ, если-бы они рубили лѣсъ не тотъ, какой по оклейменію лѣсничими назначенъ былъ, равно какъ и при отдѣленіи фаутиныхъ частей, рабочіе обязаны не иначе приступать къ тому какъ по указанію и распоряженію лѣсничаго.

7) Заготовку лѣса производить ежегодно въ установленный 785 ст. Лѣсн. Уст. срокъ, съ 1го Сентября по 1е Марта, по указаніямъ мѣстныхъ лѣсничихъ и по предварительномъ клейменіи ими обще съ бракерами деревь ; самую-же рубку производить поочередно не болѣе какъ въ шести кварталахъ вдругъ въ каждомъ лѣсничествѣ, переходъ изъ однихъ кварталовъ въ другіе для рубки лѣса дозволяется, если въ оныхъ не останется годныхъ и слѣдующихъ къ рубкѣ деревь и въ такомъ случаѣ, хотя-бы неокончена была вывозка первыхъ.

8) Вывозку лѣса къ мѣстамъ сплава слѣдуетъ окончивать ежегодно не позже какъ къ 1му Мая.

9) Для свалки деревь употреблять преимущественно пилу, но не возбраняется однако рубить и топоромъ.

* Противно высочайше утвержденному положенію комитета министровъ 28 Ноября 1844 года.

10) При оставлять сколь можно меньшіе и отнюдь не свыше 10 вершковъ надъ землею.

11) На уборку вершинъ, сучьевъ и щепы обязанъ Бугенгагенъ уплатить мѣстнымъ лѣсничимъ при общемъ расчетѣ въ попенныхъ деньгахъ по 10 коп. сер. съ каждаго принятаго имъ бревна и сверхъ того съ каждой вершины, признаваемой годною къ употребленію, въ случаѣ занятія имъ оной въ свою пользу по 20 коп. сер., о количествѣ конхъ обязывается представить вѣдомость не позже 1го Марта года рубки.*

12) При срубкѣ деревъ не должны быть повреждаемы другія деревья, не предназначенныя къ рубкѣ; за всякое же нарочное поврежденіе или истребленіе виновные подвергаются отвѣтственности по законамъ; но за порчу лѣса, произшедшую не по винѣ промышленника, его рабочихъ или бракероу при свалкѣ деревъ или вывозкѣ ихъ, покупателя взысканію не подвергать.

13) Срубленныя строевыя деревья слѣдуетъ нумеровать и измѣрить по длинѣ и по толщинѣ верхняго отруба мѣстными лѣсничими при лѣсной стражѣ и въ присутствіи покупателя, или повѣреннаго отъ него, безъ всякаго промедленія, равномерно и отдѣленіе вершинъ производится по указанію лѣсничаго, отвѣтствующаго за всякое излишнее увеличеніе вершинъ, чрезъ что сокращается размѣръ деревъ, а съ нимъ цѣнность лѣса, нумеръ и размѣръ деревъ лѣсничему вносить въ книгу, по коей сдавать покупателю на мѣстахъ сплава не ранѣе какъ по окончаніи и свидѣтельствваніи всей заготовки.

14) Свидѣтельство производить мѣстными лѣсничими при стражѣ въ присутствіи покупателя или его повѣреннаго.

15) Наблюдать, чтобы послѣ срубки, деревья складывались въ правильныя штабели или катища, и чтобы въ одномъ штабелѣ или катищѣ не было ихъ разной длины, а также чтобы верхніе концы были въ одну сторону, а концы въ другую.

16) Плату денегъ за лѣсъ взыскивать съ покупателя мѣстными лѣсничими, по окончаніи годичной вырубкы и освидѣтельствваніи лѣсныхъ матеріаловъ на основаніи 5 и 13 пунктовъ сихъ условій.

17) Въ приемъ отъ покупателя денегъ будутъ выдаваемы лѣсничими квитанціи за надлежащими нумерами на простой бумагѣ.

18) Продаваемый лѣсъ дозволяется покупателю сплавить за границу куда ему угодно.

19) Необходимыя мелкіе лѣсные матеріалы дозволеннаго рода и размѣра для сплачиванія дерева въ плоты будутъ отпущены покупателю безденежно изъ ближайшихъ къ рѣкамъ мѣстъ и на самыхъ купленныхъ деревьяхъ представляется Бугенгагену по 4 вершка льготныхъ съ каждаго конца для вколачиванія гвоздей на ушко.

20) При складкѣ лѣса на берегахъ для сплачиванія онаго въ плоты, соблюдать въ точности, предписанныя въ ст. 391, 392 и 398 Св. З. Т. XII, Уст. Пут. Сообщ., правила по сему предмету; въ случаѣ желанія покупателями складывать лѣсъ на казенныхъ земляхъ будутъ отведены ему благовременно удобныя для того мѣста при берегахъ рѣкъ; въ противномъ-же случаѣ покупатель обязанъ приискывать самъ таковыя.

* Вершины деревъ, сучья и щепы оставались въ лѣсу въ противность 790 ст. Лѣснаго устава (Св. Зак. Т. VIII.)

21) Обдѣлку деревъ дозволяется производить въ лѣсу* на мѣстахъ рубки, но съ тѣмъ, чтобы сортименты заготовлялись сообразно съ качествомъ и размѣрами лѣса, дабы отъ лучшаго матеріала можно было извлечь большія выгоды, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и менѣе пригодный матеріалъ не оставался безъ принесенія пользы для казны; попенныя-же деньги будутъ взыскиваться по разстоянію отъ рѣкъ, считая отъ края квартала, гдѣ произведена рубка, къ ближайшей рѣкѣ, до пункта, гдѣ она начинаетъ быть сплавною по плану въ прямой линіи, при чемъ плата исчисляетъ по естественной толщинѣ деревъ въ верхнемъ отрубѣ, а не обтескѣ ихъ въ брусья, для чего самая обдѣлка должна производиться такимъ образомъ, чтобы деревья ни въ какомъ случаѣ не лишились свойственныхъ имъ размѣровъ, къ достиженію чего въ верхнемъ отрубѣ деревъ оставлять при обдѣлкѣ брусья у угловъ слѣды первобытнаго съ корою округленія: у прямаго дерева на четырехъ углахъ, а у непрямоугольнаго, или имѣющаго неправильную круглость, по крайней мѣрѣ съ двухъ противоположныхъ сторонъ; сверхъ-же попенныхъ денегъ уплачивать и установленныя закономъ однопроцентныя деньги на книги и вспомогательный капиталъ лѣсной стражи. Относительно же длины, когда необходимо будетъ по роду и качеству фаутнаго большемѣрнаго лѣса заготовить 3хъ саженой мѣры брусъ, не прежде приступать къ заготовкѣ какъ по предварительномъ измѣреніи и оклейменіи его лѣсничими особымъ клеймомъ съ выставленіемъ на немъ особаго отъ общаго счета нумера съ опредѣленіемъ какую именно часть его признаетъ годною къ обдѣлкѣ и какая за тѣмъ должна быть отрублена по случаю фаутности.

22) Покупщикъ обязанъ взять весь строевой лѣсъ какой ему будетъ отведенъ на всѣхъ разстояніяхъ отъ рѣкъ, съ тѣмъ, чтобы таковой лѣсъ былъ въ такой степени здоровъ, что пригоденъ для заграничной торговли, исключая деревъ негодныхъ къ строенію, ситоватыхъ, нискосучныхъ, съ толстою оболонью, гнилосучныхъ и вообще подвергшихся порчѣ, бракъ коихъ дозволяется бракерамъ Бугенгагена только на пиѣ; по срубкѣ-же хотя-бы таковыя и оказались съ фаутами, онъ обязанъ уплатить казнѣ попенныя деньги, какъ за деревья годныя, при чемъ воспрещается промышленнику и его бракерамъ браковать деревья годныя на строеніе, начиная съ трехъ саженой длины и 7^{мъ} вершковой толщины въ огрубѣ, а также тѣ фаутныя изъ коихъ можно сдѣлать брусъ не менѣе трехъ саженой длины 7^{мъ} вершковыхъ толщины; меньшихъ-же размѣровъ онъ брать не обязанъ.†

(Оковчаніе въ слѣдующемъ листѣ).

* Противю 965 ст. Улож. о наказаніяхъ и циркулярному предписанію мив. госуд. имущ. (по 1-му д-ту), 25 Ноября 1839 г.

† Бугенгагенъ объяснялъ, что на основаніи 22 пункта онъ купилъ здоровый лѣсъ; въ 1-мъ пунктѣ контракта сказано, что онъ купилъ основной строевой лѣсъ въ нижней части ствола вырубкою кусковъ древесины поврежденной. А на основаніи ст. 1523 Св. Зак. Т. X, условия договора д. б. опредѣлительны и ясны и въ особенности не клонятся къ казенному убытку.

ПЕЧАТАЮТСЯ :

СБОРНИКЪ О РАСКОЛЬНИКАХЪ, Выпускъ III (о Скопцахъ).

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, кн. IV. Второе изданіе.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1861

№ 89.—1 Января.

На новый годъ. Кончина князя Сергія Петровича Трубецкаго. Гонение христіанъ папскихъ, христіанами полицейскими. Тимашевъ и Бейстъ.

№ 90.—15 Января.

К. С. Аксаковъ. Циркуляръ питейнаго министерства. Варварство на "Пластунъ". Профессоръ П. В. Павловъ и Тимашевка. Смѣсь: Еще о г. Глушковѣ. Строгоновъ и Александръ II противъ азбуки. Уральская пѣсня. Тимашествующій Чевкипъ. Семейныя добродѣтели Николаевцевъ. Фишеръ за парке. Покореніе Колокола. Приглашеніе.

№ 91.—1 Февраля.

Превинціальныя Университеты. Нарвская революція и рукопашный Кававьякъ-Смирновъ. Прошеніе студентовъ Кіевской академіи. Смѣсь: Злодѣйства Долгорукова. Крайне нужно. Одесную и Ошую. Императрица Марія Александровна. Допосъ.

№ 92.—15 Февраля.

Сто пятнадцать офицеровъ. Просьба М. В. Петрашевскаго. Смѣсь: Сенатскія арестантскія роты. П. Михайлъ Николаевичъ принимается за дѣло. Каковъ поинъ, таковъ и приходъ. Уничтоженіе правъ дарованныхъ Остзейскимъ губерніямъ. Козель и осеть. Клоповникъ. Воропежской помѣщикъ.

№ 93.—1 Марта.

На канунѣ. Проектъ положенія о присяжныхъ повѣренныхъ. Просьба М. В. Петрашевскаго (окончаніе). Смѣсь: Вѣрные исполнители высочайшей воли. Переселеніе крестьянъ на болото. Последнее убежище изгнанниковъ закрыто. Заговоръ противъ имп. австрійскаго. Допосъ С. П. Вѣдомостей на Морской Сборникъ. Фрегатъ Генераль-Адмиралъ и швабра. Черный архіерей и бѣлый араповъ въ Пензѣ. Харьков. студентамъ. Салическій законъ въ Моск. Университетѣ. Изъ Тюдиса. Языковъ дирек. правовѣденія. Ценсурные Зуавы. Еще о крестьянскомъ дѣлѣ. Освобожденіе крестьянъ.

№ 94.—15 Марта.

Духу не достало! Vivat Polonia! Присяжные повѣренные. Статсъ-секретарь Каринцкій. Плугъ уступаетъ эксельбанту. Madame Шпейеръ. 15 Марта послѣднія новости.

№ 95.—1 Апрѣля.

Манифестъ. Панихида въ Петербургѣ. Смерть Г. Шевченка. Кабинетъ Е. И. В. Циркуляръ Ковалевскаго. Арбеневъ и Смирнозы. Исправительныя письма. Смѣсь: День страха. Розги и плети, употребляемыя международно. Орлы, львы и генераль-басъ. Мухановъ съ Вислы уѣхалъ. Et tot Вите. Редакторамъ журналовъ въ Россіи. Приглашеніе

№ 96.—15 Апрѣля.

10 Апрѣля 1861. Начало освобожденія. Кабинетъ (окончаніе). Листъ шпіоновъ и Нордъ. Смѣсь: Новые мѣха. Плетневъ. Пятидесятилѣтіе Вяземскаго. Шестаковъ. Въ защиту г. Каринцкаго. Присланныя деньги.

№ 97.—1 Мая.

Mater Dolorosa. Гарibaldi и Колоколъ. Оновѣренныхъ (продолженіе). Муравьевъ fils. Смѣсь: Басаргинъ. Рейтерпъ. Мухановъ и Александръ II. Уроки географіи и консулъ Бергеръ. У Кокорева свой Хрулевъ. Изъ Спб. Вѣдомостей. Ю. Н. Голицынъ. Н. В. Пироговъ и пр.

№ 98 & 99.—15 Мая.

Русская кровь льется. Отеческій совѣтъ. Присяжные повѣренные (окончаніе). Промеморія Адлерберга Sen. Мормонизмъ въ Черниговѣ. Бюджетъ на 1850 годъ. Смѣсь: Управляющій Компанейчиковъ. Духовные и свѣтскіе доносы. Гоненіе на университеты. Секретный манифестъ. Василчикова и Рейнгартъ. Финляндская конституція. Пгнатъевъ. Арцимовичъ и Бутковъ. Buona notte. Министръ Лапской. Телеграфъ.

№ 100.—1 Іюня.

Отъ издателей. Мартирологъ крестьянъ. Нужны-ли розги? (отвѣтъ моряку). Н. В. Пироговъ. Смѣсь: Братья Рыльскіе. Солдатская пѣсня. Паткуль и горячія розги. Превосходительный дактиль. Ей просвѣщеніе! Гисъ! Гисъ! Инвизиція Строгонова. Духъ сигаръ. Галаганъ. Слухъ. Конституція. Поправка.

№ 101.—15 Іюня.

Положенія. 12 Апрѣля 1861. С. Кочубей. Чортковъ. Жадовскіе. Смѣсь: Раскольничьи попы. Васильчикова. Невскія героини. Іоакимъ Мелевель. Апраксинъ и Гурко. Иркутская дуэль. Къ Полякамъ. Поэтъ Сырокомля. Крайне нужно. Отъ издателей.

№ 102.—1 Іюля.

Что нужно народу? Петербургскій Университетъ. Разграбленіе Тутолминской больницы. Смѣсь: Убіиства въ пензенской губерніи. Графъ Евдокимовъ. Надулъ! Прогрессъ цензуры. А. Салтыковъ. Правда-ли. Откупщики гвериліасы. Дѣти загрызенныя крысами. Профессоръ Шаповъ. Апраксинъ и Бездна. В. Аскочинскій. Отъ Издателей.

№ 103.—15 Іюля.

Польша и Россія. Новое крѣпостное право. Денешя Дрепьякина. Смѣсь: Архіерейскіе слуги. Изъ Орла. А. В. Поджіо и его племянники. Мировые посредники. Крестный ходъ. Книга К. С. Аксакова. Петиціи за барщину и пр.

№. 104.—1 Августа.

Новое крепостное право. Уральские казаки. Смесь: Храбрый Дренякинъ. Распятіе казачьихъ бородъ. Отъ издателей.

№. 105.—15 Августа.

Заводите Типографіи! Ископаемый епископъ. Новое крепостное право (продолженіе). Въ защиту помѣщика Ольхина. Смесь: Гродненскій полицмейстеръ и порядокъ. Разбой въ большакахъ. Свирыпый Феофлактъ. Аскачипскій II. Заговоръ.

№. 106.—1 Сентября.

Новое крепостное право (окончаніе). Русскіе побѣдители въ Сувалкахъ. Смесь: Мракобѣсїе цензуры. Путятинъ молчитъ. Попечитель Исаковъ. Игуменья Алексѣевскаго монастыря въ Москвѣ. Новгородъ и Іерусалимъ. Лейбъ-правосудіе и лейбъ-гвардія. Неутѣшная вдова. А. Н. Татариновъ. Московская университетская библіотека. Берлинское изданіе Стихотвореній А. Пушкина г. Р. Вагнера. Отъ редакціи.

№. 107.—15 Сентября.

Repetitio est mater studiorum. Отвѣтъ “Великоруссу”. Празднованіе соединенія Литвы съ Польшей въ Ковно. Смесь: Купецъ Д. Пиликинъ и Огаревъ пермскій. Генералъ Филипсонъ. Почтовые чиновники. Съ кѣмъ Литва? Могла Копарскаго. Великоруссъ.

№. 108.—1 Октября.

Отвѣтъ на отвѣтъ “Великоруссу”. Дремучее дѣло. Смесь: Васильевъ и Назимовъ. Подметныя письма. Генералъ Лихонинъ. Къ хроникѣ прогресса. Cuniculum vitæ Ламберта. Хлѣбъ новой жизни. Полный надѣлъ землею. Паткуль и Колоколь. Увѣдомленіе.

№. 109.—15 Октября.

Письмо къ русскому послу въ Лондонѣ. Объ устройствѣ евреевъ. Муравьевъ-амурскій и его поклонники. Акцизный откупъ въ гродненской губерніи. Наши консулы. “Великоруссъ 2”. Смесь: Крестьянскія дѣла. Николай l'oiseleur. Олегъ и Андреевъ. За что Путятинъ? Нѣмцы радуются. Петербургскій университетъ закрытъ! Мухановъ-товарищъ. Полякамъ въ Гевуѣ. Гладинъ и Игнатъевъ. Г. Чилевъ. Главное общество желѣзныхъ дорогъ.

№. 110.—1 Ноября.

Исполниль просынается. Правительственныя проекты. Дебюты Путятина. Шляхетныя статьи и нисьма въ русскихъ журналахъ. Смесь: О прикрѣ-

пленіи крестьянъ къ свободѣ. Ветвицкій и Пгнатъевъ. Клевета на поляковъ. Великоруссъ въ учебной Москвѣ. Консульство и Н. Огаревъ. Артиллерія и Лицей. Извѣщеніе.

№. 111.—8 Ноября.

Преображенцы и студенты. Что надо дѣлать войску. Замѣтки офицера. Смесь: Еще о Брутахъ III Отдѣленія Изъ Ковно. Изъ Петербурга. Оскорбленіе бѣдности и подлая месть. Засѣченный до смерти крестьянинъ.

№. 112.—15 Ноября.

Третья кровь. Студентское дѣло. Адрессы въ Москвѣ. Спасеніе цензуры въ Москвѣ. Новый судъ въ Ковлѣ. Смесь: Назимовскій терроръ въ Бѣлостокѣ. Запросъ шляхтѣ. Съѣли или не съѣли? Подробности о 12/24 Октябрѣ. Шуваловская эманципація женщинъ. Валувевъ. Война съ Дамами.

№. 113.—22 Ноября.

Бакупинъ свободенъ. Студентскія избиенія. Московская бойня студентовъ. Адрессъ не подписанный московскими литераторами. Къ біографіи Игнатъева-Мальковскаго. Православіе, артиллерія и трауръ Смесь: Въ защиту г. Сафоновича. Изъ Петербурга. Изъ Ковно. Контръ-адмиралъ Унковскій. Брадке и Левашевъ. Адрессъ Польскихъ дамъ.

№. 114.—1 Декабря.

Адрессъ гражданскихъ чиновниковъ. Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II. Смесь: Изъ земли войска донскаго. Дамы и преображенцы. Правительственныя убійства въ подольской губерніи. Лисовскій здравствуетъ. Лебедевъ. Извѣщеніе.

№. 115.—8 Декабря.

Что нужно помѣщикамъ? Великоруссъ III. Непоказанный убійца Озерскій

№. 116.—15 Декабря.

Оклеветанный графъ. По поводу письма изъ Волыни. Матеріалы для исторіи гоненія студентовъ при Александрѣ II. Правительственныя проекты (продолженіе). Смесь: Благодушный монархъ. Мировой посредникъ. Шуваловцы въ Кронштадтѣ. Notre premierre premier. Кончина Добролюбова. Лекаръ Озерскій и его сообщники. Квартетъ Крылова. Объявленіе.

№. 117.—22 Декабря.

Гоненіе на крымскихъ татаръ. Матеріалы для исторіи студентовъ при Александрѣ II. Еще о дремучемъ дѣлѣ.

ПОДЪ СУДЪ!

№. 11—1 Августа.

Князевичъ дамскій докторъ и Игнатъевъ его помощникъ. Данзасъ и Мосоловъ. За Гамален.

№. 12.—1 Октября.

Мертвое тѣло. Введеніе крепостнаго права въ Мингрели Бутковымъ. Откупное дѣло въ Шуѣ.